LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY OF CALIFORNIA.
GIFT OF
J. A. Maiersky
Class

Годъ XII-й. № 11-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

НОЯБРЬ

1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. П. И. ЧАЙКОВСКІЙ. Къ 10-й годовщинѣ со дня его смерти (24-го октября 1893 года). **Виктора Вальтера** 1
2. ЧЕЛОВѢКЪ. Повѣсть. (Продолженіе). **Семена Юшкевича.** 35
3. НОВЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ ВЪ ФИЛОСОФІИ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАУКИ. Проф. **Р. Виппера** 60
4. СТИХОТВОРЕНІЕ: ***. **Ивана Бунина.** 81
5. ДЖОНЪ РЕСКИНЪ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ. (Продолженіе). **А. Рыкачева.** 82
6. ПОЛУЖИВОТНОЕ. Романъ **Елены Белау.** (Продолженіе). Переводъ съ нѣмецкаго **М. Н. Данилевской.** 98
7. СТИХОТВОРЕНІЕ: ***. **А. Ѳедорова.** 133
8. СУМАСШЕДШІЙ. Разсказъ **М. Арцыбашева.** 134
9. ФИЛОСОФІЯ НИТШЕ, КАКЪ КУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА. (Окончаніе). **Г. Маркелова.** 145
10. АВГУСТА ДЕ-ВИТТЪ: I) НЕНАВИСТЬ. II) МАТЬ. Разсказы. Переводъ съ голландскаго **А. Полторацкой-Вейнбергъ.** 161
11. ЧТО ЧИТАЕТЪ И ЧѢМЪ ИНТЕРЕСУЕТСЯ УЧАЩАЯСЯ МОЛОДЕЖЬ. **К. Левина.** 185
12. ОЧЕРКИ ПО ВОПРОСАМЪ ОПЛОДОТВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ. (Продолженіе). Академика **И. П. Бородина** 199
13. МАТЬ И ДОЧЬ. Романъ. Часть II. (Окончаніе). **И. Потапенка.** 211
14. ПРОБЛЕМЫ ХИМІИ ВЪ ОБЛАСТИ ПИТАТЕЛЬНЫХЪ ВЕЩЕСТВЪ. **Вл. Асмусъ-Челинцева.** 247
15. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ ЮЖНАГО АЛЬБОМА: ПОТОКЪ. **О. Чюминой.** 264

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

16. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Защита классической школы—«Античный міръ и мы» проф. Зѣлинскаго—Увлеченія спеціалиста. — Почему общественное мнѣніе противъ классической школы и школьнаго классицизма. — Будущая школа.—Трудность выработки новаго типа.—Сорокалѣтіе смерти Помяловскаго.—Памяти М. А. Плотникова. **А. Б.** 1
17. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Воспоминанія объ И. С.

Годъ XII-й. № 11-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

НОЯБРЬ

1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

Дозволено цензурою 28-го октября 1903 года. С.-Петербургъ.

.AP50
M47
1903 11-12
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. П. И. ЧАЙКОВСКІЙ. Къ 10-й годовщинѣ со дня его смерти (24-го октября 1893 года). **Виктора Вальтера** 1
2. ЧЕЛОВѢКЪ. Повѣсть. (Продолженіе). **Семена Юшкевича.** 35
3. НОВЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ ВЪ ФИЛОСОФІИ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАУКИ. Проф. **Р. Виппера** 60
4. СТИХОТВОРЕНІЕ: ***. **Ивана Бунина.** 81
5. ДЖОНЪ РЁСКИНЪ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ. (Продолженіе). **А. Рыкачева.** 82
6. ПОЛУЖИВОТНОЕ. Романъ **Елены Белау.** (Продолженіе). Переводъ съ нѣмецкаго **М. Н. Данилевской.** 98
7. СТИХОТВОРЕНІЕ: ***. **А. Ѳедорова.** 133
8. СУМАСШЕДШІЙ. Разсказъ **М. Арцыбашева** 134
9. ФИЛОСОФІЯ НИТШЕ, КАКЪ КУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА. (Окончаніе). **Г. Маркелова.** 145
10. АВГУСТА ДЕ-ВИТТЪ: I) НЕНАВИСТЬ. II) МАТЬ. Разсказы. Переводъ съ голландскаго **А. Полторацкой-Вейнбергъ.** 161
11. ЧТО ЧИТАЕТЪ И ЧѢМЪ ИНТЕРЕСУЕТСЯ УЧАЩАЯСЯ МОЛОДЕЖЬ. **К. Левина.** 185
12. ОЧЕРКИ ПО ВОПРОСАМЪ ОПЛОДОТВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ. (Продолженіе). Академика **И. П. Бородина.** 199
13. МАТЬ И ДОЧЬ. Романъ. Часть II. (Окончаніе). **И. Потапенка.** 211
14. ПРОБЛЕМЫ ХИМІИ ВЪ ОБЛАСТИ ПИТАТЕЛЬНЫХЪ ВЕЩЕСТВЪ. **Вл. Асмусъ-Челинцева.** 247
15. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ ЮЖНАГО АЛЬБОМА: ПОТОКЪ. **О. Чюминой.** 264

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

16. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Защита классической школы—«Античный міръ и мы» проф. Зѣлинскаго.—Увлеченія спеціалиста. — Почему общественное мнѣніе противъ классической школы и школьнаго классицизма. — Будущая школа.— Трудность выработки новаго типа.—Сорокалѣтіе смерти Помяловскаго.—Памяти М. А. Плотникова. **А. Б.** 1
17. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Воспоминанія объ И. С.

стр.

Тургеневѣ.—Нѣсколько словъ по поводу замѣтки «Открытіе памятника И. П. Котляревскому».—Открытіе высшихъ женскихъ курсовъ въ Одессѣ.—Женщины - волостные писаря.—Въ собраніи тверскихъ учителей.—Отголоски гомельскихъ безпорядковъ.—Въ родныхъ палестинахъ.—Студенческое общество.—Ходатайство приказчиковъ и кондукторовъ. — За мѣсяцъ 13

18. ВСПОМОГАТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО КУПЕЧЕСКИХЪ ПРИКАЗЧИКОВЪ ВЪ МОСКВѢ. 29

19. **Изъ русскихъ журналовъ.** («Вѣстникъ Европы» — октябрь. «Русское Богатство» — августъ и сентябрь. «Русская Старина» — октябрь). 33

20. **За границей.** Темныя точки на европейскомъ горизонтѣ.— Венгерскій кризисъ. — Культуркампфъ во Франціи. — Феминизмъ въ политико-экономическомъ обществѣ. — Въ Германіи.—Боснійскій Мазаніелло.—Феминизмъ въ Германіи и др. мѣстахъ 44

21. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** Дѣло Дрейфуса и французская литература. — Кризисъ на французскомъ книжномъ рынкѣ.—Взглядъ геолога на войну.—Женское избирательное право въ Новой Зеландіи 58

22. ПИСЬМО ИЗЪ КИТАЯ. РЕВОЛЮЦІОННОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ КИТАѢ. **В. В. Корсакова** 62

23. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика. — Исторія литературы.— Соціологія и политическая экономія,—Философія.—Антропологія и этнографія.—Естествознаніе.—Географія.—Медицина и гигіена. —Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію. 72

24. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 112

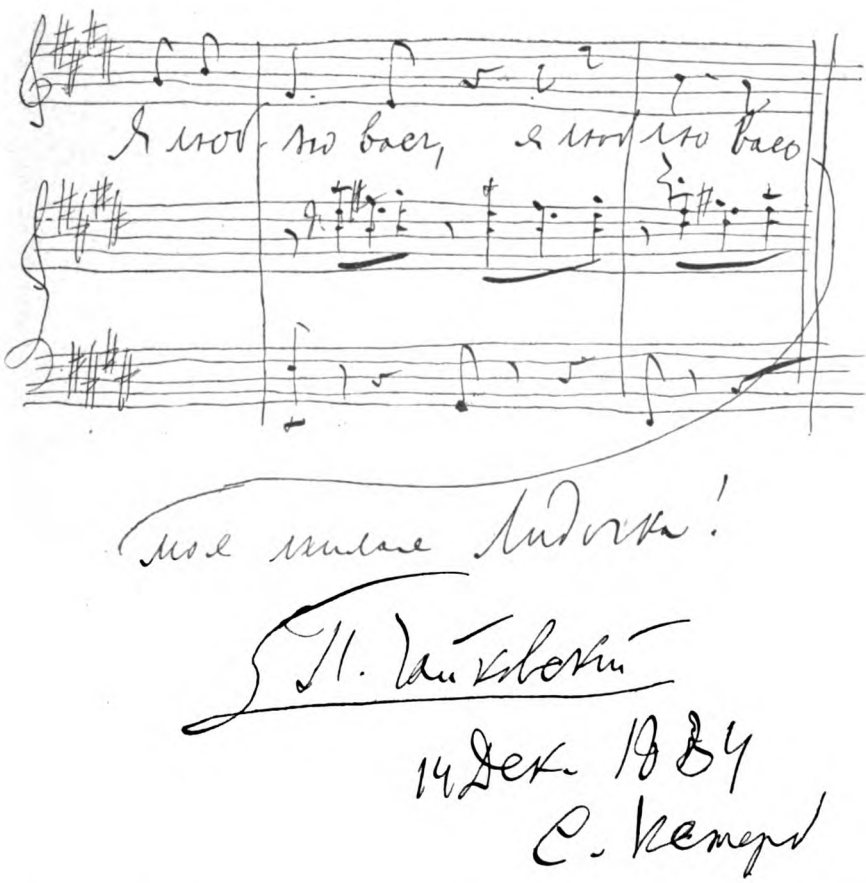
25. НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ. Новое о радіоактивности. **В. Агафонова** 115

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

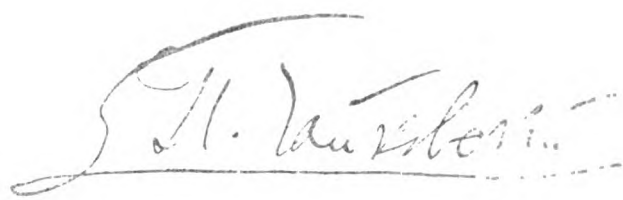
26. СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ. **Освальда Кюльпе.** (Продолженіе). Перев. съ нѣмецкаго **Н. Андреева.** 49

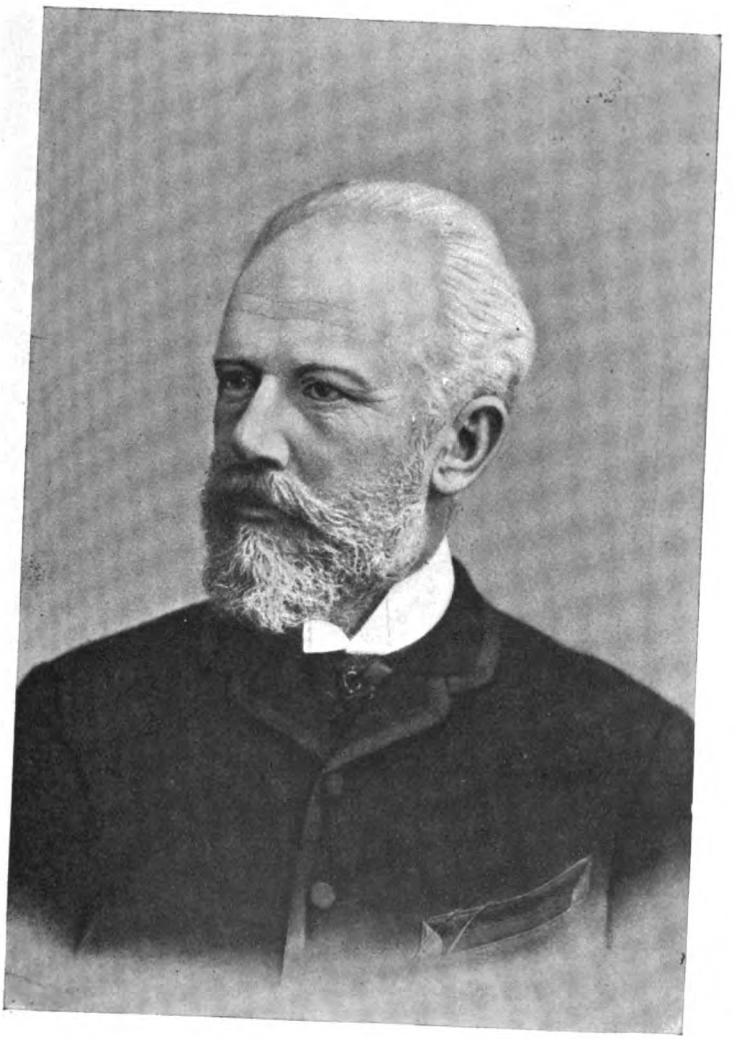
27. ОМУТЪ. Романъ **Франка Норриса.** (Продолженіе). Переводъ съ англійскаго **А. В. Гольстейнъ.** 95

ОБЪЯВЛЕНІЯ.



Примѣчаніе. Этотъ автографъ (аріозо Ленскаго изъ I-го акта оперы „Евгеній Онѣгинъ“) написанъ П. И. Чайковскимъ въ альбомъ Лидіи Карловны Туганъ-Барановской (Давыдовой), когда ей было четырнадцать лѣтъ. *Ред.*





П. И. ЧАЙКОВСКІЙ.

Къ 10-й годовщинѣ со дня его смерти (24-го октября 1893 года).

24-го октября нынѣшняго года исполнилось десять лѣтъ со дня смерти композитора, достигшаго небывалой до него (для русскаго композитора) извѣстности и популярности не только въ своемъ отечествѣ, но и за границей, гдѣ имя его въ настоящее время является украшеніемъ большинства концертныхъ программъ.

Композиторъ этотъ—Петръ Ильичъ Чайковскій.

Въ большой трехтомной біографіи его, изданной его братомъ Модестомъ *), мы имѣемъ богатый матеріалъ для возсозданія обаятельной личности Чайковского, личности, такъ живо и трогательно воплотившейся въ его музыкѣ. Бываютъ художники, для которыхъ весь смыслъ жизни сосредоточивается въ процессѣ творчества, и творенія которыхъ являются какъ бы продолженіемъ, можетъ быть, безсмертнымъ, ихъ личной жизни. Чайковскій, окончивъ свою шестую симфонію, могъ съ полнымъ правомъ повторить слова поэта: «Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ мой прахъ переживетъ», и мы увидимъ далѣе, что съ окончаніемъ этой симфоніи Чайковскій почувствовалъ свой земной долгъ выполненнымъ, смыслъ своей жизни исчерпаннымъ—отсюда его спокойное настроеніе, смѣнившее передъ смертью его вѣчную душевную неудовлетворенность и страданія.

Субъективность творчества Чайковскаго является наиболѣе характерной для него чертой, и съ этой точки зрѣнія, т.-е. въ выясненіи связи его личной жизни съ его произведеніями, біографія его доставляетъ чрезвычайно интересныя данныя.

П. И. Чайковскій родился 25-го апрѣля 1840 года въ камско-воткинскомъ заводѣ, гдѣ отецъ его, получившій образованіе въ горномъ кадетскомъ корпусѣ, былъ директоромъ съ 1837 года. Дѣтство П. И. протекло въ чрезвычайно благопріятной обстановкѣ. Домъ родителей его былъ въ матеріальномъ отношеніи, что называется, «полной чашей», и, благодаря гостепріимству отца и исключительной привлекательности матери, любимымъ мѣстомъ сборища служащихъ на

*) „Жизнь П. И. Чайковскаго". 3 т. Изд. П. Юргенсона. Москва.

заводѣ. Въ моральномъ отношеніи семья Чайковскихъ преисполнена была дружества и нѣжной взаимной любви ея членовъ, главнымъ источникомъ которой была обожаемая всѣми мать П. И., Александра Андреевна, урожденная Ассіеръ *). Въ ранней молодости П. И. семья Чайковскихъ стояла изъ старшаго брата Николая, и младшихъ П. И. брата Ипполита и сестры Александры. Братья-близнецы Анатолій и Модестъ, игравшіе большую роль въ жизни П. И., родились позже—въ 1850 году.

Учиться П. И. началъ очень рано и по собственнымъ настояніямъ, еще 4½ лѣтъ. Учился онъ легко, такъ что шести лѣтъ уже свободно читалъ по-французски и по-нѣмецки. Уже въ раннемъ возрастѣ П. И. отличался тою способностью безсознательно чаровать всѣхъ окружающихъ, которая сохранилась въ немъ до самой смерти и такъ ярко отразилась въ его музыкѣ. Въ чемъ состояла эта способность, опредѣлить невозможно, но она была причиной того, что дѣтство П. И. было окружено атмосферой любви. Другой характерной чертой П. И., въ раннемъ дѣтствѣ была чрезмѣрная его чувствительность и нервность, быть можетъ унаслѣдованная имъ черезъ мать отъ дѣда Ассіера, страдавшаго припадками, близкими къ эпилепсіи. Съ этой же стороны, вѣроятно, унаслѣдовалъ П. И. и музыкальныя способности **), которыя обнаружились въ немъ очень рано: пяти лѣтъ онъ вѣрно подбиралъ на роялѣ слышанную имъ (въ домѣ была оркестрина) музыку. Видя страсть ребенка къ музыкѣ, родители рано начали его учить на роялѣ. Первой учительницей его была М. М. Пальчикова (изъ крѣпостныхъ), которую даровитый ученикъ скоро догналъ въ музыкальномъ отношеніи, такъ какъ уже въ 1848 году читалъ ноты не хуже своей учительницы.

Безмятежное житье Чайковскихъ въ Воткинскѣ было прервано вслѣдствіе потери отцомъ своего мѣста въ февралѣ 1848 года. Уже въ началѣ 49-го года, впрочемъ, отецъ П. И. получилъ другое мѣсто—управляющаго алапаевскими и нижне-невянскими заводами наслѣдниковъ Яковлева, куда семья Чайковскихъ и переселилась въ маѣ того же года. Промежуточное время Чайковскіе прожили частью въ Москвѣ, большею же частью въ Петербургѣ, гдѣ П. И. перенесъ въ это время корь, осложнившуюся нервными припадками (доктора опредѣлили болѣзнь спинного мозга), заставившими его на полгода прекратить всякія занятія. До своей болѣзни П. И. успѣлъ въ Петербургѣ болѣе основательно заняться музыкой съ учителемъ Филипповымъ, что сильно подвинуло впередъ его игру на роялѣ.

Въ Алапаевѣ П. И. прожилъ въ семейной обстановкѣ недолго, такъ-

*) Ея отецъ былъ католикъ-французъ, явившійся въ Россію изъ Пруссіи; мать была русская, урожденная Е. М. Попова.

**) Его мать и сестра матери мило пѣли.

какъ уже осенью 1850 года мать отвезла его въ Петербургъ для поступленія въ приготовительный классъ училища правовѣдѣнія. Здѣсь П. И. пришлось испытать первое душевное потрясеніе, оставшееся для него на всю жизнь однимъ изъ самыхъ ужасныхъ воспоминаній—разлуку съ матерью. «Никогда въ жизни безъ содроганія ужаса П. И. не могъ говорить о моментѣ разставанія съ матерью»... «До самой смерти онъ никогда не могъ помириться, никогда не могъ забыть жгучаго чувства обиды, отчаянія, которое испытывалъ, бѣжа за экипажемъ, отрывающимъ у него мать».

Въ пансіонѣ приготовительнаго класса училища правовѣдѣнія П. И. прожилъ всего два года, такъ какъ весною 1852 года вся семья Чайковскихъ покинула Алапаевъ и поселилась въ Петербургѣ. Отецъ П. И., обезпеченный казенной пенсіей въ 2.000 р. и капиталомъ, составившимся изъ сбереженій, покинулъ службу, и всѣ члены семьи Чайковскихъ могли вновь соединиться въ свой дружескій кружокъ. Въ это время П. И. перешелъ въ VII классъ училища правовѣдѣнія. Въ этомъ учебномъ заведеніи П. И. пробылъ до 1859 года, когда окончивъ ученіе, поступилъ на службу въ министерство юстиціи съ чиномъ титулярнаго совѣтника. Изъ семейныхъ событій за этотъ періодъ времени нужно отмѣтить страшное душевное огорченіе П. И. и всей семьи вслѣдствіе потери обожаемой матери, умершей отъ холеры въ іюнѣ 1854 года.

Другимъ важнымъ событіемъ была потеря весной 1858 года всего состоянія отцомъ П. И., довѣрившимъ свой капиталъ одной г-жѣ Я., которая оказалась несостоятельной. На 67 году жизни пришлось старику отцу вновь искать мѣста, которое онъ вскорѣ и получилъ, будучи назначенъ осенью того же года директоромъ технологическаго института.

Въ училищѣ правовѣдѣнія П. И. занимался добросовѣстно и безъ трудностей, исключая математики, къ которой онъ былъ совершенно неспособенъ. Біографъ П. И. отмѣчаетъ, что въ итогѣ вліяніе училища на нравственное и умственное развитіе его дало только отрицательные результаты. Изъ близкихъ къ П. И. товарищей его по училищу нужно назвать поэта Апухтина, интимная дружба котораго съ П. И. сохранилась до смерти поэта въ 1893 году.

Музыкальныя занятія П. И. за этотъ періодъ времени значительно подвинулись, благодаря урокамъ извѣстнаго педагога на фортепіано Р. В. Кюндингера и Г. А. Ломакина, который преподавалъ хоровое пѣніе въ училищѣ. П. И. былъ для Ломакина цѣннымъ пріобрѣтеніемъ въ хорѣ, такъ какъ, благодаря его слуху, а въ раннемъ возрастѣ и отличному сопрано, онъ могъ поручать ему отвѣтственныя партіи. Оба эти учителя, однако, вовсе не предвидѣли въ своемъ ученикѣ будущую музыкальную славу Россіи—это былъ способный мальчикъ, и больше ничего. Точно также относились къ П. И. и товарищи, и знакомые, и

семья: всѣ любили слушать его фантазированіе на роялѣ, но никто не смотрѣлъ на его музыку, какъ на серьезное дѣло, имѣющее будущность. Серьезнѣе всѣхъ, пожалуй, относился къ этому вопросу отецъ П. И., который самъ позаботился доставить ему частные уроки у Кюндингера, и первый же заговорилъ позже (въ 61 году) о серьезныхъ занятіяхъ музыкой.

Ко времени окончанія училища П. И., хотя очень недурно для любителя игралъ и особенно фантазировалъ на роялѣ, но по музыкальному развитію стоялъ гораздо ниже, чѣмъ средній диллетантъ теперешняго времени. Причиной былъ общій низкій уровень музыкальнаго развитія въ Россіи въ то время. Симфоническая музыка въ концертахъ тогда совсѣмъ не исполнялась; изученіе ея въ фортепіанныхъ переложеніяхъ было очень мало въ ходу, да и ноты стоили дорого. Въ оперѣ царили тогда итальянцы, горячимъ приверженцемъ коихъ былъ въ то время и П. И. Эта любовь къ итальянской музыкѣ, хотя и въ гораздо меньшей степени, сохранилась у П. И. во всю жизнь. Съ итальянцами могли конкурировать въ душѣ П. И., въ то время, только «Жизнь за Царя», «Донъ-Жуанъ» Моцарта и «Фрейшютцъ». Насколько отчетливо сознавалъ П. И. свое настоящее призваніе въ то время, трудно сказать. Вѣрнѣе всего, что онъ скрывалъ свои мечты въ глубинѣ души, не безъ основанія опасаясь, что окружающіе отнеслись бы къ нимъ недовѣрчиво. Изъ композиторскихъ попытокъ того времени сохранился только одинъ романсъ на слова Фета, музыка котораго не заключала даже намека на большое дарованіе.

Къ своей службѣ въ Министерствѣ П. И. относился также, какъ и къ своимъ занятіямъ въ училищѣ—добросовѣстно, но абсолютно равнодушно: хорошаго чиновника изъ него не вышло, и дальше помощника столоначальника онъ не пошелъ. Впрочемъ, служба его окончилась уже въ 1863 году, когда, отдавшись музыкальнымъ занятіямъ, П. И. увидѣлъ несовмѣстимость ихъ со службой.

Два года послѣ окончанія училища были посвящены П. И. свѣтской жизни, любительскимъ спектаклямъ, посѣщенію итальянской оперы и французскаго театра. Въ 1861 году онъ съѣздилъ на три мѣсяца за границу въ качествѣ спутника, знавшаго иностранные языки, нѣкоего инженера В. В. И за границей жизнь П. И. была посвящена исключительно удовольствіямъ. Вотъ какъ пишетъ онъ по возвращеніи въ Петербургъ своей сестрѣ Александрѣ Ильинишнѣ Давыдовой (она вышла замужъ въ ноябрѣ 1860 года и жила въ деревнѣ въ Кіевской губерніи) 23 октября 1861 года: «Ты знаешь мою слабость. Когда у меня есть деньги въ карманѣ, я ихъ жертвую на удовольствія; это подло, это глупо, я знаю... но (опять-таки по слабости) не смотрю ни на что и веселюсь. Таковъ мой характеръ. Чѣмъ я кончу? Что обѣщаетъ мнѣ будущее? Объ этомъ страшно и подумать. Я знаю, что рано или поздно (но скорѣе рано) я не въ силахъ буду бороться съ

трудной стороной жизни и разобьюсь въ дребезги, а до тѣхъ поръ я наслаждаюсь жизнью, какъ могу, и все жертвую для наслажденія».

Мы сейчасъ же увидимъ, что этотъ образъ жизни и мыслей были только преходящимъ моментомъ въ жизни П. И. Стоило ему прикоснуться къ тайнамъ искусства, для котораго онъ былъ рожденъ, и перерожденіе стало неизбѣжнымъ и чрезвычайно быстрымъ. Жизнерадостный юноша всѣмъ своимъ существомъ почувствовалъ, что жизнь имѣетъ болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ испытанныя имъ до сихъ поръ наслажденія, и что высшее, неисчерпаемое наслажденіе для человѣка, одареннаго творческимъ талантомъ, есть творческій трудъ.

Уже въ концѣ вышеприведеннаго письма къ сестрѣ мы встрѣчаемъ приписку: «Я началъ заниматься генералъ-басомъ (отдѣлъ теоріи музыки) и дѣло идетъ чрезвычайно успѣшно. Кто знаетъ, можетъ быть, ты года черезъ три будешь слушать мои оперы и пѣть мои аріи».

Внѣшнимъ поводомъ къ серьезнымъ занятіямъ П. И. музыкой было открытіе во дворцѣ в. к. Елены Павловны въ сентябрѣ 1861 года. музыкальныхъ классовъ, бывшихъ зерномъ консерваторіи, возникшей въ слѣдующемъ году. Творцомъ и главнымъ руководителемъ этого учрежденія былъ Антонъ Рубинштейнъ. Въ эти-то классы и поступилъ П. И.

Другимъ важнымъ толчкомъ, произведшимъ переворотъ въ жизни П. И., было сдѣланное имъ въ одинъ тусклый вечеръ открытіе, что его 10-ти-лѣтніе братья, Анатолій и Модестъ, несмотря на жизнь вполнѣ обезпеченную матеріально, живутъ лишенные духовнаго руководительства, а главное материнской любви. Его чуткое, способное къ безграничной любви сердце содрогнулось при видѣ мальчиковъ, тоскливо бродящихъ по огромной квартирѣ, и онъ рѣшилъ замѣнить имъ мать, и «съ тѣхъ поръ,—пишетъ онъ 16 лѣтъ спустя:—между мной и младшими братьями образовались такого рода отношенія, что какъ я люблю ихъ больше самого себя и готовъ для нихъ на всякую жертву, такъ и они безпредѣльно мнѣ преданы».

Молодой любитель наслажденій узналъ, что смыслъ жизни въ трудѣ,—и перерожденіе произошло въ немъ какъ бы волшебствомъ. Весною 1863 года отъ прежняго франтоватаго жуира не осталось и слѣда. Рѣшившись посвятить себя музыкѣ, П. И. бросилъ службу и, оставшись безъ всякихъ средствъ (отецъ его какъ разъ въ это время оставилъ службу въ технологическомъ институтѣ, и кромѣ долговъ и пенсіи въ 2.000 рублей не имѣлъ ничего), содержалъ себя уроками музыки и аккомпаніаторствомъ. Чтобы сразу стать въ опредѣленныя отношенія къ своимъ бывшимъ друзьямъ изъ богатой молодежи, П. И. даже въ своей внѣшности умышленно подчеркивалъ свою бѣдность, и цѣль его была достигнута: одни перестали ему кланяться, другіе еще болѣе полюбили погруженнаго въ музыкальныя задачи ученика консерваторіи.

Петербургская консерваторія, въ лицѣ своихъ профессоровъ Н. И. Зарембы и Антона Рубинштейна, дала П. И. солидную теоретическую подготовку, но ни въ какой мѣрѣ не отразила своего вліянія на характерѣ творчества П. И. Въ этомъ отношеніи, какъ въ консерваторскіе годы, такъ и во всю жизнь, П. И., обладавшій чрезвычайно мягкимъ характеромъ и кажующеся податливостью въ житейскихъ отношеніяхъ, проявлялъ полную и непоколебимую независимость. Какъ школьно-классическія традиціи консерваторіи, поддерживаемыя такимъ авторитетомъ, какъ А. Рубинштейнъ, который внушалъ всю свою жизнь П. И. любовь и преданность геніальной своей личности, такъ и бурно-прогрессистскія стремленія Балакирева и Стасова, немного позже пытавшихся обратить П. И. въ свою вѣру, весьма мало отразились на музыкальномъ творчествѣ П. И.

Это была сильная, яркая музыкальная индивидуальность, творчество которой обусловливалось не музыкальными убѣжденіями, а органически-прирожденными склонностями. Подробнѣе этого вопроса мы коснемся позже, теперь же достаточно указать еще на то, что хотя въ частностяхъ П. И. неоднократно мѣнялъ свои музыкальные вкусы, но основныя его симпатіи сохранились неприкосновенными во всю жизнь: по натурѣ своей эклектикъ *), совершенно неспособный стать подъ какое-нибудь исключительное знамя, питавшій отвращеніе къ музыкѣ, сочиняемой по убѣжденію или по рецепту школы, а не по непосредственному вдохновенію, П. И. всю жизнь сохранялъ свободу въ сужденіяхъ о музыкальныхъ произведеніяхъ и наслаждался твореніями авторовъ самыхъ различныхъ школъ. Но наиболѣе лежала душа его къ тѣмъ сочиненіямъ, въ которыхъ отражалась интимная жизнь человѣческаго сердца, та сторона творчества, которая въ поэзіи называется лирикой, и которая была главной сущностью музыкальнаго творчества самого П. И. Вотъ отчего изъ классиковъ онъ болѣе всего любилъ Моцарта, изъ романтиковъ—Шумана, изъ современныхъ же композиторовъ такъ милы были ему Гуно, Бизе и Делибъ. Но объ этомъ также поговоримъ позднѣе.

Изъ консерваторскихъ товарищей П. И. дружилъ только съ двумя: Г. А. Ларошемъ, впослѣдствіи музыкальнымъ критикомъ, и Н. А. Губертомъ, впослѣдствіи профессоромъ московской консерваторіи. Дружба съ этими лицами сохранилась у П. И. до самой его смерти.

---

*) Въ письмѣ къ С. И. Танѣеву въ 1891 году Чайковскій пишетъ: „Я нисколько не препятствовалъ вѣяніямъ духа времени вліять на меня. Я сознаю, что, не будь Вагнера, я бы писалъ иначе; допускаю, что даже и „кучкизмъ“ (кружокъ Даргомыжскаго и Балакирева) сказывается въ моихъ оперныхъ писаніяхъ; вѣроятно, и итальянская музыка, которую я страстно любилъ въ дѣтствѣ, и Глинка, котораго я обожалъ въ юности,—сильно дѣйствовали на меня, не говоря уже про Моцарта“. Къ этому перечню необходимо прибавить вліяніе французской оперы (Мейерберъ, Гуно, Бизе).

Окончивъ консерваторію въ концѣ 1865 года, П. И. немедленно получилъ приглашеніе отъ директора только что основанной московской консерваторіи Н. Г. Рубинштейна занять мѣсто профессора гармоніи. Это приглашеніе П. И. принялъ и съ января 1866 года сдѣлался москвичемъ.

Кантата на текстъ гимна Шиллера «Къ радости», которою П. И. кончалъ консерваторію и за которую получилъ серебряную медаль, была исполнена публично на актѣ 31-го декабря 1865 года. Это произведеніе П. И. не встрѣтило сочувствія ни въ его учителѣ А. Рубинштейнѣ, ни въ Сѣровѣ, ни въ кружкѣ Даргомыжскаго, выразителемъ взглядовъ котораго былъ въ то время Ц. Кюи. Ц. Кюи, писавшій въ «С.-Петербургскихъ Вѣдмостяхъ» подъ тремя звѣздочками, далъ о кантатѣ П. И. такой отзывъ: «Консерваторскій композиторъ г. Чайковскій совсѣмъ слабъ. Правда, что его сочиненіе написано въ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ: по заказу, къ данному сроку, на данную тему и при соблюденіи извѣстныхъ формъ. Но все-таки если бы у него было дарованіе, то оно хоть гдѣ-нибудь прорвало бы консерваторскія оковы». Совсѣмъ иначе отнесся къ кантатѣ другъ П. И., тогда еще ученикъ консерваторіи, Ларошъ: «Ваша кантата самое большое музыкальное событіе въ Россіи послѣ «Юдиѳи»,—писалъ онъ П. И.—Вы отлично знаете, что я не льщу*)... Впрочемъ, все, что вы сдѣлали, я считаю только работой школьника, подготовительной и экспериментальной... Ваши творенія начнутся, можетъ быть, только черезъ пять лѣтъ: но эти, зрѣлыя, классическія, превзойдутъ все, что мы имѣли послѣ Глинки». Кто изъ этихъ двухъ критиковъ, и впослѣдствіи неоднократно ломавшихъ копья, оказался въ данномъ случаѣ правъ, мы теперь хорошо знаемъ. Впрочемъ, Ц. Кюи сохранилъ, за немногими исключеніями, свое рѣзко отрицательное отношеніе къ музыкѣ П. И. до послѣднихъ сочиненій его. Вообще, П. И., какъ и Глинкѣ, не везло съ музыкальной критикой.

За исключеніемъ Лароша, статьи котораго по глубинѣ и значительности содержанія послужатъ важнымъ пособіемъ для изучающихъ музыку Чайковскаго (къ сожалѣнію, эти статьи разсѣяны по періодическимъ изданіямъ), Кюи и московскаго критика Кашкина, всѣ остальные критики шли, такъ сказать, въ хвостѣ публики въ своихъ сужденіяхъ. Въ общемъ относясь скорѣе отрицательно, иногда чрезвычайно рѣзко, къ музыкѣ Чайковскаго, критики по мѣрѣ его успѣховъ въ публикѣ становились гораздо милостивѣе. Но нужно признаться, что они причинили П. И. много горькихъ минутъ своимъ отношеніемъ къ нему, и изъ этихъ отношеній наиболѣе обидно-несправедливымъ нужно

*) Ларошъ, несмотря на тѣсную дружбу съ П. И., всегда открыто высказывалъ ему свое мнѣніе, даже рѣзко порицательное. Въ 1869 году печатный отзывъ Лароша объ оперѣ П. И. „Воевода“ даже поссорилъ его съ композиторомъ на два года.

считать полное молчаніе русской прессы о громадныхъ успѣхахъ П. И. за границей во время его поѣздокъ туда въ 1887 году и позже.

Въ Москвѣ П. И., благодаря своей очаровательной личности, очень быстро пріобрѣлъ друзей, какъ среди музыкантовъ, такъ и въ обществѣ. Въ обществѣ, по свидѣтельству Ларош (Предисловіе къ отд. изд. «Фельетоновъ П. И.»—Москва 1898 г.), П. И. носили на рукахъ; «его любили какъ человѣка возвышенной души и очаровательнаго характера».

Среди музыкантовъ наибольшее значеніе для П. И. имѣлъ директоръ московской консерваторіи, геніальный піанистъ, выдающійся дирижеръ Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ. Онъ былъ первымъ исполнителемъ почти всѣхъ сочиненій П. И. для оркестра и для фортепіано, и это имѣло очень большое значеніе для распространенія этихъ сочиненій. Съ нимъ прожилъ П. И. на одной квартирѣ первые годы своего пребыванія въ Москвѣ.

До 1877 года Москва оставалась главнымъ мѣстомъ пребыванія П. И. Онъ уѣзжалъ отсюда только на лѣто въ деревню Каменку къ своей сестрѣ Давыдовой, или въ Гапсаль, или въ деревню къ друзьямъ, или за границу. Поѣздки за границу были для П. И. всегда сильнымъ наслажденіемъ, въ особенности плѣняло его всегда и впослѣдствіи пребываніе въ Италіи.

Время свое за эти годы П. И. дѣлилъ между композиціей, преподаваніемъ въ консерваторіи и дѣятельностью музыкальнаго критика. Послѣднее занятіе было только эпизодомъ въ жизни П. И., длившимся всего четыре года. Въ 1872 году редакторъ «Русскихъ Вѣдомостей» Н. Е. Скворцовъ пригласилъ П. И. взять на себя музыкальный фельетонъ въ его газетѣ, предлагая ему «какое угодно» вознагражденіе. П. И., всегда нуждавшійся въ деньгахъ, даже во времена наибольшей своей матеріальной обезпеченности, а въ то время весь его годовой доходъ равнялся всего 2.300 рублямъ, согласился на предложеніе Скворцова и до 1876 г. исполнялъ взятыя на себя обязанности добросовѣстно, съ отличнымъ литературнымъ талантомъ, не говоря уже о знаніи дѣла, но безъ любви къ нему. Отчасти по этой причинѣ, отчасти по указанной уже выше нелюбви къ какимъ бы то ни было знаменамъ, фельетоны П. И. *) отличаются нѣкоторою академическою холодностью. Въ его многочисленныхъ письмахъ, помѣщенныхъ въ его біографіи, разсѣяны замѣтки о важнѣйшихъ музыкальныхъ явленіяхъ, написанныя съ гораздо бо́льшимъ огнемъ и производящія несравненно сильнѣйшее впечатлѣніе: эти замѣтки выражали собою сокровенныя мысли П. И., которыя онъ не считалъ нужнымъ, вѣрнѣе, считалъ даже вреднымъ выносить передъ публикой. Онъ самъ говоритъ объ этомъ въ одномъ изъ обращеній къ чита-

*) Изданы отдѣльной книгой П. И. Юргенсономъ въ 1898 г.

телю: «Я питаю глубокое убѣжденіе въ томъ, что публика ни мало не интересуется моими личными мнѣніями... Публикѣ должно быть интересно совсѣмъ не то, что я говорю, а что говоритъ та авторитетная среда, съ которой я нахожусь въ ближайшихъ отношеніяхъ». Точка зрѣнія эта, очевидно, немножко слишкомъ академическая. Разстаться съ перомъ музыкальнаго критика при такомъ отношеніи къ дѣлу было для П. И. очевидно не трудно: «надоѣло писать—и не стало критика», какъ говоритъ Ларошъ въ предисловіи къ собранію фельетоновъ П. И.

Педагогическія занятія П. И. въ консерваторіи, составлявшія почти единственный источникъ его доходовъ (первые годы онъ получалъ 1.200 р. въ годъ), исполнялись П. И. также, какъ и музыкальная критика, только по обязанности. Разъ взявшись за эту работу, П. И. исполнялъ ее честно и даже талантливо **); но если вначалѣ эти занятія его только чрезвычайно утомляли и дѣйствовали на нервы (онъ ужасно волновался передъ лекціями вслѣдствіе прирожденной застѣнчивости), то съ теченіемъ времени преподаваніе музыки въ консерваторіи вызывало въ немъ просто отвращеніе. Даже годъ спустя послѣ прекращенія имъ профессуры, онъ съ нескрываемымъ раздраженіемъ писалъ: «Я вамъ не могу дать и приблизительнаго понятія о томъ, до чего эта дѣятельность пошла для человѣка, не имѣющаго къ ней призванія. Еще когда я сижу въ классахъ мужскихъ... Я, по крайней мѣрѣ, чувствую, что внушаю имъ свѣдѣнія, для нихъ необходимыя. Но женскіе классы! Боже мой, что это такое!.. ...Какъ только имъ приходится правила примѣнять не механически, а по собственной иниціативѣ, всѣ эти барышни, быть можетъ, одушевленныя очень хорошими намѣреніями, но по большей части совершенно бездарныя, становятся невыносимыми. Иногда я теряю съ ними всякое терпѣніе, теряю способность понимать, что кругомъ меня дѣлается, и впадаю въ припадокъ невыразимой злобы и на нихъ, и въ особенности на себя».

Тѣмъ не менѣе П. И. искренно и горячо былъ любимъ своими учениками, ужъ не говоря объ ученицахъ, о которыхъ П. И. въ самомъ началѣ занятій писалъ братьямъ: «Я пользуюсь необыкновеннымъ сочувствіемъ обучаемыхъ мною москвитянокъ, которыя вообще отличаются страстностью и воспламеняемостью». Эта воспламеняемость имѣла, какъ мы вскорѣ увидимъ, для П. И. роковыя послѣдствія.

Творчество П. И. за 11 лѣтъ пребыванія въ Москвѣ вполнѣ опредѣлилось и приняло тотъ ярко индивидуальный характеръ, который сохранился у П. И. до послѣдняго его сочиненія. Характеристика творче-

---

*) Его педагогическій талантъ очень ярко сказывается впослѣдствіи въ совѣтахъ, которые онъ давалъ многимъ молодымъ композиторамъ, обращавшимся къ нему (см. его письма въ біографіи).

ства П. И. будетъ дана нами позже, теперь же укажу на тѣ произведенія П. И., которыя, съ одной стороны, создали его популярность, а съ другой стороны, заслужили ему прочное и почетное уваженіе со стороны музыкантовъ. Къ первымъ принадлежатъ: опера «Евгеній Онѣгинъ» (двѣ трети ея были написаны до осени 77 года), романсы («Отчего», «Ни слова, о другъ», «Колыбельная», «Страшная минута» и др.), мелкія фортепіанныя сочиненія, «Andante cantabile» изъ перваго смычковаго квартета. Ко вторымъ принадлежатъ: три оркестровыя пьесы—«Буря», «Ромео и Джульетта» и «Франческа да-Римини», 4 симфоніи (4-я—столь важная въ характеристикѣ музыкальной личности П. И., какъ бы предчувствіе его лебединой пѣсни—6-ой симфоніи—была вчернѣ уже готова до осени 77 года), 3 смычковыхъ квартета, 1-й концертъ для фортепіано; оперы: «Опричникъ», «Кузнецъ Вакула», «Евгеній Онѣгинъ» (первыя двѣ оперы П. И. «Воевода» и «Ундина» были имъ самимъ уничтожены); музыка къ «Снѣгурочкѣ» Островскаго; балетъ «Лебединое озеро».

Одиннадцатилѣтнее пребываніе П. И. въ Москвѣ было прервано катастрофой, которая чуть было не привела его къ безумію. Катастрофа эта была внезапная, даже для самыхъ близкихъ къ нему людей, женитьба его на Антонинѣ Ивановнѣ Милюковой.

Біографъ П. И. объясняетъ эту женитьбу чуть ли не временнымъ помѣшательствомъ его. Между тѣмъ, при всей странности обстановки, въ которой произошла эта женитьба, она являлась совершенно логическимъ выходомъ изъ того неудовлетвореннаго стремленія къ личному семейному счастью, которое все сильнѣе и сильнѣе охватывало П. И. начиная уже съ 1872 года. Запасъ нѣжныхъ родительскихъ чувствъ, которыя онъ изливалъ на своихъ младшихъ братьевъ, позже на глухонѣмого мальчика Н. Конради, воспитанію котораго посвятилъ себя братъ П. И. Модестъ въ 1875 году, былъ такъ великъ, что неумолчно требовалъ себѣ пищи въ личной семьѣ. И вотъ подъ вліяніемъ этого требованія П. И. все болѣе начинаетъ подумывать о женитьбѣ. Между тѣмъ, не смотря на то, что самъ онъ неоднократно дѣлался предметомъ нѣжной страсти со стороны женщинъ, сердце его оставалось холодно и онъ начиналъ терять надежду на то, что способенъ когда-нибудь полюбить съ тѣмъ пыломъ страсти, который побудилъ бы его жениться. Тогда онъ рѣшилъ жениться не по увлеченію, а по спокойному стремленію къ семейной жизни, и ошибочность такого разсчета, очень часто вѣрнаго, но совершенно непримѣнимаго лично къ П. И., и привела его къ трагической развязкѣ. Уже осенью 1876 года онъ нѣсколько разъ писалъ брату, что хочетъ жениться, потому что по многимъ причинамъ считаетъ женитьбу очень хорошимъ для себя дѣломъ, хотя еще не имѣетъ никого въ виду въ качествѣ своей будущей жены. Еще 8-го мая 1877 года онъ писалъ своему пріятелю И. Клименко: «Жизнь страшно пуста, скучна и пошла. Сильно

подумываю о женитьбѣ или другой прочной связи, а уже 6-го іюля того же года состоялось его вѣнчаніе. Вотъ что писалъ П. И. Н Ф. Меккъ (о ней рѣчь будетъ ниже) 3-го іюля 1877 года: «Я самымъ неожиданнымъ для себя образомъ сдѣлался женихомъ въ послѣднихъ числахъ мая. Вотъ какъ это произошло. За нѣсколько времени передъ этимъ я получилъ однажды письмо отъ одной дѣвушки, которую зналъ и встрѣчалъ прежде. Изъ этого письма я узналъ, что она давно удостоила меня своей любовью. Письмо было написано такъ искренно, такъ тепло, что я рѣшился на него отвѣтить, чего прежде тщательно въ подобныхъ случаяхъ избѣгалъ». Затѣмъ П. И. былъ у А. И. Милюковой и лично ей объяснилъ, что, «кромѣ симпатіи и благодарности за ея любовь», ничего къ ней не чувствуетъ. Послѣ этого П. И. получилъ отъ нея еще письмо, изъ котораго пришелъ къ выводу, что ему предстоитъ трудная альтернатива: «или сохранить свою свободу цѣною гибели этой дѣвушки, или жениться. Я не могъ не избрать послѣдняго. Итакъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, я отправился къ моей будущей супругѣ, сказалъ ей откровенно, что не люблю ее, но буду ей, во всякомъ случаѣ, преданнымъ и благодарнымъ другомъ; я подробно описалъ ей свой характеръ, свою раздражительность, неровность темперамента, свое нелюдимство—наконецъ свои обстоятельства. За симъ я спросилъ ее—желаетъ ли она быть моей женой. Отвѣтъ былъ, разумѣется, утвердительный. Не могу передать вамъ словами тѣ ужасныя чувства, черезъ которыя я прошелъ въ первые дни послѣ этого вечера. Оно и понятно. Доживя до 37 лѣтъ съ врожденной антипатіей къ браку,—быть вовлеченнымъ въ положеніе «жениха», притомъ нимало не увлеченнаго своей невѣстой, очень тяжело... Теперь скажу нѣсколько словъ о моей будущей супругѣ. Ей 28 лѣтъ. Она довольно красива. Репутація ея безупречна. Жила она, изъ любви къ самостоятельности и независимости, своимъ трудомъ, хотя имѣетъ очень любящую мать. Она совершенно бѣдна, воспитывалась въ елизаветинскомъ институтѣ, повидимому очень добра и способна безвозвратно привязываться». Свадьба, о которой, кромѣ г-жи фонъ-Меккъ, П. И. увѣдомилъ только отца и братьевъ, состоялась 6-го іюля, а 26-го іюля онъ пишетъ г-жѣ фонъ-Меккъ: «Я ѣду (къ сестрѣ въ Каменку) черезъ часъ. Еще нѣсколько дней, и, клянусь вамъ, я бы съ ума сошелъ». 11-го августа онъ пишетъ ей же изъ деревни: «Нужно будетъ побороть въ себѣ чувство отчужденности относительно жены». Пріѣхавъ 11-го сентября въ Москву въ квартиру, приготовленную ему женой, П. И. уже 24-го сентября уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ его встрѣтилъ братъ Анатолій. По пріѣздѣ въ гостинницу П. И. впалъ въ безпамятство, продолжавшееся 2 дня, и по настоянію докторовъ, требовавшихъ полной перемѣны жизненной обстановки, уѣхалъ 2-го октября за границу.

Біографъ П. И. не даетъ данныхъ для сужденія о ближайшихъ

причинахъ его несчастія. Мы можемъ только предполагать, что тутъ играла большую роль его прирожденная нервность и мнительность, располагавшія его къ страшному преувеличенію положенія вещей (П. И. уже и раньше страдалъ истерическими припадками и припадками тоски, доводившими его до истерическихъ слезъ). Во всякомъ случаѣ послѣдствіемъ этой попытки обрѣсти семейное счастье, кромѣ страшнаго нервнаго разстройства, оставившаго слѣды до конца жизни, была для П. И. полная потеря надежды на то, что такое счастье для него возможно.

До конца своей жизни П. И. не зналъ женской любви, несмотря на жгучую потребность въ этомъ счастьи. Въ 1882 году по поводу помолвки брата Анатолія П. И. пишетъ ему: «Я ужасно радъ, что ты чувствуешь себя счастливымъ, и хотя никогда ничего подобнаго не испыталъ, но мнѣ кажется, что отлично понимаю все, что ты проходишь... На меня находитъ иногда сумасшедшее желаніе быть обласканнымъ женской рукой».

Перенесенное П. И. душевное потрясеніе легко могло бы привести его къ гибели, если бы не пришли къ нему на помощь любовь его родныхъ и въ особенности дружба женщины, бывшей въ теченіе слѣдующихъ 13-ти лѣтъ настоящимъ ангеломъ-хранителемъ П. И. и давшей ему не только матеріальное обезпеченіе, столь необходимое не имѣвшему ничего, кромѣ профессорскаго жалованія, композитору, но и ту нравственную поддержку, которая была такъ необходима совершенно разбитому нервно и морально человѣку.

Сношенія Надежды Филаретовны фонъ-Меккъ (урожденной Фроловской) съ П. И. начались въ концѣ 1876 года. Въ это время она была вдовою 45 лѣтъ, матерью одиннадцати человѣкъ дѣтей, владѣтельницей многомилліоннаго состоянія, которымъ она завѣдывала сама. Со времени кончины мужа Н. Ф. всецѣло посвятила себя воспитанію своихъ дѣтей и совершенно отказалась отъ какихъ бы то ни было личныхъ общественныхъ отношеній. Никто изъ постороннихъ людей (кромѣ Н. Г. Рубинштейна), кромѣ лицъ, жившихъ въ ея домѣ, не говорилъ съ нею. Ея личная жизнь замкнулась въ путешествіяхъ, чтеніи и любви къ музыкѣ. Черезъ ученика П. И. скрипача І. Котекъ, съ которымъ Н. Ф. музицировала, и съ которымъ П. И. былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, Н. Ф., бывшая поклонницей сочиненій П. И., узнала насколько возможно подробнѣе интимную жизнь и личность композитора, и полюбила его самой преданной и искренней любовью. Вотъ что писала она П. И. по этому поводу 7-го марта 1877 года, прося у него его фотографію: «Дайте мнѣ вашу фотографію—у меня ихъ двѣ, но мнѣ хочется имѣть отъ васъ: мнѣ хочется на вашемъ лицѣ искать тѣхъ вдохновеній, тѣхъ чувствъ, подъ вліяніемъ которыхъ вы писали музыку, что уноситъ человѣка въ міръ ощущеній, стремленій и желаній, которыхъ жизнь не можетъ удовлетворить... Вы стали мнѣ какъ будто близкимъ и, во всякомъ случаѣ, дорогимъ человѣкомъ... Я сча-

стлива, что въ васъ музыкантъ и человѣкъ соединились такъ прекрасно, такъ гармонично. Было время, что я очень хотѣла познакомиться съ вами: теперь же, чѣмъ больше я очаровываюсь вами, тѣмъ больше я боюсь знакомства; мнѣ кажется, что я была бы не въ состояніи заговорить съ вами...»

Результатомъ такого отношенія Н. Ф. къ П. И. было то, что она взяла на себя заботу о матеріальномъ обезпеченіи композитора: сперва въ видѣ щедрой платы за заказанныя ему переложенія его сочиненій, а позже, когда его постигло вышеописанное несчастье, въ видѣ ежегодной ренты въ 6.000 рублей до того времени, когда онъ будетъ въ состояніи вновь приняться за профессуру въ Москвѣ. При этомъ Н. Ф. писала ему: «Развѣ я вамъ не близкій человѣкъ, вѣдь вы же знаете, какъ я люблю васъ, какъ желаю вамъ всего хорошаго, а по моему не кровныя и не физическія узы даютъ права, а чувства и нравственныя отношенія между людьми, и вы знаете, сколько счастливыхъ минутъ вы мнѣ доставляете, какъ глубоко благодарна я вамъ за нихъ, какъ необходимы вы мнѣ и какъ мнѣ надо, чтобы вы были именно тѣмъ, чѣмъ вы созданы, слѣдовательно, я ничего не дѣлаю для васъ, а все для себя; мучась этимъ, вы портите мнѣ счастье заботиться о васъ... Я не знаю, какъ вы, П. И., а я не желала бы, чтобы кто-нибудь зналъ о нашей дружбѣ и сношеніяхъ».

Такимъ образомъ, въ лицѣ Н. Ф. П. И. нашелъ не только освобожденіе отъ матеріальныхъ заботъ, которыя въ теперешнемъ его положеніи были для него невыполнимы, но и ту нравственную поддержку, которая была такъ необходима для него въ тяжелый моментъ моральнаго упадка духа. Одна черта въ ихъ отношеніяхъ была особенно важна для П. И. — это нежеланіе Н. Ф. лично съ нимъ знакомиться. Еще въ отвѣтъ на письмо ея отъ 7-го марта П. И. писалъ: «Меня нисколько не удивляетъ, что полюбивъ мою музыку, вы не стремитесь къ знакомству съ авторомъ ея... И вы совершенно правы. Я чувствую, что при болѣе близкомъ ознакомленіи со мной, вы бы не нашли того соотвѣтствія, той полной гармоніи музыканта съ человѣкомъ, о которой мечтаете». При томъ же отвращеніи къ личнымъ сношеніямъ съ людьми, которое столь характерно для состоянія духа П. И. въ первые годы послѣ катастрофы, незнакомство съ Н. Ф. было необходимымъ условіемъ сохраненія дружбы между нею и П. И. И условіе это было выполнено въ точности; оба они до своей смерти, проникнутые глубочайшими и нѣжнѣйшими чувствами другъ къ другу, не слышали голоса другъ друга, хотя нѣсколько разъ встрѣчались чуть ли не лицомъ къ лицу.

Дружба Н. Ф. явилась для П. И. счастливой замѣной той женской любви, которой онъ такъ жаждалъ и которой былъ лишенъ *). Доста-

*) 9-го февраля 1878 года П. И. пишетъ Н. Ф.: „Вы спрашиваете, другъ

точно привести нѣсколько выписокъ изъ многочисленныхъ писемъ П. И. къ Н. Ф. за тринадцать лѣтъ ихъ дружбы, чтобы ясно видѣть, чѣмъ была эта дружба для него.

«Въ письмѣ вашемъ столько теплоты, столько дружбы, что оно одно достаточно, чтобы заставить меня снова полюбить жизнь... Мнѣ остается только услуживать и угождать вамъ посредствомъ музыки. Н. Ф., каждая нота, которая отнынѣ выльется изъ подъ моего пера, будетъ посвящена вамъ. Вамъ я буду обязанъ тѣмъ, что любовь къ труду возвратится ко мнѣ съ удвоенной силой... Безъ всякой ложной скромности скажу вамъ, что все, что мною написано, кажется мнѣ такъ несовершенно, такъ слабо въ сравненіи съ тѣмъ, что я могу и долженъ сдѣлать. И я это сдѣлаю... Симфонія наша (IV-я—посвященная лучшему другу (Н. Ф.)—будетъ окончена не далѣе декабря... Пусть эта музыка, тѣсно связанная съ мыслью о васъ, скажетъ вамъ за меня, что я люблю васъ всѣми силами души моей, мой лучшій, несравненный другъ!» (Письмо отъ 25-го октября 77-го года изъ-за границы)

«Я, когда сочиняю и именно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя выливаются прямо изъ живого источника, согрѣтаго чувствомъ вдохновенія, непремѣнно всегда обращаюсь мысленно къ вамъ» (10-го октября 80-го года. Каменка).

«Если бы вы только вполовину могли знать всю неизмѣримость блага, которымъ я вамъ обязанъ» (4-го Февраля 86-го года. Москва, «Милый, дорогой, безцѣнный другъ мой, гдѣ вы теперь? Не знаю; а между тѣмъ, ощущаю такую неопреодолимую потребность хоть немножко побесѣдовать съ вами, что начинаю писать, имѣя въ виду отослать письмо, когда въ Москвѣ узнаю вашъ адресъ» (17-го декабря 1889 года. С.-Петербургъ).

Если къ этимъ немногимъ строкамъ прибавить, что за эти 13 лѣтъ П. И. подробнѣйшимъ образомъ сообщалъ Н. Ф. о самыхъ интимныхъ сторонахъ своей жизни, такъ что одна его переписка съ ней является почти полной его автобіографіей за эти годы, то становится яснымъ, какое значеніе имѣла для него дружба Н. Ф.

Но— въ людскихъ отношеніяхъ это роковое «но», къ несчастью, неизбѣжно—эта же дружба нанесла П. И. тотъ нравственный ударъ, который былъ для него тяжелѣе всѣхъ несчастій его жизни, ударъ, нанесшій ему душевную рану, мучительно болѣвшую до послѣднихъ минутъ его жизни.

Въ письмѣ отъ 13-го сентября 1890 года Н. Ф., извѣщая П. И. о грозящемъ ей разореніи, сообщила ему, что не можетъ далѣе продолжать выдавать ему субсидію. Это было послѣднее письмо ея къ

мой, знакома ли мнѣ любовь не платоническая? И да, и нѣтъ. Если вопросъ этотъ поставить нѣсколько иначе, т.-е. спросить, испыталъ ли я полноту счастья въ любви, то отвѣчу: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ".

П. И., послѣ котораго она внезапно и совершенно прервала съ нимъ всякія сношенія. Уже въ этомъ письмѣ заключались слова («Не забывайте и вспоминайте иногда»), чрезвычайно больно уколовшія П. И. Но когда вскорѣ онъ убѣдился, что опасность разоренія для Н. Ф. оказалась мнимою, и что она богата попрежнему, онъ увидѣлъ въ ея послѣднемъ письмѣ «желаніе отдѣлаться отъ него, пользуясь первымъ попавшимся предлогомъ». «Отношенія мои къ Н. Ф. были такія, что я никогда не тяготился ея щедрой подачкой,—писалъ онъ П. И. Юргенсону (издатель П. И. и близкій ему другъ),—теперь же я ретроспективно тягощусь. Оскорблено мое самолюбіе, обманута моя увѣренность въ безграничную готовность матеріально поддерживать меня и приносить ради меня всяческія жертвы». Необходимо предупредить здѣсь могущее возникнуть подозрѣніе, что П. И. огорчало въ данномъ случаѣ уменьшеніе его доходовъ. Мы увидимъ далѣе, что П. И. вообще былъ совершенно равнодушенъ къ деньгамъ, а въ это время онъ, кромѣ того, получалъ болѣе десяти тысячъ въ годъ отъ своихъ сочиненій. Его мучила моральная сторона дѣла, и мученія эти увеличились чрезмѣрно, когда онъ, желая сохранить свои дружескія сношенія съ Н. Ф., продолжалъ ей писать, и ни на одно письмо не получилъ отвѣта. Вотъ что писалъ онъ В. А. Пахульскому *) 6-го іюня 1891 года, почти черезъ годъ послѣ послѣдняго письма Н. Ф.: «Совершенно вѣрно, что Надежда Филаретовна больна, слаба, нервно разстроена и писать мнѣ попрежнему не можетъ. Да я ни за что на свѣтѣ и не хотѣлъ бы, чтобы она изъ-за меня страдала. Меня огорчаетъ, смущаетъ и, скажу откровенно, оскорбляетъ не то, что она мнѣ не пишетъ, а то, что она совершенно перестала интересоваться мною... Мнѣ *хотѣлось*, мнѣ *нужно* было, чтобы мои отношенія съ Н. Ф. нисколько не измѣнились вслѣдствіе того, что я пересталъ получать отъ нея деньги. Къ сожалѣнію, это оказалось невозможнымъ вслѣдствіе совершенно очевиднаго охлажденія Н. Ф. ко мнѣ. Въ результатѣ вышло то, что я пересталъ писать Н. Ф., прекратилъ почти всякія съ нею сношенія *послѣ того, какъ лишился ея денегъ*. Такое положеніе унижаетъ меня въ собственныхъ глазахъ, дѣлаетъ для меня невыносимымъ воспоминаніе о томъ, что я принималъ ея денежныя выдачи, постоянно терзаетъ и тяготитъ меня свыше мѣры...» «Это (перемѣна отношенія Н. Ф. къ П. И.) перевертываетъ вверхъ дномъ мои воззрѣнія на людей, мою вѣру въ лучшихъ изъ нихъ; это смущаетъ мое спокойствіе, отравляетъ ту долю счастья, которая удѣляется мнѣ судьбою». Это писалъ человѣкъ, достигшій всемірной славы, предметъ уваженія лучшихъ людей своего времени, предметъ поклоненія

*) Бывшій ученикъ московской консерваторіи, скрипачъ, диллетантъ-композиторъ, замѣнившій у Н. Ф. въ 1878 году Котека, позже женившійся на дочери Н. Ф. Юліи Карловнѣ.

массы, но лишенный личнаго счастья въ видѣ женской любви, и обманувшійся въ женской дружбѣ, въ которую онъ такъ вѣрилъ и которая оказалось иллюзіей. Въ день смерти, въ тяжеломъ бреду П. И. постоянно повторялъ имя Н. Ф. гнѣвно, упрекая ее. Ея измѣна была каплей, переполнившей чашу страданій, предназначенныхъ П. И. судьбою, и скорбь, полившаяся черезъ край, стала источникомъ вдохновенія и причиной того впечатлѣнія, которое выносимъ мы, слушая лебединую пѣснь композитора, его VI-ю симфонію.

Біографъ П. И. объясняетъ разрывъ Н. Ф. съ нимъ тѣмъ, что *съ конца 1890 года* вся жизнь ея была долгое угасаніе отъ тяжелаго нервнаго недуга, измѣнившаго ея отношенія не только къ одному П. И. Но мы не можемъ считать это объясненіе достаточнымъ. Даже изъ тѣхъ неполныхъ данныхъ, которыя мы имѣемъ въ біографіи П. И. (письма самой Н. Ф. не подлежатъ опубликованію!), мы можемъ попытаться вывести другое объясненіе перемѣны отношеній Н. Ф. къ П. И. Причина этой перемѣны крылась въ самой сущности этихъ отношеній, основанныхъ на ненормально-болѣзненной чувствительности обоихъ лицъ. Если бы П. И. не былъ такъ безгранично довѣрчивъ къ людямъ, если-бы онъ могъ скептически взглянуть на отношеніе къ нему Н. Ф., то уже въ самомъ началѣ онъ замѣтилъ бы ту трещину въ ихъ отношеніяхъ, которая грозила и послѣ дѣйствительно превратилась въ раздѣлившую ихъ пропасть. Увлеченіе Н. Ф. музыкой П. И. было основано не на глубокомъ ея пониманіи и сочувствіи, а на болѣзненно-страстной воспріимчивости Н. Ф. къ музыкѣ. Вотъ доказательство. «Первое изъ вашихъ сочиненій, которое я услышала, —пишетъ Н. Ф. композитору 7-го марта 1877 года,—была «Буря»; невозможно выразить то впечатлѣніе, какое она произвела на меня, я нѣсколько дней была, какъ въ бреду». 18-го марта того же года Н. Ф. пишетъ: «Вашъ маршъ (на темы изъ «Опричника»!) до того хорошъ, что, я надѣюсь, онъ приведетъ меня въ счастливое состояніе сумасшедшихъ—состояніе потери сознанія всего, что дѣлается горькаго и обиднаго на свѣтѣ». Если принять во вниманіе, что на насъ именно эта музыка Чайковскаго не производитъ и сотой доли такого впечатлѣнія (эти вещи далеко не лучшія и не наиболѣе страстныя сочиненія П. И.), если прибавить, что мѣсяцемъ позже Н. Ф. заказываетъ П. И. сочиненіе для скрипки и фортепіано въ стилѣ какого-то Коне, то станетъ понятнымъ, что источникъ дѣйствія музыки П. И. на Н. Ф. лежалъ гораздо больше въ болѣзненной страстности Н. Ф., чѣмъ въ самой музыкѣ П. И. А если это заключеніе вѣрно, то уже тогда можно было бы предвидѣть, что съ годами (Н. Ф. было уже 45 лѣтъ) отношеніе Н. Ф. къ музыкѣ П. И. можетъ легко измѣниться.

Затѣмъ, когда Н. Ф., перенеся свое страстное отношеніе съ музыки П. И. на его личность, писала ему, что боится знакомства съ нимъ, чтобы не разрушить своего идеальнаго представленія о немъ,

то было очень неосторожно со стороны Б. И. понять эти слова слишкомъ буквально. Конечно, первые годы его болѣзни (послѣ женитьбы), когда онъ тщательно скрывался отъ людей и каждое личное прикосновеніе человѣческое было ему больно, было вполнѣ естественнымъ, что П. И. и Н. Ф., при всей искренности ихъ дружбы, избѣгали встрѣчи. Но позже, когда П. И. сталъ жить на людяхъ, когда ему пришлось нѣсколько разъ встрѣтиться съ Н. Ф. лицомъ къ лицу, нежеланіе П. И. лично познакомиться съ нею (это нежеланіе было съ его стороны гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ съ ея) могло придать комическій оттѣнокъ ихъ отношеніямъ, оттѣнокъ совершенно незамѣтный для П. И., но могшій стать весьма чувствительнымъ для Н. Ф., въ особенности, когда отношенія ея съ П. И. перестали быть тайной для извѣстнаго числа лицъ. А комическій оттѣнокъ въ платонической дружбѣ мужчины съ женщиной есть вещь крайне опасная.

Наконецъ, самымъ опаснымъ моментомъ этой дружбы являются денежныя отношенія. Денежныя отношенія—это такой ядовитый реактивъ на прочность дружбы, который въ состояніи выдержать, не разрушаясь, только очень прочныя отношенія. Если бы П. И. не былъ по отношенію къ деньгамъ человѣкомъ совершенно не отъ міра сего, то онъ бы постарался освободиться отъ денежныхъ отношеній съ Н. Ф. какъ можно раньше. И это было вовсе не такъ трудно сдѣлать. Послѣ 19-го октября 1884 года, когда «Евгеній Онѣгинъ» впервые былъ поставленъ въ Императорскомъ театрѣ въ Петербургѣ, П. И. былъ въ сущности матеріально обезпеченъ: кромѣ поспектакльной платы за свои оперы, онъ получалъ довольно большой гонораръ отъ П. И. Юргенсона (насколько можно заключить изъ біографіи, т. III, стр. 264, П. И. получалъ въ 88 году 3000 рублей въ годъ), и ежегодную пенсію отъ государя въ размѣрѣ 3000 рублей *) (съ 1888 года).

Но П. И., не имѣя самъ ни малѣйшаго чувства собственности къ деньгамъ **), предполагалъ, что и для его «лучшаго друга» деньги имѣютъ

---

*) По словамъ его біографа П. И. получалъ къ концу жизни до 20-ти тысячъ въ годъ.

**) Какъ въ консерваторскіе годы, когда П. И. жилъ уроками музыки, такъ и въ концѣ своей жизни, когда онъ имѣлъ до 20-ти тысячъ ежегоднаго дохода, П. И. всегда нуждался въ деньгахъ и нерѣдко былъ безъ копейки. Причиной была его расточительность, проистекавшая не изъ его личныхъ потребностей въ комфортѣ или удовольствіяхъ, дорого стоющихъ (П. И. былъ человѣкъ самыхъ скромныхъ требованій), а изъ прирожденнаго отсутствія чувства собственности. Вслѣдствіе этого, съ одной стороны, у него масса денегъ уходила зря, вслѣдствіе непрактичности, а съ другой стороны (и это былъ главный его расходъ), кромѣ постоянныхъ его пансіонеровъ (братъ Модестъ получалъ 2000 р., жена П. И. 1200 р. въ годъ и др.), никто, обращавшійся за матеріальной помощью къ П. И. не получалъ отъ него отказа, такъ что гораздо большая часть его доходовъ уходила на другихъ, а не на него. Высшимъ идеаломъ П. И., въ смыслѣ обладанія собственностью, было пріобрѣтеніе клочка земли или дома,

такое же значеніе,—и это была роковая ошибка. Если бы П. И. своевременно устранилъ денежный элементъ изъ своихъ отношеній къ Н. Ф., то разрывъ съ нею, при какихъ бы обстоятельствахъ онъ ни произошелъ, никогда не получилъ бы того пошлаго оттѣнка, вслѣдствіе котораго П. И. съ горечью могъ назвать свои отношенія къ Н. Ф. «банальной, глупой шуткой, отъ которой мнѣ стыдно и тошно» (письмо къ П. И. Юргинсону въ октябрѣ 1891 года) *).

Возвращаюсь къ хронологическому порядку.

Послѣ перенесеннаго имъ въ октябрѣ 1877 года нравственнаго потрясенія, П. И. оправлялся очень медленно, и даже, когда острый періодъ нервнаго и моральнаго разстройства прошелъ, слѣды болѣзни все же остались на всю жизнь. Въ 1883 году онъ называетъ себя въ письмѣ къ Н. Ф. «надломленнымъ, нравственно и умственно не совсѣмъ здоровымъ человѣкомъ». Главные признаки его болѣзни заключались въ тѣхъ мучительныхъ страданіяхъ, которыя причиняли ему личныя сношенія съ людьми. Даже по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, даже въ концѣ жизни проводить время съ людьми (за немногими исключеніями) требовало отъ П. И. такихъ усилій воли надъ собою, которыя были для него мучительны и страшно его утомляли. Самъ П. И. совершенно неправильно называетъ этотъ свой психозъ мизантропіей. Трудно найти человѣка, болѣе благорасположеннаго ко всѣмъ людямъ и бо́льшаго оптимиста въ отношеніи людей, чѣмъ П. И., но для него было мучительно, когда люди слишкомъ близко къ нему подходили, заставляли его говорить съ ними и быть «не самимъ собою». П. И. отлично понималъ, что жизнь въ обществѣ основана на лжи, что ложь, условное право каждаго человѣка не открывать своихъ мыслей и чувствъ первому встрѣчному, есть то масло, которое уменьшаетъ треніе частей въ общественной машинѣ, и тѣмъ не менѣе эта необходимость быть въ обществѣ инымъ, чѣмъ въ кругу самыхъ близкихъ людей, необходимость, выполняемая всѣми людьми безо всякаго усилія, обходилась П. И. чрезвычайно дорого, требуя затраты огромныхъ усилій воли *). Такимъ образомъ, одиночество, столь тягостное для обыкновенныхъ людей, было для П. И. необходимымъ

подъ Москвою, чтобы имѣть свой собственный уголъ; но П. И. такъ и умеръ не осуществивъ своихъ скромныхъ мечтаній за неимѣніемъ средствъ (отъ помощи въ видѣ займа въ 25 тысячъ, предложеннаго ему братомъ Анатоліемъ, П. И. рѣшительно отказался.).

*) Нельзя не пожалѣть, что самые близкіе къ П. И. люди, какъ его младшіе братья или П. И. Юргенсонъ, люди, болѣе практичные, чѣмъ самъ П. И., не пришли ему на помощь своевременнымъ совѣтомъ отказаться отъ денежной помощи Н. Ф.—отъ какой горечи избавили бы они П. И.!

**) Въ 1882 году П. И. пишетъ брату Модесту: „Живя среди людей, невозможно не лгать отъ первой минуты пробужденія до момента засыпанія. Всѣ лгутъ, но не всѣхъ это тяготитъ... Что касается меня, то все больше и больше ненавижу я жизнь въ обществѣ“.

условіемъ относительнаго спокойствія духа, особенно въ первые годы послѣ женитьбы. Это одиночество могли нарушать только младшіе братья П. И., Анатолій и Модестъ, и Алексѣй Софроновъ, преданный П. И. слуга, поступившій къ нему въ 1871 году и остававшійся при немъ до смерти П. И. Вскорѣ къ липамъ, присутствіе которыхъ не тяготило П. И., присоединилась сестра его А. И. Давыдова, ея мужъ и родные мужа *).

До 1885 года, когда П. И. вновь вернулся къ жизни въ обществѣ, онъ проживалъ большею частью за границей или въ имѣніи Давыдовыхъ, Каменкѣ, или въ имѣніи Н. Ф. фонъ-Меккъ, когда ея тамъ не было.

Въ Москвѣ и Петербургѣ П. И. появлялся только наѣздомъ, когда его присутствіе требовалось исполненіемъ, его сочиненій въ особенности постановкой его оперъ.

Эти посѣщенія столицъ всегда въ этомъ періодѣ вызывали въ немъ чувство чрезмѣрной усталости и отвращенія, доводившихъ его до истерическихъ припадковъ.

Главнымъ, вѣрнѣе единственнымъ, занятіемъ П. И. въ эти годы было музыкальное творчество. Только непрерывный трудъ сочиненія музыки спасалъ П. И. отъ страшныхъ припадковъ тоски и отчаянія, которые время отъ времени овладѣвали его душой.

Если по внѣшнимъ обстоятельствамъ П. И. лишенъ бывалъ возможности работать, то для заглушенія тоски онъ прибѣгалъ къ большимъ дозамъ коньяка, безъ чего иногда онъ не былъ въ состояніи заснуть.

Если у него изсякала собственная иниціатива къ сочинительству, то П. И. прибѣгалъ къ внѣшнимъ побужденіямъ, въ родѣ просьбъ къ своему другу-издателю П. И. Юргенсону заказать ему какую-нибудь работу.

Вообще, П. И. держался того мнѣнія, что вдохновенія не слѣдуетъ ждать, что его нужно призывать работой. «Вдохновеніе—это такая гостья, которая не любитъ посѣщать лѣнивыхъ. Она является къ тѣмъ, которые призываютъ ее».

Назову главныя сочиненія П. И. за эти годы. Оперы: «Онѣгинъ» (вчернѣ написана до сентября 77 года), «Орлеанская Дѣва», «Мазепа». Оркестровыя сочиненія: 4-я симфонія (вчернѣ написана до сентября 77 года), три сюиты, струнная серенада, увертюра «12-й годъ»; духовныя сочиненія (литургія, всенощная); романсы (между ними

*) Глава семейства Давыдовыхъ, Александра Ивановна, была жена декабриста, послѣдовавшая за мужемъ въ Сибирь и прожившая тамъ много лѣтъ. У нея было одиннадцать человѣкъ дѣтей, которыя всѣ, по словамъ П. И., „принадлежатъ къ отборнымъ представителямъ человѣческой расы“. Вообще въ лицѣ всего семейства Давыдовыхъ П. И. видѣлъ „душевное совершенство человѣка“.

дѣтскій альбомъ); сочиненія для фортепіано (между ними дѣтскій альбомъ) и др.

Съ начала 1885 года Петръ Ильичъ возвращается къ общественной жизни. Біографъ П. И. объясняетъ это возвращеніе убѣжденіемъ его въ томъ, что его обязанность принести своею общественною дѣятельностью людямъ ту пользу, какую онъ принести въ состояніи. Но психологическое объясненіе этой перемѣны въ образѣ жизни П. И. оказывается болѣе сложнымъ.

Прежде всего нужно отмѣтить, что къ этому времени болѣзненная нелюдимость П. И. значительно уменьшилась, и хотя личныя отношенія къ людямъ попрежнему утомляли его и стоили ему усилій, но уже не въ такой мѣрѣ, какъ прежде. Вмѣстѣ съ тѣмъ, одиночество, которое до того было для него необходимостью, начинаетъ тяготить его: является прямая потребность въ человѣческомъ обществѣ. Въ дневникѣ П. И. *) отъ 16-го марта 1887 года читаемъ: «Нечего скрывать отъ себя, что въ сущности вся поэзія жизни въ деревнѣ и въ одиночествѣ почему-то пропала. Я нигдѣ себя такъ скверно не чувствую, какъ дома. Какъ только не работаю—тоска, страхъ за будущее и и т. д. Ужъ полно, такъ ли, что мнѣ слѣдуетъ жить въ одиночествѣ? Когда я въ городѣ, мнѣ кажется блаженствомъ быть здѣсь, а здѣсь я не испытываю никакихъ радостей». Изъ этихъ строкъ мы видимъ, что въ этомъ періодѣ жизни П. И. его уже не удовлетворяла жизнь въ одиночествѣ, но и жизнь въ городѣ была ему въ тягость. Внѣшнимъ выходомъ изъ этой дилемы было избраніе такого мѣста жительства, которое давало бы П. И. возможность поддерживать личныя отношенія со своими друзьями и избѣгать ненужныхъ отношеній, неизбѣжныхъ въ городѣ. Поэтому П. И. съ 1885 года имѣлъ постоянную осѣдлость въ деревнѣ подъ Москвой, куда къ нему постоянно могли пріѣзжать московскіе друзья: Ларошъ, Кашкинъ, Танѣевъ и др. Такимъ убѣжищемъ П. И. были: сперва Майдановo, имѣніе въ двухъ верстахъ отъ г. Клина, гдѣ П. И. нанималъ себѣ домъ; затѣмъ въ 1888 году П. И. поселился въ шести верстахъ отъ Клина въ селѣ Фроловскомъ, въ имѣніи Паниныхъ, куда онъ бѣжалъ отъ майдановскихъ дачниковъ; и, наконецъ, послѣднимъ его жилищемъ былъ домъ на окраинѣ г. Клина. Этотъ домъ теперь принадлежитъ брату П. И. Модесту и племяннику П. И. В. Давыдову, и въ немъ сохраняются вся обстановка покойнаго и архивъ его имени.

Если вникнуть глубже въ причины, заставлявшія П. И. искать спасенія отъ душевной тоски въ перемѣнѣ внѣшнихъ условій жизни, то мы увидимъ, что причины эти коренились въ той нравственной и нервной надломленности, которая сопутствовала П. И. до могилы. До

*) П. И. очень любилъ вести дневникъ въ разные годы своей жизни. Года за два до смерти онъ сжегъ большую часть дневниковъ; часть сохранилась.

1885 года его спасала творческая работа; позже П. И. понялъ и еще сильнѣе почувствовалъ, что творческая способность есть источникъ, болѣе или менѣе быстро исчерпываемый, и боязнь истощенія этой способности, все чаще и чаще закрадываясь въ его душу, наполняли ее отчаяніемъ. Вотъ именно, чтобы дать себѣ отдыхъ отъ музыкальнаго сочиненія, П. И. искалъ внѣшнихъ средствъ занять свой досугъ: онъ изучалъ англійскій языкъ, массу читалъ, мечталъ о литературной дѣятельности, пробовалъ лично участвовать въ консерваторскихъ дѣлахъ въ Москвѣ и, наконецъ, совершалъ массу артистическихъ поѣздокъ въ Россіи и за границей.

Внѣшнимъ поводомъ къ общественной дѣятельности былъ упадокъ московскаго отдѣленія Императорскаго музыкальнаго общества (и консерваторіи) со смертью Н. Г. Рубинштейна (въ 1881 году). Выбранный въ 1885 году единогласно въ директоры этого отдѣленія, П. И. принимаетъ дѣятельное участіе какъ въ устройствѣ симфоническихъ концертовъ, долженствовавшихъ поднять престижъ и увеличить средства общества, такъ и въ дѣлахъ консерваторіи. Но такого рода дѣятельность была для П. И. въ сущности только исполненіемъ тяжелаго и крайне утомительнаго долга: онъ не былъ созданъ для примиренія тѣхъ дрязгъ, столкновеній самолюбій и т. п., которыми преисполнены всякія артистическія и не артистическія общества. Поэтому П. И. былъ въ глубинѣ души доволенъ, когда новый директоръ консерваторіи В. И. Сафоновъ, приглашенный въ 1889 году, своими деспотическими дѣйствіями, шедшими въ разрѣзъ съ желаніями П. И., заставилъ его въ февралѣ 1890 года уйти изъ дирекціи и прекратить свое участіе въ ея дѣлахъ.

Гораздо болѣе по душѣ была П. И. та общественная дѣятельность, которая выражалась въ сношеніяхъ его съ молодыми композиторами. Трудно передать то вниманіе, ласковость, осторожность въ порицаніяхъ, которыя проявлялъ П. И. въ своихъ отношеніяхъ къ С. И. Танѣеву, Ипполитову-Иванову, Аренскому, Глазунову и многимъ другимъ лицамъ. Пользуясь чрезвычайнымъ авторитетомъ, какъ одинъ изъ первыхъ композиторовъ своего времени, П. И. въ то же время своею личностью внушалъ такую любовь и уваженіе, что подъ конецъ жизни сталъ настоящимъ притягательнымъ центромъ для многихъ музыкантовъ съ которыми даже и не былъ въ близкихъ отношеніяхъ. Благодаря, всѣмъ этимъ все вновь возникавшимъ связямъ, переписка П. И., въ которой онъ былъ чрезвычайно аккуратенъ и которую велъ самъ лично, возрастаетъ въ эти годы до громадныхъ размѣровъ: ему приходилось иногда писать до 30 писемъ въ день. Еще болѣе увеличились сношенія П. И. съ различными лицами вслѣдствіе его артистическихъ поѣздокъ.

Мы уже видѣли, что поѣздки эти предпринимались отчасти съ цѣлью наполнить время, свободное отъ музыкальнаго творчества.

Быть можетъ еще болѣе побудительной къ нимъ причиной было желаніе П. И. своимъ присутствіемъ въ концертахъ и оперѣ содѣйствовать успѣху своихъ сочиненій. Какъ человѣкъ въ высшей степени искренній, П. И. никогда не рисовался кажущимся равнодушіемъ къ своему успѣху въ публикѣ: каждый неуспѣхъ, который при мнительности П. И. часто сильно имъ преувеличивался, былъ для него ударомъ ножа въ сердце. Послѣ неуспѣха оперы «Мазепа» въ Петербургѣ, о которомъ онъ получилъ извѣстія въ Парижѣ, П. И. пишетъ брату Модесту 18 февраля 1884 г.: «А все-таки ты хорошо сдѣлалъ, что лгалъ!.. (братъ телеграфировалъ объ успѣхѣ оперы), ибо меня, право, можно было убить правдой... Не знаю, какъ я могъ пережить вчерашній день (Юргенсонъ подробно писалъ о неуспѣхѣ «Мазепы»). Весь день я страдалъ такъ ужасно, какъ будто случилось непоправимое, ужасное бѣдствіе». При такомъ отношеніи, къ своимъ произведеніямъ *), П. И. однако никогда въ жизни не дѣлалъ шагу въ смыслѣ искательства какими-нибудь побочными путями добиваться исполненія или успѣха своихъ сочиненій. Единственное, что онъ считалъ себя въ правѣ и даже обязаннымъ дѣлать—это способствовать своимъ присутствіемъ и личнымъ участіемъ при постановкѣ оперъ или въ качествѣ дирижера успѣху своихъ дѣтищъ. И въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, присутствіе П. И. имѣло большое значеніе: его личность такъ обаятельно дѣйствовала на исполнителей, имя его послѣ «Онѣгина» стало такъ популярно въ публикѣ, что появленіе его на эстрадѣ вызывало обыкновенно бурю восторговъ и овацій. Такъ было не только въ обѣихъ столицахъ, но, пожалуй, еще болѣе въ провинціи, гдѣ появленіе П. И. было рядомъ тріумфовъ въ Харьковѣ, Кіевѣ, Одессѣ и особенно въ Тифлисѣ.

Что касается дирижерства П. И., то въ этомъ отношеніи до сихъ поръ господствуетъ заблужденіе, будто П. И. былъ или могъ бы сдѣлаться хорошимъ капельмейстеромъ. Это заблужденіе, простительное для публики, странно слышать въ устахъ музыкальныхъ критиковъ, какъ Кюи или Ларошъ.

Мнѣ приходилось играть подъ управленіемъ П. И. и я могу совершенно увѣренно сказать, что капельмейстеромъ онъ никогда не могъ-

*) Здѣсь необходимо категорически отмѣтить, что при всей чувствительности Чайковскаго къ неуспѣху своихъ музыкальныхъ дѣтищъ, которыхъ онъ страстно любилъ, особенно новорожденныхъ, чувство зависти къ соперникамъ было ему совершенно чуждо. Никто никогда не могъ бы упрекнуть П. И., что онъ пытался вытѣснить со сцены или съ эстрады конкурирующія ему сочиненія; напротивъ, онъ всегда безкорыстно хлопоталъ и примѣнялъ свое вліяніе, чтобы дать ходъ сочиненіямъ композиторовъ, къ какому бы направленію они ни принадлежали. Даже сужденія П. И. о композиціяхъ были совершенно свободны отъ давленія зависти, такъ часто ослѣпляющей авторовъ: онъ имѣлъ музыкальныя симпатіи и антипатіи, но онѣ отнюдь не зависѣли отъ степени успѣха того или другого сочиненія.

бы сдѣлаться: по своей психической организаціи П. И. никогда не могъ бы пріобрѣсти капельмейстерской техники, оставляя въ сторонѣ высшія качества исполненія. Капельмейстерская техника состоитъ, помимо музыкальныхъ качествъ, прежде всего въ умѣніи владѣть психически оркестромъ и публикой. На репетиціяхъ капельмейстеръ долженъ умѣть заставить (нравственно) каждаго артиста оркестра играть именно такъ, какъ онъ (капельмейстеръ) этого хочетъ; въ концертѣ капельмейстеръ долженъ умѣть побѣдить инерцію публики и приковать ея вниманіе. П. И., отъ природы крайне застѣнчивый и нервный, на репетиціяхъ стѣснялся сдѣлать музыканту даже самыя необходимыя замѣчанія, а во время исполненія волненіе П. И. доходило до крайнихъ предѣловъ, до истерическихъ припадковъ въ антрактѣ концерта *). При такомъ состояніи нечего и думать о владѣніи оркестромъ и публикой. Это состояніе П. И. оркестръ хорошо чувствовалъ, и если тѣмъ не менѣе оркестръ игралъ съ П. И. не плохо, то это зависѣло отъ той любви, которую внушали артистамъ и сочиненія и личность композитора. Тѣмъ не менѣе, несмотря на сильнѣйшія нравственныя страданія и страшное утомленіе отъ дирижированія, П. И. многократно выступалъ въ качествѣ дирижера своихъ сочиненій какъ въ Россіи, такъ и за границей.

Побуждали его къ этому съ одной стороны поощренія друзей и прессы, съ другой то огромное наслажденіе, которое онъ испытывалъ лично участвуя въ увлеченіи, съ которымъ оркестръ исполнялъ его сочиненія. Послѣ концерта филармоническаго общества 5-го марта 1887 г. въ Петербургѣ, въ которомъ П. И. стоялъ во главѣ Императорской оперы, онъ писалъ: «Наслажденіе этого рода («стоять во главѣ превосходнаго оркестра, съ любовью и увлеченіемъ исполняющаго прозведеніе дирижера») до послѣдняго времени было мнѣ неизвѣстно; оно такъ сильно и такъ необычайно, что выразить его словами невозможно, и если мое дирижированіе отняло отъ меня нѣсколько лѣтъ жизни, то я о томъ не жалѣю. Я испыталъ минуты безусловнаго счастья и блаженства».

За границей извѣстность П. И. началась довольно рано. Раньше всѣхъ содѣйствовалъ распространенію сочиненій П. И. за границей піанистъ Клиндвортъ, профессоръ московской консерваторіи, имѣвшій артистическія связи за границей, ярый вагнеріанецъ, очарованный, вѣроятно, болѣе личностью П. И., чѣмъ его сочиненіями (въ оперѣ

*) О репетиціяхъ и исполненіи „Черевичекъ“ (передѣлка оперы „Вакула“), которыми П. И. самъ дирижировалъ въ январѣ 89-го года, онъ пишетъ: „чѣмъ ближе наступалъ ужасный день (первой репетиціи), тѣмъ невыносимѣе я страдалъ“. Послѣ второго спектакля П. И. пишетъ: „Мнѣ дирижировать было гораздо труднѣе, чѣмъ въ первый разъ: по временамъ даже находилъ страхъ, ужасъ и чувство, что вотъ, вотъ сейчасъ, не въ силахъ буду махать больше Однако же, никто этого не замѣтилъ“.

Вагнеръ и П. И. противоположности). Затѣмъ, большое значеніе для П. И. имѣло увлеченіе его сочиненіями геніальнаго дирижера Г. Бюлова, который напечаталъ уже въ 1874 году хвалебную статью въ честь П. И. Въ Вѣнѣ, несмотря на ярыя нападенія Ганслика, назвавшаго концертъ для скрипки Чайковскаго «вонючей музыкой», пропагаторомъ этой музыки явились знаменитый дирижеръ Гансъ Рихтеръ и русскій скрипачъ А. Бродскій, имѣющій большое имя за границей. Забѣгая впередъ, назову еще тѣхъ капельмейстеровъ, которые наиболѣе способствовали славѣ П. И. позже: это Малеръ въ Гамбургѣ, позже въ Вѣнѣ ставившій оперы П. И., и Никишъ въ Лейпцигѣ и Берлинѣ. Въ Парижѣ распространителемъ сочиненій П. И. явился издатель Маккаръ, купившій у Юргенсона право изданія сочиненій Чайковскаго во Франціи, и капельмейстеръ Колоннъ. Относительно послѣдняго не лишнее будетъ здѣсь отмѣтить, что за исполненіе сочиненій П. И. въ своихъ концертахъ онъ бралъ денежную мзду, которую безъ вѣдома П. И. платила ему Н. Ф. ф. Меккъ.

Если прибавить къ сказанному, что П. И. во время своихъ поѣздокъ за границу познакомился лично съ весьма многими музыкальными знаменитостями, изъ которыхъ большинство были плѣнены личностью П. И., то будетъ понятно, что первая артистическая поѣздка его заграницу сопровождалась колоссальнымъ успѣхомъ. Поѣздка эта была предпринята П. И. въ концѣ 1887 года по приглашенію многихъ музыкальныхъ обществъ, просившихъ его пріѣхать лично дирижировать своими сочиненіями. Если принять во вниманіе, что П. И. былъ первый русскій композиторъ, приглашенный лично дирижировать въ рядѣ наиболѣе прославленныхъ концертныхъ учрежденій (Глинка далъ свой концертъ въ Парижѣ въ 1845 г. при очень неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, причемъ онъ самъ не дирижировалъ, такъ что концертъ этотъ прошелъ мало замѣченнымъ *), то не трудно видѣть, что такое приглашеніе было чрезвычайно лестно для артистическаго самолюбія П. И. О своей поѣздкѣ П. И. написалъ статью (описаніе начала поѣздки), напечатанную послѣ его смерти въ отдѣльномъ изданіи его фельетоновъ. Въ эту поѣздку П. И. дирижировалъ своими сочиненіями въ Лейпцигѣ, Гамбургѣ, Берлинѣ, Прагѣ, Парижѣ и Лондонѣ. Наибольшій успѣхъ имѣлъ П. И. въ Прагѣ, гдѣ въ его лицѣ чествовали не только славнаго композитора, но и представителя родственной націи. Наименьшій успѣхъ имѣлъ П. И. въ Парижѣ, гдѣ франко-русскія симпатіи проявляются и понынѣ столько же въ восхищеніи дрессированными свиньями Дурова или русской кулебякой, сколько и въ

*) Антонъ Рубинштейнъ, благодаря своему геніальному исполнительскому на роялѣ таланту, былъ свой человѣкъ за границей и въ качествѣ композитора, причемъ нѣмцы не безъ основанія считали его болѣе нѣмецкимъ, чѣмъ русскимъ композиторомъ.

преклоненіи передъ русскимъ искуствомъ. Центръ музыкальной жизни уже давно перемѣстился отъ французовъ къ нѣмцамъ, или вѣрнѣе сказать, кромѣ оперы, Парижъ собственно и не былъ никогда музыкальнымъ центромъ.

Если въ артистическомъ отношеніи поѣздка П. И. за границу была рядомъ тріумфовъ, то въ денежномъ отношеніи это удовольствіе, при его неумѣніи жить, обошлось очень дорого. Очень забавно замѣчаніе П. И. въ письмѣ его къ Юргенсону отъ 28-го марта 1888 года: «Конечно, съ денежной стороны поѣздка позорная,—да, вѣдь, я не ради денегъ ѣхалъ. Но въ результатахъ моей поѣздки ты ошибся: въ Лондонѣ я получилъ не 20, а 25 фунтовъ (благодаря большому успѣху, директора изволили прибавить 5 ф. на чай), да еще 500 марокъ въ Гамбургѣ ты не счелъ».

Гораздо выгоднѣе въ матеріальномъ отношеніи оказалась поѣздка П. И. въ Америку въ 1891 г., за которую антрепренеръ уплатилъ ему 2.500 долларовъ за 4 концерта. Въ послѣдніе годы своей жизни П. И. еще нѣсколько разъ съ большимъ успѣхомъ ѣздилъ дирижировать своими сочиненіями за границу, и изъ этихъ поѣздокъ отмѣтимъ здѣсь только поѣздку въ Лондонъ для личнаго полученія диплома доктора музыки—honoris causa—отъ кембриджскаго университета (1-го іюня 1893 года).

Въ нравственномъ отношеніи всѣ поѣздки за границу съ артистическими цѣлями были для П. И. въ такой степени мучительными, что слова только приблизительно рисуютъ его состояніе духа. Вотъ что писалъ П. И. 17-го мая 1893 года изъ Лондона своему племяннику Давыдову: «Вчера мои мученія дошли до того, что пропалъ сонъ и аппетитъ, а это у меня великая рѣдкость. Я страдаю не только отъ тоски, не поддающейся выраженію словомъ, но и отъ ненависти къ чужимъ людямъ, отъ какого-то неопредѣленнаго страха и еще чортъ его знаетъ чего. Физически это состояніе выражается въ боли въ нижней части живота и въ ноющей боли и слабости въ ногахъ».

Вообще общимъ фономъ, на которомъ развертываются послѣдніе годы жизни П. И., была безнадежная, ничѣмъ внѣшнимъ не объяснимая, тоска, о которой онъ такъ пишетъ Глазунову (одному изъ близкихъ къ нему въ послѣдніе годы композитору) въ письмѣ отъ 30-го января 1890 года (за 7 мѣсяцевъ до разрыва съ Н. Ф. Мекъ!): «Переживаю очень загадочную стадію на пути къ могилѣ. Что-то такое совершается внутри меня, для меня самого непонятное. Какая-то усталость отъ жизни, какое-то разочарованіе: по временамъ безумная тоска, но не та, въ глубинѣ которой предвидѣніе новаго прилива любви къ жизни, а нѣчто безнадежное, финальное, и даже, какъ это свойственно финаламъ, банальное».

Такъ какъ эти слова написаны Чайковскимъ въ апогеѣ его славы, когда казалось всѣ блага, доступныя человѣку, были въ его распоря-

женіи, то искать объясненія этого тяжелаго самочувствія приходится въ самыхъ тайникахъ души П. И., недоступныхъ никому изъ самыхъ близкихъ къ нему людей и, можетъ быть неясныхъ ему самому. Самый близкій къ П. И. человѣкъ, его братъ Модестъ, отказывается отъ «непосильной задачи разгадать эту послѣднюю психологическую эволюцію глубинъ духа П. И.». «Я не объясняю это состояніе,—пишетъ онъ,—предчувствіемъ близкой смерти: для этого нѣтъ никакихъ данныхъ»; но было въ немъ въ эти послѣдніе годы «что-то» безнадежно тревожное, заставлявшее П. И. искать разсѣянія во что бы то ни стало.

Мы уже видѣли, что около этого времени (въ сентябрѣ 1890 г.) произошелъ разрывъ П. И. съ Н. Ф. фонъ-Меккъ, разрывъ, страшно потрясшій его морально. Къ этому внѣшнему потрясенію стали присоединяться несчастія, неизбѣжныя для человѣка, вступившаго въ шестой десятокъ лѣтъ жизни: потеря близкихъ людей. Одинъ за другимъ умирали его друзья, умерли двѣ его любимыя племянницы, дочери сестры Александры Ильинишны Давыдовой, умерла она сама, и странное дѣло, та самая смерть, которую Петръ Ильичъ такъ ненавидѣлъ (онъ называлъ ее «противная курноска»), и похищенія которой до 1893 года всегда страшно дѣйствовали на него, — она стала какъ будто менѣе страшна. Біографъ П. И. разсказываетъ, что послѣ возвращенія изъ Англіи въ 1893 году до послѣдней смертельной болѣзни онъ былъ «спокоенъ, ясенъ, почти жизнерадостенъ, какъ въ лучшія эпохи жизни». Объясненіе этого спокойствія передъ нами: П. И. сочинялъ свою послѣднюю симфонію, въ которую онъ «вложилъ, безъ преувеличенія, всю свою душу».—«Симфонія эта» ,пишетъ въ одномъ письмѣ П. И.,—«проникнута настроеніемъ, очень близкимъ къ тому, которымъ переполненъ «Реквіемъ». Окончивъ симфонію, П. И. пишетъ Юргенсону 12-го августа 1893 года: «Честное слово, я никогда въ жизни не былъ такъ доволенъ собою, такъ гордъ, такъ счастливъ сознаніемъ, что сдѣлалъ въ самомъ дѣлѣ хорошую вещь». Если вообще наслажденіе творчествомъ было единственнымъ спасеніемъ П. И. отъ органически точившей его тоски, то созданіе симфоніи, въ которой онъ излилъ всѣ страданія своей больной души, должно было дать ему то спокойствіе и ясность духа, о которыхъ говоритъ его біографъ. Симфонія эта была исполнена въ первый разъ подъ управленіемъ автора въ концертѣ 16 го октября въ Петербургѣ. Симфонія имѣла средній успѣхъ, и это, видимо, огорчало П. И. На репетиціяхъ онъ безпокоился, не слишкомъ ли трудно написаны партіи и жадно читалъ въ глазахъ артистовъ, понимаютъ-ли они, что онъ хотѣлъ сказать въ этой музыкѣ. Но П. И. не былъ дирижеръ, и намъ *) оставалась темна сущность

*) Симфонію исполнялъ оркестръ Императорской оперы въ концертѣ музыкальнаго общества.

этой музыки: мы находили ее красивой, удивлялись нарушенію общепринятой формы симфоніи (финалъ Adagio), но совершенно не прочувствовали той смертельной скорби, которой проникнута симфонія. Истина открылась намъ вскорѣ: П. И. скончался отъ холеры черезъ 8 дней, 24-го октября, и тогда мы поняли, что говорилъ въ ней композиторъ. И то, что мы поняли, мы съумѣли передать публикѣ, когда играли эту симфонію 6-го ноября того же года съ Э. Ф. Направникомъ, и еще сильнѣе, когда мы не разъ играли эту симфонію съ Никишемъ. Въ настоящее время это любимѣйшая симфонія современныхъ капельмейстеровъ, имѣющая неизмѣнный успѣхъ, и П. И. могъ съ своей доброй, изящной улыбкой сказать вмѣстѣ съ Гейне, величайшимъ пѣвцомъ своихъ скорбей:

Und als ich euch meine Schmerzen geklagt,
Da habt ihr gegähnt und nichts gesagt;
Doch als ich zie zierlich in Musik (Versen) gebracht
Da habt ihr mir grosse Elogen gemacht.

Главныя сочиненія П. И. съ 1885 года. Оперы: «Чародѣйка», «Пиковая дама», «Іоланта»; балеты: «Спящая красавица» и «Щелкунчикъ»; симфоніи: «Манфредъ», № 5, № 6; смычковый секстетъ; романсы, сочин. для фортепіано и др.

Творчество каждаго художника имѣетъ двѣ стороны: объективную и субъективную. Первая есть результатъ дѣятельности творческаго воображенія и созерцанія, т.-е. особаго рода дѣятельности ума; вторая есть результатъ воздѣйствія на творческую способность художника его личныхъ чувствъ и настроеній. *Умъ художника* создаетъ форму произведенія, т.-е. то сочетаніе красокъ, линій, тоновъ, словъ, которое вызываетъ въ воспринимающемъ умѣ чувство эстетическаго, художественнаго наслажденія: послѣднее есть тоже результатъ дѣятельности воспринимающаго ума, который наслаждается планомѣрностью, цѣлесообразностью, художественной логичностью произведенія. *Личное чувство художника* сообщаетъ произведенію ту лирическую чувственную окраску, ту неуловимую иногда умомъ прелесть, нѣжность, глубину личнаго чувства художника, которая передается намъ непосредственно, безъ участія нашего сознанія приводя насъ въ то или другое настроеніе, вызывая въ насъ то или другое чувство.

Значеніе *объективнаго творчества* художника опредѣляется силой и глубиной его мыслительной способности: воспроизводитъ ли онъ черты человѣческаго характера, создаетъ ли онъ воплощеніе человѣческихъ страстей, олицетворяетъ ли онъ какую-либо отвлеченную идею, геній, творящій объективно, долженъ быть сильный, глубокій, значительный умъ, хотя бы этотъ умъ былъ мало способенъ къ отвлеченному мышленію и воспроизводилъ даже наиболѣе отвлеченныя идеи—

въ конкретныхъ образахъ (Шекспиръ, Гете, Пушкинъ, Толстой). *Значеніе лирики* художника опредѣляется глубиной и значительностью его личныхъ чувствъ, т.-е. качествами, которыя незначительные художники охотно хотѣли бы замѣнить искренностью. Лирическое значеніе Пушкина, Гейне, Чехова, опредѣляется не только тѣмъ, что они искренно переживали тѣ чувства, которыми окрашены ихъ произведенія, но еще болѣе тѣмъ, что эти чувства значительны, важны въ обиходѣ человѣческой жизни. Игра случая могла бы сдѣлать, и дѣлаетъ поэта или композитора изъ Манилова или Кулыгина («Три сестры» Чехова), но произведенія такихъ авторовъ едва ли кому-нибудь нужны, кромѣ такихъ же Маниловыхъ и Кулыгиныхъ. *Объективное творчество* художника обогащаетъ нашъ умъ, заставляетъ насъ мыслить; *лирика художника* обогащаетъ нашу душу чувствами, которыя, можетъ быть, безъ содѣйствія поэзіи и музыки никогда бы въ насъ не проснулись.

Указанная лирическая окраска произведеній свойственна различнымъ художникамъ въ различной степени. Величайшіе геніи способны совершенно отъ нея освободиться, и произведенія ихъ кажутся созданными не личностью, а сверхъестественной силой или геніемъ цѣлаго народа (Гомеръ, Шекспиръ); у другихъ художниковъ субъективная окраска произведеній чувствуется въ большей или меньшей степени (Гейне, Чеховъ), наконецъ бываютъ художники, талантъ которыхъ почти исключительно лирическій (Фетъ).

Раньше, чѣмъ перейти къ музыкѣ, я хотѣлъ бы указать здѣсь еще на одну замѣчательную черту высшихъ геніевъ, наиболѣе способныхъ къ объективному творчеству: въ ихъ произведеніяхъ съ необычайной силой чувствуются національныя черты, какъ будто въ нихъ взамѣнъ личныхъ чувствъ автора выступаютъ чувства всего народа, къ которому принадлежитъ художникъ (Гомеръ, Шекспиръ, Пушкинъ), и эти чувства окрашиваютъ произведеніе съ такою силою, какъ мы это видимъ еще только въ произведеніяхъ народной литературы *).

Примѣняя сказанное къ музыкѣ, мы прежде всего столкнемся съ очень распространеннымъ предразсудкомъ, будто музыка есть искусство исключительно лирическое: «музыка не познается умомъ, а чувствуется сердцемъ»—вотъ, что мы чаще всего слышимъ. Этотъ предразсудокъ зависитъ отъ очень малаго знакомства публики съ высшими формами музыки. Эти формы построяются по особымъ музыкальнымъ законамъ, и имѣютъ свою планомѣрность и логику: наслажденіе этими формами основывается на способности слушателя слѣдить за развитіемъ музыкальной мысли (напр., въ варіаціяхъ или въ сонатѣ), понимать ясность, плавность, художественную необходимость такого именно раз-

*) Эта національная окраска въ произведеніяхъ лирическихъ художниковъ слабѣе: достаточно сопоставить Чехова съ Пушкинымъ, или Чайковскаго съ Глинкой, чтобы это различіе бросилось въ глаза.

витія, а не иного, а эта способность есть свойство ума, а не чувства: эстетическое наслажденіе основывается здѣсь, какъ и въ остальныхъ искусствахъ, на испытываемомъ нами удовольствіи отъ той легкости, съ которой мы слѣдимъ за мыслью автора — на сбереженіи силы,—и очень похоже на чувство, испытываемое нами, когда намъ показываютъ легкое рѣшеніе трудной задачи. Но даже переходя отъ сложныхъ музыкальныхъ формъ къ простѣйшимъ, къ одноголосной пѣснѣ, мы не можемъ не видѣть, что помимо той или другой эмоціи (грустной, веселой, задумчивой), вызываемой въ насъ исполненіемъ пѣсни, мы еще наслаждаемся красотой ея рисунка, т.-е. совершаемъ умственный актъ. Мы только не замѣчаемъ его при анализѣ своихъ ощущеній потому, что музыку мы всегда слушаемъ въ чьемъ-нибудь исполненіи, и передаваемое намъ непосредственно исполнителемъ чувство затемняетъ наслажденіе красотой формы. Поэтому, когда мы слушаемъ прекрасную музыку въ сухомъ, холодномъ исполненіи, то наслажденіе ея объективной красотой выступаетъ ярче въ нашемъ сознаніи.

Музыка болѣе всѣхъ другихъ искусствъ способна непосредственно вызывать въ насъ душевныя эмоціи: эмоція есть движеніе, и передается намъ помощью тончайшихъ измѣненій въ сокращеніяхъ мышцъ: голосовыхъ (интонація голоса), лица (мимика) и тѣла (жесты). Къ передачѣ этихъ измѣненій въ силѣ, ритмѣ, быстротѣ движеній музыка способна, какъ никакое другое искусство, ибо она есть само движеніе (поэзія только приближается въ этомъ отношеніи къ музыкѣ), и потому-то музыка такъ непосредственно вызываетъ въ насъ душевныя движенія. Поэтому дѣйствительно лирика занимаетъ выдающееся мѣсто въ музыкальномъ творчествѣ.

Однимъ изъ главныхъ представителей лирическаго творчества—является Чайковскій.

Большинство его произведеній проникнуты его личными чувствами, суть какъ бы отголоски настроеній его души, и этимъ объясняются многія важныя ихъ особенности. Поэтому сопоставленіе сочиненій П. И. съ событіями его личной жизни представляетъ огромный психологическій интересъ. Какое чувство играло наибольшую роль въ жизви Чайковскаго? Какъ и у большинства лириковъ—любовь. Но въ данномъ случаѣ это чувство получило особыя черты, которыя мы можемъ прослѣдить въ произведеніяхъ П. И. До 1877 года это чувство проявлялось въ видѣ жаднаго, страстнаго стремленія, ищущаго удовлетворенія и надѣющагося найти его. Это съ замѣчательной силой выражено въ «Ромео», «Франческѣ», «Adagio» изъ 2-го квартета, романсахъ и другихъ сочиненіяхъ. Около 1877 года, критическаго въ жизни П. И., является сомнѣніе въ возможности достигнуть любовнаго счастья: создаются первая: часть IV-й симфоніи, образы Ленскаго и Татьяны. Эти два образа есть лучшее, что создалъ Чайковскій въ

операхъ, потому что они являются отголоскомъ его личнаго настроенія: какъ сильно выражено это настроеніе въ предсмертной аріи Ленскаго, какъ хорошо передана дѣвственная страстность Татьяны въ сценѣ письма! Послѣ 1877 года наиболѣе удачно воспроизводитъ Чайковскій уже страданія неудовлетворенной любви (арія Германа во 2-й картинѣ 1-го дѣйствія «Пиковой Дамы») или отчаяніе сердца, умирающаго съ сознаніемъ, что всѣ стремленія къ счастью любви были безнадежны (VI-я симфонія). Никогда Чайковскому не удавалось передать восторги сердца, упоеннаго любовью, какъ это мы видимъ у Глинки (романсы, Ратмиръ), или у Вагнера (кстати сказать, одного изъ сильнѣйшихъ лириковъ въ музыкѣ, только въ громадномъ, изступленномъ маштабѣ).

Другія чувства, наполнявшія душу Чайковскаго, были любовь къ дѣтямъ и любовь къ природѣ, и эти чувства П. И. умѣлъ передать въ своей музыкѣ тончайшими, нѣжнѣйшими чертами, такъ гармонирующими съ изяществомъ и нѣжностью его собственной личности *). Такимъ же отголоскомъ личныхъ ощущеній я считаю поразительное изображеніе страха въ двухъ картинахъ «Пиковой дамы»,—страха, который былъ въ высшей степени знакомъ П. И. Наконецъ, въ музыкѣ Чайковскаго почти во всѣхъ его произведеніяхъ мы видимъ отраженіе той органической тоски, которой онъ страдалъ всю жизнь: она какъ бы тончайшимъ, прозрачнымъ покрываломъ окутываетъ даже наиболѣе радостныя движенія его души: Никишъ называетъ 2-ю часть VI-ой симфоніи «улыбкой сквозь слезы».

Обращаясь къ объективной сторонѣ творчества Чайковскаго, считаю необходимымъ прежде всего привести одно мѣсто изъ письма П. И. къ композитору Танѣеву, его ученику, занятому въ 1891 году сочиненіемъ «Орестейи», оперы на сюжетъ изъ древне-греческой жизни, и спрашивавшему П. И., какъ слѣдуетъ писать оперы. «Ихъ слѣдуетъ писать, — отвѣчаетъ П. И., (впрочемъ, точно такъ же, какъ и все остальное) такъ, какъ Богъ на душу положитъ. Я всегда стремился, какъ можно правдивѣе, искреннѣе выразить музыкой то, что имѣлось въ текстѣ. Правдивость же и искренность не суть результатъ умствованій, а непосредственный продуктъ внутренняго чувства. Дабы чувство это было живое, теплое, я всегда старался выбирать сюжеты, въ коихъ дѣйствуютъ настоящіе, живые люди, чувствующіе такъ же, какъ и я. Поэтому мнѣ невыносимы вагнеровскіе сюжеты **)... да и

*) Напомню его дѣтскіе сборники романсовъ и фортепіанныхъ пьесъ, его оба дѣтскихъ балета, музыка которыхъ такъ превосходно прекрасна по формѣ и въ то же время окрашена такимъ наивнымъ, дѣтскимъ лиризмомъ.

**) Относительно Вагнера Чайковскій держался очень опредѣленнаго мнѣнія, и опредѣленность эта съ годами все увеличивалась. Послѣ представленія „Нибелунговъ“ въ Петербургѣ въ 1889 году П. И. пишетъ племяннику Давыдову: „Я предвижу, что у насъ теперь заведутся свои вагнеристы. Не люблю я это отродье! Проскучавъ жестоко весь вечеръ, по прельстившись какой-нибудь

твой я бы не выбралъ». Эти слова необыкновенно ясно и точно воспроизводятъ сущность драматическаго творчества Чайковскаго *) (вообще письма его даютъ много примѣровъ замѣчательной способности къ самоанализу), и изъ нихъ вытекаетъ не менѣе ясно, что при такомъ чисто лирическомъ характерѣ творческой способности П. И. могъ написать въ сущности только одну оперу: «Петръ Ильичъ Чайковскій». Именно въ драматическомъ творчествѣ лиризмъ является наибольшей помѣхой къ созданію художественныхъ произведеній, въ которыхъ главнымъ условіемъ является объективность творчества: драма создаетъ человѣческіе характеры и разрѣшаетъ трагическія столкновенія, и изъ только что сказаннаго очевидно, что П. И. мало былъ пригоденъ для первой задачи. Можно было бы ожидать, что больше способности у него окажется къ воспроизведенію драматическаго дѣйствія; но и тутъ мы не встрѣчаемъ ничего выдающагося. Возьмемъ двѣ наиболѣе популярныхъ оперы П. И. Въ «Онѣгинѣ» главные драматическіе (въ смыслѣ дѣйствія) моменты: нравоученіе Онѣгина Татьянѣ, столкновеніе его съ Ленскимъ на балу и послѣдняя сцена оперы. Въ первомъ и послѣднемъ случаѣ Чайковскій вовсе не даетъ музыки, иллюстрирующей дѣйствіе, а во второмъ онъ даетъ въ высокой степени обыкновенную музыку, какую мы встрѣтимъ у многихъ оперныхъ композиторовъ (я говорю не объ аріи Ленскаго («Въ вашемъ домѣ»), а о сценѣ вызова, и участіи хора). Въ «Пиковой дамѣ» драматическій узелъ разрѣшается въ двухъ моментахъ: когда Лиза застаетъ Германа въ спальнѣ графини, и въ сценѣ у зимней канавки. Здѣсь Чайковскій обнаруживаетъ большое техническое мастерство, но драматической музыки (какъ у Глинки, Мейербера, Вагнера) не даетъ.

Необходимо еще отмѣтить, что Чайковскій чрезвычайно мало былъ

одной эффектной минутой, они вообразятъ, что оцѣнили Вагнера, и будутъ кичиться тонкостью своего пониманія, обманывая и другихъ, и себя. Въ сущности Вагнеръ (я говорю объ авторѣ тетралогіи, а не сочинителѣ „Лоэнгрина“) не можетъ нравиться русскому человѣку. Эти нѣмецкіе боги съ ихъ вальгальскими дрязгами и до нельзя растянутой драматической галиматьей должны французу, итальянцу, русскому казаться просто смѣшными. А музыка, въ которой чудесные симфоническіе эпизоды не выкупаютъ уродливости и искусственности вокальной стороны этихъ музыкальныхъ чудищъ, должна наводить лишь уныніе. Если все это нападеніе на Вагнера тебя удивитъ, то скажу, что очень высоко ставлю творческій геній Вагнера, но ненавижу вагнеризмъ, какъ принципъ, и не могу побѣдить отвращенія къ послѣдней манерѣ Вагнера“.

*) Съ этимъ совершенно совпадаютъ и оперныя симпатіи П. И. Какъ великій музыкантъ, онъ не могъ не понимать, что „Фрейшютцъ“, „Русланъ“ стоятъ неизмѣримо выше его любимцевъ „Карменъ“, „Фауста“, и очень опредѣленно высказывалъ такую ихъ оцѣнку, и тѣмъ не менѣе онъ въ глубинѣ души былъ холоденъ къ этимъ величайшимъ образцамъ оперной литературы. Этимъ же объясняется и почти презрительное отношеніе его къ Бородину, который въ „Игорѣ“ далъ образецъ національной оперы, близкой по талантливости къ „Руслану“.

способенъ къ воспроизведенію народности не только чужой (поводъ къ этому онъ имѣлъ въ «Орлеанской Дѣвѣ» и «Іолантѣ»), но и своей: та поразительно яркая національная окраска, народный духъ, восхищающіе насъ въ произведеніяхъ Глинки, который, какъ и Пушкинъ, геніально воспроизводилъ не только духъ русскаго народа, но и чужихъ народностей: поляковъ, духъ востока,—эта національная окраска едва замѣтна у Чайковскаго, хотя онъ несравненно чаще пользуется русскими народными мелодіями, чѣмъ Глинка.

Если, тѣмъ не менѣе, несмотря на указанные существенные недостатки, оперы Чайковскаго имѣютъ огромный успѣхъ, то это объясняется относительно «Онѣгина» тѣмъ, что здѣсь композиторъ имѣлъ случай къ лирическимъ изліяніямъ («Онѣгинъ» и названъ «лирическими сценами»); относительно же другихъ оперъ дѣло объясняется тѣмъ, что въ нихъ масса прелестной, превосходной музыки, хотя не драматической *), и до тѣхъ поръ, пока публика ищетъ въ оперѣ не музыкальной драмы (т.-е. музыкальнаго изображенія характеровъ и дѣйствія), а просто большого количества прекрасной музыки, до тѣхъ поръ успѣхъ оперъ Чайковскаго обезпеченъ. Но если мы вспомнимъ, что сдѣлали въ оперѣ Глинка и Даргомыжскій (въ «Русалкѣ» мы имѣемъ и замѣчательный лиризмъ), то должны будемъ признать, что творчество Чайковскаго въ области оперы не есть шагъ впередъ.

---

*) Различіе между драматической и романсовой (въ самомъ общемъ смыслѣ) музыкой почти постоянно упускается изъ виду при обсужденіи достоинствъ оперы, а между тѣмъ это различіе существенно важно. Исторія дала намъ геніальныхъ композиторовъ романсовъ, не оставившихъ въ оперѣ ничего значительнаго (Шуманъ, Шубертъ). Здѣсь не мѣсто пускаться въ анализъ причинъ этого различія; для насъ достаточно указать, что различіе это совершенно отчетливо чувствуется слушателемъ и не только въ тѣхъ случаяхъ, когда сопоставляется романсъ (т.-е. описаніе чьего-нибудь чувства) съ аріей (само чувство въ своемъ живомъ проявленіи): въ этомъ случаѣ различіе обусловливается внѣшними условіями; но и въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ хотѣлъ-бы дать драматическую музыку, а даетъ романсъ вопреки собственнымъ художественнымъ намѣреніямъ. Сопоставимъ съ этой точки зрѣнія арію Елецкаго изъ „Пиковой дамы“ (I-я картина II-го акта: „Да, вижу я“) съ балладой Финна изъ „Руслана“. Въ первомъ случаѣ авторъ желаетъ дать изображеніе душевнаго состоянія Елецкаго въ тотъ моментъ, когда онъ убѣждается, что невѣста его не любитъ,—и что же? Чайковскій даетъ настоящую романсовую музыку! Въ балладѣ Финнъ только разсказываетъ о своихъ прежнихъ страданіяхъ,—и Глинка даетъ намъ замѣчательную драматическую музыку: передъ нами возникаетъ живое лицо, созданное музыкальными средствами. Съ указанной точки зрѣнія речитативъ является однимъ изъ могущественныхъ средствъ драматическаго выраженія: композиторъ прибѣгаетъ къ нему тогда, когда чувствуетъ, что, въ силу хода дѣйствія, необходимо разорвать оковы правильной музыкальной формы и дать волю восклицательному элементу, приближающему музыку къ рѣчи. Въ сравненіи съ Глинкой и Даргомыжскимъ речитативъ въ операхъ Чайковскаго представляется мнѣ общимъ мѣстомъ, собственностью многихъ оперныхъ композиторовъ.

Переходя къ другимъ областямъ музыкальнаго творчества и прежде всего въ симфонической и камерной музыкѣ, какъ высшему роду, укажу прежде всего на то, что Чайковскій имѣлъ самыя превосходныя данныя для сочиненія инструментальной музыки. Легкость мелодическаго изобрѣтенія, дающаго матеріалъ для построенія сложныхъ произведеній указаннаго рода, богатство гармоніи, свободное владѣніе контрапунктомъ, однимъ словомъ, блестящая инструментовка—вотъ данныя, которыя обезпечили Чайковскому одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду современныхъ композиторовъ. Но если приступить къ оцѣнкѣ этихъ произведеній съ точки зрѣнія высшихъ требованій отъ музыкальной формы, то мы увидимъ у Чайковскаго одинъ существенный недостатокъ—это малая способность къ органическому развитію большихъ формъ. Симфонія, квартетъ, соната отличаются отъ другихъ формъ тѣмъ, что, состоя изъ нѣсколькихъ частей (большею частью четырехъ), они должны, по крайней мѣрѣ, одну изъ нихъ имѣть въ формѣ сонатнаго Allegro (иначе сочиненіе будетъ «сюита»). Сущность этой формы состоитъ въ томъ, что, основываясь на двухъ (рѣдко болѣе) темахъ, она развивается изъ этихъ темъ путемъ особаго, чисто музыкальнаго процесса, объясненіе котораго здѣсь неумѣстно. Я лучше прибѣгну къ сравненію: романъ отличается отъ повѣсти тѣмъ, что послѣдняя даетъ только эпизодъ, обрисовывающій характеръ дѣйствующихъ лицъ, а романъ даетъ самое развитіе этого характера.

Такъ и въ музыкѣ: сонатная форма должна дать развитіе музыкальныхъ темъ, мелкія формы даютъ изложеніе этихъ темъ въ видѣ отдѣльнаго эпизода. Бетховенъ далъ величайшіе образцы сонатной формы, послѣ которыхъ сочиненія послѣдующихъ композиторовъ являются несравненно слабѣйшими (именно съ точки зрѣнія развитія темъ), и среди этихъ композиторовъ Чайковскій съ указанной точки зрѣнія не занимаетъ перваго мѣста *). Этимъ я отнюдь не хочу сказать, что

*) Какъ и въ другихъ случаяхъ, П. И. хорошо сознавалъ указанный недостатокъ. „Я всю жизнь страдалъ“,—пишетъ онъ въ 1888 году въ письмѣ,—„отъ сознанія своей неспособности къ формѣ вообще. Я много боролся съ этимъ органическимъ недостаткомъ и могу съ нѣкоторой гордостью сказать, что достигъ значительныхъ результатовъ, но такъ и умру, не написавъ ничего совершеннаго по части формы“ (нужно понимать сонатной (высшей) формы, потому что въ мелкихъ формахъ П. И. именно достигалъ совершенства—романсы, мелкія инструментальныя сочиненія). Въ связи съ этой малой способностью къ большимъ инструментальнымъ формамъ, а также въ зависимости отъ сильнаго развитія лиризма, находятся и симпатіи его по отношенію къ инструментальной музыкѣ. Ставя Бетховена выше всѣхъ въ симфонической и камерной музыкѣ, Чайковскій въ большинствѣ случаевъ (исключая сильно окрашенныхъ лирикой сочиненій Бетховена) былъ къ нему холоденъ; къ Брамсу, суховатому, но по совершенству формы замѣчательнѣйшему послѣ Бетховена композитору, П. И. чувствовалъ почти что отвращеніе. Зато, не говоря уже о Моцартѣ, который былъ его кумиромъ, П. И. приходилъ въ сильнѣйшее волненіе отъ музыки Шумана и Грига, замѣчательно родственныхъ ему по лиризму компо-

симфоническая и камерная музыка П. И. не заслуживаетъ того успѣха, которымъ она пользуется. Я только считаю необходимымъ стать на историческую точку зрѣнія. Читатель, которому, вѣроятно, мало дѣла до исторіи музыки, быть можетъ, возразитъ: «Богъ съ ней, съ сонатной формой, если и безъ нея музыка такъ хороша!» Ну, что же! Хороша,—тѣмъ лучше.

Камерная музыка Чайковскаго, также какъ и его сюиты *) (особенно 3-я), имѣетъ за границей большій успѣхъ, чѣмъ симфоническая, исключая VI-ой симфоніи, захватывающей слушателей своимъ лирическихъ пафосомъ. По той же причинѣ имѣютъ такой постоянный успѣхъ и объ симфоническія поэмы: «Ромео» и «Франческа». Въ «Бурѣ» нѣсколько вредитъ впечатлѣнію растянутость формы.

Если прибавить, что въ мелкихъ формахъ (романсы, мелкія инструментальныя сочиненія, преимущественно для фортепіано) Чайковскій нашелъ благодарное поле для лучшихъ сторонъ своего таланта, что въ нихъ въ совершенной иногда формѣ вылились и его лирическая грусть, и патетическая тоска, и дѣтская нѣжность, то этимъ мы можемъ закончить характеристику музыкальнаго творчества Чайковскаго, цѣною свого личнаго счастья создавшаго для насъ источникъ интимныхъ и нѣжныхъ душевныхъ движеній, такъ часто заглушаемыхъ плоской и грубой прозой жизни.

Викторъ Вальтеръ.

зиторовъ. Нелюбовь Чайковскаго къ Шопену является страннымъ фактомъ, не объяснимымъ иначе, какъ анормальнымъ отвращеніемъ (идіосинкразія), въ особенности, если вспомнить, какъ иногда Чайковскій близокъ къ Шопену (фортепіанное тріо).

*) Очень интересно отмѣтить тотъ фактъ, что наиболѣе объективныя сочиненія Чайковскаго, въ которыхъ наименѣе замѣтенъ его основной лирическій мотивъ—неудовлетворенная любовь,—написаны имъ въ ближайшіе годы послѣ катастрофы 1877 года; какъ будто въ области объективной красоты П. И. искалъ убѣжища отъ терзавшихъ его страданій. Сюда относятся: три „сюиты“ для оркестра, фортепіанное тріо, духовная музыка, „дѣтскія“ сочиненія.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Повѣсть.

(*Продолженіе* *).

VIII.

Домъ, въ которомъ жилъ Василій Дьякъ, былъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ въ порту. По величинѣ его скорѣй можно было назвать городкомъ, такъ какъ онъ занималъ площадь въ четыре квартала, застроенную со всѣхъ строонъ, а по нравамъ, царившимъ въ немъ, представлялъ нѣчто совершенно самостоятельное, какъ бы отрѣзанное отъ прочей жизни. Домъ-городокъ былъ заселенъ людьми разныхъ національностей, и пріѣхавшій персіянинъ находилъ въ немъ своихъ земляковъ, какъ и имеретинъ. Турки жили въ квартирахъ рядомъ съ армянами, греки братались съ православными и евреями, послѣдніе съ поляками, нѣмцами, хохлами,—и весь этотъ людъ съ женами, дѣтьми, законными и незаконными, всѣ эти женщины безъ мужей, и мужчины со многими женами, дѣвушки, парни, ребятишки жили въ тѣснотѣ, грязи. Двухъ-этажныя зданія, черныя, смрадныя, надъ подвальными помѣщеніями, какъ щиты, окружали большой дворъ, гдѣ въ продолженіе всѣхъ часовъ сутокъ движеніе и шумъ не прекращались ни на минуту. Всѣ здѣсь страшно пьянствовали и даже воздержные турки увлекались разгуломъ. Пьянствовали мужчины, женщины, дѣти, дѣвушки, и въ этомъ да въ развратѣ было единственное забвеніе отъ тяготы. Какъ и повсюду въ порту, люди и здѣсь находились въ тѣхъ же рукахъ четырехлицаго врага ихъ—водки, дурной болѣзни, разврата, нищеты, и онъ не щадилъ никого. Домъ кишѣлъ интригами, невинными и гнусными, и почти не было дѣвушки, которая не свихнулась бы, женщины, не измѣнившей мужу. Соблазнъ и преслѣдованія шли со всѣхъ четырехъ сторонъ. Заманивалъ красавецъ-грекъ, развратный турокъ, свой братъ мастеровой, подеищикъ, а необезпеченная жизнь гнала въ про-

*) См. „Міръ Божій“ № 10, 1903 г.

пасть еще повелительнѣе, чѣмъ люди. Дѣти росли заброшенныя, безъ пріюта, въ условіяхъ, не имѣющихъ еще словъ на человѣческомъ языкѣ. Въ самомъ нѣжномъ возрастѣ они питались грязью и отбросами и отъ болѣзней и истязаній погибали рано. Выживавшія, едва ставъ на ноги, дѣлались ворами, пьяницами и лишь небольшая часть изъ нихъ впослѣдствіи размѣщалась по фабрикамъ, шла въ ремесленники или въ поденщики. Дѣвочки въ подавляющемъ большинствѣ становились проститутками, профессіональными или тайными, и жизнь эту начинали съ 10-ти или 12-ти-лѣтняго возраста, пройдя школу разврата у турокъ, грековъ.

Въ одной изъ коморокъ этого дома, старательно отдѣливъ себя отъ мерзкой жизни, жилъ Василій Дьякъ съ своей племянницей Аннушкой. Аннушкѣ было 17 лѣтъ, и только то, что дѣтство дѣвушки протекло въ другомъ мѣстѣ, спасло ее отъ паденія. Она была сиротой. Отецъ ея—рыбакъ, утонулъ, когда она была еще ребенкомъ, а мать—она приходилась сестрой Дьяку — вскорѣ сошлась со шкиперомъ, жившимъ въ другомъ городѣ, и оставила 11-ти-лѣтнюю Аннушку на воспитаніе у Василія. Первое время Дьяку пришлось трудно съ тосковавшей дѣвочкой, но постепенно они привязались другъ къ другу и зажили, какъ родные. Въ четырнадцать лѣтъ Аннушка—въ это время умерла ея мать—стала ходить на работу, и съ этого дня какъ-то уютнѣе сдѣлалось въ домѣ Дьяка. И въ работѣ, въ хлопотахъ, съ незамѣтными крошечными радостями, текла ихъ жизнь.

Когда Никита въ назначенный вечеръ явился къ Дьяку, то его еще не было дома, и Аннушка сидѣла одна. Никита, не ожидавшій встрѣтить дѣвушку, съ недоумѣніемъ остановился и, не глядя на Аннушку, скороговоркой спросилъ:

— Василія нѣтъ дома?

— Вамъ зачѣмъ?—раздался ея голосъ.

Никита живо поднялъ голову и посмотрѣлъ на Аннушку. Передъ нимъ стояла красивая дѣвушка, съ чистыми сѣрыми глазами, а на головѣ, точно вѣнокъ, лежали толстыя, свѣтлыя косы. Онъ сейчасъ же узналъ ее и что-то радостное забилось у него въ груди, но сейчасъ же замерло, и онъ сухо отвѣтилъ:

— Дѣло есть къ нему.

— Дядюшка сейчасъ придутъ, посидите.

Она стала подметать земляной полъ, а Никита, поискавъ мѣсто, усѣлся на стулѣ въ углу. Откуда-то, какъ если бы крѣпко кричали за стѣной, донесся жалобный, долгій крикъ. Аннушка такъ и застыла съ вѣникомъ въ рукѣ. Потомъ выбѣжала изъ комнаты, тотчасъ же вернулась и объяснила:

— Это Дарьюшка кричитъ. Сейчасъ рожать начала.

Никита не отозвался и продолжалъ сидѣть неподвижно, какъ

камень, и думалъ о своемъ. Первое смущеніе отъ того, что онъ узналъ въ Аннушкѣ дѣвушку, которую преслѣдовала старуха Александра, уже прошло, и капелька безсознательной радости отъ встрѣчи лишь прибавила жару къ тѣмъ мыслямъ, съ какими онъ шелъ сюда. Опять послышался стонъ, длинный и гибкій, но сейчасъ же былъ покрытъ воплемъ, и онъ раздался, какъ выстрѣлъ въ ухо. Аннушка выбѣжала, и ее долго не было. Никита пересталъ думать о своемъ и мучился отъ криковъ, которые становились все чаще, пронзительнѣе, ужаснѣе.

— Ну, что?—спросилъ онъ въ волненіи, привставъ, когда Аннушка вошла.

— Трудно Дарьюшка рожаетъ. Бабка говоритъ, что ребенокъ плечикомъ идетъ, и, значитъ, Дарьюшка не выдержитъ, какъ Богъ не захочетъ. Теперь и Александра тамъ, нарочно позвали ее, чтобы помогла. Она и заговаривать умѣетъ.

Никита почесалъ затылокъ, сѣлъ, а Аннушка, разсказавъ, убѣжала снова. Время медленно потекло, крики учащались, замирали, были жалобные, молящіе, злые, и Никитѣ казалось, что ему разбиваютъ черепъ.

«Не во-время попалъ,—думалось ему,—а Дьяка все нѣтъ».

Какъ разъ отворилась дверь, и вошелъ Василій.

— А я только что о тебѣ вспоминалъ,—произнесъ Никита.

— Ага, уже здѣсь, — добродушно засмѣялся Дьякъ, ставя ящикъ съ инструментами въ углу, подъ образами:—ладно, братъ, молодцомъ будешь.

Онъ скинулъ шапку, а Никита, поискавъ въ карманѣ и очень довольный приходомъ Василія, вынулъ шкаликъ и сказалъ:

— А это вотъ по уговору, принесъ. Шкаликъ тутъ.

— Люблю за аккуратность. Ставь на столъ. А Аннушка гдѣ? Аннушка,—крикнулъ онъ, открывъ дверь и высунувъ голову.

— Я здѣсь, дядя,—раздался ея голосъ.

— Ступай въ комнату, я кушать хочу.

У дверей послышались ея твердые шаги, и когда она вошла, Дьякъ съ ироніей сказалъ:

— Дядька голоденъ—Аннушки нѣтъ, дядька сытъ, Аннушка есть. Гдѣ стрекоза летала?

— У сосѣдки, дядюшка, была. Дарьюшка рожаетъ—родить не можетъ и очень мучится. Бабка вышла и тихо говоритъ: «помретъ Дарьюшка». Заплакали мы тамъ.

— Какая Дарья?—спросилъ Дьякъ, опорожняя рюмку съ водкой,—ихъ тутъ три.

— Вы, дядя, знаете, какая.

— Три Дарьи тутъ есть,—повторилъ Дьякъ упрямо:—не знаю, которая...

— Ну, Дарьюшка хромая, что съ грекомъ живетъ.

— Эта-то. Ну, туда ей и дорога,—хладнокровно выговорилъ Дьякъ, закусивъ чернымъ хлѣбомъ.—Не пошла по закону и расплачивайся, матушка. Разскажешь тамъ Богу про грека своего. Былъ, скажешь, Господи, красивый грекъ на землѣ, и мнѣ, хромой Дарьюшкѣ, захотѣлось отвѣдать красиваго грека. Отвѣтятъ ужъ ей тамъ, наверху. Налей-ка мнѣ, стрекоза, борща...

— Никому нельзя смерти желать,—выговорилъ Никита своимъ упрямымъ голосомъ, и у него забилось сердце.

— Вотъ такъ и нельзя,—наставительно поддержала Аннушка,—всегда дядюшка что-нибудь такое скажутъ.

— А почему, молодецъ, нельзя смерти желать?—издѣваясь, говорилъ Дьякъ и игралъ шкаликомъ, перебрасывая его въ рукахъ.

— Не по совѣсти выходитъ, вотъ почему,—отвѣтилъ Никита.

— А по твоему, съ грекомъ жить не въ законѣ по совѣсти?

— Это, дядюшка, ея дѣло. Ея воля, какъ жить.

— Ты, цыплята, цыцъ,—засмѣялся Дьякъ и чуть не подавился хлѣбомъ.—Цыплята, такъ и молчи. Съ тобой не разговариваютъ.

— Сами, дядюшка, завелись...

— Цыплята, говорю, слѣдовательно, не разсуждай,—съ напускной важностью произнесъ Василій и вынулъ пробку изъ шкалика. Но сейчасъ же раздумалъ и тихо сказалъ, какъ бы успокаивая кого-то въ себѣ: «послѣ выпью».

— Каждый человѣкъ можетъ себѣ, какъ хочетъ жить,—послѣ молчанія выговорилъ Никита

— Я, молодецъ,—отвѣтилъ Дьякъ, поглаживая колѣни,—это зналъ, когда ты еще съ прорѣзомъ сзади ходилъ, а теперь думаю такъ, что, если человѣка безъ вожжей пустить, то онъ больше бѣды надѣлаетъ, чѣмъ бѣшенная собана. Человѣкъ безъ вожжей, что вѣтеръ въ подворотнѣ.

Аннушка поставила на столъ чашку съ борщомъ, нарѣзала хлѣба и принесла деревянную ложку. Снова раздались крики, и теперь они были нечеловѣческіе, безумные. Казалось, били маленькую собачку, и это она рыдала такими безумными звуками. Аннушка задрожала и, не выдержавъ ужаса, убѣжала изъ комнаты.

— Вотъ тебѣ и грекъ!—выговорилъ Дьякъ:—кобель...

Онъ сталъ ужинать и каждый глотокъ такъ усердно запивалъ водкой, что шкаликъ скоро былъ опорожненъ.

— А теперь за букварь,—произнесъ онъ, вставая,—ступай сюда, Никита, я тебѣ полочку свою покажу.

Вошла Аннушка и разсказала, что ребенка вытащили мертвымъ, а Дарья осталась въ обморокѣ, блѣдная... Она сѣла у окна и, вздрагивая плечами, стала прислушиваться, не раздастся ли

крикъ. Дьякъ стоялъ съ Никитой подлѣ задней стѣны, гдѣ, задернутая занавѣской, висѣла небольшая полка съ книжками.

— Все это,—говорилъ Дьякъ,—мнѣ хозяйскій сынъ подарилъ, гимназистъ. Скоро уже студентомъ будетъ. Славный паренекъ, съ душой. А языкъ чистая бритва. Славный паренекъ, далеко хватитъ. Книжки эти онъ мнѣ подарилъ, когда въ третій классъ перешелъ. Совсѣмъ перепелка былъ, а вотъ ужъ что имѣлъ.

Онъ сталъ разбирать книжки, а Никита заложивъ руки за спину и вытянувъ шею, почтительно смотрѣлъ на эти драгоцѣнности, гдѣ ему, казалось, было разрѣшеніе всему.

— Вотъ эта, напримѣръ,—сказалъ Дьякъ, задумчиво перелистывая толстенькую книжку,—нѣмецкая грамматика. На кой чортъ мнѣ нѣмецкая грамматика, спрошу я тебя, молодецъ, когда я языка не знаю? Но книжка хороша. Хороша я книжка, — ничего нельзя сказать худого. Все тутъ о нѣмцѣ, какъ живетъ, и какіе порядки. Богатая книжка.

Онъ бережно сдунулъ съ нея пыль, попенялъ Аннушкѣ, что она за книжками не смотритъ, и вытащилъ другую.

— Ты кто такая, голубушка?—спросилъ онъ и раскрылъ на первой страницѣ.—«Бѣдные люди». Вотъ ужъ книга, такъ книга. Отъ роду такой не читалъ. Богатая книга. Я Аннушкѣ одно письмо прочелъ, такъ заплакала, ей-Богу,—вотъ она какая книга. А ты кто, милая? спросилъ у книжки въ черномъ переплетѣ.—«Тюфякъ». Не читалъ, братъ, тебя, нѣтъ, не читалъ. Что-то скучно показалось, — но книжка великолѣпная, лучшей ненадобно. Посмотри-ка, молодецъ, на нее.

Никита взялъ книжку, благоговѣйно подержалъ ее въ рукѣ и осторожно, чтобы не выронить какъ-нибудь, вернулъ Дьяку.

— Хорошая книжка, дѣйствительно,—выговорилъ онъ и отступилъ почему-то на шагъ назадъ.

— А что же букварь?—вдругъ вспомнилъ Дьякъ,—совсѣмъ изъ головы вышло. Аннушка, гдѣ букварь? Опять, стрекоза, выбѣжала. Аннушка, Аннушка.

Дѣвушка вошла въ комнату и остановилась на порогѣ.

— Куда букварь дѣвался? Не могу я его найти.

— Сейчасъ, дядюшка,—отвѣтила Аннушка и танцующими шагами подошла къ полкѣ и немедленно отыскала книжку.

— Вотъ, дядюшка, букварь, зачѣмъ вамъ?

— Да,—недовольно произнесъ Дьякъ,—дѣйствительно букварь. Подъ носомъ лежалъ, а я не видѣлъ. Что же это ты, братецъ, прячешься?—обратился онъ съ укоромъ къ книгѣ.—Разъ ты шельмецъ на своемъ мѣстѣ лежишь, такъ и отзывайся, когда тебя ищутъ.

И лишь теперь разслышавъ вопросъ Аннушки, отвѣтилъ:

— Никиту по немъ грамотѣ буду учить.

Аннушка внимательно посмотрѣла на Никиту, не выдержала и разсмѣялась.

— Грамотѣ его учить, дядюшка? Да его въ баню нужно раньше свести. Такой грязный и грамотѣ учиться!

Никита потупилъ глаза отъ смущенія, а Дьякъ недовольно оборвалъ ее.

— Цыплята, что за смѣхъ такой? Дура ты, ей-Богу, дура. Онъ и въ баню сходитъ, что тутъ смѣшного. Человѣку въ баню сходить не трудно, а дуракъ и въ гробъ дуракомъ ляжетъ. Правда, молодецъ? Больше водки не захватилъ? Жалко. Не я люблю, букварь водку любитъ. Ну, пойдемъ.

И Дьякъ, опустивъ занавѣску, торжественно, въ сопровожденіи Никиты, прошелъ къ столу, надѣвъ на ходу очки. Чудно стало на душѣ у Никиты, когда старинный букварь очутился противъ него, открытый на первой страницѣ. Большія черныя буквы, подобныя кучѣ дремавшихъ жуковъ, правильно расположились рядами, а Дьякъ съ очками на носу былъ какъ бы пастухомъ и сторожилъ ихъ. Сама комната расширилась, разрослась, мысль объ Аннушкѣ стала мыслью о звѣздѣ, и все вмѣстѣ дышало милой прелестью. А Дьякъ, не подозрѣвая, что дѣлается въ душѣ ученика, какъ только Аннушка вышла, произнесъ, понизивъ голосъ.

— Что баба, Никита, дура,—это я знаю, какъ «Отче нашъ». Но и у бабы смекалка заиграть можетъ, и тогда безъ разговора покорись. Скажемъ баня. Отчего не сходить? Сходи, Никита, рубашку купи; потому, если правду сказать, то къ наукѣ даже совѣстно неумытымъ прикоснуться. Опрятности наука требуетъ, ей-Богу. Ну, Господи, благослови...

Никита опустилъ голову, будто сейчасъ его должно было что-то ударить, а Дьякъ, вооружившись спичкой, сталъ колоть ею какого-то жука на страницѣ, будто хотѣлъ прогнать его, а тотъ не слушался.

— Азъ,—назвалъ онъ и сказалъ:—повтори, молодецъ.

Никита мысленно перекрестился, заложилъ языкомъ глотку и чужимъ голосомъ произнесъ: «Азъ»!

— Ты, молодецъ,—настаивалъ Дьякъ,—во всѣ глаза смотри. Видишь, двѣ палки, будто человѣкъ ноги разставилъ, а въ серединѣ перекладинка. Это и есть—азъ.

— Азъ,—повторилъ Никита, впившись въ букву, отчего она начала удлиняться и сокращаться, какъ живая.

— Скорый ты какой,—съ ироніей выговорилъ Дьякъ,—этакъ азъ и лошадь скажетъ. Тутъ, молодецъ, такъ нельзя. Раньше букву первымъ дѣломъ со всѣхъ сторонъ осмотри, охвати кор-

пусъ, головку, масть ее, подумай, запечатлѣй, а тогда и скажи: азъ. Вотъ я тебѣ штуку покажу.

Онъ взялъ книгу, закрылъ ее и сказалъ:

— Теперь, молодецъ, открой и отыщи мнѣ барина азъ.

Никита послушно взялъ книгу, и когда раскрылъ ее, то все, какъ по волшебству, пропало. Всѣ буквы были похожи другъ на друга, имѣли ноги, корпусъ, перекладинки, а пока онъ искалъ, то и названіе забылъ.

Дьякъ посмотрѣлъ на его лицо и весело разсмѣялся.

— Что, братъ, потерялъ? Ищи, да гляди, лба не расшиби. Ну, не плачь, можетъ, разыщемъ еще. Куда же это онъ дѣвался?—и онъ проворно и сдѣлавъ озабоченное лицо, сталъ искать ее.—Говорилъ я тебѣ, корпусъ запомни. А, можетъ, скажешь, какъ барина по фамиліи зовутъ? Кликни-ка, авось отзовется.

Пикита упрямо не поднималъ глазъ, и его терзалъ стыдъ.

— Ты не смѣйся, Василій,—взмолился онъ.

— На меня не смотри,—серьезно вдругъ сказалъ Дьякъ.—Учителю все можно съ ученикомъ, а тебѣ польза. Со мной, молодецъ, не шутили, когда науку вгоняли, а здорово кулаками дубасили. Непривычному человѣку нѣтъ ничего хуже, какъ эти проклятые корешки вдолбить. Прочее все—козѣ подъ хвостъ. Корешки главное. Ну, еще разъ. Гляди: азъ.

— Азъ,—повторилъ Никита и такъ впился въ букву, что она заплясала передъ нимъ.

Вбѣжала Аннушка и, задыхаясь, стала разсказывать, что Дарьюшка все въ обморокѣ лежитъ и ее не могутъ привести въ чувство.

— И пускай лежитъ,—отозвался Дьякъ.—Не мѣшай намъ, стрекоза.

Аннушка вышла, и оба еще съ полчаса бились, пока съ глаголемъ не покончили. Дьякъ закрылъ букварь, а Никита сказалъ:

— Ровно я, Василій, цѣлый день камни таскалъ. Все тѣло заболѣло.

— Ничего, молодецъ, это съ непривычки. А теперь, хоть и уговора не было, но по совѣсти надо тебѣ послушать, что въ книжкахъ пишется. Штучку я одну такую знаю; «Носъ» называется, сочинителя Гоголя. Вотъ ужъ штучка, такъ штучка.

— Давай читать,— развеселился Никита, хлопнувъ себя по колѣнямъ,—коли учиться, такъ ужъ учиться.

Въ эту минуту вошла Аннушка, и теперь у нея былъ такой видъ, что оба поняли и перекрестились.

— Только что кончилась,—косясь отъ страху, прошептала дѣвушка.—Вся кровью изошла. Какое, дядюшка, у нея лицо теперь,—

и голосъ ея зазвенѣлъ, и она заплакала,—какое лицо! Никогда, дядюшка, я замужъ не выйду.

Всѣ стали удрученными, точно смерть, пролетая, задѣла и ихъ. Аннушка отвернулась и молча плакала. Никита долго не спускалъ съ нея глазъ и, наконецъ, съ сожалѣніемъ поднялся Все сидѣлъ бы онъ и смотрѣлъ на эту милую дѣвушку, какъ, отвернувшись, точно испуганный ребенокъ, она плакала и торопливо утирала глаза. Горе не задѣвало его. Вспоминалась только первая встрѣча съ Аннушкой и была радость оттого, что онъ ее нашелъ здѣсь, на пути къ важному дѣлу своей жизни. Аннушка плакала, закрывъ лицо руками, и въ эту минуту была на другомъ краю отъ того, что рождалось въ этотъ мигъ. Она плакала, прощаясь съ несчастной хромой дѣвушкой, поплатившейся за увлеченіе смертью, и душа у нея болѣла отъ жалости. Дьякъ сидѣлъ на кровати, и спина его была ровная, какъ палка. Опустивъ очки на кончикъ носа, онъ съ укоромъ смотрѣлъ передъ собой, точно предъ нимъ стояла смерть, убившая хромую дѣвушку, и не одобрялъ ее.

— Можетъ, дашь букварь,—спросилъ Никита, чувствуя, что въ эту тяжелую минуту нельзя больше оставаться безъ человѣческаго голоса.—Я куплю свѣчку и поучусь еще сегодня.

— Букварь,—повторилъ Дьякъ, очнувшись, —нѣтъ, букваря я дать не могу. Приходи завтра пораньше и поучишься. У тебя квартиры нѣтъ, и книга можетъ пропасть.

— Ладно,—отозвался Никита.—Пойду уже. Прощай, Василій.

— Прощай,—не трогаясь, произнесъ Дьякъ,—приходи завтра.

— Приду.

Онъ вышелъ, и когда попалъ во тьму, то сразу почувствовалъ свое одиночество, и все доброе и радостное отлетѣло отъ него. Возлѣ второй квартиры стояла толпа и тихо разговаривала. Кто-то плакалъ и причитывалъ. Никита заглянулъ въ окно и удивился, какъ много было народу въ комнатѣ. Посреди стоялъ молодой человѣкъ, одѣтый не такъ, какъ остальные: въ сюртукѣ и глаженной рубахѣ. Въ рукѣ онъ держалъ котелокъ, и лицо у него было разстроенное.

— Вотъ Сократій, Дарьюшкинъ любовникъ,—раздался подлѣ Никиты женскій шопотъ.—Кажется, плачетъ.

Никита нахмурился, постоялъ у окна, потомъ съ силой надвинулъ шапку на голову и звонкими шагами, будто было подкованъ, пошелъ со двора. На улицѣ его охватилъ вихрь мыслей, и онъ сталъ думать о банѣ, о рубахѣ, о собственной квартирѣ, думалъ о Дьякѣ, Дарьюшкѣ и Елизаветѣ, но оставался холоденъ ко всему. Потомъ явился образъ Аннушки, и онъ потонулъ въ немъ.

— Вотъ, если бы,—мечталъ онъ, не смѣя закончить...

Но ясно чувствовалъ, что если бы что-то случилось, то могло явиться такое, чего ни у одного человѣка еще не было на землѣ. Онъ шелъ все быстрѣе, и Аннушка со всѣхъ сторонъ окружала его своимъ теплomъ, бѣжала впереди и какъ бы указывала путь къ тому самому, чего онъ такъ страстно хотѣлъ и жаждалъ. И онъ шелъ и отдавался ей. Но когда онъ углубился въ портъ и передъ нимъ мелькнули кабаки съ пьяными, кричавшими людьми въ нихъ, его охватило отчаяніе ужаса.

И Аннушка отошла отъ него.

IX.

Теперь дни побѣжали съ неудержимой быстротой, точно кто-то до сихъ поръ держалъ ихъ на вожжахъ, а имъ удалось вырваться, и они понесли. Никита совершенно отдался занятіямъ и даже присмирѣлъ на работѣ. Съ утра онъ носилъ одно желаніе: поскорѣй развязаться съ работой и побѣжать къ Дьяку. Тамъ онъ оттаивалъ, какъ ледъ на огнѣ; его дѣйствительная жизнь какъ бы сгинала, и начиналось желаемое очарованіе. Съ Аннушкой онъ уже успѣлъ тѣсно подружиться, и ему казалось, что въ мірѣ не было мѣста болѣе уютнаго, чѣмъ небольшая, съ земляным поломъ, комната, покрытая рогожей, съ деревянною кроватью, на которой спалъ Дьякъ, полочкой книгъ и образкомъ въ углу, гдѣ горѣла лампада, зажженная рукой дѣвушки. Когда онъ приходилъ и не заставалъ Дьяка, то помогалъ Аннушкѣ въ работѣ и дѣлалъ все, что, казалось ему, было ей не подъ силу или утомляло. Онъ бѣгалъ за хлѣбомъ, разводилъ огонь, приносилъ воду, а она сидѣла на табуретѣ у стѣны, со своми косами - змѣями на головѣ, въ широкой кофточкѣ, и смѣялась чуднымъ, здоровымъ смѣхомъ, похожимъ на радостныя слова. Чѣмъ дальше шли дни, тѣмъ крѣпче все это новое связывалось во что-то цѣльное, хорошее, счастливое, и Никита зналъ, что, если бы изъ этого цѣльнаго выпало хоть одно малое, то все пошло бы прахомъ, и онъ бы не поднялся больше... Какъ и полка съ книжками, такъ и Дьякъ, и грамота, и Аннушка, и онъ самъ,—каждое было одинаково сильно и важно, сплотилось и стояло и какъ будто держало на плечахъ огромное зданіе, которое онъ называлъ своимъ будущимъ, нужнымъ для разрѣшенія его жизни. И если бы кто-нибудь изъ нихъ не выдержалъ и упалъ,—упало бы все зданіе и раздавило его. Аннушку онъ полюбилъ съ первой минуты, но объ этомъ стыдился думать и не выдѣлялъ ее больше, чѣмъ грамоту, Дьяка, книжку. И оттого, чѣмъ ярче разгоралось чувство, которому онъ не давалъ свободы, тѣмъ необычнѣй и изумительнѣй

казалась ему новая жизнь. Дней какъ бы не было. Въ памяти стояло только что-то свѣтлое, что онъ называлъ днемъ, но что было не день, а цѣльное изъ грамоты, книжекъ, разговоровъ съ Дьякомъ, съ Аннушкой, что-то большое и лучезарное, море изъ теплыхъ солнечныхъ лучей, въ которомъ онъ плавалъ безъ думъ въ головѣ. И только лишь наединѣ онъ приходилъ въ себя, и наступало то темное, что онъ называлъ ночью, но что была не ночь, а живая дѣйствительность, которая схватывала и уносила его на своихъ крыльяхъ опять въ бездну. Когда становилось свѣтло, всѣ лучи сливались такъ, что выходило Аннушка, грамота, Дьякъ, книжки, и сколько было надеждъ въ его душѣ, всѣ соединялись, взявшись за руки, и летѣли впереди него. Тогда исчезалъ портъ, и на его мѣстѣ выросталъ большой садъ. Когда же онъ покидалъ домъ Дьяка и наступала темнота, всѣ надежды превращались въ змѣевъ, обвивались вокругъ его груди и сосали кровь изъ сердца. И было другое. Портъ разростался шире, чтобы захватить больше людей и замучить ихъ на смерть.

Ученіе между тѣмъ подвигалось успѣшно, и Дьякъ не могъ надивиться и нахвалиться Никитой.

— Чортъ его знаетъ, молодецъ Никита,—говаривалъ Дьякъ, сдвинувъ по обыкновенію очки на кончикъ носа и разводя руками,—откуда у тебя башка такая. У меня и по сію пору рубцы на тѣлѣ съ того времени, когда я корешки изучалъ, а ты ихъ, какъ орѣхи, щелкаешь.

Никита раздвигалъ большую пасть, съ чудесными, какъ бы изъ бѣлаго металла отлитыми, зубами, и радостно улыбался. Онъ былъ уже теперь гораздо опрятнѣе, носилъ новую косоворотку, новые сапоги и держался свободно. Даже Аннушка, начинала находить его красивымъ и, сидя съ Марусей въ трюмѣ, гдѣ щипала пеньку, разсказывала и удивлялась, какимъ безобразнымъ онъ ей показался въ первый разъ...

— Онъ всякаго красивѣе,—пѣвучимъ голосомъ говорила Аннушка. И знала, что Маруся была недовольна, такъ какъ та непремѣнно хотѣла ее свести съ товарищемъ своего возлюбленнаго.

Когда Никита приходилъ къ Дьяку и Аннушка была дома, то послѣ работы у нихъ немедленно начинались разговоры, и онъ разрѣшалъ вопросы, которые интересовали и безпокоили дѣвушку.

Недѣли три спустя послѣ смерти Дарьюшки грекъ Сократъ сталъ ухаживать за хорошенькой подругой покойной. Объ этомъ узнала Аннушка, и когда Никита явился, она немедленно заговорила о грекѣ. Никита сѣлъ у стола, а Аннушка торжественно начала ходить по комнатѣ, заложивъ руки за спину, и грозно смотрѣла на стѣны.

— Я думаю,—произнесла она съ силою, остановившись подлѣ Никиты и заигравъ пальцами, а онъ благоговѣйно слушалъ,— разъ человѣкъ полюбилъ дѣвушку, то долженъ ей до гроба остаться вѣрнымъ. И выходитъ, что Сократій подлецъ, а я никогда замужъ не выйду.

Она значительно посмотрѣла на него, прошлась по комнатѣ, какъ бы давая Никитѣ свободу подумать, и опять остановилась, ожидая отвѣта.

— А если дѣвушка умерла?—осторожно спросилъ Никита.

— Такъ онъ хоть пять лѣтъ долженъ держать ее въ памяти,— съ убѣжденіемъ произнесла она.

— Почему же пять лѣтъ? — спросилъ Никита озадаченный, и это было видно на его лицѣ.

— Непремѣнно пять—не меньше. Я бы, если полюбила, непремѣнно пять лѣтъ помнила покойника. Вотъ послушайте,— и она очень забавно начала размахивать руками.—Первый годъ— покойникъ еще, какъ живой. Куда ни повернешься, онъ передъ глазами. Правда, вѣдь? Второй годъ—она спрятала одну руку за спиной,—покойникъ какъ будто у сосѣда поселился и уже не такъ часто видишь его. А все же чаще видишь, чѣмъ не видишь. Третій годъ—рука со спины очутилась на груди—въ другой домъ выбрался. Четвертый—въ другую улицу переѣхалъ и встрѣчаешь его рѣдко, разъ въ три мѣсяца. Пятый—выѣхалъ въ другой городъ, и тутъ конецъ. Я такъ и отъ отца своего отвыкла.

Отъ послѣднихъ словъ обоимъ стало грустно, и Никита серьезно сказалъ ей.

— Это, Аннушка, вы правильно сказали, но грекъ—человѣкъ. А человѣкъ ищетъ всегда, гдѣ ему лучше и легче, и оттого оно. Нехорошо это, но не можетъ человѣкъ не искать, гдѣ легче. И отыщетъ. Его куда ни бросай, все, какъ кошка, на ноги упадетъ и побѣжитъ. А я такъ думаю, что вотъ этимъ самымъ и хорошъ человѣкъ. У всякой твари всѣ мѣста на землѣ, а у него одно и ему худо. Долженъ онъ стараться.

Она сразу не поняла его мысль, но улыбнулась, и Никитѣ показалось, что въ комнатѣ свѣтлѣе сдѣлалось.

— Что кошка, то кошка,—задумчиво произнесла она,—а грекъ все-таки подлецъ. И я бы за него замужъ не пошла.

— Не ходите, Аннушка, вамъ еще рано,—запинаясь, выговорилъ онъ.

Оба помолчали, глядя въ разныя стороны.

— Я къ вамъ на баржу приду,—сказалъ вдругъ Никита.— Можно?

— Приходите помогать. Я вамъ вотъ этакій канатъ дамъ расщипать. Не успѣете къ сроку, накажу.

Она погрозила ему, улыбнулась, отвернулась и вдругъ запѣла такимъ свѣжимъ, радостнымъ голосомъ, что Никита замеръ отъ счастья. Послышалась возня у дверей, и Аннушка оборвалась. Вошелъ Дьякъ и, поздоровавшись, съ оживленіемъ сказалъ.

— Ну, Никита, что я сегодня въ газетѣ прочелъ, такъ и не повѣришь. Преинтереснѣйшія штучки произошли въ городѣ.

— Что такое,—спросилъ Никита и едва удержался, чтобы не сказать: «Какъ вы хорошо поете, Аннушка».

— Самоубійство—разъ, убійство—два, оба перваго сорта.

Онъ подошелъ къ столу, налилъ въ стаканъ водки и, какъ бы возбуждая себя словами, чтобы водка вкуснѣе показалась, началъ разсказывать.

— Самоубійство номеръ первый. Вчера утромъ на одной изъ колоннъ зданія думы повѣсился человѣкъ. Замѣчай, Никита, на колоннѣ перваго городского зданія.

Онъ выпилъ и, все стоя, продолжалъ:

— Въ карманѣ у покойника нашли записку и въ ней было всего нѣсколько словъ: «Умираю отъ своей руки. И проклинаю. Сидоръ Панкратьевъ».

Никита слушалъ равнодушно. Имя Панкратьева ему ничего не говорило.

— Разсказывай про убійство,—выговорилъ онъ,—ничего тутъ интереснаго нѣтъ.

— Ладно, коли не интересно. Будемъ про убійство говорить. Мнѣ же сдается, что тутъ не просто. Скажемъ, человѣкъ жизни рѣшилъ лишиться. Ну, и рѣшайся гдѣ-нибудь дома, на чердакѣ, что ли. А онъ думскую колонну выбралъ. Будто всему городу на зло. На, вотъ, тебѣ. И проклинаю. Кого? За что? Загадка, молодецъ.

У Никиты что-то шевельнулось въ памяти, и онъ чуть было не крикнулъ, но это было мгновеніе. Вспомнился запахъ табака такимъ, какимъ онъ казался въ дѣтствѣ, и онъ съ непонятнымъ упорствомъ, раздосадованный, сказалъ:

— Нисколько не любопытно, Василій, разсказывай про убійство.

— Ну, и будь по твоему. Аннушка, налей-ка мнѣ чаю, что ли.

Онъ сѣлъ за столъ и сталъ хлебать, разсказывая, а Никита съ Аннушкой сейчасъ же заинтересовались.

— Легъ это мужъ спать,—началъ Дьякъ,—да, спать. Семья полегла, жена, четверо дѣтей. Малютки дѣти. Спятъ. Среди ночи приснилось мужу что-то худое—однимъ словомъ, нехорошее. Вскочилъ это мужъ, сѣлъ на кровати и отъ страха разума лишился. А тутъ, какъ на грѣхъ, топоръ на полу. Да, топоръ, значитъ. Вотъ мужъ-то сумасшедшій, увидя это топоръ и прыгъ съ кровати. Взялъ топоръ и давай косить направо, налѣво.

— Ахъ ты, Боже мой!—крикнула Аннушка.

— Давай косить,—продолжалъ Дьякъ и хлебнулъ изъ стакана. Косилъ это онъ косилъ и всѣхъ до чиста убилъ. Грудного на двое перерубилъ. Потомъ самого на чердакѣ нашли.

Аннушка всплеснула отъ ужаса руками. Огонь отъ лампочки падалъ на нее сбоку, и она казалась Никитѣ перерѣзанной надвое. Съ одной стороны была свѣтлая, ясная дѣвушка, съ другой—помертвѣвшая и такая темная, будто въ ней кровь перегорѣла.

— На смерть всѣхъ убилъ,—прошептала Аннушка.

— А то какъ же?—съ досадой отвѣтилъ Дьякъ.—Топоромъ вѣдь рубилъ.

— Вы, дядюшка, совсѣмъ смерти не боитесь...

— Чего мнѣ бояться? Зря она не придетъ, а когда время мое наступитъ,—уже придетъ, ничѣмъ не отмолишься. Я сколько разъ на волоскѣ отъ нея бывалъ. Такъ вѣдь это глупыя думки, что на волоскѣ. Смерть,—она толковая и съ человѣкомъ не играетъ. Не боюсь я смерти. Ставь-ка, Аннушка, ужинъ на столъ.

Онъ заговорилъ съ Никитою, а Аннушка завозилась у печки. Дьякъ объяснялъ, какъ они приступятъ сегодня къ складамъ, и Никита съ волненіемъ слушалъ. Самъ онъ уже отлично освоился съ азбукой и къ букварю чувствовалъ такую же нѣжность, какъ и Дьякъ. Смущала его только удивительная механика, лежавшая въ азбукѣ, благодаря которой буквы превращались въ слова, слова въ мысли, и онъ считалъ это чудомъ. И объ этой непонятной механикѣ онъ велъ безконечные споры съ Дьякомъ, а иногда даже вовлекалъ въ разговоръ и Аннушку.

— Загадка,—говорилъ онъ.—Буква—она что? Краска на бумагѣ, только и всего. Скажемъ—азъ, буки. Понимаю я, а дальше ничего не понимаю. Подбѣжитъ одна къ другой, рядомъ станетъ, и вотъ слово: человѣкъ, хлѣбъ, вода. Нѣту въ буквахъ человѣка, хлѣба, а все выходитъ—и человѣкъ, и вода.

— Будемъ ужинать,—оборвалъ Дьякъ.

Послѣ ужина Аннушка достала букварь, убрала со стола, и Дьякъ приступилъ къ объясненію складовъ.

— Буки азъ,—произнесъ онъ,—ба. Повтори, Никита.

— Не понимаю,—загорѣлся тотъ, но повторилъ.

— Нечего, молодецъ, понимать. Сколько Россія матушка существуетъ, всегда было: буки азъ—ба. Стало быть, покорись.

Аннушка такъ привыкла къ пререканіямъ во время ученія, что уже не вмѣшивалась въ споръ и, сидя у окна противъ обоихъ, лишь шопотомъ повторяла возраженія Никиты, и ей хотѣлось, чтобы онъ вышелъ правымъ. Шепчетъ и смотритъ на Дьяка, на Никиту, и у нея милыя, славныя мысли въ головѣ.

«Сейчасъ,—думаетъ она, изучивъ жесты Никиты,—Никита поднимет глаза и обернется ко мнѣ».

И когда онъ это дѣлаетъ, ей становится такъ хорошо отъ того, что онъ повинуется, что сама хочетъ знать его желанія и покориться ему. Она смотритъ на него долго, до слезъ, и онъ все больше нравится ей, своимъ мужественнымъ лицомъ, свѣтлыми волосами и загорѣлою шеею, которая какъ бы вырывается изъ косоворотки, гдѣ ей тѣсно. Бросается ей кровь въ лицо отъ этихъ мыслей, и она встаетъ, чтобы не думать о немъ, не смотрѣть на него. Она ходитъ мягкими, танцующими шагами, точно ей подъ кожу вдули воздухъ, старается не видѣть его даже сзади и хочетъ думать о Марусѣ. Въ комнатѣ жарко, душно. Аннушка подходитъ къ окну, прижимается лбомъ къ стеклу и смотритъ во дворъ. Все жарко, душно, какъ будто кто-то близко придвинулся къ ней и дышитъ на нее теплымъ воздухомъ. Тяжелые волосы, какъ искры, горячи и жгутъ голову. Она дѣлаетъ движеніе, и косы, помедливъ на затылкѣ, безшумно сползаютъ внизъ.

— О чемъ это они?—спрашиваетъ она себя, прислушиваясь къ голосамъ, и отъ вопроса у нея сжимается сердце.

Она сердито смотритъ въ окно. Въ комнатѣ Марьи Андреевны, гдѣ живетъ Александра, горитъ лампа. Какъ на ладони, видно, что тамъ. Обѣ дочери Марьи Андреевны сидятъ за столомъ, а подлѣ нихъ матросы. Пьютъ, ѣдятъ, смѣются. Сбоку, въ сторонѣ, сама Марья Андреевна разговариваетъ съ человѣкомъ въ черной бородѣ, и лица у обоихъ серьезныя. Вошла Александра. Что же это Никита все объ обжоркѣ? Нѣтъ, теперь о поденщикахъ. Сейчасъ о хозяевахъ заговоритъ, и голосъ у него станетъ громкій, звонкій. Славный онъ какой.

Опять огнемъ пылаютъ ея щеки. Она трогаетъ ихъ руками и думаетъ про себя:

«Простудилась, должно, на баржѣ. Заболѣю и умру».

Свѣтъ исчезаетъ въ комнатѣ Марьи Андреевны — это Александра только что спустила черную занавѣску на окно—и большая полоса двора освѣщается луной. Аннушка долго смотритъ на свѣтлую полосу и ей кажется, что она вошла въ ея душу.

— Если бы Маруся знала,—шепчетъ она радостно, и сама удивляется своей радости.

По полосѣ ходятъ люди, все знакомые, бьютъ ногами по свѣту, и она думаетъ не о нихъ, а о томъ, что они топчутъ и ея душу. Нѣтъ, не топчутъ, это она о прошломъ вспомнила. Заманила ее однажды подруга—теперь покойная—въ трактиръ, и когда пришли туда матросы, то сѣли рядомъ съ ними. Машина играла, было весело. Но еще веселѣе сдѣлалось, когда она выпила чай съ водкою. Такъ разыгралась, что чуть не пустилась плясать. Но удер-

жалась, а подруга плясала. Потомъ еще пили, долго сидѣли и поздно ушли. Подруга съ однимъ, она съ другимъ,—некрасивымъ. Онъ обнялъ ее и такъ шелъ съ ней, а ей было тяжело отъ его руки. Но неслась отовсюду музыка изъ трактировъ, и жалко было отнять его руку. Пѣсни же такъ сладко звали кругомъ, что хотѣлось достать пару крыльевъ и полетѣть надъ портомъ. Она молчала и шла, а матросъ смѣялся, щекоталъ ее крѣпко, цѣловалъ въ шею и каждый разъ поцѣлуи спускались все ниже, и она ихъ уже чувствовала на спинѣ. Она молчала и шла, и пѣсни тоже спускались опечаленныя, обнимали страстнѣе, вонзались въ сердце и разсказывали объ отцѣ. Помнитъ она, какъ прощалась съ нимъ, а когда увидѣла опять, то не узнала. Онъ былъ раздутый, зеленый, а глаза смотрѣли такъ, будто говорили:

«Видишь, Маша, какой я! Захотѣлъ поѣхать, и Аннушка не остановила меня, и ты не остановила, и буря не остановила. А теперь я зеленый и мнѣ хорошо».

Она въ отчаяніи всхлипнула, потому что давно уже тихо плакала, и съ силой оторвала руку матроса отъ своего тѣла. И шла, и плакала, но были пріятны и слезы, и воспоминанія, и пѣсни и объятія матроса, который желѣзной рукой опять держалъ ее, чтобы она не упала на землю. И шла и плакала и слушала матроса, говорившаго такое, что она никогда вслухъ не произносила. Но и это было пріятно, находило свое мѣсто въ пьяномъ сознаніи, и легко и плавно колыхалось вмѣстѣ со слезами, стыдомъ, воспоминаніемъ, пѣснью. Такъ они добрались до морского берега. Было тамъ тепло и темно, и пахло запахомъ смолы, а лодки, привязанныя къ судамъ, какъ собаки на цѣпи, ходили дозоромъ, разрѣзая воду. Матросъ жарче сжалъ ее и хотѣлъ повалить. Но уже замолкли пѣсни въ душѣ, и она стала бороться.

Потомъ подняла крикъ, и ее спасли...

— О чемъ они теперь? О зимѣ? Все о зимѣ—когда же перестанутъ?—Ушелъ бы дядюшка, и она сѣла бы противъ Никиты, смотрѣла бы въ его глаза и любовалась имъ.

«Если бы Маруся знала», подумала она, краснѣя.

Что-то кольнуло ее. Женатъ ли Никита? Кто знаетъ? Зачѣмъ онъ пришелъ? Женатымъ ходить нечего.

Во дворѣ сдѣлалось темно, какъ бываетъ днемъ, когда солнце ярко свѣтитъ и на мигъ его туча закроетъ.

«Должно, къ дождю», подумалось ей и захотѣлось страстно, чтобы полилъ жестокій, долгій дождь и смылъ все гадкое, что портитъ жизнь.

Луна несмѣло заглянула въ окно, и опять полоса во дворѣ засмѣялась отъ свѣта.

«Нѣтъ у него жены», облегченно подумала Аннушка. И такъ

хорошо ей сдѣлалось отъ этой мысли, что она запѣла, какъ поетъ птица. Залилась и замолкла удивленная,—а большіе полные звуки ударились о стекло, зазвенѣли и побѣжали къ Никитѣ разсказывать, что ее волновало и радовало.

Никита вдругъ оборвалъ разговоръ и посмотрѣлъ на нее. И обоимъ на душѣ стало такъ радостно, что жизнь на мигъ показалась изумительно прекрасной.

«Я уже знаю все», какъ бы говорили его глаза, и они блистали такъ, будто впервые увидѣли свѣтъ.

«Я твоя, милый мой», пропѣли глаза Аннушки, и вся она точно распустилась отъ нестерпимаго счастья.

Она громко вздохнула, встала и, еще не испивъ наслажденіе дивнаго сна, была теперь невыразимо милая, нѣжная, и отъ нея вѣяло добромъ.

— Ровно дикая птица поешь, чикъ-чирикъ,— разсмѣялся Дьякъ, и самъ почему-то обрадовался, взглянувъ на Никиту и Аннушку.— То-то и оно,—лукаво прибавилъ онъ,—чисто дикая птица. А все же намъ безъ хорошей книжки вечера не закончить. Возьмемъ-ка мы Тургенева—онъ выговаривалъ Тургенёва.—Хорошо писалъ, покойникъ, и только развѣ Гоголь могъ противъ него пойти. Это вѣрно. Паренекъ говорилъ, что противъ Гоголя никто писать не умѣлъ, а я думаю, что такого и во вѣки вѣковъ не будетъ. Царство ему небесное. Убери, Аннушка, букварь.

Никита, выслушавъ, неизвѣстно для чего прибавилъ:

— Люди, Василій, бываютъ всякіе и разные. Всѣхъ бы по одному учили, по одному бы жили. Съ нуждой бороться—всѣ бы боролись. А то врозь пошли, и каждому худо. Но когда, Василій, солнце выглянетъ, то даже въ лужахъ заиграетъ. И какое ни есть темное мѣстечко, и оно засмѣется и веселѣе станетъ.

Аннушка поняла, но уже не поднимала глазъ, точно она ихъ уронила и они закатились, а она не могла ихъ найти.

Дьякъ же скрутилъ папиросу и повторилъ:

— Давайте почитаемъ.

Онъ подошелъ къ полочкѣ и завозился тамъ. Вынималъ книги, раскрывалъ ихъ, качалъ головой и не находилъ нужную. Никита сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ и слѣдилъ за Аннушкой.

— Ну, вотъ и тутъ Тургенёвъ,—сказалъ Дьякъ обернувшись и блеснулъ очками.—Насилу нашелъ.

Онъ вернулся къ столу, придвинулъ лампу, выпустилъ огонь въ ней и внятно прочелъ: «Вешнія воды».

Онъ покачалъ головой, посмотрѣлъ на Никиту, потомъ на Аннушку, которая стояла у стѣны, заложивъ руки назадъ, и продекламировалъ:

Счастливые годы, веселые дни,
Какъ вешнія воды, промчались они.

Онъ откашлялся и началъ читать. Никита и Аннушка посмотрѣли другъ на друга, отвернулись и замерли. Медленно развивалась исторія и славно Дьякъ прочелъ завязку. Никита и Аннушка слушали молча, но что-то смѣлое билось и бунтовалось въ ихъ груди, и легко вырывались вздохи отъ какого-то изумительнаго чувства радости и тоски. И Джемма и Санинъ какъ бы въ розовомъ сіяніи стояли въ комнатѣ и были дороги, близки. Но когда дошло до объясненія въ любви, то Никитѣ и Аннушкѣ показалось, что разверзлось небо надъ ними, и они полетѣли вверхъ, гдѣ было свѣтло, и только объ одномъ была мечта—не потерять и всегда видѣть другъ друга. А Дьякъ все страстнѣе читалъ, связывая своимъ поющимъ голосомъ страницу со страницей, и, какъ добрая хозяйка, подбиралъ каждое слово, любовался имъ, гордился и ставилъ на свое мѣсто, гдѣ оно выходило еще лучше. Черные жгучіе глаза Джеммы будто были у него въ рукахъ, и онъ хвастливо выставлялъ ихъ красоту Никитѣ и Аннушкѣ, пригоршнями выбрасывалъ въ комнату, чтобы во всѣхъ углахъ свѣтилась любовь этой милой дѣвушки. Что-то недовѣрчивое къ Санину уже было въ его голосѣ, и мрачными осуждающими словами онъ разсказалъ, какъ начался и продолжался романъ. Его большой вывихнутый палецъ отъ внутренняго волненія не сгибался теперь, а крутился на подобіе ручки отъ шарманки и какъ будто намекалъ и объяснялъ, что старику не нравилось въ прочитанномъ и что онъ уже ненавидѣлъ. Къ Панталеоне онъ сразу почувствовалъ дружбу и изображалъ его неестественнымъ голосомъ, увѣренный, что этимъ онъ оказываетъ ему уваженіе. И кругло лилась исторія любви. Но когда подошло къ дуэли, Аннушка не выдержала восторга и печали, крикнула, а Никитѣ показалось, что въ его голову залѣзаютъ огромные камни и сверху внизъ раздавятъ его. Вся душа Аннушки, подавленная чудными словами повѣсти, трепетала отъ грустнаго счастья, и было такъ, будто она превратилась въ то, что испытывала Джемма, будто она сама превратилась въ Джемму. А Дьякъ становился все суровѣе и палецъ его потерявъ опору, судорожно метался во всѣ стороны. И только лишь, когда читалъ о Джеммѣ, голосъ его опять дѣлался нѣжнымъ, пѣвучимъ, и забывался такъ, что чувствовалъ себя не Дьякомъ, не бѣднымъ поденщикомъ, который работалъ въ порту, а самой Джеммой, и думалъ, что у него жгучіе глаза и нѣжное сердце. И жилъ онъ тогда въ чудномъ краю, съ дивнымъ солнцемъ, людьми и переживалъ страданія обманутой любви... Когда, наконецъ, выяснился финалъ этого романа и раз-

*

лилась его обаятельная тоска, Аннушка закрыла лицо руками и страстно заплакала. Какъ бы вскрылось то, что волновало и ея душу, и теперь оно легко и безъ боли вылилось въ слезахъ.

— Добрая исторія,—промолвилъ Дьякъ, нѣжно посмотрѣвъ на дѣвушку, и сталъ вытирать очки отъ своихъ слезъ.—Это хоть и не живи на свѣтѣ. Добрый я отъ Джеммы сдѣлался.

Никита ничего не сказалъ, поднялся, нахлобучилъ картузъ и вышелъ, не простившись. Дьякъ покачалъ головой, засвисталъ, оборвалъ себя, посмотрѣлъ на Аннушку, и сталъ задумчиво крутить папиросу. Аннушка сжала руками голову, повернулась къ окну и застыла. Словно сплелась съ нимъ.

Никита, выйдя отъ Дьяка, пошелъ къ морю, и весь онъ былъ полонъ неизвѣданныхъ чувствъ. За нимъ слѣдомъ шла луна и какъ будто старалась нагнать, чтобы упасть на голову. Свѣжій вѣтеръ, плотный и пахучій, дулъ съ моря и приносилъ шелестъ игравшихъ въ песку волнъ.

«Сидоръ Панкратьевъ», машинально пронеслось у Никиты, и вдругъ онъ вспомнилъ, что это было имя больничнаго товарища.

И только хотѣлъ отдаться горю объ этой смерти, какъ образъ Аннушки сталъ передъ нимъ и поглотилъ его.

«Отчего же она заплакала?» подумалъ онъ и, смѣшавъ ее на мигъ съ Мотей и Джеммой, задрожалъ отъ того, что промелькнуло у него въ головѣ.

— Отчего же она заплакала?—спросилъ онъ вслухъ, глядя на луну и чувствуя радость отъ того, что она такая круглая, добродушная и будто мигаетъ ему, чтобы онъ не робѣлъ.

Онъ вдругъ схватилъ себя за голову и, закрывъ глаза и уши, чтобы не видѣть, не слышать, не испугаться счастья, побѣжалъ по песку, увязая въ немъ.

А луна, наконецъ, догнала его, стала надъ головой и залила свѣтомъ.

X.

Въ порту дѣла шли все хуже и хуже. Старый кабакъ былъ уничтоженъ, и его замѣнила чистая и скромная винная лавка. О весеннемъ подъемѣ уже не было и помина, и городъ, удовлетворивъ свой голодъ, повернулся къ порту спиной. Работа стала уменьшаться, цѣны на руки падали ежедневно. Снова появились безработные поденщики и въ лохмотьяхъ своихъ, голодные и безсильные, бродили подлѣ обжорки. Проносились вѣсти о кражахъ, и въ ночлежкахъ шли облавы. Но все это было еще въ ничтожныхъ размѣрахъ и лишь потому бросалось въ глаза, что весь

ужасъ портовой жизни, прятавшійся раньше въ кабакахъ, теперь перешелъ на улицу, и его нельзя было скрыть. Винная лавка равнодушно держалась въ сторонѣ, а поденщики точно были нечистыми тварями и могли осквернить скромный и безпорочный водочный домъ, ютились подлѣ стѣнъ домовъ съ своими сотками въ рукахъ и, лишенные возможности присѣсть, спрятаться отъ непогоды, пили и пьянствовали прямо подъ небомъ. Все неестественное безобразіе кабака перешло на улицу, и онѣ въ первый разъ увидѣли позорное зрѣлище того, какой жизнью живутъ люди, переносившіе и создававшіе богатство города. Цѣлые дни ругань, драки, дурачливые и безшабашные разговоры оглашали воздухъ, и, казалось, то сумасшедшіе вырвались изъ больницы и завладѣли портомъ. Пьяные валялись повсюду, на тротуарахъ, въ подворотняхъ, подлѣ винныхъ лавокъ и съ ними поступали, какъ съ перепившимися свиньями, которыхъ сонъ настигъ недалеко отъ хлѣва. Вмѣстѣ съ пьянствомъ на улицу вышелъ и развратъ, и портовыя женщины, несчастныя существа съ отекшими лицами, теперь открыто сидѣли со своими минутными возлюбленными, и уродство пьяной любви кричало на всѣхъ закоулкахъ. Обжорка ликовала, тайно торгуя водкой, и новый порядокъ какъ будто далъ и ей новую, могучую власть надъ рабочимъ народомъ.

Никита, наблюдая за всѣмъ, что происходило въ порту, испытывалъ стыдъ за свое счастье, и больше, чѣмъ когда-либо, мечталъ о томъ времени, прекрасномъ и свѣтломъ, когда портъ, наконецъ, напитается зломъ своимъ, устанетъ и исчезнетъ. Книги не разрѣшали его тоски. Онѣ были занимательны, исподволь развивали своими яркими и ясными картинами, новыми, незнакомыми мыслями, но разрѣшеніе главнаго вопроса оставалось такой же загадкой, какъ и раньше. Иногда его охватывало сомнѣніе, тогда онъ забрасывалъ ученіе и истязалъ свой мозгъ до страданія. Иногда книжки его злили, и, прослушавъ описаніе красоты, качествъ и довольства жизни героя и героини, онъ съ досадой прорывался, перебивая Дьяка.

— Вишь, какъ расписываетъ сочинитель своихъ-то. Смакуетъ. А по совѣсти, такъ я бы вотъ что съ ними сдѣлалъ. Взялъ бы этого богача да его невѣсту прекрасную и бросилъ бы въ лапы звѣря—въ портъ.

— Права не имѣешь богатаго въ портъ бросать,—сердился Дьякъ,—руки коротки. Портъ для нашего брата созданъ. Совсѣмъ ты, Никита, умъ потерялъ. А вотъ пароходы придутъ. Что съ ними будемъ дѣлать? Баржи пріѣхали съ солью, съ камнемъ, пескомъ. Безъ людей на берегъ не снесешь. Потому и нужны мы. Не всѣмъ, Никита, панами быть. Кто панъ, кто панскій холопъ. А то бы всѣ подохли.

— Бѣдному худо,—не унимался Никита.

— Не серди меня. На то онъ и бѣдный, чтобы ему худо было, и мнѣ его не жалко. Положено такъ, терпи судьбу свою. Держи уши строго,—погрозился Дьякъ,—не слыхалъ бы я твоихъ рѣчей.

И послѣ такихъ разговоровъ нѣсколько дней они сердились другъ на друга...

Любовь къ Аннушкѣ была другой внутренней работой, углублявшей и просвѣтлявшей его пониманіе окружающаго зла. Но это было лишь вначалѣ. Любовь все разросталась, втягивала, и чувство, которое раньше казалось силой противъ зла, сдѣлалось силой противъ него самого. Она поглощала, всасывала и отодвигала то, что было насущнымъ—дальше, и придвигала ближе то, что было роскошью. И это исподволь смягчало его суровость и отрывало отъ жизни. Чѣмъ дальше подвигалось время, тѣмъ больше онъ отдавался своей новой жизни и все рѣже раздавался его страстный голосъ въ порту. Не могъ онъ бороться съ собой и думалъ, что все пойдетъ иначе, когда важный вопросъ его будетъ рѣшенъ. Со всѣмъ пыломъ своего характера онъ погрузился въ любовь. Какъ бы въ угарѣ, онъ узналъ отъ Федора, что Данило умеръ въ больницѣ отъ бѣлой горячки, но теперь даже и это не встряхнуло его. Любовь покрыла всю его жизнь, и окружавшее потонуло и уплыло далеко отъ его взволнованной души...

Но не онъ одинъ такъ оторвался отъ окружающаго. Аннушка невѣдомо для Никиты, переживала то же самое, томилась отъ тайны души своей и всѣми мечтами отдавалась любви. Признаніе, какъ налившаяся и готовая сорваться отъ сосуда капля, горѣло у нея на губахъ, и она по ночамъ плакала, не зная, какъ помочь себѣ. Никита былъ повсюду съ ней, тревожилъ ея сонъ, и образъ его постоянно стоялъ передъ ея глазами. Она мечтала и скучала по немъ и тогда, когда онъ сидѣлъ съ ней, и когда онъ уходилъ. Она гадала о немъ по своимъ снамъ, одухотворяла ради него дождь, солнце, крикъ птицы, и міръ, внѣ людей, бывшій раньше чужимъ и непонятнымъ ей, теперь сроднился съ ней, и его таинственный языкъ сталъ ей знакомъ. По утрамъ она открывала солнцу окно и, зажмуривъ глаза, думала, что смотритъ на Никиту, и отъ него идетъ на нее тепло и свѣтъ. Дождь стучалъ каплями по крышамъ,—то былъ голосъ Никиты, говорившаго что-то нужное и важное, безъ чего померкла бы ея жизнь. И всѣ голоса, и всѣ молчанія стѣнъ, земли, деревьевъ говорили про одно—то было о Никитѣ. Въ таинственное и полное особеннаго смысла превратилось самое обычное. Все ее волновало, пугало, но надъ всѣмъ витала невыразимая прелесть, милая радость. Когда оба они оставались одни, пальцы ихъ, какъ живые, одарен-

ные влюбленной волей, летѣли другъ къ другу, обвивались и переплетались и были первыми, что наслаждались невиннымъ лобзаніемъ и лаской. Оба не разговаривали, боясь словъ своихъ, какъ враговъ, и предавались сладостному молчанію, служившему мостомъ, гдѣ души ихъ сходились и мигъ блаженствовали. Но слово съ радужными крыльями и чуднымъ смысломъ все не выговаривалось, и это неумѣніе разорвать очарованіе, вскрыть тайну, совершенно ослѣпило ихъ.

Четыре недѣли прошло съ того времени, какъ «Вешнія воды» были прочитаны. Какъ-то вечеромъ, оставшись на минуту вдвоемъ,—Дьякъ пошелъ за хлѣбомъ,—Никита въ смятеніи повернулся къ Аннушкѣ и, хотя думалъ, что будетъ запинаться, твердо сказалъ:

— А я вамъ, Аннушка, вотъ что хотѣлъ сказать...

Аннушка внимательно посмотрѣла ему въ глаза и, что-то увидѣвъ въ нихъ, торопливо и со страхомъ оборвала:

— Не надо, Никита. Ничего не говорите. Лучше не говорите.

Онъ молча повернулся лицомъ къ окну.

— Совсѣмъ не нужно, Никита,—еще разъ раздался ея голосъ, и онъ дрожалъ теперь,—лучше не говорите!..

Вошелъ Дьякъ и вечеръ прошелъ, какъ всегда. Аннушка послѣ ужина сидѣла у окна и смотрѣла въ комнату Марьи Андреевны, гдѣ попрежнему сидѣли ея дочери съ матросами и Александра прислуживала. Никита степенно, но съ запинкой читалъ сказку о лисицѣ, а Дьякъ смотрѣлъ на него такъ, будто хотѣлъ наброситься и растерзать, но изъ доброты сдерживался. Потомъ Дьякъ прочелъ одну главу изъ «Тюфяка» и объявилъ, что ему скучно читать эту отличную книжку. Никита не вступалъ въ разговоръ и скоро ушелъ, обѣщавъ придти съ утра, такъ какъ завтра было воскресенье. По уходѣ Никиты Дьякъ легъ спать, а Аннушка долго ворочалась, и когда заснула, ей приснился Никита.

«А я вамъ, Аннушка, вотъ что хотѣлъ сказать», говорилъ онъ. И она его спрашивала: «Что такое вы хотѣли мнѣ сказать, Никита?» Тогда онъ открывалъ ротъ и что-то долго разсказывалъ, но выходила не рѣчь, а крикъ пьяныхъ людей, пѣніе пѣтуха, женскій плачъ, а она все удивлялась, хотя находила, что оно такъ и должно быть, чтобы Никита пѣлъ пѣтухомъ, кричалъ голосомъ пьяныхъ людей, плакалъ, какъ женщина, и мучилась. Потомъ Никита сталъ кричать такимъ дикимъ голосомъ, что она въ слезахъ проснулась и уже до утра не могла уснуть отъ того, что узнала. Въ боковомъ флигелѣ жилъ рыбакъ Колька, свирѣпый человѣкъ, извѣстный тѣмъ, что ежедневно въ пьяномъ и трезвомъ видѣ, за дѣло и безъ дѣла, избивалъ свою жену, и жестокіе крики ея, хотя неслись по всему двору, не занимали вниманія,—

такъ привыкли къ нимъ. У Кольки было четверо дѣтей, и каждый отъ побоевъ отца уже росъ калѣкой. Въ злосчастный вечеръ онъ безъ причины завелъ драку съ женой, долго истязалъ ее и подъ утро, самъ уже не зная какъ это случилось,—можетъ быть отъ пресыщенія,—топоромъ убилъ ее. Кровь такъ ошеломила Кольку, что въ томъ же состояніи умопомраченія онъ набросился на старшаго сынишку, изступленно кричавшаго, задушилъ его, и когда явились люди, то съ трудомъ оторвали его руки отъ горла мальчика. Лишь поздно утромъ забрали Кольку, наступила тишина, и Аннушка заснула.

Когда пришелъ Никита, Аннушка все еще спала, а Дьякъ прилаживалъ замокъ къ сундуку.

— Что такъ?—спросилъ онъ у Дьяка, указавъ на Аннушку, и тотъ разсказалъ ему съ подробностями исторію этой ночи.

— Книги нѣтъ у народа, какъ жить нужно,—хмуро выговорилъ Никита, выслушавъ.—Народъ, какъ сирота: безъ отца и безъ матери.

— Вотъ ты ему отцомъ и будь,—съ ироніей возразилъ Дьякъ и повторилъ желчно нараспѣвъ:—сирота. Драть эту сироту нужно, какъ сидорову козу, и всей лозы, что растетъ въ Россіи матушкѣ, можетъ еще не хватить, чтобы научить его, какъ жить нужно. Страху у сироты этой подлой нѣтъ,—вотъ отгадка.

Аннушка проснулась, и у Никиты прошла охота отвѣчать, будто перерѣзали его мысли.

— Сядемъ за букварь, что ли,—произнесъ онъ, перехвативъ ея взглядъ.

— И то сядемъ,—отвѣтилъ Дьякъ.—Самое лучшее.

Часа въ три Дьякъ прилегъ отдохнуть. Было очень жарко и мухи, не вылетавшія уже во дворъ, тучами носились по комнатѣ и безпокоили.

— Каторжныя,—выругался Дьякъ, свирѣпо отмахиваясь отъ нихъ.—Аннушка, выгони-ка ихъ во дворъ погулять.

Онъ повернулся на другой бокъ и сейчасъ же заснулъ. Аннушка бросила на Никиту растерянный взглядъ,—такимъ страннымъ показалось то, что сейчасъ пришло ей въ голову,—и стала заплетать косы.

— Куда вы, Аннушка?—тихо и заволновавшись спросилъ Никита, стараясь заглянуть ей въ глаза.

Аннушка не отвѣтила. Невыразимо милой показалась она ему въ эту минуту съ своими толстыми косами въ рукахъ и опущенными глазами, и предчувствіе большой, дорогой радости охватило его.

«Это хорошо, Аннушка», хотѣлось ему сказать, но не посмѣлъ и удержался. Потомъ надѣлъ шапку и молча вышелъ.

Аннушка между тѣмъ уже успѣла одѣться, выгнала мухъ и вскорѣ очутилась на улицѣ. Сзади нея раздались шаги, и она сердцемъ догадалась, что это Никита.

— Можно мнѣ идти съ вами, Аннушка? — раздался его голосъ.

— Можно, Никита.—отвѣтила она.

И оба пошли молча, не зная, что сказать другъ другу и боясь первыхъ словъ своихъ. Солнце стояло подъ угломъ на небѣ, но все еще ослѣпительно свѣтило и жгло. На улицѣ благодаря празднику, было тихо, и лишь рѣдко у воротъ слышались звонкіе голоса дѣвушекъ и фабричныхъ парней. Низенькіе дома, запущенные и бѣдные, чередовались съ роскошными, заброшенными садами богачей, и отъ сѣрыхъ, заросшихъ мхомъ стѣнъ ихъ пахло сыростью подземелья.

— Куда мы пойдемъ?—спросила Аннушка, поднявъ глаза на Никиту.

— Я думаю, хорошо теперь берегомъ пойти. А тамъ въ поле выйдемъ. Славно теперь, въ полѣ-то.

Она опустила глаза, вдругъ покраснѣвъ, и опять они пошли молча, занятые оба одной и той же мыслью, которая была на губахъ, не выговаривалась и какъ бы отдыхала на нихъ. Потянуло душнымъ вѣтромъ и по немощеной землѣ, кружась, побѣжала пыль. Никита повернулъ въ другую сторону и сейчасъ же открылось серебряное море, опоясанное цвѣтнымъ полукольцомъ горизонта. Аннушка ускорила шаги, вдохнувъ съ наслажденіемъ влажный воздухъ и увязая въ пескѣ берега, подошла къ водѣ.

Здѣсь вблизи море было сѣрое, чуть морщилось, и когда морщины разглаживались, Аннушка видѣла желтое дно, гладкіе камни и свои глаза, которые съ любопытствомъ всматривались въ нее.

— Вотъ и умоюсь,—произнесла она, зная, что каждое ея движеніе, слово — радость для Никиты, — жарко очень.

Онъ легъ животомъ на горячій песокъ и сталъ покорно ждать. Аннушка смочила лицо, косы и, освѣжившись, съ жадностью въ голосѣ произнесла:

— До смерти море люблю. Родилась бы мужчиной, непремѣнно въ рыбаки пошла.

— А я вамъ, Аннушка, вотъ что хотѣлъ сказать,—перебилъ ее Никита, поднимаясь.

Она посмотрѣла на него и пошла смѣясь, а онъ тронулся за ней и душа его тоже смѣялась. Незамѣтно они отклонились отъ берега и вышли въ поле. Словно бѣлый пожаръ стоялъ вдали надъ нимъ отъ лучей. Высокая высохшая трава, рядъ деревьевъ съ обожженными верхушками, городъ слѣва — все было залито блестящимъ свѣтомъ, отъ котораго глазамъ было больно. Птицы

пѣли. Какъ пушинки снѣга, съ неровнымъ полетомъ, мелькали бабочки, и казалось, онѣ сбились съ дороги и искали ее. Никита вздохнулъ, охваченный воспоминаніями, и ему захотѣлось упасть на землю и крѣпко прижаться къ ней.

— А что вы, Никита, хотѣли сказать мнѣ?—раздался голосъ Аннушки.

Они шли все медленнѣе. Море теперь лежало позади,—слѣва, но уже далеко выдвигался городъ съ своими, точно взбиравшимися на гору домами, а справа и прямо—до самаго неба, тянулось поле.

— Первый разъ я съ вами, Аннушка... началъ Никита и оборвался.

— Можетъ быть, и не послѣдній,—загадочно отвѣтила она, сорвавъ траву.

— Теперь, Аннушка, хорошо о себѣ разсказывать. Земля не выдастъ. Вы, Аннушка, о себѣ, я—о себѣ.—Онъ запнулся.—Вотъ Василія нѣтъ теперь, и онъ не придетъ сюда,—да не придетъ.

— Не придетъ дядюшка,—повторила она.—Вотъ тамъ дерево, Никита. Подъ нимъ и сядемъ. Была дѣвочкой,—вспомнила она—а теперь—большая. Большая,—какъ бы съ удивленіемъ повторила она и посмотрѣвъ на него, вдругъ разсмѣялась и побѣжала. Никита растерялся, но сейчасъ же понялъ, побѣжалъ за ней и сдѣлалъ такъ, что лишь у дерева поймалъ ее. Аннушка, почувствовавъ его руки, испуганно рванулась, хотѣла засмѣяться и вдругъ оборвалась.

— Никита,—тихо попросила она.

Сердце у нея сжалось такъ, будто кто-то повернулъ его на мѣстѣ и вырвалъ. Никита крѣпко обнялъ ее, такъ что она почувствовала его твердое тѣло, прижался губами къ ея губамъ и жарко цѣловалъ. Опять она хотѣла крикнуть, рвануться, но онъ нашелъ въ себѣ силы еще крѣпче обнять ее, и тогда она вдругъ покорилась.

Горѣло солнце, все ниже спускаясь по небу, и пряталось за деревомъ—чтобы не испугать влюбленныхъ. Высокія травы, точно на стражѣ, ровно стояли, не трепетали,—чтобы не испугать влюбленныхъ. Замолкли птицы и, вытянувъ шейки, повернулись къ морю,—чтобы не испугать влюбленныхъ . . . . . .

. . . . . .

Уже стемнѣло, когда они собрались домой. Они повернули налѣво и стали прямо противъ города, который освѣтился огнями. Трава шуршала подъ ногами, и, словно испуганные этими звуками, они шли держась за руки, прижавшись другъ къ другу. На горизонтѣ вставала луна, пышная и сочная, какъ спѣлый плодъ, и долго оставалась красной и не свѣтила. Сверчки кричали вблизи

и далеко и какъ бы вторили разсказу Никиты о томъ, какъ печальна была его жизнь до сихъ поръ.

— Я, Аннушка,—говорилъ онъ задумчиво и продолжалъ, а она слушала и не было въ ея глазахъ ни одного облачка печали и сожалѣнія. Иногда она какъ бы вспоминала что-то важное, нужное и, чтобы не забыть, прерывала Никиту и спрашивала:

— Любишь, Никита?

— Люблю, Аннушка.

— И я люблю. Милый мой!

Они останавливались, жарко цѣловались и опять шли, и онъ продолжалъ:

— Я, Аннушка...

Дьяка не было дома, когда они пришли. Она зажгла лампу, и оба, увидѣвъ другъ друга при свѣтѣ, вдругъ застыдились. Какъ-то странно показалось, что они такъ близки. Аннушка еще разъ посмотрѣла на него, долго, пытливо. И только теперь лишь одною большою мыслью охватила и поняла, что случилось, не выдержала этой мысли и крѣпко обняла его.

— Милый мой, родной,—шепнула она.

Никита улыбнулся, и опять въ душѣ стало такъ, какъ было однажды. Сколько было надеждъ въ его сердцѣ, всѣ соединились, взявшись за руки, и полетѣли впередъ.

— Любишь, Никита?—спрашивала Аннушка.

И онъ качалъ головой, улыбался, цѣловалъ и опять смотрѣлъ впередъ...

Семенъ Юшкевичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НОВЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ ВЪ ФИЛОСОФІИ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАУКИ.

Нашу науку часто упрекаютъ въ субъективизмѣ ея изображеній и заключеній. Одно время въ большомъ ходу была укорительная ссылка на тотъ идеалъ безстрастія и отсутствія тенденціи, который представляютъ собою естественныя науки. Признавая справедливость этихъ упрековъ, многіе историки и соціологи усердно старались очистить образы прошлаго отъ всякой окраски въ современномъ вкусѣ, отъ всякой примѣси новыхъ симпатій и антипатій и, можетъ быть, достигали честной увѣренности, что цѣль ихъ осуществилась и злой элементъ истребленъ. Къ усиліямъ такого рода относится знаменитое обѣщаніе Тэна представить возникновеніе новѣйшей Франціи изъ стараго порядка и революціи тѣмъ же методомъ и съ тѣмъ же спокойствіемъ, какъ натуралистъ изучаетъ превращенія насѣкомаго.

Хотя подобной иллюзіи отдавались очень крупные умы, нельзя все же не признать ея ошибочности. Какъ ни справедлива сама по себѣ задача стать въ научномъ анализѣ внѣ и выше тѣхъ настроеній, которыя смѣняются въ жизни, но въ общественной наукѣ есть черта, за которую невозможно и не нужно переходить. Для каждой группы наукъ есть свой особый идеалъ, и образецъ естествознанія не можетъ служить цѣликомъ для соціологіи. Вѣдь о жукахъ и грибахъ составляютъ науку посторонніе имъ люди, а не сами объекты науки, тогда какъ въ общественной наукѣ изучаемый объектъ и изучающій субъектъ до извѣстной степени совпадаютъ, и она представляетъ собой именно то самое, что̀ въ опредѣленное время и въ опредѣленной средѣ люди думаютъ о людяхъ и о своемъ собственномъ общечеловѣческомъ прошломъ.

Общественная наука, въ концѣ концовъ, есть автобіографія общества. Съ теченіемъ времени автобіографія не только добавляется новыми главами; она постоянно и на всемъ своемъ протяженіи перерабатывается съ новыхъ точекъ зрѣнія. Эти постоянно обновляемыя точки зрѣнія—вовсе не досадный придатокъ, вовсе не «зло» субъекти-

визма. Онѣ составляютъ живую, двигающую и организующую силу общественной науки. Въ свою очередь, онѣ образуются изъ новыхъ впечатлѣній, настроеній и запросовъ, вызываемыхъ жизнью того самаго современнаго общества, которое желаетъ имѣть науку о себѣ и для себя. Это общество неизбѣжно старается найти въ обществѣ прошлаго если не портретъ свой въ болѣе молодые годы, то фамильное сходство; оно хочетъ знать, были ли раньше жизненные запросы, аналогичные современнымъ, и какъ они рѣшались; оно способно даже въ несчетное число разъ переживать старыя драмы прошлаго, хотя въ ихъ слишкомъ знакомомъ исходѣ нѣтъ никакихъ сомнѣній.

Больше того. Въ лицѣ своихъ научныхъ представителей общество можетъ, сообразно возникающимъ въ его средѣ новымъ запросамъ и постановкамъ, открывать невѣдомыя до тѣхъ поръ историческія перспективы, совершать настоящія превращенія картинъ прошлаго. Новыя идеи въ истолкованіи исторіи—въ сущности новые разрѣзы явленій, новые углы зрѣнія, образуемые силой вновь возникающихъ общественныхъ впечатлѣній.

Не только случайно открывшіеся памятники, массовыя матеріальныя и документальныя данныя, въ родѣ археологическихъ находокъ или недавно тронутыхъ безчисленныхъ папирусовъ, могутъ вызывать эти перемѣны въ научной группировкѣ явленій и въ ихъ объясненіи. Оговоримся, впрочемъ, что и здѣсь далеко не все принадлежитъ случаю: всегда можно и должно искать общей причины, которая направила ученый интересъ на матеріалъ, незнакомый раньше или казавшійся чуждымъ. Но гораздо болѣе поразительно то, что старый, безконечно, повидимому, использованный матеріалъ можетъ вдругъ засвѣтить новымъ свѣтомъ: дѣло въ томъ, что его можно читать новыми глазами.

Казалось, какіе-нибудь адвокатскіе обороты рѣчей Цицерона или театральныя сцены Саллюстія изучены уже до мельчайшихъ изгибовъ стиля филологами-гуманистами, интерпретированы до пресыщенія новоклассиками и, въ добавленіе ко всему, истерзаны школьной практикой: что можно было взять изъ нихъ новаго? И однако, въ концѣ XIX-го вѣка въ нихъ словно сдѣлали новое открытіе: на старыхъ страницахъ начали читать яркія формулы борьбы классовъ, нашли матеріалъ для рѣзкихъ соціальныхъ характеристикъ, по нимъ стали вырисовывать очертанія соціальнаго вопроса въ концѣ эпохи римской республики. Совершенно неожиданно, при свѣтѣ этого открытія, получилъ значеніе и другой документъ, почти отложенный въ сторону за ненадобностью: сочиненныя рѣчи миѳическихъ трибуновъ и консуловъ изъ романической разрисовки легендарной исторіи патриціевъ и плебеевъ у Ливія. Новѣйшей наукѣ пришлось только перенести эти рѣчи изъ V вѣка до Р. Х., куда они поставлены Ливіемъ, въ I вѣкъ, когда дѣйствовали поколѣнія, непосредственно предшествовавшія исто-

рику и давшія ему свои соціальныя идеи и настроенія. Вслѣдствіе такой перестановки, рѣчи въ сочиненіи Ливія представляются намъ ничѣмъ инымъ, какъ вольной переработкой тѣхъ монологовъ и дебатовъ въ народныхъ митингахъ и парламентскихъ засѣданіяхъ сената, которые гремѣли изъ устъ агитаторовъ, сановниковъ и вождей оппозиціи именно этой послѣдней бурной эпохи соціальныхъ столкновеній въ римской республикѣ.

Въ данномъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, при помощи какого именно новаго аппарата зрѣнія открыты таившіеся въ старыхъ источникахъ и не вызывавшіе прежде вниманія факты и оттѣнки: этотъ аппаратъ, это новое приспособленіе зрѣнія дали явленія современной соціальной борьбы въ Европѣ, привычные современности раздѣлы матеріала и мысленные разрѣзы, наконецъ, современныя соціальныя симпатіи.

Если, однако, судьба общественной науки зависитъ отъ такихъ воздѣйствій, то намъ могутъ поставить вопросъ, не лишенный примѣси безпокойства, именно: приближаемся ли мы путемъ такихъ поворотовъ, наклоненій и отклоненій къ истинѣ? Да, конечно, если подъ истиной не разумѣть нѣчто неподвижное. Если истина составляетъ возможно точное приспособленіе доступныхъ данныхъ къ возможно развитому умственному зрѣнію при возможно разнообразной постановкѣ вопросовъ, тогда мы идемъ постоянно къ истинѣ и постоянно ея достигаемъ... въ мѣру чуткости и вдумчивости того общества, которое творитъ и вырабатываетъ для себя науку. Пріобрѣтенія общественной науки будутъ прочны въ той степени, въ какой они исходили отъ глубокихъ, продолжительныхъ, многократно провѣренныхъ общественныхъ впечатлѣній: тѣ научные разрѣзы и выводы, которые внушены болѣе мимолетными настроеніями, безъ сомнѣнія, осуждены и на болѣе скорое исчезновеніе. При этомъ неизбѣжна и постоянно должна происходить извѣстная перестановка въ научной перспективѣ: одни элементы, не утрачивая цѣны совсѣмъ, будутъ блѣднѣть въ своемъ значеніи, меньше привлекать вниманія, другіе, мало замѣтные раньше, напротивъ, выступятъ на первый планъ.

Намъ, напр., почти трудно теперь представить себѣ, что еще не такъ давно, въ первой половинѣ XIX-го вѣка, какая-нибудь исторія борьбы патриціевъ и плебеевъ эпохи первыхъ темныхъ столѣтій стариннаго Рима могла въ столь сильной степени занимать европейскую мысль. Причину увлеченія мы ясно понимаемъ. Поднималась заря новоевропейской демократіи; наука не могла не интересоваться живѣйше всѣми историческими традиціями демократіи, ея драмами, условіями ея успѣха, ея методами и аргументами; а въ римскомъ плебсѣ, казалось, можно было прочитать черты идеальной демократіи всѣхъ временъ.

Наоборотъ, насъ удивляетъ, какимъ образомъ въ наукѣ той же эпохи первой половины XIX вѣка могли разсуждать о ранней культурѣ,

довольствуясь чуть ли не одной картиной гомерическаго быта и почти игнорируя богатѣйшій этнологическій матеріалъ, который ждалъ изслѣдователя, но выдвинулся лишь въ послѣдніе 20-30 лѣтъ, отчасти благодаря развитію колоніальныхъ владѣній европейцевъ, отчасти вслѣдствіе любопытнаго общаго соціально-идейнаго поворота въ концѣ XIX-го вѣка, о которомъ еще придется говорить въ этой статьѣ.

Не всегда легко замѣтить связь между теченіями общественной жизни и поворотами въ научныхъ интересахъ и толкованіяхъ. Событія въ научномъ движеніи, періоды научныхъ направленій не такъ рѣзко выдѣляются, какъ грани, поворотные моменты и эпохи политической и общественной жизни. Основной толчокъ болѣе раздробленъ въ массѣ частныхъ работъ и усилій, множество участниковъ идутъ по извѣстному пути, такъ сказать, безсознательно, часто чуждые крупной общей идеѣ, которой они обязаны своимъ направленіемъ. Но это не мѣняетъ общаго закона отношеній.

Необходимо, однако, постоянно отмѣчать выдающіеся моменты связи и взаимодѣйствія между общественной наукой и общественною жизнью. Въ простомъ констатированіи этой связи уже заключается извѣстная взаимная провѣрка принциповъ и методовъ, дѣйствующихъ въ той и другой области.

Мнѣ бы хотѣлось теперь попытаться указать лишь на нѣкоторые новѣйшіе признаки наклона или поворота въ общихъ идеяхъ, въ философіи общественной науки, сводимые въ большей или меньшей степени на смѣну культурно-общественныхъ настроеній, можетъ быть, еще не вполнѣ ясно опредѣлившихся въ сознаніи. У меня нѣтъ и мысли дать хотя бы самый бѣглый очеркъ общаго измѣненія соціальной философіи. Моя цѣль лишь отмѣтить нѣсколько характерныхъ явленій въ кругу ея идей.

I.

«Безъ сомнѣнія, одно изъ преимуществъ человѣка XIX-го вѣка это—его способность отыскивать эволюціонные ряды. Но при установленіи эволюціонныхъ рядовъ можно брать и черезъ край».

Этимъ, нѣсколько ироническимъ замѣчаніемъ обмолвился недавно одинъ историкъ *), очень хорошій спеціалистъ въ своей области—

*) *Von Below* въ статьѣ „Die Entstehung des Handwerks in Deutschland", помѣщенной въ „Zeitschrift für Social und Wirthschaftsgeschichte" за 1897 годъ. Беловъ выступаетъ здѣсь противъ талантливаго экономиста Бюхера и его теоріи хозяйственно-историческихъ ступеней. Критикъ показываетъ, что авторъ теоріи, подъ вліяніемъ мысли о непрерывномъ и послѣдовательномъ развитіи техники производства и круга обмѣна, пригнетаетъ каждое явленіе хозяйственнаго строя прошлаго, во что бы то ни стало, къ той или другой эволюціонной фазѣ и такимъ образомъ или принимаетъ за характерную и исключительную принадлежность опредѣленной эпохи то, что относится одинаково ко всѣмъ

исторіи средневѣковаго города,—но совсѣмъ не широкій соціологъ; въ большомъ методологическомъ спорѣ онъ даже обнаружилъ узковатый консерватизмъ, и отъ него трудно было ждать общихъ философско-историческихъ сужденій. Но приведеннымъ словамъ его нельзя отказать въ извѣстной ядовитости: они задѣваютъ одну изъ характерныхъ особенностей господствовавшаго до сихъ поръ метода общественной науки.

Эта особенность ярко выразилась въ гегеліанскомъ правилѣ: во всякомъ явленіи, учрежденіи, идеѣ видѣть прежде всего моментъ развитія и сумму предшествующаго развитія, разлагать каждый изучаемый фактъ на его историческія составныя и выстраивать къ нему цѣлую генеалогію, оцѣнивать вещь ея исторіей и успокоиваться, найдя всякому предмету его историческое мѣсто. Какой затвердѣлый аксіоматическій видъ приняло это воззрѣніе, можно убѣждаться на каждомъ шагу. Для характеристики его широко распространеннаго вліянія, приведу еще короткую формулу, тоже довольно случайно вырвавшуюся изъ-подъ пера историка, котораго вовсе нельзя назвать философомъ, но мнѣ кажется, что именно такія «наивныя» признанія особенно цѣнны, какъ выраженіе господствующаго уровня понятій. Изслѣдователь стариннаго греческаго театра *) говоритъ: «Лишь перемѣна представляетъ собой постоянный элементъ (въ исторіи); и упадокъ также есть развитіе».

Не выражены ли въ этихъ словахъ двѣ характерныя интимныя идеи весьма многихъ представителей общественной науки XIX-го вѣка? Въ исторической перспективѣ имъ видѣлось лишь движеніе; всюду непрерывная перестройка и перерожденіе, только наши научные снимки даютъ иллюзію остановокъ: въ дѣйствительности таковыхъ нѣтъ, «все находится въ теченіи». Сюда присоединилась еще другая мысль. Люди образуютъ и преобразовываютъ отношенія: и разъ эта продвигающаяся впередъ работа составляетъ существо исторической жизни, то спрашивается, какова же цѣна моментовъ ухудшенія, ослабленія прогрессивной дѣятельности? Отвѣтъ на это приблизительно сводился къ отрицанію такихъ моментовъ по существу: можетъ быть, все дѣло лишь въ томъ, что работа ушла отъ нашихъ глазъ, пробила себѣ глухое пока русло; потери въ одной области должны вознаградиться выгодами въ другой и т. д.

Путемъ такого разсужденія создавались большія историческія утѣшенія. Это—самый распространенный, ходкій и наиболѣе требуемый продуктъ; примѣровъ можно привести сколько угодно. Въ первые вѣка нашей эры произошло значительное одичаніе общества, замерла

временамъ, или представляетъ совершенно одинаковыя явленія, повторявшіяся въ разныя эпохи, въ видѣ различныхъ исторически-преемственныхъ типовъ.

*) *Bethe.* „Prolegomena zur Geschichte des Theaters im Altertum", p. 5.

содержательная и острая наука, погибло несравненное искусство, исчезли тонкія формы общенія. Современный намъ философъ (Ренувье) съ грустью иронизируетъ по этому поводу: «Въ эпоху первой александрійской школы науки—геометрія, астрономія, естествознаніе, литературная критика, этика—сіяютъ самымъ яркимъ свѣтомъ. Люди того времени имѣли, казалось бы, полное основаніе вѣрить, что «отнынѣ прогрессъ въ своемъ движеніи ничѣмъ не можетъ быть остановленъ». Во второмъ столѣтіи нашей эры Александрія—ничто иное, какъ сборище всякаго рода суевѣрій». Однако, историкъ-экономистъ (Веберъ) нашелъ возмѣщеніе этой потерѣ: по его мнѣнію, цѣною гибели немногочисленныхъ высшихъ классовъ, опиравшихся на коммунистическое рабство, возродилась для массы (онъ разумѣетъ крѣпостныхъ, въ которыхъ превратились рабы) моногамическая семья, создался свой домъ и очагъ для простолюдина, а слѣдовательно легли новыя основы культуры, совершенно уравновѣсившія катастрофу старой культуры.

Другой примѣръ. Въ послѣдніе два вѣка въ нѣкоторыхъ странахъ Европы исчезъ или исчезаетъ и разоряется мелкій самостоятельный земледѣлецъ. И къ этому факту нашлось утѣшеніе: полуисторическая теорія увѣряла, что гибнущій соціальный элементъ, сметенный съ земли, тѣмъ скорѣе создастъ наилучшій порядокъ: переродившись въ чисто рабочую массу, сложившись въ немыслимую раньше организацію, помощью новыхъ хозяйственныхъ и политическихъ средствъ, онъ возьметъ себѣ власть надъ тѣмъ самымъ капиталомъ, который согналъ его съ мѣста.

Такими загадками и чудесами, можетъ быть, слишкомъ пестрѣлъ эволюціонизмъ. Конечно, далеко не всѣ сторонники эволюціоннаго взгляда раздѣляли эти крайности. Далеко и не всѣ историки и соціологи XIX-го вѣка придерживались вѣры въ непрерывную и фатально движущуюся эволюцію. Поэтому сами по себѣ отдѣльныя возраженія противъ эволюціонизма не представляли бы ничего новаго. Но разъ мы видимъ, что ихъ накопляется все больше и больше, что одинъ за другимъ люди научной мысли выходятъ изъ круга терминовъ эволюціонной теоріи, можно думать, что намѣтился нѣкоторый поворотъ въ соціально-философскихъ понятіяхъ.

Въ этомъ смыслѣ мнѣ кажется прежде всего очень характернымъ тотъ фактъ, что на первое мѣсто въ общественной наукѣ выдвинулась этнологія, изученіе раннихъ формъ культуры, особенно въ ея живыхъ представителяхъ. Простой взглядъ на составъ лучшихъ соціологическихъ журналовъ уже много скажетъ наблюдателю: работы по первобытнымъ или стариннымъ религіи, искусству, уголовному праву, семейному быту, общественному строю, хозяйству и т. д. количественно преобладаютъ надъ изслѣдованіями, которыя посвящены тѣмъ же явленіямъ за болѣе позднія эпохи развитія. Помимо чисто этнологическихъ изслѣдованій о современныхъ «дикаряхъ» и неевропейскихъ полу-

культурныхъ народахъ надо сюда же причислить тѣсно примыкающія къ нимъ по методу и по содержанію историческія работы о раннихъ формахъ культуры, напр., средневѣковой Европы, доступныхъ намъ сколько-нибудь по одновременнымъ описаніямъ или остаткамъ права, или слѣдамъ хозяйства и т. п.

Эта, въ настоящемъ смыслѣ слова, древняя исторія человѣчества не только привлекаетъ крупныя и талантливыя работы въ большей степени, чѣмъ новые и болѣе и близкіе намъ отдѣлы исторіи; работы эти вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ для соціальной философіи гораздо болѣе важные результаты, по крайней мѣрѣ, въ данную минуту, чѣмъ историческія и соціологическія изслѣдованія по эпохамъ болѣе новымъ.

Противъ такого наблюденія было бы трудно спорить. Но можетъ быть, намъ укажутъ на случайность условій, вслѣдствіе которыхъ получается неравенство научно-философской цѣнности работъ по двумъ большимъ хронологическимъ отдѣламъ исторіи человѣческаго общества. Скажутъ, что въ необозримомъ матеріалѣ документовъ по новѣйшимъ вѣкамъ трудна даже простая суммировка, трудно даже самое констатированіе фактовъ въ сколько-нибудь обозрительномъ видѣ; до широкихъ новыхъ обобщеній почти немыслимо добираться. Едва ли можно будетъ согласиться съ такимъ объясненіемъ. Во-первыхъ, этнологическій матеріалъ въ настоящее время доросъ также до предѣловъ необъятныхъ. Во-вторыхъ, надо сказать, обобщенія были бы вообще немыслимы, если бы они являлись лишь въ концѣ исчерпывающей обработки всего матеріала и находились, по степени ясности и глубины идеи, въ обратномъ отношеніи къ его количеству. Общія идеи идутъ съ начала работы нашей и параллельно ей, онѣ направляютъ анализъ и группировку матеріала, можетъ быть, терпятъ въ теченіе работы нѣкоторое крушеніе, замѣняются новыми или провѣряются, выходятъ изъ нея заостренными и очищенными, но онѣ во всякомъ случаѣ не посторонни обработкѣ матеріала, не ждутъ ея завершенія, а организуютъ ее.

Повидимому, отмѣченный только что фактъ наклона научныхъ влеченій имѣетъ болѣе глубокое и общее, если угодно, философское основаніе. Наличность его замѣтна уже въ томъ, что лучшіе этнологи не довольствуются описаніемъ той или другой спеціальной фазы эволюціи, на которой срисованъ изучаемый ими объектъ, какая-нибудь группа малокультурныхъ народностей. Не выходя изъ реальныхъ рамокъ своего сюжета, они постоянно говорятъ о человѣкѣ вообще, о его общихъ свойствахъ, его общихъ пріемахъ и изобрѣтеніяхъ для удовлетворенія его общихъ потребностей.

Замѣчательный изслѣдователь старинной семьи (датчанинъ Старке), пробираясь по запутанной классификаціи родства у австралійскихъ и американскихъ дикарей, успѣваетъ отмѣтить въ то же время общіе

элементы семьи всѣхъ временъ; онъ видитъ ихъ въ началѣ рабочей ассоціаціи, чуть ли не впервые осуществляемой въ союзѣ мужчины и женщины, въ принципѣ власти и владѣнія, который выступаетъ въ отношеніяхъ мужа къ женѣ и отца къ дѣтямъ. Указывая на исконность этихъ хозяйственныхъ, владѣльческихъ и властныхъ началъ въ семьѣ сравнительно со слабымъ, преходящимъ и лишь перебивающимъ въ этой области воздѣйствіемъ любви, влеченія половъ, этнологъ, можетъ быть, даже незамѣтно для самого себя, поднимается къ рѣшенію вопросовъ о дальнѣйшей судьбѣ семьи, о предстоящемъ ей концѣ или продолженіи жизни или перерожденіи.

Другой этнологъ (Шурцъ) въ работѣ, пока мало замѣченной, но которую, безъ сомнѣнія, потомъ причтутъ къ крупнѣйшимъ произведеніямъ соціологической мысли, въ «Altersklassen und Männerbünde» («Возрастные классы и мужскіе союзы») вращается, повидимому, все время въ кругу давно исчезнувшихъ общественныхъ явленій, такихъ, которыя даже у современныхъ малокультурныхъ народовъ оставили по большей части лишь слабые слѣды. Но читая его работу, дѣлая съ нимъ довольно утомительный обзоръ странъ, народностей, временъ и разбросанныхъ по ихъ протяженію аналогичныхъ обычаевъ, вы ни на одну минуту не можете забыть, что находитесь среди вопросовъ общечеловѣческихъ. Вы участвуете въ анализѣ огромнаго явленія, которое состоитъ въ томъ, что всякое человѣческое общество съ неизбѣжностью расчленяется и разстанавливается по іерархическимъ ступенямъ. Вы замѣчаете исконный антагонизмъ двухъ большихъ его составныхъ, семьи, родственнаго союза, съ одной стороны, и товарищества, ассоціаціи, общества въ настоящемъ смыслѣ—съ другой; вы наблюдаете борьбу и взаимодѣйствіе индивидуалистическихъ, обособляющихъ и соціализирующихъ, соединяющихъ элементовъ въ общежитіяхъ. Вы видите, какъ выдѣляются наиболѣе сплоченные союзы, общества въ обществѣ, способныя, въ силу своей организованности, захватить въ подчиненіе себѣ болѣе разрозненныя другія группы, и вы ясно чувствуете, что это—прототипъ будущаго государства, хотя устройство власти еще двоится и троится, и можно говорить о двухъ, трехъ государствахъ подъ однимъ обществомъ, совпадающихъ по кругу воздѣйствія, но чередующихся, перебивающихъ другъ друга. Затѣмъ вы видите любопытныя и въ своемъ родѣ удовлетворительныя попытки старинаго общества рѣшить разные «проклятые вопросы» общежитія, нормировать половую жизнь, дать каждому возрасту свое, отвести молодому поколѣнію извѣстный просторъ, предоставить въ его кругу исходъ потребности тѣсной ассоціаціи и выдѣлить интересы болѣе индивидуальныхъ группъ, важныхъ въ свою очередь для продолженія рода и т. п. Наконецъ, читатель будетъ пораженъ удивительнымъ повтореніемъ по всему земному шару однихъ и тѣхъ жъ мотивовъ, однихъ и тѣхъ же символовъ общежитія, въ родѣ какого-нибуь «мужского дома»,

*

центра тѣсной общественной ассоціаціи, заключающаго въ себѣ клубъ, крѣпость, гостинницу, святилище, мастерскую и театръ стариннаго общества—повтореніемъ, удивительнымъ потому, что о заимствованіи, подражаніи не можетъ быть и рѣчи у совершенно разрозненныхъ народностей разныхъ широтъ, чуждыхъ другъ другу по хозяйственнымъ и культурнымъ условіямъ. Мы встрѣтились здѣсь съ глубокимъ общечеловѣческимъ мотивомъ, вытекающимъ изъ природы generis homo; и хотя все время мы имѣли дѣло съ грубыми, неподходящими для нашего быта учрежденіями, но нельзя было не сравнивать ихъ, какъ извѣстные способы рѣшенія общественныхъ проблемъ съ нашими организаціями, нельзя было не поставить вопроса о психическихъ общечеловѣческихъ основахъ этихъ организацій, а слѣдовательно также о ихъ состоятельности и устойчивости.

Мнѣ кажется поэтому, что сильный научный интересъ, направляющій въ данное время соціологовъ на этнологію, можетъ быть коротко такъ выраженъ. Соціально-философскую мысль занимаетъ, помимо уясненія фазъ историческаго развитія и хода его движенія, помимо индивидуальности мѣста и времени въ учрежденіяхъ и понятіяхъ, еще человѣческое вообще подъ какими бы то ни было формами. Genus homo очень выразительно и настойчиво повторяется въ предѣлахъ своей, правда, длинной и разнообразной исторіи. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ помнитъ себя или обнаруживаетъ для наблюдателя слѣды существованія, онъ работаетъ, развлекается, воюетъ, судитъ, торгуетъ, соединяется въ болѣе или менѣе тѣсныя группы, боится невѣдомаго и чтитъ его или врубается смѣлой критикой въ его заповѣдныя мѣста и т. д. Очень важны и очень интересны тѣ видоизмѣненія, въ которыхъ проявляются эти человѣческія функціи, но еще любопытнѣе фактъ ихъ неизбѣжности, ихъ «прирожденности» личности человѣка и человѣческому обществу. Интересъ къ «доисторическому» быту, къ этнологическимъ типамъ основывается не на одной только задачѣ выяснить извѣстный отдаленный періодъ въ эволюціи человѣчества, но еще болѣе на стремленіи поймать человѣка и человѣческое общество «вообще» въ ихъ наиболѣе рудиментарныхъ, простѣйшихъ чертахъ, наименѣе разстроенныхъ перекрестными воздѣйствіями, позднѣйшей рефлексіей и т. д.

Безъ сомнѣнія, и въ матеріалѣ этнологіи мы имѣемъ черты разныхъ эпохъ, разныхъ ступеней развитія и вовсе не всегда чистыя, безпримѣсныя формы: негры западной Африки, краснокожіе сѣверозападной Америки, племена центральной Австраліи, арабы до Мохамеда, кельты эпохи Цезаря и греки микенскаго періода стоятъ въ разныхъ фазахъ развитія и представляютъ различные оттѣнки и разновидности культуры. Но тамъ, гдѣ мы не можемъ обозначать перемѣны годами и десятилѣтіями, гдѣ продолжительность формъ измѣряется вѣками и десятками вѣковъ, тамъ вопросы хронологіи вообще

утрачиваютъ острое значеніе; мы склонны разсматривать относящіяся сюда соціальныя состоянія не столько подъ угломъ зрѣнія эволюціи, движенія формъ, сколько по ихъ общему внутреннему сцѣпленію, по ихъ типическимъ особенностямъ, по ихъ зависимости отъ длительныхъ условій, географическихъ или расово-психическихъ и др.

II.

Если само направленіе соціально-философскаго интереса въ сторону этнологіи и соціологіи старинныхъ культуръ характерно и указываетъ на извѣстное измѣненіе общихъ понятій о главныхъ движущихъ и организующихъ силахъ общества, то въ свою очередь многіе детальные выводы, извлеченные изъ этой сферы научныхъ наблюденій, внесли новыя поправки и подкрѣпили общую перемѣну взглядовъ.

Въ картинѣ общей эволюціи человѣчества большею частью участвовало особое представленіе о старинномъ «первобытномъ» человѣкѣ, въ силу котораго онъ изображался большимъ матеріалистомъ съ преобладаніемъ мотивовъ практическаго «экономическаго» свойства. При такомъ опредѣленіи исходнаго момента развитія, возникновеніе и ростъ культуры характеризовались главнымъ образомъ въ видѣ появленія и усиленія украшающаго жизнь, «идеальнаго», безкорыстно-фантастическаго момента, въ видѣ развитія мысли объ удобствахъ жизни и удовлетвореніи пробуждающейся эстетической потребности, въ видѣ развитія разныхъ болѣе тонкихъ формъ общенія, поэтической любви между полами, товарищеской группировки и другихъ мотивовъ, требующихъ отъ человѣка свободнаго времени, досужей изобрѣтательности, вдохновенія и т. д.

Въ такой общей формулировкѣ взглядъ на «дикаря» и на дальнѣйшее движеніе культуры можно считать непоколебленнымъ. Вотъ прежде всего общее замѣчаніе глубокаго наблюдателя-этнолога (Штейнмеца). «Для того, чтобы объяснить поведеніе (стариннаго или малокультурнаго) человѣка, обыкновенно исходили отъ представленія о немъ, которое прямо противоположно дѣйствительности. Его вооображали непремѣнно эгоистомъ, полнымъ знанія и крайне проницательнымъ во всемъ, что касается его собственныхъ интересовъ, очень осмотрительнымъ и вѣчно бодрымъ, между тѣмъ, какъ онъ всего чаще безпеченъ, неразуменъ, лѣнивъ и по временамъ, по крайней мѣрѣ, довольно добродушенъ».

«Первобытный» человѣкъ вовсе не былъ и не есть утилитаристъ прежде всего. Одинъ важный фактъ въ человѣческой культурѣ, фактъ старинный, истолковывали раньше въ наукѣ именно въ смыслѣ проявленія утилитарныхъ свойствъ древняго человѣка. Такъ думали о прирученіи животныхъ, т. е. обращеніи извѣстной группы дикихъ видовъ въ домашніе, въ спутниковъ человѣка, въ его хозяйственныя орудія или источникъ правильнаго его пропитанія. Нѣтъ сомнѣнія, казалось,

въ томъ, что первоначальный мотивъ приученія лошади, коровы, овцы, собаки и др.—хозяйственно-раціональный, что человѣкъ приспособилъ постепенно, захватилъ и смягчилъ тѣ дикіе виды, въ которыхъ онъ замѣтилъ выгодныя для себя свойства.

Въ настоящее время приходится признать, что активная роль человѣка въ дѣлѣ приученія животныхъ была гораздо слабѣе. Напр., для приученія собаки онъ почти ничего не сдѣлалъ; животное до извѣстной степени само пристало къ человѣку, навязалось въ сотрудники на охотѣ къ взрослому и въ товарищи по игрѣ къ малолѣтнему. Но главнымъ образомъ интересно, что и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ человѣкъ загонялъ къ себѣ и разводилъ въ неволѣ животное, онъ чаще всего руководился не раціональными соображеніями, не хозяйственной логикой, а какими-то болѣе смутными чувствами, фантастической эстетикой при видѣ красивыхъ и необычныхъ формъ, или желаніемъ позабавиться живой игрушкой, или суевѣрнымъ страхомъ передъ скрытой силой, проявляющейся въ непонятныхъ, но правильныхъ и своеобразныхъ движеніяхъ животнаго. Зачѣмъ было покровительствовать такимъ хозяйственнымъ ненужностямъ, каковы кошки, голуби, попугаи, въ старину въ Европѣ бѣлки и медвѣди или у современныхъ дикарей Африки куры, которыхъ они не ѣдятъ, но держатъ вмѣстѣ съ цѣлымъ звѣринцемъ красивыхъ или курьезныхъ плѣнниковъ? Мотивы были либо младенческіе — развлечься, побѣгать, позабавить глазъ и ухо, либо таинственно-неясные—оберечься отъ напасти.

Эти ирраціональные, фантастическіе, религіозные, недѣловые, «идеальные» мотивы можно предполагать даже тамъ, гдѣ впослѣдствіи вступила исключительно разумная хозяйственность: въ приученіи домашняго скота. Человѣкъ не могъ, напр., приручить рогатый скотъ изъ за того, чтобы присосѣдиться къ нему лишнимъ потребителемъ молока. Простой зоологическій фактъ мѣшаетъ такому заключенію: самка въ дикомъ видѣ едва можетъ прокормить дѣтеныша; человѣкъ не видѣлъ у ней излишка, который бы побудилъ его вступиться въ качествѣ дополнительнаго эксплуататора; напротивъ, способность производить лишнее молоко, видимо, пріобрѣтена животнымъ въ теченіе самой неволи, и то очень не скоро, въ рядѣ многихъ поколѣній. Чѣмъ же руководился человѣкъ, загоняя ненужнаго ему звѣря, такъ какъ будущихъ качествъ его не могъ же онъ предугадывать? Мы не можемъ сказать этого точно; но во всякомъ случаѣ онъ былъ направляемъ какой-то фантазіей, какимъ-нибудь сходствомъ символовъ, какими-нибудь мистическими сближеніями: или рога коровы напоминали ему небесный серпъ, который игралъ такую важную роль въ вѣрованіяхъ (почему, напр., египетская богиня имѣетъ голову коровы или украшена вѣнцомъ изъ коровьихъ роговъ?); или эстетика глаза повышала религіозное благоговѣніе при видѣ ослѣпительно-бѣлыхъ «непорочныхъ» экземпляровъ; или взволнованное воображеніе, которому вездѣ чудились таинственные знаки, лица и многозначительныя

фигуры, читало на пятнистой шкурѣ животнаго, въ очертаніяхъ его членовъ предзнаменованія, охрану отъ бѣды и т. п. (слѣды такого взгляда остались въ извѣстныхъ примѣтахъ египетскаго Аписа, напр., въ обязательной фигурѣ таинственнаго жука на его языкѣ).

Мотивы приручения животныхъ—лишь одинъ изъ признаковъ, по которому можно судить объ огромной роли «идеальнаго» элемента у первобытнаго человѣка. Въ томъ же направленіи можно указать и множество другихъ фактовъ, выдвинутыхъ новѣйшей наукой. Напрасно предполагали, напр., у малокультурнаго человѣка отсутствіе любовной романтики; она, напротивъ, сильно и многосторонне развита у него въ видѣ особыхъ формъ волшебства, гаданія, способовъ привлеченія объекта любви; она можетъ въ этой средѣ въ гораздо большей степени владѣть человѣкомъ, чѣмъ въ культурномъ обществѣ.

Напрасно предполагали, что дикарю чуждо самоубійство, что оно возникаетъ на болѣе высокой ступени развитія, подъ вліяніемъ логики отчаянія, вслѣдствіе возрастающей нервности и чувствительности, большаго развитія рефлексіи и т. д. Самоубійство, напротивъ, очень распространено между малокультурными народами: оно совершается въ этой средѣ съ чрезвычайною легкостью, и если приглядѣться къ мотивамъ, которые приводятъ къ нему, то можно найти отчасти сходство, отчасти различіе по сравненію съ побудителями самоубійствъ въ культурномъ обществѣ. Благопріятной почвой для самоубійства у «дикарей» служитъ именно сильно повышенная чувствительность, нервозность, которую мы готовы были считать грустной монополіей новаго общества. Очень часто встрѣчается эротическій мотивъ лишенія себя жизни, и это обстоятельство еще разъ подтверждаетъ, какое видное мѣсто въ помышленіяхъ малокультурнаго человѣка занимаетъ романтика страстей. Любопытна еще и та скорость и безтрепетность, съ которой человѣкъ выкидываетъ себя изъ числа живыхъ. Это, въ свою очередь, объясняется своеобразнымъ представленіемъ, которое онъ имѣетъ насчетъ «того свѣта», куда ему предстоитъ перейти. «Сверхчувственный міръ,—говоритъ одинъ изслѣдователь-этнологъ,—для человѣка на низшихъ ступеняхъ культуры представляетъ прочнѣйшую реальность, въ такой мѣрѣ, что мы даже не можемъ себѣ составить объ этомъ понятія. Этотъ свѣтъ и тотъ свѣтъ, земной и загробный міры въ глазахъ дикарей отдѣлены другъ отъ друга какъ будто не столько въ качественномъ отношеніи, сколько особенностями мѣста и времени. Понятна какъ распространенность у нихъ самоубійства, совершающагося по всевозможнымъ поводамъ, такъ и то равнодушіе, съ которымъ они рѣшаются на смерть: переходъ на тотъ свѣтъ едва ли представляется имъ дѣломъ болѣе важнымъ, чѣмъ путешествіе изъ одной страны въ другую». Развѣ не скажешь, что въ подобныхъ случаяхъ человѣкъ малокультурный истинно падаетъ жертвой своего чрезмѣрнаго идеализма?

Мы видѣли только отдѣльные примѣры, служащіе къ поправкѣ

того портрета первобытнаго человѣка, который ранѣе нарисовало себѣ культурное общество. Взятыя въ цѣломъ, такія поправки должны значительно измѣнить общую картину соціальной эволюціи человѣчества. Склонности, понятія человѣка, способы его дѣятельности, формы его общенія развиваются далеко не съ одинаковой силой и быстротой. Иногда насъ поражаетъ какое-нибудь изумительное техническое совершенство индустріальнаго производства у варварскаго народа, не отвѣчающее общей отсталости и низкому уровню остальной культуры. Съ другой стороны, въ крупныхъ и важныхъ областяхъ человѣческой мысли и дѣятельности его развитіе остается слабымъ и незамѣтнымъ. Въ ходѣ культуры получаются не только большія расходящіяся ступени; рядомъ съ ними, перебивая ихъ, идутъ повторенія, наряду съ мѣняющимися качествами и дѣйствіями обнаруживаются постоянныя и длительныя.

Къ подобнымъ же выводамъ насъ приводятъ и другія наблюденія уже надъ историческимъ матеріаломъ, отчасти, можетъ быть, вызванныя методомъ этнологіи, обязанныя ей первоначальнымъ толчкомъ. Вотъ, напр., рядъ любопытнѣйшихъ аналогій между древнимъ Египтомъ за его тысячелѣтніе періоды и позднѣйшими европейскими и азіатскими культурными эпохами.

Въ глубинѣ египетской исторіи можно замѣтить характерный симбіозъ, принудительное соединеніе двухъ взаимно дополняющихъ другъ друга культурно-хозяйственныхъ группъ, земледѣльческаго племени сѣверныхъ нильскихъ равнинъ и скотоводческаго народа южныхъ гористыхъ склоновъ; первое было выше техникой, мягче нравами, второе, болѣе сплоченное и болѣе суровое, подчинило себѣ слабо организованныхъ земледѣльцевъ и пріобрѣло господство въ силу своего административно-военнаго перевѣса; оно и образовало по настоящему египетское государство, тогда какъ первое составило въ немъ обширный рабочій классъ. Съ сохраненіемъ извѣстныхъ чертъ первоначальнаго быта эти двѣ группы удержали также впослѣдствіи характерное раздѣленіе труда: земледѣльцы низинъ обрабатывали волокнистыя вещества, горцы оставались мастерами металлическихъ издѣлій. Такое «сожительство» двухъ культурныхъ группъ, коренящихся въ различіи основного хозяйственнаго типа и долго сохраняющихъ свои особенности, мы наблюдаемъ потомъ долгіе вѣка на большой степной полосѣ, проходящей по всему Старому Свѣту отъ Атлантическаго океана до Великаго: всего ярче оно обнаруживается въ большихъ мусульманскихъ государствахъ арабовъ, мавровъ и турокъ, основанныхъ на комбинаціи, съ одной стороны, земледѣльческаго труда, а съ другой—торговли, военной силы и государственнаго давленія номадовъ.

Въ дальнѣйшей своей исторіи древній Египетъ представляетъ интересныя черты сходства съ явленіями римской имперіи, средневѣковой Европы, государства инковъ въ Южной Америкѣ и мусульманскаго Во-

стока. Вся хозяйственная жизнь страны строго регулирована и стянута въ организацію, которую можно было бы назвать соціалистическо-іерархической. Сборъ податей идетъ по большей части натурой; правительство наполняетъ ими громадные запасные магазины и сосредоточиваетъ такимъ образомъ хозяйственный капиталъ страны; свободной частной торговли въ крупномъ размѣрѣ не существуетъ, потребители снабжаются изъ оффиціальныхъ запасовъ. Многочисленная бюрократія направляетъ и наблюдаетъ этотъ большой рабочій и административный механизмъ; сверху донизу онъ проникнутъ іерархическими «феодальными» началами. Отъ міра боговъ до нижайшей рабочей единицы простирается система всеобщаго вассалитета. Царь—вассалъ боговъ; въ свою очередь подъ его особымъ патронатомъ стоятъ главные чиновники, затѣмъ идутъ дальше и дальше—низшія функціи подъ защитой высшихъ, группы рабочихъ подъ сеньоріальной опекой владѣльцевъ и т. д. Совсѣмъ такъ же, какъ въ эпоху Карла Великаго всякій долженъ былъ имѣть надъ собой сеньора, и въ древнемъ Египтѣ господствуетъ правило: «никто не долженъ быть безъ хозяина». Человѣкъ, не имѣющій патрона, лишенъ защиты и безправенъ.

Церковь была одарена огромными имуществами, которыми заправляли аристократическія коллегіи жрецовъ. Надъ ними стоялъ глава, «папа», жившій въ Ѳивахъ и состоявшій въ антагонизмѣ со свѣтскимъ государемъ. Мелкій людъ, далеко отодвинутый отъ этихъ организацій, искалъ религіознаго удовлетворенія въ кругу своихъ особыхъ ассоціацій или братствъ, составлявшихся изъ свѣтскихъ членовъ, на подобіе современныхъ религіозныхъ обществъ исламитскаго Востока или средневѣковаго европейскаго сектантства.

Выработалась своеобразная символика, въ которой отразилось происхожденіе государства изъ сѣверной и южной половины. Въ придворныхъ церемоніяхъ государь садился лицомъ къ восходу солнца, сановники сѣвера и юга по правую и лѣвую сторону отъ него. Это космологическое расположеніе придворныхъ штатовъ повторилось потомъ въ мусульманскомъ государствѣ. Въ бюрократическомъ управленіи развилось сложное письмоводство и въ связи съ нимъ какъ бы культъ всесильной «бумаги», всепроникающей грамоты; этотъ культъ вылился въ формулу: «писецъ направляетъ работу людей». Опять черты, повторяющіяся въ исламитской культурѣ!

Соціологъ пораженъ этимъ обиліемъ аналогій съ другими временами и другими обществами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не можетъ не остановиться и на другомъ фактѣ, который ярко выступаетъ въ тѣхъ же чертахъ сходства: какое упорное повтореніе соціальныхъ комбинацій, какъ онѣ немногочисленны, какъ невелика, въ концѣ концовъ, соціальная изобрѣтательность человѣка или же въ какой мѣрѣ она ограничена въ выборѣ средствъ и способовъ!

Къ такому заключенію приходитъ уже упомянутый мною замѣча-

тельный этнологъ Шурцъ, останавливаясь на такихъ явленіяхъ, какъ тайные союзы въ западной Африкѣ, пытающіеся за отсутствіемъ или бездѣйствіемъ публичной власти играть роль чрезвычайной карающей юстиціи. Невольно онъ сопоставляетъ ихъ съ судомъ Линча, столь распространеннымъ въ нынѣшней культурной Америкѣ: «Тамъ, гдѣ не хватаетъ оффиціальнаго суда, люди съ успѣхомъ возвращаются къ старинной формѣ правовой охраны. Подобное явленіе также служитъ доказательствомъ того, что въ развитіи человѣчества нѣтъ мѣста безконечному множеству формъ существованія и неисчерпаемому количеству рѣшеній жгучихъ вопросовъ; напротивъ, число этихъ рѣшеній относительно очень невелико и среди этого небольшого числа при разныхъ обстоятельствахъ приходится всякій разъ дѣлать выборъ, при чемъ подобный исходъ вовсе не составляетъ ступени развитія въ собственномъ смыслѣ слова».

III.

Эта мысль должна повторяться при внимательномъ наблюденіи и сравненіи мелькающихъ въ соціальной исторіи комбинацій и мотивовъ. Нерѣдко можно встрѣтить въ наше время особую увѣренность въ непреодолимой силѣ растущей техники, сопровождаемую убѣжденіемъ, что нынѣшняя культура характеризуется господствомъ техники въ такой мѣрѣ, какъ никакая другая до нея. Но подобныя настроенія и мысли вовсе не исключительное достояніе эпохи около 1900 г. Триста лѣтъ тому назадъ Кампанелла восторженно увлекался техникой своего времени, ея огромной цивилизаторской силой. Вотъ его слова: «Нашъ вѣкъ произвелъ въ теченіе 100 лѣтъ больше выдающагося, чѣмъ весь міръ въ четыре тысячи лѣтъ, въ этомъ вѣкѣ больше напечатано книгъ, чѣмъ ихъ появилось въ 5 тысячъ лѣтъ. Изобрѣтеніе книгопечатанія, компаса и пороха—очевидные знаки и орудія объединенія всего міра въ лонѣ одной великой общины».

Невольно, въ связи съ этимъ повторяющимся и забывающимъ предшественниковъ культомъ техники вспоминается еще другая комбинація мысли, также претендующая на исключительность и также принадлежащая къ ряду типичныхъ, повторяющихся настроеній. Въ XIX-мъ вѣкѣ швейной машинѣ приписывали вредное воздѣйствіе на нервы. Оказывается, что подобный же протестъ и жалобу на возбужденіе нервозности вызывала изобрѣтенная въ средніе вѣка и кажущаяся намъ столь идиллической самопрялка. Очень не новы также разсужденія, что сильныя, разрушительныя орудія и препараты, въ родѣ лиддита, дѣлаютъ невозможной войну именно вслѣдствіе своего быстро опустошающаго дѣйствія; приблизительно тотъ же аргументъ въ пользу прекращенія войны въ XVI-мъ вѣкѣ видѣли въ изобрѣтеніи револьвера.

Особенно поразительны повторяющіеся идейные мотивы, моральные, художественные, литературные. Эти повторенія въ различныхъ

общественныхъ группахъ, не стоявшихъ между собою ни въ какомъ общеніи, часто не подозрѣвавшихъ о существованіи одна другой, странныя по своему упорству, иногда по своей «нелѣпости», т.-е. по своей противорѣчивости раціональному опыту,—заставляютъ предполагать какія-то неизслѣдованныя еще, глубоко залегающія складки человѣческой природы, слабо поддающіяся эволюціи и способныя ставить вступикъ просвѣтительную работу своими внезапными вспышками.

Многія явленія или свойства этого рода могутъ мирно спать цѣлые вѣка и оставаться внѣ сознанія тѣхъ самыхъ людей, которые способны при исключительныхъ обстоятельствахъ дать имъ яркій и фатальный исходъ. Не наводитъ ли, напримѣръ, на такое соображеніе мотивъ, который можно было бы назвать религіозно-экстатической гибелью? Въ 70-мъ году по Р. Х., при взятіи мятежнаго еврейскаго Іерусалима римлянами и въ 1453 г., при штурмѣ византійскаго Константинополя османскими турками со страшнымъ сходствомъ повторилась одна и та же сцена: послѣдніе защитники вѣры и національности и сбившаяся около нихъ толпа запираются въ главномъ храмѣ и, уповая на какое-то неясное предсказаніе, смотрятъ упорно въ одну сторону и ожидаютъ чудесной помощи въ самую послѣднюю минуту. Оба случая такъ раздѣлены хронологически и культурно, притомъ ужасъ минуты въ такой мѣрѣ исключилъ возможность подражанія, что намъ остается только принять полную самостоятельность рѣшенія толпы въ томъ и другомъ случаѣ.

Съ почти трогательнымъ постоянствомъ повторяется много разъ одинъ мотивъ, который можно бы назвать утѣшеніемъ отъ мысли о существованіи земного рая. Яркимъ примѣромъ такого мотива настроенія можетъ служить вѣра въ Бѣловодье, въ существованіе гдѣ-то на далекомъ Востокѣ Бѣловодской земли или царства. Въ послѣднее время Вл. Г. Короленко въ замѣчательномъ этнографическомъ очеркѣ быта уральскихъ казаковъ далъ поразительную картину цѣлой экспедиціи въ таинственный край, снаряженной простолюдинами-сектантами на основаніи какихъ-то свершенно миѳическихъ данныхъ, безъ малѣйшаго знанія географіи, языковъ и т. п. Это—что-то въ родѣ путешествія на луну, отчаянный скачокъ въ самую темную неизвѣстность, и ради чего? Чтобы узнать, что дѣйствительно есть страна, гдѣ сохранилась истинная вѣра во всей чистотѣ, и что народъ, обладающій этимъ сокровищемъ, благоденствуетъ вдалекѣ отъ всего остального свѣта подъ управленіемъ того самаго духовнаго вождя, который увелъ его когда-то отъ грѣха и несчастья.

Эти поиски Бѣловодіи поразительно напоминаютъ настроеніе паломниковъ въ западной Европѣ XV-го в., участвовавшихъ въ великихъ открытіяхъ. Совершенно независимо отъ купеческихъ интересовъ или научныхъ изысканій надъ формой земли, множество людей увлекалось мечтой найти пресвитера Іоанна и его правовѣрную общину неумирающихъ счастливыхъ людей. Тамъ и здѣсь тоскующей душѣ нужна

была увѣренность, что не все на свѣтѣ погрузилось въ бѣду, порокъ и зло, что есть на землѣ общество блаженныхъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ и общество людей непорочной вѣры. Надо отыскать ихъ, вступить съ ними въ общеніе, причаститься лицезрѣнія ихъ жизни. Вотъ и все, что́ нужно человѣку; онъ потомъ готовъ умереть спокойно, потому что видѣлъ «счастье и правду». Но даже не видавъ ихъ, въ одной только вѣрѣ, что они непремѣнно гдѣ-то существуютъ, онъ уже находитъ великое утѣшеніе.

Въ сущности такого рода мысли широко распространены въ разнообразныхъ формахъ: на чемъ держались, напримѣръ, безконечныя богомолья въ Римъ, направлявшіяся изъ сѣверныхъ странъ по страшнымъ альпійскимъ дорогамъ, среди грабежа и насилія, странствованія, совершаемыя съ затаенной надеждой умереть на самой святой землѣ? Своеобразный кругъ представленій, на которыхъ они основывались, вовсе и не такъ ужъ далекъ отъ культурнаго общества: не напоминаетъ ли его влеченіе европейцевъ XIX в., не владѣвшихъ конституціями, къ революціонной Франціи,—эта жажда увидать мѣста, освященныя великими политическими моментами, видѣть, только видѣть освобожденный народъ, желаніе настолько сильное и настоятельное, что Гейне могъ говорить о двухъ отечествахъ, которыя должны быть у всякаго образованнаго человѣка, одномъ, гдѣ онъ родился, и другомъ, которое составляетъ идеальную Францію.

Не такъ наивно, не прибѣгая къ пріемамъ такого внѣшняго противопоставленія, культурное общество ищетъ своего рода райскихъ состояній или качествъ вблизи себя, въ извѣстныхъ человѣческихъ группахъ, въ чертахъ моральныхъ и бытовыхъ, ищетъ «духовнаго рая». Мнѣ кажется, къ такому опредѣленію подходитъ повторяющаяся во всѣхъ литературахъ идеализація дикаря, варвара, простеца Иванушки, мужика, босяка и т. д. Типы, избираемые романтикой, разумѣется, различны: у Тацита — германцы, у Руссо — швейцарскіе горцы или американскіе краснокожіе, у писателей эпохи паденія крѣпостничества—крестьяне, у художника фабрично-городской среды—бездомные пролетаріи; но идеальный обликъ, рисуемый при помощи этихъ конкретныхъ чертъ, одинъ и тотъ же: онъ обусловленъ самокритикой интеллигентнаго общества, которое думаетъ, что потеряло райскую непосредственность, истинное чутье, оригинальность, свѣжесть чувствъ, однимъ словомъ, «святость», и почти мучительно хочетъ найти эти счастливыя свойства въ таинственныхъ незнакомцахъ, не обработанныхъ еще культурой.

Близко къ упомянутымъ комбинаціямъ мысли стоятъ еще нѣкоторые незамолкшіе мотивы, любопытные опять-таки тѣмъ, что они сближаютъ общества на разныхъ ступеняхъ развитія. Въ культурной средѣ, пріученной, повидимому, къ детерминизму, къ правильной работѣ мысли посредствомъ установленія причинныхъ рядовъ, можетъ жить, какъ ни странно сказать, потребность чуда, правда, чуда въ очень

тонкой, абстрактной одухотворенной формѣ, но тѣмъ не менѣе представляющаго скачокъ черезъ всѣ раціональныя основанія. Развѣ не въ эту категорію придется отнести, напримѣръ, вѣру въ волшебную силу декларацiи правъ, провозглашаемой во всеуслышаніе и этимъ самымъ способную совершить переворотъ въ умахъ и разрушить обветшалые порядки? Или еще, не сюда ли принадлежитъ знаменитая гегеліанская загадка, доставшаяся потомъ соціализму, загадка о томъ, какъ извѣстный порядокъ жизни на высотѣ своего отрицательнаго развитія, идя все къ худшему, перекидывается въ свою полную противоположность, въ наилучшій строй? Къ той же области относится изумительное по своей нераціональности убѣжденіе въ благотворности человѣческаго страданія, въ его очищающей и облагораживающей силѣ, въ моральной необходимости искупительныхъ жертвъ для достиженія истиннаго счастья, убѣжденіе, которое получило и религіозно-политическую формулировку въ мысли о руководящей роли народа-жертвы или народа-страдальца и которое находило въ себѣ такія яркія формы въ іудейскомъ мессіанизмѣ, въ разныхъ видахъ средневѣкового сектантства, въ бичеваніяхъ и отреченіяхъ, и наконецъ въ XIX в. въ идеѣ міровыхъ миссій, исполняемыхъ «несчастными» націями,—вплоть до мечтаній нашего поздняго экстатическаго славянофильства.

Мы не вѣримъ глазамъ своимъ, встрѣчаясь съ этими мотивами насъ вводятъ отчасти въ заблужденіе подновленные термины подобныхъ теорій, но въ дѣйствительности онѣ еще гораздо ближе къ какому-нибудь миѳологическому творчеству, чѣмъ это кажется. По привычкѣ, воспитанной эволюціонизмомъ, мы все стараемся каждый хронологически слѣдующій шагъ возвести на степень новаго шага впередъ. Хотя эволюціонная теорія и приняла въ свою терминологію слово «реакція», но и въ реакціи-то эволюціонизмъ обыкновенно склоненъ видѣть не простой возвратъ, не форму вновь выступающаго варварства, а лишь нѣкоторое искривленіе выводящаго потомъ напрямикъ пути, перерожденіе или замаскированное движеніе впередъ или новый толчокъ къ нему и т. д. Въ обычномъ эволюціонномъ объясненіи получается ломаная линія, въ которой все таки всѣ отрѣзки смотрятъ по одному главному направленію. При томъ такое объясненіе какъ будто бы открываетъ для разныхъ реакцій, политической, религіозной философской, эстетической извѣстное оправданіе: остается впечатлѣніе, что реакція возникла отчасти по винѣ слишкомъ быстраго и рѣзкаго движенія впередъ, что она составляла естественный протестъ противъ крайности предшественника.

Фактъ возвращенія повторяющихся мотивовъ не то что отстраняетъ такое объясненіе реакцій, онъ указываетъ на недостаточность объясненія; онъ заставляетъ, наряду съ очень важной оцѣнкой условій ближайшихъ, условій даннаго момента, предшествующей фазы движенія, подумать объ извѣстныхъ, можетъ быть, скрытыхъ и спящихъ

свойствахъ и представленіяхъ, издавна присущихъ человѣку, забытыхъ или забываемыхъ, но способныхъ выступать въ трудно предусмотримые сроки и бросать вызовъ тяжелой просвѣтительной работѣ, медленно подвигающейся въ дѣлѣ истребленія страховъ человѣческихъ.

Нѣкоторыя явленія современной художественной и философской мысли, подходящія подъ обычную рубрику реакціи, позволяютъ задуматься надъ такой поправкой.

Нѣтъ болѣе рѣзкаго контраста, какъ содержаніе и пріемы искусства лѣтъ 20—25 тому назадъ и художественное творчество послѣднихъ десятилѣтій. Какимъ-то изнуреніемъ отзывается уже примелькавшаяся худосочная символика, этотъ упрощенный языкъ знаковъ и неясныхъ намековъ, это условное изображеніе существъ неизвѣстнаго пространства и времени, этотъ наборъ фантастическихъ несообразностей, которыя означаютъ «вовсе не то», чѣмъ кажутся непредубѣжденному глазу. Рѣшительно не видно, чтобы новый символизмъ былъ вызванъ какими-нибудь явленіями предшествующей эпохи, служилъ дальнѣйшимъ развитіемъ ея пріемовъ или возникъ потому, что исчерпаны были свойственные прежнему искусству пріемы и мотивы, или потому, что доказана была ихъ неудовлетворительность. Въ конкретно-идейномъ направленіи, которое дало, напримѣръ, на русской почвѣ «Бурлаковъ», «Христа въ пустынѣ», «Всюду жизнь» и т. п., не было никакихъ указаній на возможность или необходимость поворота къ новому искусству, о которомъ пока можно сказать, что оно перестало быть изображеніемъ и не смогло сдѣлаться философской абстракціей.

Нѣкоторая наклонность символическаго искусства къ архаическому костюму помогаетъ историку найти родство его въ раннихъ формахъ художественнаго творчества. Когда вы смотрите на странно симметричныя, какъ бы намѣренно ненатуральныя очертанія лицъ, складокъ платья, расположенія фигуръ, орнаментовки, пейзажнаго фона и т. п., египетскаго, напримѣръ, искусства или ранняго средневѣковаго, вы не должны относить эти особенности исключительно къ несовершенству техники и рабскому воспроизведенію художниками разъ установившейся традиціи. Во всемъ этотъ гораздо больше разсчета, планомѣрности, чѣмъ кажется на первый взглядъ.

Вотъ, напримѣръ, рядъ точекъ, которыя, казалось, лучше было бы замѣнить линіей. Но онѣ не даромъ поставлены: онѣ сосчитаны и ихъ число, навѣрно, какое-нибудь священное, многозначительное, таинственно-предопредѣляющее число. Ненатуральная симметрія происходила не отъ дѣтской безпомощности рисовальщика: онъ боялся разрушить сквозившій черезъ дѣйствительность идеалъ и дѣлалъ снимокъ съ правильнаго чертежа своей образцовой головной схемы. Художникъ вовсе не старался воспроизводить натуру, онъ имѣлъ въ виду свою особую мистическую систему, тайное сочетаніе символовъ, въ которое слагались его зрительныя впечатлѣнія отъ окружающаго. Его глазъ

видѣлъ дѣйствительность сквозь условныя символическія очертанія и формы. Такимъ образомъ въ его и безъ того тѣсномъ кругозорѣ было больше принудительныхъ ассоціацій. Его зрѣніе какъ бы состояло въ томъ, что онъ накладывалъ на окружающее нѣкую геометрическую сѣть, притягивалъ къ ней подходящее и отбрасывалъ, не замѣчалъ отступающихъ явленій. Такъ, въ человѣческой фигурѣ съ распростертыми на молитвѣ руками ему видѣлся крестъ, въ солнцѣ или звѣздѣ съ расходящимися лучами—паукъ и обратно: жолобъ на церкви превращали въ оскаленную голову дьявола, кувшину давали форму птицы и т. д.

Такова была и старая наука. Для историка событія обрубались и ложились въ рамки четырехъ всемірныхъ монархій, предсказанныхъ у пророка Даніила. Еще въ XVIII-мъ в. географія билась въ подобныхъ тискахъ: на земной поверхности предполагали нѣкоторую систему «нормальныхъ» горныхъ хребтовъ, въ извѣстной конфигураціи, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга; землю тоже, повидимому, надѣляли заранѣе начерченнымъ символическимъ ликомъ. Господство системы было гораздо сильнѣе реальныхъ впечатлѣній: хребты отыскивали тамъ, гдѣ «они быть должны», и упорно рисовали несуществующія возвышенности на картахъ; вѣрующихъ не смущали крупныя несогласія съ идеальнымъ образомъ, въ родѣ большихъ горъ на неположенныхъ мѣстахъ: онѣ зачислялись въ разрядъ «случайныхъ» и фактически выбрасывались изъ круга вниманія.

Не произошло ли въ искусствѣ непредусмотрѣнное повтореніе старинныхъ методовъ? Можетъ быть, символисты надѣлены фантазіей и симметрическими идеями подобными тѣмъ, какія были у отдаленныхъ поколѣній, и дѣйствительно видятъ сквозь извѣстныя принудительныя сѣтки схематическихъ ассоціацій? Другое дѣло, на долго ли проснулась старая эстетическая мистика, но она не вытекаетъ изъ предшествующей фазы, характеризуемой любовью къ конкретному и детальнымъ анализомъ, не служитъ ей ни поправкой, ни отвѣтомъ, ея мотивы заключены въ особомъ складѣ впечатлительности и воображенія людей, воспроизводящихъ живыя еще качества, которыя казались исчезнувшими.

То же самое можно было бы сказать о философской мистикѣ. Вотъ уже во второй разъ на нашихъ глазахъ, такъ сказать, при яркомъ дневномъ свѣтѣ, въ концѣ XVIII-го и въ концѣ XIX вв. она подымается неожиданно и безосновательно послѣ горячей просвѣтительной работы, послѣ цѣлаго потопа критицизма. Немного подновлена терминологія, но сущность все та же, что въ XVI, что въ XIV вв., что еще раньше. Просыпаются страхи передъ невѣдомымъ и попытки окружить его культомъ; опять все то же раздробленіе человѣческаго существа на двѣ натуры, два сознанія, одно слабое, ползающее по землѣ, другое—могучее, летающее въ облакахъ. Какія бы названія ни

придумывались для этой условной противоположности: разумъ и воля, анализъ и творчество, внѣшнее воспріятіе и внутреннее сознаніе, наука и метафизика, но въ основѣ этого раздвоенія все тотъ же старинный «опытъ» первобытной психологіи: бодрствованіе и сонъ, ясность чувствъ и забытье, анализъ и восторгъ, наблюденіе и фантазированіе кажутся малокультурному человѣку доказательствомъ того, что въ немъ живутъ два существа, одно вставленное въ другое, что онъ «двойникъ» самого себя, что въ немъ двѣ параллельно идущія жизни, что онъ входитъ въ два сосуществующихъ, совпадающихъ, но не сообщающихся между собою міра.

Первобытный человѣкъ, по причинамъ понятнымъ, отдаетъ предпочтеніе группѣ послѣднихъ состояній, сновидѣнію, иллюзіи, экстазу, тѣмъ состояніямъ, въ которыхъ силы его кажутся удесятеренными, когда онъ творитъ чудеса и буквально летаетъ по воздуху; такія состоянія онъ считаетъ пророческими, божественными и откровенными и съ пренебреженіемъ смотритъ на другія, бодрственныя состоянія, когда чувствуетъ себя связаннымъ сотней условій и ограниченій. Мистика и воспроизводитъ всякій разъ тотъ же нехитрый психологическій мотивъ. Другой вопросъ, и очень большой—о причинахъ возвращенія «наивнаго» опыта въ среду, повидимому, критически воспитанную. Но всякій разъ, когда происходитъ отклоненіе мысли въ этомъ направленіи, оно кажется неожиданнымъ, и въ то же время можно и должно вспомнить, что родство этого мотива тянется длинной генеалогической линіей, то слабѣющей и пропадающей для историческаго глаза, то опять поднимающейся на поверхность.

Общественная наука XIX в., можетъ быть, слишкомъ упорно искала въ эволюціи послѣдовательности и логичности. Дѣйствительный ходъ вещей приноситъ много неожиданностей, хотя и покрываемыхъ терминами эволюціонистики, въ родѣ «естественная реакція», «перерожденіе» и т. д., но, въ концѣ концовъ, жестоко нарушающихъ предполагаемыя нормы. Среди этихъ неожиданностей даютъ себя знать «повторяющіеся мотивы», которые служатъ знаками нѣкоторыхъ устойчивыхъ, длительныхъ качествъ и состояній человѣческаго интеллекта и людского общества. Общественная наука необходимо должна была обратить особенное вниманіе на этотъ элементъ, часто обидный и досадный для раціоналиста, но неустранимый въ кругозорѣ историка и психолога. Отсюда объясняется то своеобразное направленіе интереса и методологическихъ пріемовъ въ кругу ея содержанія, о которомъ было сказано вначалѣ.

Р. Виппер.

* * *

Высоко въ небѣ мѣсяцъ ясный
Затихъ волны дремотный плескъ
Какъ снѣжно-золотое поле,
Сіяетъ въ морѣ лунный блескъ.

Плыла межъ небомъ и землею
Надъ моремъ тучка,—наплыла
На край луны—и вдругъ широко
Насъ мягкой тѣнью обняла.

Далеко золотое поле
Покрылось матовымъ стекломъ,
И вѣтеръ, шелестя травою,
Пахнулъ полуночнымъ теплomъ.

Счастливымъ и глубокимъ вздохомъ
Волна вздохнула въ полуснѣ,—
И какъ довѣрчиво, какъ нѣжно
Ты вся прижалася ко мнѣ.

Но вспыхнулъ блескъ на горизонтѣ,
Тѣнь по горамъ въ лѣса ушла,
И снова мы сидимъ недвижно,
И снова ночь, какъ день, свѣтла.

Спитъ море въ яркомъ лунномъ блескѣ,
Блеститъ на влажныхъ камняхъ мохъ...
О, ночь любви! Ужель и въ счастьи
Намъ нуженъ хоть единый вздохъ?

Иванъ Бунинъ.

ДЖОНЪ РЁСКИНЪ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

*(Продолженіе *).*

Глава вторая.

Вѣра.

„Въ нашъ вѣкъ мы видимъ людей умныхъ и ученыхъ, пренаивно увѣренныхъ, что они свободны отъ всякой религіи только потому, что не признаютъ тѣхъ метафизическихъ объясненій начала всего, которыя когда-то и для кого-то объясняли жизнь... Но каковы бы ни были ихъ разговоры, у нихъ есть вѣра, если они только совершаютъ какіе-нибудь разумные поступки, потому что разумные поступки всегда опредѣляются вѣрой. Поступки же этихъ людей опредѣляются только вѣрою, что надо всегда дѣлать только то, что велятъ"...

Л. Толстой. Въ чемъ моя вѣра.

Одинъ изъ самыхъ постоянныхъ упрековъ Рёскина по адресу политическій экономіи относится къ ея безбожію или невѣрію. И хотя онъ самъ часто говоритъ, что только хочетъ замѣнить ложную науку истинной наукой, но точнѣе было бы сказать, что онъ хочетъ вмѣсто науки, отрицающей вѣру, поставить науку, основанную на вѣрѣ. Слово «вѣра» часто вызываетъ у защитниковъ науки такое же раздраженіе, какъ слово «власть» у защитниковъ свободы. Поэтому не лишнее напомнить, что даже и самые рьяные защитники науки позволяютъ себѣ такія выраженія, какъ «вѣра въ науку». У Чехова, въ «Скучной исторіи», ученый профессоръ говоритъ: «Испуская послѣдній вздохъ, я все-таки буду вѣрить, что наука—самое важное, самое прекрасное и нужное въ жизни человѣка, что она всегда была и будетъ высшимъ проявленіемъ любви, и что только ею одною человѣкъ побѣдитъ природу и себя. Вѣра эта, быть можетъ, наивна и несправедлива въ своемъ основаніи, но я не виноватъ, что вѣрю такъ, а не иначе; побѣдить же въ себѣ этой вѣры я не могу».

Ясно, что здѣсь «вѣра въ науку»—не пустая фраза. Тутъ на лицо всѣ элементы настоящей религіозной вѣры, вплоть до тертуліановскаго:

---

*) См. „Міръ Божій", № 10, октябрь, 1903 г.

credo quia absurdum,—пусть я наивенъ и несправедливъ въ своей вѣрѣ, а все-таки я буду вѣрить!

Но, конечно, часто—слишкомъ часто—защита вѣры сводится къ защитѣ мракобѣсія. Какую же вѣру защищалъ Рёскинъ?

Нѣкоторые факты говорятъ не въ пользу широты и глубины религіозныхъ воззрѣній Рёскина. Его цитаты изъ Библіи, которыми онъ пытается опровергать научные доводы, кажутся продиктованными слѣпою вѣрой въ букву писаннаго закона. Воспитывали его въ духѣ строгаго пуританства. Какъ только онъ научился читать, мать засадила его за ежедневное чтеніе Библіи съ заучиваніемъ наизусть большихъ отрывковъ. Это считалось главнымъ занятіемъ. Библія раскрывалась на первомъ стихѣ первой главы и каждый день въ опредѣленные утренніе часы молодой Рёскинъ читалъ вслухъ по порядку главу за главой, а когда приходилъ конецъ и прочитывался послѣдній стихъ, снова раскрывалась Книга бытія, и чтеніе повторялось сначала. Такъ продолжалось до поступленія Рёскина въ университетъ. Онъ самъ говоритъ, что мать его не смущалась тѣмъ, что многіе стихи оставались непонятны ея юному ученику: она вѣрила, что даже и непонятыя мѣста, выученныя наизусть, принесутъ больше пользы, чѣмъ сказки или какое бы то ни было свѣтское чтеніе. Этотъ чисто англійскій или, точнѣе, шотландскій формализмъ благочестія долго жилъ въ душѣ Рёскина вмѣстѣ съ благоговѣйнымъ и смиреннымъ уваженіемъ къ волѣ родителей. Уже въ зрѣлые годы, несмотря на свою страстную любовь къ живописи, онъ не позволялъ себѣ браться за кисть или карандашъ въ воскресенье, считая это нарушеніемъ Господней заповѣди о субботѣ.

И все-таки религіозныя убѣжденія Рёскина не были ни узки, ни слѣпы. Отъ формализма и сектантскаго духа онъ, въ концѣ концовъ, освободился. Его свободомысліе было даже причиной большого несчастья въ его личной жизни: дѣвушка, которую онъ полюбилъ (ему уже было тогда 55 лѣтъ), отказалась быть его женой исключительно по той причинѣ, что родители ея не пожелали имѣть зятемъ «невѣрующаго». Потомъ «невѣріе» смѣнилось снова міровоззрѣніемъ, болѣе близкимъ къ вѣрѣ дѣтскихъ лѣтъ *). Но и на склонѣ лѣтъ онъ остался чуждъ церковности въ обычномъ смыслѣ этого слова. Въ 1887 г. (т.-е. 68 лѣтъ) онъ писалъ: «Я былъ, есть и не могу не быть правовѣрнымъ (католическимъ) христіаниномъ, въ широкомъ и вѣчномъ значеніи этого слова... Но я столь же неспособенъ сдѣлаться римскомъ католикомъ, какъ и квакеромъ, евангелистомъ или мусульманиномъ» **). Христіаниномъ въ «*вѣчномъ*» значеніи этого слова Рёскинъ оставался и въ періодъ наибольшаго «невѣрія». Именно сое-

*) *J. Bardou.* John Ruskin. 2-e éd., p. 138.

**) Ibid., p. 146.

диненіе пламенной вѣры съ отрицаніемъ окружающихъ формъ церковности позволило Рёскину свободно отличать дѣйствительное «невѣріе», равнозначущее съ малодушіемъ и трусостью мысли, отъ того кажущагося наружнаго «невѣрія» и «безбожія», въ которомъ подозрѣваютъ другъ друга нетерпимыя послѣдователи разныхъ «вѣръ». Отрицаніе церковныхъ формъ обыкновенно носитъ столь субъективный характеръ, что тѣ, кто отрицаютъ данныя формы, какъ бы невольно отрицаютъ и все содержаніе, скрывающееся за этой формой,—напр., тѣ, кто отрицаютъ римско-католическую церковь, не признаютъ совсѣмъ въ римско-католикахъ «христіанъ» въ «вѣчномъ» значеніи этого слова. Рёскинъ же умѣлъ находить и цѣнить истинную вѣру даже у тѣхъ, кто ошибочно отожествлялъ истинную вѣру съ случайными, мѣстными и временными ея проявленіями. Отношеніе Рёскина къ различнымъ «вѣрамъ» или церквамъ носитъ тотъ же характеръ всеобъемлющей любви ко всему живому, какимъ проникнуты его слова о значеніи «церквей»—зданій или храмовъ въ «Лекціяхъ объ искусствѣ»: онъ признаетъ, что церкви внушаютъ молитвенное благоговѣйное настроеніе, — но онъ хотѣлъ бы, чтобъ люди способны были къ молитвѣ и благоговѣнію и внѣ церковныхъ стѣнъ, чтобы вся природа была для человѣка храмомъ. «На это могутъ возразить,—говоритъ Рёскинъ—что такъ какъ нельзя освятить всю землю, то лучше спасти хоть часть ея, чѣмъ ничего. Но если и такъ, то несомнѣнно, что мы должны стараться расширять это привилегированное пространство» .*). И подобно тому, какъ при входѣ въ прекрасный католическій храмъ Рёскинъ чувствовалъ присутствіе того же живого вѣчнаго Бога, котораго онъ искалъ и находилъ въ нерукотворной красотѣ альпійскихъ горъ, такъ и подходя къ чужой религіи, онъ проявлялъ не только чувства снисходительности и терпимости, но и живого благоговѣнія и искалъ въ ней поученія и подкрѣпленія собственнымъ религіознымъ убѣжденіямъ. Онъ помнилъ всегда, что въ его собственной вѣрѣ должны быть ошибки и недостатки и что истинная вѣра страдаетъ отъ вѣры въ непогрѣшимость собственныхъ мыслей. Въ древне-греческихъ миѳахъ онъ искалъ христіанства въ «вѣчномъ» смыслѣ этого слова. Но для того, чтобы найти вѣчное и истинное христіанство въ вѣрованіяхъ древняго міра, нужно признать возможность ошибокъ и ограниченности «нашего» христіанства. «Чѣмъ охотнѣе мы признаемъ возможность того, что къ нашимъ собственнымъ любимымъ убѣжденіямъ примѣшаны заблужденія, тѣмъ болѣе жизненно и плодотворно будетъ въ этихъ убѣжденіяхъ все то, что въ нихъ есть истиннаго: и нѣтъ болѣе фатальнаго заблужденія, чѣмъ мысль, что Богъ не допуститъ насъ ошибаться, хотя онъ допустилъ ошибаться другихъ... Не думайте, что вы сколько-нибудь пострадаете отъ того, что постараетесь проникнуть въ вѣрованія

*) Лекціи объ искусствѣ, § 61.

другихъ и полюбить, въ вашемъ воображеніи, руководящіе принципы ихъ жизни. Только такимъ путемъ вы можете по достоинству оцѣнить ихъ и пожалѣть или воздать хвалу... И вѣрьте мнѣ: разумнѣе и святѣе огнемъ вашей собственной вѣры воспламенять пепелъ угасшихъ религій, чѣмъ мерзнуть и спотыкаться объ ихъ могилы, наполняя собственныя души ихъ холодомъ и мракомъ» *). Приступая къ истолкованію греческихъ миѳовъ, Рёскинъ говоритъ: «Мы не можемъ правильно понимать религію какого бы то ни было народа, если не согласимся допустить, что мы сами, также какъ эти другіе люди, способны ошибаться въ дѣлахъ вѣры» **).

Поэтому Рёскинъ былъ способенъ находить вѣру и у тѣхъ, кто сами называютъ себя невѣрующими. Невѣріе же, въ которомъ онъ обвиняетъ политическую экономію, есть невѣріе малодушныхъ людей, боящихся честной мысли. Въ предисловіи къ «Оливковому вѣнку» Рёскинъ говоритъ, что это сочиненіе предназначается не только для вѣрующихъ, но и для такъ называемыхъ «невѣрующихъ». «Если съ такъ называемыми христіанами я желалъ отстаивать честное провозглашеніе и послѣдовательное выполненіе ихъ вѣры въ жизнь (загробную), то съ такъ называемыми невѣрующими я желалъ настаивать на честномъ провозглашеніи и выполненіи ими ихъ вѣры въ смерть. Неизбѣжно одно изъ двухъ. Человѣкъ долженъ вѣрить, что послѣ смерти его или ожидаетъ иная жизнь, или нѣтъ; можно смѣло смотрѣть въ лицо судьбѣ и правильно устраивать свою жизнь при той или другой вѣрѣ, но это немыслимо, если мы колеблемся между вѣрой и боязнью. Мы обыкновенно вѣримъ въ безсмертіе, чтобы избѣжать приготовленія къ смерти, и въ отсутствіе безсмертія, чтобы избѣжать приготовленія къ жизни послѣ смерти. Тогда какъ мудрый человѣкъ будетъ, по крайней мѣрѣ, готовъ встрѣтить то или другое... Но мы не имѣемъ никакого права называть неблагороднымъ убѣжденіе, въ силу котораго мы приводимъ все въ порядокъ какъ бы для вѣчной смерти... Смѣлая вѣра въ то, что со смертью все кончается, раздѣлялась безспорно многими благородными личностями, и признакомъ крайней испорченности церкви служило бы ея утвержденіе, что такая вѣра несовмѣстима ни съ чистотой характера, ни съ энергіей къ добру. Краткость жизни не служитъ въ глазахъ разумной личности достаточно уважительнымъ поводомъ къ тому, чтобы безсмысленно тратить ту небольшую часть ея, которая ей удѣлена, и предвкушеніе вѣчной смерти завтра никому, кромѣ пьяницъ, не можетъ внушить мысли объ умѣстности напиться сегодня. Вѣра въ то, что за гробомъ ничто насъ не ожидаетъ, можетъ, правда, больше примирить человѣка, ведущаго безсмысленную жизнь, съ этой

*) „Ethics of the Dust", lect. X.
**) „The Queen of the Air", § 1.

безцѣльностью его существованія, но человѣка разумнаго она заставитъ еще серьезнѣе отнестись къ жизни» *).

Если Рёскинъ обвиняетъ современный экономическій строй и экономическую науку въ невѣріи, то подъ невѣріемъ онъ разумѣетъ не какую-нибудь отдѣльную, одну изъ многихъ, вѣру, но враждебность къ вѣрѣ вообще. Всякая вѣра заключается въ признаніи абсолютнаго добра, которое сильнѣе насъ и которому мы, какъ высшей силѣ, подчиняемся. И вотъ этого то абсолютнаго добра не признаетъ современный міръ, признавшій денежную оцѣнку всѣхъ благъ. «Безуміе современнаго либерализма, — говоритъ Рёскинъ, — какъ бы оно ни было многообразно и различно, сводится практически къ пренебреженію или отрицанію качества вещей, ихъ внутренней цѣнности» или «къ неспособности и нежеланію отличать достойное отъ недостойнаго въ чемъ бы то ни было и прежде всего въ человѣкѣ» **). Ослѣпленные деньгами люди говорятъ, что денежная оцѣнка не исключаетъ оцѣнки нравственной: первая относится только къ благамъ матеріальнымъ, а вторая—къ духовнымъ. Но такое раздѣленіе матеріальной и духовной стороны уже есть отрицаніе иден добра и зла. Добро есть нѣчто абсолютное и остается самимъ собой одинаково и въ матеріальномъ, и въ духовномъ мірѣ. «Человѣческая природа,— говоритъ Рёскинъ,—какъ ее создалъ Творецъ и какъ онъ ее сохраняетъ всюду, гдѣ его законы соблюдаются, вполнѣ гармонична. Нѣтъ болѣе глубокой фактической ошибки, нѣтъ болѣе опаснаго нравственнаго заблужденія, чѣмъ то, на которомъ основано монашеское ученіе о противоположности тѣла и души. Не можетъ быть совершенной души въ несовершенномъ тѣлѣ, не можетъ быть совершеннаго тѣла безъ совершенной души. Каждое правое дѣло и хорошая мысль накладываетъ печать своей красы на человѣка и на его лицо, каждое неправое дѣло и дурная мысль накладываетъ свою печать безобразія...» ***).

Поэтому матеріальное богатство есть только отраженіе духовной жизни и имѣетъ всѣ тѣ же свойства, что и духовныя блага. Оно не подлежитъ количественному измѣренію, но только качественной оцѣнкѣ. Оно управляется независимыми отъ нашей воли законами, которыхъ сила является для насъ таинственной, непонятной.

«Всякое богатство основано на внутренней силѣ и не можетъ быть создано сужденіями людей. Это легко видѣть, когда дѣло идетъ о вещахъ, дѣйствующихъ на тѣло; мы знаемъ, что никакая сила фантазіи не можетъ сдѣлать камни питательными или ядъ—безвреднымъ но та же истина менѣе очевидна относительно вещей, дѣйствующихъ

*) „Оливковый вѣнокъ“, §§ 13—14.
**) „Fors Clavigera“, Letter. XIV.
***) „Munera Pulveris“, § 6.

на духъ. Мы легко—и, можетъ быть, не безсознательно—даемъ себя обманывать внѣшними благотворными результатами промышленныхъ предпріятій, направленныхъ цѣликомъ на удовлетвореніе искусственныхъ потребностей, и склонны думать, что все, чего люди сильно желаютъ, что они дорого оплачиваютъ и чѣмъ съ удовольствіемъ владѣютъ, должно быть включено въ наше опредѣленіе богатства... Но это не такъ... Наши мнѣнія о вещахъ не могутъ ни создать, ни ослабить ихъ вѣчной силы; и не могутъ они также (за извѣстными предѣлами)... предотвратить ихъ воздѣйствія на насъ. Поэтому спеціальный анализъ богатства долженъ заняться не столько исчисленіемъ того, что можетъ быть полезно, сколько различеніемъ того, что разрушительно; и показать, что эта разрушительная сила неизбѣжна, что получить удовольствіе отъ дурной вещи не значитъ еще избѣжать или измѣнить ея злую силу, но, наоборотъ, быть измѣненнымъ ею; что это значитъ пострадать отъ нея въ крайней степени, сдѣлавъ собственную природу, въ соотвѣтственной степени, тоже злой... Такъ что терминъ богатство никогда не долженъ быть примѣняемъ *къ случайному предмету болѣзненнаго желанія*, но только *къ постоянному предмету законнаго желанія*» *).

«Цѣнность вещи не зависитъ отъ мнѣнія и отъ количества. Думайте объ вещи что вамъ угодно, пріобрѣтайте ее въ какомъ угодно количествѣ, цѣнность ея самой по себѣ не станетъ отъ этого ни больше, ни меньше» **).

Критиковъ Рёскина сильно смущаетъ это ученіе о внутренней цѣнности вещей, которымъ Рёскинъ хочетъ замѣнить теоріи цѣнности, предлагаемыя разными школами политической экономіи. Гобсонъ, такъ высоко оцѣнивающій значеніе Рёскина для политической экономіи, считаетъ ученіе о внутренней цѣнности грубымъ заблужденіемъ: «Рёскинъ очень близко подходитъ въ этомъ случаѣ къ одному изъ средневѣковыхъ суевѣрій относительно «сущности» вещей» ***). По мнѣнію Гобсона, «дѣйствительная цѣнность вещи можетъ безконечно измѣняться въ зависимости отъ ступени развитія, достигнутой индивидомъ или обществомъ. Картина Тинторета или опера Вагнера не имѣла бы никакой цѣнности среди дикаго народа, такъ какъ хотя внутреннія свойства картины и оперы остались бы при этомъ неизмѣнными, но отсутствовала бы ихъ способность оказывать возвышающее вліяніе на жизнь» ****). Но Гобсонъ забываетъ, что для Рёскина и «ступень развитія, достигнутая индивидомъ или обществомъ», тоже подлежитъ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія абсолютнаго нравственнаго закона. Абсолютная цѣнность оперы Вагнера заключается не въ томъ, что слушающій ее считаетъ обязательнымъ ея

*) „Munera Pulveris“, §§ 32—34.

**) „Послѣднему, что и первому“, § 61.

***) *Дж. Гобсонъ.* Общественные идеалы Рёскина, стр. 75.

****) Тамъ же, 76.

слушаніе для всѣхъ людей и для всѣхъ временъ, а въ томъ, что самъ онъ ее слушаетъ только за нее самое, только ради того, чтобы слушать, а не ради того, что другіе люди ее слушаютъ или не желаютъ слушать, хвалятъ или бранятъ. Разногласіе въ мнѣніяхъ съ другими людьми, чѣмъ бы оно ни вызывалось, не отнимаетъ отъ нашихъ внутреннихъ убѣжденій характера безусловности. Современная же рыночная оцѣнка вещей основана на пренебреженіи къ собственнымъ внутреннимъ убѣжденіямъ и на признаніи одинаковой качественной цѣнности за всѣми чужими мнѣніями. Купецъ на рынкѣ одинаково охотно продастъ свой товаръ и дикарю, и мудрецу потому, что у него нѣтъ собственнаго убѣжденія о назначеніи товара и нѣтъ вѣры въ безусловную пользу своего купеческаго дѣла. Конечно, мы всѣ сознаемъ, что дикари ниже насъ, но благодаря рыночной оцѣнкѣ всѣхъ благъ мы сами подчиняемъ свои мысли и чувства низкому уровню развитія дикарей вмѣсто того, чтобы возвышать ихъ до себя. Дикари, напр., придаютъ большую цѣнность безполезнымъ ракушкамъ. Если бы у насъ не было ложныхъ экономическихъ понятій, мы, слѣдуя своему естественному чувству, отучали бы ихъ отъ пристрастія къ игрушкамъ и бездѣлушкамъ и прививали бы имъ интересъ къ болѣе полезнымъ вещамъ. Руководясь же ложнымъ понятіемъ о рыночной цѣнности, мы сами начинаемъ цѣнить ракушки тѣмъ выше, чѣмъ выше цѣнятъ ихъ дикари, и, получая отъ нихъ за ракушки разные полезные предметы, сами задерживаемъ дикарей на низкой ступени развитія *).

Различіе между ученіемъ о цѣнности Рескина и теоріями цѣнности большинства экономистовъ состоитъ въ томъ, что экономисты стараются отыскать закономѣрность въ массѣ постоянно происходящихъ денежныхъ оцѣнокъ, а Рескинъ эти денежныя оцѣнки признаетъ незакономѣрными, ненормальными, обманчивыми. Онъ считаетъ заблужденіемъ не только теоріи экономистовъ, но и тѣ самыя рыночныя цѣны, относительно которыхъ экономисты сочиняютъ свои теоріи. Экономисты задаются вопросомъ: какіе нужно предположить нормальные мотивы въ нормальномъ человѣкѣ, чтобы объяснить всѣ явленія рынка, всѣ колебанія цѣнъ? А Рескинъ считаетъ ненормальнымъ самое желаніе современнаго человѣка на все устанавливать рыночныя цѣны. Онъ думаетъ, что рыночныя цѣны суть обманъ, иллюзія, фальшивое средство, которымъ малодушное общество хочетъ замѣнить настоящую, нормальную оцѣнку по внутреннимъ качествамъ, что вѣра въ деньги для современнаго человѣка служитъ замѣною знанія добра и зла **).

---

*) Ср. „Послѣднему, что и первому“, § 61.

**) При этомъ нельзя сказать, что Рёскинъ только осуждаетъ денежную оцѣнку вещей, а не изучаетъ, экономисты же только изучаютъ, но не осуждаютъ и не хвалятъ, а потому Рёскинъ будто бы и не можетъ помочь экономистамъ. Нѣтъ, въ данномъ случаѣ осужденіе, т.-е. признаніе ошибки и

Но рыночная, денежная оцѣнка хозяйственныхъ благъ не можетъ отмѣнить дѣйствія законовъ добра и зла, потому что законы эти имѣютъ характеръ безусловный. Мы не можемъ ихъ отмѣнить, такъ же какъ не можемъ измѣнить своей природы. Мы можемъ только возставать противъ своей природы. И мы возстаемъ противъ нея, когда принимаемъ денежную оцѣнку всѣхъ вещей. Стремясь къ матеріальному богатству, мы хотимъ его достичь безъ вѣры, путемъ точнаго ариѳметическаго разсчета. И эта робкая приверженность къ цифрѣ и деньгамъ сокращаетъ наше матеріальное богатство. Ибо наибольшее матеріальное богатство всегда будетъ у тѣхъ, у кого наибольшая духовная сила, въ комъ наибольшая вѣра. Чтобы наслаждаться богатствомъ, нужно не тревожиться о богатствѣ. Кто отрицаетъ эту тайну богатства, кто хочетъ обезпечить себѣ богатство навѣрняка, тотъ идетъ противъ жизни. Тайна богатства есть тайна жизни, ибо истинное богатство заключается въ томъ же, въ чемъ заключается истинная жизнь. «Нѣтъ, — говоритъ Рёскинъ — другого богатства, кромѣ жизни, жизни со всѣми ея силами любви и радости, и благоговѣнія. Та страна всего богаче, которая питаетъ наибольшее число благородныхъ и счастливыхъ человѣческихъ существъ *).

Если богатство есть жизнь, то и истинное богатство, какъ истинная жизнь, немыслимо безъ вѣры. Про жизнь сказано: «кто хочетъ душу (жизнь) свою сберечь, тотъ потеряетъ ее», и «не оживетъ, аще не умретъ». Въ этомъ тайна, но тайна неизбѣжная, отъ которой нельзя избавиться. Ее знаетъ неграмотный земледѣлецъ, бросающій въ землю зерно, которое «не оживетъ, если не умретъ». Ее знаетъ дикій охотникъ, который смѣло идетъ навстрѣчу смерти, чтобы обезпечить себѣ жизнь. Но современный человѣкъ испугался этой тайны, испугался жизни и вѣры. Чтобы жить, нужно бороться. И точно также нужно бороться, чтобы вѣрить,—бороться съ сомнѣніями и соблазнами, съ трусостью. И вотъ, чтобы не бороться, люди замѣнили вѣру—разсчетомъ, жизнь — рыночнымъ торгомъ, счастье—деньгами. Вѣра есть непрерывная борьба мысли. Разсчетъ—спокойная работа, не допускающая сомнѣній и споровъ. Цѣль жизни нельзя опредѣлить въ точной неизмѣнной формѣ. А торговый барышъ можно высчитать въ

обмана въ изучаемомъ явленіи, есть условіе познанія. Не можетъ изучать фетишизма тотъ, кто вѣритъ на слово фетишистамъ и считаетъ ихъ научно-мыслящими людьми. Или: подобно тому, какъ человѣкъ, не знающій, что такое война, пушки и мины, не можетъ понять устройства броненоснаго крейсера, хотя бы онъ цѣлыми годами изучалъ его во всѣхъ подробностяхъ и самъ обладалъ прекрасными знаніями по кораблестроенію, такъ и человѣкъ, не знающій, что такое поклоненіе мамонѣ и ложная вѣра въ деньги, не можетъ понять дѣйствительныхъ законовъ денежнаго и товарнаго обращенія, хотя бы онъ всю жизнь провелъ за наблюденіемъ движенія рыночныхъ цѣнъ и самымъ искреннимъ образомъ стремился къ познанію истины.

*) „Послѣднему, что и первому“, § 77.

точныхъ цифрахъ. Счастье неуловимо, его нельзя обезпечить, нельзя взять въ собственность, какъ вещь. А деньги можно взять прямо въ руки, ощупать, взвѣсить, запереть въ несгораемый шкафъ. Въ землѣ зерно умираетъ и оживаетъ. На рынкѣ зерно продается и покупается. И если оно продано за рубль, нельзя сказать, чтобы оно было куплено за полтинникъ. Это уже не вѣра, а точный фактъ, точная цифра! И такихъ фактовъ и цифръ цѣлыя груды, цѣлыя горы. Всюду и вездѣ всѣ вещи—и хлѣбъ, и одежда, и жилище, и трудъ, и удовольствія и страданія—даются и берутся за деньги, а деньги можно считать, и, значитъ, все, что дается и берется жизнью, ради чего приходилось до сихъ поръ бороться съ жизнью и подчиняться ея таинственнымъ законамъ, можно отнынѣ измѣрить въ числахъ, въ безспорныхъ, безстрастныхъ, спокойныхъ цифрахъ, не требующихъ вѣры и борьбы за вѣру.

Но жизнь мститъ за себя. Люди хотятъ замѣнить ея тайны коммерческой ариѳметикой. А она спутываетъ ихъ выкладки и разсчеты. Люди отказываются отъ вѣры. А жизнь отказываетъ имъ въ точномъ знаніи. Люди хотятъ измѣрить жизнь аршиномъ, но такъ какъ это невозможно, ихъ измѣренія превращаются въ безтолковый, неблагодарный, мучительный трудъ. Вѣчные законы жизни не могутъ помѣшать людямъ, ихъ отрицающимъ, бѣгать съ аршиномъ и щелкать на счетахъ. Но они съ неизмѣннымъ постоянствомъ превращаютъ въ туманъ и призракъ все то, къ чему люди, гоняясь за богатствомъ, прикладываютъ аршинъ и прикидываютъ счеты. «Экономисты, — говоритъ Рёскинъ,—похожи на дѣтей, которыя пытаются прыгнуть на головы своихъ собственныхъ тѣней; потому что денежное пріобрѣтеніе только тѣнь истиннаго пріобрѣтенія--человѣчности» *).

Месть жизни заключается въ томъ, что денежные разсчеты, которыми люди надѣются облегчить жизнь, въ дѣйствительности не облегчаютъ, а затрудняютъ людей. Вѣра въ добро и зло замѣняется на рынкѣ высчитываніемъ выгодъ и невыгодъ. Но это высчитываніе оказывается еще болѣе противорѣчивымъ, чѣмъ вѣра съ ея «credo quia absurdum». Экономисты долго учили, что каждый самъ лучше всѣхъ знаетъ свои собственныя выгоды, и подъ вліяніемъ такихъ ученій, человѣкъ толпы склоненъ думать, что высчитать наибольшую возможную сумму личныхъ выгодъ легче, чѣмъ отличить добро отъ зла. Дѣйствительность же, какъ утверждаетъ Рёскинъ—показываетъ обратное: мы знаемъ хорошо, въ чемъ добро и зло, что дурно и что хорошо, но мы не знаемъ и не можемъ знать, что выгодно и что невыгодно, гдѣ ожидаетъ насъ наибольшій матеріальный эгоистическій выигрышъ. Гораздо труднѣе въ торговлѣ и промышленности сдѣлать разсчетъ выгодный, чѣмъ справедливый. «Ни одинъ человѣкъ,—говоритъ Рёскинъ,—никогда не зналъ и не можетъ знать, каковы будутъ

*) „Послѣднему, что и первому“, § 75.

окончательные результаты, для него самого и для другихъ, того или другого поведенія. Но каждый можетъ знать и большинство изъ насъ дѣйствительно знаетъ, какой поступокъ справедливъ и какой нѣтъ. И точно также всякій изъ насъ можетъ знать, что справедливость въ концѣ концовъ приведетъ къ наилучшимъ результатамъ, хотя мы и не можемъ заранѣе сказать, въ чемъ заключается это наилучшее и какимъ образомъ мы къ нему придемъ» *). Это свое положеніе Рёскинъ доказываетъ на примѣрѣ наемныхъ рабочихъ и предпринимателя, а также прислуги и хозяина **). Печальная неспособность современной экономической науки сказать рѣшительное слово относительно споровъ рабочихъ съ предпринимателями обнаруживается прежде всего въ безплодныхъ разсужденіяхъ о томъ, насколько интересы рабочихъ и предпринимателей противоположны другъ другу или совпадаютъ. Но очевидно, разсуждаетъ Рёскинъ, что нельзя доказать ни противоположности, ни совпаденія тѣхъ и другихъ интересовъ. Выигрышъ рабочихъ можетъ быть для предпринимателя и потерей и выигрышемъ. Ему выгодно имѣть дешевыхъ рабочихъ, но выгодно имѣть также рабочихъ здоровыхъ и довольныхъ. Точно также прислуга успѣшнѣе и лучше всего работаетъ на хозяина, когда чувствуетъ къ нему симпатію. А симпатію къ нему она чувствуетъ всего сильнѣе тогда, когда онъ не стремится во что бы то ни стало извлечь изъ слугъ наибольшую пользу. Такимъ образомъ, чтобы получить отъ прислуги больше выгоды, нужно поменьше думать о наибольшей выгодѣ. Простой и всѣмъ извѣстный фактъ, что безкорыстіе бываетъ выгодно, однимъ своимъ существованіемъ уже уничтожаетъ возможность точнаго счисленія выгодъ, возможность особой науки о выгодахъ и невыгодахъ. Сила чувства, говоритъ Рёскинъ, «лишаетъ смысла всѣ разсчеты вульгарнаго экономиста; и даже если онъ захотѣлъ бы ввести этотъ новый элементъ въ свои вычисленія, онъ не имѣетъ никакой возможности воспользоваться имъ, потому что чувства становятся дѣйствительной двигательной силой только тогда, когда они пренебрегаютъ всѣми остальными побудительными силами и условіями политической экономіи. Будьте добры съ вашимъ слугой, имѣя въ виду учесть въ свою пользу его благодарность,—и вы не получите, какъ это вамъ и подобаетъ, ни благодарности, ни какой-нибудь прибыли за вашу доброту. Но будьте добры къ нему безъ всякаго хозяйственнаго разсчета, и всѣ ваши хозяйственные разсчеты оправдаются. Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, «кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее, а кто потеряетъ, тотъ обрѣтетъ ее» ***).

*) „Послѣднему, что и первому“, § 7. Ср. у Толстого, про Нехлюдова: „И удивительное дѣло,—что нужно для себя, онъ никакъ не могъ рѣшить, а что нужно дѣлать для другихъ, онъ зналъ несомнѣнно“. „Воскресеніе“, ч. II, VIII.

**) „Послѣд., что и первому“, § 4.

***) Тамъ-же, § 10.

Этотъ примѣръ и этотъ евангельскій текстъ имѣетъ особенную цѣнность для правильнаго пониманія ученія Рёскина. Есть огромная разница между той точкой зрѣнія на которой стоитъ здѣсь Рёскинъ и обычными попытками ввести въ науку о народномъ хозяйствѣ изученіе духовныхъ, нематеріальныхъ силъ. Теперь уже никто не утверждаетъ, что можно основать народное благополучіе на однихъ только эгоистическихъ мотивахъ. Всѣ постоянно говорятъ, что сдѣлать народъ богатымъ мы можемъ только при томъ условіи, если сдѣлаемъ его честнымъ, здоровымъ, образованнымъ. Но при этомъ обыкновенно думаютъ, что можно и должно радѣть о народной честности, о народномъ здравіи и образованіи въ видахъ матеріальной выгоды **). Подобнаго рода поправки къ старой буржуазной экономикѣ могутъ, пожалуй, оказаться опаснѣе, чѣмъ старыя заблужденія. Пренебрегать народнымъ образованіемъ—скверно, но не хуже ли подчинять дѣло народнаго образованія коммерческимъ интересамъ? Рёскинъ съ горячностью доказывалъ, что государство нравственно обязано дать всѣмъ дѣтямъ—отъ самыхъ высшихъ классовъ до послѣднихъ бѣдняковъ—всесторонее образованіе и воспитаніе по тщательно обдуманной и наилучшей системѣ, на какую мы только способны, чего бы это ни стоило. Но онъ имѣлъ много возраженій противъ того народнаго образованія, которое насаждалось въ современной ему Англіи и, главнымъ образомъ, противъ меркантильной его окраски. Вотъ его слова: «Весьма удобное изреченіе — «все, что затратишь, тебѣ вернется», буквально вѣрно въ дѣлѣ народнаго образованія: нѣтъ другого сѣмени денежнаго, которое бы могло дать столь вѣрную и богатую жатву, когда наступитъ время урожая; но только къ этому денежному сѣмени еще болѣе, чѣмъ къ сѣмени тѣлесному относится неумолимая истина: «то что ты сѣешь, не оживетъ, если не умретъ». Вамъ нужно забыть о вашихъ деньгахъ и о всякихъ другихъ матеріальныхъ интересахъ и просвѣщать только ради просвѣщенія; или то самое добро, которое вы хотите вызвать, обратится въ ядъ, и вы загубите вмѣстѣ и это добро, и ваши деньги. И это было истинной причиной неудачи всѣхъ нашихъ усилій, до сихъ поръ сдѣланныхъ въ дѣлѣ образованія—какъ сверху, такъ и снизу. Нѣтъ честной преданности дѣлу ради самого дѣла. Люди низшихъ классовъ рвутся къ образованію только потому, что думаютъ, что получивъ его, они станутъ людьми высшихъ классовъ...» **).

Поэтому нельзя вмѣстѣ съ Гобсономъ видѣть торжество идей Рёскина въ томъ, что экономисты стали теперь признавать выгодность высокой заработной платы для предпринимателей ***) и даже дѣлаютъ попытки

*) У насъ, напр., въ Россіи вошло въ обычай требовать увеличенія расходовъ на народное образованіе въ цѣляхъ болѣе успѣшной промышленной конкуренціи съ передовыми странами Запада.

** «Time and Tide», §§ 92—93. Ср. также „Оливк. Вѣнокъ", § 145.

*** Гобсонъ, ук. соч., 83.

измѣрять дѣйствіе мотивовъ идеальныхъ, нравственныхъ тѣмъ же способомъ, какъ и дѣйствіе мотивовъ эгоистическихъ и сравнивать тѣ и другія при посредствѣ денежной оцѣнки. «Этотъ новый методъ, по словамъ Гобсона, насколько онъ примѣнимъ на практикѣ, согласуется повидимому съ заявленіями Рёскина, что всѣ случайныя и пертурбаціонныя экономическія силы однородны съ первоначальными» *). Но Рёскинъ, наоборотъ, утверждаетъ, что тѣ идеальные мотивы, которые кажутся экономистамъ случайными и пертурбаціонными, на самомъ дѣлѣ совершенно *не* однородны съ корыстными мотивами, которые принимаются экономистами за постоянные, такъ что принявъ въ соображеніе эти будто бы случайные мотивы, мы тѣмъ самымъ разрушаемъ всѣ свои гипотезы о дѣйствіи корыстныхъ мотивовъ **). Если, съ другой стороны, Рёскинъ постоянно повторяетъ, что заботы о благахъ матеріальныхъ не должны быть отдѣляемы отъ задачъ нравственнаго порядка, что путь къ благамъ матеріальнымъ и благамъ духовнымъ— одинъ и тотъ же, то изъ этого вовсе нельзя заключить, что блага духовныя подлежатъ денежной оцѣнкѣ такъ же, какъ и блага матеріальныя, а слѣдуетъ вывести какъ разъ обратное, что блага матеріальныя не могутъ быть измѣрены посредствомъ денежной оцѣнки такъ же, какъ не могутъ быть измѣрены и блага духовныя. Экономисты, вводящіе въ политическую экономію изученіе духовной стороны человѣка, хотятъ этимъ путемъ только исправить прежніе разсчеты, сдѣлать ихъ болѣе точными. Рёскинъ же отрицаетъ самую возможность точныхъ разсчетовъ и требуетъ свободной отъ разсчетовъ вѣры и довѣрія.

Гораздо лучшимъ, хотя и невольнымъ подтвержденіемъ взглядовъ Рёскина являются тѣ выводы экономистовъ, въ которыхъ говорится про невозможность опредѣленнаго рѣшенія экономическихъ вопросовъ при условіи безпрепятственнаго преслѣдованія каждымъ своей личной выгоды. Особенно часто приходится встрѣчаться съ такой невозможностью, математически доказанной, теоретикамъ предѣльной полезности, желающимъ облечь экономическіе вопросы въ математическія формулы. Если мы примемъ тѣ предпосылки, которыя принимаются теоретиками предѣльной полезности и захотимъ вычислить, какія цѣны на товары и на трудъ должны будутъ установиться при исключительномъ стремленіи каждаго къ личной своей выгодѣ, то въ большинствѣ слу-

---

*) Тамъ же, 52.

**) „Послѣднему, что и первому", § 2. Еще болѣе неумѣстной и незаслуженной является похвала одного нѣмецкаго почитателя Рёскина, по мнѣнію котораго „Рёскина можно разсматривать прямо-таки какъ предшественника теоретиковъ предѣльной полезности, заставившихъ о себѣ такъ много говорить въ послѣднее время" (*Sam. Saenger.* John Ruskin, sein Leben und Lebenswerk, s. 185). Нѣтъ большей противоположности, чѣмъ Рёскинъ и теоретики предѣльной полезности.

чаевъ получимъ рядъ неопредѣленныхъ уравненій съ неопредѣленнымъ числомъ самыхъ разнообразныхъ одинаково возможныхъ рѣшеній и въ томъ числѣ рѣшеній, явно противорѣчащихъ дѣйствительности и невозможныхъ съ житейской точки зрѣнія. Въ частности, это отсутствіе опредѣленнаго математическаго рѣшенія особенно заинтересовало экономистовъ по вопросу о высотѣ заработной платы. Давно уже высказывалось мнѣніе, что высота заработной платы не можетъ подлежать какимъ-нибудь законамъ и становится совершенно произвольной величиной всегда, когда борьба между рабочими и предпринимателями ведется не въ видѣ борьбы всѣхъ противъ всѣхъ, а въ видѣ борьбы между организованными группами и союзами. То же самое утверждаетъ и проф. Маршаль—современный Миллъ въ англійской политической экономіи. «Если предприниматели,—говоритъ онъ,—въ какой-нибудь отрасли промышленности дѣйствуютъ сообща, и рабочіе, съ своей стороны дѣйствуютъ такъ же, то рѣшеніе проблемы заработной платы становится неопредѣленнымъ» *). Значитъ, вся надежда—вся возможность опредѣленныхъ рѣшеній—только въ условіи безпрепятственной свободной конкуренціи. Но именно это условіе, по заключенію цѣлаго ряда экономистовъ, ставитъ намъ задачу, неопредѣленность которой можетъ быть математически доказана. Объ этомъ можно найти свѣдѣнія у С. и Б. Веббъ («Теорія и практика трэдъ-юніонизма»). «Дѣйствительный уровень заработной платы не можетъ быть опредѣленъ какими-либо разсужденіями абстрактной политической экономіи, даже если признать положенія о «полномъ насыщеніи спроса» и о «безпрепятственной подвижности». «Мы приходимъ, слѣдовательно, къ тому выводу,—резюмируетъ одинъ изъ новѣйшихъ систематиковъ (Никольсонъ),—что нѣтъ краткаго и простого закона, по которому опредѣлялся бы нормальный уровень заработной платы въ какой-нибудь отрасли труда на продолжительный періодъ. Мы не можемъ указать съ какою-либо точностью высшій и низшій предѣлы, между которыми онъ долженъ находиться, и, слѣдовательно, мы не можемъ установить уровень, вокругъ котораго должна колебаться рыночная цѣна на трудъ».

Эта *необходимая неопредѣленность* (продолжаемъ выдержку изъ С. и Б. Веббъ) договора между капиталомъ и трудомъ даже при господствѣ совершенно свободной конкуренціи была отмѣчена Торнтономъ въ 1869 г. и затѣмъ была *математически доказана*. Флемингъ Дженкинъ, выдающійся физикъ, показалъ въ 1870 г. въ одной, мало обратившей на себя вниманіе, статьѣ экономистамъ, что изъ ихъ собственныхъ разсужденій явствуетъ, что уровень заработной платы прямо зависитъ

*) „Elements of Economics of Industry", by prof. A. Marshall (указано у С. и Б. Веббъ: „Теорія и практика трэдъ-юніонизма", т. II (Спб. 1901), стр. 529). Также: „Principles of Economics" by A. Marshall, v. I, p. 708 (4 ed.).

отъ того, борются ли за него работники, или нѣтъ. Въ прямомъ противорѣчіи съ ходячимъ мнѣніемъ среднихъ классовъ, онъ пришелъ къ заключенію, что положеніе «работника, не заключающаго никакого опредѣленнаго договора относительно своей заработной платы... равносильно принудительной продажѣ имущества банкрота или продажѣ съ аукціона безъ установленной минимальной цѣны...»

Весь этотъ вопросъ былъ подробно изслѣдованъ въ 1881 г. профессоромъ Эджевортомъ, съ математической точки зрѣнія, въ трудѣ, къ которому отнеслись слишкомъ невнимательно. Онъ резюмировалъ тамъ своею аргументацію слѣдующимъ образомъ. «Представимъ себѣ рынокъ, состоящій изъ одинаковаго числа хозяевъ и работниковъ, предлагающихъ—одни заработную плату, другіе—трудъ, при томъ условіи, что ни одинъ работникъ не можетъ служить у двухъ хозяевъ и ни одинъ хозяинъ не можетъ нанимать больше одного работника; или предположимъ, что уже установившееся было равновѣсіе между сторонами нарушено какимъ-нибудь внезапнымъ притокомъ богатства въ руки хозяевъ. Въ этомъ случаѣ для каждаго отдѣльнаго хозяина и работника не можетъ существовать опредѣленнаго и вообще единственно возможнаго договора, къ которому толкали бы условія рынка подъ вліяніемъ (сказали бы мы) закона природы и который можно было бы предсказать, зная заранѣе дѣйствительныя потребности каждаго отдѣльнаго или средняго контрагента; въ этомъ случаѣ a priori возможно неопредѣленное число договоровъ» *).

Все это какъ нельзя болѣе согласуется со словами Рёскина, что человѣку не дано взвѣшивать свои поступки на вѣсахъ личной выгоды, но только на вѣсахъ справедливости **).

Но какъ же могло случиться, что люди въ практической жизни, въ своихъ денежныхъ дѣлахъ, постоянно искали и ищутъ рѣшенія тѣхъ же самыхъ задачъ—но только при несравненно болѣе сложныхъ условіяхъ—которыя, по вычисленіямъ ученыхъ экономистовъ-математиковъ, не могутъ имѣть опредѣленнаго рѣшенія? Это могло случиться только потому, что люди на вѣру приняли возможность подобныхъ опредѣленныхъ рѣшеній: они *увѣровали* въ правильность денежныхъ разсчетовъ вопреки здравому смыслу и фактамъ жизни. Вѣра, изгнанная съ одной стороны, вошла съ другой. Отказавшись вѣрить въ добро и зло, люди повѣрили въ «дебетъ» и «кредитъ». Что такая вѣра дѣйствительно существуетъ, доказывается наивнымъ оптимизмомъ, пропитывающимъ современную промышленную организацію. Наибольшая сумма общаго счастья—такъ гласитъ оптимистическая философія капитализма—достигается при условіи наиболѣе точнаго преслѣдованія каждымъ своихъ личныхъ интересовъ. Т. е. въ основу «точнаго преслѣдова-

*) С. и Б. Веббъ, указ. соч., т. II, 527.

**) „Послѣднему, что и первому“, § 7.

нія» личныхъ интересовъ кладется совсѣмъ ужъ не точное знаніе о какой-то наибольшей суммѣ общаго счастья. У экономистовъ этотъ принятый на вѣру оптимизмъ сказался ясно въ выработанной ими терминологіи, не удивляющей насъ только потому, что мы къ ней прислушались. Называя «благомъ» или «полезностью» все то, что служитъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, экономисты показываютъ, что совершенно не признаютъ дурныхъ и ненужныхъ потребностей. Различая «производительныя» и «непроизводительныя» затраты, они молчаливо допускаютъ, что всякое производство похвально, и что не существуетъ вовсе безполезнаго производства. Если же экономисты, какъ это было съ Дж.-Ст. Миллемъ, желаютъ отнестись критически къ обычному оптимизму, они запутываются въ безконечныхъ противорѣчіяхъ, то осуждая зло, то отстраняясь отъ всякой оцѣнки добра и зла. Миллю, напр., нужно было осудить непроизводительную роскошь богатыхъ людей *). Но сколько усилій ума ему пришлось затратить, чтобы произнести это осужденіе, не прибѣгая къ понятіямъ добра и зла, т.-е. въ сущности, осудить, не осуждая! Какія схоластическія теоріи понадобилось ему построить о различіи труда производительнаго и непроизводительнаго, о томъ, что «спросъ на продукты не есть спросъ на трудъ»! Опровергая Милля, Рёскинъ справедливо замѣчаетъ, что въ корнѣ миллевской теоріи о трудѣ производительномъ и непроизводительномъ лежитъ совершенно вѣрная мысль, что лучше производить общеполезныя издѣлія, чѣмъ предметы роскоши **). Но Милль не могъ высказать такъ просто эту мысль, потому что онъ не хотѣлъ быть моралистомъ, а только экономистомъ. Всѣ его затрудненія возникли оттого, что онъ считалъ недостаточнымъ и ненадежнымъ простое осужденіе роскоши на основаніи нравственнаго чувства.

Вражда къ нравственной, качественной оцѣнкѣ, стремленіе замѣнить ее количественнымъ измѣреніемъ свойственны не одной только политической экономіи, но и другимъ наукамъ. Во многихъ отношеніяхъ схоластика экономистовъ была лишь отраженіемъ общихъ недуговъ современнаго научнаго мышленія. Боязнь вѣры, сопровождаемая слѣпой вѣрой въ число и мѣру, сказалась и на тѣхъ наукахъ, которыя составляютъ гордость XIX в.,—на наукахъ естественныхъ. Не даромъ Рёскинъ относился подозрительно и раздражительно къ самодовольству естествоиспытателей. Онъ чуялъ въ нихъ тотъ же духъ мелочного, трусливаго маловѣрія, который онъ такъ ненавидѣлъ въ современномъ капитализмѣ. «Современное естествознаніе,—говоритъ Вернеръ Зомбартъ,—зародилось отъ конторскихъ книгъ» ***). Вотъ почему Рёскинъ мало довѣрялъ современному естествознанію.

*) «Основанія политической экономіи», кн. I, гл. V, § 3.

**) «Послѣднему, что и первому», § 58.

***) „Die moderne Naturwissenschaft selbst ist aus dem Hauptbuche geboren worden". «Der moderne Kapitalismus», I, 199.

У Рёскина есть много цѣнныхъ мыслей объ отношеніи между наукой и вѣрой. Но мы не будемъ останавливаться на этомъ общемъ вопросѣ и только приведемъ одинъ отрывокъ о тайнѣ, какъ художественное резюме затронутой проблемы невѣрія и вѣры.

«Мы не должны удивляться, что туманъ и всѣ происходящія отъ него явленія—очаровательны и непонятны намъ, такъ какъ наше разумное счастье должно зависѣть отъ нашей готовности получить только частичное знаніе, даже и въ тѣхъ областяхъ, которыя насъ наиболѣе касаются. Если же мы станемъ настаивать на совершенной ясности и на полномъ объясненіи каждаго вопроса нравственности, то не медленно впадемъ въ мучительное безвѣріе. Все наше счастье, вся сила энергіи нашей дѣятельности зависитъ отъ нашей способности дышать и жить въ облакахъ, довольствуясь тѣмъ, что мы видимъ ихъ отверстыми здѣсь и заволокнутыми тамъ; отъ нашей способности радоваться тому, что мы можемъ уловить сквозь тончайшую ихъ оболочку проблескъ чего-то устойчиваго и существеннаго, и все же находить благородство даже въ самой тайнѣ, и радоваться, что нѣжная вуаль опущена тамъ, гдѣ неумѣренный свѣтъ могъ бы ослѣпить, а безконечная ясность утомить насъ. Да, я убѣжденъ, что недовольство этимъ вмѣшательствомъ тумана есть одна изъ формъ надменнаго заблужденія, легко принимаемаго за добродѣтель. Довольствоваться полнымъ мракомъ и незнаніемъ, дѣйствительно, недостойно человѣка, вслѣдствіе чего мы и думаемъ, что любовь къ свѣту и пріобрѣтеніе знаній всегда хороши. А между тѣмъ, когда къ дѣлу примѣшивается гордость, то даже стремленіе къ знанію и свѣту можетъ быть дурно. Знаніе и свѣтъ хороши, но человѣкъ погибаетъ въ поискахъ за знаніемъ, какъ моль въ поискахъ за свѣтомъ. И если мы, покоренные раньше моли, не примиримся, должнымъ образомъ, съ подобной тайной, то также погибнемъ. Но принятая со смиреніемъ, она тотчасъ же становится элементомъ радости; и я увѣренъ, что каждый правильно развитой умъ должно радовать не столько ясное пониманіе чего-нибудь, сколько сознаніе, что въ мірѣ существуетъ безконечно больше такихъ вещей, которыхъ онъ не въ силахъ познать. Только гордые и ничтожные люди могутъ на это сѣтовать, потому что, трудясь, мы, если захотимъ, всегда можемъ узнавать все больше и больше. Но удовольствіе для людей скромныхъ, мнѣ кажется, заключается въ сознаніи, что путь безконеченъ и что сокровища неисчерпаемы» *).

А. Рыкачевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

*) Изъ «Modern Painters»: «Сельскіе листья», § 24.

ПОЛУЖИВОТНОЕ.

Романъ **Елены Белау.**

Переводъ съ нѣмецкаго **М. Н. Данилевской.**

*(Продолженіе *).*

V.

Утро, въ которое фрау Лу отправлялась домой, было необыкновенно свѣжее и обѣщало чудный лѣтній день. Длинныя голубыя тѣни, широкіе просвѣты, холодный туманъ и сверкающій надъ водою восходъ.

За эти дни фрау Лу, съ своимъ серьезнымъ дѣтскимъ лицомъ, прекрасными глазами, маленькой головкой и полной гибкой фигурой, кажется, ни къ кѣмъ не сошлась ближе. И все же всѣ чувствовали присутствіе этой женщины, какъ невольно слышишь запахъ стоящей въ комнатѣ резеды.

Какъ-то при случаѣ м-съ Вендландъ сказала ей:

— Ты извѣстность, а, между тѣмъ, тебя какъ-то не замѣчаютъ. Если ты сама себя не будешь выдвигать, Лу, — кто же станетъ это дѣлать за тебя?

М-съ Вендландъ часто сердилась на нее.—Она точно рыба, можетъ плавать только въ любви своихъ близкихъ.

Докторъ Фрей, напротивъ восхвалялъ ея сдержанную манеру умалчивать о себѣ.—Она, по крайней мѣрѣ, не надоѣдаетъ,—говорилъ онъ,—мнѣ, какъ и каждому, противны эти женщины писательницы, но она, слава Богу, ни къ кому не пристаетъ, а, между тѣмъ, ея произведенія заслуживаютъ въ видѣ исключенія полнаго вниманія.

Другой разъ, снова говоря о своей пріятельницѣ, м-съ Вендландъ выразилась такъ:—Она соловей. Въ темнотѣ звучитъ ея до боли сладостный голосъ, точно голосъ сердца самой ночи. И всѣ прислушиваются, а кто пойметъ, приложитъ руки къ груди и скажетъ: О т«ы, великое страданіе! Всѣ носятъ тебя и не знаютъ, страдаютъ и не понимаютъ, какъ глубоко они страдаютъ, а эта невзрачная птичка понимаетъ». Между мужчиной и его страданіемъ всегда стоитъ его по-

---

*) См. „Міръ Божій", № 10, октябрь, 1903 г.

лезная сила, которая не допускаетъ страданіе слишкомъ близко подойти къ нему. Между женщиной и страданіемъ не стоитъ ничего. Несчастная, обнаженная душа женщины никогда не спроситъ такъ изумленно, какъ мужчина: какимъ образомъ явилось въ міръ зло? Она видитъ и чувствуетъ этотъ міръ совсѣмъ иначе.

Годъ назадъ м-съ Вендландъ разыскала Лу Геберъ, написавъ ей предварительно нѣсколько ласковыхъ строкъ о томъ, какъ она хорошо ее понимаетъ. И м-съ Вендландъ не ошиблась, поддавшись своему внутреннему чувству. Въ Лу и ея мужѣ она нашла друзей и такихъ своеобразныхъ друзей, какихъ могла только жаждать ея своеобразная натура. Оба были люди, о которыхъ много говорили и которыхъ часто не понимали.

Гельвигъ Геберъ женился на молодой писательницѣ, которую зналъ еще ребенкомъ, послѣ стоившаго ему большихъ хлопотъ развода съ первой женой.

Въ теченіе многихъ лѣтъ она бывала у него въ домѣ. Онъ самъ научилъ это богато одаренное молодое созданіе работать, мыслить и прилагать къ дѣлу свои неисчерпанныя силы; при этомъ въ немъ невольно возникло чувство уваженія и преданности къ этой дѣвушкѣ въ ней онъ нашелъ товарища, всегда, какъ вѣрная собака, готоваго его защищать, жизнь за него положить. Она же видѣла въ немъ бога, отъ котораго всего ожидала, въ котораго вѣрила и до нравственнаго уровня котораго стремилась подняться. Она хотѣла стать ему равной. Вся юность ея была полна нескончаемыхъ волненій. Прошли цѣлые годы, пока она наконецъ сознала, что любитъ его. И это сознаніе прозвучало для нея смертельнымъ приговоромъ; они сдѣлались необходимы другъ другу, а между тѣмъ должны были и рѣшили разстаться. И вдругъ какимъ-то чудомъ, въ дѣло замѣшалась воля третьяго лица. Жена первая заговорила о томъ, что они должны принадлежать другъ другу. Она спокойно предложила ему развестись и соединиться съ той, которую онъ любитъ; среди окутавшей ихъ смертельной печали зазвучали слова чудесной сказки.

Они уже простились навѣкъ и были готовы, со смертью въ душѣ, разстаться, какъ вдругъ имъ зазвучалъ голосъ: оставайтесь вмѣстѣ, вы можете быть вмѣстѣ, я даю вамъ это право.

Они не вѣрили, не могли вѣрить; къ чему еще продолжать эти муки? Но голосъ звучалъ спокойно, настойчиво, убѣжденно, пока они не увѣровали, исполненные великой жаждой жизни. Все, что до сихъ старательно сдерживалось, теперь проснулось, всѣ страсти разомъ открыли глаза. Любовь, молчавшая, какъ невыразимая тайна, возликовала въ ихъ сердцахъ, гдѣ теплилась благодарность освобожденныхъ, благодарность рабовъ, сдѣлавшихся господами. А голосъ звучалъ и звучалъ, укрѣпляя въ нихъ вѣру, любовь и надежду. Прошло довольно много времени; надежда не покидала ихъ, но мало-по-малу зву-

чавшій имъ голосъ становился все болѣе шуточнымъ, неосмысленнымъ: «Да-да, да-да, да!» На этомъ все и кончалось, все оставалось по старому. Затѣмъ наступило время, когда въ голосѣ стали слышаться уже насмѣшливыя нотки: точно хищный звѣрь со своей жертвой, игралъ онъ съ ними, время отъ времени разражаясь жестокой насмѣшкой. Сознаніе своего могущества прорывалось рѣзкими тонами сквозь этотъ смѣхъ. Священная клятва обращалась въ безумную шутку. Этотъ голосъ годами билъ по измученнымъ нервамъ и истомленному сознанію двухъ несчастныхъ людей

Порою становился онъ грознымъ и ударялъ ихъ, какъ хлыстомъ. И вдругъ явился исходъ: былъ изданъ законъ о разводѣ—спасеніе, спасеніе для всѣхъ, включая и ту несчастную, безъ устали бичевавшую и себя, и другихъ.

Но когда они, наконецъ, выбившись изъ послѣднихъ силъ, выбрались на желанный берегъ, на нихъ обрушились окружающіе. Таковъ ужъ міръ! Люди не любятъ быть зрителями чьего либо спасенія. Они требуютъ гибели. Спасеніе не удовлетворяетъ ихъ; они обмануты въ своихъ ожиданіяхъ, и это ихъ раздражаетъ. Въ отместку зрители сами набрасываются на спасенныхъ, пытаясь съ своей стороны уничтожить въ нихъ все живое. Цѣлый потокъ пересудовъ, клеветы, ненависти презрѣнія обрушился на нихъ. Но они и теперь не погибли, они жили, ихъ любовь жила! Они вышли изъ борьбы разбитые тѣломъ и духомъ, но не жалѣя ни о чемъ, невыразимо счастливые въ глубинѣ сердца, ликуя отъ блаженнаго сознанія права быть вмѣстѣ. Имъ смѣшно было то, чему люди давали названіе любви. Этакая маленькая цивилизованная любовь! Точно собачка съ бляхой, свидѣтельствующей объ уплатѣ налога, на шеѣ. Они познали могучую любовь, царственную, надъ которой ничто не властно на землѣ, любовь, которая еще никогда не терпѣла цѣпей, которая всегда умѣла спастись.

Теперь они снова жили среди людей, и люди точно догадывались, что въ обоихъ живетъ что-то царственное. Они нашли себѣ друзей. Всѣ охотно шли имъ навстрѣчу.

Они поселились въ маленькомъ домѣ, окруженномъ чудеснымъ садомъ. Многіе жили точно такъ же, какъ и они, даже лучше и богаче. Но эти двое были пришельцами изъ другого міра, и любовь ихъ была другая, чѣмъ любовь всѣхъ остальныхъ людей, да и жизнь они понимали иначе.

Въ этотъ-то потонувшій въ зелени пріютъ направлялась фрау Лу. Поѣздка по озеру удалась вполнѣ; потомъ всѣ пошли пѣшкомъ черезъ тихій буковый лѣсъ. По дорогѣ, въ какомъ-то маленькомъ домикѣ былъ сервированъ обѣдъ; лакей м-съ Вендландъ исполнялъ свое дѣло съ тою же торжественностью, какъ дома. Онъ точно совершенно не замѣчалъ окружающей обстановки. Съ величественнымъ видомъ принесъ онъ на столъ деревянную миску съ супомъ.

Оттуда двинулись по желѣзной дорогѣ въ одно изъ предмѣстій Мюнхена, расположенное въ лѣсу, на крутомъ берегу Изера.

Вдали виднѣлся окутанный серебристымъ облакомъ дыма Мюнхенъ; къ этому облаку катилъ свои волны Изеръ, принося съ собой живительное, могучее дыханіе горъ.

Трудно было найти лучшій уголокъ для жизни такъ близко отъ большого города; многіе изъ соединенныхъ удобными дорогами участковъ лѣса были уже раскуплены. То здѣсь, то тамъ среди густой зелени буковъ выглядывали красныя крыши строеній.

Генри Менгерсенъ еще не зналъ этой мѣстности и былъ весь поглощенъ оригинальностью ландшафта.

— Ну. мы, какъ снѣгъ на голову, упадемъ нашему милому философу. И по дѣломъ! Слишкомъ ужъ спокойно живется ему.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ уже предупрежденъ,—заявила фрау Лу.

— Разумѣется, вы всегда заодно. А вѣдь мы хотѣли застигнуть его врасплохъ.

По широкой лѣсной дорогѣ навстрѣчу имъ шелъ неувѣреннымъ шагомъ, крошечный мальчикъ, въ красной сборчатой блузкѣ.

— Братецъ!—закричала фрау Лу.

Они были уже другъ возлѣ друга. Круглая бѣлокурая головка коренастаго мальчика пряталась въ складкахъ ея платья. За нимъ спѣшила миловидная горничная. Мальчикъ, очевидно, убѣжалъ отъ нея. Онъ барахтался, моталъ головой и цѣплялся за платье матери.

— Братецъ! — въ ея голосѣ слышалось такое непосредственное блаженство, что-то требовательное, теплое, радостное.

— Что баринъ?—спросила фрау Лу дѣвушку.

— Ничего! У насъ гости.

— Разумѣется,—сказала м-съ Вендландъ,—къ вамъ никогда нельзя пріѣхать безъ свидѣтелей. Вѣрно Орифлама со своей гувернанткой здѣсь? Что, графиня пріѣхала?

— Да, и другая барышня съ ней.

— Ну, тогда и біологическій человѣкъ не далеко!

М-съ Вендландъ начинала сердиться.

— Господинъ Мейеръ также пріѣхалъ?—смѣясь, спросила фрау Лу.

— Да-съ,—дѣвушка сдержанно улыбнулась.

— Въ такомъ случаѣ, — сказала м-съ Вендландъ, — и адепты здѣсь!

И дѣйствительно адепты были также на лицо: профессоръ съ женой и дѣтьми.

— Лу, — обратилась къ ней м-съ Вендландъ,—вы не должны бы вести знакомство со всѣми этими людьми! Я всегда это говорила!

М-съ Вендландъ шла впередъ съ Изольдой и фрау Лу, несшей на рукахъ своего малютку.

— Это все люди, которые не могутъ васъ любить. Твой мужъ го-

воритъ съ ними на самыя высокія темы; они ничего ни понимаютъ, а затѣмъ выводятъ разныя сплетни.

— Адепты совсѣмъ безвредные люди,—вступилась фрау Лу.

— Я тебѣ говорю, что Орифлама будетъ до тѣхъ поръ кокетничать съ твоимъ мужемъ, пока не найдетъ, что онъ ее скомпрометировалъ; тогда обѣ весталки, Орифлама и гувернантка, забьютъ тревогу. Ты и твой мужъ слишкомъ простодушны. Эта дѣвица постоянно только и занята, что своимъ j'y pense. Онъ ей говоритъ о ножкѣ стула; а ей кажется, что рѣчь идетъ о ея ножкѣ, и она возмущается. Охъ, ужъ эти мнѣ старѣющія дѣвы съ своимъ j'y pense!

Они вошли въ садъ, здѣсь фрау Лу привѣтствовала своихъ спутниковъ: доктора Фрей, Генри Менгерсена и Изольду въ качествѣ хозяйки; во все время пути Изольда была очень молчалива; она охотно осталась бы дома, если бы это только было возможно. Все время она не отходила отъ м-съ Вендландъ.

— Какъ хорошо!—вырвалось у нея.—Какъ чудесно!

Во весь день она оживилась въ первый разъ. Садъ фрау Лу былъ дѣйствительно совсѣмъ особенный. Это просто была отгороженная часть лѣса, поросшая коренастыми, приземистыми соснами, кое-гдѣ возвышались большія деревья. Вся земля была покрыта зацвѣтавшимъ верескомъ, а среди вереска красовались розы, левкои, огненныя лиліи. Около одной маленькой, густой, круглой сосенки цвѣлъ крупный макъ. Вокругъ стволовъ высокихъ деревьевъ вилась павилика съ тысячами большихъ и маленькихъ лиловыхъ цвѣтовъ, толпилась резеда и вербена; воздухъ, настоящій лѣсной и смолистый, былъ напоенъ запахомъ травъ.

Изъ дверей темнаго, норвежскаго типа, дома вышелъ худой господинъ въ синемъ костюмѣ. Его манера держать себя, его взглядъ изобличали что-то спокойное и доброе. Фрау Лу поспѣшила къ нему навстрѣчу, все еще держа мальчика на рукахъ. Онъ подалъ ей руку, посмотрѣлъ на нее, потрепалъ ребенка по щекѣ. Они не обмѣнялись ни единымъ словомъ, но они были опять вмѣстѣ. «Все хорошо, она здѣсь», эта мысль свѣтилась въ его глазахъ въ то время, какъ онъ здоровался съ посторонними.

А она,—она точно преобразилась. Глаза засіяли; движенія получили какую-то легкость. Она прямо помолодѣла. Точно ей удалось, наконецъ, глубоко вздохнуть, очутившись въ той атмосферѣ, гдѣ такъ легко и отрадно ей дышется.

— Я все привезла съ собой для чая; тебѣ и хлопотать не о чемъ, Лу,—сказала м-съ Вендландъ, дѣлая знакъ лакею помочь дѣвушкѣ.

— Да?—удивилась Лу.—Какъ это мило съ твой стороны.

Чай былъ накрытъ въ саду подъ большимъ букомъ. За столомъ доктору Фрею и Генри Менгерсену пришлось познакомиться съ людьми, которые, по своему пониманію, по своимъ стремленіямъ были имъ со-

вершенно чужды. Съ Гельвигомъ Геберомъ можно было еще кое-какъ сговориться, хотя онъ не любилъ вдаваться въ разговоры объ искусствѣ и политикѣ. Онъ обиталъ въ особомъ міркѣ, мало доступномъ для остальныхъ. Будучи насквозь философомъ, ему трудно было говорить о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ философіи. Но если ему встрѣчался человѣкъ, въ которомъ онъ предполагалъ найти хоть искру пониманія, онъ тотчасъ же, отъ всего сердца, шелъ ему навстрѣчу, безъ устали стараясь передать ему свои убѣжденія.

— Вы понимаете, какъ это чудесно?—часто говорилъ онъ, и ему хотѣлось, чтобы и другой ощущалъ то же, что и онъ. Онъ работалъ надъ своей книгой, и его маленькій домъ, въ которомъ онъ жилъ со своей женой, былъ для него, до извѣстной степени, храмомъ. Въ трудѣ мужа была надежда и жизнь фрау Лу, вся радость. Объ успѣхѣ его книги они не думали, но его трудъ долженъ былъ создать что-то новое, простое, великое, хотя бы на это и ушли еще многіе годы работы и мысли.

Фрау Лу хотѣла бы, чтобы онъ никогда ни съ кѣмъ не говорилъ о томъ, что составляетъ его внутренній міръ; у него было много преданныхъ людей, но среди окружавшей его толпы было много и такихъ, любопытство которыхъ было возбуждено его своеобразною личностью; на мгновеніе они примыкали къ нему, чтобы затѣмъ отпасть, истолковавъ все превратно, и разразиться крикомъ и сплетнями. Супругамъ пришлось пережить много такихъ фактовъ, и фрау Лу надоѣло принимать у себя людей, отъ которыхъ она не ждала ничего хорошаго, въ которыхъ она ничего и не искала.

Всѣ сидѣли вокругъ большого чайнаго стола подъ букомъ; молодая графиня жадно прислушивалась ко всему, что говорилось.

Профессоръ съ женой и дѣтьми, которыхъ м-съ Вендландъ назвала адептами, были также порядочные чудаки. Охотнѣе всего они бесѣдовали на тему о томъ, что́ слѣдуетъ ѣсть, чтобы развить свои умственныя способности. По убѣжденіямъ они были теозофами и отравляли себѣ жизнь тысячами самыхъ разнообразныхъ мелочей. Сегодня, напримѣръ, у фрау профессорши руки были совсѣмъ искусаны и распухли, потому что она не хотѣла отгонять комаровъ, преисполнившись мыслью, что не слѣдуетъ наносить вредъ живымъ существамъ. Это была блѣдная, миловидная, темноволосая женщина. Въ глазахъ ея свѣтилось много серьезности и прямодушія. Теперь былъ періодъ, когда они съ мужемъ питались только фруктами и не могли нахвалиться этимъ способомъ питанія. Но фрау профессоршѣ это, повидимому, не шло на пользу. Настоящими мучениками, однако, были оба мальчика, въ которыхъ родители теперь уже видѣли будущихъ адептовъ. Почему они рѣшили, что эти два миловидные толстые мальчугана, игравшіе въ данный моментъ въ отдаленной части сада съ «братцемъ», обладаютъ такими исключительными способностями, неиз-

вѣстно; но они вѣрили, что дѣти ихъ были рождены тайновидцами и носятъ въ себѣ задатки будущихъ адептовъ. Въ «братцѣ» они также старались провидѣть нѣчто подобное и уговаривали фрау Лу воспитывать это чудное дитя болѣе соотвѣтственно его призванію, т.-е. теперь уже обращаться съ нимъ, какъ съ полноправнымъ человѣкомъ. Они, вѣроятно, пришли бы въ ужасъ, если бы увидѣли, какъ дѣвушка фрау Лу награждала обоихъ адептовъ шлепками за то, что они вздумали засовывать песокъ въ ротикъ «братца». Ихъ крики привлекли, однако, вниманіе родителей. Жена встала, чтобы взглянуть, что произошло съ Атманомъ и Митрой? Она вернулась глубоко взволнованная, точно только что ей пришлось присутствовать при оскорбленіи святыни. Но ея серьезная жалоба произвела мало впечатлѣнія на фрау Лу, которая считала, что хорошій шлепокъ никому не можетъ повредить, даже адепту.

— Но послушайте, — сказалъ докторъ Фрей, — ваши мальчики смотрятъ на этотъ вопросъ совсѣмъ легко!

Лакей м-съ Вендландъ разносилъ чай и вкусное англійское печенье. Перемѣна обстановки какъ будто не играла для него никакой роли; онъ вездѣ оставался самимъ собою.

Вдругъ адептамъ пришло въ голову заняться лучшимъ экземпляромъ клематиса. Фрау Лу вскочила, чтобы спасти то, что еще можно было спасти.

— Оставьте! Оставьте!—просила нѣжная мать.—Не испугайте ихъ!

— Но ради Бога!—Фрау Лу совсѣмъ растерялась.

— Мы говоримъ дѣтямъ обо всемъ въ опредѣленные часы; моя жена отмѣчаетъ ихъ ошибки,—началъ профессоръ,—а затѣмъ мы совершенно хладнокровно высказываемъ наше мнѣніе Атману и Митрѣ, или же приходимъ съ ними въ общеніе, когда они спятъ.

— Въ такомъ случаѣ не забудьте про клематисъ и попробуйте на этотъ разъ, въ видѣ исключенія, объяснить имъ сейчасъ же, чтобы они оставили въ покоѣ цвѣты!—Фрау Лу проявляла нѣкоторое нетерпѣніе, но все же сцена эта, видимо, ее забавляла.

— Да, я это сдѣлаю,—спокойно сказалъ профессоръ.

— Ахъ, предоставьте это мнѣ, милый профессоръ, — умоляюще просила графиня съ своимъ цѣломудренно-кокетливымъ видомъ, — прошу васъ!

— Хорошо, попытайтесь графиня, постарайтесь спокойно сосредоточиться; вы должны отыскать въ своей душѣ абсолютно ровную поверхность. Вы вѣдь знаете.

Графиня уже сидѣла, пытаясь сосредоточиться.

— Не будемъ обращать вниманія на нашу милую собесѣдницу,— сказалъ профессоръ.

Графиня буквально погрузилась въ себя; затѣмъ встала, вытянувшись во весь свой значительный ростъ и, съ остановившимися глаза-

ми, направилась къ адептамъ, хлопотавшимъ около оборванныхъ цвѣтовъ и вѣтокъ; она хотѣла сдѣлать имъ молчаливое внушеніе. Остановившись передъ Атманомъ и Митрой съ неподвижно выпученными глазами и выраженіемъ величайшаго мира на лицѣ, она приступила къ дѣлу. Все это очень испугало адептовъ; они, съ своей стороны, неподвижно смотрѣли на странное явленіе; вдругъ Атманъ заревѣлъ. Но тутъ въ дѣло вмѣшалось еще одно лицо, господинъ Мейеръ, біологическій человѣкъ, какъ его тутъ называли.

Онъ также попытался сосредоточиться и подошелъ къ дѣтямъ съ выраженіемъ такого же сверхестественнаго спокойствія въ лицѣ, онъ хотѣлъ оказать поддержку своей пріятельницѣ и сестрѣ по духу. Но все это дало очень мало результатовъ.

Мейеръ, графиня и профессоръ съ супругой постоянно упражнялись въ такого рода занятіяхъ. Для нихъ все это было вполнѣ естественно. Они говорилп между собой о черной и бѣлой магіи такъ, какъ другіе люди говорятъ о какомъ нибудь концертѣ. При этомъ они абсолютно не понимали, что разговоръ ихъ не совсѣмъ обыкновенный. Въ настоящее время они разрабатывали простыя основанія вегетаріанской столовой и старались заинтересовать этимъ дѣломъ и м-съ Вендландъ которая, впрочемъ, оставалась холодна и даже сказала.

— Для чего? Овощей въ Германіи приготовлять не умѣютъ; зачѣмъ же вы хотите, что-бы бѣдные люди хворали?

Между тѣмъ графиня сплела изъ травы браслетъ; когда онъ былъ готовъ, она попросила Гебера дать ей руку и надѣла ему этотъ браслетъ. При этомъ она упорно молчала и, принявъ какой-то мистическій видъ, который дѣлалъ ее похожей не то на весталку, не то на актрису, удивительно долго держала его руку въ своей.

— Что за оригинальныя руки! мнѣ надо разсмотрѣть ея линіи.— Онъ отнялъ у нея руку и шутя поднесъ браслетъ къ губамъ.

«Какое безстыдство,—подумала гувернантка;—разумѣется «такой господинъ» не упускаетъ ни одного удобнаго случая!»—Всѣ мужчины представлялись ей равно подозрительными. Женщину же она считала какимъ-то необыкновенно чистымъ созданіемъ.

Теперь она понимаетъ его, этого философа. На невинную шутку графини отвѣтитъ такою неловкостью! И взгляды его она тоже понимаетъ. О, она его видитъ насквозь!

Теозофы удалились сегодня раньше обыкновеннаго. Они хотѣли еще почитать вмѣстѣ у графини. Когда они ушли, фрау Лу почувствовала, точно камень свалился у нея съ души. Ея мужъ сейчасъ-же это замѣтилъ.

— Намъ всегда кажется страннымъ и смѣшнымъ то чего мы не понимаемъ. У нихъ прекрасныя стремленія.

— Никакихъ у нихъ стремленій нѣтъ!—сказала фрау Лу. — Они только играютъ комедію.

— Ну что-же, если ихъ это занимаетъ! А всетаки она дала искусать себѣ руки и, дѣйствительно, испытала, что значитъ самопожертвованіе. Taswam asi древнихъ индійцевъ. Въ нашемъ мірѣ одно желаніе быть хорошимъ можетъ уже считаться трогательнымъ.

М-съ Вендландъ протянула своему другу черезъ столъ руку.— Благодарю васъ,—сказала она,—вы правы.

Среди этого полнаго цвѣтовъ сада, гдѣ вечерній ароматъ лѣса мѣшался съ запахомъ резеды, розъ и вербены, всѣ невольно пришли въ какое то особенное настроеніе. Это настроеніе исходило отъ хозяина-философа. Разговоръ шелъ на темы, о которыхъ современные люди рѣдко думаютъ; всѣ прислушивались къ словамъ человѣка, мыслившаго иначе, чѣмъ другіе, глубже и проще; человѣка, не боявшагося прямо выражать свои мысли. Да, у него было мужество показывать себя такимъ, каковъ онъ есть.

Генри Менгерсенъ предался обаянію вечера. Онъ былъ слишкомъ художникъ, чтобы не проникнуться впечатлѣніемъ этой уравновѣшенной личности, хотя по природѣ своей онъ и не былъ способенъ понять фрау Лу и ея мужа. Онъ взглянулъ на Изольду; она слушала съ широко раскрытыми глазами. Она была блѣдна. Въ вечернемъ сумракѣ весь ея нѣжный образъ казался неопредѣленнымъ и мягкимъ. Менгерсенъ чувствовалъ въ ней смутное сознаніе вины, что то испуганное. На губахъ его заиграла легкая презрительная усмѣшка. Ему казалось, что онъ понимаетъ мысли, роящіяся въ ея юной головкѣ. Ему казалось, что онъ чувствуетъ, какъ горячей волной переливается въ ея жилахъ зажженная желаніемъ кровь. Она, должно быть, какъ въ лихорадкѣ. Ея нервы содрогаются и дрожатъ.

Какъ художникъ и какъ человѣкъ, онъ много думалъ надъ разрѣшеніемъ проблемы «женщина». Какъ художникъ, онъ ее уже разрѣшилъ по своему. Какъ человѣкъ, онъ усталъ отъ женщинъ, онѣ ему надоѣли.

«Ужасно!—думалъ онъ, снова глядя на Изольду.—Какъ въ ихъ природѣ коренятся чисто женскія черты! Это слѣпое желаніе повергнуть себя въ горе, это—не размышляющее никогда ни думающее о послѣдствіяхъ желаніе. Онѣ такъ же эгоистичны, какъ и мужчины, но при этомъ такъ безсознательны и инстинктивны, такъ элементарны. Какой непріятной красной нитью проходитъ въ нихъ это скучное, настойчивое желаніе пожертвовать собой, выполнить свое предназначеніе! Какъ онѣ всѣ къ этому стремятся, точно стадо барановъ! Природа поставила женщину ближе къ рабству, ближе къ страданію, и въ этомъ она нашла свое преимущество. Она сама представляется себѣ какимъ-то товаромъ. То, что она должна бы нести какъ крестъ страданія, кажется ей прекраснымъ. Она барышничаетъ своимъ страданіемъ. Отвратительно! Если бы какое-нибудь животное подвергалось такому гоненію, какъ женщина, то у него, вѣроятно, выросло бы что-нибудь:

рога, ядовитые зубы, у женщины же не выросло ничего. Она становилась все болѣе и болѣе ручной,—домашнимъ животнымъ, въ полномъ смыслѣ этого слова! Если бы ф-нъ Изольда была приказчицей въ магазинѣ, я сдѣлалъ бы ее своей возлюбленной. Почему бы и нѣтъ? А потомъ, если бы это мнѣ было неудобно, я бы прогналъ ее; она, кажется, слишкомъ много понимаетъ въ искусствѣ. Женщина, толкующая объ искусствѣ! Отвратительно! Какъ рѣдко художнику удается любоваться женской красотой. Это хорошій случай. Жаль!»

Генри Менгерсенъ курилъ сигару, задумчиво пуская голубоватыя кольца дыма.

Изольда почувствовала на себѣ взглядъ любимаго человѣка. Она содрогалась при мысли о томъ, что когда-нибудь будетъ ему принадлежать. Великая тайна женщины, которую она постигла впервые, ознакомившись съ его искусствомъ, витала надъ ней.—Да, ничего нѣтъ въ мірѣ выше, какъ быть женщиной, жертвовать собой! Генри Менгерсенъ былъ совершенно правъ въ своихъ сужденіяхъ о женщинахъ. Одного только онъ не зналъ, что среди нихъ есть и свободныя созданія, болѣе свободныя, чѣмъ мужчины; есть могучія души, которыя идутъ наперекоръ великой природѣ, любятъ, какъ хотятъ, и умѣютъ такъ безгранично жертвовать собой, точно онѣ происходятъ изъ другого міра, гдѣ царятъ другіе законы.

VI.

Есть старая сказка:

Одна чистая дѣвушка хотѣла пожертвовать собой для своего господина, чтобы излечить его отъ болѣзни. Она рѣшилась дать вырѣзать свое сердце изъ живой груди. И когда ея господинъ чрезъ дверную щель увидѣлъ ее обнаженную, такую, какой она явилась на свѣтъ Божій, во всей ея красотѣ, увидѣлъ, какъ терпѣливо она подставила подъ ножъ свою грудь, чтобы спасти его, душа его смилостивилась надъ ней...

Въ тихой, высокой комнатѣ стояла она, какъ та дѣвушка въ старой сказкѣ, которая хотѣла спасти своего господина, давъ вырѣзать изъ груди своей сердце. Она стояла обнаженная, такой, какой она явилась на свѣтъ, во всей своей чудной красотѣ. Она обѣщала своему господину исполнить его желаніе.

Генри Менгерсенъ совершенно погрузился въ свое рисованіе. Въ комнатѣ царила тишина. За окномъ стояла іюльская жара, царило іюльское солнце; масса зелени, прозрачныя, бѣлыя, какъ снѣгъ, облака, плыли своимъ темно-лазоревымъ путемъ. Лѣтняя жизнь, лѣтніе звуки, лѣтніе ароматы, лѣтніе цвѣты, блескъ далекой, спокойной глади водъ—святое, теплое очарованіе лѣта.

А въ комнатѣ сидѣлъ погруженный въ работу художникъ, кото-

рому только что явилось откровеніе. Это было что-то желанное, что-то для него необходимое. Нельзя терять ни минуты, ни секунды.

Вотъ она стоитъ неподвижная, блѣдная, какъ смерть, напоминая собой какой-то свѣтлый цвѣтокъ. Ему хочется какъ-нибудь вывести ее изъ этого напряженнаго положенія, но онъ не смѣетъ. Неизвѣстно, что можетъ принести за собой слѣдующій моментъ? Развѣ онъ увѣренъ въ себѣ? Развѣ онъ въ ней увѣренъ? Онъ работаетъ, не отрываясь, напрягая всю силу воли, которая ему цѣликомъ нужна для дѣла. Надо смотрѣть на эти дивныя формы, не отдаваясь побочнымъ впечатлѣніямъ. Онъ старается холодно представить себѣ, что передъ нимъ наемная модель, и это ему удается. Только тогда онъ вполнѣ можетъ погрузиться въ работу.

А какъ просто все вышло! Она тихо пришла; трогательное объятіе. Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ. Онъ былъ остороженъ съ первой минуты. Потомъ она такъ же тихо и серьезно сняла съ себя платье и явилась ему нагая, точно въ сказкѣ о бѣдномъ Генрихѣ. Каждое ея движеніе носило въ себѣ что-то сказочное, не отъ міра сего, что-то глубоко мечтательное; на ней лежалъ отпечатокъ той чистой серьезности, которая, должно быть, украшала собой древнія священныя жертвы.

Въ большой корзинѣ были приготовлены для нея чудныя розы; онъ хотѣлъ разсыпать ихъ передъ ней, но не посмѣлъ... Не надо только терять головы! Ея тѣло отличалось юной, совершенной красотой. Это былъ даръ, дивное открытіе!

Слава Богу, что она такъ легкомысленна; хорошо также и то, что она рѣшила во что бы то ни стало поймать его, отбросивъ даже всѣ приличія. До чего утонченъ умъ этихъ выходящихъ на охоту женщинъ! Это трогательное выраженіе совершенно блѣднаго лица! Какъ художнику, ему нравилось то своеобразное, что крылось въ ея существѣ. Какъ человѣка, она его почти отталкивала. Но, какъ человѣкъ, онъ, разумѣется, глубже могъ понимать ее! Онъ чувствовалъ, что въ ней было что-то сказочное. Но какую абсолютную цѣнность имѣло оно, это сказочное? Можетъ ли быть искренна женщина, которая такъ, безъ оглядки, идетъ къ своей цѣли? Какъ это можетъ согласоваться съ чистотой ея движеній, съ этою нетронутостью? Смѣшно!

Ахъ ты, умная, хитрая женщина! И онъ, откинувъ ея внѣшнюю оболочку, заглянулъ прямо въ тщеславную душу женщины.

Въ старой сказкѣ говорится:—и душа его смилостивилась надъ ней...

Генри Менгерсенъ былъ умный человѣкъ. То, что въ его характерѣ природа создала недостаточно практическаго, онъ съумѣлъ самъ измѣнить въ себѣ. Чувства его, какъ человѣка и какъ художника, не имѣли между собой ничего общаго. Онъ былъ холоденъ и остороженъ, но, какъ художникъ, могъ быть страстенъ, горячъ и великъ.

Это онъ вполнѣ сознавалъ. Онъ много надъ собою думалъ, разсуждалъ, разсматривая себя какъ нѣкотораго рода произведенія искусства. Онъ тренировалъ себя для искусства, какъ другіе тренируютъ себя для какого-нибудь спорта: такъ же холодно, разсчетливо. Онъ желалъ сохранить свѣжимъ свое искусство, какъ и свою собственную особу и туалетъ. Всѣмъ этимъ онъ занимался крайне заботливо. И онъ привыкъ устранять все, что сколько нибудь могло помѣшать выполненію одной изъ этихъ цѣлей. Онъ понималъ, что холодное поученіе совсѣмъ особенное оружіе, ставящее каждаго въ тупикъ. Холодно прочесть наставленіе. И для другихъ, въ извѣстные моменты, не могло быть ничего болѣе постыднаго.

Въ то время, когда онъ работалъ, не зная еще, чѣмъ все это кончится, какой выходъ возможенъ изъ этого страннаго положенія, какъ устроить такъ, чтобы не набросить на себя и тѣни упрека, въ немъ назрѣвалъ уже матеріялъ для поученія,—точно ядъ въ ядовитомъ зубѣ. Но смертельный укусъ оказался не нуженъ.

Она ушла тихо, незамѣтно, какъ и пришла. Онъ хотѣлъ говорить, но растерялся, смутился и отъ смущенія, чуть было, не проявилъ къ ней нѣжности.

Онъ попробовалъ выразить ей свою благодарность. Но тутъ онъ увидѣлъ, какъ умоляюще она на него взглянула, приложивъ палецъ къ губамъ. Затѣмъ онъ увидѣлъ, какъ по саду прошла ея бѣлая фигура—спокойно, медленно, не пугливо и не торопясь. Она не сказала ему за все время ни слова: молча пришла, молча и вышла.

Когда онъ въ этотъ вечеръ пришелъ къ м-съ Вендландъ, Изольда уже уѣхала въ Мюнхенъ.

Мать все еще была въ Берлинѣ у тяжко больного брата, и Изольда застала дома только сестру. Отецъ куда-то ушелъ.

— Ты откуда? — удивленно спросила Мари, открывъ дверь сестрѣ.

Въ темномъ корридорѣ было очень душно. Послѣ чуднаго, мягкаго деревенскаго воздуха здѣсь было тѣсно дышать.

— Что нибудь случилось?—продолжала Мари,—что это тебѣ вздумалось? Господи, вмѣсто того, чтобы радоваться, пользоваться, она возвращается домой! Тебѣ что-нибудь нужно?

— Я хотѣла быть дома,—сказала Изольда.

— Тебѣ грустно?—мягко спросила Мари.

Изольда обвила руками сестру и припала къ ней, какъ больной, истомленный ребенокъ. Мари ласково обошлась съ нею, заварила чай, накрыла на столъ для ужина. Изольда все время ходила за сестрой по пятамъ, словно ребенокъ за матерью.

— Нѣтъ! У тебя что-то есть!— повторяла Мари.

Изольда съ дѣтства привыкла, какъ солнечнымъ лучомъ, согрѣваться сочувствіемъ сестры каждый разъ, что на душѣ у нея стано-

вилось холодно. Та же привыкла успокаивать безпокойную колеблющуюся натуру Изольды. Онѣ мало говорили, но уже одна близость много значила.

Мари хотѣла перенести свою постель въ комнату Изольды. Все это время она спала, боясь черепа въ другой комнатѣ. Снять его съ постамента она не рѣшалась, да и не знала, куда его дѣвать? А оставаться съ нимъ въ комнатѣ одной.. ни за что на свѣтѣ! Но Изольда отказалась отъ этого предложенія и пошла спать.

Придя въ свою комнату, она легла на постель съ широко раскрытыми глазами и, не туша свѣчу, уставилась въ одну точку. Въ ея груди просыпалась женщина. Она не понимала: что это было. Раскаяніе? Да развѣ то, что она сдѣлала, было дурно? А грудь все щемило и щемило. Изольда не могла и понять, что заставляетъ ее такъ страдать? Ея тѣло и душа точно застыли въ смертельномъ ужасѣ оцѣпенѣнія. Было ли это сомнѣніе? Или...

Она ни находила ни словъ, ни мыслей, но она страдала. Ей казалось, что въ груди ея кто-то роется ножомъ, разыскивая сердце.

— Ты, лучшій изъ людей, потребовалъ этого.—И, какъ тогда, она молитвенно сложила руки и посмотрѣла на черепъ.—Ты потребовалъ этого, потому что я твоя, потому что ты мой, и я должна тебѣ помогать.—Она стонала, какъ отъ сильной боли.

— Но ты придешь и больше не оставишь меня!

«Ага! значитъ все-таки хорошо обдуманный планъ замужества! Очень, очень хитро», подумалъ бы черепъ, если бы онъ имѣлъ счастье обладать мозгами Генри Менгерсена. Ею овладѣла страшная тоска.

— Если бы онъ хоть поцѣловалъ меня, хоть одинъ разъ поцѣловалъ!—Изъ груди ея вырвался вздохъ, похожій на крикъ. Въ ней дрожали всѣ нервы. Она зарыдала.

— Ну, теперь я знаю, какая я,—онъ лучше меня. У него все есть, онъ все можетъ. Онъ гораздо лучше меня!

Это было непріятное чувство. Проходили часы за часами; она не могла найти покоя; ей было такъ невыразимо больно.

Къ утру она заснула, и ей пригрезились тяжелые, смутные сны: она стоитъ на эстрадѣ и должна пѣть, и не знаетъ, что ей пѣть, потому что никогда не слышала ни одного слова изъ той пѣсни, которую требуютъ отъ нея. И вотъ она стоитъ передъ всѣми въ одной рубашкѣ, точно это такъ и слѣдуетъ, и все же неясно сознаетъ какой-то стыдъ. Мимо нея прошелъ въ своемъ фланелевомъ костюмѣ Генрихъ Менгерсенъ. Онъ одѣтъ такъ безукоризненно; онъ посмѣивается такъ снисходительно; на этомъ она проснулась.

Ея сердце билось; ей казалось, что этотъ смѣхъ заклеймилъ ее такъ, какъ будто онъ смѣялся на самомъ дѣлѣ. Она протянула руки къ черепу.

— Ты любишь меня, я для тебя дороже всего на свѣтѣ, какъ и ты для меня. Значитъ, все хорошо, иначе ты бы не потребовалъ этого отъ меня.

Но чуждая, таинственная боль все-таки тяготѣла надъ ея душой и тѣломъ, точно грозя раздавить ее.

_ Утромъ къ ней вошла Мари съ корзиной чудесныхъ розъ. Это была точь-въ-точь такая корзина, какая стояла у него.

— Это тебѣ принесли,—сказала Мари,—отъ кого бы это могло быть?

Изольда сидѣла на краю постели блѣдная, съ блаженно улыбающимся лицомъ. Точно та могучая, сѣрая, мягкая птица, которая старалась покрыть ее своимъ распростертыми крыльями, отлетѣла отъ нея. Оня не могла говорить. Она только смотрѣла большими, широко раскрытыми глазами.

— Письма никакого нѣтъ! Я уже смотрѣла. Посыльный принесъ и сказалъ: «фрейлейнъ Изольдѣ Фрей»; Изольдѣ! Значитъ тебѣ, но отъ кого-же?

Корзина уже стояла на колѣняхъ Изольды; руки ея, дрожа, перебирали розы, какъ бы лаская ихъ, она сидѣла неподвижноно.

— Розы,—медленно вымолвила она,—розы!

— Ихъ тутъ, по крайней мѣрѣ, на пятьдесятъ марокъ!—рѣшила Мари.—Этакая тьма. Да отъ кого же это можетъ быть? Изольда! Ты вѣдь знаешь!

Изольда безсознательно покачала головой; на нее, точно мягкимъ теплымъ вѣтеркомъ, повѣяло миромъ.

— Значитъ, все хорошо!

Свѣжія розы дышали блаженствомъ и надеждой, и она сама казалась себѣ чистой, прекрасной, доброй.

Все утро Изольда провозилась съ розами. Она разставляла ихъ въ стаканы и вазы, непрестанно любуясь ими.

— Если бы онѣ не увядали! Знаешь, Мари, какъ хорошо было бы, если бы онѣ могли стоять такъ лѣто и зиму; наша комната была бы похожа на садъ!

Розы, какъ рукой, сняли всѣ ея мучѣнія.

Тотъ день, въ который Изольда получила цвѣты, былъ знаменательнымъ для всей семьи Фрея. Онъ навсегда остался въ памяти всѣхъ ея членовъ.

Въ половинѣ второго докторъ Фрей, Карлъ, Мари и Изольда сидѣли за столомъ. Дѣвушка подала дневную почту: пробный номеръ новой газеты, какое-то дѣловое письмо, какой-то счетъ, объявленіе новаго, открывшагося по сосѣдству табачнаго магазина и, наконецъ, письмо отъ фрау доктора. Это-то письмо докторъ Фрей вскрылъ прежде всего.

Все это время отецъ, по выраженію Мари, такъ ждалъ писемъ отъ

матери, какъ, вѣроятно, ни одинъ женихъ не ждетъ писемъ невѣсты. Въ какое бы время онъ ни пришелъ домой, онъ, прежде всего, спрашивалъ: «Получено-ли письмо отъ мамы?»

«Если бы мама это слышала!» не разъ думала Мари.

А съ какою поспѣшностью распечатывалъ онъ ея письма! Что же это такое! Онъ едва успѣлъ пробѣжать письмо, какъ побагровѣлъ. Послышался стонъ. Изольда первая замѣтила это и испуганно вскрикнула: «Отецъ!» Глаза его выступили изъ орбитъ; онъ вдругъ сдѣлался такимъ большимъ, тяжелымъ. Дѣти застыли съ ложками въ рукахъ, не отрывая глазъ отъ него. Отецъ снова застоналъ, какъ будто ему было нечѣмъ дышать. Цвѣтъ лица его сталъ странный; неожиданно онъ поднялся и началъ ходить по комнатѣ, вытирая лобъ носовымъ платкомъ.

— Отецъ?—боязливо спросила Мари. Онъ подошелъ къ ней; взглядъ его былъ все еще неподвижный.

— Страшно богаты!—произнесъ онъ неясно, хриплымъ, точно не своимъ голосомъ.

Дѣти замерли; онѣ не знали, что имъ говорить, что думать. Между тѣмъ, тѣло и душа д-ра Фрея были точно охвачены судорогой. Онъ захлебывался, какъ звѣрь, попавшій въ огромную бочку вина или сиропа и борящійся со смертью среди избытка.

— Развѣ дядя умеръ?—спросила Изольда.

— Умеръ,—отвѣтилъ отецъ.

Послѣ этого онъ пришелъ въ себя. Смертельная, охватившая его отвратительной судорогой жажда денегъ, наконецъ, снова дала ему вздохнуть.

— Да! Значитъ, я теперь богатый человѣкъ, — прозвучалъ снова знакомый пророческій голосъ,—мама получила наслѣдство.

— Ну, старуха! Теперь у тебя богатый мужъ! — Такъ встрѣтилъ д-ръ Фрей свою супругу, когда она, послѣ похоронъ брата, вернулась въ Мюнхенъ. На его рукѣ красовалась траурная перевязь. Дочерей онъ также послалъ заказать себѣ траурныя платья въ лучшемъ магазинѣ. Въ настоящую минуту онѣ обѣ дѣловито ходили изъ угла въ уголъ, приготовляя кофе для матери; простая комната, со старомодной, потертой мебелью, наполнилась шорохомъ и шуршаньемъ, той гармоніей, которой теперь сопровождались движенія обѣихъ сестеръ.

Докторъ Фрей расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ и задумчиво прислушивался къ нѣжному шелковистому шороху.

Какими гибкими выглядѣли онѣ въ этихъ тяжелыхъ, подбитыхъ шелкомъ, черныхъ платьяхъ. Чортъ возьми! Это было нѣчто другое, чѣмъ то, что сооружала старуха со своей Штерминой. Онъ чувствовалъ себя въ приподнятомъ настроеніи и гордился своими дѣтьми. Онѣ сдѣлаютъ хорошія партіи!

— Да, дѣвочки! Собственно говоря, вы сегодня снова родились. Хорошій портной оказывается все-таки лучше лучшей изъ матерей!

Онъ говорилъ пророческимъ тономъ и былъ, казалось, въ отличномъ расположеніи духа. Отъ него вѣяло радостью жизни... Въ немъ было что-то могучее, самая комната, въ которой онъ находился, была, казалось, слишкомъ мала, чтобы вмѣстить его и его радость.

— Ну, старуха! Теперь дѣла приняли другой оборотъ.

И онъ, торжествуя, словно какой-нибудь завоеватель, посмотрѣлъ на жену, которая, утомленная путешествіемъ, тихо сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ. Ея траурное платье не было куплено въ дорогомъ магазинѣ; это было передѣланное, старое, черное платье; безвкусная траурная шляпа, съ жесткой сѣро-черной вуалью, купленной, очевидно, на распродажѣ, лежала рядомъ на диванѣ.

— Куриныя мѣры!—сказалъ докторъ Фрей, дотрагиваясь до крахмальнаго чернаго крепа.—Это просто смѣшно!—добавилъ онъ.

Докторъ Фрей не ѣздилъ въ Берлинъ на похороны своего зятя. Въ этомъ отношеніи онъ обнаруживалъ сходство съ Гёте. Будучи насквозь оптимистомъ, онъ не допускалъ до себя ничего, что могло затронуть или поколебать этотъ оптимизмъ, такъ какъ находилъ, что ничто въ мірѣ не заслуживаетъ такого бережливаго отношенія, какъ именно оптимизмъ.

Мать плачевнымъ тономъ разсказывала о послѣднихъ минутахъ брата:

— Благодаря Бога, онъ передъ смертью пріобщился св. Тайнъ и даже не одинъ разъ.

Она говорила монотоннымъ голосомъ, который часто появляется у женщинъ, когда онѣ говорятъ о смерти.

— Вообще, онъ умеръ покорно. Умирая, онъ мнѣ напомнилъ отца. Господи! Какъ время идетъ. А сколько въ немъ было терпѣнія!

— Избавь насъ отъ этихъ разсказовъ, старуха! — И д-ръ Фрей хлопнулъ ее по плечу. Онъ былъ въ очень хорошемъ настроеніи и, къ великому удивленію дѣтей, налилъ ей собственноручно вторую чашку кофе. Но при этомъ онъ показалъ себя такимъ неловкимъ, что пролилъ бо́льшую часть кофе на скатерть. Мари хотѣла какъ-нибудь замыть большое пятно, но мать отстранила ее. Это пятно, казалось, дѣйствовало на нее благотворно; ей было отрадно на него смотрѣть; все должно было оставаться такъ, какъ было, какъ ему заблагоразсудилось сдѣлать. Въ поведеніи матери было что-то стыдливо-сконфуженное. На глазахъ у нея не разъ проступали слезы.

— Да! такъ много денегъ,— сказала она задумчиво, — такъ много денегъ! Сколько одни дома стоятъ!

Позже, оставшись въ комнатѣ вдвоемъ съ мужемъ, она взяла его въ сторону и робко потянула за рукавъ; она хотѣла что-то сказать, но ей, очевидно, было не легко собраться съ силами.

— Странный онъ былъ человѣкъ,—выговорила она, наконецъ.

— Кто?

— Покойный братъ. Знаешь, что онъ сказалъ о томъ, почему Мари и Изольда особо упомянуты въ его завѣщаніи? «Твои дѣвочки должны сдѣлать хорошія партіи; онѣ слишкомъ хороши, чтобы быть бѣдными». Ну, это еще понятно! Но потомъ онъ сказалъ нѣчто такое, что показалось мнѣ совсѣмъ страннымъ въ устахъ порядочнаго человѣка, какимъ былъ мой покойный братъ: «Я такъ часто видѣлъ женщину униженной, что мнѣ пріятно сознавать, что я поставлю на ноги двухъ красивыхъ дѣвушекъ».

— Ну, такъ онъ, вѣроятно, не былъ такимъ ужъ черезчуръ порядочнымъ,—нетерпѣливо перебилъ д-ръ Фрей.

— Да! Такія выраженія въ устахъ порядочнаго человѣка, — продолжала жена.—И почему униженной? Развѣ онъ жилъ иначе, чѣмъ всѣ остальные мужчины? Но въ такомъ случаѣ всѣ... — Она запуталась въ лабиринтѣ своихъ собственныхъ мыслей.—Я хочу сказать, — продолжала она, — что все, какъ оно есть, такъ и должно быть, такъ и слѣдуетъ быть! Прости мнѣ Господи! Но вѣдь онъ же не былъ преступникомъ.

— Да не думай ты, пожалуйста, объ этомъ.

— Я не могла его понять. Правду говоря, знаю, что есть преступныя женщины, — она покраснѣла; — но вѣдь это установлено закономъ, неправда ли? и такъ и должно быть? Тебѣ-то я могу сказать что я знаю о ихъ существованіи.

— Какъ тебѣ не стыдно,—засмѣялся д-ръ Фрей

— Такъ не объ нихъ ли онъ говорилъ?—спросила жена.

— Я ужъ тебѣ сказалъ, не задумывайся надъ этимъ. Просто подъ старость онъ сталъ философомъ, мечтателемъ какимъ-то. Sancta Simplicitas! Этакая курица живетъ съ вырѣзанными мозгами. Да это просто смѣшно! Ищетъ униженную женщину и не можетъ ее найти? Ну, и не заботься объ этомъ, высокоразвитая женщина.

— Покойный братъ много думалъ передъ смертью; онъ былъ разумѣется, такой же порядочный человѣкъ, какъ всѣ въ нашей семьѣ что же онъ могъ совершить такого особеннаго, что другіе порядочные люди не дѣлаютъ? Видно, когда смерть приходитъ, всѣ становятся немножко трусливѣе!

VII.

На слѣдующій день докторъ Фрей со своей любимицей, Изольдой, уѣхалъ въ Берлинъ, чтобы, отъ имени жены, устроить дѣла. Изольда оставляла домъ съ тяжелымъ сердцемъ. Ея розы еще продолжали цвѣсти въ стаканахъ.

Во время отсутствія отца и дочери, въ квартирѣ у Фреевъ совершались чудеса. Еще сидя въ вагонѣ, фрау Фрей успѣла начертить

самые смѣлые планы; у нея также выростали крылья. За свое долгое супружество она никогда не выходила изъ тяжелыхъ обстоятельствъ: напротивъ, они все возростали съ появленіемъ на свѣтъ каждаго ребенка, съ каждымъ годомъ; теперь она рѣшила вполнѣ насладиться своимъ счастьемъ. Это вѣдь были ея денги—такъ? Братъ завѣщалъ ихъ ей? Наконецъ то она можетъ устроить все по своему желанію. Отсутствіе мужа пришлось кстати. Съ тѣхъ поръ, какъ она замужемъ, въ ея головѣ постоянно разрѣшались самыя трудныя проблемы: на жиру или на топленомъ маслѣ? Что обойдется дешевле? Какъ бы устроить поэкономнѣе? Если я сегодня истрачу кусочкомъ меньше, то у меня хватитъ и на завтра, а послѣзавтра я сниму жиръ съ супа.

А ужасъ, который охватывалъ ее въ послѣдніе дни мѣсяца, когда, несмотря на всѣ мученія, денегъ все-таки не хватало; а вѣчное неудовольствіе мужа, что все не такъ; а сознаніе какой-то вины и страха передъ нимъ, охватывавшее ее каждый разъ, когда приходилось просить у него денегъ на хозяйство; все равно, хотя бы это и дѣлалось въ точно назначенный день и часъ—онъ все таки сердился Въ такія минуты она чувствовала себя какой то преступницей, мотовкой! Она могла страдать отъ этого до глубины души, могла, какъ хищный звѣрь, стеречь каждую копейку, и все-же ее ожидала вѣчно одна и та же сцена.

Ахъ, какъ она устала отъ всего этого; уже давно-давно устала, уснѣла истощить свои силы. Будучи дѣвушкой, она любила читать, переписывала себѣ въ альбомъ стихи и мѣткія изреченія. Объ этомъ больше не могло быть рѣчи. Послѣ каждой стирки наростали горы рваного бѣлья; весь день, съ утра до вечера, проходилъ въ борьбѣ, въ мелочныхъ заботахъ: какъ сдѣлать, чтобы хватило на обѣдъ и чтобы, при скудныхъ средствахъ, все же подать на столъ приличный обѣдъ; едва кончили обѣдать, какъ ей уже надо было думать: а что на ужинъ?

А деньги точно плывутъ изъ рукъ! Одинъ и тотъ же страхъ, одно и то же волненіе! Бывали дни, когда сразу, со всѣхъ сторонъ, приносили счета. Служанка холодно подавала ихъ отъ булочника, отъ мясника... И каждый такой счетъ билъ фрау докторъ по нервамъ. Откуда взять? Какъ могло опять столько набраться? А годы, когда рождались дѣти? Сколько заботъ! Безпомощность и безнадежность на смерть загнаннаго звѣря! Сознаніе безсилія, упадокъ духа, переобремененность! И этотъ безконечный рядъ физическихъ мученій, которыя приходилось испытывать каждый разъ съ начала и до конца. Послѣ рожденія ребенка она была обыкновенно очень слаба, но ей приходилось безропотно разбираться съ накопившейся громадной массой дѣла! Какъ часто она чувствовала страшное утомленіе, сколько разъ кусала себѣ отъ отчаянья руки и плакала, не зная, у кого про-

сить совѣта! Такъ шли, день за днемъ, годы;—ни минуты отдыха, чтобы хоть одуматься,—ни слова благодарности. Душой—мертвая, тѣлесно—больная. И такъ долгіе, долгіе годы...

Животное,—жалкое, несчастное животное!

Троихъ дѣтей она похоронила. Напрасны были, значитъ, всѣ муки. Она родила ихъ для смерти. Какъ хорошо, когда на нее находили моменты отупѣнія: она тогда ничего не ощущала, никакой боли.

Сначала она жаждала, она искала благодарности; потомъ ей стало все равно. Но это равнодушіе она купила цѣною всего, что называется жить, мыслить, быть человѣкомъ.

Теперь она могла разсчитывать, что ей будетъ житься хорошо. И съ настойчивостью, почти граничившею съ злой волей, она наслаждалась правомъ пользоваться жизнью.

— Да, я это сдѣлаю, сдѣлаю!

И она дѣлала по своему.

Прежде всего она велѣла побѣлить кладовую и отправилась въ общество потребителей со своей старой замасленной книжкой, чтобы пріобрѣсти запасы. Запасы! При одной мысли о нихъ ея сердце, все ея существо трепетало отъ волненія. Она выбирала и выбирала все самое лучшее, думая въ то же время, какъ ребенокъ:

— Что еще? Что еще нужно?

На домъ ей прислали цѣлую подводу провизіи, точно она собиралась открыть гостинницу. Разложивъ свои сокровища, она долго просидѣла въ кладовой одна; на душу ея сошло необыкновенно мирное настроеніе; она, точно послѣ долгаго странствованія, нашла себѣ наконецъ пріютъ. Она сидитъ измученная, чувствуя себя въ безопасности, и прислушивается къ тяжелому, шлепающему дождю, подъ которымъ она такъ долго мокла. Правда, она чувствуетъ еще эту гнетущую усталость, но она сознаетъ, что теперь...

Затѣмъ она взяла свою книжку общества потребителей и принялась высчитывать, сколько процентовъ набѣжитъ къ новому году на забранную ею провизію. Оказалось двадцать марокъ! Она разсмѣялась. Книжка общества потребителей произвела на нее больше впечатлѣнія, чѣмъ все наслѣдство и вся доходность сказочныхъ берлинскихъ домовъ. Это счастье, по крайней мѣрѣ, доступно ея пониманію.

А какъ тяжело и несчастливо прожила она свою жизнь! Да развѣ она не сознавала этого раньше? Отчетливо—никогда! Но глухо, совсѣмъ глухо. И именно это то тупое сознаніе шло какъ то въ разрѣзъ съ человѣческими свойствами. Одиноко протекли для нея годы долгаго, убивающаго душу, супружества, безъ сочувствія, безъ единаго соболѣзнующаго взгляда на ея женскую муку и труды; также одинока была она теперь въ своемъ чувствѣ удовлетворенія. Одинокая, погруженная въ себя, она создала себѣ маленькій, трусливый, полный безконечныхъ страданій особый мірокъ.

Фрау докторъ была охвачена какою то лихорадочною поспѣшностью. Необходимо было покончить со всѣмъ до его возвращенія. Она приказала покрасить небесно-голубой краской всю старую кухонную мебель, а стѣны кухни окрасить въ розовый цвѣтъ. Теперь всѣ ея затаенныя желанія властно подняли головы. Рваное бѣлье она отдала штопать на сторону, причемъ за каждую заплатку торговалась не на жизнь, а на смерть. Гостинная была переклеена новыми обоями, бѣлыми съ золотымъ. Двери также были выкрашены заново бѣлой краской съ золотымъ ободкомъ. То то всѣ удивятся!

Къ старымъ занавѣсямъ были пришиты новыя кружева. До поздней ночи просидѣла она за машиной, возясь съ этой работой. Пульсъ ея учащенно бился; она была внѣ себя отъ волненія. На слѣдующее утро занавѣси были придѣланы, разумѣется, безъ помощи обойщика. Она сама лазила на лѣстницу. Мысль позвать обойщика не могла придти въ голову этой, привыкшей мучиться женщинѣ.

Ежедневно она вмѣстѣ съ Мари возвращалась нагруженная покупками, взволнованная, какъ въ чаду. Она покупала все, что только желала всѣ эти долгіе годы. Все бралось въ магазинахъ на счетъ, такъ какъ богатство долженъ былъ привезти съ собой мужъ. Въ представленіи фрау Фрей это богатство рисовалось въ видѣ какой то подводы, которую разгрузятъ передъ ихъ парадною дверью. Правда, она уже слышала кое-что о банкахъ, но проценты, доходы—все это представлялось ей какъ-то смутно. Да ей, въ сущности, и не было до этого никакого дѣла, это касалось его,—а онъ не привыкъ говорить съ ней о дѣлахъ.

Среди пріобрѣтенныхъ фрау Фрей и Мари драгоцѣнностей были совсѣмъ особенныя вещи. Самыя замысловатыя щетки и щеточки, разныя необыкновенно затѣйливыя приспособленія для чистки всевозможныхъ предметовъ, острыя и тупыя метелки, всякаго рода таинственная кухонная утварь! Кухня выглядѣла арсеналомъ, въ которомъ все было готово къ походу противъ всемірнаго голода. А въ этой самой кухнѣ она такъ безмѣрно страдала, здѣсь сосредоточивались всѣ ея мысли!

На домъ была взята портниха. Она перешивала старыя платья, для которыхъ накупались дорогія отдѣлки...

Словомъ повторялась старая исторія о свинопасѣ, сдѣлавшемся королемъ. Ежедневно послѣ покупокъ Мари съ матерью заходили въ кондитерскую, и фрау докторъ регулярно портила себѣ желудокъ, а потомъ мучилась мигренью. Сыновья также пользовались общей радостью и возможностью дѣлать покупки безъ денегъ.

Поздно ночью въ квартирѣ раздался звонокъ. «Отецъ!» подумала Мари. Та-же мысль промелькнула у матери. Отъ волненія онѣ нигдѣ не могли найдти спичекъ. Между тѣмъ звонокъ продолжалъ неумолчно дребезжать.

— Боже мой, что тамъ случилось!—двадцать разъ повторяла мать, шаря въ темнотѣ. Между тѣмъ звонъ продолжался.

— Можетъ быть, опять все по старому будетъ! Ахъ ты Господи! Такъ можно звонить только, если случилось несчастье; ни одинъ благоразумный человѣкъ не станетъ такъ звонить!

Наконецъ—вотъ они, спички!

Лихорадочно стуча зубами, съ боязливо бьющимся сердцемъ спустилась фрау докторъ, въ своей ночной кофтѣ, бамбуковыхъ туфляхъ и сѣрой фланелевой юбкѣ, внизъ. Дрожа, трясясь всѣмъ тѣломъ, она отомкнула двери; прямо ей въ объятія свалился ея младшій сынъ, Карлъ; онъ былъ совсѣмъ пьянъ. Съ нимъ никакъ нельзя было сладить. Онъ шумѣлъ, какъ подростокъ. Кромѣ того онъ оказался гораздо тяжелѣе, чѣмъ можно было думать. Мать оставила его внизу, прислонивъ къ выходной двери, а сама побѣжала черезъ двѣ ступеньки наверхъ за Мари.

Онѣ попытались поднять его вдвоемъ.

— Ну, старая,—пробормоталъ Карлъ, когда мать хотѣла взять его подъ руку,—осторожно, осторожно!—Мари не рѣшилась до него дотронуться. Онъ вызывалъ въ ней безграничное отвращеніе. Она расплакалась.

— Возьми же его,—говорила мать.

— Куриные мозги! — бормоталъ толстый Карлъ, совсѣмъ какъ отецъ.—Бабы, дуры!

Мари горько плакала.

— Если бы отецъ зналъ, въ какомъ вы тутъ видѣ являетесь.

— Карлъ!—плачущимъ голосомъ уговаривала его мать.

Карлъ коротко причмокнулъ губами. Губы его вытянулись. При этомъ онъ потянулся къ лицу сестры. Та громко вскрикнула. Карлъ глупо уставился на нее выпученными глазами. Мари совсѣмъ растерялась.

Обѣ женщины потащили его по лѣстницѣ, какъ мертвое тѣло.

— Не видалъ ли его какой-нибудь учитель!—безпокоилась мать.

— И хорошо-бы было,—сказала Мари. — Если отецъ объ этомъ узнаетъ!

Но мать вспомнила, какъ въ прошломъ году онъ уже пришелъ разъ ночью въ такомъ видѣ. Она варила черный кофе для мужа и была въ смертельномъ страха, что Карла нѣтъ дома. Наконецъ, онъ пришелъ, т. е. лучше сказать, сдѣлалъ попытку войти. Какъ и сегодня, она торопливо сбѣжала съ лѣстницы. На помощь ей пришлось позвать мужа. Она страшно боялась, что тотъ прямо отколотитъ сына. Но, къ ея удивленію, ничего подобнаго не случилось. Она замѣтила даже, что мужъ былъ до извѣстной степени растроганъ. Она никогда не видала его такимъ заботливымъ; ни разу за все время болѣзней дѣтей онъ не проявлялъ столько вниманія. Какъ осторожно онъ уложилъ Карла въ постель!

Въ обращеніи его съ нимъ на слѣдующій день сквозило даже что-то товарищеское Послѣ этого, при первомъ же случаѣ, Карлъ былъ привлеченъ къ участію въ семейномъ совѣтѣ. Дѣло касалось вопроса, слѣдуетъ ли Изольдѣ держать экзаменъ на учительницу. Въ совѣтѣ участвовали: отецъ, старшій сынъ и Карлъ. Всѣ трое, несмотря на то что у семьи не было никакихъ средствъ, и, послѣ смерти отца, каждому предстояло самому заботиться о себѣ, единодушно рѣшили, что Изольда не должна быть синимъ чулкомъ.

Все это живо припомнилось матери, пока она, вмѣстѣ съ Мари, втаскивала по лѣстницѣ своего толстаго сынка. Придя наверхъ, она занялась приготовленіемъ кофе для Карла. Мари осталась наблюдать, чтобы братъ не перекувырнулъ какъ-нибудь лампу. Въ своемъ опьянѣніи и безпомощности, этотъ юноша проявлялъ все свое презрѣніе къ женщинѣ, какъ святой завѣтъ, унаслѣдованной имъ отъ предковъ. Въ эти минуты сестра была выше его, и эта мысль была для него невыносима. Въ немъ поднималось желаніе поднять на нее руку. Онъ уже хотѣлъ привести это въ исполненіе. Но она вскрикнула, кинулась на колѣни около стула, оперлась о него головой и боязливо зарыдала.

— Дура,—процѣдилъ Карлъ.—Когда я заведу себѣ подружку, и если она только пикнетъ, такъ сейчасъ же вонъ! Вашей сестры, слава Богу, довольно!

Мари прямо боялась его. Она боялась, что онъ до нея дотронется. Ей казалось, что въ одной комнатѣ съ ней сидитъ безумный звѣрь.

— Мама! мама!—громко закричала она. Вбѣжала мать.

— Что такое?

Карлъ расхохотался.

— Этакая жеманная дура!

Мать подошла къ нему съ тѣмъ самымъ равнодушнымъ, помертвѣлымъ лицомъ, выраженіе котораго всегда такъ сердило ея мужа. Передъ этимъ выражаніемъ смирился и Карлъ. Онъ не зналъ, что сказать, онъ не понималъ этого. Она взяла надъ нимъ верхъ.

— Осторожнѣе, старая, осторожнѣе! — пробормоталъ онъ и опустился въ широкое рабочее кресло отца.

Въ этотъ вечеръ Мари вскарабкалась къ матери на кровать. Она была внѣ себя отъ ужаса.

Да, фрау-докторъ надо было отдать справедливость: она умѣла охранить своихъ дѣвочекъ. Онѣ такъ же мало знали жизнь, какъ дѣвушки самаго высшаго круга. Маленькій, таинственный мірокъ своей семьи былъ имъ незнакомъ, какъ и жизнь всего громаднаго внѣшняго міра. Своими юбками мать заботливо заслоняла отъ нихъ все. Думала ли она о томъ, что когда-нибудь онѣ будутъ очень поражены? И что она вообще думала? Единственнымъ ея принципомъ было: только чтобы дѣвочки ничего не знали.

Передъ дочерьми она молчала, какъ могила. Пусть жизнь хоть раздавитъ ея сердце—она не допускала себя быть съ ними откровенной. Какъ часто ей хотѣлось положить свою утомленную, отуманенную голову на плечо Мари, найти у нея пониманіе и утѣшеніе. Но она удерживалась, точно отъ величайшей несправедливости. Ей хотѣлось выполнить задачу, которую преслѣдуютъ всѣ матери, и сдѣлать такъ, чтобы дѣвочки «ни о чемъ» не знали; въ этомъ была ея гордость. Она въ свое время такъ же «ни о чемъ» не знала. Затѣмъ для нея наступило время неожиданностей.

Почему это должно было быть именно такъ, фрау докторъ не знала. Это было мило и прилично. Всѣ дѣвушки хорошаго круга должны были такъ вступать въ жизнь.

И ради этого она принесла великую жертву, оставшись навсегда чуждой своимъ дѣтямъ; чуждой въ своемъ тупомъ, тяжеломъ горѣ. Если онѣ все же кое о чемъ догадывались — она была тутъ не при чемъ; она могла сказать это съ чистою совѣстью. Она хорошо воспитала своихъ дочерей.

Вотъ и сегодня Мари лежала, обнявъ мать за шею и плача, а та похлопывала ее по спинѣ, бормоча, чтобы ее успокоить:

— Ну-ну-ну! — Такъ дѣлала она всегда, когда ея дѣти были маленькіе.

М-съ Вендландъ узнала объ измѣненіи обстоятельствъ своего друга, доктора Фрея. Она узнала и о томъ, что дядя особо упомянулъ въ завѣщаніи обоихъ дѣвушекъ. Обладательница состоянія въ триста тысячъ марокъ могла считаться богатой невѣстой. Теперь у дѣвушекъ не будетъ недостатка въ выборѣ. М-съ Вендландъ искренно порадовалась этому извѣстію. Про себя она не разъ думала: «Что будутъ дѣлать эти дѣти при своей красотѣ? Глупости—одно только и остается. Для бѣдныхъ дѣвушекъ гораздо лучше, если онѣ некрасивы».

О счастливомъ измѣненіи въ судьбѣ Фрея она сообщила и Менгерсену, который черезъ нѣсколько дней заявилъ ей, что намѣренъ жениться на одной изъ двухъ сестеръ.

М-съ Вендландъ высказала нѣкоторое изумленіе.

— Очень просто,—сказалъ Менгерсенъ,—я все обдумалъ: моя будущая жена должна быть богата, молода, красива, невзыскательна. Найти всѣ эти качества, собранными вмѣстѣ, трудно. Въ данномъ случаѣ это такъ.

— Но я вовсе не считаю Изольду невзыскательной, милый Генри,—сказала м-съ Вендландъ.—Изольда—породистое созданіе, которое само по себѣ...

— Зато другую я считаю вполнѣ невзыскательной, — прервалъ ее Генри.—Она—именно то, что я ищу.

— Другая?—удивилась м-съ Вендландъ.

— А почему бы и нѣтъ?—рѣзко отвѣтилъ онъ и подумалъ: «не проболталась ли Изольда?»

М-съ Вендландъ задумчиво смотрѣла передъ собой.

— Изольда гораздо интереснѣе.

— Можетъ быть. Интересная жена, милая Мэри? Къ тому же понимающая толкъ въ искусствѣ, сочувствующая, переживающая? Слуга покорный! Ни за что на свѣтѣ! Кромѣ того, ф-нъ Изольда и въ другомъ отношеніи не въ моемъ вкусѣ. На такихъ не женятся. По вашему, она сурова, какъ ледяной ключъ? Не правда ли?—Онъ холодно и тонко усмѣхнулся.—А я могу васъ завѣрить, что это маленькій, грубый звѣрекъ, которому будетъ полезно видѣть, что ей предпочли сестру. Я думаю, этотъ урокъ сослужитъ ей хорошую службу.

М-съ Вендландъ улыбнулась:

— Значитъ, вы хотите отдать остатки вашего дессерта Мари, а не Изольдѣ, съ воспитательною цѣлью? Изъ васъ выйдетъ прекрасный мужъ. Cold as charity—холодный, какъ милосердіе. Я не хотѣла бы быть вашей женой, милый Генри. Дайте мнѣ шаль; мнѣ холодно.

— Значитъ, вы собираетесь сдѣлаться добродѣтельнымъ? Ужасно смѣшно представить себѣ человѣка, который пожилъ, какъ вы, въ роли добродѣтельнаго супруга! Слѣдовательно, вы женитесь на маленькой Фрей. Это, во всякомъ случаѣ, вполнѣ выгодная сдѣлка.

«О, моя дорогая мистрисъ,—подумалъ Менгерсенъ,—вы, значитъ, все таки не совсѣмъ пріятно удивлены?»

— Вы первый, котораго Фреи пріобрѣтутъ за свои деньги!—продолжала она и съ насмѣшливымъ видомъ наклонилась въ креслѣ.—Вы хотѣли бы, чтобы я снова пригласила къ себѣ эту маленькую Мэри? Вамъ не нужно говорить мнѣ объ этомъ, я ужъ знаю.

Менгерсенъ поцѣловалъ ея руку.

— А ты уже успѣлъ надѣть добродѣтельную маску достойнаго и цѣломудреннаго нѣмецкаго жениха съ его нечистою совѣстью. Теперь ты кажешься мнѣ очень скучнымъ! И не потому, почему ты думаешь. О нѣтъ, совсѣмъ не потому! Вамъ нечего улыбаться, Генри. Нѣтъ, потому, что теперь начинается скучная исторія лжи, которую переживаютъ всѣ мужчины. Въ тебѣ она мнѣ еще болѣе смѣшна, чѣмъ въ другихъ, потому что тебя-то я знаю, какъ свой носовой платокъ.

— Ради васъ самихъ, Генри, я хотѣла бы, чтобы вы остановили свой выборъ на Изольдѣ. Передъ ней вамъ все-таки пришлось бы немного стѣсняться. Съ ней нельзя быть совсѣмъ sans façon. Но вѣдь вы именно потому и не женитесь на ней. Во всякомъ случаѣ желаю вамъ счастья въ вашемъ супружествѣ. Приходите сегодня вечеромъ пить чай, Генри, на террасу.

Мари Фрей пережила у м-съ Вендландъ сказочные дни.

Къ поклоненію студентовъ и братьевъ своихъ подругъ она при-

выкла; но Менгерсенъ былъ нѣчто совсѣмъ иное. Она не вѣрила своему счастью. Оно казалось ей слишкомъ невѣроятнымъ.

Однако Менгерсенъ съумѣлъ скоро убѣдить ее, несмотря на то, что ему было какъ-то непривычно имѣть дѣло съ такой неопытной дѣвушкой. Онъ старался осыпать ее вниманіемъ и нѣжностью. Что только не скажетъ такому юному созданію букетъ полуоткрытыхъ розъ! Менгерсену не приходилось даже тратить много старанія и ума. Онъ умѣлъ дѣйствовать на дѣвушку, не давая себѣ при этомъ ни малѣйшаго труда. Элегантный видъ, слава, которой онъ пользовался, почтеніе, съ которымъ его всюду встрѣчали, дѣлали свое дѣло. Бѣлокурая дѣвушка еще никогда не видѣла человѣка, болѣе заслуживающаго довѣрія.

Инстинктивная боязнь, что мужчина въ своей силѣ можетъ быть грубъ съ ней, еще не просыпалась. Сужденія ея были чисто дѣтскія и основывались на внѣшнемъ впечатлѣніи. Сомнѣваться въ этомъ человѣкѣ казалось ей святотатствомъ. Да, были даже минуты, когда она стыдилась самой себя, своей глупости, своихъ рукъ. По нимъ было видно, сколько онѣ поработали. Это были чистыя, молодыя, сильныя руки, но онѣ не отличались бѣлизной, а ногти были коротко обрѣзаны. Она просто не могла видѣть ихъ рядомъ съ его рукой. Насколько выше ея былъ этотъ человѣкъ! А когда онъ мягкимъ голосомъ попросилъ ее быть его женой, передъ ея глазами смѣшались небо и земля. Цѣлый хаосъ счастья, гордости, удивленія и смущенія охватилъ ее.

Она ни слова не писала о Менгерсенѣ ни матери и никому другому, даже Изольдѣ—и, вотъ, она невѣста человѣка, на котораго едва рѣшалась поднять глаза.

VIII.

Изольда узнала о помолвкѣ сестры неожиданно. Она вернулась изъ Берлина, окутанная своею глубокою любовью, точно облакомъ страстной тоски.

Мать встрѣтила мужа и дочь, сіяя отъ радости, какъ того требуетъ обычай, и сообщила имъ новость еще на лѣстницѣ.

Словно большой хищный звѣрь на свою жертву, обрушилось на Изольду всей своею подавляющею тяжестью отчаяніе. У нея не было даже времени вскрикнуть. Она получила должное! Чтобы не упасть, она ухватилась за отца. Но ея руки хватали одинъ воздухъ. И мать была не больше, какъ какое-то привидѣніе, какое-то ничто! Вообще вокругъ не было ничего, что могло бы представить реальную опору. Правда, ея руки держались за что-то и все-таки она падала. Ея душа непрерывно падала все глубже и глубже въ темноту — безконечную, безграничную. И въ то же самое время, когда она такъ глубоко падала, она чувствовала, что вошла въ комнату, слышала разговоръ,

видѣла разныя вещи. До нея, точно издали, доносился голосъ нетерпѣливо бранившагося отца.

— Да на какого все это чорта?

Докторъ Фрей стоялъ въ бѣлой съ золотомъ гостиной, украшенной вымытыми и обшитыми новымъ кружевомъ занавѣсками.

— Да это чистое сумасшествіе! Ты, кажется, воображаешь, что я позволю тебѣ вышвыривать за окно мои деньги? Ремонтируешь заново квартиру, которую надо сдавать! Да это прямо смѣшно!

Онъ былъ въ ярости.

— Сдавать? — спросила мать смущенно и вся дрожа. — Ахъ ты Господи! А я этого и не знала!

Докторъ Фрей рванулъ дверь въ слѣдующую комнату, чтобы посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

— Слава Богу! Удивительно!

Онъ нѣсколько успокоился.

— Разумѣется сдавать. Или ты воображаешь, что я останусь въ этой дырѣ? Ну, а еще что ты тутъ натворила? Разсказывай!

Послѣдовалъ длинный реестръ ея прегрѣшеній. Докторъ Фрей взволнованно шагалъ по комнатѣ.

— Да это просто смѣшно! Просто смѣшно! Надо было еще, чтобы дѣвчонка сейчасъ же стала невѣстой этого осла, Менгерсена. Пріятное возвращеніе домой, нечего сказать!

Оставшись одна въ своей комнатѣ, Изольда замкнулась. За дверьми все еще слышалась брань отца; одинъ разъ мать громко всхлипнула. Изольда лежала, вытянувшись, у нея кружилась голова.

Какъ глубоко, какъ темно было вокругъ нея! Еще сегодня ей придется увидать и его, и сестру; при этой мысли она снова стала хвататься руками за воздухъ, желая за что-нибудь придержаться. Она кинулась на полъ передъ своей постелью и вцѣпилась зубами въ ножку кровати, судорожно, словно раненый, борящійся со смертью звѣрь. Взглядъ ея упалъ на постаментъ съ черепомъ. Она выпрямилась, охватила руками колѣни и, потерявъ сознаніе времени, стала вглядываться въ пустыя орбиты. Она хотѣла думать и не могла. Да вѣдь, въ сущности, ей было все равно до всего. Она запѣла какую-то старую уличную пѣсенку. Звукъ пѣсни, какъ ножомъ, полоснулъ ее по сердцу; она продолжала пѣть съ преувеличенною веселостью.

Вечеромъ они оба дѣйствительно пришли. Менгерсенъ проводилъ свою невѣсту въ Мюнхенъ. Изольда встрѣтила его спокойно; это ей было не трудно, потому что ей было все равно. Все причиняло ей одинаковую боль.

Мари была въ мягкомъ, спокойномъ настроеніи. Генри, кажется, вполнѣ освоился со своимъ положеніемъ.

Онъ ожидалъ, во всякомъ случаѣ, что Изольда не выйдетъ, отговорившись головною болью. Однако, она была налицо, это маленькое,

грубое созданіе, и сидѣла съ такимъ спокойнымъ, непроницаемымъ выраженіемъ.

Но онъ приготовился ко всему: недаромъ у него еще въ тотъ день выросъ ядовитый зубъ. Отъ такой дѣвушки, которая унизилась, какъ Изольда, и притомъ напрасно унизилась, можно было всего ожидать. Ея спокойствіе было, разумѣется, только маской. О, его не проведешь!

Одно неосторожное слово, сказанное его невѣстѣ, и—Изольда его узнаетъ. Какъ-то случайно вышло, что они остались вдвоемъ въ кабинетѣ отца. Висячая лампа ярко освѣщала середину комнаты, а вокругъ этого свѣтлаго пятна царилъ полумракъ. Изольда спокойно взглянула ему въ глаза.

— Маленькая просьба, ф-нъ Изольда,—медленнымъ голосомъ сказалъ онъ:—о томъ что произошло между нами—ни слова; не правда ли? Отъ этого зависитъ счастье вашей сестры. Вы меня понимаете? Что же касается меня, то вы можете быть вполнѣ спокойны—я джентльменъ.

И онъ посмотрѣлъ на нее увѣренно и гордо, но тутъ онъ невольно отступилъ. Передъ нимъ была не Изольда, не та трогательная, любящая дѣвушка—передъ нимъ стояла гордая, спокойная женщина, которая спокойно сказала:

— Я понимала ваше искусство, я любила васъ, и я это сдѣлала. И могу заявить объ этомъ хоть на площади. Вы видите въ этомъ что-нибудь дурное? Но я вѣдь не могла думать, что великій художникъ можетъ быть въ то же время грязнымъ человѣкомъ. Если это такъ, значитъ, вы принадлежите къ толпѣ.

Изольда повернулась къ нему спиной.

Въ первый разъ въ жизни Генри Менгерсенъ былъ смущенъ.

Докторъ Фрей приказалъ подать шампанскаго, и помолвка была отпразднована по всѣмъ правиламъ искусства. За бокаломъ шампанскаго писатель вполнѣ примирился съ Мергенсеномъ.

«Господи, не тотъ, такъ другой; въ сущности, не все ли равно кому достанется этакая дѣвчонка? Для женщинъ всѣ мужчины болѣе или менѣе одинаковы! Дура только она! Могла бы теперь отлично пожить, а вмѣсто этого отдаетъ свои деньги и красоту въ руки какого-то осла, который, въ концѣ концовъ, надъ нею же насмѣется».

Докторъ Фрей растрогался. Онъ любилъ дочерей. Онъ протянулъ черезъ столъ руку Менгерсену, поднялъ бокалъ и произнесъ блаженнымъ голосомъ:

— Смотри же, хорошенько береги мою дѣвочку.

Менгерсенъ съ достоинствомъ пожалъ правую руку будущаго тестя и нѣжно поцѣловалъ руку невѣстѣ.

Въ эту ночь Изольда лежала какъ мертвая, вытянувшись на

своей кровати. По временамъ до ея сознанія долетало ровное дыханіе Мари, которая, утомившись, заснула, какъ дитя. Ее утомило сознаніе великаго счастья. Но сонъ ея былъ глубокъ и спокоенъ.

Изольда лежала въ своемъ глубокомъ горѣ, погруженная точно въ тяжелый сонъ, въ какое-то страшное оцѣпенѣніе. Луна освѣщала комнату. Черепъ рѣзко выдѣлялся на своемъ постаментѣ. Глазныя его впадины казались двумя темными, круглыми пятнами. И въ эти то пустыя глазныя впадины всматривалась, не отрываясь, Изольда. Это было именно то, что ей было нужно. Этотъ пустой, безнадежный взглядъ! Какъ хорошо ей было отъ него! Въ этой пустотѣ крылось что-то чистое, хорошее.

Какъ смертельно она была изранена! Душой и тѣломъ. И душа ея лежала такъ же недвижно, какъ она и сама. И ранена она была оскорбительнымъ, позорнымъ ударомъ. Тотъ, кого она любила больше всего на свѣтѣ, кому она молилась, какъ Богу, нанесъ ей ударъ прямо въ лицо.

Грубость утонченнаго, умнаго, великаго Генри Менгерсена порвала самыя тонкія нити ея жизни. Это не была больше Изольда, горячо чувствующая, умѣющая принимать къ сердцу горе и радость, готовая прижать къ своей груди жизнь, какъ огромный, цвѣтущій розовый кустъ, готовая утонуть въ его цвѣтахъ. На все, что она видѣла, что чувствовала, она смотрѣла съ безграничнымъ ужасомъ. Неужели не было способа доказать, что она чиста? Развѣ нельзя просто сказать:—«Вотъ я какая!»

Въ ней еще не проснулось глупое, тупое, доходящее до отвращенія сознаніе, что она существо второго порядка, не человѣкъ, а только женщина; существо, которое не въ состояніи чувствовать и дѣйствовать, какъ обыкновенный человѣкъ, а только какъ женщина. Отвращеніе, стыдъ охватили ее. Да, она его любила! Да! да! Она отдала ему свое лучшее, единственное—свою красоту, которую сознавала, которой радовалась.

Она пожертвовала собой ради его святого, великаго искусства, какъ человѣкъ и какъ женщина. Разумѣется, не только, какъ человѣкъ, но и какъ женщина, потому что она мечтала, горячо страстно мечтала, чтобы онъ ее поцѣловалъ. Вѣдь онъ же сказалъ ей, что любитъ ее, или онъ не говорилъ этого? Но теперь это безразлично, совершенно безразлично! А все таки какая пустота!

Все погасло. Одинока, покинута, брошена, раздавлена—несправедливо осуждена—лишена уваженія—она самая несчастная въ мірѣ!

Ея чистая, радостная душа опозорена!

Хотя она и знала, что въ тотъ день ея тѣло было одѣто покровомъ ея души, которая не имѣла ничего общаго съ грязью. По ея тѣлу пробѣжало содроганіе.

Неужели онъ думалъ, что она хоть единымъ словомъ напомнитъ ему? Неужели онъ это думалъ? Какъ могъ онъ быть такимъ грязнымъ, такимъ глупымъ?

Ужасъ, невыразимый ужасъ охватилъ ее, когда она поняла, что для него женщина—не человѣкъ, а только женщина: что-то лишенное тонкости, свободы—что-то грубое, состоящее изъ одного тѣла!

Когда она ему говорила объ его искусствѣ, когда она ему дала заглянуть въ свое сердце и повѣдала свою любовь къ тому, что создано имъ—онъ такъ странно усмѣхнулся. Ему, вѣрно, показалось тогда, что съ нимъ говоритъ животное—грубое, глупое животное.

Это ему должно было казаться не менѣе смѣшнымъ, чѣмъ если-бы съ нимъ дѣйствительно заговорило животное. На нее вдругъ точно снизошло просвѣтленіе. То, что она дала ему, онъ оцѣнилъ по своему. И охваченная лихорадочнымъ страхомъ, она принялась размышлять о «женщинѣ» вообще. Горячій, жгучій стыдъ поднялся въ ней. Что-же это такое?

Все, что когда-либо было придумано—придумано мужчиной; все, что когда либо было сдѣлано—сдѣлано мужчиной. Она еще никогда ясно не сознавала этого,—и эта мысль было совершенно для нея новой.

Женщина и животное ничего не совершили, ничего не придумали; по крайней мѣрѣ, ничего такого, что было бы всѣмъ извѣстно. Она испугалась до глубины души.

Да развѣ онъ не правъ?

Дѣйствительно, это было смѣшно, что она говорила объ искусствѣ; что ей было до этого за дѣло? Что ей за дѣло до искусства вообще? .

Онъ былъ правъ, когда смѣялся.

Она задыхалась, чувствуя на себѣ все тяготѣющее надъ женщиной презрѣніе. Это великое презрѣніе, отнимающее и гордость, и жизнерадостность.

Что она изъ себя, въ сущности, представляетъ? У нея, дѣйствительно, нѣтъ никакого права быть гордой и радостной.

Глухой стонъ, подавленный крикъ вырвался изъ ея груди, точно ее ударили хлыстомъ.

А она еще думала, что имѣетъ право говорить съ нимъ, какъ человѣкъ съ человѣкомъ.

Что это говорила тогда м-съ Вендландъ? И ей, значитъ, были знакомы тѣ мысли, которыя явились теперь Изольдѣ во всей оскорбительной новизнѣ.

Чувствуютъ-ли всѣ женщины то-же, что она чувствуетъ? Какъ это она до сихъ поръ могла не сознавать этого? А ея мать?—А пріятельницы? Да что же это? Неужели женщины ничего не сознаютъ о томъ, какъ онѣ презираемы?

Ея нѣжное тѣло истомилось смертельнымъ волненіемъ.

Вотъ она лежитъ, раздавленная, осмѣянная, забрызганная грязью, одинокая; она принадлежитъ къ той презираемой, тупой, безсмысленной половинѣ рода человѣческаго къ тѣмъ, которыя не имѣютъ права быть людьми въ полномъ смыслѣ этого слова.

Изъ глазъ ея, какъ кровь изъ незажившей раны, покатились жгучія, обильныя слезы.

IX.

Душистое майское утро. Изольда задумчиво расхаживаетъ по своему, расположенному въ густомъ лѣсу, ателье.

Свѣжій, острый запахъ листьевъ врывается въ настежъ открытыя окна. Голубое сіяющее небо смотритъ въ комнату черезъ стеклянную крышу. Въ воздухѣ съ рѣзкимъ свистомъ рѣютъ ласточки, тонкими нитями разрѣзая голубой эѳиръ. Сладкіе и рѣзкіе звуки сплетаются въ цѣлую сѣть.

Надъ куполообразной крышей пролетѣла стая голубей. Шумъ ихъ крыльевъ издали донесся сюда какой то неземной гармоніей

Изольда совсѣмъ погрузилась въ свои мысли. Она расхаживаетъ по большому, пустому помѣщенію, безсознательно держа въ рукахъ рѣзецъ. На маленькомъ столикѣ лежатъ два распечатанныя письма.

Вдоль стѣнъ стоятъ гипсовые снимки, сдѣланные съ натуры: руки, ноги, головы, маски. Черепъ, не покидавшій Изольду всѣ пять лѣтъ, составляетъ единственное украшеніе комнаты. На него надѣта блестящая дурацкая шапочка изъ старинной золотой матеріи, а сверхъ нея потемнѣвшій отъ времени лавровый вѣнокъ. Кромѣ этого, во всемъ ателье нѣтъ ничего лишняго—ни ковра, ни одного предмета роскоши.

По срединѣ, подъ самымъ куполомъ, все облитое свѣтомъ, стоитъ странное произведеніе, статуя сидящаго Будды изъ бѣлаго, какъ снѣгъ, мрамора. Работа Изольды. На цоколѣ фигуры, въ одинъ метръ вышиною, начертаны слова:

Я былъ искренеинъ,
Какъ никто другой;
Я былъ суровъ,
Какъ никто другой;
Я былъ преисполненъ печали,
Какъ никто другой;
Я былъ свободенъ духомъ,
Какъ никто другой.

Это изреченіе Изольда вырѣзала сегодня утромъ. Ей казалось, что эта склоненная голова полна мира, великаго, благороднаго мира, проникнутаго могуществомъ человѣческаго духа. Ее охватило торжество, какая-то великая радость. Ей удалось то, что она хотѣла создать.

Что-то властное было въ этой головѣ, то рѣдкое человѣческое величіе, которое стоитъ даже выше человѣческаго страданія, выше все-

го на землѣ и надъ землею. Гигантская боль смерти, страданія и жизни, побѣждается этимъ величіемъ.

На глазахъ Изольды проступили слезы. Ей и въ самомъ дѣлѣ казалось, что голова Будды была именно тѣмъ, что она хотѣла создать изъ нея. Было это на самомъ дѣлѣ такъ или ей это только мнилось? Нѣтъ, въ данную минуту это было такъ. И она вѣрила въ это, хотя и знала, что сомнѣнія снова овладѣютъ ею. Ее радовало также и то, что эта работа была сдѣлана ею для людей, которые ей дороже всего на свѣтѣ! Для него и для нея! Ее радовало, что она могла подарить имъ это.

Какую роль за послѣдніе годы играли въ ея жизни Гельвигъ и Лу Геберъ!

Какъ обрадуется Лу, узнавъ прекрасныя, спокойныя черты своего мужа, угадавъ въ Буддѣ его душу!

Сколько хорошихъ часовъ пережили они втроемъ! Какъ она ихъ любитъ! Они научили ее чувствовать и мыслить!

Съ какою радостью приведетъ она ихъ обоихъ сюда и скажетъ:

Этимъ я обязана вамъ! Тебѣ, мудрый, добрый, просвѣтленный человѣкъ, тебѣ, не похожему на другихъ, никѣмъ не понятому!..»

За эти годы Изольда похорошѣла, пріобрѣла болѣе строгую осанку. Высокая, блѣдная, съ могучей волной вьющихся волосъ, темнымъ облакомъ нависшихъ надъ ея лбомъ, съ глубокими, точно дымкой подернутыми глазами, она напоминала м-съ Вендландъ въ молодости. Ея манера одѣваться не отличалась изысканностью; но все, что только касалось этого тѣла, пріобрѣтало изящный видъ.

Сегодня Изольда — въ праздничномъ настроеніи. Работать ей больше не хочется. Съ наслажденіемъ прислушивается она къ пѣснямъ рѣющихъ подъ голубымъ небомъ ласточекъ, прорѣзающихъ воздухъ звуками этихъ пѣсенъ, точно шелковыми нитями!

Мысленно передъ ней встаетъ сестра, Мари. Какое маленькое лицо сдѣлалось у бѣдной Бархатки!

Изольда хорошо помнитъ сцену, которая произошла между ними на высокомъ берегу Изера. Онѣ гуляли въ чудномъ, прилегающемъ къ виллѣ Менгерсена лѣсу; онъ выстроилъ себѣ виллу по сосѣдству съ Геберами.

У Мари уже былъ ребенокъ, рожденіе котораго едва не стоило ей жизни. Долго послѣ этого она не могла оправиться ни физически, ни духовно. Ребенокъ вышелъ здоровый, но ее точно хватило морозомъ: въ ней навсегда осталось что-то усталое, тихое, запуганное.

Ребенку было уже около полугода. Онѣ шли подъ одѣтыми густою листвою деревьями. Вдругъ Мари охватила Изольду и шепнула ей что-то; это было тяжелое признаніе: она снова шла навстрѣчу мукѣ и смерти. Шея Изольды была смочена безнадежными слезами

сестры. Такъ стояли онѣ долго, обнявшись, не рѣшаясь заглянуть другъ другу въ глаза. Мари безутѣшно плакала; Изольда не знала, что сказать, что подумать.

Какой это былъ тяжелый моментъ!

— Ида,—всхлипывала Мари,—вѣдь онъ меня, вѣрно, совсѣмъ не любитъ! Иначе... Вѣдь онъ знаетъ, какъ это было ужасно!—Онъ все знаетъ. Да, Ида! Если это называть любовью!..

Мари въ ужасѣ вскрикнула и бросилась въ траву, уткнувшись въ землю лицомъ; слезы душили ее. Изольда опустилась передъ ней на колѣни.

— Я готова умереть, готова быть до смерти измученной и истерзанной—я на все готова, если ужъ такъ надо! И муки, и страхъ смерти,—все, все это ничего! Но, Ида—вѣдь онъ даже не другъ мнѣ!

Этотъ жалкій, плачущій голосъ! Изольда и сейчасъ ясно слышала его.

— Я для него—ничто! Ничто! А то, чѣмъ онъ хочетъ, чтобы я была для него, то я ненавижу! Я знаю, что я глупа—знаю! Но, если-бы онъ со мной говорилъ, я научилась бы его понимать уже потому, что я такъ люблю его.—Повѣрь, Ида, изъ любви къ нему я бы поумнѣла. Я это знаю. Но то, что въ немъ есть хорошаго, онъ прячетъ отъ меня. Онъ не говоритъ мнѣ того, о чемъ думаетъ. Мы живемъ разною жизнью...

Она продолжала плакать надрывающими душу слезами. Все это живо вставало передъ Изольдой.

— Самый одинокій человѣкъ не можетъ быть такъ одинокъ, какъ одинока я. Ты думаешь, ему меня жаль? Нисколько, говорю тебѣ! Ни чуточки. «Такъ и должно быть», думаетъ онъ. Это въ порядкѣ вещей. На то она и женщина. Онъ убѣжденъ, что мнѣ ничего больше не нужно, какъ: ѣсть, пить и быть его женой. Онъ еще считаетъ, что очень терпѣливъ со мной, выслушивая иногда мои мысли. Все это я ясно читаю на его лицѣ. Скоро мнѣ снова предстоитъ стать матерью: это такое страданіе для души и тѣла. Но если бы онъ сказалъ мнѣ хоть одно доброе слово, я бы все снесла, все — даже смерть, даже страданія. Я цѣловала бы ему руки, если бы онъ заговорилъ со мной какъ съ другомъ. Я была бы готова на все. Но нѣтъ! Я пыталась заговаривать съ нимъ, но никогда уже больше не сдѣлаю этого, никогда.

Ея тѣло содрогалось отъ дикихъ, страстныхъ рыданій.

— Видишь, Ида, и мамѣ жилось совершенно такъ же. А помнишь, какъ ты разъ сказала, что тебѣ кажется, что она глупа? Ахъ нѣтъ, Ида, нѣтъ! Не глупа, а забита—омертвѣла. Онъ не билъ ее—и все же она забита — словами, мыслями. Это вѣчное презрѣніе, какъ сѣрый дождливый день. Отъ него умираетъ душа... Я чувствую, что

буду похожа на маму? И что онъ обо мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, думаетъ? Можетъ быть, онъ считаетъ, что я счастлива? Да и думаетъ ли онъ вообще когда нибудь обо мнѣ? Не знаю.

Она была такая безпомощная. Изольда стояла передъ ней на колѣняхъ въ смертельномъ страхѣ, держа въ своей рукѣ ея маленькую, судорожно сжатую руку.

Когда Изольда привела домой совершенно изнеможенную отъ слезъ Мари, Менгерсенъ какъ разъ выходилъ изъ своего ателье. На немъ, какъ всегда, былъ надѣтъ бѣлый фланелевый костюмъ. По его лицу было видно, что сегодня ему хорошо работалось, что онъ превосходно чувствуетъ себя, какъ нравственно, такъ и физически. Онъ съ удовольствіемъ курилъ сигару, пуская облака голубоватаго дыма. Вдругъ онъ замѣтилъ сестеръ.

— Что случилось, Мари?—коротко спросилъ онъ.—Ты опять распускаешься? Ты знаешь, что это не годится въ твоемъ положеніи; избавь меня, пожалуйста, если можешь, отъ этихъ капризовъ. Возьми себя хоть немного въ руки...

Ему все это было крайне непріятно. Да и самыя посѣщенія Изольды были ему не по душѣ. Она чувствовала, что раздражаетъ его. Съ нимъ у нея выработался совсѣмъ особенный, несвойственный ея натурѣ тонъ, въ которымъ слышался оттѣнокъ легкой холодной ироніи. Не безъ задней мысли она вырядила черепъ въ золотой дурацкій колпакъ и лавровый вѣнокъ. Искусство Менгерсена осталось для нея предметомъ поклоненія, чѣмъ-то великимъ, чего она не могла не любить. Любовь эта выработала изъ нея художницу. Его похвала и сегодня представляла для нея большую цѣнность, и въ этой похвалѣ онъ не могъ ей отказать. Она добилась своего: онъ призналъ ея талантъ, ея трудъ.

А сколько труда положила она за эти годы! Работой она какъ будто хотѣла смыть съ себя тяготѣвшій надъ нею позоръ. Ничто, кромѣ труда, не могло смыть съ нея пятна. Онъ могъ валяться у нея въ ногахъ, моля о прощеніи, и все же это ни къ чему бы не повело.

Эти годы она прожила затворницей, точно для нея не существовало ни молодости, ни красоты, ни богатства. Дома, въ роскошно обставленной квартирѣ своихъ родителей, она занимала маленькую комнатку, спала на походной кровати, зиму и лѣто при открытыхъ окнахъ; каждый день она принимала холодную ванну; около себя она не выносила ничего мягкаго, нѣжнаго, во всякую погоду она совершала далекія прогулки.

Въ ней было живо только одно чувство: смыть съ себя позоръ, стать снова чистой и сильной, научиться работать, чтобы быть человѣкомъ! Ее радовало, что она такъ красива. Она понимала и любила свою красоту.

Теперь душа ея не знала больше позора. Чувство сознанія своей силы, красоты и могущества наполняло ее.

«Я знаю,—думала она иногда, — что каждый изъ нихъ не прочь закабалить меня, овладѣть мной, моей красотой и состояніемъ и распорядится всѣмъ этимъ по своему усмотрѣнію. Да это просто смѣшно.

За эти годы изъ нея выработалось свободное существо. И когда она начинала думать о матери, о сестрѣ, она задыхалась. Та ночь, которую она провела на своей кровати, лежа безъ движенія, какъ мертвая, навѣки запечатлѣлась въ ея сознаніи.

Что изъ того, что ей лично жилось хорошо? Все-таки она продолжала принадлежать къ числу тѣхъ, которыя не подходятъ подъ общее опредѣленіе человѣка; тѣхъ, въ тѣлѣ которыхъ отсутствуетъ духъ; осмѣянныя, презираемыя, лишенныя человѣческаго достоинства, онѣ составляютъ все ту же низкую, безсмысленную половину рода человѣческаго, не имѣющую даже права на названіе людей. Теперь она стояла передъ столомъ; передъ ней лежали оба письма: одно полученное сегодня, и другое, пришедшее еще три недѣли назадъ. Изольда взяла старое письмо и снова перечитала его. Оно было изъ Берлина отъ Мари и было нацарапано слабымъ почеркомъ, вскорѣ послѣ рожденія ребенка.

«Ида, цѣлыхъ двадцать четыре часа смертельныхъ мученій—какъ всегда, ужасныхъ съ первой до послѣдней минуты. Только боязнь покинуть моихъ бѣдныхъ дѣтей спасла меня для жизни. Безъ хлороформа. Иначе ребенокъ могъ быть мертвый.

«Остальное все въ порядкѣ. Генри писалъ отцу. Вспоминай обо мнѣ. Одинока! Совсѣмъ одинока! Помнишь?

«Прощай».

О да, Изольда не забыла.

Она знала содержаніе письма Генри къ отцу:

«Все обошлось отлично! Маленькое чудовище прямо великолѣпный мальчишка! Роды были трудные, какъ это у насъ вообще водится. Однако, послѣ всѣхъ этихъ передрягъ Мари чувствуетъ себя болѣе, чѣмъ удовлетворительно. Докторъ доволенъ. Здоровье ея не внушаетъ никакихъ опасеній».

А вотъ и сегодняшнее письмо. Изольда уже нѣсколько разъ перечитала его. Теперь она снова пробѣжала его глазами:

«Мой мужъ уѣзжаетъ, чувствуя себя слишкомъ измученнымъ въ эстетическомъ отношеніи. Господинъ супругъ невыразимо страдаетъ отъ того, что мнѣ приходится выполнять материнскія обязанности по отношенію къ моему маленькому, а еще больше отъ того, что теперь ему самому приходится приходить въ соприкосновеніе съ такими непоэтичными вещами. Этотъ фанатикъ реализма и правды рѣшительно не въ состояніи выносить простую дѣйствительность. А такъ какъ я еще очень слаба и даже рѣдко встаю съ постели, то я не могу ста-

новиться между нимъ и этою дѣйствительностью въ качествѣ благодѣтельнаго облака.

«Физическая слабость и обязанности кормилицы отвлекаютъ меня отъ всего. А единственный человѣкъ, который обо мнѣ заботился, сидѣлка, должна была меня покинуть. Ее потребовали въ другое мѣсто. Благодаря ей, я все-таки пользовалась покоемъ.

«Жаль, что ты не могла ко мнѣ пріѣхать! Какимъ бы это было для меня утѣшеніемъ!

«Теперь, съ тѣхъ поръ, что ушла сидѣлка, всѣ снова смотрятъ на меня, какъ на полезное животное. Несмотря на то, что я едва двигаюсь отъ слабости, мнѣ постоянно приходится няньчить одного ребенка, да еще присматривать за другимъ.

«Затѣмъ является супругъ и начинаетъ браниться, что около меня вѣчно трутся дѣти; онъ клянетъ небо, сдѣлавшее его отцомъ семейства. Я стараюсь, какъ умѣю, утѣшать его боли, пока мои собственныя страданія не усиливаются до невозможной степени. Такъ идетъ моя жизнь; одна мука смѣняетъ другую. Но я утѣшаю себя попрежнему: время не ждетъ. Значитъ, и для меня наступитъ другая пора.

«Генри, какъ это ни странно, по своему правъ: женщина, ожидающая ребенка, не должна жить дома. Онъ въ этомъ отношеніи очень чувствителенъ. Видѣть меня такой безобразной—оскорбляетъ его эстетическое чувство. Для него это невыносимо. Я это знаю. Прежде, когда онъ это говорилъ, мнѣ это казалось какою-то безумною, чудовищною жестокостью; при этихъ словахъ передо мной точно разверзалась пропасть. Но онъ говоритъ это такъ наивно, какъ художникъ.

«Съ своей точки зрѣнія онъ правъ. Меня даже удивляетъ, что это не установлено закономъ. Въ сущности, такъ было бы лучше и для женщинъ.

«Напиши же мнѣ поскорѣе, моя Ида, длинное, милое письмо. Я съ нетерпѣніемъ буду ждать его, потому что во мнѣ клокочетъ что-то горячее, влажное. Ты одна волшебной силой твоей любви можешь осушить эти слезы. Не забывай меня, Ида! Въ тебѣ вся моя жизнь! Все, что есть у меня въ душѣ, исходитъ отъ тебя! Отъ тебя одной. Ты, только ты, въ состояніи поддерживать меня. Не дай же мнѣ совсѣмъ упасть».

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

* * *

Короче стали дни; длиннѣй
И глуше ночи. По курганамъ
Туманъ кочуетъ бѣлымъ станомъ,
А зори дышутъ холоднѣй.

Качаясь съ вѣтромъ и шепча,
Лѣса стряхаютъ позолоту.
Собрались ласточки къ отлету;
Тоскливъ и рѣзокъ крикъ грача.

А ночью, въ сумракъ небеса
Роняютъ огненныя слезы.
Бѣлѣетъ саваномъ роса;
И, чуя вѣщія угрозы,
Жизнь серебритъ мнѣ волоса.

А. Ѳедоровъ.

СУМАСШЕДШІЙ.

За окномъ разстилались поля. Рыжія, зеленыя и черныя полосы тянулись одна рядомъ съ другой, уходили въ даль и сливались тамъ въ тонкое кружевное марево. Было такъ много свѣта, воздуха и безбрежной пустоты, что становилось тѣсно въ своемъ собственномъ узкомъ, маленькомъ и тяжеломъ тѣлѣ.

Докторъ стоялъ у окна, смотрѣлъ на поля и думалъ:

«Вѣдь, вотъ...»

Смотрѣлъ на птицъ, которыя быстро и легко уносились въ даль, и думалъ:

«Летятъ!..»

Но на птицъ ему было легче смотрѣть, чѣмъ на поля. Онъ сумрачно наблюдалъ, какъ онѣ уменьшались и таяли въ голубомъ просторѣ, и утѣшалъ себя:

«Не улетите... не здѣсь, такъ въ другомъ мѣстѣ... все равно сдохнете!..»

А радостно зеленѣющія поля наводили на него уже полную тоску, томительную и безнадежную. Онъ зналъ, что это ужъ— вѣчно.

«Все это необыкновенно старо! — сердито перебивалъ онъ свои мысли: — это еще когда сказано: «и пусть у гробового входа... красою вѣчною сіять... равнодушная природа»... Это уже даже пошло!.. Даже глупо думать объ этомъ! Я всегда считалъ себя гораздо умнѣе и... впрочемъ, все это пустяки... Да... это совершенно все равно, что бы я ни думалъ... все равно: не въ томъ дѣло, что̀ я по этому поводу подумаю...»

Страдальчески морщась и подергивая головой, докторъ отошелъ отъ окна и сталъ тупо смотрѣть на бѣлую стѣну.

Въ головѣ его, вовсе помимо его воли и сознанія, рождались, всплывали, какъ пузырьки воздуха въ мутной водѣ, лопались и расплывались быстро одна за другой тѣ самыя мысли, которыя въ послѣднее время стали обычными для него. Именно въ послѣднее время, послѣ того, какъ въ день своего рожденія онъ вдругъ понялъ, что ему уже шестьдесятъ пять лѣтъ, и что теперь уже

навѣрное онъ скоро умретъ. То нездоровье, которое онъ чувствовалъ передъ тѣмъ цѣлыхъ двѣ недѣли, еще больше напомнило ему о неизбѣжной необходимости пережить ту минуту, о которой онъ и раньше безъ замиранія сердца не могъ думать

«А вѣдь будетъ, будетъ... одна эта сотая секунды, когда настанетъ самый переломъ!.. По эту сторону секунды—жизнь, я, а по ту—уже ничего... такъ-таки совершенно ничего?.. Не можетъ быть!.. Тутъ какая-нибудь ошибка!.. Вѣдь это «черезчуръ» ужасно.»..

А теперь онъ ужъ совершенно ясно понялъ, что никакой ошибки нѣтъ, что вотъ-вотъ и начнется *это*.

И каждый разъ, когда у него заболѣвала голова, грудь или желудокъ, когда ноги или руки были слабѣе обычнаго, ему приходило въ голову, что именно теперь онъ начинаетъ умирать. И эта мысль была очень проста, совершенно вѣроятна и потому нестерпимо ужасна.

Но самое мучительное началось тогда, когда онъ, вообще мало и невнимательно читавшій, прочелъ въ одной книгѣ ту мысль, что, какъ ни велико разнообразіе въ природѣ, а все-таки рано или поздно комбинація должна повториться и создать совершенно такое же существо и даже то же самое положеніе дѣлъ. Въ первую минуту ему даже стало какъ будто легче, но уже въ слѣдующее мгновеніе онъ пришелъ въ бѣшенство:

«Ну, да... комбинація... ничто не ново подъ солнцемъ..такъ... я очень хорошо знаю, что позади меня такая же вѣчность, какъ и впереди; значитъ, я самъ теперь—только повторная комбинація... А вѣдь я ровно ничего не помню о первой комбинаціи... и выходитъ, что дѣло не во мнѣ, а въ комбинаціи!.. Какъ же это?.. Вѣдь я чувствую, какъ неизмѣримо важно то, что я живу, какъ это мучительно и прекрасно... вѣдь все, что я вижу, слышу, нюхаю даже, существуетъ для меня только потому, что *я* вижу, слышу, нюхаю... потому что у *меня* есть глаза, уши, носъ... Значитъ, я—громаденъ, я помѣщаю въ себѣ все и, сверхъ того, еще страдаю!.. И вдругъ—комбинація!. О, чортъ!.. Какое мнѣ дѣло до комбинаціи, будь она проклята!.. Это же нестеримо... ужасно... быть только повторяющейся, съ извѣстнымъ промежуткомъ времени, комбинаціей!..»

И докторъ чувствовалъ страшную, неутолимую ненависть къ тому воображаемому человѣку, который тамъ, когда-то, будетъ такимъ, какъ онъ.

«А вѣдь это такъ и будетъ: повторяются же мысли человѣческія и какъ еще часто повторяются... повторится, значитъ, и человѣкъ... а-а-а! Даже мои мысли, мои страданіи вовсе не важны и не нужны никуда, потому что то же самое съ одина-

ковымъ успѣхомъ передумаютъ и перечувствуютъ еще милліоны всякихъ комбинацій... О-очень пріятно, чортъ бы васъ дралъ!..»

И состояніе доктора ухудшалось день-ото-дня и, доходя по ночамъ до галлюцинацій, стало уже сплошнымъ кошмаромъ страданія. Снилась ему только его смерть, похороны, внутренность могилы; иногда, для разнообразія, снилось, что онъ погребенъ заживо, снились еще почему-то черти, въ которыхъ онъ твердо не вѣрилъ. Днемъ онъ ужъ постоянно думалъ на одну и ту же тему.

«Организмъ разрушается...»

Онъ замѣчалъ это въ томъ, что ему тяжело взойти на лѣстницу больницы, что ему приходится иногда кряхтѣть, вставая или нагибаясь. Отъ думъ у него началась безсонница, а безсонница, какъ ему казалось, была предсмертнымъ явленіемъ.

Какъ разъ прошлую ночь онъ вовсе не спалъ, и оттого у него въ головѣ было точно тяжелое и угарное похмѣлье. Тѣ мысли, которыя прошли въ эти часы безцѣльнаго лежанія въ нагрѣвшейся, липкой постели, подъ крикъ и смѣхъ сумасшедшихъ въ буйной палатѣ, были такъ омерзительно страшны, что докторъ даже юлилъ и обманывалъ самого себя, стараясь думать, что ничего не помнитъ.

Но это ему не удавалось: то одна, то другая мысль всплывала и, казалось, очень отчетливо отпечатывалась на бѣлой стѣнѣ. Въ концѣ концовъ, онъ-таки вспомнилъ то, чего больше всего старался не вспоминать: какъ художественно ясно представился ему процессъ разложенія, та слизь и гниль, которая получится изъ него, представились толстые, лѣнивые, бѣлые черви, распухшіе отъ его гноя... Онъ всегда боялся червей. А будутъ ползать во рту, въ глазахъ, въ носу и вездѣ.

— Конечно, я не буду тогда ничего чувствовать! — сердито закричалъ докторъ—громко, на всю комнату. Голосъ у него былъ пронзительный.

Фельдшеръ отворилъ дверь, посмотрѣлъ и затворилъ.

«Бываетъ такъ вотъ: лечитъ, лечитъ, да и самъ того!..» подумалъ онъ и съ большимъ удовольствіемъ, потому что ему было страшно скучно, пошелъ сказать другому фельдшеру, что старшій, кажется, «того»!

Когда онъ затворялъ дверь, она пискливо скрипнула.

Докторъ посмотрѣлъ черезъ очки.

— Гм... въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ сердито.

Но оттого, что дверь молчала, онъ съ раздраженіемъ подошелъ къ ней, отворилъ и пошелъ по корридору и по лѣстницѣ внизъ, въ ту палату, куда только вчера вечеромъ посадили новаго паціента.

Къ нему и давно надо было сходить, но теперь онъ пошелъ

вовсе не по обязанности, а потому, что оставаться одному было уже совсѣмъ скверно.

Сумасшедшій, въ желтомъ халатѣ и колпакѣ, хотя ему и можно было оставаться въ своемъ платьѣ, сидѣлъ на кровати и самымъ разсудительнымъ образомъ сморкался въ носовой платокъ. Докторъ вошелъ очень осторожно, даже какъ будто недовѣрчиво, но сумасшедшій посмотрѣлъ на него весело и дружелюбно.

— А, здравствуйте! — сказалъ онъ.—Вы, кажется, старшій врачъ?

— Здравствуйте,—отвѣтилъ докторъ:—я старшій врачъ.

— Очень пріятно... Садитесь, пожалуйста,—любезно пригласилъ сумасшедшій.

Докторъ присѣлъ на стулъ, подумалъ, посмотрѣлъ на голыя, выкрашенныя сѣрой краской стѣны, потомъ на халатъ сумасшедшаго и сказалъ:

— Какъ ваше здоровье? Спали?..

— Спалъ,—охотно отвѣтилъ сумасшедшій:—почему бы мнѣ и не спать? Спать слѣдуетъ... Я всегда очень хорошо сплю...

Докторъ опять подумалъ.

— Да... Но, знаете, новое мѣсто... Кричатъ то же у насъ тутъ...

— Кричатъ? Я не слыхалъ... Я, къ счастью, докторъ, очень плохо слышу...

Онъ засмѣялся.

— Бываетъ, что и не слышать—счастье...

Докторъ машинально отвѣтилъ:

— Бываетъ...

Сумасшедшій почесалъ переносицу.

— Вы, докторъ, курите?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ

— Жаль, а то бы я попросилъ папиросочку...

— Вамъ курить нельзя... знаете...

— Ахъ, да... я все забываю... не привыкъ еще...—опять улыбнулся сумасшедшій.

Они помолчали.

Окно было съ рѣшеткой и довольно густой, но все-таки свѣтъ такъ и лился въ комнату, и оттого было вовсе не мрачно, какъ всегда въ больницахъ, а очень даже радостно и уютно.

— Прекрасная комната!—благосклонно сказалъ докторъ.

— Да, очень веселенькая комнатка... Я даже не ожидалъ.. Я, знаете, никогда раньше въ сумасшедшемъ домѣ не бывалъ и представлялъ его себѣ гораздо... совсѣмъ не такимъ... а тутъ ничего... И если недолго, то я даже... ничего... А?

Сумасшедшій искательно заглянулъ снизу въ глаза доктора,

но увидѣлъ только непроницаемо синія стекла очковъ и торопливо прибавилъ:

— Ну, да... да... Я понимаю... объ этомъ спрашивать... Только знаете, что я вамъ скажу, докторъ?—вдругъ оживляясь, спросилъ онъ.

— А? Что? Это интересно,—машинально проговорилъ докторъ.

— Какъ только я изъ больницы выйду, первымъ дѣломъ всѣ ребра переломаю тѣмъ своимъ благопріятелямъ, которые меня сюда пристроили...—съ веселой злобой сказалъ сумасшедшій, и его довольно безобразное лицо, все въ веснушкахъ, перекосилось.

— Ну, зачѣмъ же...—вяло возразилъ докторъ.

— А затѣмъ, что дураки!.. Вѣдь это же чортъ знаетъ, что такое... Какого чорта они полѣзли не въ свое дѣло... Оно, конечно, все равно, а все-таки на свободѣ не въ примѣръ веселѣе...

— Мало ли чего...—вдругъ сердито сказалъ докторъ.

— Да вѣдь я ровно ничего дурного не дѣлалъ!—робко возразилъ сумасшедшій.

— Ну...—неопредѣленно началъ докторъ.

— И не сдѣлалъ бы!—поспѣшно перебилъ сумасшедшій.— Скажите, пожалуйста, съ какой бы стати я сталъ дѣлать зло кому бы то ни было? Если бы я былъ дикарь или хоть Титъ Титычъ какой-нибудь, а то я, ей Богу, всегда былъ достаточно интеллигентнымъ для того, чтобы не ощущать никакого удовольствія ни отъ кражи, ни отъ убійства, ни отъ всего такого!..

— Больной человѣкъ...—началъ докторъ.

Сумасшедшій скривился и тряхнулъ головой съ досадой и скукой.

— А, Господи!.. Больной!.. Я, конечно, не стану васъ увѣрять, что я здоровъ, все равно не повѣрите... Но только, какой же я, къ чорту, больной?

— Но вы и не здоровы!—осторожно, но внушительно отвѣтилъ докторъ.

— Чѣмъ?—порывисто спросилъ сумасшедшій.—У меня ничего не болитъ, и я сравнительно даже въ хорошемъ расположеніи духа, что для меня всегда было рѣдкостью... Ахъ, докторъ, докторъ... Ха!.. Какъ разъ тогда меня посадили въ сумасшедшій домъ, когда я открылъ эту штуку... Ха-арошую штуку, докторъ!

— А... это любопытно,—поднимая брови, замѣтилъ докторъ, и его острое лицо напомнило морду заинтересованной собаки.

— Еще бы...

Сумасшедшій вдругъ засмѣялся, всталъ, отошелъ къ окну и долго молча смотрѣлъ прямо навстрѣчу солнцу. Докторъ тоже молча смотрѣлъ ему въ спину. Грязно-желтый халатъ отъ солнца сталъ золотымъ.

— Я вамъ сейчасъ это скажу,—заговорилъ опять сумасшедшій, поворачиваясь и подходя.

И лицо у него было уже совершенно серьезное и даже какъ будто грустное, но отъ этого оно только стало пріятнѣе.

— Вамъ очень не идетъ смѣяться,—почему то сказалъ докторъ.

— Развѣ?—заинтересовался сумасшедшій.—Да я и самъ это замѣчалъ... и многіе мнѣ это говорили... Да я и не люблю смѣяться...

Онъ засмѣялся. Смѣхъ у него былъ сухой, деревянный.

— И смѣюсь, докторъ, смѣюсь очень часто... Но я вамъ хотѣлъ не объ этомъ... Видите, съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню мыслящимъ человѣкомъ, я постоянно думалъ о смерти... и очень упорно...

— Ага!—громко сказалъ докторъ и снялъ очки.

Глаза у него оказались большіе и такіе красивые, что сумасшедшій невольно замолчалъ.

— А вамъ такъ вотъ очки не идутъ!—сказалъ онъ.

— Э... нѣтъ... это пустяки... а вотъ вы объ этомъ... думали, значитъ, очень много о смерти?—заторопился докторъ.—Это о-чень любопытно...

— Да, знаете... Я не могу вамъ, конечно, передать всего того, что я передумалъ, и ужъ конечно того, что я перечувствовалъ... а только очень нехорошо было!.. Я бывало по ночамъ плакалъ, какъ маленькій мальчикъ, отъ страха... Все представлялъ себѣ, какъ это будетъ... какъ я умру, какъ сгнію, и какъ въ концѣ концовъ меня совсѣмъ не будетъ... Такъ-таки вовсе и не будетъ! Это очень трудно, почти невозможно представить себѣ... а все таки... такъ и будетъ!

Докторъ скомкалъ въ рукѣ бороду и промолчалъ.

— Ну, это еще ничего... то-есть, не то, что «ничего», а даже очень скверно, печально, омерзительно, но... самое скверное въ томъ, что я-то умру, а все останется, останутся даже результаты моей жизни... ибо какъ бы ни былъ человѣкъ малъ, но есть какіе-то результаты его жизни!.. Да, такъ вотъ... я, предположимъ, очень и очень страдалъ, я воображалъ, что ужасно важно, что я былъ честенъ или подлецъ первой степени... и что все это пойдетъ, такъ сказать, впрокъ: мои страданія, мой умъ, моя честность и подлость и даже моя глупость послужатъ для будущаго, если не для чего другого, то хоть для назиданія... вообще я, какъ оказывается, хоть и жилъ, и въ великомъ страхѣ смерти ждалъ, но все это вовсе не для себя (хоть и воображаю, что для себя), а для... чортъ его знаетъ для чего, потому что и потомки мои тоже вѣдь не для себя будутъ жить... И... знаете, докторъ, попалась мнѣ одна книжка, а въ книжкѣ той мысль, и хоть мысль была, можетъ быть, и вовсе глупая, а меня поразила... такъ поразила, что я ее на память заучилъ...

— Это интересно,—пробормоталъ докторъ.

— Вотъ она:—«природа неотразима, ей спѣшить нечего и рано или поздно она возьметъ свое. Она не знаетъ ничего, ни добра, ни зла, она не терпитъ ничего абсолютнаго, вѣчнаго, ничего неизмѣннаго. Человѣкъ ея дитя... но она мать не только человѣка, и у нея нѣтъ предпочтенія: все, что она создаетъ, она создаетъ на счетъ другого, одно разрушаетъ, чтобы создать другое, и ей все равно»...

— Такъ,—грустно замѣтилъ докторъ, но сейчасъ же спохватился и надѣвая очки строго прибавилъ:

— Ну, и что же изъ этого?..

Сумасшедшій засмѣялся, смѣялся долго и довольно сердито, а когда пересталъ, то возразилъ:

— Да ничего, такъ-таки и ничего... Вы видите, какая это глупая мысль, глупая до того, что въ ней вовсе нѣтъ мысли... Такъ — фактикъ есть, а мысли нѣтъ... а фактъ безъ мысли— одна глупость... Мысль вывелъ я самъ... Я рѣшилъ, что дѣло далеко не такъ по идеѣ, если можно такъ выразиться,—природа вовсе *не* нетерпитъ ничего абсолютно вѣчнаго... напротивъ: у нея все—вѣчно, вѣчно до приторности, до однообразія и надоѣдливости, но только вѣчны у нея не факты, а идеи... самая суть существованія... не дерево, а пейзажъ, не человѣкъ, а человѣчество, не влюбленный, а любовь, не геній и злодѣй, а геніальность и злодѣйство... понимаете вы меня?

— По... понимаю,—съ усиліемъ отвѣтилъ докторъ.

— Мы вотъ съ вами сидимъ и мучимся мыслью о смерти... природѣ до насъ—ни самомалѣйшаго дѣла: мы благополучно, ни на какіе разсужденія не взирая, помремъ, и насъ, какъ не бывало... очень просто... но мученія наши вѣчны, вѣчна ихъ идея. Соломонъ № 1-й, который жилъ, Богъ знаетъ когда, ужасно мучился мыслью о смерти, Соломонъ № 2-й, который будетъ жить Богъ знаетъ когда, тоже будетъ ужасно страдать по той же причинѣ... Я въ первый разъ поцѣлуюсь съ невыразимымъ наслажденіемъ, а когда у меня уже появится вѣчная костяная улыбочка, сладость перваго поцѣлуя переживетъ еще милліонъ милліоновъ, и больше, влюбленныхъ... совершенно съ тѣмъ же чувствомъ... Но я, кажется, повторяюсь?..

— Да-а...

— Да... ну... такъ вотъ: во всей этой пакостной мыслишкѣ одно только заключеніе,—поскольку оно касается не идеи, а факта, насъ съ вами, значитъ,—это то, что природѣ «все равно». Понимаете, мы ей не нужны, «идею *насъ*» она возьметъ, а что касается насъ лично, то ей въ высокой степени наплевать... И это, извольте видѣть, послѣ всей той муки, которую я пережилъ... Ахъ, ты с...а!.. Ей—все равно!.. Такъ мнѣ то не все равно... Плевать мнѣ на то, что ей все равно... Совсѣмъ не все равно!

Сумашедшій завизжалъ такъ громко, такъ пронзительно, что докторъ укоризненно, хотя и совершенно машинально, замѣтилъ:

— Ну, вотъ... сейчасъ и видно...

— Что я сумасшедшій?.. Это еще вопросъ... да съ вопросъ.. вопросикъ! Я, конечно, пришелъ въ телячье возбужденіе... я закричалъ... и все такое... но вѣдь удивительнаго въ этомъ ничего нѣтъ: наоборотъ—удивительно, что люди, постоянно думая о смерти, боясь ея до умопомраченія, единственно на страхѣ смерти основавъ всю свою культуру, такъ прилично относятся къ этому вопросу... поговорятъ чинно, погрустятъ меланхолично, иной разъ всплакнутъ въ носовой платочекъ и промолчатъ, займутся каждый своимъ дѣломъ, отнюдь не нарушая общественной тишины... а я... я думаю, что это они—сумасшедшіе, или просто дураки, если могутъ передъ такой штукой еще приличія соблюдать!..

Докторъ очень хорошо вспомнилъ, какъ ему хотѣлось иногда, съ несвойственнымъ его лѣтамъ и солидности ожесточеніемъ, начать биться головой о стѣну или кусать подушку или рвать на себѣ самомъ волосы.

— Этимъ ничему не поможешь!—угрюмо замѣтилъ онъ.

Сумасшедшій помолчалъ.

— Ну да... но вѣдь, когда больно, хочется кричать, и когда кричишь, то будто легче...

— Да?

— Да...

— Гм... ну, пусть...

— Да и все-таки самому передъ собой не такъ стыдно: все-таки я молъ хоть на то употребилъ свою свободную душу, эту самую, чтобы кричать караулъ!.. Не шелъ, какъ болванъ, на убой... и не обманывалъ себя тѣми благоглупостями, которыми принято себя утѣшать въ сей бѣдѣ... Удивительное дѣло! Человѣкъ по натурѣ—лакей... вѣдь природа... она ужъ дѣйствительно вѣчна, ей есть смыслъ думать не о фактѣ, а объ его идеѣ, но человѣкъ—самъ конечнѣе всякаго факта,—туда же пыжится, старается представиться, что и онъ чрезвычайно дорожитъ тоже не фактомъ, а идеей... Можно вѣдь у насъ во всю жизнь ни одного ласковаго слова никому не сказать, а людей, человѣчество любить, и это будетъ очень великолѣпно, очень добродѣтельно въ самомъ лучшемъ смыслѣ слова... Такъ и видно: притворяются людишки, хихикаютъ передъ своимъ всемогущимъ бариномъ, который ихъ, какъ баранчиковъ, хлопъ-хлопъ!—и все у нихъ гдѣ-то въ глубинѣ души сидитъ этакая надеждишка, махонькая, съ воробьиный носочекъ, меньше, совсѣмъ меньше, потому что знаетъ же, увѣренъ всякій изъ насъ, что «оставь надежду навсегда».. сидитъ эта лакейская надеждишка; ну, а авось, авось... ну, можетъ... ну

какъ-нибудь... и того!.. Слово «помилуетъ» ужъ и вовсе не произносится, потому ужъ слишкомъ очевидно...

— Ну, и что же наконецъ? — съ тоской спросилъ докторъ и потеръ руки, точно ему стало очень холодно.

— И наконецъ-то, что возненавидѣлъ я эту самую природу горьше горькаго!.. Дни и ночи думалъ:—да найдется же и на тебя какая управа, будь ты проклята!.. И видите докторъ, я доволно еще равнодушно отнесся къ природѣ, внѣ земли которая... Ибо вѣдь ни черта въ ней я не понимаю... То-есть, не то что не понимаю, но чувствовать не могу... Что такое для меня звѣзда, напримѣръ? Тьфу, и больше ничего!.. Она сама по себѣ, я самъ по себѣ... слишкомъ дальнее, должно быть, разстояніе... А вотъ земная природа, та самая, которой нужно зачѣмъ-то лущить насъ, какъ орѣшки, смакуя нашу идею, т.-е. идею насъ... Все бывало думаю: какъ же такъ... какое имѣетъ право, кто бы то ни былъ, мучить меня, а потомъ другого, а потомъ милліоннаго и такъ далѣе до безконечности? Почему-то больше всего меня сладость перваго поцѣлуя угнетала: я, молъ, поцѣловалъ разъ, одинъ только маленькій разикъ и уже тю-тю... а первый поцѣлуй со всей своей прелестью такъ и останется, будетъ вѣченъ, вѣчно юнъ и прекрасенъ... да и все остальное... Вѣдь обидно же... высшая это обида, такая обида, что хуже и нѣтъ!..

Докторъ растерянно смотрѣлъ на него.

— Но комбинація можетъ повториться,—совсѣмъ уже глупо пробормоталъ онъ.

— Начхать мнѣ на эту комбинацію! — заоралъ сумасшедшій въ положительной злобѣ.

И крикъ его былъ такой громкій, что послѣ него они долго молчали.

— Какъ вы думаете, докторъ, — опять началъ сумасшедшій тихо и вдумчиво: — если бы вамъ вдругъ доказали, что земля наша умираетъ.. такъ-таки и умираетъ со всѣми своими потрохами, и не дальше, какъ этакъ черезъ триста лѣтъ... «ундъ ганцъ аккуратъ»... фью!.. Намъ-то, современникамъ, до этого, конечно же, не дожить... а не ощутили бы вы все-таки нѣкоторой грусти?..

Докторъ еще не успѣлъ сообразить, какъ сумасшедшій заторопился;

— Очень многіе, тѣ, въ коихъ холопство мысли ужъ въ кровь вѣлось, которые—какъ былые старые дворовые, ужъ не могли даже отдѣлить своихъ интересовъ отъ интересовъ засѣкавшаго ихъ барина—не могутъ чувствовать самихъ себя, очень многіе скажутъ, что ощутили бы... и, пожалуй, и въ правду... Ну, а я... я бы такъ, докторъ, обрадовался!..—съ какимъ то упоеніемъ сдавленно проговорилъ сумасшедшій.—Такъ обрадовался!.. Ахъ, ты!.. подохнешь... значитъ не будешь тѣшиться вѣчно моей мукой,

проклятой этой самой «идеей меня!» Конечно, строго говоря, это никому ничего не докажетъ... а все-таки... чувство мести хоть удовлетворится... иронія исчезнетъ... понимаете... вѣчность эта, коей во мнѣ нѣтъ!

— Какъ же,—вдругъ нѣсколько запоздало отвѣтилъ докторъ:— я понимаю...

И онъ какъ-то залпомъ продекламировалъ:

„И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять...“

Сумасшедшій быстро остановился и слушалъ молча, съ тупыми глазами, а потомъ залился смѣхомъ.

— Вотъ, вотъ, вотъ, вотъ, вотъ, вотъ!.. — какъ перепелъ закричалъ онъ.—Не будетъ этого, не будетъ... не будетъ этой вѣчной красоты!.. И знаете, докторъ, я... я по профессіи инженеръ, но очень долго занимался астрономіей — это въ модѣ, чтобы заниматься не тѣмъ, къ чему готовился всю жизнь... и вотъ, когда я уже совсѣмъ измучился... совершенно случайно, я наткнулся на одну ошибку. Я, знаете, занялся солнечными пятнами, я изучалъ ихъ гораздо подробнѣе, чѣмъ на нихъ останавливались до меня другіе, и вотъ я...

Въ это время солнце зашло за стѣну противоположнаго зданія и въ комнатѣ сразу померкло. И всѣ предметы какъ будто отяжелѣли и прилипли къ полу. Сумасшедшій сталъ на видъ коренастѣе и грубѣе.

— Ну, вотъ... въ извѣстной теоріи прогрессивной увеличиваемости солнечныхъ пятенъ, по которой солнце должно потухнуть безъ малаго въ четыреста милліоновъ лѣтъ, я открылъ ошибку... Четыреста милліоновъ лѣтъ!.. Вы можете, докторъ, представить себѣ четыреста милліоновъ лѣтъ?

— Н... не могу,—проговорилъ докторъ, вставая.

— И я не могу,—засмѣялся сумасшедшій,—и никто этого не можетъ, потому что четыреста милліоновъ лѣтъ это уже вѣчность... тогда слѣдуетъ просто предпочесть вѣчность, какъ понятіе болѣе общее, а оттого и болѣе ясное. Съ четырьмя стами милліонами все остается, какъ въ вѣчности: и равнодушная природа, и вѣчная красота... Четыреста милліоновъ лѣтъ—это насмѣшка... И я, знаете, открылъ, что никакихъ четырехсотъ милліоновъ лѣтъ не будетъ!

— Какъ не будетъ!—почти вскрикнулъ докторъ.

— Да такъ... они разсчитывали, и очень наивно даже, что разъ въ такое-то время солнце потухло на столько-то, то... и тутъ шла простая ариѳметика. А между тѣмъ извѣстно, что охлаждающійся металлъ или иное тѣло держится долго въ раскален-

номъ видѣ только именно до появленія первыхъ просвѣтовъ охлажденности... ибо тутъ взаимонагрѣваемость... а ужъ разъ появилось пятно, этакое темненькое пятно на сверкающей самодовольной рожѣ, то ужъ тутъ... равновѣсіе нарушено, пятно не только не поддерживаетъ общую теплоту, а даже совсѣмъ напротивъ: холодитъ... холодитъ-съ, милое пятно!.. Холодитъ и растетъ, и чѣмъ больше растетъ, тѣмъ больше и холодитъ... съ увеличивающейся въ чудовищной прогрессіи скоростью. Я думаю, что когда останется этакъ, примѣрно, четверть солнца, со всѣхъ сторонъ сжатаго темными пятнами, однимъ громаднымъ пятномъ, то оно потухнетъ уже въ какой-нибудь годъ... два... И я принялся за вычисленія, я дѣлалъ сплавы, однородные химически солнцу... и, знаете, милый докторъ, что я получилъ?

— А?—странно отозвался докторъ.

— Да то, что земля погибнетъ отъ холода... при холодѣ какая ужъ красота!.. Не скоро, очень не скоро, приблизительно такъ черезъ пять, шесть тысячъ лѣтъ...

— Что-о?—вскинулся докторъ.

— Черезъ пять-шесть, не больше.

Докторъ молчалъ.

— И когда я это узналъ, тутъ-то я и началъ всѣмъ разсказывать и хохотать...

— Хохотать?—спросилъ докторъ.

— Ну, да... веселиться вообще.

— Веселиться?

— Радоваться даже... А! думаю...

— А-хи-хи-хи!.. А-хи-хи-хи!—вдругъ прыснулъ докторъ: — хи-хи-хи!..

Сумасшедшій недовѣрчиво замолчалъ, но докторъ уже не обращалъ на него никакого вниманія, онъ захлебывался, присѣдалъ, плевалъ и сморкался, очки у него спали, фалдочки чернаго сюртука тряслись, какъ въ лихорадкѣ, а лицо все сморщилось, точь-въ-точь, какъ резиновый «умирающій чортъ».

— Черезъ... пять тысячъ... лѣтъ?.. Хи-хи-хи!.. Это... прекрасно..- это о-очень хо...рошо... А-хи-хи-хи!.. Такъ, такъ... это мило!.. А-хи-хи-хи!..

Сумасшедшій, глядя на него, тоже началъ смѣяться, сначала тихо, а потомъ все громче и громче...

И такъ они стояли другъ противъ друга, трясясь отъ злобно-радостнаго смѣха, пока на нихъ обоихъ не надѣли смирительныхъ рубашекъ.

М. Арцыбашевъ.

ФИЛОСОФІЯ НИТШЕ, КАКЪ КУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА.

(*Окончаніе* *).

IV.

«Человѣкъ вырождается», культура падаетъ и нѣтъ недостатка въ основаніяхъ для этого—вотъ результатъ наблюденій Нитше надъ современной культурой. «Скорбное и страшное зрѣлище открылось предо мною, говоритъ онъ въ послѣднемъ своемъ произведеніи, — я отдернулъ завѣсу, за которой скрывалась *испорченность* человѣка». Слово «испорченность» не заключаетъ въ себѣ обвиненія въ безнравственности, оно употребляется у Нитше въ болѣе общемъ, болѣе широкомъ смыслѣ. Это прежде всего общая испорченность человѣка—испорченность мысли, испорченность воли и чувствъ. «Я называю, говоритъ онъ, животное, породу, индивидуумъ испорченными, когда они утрачиваютъ инстинктъ, когда они выбираютъ, предпочитаютъ то, что имъ вредно». Но что же способствуетъ подобной испорченности, подобному культурному упадку, что мѣшаетъ человѣку перейти отъ ложной къ истинной культурѣ, къ иной болѣе высокой, болѣе цѣнной жизни? Главной причиной упадка и вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ препятствіемъ на пути къ истинной культурѣ, по мнѣнію Нитше, служатъ моральныя цѣнности человѣка и его вѣрованія—мораль и религія, въ особенности первая. «Я иду среди этихъ людей и дивлюсь: они измельчали и все еще мельчаютъ — *и приводитъ ихъ къ этому ихъ ученіе о счастьи и добродѣтели*». Изъ этихъ словъ Нитше, какъ и изъ всей его философіи, ясно видно, что не мораль сама по себѣ интересовала его, а «измельчаніе» и «испорченность» человѣка, что не моральныя формы сознанія вообще заставили Нитше взяться за разрѣшеніе культурной проблемы, а ихъ «убійство» всякаго живого духа культуры; поэтому съ моралью онъ считается лишь постольку, поскольку она отражается на общемъ характерѣ культуры, поскольку она ведетъ къ «измельчанію типа человѣка», поскольку она играетъ роль въ его духовной «испорченности». «Я вижу испорченность, гово-

*) См. „Міръ Божій“, № 10, октябрь, 1903 г.

ритъ Нитше, главнымъ образомъ тамъ, гдѣ до сихъ поръ видѣли добродѣтель и идеалы. Я понимаю испорченность въ смыслѣ decadence, я утверждаю, что всѣ цѣнности, на которыхъ человѣчество сосредоточило въ настоящее время свои высшія цѣли, суть цѣнности упадка».

У каждой культуры, у каждой эпохи есть своя «скрижаль цѣнностей», располагающая эти цѣнности въ извѣстномъ порядкѣ и ставящая одну изъ нихъ выше другой. Въ наше время, въ періодъ «культуры торговаго вѣка», эта скрижаль цѣнностей является насквозь пропитанной мѣщанскимъ, торгашескимъ духомъ. Въ ней іерархія цѣнностей, ихъ расположеніе и взаимоотношеніе при помощи вѣсовъ и аршина доведены до совершенства, до той точности, какая соблюдается купцомъ при раскладкѣ цѣнъ на товары. Эта скрижаль составлялась вѣками—всѣ вѣка и всѣ народы слились въ ней въ безпорядкѣ, всѣ обычаи и вѣрованія говорятъ въ ней, но ея характерной чертой, придающей единство, служитъ «духъ времени». Этотъ «духъ времени» утверждаетъ и санкціонируетъ все, что вполнѣ гармонируетъ съ нимъ, и отрицаетъ все то, что противорѣчитъ ему. Первое получаетъ названіе истины и добра, второе—лжи, заблужденій и зла. Если какая-либо теорія или ученіе могутъ оправдать то ложное и беззаконное положеніе, въ которомъ находится господствующая часть общества, то эта теорія или это ученіе, несмотря на ихъ несостоятельность и ложь, записываются на скрижали истинъ и дѣлаются вѣрою всего человѣчества.

Но этого мало,—помимо признанія за этой скрижалью истины, «духъ времени» приписываетъ ей еще высшее, сверхчеловѣческое происхожденіе, утверждаетъ ея святость и неприкосновенность. Преклоненіе предъ скрижалью цѣнностей возводится въ культъ и свято чтится. И горе тому, кто не поклоняется этой скрижали, кто ищетъ истины не въ ней, а внѣ ея. Этотъ «свободный умъ, врагъ цѣпей, ненавистенъ народу, какъ волкъ собакамъ». Свободный умъ живетъ «для познанія», онъ чуждъ предразсудковъ толпы, онъ не покланяется ея кумирамъ. «Свободное, безстрашное пренебреженіе людьми, обычаями, законами, общепринятой оцѣнкой вещей—радость познающаго». Для него вѣра въ истину начинается съ сомнѣнія во всѣхъ «истинахъ», которымъ до сихъ поръ вѣрили, передъ которыми до сихъ поръ преклонялись. И рано или поздно такой свободный умъ придетъ къ отрицанію этихъ истинъ, къ отрицанію самого себя,— «онъ захочетъ своей погибели», онъ захочетъ, «чтобъ нѣкогда жилъ сверхчеловѣкъ».

Какъ свободный умъ, Нитше начинаетъ съ сомнѣнія во всѣхъ тысячелѣтнихъ цѣнностяхъ. «Я предпринялъ, говоритъ онъ, нѣчто такое, чего не каждый могъ сдѣлать, — я спустился въ глубину, я началъ рыть почву, изслѣдуя ту старую вѣру, на которой мы, философы, возводили зданія уже нѣсколько тысячелѣтій, возводили все снова и снова, несмотря на то, что всѣ эти зданія рушились: я началъ изслѣ-

довать нашу вѣру въ мораль». Глядя на общепризнанныя цѣнности, Нитше безстрашно спрашиваетъ: «почему это истина, а не заблужденіе, почему добро, а не зло?» Кто хочетъ быть созидающимъ въ добрѣ и злѣ, тотъ сначала долженъ быть разрушителемъ, разбивающимъ цѣнности. Подвергнувъ эти цѣнности критическому анализу, Нитше отказывается видѣть въ нихъ что-либо сверхчеловѣческое, наоборотъ, по его мнѣнію, въ понятіяхъ «добро» и «зло» кроется много «человѣческаго, слишкомъ человѣческаго». Чтобъ быть свободнымъ въ своихъ моральныхъ сужденіяхъ, нужно стать внѣ историческихъ формъ нравственности, внѣ «добра» и «зла». «Чтобъ увидать, какъ высоко подымаются башни въ городѣ, нужно выйти изъ города».

Мораль, какъ ее до сихъ поръ понимали, служила причиной того, что все, что поднималось надъ уровнемъ современности, что было оригинальнымъ и новымъ, терпѣло преслѣдованіе и осуждалось какъ злое и вредное. «Уже одна высокая независимая духовность, стремленіе къ независимости, великій разумъ, ощущаются какъ опасность; все, что отдѣльную личность возвышаетъ надъ стадомъ и внушаетъ ближнему страхъ, называется съ этого времени зломъ; дешевый, скромный, приспособляющійся, уравнивающій образъ мыслей, посредственность желаній достигаетъ моральныхъ названій и почестей». Господство этой жалкой, «рабской» морали характерно для нашей культуры. Эта мораль есть лишь маска, подъ которой скрывается лицемѣріе и ложь, хитрость и ханжество, и потому она очень хорошо гармонируетъ съ общей психологіей людей «торговаго вѣка».

Основа, цѣль и смыслъ нравственной жизни, учитъ мораль, есть добродѣтель. Но что же такое добродѣтель, добродѣтельный человѣкъ?.. «За добродѣтель они почитаютъ все,—говоритъ Нитше, что дѣлаетъ умѣреннымъ и ручнымъ: такъ сдѣлали они изъ волка собаку и даже человѣка превратили въ лучшее домашнее животное человѣка». Среди добродѣтельныхъ встрѣчаются люди, «называющіе добродѣтелью гніеніе пороковъ своихъ». «Есть и такіе, что подобны часамъ съ ежедневнымъ заводомъ; они дѣлаютъ свой тикъ-такъ и хотятъ, чтобы ихъ тикъ-такъ называлось добродѣтелью. Другіе гордятся горстью справедливости и во имя ея клевещутъ на все: такъ что міръ тонетъ въ несправедливости ихъ. Своею добродѣтелью они хотятъ выцарапать глаза врагамъ своимъ; и возносятся они только для того, чтобы унизить другихъ. Но опять есть и такіе, что сидятъ въ своемъ поросшемъ тростникомъ болотѣ и говорятъ оттуда: «добродѣтель—это значитъ смирно сидѣть въ болотѣ. Мы никого не кусаемъ и избѣгаемъ тѣхъ, кто хочетъ укусить; и во всемъ мы придерживаемся мнѣнія, навязаннаго намъ». Опять-таки есть и такіе, что любятъ жесты и думаютъ, что добродѣтель — это родъ жестовъ. Они стоятъ всегда на колѣняхъ, а руки ихъ сложены для хвалы добродѣтели, но ихъ сердце ничего не знаетъ о ней. Но есть и такіе, что считаютъ за

добродѣтель сказать: «добродѣтель необходима», но въ душѣ вѣрятъ только въ необходимость полиціи». Такимъ образомъ, почти всѣ люди такъ или иначе увѣрены, что они участвуютъ въ добродѣтели, но это участіе само по себѣ мало привлекаетъ ихъ,—они хотятъ награды за это участіе, какъ плату за трудъ, какъ деньги за товаръ. «Вы хотите еще вознагражденія, вы добродѣтельные? Вы хотите платы за добродѣтель и небо за землю и вѣчность за ваше сегодня»?..

Современная мораль есть мораль альтруизма, мораль состраданія. Объявляя святымъ «ты», а не «я», эта мораль ведетъ къ «измельчанію типа человѣка», къ уничтоженію въ немъ силы и индивидуальности. Нитше ставитъ себѣ въ заслугу, что онъ первый сталъ предостерегать отъ морали состраданія. Состраданіе, учитъ онъ, есть безсиліе духа, самопрезрѣніе, жестокость по отношенію къ себѣ. Состраданіе отрицаетъ жизнь, оно культивируетъ все слабое, все жалкое, все обреченное на гибель. Состраданіе культивируетъ презрѣніе къ личности, ибо оказывая состраданіе другому, мы тѣмъ самымъ унижаемъ, презираемъ его, проектируя на фонѣ слабости свою собственную силу, свое собственное превосходство. Поддерживая слабыхъ и вырождающихся, мораль состраданія тѣмъ самымъ убиваетъ человѣчество, убиваетъ жизнь.

Въ результатѣ этой морали появляется типъ средняго человѣка, идеаломъ котораго служитъ умѣренность и жалкое довольство. Эти люди умѣрены во всѣмъ, какъ въ своемъ добрѣ, такъ и въ грѣхахъ своихъ. «Вы становитесь все меньше, маленькіе люди! Вы крошитесь, любящіе довольство! Вы погибнете еще изъ-за множества маленькихъ добродѣтелей вашихъ, изъ-за маленькихъ грѣшковъ вашихъ, изъ-за постояннаго маленькаго смиренія вашего». «Но ваши грѣхи, ваша умѣренность вопіетъ къ небу, ничтожество грѣховъ вашихъ вопіетъ къ небу!» «Тому, кто одержимъ демономъ, я говорю на ухо: еще лучше, чтобъ демонъ твой былъ великъ. Даже для тебя существуетъ еще путь величія!» Но современный человѣкъ боится крайностей вообще, а «демоновъ», да еще великихъ, въ особенности. Это, однако, не мѣшаетъ ему, прикрывшись маской благочестія и нравственности, вступать въ сношенія съ нимъ—«маленькія» опасности пріятно щекочутъ его тугоподвижную нервную систему, — и онъ, робко озираясь и мысленно крестясь, старается извлечь какъ можно больше выгоды и пользы изъ этого знакомства Подобныя отношенія къ «демону» тоже очень характерны для «культуры торговаго вѣка». Герценъ очень мѣтко заклеймилъ эти отношенія однимъ общимъ словомъ «развратъ». «Развратъ,—говоритъ онъ,—проникъ всюду—въ семью, въ законодательный корпусъ, въ литературу, прессу. Онъ настолько обыкновененъ, что его никто не замѣчаетъ, да и замѣчать не хочетъ. И это развратъ не широкій, не рыцарскій, а мелкій, бездушный, скаредный. Это развратъ торгаша».

Эти «маленькіе люди», исповѣдующіе религію умѣренности, наживы и наслажденія, составили себѣ идеалъ «маленькаго счастья» и неустанно стремятся къ нему. Ихъ счастье—«жирное счастье спокойной совѣсти»—непремѣнно должно заключать въ себѣ покой и довольство. «Мы хотимъ, чтобы когда-нибудь нечего было бояться», говорятъ эти люди. Главное, что ихъ пугаетъ, это—страданія; они хотятъ тихаго, ровнаго, спокойнаго счастья, не прерываемаго никакими страданіями.

«Вы хотите,—говоритъ Нитше,—насколько возможно, устранить страданіе, уничтожить; а мы? Мы, кажется, хотимъ его сдѣлать еще большимъ и худшимъ. Благосостояніе, какъ вы его понимаете, — не цѣль, намъ оно представляется *концомъ*! Это такое состояніе, которое вскорѣ дѣлаетъ человѣка смѣшнымъ и презрѣннымъ, которое заставляетъ желать его гибели». Счастье въ томъ видѣ, въ какомъ желаетъ его человѣкъ, сдѣлало бы изъ него существо еще болѣе жалкое и ничтожное, оно превратило бы его жизнь въ однообразное и безсознательное существованіе животнаго, для котораго нѣтъ жизни какъ цѣлаго, а существуютъ лишь отдѣльные моменты, отдѣльныя, несвязанныя другъ съ другомъ мгновенія. «Обрати вниманіе на стадо,— говоритъ Нитше, которое идетъ мимо тебя: оно не знаетъ, что было вчера и что будетъ сегодня; оно прыгаетъ, ѣстъ, отдыхаетъ, перевариваетъ, опять прыгаетъ и такъ съ утра до вечера, день за днемъ, имѣя свои радости и неудовольствія, находясь въ зависимости отъ мгновенія и потому не имѣя ни горести, ни печали. Человѣку непріятно видѣть это, потому что онъ гордится предъ животнымъ своимъ человѣческимъ существомъ, но смотритъ на счастье животнаго завистливо, потому что онъ желаетъ одного—жить, подобно животному, безъ горя, безъ печали».

Это стремленіе человѣка къ счастью, какъ къ цѣли жизни, проникнувшее даже въ область философіи, въ лицѣ Нитше встрѣтило своего страшнаго врага. «Пессимизмъ, утилитаризмъ и эвдемонизмъ — всѣ эти образы мышленія, измѣряющіе цѣнность вещей по удовольствію и страданію, т.-е. только по послѣдствіямъ и побочнымъ обстоятельствамъ, не что иное, какъ виды скользящаго по поверхности мышленія и наивности, на которые всякій, сознающій въ себѣ образовательныя силы и художественную совѣсть, будетъ взирать не безъ насмѣшки и страданія...» «Человѣкъ, ставшій свободнымъ, попираетъ ногами то благополучіе, о которомъ мечтаютъ торгаши».

Смыслъ жизни не въ счастьѣ, не въ удовольствіи и наслажденіи, а въ «вѣчной, стоящей выше страховъ и жалостей радости бытія радости быть самимъ собою, той радости, которая заключаетъ въ себѣ и радость уничтоженія». Смыслъ жизни въ томъ, чтобы сдѣлать себя цѣльною личностью, чтобы имѣть въ виду только высшіе интересы своей личности — это ведетъ дальше, чѣмъ всѣ сердобольныя стремленія. «И пусть люди, сознающіе въ себѣ творческую силу, люди

высшаго типа, пусть они не дадутъ себя убѣдить въ томъ, что они должны жить и работать исключительно для ближняго», ибо «выше любви къ ближнему — любовь къ дальнему и будущему; выше любви къ человѣку — любовь къ дѣламъ и призракамъ».

Человѣкъ есть свободная личность, надъ нимъ нельзя продѣлывать разныхъ опытовъ съ цѣлью достиженія «идеала человѣка», «идеала счастья» или «идеала нравственности». Человѣкъ не есть продуктъ чьей-нибудь чужой воли, слѣдствіе чьихъ-либо намѣреній—онъ свободный духъ. Какъ таковой, онъ долженъ идти въ разрѣзъ со всѣми господствующими воззрѣніями, со всѣмъ тѣмъ, что принадлежитъ нашему времени. Но горе избравшему такой путь! Онъ не найдетъ себѣ спутниковъ, никто не поможетъ ему; онъ долженъ быть готовъ на все, что ни встрѣтится ему на пути—горе, ненастье, вражда. Едва онъ успѣетъ что-нибудь сдѣлать, едва онъ успѣетъ проявить свою личность, разбудить свое «я», какъ на него набрасываются со всѣхъ сторонъ «охранители нравственности». Какой нибудь жалкій брюзга, обращаясь къ нему, говоритъ: «Нѣтъ, человѣкъ долженъ быть другомъ!» «Этотъ несчастный брюзга даже знаетъ, какимъ именно долженъ быть человѣкъ. Онъ рисуетъ на стѣнѣ свое изображеніе и говоритъ:—ecce homo!»

Сила традицій и рутины такъ велика въ морали, что послѣдняя можетъ служить великолѣпной почвой для произрастанія какихъ угодно заблужденій. «Если говорятъ: «это полезно, а то вредно»—такое положеніе можно доказать его послѣдствіями, т.-е. его можно испытать и, смотря по результату, развить его дальше или отвергнуть. Но если, наоборотъ, говорятъ «это нравственно», то обыкновенно думаютъ, что этимъ сказано нѣчто такое, чего не надобно и нельзя доказывать посредствомъ послѣдствій. Поэтому-то все съ надписью «нравственно» такъ долго держится въ человѣчествѣ. Немудрено, что современная культура, и безъ того уже низкая, покоясь на подобныхъ заблужденіяхъ, идетъ къ еще большему упадку, къ еще болѣе полному вырожденію. Земля дѣлается все меньше и меньше, «по ней попрыгиваетъ послѣдній человѣкъ, дѣлающій все маленькимъ. Его племя неистребимо, какъ земляная блоха. Послѣдній человѣкъ живетъ всего дольше». Приближается время, когда уже нѣтъ генія, когда человѣкъ «не родитъ уже ни одной звѣзды», когда господиномъ жизни становится «человѣкъ-обезьяна».

Подражаніе, «обезьяничанье» составляетъ одно изъ самыхъ коренныхъ, проходящихъ черезъ весь человѣческій родъ, свойствъ человѣка. «Ни одно животное не настолько обезьяна, какъ человѣкъ». Вся его жизнь отъ начала до конца есть одно сплошное подражаніе. Имъ обусловлены всѣ его проявленія во внѣшнемъ мірѣ, имъ связанъ и внутренній міръ, даже такія явленія, какъ религія и нравственность. Я до сихъ поръ, говоритъ Нитше, не встрѣчалъ человѣка, который

стоялъ бы къ нравственности въ «личномъ отношеніи, который зналъ бы нравственность, какъ проблему, и чувствовалъ эту проблему, какъ *свою* личную нужду, мученіе, страсть и сладострастіе». Категорическимъ императивомъ нравственности служитъ не личное велѣніе, но безличный законъ: «одинъ, какъ всѣ, одинъ для всѣхъ». Пока человѣкъ не будетъ самостоятеленъ и независимъ въ своихъ проявленіяхъ, до тѣхъ поръ его культура будетъ бѣдна и убога, до тѣхъ поръ онъ будетъ носить на себѣ печать духовнаго рабства, духовной зависимости. И чѣмъ дальше, тѣмъ опаснѣе будетъ эта зависимость. Единственно, что можетъ спасти человѣчество, что можетъ удержать его отъ паденія въ эту глубокую пропасть, откуда нѣтъ возврата, это полный разрывъ съ «человѣкомъ-обезьяной», полный разрывъ съ «человѣческимъ, слишкомъ человѣческимъ». Человѣкъ будетъ спасенъ, когда онъ замѣнитъ современный канонъ на новый: «будь не такимъ, какъ всѣ остальные, и радуйся, если каждый будетъ не такимъ, какъ всѣ другіе». «Имѣть радость отъ чужой оригинальности, не дѣлаясь ея подражателемъ, будетъ, можетъ быть, нѣкогда признакомъ новой культуры». «Сознательно стремиться къ этой культурѣ, очищать себя путемъ преодолѣнія въ себѣ человѣка», созидать въ себѣ личность—вотъ истинный смыслъ жизни.

«Въ чемъ,—спрашиваетъ Заратустра,—то высокое, что можете вы пережить? Оно—часъ великаго презрѣнія къ себѣ. Таковъ именно часъ, когда ваше счастье становится для васъ отвратительнымъ, такъ же какъ вашъ разумъ и ваша добродѣтель. Таковъ часъ, когда вы говорите: «Въ чемъ мое счастье? оно—бѣдность и грязь и жалкое наслажденіе. Мое счастье должно бы было оправдывать свое собственное существованіе!» Таковъ часъ, когда вы говорите: «Въ чемъ мой разумъ? Добивается ли онъ знанія, какъ левъ своей пищи? Онъ—бѣдность и грязь и жалкое наслажденіе!» Таковъ часъ, когда вы говорите: «Въ чемъ моя добродѣтель? Она еще не заставила меня безумствовать. Какъ усталъ я отъ моего добра и моего зла! Все это бѣдность и грязь и жалкое наслажденіе!» Таковъ часъ, когда вы говорите: «Въ чемъ моя справедливость? Я не вижу, чтобы я былъ пламенемъ и углемъ. А справедливый—это пламя и уголь!» Таковъ часъ, когда вы говорите: «Въ чемъ моя жалость? Развѣ жалость не крестъ, къ которому пригвождается каждый, кто любитъ людей? Но моя жалость не есть распятіе». Говорили ли вы уже такъ? Восклицали ли вы уже такъ? Ахъ, если бы я уже слышалъ васъ такъ восклицающими!»

Отказъ отъ «счастья», отказъ отъ «добродѣтели», преодолѣніе въ себѣ «человѣка» и «человѣческаго»—это начало великаго освобожденія, великаго созиданія. Очень многіе, основываясь на пущенномъ въ обиходъ самимъ Нитше словѣ «имморалистъ», видятъ въ этомъ освобожденіи отказъ отъ нравственности вообще, между тѣмъ у Нитше ничего подобнаго нѣтъ. Проповѣдуя духовное освобожденіе, онъ отри-

цѣетъ лишь господствующую мораль долга и альтруизма, какъ мораль, наносящую явный вредъ культурѣ. Человѣкъ, по его мнѣнію, долженъ прежде всего отказаться отъ мысли, что господствующія моральныя сужденія основаны на истинѣ, такъ какъ то, что служитъ истиной для одного, представляется другому очень часто заблужденіемъ. «Когда я пришелъ къ людямъ, я нашелъ ихъ сидящими на старомъ предубѣжденіи: всѣ они вѣрили, что давно уже знаютъ, что для человѣка добро и что для него зло. Всякій споръ о добродѣтели казался имъ вещью старой и утомительной, и кто хотѣлъ спокойно спать, тотъ передъ отходомъ ко сну говорилъ еще о «добрѣ» и «злѣ». Эту сонливость встряхнулъ я, когда сталъ учить: никто не знаетъ еще, что добро и что зло, если самъ онъ не созидающій. Но кто создаетъ цѣль человѣку и даетъ землѣ смыслъ ея и ея будущее: только онъ создаетъ впервые добро и зло всѣхъ вещей».

Отказываясь отъ морали долга, какъ вредной и «рабской» морали, Нитше отнюдь не дѣлаетъ отрицаніе долга абсолютнымъ. Отвергнувъ долгъ изъ «нравственности нравовъ», онъ ввелъ и утвердилъ его изъ свободнаго, автономнаго самоопредѣленія личности. Образъ сверхчеловѣка служитъ тому лучшимъ примѣромъ. И тутъ нѣтъ никакого противорѣчія, какъ казалось бы на первый взглядъ. Нитше боролся не съ нравственностью самой по себѣ, но съ нравственностью какъ соціально-психологическимъ явленіемъ, отражающимся на общемъ характерѣ культуры, съ нравственностью какъ явленіемъ, содержащимъ въ себѣ одинъ критерій, одну мѣрку для всѣхъ; онъ боролся не съ долгомъ вообще, но съ долгомъ какъ явленіемъ, нарушающимъ автономность личности, дѣлающимъ ее зависимой въ своихъ духовныхъ проявленіяхъ. Наоборотъ, долгъ индивидуальный, какъ велѣніе своего личнаго «я», Нитше признавалъ безусловно. Какъ созидатель новыхъ цѣнностей, какъ провозвѣстникъ «цѣли человѣка» и «смысла земли», Нитше признаетъ и добро и зло, но только не то, которое создано современнымъ человѣкомъ, а новое, созданное во имя «высокой и чистой культуры». «Я не отрицаю,—говоритъ онъ,—что многихъ поступковъ, которые называются безнравственными, надобно избѣгать и надобно сдерживать ихъ. Я не отрицаю, что слѣдуетъ дѣлать и требовать, чтобы дѣлали многое изъ того, что называется нравственнымъ. *Но и то и другое должно стоять на иной почвѣ, чѣмъ это было до сихъ поръ*».

Эта почва должна лежать не внѣ, а внутри насъ, этой почвой можетъ быть лишь наше внутреннее «я», лишь оно одно можетъ быть критеріемъ нашихъ нравственныхъ дѣйствій, ихъ оправданіемъ и смысломъ. На смѣну традиціонной, «стадной» морали, пропитанной рабствомъ и ложью, должна придти новая, проповѣдующая субъективность нравственныхъ нормъ, этическій индивидуализмъ. «Пусть ваше само отразится въ поступкахъ вашихъ, какъ мать въ ребенкѣ своемъ:

таково должно быть слово ваше о добродѣтели». «Пусть добродѣтель ваша будетъ вашей сущностью, а не чѣмъ-то постороннимъ, кожей, одеждой». Тогда человѣкъ перестанетъ быть маленькимъ и пошлымъ, тогда жизнь будетъ имѣть смыслъ и оправданіе, тогда наступитъ вѣкъ «чистой» культуры.

Таковы въ общихъ чертахъ у Нитше постановка и рѣшеніе моральнаго вопроса въ связи съ проблемой культуры. Отъ изложенія воззрѣній Нитше на религію, по причинамъ, внѣ меня лежащимъ, я долженъ отказаться. Въ общемъ они аналогичны его взглядомъ на мораль.

V.

Мораль въ томъ смыслѣ, какъ ее до сихъ поръ понимали, какъ формулируетъ ее Шопенгауеръ, мораль какъ отрицаніе воли жизни, представляетъ сама по себѣ инстинктъ періода упадка. Этотъ инстинктъ самъ обращаетъ себя въ императивъ: «умри!» Благодаря господству этой морали жизнь одряхлѣла, превратилась изъ сильнаго греческаго оргіазма въ жалкое существованіе утомленныхъ и измученныхъ «лишнихъ» людей, не видящихъ ничего радостнаго ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Жизненная энергія человѣка изсякла и его единственнымъ стремленіемъ является желаніе погрузиться въ нирвану, въ небытіе. Характернымъ моментомъ въ духовной жизни человѣчества, соотвѣтствующимъ «духу времени», было появленіе философіи Шопенгауера съ ея моралью состраданія, съ ея буддизмомъ. На эту-то сторону шопенгауеровой философіи, главнымъ образомъ, и обрушивается Нитше, считая ее самымъ вреднымъ ядомъ, убивающимъ въ человѣкѣ все живое. «Есть проповѣдники смерти, говоритъ Нитцше; и земля полна людьми, которымъ нужна проповѣдь отвращенія къ жизни. Земля полна лишними, жизнь испорчена чрезмѣрнымъ множествомъ людей. О, еслибъ можно было «вѣчною жизнью» сманить ихъ изъ этой жизни!» «Они никогда не были еще людьми, эти ужасные: пусть же проповѣдуютъ они отвращеніе къ жизни и сами умираютъ. Вотъ они, эти чахоточныя души: едва родились они, какъ уже начинаютъ умирать и мечтаютъ объ ученіи, которое проповѣдывало бы усталость и отреченіе. Они охотно желали бы быть мертвыми, и мы должны одобрить волю ихъ. Будемъ же остерегаться, чтобъ не воскресить этихъ мертвыхъ и не повредить эти живые гробы!»

Слабость чувства, скромность желаній, трусость мысли, отсутствіе воли къ жизни—все это признаки духовной нищеты, признаки упадка современной культуры, грозящіе человѣку окончательною гибелью. За что же слѣдуетъ ухватиться, чтобы спасти человѣка отъ его впаденія въ посредственность, въ ничтожество? «За новыхъ философовъ, отвѣчаетъ Нитше, за людей, настолько смѣлыхъ духомъ и самостоятель-

ныхъ, чтобъ дать начало противоположной нравственной оцѣнкѣ». Это нужно для того, чтобы внушить человѣку, что «будущность человѣчества въ его рукахъ, зависитъ отъ людской воли, чтобы приготовить смѣлые великіе опыты всеобщаго перевоспитанія и дрессировки, съ цѣлью положить этимъ конецъ тому ужасному господству безсмыслія и случайности, которое до сихъ поръ называлось исторіей».

Человѣкъ до сихъ поръ занимался только «исторіей» культуры, но онъ не ставилъ себѣ непосредственныхъ, творческихъ задачъ. Онъ подвергалъ изслѣдованію всѣ проявленія человѣческаго духа, вникалъ въ идеалы всѣхъ временъ и народовъ, стараясь въ нихъ открыть причины темныхъ сторонъ современной культуры, но онъ не пробовалъ «созидать» новой культуры и потому это былъ безполезный, напрасный трудъ. «Не въ *познаніи*,—говоритъ Нитше, а въ *созиданіи* лежитъ наше спасеніе». Отсюда логически для Нитше слѣдуетъ выводъ: полезно, нравственно, разумно и заслуживаетъ оправданія все, что способствуетъ «созиданію» новой «высокой и чистой культуры», и наоборотъ, неразумно, безнравственно, вредно, регрессивно и т. д. все то, что мѣшаетъ этой творческой работѣ, что убиваетъ «созиданіе». Все, что служитъ «мостомъ» къ новой культурѣ, находитъ въ лицѣ Нитше защитника, все отрицающее новую жизнь и новую культуру встрѣчаетъ въ немъ своего страшнаго врага. Всѣ оцѣнки Нитше, всѣ его сужденія основываются въ своемъ конечномъ счетѣ на подобномъ противопоставленіи двухъ культуръ—современной, буржуазной и новой, будущей, «высокой и чистой» и этого никогда не слѣдуетъ забывать при его изученіи.

Въ противоположность пессимизму съ его отрицаніемъ жизни, въ противоположность аскетизму съ его уменьшеніемъ и сведеніемъ потребностей къ minimum'у, Нитше проповѣдуетъ жизнерадостность и широкій размахъ живой души, такъ какъ «бодрыми, беззаботными, насмѣшливыми, сильными желаетъ видѣть насъ мудрость, она женщина и всегда любитъ только воина». Его идеалъ возможно болѣе сильная интенсивность жизни, возможно болѣе полный maximum энергизма духовной личности. «Ужъ если я живу, *я хочу*, чтобы жизнь и во мнѣ, и всюду кругомъ шла съ тою роскошью, съ тѣмъ изобиліемъ, съ той тропической силой, какія только мыслимы. И все, что краситъ жизнь, дѣлаетъ ее интенсивнѣе, увеличиваетъ ея цѣнность,—все это я признаю, всему этому я скажу свое *да*! Если мнѣ докажутъ, что заблужденія и иллюзіи могутъ содѣйствовать росту жизни, я признаю и заблужденія и иллюзіи. Если мнѣ докажутъ, что свойства, которыя современная мораль называетъ «дурными», какъ суровость, жестокость, хитрость, безразсудная отвага, задоръ и пр., могутъ повысить жизненную энергію человѣка, я имъ скажу *да*! Признаю и «зло» и «грѣхъ». Если мнѣ докажутъ, что страданіе въ дѣлѣ воспитанія человѣчества играетъ не менѣе важную роль, чѣмъ наслажденіе, я признаю стра-

данiе. И наоборотъ, по адресу всего, что понижаетъ жизнедѣятельность человѣка-растенія, я скажу *нѣтъ*,—все подобное я стану отрицать. Если я увижу, что истина, нравственность, «добро», словомъ, любая изъ цѣнностей, которыя подъ этими и имъ подобными наименованіями почитаются людьми и являются понынѣ общепризнанными, если я увижу, что онѣ вредны для жизни, я буду ихъ отрицать, буду отрицать и науку, и мораль». Мы привели эту большую цитату, во-первыхъ, потому, что здѣсь Нитше во весь свой ростъ, а во-вторыхъ, она какъ нельзя лучше подтверждаетъ правильность нашей основной точки зрѣнія на его философію.

«Нѣтъ ничего безобразнѣе вырождающагося человѣка», говоритъ Нитше и съ этой точки зрѣнія—точки зрѣнія культурнаго безобразія отрицаетъ все, что поддерживаетъ вырождающееся или способствуетъ вырожденію, онъ отрицаетъ «и науку и мораль». Въ основѣ современной ему философіи лежало ученіе, проповѣдующее идеалъ равенства человѣка предъ человѣкомъ. Въ этомъ ученіи Нитше увидѣлъ не только «убійцу» сверхъ-человѣка, но и «убійцу» жизни вообще и потому съ страшной силой напалъ на него. «Я не хочу, говоритъ онъ, чтобы меня отожествляли или смѣшивали съ этими проповѣдниками равенства. Ибо, по моему, справедливость гласитъ: люди не равны». Справедливость требуетъ отдавать равному равное и никогда не дѣлать неравнаго равнымъ.

«Идеалъ равенства» вмѣстѣ съ «идеаломъ счастья» окончательно убили бы жизнь, окончательно сдѣлали бы человѣка смѣшнымъ и презрѣннымъ; это состояніе было бы для него «концомъ», предѣломъ, за которымъ для него уже нѣтъ ничего и быть не можетъ. Жизнь имѣетъ смыслъ лишь при условіи движенія и совершенствованія, а для этого ей необходима борьба, необходимо столкновеніе противорѣчій, необходимо неравенство. «Пусть по тысячѣ мостовъ и тропинокъ стремятся они къ будущему; и все больше должны расти между ними вражда и неравенство: такъ заставляетъ меня говорить великая любовь!» Такъ заставляетъ говорить Нитше его великая любовь къ сверхчеловѣку, любовь къ дальнему и къ вѣчности. «Жизнь хочетъ строиться вверхъ при помощи столбовъ и ступеней: въ необозримую даль хочетъ глядѣть она и на блаженную красоту, — и потому ей нужна высота! И такъ какъ ей нужна высота, то ей нужны и ступени, и противорѣчіе ступеней и поднимающихся по нимъ! Подниматься хочетъ жизнь и, поднимаясь, преодолѣвать себя».

Въ противоположность мыслителямъ, пытающимся устроить, какъ можно лучше, современную, настоящую жизнь человѣчества, въ противоположность умамъ, направленнымъ на заботы о сегодняшнемъ днѣ и о завтрашнемъ, взоръ Нитше направленъ на «дальнее», на «вѣчность». Для первыхъ самое главное—это счастье современнаго человѣчества, современнаго человѣка и они мечтаютъ о немъ, какъ о «суб-

ботѣ субботъ»; они знаютъ лишь свое настоящее и «ближайшее», они знаютъ лишь свое «сегодня» и «завтра», — «дальняго» и «вѣчности» для нихъ не существуетъ. Нитше же, наоборотъ, живетъ «дальнимъ» и «вѣчностью» и имъ онъ приноситъ въ жертву настоящее и ближайшее человѣка, его «сегодня» и «завтра». «На немногое, на будущее, на дальнее направлена мысль моя и желаніе мое: что мнѣ до вашей маленькой нищеты, обыкновенной и короткой».

Самые «заботливые» изъ современныхъ людей «неустанно вопрошаютъ: какъ лучше, дольше и пріятнѣе сохраниться человѣку? И поэтому они господа на сегодня. Этихъ господъ на сегодня побѣдите мнѣ, о, братья мои, — этихъ маленькихъ людей: это они величайшая опасность для сверхчеловѣка! Побѣдите мнѣ, о, высшіе люди, маленькія добродѣтели, маленькое благоразуміе, осторожность съ песчинку, кишѣнье муравьевъ, жалкое самодовольство, «счастье большинства»! Нитше интересуетъ не вопросъ «заботливыхъ» людей, какъ сохраниться человѣку, но противоположный ему,—какъ побѣдить, преодолѣть человѣка; его мучитъ вопросъ, что нужно человѣку будущаго, творцу новой культуры, что нужно развивать и поддерживать въ человѣкѣ, чтобы ускорить крушеніе современной культуры и приблизить созиданіе новой. «Проблема, которую я ставлю, говоритъ Нитше въ въ «Антихристіанинѣ», состоитъ въ томъ, какой типъ человѣка слѣдуетъ культивировать, слѣдуетъ желать, какъ наиболѣе цѣнный, наиболѣе достойный любви и наиболѣе вѣрный для будущаго». Отсюда возникаетъ великая педагогическая задача, состоящая въ томъ, чтобы подготовить въ современномъ человѣкѣ почву для новой культуры.

Борецъ съ своимъ вѣкомъ, съ его основными теченіями и великій воспитатель—это самое высокое, самое цѣнное, что было въ Нитше. Обновленіемъ человѣка или, выражаясь его языкомъ, преодолѣніемъ въ себѣ человѣка, онъ проповѣдывалъ какъ бы вторичное рожденіе, являющееся на смѣну прежней жизни. «Мое ученіе говоритъ: жить такъ, чтобы ты пожелалъ опять жить—это задача твоя и ты долженъ ее разрѣшить. Кому стремленіе даетъ высшее счастье, тотъ пусть стремится; кому покой является высшей отрадой, тотъ пусть отдыхаетъ; для кого порядокъ, покорность и послушаніе есть его высшее, тотъ пусть покоряется. Пусть только онъ навѣрное знаетъ, что его высшее, что его лучшее. И тогда не страшиться ничего! Отъ этого зависитъ вѣчность!» Человѣкъ долженъ возвратить себѣ свое «я», которое отняла у него «культура торговаго вѣка»,—иначе онъ никогда не воскреснетъ къ «новой» жизни.

Всѣ великія культуры создавались сильными личностями, напрягавшими свои силы въ борьбѣ за эту культуру до ихъ крайнихъ предѣловъ. Современная жизнь представляетъ отсутствіе этого типа людей; жизнь полна калѣками, страдающими параличомъ воли, разслабленностью чувства. «Суровыя времена, сильныя культуры видѣли въ

состраданіи, въ «любви къ ближнему», въ недостаткѣ развитія своего «я» и эгоизма что-то достойное презрѣнія. Эпохи оцѣниваются ихъ положительными силами и въ этомъ отношеніи расточительная и чреватая событіями эпоха возрожденія была послѣднею великою эпохой; а мы, современные люди, съ нашей трусливой заботливостью о себѣ, съ нашей любовью къ ближнему, съ нашими добродѣтелями трудолюбія, скромности, справедливости, учености, мы — накапливающіе, экономные, подобные машинамъ—мы живемъ въ *слабую* эпоху». Поэтому для созиданія новой культуры необходимо, чтобы человѣкъ закалилъ свою волю, чтобы требованіе быть сильнымъ стало его «необходимостью». «Жизнь есть сила, жизнь есть воля къ власти» («Leben ist Gewalt, Leben ist Wille zur Macht»), формулируетъ Нитцше. Жизнь есть борьба за силу и власть и потому въ ней нужно отбросить всякое полужеланіе и стать рѣшительными въ своихъ требованіяхъ. «Это дается, — такъ учитъ смиреніе. Но я говорю всѣмъ вамъ, любящимъ довольство: это берется». Отреченіе отъ борьбы равносильно отреченію отъ всего великаго въ жизни, отъ самой жизни. Борьба ставитъ предъ человѣкомъ извѣстную цѣль и тѣмъ самымъ придаетъ смыслъ его жизни, борьба создаетъ въ человѣкѣ героя и тѣмъ самымъ возвышаетъ его и дѣлаетъ свободнымъ. «Свободный человѣкъ, говоритъ Нитше, это — борецъ. Что служитъ мѣриломъ свободы отдѣльныхъ лицъ и народовъ? Тѣ препятствія, которыя необходимо преодолѣть, и тѣ усилія, которыя нужно затратить, чтобы удержаться на высотѣ. Высшій типъ свободныхъ людей слѣдуетъ искать тамъ, гдѣ постоянно приходится преодолѣвать величайшія препятствія, — въ пяти шагахъ отъ тиранніи и на самомъ порогѣ рабства. Народы, имѣвшіе значеніе и имѣющіе значеніе, обязаны этимъ не либеральнымъ учрежденіямъ. Изъ нихъ вышло нѣчто, благодаря угрожавшей имъ величайшей опасности». «Своего врага должны вы искать, свою войну должны вы вести, войну за свои мысли! И если мысль ваша будетъ побѣждена, все-таки честность ваша должна праздновать побѣду свою! Вы должны любить миръ, какъ средство для новой войны. И при томъ короткій миръ больше, чѣмъ продолжительный. Я зову васъ не на работу, но въ бой. Я зову васъ не на миръ, но къ побѣдѣ. Да будетъ трудъ вашъ борьбой и миръ вашъ побѣдой!»

Важнѣе всего борьба съ самимъ собою, борьба во имя высшихъ идеаловъ. Она должна идти въ безконечность по пути вѣчнаго совершенствованія. Достигнувъ одного идеала, человѣкъ долженъ стремиться къ другому, такъ какъ, достигнувъ перваго, онъ тѣмъ самымъ сталъ выше его. Это вѣчное стремленіе къ индивидуальному совершенствованію, придающее жизни смыслъ и красоту, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и прогрессъ всего человѣчества. Въ этомъ пунктѣ Нитше сбивается съ философскихъ понятій на біологическія, по которымъ стремленіе къ совершенствованію, къ болѣе высокому развитію состав-

ляетъ основную черту всего органическаго міра—тутъ сказался XIX в. съ его натуралистическимъ міровоззрѣніемъ.

Совершенствованіе культуры можетъ быть достигнуто лишь совершенствованіемъ человѣка, воспитаніемъ личности. Для этой высшей культуры современный человѣкъ важенъ лишь постольку, поскольку онъ заключаетъ въ себѣ матеріалъ для человѣка будущаго, для сверхчеловѣка, какъ его называетъ Нитше. Человѣкъ—это канатъ, натянутый надъ пропастью между животнымъ и сверхчеловѣкомъ. «Опасно прохожденіе, опасенъ путь, опасенъ взоръ, обращенный назадъ, опасны страхъ и остановка. Въ человѣкѣ важно то, что онъ мостъ, а не цѣль; въ человѣкѣ можно любить только то, что онъ переходъ и уничтоженіе». Современный человѣкъ—это воплощеніе суетности и наивной вѣры въ существующій міръ при полномъ забвеніи всѣхъ другихъ; онъ знаетъ лишь свое «сегодня», свое «ближайшее», поэтому его пониманіе, его вѣра и любовь и не идутъ дальше настоящаго. Свободный человѣкъ, человѣкъ будущаго, въ противоположность ему, будетъ обладать вѣчной душой, вѣчной будущностью, ибо онъ любитъ вѣчность и стремится къ ней; поэтому его любовь къ «дѣламъ и призракамъ» и отольется въ форму «любви къ дальнему». Люди будущаго, эти основатели «новой истинной культуры» образуютъ собою «новую аристократію духа»; изъ нихъ составится та «партія, которая возьметъ въ свои руки величайшую изъ всѣхъ задачъ — восходящее формулированіе человѣческой личности». «Тогда наступитъ вѣкъ архитектуры, когда будутъ строить, разсчитывая на вѣчность».

VI.

Главная часть философіи Нитше—это отрицаніе «человѣка и человѣческаго», борьба съ «культурой торговаго вѣка»,—и мы особенно дорожимъ ею,—но имъ намѣчены были и положительныя черты новой, болѣе высокой, болѣе жизненной культуры. Нитше не только раскрылъ суть «человѣка и человѣческаго», но и указалъ новый путь высшаго развитія и совершенствованія человѣка—путь интеллектуально-моральнаго индивидуализма. Если существованіе человѣка до сихъ поръ не имѣло цѣли и смысла, если человѣкъ не оправдывалъ жизни, то нужно создать изъ него высшее существо, создать сверхчеловѣка. Въ главѣ о трехъ превращеніяхъ человѣческаго духа Нитше символически указываетъ на то, что человѣкъ изъ верблюда долженъ сдѣлаться львомъ, чтобы затѣмъ превратиться въ ребенка. Идею льва онъ развилъ подробно, но смыслъ и сущность человѣка-ребенка, къ сожалѣнію, намѣтилъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. «Что можетъ сдѣлать ребенокъ,—спрашиваетъ онъ,—чего не могъ бы левъ? Къ чему хищный левъ долженъ стать еще ребенкомъ? Дитя—это *невинность* и забвеніе, новое начинаніе, произвольно катящееся колесо, первое движеніе, святое утвержденіе. Да, для созидательной дѣятельности, братья мои, тре-

буется святое утвержденіе: *своей* воли желаетъ теперь человѣческій духъ, *свой* міръ завоевываетъ себѣ потерявшій его».

Современный человѣкъ погрязъ въ тинѣ житейской пошлости и грязи, его жизнь носитъ по преимуществу животный, зоологическій характеръ и потому культура его выглядитъ еще болѣе жалкой и ничтожной. «Посмотрите на этихъ людей,—говоритъ Ничтше,—ихъ глаза говорятъ, что они не знаютъ ничего лучшаго на землѣ, какъ лежать съ женщиной. Грязь лежитъ на днѣ души ихъ; и горе имъ, если у грязи ихъ есть еще духъ! О, еслибъ вы совершенны были, по крайней мѣрѣ, какъ звѣри! Но звѣрямъ принадлежитъ невинность!» Ребенокъ въ человѣкѣ есть символъ того великаго духовнаго освобожденія, того возстановленія *невинности бытія*, которое долженъ совершить человѣкъ, возрождаясь къ новой жизни. Сверхчеловѣкъ—этотъ человѣкъ будущаго—и будетъ обладать душевной чистотой ребенка, которая является необходимымъ условіемъ «высокой и чистой культуры». Онъ примирится съ природой, съ которой такъ долго враждовалъ, снова сдѣлается ея частью, снова заживетъ общею съ ней жизнью. Съ этого момента онъ уже не художникъ,—онъ самъ дѣлается великимъ и дивнымъ произведеніемъ искусства природы. Онъ достигъ полноты жизни и въ томъ его высшая духовная красота. Въ противоположность современнымъ «маленькимъ людямъ», душой сверхчеловѣка будетъ могучая жизнь и самъ онъ будетъ неудержимъ, какъ буря, и глубокъ и полонъ содержанія, какъ океанъ. Въ этомъ стихійномъ объемѣ соединится все, что у современнаго человѣка является частичнымъ, отрывочнымъ, что дѣлаетъ его посредственнымъ и ничтожнымъ.

Сверхчеловѣкъ прежде всего—*свободный* умъ. Онъ идетъ своей дорогой, которая лежитъ въ сторонѣ отъ «базаровъ и славы», которая нигдѣ не соприкасается съ дорогою «всѣхъ», дорогой «толпы». Онъ знаетъ лишь свое дѣло, свои обязанности, которыхъ онъ никогда не сдѣлаетъ дѣломъ и обязанностями всѣхъ и каждаго. Его любовь къ «дѣламъ и призракамъ» безгранична—ради нихъ онъ готовъ на все, готовъ принести имъ въ жертву даже самого себя. Онъ живетъ не сегодняшнимъ днемъ и не завтрашнимъ, онъ весь въ будущемъ, въ «дальнемъ», онъ творитъ, «разсчитывая на вѣчность», ибо только отъ нея пріятно ему «имѣть дѣтей». Сверхчеловѣкъ полонъ творческихъ силъ и энергіи, онъ обладаетъ крѣпкою волею, и потому культура его превосходитъ все ранѣе существовавшее—она поражаетъ своимъ величіемъ, глубиною и красотой. Сверхчеловѣкъ ищетъ и находитъ въ самомъ себѣ цѣль, смыслъ и задачу жизни, и это значитъ для него быть идеалистомъ и имѣть религію.

Отвергая демократизмъ, какъ стремленіе достичь благополучія преходящаго индивидуума, какъ попытку «маленькихъ людей», не обладающихъ ни вѣчной душой, ни жаждой вѣчной будущности, завоевать себѣ мимолетное, «маленькое» счастье, Нитше въ ученіи о сверх-

человѣкѣ противополагаетъ ему культъ великихъ личностей, которыя однѣ составляютъ всю цѣнность жизни, весь ея смыслъ. Этой точки зрѣнія придерживались очень многіе мыслители, напр., Карлейль, Ренанъ, въ наше время Брандесъ и др. Послѣдній въ одной лекціи, читанной въ высшей русской школѣ въ Парижѣ, между прочимъ, говоритъ: «Что касается счастія массъ, то думаю, главное заключается здѣсь не въ томъ, чтобы всѣ обладали нѣкоторыми познаніями по физіологіи, а въ томъ, чтобы одинъ Пастеръ имѣлъ возможность развивать свои геніальныя способности, прилагая ихъ къ соотвѣтствующей наукѣ и дѣлая свои великія открытія, посредствомъ которыхъ уже удалось спасти тысячи людей. Неужели кто-нибудь станетъ опровергать, что и по отношенію къ благу массъ одно открытіе Пастера дороже обученія грамотѣ тысячи посредственностей».

Противъ этихъ «посредственностей» и протестовалъ Нитше своимъ сверхчеловѣкомъ—образомъ, о который должны разбиться всѣ человѣческіе образы. «Красота увлекаетъ меня прочь отъ васъ, прочь отъ всего, что любите, чему поклоняетесь вы. И я бросаю якорь въ открытомъ морѣ и говорю: здѣсь долженъ нѣкогда возникнуть островъ сверхчеловѣка!» Сверхчеловѣкъ—первенецъ и прообразъ будущей культуры. Когда человѣчество пойметъ суть сверхчеловѣка, его «честный, дѣятельный и правдивый характеръ», тогда оно пойметъ вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что культура не есть украшеніе жизни, «декоративная ея часть», а нѣчто иное. Предъ нимъ тогда встанетъ «идея культуры, какъ новой, улучшенной природы, безъ внутренняго и наружнаго, безъ притворнаго и условнаго, идея культуры, какъ нѣкотораго единогласія между «жить», «думать», «казаться» и «желать». Когда человѣчество пойметъ эту идею, Заратустра получитъ возможность воскликнуть: «Это *мое* утро, брежжетъ мой день; вставай же, вставай великій полдень»!

Мы изложили въ краткихъ чертахъ философію Нитше въ томъ видѣ, въ какомъ она намъ представляется.

Философія Нитше еще не достигла зенита своего восхожденія, вершины своей славы и потому еще не время подводить окончательные итоги ея жизни. Она еще въ будущемъ, пока лишь появляются первые проблески зари, предвѣстницы утра и восхожденія солнца. Нитше самъ прекрасно сознавалъ это, когда говорилъ въ предисловіи къ «Antichrist'y»: «Мнѣ принадлежитъ не завтра, а послѣзавтра. Нѣкоторые родятся по смерти отцовъ». Его философія сыграетъ еще громадную роль—въ томъ или иномъ видѣ она будетъ положена въ основу созиданія новой культуры, въ основу освобожденія отъ духовнаго рабства.

Г. Маркеловъ.

АВГУСТА ДЕ-ВИТТЪ.

I.

Ненависть.

Переводъ съ голландскаго **А. Полторацкой-Вейнбергъ.**

Въ неподвижномъ, раскаленномъ добѣла, небѣ стоитъ полуденное солнце, обдавая огненнымъ жаромъ землю, воздухъ и море.

Перистыя кроны пальмъ на опушкѣ прибрежнаго лѣса не шелохнутся въ дрожащемъ отъ зноя воздухѣ. Между узорчатыми, черными, какъ чернила, пятнами тѣни у подножія тощихъ стволовъ ихъ просвѣчиваетъ золотистый песокъ.

Вдоль берега, у самой воды тянется переливающаяся разными огнями узкая полоса прибитыхъ волнами раковинъ, водорослей и труповъ морскихъ животныхъ. Море, тяжелое, неподвижное, точно расплавленный металлъ, ослѣпляетъ глазъ своимъ бѣлымъ блескомъ подъ ослѣпительно-бѣлымъ небомъ.

Лежащая на западѣ группа острововъ и отдаленныя извилины берега имѣютъ видъ туманныхъ облаковъ въ этомъ бѣломъ освѣщеніи, въ которомъ всѣ формы теряютъ свою опредѣленность. Ничто не шелохнется. Тишина мертвая. Жизнь точно замерла подъ палящими лучами тропическаго солнца.

У берега, въ жалкой тѣни пальмъ, присѣвъ на корточки, копошатся вокругъ трупа гигантскаго крокодила нѣсколько островитянъ. Запустивъ запачканныя по локоть въ крови руки въ брюшную полость чудовища, одинъ изъ темнокожихъ роется въ его внутренностяхъ, стараясь отыскать пулю, уложившую гиганта, и, найдя эту маленькую, гладенькую, смертоносную вещицу, тихонько и бережно прячетъ себѣ за поясъ,—это талисманъ, приносящій счастье въ бою...

Остальные возятся со шкурой, отдѣляя жилы отъ мяса, затѣмъ распяливаютъ ее на доску для просушки на солнцѣ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этой группы, праздно сидитъ на корточкахъ еще одинъ туземецъ, съ краснымъ, заношеннымъ кускомъ матеріи вокругъ бедеръ; голова его прикрыта шляпой, сплетенной изъ пальмовыхъ листьевъ и формой напоминающей большой грибъ. Лицо

у него широкое, плоское, съ выдающимися скулами и грубо очерченнымъ ртомъ. Мутные, каріе глаза устремлены на блестящую водную поверхность залива. Согнувшійся, неподвижный, съ полуопущенными вѣками, онъ напоминаетъ собою притаившагося хищнаго звѣря.

Голосъ изъ группы окликаетъ его:

— Эй, Міанъ, готово!

Человѣкъ медленно встаетъ и, не оглядываясь, ни слова не отвѣчая, идетъ по раскаленному песку къ опушкѣ лѣса, гдѣ въ тѣни нависшихъ широкихъ листьевъ банана, почти скрытая ими, стоитъ бамбуковая хижина.

Голландецъ, сидящій подъ навѣсомъ, покуривая трубку и положивъ возлѣ себя оружіе, встаетъ при его приближеніи:

— Ну что?

Яваецъ опускается на корточки и, точно эхо только что слышаннаго оклика, произноситъ:

— Готово!

Охотникъ вручаетъ ему нѣсколько золотыхъ монетъ. Затѣмъ что-то въ родѣ улыбки мелькаетъ подъ его бѣлокурыми усами, и онъ спрашиваетъ:

— Это онъ, Міанъ?

— Нѣтъ, господинъ!—невозмутимо отвѣчаетъ островитянинъ.

Голландецъ пристально вглядывается въ лицо стоящаго передъ нимъ человѣка и спрашиваетъ недовѣрчиво:

— Ты все еще думаешь искать его?

— Да, господинъ!

— А опасность? Смертельная опасность?

Едва уловимая судорога пробѣгаетъ по лицу дикаря: подъ приподнятой верхней губой сверкаютъ на мигъ острые, крѣпкіе зубы.

— Онъ или я!—коротко говоритъ онъ, и его мутные глаза, какъ-то странно сверкнувъ, снова устремляются къ морю.

Съ тѣхъ поръ, какъ оба они начали помнить себя, они ненавидѣли другъ друга—Міанъ и Джалилъ.

Равные по мускульной силѣ, выносливости, хитрости, высокомѣрію и страстности, свойственной ихъ юному возрасту, съ одинаковыми стремленіями и потребностями, они выросли и возмужали другъ подлѣ друга на тѣсномъ пространствѣ между моремъ и лѣсомъ, которое невольно заставляло ихъ сталкиваться, и жили, питая неутомимую ненависть одинъ къ другому.

Когда они выплывали на своихъ узкихъ, съ высокими парусами челнокахъ въ море закинуть сѣти, они напрягали всѣ силы, чтобы обогнать одинъ другого, перерѣзать сопернику дорогу и первому добраться до намѣченнаго заранѣе мѣста, за песчаной отмелью.

Вытаскивая сѣти, они не умѣли оцѣнить улова, какъ только путемъ

сравненія съ уловомъ соперника, и оставался доволенъ только тотъ, чей уловъ былъ богаче.

Устанавливая на берегу бамбуковыя плетенки, имѣющія цѣлью задерживать занесенныхъ сюда приливомъ рыбъ, они съ ненавистью поглядывали другъ на друга сквозь эти прозрачныя плетенки, образовавшія своими извилинами настоящій лабиринтъ. Они подолгу подкарауливали моментъ, чтобы повредить другъ другу, испортить то, что съ такимъ трудомъ сдѣлано другимъ, для чего по цѣлымъ ночамъ сидѣли, притаившись между стволами пальмъ, или бродили по берегу.

Встрѣчаясь въ пыльномъ городѣ на рынкѣ съ корзинами рыбы, вынесенной на продажу, причемъ каждый изъ нихъ звонкимъ голосомъ выхвалялъ свой товаръ, они вступали въ состязаніе, все понижая цѣну: лучше потерпѣть денежный убытокъ, чѣмъ нравственное пораженіе! А вечеромъ, возвращаясь въ свою хижину на опушкѣ лѣса, каждый въ душѣ горевалъ, высчитывая понесенные убытки, но въ то же время испытывалъ злобную радость при мысли объ убыткѣ, причиненномъ врагу, и придумывалъ, какъ бы еще почувствительнѣе насолить ему въ слѣдующій разъ.

Міанъ былъ болѣе злой, болѣе грубый изъ нихъ двоихъ. Будучи еще ребенкомъ, онъ не разъ съ такой яростью нападалъ на поддразнивавшаго его Джалила, что тотъ ужъ и не думалъ давать сдачи, оглушенный стремительнымъ натискомъ. Иной разъ, встрѣчая Джалила на рынкѣ и слыша, какъ женщины, ехидно подсмѣиваясь, повторяютъ прозвище, придуманное для него Джалиломъ, Міанъ чувствовалъ, какъ кровь бросалась ему въ голову, и ножъ жегъ ему руки...

Но пустить его въ ходъ Міанъ не отваживался, онъ слышалъ, какъ Джалилъ хвастался, будто у него есть талисманъ, дѣлавшій его неуязвимымъ.

Однажды, прокрадываясь въ сумерки мимо хижины Джалила, гдѣ пылалъ костеръ изъ зеленыхъ вѣтвей, дымъ которыхъ отгоняетъ всѣхъ ядовитыхъ насѣкомыхъ, Міанъ увидѣлъ своего врага сидящимъ на корточкахъ у костра съ сверкающимъ ножомъ на колѣнахъ, и подслушалъ его заклинаніе: «Молюсь тебѣ, Си Лембу Сакиланъ! Отклони руку врага моего въ ту минуту, когда онъ направилъ оружіе свое. Да не попадетъ въ цѣль ударъ его! Во имя Аллаха! Аминь!»

Послѣ этого Міанъ отправился къ жрецу, святому старцу, совершившему путешествіе въ Мекку и обладавшему даромъ находить похищенныя вещи, и заплатилъ ему много денегъ, чтобы тотъ научилъ его страшному заклинанію, которое умерщвляетъ людей на разстояніи вѣрнѣе, чѣмъ отравленная стрѣла, но, какъ нерѣдко случается, заклинаніе не подѣйствовало! Наконецъ, жрецъ объявилъ Міану, что духъ его слишкомъ грубъ и приверженъ къ землѣ, чтобы вмѣстить въ себѣ небесный даръ.

*

Съ тѣхъ поръ Міанъ смирился и затаилъ свою непримиримую вражду. Онъ отвертывался и, стиснувъ зубы, проходилъ мимо, когда видѣлъ Джалила, сидящимъ въ кругу внимательно слушавшихъ его односельчанъ, которымъ онъ объяснялъ свойства семи духовъ, обитающихъ въ человѣческомъ тѣлѣ, или задавалъ загадки, смыслъ которыхъ всегда былъ одинъ и тотъ же: разумъ и ученость больше значатъ, чѣмъ безсмысленное насиліе.

Міанъ не оглядывался, чтобы не видѣть насмѣшливыхъ улыбокъ, посылавшихся ему вслѣдъ.

Онъ бросался въ свой челнокъ и отважнѣе, чѣмъ когда-либо, уносился на немъ въ такія дебри отмелей и подводныхъ камней, куда никто не отваживался слѣдовать за нимъ.

Рыбаки цѣнили въ Джалилѣ ученость, а въ Міанѣ храбрость, еще больше раздувая ихъ вражду изъ желанія посмотрѣть, чѣмъ это кончится, когда оба дойдутъ до такого состоянія, что уже не въ состояніи будутъ сдерживать свою ненависть.

Родители этихъ двухъ дикарей, долго остававшіеся равнодушными къ ихъ все разраставшейся взаимной ненависти, стали, наконецъ, безпокоиться, опасаясь за жизнь сыновей, которые должны были кормить и беречь ихъ на старости лѣтъ.

Отецъ Джалила надумалъ обезопасить жизнь сына, соединивъ его брачными узами съ дѣвушкой изъ вліятельной семьи, и, дѣйствительно, скоро женилъ его на дочери начальника своего стана, толстой, небольшого роста дѣвушкѣ, которая до того была влюблена въ стройную фигуру и красивое лицо молодого рыбака, что не могла свести съ него глазъ и такъ и ходила за нимъ по пятамъ.

Тогда родители Міана также сочли нужнымъ женить своего сына, чтобы и онъ пользовался не меньшимъ уваженіемъ сосѣдей, чѣмъ Джалилъ, сдѣлавшійся главой семьи, да кромѣ того, они надѣялись, что имѣя жену, которая будетъ работать на него, смотрѣть за его имуществомъ и угождать ему, онъ охотнѣе будетъ сидѣть дома, гдѣ жизнь его была въ большей безопасности. И они выбрали ему въ жены дѣвушку изъ города, которая славилась своимъ искусствомъ въ рукодѣліяхъ и своими работами должна была принести въ домъ благосостояніе.

Когда Міанъ привелъ молодую жену въ свою хижину, мужчины и женщины собрались смотрѣть на нее, какъ на чудо.

Это было маленькое, тоненькое созданіе, со стройными, красивыми формами, мягкими движеніями и плавной походкой. Обрамленное блестящими, черными, цвѣта вороньяго крыла, волосами, ея матовое личико отливало цвѣтомъ, который явайскіе поэты сравниваютъ съ цвѣтомъ мѣстнаго золотистаго плода. Когда она изрѣдка медленно поднимала свои темныя рѣсницы, изъ-подъ нихъ сверкали глаза, точно два черныхъ брилліанта. Она казалась принцессой среди этихъ полу-

обнаженныхъ рыбачекъ, цо цѣлымъ днямъ работавшихъ подъ палящими лучами солнца, таскавшихъ на своихъ безобразно выгнутыхъ бедрахъ тяжелыя корзины, пропитанныхъ острымъ запахомъ рыбы, косматыхъ, загорѣвшихъ и огрубѣвшихъ.

Міанъ, казалось, былъ очень счастливъ.

Проходившіе мимо дверей его хижины слышали, какъ онъ смѣялся и шутилъ съ женой, называя ее ласкательными именами. Изъ прочнаго, твердаго дерева, которое онъ берегъ нѣсколько мѣсяцевъ, предназначая его на новый челнъ, онъ сдѣлалъ большой сундукъ, куда она спрятала свой одежды, пересыпавъ ихъ засушенными цвѣтами и душистыми кореньями, въ предохраненіе отъ насѣкомыхъ. Передъ дверью своей хижины онъ посадилъ широколиственный кустарникъ, который долженъ былъ сохранять прохладу подъ навѣсомъ, куда Міанъ каждое утро выносилъ для жены циновку и всѣ принадлежности ея работы—бамбуковый станокъ, небольшіе глиняные сосуды съ красками, которые подвѣшивались надъ горячими угольями, и маленькую леечку съ длиннымъ носомъ.

Поджавъ ноги, Далима садилась на циновку передъ натянутымъ на станкѣ холстомъ, тонкой струйкой начинала лить изъ леечки краску, и на тканяхъ вырастали странныя, причудливыя фигуры—драконы съ страшными когтями и зубами, птицы съ взъерошенными перьями, листья и цвѣты съ широко раскрытыми чашечками на извилистыхъ стебляхъ—голубые, коричневые, кроваво-красные на свѣтло-желтомъ фонѣ.

Когда работа была готова, Міанъ несъ ее въ городъ богатымъ торговцамъ китайцамъ и получалъ большія деньги; больше, чѣмъ выручалъ когда-либо за самыя полныя корзины рыбы.

Съ крупными золотыми монетами за поясомъ шелъ онъ въ харчевню, подъ старымъ варингиновымъ деревомъ, гдѣ обѣдали конторскіе писцы и другіе чиновники. Тамъ одна изъ прислужницъ подавала ему на пизанговомъ листѣ душистый вареный рисъ, щедро посыпанный перцемъ; затѣмъ Міанъ выбиралъ себѣ самыя лакомыя блюда: вяленое мясо, сильно приправленное спеціями, соленую икру, раздробленные маисовыя зерна и всевозможныя сладости, приготовленныя изъ рисовой муки, тертаго кокосоваго орѣха и пальмоваго сахара, и, наконецъ, приказывалъ подать себѣ стаканъ фруктоваго сиропа съ кусочкомъ льду. Послѣ такого роскошнаго обѣда онъ шелъ развлекаться. Устраивался ли гдѣ-нибудь пѣтушиный бой или любители выпускали изъ бамбуковыхъ клѣточекъ дрессированныхъ сверчковъ, которые немедленно вступали въ ожесточенное сраженіе, Міанъ былъ уже тутъ-какъ-тутъ, въ первомъ ряду зрителей, и держалъ пари. Или же забавляся на обширной, покрытой зеленой травой лужайкѣ передъ мечетью пусканіемъ воздушнаго змѣя, съ мелодичнымъ пѣніемъ поднимавшагося вверхъ подъ напоромъ восточнаго муссона.

Базарные дни были для Міана настоящими праздниками.

Среди забавъ ему случалось иногда встрѣчать Джалила, который, согнувшись подъ тяжелой ношей, таскался по раскаленнымъ, пыльнымъ улицамъ города, хриплымъ голосомъ предлагая покупателямъ свой товаръ, или поздно вечеромъ сидѣлъ гдѣ-нибудь у дороги среди своихъ пропитанныхъ тяжелымъ запахомъ рыбы корзинъ, въ то время какъ покупательницы разглядывали при скудномъ освѣщеніи масляной лампочки оставшійся непроданнымъ товаръ и, прищелкивая языками, звонкими голосами выражали свое неодобреніе и выторговывали дейтъ *) за дейтомъ, прежде чѣмъ, отобравъ что было получше, рѣшались разстаться съ парочкой позеленѣвшихъ мѣдныхъ монетокъ.

Когда Міанъ, возвращаясь изъ города въ компаніи пріятелей, видѣлъ своего врага такимъ жалкимъ и измученнымъ, онъ еще громче, еще веселѣе начиналъ разсказывать, какъ провелъ день, какъ веселился, сколько выигралъ денегъ, причемъ сумма дѣйствительнаго выигрыша сильно возрастала, и хвастался, что скоро будетъ такъ богатъ, что купитъ себѣ украшенный серебромъ крисъ **), въ красныхъ ножнахъ, какія носятъ только знатные богачи!

Возвратившись домой, Міанъ находилъ свою тихую, покорную Далиму занятой приготовленіемъ для него ужина, который она затѣмъ ставила передъ нимъ на бамбуковой скамьѣ. Поѣвъ, онъ ложился отдыхать и курилъ.

Но высшихъ предѣловъ наслажденіе его достигало въ ту минуту, когда до него долетали визгливые крики ревнивой жены Джалила, выбѣгавшей навстрѣчу мужу съ бранью и упреками, въ полной увѣренности, что изъ страха передъ ея отцомъ онъ не посмѣетъ тронуть ее пальцемъ. Вотъ когда Міанъ торжествовалъ побѣду полную, болѣе полную, чѣмъ онъ могъ достигнуть оружіемъ и насиліемъ!

Но... счастье его длилось не долго.

Въ то время, какъ самъ онъ еще не имѣлъ надежды на потомство, Джалилъ уже приносилъ «жертву ожиданія».

А въ одинъ изъ первыхъ дней слѣдующаго года у него родился ребенокъ—сынъ.

Міанъ, сидя въ тишинѣ своей хижины, слышалъ первый крикъ новорожденнаго. Точно мечъ пронзилъ его сердце. Онъ вскочилъ и бѣжалъ, куда глаза глядятъ. Но некуда было скрыться отъ счастья врага,—все селеніе было полно имъ.

Мужчины приходили по очереди дежурить у хижины Джалила, вокругъ которой втыкали въ землю зажженныя зеленыя вѣтви,—дымъ

---

*) Мелкая старинная голландская монета.

**) Оружіе, родъ кинжала, которое носятъ у пояса островитяне-явайцы.

отъ нихъ долженъ былъ держать въ отдаленіи злыхъ духовъ. Подъ навѣсомъ цѣлый день толпились женщины: тамъ готовились кушанья для жертвоприношенія пятаго вечера и безчисленное множество самыхъ разнообразныхъ яствъ, обильно приправленныхъ пряностями; угощеніе все пополнялось новыми горшечками и посудинками, чтобы никакое упущеніе не повлекло за собой вреда для новорожденнаго, не лишило его какого-нибудь изъ хорошихъ свойствъ или благоденствія въ будущемъ. Дѣти, въ ожиданіи своей доли лакомыхъ яствъ, звонкими голосами выкрикивали пожеланія здоровья и счастья новорожденному.

Всѣ повторяли слова старой повитухи, которая по расположенію волосъ на головѣ ребенка, предсказала ему богатство, почести и долгую жизнь.

Джалилъ ходилъ, высоко поднявъ голову. На немъ былъ новый саронгъ, а у пояса висѣлъ крисъ тестя. Гордостью свѣтились его глаза.

Встрѣтивъ Джалила, гордаго и торжествующаго, Міанъ почувствовалъ такой приступъ гнѣва и обиды, точно тотъ предательскимъ нападеніемъ лишилъ его одержанной уже побѣды; воспоминаніе же о заклинаніи Джалила только удвоило его безсильную ярость. Онъ снова чувствовалъ себя глупымъ, неуклюжимъ, презираемымъ всѣми.

Онъ не хотѣлъ болѣе идти въ городъ на рынокъ, чтобы не встрѣчаться со всѣми этими людьми, которые будутъ говорить ему про сына Джалила, про его красоту, перечислять хорошія предзнаменованія, которыми сопровождалось его рожденіе. И, несмотря на бурное время года, когда другіе рыбаки занимались только починкой сѣтей да игрой въ кости, Міанъ по цѣлымъ днямъ носился въ челнокѣ по волнамъ бушующаго моря. Но, возвращаясь на берегъ, онъ долженъ былъ проходить мимо хижины Джалила, гдѣ въ тѣни навѣса лежалъ на циновкѣ малютка. Міанъ проходилъ, отвернувъ голову. Онъ чувствовалъ на себѣ насмѣшливые, торжествующіе взгляды Джалила, сидѣвшаго возлѣ сына, и въ то же время не могъ удержаться, чтобы украдкой, мелькомъ не взглянуть на ребенка: малютка барахтался, брыкался своими сильными пухлыми ножками, глаза его сверкали, какъ звѣздочки, а надъ лобикомъ торчалъ клокъ чернаго пуха.

День за днемъ видѣлъ Міанъ, какъ растетъ и хорошѣетъ сынъ его врага, и день ото дня становилось ему тяжелѣе.

Невыносимое сознаніе позора, какимъ является бездѣтность для островитянъ, отравляла ему жизнь, которая отнынѣ становится для него непрестаннымъ страданіемъ. Кажется, не было того, чего бы онъ не далъ, чтобы имѣть сына!

На грубый алтарь, воздвигнутый въ честь духа-покровителя ихъ селенія подъ сѣнью древняго дерева «ніамплунгъ», онъ ежедневно приносилъ дары: рисъ, яйца, цвѣты-мелати и душистыя мази. Принесъ въ жертву свою единственную козу, причемъ жрецъ торжественно

взывалъ къ душамъ всѣхъ предковъ, начиная съ праотцевъ Адама и Евы, и молилъ Яссупа-отца, мудраго пророка христіанъ, даровать сына жертвователю.

Міанъ заложилъ всѣ свои новыя платья, продалъ даже приносящихъ счастье пару горлинокъ, ворковавшихъ подъ его крышей, чтобы добыть денегъ, которыя снесъ мудрому старцу Нене Аяму за волшебный напитокъ и амулетъ изъ черепа болотной змѣи.

Но не помогали ни колдовства, ни молитвы съ жертвоприношеніями: Далима оставалась бездѣтной.

Мать Міана требовала, чтобы сынъ прогналъ отъ себя безплодную жену—несчастье и позоръ ихъ дома. Она уже сговорилась со сватомъ, который подыскалъ другую жену для Міана, крѣпкую, здоровую дѣвушку, предназначенную самой природой быть матерью многочисленнаго потомства. И мать настаивала, просила, грозила.

Но Міанъ не соглашался: онъ любилъ Далиму.

Съ нѣкоторыхъ поръ она стала еще красивѣй: глаза ея горѣли особымъ блескомъ, а около рта мелькало подобіе улыбки; походка стала еще граціознѣй, еще плавнѣе.

Еще красивѣе прежняго лежалъ на ней «саронгъ», оставлявшій открытыми ея тонкія щиколки, а свѣтлыхъ цвѣтовъ «кабайа» гладко обтягивала ея круглыя плечи и была застегнута на груди серебряной пряжкой. Въ черные, какъ агатъ, волосы она стала вплетать яркія мѣсячныя розы и цвѣты олеандра.

Мужчины останавливались и смотрѣли на нее, когда она своей легкой походкой шла въ городъ. Женщины подталкивали другъ друга и перешептывались. Больше всѣхъ ненавидѣла ее жена Джалила; она не могла видѣть красавицу, чтобы не разразиться бранью и проклятіями.

Такъ прошелъ годъ. А надежды Міана все еще не осуществились.

Онъ рѣшился совершить паломничество къ гробу Сунанъ-Гирея, распространителя ислама, на поклоненіе которому ходятъ правовѣрные.

Дулъ западный муссонъ, дождь лилъ потоками, гремѣлъ громъ, горныя рѣчки съ ревомъ неслись, заливая долины. Разлука съ Далимой была очень тяжела, но не взирая ни на что Міанъ рѣшился идти: лучше погибнуть, чѣмъ продолжать смотрѣть на счастье заклятаго врага.

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Исхудавшій, наголодавшійся, еще дрожащій отъ приступовъ лихорадки, которой страдаютъ жители долинъ на высотахъ горъ, но счастливый, окрыленный надеждой, которую подалъ ему видѣнный имъ у гроба святого сонъ, подходилъ Міанъ къ своей хижинѣ.

Далимы тамъ не было.

Онъ окликнулъ ее, горя нетерпѣніемъ поскорѣе подѣлиться съ женой своей радостью.

Отвѣта не было.

Черезъ широко распахнутую калитку видѣнъ былъ весь дворикъ.

Никого не было и подъ навѣсомъ, гдѣ лежала опрокинутая ступка и рядомъ намокшая отъ дождя кучка рисовыхъ зеренъ. Пусто было и въ полутемной кухнѣ. Войдя въ хижину, онъ увидалъ пустой уголъ, гдѣ обыкновенно стоялъ ея рабочій станокъ; пустой сундукъ былъ раскрытъ, а съ бамбуковой скамьи исчезли всѣ подушки и циновки.

Безмолвный, точно оцѣпенѣлый, глядѣлъ Міанъ на эту картину. Топотъ босыхъ ногъ заставилъ его очнуться; у двери тѣснились женщины, съ любопытствомъ заглядывая внутрь хижины.

— Гдѣ она?—съ яростью набросился онъ на нихъ.

Онѣ перешептывались и поглядывали другъ на друга.

— Хе! Почемъ мы знаемъ.

Въ ту же минуту онѣ разлетѣлись въ разныя стороны, расталкиваемыя сильной рукой, и на порогѣ показалась полуобнаженная, вся въ лохмотьяхъ жена Джалила.

Съ дикимъ воемъ бросилась она къ Міану.

— Онъ ушелъ! Ушелъ съ Далимой!—кричала она, какъ безумная, и била себя въ грудь кулаками.

Тогда заговорили на перебой всѣ женщины.

— Они ушли десять дней тому назадъ!

— Мой мужъ видѣлъ ихъ вонъ тамъ на берегу!

— Онъ сейчасъ возвращался и забралъ съ собой все, что могъ, безсовѣстный!

Міанъ безумными глазами глядѣлъ на всѣхъ.

Тогда жена Джалила схватила его за руку и повернула лицомъ къ морю.

— Вонъ! вонъ! гляди! онъ ѣдетъ къ Далимѣ!

Машинально поднялъ Міанъ глаза и вдругъ, какъ бѣшеный, помчался къ морю.

Джалилъ, который стоялъ, наклонившись, стараясь длиннымъ весломъ оттолкнуть челнокъ отъ берега, въ эту минуту выпрямился и увидѣлъ прямо передъ собой помертвѣлое, искаженное злобой лицо и блескъ ножа.

Внѣ себя отъ ужаса, онъ мгновенно бросилъ весло, вытащилъ свой ножъ и бросился къ борту лодки, чтобы спрыгнуть въ море, но споткнулся, упалъ на бортъ и остался недвижимъ.

Въ ту же минуту, когда Міанъ прыгнулъ въ качающійся челнокъ, безжизненное тѣло Джалила скользнуло за бортъ. Міанъ нырнулъ за нимъ.

Рыбаки, собравшіеся на крики женщинъ, тоже бросились въ море и перехватили обоихъ. Міанъ съ пѣной ярости у рта отбивался отъ цѣлой толпы и кусался, какъ дикій звѣрь, у котораго отнимаютъ добычу.

Джалилъ не подавалъ признаковъ жизни. Рыбаки понесли въ хижину его безжизненное тѣло. Морская вода со слизью и пѣной текла изъ полураскрытаго рта.

Когда женщины съ воемъ и причитаніями обмыли песокъ съ его лица, на лѣвомъ вискѣ его показалось немного крови; капля за каплей тяжело стекала она изъ угла глубоко запавшаго глаза.

Онъ ранилъ себя, упавъ на собственный ножъ.

Мужчины переглядывались и указывали на лезвіе ножа, который подняли въ челнокѣ; заклинаніе Си Лембу Сикиланъ оказалось дѣйствительнымъ: не отъ руки врага погибъ Джалилъ.

Въ хижину вошелъ Міанъ и наклонился надъ безжизненно распростертымъ на полу тѣломъ.

На шеѣ чуть замѣтно бился пульсъ.

Долго, долго глядѣлъ Міанъ. Въ мертвой тишинѣ хижины слышно было его хриплое дыханіе. Наконецъ, не отворачивая лица, онъ отступилъ шагъ назадъ и, весь съежившись, присѣлъ на корточки у стѣны. Глаза его были устремлены на блѣдное лицо, съ глубоко запавшимъ, залитымъ кровью глазомъ.

Женщины начали растирать безжизненное тѣло, медленно и осторожно проводя по немъ пальцами и ладонями.

Мать Джалила, присѣвъ на полъ, обѣими руками держала его голову. Глаза ея не отрывались отъ лица сына, напряженно слѣдя за едва замѣтно опускавшеюся и подымавшеюся грудью.

Слабое дыханіе становилось все слабѣе, прерывалось, замирало, затѣмъ вновь начиналась борьба молодой жизни со смертью, и хриплое дыханіе со свистомъ вырывалось изъ горла.

Старуха, наклоняясь къ самому уху сына, шопотомъ запрещала напуганной душѣ покидать тѣло.

— Джалилъ не долженъ бояться! Онъ побѣдитъ врага!—и вызывающимъ взоромъ глядѣла она на скорчившуюся фигуру Міана.

Но тотъ не видѣлъ ея; взглядъ его попрежнему былъ устремленъ на лицо Джалила.

Такъ прошелъ день.

Женщины уходили и возвращались, принося все новыя настойки цѣлебныхъ травъ и душистыя масла. Онѣ скатывали изъ рису шарики и запихивали ихъ въ горло умирающему, жгли ладанъ, чтобы не дать приблизиться злымъ духамъ.

Время отъ времени онѣ боязливо поглядывали въ уголъ, гдѣ чуть виднѣлась неподвижная фигура.

Наступила ночь.

Джалилъ еще дышалъ, но такъ слабо, что, казалось, только непрерывное движеніе рукъ женщинъ, растиравшихъ тѣло, производило едва замѣтное колебаніе груди. Изрѣдка руки его судорожно подергивались.

Міанъ подползъ совсѣмъ близко.

Въ гробовой тишинѣ хижины слышалось только треніе рукъ по тѣлу умирающаго да слабое потрескиваніе масляной лампочки. Ночной

вѣтерокъ проникалъ сквозь неплотныя стѣны хижины; подъ его дуновеніемъ вспыхивало, поднимаясь вверхъ пламя, пронизывая красноватымъ свѣтомъ окружавшій мракъ, и озаряло то пару глазъ, то плечо, то руку. И при этомъ мерцающемъ свѣтѣ распростертое на полу, вытянувшееся, обнаженное тѣло, казалось, корчилось и содрогалось.

Еще ближе подползъ Міанъ. Напряженно слѣдилъ онъ за этими обманчивыми признаками жизни.

Но затихло на минуту безпокойное пламя, и тѣло снова лежало неподвижно; только неутомимо скользили по нему руки женщинъ.

Безконечная ночь подходила къ концу.

Въ щеляхъ бамбуковой стѣны чуть забрезжилъ бѣлѣсоватый свѣтъ, предвѣстникъ утренней зори. Пламя еще разъ взвилось кверху, затрещало и съ шипѣніемъ погасло.

Міанъ ужъ не могъ ясно различать въ наступившемъ мракѣ лица Джалила.

Старуха-мать все еще держала на колѣняхъ голову сына и по временамъ что-то шептала ему на ухо.

Вдругъ тѣло Джалила содрогнулось, точно судорога прошла по немъ. Раздался раздирающій душу крикъ матери. Міанъ выбѣжалъ изъ хижины.

Женщины подняли вой, засуетились, кто-то вошелъ въ хижину съ горящимъ древеснымъ сукомъ въ рукахъ и помахалъ имъ надъ лицомъ Джалила...

Джалилъ былъ мертвъ.

Въ тупомъ оцѣпенѣніи смотрѣлъ Міанъ, какъ пятикратно обмывали тѣло покойнаго очищающей водой, какъ обвертывали его холстомъ, обкуривали ладаномъ, который такъ любятъ добрые духи.

Онъ видѣлъ, какъ уносили тѣло, какъ опускали его въ могилу, какъ оно исчезло подъ землей. Слышалъ, какъ жрецъ прочиталъ молитву за усопшаго и, нагнувшись надъ могильнымъ холмомъ, подсказалъ покойному исповѣданіе вѣры, чтобы тотъ спокойно могъ предстать предъ лицомъ Монкара и Накира—ангеловъ смерти, на обязанности которыхъ лежитъ производить экзаменъ всѣмъ ожидающимъ воскресенія изъ мертвыхъ.

Все это слышалъ Міанъ, и ни на минуту не промелькнула въ его отупѣвшемъ мозгу мысль о смерти, которая есть конецъ всѣхъ концовъ.

Единственная мысль преслѣдовала его: Джалилъ ускользнулъ отъ его руки, ускользнулъ въ послѣднюю минуту, когда однимъ ударомъ ножа онъ готовился отмстить за все прошлое, за всѣ тѣ не забывающіяся оскорбленія взглядами и словами, отплатить за похищенное врагомъ довольство, честь, любовь, счастье, за все, отъ первой ихъ дѣтской драки до похищенія Далимы.

И вотъ въ эту самую минуту врагъ ушелъ отъ него.

Собственной рукой онъ нанесъ себѣ безболѣзненную рану, сдѣлалъ въ своемъ тѣлесномъ покровѣ отверстіе, черезъ которое ушла его душа, подобно тому, какъ бѣглецъ оставляетъ свою одежду въ рукахъ преслѣдователей и... все-таки остался побѣдителемъ.

Эта мысль была ужаснѣе смерти.

Съ порога своей хижины глядѣлъ Міанъ на поверхность моря, на то мѣсто, гдѣ ушелъ отъ него врагъ и гдѣ теперь ослѣпительнымъ блескомъ сіяла волнующаяся поверхность воды.

По цѣлымъ часамъ сидѣлъ онъ, не спуская глазъ съ этой точки, и ему начинало казаться, что ненавистная голова то показывается, то снова исчезаетъ въ волнахъ; мало-по-малу передъ его взоромъ меркли берегъ, хижины, рыбаки, копошившіеся у своихъ лодокъ, и онъ видѣлъ только Джалила, который, опираясь на длинное весло, собирался оттолкнуть челнокъ отъ берега. Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще видѣлъ онъ эту картину, и кулаки его судорожно сжимались.

По вечерамъ, когда онъ вмѣстѣ съ товарищами возвращался съ рыбной ловли, и тѣ еще издали высматривали свѣтъ въ дверяхъ своихъ хижинъ и, причаливъ къ берегу, спѣшили разойтись по домамъ, Міанъ оставался бродить по берегу.

Наступала ночь.

Красноватые огоньки на берегу гасли одинъ за другимъ. Прибрежный лѣсъ стоялъ окутанный непроницаемой тьмой. По временамъ проносилось холодное дыханіе ночного вѣтра, отъ котораго начинали шелестѣть пальмовыя кроны, а волны слабо плескались о борта лодокъ.

Міанъ сидѣлъ неподвижно, устремивъ взоръ въ одну точку, въ страстномъ нетерпѣніи увидѣть что-то, что должно было показаться тамъ, среди этого мрака и тишины.

Но неподвижно лежала черная поверхность моря; лишь тамъ и сямъ на темныхъ волнахъ поблескивала точно крохотная звѣздочка. Это были свѣтильники, которые прибивало сюда теченіемъ изъ устья рѣки, свѣтильники, возвѣщавшіе о счастливомъ событіи рожденія ребенка. Отецъ новорожденнаго, выплывъ на средину рѣки, пускаетъ на воду скорлупу кокосоваго орѣха, съ жертвенными дарами и зажженнымъ свѣтильникомъ; волны рѣки должны отнести эти дары старымъ, сѣрымъ крокодиламъ; крокодилы—это предки, души которыхъ, покинувъ человѣческое тѣло, нашли надежную защиту въ чудовищной оболочкѣ земноводнаго.

Кишмя кишать они здѣсь, эти давно умершія существа женскаго и мужескаго пола.

Но измѣнился лишь ихъ наружный обликъ. И здѣсь, въ этой новой средѣ, они продолжаютъ жить, сохраняя прежнія чувства и стремленія, попрежнему любятъ, ненавидятъ, льстятъ и довершаютъ то, чего не удалось закончить при жизни.

Вотъ почему и ждетъ Міанъ: здѣсь должна произойти развязка заклятой вражды, здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ коварный врагъ ушелъ отъ его руки, укрывшись отъ его мести въ непроницаемую оболочку крокодила. Здѣсь гдѣ-то, зарывшись въ илъ, лежитъ одноокое чудовище, съ кровавой запекшейся раной на лѣвомъ вискѣ, злобно и трусливо подкарауливая своего врага—Міана.

И Міанъ все ждетъ!

II.

Мать.

Стоя на платформѣ первобытнаго устройства, я глядѣлъ вслѣдъ поѣзду, направлявшемуся отъ этой конечной станціи обратно къ берегу; онъ шелъ теперь къ многолюдному портовому городу, гавань котораго кишѣла множествомъ судовъ, совершавшихъ кругосвѣтное плаваніе; шелъ туда, гдѣ сосредоточилась европейская цивилизація. А передо мной, окутанныя густымъ утреннимъ туманомъ, напоминающимъ безбрежное море, разстилались вплоть до протянувшейся на горизонтѣ горной цѣпи необозримыя рисовыя поля. Четыреугольное зданіе желѣзнодорожной станціи представлялось мнѣ пограничнымъ камнемъ, раздѣлявшимъ Западъ отъ Востока.

Я сѣлъ въ ожидавшій меня экипажъ. Когда хорошенькія явайскія лошадки тронулись по дорогѣ, извивавшейся между рисовыми полями, мнѣ пришло въ голову, что съ этой минуты я вступаю въ совсѣмъ чуждый міръ и начинаю новое существованіе.

Солнце еще не подымалось изъ-за тянувшейся на востокѣ цѣпи горъ, и вершины ихъ отчетливо чернѣли на оранжевомъ фонѣ неба. Широкая равнина бѣлѣла въ предразсвѣтномъ туманѣ.

Но вотъ мало-по-малу, кое-гдѣ, отдѣльными пятнами начала просвѣчивать свѣжая зелень рисовыхъ посѣвовъ.

Для сельскаго люда день уже начался. Сквозь рѣдѣвшій туманъ я разглядѣлъ нѣчто въ родѣ шалаша, устроеннаго изъ прислоненныхъ другъ къ другу сноповъ. Двое человѣческихъ существъ сидѣли у разведеннаго изъ рисовой соломы костра, приготовляя себѣ пищу. Очевидно, здѣсь же, подъ душистымъ покровомъ свѣжихъ сноповъ, они провели и ночь, совсѣмъ какъ пара куропатокъ въ полѣ. Вмѣстѣ съ птицами они пробудились отъ дневного свѣта и холоднаго дуновенія предразсвѣтнаго вѣтерка, долетавшаго сюда съ горъ. Точно птицы.

Небосклонъ розовѣлъ съ каждой минутой. Розовый свѣтъ перистыхъ облаковъ отражался въ зеркалѣ болотистой почвы, и скоро вся окрестность, все еще покрытая прозрачной пеленой тумана, приняла

видъ сплошного сада распустившихся ярко-розовыхъ цвѣтовъ, лишь изрѣдка прерывавшагося отдѣльными группами пальмъ, которыя казались при этомъ освѣщеніи отлитыми изъ бронзы, да сторожевыми будками, на высокихъ сваяхъ.

Вдругъ это розовое освѣщеніе поблекло и смѣнилось яркимъ бѣлымъ свѣтомъ. Наступилъ день.

Далеко, далеко, вплоть до самой горной цѣпи, выдѣлявшейся теперь лиловой массой, тянулись рисовыя поля, залитыя яркимъ солнечнымъ свѣтомъ.

Дорога становилась все оживленнѣе. Навстрѣчу намъ попалась группа женщинъ, длинной вереницей шедшихъ одна за другой, со смѣхомъ и пѣснями, точно на праздникъ. Праздничный видъ имѣли и ихъ одежды: красныя, свѣтло-зеленыя и лиловыя «кобайа» и пестрые «сленданги», красиво свѣшивавшіяся съ плечъ; яркіе цвѣты были вплетены въ блестящіе волосы съ воткнутыми въ нихъ въ видѣ украшеній деревянными, имѣющими форму кинжаловъ, ножами. Онѣ шли на уборку риса.

Товарки и молодые люди окликали ихъ изъ чащи спѣлыхъ колосьевъ.

— Эй, Сатира! Алоэсъ! Сюда.

Граціозно, точно пестрыя бабочки, пробирались онѣ между стеблями и начинали срѣзывать одинъ за другимъ спѣлые колосья, будто срывая цвѣты для вѣнковъ. Казалось, онѣ не работали, а забавлялись, купаясь въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ.

Но вотъ, осталось позади и поле съ веселыми жницами.

Рѣчку, которая была видна еще издали, переѣхали въ бродъ. Наступалъ полдень.

По прежнему, и справа, и слѣва, и далеко впереди разстилались необозримыя рисовыя поля. Мѣстами волнистая равнина прерывалась бамбуковыми рощицами, откуда слышались человѣческіе голоса, и вился вверхъ дымокъ: тамъ за живой зеленой стѣной пріютилась деревенька. Тѣсной толпой стояли высокія стройныя деревья съ пышными листьями, дающими тѣнь и свѣжесть укрывавшимся подъ ихъ защитой людямъ.

Какъ настоящіе дѣти природы, родятся они и выростаютъ и живутъ здѣсь, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, который самъ о себѣ печется...

Да и какія могутъ быть у нихъ заботы? Жилище, домашняя утварь, одежда, пища и питье—все, что нужно имъ, у нихъ тутъ же подъ руками и въ количествѣ, превышающемъ ихъ потребности. Богатство ихъ ежедневно обновляется.

Полныя жизни рощицы приближаются, равняются съ нами, остаются позади, и вновь передъ глазами разстилаются необозримыя рисовыя поля, то молодые всходы, то въ цвѣту, а мѣстами и вполнѣ созрѣв-

шіе для жатвы, и тянутся вплоть до самой горной цѣпи, которая все еще смутно рисуется вдали и какъ будто удаляется по мѣрѣ нашего стремленія впередъ... Все здѣсь — безконечность, блескъ, богатство, сила могучей жизни.

Мнѣ вспомнилась моя родина, на густо заселенномъ сѣверѣ, гдѣ земля придавлена каменными громадами, изрѣзана желѣзными дорогами, изрыта глубокими копями; немного остается простору для произростанія, и земля стала такъ безсильна, что человѣку приходится питать ее, если угодно пользоваться ея производительными силами.

Можно ли повѣрить, что это одна и таже планета?

Всякое представленіе о времени и пространствѣ покинуло меня, когда, наконецъ, я достигъ конца равнины. Отъ горъ уже ложились на поля тѣни, но вершины были еще озарены красноватымъ свѣтомъ. Наступилъ вечеръ.

Добраться засвѣтло до «пазангъ-грахан'а», гдѣ я предполагалъ провести ночь, оказалось невозможно, но «туканъ-кудао» (возница), хорошо знавшій мѣстность, упомянулъ о хижинѣ туземца, находившейся гдѣ-то здѣсь въ лѣсу, покрывавшемъ горы. Попавшійся намъ на встрѣчу человѣкъ, котораго остановилъ мой возница, послѣ нѣкотораго колебанія и отнѣкиваній сознался, что ему извѣстна эта хижина,—она находится по ту сторону лѣса, у самаго берега моря, и предложилъ проводить насъ до мѣста. Мы слѣдовали за нимъ, то поднимаясь, то спускаясь съ холма на холмъ, пробираясь между колючими кустарниками, и наконецъ, достигли лѣса. Вечерніе лучи солнца еще золотили его опушку, деревья стояли точно бронзовыя колонны, съ которыхъ свѣшивались горѣвшіе на солнцѣ пышныя кроны; и на ихъ яркомъ фонѣ черными пятнами выдѣлялись пещерообразныя прогалины между деревьями. Копыта лошадей увязали въ мягкомъ грунтѣ. Вдругъ яркое небо исчезло, и лѣсъ охватилъ меня своимъ тяжелымъ покровомъ.

Съ минуту я чувствовалъ себя погруженнымъ въ глубокій ночной мракъ, затѣмъ, точно волна подхватила меня и вынесла на поверхность. Понемногу я сталъ смутно различать очертанія деревьевъ. Временами въ чащѣ слышался какой-то звукъ. Что это? Паденіе ли вызрѣвшаго, отягощеннаго сокомъ, плода, тяжести котораго не выдержала вѣтка, или осторожный прыжокъ хищнаго звѣря, горящими глазами выслѣживающаго добычу? А можетъ быть, это и змѣя съ шипѣніемъ бросилась съ дерева на землю.

Въ разслабляющей влажной горячей атмосферѣ лѣса не чувствовалось ни малѣйшаго движенія воздуха, со всѣхъ сторонъ неслись звенящіе звуки насѣкомыхъ. Стрекотаніе кузнечиковъ казалось невыносимо рѣзкимъ. Минутами все затихало, и эта напряженная тишина среди милліоновъ живыхъ существъ лѣсного царства пугала своею таинственностью.

Тѣмъ временемъ нашъ провожатый устроилъ факелъ, наполнивъ полый бамбуковый стволъ масломъ и воткнувъ въ него наскоро сплетенный изъ древесныхъ волоконъ фитиль, зажегъ его и принялся помахивать имъ надъ головой, чтобы дать разгорѣться трещавшему пламени. Красноватый отблескъ падалъ на склоненныя головы лошадей и ихъ устало передвигавшіяся ноги; туканъ-кудао велъ подъ уздцы переднюю лошадь.

Это былъ уже не тотъ рабъ, печальное лицо котораго я такъ часто видѣлъ у себя во дворѣ при свѣтѣ солнца или озаренное свѣтомъ лампы въ моемъ мраморномъ домѣ. Сынъ своего народа, онъ какъ-то выпрямился и точно выросъ, вступивъ на родную почву, принадлежавшую его племени, не взирая на чужеземное владычество. Мракъ, дикій лѣсъ, незримая, кишащая вокругъ жизнь ему хорошо знакомы, онъ не боится ихъ. Онъ шествовалъ теперь точно королевичъ по своему дворцу. Наемный слуга, чистившій скребницей моихъ лошадей, вдругъ превратился въ принца, подобно тому какъ тѣ жалкія деревья, которыя прозябаютъ въ пыли городскихъ улицъ—являются здѣсь гигантами, а жужжаніе единичныхъ насѣкомыхъ, привлеченныхъ въ домъ свѣтомъ лампы — слышатся здѣсь слитыми въ цѣлое море звуковъ. На родной почвѣ все принимаетъ свой естественный, природный видъ. Все мелкое, безличное, повседневное, занесенное нами, жителями запада, на востокъ, здѣсь исчезаетъ, поглощается величіемъ, точно пыль со скалы, омываемой волной океана.

Туземцы вполголоса вели бесѣду. Проводникъ передавалъ послѣднія новости своего селенія: описывалъ праздникъ «брачнаго пира риса», разсказывалъ, какъ поссорились два сосѣда изъ-за буйвола, потоптавшаго засѣянное поле, и сообщилъ, что красивая молодая женщина продалась арабу-растовщику.

Я внимательно прислушивался къ ихъ разговору.

Журчащій звукъ судакскаго языка, облеченныя словами мысли этихъ дѣтей Востока доносились до моего слуха, принимая теперь для меня новый смыслъ. Отъ ихъ незначительнаго разговора повѣяло на меня чѣмъ-то загадочнымъ, какой-то непроницаемой глубиной, кроющейся подъ доступной нашему глазу поверхностью туземнаго быта.

Необъятная громада лѣса, оставшаяся позади, зеленая равнина, ослѣпительный солнечный свѣтъ и этотъ мракъ, лицо моего слуги, разсказы провожатаго туземца привели меня къ сознанію, что, несмотря на двухвѣковое владычество на Востокѣ, мы имѣмъ здѣсь передъ собой до сихъ поръ еще неразгаданный, непонятный для насъ таинственный міръ. Неразгаданность эта чувствуется вездѣ и во всемъ: въ плетущихся по пыльнымъ улицамъ города прадавцахъ фруктовъ, въ женщинахъ, купающихся въ сверкающей подъ лучами утренняго солнца рѣкѣ, въ зрителяхъ, присутствующихъ при боѣ кучечниковъ, въ замаскированныхъ звѣриными масками участникахъ народныхъ праздн-

нествъ, въ рѣзкомъ пѣніи бродячихъ танцовщицъ, въ неподвижномъ мутномъ взорѣ курильщиковъ опіума; той же таинственностью облечена для насъ и сама природа, проявляющаяся въ могучемъ развитіи растительнаго и животнаго царствъ, въ вѣтрѣ, превращающемъ воздухъ въ бушующее море, сожигающемъ почву, которая даетъ трещины подъ его палящемъ дыханіемъ, въ самой земной корѣ, выдвигающей изъ нѣдръ своихъ цѣлые острова и извергающей огонь изъ вулкановъ.

Туземцы продолжали свой разговоръ, въ которомъ я различалъ часто повторяющееся имя «Аисса».

«Аисса... Аисса...» старался я припомнить.

Это было имя женщины, молодой красивой женщины, которая убила своего возлюбленнаго, когда тотъ заснулъ, положивъ голову къ ней на колѣни. Жители Сингона показываютъ чужестранцамъ ея заросшую сорными травами могилу. «Она потеряла всякій стыдъ: она убила своего господина, Хади Кусомо, цвѣтъ народа, потомка царскаго рода». Она обнимала цѣловала его и убила.

Мужчины и женщины ея племени осудили ее, осудили не за то, что она убила человѣка, но за то, что подняла руку на княжескаго сына. Потомъ мнѣ пришла на память исторія одного раба, пятнадцать лѣтъ прослужившаго вѣрой и правдой своей госпожѣ и убившаго ее топоромъ, когда его ребенокъ, котораго она ласкала, внезапно скончался.

Вспомнилась мнѣ дѣвушка изъ одного кампонга; отвергнутая, униженная своимъ господиномъ, она тайно послѣдовала за нимъ въ походъ, день и ночь отыскивала его на полѣ брани, пока не нашла его, наконецъ, умирающимъ среди убитыхъ и вынесла на собственной спинѣ подъ перекрестнымъ огнемъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Однѣ за другими приходили на память недоступныя моему пониманію исторіи и дѣянія.

Благороднѣйшая нѣжность и самоотверженіе невольницы, счастливой своимъ рабствомъ, превращается вдругъ въ необузданную ненависть, доводящую до убійства среди ласкъ и поцѣлуевъ. Какъ же такъ? Почему?

Но если бы намъ и отвѣтили, мы все равно не поняли бы, мы поймемъ слова, но не поймемъ ихъ истиннаго смысла. Мы цѣнимъ любовь, честь, вѣрность, доблесть. О, и они цѣнять эти качества! Но подъ словомъ любовь мы понимаемъ одно, они другое, и добро и зло они понимаютъ иначе.

Востокъ и Западъ. Другое небо, другая земля, и нѣтъ моста черезъ эту пропасть...

Пламя факела ярко вспыхнуло, заколебалось и отбросилось назадъ. Дуновеніе влажнаго вѣтра коснулось моего лба. «Туканъ-кудао» обернулся ко мнѣ.

— Мы пріѣхали къ морю, господинъ. Вотъ хижина, о которой говорилъ Кромо.

И онъ указалъ на виднѣвшійся невдалекѣ красноватый свѣтъ, раздѣлявшійся по мѣрѣ нашего приближенія на два вырисовавшихся на темномъ фонѣ свѣтлыхъ пятна, четыреугольникъ открытой двери и отраженіе его на поверхности моря.

Нашъ проводникъ направился къ хижинѣ, и до насъ донесся его окликъ:

— Ло! Ке Керто, здѣсь господинъ, который желаетъ переночевать.

Въ красноватомъ сіяніи факела вырисовывался силуэтъ старика, на ходу старавшагося натянуть выцвѣтшій «саронгъ» на свои худые члены.

— Мой домъ—твой домъ, господинъ,—сказалъ онъ.

Я вошелъ въ хижину. Скудный свѣтъ масляной лампочки круглымъ пятномъ падалъ на полъ, оставляя во мракѣ потолокъ и стѣны. Въ углу виднѣлись наваленныя сѣти и рыболовныя принадлежности, глиняные кувшины и сосуды грубаго мѣстнаго производства. Черезъ открытую дверь въ противоположной стѣнѣ я увидѣлъ женщину, которая, присѣвъ на корточки, раздувала огонь. Шумъ моихъ шаговъ заставилъ ее обернуться. Она медленно приподнялась и вошла въ полосу свѣта.

Это была уже немолодая женщина, съ лицомъ, покрытымъ морщинами, худая и хрупкая, какъ высохшій листъ. Ея впалое лицо было окружено цѣлымъ ореоломъ сѣдыхъ волосъ.

Она привѣтствовала меня явайскимъ поклономъ, медленнымъ и исполненнымъ достоинства, несмотря на смиренно склоненную голову, и молча занялась приготовленіемъ ужина.

Я сѣлъ на скамью у входа въ хижину. Отсюда мнѣ видно было, какъ она хлопотала у очага, то исчезая, то появляясь въ освѣщенномъ пространствѣ.

И когда отблескъ красноватаго пламени озарялъ ея лицо, сквозь его глубокія морщины какъ-то проглядывали слѣды былой красоты. Раза два я уловилъ ея обращенный на меня взглядъ, въ которомъ выражалась страстная надежда и вмѣстѣ недовѣріе. Это былъ взглядъ отвыкшаго отъ людей существа, которое смотритъ на незнакомаго пришлеца изъ давно покинутаго имъ міра, который своимъ появленіемъ можетъ принести и радость, и горе.

Старикъ присѣлъ на корточки у моихъ ногъ.

Я далъ ему нѣсколько папиросъ, при видѣ которыхъ глаза его заблестѣли, и беззубый ротъ улыбнулся.

— Благодарю, господинъ. Отсюда такъ далеко до базара въ Тунгулѣ, гдѣ можно купить табаку. А я старъ, все тѣло мое болитъ отъ лихорадки.

— Почему же вы здѣсь живете, если здѣсь нездоровая мѣстность и такъ далеко отъ почтовой дороги и отъ селенія?—спросилъ я.

Онъ отвѣчалъ уклончиво.

— Мы уже давно здѣсь живемъ, очень давно,—и, помолчавъ немного, добавилъ:—рисъ здѣсь хорошо растетъ, море полно рыбой.

Онъ, прищурясь, глядѣлъ туда, гдѣ у огня виднѣлась фигура его жены, и по движенію его глазъ я могъ слѣдить за всѣми ея движеніями. Онъ не отрывалъ отъ нея взгляда, точно преданная собака, ожидающая малѣйшаго знака своего господина.

Едва я сдѣлалъ видъ, что присутствіе его мнѣ не нужно, какъ онъ всталъ и исчезъ въ хижинѣ.

Скоро я услышалъ, какъ жена приказала:

— Принеси еще воды, да не черпай у берега, а подальше; тамъ, гдѣ бьетъ ключъ.

Старикъ появился снова, съ глинянымъ кувшиномъ въ рукѣ, и сталъ спускаться къ морю.

Меня это поразило. Тонъ, которымъ было отдано приказаніе, и безпрекословная покорность мужа—явленіе необычайное среди туземцевъ.

Минуту спустя, женщина подала мнѣ ужинъ: рисъ и жареную рыбу на свѣжемъ листѣ банана. Я поѣлъ и улегся спать на бамбуковой скамьѣ, на которой было разостлано мое дорожное одѣяло.

Но чрезмѣрная физическая и нравственная усталость не давала мнѣ заснуть. Я ворочался съ боку на бокъ на скрипучей скамьѣ и глядѣлъ на чернѣвшіе углы хижины, на голубоватыя пятна луннаго свѣта, проникавшаго въ оставленное для притока воздуха отверстіе въ плетеной стѣнѣ хижины; пятна эти то и дѣло мѣняли свою форму, дѣлались то ярче, то темнѣе.

Ночь, повидимому, была ослѣпительная. Ночнымъ птицамъ, безшумно парившимъ въ высотѣ, лѣсъ долженъ былъ теперь представляться серебристо-зеленымъ лугомъ. Кругомъ должны были виднѣться залитыя луннымъ свѣтомъ горныя вершины. Ни слѣда человѣческаго жилья, исключая чернѣвшей хижинки, притаившейся въ лѣсу, у берега моря.

Какимъ фантастичнымъ, непохожимъ на повседневную будничную жизнь представлялось мнѣ существованіе этихъ двухъ стариковъ, одинокихъ заброшенныхъ въ уединеніи дѣвственнаго лѣса. Старикъ, кажется, былъ тупо доволенъ своимъ безмятежнымъ прозябаніемъ, но въ глазахъ старухи, въ ея движеніяхъ чувствовалось что-то мятежное, что приковывало къ себѣ вниманіе, тревожило душу.

Гдѣ-то близко надъ кровлей проснулась ящерица «гекко» и начала выкрикивать свое «гек-ко», «гек-ко».

Машинально началъ я считать отрывистые крики: сколько лѣтъ прожила ящерица, столько разъ она и выкрикиваетъ, говорятъ туземцы. Странные звуки закончились хриплымъ ворчаніемъ.

Утомившись ворочаться съ боку на бокъ, я рѣшился, наконецъ, встать и вышелъ изъ хижины.

*

Полная луна въ самомъ зенитѣ бѣлаго, точно алебастроваго неба. Море сверкало. Тѣнь росшаго у двери хижины куста кембанга съ такой отчетливостью вырисовывалась на бѣломъ отъ луннаго свѣта фонѣ земли, что казалась вторымъ плоскимъ кустарникомъ. Не чувствовалось ни малѣйшаго движенія вѣтерка, но временами съ моря тянуло прохладой.

Тишина была полная. Въ томъ напряженномъ состояніи, въ какое привела меня непривычная обстановка, мнѣ казалось, что вотъ-вотъ должно случиться что-то необычайное, и я ждалъ, невольно затаивъ дыханіе.

Вдругъ рядомъ со мной выросла тѣнь. Я въ испугѣ обернулся. Это была старуха, устремившая на меня горящій взглядъ.

— Что вамъ нужно, жена Керто?—спросилъ я.

Она въ умоляющей позѣ опустилась передо мной на колѣни и проговорила высокопарное предисловіе, которымъ явайцы начинаютъ каждую просьбу:

— Господинъ! въ твоихъ рукахъ моя жизнь и смерть, и потому дерзаю припасть къ стопамъ твоимъ.

— Говори откровенно, что я могу для тебя сдѣлать? Я слушаю,— отвѣтилъ я.

— Господинъ. Сердце мое исполнено печали. Черезъ нѣсколько дней начнется мѣсяцъ Пуаза, и я должна принести жертву на могилѣ моего сына въ Сингаѣ.

Я понялъ недосказанную просьбу.

— Путь мой не лежитъ на Сингонъ, матушка. Чтобы доставить тебя туда, мнѣ пришлось бы сдѣлать большой кругъ.

Старуха обняла мои ноги и съ страстной мольбой прижималась къ нимъ лицомъ.

— О, господинъ, душой твоей матери заклинаю тебя, свези меня туда! Ты видишь, я стара. Навѣрное не долго проживу. Кто тогда почтитъ жертвоприношеніемъ могилу моего сына?

И она рыдала, эта старуха, мать умершаго сына, точно видѣла его беззащитнымъ младенцемъ вдали отъ себя и некому было помочь ему.

— Да развѣ нѣтъ у тебя невѣстки, развѣ не оставилъ твой сынъ дѣтей, которыя могли бы почтить его память, согласно священному завѣту?

— Какъ же это могло бы случиться? Сыну моему было нѣсколько мѣсяцевъ, когда Густи-Аллахъ призвалъ его предъ лицо свое. Я еще кормила его грудью.

И безсознательнымъ движеніемъ она сложила руки, какъ бы прижимая къ себѣ младенца, приникшаго къ ея груди. Губы ея беззвучно шевелились. Можетъ быть, она шептала нѣжныя названія, которыми когда-то осыпала малютку, лежавшаго у нея на рукахъ, съ необсохшимъ еще молокомъ на полураскрытыхъ губкахъ.

Растроганный, я обѣщалъ исполнить ея желаніе.

— Хорошо, хотя мнѣ и придется сдѣлать большой кругъ, но я доставлю тебя и старика Керто въ Сингонъ.

Ея судорожно сжатыя руки распались и лицо приняло жестокое выраженіе.

— А что будетъ дѣлать Ке-Керто на могилѣ моего сына? Вѣдь онъ все равно, что пугало, которое ставятъ на рисовыхъ поляхъ, все равно, что ступа, въ которой я толку рисъ!

Я попытался заступиться за слабоумнаго старика:

— Но, вѣдь, и ему, вѣрно, хотѣлось бы положить на гробъ своего сына цвѣты мелати, яйцо и душистый бальзамъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! Не хочу, чтобъ онъ приносилъ жертву на могилѣ моего сына. Онъ служилъ тропинкой для подошвъ проклятаго «ведано»! Да поглотитъ адъ его душу!

Губы ея дрожали, и сквозь тонкую «кабайа» видно было, какъ билось и трепетало ея сердце.

— Кто же, матушка, былъ этотъ злодѣй, какое преступленіе онъ совершилъ, что ты обрекаешь его душу на вѣчныя муки?

Быстрымъ движеніемъ, напоминавшимъ движеніе ядовитой змѣи, она подняла голову.

— Это—Хади Кусомо, собака: онъ приказалъ своему слугѣ отравить моего ребенка. О, да будутъ прокляты кости его матери! Да погибнетъ весь родъ отъ руки Аллаха! Да исчезнетъ весь онъ съ лица земли!

Лицо ея стало такъ блѣдно, что я испугался, какъ бы она не лишилась чувствъ, и, чтобы заставить ее опомниться, я строго замѣтилъ:

— Святое Писаніе запрещаетъ проклинать. Возмездіе за всѣ грѣхи въ рукахъ Аллаха всеправеднаго. Знай, что человѣкъ, который умертвилъ твоего ребенка, самъ погибъ ужасной смертью. Его же рабыня, Аисса убила его въ то время, когда онъ спалъ, положивъ голову къ ней на колѣна.

Жестокая улыбка исказила ея лицо.

— О, я знаю, знаю это,—и пристально взглянувъ на меня добавила:—я—Аисса.

Я невольно отступилъ на шагъ, но она этого не замѣтила. Она продолжала говорить, и слова ея звучали глухо, точно съ трудомъ выходя изъ груди, сдавленной тягостными воспоминаніями.

— Я отправилась на торжество обрѣзанія сына Пакъ-Діойо, чтобы помочь въ приготовленіяхъ къ пиршеству, «ведано» также былъ на этомъ торжествѣ и, увидавъ меня, пожелалъ, чтобы я принадлежала ему. Въ тотъ же вечеръ его слуга явился въ домъ моего мужа и сказалъ:

— Мать Сидана, приди помогать женѣ моего господина: она желаетъ устроить жертвенный пиръ по случаю освященія новаго амбара для риса.

Но я боялась Хади Кусома, знала его нечестіе и жестокое сердце. Поэтому отвѣтила посланцу:

— У меня маленькій ребенокъ, котораго я кормлю грудью. На кого я его покину?

И слуга ушелъ.

Тогда я пошла къ своему мужу и сказала:

— Отецъ Сидана, господинъ требуетъ, чтобы я пришла къ нему въ домъ.

Но онъ сказалъ мнѣ на это:

— Жена, я маленькій человѣкъ, какъ я могу противиться могущественному «ведано»?

Страхъ овладѣлъ мною, и я перестала ходить въ поле и на базаръ и все время оставалась дома. Но однажды вечеромъ я должна была пойти на рѣку выкупаться и вымыть одежду моего ребенка. Прежде чѣмъ уйти, я положила малютку подлѣ отца, который курилъ, лежа на «балэй-балэй».

— Отецъ Сидана, смотри за ребенкомъ, чтобы онъ не плакалъ, пока я вернусь.

И я пошла на рѣку, выкупалась и выстирала одежду моего сына.

Когда я вернулась домой, моего сына уже не было.

Мой мужъ былъ во дворѣ. И я спросила его:

— Гдѣ мое дитя?

— Почему я знаю, гдѣ дитя? Конечно, дома.

Но дома его не было. Въ это время мимо проходила жена Пелока, возвращавшаяся съ поля, и сказала мнѣ:

— Э, женщина, женщина, сейчасъ я встрѣтила слугу «ведано», который несъ твоего ребенка.

Отъ испуга я разронила всѣ одежды, которыя держала въ рукахъ, и съ распущенными волосами бросилась бѣжать къ дому «ведано». Хади Кусомо я застала сидящимъ подъ навѣсомъ съ трубкой во рту. Со смѣхомъ онъ схватилъ меня и сказалъ:

— Ло, что случилось? Мать Сидана, иди-ка сюда.

— Господинъ, гдѣ мое дитя?—воскликнула я.

Онъ отвѣтилъ:

— Твое дитя у меня въ домѣ, оно плачетъ. Почему ты не идешь покормить его?

И онъ приказалъ слугѣ пустить меня въ домъ, и тамъ меня заперли въ тѣсную комнату.

— О, господинъ, цѣлую ночь я слышала, какъ плакало мое дитя, какъ оно кричало до хрипоты, а женщина находившаяся при немъ говорила: «Молчи, а то задушу», и она била его по ротику, и я слышала эти удары.

— О ла-Илла! дитя мое!

Судорожно вцѣпившись руками въ одежду, несчастная раскачивалась

изъ стороны въ сторону отъ нестерпимыхъ мукъ, причиняемыхъ этимъ воспоминаніемъ.

— О ла-Илла, дитя мое, мое единственное дитя!

Вопли ея разрывали мнѣ сердце, и отъ состраданія я не находилъ словъ, которыя могли бы утѣшить ее.

А она продолжала.

— Тогда я сказала «ведано»:

— Я буду навѣки твоей рабыней, отдай только мнѣ ребенка. А онъ, проклятый, отвѣчалъ со смѣхомъ: Хорошо, хорошо, завтра.

Когда наступилъ день, женщина принесла мнѣ ребенка. Но, чтобы я не убѣжала, насъ держали взаперти, и, чтобы помучить меня, Хади Кусомо отбиралъ у меня ребенка и, наконецъ, о господинъ, онъ сказалъ мнѣ:

— И что ты такъ сокрушаешься о сынѣ ничтожнаго человѣка? Неужели въ Коведананѣ мало женщинъ, чтобы присмотрѣть за нимъ? Мнѣ уже надоѣло смотрѣть на него.

Я испугалась за своего сына, чтобы Хади Кусомо не сдѣлалъ ему какого вреда, отдала его одной изъ женщинъ и сказала ей:

— Когда «ведано» не будетъ дома, приноси мнѣ дитя. Я ничего для тебя не пожалѣю, подарю тебѣ все, что захочешь.

И въ то время, когда «ведано» не было дома, она приносила мнѣ моего сына, но однажды «ведано» вошелъ неожиданно и увидѣлъ, что я держала на рукахъ и забавляла моего малютку. Онъ не сказалъ ни слова, но ужасъ сдавилъ мое сердце.

И на слѣдующій же день сынъ мой заболѣлъ. Тѣльце его похолодѣло, онъ не хотѣлъ брать грудь и плакалъ, не умолкая. Цѣлый день я держала его у груди, отогрѣвая его своимъ дыханіемъ.

Хади Кусомо вошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— Что это женщина? Сынъ твой боленъ?

Я ничего не отвѣтила. Цѣлую ночь просидѣла я съ ребенкомъ на рукахъ, а когда стало разсвѣтать, онъ скончался.

— О Ала-Алахъ, онъ умеръ, умерло мое единственное дитя!

Лицо несчастной покрылось смертельною блѣдностью, голова откинулась назадъ, и изъ-подъ сомкнутыхъ вѣкъ капля за каплей полились тяжелыя слезы.

Я съ трудомъ преодолѣлъ свое волненіе и сказалъ:

— Господь утѣшитъ тебя, мать Сидана.

— Мое дитя умерло,—глухо повторила она и, помолчавъ съ минуту, продолжала:—мое сердце истекало кровью, а «ведано» смѣялся и говорилъ:

— Что за глупости! Развѣ можно такъ сокрушаться о сынѣ ничтожнаго человѣка? Перестань плакать. Если захочешь, будешь имѣть двадцать сыновей княжескаго рода. Не уходи въ домъ твоего мужа, оставайся здѣсь и служи мнѣ.

Жажда мести овладѣла моимъ сердцемъ, и я сказала:

— Хорошо, господинъ, я буду служить тебѣ.

Тогда только меня выпустили на свободу.

Я переждала одинъ день, а на слѣдующій отправилась къ «дукунъ», разсказала ей все, какъ было, и попросила:

— Помоги мнѣ извести «ведано».

Она научила меня заклинанію, заглянула въ свою книгу, что-то высчитала и затѣмъ сказала:

— Въ пятницу, которая называется «дьюмагатъ-вагетъ», можешь исполнить то, что повелѣваетъ тебѣ сердце. И будетъ тебѣ удача.

Когда наступила «дьюмагать-вагетъ», я особенно старалась угодить Хади Кусомо, и онъ остался доволенъ мною и сказалъ:

— Возьми гребень и расчесывай имъ волосы.

И, улегшись на циновку, онъ положилъ голову мнѣ на колѣна.

Тогда я вытащила изъ-за пояса наточенный ножъ и, произнося мысленно заклинаніе, которому научила меня «дукунъ», я вонзила ножъ ему въ затылокъ.

— Вотъ тебѣ за моего ребенка!

Сжавъ конвульсивно кулакъ, она размахивала имъ въ воздухѣ, повторяя:

— Вотъ, вотъ тебѣ...

Онъ упалъ ко мнѣ на колѣни, но я отбросила его тѣло. Онъ еще былъ живъ и попытался ударить меня своимъ кинжаломъ. Но въ эту минуту я была сильнѣе десяти мужчинъ. Одинъ за другимъ я наносила ему удары въ грудь, въ шею, куда попало — вотъ такъ, вотъ такъ.

Вся согнувшись впередъ, точно видя передъ собою распростертое на землѣ тѣло врага, она яростно размахивала кулакомъ.

— О, ножъ мой не давалъ промаха! Лицо его болѣе не походило на лицо человѣческое. Я сторицею воздала ему за смерть моего сына.

Глаза ея свѣтились дикимъ торжествомъ. Годы, сѣдина, старческое слабое тѣло точно спали съ нея, какъ слой пепла съ тлѣвшаго подъ нимъ пламени. Это была снова восемнадцатилѣтняя, оскорбленная, безумная отъ горя мать, готовая, какъ тигрица, броситься на убійцу своего дѣтеныша.

— Да,— съ дикимъ смѣхомъ, исказившимъ ея лицо, воскликнула она:—я убила его собственными руками.

Нѣсколько времени она молчала. Глаза ея горѣли мрачнымъ огнемъ. Затѣмъ она воскликнула:

— Я исполнила то, что приказывало мнѣ сердце!

Я глядѣлъ на нее, эту убійцу, какъ приманкой, воспользовавшуюся своимъ тѣломъ, и ея злодѣяніе казалось мнѣ величественнымъ проявленіемъ материнской любви. Я едва осмѣлился сказать:

— Господь, создавшій мать и дитя, утѣшитъ тебя, мать Сидана. А я сдѣлаю для тебя все, что въ моей власти.

Что читаетъ и чѣмъ интересуется учащаяся молодежь.

I.

Въ послѣдніе годы и въ печати, и въ обществѣ очень много говорилось о современной молодежи. И защитниковъ у молодежи было, несомнѣнно, меньше, чѣмъ противниковъ.

Одинъ изъ лучшихъ современныхъ писателей, художественное дарованіе котораго я высоко цѣню и мнѣніями котораго очень дорожу, какъ-то говорилъ мнѣ: «Нѣтъ ничего скучнѣе молодежи, и я не выношу ее. Какая она тупая, бездарная, лѣнивая, невѣжественная и притомъ—самонадѣянная! Всѣ эти гимназистики, студентики, точно новенькіе пятіалтынные, другъ на друга похожи; все у нихъ чужое, говорятъ отъ книжекъ, съ чужихъ словъ, всѣ подъ одну масть»...

Приведенное мнѣніе говоритъ за цѣлую массу людей, умудренныхъ жизнью, и охотно повторяется и въ обществѣ, и въ періодической печати.

Существуетъ и другое мнѣніе. Опредѣленная, но незначительная по своимъ размѣрамъ, часть культурной публики убѣждена въ томъ, что въ рядахъ молодежи чувствуется настоящее біеніе жизни.

Которое же изъ двухъ приведенныхъ мнѣній справедливо?

Разрѣшить этотъ вопросъ не такъ легко, какъ это кажется на первый взглядъ.

Я цѣлый рядъ лѣтъ жилъ одной жизнью съ учащимися трехъ учебныхъ заведеній и жизнь учащихся въ этихъ заведеніяхъ изучилъ въ мельчайшихъ подробностяхъ. И мои знанія молодежи говорятъ исключительно въ пользу второго мнѣнія. Но не довѣряя своимъ личнымъ впечатлѣніямъ и наблюденіямъ въ ограниченномъ кругу, я рѣшилъ сдѣлать анкету по этому вопросу въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Собранныя свѣдѣнія дали богатый матеріалъ для рѣшенія поставленнаго выше вопроса и характеристики современной учащейся молодежи и еще сильнѣе убѣдили меня въ той мысли, что наша молодежь, учащаяся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, живетъ всѣми чувства, всѣми силами своей души.

Свѣдѣнія эти я собралъ путемъ печати.

Въ февралѣ мѣсяцѣ прошлаго года я напечаталъ въ одномъ изъ

періодическихъ изданій обращеніе къ русскому юношеству. Въ своемъ обращеніи я просилъ учащихся въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній отвѣтить мнѣ на слѣдующіе два вопроса:

1) Изъ всѣхъ прочитанныхъ вами книгъ какая книга (или книги) больше всего вамъ понравилась и почему?

2) Какой вопросъ (или вопросы) и какая наука (или науки) больше всего васъ интересуютъ въ настоящее время и почему? *).

Мнѣ говорили, что мое обращеніе останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и указывали на то, что обращенія къ публикѣ въ странѣ съ слабо развитой общественностью—пустая, безполезная затѣя.

Говорившіе это во многомъ были правы.

Мнѣ не разъ приходилось наблюдать случаи обращеній къ обществу черезъ посредство печати и результаты обыкновенно получались весьма плачевные: въ однихъ случаяхъ никто не откликался на обращеніе, въ другихъ — откликалось слишкомъ ничтожное количество. И въ конечномъ счетѣ обращенія оказывались дѣйствительно пустой затѣей.

Но, печатая свое письмо, я памятовалъ, что обращаюсь не къ инертной части общества, а къ самой живой, подвижной и отзывчивой публикѣ—юношеству—и потому я не безъ основаній разсчитывалъ на успѣхъ. И въ своихъ разсчетахъ я не ошибся. Можно даже сказать, что результаты обращенія настолько значительны, что они превзошли всѣ мои ожиданія.

Въ теченіе 1902 года я получилъ болѣе 500 писемъ съ разныхъ концовъ Россіи. Если къ нимъ приложить собранные мною лично и переданные мнѣ разными лицами отвѣты, то въ конечномъ результатѣ получится довольно большая цифра: 933 отвѣта.

По учебнымъ заведеніямъ отвѣты распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Изъ классическихъ гимназій	397
Изъ женскихъ гимназій	138
Изъ реальныхъ училищъ	118
Изъ духовныхъ семинарій	86
Изъ учительскихъ семинарій, военныхъ учебныхъ заведеній, женскихъ институтовъ, фельдшерскихъ школъ, коммерческихъ, техническихъ, сельскохозяйственныхъ, горныхъ и др. училищъ	194
Всего	933 отвѣта.

Отвѣчали преимущественно старшіе классы.

---

*) Позднѣе я напечаталъ дополнительную просьбу, въ которой просилъ сообщить свѣдѣнія о библіотекахъ, кружкахъ и т. п.

Особливо много дано отвѣтовъ воспитанниками шестого и седьмого класса мужскихъ гимназій.

Огромное большинство отвѣтовъ падаетъ на университетскіе и столичные города. Около трети отвѣтовъ приходится на долю Москвы, Кіева и Тамбова; Петербургъ по количеству отвѣтовъ занимаетъ пятое мѣсто.

Большинство корреспондентовъ отнеслось къ моему обращенію съ полной серьезностью. Многіе присылали не отвѣты, а цѣлыя монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ, касающимся духовной жизни учащагося юношества и его положенія въ семьѣ и школѣ. И только въ четырехъ письмахъ имѣется въ наличности болѣе чѣмъ легкомысленное отношеніе къ моей просьбѣ; одно изъ нихъ — коллективное и одно — отъ дѣвушки; послѣднее было для меня крайнею неожиданностью.

Доброжелательность корреспондентовъ къ моему предпріятію выражалась въ весьма различныхъ формахъ: одни высказывали горячія пожеланія успѣха моей работѣ, другіе собирали для меня отвѣты среди товарищей, третьи благодарили меня за вниманіе къ учащемуся юношеству.

Учебное начальство тоже не вездѣ безразлично отнеслось къ моему письму. Я имѣю свѣдѣнія изъ трехъ городовъ западнаго края, гдѣ педагоги обнаружили стремленіе оказать мнѣ содѣйствіе въ собираніи отвѣтовъ.

По разнымъ соображеніямъ я просилъ отвѣчать анонимно. Къ анонимности мои корреспонденты отнеслись различно *). Одни находятъ, что анонимность единственное средство для того, чтобы отвѣты были искренними. Другіе въ этомъ сомнѣваются и привиллегію на искренность берутъ только себѣ. «Все скажу,—пишетъ одинъ,—будьте увѣрены въ этомъ...» «Скажу,—пишетъ другой,—чистую правду, положа руку на сердце...» Или: «Въ моемъ письмѣ вы найдете одну только правду...» «Я рѣшилъ высказаться откровенно. Желаніе ли облегчить себя откровеннымъ признаніемъ, или другая причина побудила меня къ этому, кому какое до этого дѣло. Я исполняю ваше желаніе и исполняю его самымъ добросовѣстнымъ образомъ»...**) и т. п., и т. п.

Когда я печаталъ свое обращеніе, мнѣ и въ голову не приходило, что письма отъ учащагося юношества дадутъ мнѣ такой богатый матеріалъ, которымъ я располагалъ при составленіи настоящей работы. И я могу лишь выразить сожалѣніе по поводу того, что мнѣ не впол-

---

*) Любопытная черточка: гимназисты чаще всего подписывались Nemo и N, а реалисты—X и N.

**) Надо полагать, что среди учащейся молодежи очень большое количество людей одинокихъ. Иначе чѣмъ же объяснить нерѣдко встрѣчающіяся въ письмахъ ко мнѣ, совершенно неизвѣстному для корреспондентовъ человѣку, фразы: „Спасибо вамъ за то, что облегчилъ себя этимъ письмомъ...“ „Желаніе облегчить себя заставило меня писать вамъ...“ „На душѣ стало легче...“ и т. п.

нѣ удалось использовать имѣвшійся подъ рукой матеріалъ, о чемъ, конечно, нельзя не пожалѣть...

Но и за вычетомъ неиспользованныхъ отвѣтовъ, все-таки осталось у меня большое количество воистину «человѣческихъ документовъ», развертывающихъ передъ нами одну за другой картины духовной жизни юношества, картины, вѣрныя дѣйствительности. Тутъ вы найдете чистый юношескій идеализмъ и крайній матеріализмъ, дерзкую самонадѣянность и сознаніе губительнаго безсилія, бодрый и ясный взглядъ на міръ Божій и полную нравственную подавленность и унынie, нѣчто устанавливающееся, отливающееся въ опредѣленныя формы и полный разбродъ, мощное стремленіе къ знанію, истинѣ и полный индифферентизмъ къ нимъ.

Личныя наблюденія и собранный мною матеріалъ говорятъ объ одномъ: юношество всѣми силами своей души рвется къ свѣту и знанію...

II.

Науки, интересующія юношество.

Свѣдѣнія о любимыхъ юношествомъ наукахъ и научныхъ произведеніяхъ. Интересъ къ естествознанію, физико-математическимъ, гуманитарнымъ и общественнымъ наукамъ и его причины.

> У каждаго человѣка два образованія: одно, полученное отъ другихъ, а другое, болѣе важное, пріобрѣтенное имъ самимъ.
> *Гиббонъ*

Что создаетъ и развиваетъ въ лучшей части учащейся молодежи интересъ къ знанію, книгѣ? Во всякомъ случаѣ—не учебная система. Тѣ умственные интересы, которыми живетъ мыслящая часть юношества, мало общаго имѣютъ съ школьной наукой. Гимназисты, напр., усердно занимаются естественными науками и политической экономіей.

Изъ нижеслѣдующихъ данныхъ читатели могутъ, какъ нельзя лучше, убѣдиться въ томъ, что умственные интересы учащихся очень далеки отъ школы...

Подсчетъ отвѣтовъ на вопросъ о любимыхъ наукахъ далъ слѣдующіе результаты.

Естественныя и физико-математическія науки вообще названы любимыми въ 321 отвѣтѣ.

Въ частности:

астрономія	112 разъ.	зоологія	46 разъ
физика	95 »	химія	38 »
ботаника	69 »	физіологія	8 »
біологія	63 »	анатомія	3 »
геологія	52 »		

Общественныя и гуманитарныя науки вообще упоминаются 450 разъ.

Въ частности:

политическая экономія	174 раза.	антропологія	57 разъ
философія	152 »	словесность	42 »
исторія	103 »	литература	36 »
соціологія	129 »	педагогика	4 »
психологія	56 »	логика	2 »
практическія:		разныя:	
медицина	60 »	искусства	19 »
электричество	17 »	археологія	3 »
сельское хозяйство	19 »		
техника	13 »		
коммерція	— »		

Подсчетъ данныхъ объ авторахъ любимыхъ научныхъ произведеній далъ слѣдующіе результаты:

Дарвинъ	176 разъ.	Зомбартъ	128 »
Тимирязевъ	122 »	Исаевъ	106 »
Клейнъ	119 »	Чупровъ	84 »
Гр. Аленъ	97 »	Богдановъ	83 »
Фламмаріонъ	92 »	Іерингъ	81 »
Лункевичъ	90 »	Карышевъ	78 »
Брэмъ	76 »	Липпертъ	77 »
Лампа	68 »	Милюковъ	71 »
Тиндаль	65 »	Фулье	64 »
Кукъ	63 »	Карѣевъ	64 »
Агафоновъ	62 »	Нитше	56 »
Ферьеръ	62 »	Ключевскій	49 »
Гетчинсонъ	61 »	Шашковъ	36 »
Въ помощь самообразованію	57 »	Ковалевскій	31 »
Ньюкомбъ и Энгельманъ	48 »	Ланге	30 »
Уоллесъ	33 »	Геркнеръ	28 »
Менделѣевъ	26 »	Туганъ-Барановскій	27 »

Меньше 20 разъ упоминаются: Спенсеръ, Семевскій, Пыпинъ, Марксъ, Энгельсъ, Гюйо, Пейо, Струве, Нордау, Милль, Вундтъ, Гефдингъ, Тейлоръ, Фалькенбергъ и мн. др.

На вопросъ—почему интересуются естественными и физико-математическими науками—отвѣты получились весьма разнообразные: «по причинѣ глубины вопросовъ, затрагиваемыхъ ими, и широтѣ горизонтовъ»; «считаю ихъ самыми лучшими изъ наукъ для познанія окружающаго міра»; «такъ какъ онѣ объясняютъ мнѣ явленія природы, что для меня представляетъ самый существенный интересъ»; «потому

что онѣ пытаются отвѣтить на вопросы: откуда и куда все это идетъ и въ чемъ сущность жизни»; «онѣ отвѣчаютъ на самые жгучіе вопросы: какъ произошелъ міръ и все живое»; «естествознаніе—самая живая наука»; «люблю за точность, за то, что добытыя истины можно всегда провѣрить»...

Или: «въ понятіи нѣкоторыхъ людей естественныя науки играютъ роль отрицателей духовной стороны человѣка, но лично мнѣ этого не кажется... Я съ удовольствіемъ бы училъ эти науки въ гимназіи, но теперь приходится ограничить себя нѣсколькими популярными статьями и сочиненіями г. Тимирязева. Глубокое спасибо приношу этому профессору». (Гимназистъ VI кл.)

«Только естествознаніе способствуетъ духовному возрожденію человѣка, поднимаетъ человѣка надъ житейской пошлостью, перерождаетъ его». (Гимназистъ VII кл.).

«Изъ наукъ интересуюсь въ настоящее время преимущественно естественными, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Мнѣ кажется, что человѣку необходимо знать прежде всего то, что происходитъ около него, что его окружаетъ, что онъ станетъ дѣйствительно господиномъ природы только черезъ изученіе ея».

«Что можетъ быть пріятнѣе изученія природы, окружающей насъ! Какое отрадное чувство наполняетъ душу, когда узнаешь хотя одинъ фактъ изъ жизни животныхъ или растеній; но еще отраднѣе бываетъ на сердцѣ, когда чувствуешь себя способнымъ прочесть нѣсколько строкъ изъ раскрытой передъ глазами всѣхъ великой книги природы! Что мнѣ тогда собранія, балы, концерты и т. п. безполезное препровожденіе времени и ничего больше. Это ли не блаженство сознавать, что немногимъ дается возможность заглядывать въ книгу природы, и что я въ числѣ этихъ счастливцевъ, и я не только заглядываю, но и читаю и понимаю написанное великимъ Творцомъ ея! Но почему немногимъ открыто пониманіе этой великой книги природы? Почему изъ сотни моихъ товарищей только двое или трое занимаются изученіемъ природы? Вѣдь, кажется, такіе же люди, какъ и я и другіе, занимающіеся изученіемъ природы, а между тѣмъ они не только не обращаютъ вниманія на природу, но даже смѣются надо мной и моими занятіями». (Реалистъ V кл.) Автору этого отрывка нравятся соч. Брэма, Штандфуса («Жизнь и воспит. бабочекъ») и Корша («Міръ насѣкомыхъ»).

«Меня интересуетъ то, какъ произошелъ міръ, и въ частности, какъ произошло все находящееся на землѣ, а поэтому изъ наукъ меня больше всего интересуютъ естественныя, какъ болѣе всего отвѣчающія на интересующіе меня вопросы. Кромѣ того меня интересуетъ, что такое мышленіе и какъ оно происходитъ со стороны физіологической»... (Реалистъ V кл).

Изъ отдѣльныхъ наукъ совершенно особое мѣсто занимаетъ астрономія.

Къ астрономіи отношеніе исключительное. Къ этой наукѣ ея поклонники относятся въ буквальномъ смыслѣ съ благоговѣніемъ.

«Изученіе астрономіи и изслѣдованіе неба меня отрѣшаетъ отъ всего земного,—пишетъ одинъ изъ окончившихъ гимназію.—Астрономія приближаетъ человѣка къ Богу, возвышаетъ его надъ всей житейской пошлостью, дѣлаетъ его чище, небеснѣе, если можно такъ сказать».

«Самыми интересными науками мнѣ кажутся астрономія и геологія,—говоритъ воспитанникъ духовной семинаріи. Онѣ лучше всего просвѣщаютъ умъ и воспитываютъ благоговѣніе къ Творцу».

Вотъ еще нѣсколько характерныхъ отвѣтовъ:

«Астрономія, говорятъ, царственная наука, и это правда: она намъ даетъ представленіе о вселенной, учитъ насъ о ничтожествѣ земного, самой земли и даже самой солнечной системы. Въ астрономіи съ удивительной силой люди показали остроту своего ума».

«Изъ наукъ меня всего болѣе интересуетъ астрономія, какъ наука возвышающая, облагораживающая и успокаивающая человѣка, какъ наука о небѣ, возносящая насъ къ глубокимъ тайнамъ вселенной, къ вопросу о вѣчной жизни, какъ наука, расширяющая кругозоръ человѣка и объясняющая намъ, гдѣ мы и что мы».

«Въ астрономіи сказалась высшая мудрость человѣка. Я думаю, что уже по одному этому нужно преклоняться передъ этой наукой и боготворить ее. Эта наука создана не просто человѣкомъ, а человѣкомъ, который носитъ въ себѣ образъ и подобіе Предвѣчнаго».

Не всѣ любители астрономіи отвѣчаютъ на вопросъ—почему эта наука имъ нравится. Одна гимназистка по этому поводу такъ высказывается:

«Моя любимая наука—астрономія. Я чувствую, что эта наука выше другихъ, хотя почему—точно опредѣлить не могу и стараюсь увѣрить себя, что и другія науки не хуже».

Или дается такой неопредѣленный отвѣтъ:

«Астрономію я болѣе всего люблю; еще въ дѣтствѣ я засматривался на звѣздное небо и такимъ образомъ у меня появился интересъ къ этой наукѣ».

А то просто отвѣчаютъ: «почему именно понравилась астрономія, я не могу дать себѣ яснаго отчета». Но такихъ отвѣтовъ только три.

Насколько нѣкоторые серьезно занимаются астрономіей, можно видѣть изъ такого отвѣта гимназиста VII класса:

«Теперь я уже прочелъ всѣ наиболѣе популярныя книги по астрономіи (на русскомъ языкѣ) и думаю продолжать свои занятія, руководствуясь указаніями «программъ для домашняго чтенія». Но, кромѣ пріобрѣтенія теоретическихъ свѣдѣній, я произвожу съ помощью «Путеводителя по небу» Покровскаго наблюденія, а въ послѣднее время пріобрѣлъ себѣ довольно хорошій оптическій инструментъ—трубу въ 75 mm. въ діаметрѣ».

Трубы имѣются у нѣсколькихъ человѣкъ, отвѣчавшихъ мнѣ. Двое изъ корреспондентовъ намѣрены вступить въ переписку съ учеными астрономами, чтобы этимъ путемъ разрѣшить тѣ вопросы изъ области астрономіи, отвѣтовъ на которые они не могутъ найти въ популярныхъ руководствахъ.

Наиболѣе читаемыми книгами по астрономіи являются «Астрономическіе вечера» Клейна, «Солнце» Юнга, «Живописная астрономія» Фламмаріона, «Уранія» его же, статьи по астрономіи въ четвертомъ выпускѣ сборника «Въ помощь самообразованію», «Міровоззаніе» Мейера, «Астрономія въ общепонятномъ изложеніи» Ньюкомба и Энгельмана.

Имѣются и отзывы о нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ книгъ по астрономіи. О книгѣ Клейна *) ученица VII класса женской гимназіи пишетъ:

«Книга, къ которой я испытываю нѣжность, какъ къ живому существу—это «Астрономическіе вечера» Клейна, хотя я ее теперь уже не читаю. Первый разъ я ее прочла, когда мнѣ было 13 л., и она указала мнѣ путь, цѣль и ни разу съ тѣхъ поръ я не отступала ни на шагъ отъ этого пути, не измѣнила цѣли. Она открыла мнѣ новый, такой прекрасный міръ! Благодаря ей, я пережила столько счастливыхъ минутъ!»

Книги Ньюкомба и Энгельмана и Мейера называютъ—«настольной», «учителемъ» и т. п.

Увлеченіе астрономіей чаще всего начиналась съ прочтенія книгъ Клейна или Фламмаріона. Одинъ изъ корреспондентовъ такъ отзывается о роли «Ураніи» въ появленіи у него интереса къ астрономіи:

«Изъ книгъ мнѣ болѣе всего понравилось сочиненіе Фламмаріона «Уранія», вслѣдствіе увлекательнаго и поэтическаго изложенія многихъ высокихъ научныхъ истинъ и вопросовъ, а также и вслѣдствіе того, что съ прочтеніемъ этой книги у меня пробудился интересъ къ астрономіи».

Не считая астрономіи, объ отдѣльныхъ физико-математическихъ и естественно-историческихъ наукахъ дано очень небольшое количество отзывовъ.

«Математику, физику и геологію люблю, какъ вспомогательныя къ астрономіи, а географію и этнографію, потому что во мнѣ сказываются мои предки кочевники, и я страстная любительница путешествій и прогулокъ» (гимназистка VIII кл.).

«Безъ знанія теоріи Дарвина невозможно самообразованіе: во всѣхъ областяхъ знанія мы встрѣчаемся съ этой теоріей; у Уоллэса мы на-

---

*) „Астрономическіе вечера“ Клейна напечатаны впервые на русскомъ языкѣ въ жур. „Міръ Божій“ въ 1894 г. и потомъ изданы ред. этого журнала отдѣльно въ 1895 г. Затѣмъ новыя изданія этой замѣчательной книги выпущены фирмой „Знаніе“ три раза.

ходимъ эту теорію вполнѣ ясно, научно и литературно изложенной и прочтеніе ея дало мнѣ большое подспорье въ дальнѣйшемъ самообразованіи» (гимназистъ VIII кл.).

«Изъ наукъ нравится химія, такъ какъ, по моему мнѣнію, эта наука является однимъ изъ важнѣйшихъ двигателей научнаго прогресса, кромѣ того, это наука живая и пріобрѣтаетъ особый интересъ при опытномъ изученіи ея» (гимназистъ VI кл.).

«Изъ наукъ мнѣ больше всего нравится математика. Я иногда до утра просиживаю надъ задачами и стараюсь пройти ее какъ можно основательнѣе и полнѣе. Я думаю, что математика есть самая важная наука послѣ философіи, которая, по моему, занимаетъ первое мѣсто, имѣетъ самое широкое приложеніе въ жизни» (семинар. III кл.).

«Алгебру и геометрію люблю потому, что въ будущемъ, для той карьеры, которую я избралъ, онѣ необходимы» (гимназистъ VI кл.).

«Кромѣ того, я интересуюсь также и физикой, какъ наукой, объясняющей намъ различныя физическія явленія, происходящія вокругъ насъ, и какъ наукой, знаніе которой является необходимымъ условіемъ для пониманія астрономическихъ истинъ, такъ какъ физика и астрономія тѣсно связаны другъ съ другомъ» (гимназистъ VIII кл.).

«Физика и философія. Первая объясняетъ мнѣ явленія природы, а вторая вопросы, которые задаетъ мнѣ сама жизнь, что меня очень интересуетъ» (реалистъ VI кл.).

«Больше же всѣхъ наукъ уважаю математику. Почему? Законы цѣнятся лишь постольку, поскольку они долговѣчны, между тѣмъ, только математическіе законы вѣчны и неизмѣнны, только математическіе законы одни и тѣ же, въ какія бы условія мѣста и времени мы ихъ ни поставили. Кромѣ того математика больше всѣхъ другихъ наукъ учитъ насъ логически правильной мысли, учитъ насъ во всемъ искать точности и достовѣрности» (гимназистъ VIII кл.).

Въ гуманитарныхъ и общественныхъ наукахъ ищутъ разрѣшенія вопросовъ о «цѣли и смыслѣ жизни»; о томъ, «какъ бы прожить свою жизнь съ пользой для другихъ и для себя»; «въ какихъ отношеніяхъ должны быть люди, т.-е. какъ и что они должны дѣлать, чтобы не нарушать справедливости»; «какъ уничтожить несправедливость въ общественныхъ отношеніяхъ»; «возможна ли жизнь, основанная на любви и правдѣ—вотъ вопросъ, который я хочу разрѣшить изученіемъ философіи и исторіи»; «ищу въ нихъ рѣшенія вѣковѣчныхъ вопросовъ о долгѣ, совѣсти и правдѣ»; «изучаю исторію и философію затѣмъ, чтобы увѣриться въ возможности наступленія царства Божьяго на землѣ» и т. п.

«Въ исторіи я слѣжу за идеями, которыя преслѣдовались великими людьми. Мнѣ доставляетъ удовольствіе переживать съ ними ихъ фантастическія, подчасъ эфемерныя надежды. Я сочувствую имъ,

потому что ясно сознаю всю невозможность безыдейной жизни. Пусть говорятъ, что подобные люди односторонни, потому что свѣтъ они видятъ только въ достиженіи своей цѣли, а на все другое не обращаютъ никакого вниманія; зато они живутъ, а не прозябаютъ» (воспит. ср.-уч. з.).

«Интересуютъ меня, главнымъ образомъ, науки, извѣстныя подъ общимъ названіемъ «гуманитарныхъ», изъ нихъ въ особенности: исторія, исторія литературы, философія и искусства. На первомъ мѣстѣ я ставлю исторію по ея 1) широкому, общеобразовательному значенію въ дѣлѣ умственнаго развитія, 2) какъ могучее средство для выработки яснаго, объективнаго міросозерцанія. Въ зависимости отъ чистой исторіи я изучаю исторію литературы, философіи и искусства, какъ вспомогательныя средства для болѣе глубокаго пониманія духовной жизни человѣчества въ ея различныхъ проявленіяхъ» (гимназистъ VII кл.).

«Больше всего меня теперь интересуетъ исторія, такъ какъ безъ исторіи невозможно понять соціальную жизнь современныхъ людей, а соціальныя знанія должны быть, по моему, цѣлью всѣхъ наукъ, такъ какъ науки естественныя суть лишь подспорье къ нимъ» (гимназистъ VIII кл.).

«... Исторія, рисуя вѣрными чертами человѣка различныхъ эпохъ, даетъ намъ возможность прослѣдить за развитіемъ интеллектуальныхъ и нравственныхъ силъ человѣчества и тѣмъ оказать намъ несомнѣнную пользу въ выясненіи человѣческой личности, столь необходимомъ для созданія прочныхъ основъ жизни каждаго отдѣльнаго индивидуума. Также интересуетъ меня философія, въ которой можно найти, если не отвѣты, то, во всякомъ случаѣ, источники для нихъ на различные вопросы, которые приходится часто ставить самому себѣ» (гимназистъ VII кл.).

«Люблю философію. При изученіи ея передо мною какъ будто открывается новый міръ, до сихъ поръ незнакомый мнѣ, съ которымъ я всѣми силами стараюсь скорѣе ознакомиться, какъ бы боясь, чтобы онъ не ушелъ отъ меня.

«Психологія необходима при изученіи педагогики, а педагогикой интересуюсь потому, что хочу быть воспитателемъ. Очень люблю юность и дѣтей. Мнѣ хочется стать хорошимъ и полезнымъ Россіи педагогомъ... Названныя науки плюсъ еще философія меня интересуютъ, какъ наиболѣе живыя, движущія мысль, питающія мозгъ и душу, а также и необходимыя для всякаго образованнаго педагога. Ничего мертваго не люблю, а только эти науки дышатъ «жизнью духа и сердца» (воспитанникъ кадет. корп.).

«Философія—выраженіе высшей мудрости человѣка. Въ ней можно найти отвѣты рѣшительно на всѣ сомнѣнія»... (реалистъ VI кл.).

«Философія можетъ научить человѣка, какъ устроить свою жизнь разумно» (гимназистка VII кл.).

«Въ философіи можно почерпнуть силы для жизни. Особенно полезно обращаться къ философіи въ минуты тяжкихъ сомнѣній, раздумій, разочарованій, потери вѣры въ себя и людей. Тогда философія является для человѣка истиннымъ утѣшителемъ, она подбодритъ и двинетъ его къ дѣятельности...» (Восп. воен.-уч. з.).

«Изъ наукъ меня влечетъ къ себѣ философія, главнымъ же образомъ исторія и науки общественныя, потому что онѣ даютъ возможность разбираться въ общественныхъ положеніяхъ и отношеніяхъ. Я главнымъ образомъ интересуюсь соціологіей и связанной съ ней антропологіей, какъ наукой отвѣчающей на самые жизненные вопросы. Вообще же меня интересуютъ науки, отличающіяся обобщеніемъ выводовъ, поэтому я, окончивъ гимназію, поступаю на историко-филологическій факультетъ, гдѣ буду имѣть наибольшую возможность познакомиться съ философіей въ обширномъ смыслѣ этого слова» (гимназистъ VIII кл.).

У многихъ корреспондентовъ отношеніе къ философіи отрицательное. Вотъ одинъ изъ образчиковъ подобнаго отношенія:

«Это безчисленное количество терминовъ въ философіи какъ будто нарочно выдумано учеными, чтобы ихъ сочиненія были доступны только избраннымъ, чтобы ихъ усвоеніе было привилегіей одной философской касты, а не всякого смертнаго. Эта темнота, пестрота философскихъ терминовъ и оборотовъ просто, мнѣ кажется, запугиваетъ всякаго непривычнаго читателя и заранѣе располагаетъ его относиться къ философіи если не презрительно, то, по крайней мѣрѣ, равнодушно, какъ къ самой отвлеченной, сухой, безсодержательной наукѣ, наполненной однѣхъ протяженносложенныхъ фразъ и непонятныхъ терминовъ. Я думаю, едва ли сами философы безусловно правильно понимаютъ свои термины, которыми щеголяютъ на каждомъ шагу. Вѣдь у насъ еще не выработано такихъ истинныхъ научно-философскихъ терминовъ, на которыхъ бы могли объединиться всѣ разногласія въ ихъ пониманіи».

Политическая экономія въ ряду любимыхъ наукъ занимаетъ довольно почетное мѣсто. Въ длинномъ рядѣ отзывовъ можно найти и причины, побудившія молодежь обратиться къ изученію этой науки.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ писемъ, отвѣчающихъ на вопросъ, почему нравится и изучается политическая экономія:

«Мнѣ нравятся философія, соціальныя и политико-экономическія науки. Въ нихъ я ищу разрѣшенія о цѣли, о смыслѣ жизни»... (Воспит. Горн. учил.)

«Интересуюсь политической экономіей. Почему? Да потому что это

самая живая наука и отвѣчающая на животрепещущіе вопросы даннаго времени»... (Воспит. Коммерч. учил.)

Медициной интересуются ученицы женскихъ гимназій. Объясняется это тѣмъ, что «въ настоящее время карьера врача для женщины является самой привлекательной и наилучшей». Впрочемъ, независимо отъ этого, медицину называютъ «самой важной изъ всѣхъ наукъ», какъ «облегчающей страданія людей», «такъ какъ она даетъ возможность облегчать человѣческія страданія» и т. п.

Какъ курьезъ, отмѣчу увлеченіе двухъ гимнзистокъ... археологіей, и «археологическими изысканіями».

Довольно значительное количество корреспондентовъ не указываетъ точно, какая именно наука (или науки) больше другихъ нравится и изучается. Часто вмѣсто прямыхъ указаній содержатся одни лишь общія разсужденія.

«Такъ какъ я думаю, что истинное образованіе состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно яснѣе понять себя, уяснить законы, которые управляютъ духовной жизью человѣка, уяснить себѣ свое положеніе въ мірѣ, понять, что такое окружающая насъ природа, небо, звѣзды, вся вселенная, какіе законы управляютъ ею; наконецъ, уяснить себѣ свое положеніе среди людей, въ обществѣ, понять, что такое общество, какіе законыуправляютъ его жизнью,—то меня наиболѣе интересуютъ философскія науки (психологія, этика), естественныя науки, наконецъ, науки общественныя (соціологія, политическая экономія), а также исторія (культуры), такъ какъ она показываетъ, что жизнь человѣчества прогрессируетъ по строго опредѣленнымъ законамъ. Изъ этихъ наукъ я ни одной не интересуюсь болѣе, чѣмъ другой».

«Во всѣхъ знаніяхъ я чувствую себя дилетантомъ; спеціализироваться не могу, чувствуя сильную потребность быть общеобразованнымъ. Меня интересуютъ всѣ науки, всѣ искусства. У меня является громадная жажда въ знаніяхъ. Мнѣ хочется знать кое-что и изъ политической экономіи, изъ соціологіи, физики, философіи, психологіи и пр. Для этой цѣли я стараюсь читать научныя книги по этимъ предметамъ и выписываю «Самообразованіе».

Ученица VIII-кл. женской гимназіи свой отзывъ объ астрономіи заканчиваетъ словами: «Другія науки я тоже люблю, кромѣ, впрочемъ, филологическихъ которыхъ я терпѣть не могу»...

Не безынтересны отзывы о нѣкоторыхъ понравившихся книгахъ. Книги Клейна, Тимирязева, Дарвина, Чупрова, Исаева, Богданова, Бокля, Дрэпера, Липперта, Уоллэса (съ приложеніемъ статьи Зомбарта) и т. п. въ большомъ ходу. Чаще всего лишь указывалась книга, а почему она понравилась,—отвѣтъ на этотъ вопросъ въ большинствѣ случаевъ заключался въ отвѣтѣ о любимой наукѣ. Но тѣмъ не менѣе нѣкоторые

изъ отвѣчавшихъ находили нужнымъ давать оцѣнку тѣхъ книгъ, по которымъ они изучаютъ любимую науку.

«Астрономическіе вечера» Клейна и «Попытка химическаго пониманія мірового эфира» Менделѣева, какъ торжество науки» (окончившій университетъ).

«Краткій курсъ политической экономіи» Богданова, потому что популярно написана и политическая экономія разбирается въ связи съ исторіей культуры. «Русская фабрика» Туганъ-Барановскаго, «ибо эта книга заграгиваетъ интересные вопросы, опровергаетъ нѣкоторыя мнѣнія народниковъ и даетъ массу фактическаго матеріала» (ученикъ VII кл. гимназіи).

«Фюстель-де-Куланжъ—Гражданская община античнаго міра. Авторъ въ теченіе всего сочиненія не отклоняется отъ основной мысли, цѣнныя свѣдѣнія, даваемыя книгой, благодаря этой общей руководящей мысли (домашній очагъ) стройно укладываются въ памяти читателя и врядъ ли могутъ быть забыты имъ» (гимназистъ VIII класса).

«Прогрессъ и бѣдность» Джорджа, потому что въ ней красиво рѣшается будущее человѣчества» (окончившій университетъ).

«Для человѣка, знакомаго съ развитіемъ цивилизаціи только по гимназическимъ учебникамъ исторіи, является прямо кладомъ сочиненіе Липперта «Исторія культуры»: оно затрагиваетъ массу областей знанія, начиная съ исторіи и кончая сравнительнымъ языковѣдѣніемъ, ни въ одной изъ нихъ не оставляя читателя въ недоумѣніи и вызывая въ немъ жажду знанія» (гимназистъ VII класса).

«Любимѣйшая моя книга—это геніальное сочиненіе Бокля. Въ ней я нахожу отвѣты на тѣ вопросы, которые занимаютъ мой умъ въ данную минуту».

«Больше всего меня заинтересовали и понравились мнѣ двѣ книги: «Исторія умственнаго развитія Европы» Дрэпера и «Исторія философіи» Фулье. Вы спрашиваете—почему? Потому что эти книги показали мнѣ, что философія опредѣлила отношенія людей, что она анализировала всѣ чувства человѣка, что она добралась до той микроскопической доли истины, которой теперь владѣетъ человѣчество, и что ей, а не другой наукѣ суждено добиться истины, если это только возможно».

«Исторія умственнаго развитія Европы» Дрэпера. Эта книга мнѣ очень понравилась, несмотря на проведенную въ ней мысль, что всякій народъ переживаетъ періодъ дѣтства, юности, возмужалости, дряхлости, послѣ чего неминуемо гибнетъ,—взглядъ, съ которымъ я не могу согласиться,—потому что она была одной изъ первыхъ книгъ, которыя убѣдили меня, что историческая жизнь человѣчества подчинена опредѣленнымъ законамъ» (гимназистъ VIII класса).

«Нравятся мнѣ книги Карѣева, Пейо и Гюйо, потому что затрагиваютъ родныя мнѣ темы, потому что учатъ меня *что* дѣлать и потому еще, что дали провѣрку моимъ собственнымъ выводамъ» (гимназистъ VI класса).

«Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи» проф. Н. Карѣева даютъ массу совѣтовъ касательно саморазвитія и предостерегаютъ отъ многихъ ошибокъ, столь возможныхъ въ юношескомъ возрастѣ» (семинаристъ).

«Исторія отношеній между католицизмомъ и наукой»—Дрэпера. Въ этой книгѣ говорится, какія громадныя препятствія одолѣвала наука въ своемъ развитіи, съ какими врагами боролась. Главными врагами ея были поборники инквизиціи. Истина могуча, всесильна; наука побѣдила мракобѣсовъ, признавшихъ ея силу. Эта книга произвела на цѣлую массу моихъ знакомыхъ неизгладимое впечатлѣніе. Рекомендую смѣло всѣмъ читать ее, чтобы составить себѣ вѣрное представленіе о наукѣ и ея врагахъ» (семинаристъ IV класса).

Книга Гюйо «Исторія и критика англійскихъ ученій о нравственности» одного гимназиста спасла отъ самоубійства.

Таковы вкратцѣ умственные интересы нашего юношества. Теперь мы перейдемъ къ другимъ не менѣе интереснымъ сторонамъ его духовной жизни и къ проявленіямъ послѣдней, къ изящной словесности, къ чтенію любимыхъ писателей, родныхъ и иностранныхъ, и къ отношенію къ нимъ юношества.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

К. Левинъ.

ОЧЕРКИ ПО ВОПРОСАМЪ ОПЛОДОТВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ.

Академика **И. П. Бородина.**

*(Продолженіе *).*

II.

Ксеніи! Еслибы лѣтъ десять... да нѣтъ, даже лѣтъ пять тому назадъ кто-нибудь обратился къ ботаникамъ Стараго и Новаго Свѣта съ ехидным вопросомъ, что такое «ксеніи», то громадное большинство ихъ навѣрное не выдержало бы такого экзамена. Систематики, можетъ быть, вспомнили бы, хотя и некстати, о сочиненіи Рейхенбаха съ красивыми рисунками орхидей, озаглавленномъ «Xenia orchidacea», но лишь немногіе, спеціально интересующіеся явленіями скрещиванія и образованіемъ помѣсей въ растительномъ царствѣ, стали бы припоминать: «ксеніи, ксеніи... это что-то тамъ... у Фокэ въ самомъ концѣ» и... попали бы въ точку. Въ настоящее время положеніе дѣла совершенно измѣнилось: ксеніи сразу пріобрѣли громкую извѣстность, вошли въ моду, попали уже въ учебники и понятіе о нихъ стало обязательнымъ даже для студентовъ. Метаморфоза эта произошла, главнымъ образомъ, благодаря блестящему открытію Навашина, открытію двойного оплодотворенія, сразу освѣтившаго и объяснившаго то, что казалось совершенно непонятнымъ и даже невозможнымъ.

Но что же такое въ самомъ дѣлѣ эти внезапно прославившіяся ксеніи? Терминъ этотъ сравнительно новъ... ему двадцать два года, хотя явленія, имъ обозначаемыя, указывались уже давно. До «Θалеса» ученые, правда, въ своихъ поискахъ еще не дошли, но восемнадцатый вѣкъ уже захватили.

Строгими опытами, въ особенности Кёльрейтера въ восемнадцатомъ вѣкѣ, а затѣмъ Гертнера въ первой половинѣ девятнадцатаго, было несомнѣнно установлено, что растеніе можетъ давать сѣмена и въ томъ случаѣ, если опыленіе будетъ произведено не его собственною

---

*) См. „Міръ Божій“, № 4, апрѣль 1903 г.

пыльцею, а пыльцею другого растенія, лишь бы отецъ и мать не очень сильно отличались другъ отъ друга по своей организаціи. Такая операція называется скрещиваніемъ. Скрещиваться могутъ различныя разновидности того же растительнаго вида, даже различные виды одного и того же рода и лишь въ рѣдкихъ, крайне рѣдкихъ случаяхъ—формы, настолько различныя по внѣшности, что ботаникъ относитъ ихъ даже къ разнымъ родамъ, но всегда того же семейства. Изъ сѣмянъ, полученныхъ путемъ такого скрещиванія, развиваются растенія, въ которыхъ различнымъ образомъ сплетаются признаки отцовскаго и материнскаго организмовъ. Это такъ называемыя помѣси или ублюдки.

Въ 1881 году появилась сохранившая и до сихъ поръ полное свое значеніе въ качествѣ справочнаго сочиненія книга довольно извѣстнаго нѣмецкаго ботаника (по профессіи врача), здравствующаго и понынѣ, Фокэ (Focke), озаглавленная «Die Pflanzenmischlinge», т.-е. «Растительныя помѣси». Въ этой книгѣ, представляющей сводъ всего въ то время извѣстнаго по отношенію къ продуктамъ скрещиванія въ растительномъ царствѣ, авторъ въ дополнительной главѣ предлагаетъ новый терминъ: «ксеніи». Этимъ именемъ Фокэ обозначаетъ «такія отклоненія отъ нормальной формы или окраски, которыя наблюдаются на какихъ-либо частяхъ даннаго растенія подъ вліяніемъ чужой пыльцы», прибавляя къ этому, что ксенія своего рода подарокъ гостя (Gastgeschenk) со стороны растенія, доставившаго пыль, тому растенію, на которое эта пыль была перенесена. Такое опредѣленіе ксеній можетъ, однако, показаться туманнымъ и потребовать разъясненія. Дѣло вотъ въ чемъ. Само собою разумѣется, что при скрещиваніи двухъ различныхъ растеній не можетъ не сказаться вліяніе отца. Мало того, давно уже выяснилось, что оно не уступаетъ вліянію матери; и это неудивительно, разъ мы знаемъ, что при оплодотвореніи совершается сліяніе двухъ клѣточныхъ ядеръ, отцовскаго, доставленнаго пылинкою, и материнскаго, находящагося въ яйцѣ. Но это вліяніе отцовской формы можетъ сказаться и дѣйствительно сказывается лишь на потомствѣ, которое разовьется изъ сѣмянъ, полученныхъ путемъ скрещиванія. Самыя сѣмена, а тѣмъ болѣе содержащіе ихъ плоды, казалось бы, ничѣмъ не должны выдавать своего смѣшаннаго, гибриднаго, какъ говорятъ ботаники, происхожденія. Вѣдь плодъ есть вмѣстилище, образованное всецѣло материнскимъ организмомъ, да и въ сѣмени, кромѣ скрытаго въ немъ зародыша, сформировавшагося подъ вліяніемъ отца, все остальное, кожура и бѣлокъ, нерѣдко составляющій почти все сѣмя,—принадлежитъ матери (я разсуждаю такъ, какъ приходилось разсуждать каждому до открытія Навашина). А между тѣмъ въ литературѣ накоплялись факты, подмѣченные, главнымъ образомъ, практиками-садоводами, факты, указывавшіе, повидимому, на возможность непосредственнаго воздѣйствія отцовскаго организма на материнскій: увѣряли, будто въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже на самыхъ

сѣменахъ и даже плодахъ отражается вліяніе совершившагося скрещиванія. Вотъ эти-то явленія и назвалъ Фокэ ксеніями.

Всматриваясь ближе въ примѣры ксеній, приведенные у Фокэ, мы находимъ крайне пестрый винигретъ изъ фактовъ, частью, какъ выяснилось въ новѣйшее время, вполнѣ достовѣрныхъ, неоспоримыхъ, частью весьма сомнительныхъ, частью, наконецъ, совершенно невѣроятныхъ.

Къ вполнѣ достовѣрнымъ принадлежатъ въ настоящее время только ксеніи маиса. Маисъ (иначе кукуруза) быстро сдѣлался классическимъ примѣромъ дѣйствительнаго существованія ксеній Фокэ. Одновременно и совершенно независимо другъ отъ друга три различныхъ изслѣдователя—де-Фризъ въ Голландіи, Корренсъ въ Германіи и Уэбберъ въ Америкѣ—опубликовали свои опыты надъ этимъ растеніемъ, приведшіе ихъ къ вполнѣ согласнымъ между собою результатамъ и разсѣявшіе всѣ сомнѣнія насчетъ достовѣрности многочисленныхъ прежнихъ показаній относительно того же растенія. Особенно обстоятельна работа Корренса, въ окончательномъ видѣ появившаяся въ 1901 году.

Подобно другимъ культурнымъ растеніямъ, и кукуруза образуетъ много такъ называемыхъ сортовъ (породъ, расъ, разновидностей—терминологія въ этомъ отношеніи далеко еще не установилась). Всѣ эти сорта принадлежатъ къ одному и тому же ботаническому виду—Zea Mays, отличаясь другъ отъ друга лишь въ извѣстныхъ, сравнительно мелкихъ, но подчасъ весьма наглядныхъ и вполнѣ постоянныхъ при чистой культурѣ признакахъ. Сортовъ кукурузы извѣстно до восьмидесяти. Всѣ они возникли въ культурѣ, подъ вліяніемъ человѣка, но какъ выглядѣла родоначальная дикая форма этого растенія, совершенно неизвѣстно; мы не знаемъ даже, каковы были сорта, привезенные Колумбомъ изъ Америки въ Европу. Сорта кукурузы различаются между собою, главнымъ образомъ, въ зернахъ. Величина, форма и цвѣтъ зеренъ необыкновенно разнообразны. Въ Абессиніи есть сортъ кукурузы съ такими мелкими зернами, что 32 штуки ихъ вѣсятъ столько же, сколько одно зерно крупноплоднаго сорта. Есть сорта съ почти круглыми зернами, другіе съ совершенно плоскими (напр., общеизвѣстный конскій зубъ), третьи съ коническими и т. д. По цвѣту зерна могутъ быть бѣлыми, желтыми въ различныхъ оттѣнкахъ, красными, бурыми, синими, фіолетовыми, вплоть до черныхъ. Ко всѣмъ этимъ признакамъ присоединяются еще другіе, внутренніе, доставляемые физическими и химическими свойствами зеренъ. Надо замѣтить, что зерно кукурузы представляетъ собою, подобно зернамъ всѣхъ прочихъ злаковъ, не сѣмя, а цѣлый плодъ, такъ какъ оно развивается изъ завязи; внутри этого плода находится одно сѣмя, плотно сростающееся со стѣнкою завязи, такъ что плодъ и сѣмя составляютъ одно неразрывное цѣлое. Самое сѣмя принадлежитъ къ типу такъ называемыхъ бѣлковыхъ сѣмянъ. Зародышъ, на одной сторонѣ зерна просвѣчивающій сквозь плодовую

оболочку, самъ заключаетъ немного питательнаго матеріала; главная масса послѣдняго сосредоточена въ ткани бѣлка, составляющей почти все сѣмя. Вотъ этотъ-то матеріалъ, это запасное питательное вещество, приготовленное материнскимъ организмомъ и потребляемое при проростаніи зерна развивающимся зародышемъ, неодинаковъ въ различныхъ сортахъ кукурузы. Въ большинствѣ случаевъ въ бѣлкѣ отлагается крахмалъ, злаки вообще даютъ сѣмена мучнистыя, т.-е. крахмалистыя, но въ нѣкоторыхъ сортахъ кукурузы, называемыхъ не совсѣмъ правильно сахаристыми, вмѣсто крахмала, въ клѣточкахъ бѣлка находятся другія вещества, близко сродныя крахмалу, но растворимыя въ водѣ, главнымъ образомъ, камедеобразныя вещества, декстринъ и т. п., а отчасти и въ самомъ дѣлѣ сахаръ. Въ незрѣломъ видѣ такіе сахаристые сорта не отличаются замѣтно отъ мучнистыхъ, но при окончательномъ созрѣваніи зерна, содержащія вмѣсто крахмала растворимый въ водѣ запасъ, теряя воду, изъ гладкихъ, какими представляются обыкновенно кукурузныя зерна, превращаются въ морщинистыя; сахаристый сортъ, благодаря этому обстоятельству, становится замѣтнымъ сразу на глазъ, безъ всякаго микроскопическаго изслѣдованія. Есть еще и другіе признаки, помимо указанныхъ, въ которыхъ могутъ отличаться между собою различные сорта кукурузы, но я на нихъ не останавливаюсь.

Такимъ образомъ кукуруза въ своихъ многочисленныхъ, постоянныхъ, броскихъ въ глаза сортахъ даетъ намъ въ руки обильный, превосходный матеріалъ для скрещиванія въ различныхъ направленіяхъ. Къ тому же необыкновенно благопріятнымъ обстоятельствомъ является оригинальное цвѣтеніе кукурузы. Первое условіе для того, чтобы скрещиваніе могло быть удачнымъ, составляетъ устраненіе всякой возможности самоопыленія того растенія, которое призвано играть роль матери. Такъ какъ у громаднаго большинства растеній цвѣты заключаютъ въ себѣ одновременно какъ мужскіе, такъ и женскіе органы, то обыкновенно, задавшись цѣлью получить помѣсь, приходится прибѣгать къ не всегда легкой операціи такъ называемаго кастрированія цвѣтка, т.-е. искусственнаго удаленія, вырѣзыванія изъ цвѣтка его тычинокъ, конечно, прежде чѣмъ успѣютъ созрѣть ихъ пыльники. Злаки слѣдуютъ общему типу и цвѣты у нихъ почти всегда обоеполые, но кукуруза между злаками составляетъ исключеніе: у нея имѣются отдѣльные женскіе и отдѣльные мужскіе цвѣты. Первые расположены въ пазухахъ верхнихъ листьевъ, подъ защитою листовыхъ влагалищъ и только длинныя нитевидныя рыльца выставляются наружу цѣлыми пучками; мужскіе же цвѣты развиваются открыто на вершинѣ стебля въ видѣ цѣлой метелки. Достаточно срѣзать эту метелку, прежде чѣмъ она успѣетъ распустить хотя бы одинъ изъ своихъ цвѣтковъ, чтобы превратить весь экземпляръ въ чисто женскій, устранивъ такимъ образомъ возможность самоопыленія. Такимъ образомъ мы можемъ на изолированной

грядкѣ посадить по экземпляру различныхъ сортовъ кукурузы и у всѣхъ, кромѣ одного, по нашему усмотрѣнію, срѣзать молодую метелку мужскихъ цвѣтковъ. Неоперированный экземпляръ своею пылью произведетъ тогда оплодотвореніе всѣхъ смежныхъ, т.-е. съиграетъ роль общаго отца, матери же будутъ разныя. Именно такъ и производилъ свои опыты Корренсъ. Съ другой стороны, однако, кукуруза имѣетъ и свои отрицательныя стороны,—она мало приспособлена къ европейскому климату и многіе изъ сортовъ ея не вызрѣваютъ въ средней Европѣ—главномъ средоточіи ученыхъ силъ.

Практики давно уже утверждали, что при культурѣ такого сорта кукурузы, который даетъ бѣлыя зерна, могутъ получаться вмѣсто бѣлыхъ желтыя или синія, если рядомъ будетъ посаженъ другой сортъ, имѣющій желтыя или синія зерна. Тщательная провѣрка этихъ отрывочныхъ показаній названными выше тремя учеными привела къ слѣдующимъ любопытнымъ и отчасти неожиданнымъ результатамъ.

Общее заключеніе, къ которому привели всѣ новѣйшіе опыты надъ образованіемъ ксеній у кукурузы, можетъ быть формулировано такъ: чужая пыль, т.-е. пыль взятая съ другого сорта, несомнѣнно оказываетъ вліяніе не только на зародышъ, но и на самое зерно, его заключающее, причемъ, однако, это вліяніе всегда отражается исключительно на бѣлкѣ зерна, никогда не распространяясь на плодовую оболочку, не говоря уже о какой-либо другой части материнскаго растенія. Особенно эффектно сказывается это въ измѣненіяхъ окраски зеренъ. Бѣлоплодный сортъ кукурузы можетъ давать желтыя или синія зерна при опыленіи его желтоплоднымъ или синеплоднымъ сортомъ, но если въ роли отца выступитъ сортъ съ красными зернами, то соотвѣтствующихъ ксеній не наблюдается—зерна получаются попрежнему бѣлыя. Чтобы объяснить себѣ этотъ въ высшей степени странный на первый взглядъ результатъ, мы должны анализировать окраску кукурузнаго зерна, познакомиться съ тѣмъ, гдѣ, въ какой части зерна отлагается красящее вещество. Вотъ тутъ-то и оказываются характерныя различія. Цвѣтъ зерна слагается изъ независимыхъ другъ отъ друга окрасокъ плодовой оболочки и бѣлка, причемъ самый поверхностный слой бѣлка, такъ называемый клейковинный слой, всегда отличающійся содержимымъ своихъ клѣточекъ, можетъ быть и окрашенъ иначе, чѣмъ вся остальная масса бѣлка. Синій или фіолетовый цвѣтъ, напр., всегда принадлежитъ исключительно этому поверхностному слою бѣлка, прочая же масса бѣлка либо безцвѣтна, либо имѣетъ желтую окраску. Напротивъ, въ красный цвѣтъ окрашена бываетъ исключительно плодовая оболочка, т.-е. шкурка зерна. Если въ самомъ дѣлѣ вліяніе посторонней пыли распространяется (помимо зародыша) только на бѣлокъ, то вполнѣ понятно, что краснoплодный сортъ не въ состояніи передать своей окраски другому сорту, такъ какъ шкурка, въ которой только и можетъ отлагаться красное вещество, ему не подчиняется.

Ксеніи у кукурузы обнаруживаются не только въ измѣненіи цвѣта зерна. Не менѣе характерны и наглядны ксеніи, вызванныя измѣненіемъ химическихъ свойствъ зерна или, въ сущности, опять-таки его бѣлка. Возьмемъ одинъ изъ сахаристыхъ сортовъ кукурузы съ морщинистыми въ зрѣломъ видѣ зернами и опылимъ его какимъ-либо мучнистымъ сортомъ. Эффектъ получается поразительный: во всемъ початкѣ нельзя найти ни единаго морщинистаго зерна, всѣ зерна стали мучнистыми. Такъ какъ сахаристость или мучнистость зерна обусловливается, какъ мы видѣли, отложеніемъ тѣхъ или иныхъ запасныхъ веществъ въ клѣточкахъ бѣлка, то мы имѣемъ здѣсь новое доказательство вліянія посторонней пыли именно на ткань бѣлка. Въ высшей степени замѣчательно, однако, то обстоятельство, что, если бы мы, соблазнившись легкостью, съ которою удается уничтожить сахаристость и превратить сахаристый сортъ въ мучнистый, вздумали произвести обратную операцію, опыляя мучнистый сортъ кукурузы сахаристымъ, то насъ постигло бы полное разочарованіе—мучнистый сортъ такъ и остался бы мучнистымъ. Другими словами, въ какомъ бы направленіи ни производилось скрещиваніе этихъ двухъ сортовъ, все равно, получатся мучнистыя зерна; поддержать сахаристость можно только, тщательно устраняя вліяніе какого бы то ни было мучнистаго сорта, т.-е. прибѣгая къ самоопыленію или къ опыленію другимъ, но тоже сахаристымъ сортомъ. При ксеніяхъ окраски (ксенохроміяхъ, какъ ихъ назвалъ Фокэ) это одностороннее дѣйствіе также наблюдается, хотя въ гораздо менѣе рѣзкой формѣ. При опыленіи бѣлаго или желтаго сорта синимъ ксеніи получаются обильно: половина, по крайней мѣрѣ, а обыкновенно и еще больше зеренъ (однако, не всѣ) въ початкѣ оказываются синими въ различной степени, причемъ эта пріобрѣтенная отъ отца окраска, гнѣздящаяся, какъ мы видѣли, въ поверхностномъ клейковинномъ слоѣ бѣлка, то разлита въ немъ равномѣрно, окрашивая зерно сплошь, то лишь мѣстами, такъ что весьма часто получаются зерна съ синими или фіолетовыми разводами или отдѣльными крапинками на бѣломъ или желтомъ фонѣ. Если же мы, наоборотъ, возьмемъ синій сортъ кукурузы въ качествѣ матери, а опылять будемъ бѣлымъ или желтымъ сортомъ, то ксеній почти не получимъ. Одно время думали даже, что ихъ не получается вовсе, и дѣйствительно есть сорта, пыль которыхъ абсолютно неспособна измѣнить синюю окраску материнскаго сорта; однако, въ другихъ случаяхъ такое измѣненіе наблюдается, хотя въ весьма незначительной степени: немногія, единичныя зерна въ початкѣ, полученномъ такимъ скрещиваніемъ, оказываются болѣе блѣдными или даже совершенно бѣлыми среди подавляющей массы синихъ, причемъ очень рѣдко наблюдается образованіе пятнистости. Тѣ же явленія обнаруживаются при взаимномъ скрещиваніи бѣлоплоднаго сорта съ желтоплоднымъ: превратить бѣлый сортъ въ желтый легко, но измѣнить желтыя зерна въ бѣлыя почти невозможно.

Такимъ образомъ несравненно легче свѣтло окрашенному сорту сообщить болѣе темную окраску, нежели наоборотъ. Это одностороннее воздѣйствіе одного сорта на другой въ высокой степени замѣчательно и настоятельно нуждается въ объясненіи, которымъ мы и займемся впослѣдствіи, а пока примемъ его какъ любопытный фактъ, установленный опытомъ.

Стоитъ отмѣтить еще одно странное на первый взглядъ обстоятельство: ни величина, ни форма кукурузнаго зерна не измѣняются отъ скрещиванія, по крайней мѣрѣ, непосредственно; мелкоплодный сортъ кукурузы не даетъ болѣе крупныхъ зеренъ, въ видѣ ксеній, отъ того, что будетъ опыленъ крупноплоднымъ, или наоборотъ. Если, напр., въ качествѣ матери будетъ фигурировать кукуруза съ мелкими и сахаристыми зернами, а въ качествѣ отца другой сортъ съ крупными и мучнистыми, то получатся зерна мучнистыя, какъ у отца, но столь же мелкія, какъ у матери. Только здѣсь необходимо помнить, что рѣчь идетъ именно о непосредственномъ воздѣйствіи одного сорта на другой, о томъ воздѣйствіи, эффектъ котораго сказывается въ видѣ ксеній на подвергнутомъ опыленію экземплярѣ въ тотъ же годъ, какъ операція произведена, а что окажется современемъ въ потомствѣ, выросшемъ изъ ксеніевыхъ зеренъ, это... совершенно особая статья. Если выше, напр., было сказано, что красноплодный сортъ не въ состояніи передать своей окраски другому сорту, то и это слѣдуетъ понимать въ томъ же смыслѣ: и здѣсь, какъ и во всѣхъ предъидущихъ примѣрахъ, имѣлся въ виду лишь непосредственный эффектъ скрещиванія, но это отнюдь не значитъ, что потомство такъ-таки и не вспомнитъ о красномъ цвѣтѣ отца, подъ неблаговиднымъ предлогомъ, что имъ окрашена была лишь его шкурка. Итакъ, величина и форма зеренъ, въ противность ихъ цвѣту и химическому составу, при скрещиваніи не измѣняются. Это можетъ показаться страннымъ въ виду того, что главную массу зерна составляетъ бѣлокъ, столь отзывчивый въ другихъ отношеніяхъ къ качествамъ воспринятой растеніемъ пыльцы. По мнѣнію Корренса, дѣло объясняется тѣмъ, что величина и форма зерна опредѣляются не бѣлкомъ, а плодовою оболочкою: бѣлку приходится какъ бы втискиваться въ готовыя рамки, создаваемыя ему шкуркою, которая, какъ мы видѣли, находится внѣ сферы вліянія пыльцы.

Подводя итоги сказанному, мы видимъ, что у кукурузы, по крайней мѣрѣ, непосредственное воздѣйствіе пыли на воспринявшій ее организмъ въ видѣ такъ называемыхъ ксеній несомнѣнно существуетъ, но обнаруживается исключительно на бѣлкѣ зерна. Внимательный читатель навѣрное уже давно понялъ, въ чемъ тутъ дѣло и какая связь между ксеніями и блестящимъ открытіемъ Навашина. Связь эта ясна какъ день. Если въ зародышномъ мѣшкѣ разыгрывается не просто давно извѣстное оплодотвореніе яйцеклѣточки, дающей послѣ этого зародышъ, а происходитъ двойное оплодотвореніе, если второй опло-

дотворяющій элементъ, доставленный пыльцевою трубкою, сливается съ ядромъ зародышнаго мѣшка, побуждая его къ образованію клѣточекъ бѣлка, то само собою понятно, что и бѣлокъ, подобно зародышу, обнаруживаетъ признаки отца; разъ попала чужая пыль, то бѣлокъ, наравнѣ съ зародышемъ, долженъ имѣть характеръ помѣси. Въ дѣлѣ разъясненія таинственныхъ ксеній открытіе Навашина было откровеніемъ, послѣ котораго тремъ упомянутымъ выше изслѣдователямъ ихъ оставалось только хлопнуть себя по лбу, что они, вѣроятно, и сдѣлали. Корренсъ, нѣсколько лѣтъ до того занимавшійся экспериментальнымъ изученіемъ ксеній у кукурузы и убѣдившійся въ томъ, что ксеніи ограничиваются областью бѣлка, склонялся было, для объясненія этого замѣчательнаго факта, по его собственнымъ словамъ, къ другой гипотезѣ: воспринявшій вліяніе отца зародышъ при своемъ развитіи выдѣляетъ изъ себя, думалъ онъ, особое вещество, вродѣ такъ называемыхъ ферментовъ, которое дѣйствуетъ на окружающій бѣлокъ, сообщая и ему отцовскія свойства. Съ открытіемъ двойного оплодотворенія Корренсъ тотчасъ же отказался отъ своего толкованія.

Блистательное объясненіе ксеній, созданное открытіемъ Навашина, было встрѣчено общимъ сочувствіемъ и его стали пережевывать на разные лады. Такъ, англійскій ботаникъ, миссъ Сарджентъ старалась пояснить намъ телеологическую сторону двойного оплодотворенія, его цѣлесообразность: бѣлокъ, самъ испытавшій на себѣ вліяніе отца, вслѣдствіе этого, будто бы, лучше приспособленъ для питанія такого же зародыша, чѣмъ бѣлокъ, образованный всецѣло материнскимъ организмомъ.

Весьма оригинально воспользовался двойнымъ оплодотвореніемъ американецъ Уэбберъ для объясненія столь часто встрѣчающейся при образованіи ксеній пятнистости или вообще пестрой окраски зеренъ. Въ этихъ случаяхъ, по мнѣнію Уэббера, второму оплодотворяющему элементу не удалось почему либо слиться съ ядромъ зародышнаго мѣшка и оба стали размножаться самостоятельно (мы увидимъ далѣе, что такое развитіе безъ оплодотворенія дѣйствительно возможно); общій фонъ зерна образуютъ тѣ клѣточки бѣлка, ядра которыхъ являются потомками ядра зародышнаго мѣшка, т. е. материнскаго организма, крапины же суть группы клѣточекъ, развившіяся изъ отцовскаго оплодотворяющаго элемента. Объясненію этому нельзя отказать въ большомъ остроуміи, но тѣмъ не менѣе оно наврядъ ли справедливо и во всякомъ случаѣ преждевременно. Критикуя гипотезу Уэббера, Корренсъ указываетъ на то, что крапины далеко не всегда бываютъ рѣзко очерченными и иногда вырисовываются на фонѣ, который и самъ имѣетъ синеватый оттѣнокъ; тогда для объясненія общей синеватости приходится допустить, что ядро зародышнаго мѣшка было оплодотворено, а для объясненія крапинъ надо принять, что такого оплодотворенія не было и выходитъ внутреннее противорѣчіе.

Между тѣмъ дѣло, повидимому, объясняется проще: даже сплошь синее зерно нерѣдко проходитъ предварительно чрезъ стадію пятнистости, — синяя окраска выступаетъ сначала лишь мѣстами, а затѣмъ уже отдѣльныя пятна сливаются между собою и получается равномѣрно окрашенное синее зерно; поэтому весьма возможно, что пятнистыя ксеніевыя зерна суть просто зерна, остановившіяся на болѣе ранней стадіи развитія, т. е. не успѣвшія посинѣть вполнѣ.

До сихъ поръ рѣчь шла исключительно о ксеніяхъ кукурузы, какъ наиболѣе изученныхъ. Посмотримъ теперь, какъ обстоитъ дѣло съ другими растеніями.

Вполнѣ естественно ожидать такихъ же ксеній, какъ у кукурузы, и у другихъ злаковъ, въ виду того, что строеніе зерна во всей этой группѣ въ общихъ чертахъ одно и тоже: вездѣ зародышъ занимаетъ лишь уголокъ зерна, а главную массу послѣдняго составляетъ бѣлокъ. И дѣйствительно, мы имѣемъ аналогичные съ приведенными выше опыты, произведенные еще въ 1893 году надъ рожью Жильтэ (Giltay) въ Голландіи. Надо замѣтить, что рожь, въ противоположность другимъ культурнымъ злакамъ, въ особенности пшеницѣ, обладаетъ очень малою измѣнчивостью и почти не образуетъ постоянныхъ сортовъ. Это объясняется тѣмъ, что она почти совершенно неспособна къ самоопыленію,—колосъ ржи, будучи изолированъ отъ воздѣйствія посторонней пыли (съ другихъ экземпляровъ ржи), обыкновенно остается совершенно безплоднымъ, несмотря на то, что въ каждомъ цвѣткѣ этого колоса имѣются собственныя тычинки. При такомъ положеніи вещей всякое случайно появившееся уклоненіе отъ нормы не можетъ укрѣпиться и быстро стушевывается подъ вліяніемъ безпрерывно повторяющагося скрещиванія. Цвѣтъ ржаного зерна почти столь же разнообразенъ, какъ окраска зеренъ кукурузы, но у ржи обыкновенно въ одномъ и томъ же колосѣ зерна имѣютъ всевозможные оттѣнки. Однако, тщательно отбирая зерна одного цвѣта и выращивая ихъ отдѣльно, можно, если и не вполнѣ, то въ значительной степени, упрочить ту или другую окраску. Жильтэ путемъ такой отборки получилъ изъ одной и той же ржи два сорта—въ одномъ почти всѣ зерна имѣли красноватый оттѣнокъ, а въ другомъ—синеватый. При скрещиваніи ихъ между собою получились результаты такіе же, какъ у кукурузы: послѣдній сортъ при посредствѣ своей пыли сообщилъ первому свою синеватость; обратное дѣйствіе и здѣсь выражено было слабѣе.—Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ксеніи могутъ быть получены у риса, сорго и просо, такъ какъ у этихъ злаковъ, на подобіе кукурузы, рядомъ съ мучнистыми сортами существуютъ сорта сахаристые или «клейкіе», въ которыхъ крахмалъ замѣненъ растворимыми въ водѣ запасными веществами.

Сходныя съ ксеніями на первый взглядъ явленія наблюдаются при скрещиваніи сортовъ гороха, а также левкоя. Горохъ даетъ сорта съ

зелеными и другіе съ желтыми сѣменами, и при опыленіи зеленаго сорта желтымъ послѣдній сообщаетъ первому свою окраску. Левкой обыкновенно имѣетъ желтыя сѣмена, но существуютъ сорта съ синевато-черными сѣменами; при опыленіи желтосѣмяннаго сорта синимъ получаются болѣе или менѣе синеватыя сѣмена. Съ виду это совершенно тоже, что и у кукурузы, а между тѣмъ въ дѣйствительности эти случаи совсѣмъ не относятся къ ксеніямъ. Сѣмена гороха и левкоя принадлежатъ къ другому типу, чѣмъ зерна кукурузы и вообще злаковъ,—они, какъ выражаются ботаники, безбѣлковыя—подъ кожурою прямо лежитъ просвѣчивающій сквозь нее зародышъ; онъ и составляетъ, помимо кожуры, все сѣмя, а ткань бѣлка совершенно отсутствуетъ. Та или другая окраска сѣмени обусловливается здѣсь, слѣдовательно, цвѣтомъ зародыша, измѣненіе котораго подъ вліяніемъ скрещиванія вполнѣ понятно, а потому для объясненія этихъ «мнимыхъ» ксеній никакого открытія Навашина, никакого двойного оплотворенія не требуется.

Въ высшей степени важно было бы рѣшить, не существуютъ ли, сверхъ этихъ «мнимыхъ» ксеній, не требующихъ особаго объясненія, и «настоящихъ» ксеній, сдѣлавшихся намъ понятными послѣ открытія Навашина, еще такія «Ксеніи», которыя послѣднимъ объяснены быть не могутъ. Другими словами, вопросъ въ томъ, нѣтъ ли такихъ случаевъ, въ которыхъ вліяніе воспринятой чужой пыли обнаруживалось бы не только на зародышѣ и бѣлкѣ, являющихся продуктами оплодотворенія, но и на самомъ плодѣ или даже на другихъ частяхъ опыленнаго растенія. Какъ мы видѣли выше, новѣйшіе изслѣдователи «ксеній» отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно и выдвигаютъ на первый планъ основное положеніе, согласно которому дальше бѣлка ксеніи не распространяются. Ко всѣмъ имѣющимся въ литературѣ показаніямъ, противорѣчащимъ этому выводу, ученые относятся въ настоящее время съ величайшимъ скептицизмомъ. Но если вспомнить, что и нынѣ объясненныя «ксеніи» встрѣчались долгое время съ крайнимъ недовѣріемъ, то нельзя не рекомендовать большой осторожности въ отрицаніи. Конечно, нѣкоторыя показанія таковы, что отнестись къ нимъ серьезно нѣтъ возможности. Такъ, напримѣръ, берлинскій ботаникъ Карлъ Кохъ утверждалъ, будто отъ опыленія кувшинки (Nymphaea) пыльцею магноліи (!) листья кувшинки получаютъ болѣе продолговатую форму. Это ужъ что-то совсѣмъ дикое, и навряд-ли найдется охотникъ провѣрять на дѣлѣ подобное утвержденіе. Но имѣются другія показанія, гораздо менѣе фантастическія. Такъ, напримѣръ, упорно повторяются въ плодоводственной литературѣ увѣренія касательно возможнаго вліянія другъ на друга различныхъ сортовъ яблонь: если растутъ рядомъ яблони двухъ разныхъ сортовъ, и въ особенности, если вѣтви ихъ сплетаются между собою, то нерѣдко, будто бы, яблоня даннаго сорта производитъ плоды, похожіе на яблоки смежнаго сорта, или

нѣчто среднее между обоими. На наибольшаго вниманія заслуживаетъ любопытное показаніе нашего покойнаго академика Максимовича. Скрещивая между собою два разныхъ вида лилій (Lilium bulbiferum и L. dahuricum), онъ нашелъ, что первый, будучи опыленъ вторымъ, даетъ коробочку, по формѣ напоминающую плодъ отцовскаго вида; такой же результатъ получился и при обратномъ скрещиваніи тѣхъ же видовъ,—материнскій организмъ опять далъ плодъ такой, какой бываетъ у отца, доставившаго пыль. Корренсъ высказываетъ предположеніе, что Максимовичъ просто перепуталъ ярлыки, но тотъ, кто лично зналъ Карла Ивановича и его педантическую нѣмецкую аккуратность, наврядъ ли найдетъ это объясненіе правдоподобнымъ. Вотъ это показаніе настойчиво нуждается въ тщательнѣйшей фактической провѣркѣ и такая провѣрка, на мой взглядъ, составляетъ нравственный долгъ нашего Императорскаго ботаническаго сада, въ которомъ покойный Максимовичъ производилъ эти опыты и лучшимъ украшеніемъ котораго онъ такъ долго служилъ. Если бы эти опыты дали отрицательный результатъ, ну, что-жъ!.. слава знаменитаго нашего систематика отъ этого нисколько бы не пострадала,—не ошибается лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ; но если бы результатъ получился положительный, то не только память покойнаго было бы очищена отъ все же непріятнаго подозрѣнія, но и для науки открылось бы новое поле для изслѣдованія, возникли бы новые вопросы, назойливо требующіе отвѣта и ожидающіе его отъ пытливаго человѣческаго ума.

Ну, а пока что, и мы примемъ за доказанныя лишь такія «ксеніи», которыя ограничиваются областью бѣлка и съ теоретической стороны. послѣ открытія Навашина, представляются вполнѣ понятными.

Въ концѣ перваго очерка и назвалъ «ксеніи» крупнымъ козыремъ въ рукахъ Навашина по поводу спора о томъ, въ правѣ ли онъ называть открытыя имъ явленія «двойнымъ оплодотвореніемъ». И дѣйствительно, разъ образованіе бѣлка, подобно образованію зародыша, требуетъ вмѣшательства оплодотворяющаго элемента, причемъ и бѣлку, и зародышу одинаково сообщаются свойства отцовскаго организма, то трудно не усмотрѣть въ обоихъ процессахъ характерныхъ признаковъ полового акта, того, что мы называемъ оплодотвореніемъ; получается какъ бы два зародыша, но изъ нихъ одинъ призванъ къ дальнѣйшему развитію, а другой рано или поздно вытѣсняется первымъ. Если бы даже впослѣдствіи оказалось, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, несмотря на отсутствіе оплодотворяющихъ элементовъ, тѣмъ не менѣе развивается въ зародышномъ мѣшкѣ ткань бѣлка, то и это бы не измѣнило нашего представленія о двойномъ оплодотвореніи. Какъ, мы увидимъ далѣе, и настоящій зародышъ можетъ въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ развиваться изъ яйца безъ всякаго оплодотворенія, возникать, какъ говорятъ, партеногенетически чрезъ дѣвственное зарожденіе.

Познакомившись съ ксеніями, вполнѣ естественно перейти... къ помѣсямъ. Въ сущности, вѣдь и самыя ксеніи, являясь наглядным выраженіемъ вліянія отцовскаго организма, несомнѣнно принадлежатъ къ образованіямъ помѣсевого характера. Вся разница въ томъ, что въ ксеніяхъ вліяніе отца обнаруживается тотчасъ же, т. е. въ тотъ самый годъ, когда произведено скрещиваніе, и обнаруживается на полученныхъ при этомъ сѣменахъ, тогда какъ въ настоящихъ помѣсяхъ тоже самое отцовское вліяніе обнаруживается лишь на слѣдующій годъ въ потомствѣ, выращенномъ изъ помѣсевыхъ сѣмянъ.

Въ свое время помѣси сыграли громадную роль въ вопросѣ о половомъ размноженіи въ растительномъ царствѣ, явившись наиболѣе рѣшительнымъ доказательствомъ реальнаго существованія и здѣсь, какъ въ животномъ царствѣ, типичныхъ половыхъ явленій. Въ послѣдніе годы интересъ къ помѣсямъ усилился до чрезвычайности и изученіе ихъ начинаетъ выдѣляться въ особую отрасль знанія—гибридологію. Для теоріи наслѣдственности помѣси доставляютъ богатѣйшій, ничѣмъ не замѣнимый матеріалъ, но разобраться въ этомъ матеріалѣ не такъ то легко. На первый взглядъ онъ поражаетъ своею хаотичностью, приводившею въ отчаяніе не одного изслѣдователя. Потомство, выросшее изъ помѣсевыхъ сѣмянъ, получается нерѣдко настолько пестрое, что подмѣтить какую-либо законность кажется почти невозможнымъ. Но это только такъ кажется. Мало по малу мы начинаемъ разбираться въ этомъ хаосѣ, кропотливо изучая каждый изъ отдѣльныхъ признаковъ отцовскаго и материнскаго организмовъ и дальнѣйшую судьбу этихъ признаковъ въ потомствѣ. Отдѣльные признаки оказываются въ высокой степени самостоятельными, другъ отъ друга независимыми; это своего рода шашки, которыя могутъ перетасовываться самымъ различнымъ образомъ. Въ изученіи пертурбацій, которымъ они подвергаются при скрещиваніи, яркою путеводною звѣздою служитъ намъ въ настоящее время... Мендель и его законъ, постепенно, впрочемъ, изъ закона превратившійся въ простое правило

Одинъ изъ самыхъ поразительныхъ результатовъ, доставленныхъ намъ изученіемъ ксеній, это ихъ односторонность: путемъ скрещиванія легко удается, какъ мы видѣли, превратить сахаристый сортъ кукурузы въ мучнистый, но обратное превращеніе рѣшительно невозможно; фіолетовый сортъ кукурузы сообщаетъ свою окраску бѣлому или желтому сорту, но обратнаго вліянія почти не замѣчается. Мендель долженъ объяснить намъ эти въ высшей степени странные факты. Мендель, Мендель! Ахъ, какая это любопытная исторія!

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

МАТЬ И ДОЧЬ.

Романъ

Часть II.

*(Окончаніе *).*

XIII.

Они молча вышли на улицу. У Крученинова лицо было хмурое. Онъ не глядѣлъ на свою спутницу.

— Вы не торопитесь, Людмила? Мы можемъ идти пѣшкомъ?— наконецъ, спросилъ онъ.

— О, да, конечно!—поспѣшно отвѣтила Людмила.—Мнѣ никуда не надо.

И опять наступило молчаніе. Они шли торопливо, какъ будто ихъ призывало важное, спѣшное дѣло.

— Скажите же мнѣ что нибудь? Зачѣмъ вы такъ убійственно молчите?—нервнымъ, раздражительнымъ голосомъ воскликнулъ Крученинов.

Людмила посмотрѣла на него и поняла, что онъ страдаетъ. Молчать ей дольше нельзя было, а что сказать ему, она не знала.

Она сама была подавлена всѣмъ происшедшимъ. Убѣдилъ ли ее Рокотовъ, она сейчасъ этого не могла знать. Да и нужно ли было убѣждать ее? Она и безъ того не была сознательной сторонницей поѣздки въ Поволжье. Она всегда спорила противъ этой поѣздки, но у нея не было въ распоряженіи тѣхъ доводовъ, которые выставилъ Рокотовъ.

И тѣмъ не менѣе она давно уже согласилась съ нимъ. Поѣздка была рѣшена и назначено приблизительно время для нея.

— Зачѣмъ непремѣнно надо говорить?—неопредѣленно, нерѣшительно промолвила она.—Развѣ что-нибудь произошло?

— А развѣ ничего не произошло?—спросилъ Крученинов.

— По моему, ничего особеннаго. Каждый высказалъ свой

---

*) См. „Міръ Божій", № 10, октябрь, 1903 г.

взглядъ. Ваши взгляды различны, вотъ и все. Люди съ различными взглядами могутъ уважать другъ друга и жить въ мирѣ.

— Вы неискренни со мной, Людмила. Это—въ первый разъ. И это, конечно, изъ доброжелательства ко мнѣ, я это понимаю. Развѣ тутъ дѣло во взглядахъ? Со взглядомъ вашего отца я не согласенъ, какъ бы онъ ни былъ краснорѣчивъ... Я остался при своемъ. Но тутъ дѣло во впечатлѣніи... Вы понимаете, съ вершины скалы скатился тяжелый камень и придавилъ того, кто случайно стоялъ внизу. Вы понимаете?..

— Значитъ, все дѣло въ самолюбіи?—сказала Людмила и слегка испугалась этого вопроса.

— Самолюбіе... Можетъ быть, да, а можетъ быть—и нѣтъ. Если и самолюбіе, то оно относится къ вамъ и только къ вамъ. Неужели вы думаете, что я дорожу уваженіемъ этой безличной толпы, которая бѣшено апплодируетъ потоку, уничтожающему ее? Вѣдь эти люди пришли же сюда съ чѣмъ-нибудь, съ какимъ-нибудь убѣжденіемъ. Но стоило только раздаться его властному голосу, какъ они растеряли всѣ свои снасти и пересѣли въ его лодку, чтобы плыть подъ его парусами... Но вы же знаете, что я, съ первой минуты знакомства съ вами, веду отчаянную борьбу изъ-за васъ... Сперва я боролся съ вашей матерью, но она смирилась, она отпустила возжи, на которыхъ держала васъ. А теперь выступилъ опаснѣйшій врагъ—вашъ отецъ, Рокотовъ.. И неужели вы думаете, что я не видѣлъ на вашемъ лицѣ подавляющаго впечатлѣнія, которое произвели на васъ его слова?.. Я понялъ, что съ каждымъ его словомъ я уменьшаюсь въ вашихъ глазахъ..

— Вы сперва успокойтесь, а потомъ выслушайте вотъ что...— мягко сказала Людмила, но онъ перебилъ ее.

— Нѣтъ, дослушайте. Рѣчь Рокотова прекрасна. Я такъ не умѣю говорить. Моя рѣчь мнѣ самому показалась ничтожной и жалкой. Но это ничего не значитъ. Знаете ли вы, что такое Рокотовъ для насъ, для нашего поколѣнія? Для своего времени это былъ дѣятель—сильный, талантливый, неукротимый. Но для нашего поколѣнія онъ только наблюдатель со стороны. Мы живемъ, мы кипимъ, а онъ глядитъ спокойно и доктринерствуетъ. Онъ говоритъ: спокойно накопляйте силы... А я не могу этого. Я задохнусь отъ этого спокойствія. Пусть дѣло, на которое я иду, ничтожно по своему значенію, но все же оно даетъ работу моимъ живымъ душевнымъ силамъ... Когда нѣтъ большой работы, нужно дѣлать маленькую... Въ городахъ, въ закрытыхъ школахъ, гдѣ нѣтъ полей, лѣсовъ и горъ, чтобы дать выходъ накопляющейся здоровой мускульной силѣ, дѣти дѣлаютъ гимнастику, маршируютъ по залѣ, подымаютъ гири. Если смотрѣть со стороны, это безсмысленно, это не приноситъ никакой видимой пользы, но

это необходимо для ихъ мускуловъ и нервовъ. А здѣсь все-таки не гимнастика, а маленькая польза...

— Зачѣмъ вы все это говорите? Вы какъ будто убѣждаете меня, но этого не нужно!—очень твердо сказала Людмила.— Если бы Рокотовъ произвелъ на меня впечатлѣніе въ милліонъ разъ сильнѣйшее, то все равно я не перемѣнила бы своего рѣшенія. Мы съ вами согласились, и такъ будетъ... Васъ это успокаиваетъ?

— О, да, Людмила, да! Это все, что нужно!—воскликнулъ Крученіновъ.—Я хочу, чтобы наше было внутреннимъ нашимъ, а все остальное—внѣшнимъ. Пусть потокъ реветъ и кипитъ вокругъ нашей хижины, лишь бы онъ не попалъ въ нее и не смылъ нашего гнѣзда.

— Такъ это и есть, такъ и будетъ!

Но, говоря всѣ эти, видимо успокаивавшія его слова, Людмила испытывала странное ощущеніе двойственности и не могла отдѣлаться отъ мыслей, которыя насильно лѣзли въ ея голову.

Она припоминала свои разговоры съ матерью и то, что Ирина Васильевна говорила ей о любви. Вотъ она точно по нотамъ разыгрываетъ ту пьесу, которую мать развивала передъ нею. Она не согласна, не убѣждена, а поступитъ именно такъ. «Противъ себя, но за нимъ».

Такъ, должно быть, бываетъ со всѣми. Но другія не замѣчаютъ этого и думаютъ, что, идя «за нимъ», онѣ всегда согласны съ нимъ. У нея же, благодаря стараніямъ Ирины Васильевны, развита способность критиковать себя, каждое движеніе своей души. И вотъ она видитъ, что идетъ за нимъ, не будучи согласна съ нимъ.

«Что дѣлать! Я люблю... Должно быть, это неизбѣжно», говорила она себѣ.

Между тѣмъ, на Васильевскомъ Островѣ, въ небольшомъ оставшемся кружкѣ бесѣда продолжалась. Ирина Васильевна была необыкновенно оживлена и что-то примирительное свѣтилось въ ея глазахъ.

Уже одно то, что она осталась сидѣть въ квартирѣ Рокотова, значило очень много. Но она осталась даже охотно. Сегодняшнее собраніе напоминало ей многое. Хотя двадцать лѣтъ своей жизни она посвятила отрицанію того прошлаго, но все же оно было лучшимъ, самымъ интереснымъ, что только было въ ея жизни

Въ тѣ времена Рокотовъ говорилъ иначе. Спокойствіе, обдуманность, систематичность и закругленность,—это были новыя качества въ его рѣчи. Онѣ явились очевидно, какъ результатъ многолѣтней жизни «въ отставкѣ, на покоѣ».

Она представляла его другимъ: съ горящими глазами, съ гро-

мовымъ голосомъ, съ отрывистою рѣчью, онъ дѣйствовалъ на слушателей не столько своими доводами, сколько пламеннымъ убѣжденіемъ и неукротимой волей. Онъ точно приказывалъ, и его слушались, ему подчинялись безпрекословно.

Но тогда онъ побуждалъ, звалъ на дѣло, а теперь ему приходится сдерживать, отрицать и объяснять.

Только въ концѣ своей рѣчи онъ, словно вдругъ настроившись, поднялъ тонъ и напомнилъ ей прежнее.

Но, все равно, она видѣла передъ собой что-то живое, сильное и властное. Она давно уже не встрѣчала такого явленія и по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, она, наблюдая, какъ всѣ слушатели сливались въ одномъ общемъ вниманіи, какъ онъ покорялъ ихъ, чувствовала и въ себѣ какъ бы пробуждающуюся покорность прежнихъ лѣтъ. Зазвучали прежнія струны, раздалась призывная мелодія, и сердце стало биться усиленно.

— Вы—богатырь слова,—сказалъ Лихаревъ Рокотову, крѣпко пожимая его руку.—Вы меня плѣнили.

— Вы согласились со мной?—спросилъ его Рокотовъ.

— О, этого я не знаю. Я никогда не довѣряю непосредственному впечатлѣнію. Теперь я подъ обаяніемъ вашей рѣчи, Но вотъ я приду домой, посижу вечерокъ у своего камелька. среди своихъ книгъ, въ привычной обстановкѣ .. Ну, тогда и выступитъ на поверхность настояще мое мнѣніе.

— А я согласна съ вами. Я согласна отъ перваго слова до послѣдняго!—сказала Ирина Васильевна и, дружески посмотрѣвъ ему въ глаза протянула ему руку.

Рокотовъ внимательно, изучающимъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее. Это былъ первый шагъ, который она сдѣлала къ нему сама, свободно, безъ понужденія.

— Но куда дѣвалось Людмила?—вдругъ обезпокоившись, спросила Любочка.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, она исчезла...—сказала Ирина Васильевна.

— Но не одна, — замѣтилъ Рокотовъ: — Людмила теперь поступила въ партію...

— Въ партію Крученинова?—спросилъ Лихаревъ.

— Въ партію влюбленныхъ женщинъ, — смѣясь промолвила Любочка.—Бѣдняжка она потеряла свою волю.

— Свою личность,—поправила Ирина Васильевна.

— Развѣ это неизбѣжно?

— Мнѣ кажется, что да...

— И вы не знаете ни одного исключенія?—Вдругъ неожиданно спросилъ Рокотовъ, обратившись къ Иринѣ Васильевнѣ.

Она не была подготовлена къ этому вопросу и не отвѣтила ему ни слова.

Любочка заторопилась. Было уже больше восьми часовъ. Она понукала Лихарева, и оба они торопливо прощались.

— Я тоже выйду съ вами!—какимъ-то встревоженнымъ голосомъ сказала Ирина Васильевна.

Она сегодня боялась оставаться наединѣ съ Рокотовымъ.

«Это—непосредственное впечатлѣніе—думала она словами Лихарева:—надо провести вечерокъ у «своего камелька», надо остерегаться... Надо охранять свою личность!

И они вмѣстѣ вышли. Лихаревъ простился съ нею и поѣхалъ съ Любочкой въ театръ.

Ирина Васильевна пошла пѣшкомъ.

XIV.

Этотъ вечеръ въ квартирѣ на Владимірской прошелъ незначительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необычно.

Послѣ такого исключительнаго событія, какое произошло сегодня на Васильевскомъ Островѣ, Ирина Васильевна и Людмила ни слова не сказали о немъ. Ирина Васильевна, придя домой, не нашла тамъ Людмилы, но она скоро пришла. Лицо у нея было серьезное и сосредоточенное.

Ирина Васильевна взглянула на нее и подумала: «она скажетъ мнѣ что-то рѣшительное». И подъ этимъ рѣшительнымъ она разумѣла нѣчто, касающееся ея отношеній съ Крученинovымъ.

Но Людмила начала говорить о дивномъ вечерѣ, объ оживленіи на улицѣ и ни слова о томъ, о чемъ онѣ объ думали.

«Ну, значитъ, это у нихъ еще не готово», сказала себѣ Ирина Васильевна и ни однимъ намекомъ не пыталась навести разговоръ на эту тему.

Потомъ Людмила взяла книгу и довольно долго читала, затѣмъ онѣ вмѣстѣ пили чай и говорили о лѣтнихъ платьяхъ, которыя были заказаны и наконецъ, пожелавъ другъ другу спокойной ночи, разошлись по своимъ комнатамъ.

И это былъ не единственный вечеръ. Такихъ прошло еще дней десять. Крученинovъ заходилъ къ нимъ, здоровался и говорилъ съ Ириной Васильевной, видимо старась, чтобы въ его обращеніи не было ничего новаго; но это ему не вполнѣ удавалось: Ирина Васильевна чувствовала, что сдержанность, которую онъ вообще проявлялъ по отношенію къ ней, превратилась въ холодность, чуть-чуть даже сдобренную враждой.

И Ирина Васильевна видѣла, что Людмила намѣрена сдѣлать важный шагъ, и ей самой казалось страннымъ, что она относится къ этому такъ спокойно.

Давно ли прошло то время, когда она не смогла бы оставить ее безъ своего воздѣйствія и поправки даже въ незначительномъ поступкѣ, а теперь вотъ ей даже не хочется вмѣшиваться въ ея жизнь, какъ будто ей все равно.

Ей разумѣется было далеко не все равно. Но она ясно видѣла. что надъ жизнью Людмилы явилось новое вліяніе, «болѣе органическое», чѣмъ ея вліяніе. Не легко было ей примириться съ этимъ, и это произошло не сразу. Но уступить все-таки пришлось.

«Всѣ мы отдаемъ дань этому богу, въ этомъ наша бѣда и наше счастье, думала она.—Такъ почему же Людмилѣ, моей Людмилѣ, которая въ концѣ концовъ оказывается такой обыкновенной дѣвушкой, быть исключеніемъ? Оказывается, что настоящее счастье только и возможно въ заблужденіи. Ну, и пусть—до тѣхъ поръ, пока туманъ не разсѣется и она не познаетъ истину. Всѣ мы—данники нашей дикой природы. Любовь—это самая крупная дань, какую платитъ ей женщина. Работой развитого ума, при помощи культурности, знаній и тонкаго нравственнаго чутья, мы отстраняемъ неизбѣжное выполненіе ея требованій, но она и не торопится, зная, что все равно придетъ ея время, и когда время приходитъ, этотъ дикарь налетаетъ на насъ, и мы уже безъ сопротивленія отдаемъ ему все безъ остатка. Потомъ, если иная изъ насъ и спохватится, то это всегда поздно, потому что все уже отдано».

Крученинов между тѣмъ проявлялъ необыкновенно энергичную дѣятельность. У него нашлось достаточно единомышленниковъ и вотъ въ совмѣстной его квартирѣ съ Рокотовымъ, въ часы, когда Рокотовъ бывалъ на своей службѣ, собирался небольшой кружокъ, и здѣсь обсуждались подробности предстоящаго дѣла.

Самъ Крученинов изъ своего небольшого капитала выдѣлилъ нѣсколько сотенъ, но онъ былъ самый крупный вкладчикъ, другіе могли дать гораздо меньше.

Но этимъ не ограничились. Каждый старался, если не завербовать знакомыхъ въ свой кружокъ, то во всякомъ случаѣ привлечь къ участію хоть небольшимъ взносомъ, и такимъ образомъ фондъ нѣсколько увеличился.

Только Людмила до сихъ поръ ничего не внесла. У нея на рукахъ никогда не было денегъ. Но она не могла съ этимъ примириться и однажды обратилась къ матери.

— У меня есть къ тебѣ просьба, мама... сказала она.

— Просьба?—переспросила Ирина Васильевна и подумала: «можетъ быть, это уже рѣшеніе»?

— Да, я хочу просить тебя, не можешь ли ты выдѣлить рублей триста или двѣсти изъ... капитала, на который мы живемъ...

Это было не совсѣмъ то, чего ждала Ирина Васильевна, поэтому глаза ея выразили удивленіе. Если у нихъ рѣшено пожениться, то конечно Крученинов не позволилъ бы, чтобы Людмила жила не на его средства, тѣмъ больше, что средства у него есть.

— Зачѣмъ это?—спросила Ирина Васильевна.

— Ты непремѣнно хочешь знать зачѣмъ?—промолвила Людмила, очень смутилась и покраснѣла.

— Непремѣнно—нѣтъ. Но тогда я должна думать, что это какая нибудь необыкновенная тайна, такъ какъ до сихъ поръ обыкновенныя тайны ты отъ меня не прятала.

— Нѣтъ, мама, это даже на тайна—вдругъ промолвила Людмила тономъ глубокаго раскаянія.—Я даже сама не понимаю, почему такъ спросила тебя. Это, видишь ли, у насъ составился кружокъ, мы всѣ вносимъ, сколько кто можетъ, чтобы помогать голодающимъ... Я только одна до сихъ поръ ничего не внесла.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, ужъ это никакъ не можетъ быть тайной,—съ усмѣшкой замѣтила Ирина Васильевна.—Что касается денегъ, то тебѣ незачѣмъ просить меня объ этомъ. Это деньги твои, и ты можешь ими распорядиться, какъ хочешь.

Людмила вспыхнула.—Я вовсе такъ не думаю и не хочу распоряжаться... Не мои они... Я не знаю, чьими ихъ надо считать... Лучше всего ничьими. Но мы съ тобой живемъ на нихъ и значитъ всякій такой расходъ уменьшитъ наши средства. Но видишь ли, я хочу, чтобы это не вліяло на общее уменьшеніе. Я нѣкоторое время буду отказывать себѣ въ разныхъ несущественныхъ покупкахъ, напримѣръ въ шляпкѣ или въ чулкахъ... И это наверстаетъ.

— Слушай, Людмила... Только не подумай, что я требую и могу обидѣться... Но я просто спрашиваю тебя: ты не можешь быть откровеннѣе?

— О чемъ ты спрашиваешь, мама?

— Въ твоемъ положеніи не предстоитъ скоро важной перемѣны?

— Я думаю, что да...

— Но навѣрно не знаешь?

— Мы какъ-то объ этомъ почти не говоримъ...

— Ну, да, можетъ быть, потому и не говорите, что это дѣло хорошо рѣшенное?

— Я думаю, что это рѣшится само собой.

— Когда же?—Раньше вашей поѣздки или позже?

— А ты знаешь о поѣздкѣ?

— Легко догадаться. Вѣдь это главный пунктъ Крученинова.

— Да, мама... Я не хотѣла говорить тебѣ, боялась, что ты будешь разубѣждать меня... Видишь ли, я рѣшила, я дѣйствительно рѣшила, но я не могу сказать, чтобы это было вполнѣ мое убѣжденіе. И я боюсь всякихъ доводовъ, особенно твоихъ, потому что твои доводы всегда вѣскіе, въ особенности для меня... Но это такъ будетъ, будетъ...

— Я разубѣждать тебя не стану, Людмила.

— Почему?

— Потому что не разсчитываю на успѣхъ, а значитъ это безполезно... И скоро это?

— Да, черезъ нѣсколько дней...

— Тутъ одно только не хорошо, мой другъ,—съ ласковымъ укоромъ сказала Ирина Васильевна.—Это черезъ нѣсколько дней, и ты рѣшаешься сдѣлать это внезапно для меня... Мы съ тобой прожили вмѣстѣ около двадцати лѣтъ. Тебѣ развѣ не кажется, что мнѣ не легко будетъ вдругъ разстаться съ тобой? Слѣдовало бы меня подготовить.

— Это правда, мама... Съ моей стороны это жестоко. Я сама не понимаю, почему мы иногда дѣлаемся жестокими.

— Потому, что мы иногда перестаемъ быть «нами»... Ну, это все равно. Глупо избѣгать того, что неизбѣжно. Такъ ты возьми изъ денегъ сколько тебѣ нужно... Пожалуй, вмѣстѣ заѣдемъ въ банкъ и сдѣлаемъ это.

И онѣ заѣхали въ банкъ. Людмила получила деньги и отвезла ихъ въ собраніе кружка.

Дня черезъ два послѣ этого Крученинов явился въ квартиру на Владимірской около пяти часовъ вечера. Ирины Васильевны въ это время не было дома, но онъ заранѣе зналъ, что ея не будетъ, такъ какъ объ этомъ говорили вчера,—у нея было что-то назначено у портнихи, которая шила лѣтнія платья.

Видъ у него былъ не совсѣмъ обычный. Въ глазахъ было что-то рѣшительное.

— Людмила, намъ надо рѣшить нашу судьбу...—отрывисто сказалъ онъ.

Людмила, несмотря на то, что считала свою судьбу рѣшенной, тѣмъ не менѣе была крайне смущена этимъ сообщеніемъ. Она не поняла.

— Но мы ее рѣшили,—отвѣтила она.

— Мы рѣшили ее для себя, но вы знаете, что, живя въ обществѣ, необходимо придерживаться извѣстныхъ общественныхъ формъ.

— Конечно,—отвѣтила Людмила, все еще не ясно понимая его главную мысль.

— Такъ вотъ... Если вы рѣшили также безповоротно, какъ я, что мы ѣдемъ въ Приволжье, то намъ надо предварительно обвѣнчаться.

— Предварительно?

— Васъ это пугаетъ?—промолвилъ Крученинов нѣсколько болѣе рѣзко, чѣмъ онъ всегда говорилъ съ Людмилой.

— Разумѣется, нѣтъ,—отвѣтила Людмила,—но мы ѣдемъ черезъ четыре дня. Когда же это успѣется?

— Да вѣдь для этого требуется всего только полчаса... Я думалъ, что вы не встрѣтите никакихъ возраженій, и уже подготовилъ все, что нужно.

— Все, что нужно?—опять переспросила Людмила.

— Но для этого нужно не много: четыре свидѣтеля, которые по совѣсти засвидѣтельствуютъ, что мы съ вами не родня и не женаты, изъ нихъ двое будутъ держать вѣнцы. Я уже переговорилъ съ нашими друзьями. Затѣмъ я былъ у священника въ приходской церкви, гдѣ живу... Онъ согласился перевѣнчать насъ сегодня въ восемь часовъ вечера. Такимъ образомъ это будетъ сдѣлано и не будетъ служить задержкою нашей поѣздкѣ.

Что ей предстояло обвѣнчаться съ Крученинovым, Людмила знала, и это для нея не было новостью. Къ этой мысли она давно привыкла, и этотъ шагъ не вызывалъ въ ней никакихъ колебаній. Она любила Крученинова. Въ этомъ у нея не возникало сомнѣнія. Но никакъ не думала она, что это произойдетъ при такихъ исключительныхъ условіяхъ.

— Неужели вы думаете, что это можно сдѣлать такъ скоро?— спросила она послѣ долгаго молчанія, когда она старалась привыкнуть къ этому новому положенію.

— Но почему же нѣтъ?

— Да право... Это такъ не дѣлается...

— Но, однако же, Людмила, не потребуете же вы, чтобы мы разсылали торжественныя приглашенія роднымъ, ѣхали въ наемныхъ каретахъ, я во фракѣ, а вы въ подвѣнечномъ платьѣ съ цвѣтами и фатой, а потомъ пили шампанское и принимали поздравленія?

— Нѣтъ, конечно, нѣтъ... Но есть другое... И вы не можете этого не знать.

— Но я не знаю.

— У меня есть мать... Я должна, по крайней мѣрѣ, предупредить ее.

— Значитъ, вы допускаете, что Ирина Васильевна можетъ повліять на перемѣну вашего рѣшенія?

— Нѣтъ, не можетъ... Да и не станетъ вліять. Хотя мы съ нею объ этомъ не говорили, но она, конечно, знаетъ о нашемъ рѣшеніи. Оно написано у меня въ глазахъ, а она очень хорошо умѣетъ читать въ этой книгѣ. И она давно уже отказалась отъ своего вліянія на меня... Но она не отказалась отъ своей привязанности ко мнѣ... И я не имѣю права обойти ее...

— Ахъ, эти привязанности!.. очевидно непроизвольно вырвалось у Крученинова.

Людмила вдругъ настроилась чрезвычайно серьезно. Она приблизилась къ Крученинову, который сидѣлъ въ низкомъ креслѣ, и стала близко около него.

— Слушайте, Александръ,—промолвила она мягко, но въ то же время какимъ-то опредѣленнымъ, безусловнымъ тономъ.— Намъ съ вами о чувствахъ говорить нечего, мы уже хорошо знаемъ свои чувства и увѣрены въ нихъ. Въ прежнее время говорили и прежняя дѣвушка сказала бы: я отдала вамъ мое сердце... Но я должна выговорить у васъ въ своемъ сердцѣ маленькій уголокъ для моей матери...

— Людмила, развѣ я когда-нибудь противодѣйствовалъ вашей привязанности къ Иринѣ Васильевнѣ? Я только противъ того, чтобы вы считались съ ея взглядами, которыя идутъ въ разрѣзъ съ нашими.

— Да гдѣ же мы считаемся? Вѣдь это совершается какъ разъ противъ ея взглядовъ: и поѣздка, и нашъ бракъ. Гдѣ же тутъ можетъ быть рѣчь, что я считаюсь съ ея взглядами? Но нельзя обижать ее. Но если бы я пошла вѣнчаться съ вами, какъ вы предлагаете, вотъ сейчасъ, въ то время, какъ она, ничего не подозрѣвая, сидитъ у портнихи, это была бы обида. Это показало бы, что я совсѣмъ устранила ее изъ своей жизни. Въ чемъ же тогда выразилась бы моя привязанность къ ней: въ томъ, что я обѣдаю вмѣстѣ съ нею, живу въ одной квартирѣ, и то пока... пока у меня нѣтъ другой... Нѣтъ, я должна поговорить съ нею.

— И если она найдетъ, что вѣнчаться сегодня нельзя, вы откажетесь?

— Нѣтъ, она этого не найдетъ, я вамъ ручаюсь.

Въ передней раздался звонокъ.

— Можетъ быть, это Ирина Васильевна?—спросилъ Крученинovъ и поднялся.

— Это навѣрно она. Вы идите и зайдите за мной, когда будетъ пора.

Въ самомъ дѣлѣ вошла Ирина Васильевна. Крученинovъ поздоровался съ нею и сейчасъ же началъ прощаться, ссылаясь на то, что у него дѣла.

Ирина Васильевна еще снимала передъ зеркаломъ шляпку, когда Людмила провожала его въ переднюю.

— Александръ,—сказала она тихо, остановивъ его у самой выходной двери,—неужели же и мой отецъ ничего объ этомъ не знаетъ?

Крученинов вдругъ сурово сдвинулъ брови.

— Если вы требуете, я заявлю ему,—хмурымъ голосомъ отвѣтилъ онъ.

— Значитъ, ваши отношенія съ нимъ въ конецъ испорчены?

— Нѣтъ, мы только стали на разныхъ концахъ, и эти концы слишкомъ далеки другъ отъ друга.

— Вы непримиримы.

— Нѣтъ надобности, Людмила, идти на уступки, когда все равно не придется работать вмѣстѣ. Но, если вы требуете, я заявлю ему сейчасъ.

— Да, Александръ, я этого требую.

Она проводила его въ переднюю. Какое-то непріятное чувство стѣсняло ее передъ матерью, какъ будто она обошла ее въ какомъ-то важномъ дѣлѣ, нарушила ея существенныя права. Можетъ быть, это такъ и было?

Правда, она и сама не была подготовлена къ тому, что это будетъ сегодня, черезъ нѣсколько часовъ. Но разъ это оказалось возможнымъ, значитъ этому предшествовалъ цѣлый рядъ обстоятельствъ и разговоровъ. И тѣмъ сложнѣе казалась ей задача теперь разомъ все объяснить матери.

Людмила вошла и остановилась неподалеку отъ зеркала, гдѣ стояла еще Ирина Васильевна, и какъ будто не находила словъ, чтобы начать. Ирина Васильевна покончила съ своей шляпой и повернулась къ ней.

— Почему это онъ сегодня такой... строгій?—сказала она.— Да и ты тоже особенная...

— Ахъ, мама...—произнесла Людмила и остановилась.

— Ну? Неужели же есть на свѣтѣ вещи, которыхъ мы не могли бы сказать другъ другу?

Она сказала это мягко, безъ упрека, скорѣй даже тономъ дружескаго поощренія быть откровенной и не смущаться.

— Такихъ не должно быть, мама, но иногда... Иногда не знаешь, какъ сказать...

Ирина Васильевна приблизилась къ ней.

— Ты меня пугаешь, Людмила... Я не знаю, что и подумать...

— Не пугайся, ничего не случилось. За это я тебѣ ручаюсь.

— Ну, такъ что же? Что же, мой другъ? Впрочемъ, если тебѣ трудно сказать сейчасъ, такъ не будемъ торопиться...

— Надо торопиться, мама...

— Ну, такъ давай торопиться...

Ирина Васильевна взяла Людмилу за руки, тихонько повела се къ дивану, сѣла и усадила ее рядомъ съ собой. Такого мягкаго дружескаго обращенія съ ея стороны Людмила давно уже не испытывала.

— Ну, вотъ видишь ли, мой другъ... На свѣтѣ все просто, когда мы просты... Будемъ же просты и все сейчасъ сдѣлается легкимъ... Зачѣмъ приходилъ твой Крученинов?

— Я сейчасъ скажу тебѣ все.. Погоди... Дай привести въ порядокъ... Я не хочу слишкомъ удивлять тебя...

— О, объ этомъ не заботься... Я много удивлялась въ своей жизни... Ну?

— Крученинов требуетъ, чтобы мы сегодня черезъ три часа обвѣнчались.

— О, какое нетерпѣніе...—почти смѣясь, воскликнула Ирина Васильевна.—Сегодня? Непремѣнно сегодня?

— Да, онъ приготовилъ для этого все... Ты понимаешь, какъ мнѣ было трудно сказать тебѣ это.

— Но почему же трудно, мой другъ? Вѣдь я знала, что вы рѣшили обвѣнчаться, такъ не все ли равно—сегодня, завтра или черезъ недѣлю?..

— И ты ничего противъ этого не имѣешь?

— Это было бы безполезно... Но то, что онъ такъ стремителенъ, мнѣ даже нравится.. Все-таки видно, что онъ не мямля, не мѣшокъ, а человѣкъ съ темпераментомъ, съ огнемъ... Что значитъ имѣть противъ или за? Я могу не раздѣлять твоего взгляда, даже твоего выбора, но если это тебя дѣлаетъ счастливой, то значитъ для тебя годится и для тебя хорошо... Другъ мой, наступаетъ время, когда мы—матери и отцы, должны скромно отступаться отъ своихъ правъ и отъ своихъ вкусовъ... Ты сложилась въ человѣка... Можетъ быть, мнѣ ты слишкомъ долго представлялась дѣвочкой, но это просто отъ долголѣтней привычки... А человѣкъ давно былъ готовъ, созрѣлъ... Надо его признать и дать ему мѣсто. Знаешь, какъ бываетъ въ крестьянской семьѣ: выросъ парень и женился, надо его выдѣлить и дать ему мѣсто. Такъ сегодня?

— Да, въ восемь часовъ. Онъ заѣдетъ за мной.

— Ну, мнѣ тамъ дѣлать нечего, я только буду портить настроеніе твоего будущаго мужа. Скажи, онъ меня не переноситъ?

— О, нѣтъ... Но онъ не можетъ тебѣ простить одно...

— Я знаю: Поршнева! Но это прошло и безвозвратно. Понять это можно только съ точки зрѣнія того времени и тѣхъ условій жизни. Это пало само собой вмѣстѣ съ тѣми условіями. Ну, все

равно, я не поѣду туда. А вотъ Любочку ты извѣсти. Иначе она будетъ имѣть право обидѣться.

— Въ самомъ дѣлѣ... Мнѣ и въ голову не пришло!—воскликнула Людмила и поднялась.

Лицо ея сдѣлалось яснымъ. Простота, съ какой Ирина Васильевна приняла отъ нея сообщеніе, совсѣмъ успокоила ее, и ей вдругъ показалось, что все, въ сущности, совершенно просто и естественно.

— Я сейчасъ напишу Любочкѣ.

Она быстро пошла въ свою комнату, написала Любочкѣ, чтобъ та пріѣзжала сейчасъ для чрезвычайно важнаго дѣла и отослала письмо.

Любочка прилетѣла черезъ полчаса и засыпала ее вопросами

— Что такое? Что за важное дѣло? Что случилось?

— Ничего особеннаго,—сказала ей Ирина Васильевна.—То, что случается съ каждой женщиной: Людмила сегодня вѣнчается.

Любочка сдѣлала огромные глаза.

— Вѣнчается? Сегодня?

— Да, Любочка, сегодня,—отвѣтила Людмила.

— Но объясненіе, объясненіе!

— Объясненія нѣтъ никакого. Вотъ развѣ это: черезъ три-четыре дня мы ѣдемъ въ Поволжье помогать голодающимъ.

— Какъ же это: я ничего не знаю. Вѣдь это и есть самое худшее въ этомъ дѣлѣ.

— Да, Любочка, мы съ вами были заброшены. Нами совсѣмъ не занимались,—шутя сказала Ирина Васильевна.—А вы окончательно рѣшили не вѣнчаться съ вашимъ Лихаревымъ?

— Ни-ни!.. Это безуміе прошло... Я теперь совсѣмъ обактерилась... Сцена сдѣлалась моимъ сумасшествіемъ и моей жизнью... Не хочу замужъ выходить, не хочу влюбляться, хочу быть свободной, какъ птица.

— А птица развѣ не любитъ? Птица тоже вьетъ гнѣздо и выводитъ дѣтенышей,—возразила Ирина Васильевна.

— Ну, это оттого, что она глупа. А если бы она, при своихъ крыльяхъ, была еще умна, она понимала бы, что гнѣздо все же хоть на одно лѣто привязываетъ ее къ дереву, на которомъ оно свито.

— Умница, Любочка, право, умница!—похвалила ее Ирина Васильевна.—А Людмила вотъ спасовала. Ну, что дѣлать! Теперь она счастливѣе насъ съ вами... Такъ поѣзжайте съ нею въ церковь. Вы сегодня свободны?

— Я не играю. Разумѣется, поѣду. Еще бы не поѣхать! Вѣдь когда видишь, какъ на ближняго твоего надѣваютъ цѣпи, ты еще больше начинаешь цѣнить свою свободу. Но неужели же ты вотъ такъ и поѣдешь, въ этомъ коричневомъ платьѣ?

— Ахъ, Любочка, это случилось такъ внезапно, что все равно не успѣли бы заказать бѣлое платье.

— Это не по формѣ. Мнѣ всегда казалось, что подвѣнечное платье—это что-то въ родѣ арестантскаго халата, въ который наряжаютъ дѣвушку.

— Полно тебѣ изощряться, Любочка,—сказала Людмила.— Право, все это зависитъ отъ насъ... Я смотрю на это иначе. Я думаю, что бракъ—замужество или женитьба, это вступленіе въ бой... Но въ бой мирный. Это борьба характеровъ. Характеры борются, и одинъ непремѣнно побѣждаетъ. Но это уже дѣло ума: побѣдивъ, не покорить...

— А ты побѣдитель или побѣжденный?

— Не знаю. Во всякомъ случаѣ, если побѣдитель, то не покоритель, а если побѣжденная, то не покоренная...

— Хорошо, Людмила, хорошо. Мнѣ это нравится,—сказала Ирина Васильевна.—А все-таки я предпочла бы, чтобы побѣдителемъ была ты... Однако, уже семь часовъ, скоро за тобой придутъ.

За Людмилой дѣйствительно скоро пришли, но не самъ Крученинovъ, а какой-то неизвѣстный. Онъ позвонилъ и послалъ карточку. Это была карточка Крученинова, въ которой тотъ просилъ Людмилу сейчасъ же ѣхать съ этимъ провожатымъ.

Людмила вышла и спросила его, куда надо ѣхать? Тотъ назвалъ церковь и улицу.

— Хорошо,—сказала она.—Вы поѣзжайже и скажите, что я сейчасъ буду.

Затѣмъ она вернулась, одѣлась, поцѣловала Ирину Васильевну, и онѣ вмѣстѣ съ Любочкой вышли изъ дому.

XV.

И только тогда, когда они вышли, Ирина Васильевна вдругъ почувствовала непобѣдимое тревожное волненіе, и въ первую минуту у нея явилось такое ощущеніе, какъ будто она изъ всѣхъ тѣхъ обязанностей, которыя считала для себя важными, не исполнила самой важной.

И, можетъ быть, она долго предавалась бы самоосужденію, если бы ей не помѣшали. Скоро послѣ ухода дѣвушекъ, когда она, скрестивъ на груди руки быстро ходила по комнатѣ, въ передней сильно позвонили и тотчасъ же безъ доклада, только коротко постучавшись въ дверь, въ комнату вошелъ Рокотовъ.

— Можно?—спросилъ онъ.

Ирина Васильевна вздрогнула и остановилась.

— Да,—отвѣтила она.

Онъ вошелъ. Она протянула ему руку, какъ обыкновенному гостю.

— Очевидно, вы изумлены также, какъ и я!—сказалъ Рокотовъ.

— Какъ? Для васъ это тоже неожиданно?

— Вполнѣ. Вѣдь мы послѣ того собранія живемъ, какъ случайные сосѣди въ гостинницѣ. Но сейчасъ мой сосѣдъ пріѣхалъ и сказалъ: «я дѣлаю это по требованію Людмилы. Я сообщаю вамъ», и такъ далѣе... Вы знаете, что...

— И какъ же вы относитесь къ этому?—сказала Ирина Васильена, подошла къ дивану и сѣла. Рокотовъ опустился въ кресло.

— Какъ къ совершившемуся факту,—отвѣтилъ онъ.

— А совершившійся фактъ вы причисляете къ счастливымъ?

— Въ подобныхъ дѣлахъ самые признанные пророки часто оказываются лгунами, но вообще, если выбирать, то Крученинов имѣетъ всѣ шансы... Онъ въ высшей степени искренній и честный человѣкъ. И я не объ нихъ пришелъ говорить.

— А о комъ же?—спросила Ирина Васильевна, и плечи ея приподнялись и вся ея фигура приняла выраженіе какого-то опасливаго ожиданія.

— Ваше положеніе круто мѣняется,—сказалъ Рокотовъ.

— Такъ что же?

— Ничего особеннаго, Ирина Васильевна, а просто явилось много матеріала для размышленій.

— Что-жъ, давайте размышлять...—сказала Ирина Васильевна и какъ-то неудержимо поднялась и нѣсколько разъ съ волненіемъ прошлась по комнатѣ.

— Размышлять свободно, Ирина Васильевна... Иначе не имѣетъ смысла...—промолвилъ Рокотовъ.

— Что значитъ свободно?—спросила она, на секунду остановившись и посмотрѣвъ на него въ упоръ.

— Значитъ: не думая о томъ и не боясь того, какъ бы не задѣть ту или другую крѣпко натянутую струну.

— Струны уже почти всѣ порвались...—замѣтила Ирина Васильевна и опять начала ходить по комнатѣ.

— Значитъ, нѣтъ опасности, что онѣ зазвучатъ. Значитъ, можно размышлять свободно. Мы въ странномъ положеніи,—говорилъ Рокотовъ:—мы размышляемъ здѣсь въ то время, когда наши дѣти тамъ гдѣ-то, въ приходской церкви, рѣшаютъ важнѣйшій изъ вопросовъ личной жизни.

— Наши дѣти?—съ удивленіемъ спросила Ирина Васильевна.

— Да, я такъ сказалъ потому, что Крученинов мнѣ былъ близокъ, какъ сынъ. Его душа окончательно формировалась подъ моимъ воздѣйствіемъ...

— Повидимому, формировать душу, это значитъ—дать ей очертаніе, обратное тому, какого желаешь...

— Нѣтъ, это только повидимому... Намъ кажется, что они идутъ противъ насъ; а Богъ знаетъ, куда они пошли бы, если мы не посѣяли въ ихъ душахъ тѣ сѣмена, которыя теперь взошли... Но я хочу сказать: вотъ у насъ были привязанности, у каждаго изъ насъ, у васъ въ особенности, потому что это—кровная привязанность. И вдругъ, послѣ символическаго получаса, который какъ разъ въ это время проходитъ, мы оба, опять-таки каждый порознь, дѣлаемся одинокими.

— Да, это нѣсколько жестоко, не правда ли?—откликнулась Ирина Васильевна.—Но думаете ли вы, что мы это заслужили?

— Я думаю, что такого вопроса нельзя ставить; никто вѣдь не собирается наказывать насъ.

— Прямѣе сказать: объ насъ не думаютъ!—замѣтила Ирина Васильевна.

— Да, просто каждый идетъ своей дорогой. И каждый правъ.

Они оба нѣкоторое время молчали, и въ этомъ молчаніи ихъ чувствовалось какъ бы что то подготовительное. Обоимъ было ясно, что все сказанное до этого момента было только вступленіемъ, а главное еще ждало своей очереди и скажется.

И Рокотовъ первый нарушилъ молчаніе:—Каждый идетъ своей дорогой,—сказалъ онъ,—это правда, но послѣ того, какъ дорога пройдена, каждый имѣетъ право на отдыхъ...

Ирина Васильевна остановилась въ противоположномъ углу комнаты, сѣла на коротенькомъ диванчикѣ и обратила свое лицо къ нему, какъ бы желая сосредоточиться на его словахъ.

Рокотовъ продолжалъ: — И когда эти, прошедшіе свой путь, оглядываются назадъ, они убѣждаются въ странномъ: когда-то они пошли въ разныя стороны, и пошли съ шумомъ, съ гнѣвомъ, съ враждой, часто проклиная другъ друга. Они были несогласны въ самомъ главномъ и рѣшили идти разными путями. А когда пути пройдены, оказывается, что они пришли къ одной и той же цѣли.

— Къ какой?—изъ своего далекаго угла спросила Ирина Васильевна.

Рокотовъ нѣсколько промедлилъ отвѣтомъ.—Да,—сказалъ онъ,—на этотъ вопросъ отвѣчать тяжело, но надо отвѣтить.

— Надо отвѣтить,—съ нѣкоторой настойчивостью произнесла Ирина Васильевна.

— Надо отвѣтить на всѣ вопросы, каковы бы они ни были. День всегда кончается вечеромъ, а вечеръ незамѣтно, но неизбѣжно, переходитъ въ ночь. День полонъ энергіи, движенія, работы. Люди бѣгаютъ по улицамъ, взбѣгаютъ по лѣстницамъ на

высокіе этажи, разсчитываютъ, высчитываютъ, торжествуютъ, терпятъ обиды. А вечеромъ всѣ: и торжествующіе и потерпѣвшіе обиду, чувствуютъ одно: утомленіе членовъ и желаніе покоя. Потомъ приходитъ ночь и глаза смыкаются...

— Не у всѣхъ! Иные не могутъ заснуть...

— Это несчастье, это болѣзнь. И тогда они ничего такъ не желаютъ и не добиваются, какъ покоя и въ концѣ концовъ все-таки засыпаютъ...

— Да, да...—промолвила Ирина Васильевна,—и блаженъ тотъ, кто заслужилъ этотъ покой.

— О, въ этомъ отношеніи всѣ одинаковы. Всѣ заслужили свой покой, потому что всѣ устали. Мнѣ это представляется такъ,—промолвилъ онъ послѣ молчанія:—вотъ семья, многочисленная и дѣятельная, каждый изъ членовъ ея имѣетъ свой особый вкусъ и свое особое дѣло, никто не согласенъ съ другимъ. И вотъ съ утра всѣ поднялись и каждый пошелъ по своему дѣлу. Одинъ занялся благотворительностью, ходитъ весь день по нищенскимъ подваламъ и помогаетъ бѣднымъ людямъ жить, другой страстный охотникъ, забралъ собакъ и отправился на охоту и цѣлый день искалъ и стрѣлялъ утокъ, зайцевъ, лисицъ; третій—корыстный и жадный, работалъ на биржѣ, отыскивалъ выгоду въ несчастьи своего ближняго; четвертый—пламенный и возвышенный—проповѣдывалъ добро и любовь, и такъ дальше... И вотъ прошелъ день и наступилъ вечеръ. Въ домѣ зажгли огни, запылали дрова въ каминѣ, и всѣ пришли домой, сѣли около камина и стали расправлять усталые члены. Всѣ утомлены, каждый своимъ дѣломъ, всѣ хотятъ отдыха, покоя, каждый имѣетъ право на часть тепла отъ пылающаго камина. Наступила ночь, всѣ разошлись по своимъ спальнямъ и всѣхъ охватилъ одинаковый для всѣхъ сонъ... Слушайте, Ирина Васильевна, могу ли я говорить все?

— Да, говорите,—какъ-то задумчиво и тихо произнесла Ирина Васильевна.

— Я говорю, мы съ вами видѣлись утромъ. Мы даже собирались идти одной дорогой. Но вдругъ что-то случилось—бурное и стремительное—и наши дороги разошлись. И цѣлый день рыскали мы по разнымъ путямъ, каждый по своему дѣлу. И нашъ день прошелъ, вотъ наступилъ вечеръ...

— Да, наступилъ вечеръ,—откликнулась Ирина Васильевна.

— У насъ есть еще вечеръ, цѣлый вечеръ...

— Это аллегорія... — произнесла Ирина Васильевна попрежнему тихо, и въ голосѣ ея слышалась дрожь.—Говорите прямо.

— Я и хочу говорить прямо. Лучшаго времени для этого мы не найдемъ... Это время, когда мы оба стали одиноки.

— Да, я думаю...

*

— Я хочу сказать: давайте проведемъ вечеръ вмѣстѣ!

Произошло длинное глубокое молчаніе. Они сидѣли на своихъ мѣстахъ, не двигаясь, какъ бы въ ожиданіи, что этотъ, только что родившійся вопросъ, глубокій и важный, самъ себя разрѣшитъ или отвѣтъ появится помимо ихъ воли.

Рокотовъ пристально смотрѣлъ въ тотъ уголъ комнаты, гдѣ сидѣла Ирина Васильевна, и старался по ея позѣ угадать ея настроеніе. Для него важнымъ показателемъ уже было ея молчаніе.

Еще нѣсколько недѣль тому назадъ подобное предложеніе вызвало бы съ ея стороны взрывъ негодованія. Она вскочила бы съ мѣста и забросала бы его ядовитыми укорами изъ прошлаго.

Но теперь она сидѣла недвижно, лицо ея было блѣдно и сосредоточенно. Она молчала.

Тогда онъ поднялся и подошелъ къ ней поближе.—Я жду отвѣта, Ирина Васильевна,—сказалъ онъ ей мягкимъ, тихимъ голосомъ.

— Чѣмъ мы наполнимъ этотъ вечеръ?—не поднявъ головы и не взглянувъ на него, спросила она.

— Отдыхомъ...—отвѣтилъ онъ.—Мы будемъ сидѣть у огня и вспоминать... каждый будетъ вспоминать свое, и другъ для друга мы въ этихъ воспоминаніяхъ дадимъ много новаго. Но надо всѣмъ этимъ будетъ царить воспоминаніе о томъ, что было у насъ общаго и нераздѣльнаго, когда мы утромъ еще вѣрили въ одну дорогу и собирались дружно идти по ней... Вѣдь не даромъ же это было... Что-нибудь связывало насъ тогда...

— Насъ связывало чувство...—подсказала Ирина Васильевна.

— Да... Но чувство, какъ и все на свѣтѣ, живетъ, пока неиздержится, не исчерпается... Мы же разошлись тогда, когда оно было свѣжо... Мы отпили изъ этой чаши лишь по глотку, наша чаша не исчерпана... Вы знаете меня и не сомнѣваетесь, что я, за своими дѣлами, не могъ отклоняться въ сторону чувства. Я знаю, что и вы такъ были поглощены вашей враждой... Послушайте,—прибавилъ онъ, не закончивъ своей фразы, и подошелъ къ ней еще ближе:—неужели вамъ не хочется отдыха? Отъ всего, отъ всего... И отъ добра, и отъ зла... Я предлагаю вамъ свой домъ, свою поддержку, уходъ за вами и...если только это не помѣшаетъ вамъ отдыхать, свое чувство, потому что оно у меня уцѣлѣло неприкосновеннымъ...

Ирина Васильевна все еще сидѣла на своемъ мѣстѣ и не двигалась, но въ лицѣ ея, сосредоточенномъ и строгомъ, онъ читалъ уже движеніе къ нему.

Онъ протянулъ ей руку, но она не взяла ее. Она вдругъ опустила голову и закрыла лицо руками.

— Значитъ, все зачеркивается... Все...—глухо произнесла она прерывающимся голосомъ.

— Только вражда... сказалъ Рокотовъ:—Зачеркните ее, и все прояснится... Въ домѣ, гдѣ нѣтъ ни одного окна, темно... Разрушьте стѣну и вдругъ проникнетъ туда солнце и разомъ все освѣтится. Надо разрушить стѣну, Ирина Васильевна .. Слушайте... мы теперь одиноки, намъ не за что цѣпляться, вамъ въ особенности. Мы имѣемъ право на отдыхъ.

Вдругъ Ирина Васильевна поднялась и, точно противъ воли, сдѣлала движеніе. Она приблизилась къ нему и положила свои руки ему на плечо, и глубокимъ взглядомъ посмотрѣла ему въ глаза.

— Я вамъ всегда вѣрила... Даже тогда, когда ненавидѣла васъ... Я никого не любила, кромѣ васъ. Да, да.. Я такъ жажду отдыха... Я такъ давно жду его... Это правда... это правда. И если мнѣ дано отдохнуть, то только съ вами...

Онъ взялъ ея голову своими руками и привлекъ къ себѣ. Это не были страстныя объятія двухъ любовниковъ, долго разлученныхъ и, наконецъ, нашедшихъ другъ дртга. Въ этихъ объятіяхъ не было порыва запоздавшей страсти, а было только прощеніе и довѣріе.

Лицо Ирины Васильевны прояснилось. Въ глазахъ ея свѣтилось глубокое спокойствіе, какъ у человѣка, долго искавшаго уголка, гдѣ бы отдохнуть послѣ трудной и утомительной дороги, и, наконецъ, нашедшаго его.

Прошло послѣ этого еще много времени. Уже пробило десять часовъ. Они сидѣли у стола и ни на минуту не смолкала ихъ рѣчь.

Рокотовъ вспоминалъ и разсказывалъ. Его жизнь была полна неожиданностей и приключеній. Онъ разсказывалъ, что приходило въ голову, и она слушала и видѣла, что во всемъ этомъ не было ничего низкаго и ничего обиднаго для ея чувства, которое загорѣлось тогда, утромъ, и вотъ уцѣлѣло до вечера.

Послышался звонокъ. Рокотовъ вдругъ прервалъ свои воспоминанія и поспѣшно сказалъ:

— Они уѣзжаютъ черезъ три дня. Тогда мы подумаемъ о себѣ!

Ирина Васильевна молча наклонила голову. Въ корридорѣ уже раздавались шаги. Слышно было, что Людмила вернулась не одна и даже не съ Любочкой только. Можно было различить мужскіе шаги.

Дверь растворилась. Первая появилась Людмила. Она стремительно бросилась къ матери и обняла ее и только потомъ замѣтила, что здѣсь Рокотовъ и съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглянула на него.

Но Рокотовъ уже поднялся и пошелъ къ ней и обнялъ ее.

Потомъ онъ повернулся къ двери и увидѣлъ вошедшаго Крученинова. Было только одно мгновеніе колебанія между ними. Но затѣмъ оба они какъ будто прочитали на лицахъ другъ у друга, что препятствіе, стоявшее между ними эти послѣднія дни, точно смыто какимъ-то незримымъ потокомъ. Крученинов прямо пошелъ къ нему и они расцѣловались.

А Любочка была здѣсь и хохотала самымъ искреннимъ образомъ.—О, если бы видѣли, какія у нихъ были глупыя лица!—восклицала она и изображала ихъ обоихъ съ тѣмъ комизмомъ, какой былъ свойственъ ея таланту.

Крученинов, можетъ быть, увидѣвъ, что со стороны Ирины Васильевны и Рокотова его предпріятіе не встрѣтило ни малѣйшаго противорѣчія, и почувствовавъ такой радушный пріемъ, видимо, оттаялъ и сдѣлался попрежнему непринужденнымъ и довѣрчивымъ.

Принесли самоваръ и свадебный вечеръ былъ проведенъ за чайнымъ столомъ, въ настроеніи, съ виду ничѣмъ не отличавшемся отъ обычнаго.

— Однако,—говорилъ Рокотовъ,—вы не думайте, друзья мои, что вы сегодня совершили что-нибудь небывалое. Вы обвѣнчались внезапно и безъ дальнихъ разговоровъ, но, по крайней мѣрѣ, вы имѣете въ виду прожить вмѣстѣ цѣлую жизнь. А въ наше время бывали такіе случаи, что сегодня вѣнчались люди только вчера познакомившіеся.

— Это какимъ же образомъ?—спросила Любочка.

— А вотъ такъ. Помню я одну дѣвушку, которую угнетали не то что бы жестокіе, а просто не понимавшіе ея стремленій родители. Она хотѣла ѣхать въ Петербургъ учиться, а родители не пускали ее и грозили въ случаѣ самовольнаго отъѣзда вернуть ее по этапу. Само собой разумѣется, что никогда они этого не сдѣлали бы, но она была запугана. Было это въ Казани. Ну, вотъ и приходитъ однажды къ студенту Валикову студентъ Свирскій (отлично помню эти фамиліи) и говоритъ: «Послушай, ты вѣдь свободенъ, ты не женатъ» (самъ-то Свирскій былъ женатъ).—«Нисколько», отвѣчаетъ тотъ. «Ну, такъ тутъ надо одну дѣвицу выручить... Хорошая дѣвушка, стоитъ того...»—«Кто такая?—«А вотъ этакая и этакая. Фамилія Губанина, отецъ чиновникъ важный. Учиться хочетъ, а онъ, понимаешь ли, обскурантъ, угнетаетъ...»—Хорошій человѣкъ она, говоришь?—Прекрасный человѣкъ, душевный. «Ну, что же, пожалуй, говоритъ, если она хорошая, такъ отчего же не выручить?» — Ну вотъ и ладно. Батюшка у меня такой есть, безъ разговоровъ перевѣнчаетъ. Документы она достать можетъ... Приходи ко мнѣ сегодня вечеромъ, я тебя съ нею познакомлю.

И Валиковъ вечеромъ пошелъ къ Свирскому, тамъ встрѣтилъ угнетаемую дѣвицу Губанину и познакомился съ ней. А на другой день они уже стояли подъ вѣнцомъ. Повѣнчались, получили документъ, сейчасъ же Валиковъ отправился, куда слѣдуетъ и исхлопоталъ своей внезапной женѣ, уже теперь госпожѣ Валиковой, паспортъ на свободное проживаніе гдѣ ей угодно, а дня черезъ три новая госпожа Валикова изъ родительскаго дома укатила въ Петербургъ. Важный чиновникъ поднялъ тревогу, обезпокоилъ петербургскія власти, требовалъ возвращенія дочери чуть ли не по этапу. Навели справки. Оказалось, дѣвицы Губаниной уже не существуетъ въ природѣ, а есть госпожа Валикова, живущая на законномъ основаніи, по паспорту, выданному ей законнымъ мужемъ. И ничего важный чиновникъ не могъ подѣлать. И госпожа Валикова училась и научилась, чему хотѣла.

— А потомъ? Какъ же потомъ они были?—спросила Любочка.

— Да раза два въ жизни еще встрѣтились.—Разумѣется, лѣтъ черезъ семь послѣ этого имъ обоимъ надо было жениться по настоящему. Ну, были нѣкоторыя затрудненія, но, въ концѣ концовъ, они выхлопотали разводъ и все кончилось къ общему удовольствію. И, конечно, Валиковъ былъ не единственный. Такіе браки случались нерѣдко. Иногда случалось такъ, что малознакомые люди, обвѣнчавшись, знакомились ближе, влюблялись другъ въ друга и уже сознательно сходились на всю жизнь. Бывали и грустныя развязки. Попадались и злоупотребленія съ обѣихъ сторонъ, но это рѣдко, большею частью люди не стѣсняли другъ друга и оба были счастливы.

Было уже около двѣнадцати часовъ, когда всѣ почувствовали себя утомленными.

— Пора по домамъ,—сказалъ Крученинов и прибавилъ, обращаясь къ Рокотову.—Мы вѣдь поѣдемъ вмѣстѣ!

— Если ты удостоишь меня этой чести,—отвѣтилъ, усмѣхнувшись, Рокотовъ.—Но сперва мы доведемъ до квартиры Любочку. Вѣдь ей тутъ недалеко.

Гости простились съ хозяйками и ушли. Такимъ образомъ въ сущности ничто не перемѣнилось въ положеніи Людмилы. Она продолжала жить съ матерью. Но было и нѣчто такое, что она считала величайшимъ пріобрѣтеніемъ.

— Знаешь ли, мама, что особенно дѣлаетъ меня счастливой?—восторженно говорила она Иринѣ Васильевнѣ.—То, что я теперь уже имѣю право вышвырнуть за окно эту ненавистную фамилію... Я больше не Балясова и никогда ею не буду. Я—Крученинова!

XVI.

Три дня Людмила провела въ сутолокѣ сборовъ. Теперь это уже дѣлали сообща. Рокотовъ, конечно, не могъ удѣлить этому многовремени, но Ирина Васильевна вся отдалась сборамъ Людмилы.

И вотъ наступилъ день отъѣзда. На вокзалѣ Николаевской дороги собрались Ирина Васильевна, Рокотовъ, Любочка, Лихаревъ. Они стояли около вагона третьяго класса.

Вмѣстѣ съ Крученинovыми ѣхало больше десятка ихъ друзей, принадлежавшихъ къ кружку. Между ними были двѣ дамы.

Вагонъ былъ крайне неудобенъ, переполненъ путешественниками, которые портили въ немъ воздухъ своимъ ужаснымъ табакомъ и заняли всѣ щели своими узлами.

Но о томъ, чтобы взять мѣсто во второмъ классѣ и устроиться поудобнѣе, даже и думать нельзя было.

Когда путешественники увидѣли Сергѣя Николаевича Рокотова, провожавшаго ихъ въ дальній путь, между ними произошло смущеніе. Всѣ здоровались съ нимъ, потому что всѣ знали его. И всѣ вопросительно посматривали на Крученинова, который, какъ бы желая загладить недоразумѣніе, длившееся нѣсколько недѣль, проявлялъ по отношенію къ Сергѣю Николаевичу исключительные знаки дружбы.

Всѣ они въ теченіе этихъ двухъ-трехъ недѣль собирались въ квартирѣ Рокотова на Васильевскомъ Островѣ, въ полной увѣренности, что составляютъ партію, враждебную ему.

Поѣздъ отошелъ при дружныхъ привѣтствіяхъ и пожеланіяхъ. Отсюда Рокотовъ поѣхалъ прямо на службу, куда онъ, благодаря проводамъ, опоздалъ.

Ирина Васильевна вернулась домой одна. Когда она поднималась по лѣстницѣ, навстрѣчу ей спускался внизъ Михаилъ. Онъ давно уже не бывалъ у нея.

У него было блѣдное лицо и крайне взволнованный видъ.

— Ты былъ у меня?—спросила его Ирина Васильевна.

— Да, и не засталъ... Я вернусь. У меня дѣло.

— Пойдемъ. Кажется, очень непріятное дѣло, судя по твоему лицу.

— Да, чрезвычайно непріятное. Дѣло касается отца...

— Отца?

Ирина Васильевна ускорила шаги, они поднялись и вошли въ квартиру.

— Ну, въ чемъ же дѣло, Михаилъ?

Михаилъ осторожно оглядѣлъ всѣ углы комнаты и подозрительно покосился на полуотворенную дверь въ комнату Людмилы.

— Здѣсь нѣтъ никого?

— Нѣтъ, мы одни, Михаилъ.

— А Людмила? Я не хотѣлъ бы, чтобы и она слышала.

— Людмила сейчасъ уѣхала совсѣмъ изъ Петербурга.

— Куда?

— Она поѣхала въ приволжскія губерніи помогать голодающимъ.

— А-а!..—разсѣянно сказалъ Михаилъ.

— Она уѣхала съ своимъ мужемъ...

— Она замужемъ?

— Да... За Крученинovымъ...

— А, за этимъ...

— Но въ чемъ же твое дѣло?—спросила Ирина Васильевна, видя, что все это онъ говоритъ разсѣянно, совершенно не интересуясь ни Людмилой, ни ея замужествомъ.

— Ахъ, да... Въ сущности это ужасно!

— Что именно?

— То, что случилось. Видите ли, мама, отецъ... Я не знаю настоящей причины... говорятъ всякія гадости... но я не могу вѣрить... Онъ вышелъ въ отставку...

— Вышелъ? Можетъ быть, какъ-нибудь иначе?

— Почему вы такъ думаете?—вдругъ усиленно заволновавшись, воскликнулъ Михаилъ.—Развѣ у васъ есть какія-нибудь основанія?

— Погоди, объ этомъ послѣ, Михаилъ. Но что же, это дѣйствительно было иначе?

— Да, ему предложили... Въ двадцать четыре часа... И кромѣ того, говорятъ о какихъ-то обвиненіяхъ... Самого отца я не видѣлъ... Онъ у себя въ кабинетѣ. Антонина никого не впускаетъ къ нему. Онъ говоритъ, что дѣло очень, очень плохо, и самъ какой-то разстроенный, но толку добиться я отъ него никакъ не могъ.

— Гм...—произнесла Ирина Васильевна.—Это можетъ быть очень серьезно.

— Но, ради Бога, мама, если вы что-нибудь знаете, скажите... Что тутъ можетъ быть?

— Я не могу сказать тебѣ все, Михаилъ... Все, что я знаю...

— Почему же? Почему? Зачѣмъ вы хотите, чтобы я заблуждался относительно того, что касается моего отца?

— А ты развѣ считалъ его вполнѣ... Ну, какъ это сказать?.. Вполнѣ корректнымъ человѣкомъ?

— Я знаю, что онъ очень скупъ, любитъ деньги, что онъ кутилъ въ разныхъ компаніяхъ, ну, и то, что онъ неразборчивъ по части женщинъ... Я это знаю. Это, конечно, не хорошо, не

нравственно, но вѣдь это же не преступленіе... За это не отдаютъ подъ судъ... Въ чемъ же дѣло, мама? Что вы еще знаете? Неужели вы думаете, что я не имѣю права знать все, что касается моего отца?

— Ты успокойся, Михаилъ...—Конечно, кромѣ того, что ты знаешь, есть еще и другія вещи, но... Это надо еще выяснить... Ты гдѣ видѣлъ Поршнева?

— Онъ сейчасъ поднимался къ намъ по лѣстницѣ. Я его встрѣтилъ. Онъ совсѣмъ растерянный какой-то.

— Ты можешь сейчасъ повидать его и попросить заѣхать ко мнѣ? Видишь ли, я сперва съ нимъ поговорю, а затѣмъ скажу тебѣ то, что выяснится...

— Такъ я сейчасъ и побѣгу, меня все это измучило. Это вѣдь случилось третьяго дня, и уже теперь нѣкоторые товарищи отъ меня отворачиваются. Я долженъ, по крайней мѣрѣ, знать, за что.

Михаилъ ушелъ. Ирина Васильевна начала гадать. Для нея было совершенно ясно, что если даже открылась часть дѣятельности Балясова, то и тогда дѣло его должно быть очень плохо.

Прошло около получаса, явился Поршневъ. Ирина Васильевна не видала его нѣсколько недѣль и въ первую минуту не узнала его. Онъ страшно измѣнился.

— Что это съ вами? Развѣ и вы попались?—спросила она его.

— Вы не можете себѣ представить... Я въ кошмарѣ... Вотъ уже три дня... Видите, какъ я постарѣлъ. Это за три дня...—говорилъ охрипшимъ голосомъ.

— Что же собственно открылось? Которое изъ вашихъ дѣяній?

— Мы достовѣрно этого еще не знаемъ, но очень можетъ быть, что всѣ... Модестъ Петровичъ слетѣлъ, да какъ!.. Онъ явился на службу, его призвалъ начальникъ и сказалъ: вы не можете и получаса оставаться на службѣ, ваши дѣянія позорятъ учрежденіе. Вотъ бумага: пишите прошеніе объ отставкѣ. Модестъ Петровичъ началъ было протестовать. Тогда ему сказали: «въ такомъ случаѣ вы будете уволены безъ прошенія». Ну, и написалъ. А потомъ оказалось, что, несмотря на прошеніе, подъ судъ отдаютъ.

— И васъ?

— Меня—это не такъ легко...—Я вѣдь не служу... Но если будетъ судъ, вы понимаете.. Тѣнь падетъ и на меня.

— Но что же открылось, наконецъ?

— Ахъ, что открылось, что открылось!.. Кто-то донесъ. Были перечислены всѣ дѣлишки, какія Модестъ Петровичъ обдѣлывалъ на службѣ. Высчитали всѣ суммы, какія онъ получилъ... И нако-

нецъ, наконецъ... Вы вѣдь имѣете понятіе о развлеченіяхъ, которыя забавляли почтеннаго статскаго совѣтника Балясова. Ну, вотъ однажды явилась полиція и все было открыто. Ну, пока онъ былъ на службѣ, держали подъ сукномъ, а тутъ, разумѣется, стали подливать масла въ огонь. У него оказалось много враговъ... Слушайте, Ирина Васильевна, я даже обрадовался, когда Михаилъ позвалъ меня къ вамъ. Я знаю, что у Рокотова есть связи, и онъ можетъ кой-что сдѣлать...

— Рокотовъ?

Ирина Васильевна отъ изумленія даже отшатнулась отъ него.

— Вы думаете, что Сергѣй Николаевичъ можетъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ?

— Да, можетъ... Я знаю, что у него большія связи въ мірѣ профессоровъ, а черезъ профессоровъ можно проникнуть и къ чиновникамъ... Да и другія связи у него есть. Всякое дѣло замять можно. Мы знаемъ, что и не такія дѣла заминались. Вы знаете, въ чемъ ошибка Модеста Петровича!.. Въ томъ, что онъ не хотѣлъ лишиться своего слишкомъ выгоднаго мѣста, но, благодаря этому, онъ не достигъ того ранга, за которымъ чиновники дѣлаются неуязвимы. И я убѣжденъ, что Рокотовъ можетъ это сдѣлать, если захочетъ.

— Но почему онъ захочетъ этого?

— Почему, почему? Само собой разумѣется, не изъ человѣчности... Рокотовъ... Ну, я скажу: вашъ другъ... Онъ дорожитъ вашимъ спокойствіемъ, вашей репутаціей...

— Моя репутація внѣ всякой опасности,—презрительно замѣтила Ирина Васильевна.

— Вы думаете? Вы ошибаетесь. Вы только недавно разошлись съ Балясовымъ. Двадцать лѣтъ вы были его женой и жили вмѣстѣ съ нимъ и на его средства. Если будетъ судъ, васъ привлекутъ въ качествѣ свидѣтельницы и, можетъ быть, на судѣ промелькнутъ свѣдѣнія о вашей исторіи... Конечно, съ вашей стороны не было ничего сомнительнаго... Ну, а все-таки непріятно отдавать свои личныя дѣла на общественный судъ. Наконецъ, вы носите его имя...

Ирина Васильевна вспыхнула и покраснѣла.

— Да, это самое позорное, что вы могли мнѣ напомнить.

— Не забывайте, что это же имя носитъ и ваша дочь, Людмила Модестовна

— Она больше не носитъ его.

— Что? Вы сказали—не носитъ?—воскликнулъ Поршневъ, и щеки его вдругъ поблѣднѣли... Значитъ, она... она вышла замужъ?..

— Да, она теперь носитъ фамилію Крученинова...

— Это новость! Я этого не зналъ и не... ожидалъ... Я былъ лучшаго мнѣнія о разсудительности Людмилы Модестовны.

— Вамъ остается перемѣнить ваше мнѣніе; но дѣло не въ этомъ. Тутъ есть еще одно лицо... Какъ вы объясняете всю эту исторію Михаилу?

— Да вѣдь этого не скроешь... Антонина своимъ верхнимъ чутьемъ все пронюхала и знаетъ въ подробностяхъ... Я сейчасъ въ этомъ убѣдился... Ну, а если она знаетъ, то и Михаилъ узнаетъ.

— И вы думаете, что онъ послѣ этого будетъ уважать своего отца?

— Ахъ, Ирина Васильевна... Чего тутъ стоитъ уваженіе? Вѣдь каторга грозитъ ему, понимаете ли, каторга, не за служебныя дѣянія, а за тѣ, за другія.

— Неужели каторга?

— А вы думали что? Командировка за границу? Вотъ почему я и подумалъ о такой крайности, какъ обращеніе къ господину Рокотову.

Онъ поднялся.—Я поѣду къ нему. Вѣдь онъ совершенно убитъ. Вы не можете себѣ представить... Вы не узнали бы его. Онъ въ эти три для совсѣмъ старикомъ сдѣлался.

Онъ ушелъ. Теперь Ирина Васильевна стала бояться, что можетъ придти Михаилъ и потребовать отъ нея объясненія истины, а она къ этому не была готова.

Она рѣшительно не знала, до какой степени она можетъ открыть ему глаза. Она быстро одѣлась и поѣхала туда, гдѣ работалъ Сергѣй Николаевичъ. Онъ былъ изумленъ ея появленіемъ. Она никогда еще не пріѣзжала сюда.

Комната, гдѣ онъ работалъ, помѣщалась въ подвальномъ этажѣ. Это было очень обширное помѣщеніе, полутемное, освѣщенное электричествомъ.

На длинныхъ столахъ стояли какіе то сложные приборы. Воздухъ былъ пропитанъ густымъ запахомъ вина.

— Должно быть, случилось что нибудъ необыкновенное, если вы пріѣхали сюда,—сказалъ Рокотовъ.

Ирина Васильевна разсказала ему все что узнала о Балясовѣ.

— И какъ это ни странно, они возлагаютъ надежды на васъ,—прибавила она.—Они увѣрены, что у васъ есть связи, которыми можно и помочь.

— Они не ошибаются. Это, конечно, случайность... Но у меня дѣйствительно есть знакомства .. Вѣдь вы знаете, не одинъ Балясовъ изъ тѣхъ, что въ наше время были непримиримыми на-

родниками и сдѣлали чиновную карьеру... У меня есть два пріятеля изъ такихъ же, только они взлетѣли гораздо выше, ну и... Умудрились остаться съ чистыми руками... Но на чемъ же они основываютъ свою надежду?

— На томъ, что я ношу имя Балясова.

— Да, это очень непріятное обстоятельство. Конечно, если допустить что Балясовъ попадетъ въ каторгу, то этимъ самымъ вы получили бы право перемѣнить вашу фамилію .. Ну, хоть на мою!—съ усмѣшкой прибавилъ онъ.—Но все-таки было бы дурнымъ дѣломъ воспользоваться такимъ несчастьемъ, хотя бы даже и Балясова... Что-жъ,—говорилъ Рокотовъ, задумчиво расхаживая по своей лабораторіи.—Въ странѣ, гдѣ только развѣ одна десятая плутовъ и негодяевъ попадаютъ подъ судъ, остальные же благополучно продѣлываютъ свои гадости и пользуются почестями,—едва ли будетъ большою несправедливостью выручить одного негодяя... Я не хотѣлъ бы, чтобы Балясовъ могъ заподозрить меня въ мести ему... Я попробую... Можетъ быть, мнѣ и удастся.

— Но что я скажу его сыну?—спросила Ирина Васильевна.

— Я думаю, то, что вы считаете не самымъ худшимъ... Можно сказать о взяткахъ, но зачѣмъ загрязнять ему голову сообщеніемъ о тѣхъ гнусностяхъ, которыя ведутъ къ каторгѣ? Тѣмъ больше, что если что и удастся замять, то только это. Я сегодня же прямо отсюда поѣду въ надлежащее мѣсто. Ну, прибавилъ онъ,—теперь, Ирина, вы должны поблагодарить меня за то, что я своевременно вытащилъ васъ изъ этого дома. Это единственный случай, когда я разсчитываю на благодарность. Было бы очень непріятно, если бы это случилось при васъ и при Людмилѣ... Итакъ, я сегодня совсѣмъ въ новой для меня роли—спасителя Балясова. Вечеромъ я буду у васъ...

Ирина Васильевна уѣхала. Когда она вошла въ переднюю своей квартиры то увидѣла на вѣшалкѣ студенческое пальто. Она поняла, что ее ждетъ уже Михаилъ.

Онъ объяснилъ, что сидитъ уже съ полчаса. Видъ у него былъ еще болѣе подавленный, чѣмъ въ первый его приходъ.

— Я пришелъ къ вамъ, мама, чтобы узнать объ отцѣ... Я долженъ узнать...—нервно говорилъ онъ.—Меня вотъ сейчасъ оскорбили... Одинъ негодяй .. Прежній товарищъ, но я знаю, что онъ негодяй. Былъ уличенъ въ шантажѣ... Но это не помѣшало ему при встрѣчѣ отвернуться отъ меня и не подать руки. Я взбѣшенъ... Такъ по крайней мѣрѣ объясните, чѣмъ это вызвано.

— Не волнуйся, Михаилъ. Чѣмъ бы ни было вызвано это, волноваться безполезно,—успокоительно говорила Ирина Васильевна.—Ну, садись... Что я должна тебѣ говорить?

— Я хочу знать, дѣйствительно ли отставка отцомъ заслужена, или это является слѣдствіемъ какой-нибудь злонамѣренной клеветы?

— Сядь, сядь, Михаилъ, — уговаривала его Ирина Васильевна, такъ какъ онъ въ глубокомъ волненіи бѣгалъ по комнатѣ. Она не считала его способнымъ на такую отзывчивость—и это значительно подымало его въ ея глазахъ.

Михаилъ послушался и сѣлъ. Ирина Васильевна тоже опустилась на диванъ.

— Видишь ли, это можетъ быть поправимо...—промолвила она, желая прежде всего успокоить его.

— Если поправимо, то значитъ все это неправда?..

— Не совсѣмъ такъ... Если бы было такъ, то это было бы слишкомъ легко.

— А, значитъ, все-таки есть что-нибудь...

— Да, есть Михаилъ... Къ сожалѣнію, есть...

— Но что же? Что?

— Да то, что дѣлалъ не одинъ твой отецъ, а дѣлаютъ многіе. Ты знаешь, что его должность была вліятельная въ дѣлѣ раздачи концессій и подрядовъ...

— Ну да, я знаю. Что же изъ этого?

— Ну, вотъ, люди, отъ которыхъ это зависитъ, часто бываютъ пристрастны къ одному въ ущербъ другому. Понимаешь?

— Что же? Пристрастіе еще не преступленіе... Мы всѣ бываемъ пристрастны,—отвѣтилъ Михаилъ.

— Да, но если такое пристрастіе не свободно...

— Что это значитъ? Я не понимаю...

— Если, напримѣръ, оно оплачивается благодарностью.

— Если человѣкъ благодаренъ, то онъ можетъ благодарить... Мнѣ кажется это естественнымъ...

— Я говорю, Михаилъ, о благодарности матеріальной, денежной

— Но какая же еще можетъ быть? Не считать же благодарностью, когда говорятъ «спасибо»! Это вѣдь ничего не стоитъ.

— Такъ, что ты считаешь это въ порядкѣ вещей, когда служащій, которому довѣрены казенные интересы, получаетъ денежную благодарность за особую услугу...

— Я не говорю, что это законно или добродѣтельно... Но нельзя же считать это преступленіемъ, за которое лишаютъ службы въ двадцать четыре часа. Согласитесь, мама, что этого слишкомъ недостаточно для такого строгаго наказанія...

Ирина Васильевна уже давно начала присматриваться къ его лицу и прислушиваться къ его интонаціямъ.

Вначалѣ ей казалось даже, что онъ не вполнѣ искренень, но затѣмъ она увидѣла, что онъ говоритъ сознательно и убѣжденно.

Тогда ее вдругъ охватила досада по поводу того, что она потратила столько осторожности, выбирая деликатныя выраженія, подходя къ нему издали, чтобы какъ-нибудь не задѣть его, не оскорбить, и ей захотѣлось назвать наконецъ вещи ихъ настоящими именами, чтобы онъ почувствовалъ все ихъ значеніе.

— Но ты знаешь, какъ это называется—подобнаго рода благодарность?—промолвила она.

— Не знаю я, какъ это называется,—сказалъ Михаилъ.

— Это въ просторѣчіи называется *взяткой*,—объяснила ему Ирина Васильевна.

Михаилъ презрительно усмѣхнулся.

— Можно называть это, какъ угодно... Но вы же сами, мама, сперва назвали это благодарностью.

— Да, но я хотѣла быть деликатной,—промолвила Ирина Васильевна,—ты долженъ былъ это замѣтить.

— Да вѣдь это только страшное слово—*взятка*... А въ сущности это нисколько не мѣняетъ дѣла...

— Значитъ, по твоему, брать взятки это благородно?

— Но, мама, я вовсе этого не говорю... Я говорю, что если отцу иногда предлагали благодарность, то не могъ же онъ отказываться отъ нея добровольно. Это было бы благородно и возвышенно, но это уже подвигъ...

— А ты знаешь,—на этотъ разъ уже съ раздраженіемъ воскликнула Ирина Васильевна,—ты знаешь, какое у твоего отца состояніе?

— Я не знаю; я сколько ни старался, никакъ не могъ проникнуть въ эту тайну.

— У него около четырехсотъ тысячъ.

— Неужели такъ много?.. Я не зналъ...

— Да, я знаю навѣрное. А когда онъ начиналъ службу, у него ничего не было. Теперь ты понимаешь, какія это были благодарности!

— Но, мама, вы меня извините, а я сомнѣваюсь, что это вѣрно. Кто же это можетъ знать? Развѣ кто-нибудь провѣрялъ это? Развѣ отецъ позволилъ кому-нибудь считать его деньги? Навѣрно, нѣтъ! я знаю, какъ онъ остороженъ и скрытенъ въ денежныхъ дѣлахъ, наконецъ, можетъ быть, онъ нажилъ это состояніе счастливой игрой на биржѣ... Почемъ мы знаемъ?.. Да мало ли что!

— Словомъ, во всемъ ты не видишь ничего дурного, все въ порядкѣ вещей!—съ выраженіемъ негодованія промолвила Ирина Васильевна, и съ каждымъ словомъ въ ней все больше и больше закипала злоба.

Ее приводило въ бѣшенство, что она могла хоть на минуту заблуждаться относительно нравственныхъ требованій этого Балясова-сына, который оказывается почти буквальнымъ повтореніемъ Балясова-отца и уже теперь находитъ такое мирное объясненіе самаго опредѣленнаго гнуснаго дѣянія.

«Нѣтъ, съ такой толстой кожей нельзя деликатничать. Тутъ тонкимъ остріемъ иглы ничего не подѣлаешь. Тутъ нужно загнать поглубже кухонный ножъ и еще повернуть его нѣсколько разъ.

«Что-жъ, онъ уйдетъ отсюда съ такимъ же уваженіемъ къ своему прототипу, съ какимъ пришелъ. Да иначе и быть не можетъ. Эту толстокожесть онъ получилъ отъ Балясова по наслѣдству, она у него въ крови».

Но насколько, однако, близко они подходятъ другъ къ другу, насколько уже онъ «дошелъ», этотъ молодой человѣкъ, чтобы достойно представлять своей особой фамилію Балясовыхъ, много ли осталось работы для времени, чтобы ему превратиться въ полный законченный типъ, этого она не знала. Это она должна испытать.

У нея явилось почти болѣзненное желаніе узнать это, и она рѣшилась для этого на крайнее средство.

Ей почему-то казалось, что Михаилъ пришелъ къ ней въ послѣдній разъ, что она его больше никогда не увидитъ. А ужъ во всякомъ случаѣ онъ больше не придетъ къ ней, чтобы выслушать ея мнѣніе.

— Ну, Михаилъ, я ожидала нѣсколько иного эффекта!—сказала Ирина Васильевна рѣзко и съ видомъ нескрываемаго недружелюбія. — Очевидно, ты очень просто смотришь на вещи, и если бы это отъ тебя зависѣло, ты не предложилъ бы отставку такому дѣятелю, какъ твой отецъ... Ну, а еслибъ ты узналъ про когонибудь, что онъ, занимая почетное положеніе въ обществѣ и на службѣ, тихонько, но систематически соблазняетъ почти малолѣтнихъ дѣвушекъ?.. Какъ ты отнесся бы къ такому человѣку?

— Знаете, мама,—промолвилъ Махаилъ, поднявшись съ мѣста,—я эту басню слышалъ, мнѣ намекалъ на это одинъ студентъ, правда, уже выгнанный изъ университета товарищескимъ судомъ за какую-то гадость... Его фамилія Алабековъ... Я сказалъ ему тогда, что это не мое дѣло, и теперь повторяю. Это, конечно, безнравственно, но это интимное дѣло каждаго... За подобныя вещи каждый отвѣчаетъ передъ своей совѣстью... Я очень вамъ благодаренъ, мама, за то, что вы меня значительно успокоили.

— Успокоила?—съ выраженіемъ изумленія воскликнула Ирина Васильевна.

— Разумѣется... Я вѣдь могъ предполагать Богъ знаетъ что.

— Ну, хорошо. А скажи пожалуйста, какого же поступка ты

ждалъ? Что представляется тебѣ наиболѣе позорнымъ? Чего ты тутъ боялся?

— Но какъ же? Если бы его обвинили, напримѣръ... въ растратѣ, въ похищеніи казенныхъ суммъ... Это было бы ужасно!..

— Почему это ужасно?—допытывалась Ирина Васильевна.

— Какъ почему? Потому что за это подвергаютъ лишенію правъ и тюремному заключенію. Это уже не шутка.

— Да, конечно... Но каторга... Это вѣдь еще посерьезнѣе будетъ...

— Каторга? При чемъ же здѣсь каторга?

— Ты, очевидно, еще слишкомъ молодой юристъ... Ты не знаешь, что вотъ за эти «интимныя дѣянія», за которыя, какъ ты сказалъ, «каждый отвѣчаетъ передъ своей совѣстью», наказываютъ каторгой.

— Откуда вы знаете?—спросилъ Михаилъ, и лицо его вдругъ сдѣлалось блѣдно, а глаза выразили испугъ.

— Откуда? Мнѣ сказалъ это Поршневъ, а ужъ онъ знаетъ..

— Но это ужасно, это, это... Ужасно...—дрожащимъ голосомъ воскликнулъ Михаилъ.

— Ну, вотъ, наконецъ, нашлась вещь, которая заставила тебя поблѣднѣть... Теперь ты можешь идти, да кстати, если увидишь Поршнева, передай ему... Нѣтъ, пусть лучше онъ самъ побываетъ у меня... Пусть придетъ завтра... Ты можешь уходить, Михаилъ,— прибавила она холодно и рѣзко.

— Значитъ, вы меня гоните...—промолвилъ Михаилъ.

— Нѣтъ, не то, не то... Во всякомъ случаѣ мнѣ пріятнѣе не видѣть тебя такимъ, какимъ ты есть, и очевидно инымъ не можешь быть...

— Какъ хотите, мама... Я уйду... Я только скажу, что если я такой, то я не виноватъ въ этомъ... Наша семья... Знаете ли, что такое была наша семья? Какое-то пустое мѣсто... Да, пустота, пустыня... Разрушенное гнѣздо, изъ котораго всегда хотѣлось бѣжать... Прощайте, мама!

И, сказавъ это, онъ не подошелъ къ ней и не протянулъ руку, а просто повернулся и ушелъ.

Ирина Васильевна долго оставалась подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ этого разговора.

«Пустое мѣсто... Разрушенное гнѣздо, изъ котораго хочется бѣжать...—мысленно повторяла она:—можетъ быть, онъ и правъ... А кто виноватъ въ этомъ? Нельзя узнать этого, нѣтъ возможности разобраться въ этомъ».

XVII.

Вечеромъ пріѣхалъ Сергѣй Николаевичъ. Онъ явился часовъ въ десять. Со службы прямо онъ поѣхалъ къ своему знакомому важному лицу. Тамъ обѣдалъ и только теперь освободился.

— Ну, я сдѣлалъ, что могъ...—сказалъ онъ, усаживаясь въ кресло, съ видомъ усталости.—Представьте, я встрѣтилъ необыкновенно благопріятную почву. Тамъ думаютъ, что полученіе такъ называемыхъ «блгодарностей», къ сожалѣнію, совсѣмъ не такое ужъ исключительное явленіе и что карать слишкомъ жестоко одного, въ то время какъ другіе будутъ продолжать принимать таковыя благодарности, было бы чистой несправедливостью. Тамъ полагаютъ, что уже одно лишеніе службы является въ этомъ случаѣ достаточнымъ наказаніемъ.

— Но есть другое, гораздо серьезнѣе!—сказала Ирина Васильевна.

— А другое, оказывается, легко подвести подъ категорію болѣзненныхъ отклоненій... Видите ли, очень ужъ хотятъ тамъ оказать мнѣ содѣйствіе... А въ такихъ случаяхъ, если бы это требовалось, то и движеніе земли вокругъ солнца можно объявить недоразумѣніемъ.

— Такъ что, вы думаете, дѣло будетъ прекращено?

— Мнѣ, по крайней мѣрѣ, обѣщали это.

— Тогда и имъ можно обѣщать?

— Я думаю, что да... Вотъ какъ странно это кончается,—говорилъ Рокотовъ, перебирая въ своей памяти событія за долгій срокъ двухъ десятковъ лѣтъ:—люди съ разныхъ полюсовъ—Балясовъ и вы, прожили вмѣстѣ двадцать лѣтъ, каждое мгновеніе ненавидя другъ друга. Мы съ вами одинаковыхъ мыслей и стремленій—были чужды другъ другу, настроены враждебно и чуть ли не были готовы сдѣлать другъ другу зло. Теперь мы оба, презирая его, выручаемъ изъ ужаснаго положенія, въ которое онъ попалъ совершенно заслуженно. Какимъ противоположнымъ чувствамъ приходится уживаться рядомъ: онъ, ненавидящій насъ со всею злобою, какая только можетъ отыскаться въ душѣ человѣка, принужденъ будетъ почувствовать благодарность къ намъ. Вотъ ужъ можно съ увѣренностью сказать, что ни въ одномъ учебникѣ психологіи вы не найдете такихъ сопоставленій. Однако, оставимте нашихъ ближнихъ и займемся нами. Слушайте, Ирина, завтра у меня въ квартирѣ будутъ цѣлый день работать мастера. Они придадутъ ей болѣе жилой видъ. А то вѣдь у насъ въ сущности нѣсколько сараевъ, не болѣе. Это оттого, что съ нами не

было женщины... Теперь она будетъ, какъ вы знаете. Я думаю, что послѣ-завтра вы оставите эти комнаты и переѣдете туда.

— Да, я къ этому готова,—сказала Ирина Васильевна.

— А я этого жду гораздо давнѣе, чѣмъ вы думаете. Да,—продолжалъ онъ,—въ жизни большею частью ходятъ обходными путями. Но я не жалѣю объ этомъ и вамъ не совѣтую жалѣть. Очевидно, если бы намъ это досталось сразу и безъ усилій, мы не съумѣли бы оцѣнить... Зачѣмъ отдыхать, когда люди еще не устали? То былъ періодъ работы, а теперь наступило время покоя.

Онъ поднялся, взялъ ея руку и поцѣловалъ. Онъ ужъ готовъ былъ идти, но въ это время въ передней позвонили.

— Это Поршневъ,—сказала Ирина Васильевна.—Это навѣрное онъ.

— А, ну, вотъ я и посмотрю его вблизи. Я никогда еще не получалъ этого удовольствія.

Въ самомъ дѣлѣ вошелъ Поршневъ и, увидѣвъ Сергѣя Николаевича, чрезвычайно смутился и началъ почтительно кланяться.

Ирина Васильевна познакомила ихъ, но Поршневъ и теперь ограничился поклономъ.

Можетъ быть, онъ не былъ увѣренъ въ томъ, что Рокотовъ захочетъ пожать ему руку.

— Мнѣ Михаилъ сказалъ, что вы позволили придти къ вамъ,—промолвилъ онъ, садясь на указанномъ ему стулѣ.

— Да, я сказала это,—отвѣтила Ирина Васильевна.—Вотъ,—прибавила она,—Сергѣй Николаевичъ сдѣлалъ то, о чемъ вы просили.

— И что же?—спросилъ Поршневъ, повернувъ лицо въ сторону Рокотова.

— По моимъ свѣдѣніямъ, сказалъ Рокотовъ,—вы можете успокоить вашего друга и... себя.

— Это навѣрно?—порывисто воскликнулъ Поршневъ, стремительно поднявшись съ мѣста.

— Насколько можно считать вѣрнымъ человѣческое обѣщаніе.

— Когда же это воспослѣдуетъ?

— Да ужъ если воспослѣдуетъ, такъ скоро. Подобныя дѣла нельзя затягивать... Вѣдь преданіе суду еще не состоялось.

— Нѣтъ, нѣтъ... Но оно можетъ состояться каждый часъ.

— Ну, едва ли есть такіе зловредные чиновники, которые занимались-бы подобными дѣлами около полуночи. А завтра съ утра будутъ приняты мѣры. Вѣроятно, завтра же вы узнаете.

— Благодарю васъ. Не знаю, какъ и благодарить... Я пере-

дамъ... Я не смѣю больше безпокоить васъ своимъ присутствіемъ.

Поршневъ кланялся и Иринѣ Васильевнѣ и Рокотову, а они оба оставались на своихъ мѣстахъ и не дѣлали къ нему никакого движенія.

Ирина Васильевна могла наблюдать, что въ присутствіи Сергѣя Николаевича онъ былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ; въ немъ явились какая-то неувѣренность, приниженность, робость. И, можетъ быть, это оттого, что его судьба зависѣла отъ Рокотова, и спасеніе еще не совершилось. Можетъ быть, завтра, послѣ того, какъ уже будетъ извѣстно, что преданіе суду не состоялось и не состоится, онъ при встрѣчѣ съ Сергѣемъ Николаевичемъ гордо подниметъ голову и окатитъ его самоувѣреннымъ, презрительнымъ взглядомъ...

— Я передамъ,—повторилъ Поршневъ, уже отворивъ дверь, и вышелъ.

Рокотовъ и Ирина Васильевна съ минуту посидѣли молча, затѣмъ и Сергѣй Николаевичъ сталъ прощаться.

— Ну,—сказалъ онъ, цѣлуя руку Ирины Васильевны,—сегодня мы съ вами нажили себѣ злѣйшихъ враговъ. Такіе люди, какъ этотъ и какъ тотъ, никогда не прощаютъ оказаннаго имъ благодѣянія. Они будутъ мстить намъ за него всю жизнь, ну, конечно однимъ только своимъ презрѣніемъ.

Онъ простился и ушелъ.

Прошло больше недѣли. Обѣщаніе, которое далъ Сергѣй Николаевичъ Поршневу, вполнѣ оправдалось. Дѣло Балясова на другой же день вдругъ приняло благопріятный оборотъ.

Было рѣшено, что сенсація въ такомъ дѣлѣ только можетъ бросить дурную тѣнь на цѣлое сословіе, а будетъ ли достигнута при этомъ справедливость,—это вопросъ. И Балясову была предложена отставка по его прошенію, и дѣло о немъ было прекращено.

Ирина Васильевна уже поселилась въ квартирѣ на Васильевскомъ Островѣ. Квартира эта стала неузнаваема. Недавно еще пустынныя комнаты стали жилыми.

Сергѣй Николаевичъ при отдѣлкѣ комнатъ не обнаружилъ сколько-нибудь выдающагося вкуса. Подборъ цвѣтовъ и фасоновъ оставлялъ желать многаго.

Но зато онъ постарался, чтобы все было мягко, удобно и уютно. Большая комната, въ которой происходило знаменитое собраніе, поссорившее Рокотова съ Крученинымъ, превратилась въ столовую. Другія комнаты, отдѣлявшія столовую отъ кабинета Сергѣя Николаевича, бывшія прежде просто проходными пространствами, сдѣлались уютными уголками. Комната Круче-

нинова превратилась въ спальню Ирины Васильевны. Только лабораторія осталась неприкосновенной.

Любочка, посѣтившая квартиру Рокотовыхъ, какъ она говорила, «ради новоселья» и привезшая по этому случаю хлѣбъ съ солью, ахнула отъ восторга.

— Для меня,—сказала она,—это лишнее доказательство могущества женщины. Одно желаніе ея поселиться въ квартирѣ превратило ее изъ нелюдимой пустыни въ пріятный оазисъ.

Отъ Людмилы Ирина Васильевна довольно долго не получала сколько-нибудь значительныхъ извѣстій. Правда, съ каждой большой желѣзнодорожной станціи Людмила присылала открытое письмо, въ которомъ сообщала, что путешествіе совершается благополучно. Но это не насыщало любопытства Ирины Васильевны.

Наконецъ, было получено письмо съ мѣста, куда они пріѣхали и гдѣ временно поселились. Людмила писала:

«Прежде всего то, что тебя больше всего интересуетъ, дорогая моя мама: я довольна своимъ положеніемъ, я ни одной минуты не жалѣю о сдѣланномъ шагѣ, я совершенно, совершенно счастлива. При тѣхъ нѣсколько запутанныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ все это совершалось, я колебалась и сомнѣвалась, но теперь, когда наша жизнь очистилась отъ всего посторонняго—я вижу, что это мой путь и что другого не можетъ и не должно быть. Я счастлива.

«Теперь другое. Если у меня были колебанія относительно той маленькой работы, которая мнѣ съ Александромъ и другими предстоитъ, то здѣсь, на мѣстѣ, они прошли мгновенно, ихъ какъ рукой сняло.

«И то же самое было бы съ тобой, съ отцомъ и со всякимъ, у кого въ груди живое сердце. Можетъ быть, это дѣло маленькое, незначительное, можетъ быть, есть и гдѣ-нибудь незримо ждетъ насъ великое дѣло, но когда видишь передъ собой людей, такихъ же, какъ мы, созданныхъ по образу и подобію Бога, лишенныхъ самаго главнаго и самаго элементарнаго блага—хлѣба, пищи на каждый день, чтобы имѣть возможность существовать и работать, и когда имѣешь возможность дать имъ это благо, на которое имѣетъ право всякая живущая на землѣ тварь, то забываешь всѣ великія задачи и дѣла, если они существуютъ.

«И является мысль: да можно ли, справедливо ли задаваться большими цѣлями, стремиться къ великимъ дѣламъ, когда остается еще нерѣшеннымъ простой и повидимому ясный вопросъ о томъ, чтобы всѣ, безъ исключенія, были каждый день сыты?»

Дальше Людмила на многихъ страницахъ описывала свои впечатлѣнія и кончала письмо такими строками:

«Все это относится до меня и Александра и такихъ, какъ мы, молодыхъ сильныхъ, еще не жившихъ. Но тебѣ, мама, и отцу я желаю отдыха. Ему — послѣ его безпокойной и плодотворной работы, тебѣ послѣ двадцати лѣтъ мучительной заботы обо мнѣ. Я думала объ этомъ очень много, всю дорогу думала, не считая того, что передумала я, живя съ тобой. И я говорю теперь то, что вызрѣло въ моей душѣ: мама, отдыхать вы можете только вдвоемъ; и если я теперь объявляю себя счастливой, то тогда я буду еще и спокойна, когда узнаю, что это совершилось. Обнимаю васъ обоихъ, моихъ отца и мать. Александръ поручаетъ мнѣ сказать вамъ то же отъ его имени».

Послѣ этого обитатели флигеля на Васильевскомъ островѣ и скромной крестьянской избы въ далекомъ приволжскомъ селѣ обмѣнялись дружескими телеграммами.

«Твое желаніе исполнилось, сообщала Ирина Васильевна дочери,—мы вмѣстѣ».

Людмила отвѣчала на это: «Я не только счастлива, но и спокойна».

И. Потапенко.

Конецъ.

Проблемы химіи въ области питательныхъ веществъ.

I.

Въ первобытныя времена человѣчество пользовалось для удовлетворенія своихъ примитивныхъ нуждъ болѣе или менѣе непосредственно тѣмъ, что ему доставляла изъ своихъ нѣдръ сама природа. Пищу и одежду доставляли ему непосредственно растенія и животныя; жилище для себя онъ находилъ вначалѣ въ естественныхъ пещерахъ, а затѣмъ сталъ сооружать себѣ незамысловатыя постройки на сваяхъ; по существу мало отличающіяся отъ построекъ бобровъ и требовавшія отъ первобытнаго человѣка только самыхъ примитивныхъ познаній относительно свойствъ того матеріала, изъ котораго они сооружались. Для успѣшнаго пользованія тѣми продуктами, которые первобытная природа щедро давала въ руки первобытнаго человѣка, со стороны послѣдняго, при ограниченности его нуждъ, требовалось очень мало знаній... Онъ долженъ былъ быть достаточно ловокъ и силенъ, чтобы бороться за свое существованіе съ дикими звѣрями; онъ долженъ былъ быть достаточно хитеръ, чтобы, обманывая ихъ, ловить и утилизировать ихъ для своихъ насущнѣйшихъ потребностей... Для этого ему, конечно, приходилось присматриваться, наблюдать, соображать, но все это почти не выходило изъ рамокъ животнаго существованія.

То, что давала природа, или прямо непосредственно годилось для цѣлей первобытнаго человѣка, или требовало отъ него лишь самой примитивной механической обработки... Со своимъ развитіемъ, послѣ открытія способа полученія огня, изобрѣтенія лука и ядовитыхъ стрѣлъ и т. д., человѣкъ постепенно изъ объекта біологіи сдѣлался объектомъ исторіи и соціологіи...

При дальнѣйшемъ поступательномъ движеніи впередъ, наряду съ физической обработкой естественныхъ продуктовъ, начинаетъ расти и химическая ихъ обработка... Финикіяне уже плавятъ руды, приготовляютъ стекло и продѣлываютъ цѣлый рядъ другихъ манипуляцій, которыя свидѣтельствуютъ уже о нѣкоторомъ развитіи у нихъ химической техники. По сравненію съ современной техникой это—лишь ничтожнѣйшіе начатки, но если сопоставить съ тѣмъ, что могъ и умѣлъ

дѣлать первобытный человѣкъ, то эти первые шаги можно характеризовать, какъ грандіознѣйшія завоеванія человѣческаго генія...

Тутъ мнѣ хочется поставить вопросъ: сдѣлалось ли человѣчество съ этими геніальными открытіями счастливѣе, чѣмъ оно было въ первбытныя времена? Неизвѣстно! Одно для меня несомнѣнно, что въ тѣ времена, когда люди жили парами, или небольшими семьями, каждый отдѣльный индивидуумъ, во-первыхъ, долженъ былъ оцѣниваться по своимъ достоинствамъ—мы говоримъ объ этомъ безотносительно къ тому, каковъ былъ критерій этой оцѣнки, — во вторыхъ, каждая личность должна была представлять болѣе или менѣе равноцѣнную другимъ личностямъ величину, ибо за исключеніемъ природныхъ достоинствъ, еще не было такихъ причинъ для дифференціаціи, которая явилась только потомъ, съ увеличеніемъ и усложненіемъ общества и съ развитіемъ болѣе разнообразныхъ нуждъ, хотя бы до тѣхъ предѣловъ, какъ это было во времена египтянъ, грековъ и римлянъ. Древній міръ, воздвигшій такія огромныя и до сихъ поръ поражающія человѣчество пирамиды, проявившій такой пышный расцвѣтъ человѣческаго генія въ области философіи, искусствъ и, въ указанномъ выше смыслѣ, въ области техническихъ пріемовъ механической и химической обработки, {позналъ, въ противоположность первобытному человѣчеству, всѣ прелести, а еще больше всю горечь того, что принесло съ собой рабство...

Прося извиненія у читателя за это маленькое уклоненіе въ сторону соціологіи, смыслъ котораго будетъ понятенъ ниже, я долженъ сказать далѣе, что въ новое время, т. е. въ то время, къ которому непосредственно примыкаетъ наша эпоха, химическія манипуляціи вступаютъ въ періодъ, еще намѣченный египетскими жрецами, въ періодъ алхиміи, и въ формѣ приготовленія философскаго камня и жизненнаго элексира поднимаются во мнѣніи людей на высоту процессовъ, имѣющихъ жизненное значеніе. Человѣчество ждало отъ алхиміи чудесъ, во-первыхъ въ видѣ превращенія всякихъ камней въ драгоцѣнные металлы, отъ чего, надо полагать, ожидалось поголовное обогащеніе, превращеніе всѣхъ въ богачей, во-вторыхъ, въ видѣ возможности полученія безсмертія, которое представлялось, конечно, еще болѣе заманчивымъ, чѣмъ первое. Естественно, что при такомъ отношеніи къ алхиміи работы алхимиковъ, производившіяся къ тому же въ подвалахъ, въ оригинальной и въ высшей степени таинственной обстановкѣ, были окружены ореоломъ чуть ли не сверхъестественности...

Послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ попытокъ къ отысканію философскаго камня и приготовленія жизненнаго элексира, на чемъ, кстати сказать, проявился Ренессансъ въ химіи, ожиданія человѣчества отъ химіи стали скромнѣе. Съ начала XVI вѣка-го наиболѣе серьезные химики остановились на томъ, что если химія не въ состояніи дать человѣку безсмертіе, то она, во всякомъ случаѣ, является въ его рукахъ

могучимъ оружіемъ въ борьбѣ съ болѣзнями и разнаго рода человѣческими недугами. Этотъ періодъ, ознаменованный широкимъ развитіемъ фармацевтической химіи, извѣстенъ въ наукѣ подъ именемъ «ятрохимическаго періода». Онъ не такъ блестящъ, въ смыслѣ полета фантазіи, какъ алхимическій періодъ, но зато онъ, по всей вѣроятности, породилъ менѣе горькихъ разочарованій, чѣмъ послѣдній. Въ этотъ періодъ химія съ достоинствомъ выступаетъ цѣлительницей человѣческихъ болѣзней...

Такъ прошли XIV-е, XV-е и XVI-е столѣтія и только въ XVII-мъ столѣтіи, и то только во второй его половинѣ, химія выступаетъ на свой славный путь научныхъ изслѣдованій. Первый, кто такъ рѣшительно отмѣтилъ этотъ поворотъ въ химіи и, освободивъ ее отъ исключительнаго служенія медицинѣ, указалъ ей ея новый настоящій путь, былъ англійскій натуралистъ Робертъ Бойль, одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ умовъ XVIII-го столѣтія. Вотъ его великія слова, которыя съ поразительною ясностью знаменуютъ этотъ важный поворотъ въ химіи: «Химики до сихъ поръ руководствовались черезчуръ узкими принципами, не требовавшими особенно широкаго умственнаго кругозора; они усматривали свою задачу въ приготовленіи лекарствъ, въ извлеченіи и превращеніи металловъ. Я смотрю на химію съ совершенно другой точки зрѣнія; я смотрю на нее не какъ врачъ, не какъ алхимикъ, а какъ долженъ смотрѣть на нее философъ. Если бы люди принимали успѣхъ истинной науки ближе къ сердцу, нежели свои личные интересы, тогда можно было бы легко доказать имъ, что они оказывали бы міру величайшія услуги, если бы посвятили всѣ свои силы производству опытовъ, собиранію наблюденій и не устанавливали никакихъ теорій, не провѣривъ предварительно ихъ справедливости опытнымъ путемъ».

Итакъ, задача новой химіи заключалась въ научныхъ химическихъ изслѣдованіяхъ, побуждаемыхъ исключительнымъ интересомъ къ истинѣ. Бойль предсказывалъ, что такая химія окажетъ міру «величайшія услуги»; теперь, взвѣшивая то, что сдѣлала химія для человѣчества на этомъ новомъ пути, въ теченіе слѣдующихъ двухъ столѣтій до настоящаго времени, можно съ фактами въ рукахъ доказать, что этотъ свѣтлый умъ не ошибся. Осчастливила ли химія человѣчество—это другой вопросъ, но что она оказала ему величайшія услуги, это несомнѣнно. Сдѣлавъ это замѣчаніе, мы не будемъ здѣсь входить въ сущность разницы между этими двумя понятіями, предполагая это сдѣлать ниже.

Новая химія, намѣченная Робертомъ Бойлемъ и вставшая на ноги со времени Лавуазье, и есть та химія, одну изъ эпохъ которой представляетъ наша современная химія. Развитіе ея шло и идетъ въ двухъ направленіяхъ: въ направленіи анализа и въ направленіи синтеза. Въ началѣ XIX-го вѣка шире былъ поставленъ анализъ, къ концу его и

въ наши дни преобладаетъ синтезъ. Подъ «анализомъ» мы разумѣемъ непосредственное изслѣдованіе веществъ природы; подъ «синтезомъ»— ихъ искусственное составленіе и вообще приготовленіе лабораторнымъ путемъ изъ различныхъ простѣйшихъ соединеній какъ минеральной, такъ и органической химіи. Итакъ, «анализъ» и «синтезъ» мы понимаемъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этихъ словъ.

Если при первыхъ шагахъ новой химіи для изслѣдователя еще во многихъ случаяхъ было достаточно только одного анализа, то уже теперь этого мало. Недостаточно показать, разложивъ какое-нибудь вещество природы, изъ какихъ элементовъ, въ какихъ пропорціяхъ и въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ этихъ элементовъ данное вещество состоитъ,—требуется еще для полноты научнаго освѣщенія указать, какъ, какимъ образомъ это вещество построить или создать изъ веществъ менѣе сложнаго порядка.

Такое научное изслѣдованіе веществъ природы несетъ съ собой огромнѣйшіе практическіе результаты, съ большимъ успѣхомъ утилизируемые современной техникой.

Въ области веществъ минеральной химіи синтезъ едва ли не такъ же древенъ, какъ и анализъ; въ области же органической химіи синтезъ, въ современномъ смыслѣ этого слова, насчитываетъ всего лишь три четверти вѣка. Родоначальникомъ этого направленія въ химіи считается нѣмецкій ученый Фридрихъ Вёлеръ, который въ 1828 г. осуществилъ первый важный органическій синтезъ—синтезъ мочевины. Уже до него было извѣстно, что мочевина состоитъ изъ углерода, кислорода, азота и водорода, но какъ приготовить изъ этихъ простыхъ тѣлъ мочевину лабораторнымъ путемъ, это впервые показалъ Фридрихъ Вёлеръ.

Сдѣлавъ эти краткія замѣчанія, которыя мы считали необходимыми для нашего дальнѣйшаго изложенія, мы перейдемъ, во-первыхъ, къ изложенію того, что сдѣлала химія, какъ путемъ анализа, такъ и путемъ синтеза, въ области питательныхъ веществъ; во-вторыхъ, къ оцѣнкѣ того, что она способна сдѣлать въ этой области, и, наконецъ, въ-третьихъ, разберемъ, насколько справедливы и современныя ожиданія отъ химіи «услугъ» въ смыслѣ облагодѣтельствованія человѣчества въ этомъ направленіи.

II.

Голодъ есть основной показатель неудовлетворительности животнаго состоянія какъ животнаго, такъ и человѣка. Недаромъ онъ многими оригинальными мыслителями считается самымъ сильнымъ толчкомъ къ самодѣятельности и даже основнымъ факторомъ прогресса.

Уничтожить животный голодъ въ человѣчествѣ, устранить проистекающія отъ него бѣдствія, значитъ, на нашъ взглядъ, облагодѣ-

тельствовать человѣчество. У прогресса есть и иные мотивы; за устраненіемъ животнаго голода, онъ только перемѣнитъ свое русло. Что бы ни толковали разные мыслители, а это—первая и основная проблема всякой человѣческой экономики.

Въ срединѣ XIX-го вѣка человѣчество начинаетъ какъ бы убѣждаться, что наиболѣе полезный для него путь, могущій дать ему наиболѣе прочные и цѣнные результаты, есть прежде всего изученіе природы. На науки, занимающіяся изученіемъ природы, оно возложило главныя свои надежды. И эти науки оказали человѣчеству дѣйствительно «величайшія услуги». Однако, несмотря на все то, что дали людямъ основанныя на этихъ наукахъ искусства: медицина, агрономія, техника, метафизики до сихъ поръ осмѣливаются говорить, что науки обманули надежды человѣчества. Но едва ли мы преувеличимъ, если скажемъ, что большинство согласится скорѣе съ Мечниковымъ, который утверждаетъ, что науки дали за это полустолѣтіе человѣчеству гораздо больше, чѣмъ оно на самомъ дѣлѣ ожидало отъ нихъ.

На одну изъ основныхъ наукъ этой категоріи, именно на химію, человѣчество возлагаетъ въ настоящее время самыя широкія надежды въ области питательныхъ веществъ. Еще люди XIX-го вѣка говорили, что когда химія найдетъ способы готовить лабораторнымъ путемъ питательныя вещества, тогда не будетъ больше голода. Напримѣръ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ, вся дѣятельность котораго относится къ прошлому вѣку, а именно анатомъ и физіологъ Іоганъ Мюллеръ выражался въ томъ смыслѣ, что когда будутъ приготовлены химиками важнѣйшія изъ питательныхъ веществъ—бѣлки, тогда человѣчество будетъ избавлено отъ голода. Современное общество и высказавшіеся по этому вопросу писатели тоже почти нисколько въ этомъ не сомнѣваются.

Итакъ, человѣчество надѣется, что химія избавитъ его отъ голода, т.-е. доставитъ ему величайшее счастье, разъ она найдетъ методы, технически-выгодные методы синтеза питательныхъ веществъ.

Чтобы разобраться въ этомъ, необходимо прежде всего посмотрѣть, что представляютъ изъ себя въ химическомъ отношеніи наши питательныя вещества, т.-е. тѣ вещества, изъ которыхъ состоитъ наша пища.

Путемъ анализа химія установила, что, несмотря на все разнообразіе нашей пищи, ея питательныя вещества, по своей химической природѣ, представляютъ всего лишь три основныя группы химическихъ соединеній: это или *жиры* или *углеводы*, или *бѣлки*.

Изъ *жировъ* первобытному человѣчеству были извѣстны, по всей вѣроятности, только одни животные жиры. Но уже во времена грековъ и римлянъ, кромѣ того, стали добываться различные растительные жиры, извѣстные болѣе подъ именемъ маслъ; таковы, оливковое, миндальное, касторовое масла и др. Между прочимъ изъ жи-

вотныхъ жировъ грекамъ, какъ видно по сочиненіямъ Плинія, былъ уже извѣстенъ и такъ называемый шерстяной жиръ, который подъ именемъ «ланолина» получилъ широкое распространеніе особенно за послѣднее время. Но, конечно, древніе знали жиры, какъ вещества, полезныя для ихъ обихода, не имѣя ровно никакого представленія объ ихъ химической природѣ.

Первое робкое мнѣніе о составѣ жировъ было высказано только въ ятрохимическій періодъ. Основываясь на уже раньше извѣстномъ фактѣ омыленія или вообще разложенія жировъ посредствомъ щелочей и металлическихъ окисловъ, одинъ изъ проницательнѣйшихъ представителей этого періода въ химіи—Тахеній—впервые высказалъ предположеніе, что «масло или жиръ содержитъ скрытую кислоту». Затѣмъ въ новый періодъ шведскій ученый Шееле, разложивъ свинцовымъ глётомъ деревянное масло, открылъ въ жирахъ глицеринъ.

Наконецъ, въ первой половинѣ XIX-го в. французскій ученый Шеврель доказалъ окончательно, что жиры распадаются на кислоты и глицеринъ. Такимъ образомъ, благодаря знаменитымъ работамъ Шеврея, было установлено, что жиры состоятъ изъ комбинацій различныхъ кислотъ съ глицериномъ, подобно тому, какъ соли состоятъ изъ комбинацій кислотъ съ щелочами.

На этомъ была закончена работа химіи въ дѣлѣ познанія жировъ, какъ класса химическихъ соединеній. Слѣдовательно, аналитическая проблема химіи въ области жировъ была рѣшена.

Что касается второй упомянутой выше основной группы питательныхъ веществъ, къ которой мы отнесли *углеводы*, то она вообще сложнѣе первой группы—жировъ—и во многихъ отношеніяхъ до сихъ поръ еще не изучена. Чтобы сразу дать представленіе объ этой группѣ, мы перечислимъ главныя вещества, которыя къ ней относятся: это—виноградный сахаръ, фруктоза, тростниковый сахаръ, молочный сахаръ и другія сахаристыя вещества, разнаго рода камеди, крахмалъ, декстринъ, целлулёза или клѣтчатка и т. д., т.-е. тѣ вещества, которыя человѣкъ въ большомъ количествѣ потребляетъ въ различныхъ плодахъ, овощахъ, ягодахъ, хлѣбѣ, въ винахъ и вообще въ той части своей пищи, источникомъ которой служатъ растенія.

Практическій интересъ къ нѣкоторымъ веществамъ этого рода весьма древенъ. Такъ, напр., извѣстно, что грекамъ уже хорошо былъ знакомъ крахмалъ, въ его индивидуальномъ видѣ. Въ сочиненіяхъ Діоскорида описанъ даже способъ его приготовленія. Сахаръ же, столь обыкновенный въ пищѣ современнаго человѣка (въ Англіи сахаромъ, привозимымъ изъ Россіи, теперь даже откармливаютъ свиней), сталъ извѣстенъ, какъ особое вещество, только въ ятрохимическій періодъ. Конечно, уже и первобытный человѣкъ въ своей пищѣ потреблялъ сахаръ, но въ извлеченномъ изъ растеній видѣ, какъ особое вещество, тростниковый сахаръ сталъ извѣстенъ только къ XVII-му вѣку. При

этомъ ятрохимики получали сахаръ исключительно изъ сахарнаго тростника, очищая выжимаемый изъ него сокъ яичнымъ бѣлкомъ и известью; но при этой обработкѣ ятрохимики имѣли въ своихъ рукахъ, конечно, далеко еще не чистый сахаръ. Далѣе, въ половинѣ XVIII-го вѣка нѣмецкій фармацевтъ и ученый Сигизмундъ Маргграфъ, подвергнувъ изслѣдованію сокъ изъ свекловицы, нашелъ и въ немъ тростниковый сахаръ. Тѣмъ не менѣе до первой четверти XIX-го вѣка сахаръ для потребленія получался исключительно изъ сахарнаго тростника, привозимаго изъ Вестъ-Индіи и вообще изъ тропическихъ странъ, главнымъ образомъ Англіей. Побужденіемъ къ нашему современному способу фабрикаціи сахара изъ свекловицы была континентальная система Наполеона I, запрещавшая, какъ извѣстно, пользоваться Европѣ продуктами, шедшими изъ Англіи.

Затѣмъ, мало-по-малу къ этимъ обычнымъ веществамъ присоединились и другія, подобныя имъ, и у химіи возникла потребность выдѣлить ихъ въ особый классъ органическихъ соединеній. Основаніемъ для наименованія веществъ этого класса «углеводами» послужилъ ихъ составъ, который говорилъ прежнимъ изслѣдователямъ, что всѣ эти вещества состоятъ какъ бы изъ угля и воды: они состоятъ изъ углерода, кислорода и водорода, причемъ количественное отношеніе послѣднихъ двухъ изъ этихъ элементовъ, дѣйствительно, совершенно такое же, какъ въ водѣ.

На основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя имѣетъ въ своемъ распоряженіи современная химія, можно сказать, что выдѣленіе соединеній этого порядка въ особый классъ весьма искусственно. Въ болѣе или менѣе ближайшемъ будущемъ, надо полагать, въ научной химіи этотъ классъ исчезнетъ, и соединенія, входящія нынѣ въ него, распредѣлятся по другимъ классамъ, въ основу раздѣленія которыхъ будетъ положенъ болѣе раціональный принципъ—принципъ строенія.

Наоборотъ, въ физіологической химіи этотъ классъ имѣетъ полный raison d'etre...

Въ началѣ XIX вѣка былъ извѣстенъ только *составъ* этихъ соединеній, послѣ же работъ цѣлаго ряда извѣстныхъ химиковъ, какъ-то: Байера, Фиттига, Цинке и В. Мейера стало мало-по-мало выясняться и ихъ *строеніе*. Такъ, стало извѣстно, что вещества этого порядка представляютъ вообще соединенія двойственнаго характера: одни изъ нихъ въ одно и то же время реагируютъ, какъ спирты и какъ кетоны, другія, какъ спирты и альдегиды.

Но болѣе полно и то только главнымъ образомъ простѣйшія вещества этого порядка были выяснены съ химической стороны лишь въ послѣднее время; это сдѣлали уже наши современники: Э. Фишеръ, Липманъ, Соксле, Толленсъ и др. Особенно много сдѣлалъ для этой области первый изъ нихъ, нынѣшній профессоръ берлинскаго университета — Эмиль Фишеръ, тотъ самый, который недавно былъ на-

гражденъ нобелевской преміей по химіи, и въ большой степени именно за эти свои работы. Эти изслѣдованія Фишера подтвердили высказанный выше взглядъ на химическую природу углеводовъ и дали разъясненія относительно многихъ, бывшихъ до него загадочными, явленій въ этой области. Работы Фишера были опубликованы всего лишь около 15-ти лѣтъ тому назадъ. Вы видите, какъ нова химическая разработка этой области.

И вотъ пока все, что собственно сдѣлала химія въ смыслѣ разъясненія химической природы углеводовъ къ началу XX вѣка. Химіей разъяснена пока, болѣе или менѣе удовлетворительно, химическая природа только простѣйшихъ углеводовъ, т.-е. такихъ, напр., какъ: виноградный сахаръ, фруктоза и т. п., природа же болѣе сложныхъ углеводовъ, какъ, напр., крахмала, декстрина, не говоря уже о клѣтчаткѣ, еще сравнительно весьма мало выяснена...

Слѣдовательно, аналитическая проблема химіи въ области углеводовъ еще весьма далека до окончательнаго своего рѣшенія.

Наконецъ, что касается третьяго, упомянутаго нами выше класса питательныхъ веществъ, т.-е. *бѣлковъ*, то слѣдуетъ сказать, что вещества этого порядка еще сложнѣе, чѣмъ вещества предыдущаго порядка, да и вообще это едва-ли не самыя сложныя соединенія изъ всѣхъ, съ которыми только имѣетъ дѣло человѣкъ. Относительно того, какъ важны эти вещества, достаточно сказать, что безъ бѣлковъ, по крайней мѣрѣ на землѣ, нѣтъ жизни; гдѣ есть жизнь, тамъ непремѣнно есть бѣлки, т. е., слѣдовательно, бѣлки являются по преимуществу тѣмъ субстратомъ, въ которомъ проявляются и разыгрываются всѣ тѣ процессы, которые носятъ названіе «жизни».

Къ группѣ бѣлковъ относятся такія веществса, какъ альбуминъ (напр. яичный бѣлокъ), міозинъ, фибринъ (главная составная часть творога), желатина или клей, различныя роговыя вещества, дрожжи и вообще разнообразные ферменты и т. д.

Первая проблема химіи въ области бѣлковъ состоитъ въ опредѣленіи ихъ состава. Эта проблема распадается на двѣ половины: первая часть—опредѣленіе того, изъ какихъ химическихъ элементовъ состоятъ бѣлки, вторая часть—опредѣленіе того, каковы количественныя отношенія этихъ элементовъ въ бѣлкахъ. Первая половина проблемы, вслѣдствіе ея сравнительной элементарности, уже довольно давно рѣшена. При этомъ оказалось, что въ отличіе отъ жировъ и углеводовъ, которые состоятъ только изъ трехъ элементовъ: углерода, кислорода и водорода, бѣлковыя вещества состоятъ изъ пяти или шести элементовъ: углерода, водорода, кислорода, азота и сѣры, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть и фосфоръ. Что же касается второй половины поставленной проблемы, то анализъ пока безсиленъ разрѣшить ее. Формулы, которая бы выразила количественныя отношенія элементовъ и количества ихъ атомовъ въ молекулѣ бѣлка, химія до сихъ поръ не въ

состоянiи дать. Почти каждый изслѣдователь въ этой области даетъ свою формулу, отличную отъ формулъ другихъ изслѣдователей, а это и значитъ, что химія до сихъ поръ не можетъ опредѣлить истиннаго состава бѣлковъ...

Итакъ, первая аналитическая проблема химіи въ области бѣлковъ еще не рѣшена. Послѣ этого о рѣшеніи второй проблемы, т.-е. проблемы строенія бѣлковъ пока не можетъ быть и рѣчи. Тутъ могутъ быть только нѣкоторыя болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія, основанныя на тѣхъ или другихъ реакціяхъ бѣлковъ,—не больше...

Первое предположеніе о строеніи бѣлковъ было высказано Мульдеромъ, который думалъ, что бѣлки не что иное, какъ различныя комбинаціи одного и того же радикала, которому онъ далъ названіе «протеинъ», съ различными количествами сѣры и фосфора. Отсюда и ведетъ свое начало наименованіе бѣлковъ «протеиновыми веществами», такъ долго державшееся въ наукѣ, да изрѣдка произносимое и въ настоящее время. Практическая заслуга Мульдера въ этой области заключается особенно въ томъ, что онъ доказалъ присутствіе бѣлковъ, до него извѣстное только въ животныхъ, и въ растительномъ царствѣ. Вслѣдъ за Мульдеромъ въ этой области сталъ работать знаменитый нѣмецкій ученый Юстусъ Либихъ, а за нимъ и его ученики. Хотя Либиху и удалось опровергнуть предположеніе Мульдера, однако онъ былъ безсиленъ, выставить на мѣсто этого предположенія другое, болѣе вѣрное. Позже высказывали нѣкоторыя предположенія о строеніи бѣлковъ Стерри Хентъ, Шютценбергеръ, Левъ и наконецъ наши русскіе ученые Данилевскій и Шишковъ; каждая изъ высказанныхъ ими гипотезъ основывается на тѣхъ или другихъ опытахъ, но ни одна изъ нихъ не выходитъ изъ предѣловъ предположеній.

Итакъ, аналитическая проблема химіи въ области бѣлковъ, вслѣдствіе сложности и непостоянства этихъ соединеній, можно сказать, только еще намѣчена, и вопросъ не только о строеніи, но и о составѣ ихъ, остается еще вполнѣ открытымъ.

Жирами, углеводами и бѣлками исчерпывается вся наша пища. Нашему организму, для правильныхъ отправленій его функцій, необходимы только эти три группы веществъ.

Чтобы дать представленіе объ относительной роли этихъ группъ веществъ въ питаніи, мы приведемъ количества ихъ, вычисленныя мюнхенскимъ проф. Фохтомъ, необходимыя для рабочаго, вѣсомъ въ 70 килограммовъ, при рабочемъ днѣ въ 9—10 час. Вотъ эти цифры, выражающія минимумы этихъ веществъ: 56 gr. жировъ, 500 gr. углеводовъ и 118 gr. бѣлковъ, или, переводя это на языкъ обычной пищи: $^3/_4$ германскаго фунта хлѣба (немного болѣе 1 русскаго фунта), $^1/_2$ литра молока (около $^3/_4$ бутылки) и 200 gr. (около $^1/_2$ фунта) мяса.

Разобравъ рѣшенные и вновь поставленные вопросы анализа пи-

тательныхъ веществъ, мы перейдемъ къ изложенію того, что сдѣлала химія въ направленіи искусственнаго полученія этихъ веществъ, т.-е. въ направленіи синтеза.

III.

Всякая широкая проблема изученія какого бы то ни было вещества въ химическомъ отношеніи предполагаетъ двѣ стадіи въ изслѣдованіяхъ. Первая изъ этихъ стадій—аналитическая, вторая—синтетическая.

Аналитическая работа химическаго изслѣдованія, понимаемая не въ узко-лабораторномъ, а въ широкомъ смыслѣ этого слова, должна освѣтить составъ и строеніе вещества, т.-е., во-первыхъ, должна показать, какъ составлена молекула изслѣдуемаго вещества въ качественномъ и количественномъ отношеніяхъ; во-вторыхъ, должна показать, какъ построена эта молекула, т.-е. какова ея картина въ структурномъ отношеніи. Прежде чѣмъ построить зданіе изъ опредѣленнаго матеріала, опредѣленнаго типа и въ опредѣленномъ стилѣ, мастеръ долженъ изучить матеріалъ, типъ и стиль, съ которыми ему придется имѣть дѣло. Въ такомъ же положеніи и химикъ, задающійся задачей синтезированія опредѣленныхъ органическихъ соединеній.

Такимъ образомъ аналитическая проблема вообще должна предшествовать синтетической. Такова логическая послѣдовательность химическаго изученія веществъ природы. Но такой порядокъ не безусловно необходимъ: могутъ быть такія случайности, которыя откроютъ практическій методъ синтеза того или другого вещества раньше, чѣмъ будетъ окончательно рѣшена его аналитическая проблема. Вообще же надѣяться случайно синтезировать какое-нибудь вещество, не зная, какъ слѣдуетъ, его состава и строенія, значитъ надѣяться на авось и обрекать себя на безконечное блужданіе въ потемкахъ. Картина по существу точь-въ-точь такая же, какъ если бы архитекторъ сталъ строить зданіе, надѣясь, что у него случайно выйдетъ постройка въ мавританскомъ или готическомъ стилѣ. Если и примемъ, что величайшія научныя открытія сдѣланы случайно, то все же полагаться на случайность значитъ подвергать себя огромному риску.

При нормальномъ ходѣ развитія науки, когда разобранъ составъ и строеніе вещества, химикъ приступаетъ къ его синтезу. Онъ беретъ необходимые для его построенія элементы и старается ихъ размѣстить и связать въ молекулу въ томъ порядкѣ, какой ему указалъ анализъ этого вещества. Такое построеніе представляетъ величайшій научный и практическій интересъ и возбуждаетъ благоговѣніе къ наукѣ, поднявшейся со своимъ методомъ рѣшенія вопросовъ на такую высоту.

Посмотримъ теперь, что сдѣлалъ химическій синтезъ, и вообще въ

какомъ положеніи находится синтетическая проблема химіи въ области питательныхъ веществъ.

Начнемъ опять съ *жировъ*, какъ съ простѣйшей группы этихъ веществъ. Мы видѣли, что составъ и строеніе этихъ соединеній уже изучены. Заключеніе, къ которому здѣсь пришла аналитическая работа химіи, коротко можно выразить слѣдующимъ образомъ: жиры есть сложные эѳиры. А соединенія этого рода, какъ изучила химія, представляютъ не что иное, какъ комбинаціи спиртовъ и въ особенности глицерина, какъ одного изъ спиртовъ, съ разнаго рода кислотами. Благодаря такому ясному предетавленію о составѣ и строеніи жировъ, химія не замедлила и съ открытіемъ метода ихъ синтеза.

Разрѣшеніе этой проблемы принадлежитъ знаменитому французскому ученому Марселлину Бертело, котораго недавно чествовалъ весь міръ по поводу 50-ти-лѣтія его ученой дѣятельности. Разъ было установлено, что жиры распадаются на кислоты и глицеринъ, то слѣдовало взять эти простѣйшія соединенія и попробовать ихъ химически скомбинировать, т.-е. связать въ одно соединеніе. Такъ и сдѣлалъ Бертело въ половинѣ XIX-го вѣка: такъ какъ кислоты прямо не дѣйствовали на глицеринъ, то онъ заключилъ эти вещества съ глицериномъ въ трубку и, запаявъ ее, подвергъ ее нагрѣванію. Благодаря развивающемуся въ этихъ условіяхъ сильному давленію, кислоты легко вступали во взаимодѣйствіе съ глицериномъ и въ результатѣ дали точно такіе же жиры, какіе мы получаемъ изъ природы, изъ животныхъ и растительныхъ организмовъ. А такъ какъ кислоты и глицеринъ мы можемъ синтезировать изъ элементовъ, то можно сказать, что основная синтетическая проблема научной химіи въ области жировъ этими работами Бертело блестяще разрѣшена.

Послѣ этого уже не представляло никакой трудности получить и такія жировыя вещества, какихъ, повидимому, даже и нѣтъ въ природѣ. Къ такимъ веществамъ принадлежатъ, между прочимъ, и жиры изъ такъ называемыхъ нефтяныхъ кислотъ, которые были въ послѣд нее время получены Харичковымъ и Зелинскимъ. Но эти жиры, представляя нѣкоторый научный интересъ, пока не имѣютъ никакого практическаго значенія.

Синтезъ Бертело есть рѣшеніе основной синтетической проблемы химіи въ области жировъ. Конечно, это только одно изъ рѣшеній этой проблемы, у которой могутъ быть вообще и другія рѣшенія. Для науки это вполнѣ достаточное доказательство конституціи этой группы соединеній и окончательное подтвержденіе правильности воззрѣнія на нихъ, какъ на сложные эѳиры. Для химической же техники вопросъ о синтезированіи жировъ пока является преждевременнымъ, такъ какъ человѣчество пока еще черпаетъ эти вещества въ изобиліи изъ животныхъ и растительныхъ организмовъ. Пока этотъ синтезъ можетъ служить развѣ только подкрѣпленіемъ въ надеждахъ вегетаріанцевъ. Техни-

ческій способъ приготовленія жировъ можетъ возникнуть только тогда, когда будетъ доказано, что искусственно приготовленный жиръ будетъ дешевле, чѣмъ естественный жиръ. Зрѣлымъ плодомъ научныхъ изслѣдованій въ области жировъ пока явились, главнымъ образомъ, только два техническихъ производства: это—фабрикація стеариновыхъ свѣчей и глицерина, но оба они стоятъ внѣ сферы питательныхъ веществъ.

Переходя ко второй, какъ мы уже видѣли, болѣе сложной и менѣе изученной группѣ питательныхъ веществъ, а именно, къ группѣ *углеводовъ*, мы, конечно, уже à priori должны ожидать, что синтетическая проблема химіи этихъ соединеній стоитъ на болѣе низкой ступени развитія, чѣмъ соотвѣтствующая проблема химіи жировъ, ибо въ этой области еще далеко не разрѣшена первая—аналитическая проблема химіи. Единственно, чего въ этой области коснулась синтетическая работа—это самыхъ простѣйшихъ сахаристыхъ веществъ. Синтезъ нѣкоторыхъ изъ этихъ веществъ произвелъ уже упоминавшійся въ прошлой главѣ берлинскій профессоръ Эмиль Фишеръ. Установивъ химическую природу простѣйшихъ сахаровъ, Эмиль Фишеръ, около 15-ти лѣтъ тому назадъ, предпринялъ попытку искусственнаго ихъ приготовленія изъ простѣйшихъ химическихъ соединеній. И эта попытка увѣнчалась полнѣйшимъ успѣхомъ. Фишеромъ были приготовлены этимъ путемъ, напр., плодовый сахаръ, виноградный сахаръ и др.

Слѣдовательно начало синтетической работы въ области углеводовъ сдѣлано. Но бо́льшая часть этой работы принадлежитъ будущему, которое, надо надѣяться, принесетъ богатѣйшіе результаты въ этомъ отношеніи... Тростниковый сахаръ, который мы потребляемъ въ особенно большомъ количествѣ, до сихъ поръ готовится исключительно изъ сахарнаго тростника и свеклы. Да и простѣйшія сахаристыя вещества пока еще фабрично не синтезируются.

Наконецъ, синтетическая проблема химіи въ области *бѣлковъ* еще даже и не намѣчена. Вещества этого порядка столь сложны, что и разрѣшеніе аналитической проблемы ихъ изученія лишь дѣло будущаго. Зная на примѣрахъ могущество химіи, мы не сомнѣваемся, что рано или поздно и вещества этого рода будутъ синтезированы.

Изъ разсмотрѣнія соединеній, составляющихъ нашу пищу, и сравненія ихъ съ другими органическими соединеніями, можно убѣдиться, что «область питательныхъ веществъ» въ высшей степени сложная и едва ли не самая трудная для научнаго оріентированія область изъ всѣхъ областей органической химіи... Область эта, какъ видно, состоитъ изъ главнѣйшихъ веществъ, находящихся въ растительныхъ и животныхъ организмахъ. Этимъ собственно и обусловливается ихъ цѣнность, какъ питательныхъ веществъ: вводя ихъ въ свой организмъ, мы пополняемъ его растраты въ этихъ веществахъ, и такимъ образомъ поддерживаемъ его постоянную работоспособность. Въ этомъ смыслѣ

работа надъ разрѣшеніемъ синтетической проблемы въ области питательныхъ веществъ непосредственно примыкаетъ къ работѣ искусственнаго построенія вообще плазмы, т.-е. того субстрата, которому свойственна жизнь.

Итакъ, съ извѣстной точки зрѣнія, эти соединенія лишь «питательныя вещества», съ болѣе же широкой точки зрѣнія, это — основныя вещества органической жизни.

Мы должны еще разсмотрѣть, въ какихъ условіяхъ синтезъ питательныхъ веществъ можетъ оказать свои услуги человѣчеству.

Прежде всего всякій химическій синтезъ есть «научная цѣнность». Его значеніе болѣе или менѣе велико прежде всего для научной мысли. Знаменитые синтезы обозначаютъ собой этапы въ исторіи развитія научной мысли, работа которой заключается исключительно въ познаніи, состава и строенія веществъ въ связи съ наблюдаемыми въ нихъ явленіями. Детали научнаго синтеза являются понятными, доступными только для небольшого круга, главнымъ образомъ, спеціалистовъ, хотя и даютъ о себѣ знать во многихъ областяхъ научныхъ изслѣдованій.

Во-вторыхъ, всякій болѣе или менѣе важный синтезъ есть «общеобразовательная» цѣнность. Онъ объединяетъ и сближаетъ въ нашемъ представленіи часто совершенно на видъ различныя вещи, чѣмъ реформируетъ наше міросозерцаніе и расширяетъ нашъ кругозоръ.

Объ эти цѣнности суть очевидныя и дѣйствительныя цѣнности только для интеллигентной части человѣчества. Для народа же, въ нашемъ русскомъ значеніи этого слова, представляется понятной только третья «практическая цѣнность» всякихъ научныхъ изслѣдованій, т.-е. цѣнность въ смыслѣ улучшенія жилища, пищи, одежды, въ смыслѣ лекарственныхъ средствъ, промысла и т. д. Но непосредственно практическую цѣнность представляютъ далеко не всѣ химическіе синтезы. Чтобы изъ научной цѣнности превратиться въ практическую цѣнность, синтезы, во-первыхъ, должны давать въ результатѣ практически-полезные продукты, во-вторыхъ, они должны позволять ихъ фабриковать такимъ образомъ, чтобы они были дешевле или, по крайней мѣрѣ, лучше соотвѣтственныхъ естественныхъ продуктовъ.

Только при этихъ двухъ условіяхъ химія можетъ оказать человѣчеству непосредственныя услуги.

Синтезы жировъ, углеводовъ и бѣлковъ, какъ операціи, дающія въ результатѣ питательныя вещества, конечно, всегда вполнѣ удовлетворятъ первому изъ этихъ условій. Что же касается второго условія, то можетъ быть, химія еще не скоро будетъ въ состояніи удовлетворить ему, а потому возможно, что она еще нескоро и окажетъ человѣчеству въ этомъ отношеніи свои услуги.

Разсмотрѣвъ то, что сдѣлала химія путемъ анализа и синтеза въ области питательныхъ веществъ, и намѣтивъ то, что ей надлежитъ

сдѣлать въ ближайшемъ будущемъ въ этой области, мы переходимъ къ главному нашему вопросу, къ оцѣнкѣ того, насколько справедливы современныя ожиданія отъ химіи услугъ въ смыслѣ избавленія человѣчества отъ голода.

IV.

Чтобы отвѣтить на вопросъ: способна или неспособна химія избавить человѣчество отъ голода, мы, разумѣется, прежде всего должны разобрать голоданіе, какъ общественное явленіе. Прежде чѣмъ сказать, способно или неспособно то или другое лекарство избавить больного отъ его болѣзни, врачъ долженъ знать, въ чемъ состоитъ болѣзнь его паціента.

Голоданіе прежде всего явленіе общественно-патологическое. Обусловливается оно, на нашъ взглядъ, двумя главными причинами: во-первыхъ, неудовлетворительностью внутренняго характера отдѣльныхъ хозяйствъ; во-вторыхъ, неудовлетворительностью ихъ взаимныхъ отношеній. Объ эти причины весьма сложны, а потому и явленіе голоданія—явленіе въ высшей степени сложное. Къ внутреннему характеру хозяйствъ относятся: способъ веденія хозяйства, степень зависимости его отъ разныхъ случайностей, отношеніе къ хозяйству хозяина и т. п. черты. Къ внѣшнимъ же отношеніямъ между отдѣльными хозяйствами относятся всѣ тѣ общественныя связи, которыя соединяютъ данное хозяйство съ цѣлымъ рядомъ другихъ хозяйствъ и съ самымъ большимъ изъ этихъ хозяйствъ—съ государствомъ.

Неудовлетворительность врутренняго характера отдѣльныхъ хозяйствъ можетъ зависѣть отъ невѣжества ихъ владѣльцевъ, отъ ограниченности самихъ хозяйствъ и т. д. Въ качествѣ средства къ поправленію дѣла въ этомъ отношеніи рекомендуется, во-первыхъ, самое широкое, и не только на бумагѣ, но и въ дѣйствительности, общедоступное образованіе; во-вторыхъ, улучшеніе условій въ смыслѣ расширенія хозяйствъ, такъ, чтобы труженики могли возможно широко вести свое дѣло.

Неудовлетворительность внѣшнихъ отношеній между отдѣльными хозяйствами можетъ зависѣть, во-первыхъ, отъ приверженности владѣльцевъ къ отжившимъ порядкамъ и традиціямъ, во-вторыхъ, отъ капиталистическаго превосходства нѣкоторыхъ изъ этихъ хозяйствъ, въ-третьихъ, отъ отношеній къ этимъ хозяйствамъ главнаго владѣльца—государства.

Такимъ образомъ разсмотрѣніе голоданія, какъ общественнаго явленія, показываетъ, что для того, чтобы избавить человѣчество отъ голода, нужно привести внутренній характеръ отдѣльныхъ хозяйствъ и существующія между ними отношенія въ нормально-удовлетворитель-

ное состояніе. Какова же можетъ быть въ этомъ дѣлѣ, т.-е. въ дѣлѣ установленія удовлетворительнаго состоянія хозяйствъ, роль химіи?

Возьмемъ отдѣльный случай, напримѣръ, случай земледѣльческаго хозяйства и посмотримъ, что можетъ ожидать земледѣлецъ для себя отъ химіи. Первое, что можетъ сдѣлать для него химія, это сказать ему, въ какихъ веществахъ нуждаются его растенія, и насколько способна удовлетворять ихъ нужды его земля; второе—то, что она можетъ научить его получать изъ его сырыхъ продуктовъ, напримѣръ, изъ хлѣба, кукурузы, картофеля и т. д. спиртъ, крахмалъ и другія вещества, потребляемыя человѣчествомъ и, слѣдовательно, пользующіяся спросомъ на рынкѣ. Въ обоихъ случаяхъ мы говоримъ о томъ, что химія *можетъ* сдѣлать для земледѣльца, но для того, чтобы она *дѣйствительно сдѣлала*, необходимо, кромѣ того, чтобы земледѣлецъ былъ просвѣщенъ, да при этомъ еще имѣлъ средства на пріобрѣтеніе искусственныхъ удобреній и пріобрѣтеніе орудій и машинъ для того или другого техническаго производства; а главное, нужно, чтобы у него былъ достаточный кусокъ земли для всѣхъ его операцій.

Положимъ, что съ теченіемъ времени химія откроетъ техническіе методы синтеза всѣхъ питательныхъ веществъ и эти методы будутъ такъ выгодны, что устранится всякая необходимость въ посѣвахъ хлѣбовъ, т. е. устранится необходимость земледѣлія. Что тогда будетъ съ земледѣльцемъ? Очевидно, что типъ земледѣльца тогда исчезнетъ, каждый земледѣлецъ перейдетъ къ другого рода дѣятельности. И вмѣсто земледѣлія возникнутъ фабрики синтетическаго приготовленія питательныхъ веществъ.

Спрашивается, избавится ли земледѣлецъ съ этимъ переходомъ съ поля на фабрику отъ возможности голоданія? Утвердительно или отрицательно отвѣтить на этотъ вопросъ прямо ни въ какомъ случаѣ нельзя. Невозможность прямого отвѣта на этотъ вопросъ обусловливается тѣмъ, что въ судьбѣ земледѣльца не только играетъ роль химія, но и его общественное положеніе.

Возможно, что и при переходѣ къ новому способу приготовленія питательныхъ веществъ концентрація капиталовъ и общественныя отношенія останутся болѣе или менѣе въ старомъ видѣ. При такомъ положеніи вещей земледѣлецъ ровно ничего не выиграетъ, только фабричный рабочій сдѣлается общимъ типомъ непосредственнаго производителя всякихъ продуктовъ. Ну, а какъ извѣстно, только одинъ фактъ работанія на фабрикѣ, а не на полѣ совсѣмъ еще не избавляетъ человѣчество отъ возможности голоданія.

Вѣдь въ сущности и современные способы полученія питательныхъ веществъ не плохи: при надлежащихъ условіяхъ они несомнѣнно могли бы удовлетворительно пропитать все человѣчество. Дѣло здѣсь не столько въ способахъ приготовленія этихъ веществъ, сколько въ способахъ пользованія ими.

При фабричномъ способѣ приготовленія питательныхъ веществъ будетъ тоже вѣдь потребность въ фабричныхъ зданіяхъ, въ орудіяхъ производства и въ сырыхъ продуктахъ. А слѣдовательно, если не измѣнится капиталистическій строй государства, то лишь меньшинство будетъ въ состояніи выступить въ качествѣ самостоятельныхъ фабрикантовъ этихъ продуктовъ, большинство же пойдетъ въ рабочіе къ этому меньшинству, а вслѣдствіе этого будутъ избавлены отъ голода развѣ только одни чины надзора.

Эти разсужденія приводятъ насъ къ заключенію, что когда люди говорятъ о химіи, какъ о будущей избавительницѣ человѣчества отъ голода, то они смѣшиваютъ проблемы химіи съ проблемами общественности. Теперь, по всей вѣроятности, понятно, почему мы въ началѣ статьи оговорились, что хотя химія и можетъ «оказать услуги» человѣчеству, но относительно вопроса, можетъ ли она облагодѣтельствовать человѣчество въ смыслѣ избавленія его отъ голода, мы сказали, что это совсѣмъ другой вопросъ.

Нѣтъ ничего каррикатурнѣе въ этомъ отношеніи, какъ ученый профессоръ съ колбой въ рукахъ, произносящій высокія слова о будущности, которая ему рисуется въ иллюзорномъ видѣ безъ голода и всѣхъ происходящихъ отъ него несчастій, и въ тоже время эксплуатирующій самымъ беззастѣнчивымъ образомъ чужой трудъ и вообще попирающій элементарныя требованія этики.

Мнѣ могутъ возразить на это, что человѣчество и не ожидаетъ отъ химіи избавленія отъ голода, такого, какой существуетъ, напр., въ настоящее время; его ожиданіе иное: оно надѣется, что въ тѣ отдаленныя времена, когда люди размножатся до такой степени, что негдѣ будетъ сѣять хлѣба, химія придетъ на помощь человѣку со своимъ синтезомъ питательныхъ веществъ и такимъ образомъ спасетъ его отъ голодной смерти. Но при такомъ ожиданіи не можетъ быть рѣчи о счастьи, и подъ «облагодѣтельствованіемъ» придется разумѣть просто продленіе существованія, безотносительно къ тому, каковъ будетъ его характеръ. Въ этомъ случаѣ наши разсужденія будутъ имѣть значеніе, какъ выясненіе и опредѣленіе границъ и объема того, какова можетъ быть роль въ разрѣшеніи этого сложнаго вопроса науки, съ одной стороны, и соціальной дѣятельности съ другой.

Для наиболѣе полнаго выясненія излагаемыхъ здѣсь вопросовъ, намъ необходимо еще рѣзче опредѣлить разницу, существующую между проблемами химіи и проблемами общественности.

Химія, какъ наука, стремится исключительно къ познанію истины въ тѣхъ сферахъ, которыя подлежатъ ея вѣдѣнію. Это постиженіе истины совершается химіей безъ всякаго отношенія къ тому, насколько эта истина можетъ быть полезна или вредна въ общественномъ отношеніи. Поэтому къ химіи не можетъ совсѣмъ прилагаться этическая оцѣнка. Какъ нелѣпо въ ученіи Дарвина видѣть какую-то безнрав-

ственность, такъ же нелѣпо въ работахъ Нобеля по приготовленію динамита отыскивать какіе-то мотивы для ихъ порицанія. На знамени науки написано одно слово: истина, и этимъ словомъ опредѣляется вся ея дѣятельность.

Наука въ общественныхъ отношеніяхъ и явленіяхъ—обоюдоострое оружіе; она оказываетъ услуги всякому, напрягающему свой умъ къ ея изученію, безотносительно къ нравственному облику своего адепта. Ею можетъ пользоваться и человѣкъ, готовящійся сдѣлать большое и доброе дѣло, и человѣкъ, замышляющій сдѣлать общественное преступленіе. Какъ и всякое оружіе, въ рукахъ къ добру направленной воли наука—благодѣяніе; при обратномъ отношеніи можно сдѣлать изъ науки зло.

Совершенно въ иномъ положеніи находятся проблемы общественности. Въ извѣстномъ смыслѣ онѣ прямо переходятъ въ проблемы этики. Главная цѣль этихъ проблемъ—справедливость и основанныя на ней общественныя отношенія. Для этики совсѣмъ не безразлично каковы ея адепты въ общественномъ отношеніи.

Если взять, напр., такую картину: село, въ немъ недостатокъ земли и голоданіе, а рядомъ имѣніе съ безбрежными полями и амбарами, ломящимися отъ хлѣба, то химія останется къ такой картинѣ совершенно безучастной; это не ея объектъ. Не такъ отнесется къ этому общественная этика: въ виду этой картины у нея возстаютъ величественныя проблемы общественности.

Вообще, задачи химіи гораздо скромнѣе. Въ частности, проблемы химіи въ области питательныхъ веществъ имѣютъ въ виду только установленіе состава и строенія питательныхъ веществъ и открытіе метода ихъ синтеза. Ждать отъ химіи, какъ науки, больше, значитъ впадать въ преувеличенныя надежды, за которыми съ логическою необходимостью послѣдуетъ разочарованіе. Чтобы избавить себя отъ разочарованія, мы должны внести въ свои надежды указанное ограниченіе. Иначе черезъ болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени, явится новый поводъ къ той, исходящей изъ устъ метафизиковъ, фразѣ, которая гласитъ, что науки обманываютъ человѣчество.

Итакъ, наши разсужденія приводятъ насъ къ заключенію, что химія, какъ наука, не въ состояніи избавить человѣчество отъ голода; она можетъ быть только важнымъ пособіемъ и «оказывать всякія услуги» лишь при правильно направленной, стремящейся къ справедливости общественной дѣятельности.

Вл. Асмусъ-Челинцевъ.

ИЗЪ ЮЖНАГО АЛЬБОМА.

Потокъ.

Прошедшимъ лѣтомъ здѣсь сочилась
Едва замѣтная струя;
Она по желобу струилась,
Растенья чахлыя поя.
И что-жъ весной я вижу нынѣ?
Съ высотъ бушующій потокъ
Стремится съ грохотомъ къ долинѣ,
Неся каменья и песокъ.
Ломая крѣпкія ограды,
Деревья цѣлыя крутя,
Онъ разрушаетъ всѣ преграды—
Салгира буйное дитя.
Онъ родился отъ вешнихъ ливней,
Его питаетъ горный снѣгъ,
Все безудержнѣй, непрерывнѣй
Его неукротимый бѣгъ.
Въ землѣ таившійся—оттуда
Побѣдоносно рвется вширь—
Изъ заключенья силой чуда
Освобожденный богатырь.

О. Чюмина.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Защита классической школы—„Античный міръ и мы“ проф. Зѣлинскаго.—Увлеченія спеціалиста.—Почему общественное мнѣніе противъ классической школы и школьнаго классицизма.—Будущая школа.—Трудность выработки новаго типа.—Сорокалѣтіе смерти Помяловскаго.—Памяти М. А. Плотникова.

Отжилъ ли классицизмъ свое время, или все еще стоитъ передъ русскимъ обществомъ, какъ постоянная угроза? Въ послѣднее время мы уже не слышимъ страстныхъ дебатовъ за и противъ классической школы, и спокойное обсужденіе этого вопроса стало вполнѣ возможнымъ теперь, когда изъ боевого положенія онъ перешелъ, такъ сказать, въ разрядъ академическихъ темъ. Такое академическое разсмотрѣніе и представляетъ статья проф. Ѳ. Зѣлинскаго въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія»—«Античный міръ и мы», рядъ лекцій, читанныхъ имъ для воспитанниковъ старшихъ классовъ. Авторъ извѣстенъ, какъ строгій, не идущій ни на какіе компромиссы сторонникъ классической школы, почему и доводы его въ защиту классицизма заслуживаютъ особаго вниманія. Предъ нами чистый, идейный классикъ, классикъ-идеалистъ, свободный отъ всякихъ временныхъ вліяній, способныхъ извратить смыслъ и задачи классическаго образованія. Къ сожалѣнію, г. Зѣлинскій и не желаетъ считаться съ тѣми несомнѣнными вѣяніями, благодаря которымъ классическая школа получила у насъ такую печальную характеристику, какъ школа «ретроградная». Можетъ быть, онъ бы отнесся съ большею терпимостью къ жестокому и безпощадно-отрицательному взгляду русскаго общества на эту школу, если бы вдумался въ причины такого отношенія.

Но, какъ человѣкъ академическаго склада мысли, г. Зѣлинскій беретъ вопросъ въ его чистомъ видѣ, внѣ времени и пространства. Для него античный міръ выступаетъ самъ по себѣ, мы—сами по себѣ, и онъ старается доказать рѣшающее значеніе античности въ научномъ, культурномъ и образовательномъ отношеніи. Внѣ античности нѣтъ для него ни научной работы, ни истинной культуры, ни образованности, понимаемой не въ смыслѣ накопленія знаній, а въ смыслѣ «такой подготовки ума, которая приспособитъ его съ наименьшей затратой силъ и времени и съ наибольшей пользой воспринимать тѣ знанія, которыя понадобятся ему впослѣдствіи». Для такого приспособленія ума, т.-е. развитія умственныхъ силъ учащагося, античный міръ, по мнѣнію почтеннаго автора, представляетъ единственный въ своемъ родѣ матеріалъ въ видѣ строгой законченности своихъ формъ, какъ языка, такъ и культуры. Любой языкъ

мы можемъ изучать, и изучаемъ часто, ассоціаціоннымъ путемъ, просто запоминая слова, соотвѣтствущія родному,—древніе языки, напротивъ, представляютъ обширное поле для упражненія нашихъ логическихъ способностей. Въ нихъ все строго связано, объединено, вытекаетъ одно изъ другого и можетъ восприниматься только аперцепціонно, т.-е. размышленіемъ и путемъ послѣдовательныхъ логическихъ выводовъ. Съ перваго момента изученія учащійся пріучается ничего не брать на вѣру, а разсуждать и умозаключать. Эти неоцѣненныя качества древнихъ языковъ понимались и чувствовались общимъ сознаніемъ культурнаго міра, въ которомъ расцвѣтъ и подъемъ культуры всегда совпадали съ усиленнымъ изученіемъ античности, и единственная пока планомѣрная школа, выработанная культурными народами, есть классическая. Мало того, только тѣ народы и достигли культурности, которые восприняли эту школу, какъ германо-романскіе, и у насъ до классической школы не было культурности.

Столь же важное и рѣшающее значеніе имѣетъ античная литература, античная философія и весь античный міръ для общаго развитія и образованія. Такъ было до сихъ поръ, и тысячелѣтнее существованіе классической школы лучше всего говоритъ за ея необходимость и неизбѣжность. Авторъ приходитъ даже къ заключенію, что мы находимся наканунѣ новаго расцвѣта и оживленія античности. На это отчасти указываетъ успѣхъ философіи Нитше, съ его культомъ Діониса, въ которомъ для этого философа олицетворялся жизнерадостный, здоровый и глубоко-индивидуалистическій духъ античности.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ положенія профессора Зѣлинскаго; подробностей намъ придется коснуться дальше. Какъ спеціалисту и талантливому работнику въ своей области, ему вполнѣ естественно увлекаться значеніемъ своей науки.

Хотя можно бы замѣтить г. Зѣлинскому, что есть увлеченіе и увлеченіе, а когда имѣешь дѣло съ неподготовленной аудиторіей, какъ было въ данномъ случаѣ, не слѣдовало бы допускать нѣкоторыхъ болѣе, чѣмъ странныхъ, можно сказать, «гомерическихъ» преувеличеній. Напримѣръ, утвержденіе, будто бы народы востока, а на западѣ готы, остались въ сторонѣ отъ культурнаго движенія, вслѣдствіе того, что предпочли перевести Священное писаніе и литургію, отцовъ церкви и житія святыхъ на свой языкъ, вмѣсто того, чтобы читать и изучать ихъ въ оригиналѣ. Или—что «испанцы не играютъ никакой роли въ мірѣ идей, несмотря на свою численность и славу своего прошлаго», потому что лишены классическаго образованія. Такія «увлекательные перлы» историческихъ открытій въ устахъ талантливаго ученаго получаютъ характеръ насмѣшки надъ наивностью юныхъ слушателей. Неужели восточные славяне отстали отъ Запада потому, что Кириллъ и Меѳодій перевели Священное Писаніе на славянскій языкъ? Значитъ, въ глазахъ поклонника античности турки и татары—ничто въ сравненіи съ этимъ переводомъ? Или испанцы отстали въ культурѣ не потому, что инквизиція и абсолютизмъ задержали ростъ этого народа? Почтенному профессору остается для послѣдовательности прибавить, что нашествія турокъ и татаръ не было бы, если бы не было перевода Писа-

нія, а въ Испаніи не было бы ни инквизиціи, ни абсолютизма, если бы своевременно была введена классическая школа...

Но допустимъ... Странно, однако, и не совсѣмъ понятно, какъ могъ онъ проглядѣть всю *современность*, которая съ античностью имѣетъ такъ мало общаго? Разладъ между классической школой и жизнью сталъ все яснѣе ощущаться не только у насъ, но, главнымъ образомъ, на Западѣ, откуда мы и позаимствовали нашу школу. Разладъ этотъ сказался прежде всего въ томъ, что классическая школа перестала удовлетворять духу демократизма, составляющему тенденцію современности. Погруженная въ созерцаніе античности, классическая школа уединилась отъ жизни и воспитывала своихъ учениковъ въ полномъ невѣдѣніи того, что происходитъ за ея стѣнами. Но жизнь не могла допустить, чтобы классическіе монастыри стояли на ея пути, мѣшая развитію главныхъ основъ современности—демократизаціи общества, гражданственности, реализму и требованію популяризаціи знаній. Исторически совершенно вѣрно, классическая школа пока единственная, которая развилась и выросла въ стройную систему. Рядомъ съ ней мы еще не можемъ поставить никакой другой школы. Въ свое время она отвѣчала духу аристократизма, преобладавшему въ обществѣ, будучи школой для немногихъ избранныхъ. Ея тенденція была всегда одна и та же: odi profanum vulgus. Въ своемъ высокомѣріи она не замѣтила, что центръ общественныхъ силъ перемѣстился, и «дерзка чернь непросвѣщенна» перестала быть «чернью», именно съ тѣхъ поръ, какъ властно потребовала образованности, захотѣла пріобщиться къ царству мысли. Лозунгомъ современности явилось требованіе — не школа для избранныхъ, а школа для *всѣхъ*. Но не явится-ли такое требованіе пониженіемъ общаго уровня школы? На такой вопросъ мы можемъ пока отвѣтить также, какъ и г. Зѣлинскій, который указываетъ, что лучшей школы онъ не знаетъ, кромѣ классической. Мы на это отвѣчаемъ, что если лучшей пока не было, то это не значитъ, что ея и не будетъ и что не зачѣмъ ее искать.

Отъ добра добра не ищутъ, и лучшее есть врагъ хорошаго, могутъ замѣтить. Но это далеко не такъ вообще, а въ нашемъ случаѣ и подавно.

Современность, съ ея требованіями новой школы, прежде всего, ничего не имѣетъ противъ античности самой по себѣ. Античный міръ, съ его искусствомъ, философіей и религіей, какъ одинъ изъ элементовъ будущей школы, признается всѣми, кромѣ развѣ такихъ слѣпыхъ его противниковъ, которые такъ же односторонни въ своемъ ослѣпленіи, какъ проф. Зѣлинскій односторонснъ въ своей чрезмѣрной приверженности. Мы возражали и будемъ всегда возражать противъ античности, какъ *единственной* основы школы, подавляющей и подчиняющей все остальное. Но съ неменьшимъ жаромъ мы стали бы возражать и противъ всякой другой односторонности, будь то національнзмъ, естествознаніе или утилитаризмъ. Вотъ почему, когда намъ говорятъ, что нѣтъ спасенія внѣ античности, мы готовы отвѣтить,—тогда и не надо намъ вашего спасенія: «Ужъ лучше смерть, чѣмъ жизнь поносна!» И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть «поноснѣе», презрѣннѣе, чѣмъ видѣть свои идеалы позади, а не въ будущемъ? Вѣдь это хуже остановки въ развитіи, это прямой ходъ назадъ. Уже одно то,

что эта блестящая античная культура была основана на рабствѣ, лишаетъ ее нравственной основы. А затѣмъ, эта культура не знала личности, а знала только члена общины, гражданина въ лучшемъ случаѣ. Между тѣмъ, всѣ усилія современности направлены на выработку личности прежде всего, почему и въ основу школы теперь кладется принципъ индивидуализаціи учащихся. И ничто такъ не возмущало всегда, а теперь въ особенности, какъ равненіе подъ одно всѣхъ воспитанниковъ классической школы. Послѣдняя никогда не считалась,—и даже гордилась этимъ,—съ личностью, безпощадно искореняя все, что не укладывалось въ ея рамки. И это не потому, что, напр., у насъ въ Россіи представители классицизма въ огромной массѣ были ниже всякой критики: основная черта классической школы вообще—шаблонъ, по которому должны быть выкроены всѣ ея питомцы. Проф. Зѣлинскій не боится признать, что дѣйствительно классическая школа изгоняла массу неподходящихъ воспитанниковъ, но называетъ эту ея особенность «закономъ подбора», что совершенно не такъ. Ибо не станетъ онъ отрицать, что далеко не лучшіе, умнѣйшіе, сильнѣйшіе и способнѣйшіе оканчивали гимназію, а только приспособившіеся, лишенные рѣзко выраженныхъ личныхъ особенностей, готовые подчиняться любому шаблону, потому что ихъ натура изъ глины, а не изъ мрамора. И въ результатѣ наши гимназіи (да и не только наши) выпускали терракотовыя фигурки, подчасъ весьма недурно сфабрикованныя, но не дали ни одной мраморной статуи.

Но вина ли это античности? Да, ея и только ея, такъ какъ, будучи единственной основой школы, она ни съ чѣмъ не считалась. На Западѣ это очень скоро замѣтили, и началась борьба съ классической школой, въ результатѣ которой уже теперь тамъ нѣтъ больше вѣры въ спасительность античности. Наше несчастье въ томъ и состояло, что мы позаимствовали оттуда гимназію въ періодъ ея упадка, когда гимназія замерла въ неподвижной мертвой формѣ, а мы ее цѣликомъ пересадили къ себѣ, въ этой мертвенности увидѣвъ идеалъ. Къ этому присоединились еще и иныя тенденціи, къ которымъ съ справедливымъ презрѣніемъ относится и проф. Зѣлинскій, говоря: «какой-нибудь чиновникъ, не видѣвшій свѣта изъ-за своего зеленаго стола, могъ возымѣть геніальную идею, что съ помощью перфектовъ и супиновъ можно противодѣйствовать революціоннымъ наклонностямъ общества; такъ точно вѣдь и въ средніе вѣка, когда право на существованіе наукъ видѣли въ ихъ религіозно-нравственномъ воздѣйствіи, ариѳметикѣ ставилось въ заслугу то, что она отвлекаетъ умы людей отъ грѣшныхъ мыслей. А затѣмъ армія суетливыхъ публицистовъ, испугавшихся за либерализмъ своихъ будущихъ читателей, стала винить за эту идею ни въ чемъ неповинную античность». Увы! что касается «суетливыхъ публицистовъ», то почтенный профессоръ не по тому адресу направляетъ свои стрѣлы. Во-первыхъ, эти публицисты были тогда слишкомъ связаны, чтобы нападать, а во-вторыхъ, не античность вообще винили они, а тотъ отвратительный суррогатъ, который подъ видомъ античности преподносился злополучнымъ питомцамъ гимназій, и притомъ болѣе чѣмъ грязными руками...

Но что говорить о прошломъ? Мы очень обязаны почтенному профессору, что своей запоздалой защитой античности онъ содѣйствуетъ уясненію вопроса о значеніи ея для школы, въ которой, по нашему мнѣнію, всегда должно быть и античности отведено мѣсто, и очень значительное. Не изъ опасенія за либерализмъ нашихъ читателей, а изъ-за интересовъ культуры мы возстаемъ противъ той всезахватывающей античности, въ которой г. Зѣлинскій хочетъ видѣть альфу и омегу школы. Для насъ несомнѣнно, что время классической школы прошло безвозвратно, и мы переживаемъ время переходное—отъ старой, хотя бы и имѣющей вѣковой опытъ, школы къ новой, только что нарождающейся. Кое-что уже сдѣлано и теперь, именно въ странѣ, гдѣ тенденціи современности получили наиболѣе свободное выраженіе. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ такая школа до извѣстной степени выработалась, отчасти отвѣчая тому идеалу истиннаго народнаго просвѣщенія, который рисуется почтеннымъ авторомъ: «соединеніе всѣхъ типовъ низшихъ, среднихъ и высшихъ школъ въ одинъ организмъ, одно величественное дерево. Корнями этого дерева будутъ низшія школы, городскія и сельскія; глубоко проникая въ народъ, онѣ должны отыскивать способныхъ къ умственному труду людей и доводить ихъ по мѣрѣ ихъ способностей, до ствола, вѣтвей и верхушки дерева. Такая школа будетъ истинно народная, т.-е. по мысли поэта той, что «выводитъ изъ народа столько добрыхъ», чего про нашу школу сказать еще нельзя». Сѣверо-американская школа приближается уже теперь къ этому идеалу, давая каждому воспитаннику подняться до вершины образованія, и эта школа отнюдь не классическая, т.-е. не основана на изученіи античности. Она основана всецѣло на изученіи характера и свойствъ ученика, къ которому приспособляются воспитатели, развивая въ немъ черты, составляющія его оригинальность и силу. Американская школа давно уже изгнала изъ своего обихода принципъ, столь соблазняющій почтеннаго профессора—«законъ подбора». Она, дѣйствительно, ставитъ своей задачей осуществленіе принципа, вызывающаго насмѣшку у нашего автора: «я помню,—говоритъ онъ,—произнесенныя въ великодушномъ увлеченіи слова одного извѣстнаго своей гуманностью дѣятеля средней школы: «если школа принимаетъ сто учениковъ, она сто же учениковъ должна выпустить». Итакъ, сказалъ я себѣ, поступленіе въ школу гарантируетъ полученіе диплома; ну а что же гарантируетъ поступленіе? Единственный возможный отвѣтъ: протекція или взятка». Ни то, ни другое, а достаточное количество школъ и хорошая ихъ постановка. Не формальное мышленіе, а стройное развитіе всѣхъ способностей, не прокрустово ложе, хотя бы самаго античнаго устройства, а уваженіе къ личности ученика, не старое правило—«девять учениковъ забей, а десятаго выучи», но всѣхъ сдѣлай людьми—вотъ принципы истинной народной школы.

И они дѣйствительно проводятся неукоснительно въ американской школѣ, которая не знаетъ «изгоевъ», а считается съ силами каждаго воспитанника. На ряду съ этимъ превосходно поставленное физическое воспитаніе учениковъ чрезвычайно помогаетъ успѣшному обученію. Несмотря на то, что американская школа насчитываетъ не сотни лѣтъ, а лишь десятки съ тѣхъ поръ, какъ

она начала слагаться, уже теперь, по отчетамъ весьма придирчивыхъ судей, она подняла и улучшила умственный, нравственный и физическій типъ американца, о чемъ свидѣтельствуетъ между прочимъ отчетъ г. Ев. Ковалевскаго о чикагской выставкѣ, гдѣ онъ изучалъ современное состояніе американской школы. Конечно, и эта школа еще далеко не идеальна, и многое въ ней только намѣчено. Но благодаря живому общественному духу, участію общества въ работѣ надъ улучшеніемъ школы—все это прекрасно понимается, и потому устранимо въ недалекомъ будущемъ,—безъ всякаго призыва къ спасительной античности. Общество, въ заботѣ о будущемъ поколѣніи, знать ея не хочетъ, и отлично дѣлаетъ.

Да и зачѣмъ здѣсь античность? Рѣшительно непонятно. Такая школа не знаетъ никакихъ, столь восхищающихъ г. Зѣлинскаго, интеллектуальныхъ свойствъ античности, здраво разсуждая, что живой міръ, живая жизнь куда вліятельнѣе мертвой старины и обладаетъ гораздо болѣе вѣскими «интеллектуальными свойствами», чѣмъ изученіе латинскаго и греческаго языковъ. Для того, чтобы заинтересоваться послѣдними и получить у нихъ всю ихъ драгоцѣнную сторону, надо быть подготовленнымъ. Мы вполнѣ понимаемъ Пушкина, который въ расцвѣтѣ своего генія жалѣлъ, что не знаетъ древнихъ языковъ. Но мы еще болѣе понимаемъ нашихъ учениковъ, которые на вопросъ о желаніи изучать греческій языкъ вездѣ отвѣчаютъ сплошными отказами. Позволимъ себѣ обратить вниманіе г. Зѣлинскаго на помѣщенную въ настоящей книгѣ нашего журнала анкету о томъ, что читаютъ и чѣмъ интересуются учащіеся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изъ тысячи отвѣтовъ не оказалось ни одного, который упомянулъ бы о древнихъ языкахъ или даже о любви къ древней литературѣ, къ изученію ея исторіи или искусства. Для насъ эти отвѣты очень характерны и убѣдительны. Вѣдь эта тысяча отвѣтовъ принадлежитъ лучшей, выдающейся въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, части учащейся молодежи, и если среди нихъ не оказалось *ни одного* интересующагося античнымъ міромъ (о филологіи я уже не говорю), то это—смертельный приговоръ классической школѣ.

И сколько бы ни приводилъ доводовъ еще почтенный профессоръ въ защиту античности, онъ едва-ли кого убѣдитъ. Тѣмъ болѣе, что самый методъ его страшно одностороненъ. Мы ограничимся однимъ только примѣромъ, не потому, чтобы онъ былъ особенно ярокъ, но на немъ виднѣе всѣ преувеличенія г. Зѣлинскаго. Желая выдвинуть преимущества древней поэзіи предъ новой, онъ говоритъ (извиняемся за длинноту цитаты, но она такъ характерна, что не поддается краткой передачѣ):

«Возьму еще одинъ примѣръ—особенно поучительный тѣмъ, что онъ даетъ матеріалъ для сравненія древней поэзіи съ новѣйшей. Въ десятой пѣснѣ Одиссеи описывается мѣстность по ту сторону океана, преддверія царства тѣней. Картина унылая (ст. 510).

«Тамъ низменный берегъ и рощи Персефоны (перевожу буквально), теряющіе (или губящіе) свои плоды длинные тополи и ивы». Отчего тополямъ и ивамъ данъ этотъ странный на первый взглядъ эпитетъ, который, кстати

сказать, въ подлинникѣ выходитъ много поэтичнѣе уже вслѣдствіе того, что тамъ онъ выражается однимъ только словомъ? Дѣло вотъ въ чемъ. Какъ тополь, такъ и ива принадлежатъ къ такъ называемымъ двудомнымъ деревьямъ, т.-е. одни его экземпляры даютъ только мужскіе (тычинковые), другіе—только женскіе (плодниковые) цвѣты, а не тѣ и другіе вмѣстѣ, подобно дубу и большинству другихъ деревьевъ, которые поэтому и называются однодомными. Если поэтому ивы и тополи стоятъ одиноко или группами экземпляровъ одного только пола, то они не могутъ оплодотворяться они «теряютъ свои плоды». Конечно, процессъ оплодотворенія растеній не былъ извѣстенъ Гомеру—оттого-то онъ и употребилъ здѣсь слово «плоды» вмѣсто «неоплодотворенные цвѣты»; но само явленіе терянія «плодовъ» было замѣчено и имъ и его слушателями и вотъ причина, почему онъ неплодное царство тѣней украсилъ именно ивами и тополями: и самый предметъ и его красивый эпитетъ имѣютъ здѣсь глубокое символическое и, стало быть, поэтическое значеніе. Теперь позвольте сопоставить съ царемъ греческихъ поэтовъ царя новой, русской поэзіи, Пушкина. Напомню вамъ его прекрасное стихотвореніе, въ которомъ онъ описывалъ впечатлѣніе, произведенное на него его родиной послѣ долгой разлуки. «Вновь я посѣтилъ тотъ уголокъ земли» и т. д. Тутъ, между прочимъ, встрѣчается слѣдующее мѣсто:

На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору поднимается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ: одна по одаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ.—По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять: онѣ все тѣ же,
Все тотъ же ихъ знакомый уху шорохъ,
Но около корней ихъ, устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась;
Зеленая семья кругомъ тѣснится
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вкругъ него
Попрежнему все пусто.

«Съ поэтической точки зрѣнія картина безукоризненна; да и впрочемъ все обстояло бы благополучно, если бы только поэтъ вмѣсто сосенъ представилъ намъ, какъ Гомеръ, ивы или тополи. Но сосна—дерево однодомное, сосенъ-холостяковъ не бываетъ; того явленія, которое здѣсь нарисовала фантазія поэта, онъ въ дѣйствительности наблюдать не могъ. Значитъ ли это, что мы желаемъ принизить Пушкина, какъ поэта? Нѣтъ, конечно, поэтъ не обязанъ быть всевѣдомъ, незнаніе ботаники не мѣшаетъ ему исполнять свою главную задачу—«чувства добрыя въ людяхъ пробуждать». Но фактъ остается фактомъ: поэзія Гомера и древнихъ вообще выигрываютъ, если на нихъ смотрѣть глазами натуралиста, поэзія Пушкина и новѣйшая вообще при тѣхъ условіяхъ проигрываютъ. Но не грѣшно ли, можете вы меня спросить, портить себѣ

впечатлѣніе прекраснаго поэтическаго отрывка мелочной ботанической придиркой? Да, грѣшно; съ этимъ я совершенно согласенъ; т.-е. другими словами, новѣйшей поэзіей пользоваться для статарнаго чтенія грѣшно—этимъ лишній разъ доказывается правильность приведенныхъ выше словъ Вундта объ обязательно мелочномъ характерѣ интерпретаціи произведеній новѣйшей литературы. Древнюю поэзію многіе сравнивали съ природой; сравненіе это во многихъ отношеніяхъ справедливо, между прочимъ, и въ нашемъ. Подобно природѣ, она цѣльна и отвѣтственности не боится; другое дѣло—поэзія новѣйшая. Есть у васъ кольцо прекрасной ювелирной работы—ну и любуйтесь на него, сколько хотите, но только невооруженнымъ глазомъ, иначе вы найдете въ немъ столько изъяновъ, что вамъ непріятно будетъ на него смотрѣть. А лепестокъ розы, крылышко бабочки, сколько угодно, разсматривайте въ микроскопъ. Каждое новое изученіе раскроетъ вамъ новыя интересныя и поучительныя подробности» *).

Почтенный профессоръ въ пылу увлеченія забылъ мудрое правило древнихъ заниматься предметомъ sine ira et studio. Иначе онъ не допустилъ бы нѣсколькихъ ошибокъ, очень странныхъ въ данномъ случаѣ. Конечно, самое сопоставленіе приведенныхъ мѣстъ и притомъ съ точки зрѣнія натуралиста заключаетъ въ себѣ нѣчто высоко комичное. Но ужъ разъ мы пустились въ натуралистическую оцѣнку поэзіи, то надо быть освѣдомленнымъ въ самомъ предметѣ. «Сосенъ-холостяковъ не бываетъ; того явленія, которое здѣсь нарисовала фантазія поэта, онъ въ дѣйствительности наблюдать не могъ». Очень тяжелый упрекъ такому правдивому поэту, какъ Пушкинъ, но, къ счастью, этотъ упрекъ всецѣло слѣдуетъ возвратить по адресу филолога, а не поэта. Дѣйствительно, сосны однодомны, но одно и тоже дерево само себя не опыляетъ, а размножается *всегда* перекрестнымъ опыленіемъ. По отношенію къ соснамъ этотъ законъ особенно ясенъ: весною онѣ даютъ такую массу цвѣтени, что она носится тучей и извѣстна подъ названіемъ желтой пыли. Такая щедрость природы исключительно объясняется цѣлью произвести перекрестное опыленіе. Такъ что сосна, стоящая «одна по-одаль», и не можетъ дать потомство, которое бы «тѣснилось подъ сѣнью ея, какъ дѣти», и пушкинское сравненіе такой сосны съ «угрюмымъ, старымъ холостякомъ» совершенно вѣрно: онъ нарисовалъ то, что видѣлъ, и что каждый изъ насъ часто видѣлъ, напр., въ Финляндіи на скалахъ и въ горахъ, гдѣ направленіе вѣтра играетъ огромную роль при опыленіи. Можно бы замѣтить еще, что аналогіи въ поэзіи вовсе не означаютъ полнаго параллелизма. Когда мы сравниваемъ женщину съ бабочкой («весела и нарядна, какъ бабочка лѣтомъ»), мы считаемъ эту аналогію вѣрной, хотя есть бабочки однотонной окраски, и т. д. Если же вообще мы начнемъ разсматривать поэзію древнихъ съ точки зрѣнія естествознанія, то найдемъ въ ней массу курьезовъ, вполнѣ понятныхъ для того времени, когда многое было еще неизвѣстно и восполнялось фантазіей. Самое чувство природы, пейзажъ,

---

*) „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, сентябрь, „Древній міръ и мы“.

древнимъ было почти чуждо. Эпитеты ихъ однообразны, тонкихъ описаній нѣтъ совсѣмъ, красокъ они почти не употребляютъ и т. д.

Мы сами очень высокаго мнѣнія о поэзіи древнихъ и по существу жалѣемъ, что до сихъ поръ эта поэзія не стала общимъ достояніемъ, въ особенности теперь, когда у насъ есть такіе превосходные переводы. Но стульевъ ломать изъ-за величія древнихъ авторовъ нечего, и для ученика всегда доступнѣе родная поэзія, родная литература, которая по естественному праву должна лечь въ основу школьнаго образованія. Переходъ отъ Пушкина къ Гомеру и греческимъ трагикамъ гораздо нормальнѣе, чѣмъ обратный, но мы готовы всѣми силами протестовать противъ такой школы, которая во имя національности потребовала-бы изгнанія изъ школы всего иностраннаго, всего чужого, и, слѣдуя односторонности г. Зѣлинскаго, заявила-бы, что только *родное* и только оно одно—вотъ основа истинной школы. Если русское общество искренно возненавидѣло классическую школу, насильственно навязанную ему, насаждавшуюся въ буквальномъ смыслѣ средствами Добрыни—«огнемъ и мечомъ»,—и эту ненависть пишущій эти строки раздѣляетъ вполнѣ,—то съ еще большею ненавистью отнеслось-бы то же общество (а вмѣстѣ съ тѣмъ и мы) къ школѣ такъ называемой національной. Въ свое время мы отмѣчали въ нашемъ органѣ льстивыя попытки разныхъ «націоналистовъ» придти на помощь въ націонализированіи школы, въ видѣ особыхъ историческихъ хрестоматій и русскихъ «исторій», самымъ свѣжимъ образчикомъ которыхъ можетъ служить недавно разобранная у насъ книжка нѣкоего г. Помяловскаго. Конечно, мы свято вѣримъ, что какъ навязанный намъ классицизмъ погибъ безслѣдно и безвозвратно, такъ что и осиноваго кола не понадобилось на его могилу,—точно также погибнетъ и всякая насильственная школьная система, какъ-бы она ни называлась. Мы согласны съ почтеннымъ авторомъ разбираемой статьи, что у насъ нѣтъ теперь никакой школы: разрушивъ классическую, мы еще не создали другой и переживаемъ теперь школьное безвременье. Отсюда, однако, вовсе еще не слѣдуетъ, что внѣ классицизма нѣтъ спасенія. Только департаментскіе проекты стряпаются, какъ блины, а вопросы жизни выясняются и складываются медленно, подъ вліяніемъ разныхъ общественныхъ силъ и направленій. Школьный вопросъ, пожалуй, одинъ изъ самыхъ сложныхъ и тяжелыхъ для разрѣшенія, какіе предстоитъ рѣшить нашему обществу, которое только одно и можетъ рѣшить его правильно. А пока такія статьи, какъ г. Зѣлинскаго, тоже оказываютъ услугу обществу, какъ своего рода вѣхи, поставленныя на пути общественнаго развитія и отмѣчающія тѣ трясины и гиблыя мѣста, которыхъ надо избѣгать.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ смерть лишила русскую литературу выдающагося писателя въ самомъ началѣ его работы, обѣщавшей много и новаго, и сильнаго. Мы имѣемъ въ виду Помяловскаго, который внезапно, послѣ недолгой болѣзни скончался въ началѣ октября 1863 г. едва 28 лѣтъ отъ роду. Въ три года своей литературной дѣятельности онъ далъ такія значительныя вещи, какъ «Молотовъ», «Мѣщанское счастье» и «Очерки бурсы» и началъ большой романъ «Братъ и сестра», кромѣ ряда небольшихъ разсказовъ, въ родѣ «По-

рѣчанъ». Для такого короткаго періода времени болѣе чѣмъ достаточно, чтобы признать въ лицѣ Помяловскаго дѣйствительно значительную силу, унесшую въ могилу много возможностей, которыя въ будущемъ создали бы одного, быть можетъ, изъ виднѣйшихъ представителей русской литературы. Теперь, къ горестному сожалѣнію, мы можемъ оцѣнивать его только какъ писателя начавшаго блистательно, но далеко не проявившаго всего, что скрывала его богато одаренная, оригинальная личность.

А оригиналенъ онъ былъ несомнѣнно, и оригиналенъ во всемъ. Бурсакъ, четырнадцать лѣтъ не выглядывавшій за стѣны бурсы, такъ неподражаемо воспѣтой имъ впослѣдстви, онъ выступилъ сразу съ произведеніемъ («Мѣщанкое счастье» въ февральской книги «Современника» за 1861 г. «Молотовъ» въ октябрѣ того же года), въ которомъ «темное кладбищенство» впервые «сумрачно глянуло» на мѣщанство и все то, что связано теперь для насъ съ этимъ понятіемъ. И «темное кладбищенство» произнесло рѣзкій приговоръ: «Эхъ, господа, что-то скучно!»—приговоръ, наложившій на мѣщанство пятно, такъ и оставшееся навсегда. Съ тѣхъ поръ мы далеко ушли въ пониманіи мѣщанства, изучили его въ самыхъ потаенныхъ углахъ жизни, искусства и философіи, но приговоръ двадцати четырехъ-лѣтняго бурсака остался неотмѣненнымъ.

Тѣмъ значительнѣе и проницательнѣе представляется онъ, если вспомнить, въ какое время и надъ кѣмъ произнесъ его авторъ. Въ лицѣ своего героя онъ ввелъ въ литературу новый элементъ, до него почти не затронутый, во всякомъ случаѣ не изображенный такъ цѣльно и художественно. Въ «Мѣщанскомъ счастьѣ», еще полнѣе въ «Молотовѣ» впервые въ литературѣ выведенъ типъ изъ рабочаго сословья и очень подробно изображенъ весь ходъ его развитія. Большой художественный тактъ, удивительный въ начинающемъ писателѣ, сказался въ томъ, что своего героя онъ нигдѣ не поднимаетъ на пьедесталъ, не пріукрашаетъ ни одной романтической черточкой. Въ этомъ, конечно, сказалась общая тогда реалистическая струя въ литературѣ. Но у Помяловскаго она составляетъ сущность его творчества, въ основѣ котораго лежитъ суровая правда и критика. Онъ ясно видитъ всѣ достоинства и несовершенства своего героя и ни мало не стремится пріукрасить первыя и прикрыть вторыя. Для него не пустыя слова вопль Череванина, который служитъ въ повѣсти «Молотовъ» какъ бы выразителемъ самого Помяловскаго: «Знаешь-ли, что значитъ честно мыслить, не бояться своей головы, своего ума, смотрѣть въ свою душу не подличая, а если не вѣришь чему, такъ и говорить, что не вѣришь, а не обманывать себя?» Въ ѣдкихъ рѣчахъ Череванина намъ ясно слышатся теперь знакомыя мысли, ставшія съ тѣхъ поръ трюизмами, но тогда это были свѣжія идеи, которыхъ не слышалъ читатель до прихода этого угрюмаго бурсака въ литературу. Онъ осмѣиваетъ до пошлости затасканную фразу «среда заѣла», вѣчное нытье и плаксивую тоску по идеалу, полное бездѣлье вмѣстѣ съ тѣмъ и жалобы на скуку. «Будь самимъ собою, а не можешь—пропадай», энергичный выводъ Череванина. Но и онъ не остается безъ критики. Помяловскій и къ себѣ такъ же безпощаденъ, какъ и къ Молотову. Что толку въ этомъ злобномъ отрицаніи жизни? Надо что-нибудь положительное, а такъ—все это одно «кладбищенство». Черева-

нинъ такъ и выражается, что до сихъ поръ не могъ вырвать изъ души всю могильную гадость, т.-е. не создалъ еще цѣли, которая наполнила бы жизнь яркимъ содержаніемъ. Помяловскій былъ слишкомъ честенъ, чтобы морочить себя и другихъ. Мѣщанство онъ осмѣялъ, но не зналъ, чѣмъ замѣнить его въ жизни. Ужъ конечно не кладбищенствомъ, которое хорошо лишь какъ критическій методъ, но само не можетъ служить содержаніемъ жизни. Дальше онъ не пошелъ, какъ писатель,—смерть помѣшала, такъ рано оборвавъ его работу. Обрывки его романа «Братъ и сестра» слишкомъ ничтожны, чтобы изъ нихъ можно было извлечь указаніе, къ чему могъ бы придти этотъ оригинальный художникъ и сильный критическій умъ, въ то время далеко еще не ясный и не готовый къ стройному созданію чего-либо положительнаго и стойкаго. Вдали времени намъ вырисовывается образъ Помяловскаго, какъ мощный, но грубый, неотдѣланный обломокъ большой статуи, въ родѣ классическаго торса, по которому смутно можно догадываться о красотѣ цѣлаго, если бы оно осуществилось.

О силѣ его художественнаго дарованія больше представленія даютъ его «Очерки бурсы», которые и теперь читаются съ захватывающимъ интересомъ, до того въ нихъ много жизни, движенія, красокъ. Здѣсь что ни фигура, то типъ, такъ и врѣзывающійся въ память читателя неизгладимо. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвели эти очерки въ свое время. Онъ обнажилъ предъ изумленнымъ обществомъ зіяющую язву, стыдливо укрывавшуюся въ тѣни, и тѣмъ сдѣлалъ дальнѣйшее существованіе ея невозможной. Послѣ его «Очерковъ бурсы» старая система воспитанія дѣтей духовенства и подготовка его къ служенію стала прямо немыслимой. Если, тѣмъ не менѣе, реформа не дала всего, чего слѣдовало бы ожидать, то это ужъ не дѣло художника: онъ выполнилъ свою задачу, указавъ, чего слѣдовало избѣгать, и тѣмъ до извѣстной степени намѣтилъ путь развитія. Не его вина, если на этомъ пути мы не далеко ушли и теперь стоимъ снова предъ тою же задачею, пожалуй, еще болѣе сложной, чѣмъ въ то время...

Наши замѣтки приходится закончить печальнымъ извѣстіемъ: въ концѣ сентября (27-го) скончался въ Симферополѣ сотрудникъ нашего журнала, Михаилъ Александровичъ Плотниковъ, одно время очень близко стоявшій къ журналу. Въ 1896 и 1897 гг. онъ велъ у насъ отдѣлъ «На Родинѣ» и потомъ, почти до послѣдняго времени, принималъ участіе въ отдѣлѣ библіографіи.

М. А. Плотниковъ больше извѣстенъ, какъ талантливый и опытный статистикъ, много поработавшій въ нижегородскомъ статистическомъ бюро подъ руководствомъ Н. Ѳ. Анненскаго. Широкой публикѣ больше другихъ извѣстенъ его трудъ «Кустарные промыслы Нижегородской губерніи». Въ статистику Плотниковъ вступилъ непосредственно послѣ окончанія университета, а литературой началъ заниматься очень скоро послѣ этого, и въ 90-мъ году появилась его первая статья въ «Юридическомъ Вѣстникѣ». Съ тѣхъ поръ работы по статистикѣ шли рука объ руку съ литературными. Онъ участвовалъ въ мѣстныхъ газетахъ, гдѣ писалъ статьи публицистическія по юридическо-экономическимъ вопросамъ и литературно-критическія замѣтки. Переселившись

въ Петербургъ въ 96-мъ году, онъ сталъ въ близкія отношенія къ двумъ журналамъ—нашему и «Русскому Богатству», гдѣ около года велъ отдѣлъ внутренняго обозрѣнія и помѣщалъ статьи по разнымъ вопросамъ. Слабое здоровье не позволило ему оставаться въ Петербургѣ, откуда онъ перебрался на югъ, сначала въ Кіевъ, а затѣмъ въ Симферополь, гдѣ завѣдывалъ періодическимъ органомъ таврическаго земства. Но связь его со столичными журналами не прекращалась, и послѣдняя его большая работа должна появиться на страницахъ «Рус. Богатства».

Смерть эта, въ такіе молодые годы, лишила насъ очень симпатичнаго и дѣльнаго литературнаго работника. Плотниковъ обладалъ широкимъ образованіемъ, большой литературной подготовкой и тонкимъ вкусомъ. На свои публицистическія работы покойный не затратилъ и малой доли того матеріала, который былъ имъ накопленъ. Его мечтой была большая историко-литературная работа, посвященная эпохѣ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, о которой онъ много говорилъ съ пишущимъ эти строки и для которой собиралъ матеріалъ. Были и еще работы покойнаго, о которыхъ пока говорить не приходится...

Вообще, онъ былъ, какъ личность, съ богатыми задатками, много значительнѣе того, что онъ далъ. Разныя обстоятельства помѣшали ему проявить всѣ силы ума и знанія. По природѣ мягкій, тихій и кроткій, онъ не обладалъ къ сожалѣнію, той необходимой силой воли, которая подчиняетъ до нѣкоторой степени обстоятельства. Скорѣе онъ подчинялся, не въ силахъ направлять свою судьбу такъ, чтобы наилучшимъ образомъ использовать свои недюжинныя дарованія. Въ личныхъ отношеніяхъ это былъ на рѣдкость пріятный, искренній человѣкъ, превосходный товарищъ и очаровательный собесѣдникъ, съ которымъ всегда можно было подѣлиться своими думами и печалями, въ полной увѣренности, что онѣ будутъ поняты и раздѣлены. Его тихій, проникновенный голосъ, вдумчивый тонъ его рѣчи, оригинальность мысли и огромная начитанность—дѣлали его незамѣнимыми въ товарищескихъ собраніяхъ, гдѣ онъ всегда игралъ выдающуюся роль. Это отчасти отвлекало его отъ работы въ узкомъ значеніи слова,—слишкомъ онъ былъ *общественный* человѣкъ, для котораго вопросы общественной жизни были всегда на первомъ мѣстѣ. И эта сторона его дѣятельности, не поддающаяся учету, являлась едва-ли не самой существенной для него. Типъ общественнаго человѣка у насъ еще мало развитъ и еще менѣе оцѣненъ, но тамъ, гдѣ онъ встрѣчается, такіе люди являются всегда незамѣнимыми. Плотниковъ никогда не жилъ личной жизнью, всегда его влекло къ другимъ. Онъ самъ не былъ центромъ, но прежде всего прекраснымъ товарищемъ, къ которому, что называется, тянуло. Безъ него не затѣвалось ни одно общее дѣло тамъ, гдѣ онъ жилъ; его отзывчивая живая личность вызывала отклики и въ другихъ и служила звеномъ между ними. Онъ имѣлъ массу друзей, и не думаю, чтобы у него были враги, — слишкомъ онъ былъ благодушенъ, добръ и чистъ душой, чтобы возбуждать ненависть.

Миръ его праху...

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Воспоминанія объ И. С. Тургеневѣ. 22-го августа исполнилось 20 лѣтъ со дня смерти Тургенева и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ газетахъ появились теперь воспоминанія о покойномъ писателѣ. Такъ, «Орловскій Вѣстникъ» приводитъ не лишенныя интереса свѣдѣнія о пребываніи Тургенева въ ссылкѣ. «Мы познакомились раньше, — пишетъ авторъ замѣтки въ «Орлов. Вѣстн.»,— но мы очень сошлись съ Тургеневымъ, когда онъ, сосланный, жилъ въ Спасскомъ, всего въ 18 верстахъ отъ нашего Покровскаго, и ежедневно къ намъ пріѣзжалъ. Онъ увѣрялъ даже, что ѣздитъ къ намъ съ трепетомъ, съ чувствомъ виновности передъ запрещеннымъ, такъ какъ Покровское было въ Чернскомъ уѣздѣ, а онъ не долженъ былъ выѣзжать изъ предѣловъ Мценскаго, и надъ его занятіями и поведеніемъ установленъ былъ надзоръ.

Но разсуждалъ онъ такъ въ шутку. Иванъ Сергѣевичъ уморительно представлялъ намъ, какъ разъ въ мѣсяцъ ему докладывали, что «становой въ передней. Пріѣхалъ для сыску». Иногда онъ его отпускалъ тутъ же, даже не показавшись ему на глаза; иногда, по забывчивости, занятости или отлучкѣ, задерживалъ. Потомъ плѣнникъ вспомнитъ и, извинившись, вышлетъ грозному тюремщику 10 рублей. Добродушный представитель полицейской власти немедленно удалялся, нѣсколько разъ съ поклонами, пожелавъ «продолженія его благополучію и успѣховъ во всѣхъ желаніяхъ и начинаніяхъ». «Первому не очень-то сочувствовалъ я,—смѣясь, добавлялъ Тургеневъ,—а второму, вѣроятно, посылавшіе его!»

Онъ очень просто и незлобно разсказывалъ о недолгомъ своемъ пребываніи на Съѣзжей въ Петербургѣ, предшествовавшемъ его высылкѣ въ Спасское. Вспоминалъ, что очень многія лица въ городѣ были не менѣе его самого удивлены такой странной карой, наложенной на уже извѣстнаго писателя, а еще больше поводомъ къ ней. Кромѣ друзей и знакомыхъ, къ нему или съ разспросами о немъ собиралось въ части многочисленное общество. Узенькая улица, на которую она выходила, была заставлена экипажами, и, наконецъ, былъ присланъ особый постъ для установки и скорѣйшаго пропуска экипажей, такъ какъ полицеймейстеръ узналъ, что государь Николай Павловичъ очень

былъ недоволенъ общественнымъ участіемъ и общими симпатіями къ арестованному.

Одна тяжелая подробность этихъ дней сохранилась въ его памяти: ужасное сосѣдство его комнаты съ экзекуціонной, гдѣ сѣкли присылаемыхъ владѣльцами на Съѣзжую провинившихся крѣпостныхъ слугъ. Написавшій «Записки Охотника» принужденъ былъ съ отвращеніемъ и содроганіемъ слушать хлестъ розогъ и крики сѣкомыхъ.

Въ той же газетѣ гр. Софья Толстая, жена великаго писателя, вспоминаетъ слѣдующій разговоръ съ Ив. Сергѣевичемъ на охотѣ:

«Тургеневъ стоялъ со мной у большого, еще неодѣтаго листвой дуба и что-то дѣлалъ съ ружьемъ, когда я его спросила:

«— Отчего вы такъ давно ничего не писали, Иванъ Сергѣевичъ?

«Тургеневъ оглянулся кругомъ себя, сдѣлалъ виноватую улыбку, которая имѣла особенную прелесть въ этомъ крупномъ человѣкѣ, и сказалъ:

«— Никто насъ не слышитъ? Ну, я вамъ скажу, что всякій разъ, какъ я задумывалъ писать что-нибудь, меня трясла лихорадка любви. Теперь это прошло; я старъ; я не могу больше ни любить, ни писать...»

Мысль эту Тургеневъ высказывалъ не однажды.

«Знаете ли,—говорилъ онъ одному изъ своихъ парижскихъ знакомыхъ,—человѣкъ, какъ только перестаетъ увлекаться женщиной и нравиться ей,—становится уже неспособнымъ на художественное творчество. Я уже чуждъ всему этому, и вдохновеніе покинуло меня».

Эта же мысль вылилась въ его стихотвореніи въ прозѣ:

«Я узналъ тебя, богиня фантазіи. Ты посѣтила меня случайно,—ты полетѣла къ молодымъ поэтамъ.

«О, поэзія! Молодость! Женская, дѣвственная красота! Вы только на мигъ можете блеснуть предо мною—раннимъ утромъ ранней весны».

Нѣсколько словъ по поводу замѣтки «Открытіе памятника И. П. Котляревскому». Въ октябрьской книжкѣ «Міра Божьяго» за текущій годъ помѣщено краткое описаніе происходившаго въ г. Полтавѣ 30-го августа сего года торжества открытія памятника родоначальнику новой украинской литературы и первому народному поэту Урайны И. П. Котляревскому.

Въ эту замѣтку, приведенную, какъ сказано въ ней, со словъ южныхъ газетъ, къ сожалѣнію, вкралась весьма важная неточность, которую мы и считаемъ не лишнимъ исправить.

Описаніе, помѣщенное въ октябрьской книгѣ, относится къ *надгробному* памятнику Котляревскаго, установленному на могилѣ поэта на старомъ Полтавскомъ кладбищѣ еще въ 1901 г. и сооруженному на средства, ассигнованныя Полтавскимъ губернскимъ земствомъ въ 1894 г. Открытый же Котляревскому 30-го августа сего года памятникъ сооруженъ на пожертвованія, собранныя по подпискѣ между земляками и многочисленными почитателями славнаго поэта.

Этотъ памятникъ, поставленный въ центрѣ города на Протопоповскомъ бульварѣ, получившемъ нынѣ названіе «бульвара Котляревскаго», представляетъ собою стройный четырехгранный пьедесталъ изъ чернаго гранита, увѣнчанный большимъ бронзовымъ, слегка склоненнымъ бюстомъ поэта, работы уроженца Полтавы художника-скульптора Л. В. Позена. Подъ бюстомъ, охваченнымъ въ нижней его части бронзовымъ вѣнкомъ, высѣчены золотомъ годы рожденія и смерти поэта (1769—1838) и имя его: «Іван Котляревський», а ниже—строки изъ безмертной «Наталки-Полтавки»:

„Де згода въ симействи,
Де мыръ и тышына,
Щаслыви тамъ люде,
Блаженна сторона"...

На задней сторонѣ памятника начертаны строки изъ стихотворенія Т. Г. Шевченко «На вічну память Котляревському»:

„Будешъ, батьку, пануваты
Докы жывуть люде;
Докы сонце зъ неба сяе
Тебе не забудуть..."

Ниже этого четверостишія вставлена бронзовая доска съ именами художника и строителей.

По тремъ сторонамъ пьедестала, въ углубленіяхъ, помѣщены прелестные горельефы работы г. Позена, сюжетомъ для которыхъ послужили наиболѣе интересныя сценки изъ трехъ произведеній Котляревскаго. На одномъ изъ горельефовъ, помѣщенномъ на лицевой сторонѣ памятника, представленъ Эней, «парубокъ-моторный» у моря, окуженный своими дружинниками «Троянцямыланцямы». На остальныхъ двухъ горельефахъ, вставленныхъ въ боковыхъ углубленіяхъ пьедестала, изображены: встрѣча Наталки-Полтавки съ панамъ Вознымъ у берега рѣки Ворсклы и сцена изъ «Москаля-Чаривныка».

Открытіе высшихъ женскихъ курсовъ въ Одессѣ. 21-го сентября состоялось торжественное открытіе высшихъ женскихъ педагогическихъ курсовъ въ Одессѣ. Главною и весьма характерною особенностью этихъ новыхъ курсовъ является тотъ фактъ, что они открыты безъ всякаго матеріальнаго пособія со стороны казны, такъ какъ профессора университета выразили готовность читать лекціи безвозмездно. Однимъ изъ главныхъ дѣятелей по организаціи курсовъ былъ профессоръ новороссійскаго университета Н. Н. Ланге, который и назначенъ первымъ директоромъ курсовъ. Изъ 400 желавшихъ поступить на курсы принято 303 слушательницы.

Такимъ образомъ число разсадниковъ высшаго женскаго образованія въ Россіи увеличилось още однимъ учрежденіемъ, которое, несомнѣнно, будетъ развиваться въ томъ же направленіи и съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ и существующіе уже въ Петербургѣ и Москвѣ курсы, буквально переполненные слушательницами. Отмѣчая этотъ новый починъ одесскихъ профессоровъ, уже организовавшихъ цѣлый рядъ другихъ просвѣтительныхъ учрежденій для одесскаго населенія, мы съ особымъ удовольствіемъ подчеркиваемъ эту связь

людей науки съ общественной дѣятельностью, которая очевидно не является для нихъ совершенно чуждой областью, какъ, напр., для ихъ петербургскихъ собратій.

Женщины—волостные писаря. Предсѣдателемъ выставочнаго комитета III-го съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, Е. П. Ковалевскимъ, вносится на обсужденіе съѣзда интересный вопросъ о профессіональной подготовкѣ женщинъ, главнымъ образомъ, юридической. Вопросъ этотъ имѣетъ свою любопытную исторію. Впервые онъ поднимался присяжнымъ повѣреннымъ Раппопортомъ, проектировавшимъ юридическую подготовку женщинъ еще въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Предложеніе это на первыхъ же шагахъ было встрѣчено несочувственно самими юристами и вопросъ, казалось, былъ похороненъ.

Въ 1897 году оригинальный случай изъ нашей административной практики снова вызвалъ къ жизни этотъ вопросъ. Въ этомъ году молодая дѣвушка Екатерина Васильева Проскурякова, была назначена на должность волостного писаря въ Тюкалинскій округъ. Е. В. окончила въ 1895 г. высшіе женскіе курсы и получила эту должность при содѣйствіи крестьянскаго начальника Калачева, брата довольно извѣстной въ Петербургѣ О. С. Калачевой, устроительницы дѣтскихъ садовъ. Калачевъ вошелъ съ представленіемъ къ томскому губернатору Богдановичу о назначеніи Е. Е. Проскуряковой на свободную вакансію волостного писаря, мотивируя свое ходатайство тѣмъ, что въ законѣ нѣтъ прямого указанія на недопущеніе женщинъ къ занятію должности волостного писаря. Е. В. была, конечно, встрѣчена населеніемъ сначала недовѣрчиво, но съ теченіемъ времени, благодаря своей энергичной дѣятельности и неподкупности, снискала самыя прочныя симпатіи и среди населенія, и у губернскаго начальства. Волостной сходъ поставилъ ей даже въ особую заслугу то обстоятельство, что она не беретъ взятокъ, и постановилъ удвоить ей жалованье съ 600 руб. въ годъ на 1.200.

На этой должности Е. В. Проскурякова пробыла два года до назначенія на должность томскаго губернатора г. Князева. Послѣдній нашелъ неправильнымъ фактъ занятія должности волостного писаря женщиной на томъ основаніи, что въ законѣ нѣтъ на это прямого разрѣшенія. Е. В. должна была оставить должность, но ея безупречная репутація и близкое знакомство съ крестьянскими нуждами доставили ей вскорѣ другое мѣсто; она была назначена завѣдывать переселенческимъ пунктомъ на станціи Обь, гдѣ находится и въ настоящее время.

Е. П. Ковалевскій въ своемъ докладѣ предусматриваетъ возможность допущенія женщинъ на должности волостныхъ писарей въ виду того, что вопросъ этотъ имѣлъ мѣсто на особомъ совѣщаніи при обсужденіи проекта преобразованія крестьянскихъ учрежденій. Въ частностяхъ докладъ проектируетъ курсы, которые бы давали подготовку для занятія такихъ должностей, гдѣ желательно практическое юридическое образованіе. Программа этихъ курсовъ значительно уже университетской; изъ нея исключаются философія права, энциклопедія

права и т. п. Главное вниманіе предполагается обратить на практическую подготовку, почему первое мѣсто отводится основательному изученію законодательства и практическимъ занятіямъ.

Возможно, что предварительно до внесенія доклада на съѣздъ, онъ будетъ обсуждаться въ Обществѣ содѣйствія женскому профессіональному образованію.

Въ собраніи тверскихъ учителей. На послѣднемъ общемъ собраніи тверскаго общества учителей, по словамъ «Рус. Вѣд.», большой интересъ вызвало заявленіе учащихъ Новоторжскаго уѣзда о ненормальномъ ихъ положеніи, создавшемся въ послѣднее время, благодаря дѣятельности мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ Н. В. Лилеева. Заявленіе это, переданное устно однимъ изъ учителей названнаго уѣзда, отмѣчаетъ, между прочимъ, стѣсненіе инспекторомъ народныхъ училищъ свободы передвиженія учащихъ посредствомъ удержанія ихъ паспортовъ. Далѣе учителя указывали, что одинъ изъ ихъ товарищей, г. С., вынужденъ былъ обратиться къ суду для огражденія своей личности отъ оскорбленій того же г. Лилеева; учитель С—ій, явившись къ инспектору, былъ встрѣченъ словами: «Вы не въ кабакъ пришли!.. Вы нахально втерлись въ Новоторжскій уѣздъ!» и т. д. (на г. С. была русская рубаха, и въ Новоторжскій уѣздъ онъ былъ допущенъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа помимо инспектора г. Лилеева). Существующія при новоторжской уѣдной управѣ совѣщанія учащихъ по хозяйственнымъ нуждамъ школъ находятся подъ запретомъ инспектора, который опять-таки подъ страхомъ увольненія веспрещаетъ учителямъ слѣдовать приглашеніямъ предсѣдателя уѣздной управы и являться на эти совѣщанія. Въ виду этихъ и многихъ другихъ фактовъ новоторжскіе учителя просятъ тверское общество взаимопомощи учащимъ ходатайствовать передъ г. попечителемъ Московскаго учебнаго округа о разслѣдованіи дѣйствій инспектора Н. В. Лилеева и огражденіи учащихъ отъ его поползновеній, такъ какъ постоянная угроза увольненія крайне неблагопріятно отражается не только на моральномъ, но и матеріальномъ положеніи учащихъ Новоторжскаго уѣзда. По предложенію предсѣдателя собранія вопросъ о ходатайствѣ предъ попечителемъ былъ рѣшенъ открытой баллотировкой единогласно, и была избрана коммиссія изъ пяти лицъ для редактированія текста жалобы.

Та же газета сообщаетъ: «На дняхъ мѣстный городской судья разбиралъ дѣло по обвиненію Н. В. Лилеева (инспектора народныхъ училищъ) М. А. Кашхадамовой въ оскорбленіи на словахъ. Судья приговорилъ Н. В. Лилеева къ недѣльному заключенію и къ 25-ти рублевому штрафу».

Отголоски гомельскихъ безпорядковъ. «Восходъ» приводитъ рѣчь могилевскаго губернатора по поводу еврейскихъ безпорядковъ.

3-го числа пріѣхалъ въ Гомель г. начальникъ губерніи; созвавъ нѣкоторыхъ евреевъ въ городскую думу, онъ сказалъ имъ приблизительно слѣдующее:

«Я пріѣхалъ исключительно ради васъ. Мнѣ очень жаль несчастныхъ жертвъ—невинныхъ, такъ какъ пострадали именно невинные и бѣдные. Откуда

могло произойти такое озлобленіе одной группы населенія противъ другой, исповѣдующей другую религію? Въ Россіи вѣротерпимость полная. Это лучше всѣхъ знаютъ сами евреи, исповѣдующіе іудейскую вѣру. Причины этихъ послѣднихъ событій надо искать глубже. Я знаю Могилевскую губ. 25 лѣтъ. Тогда евреи были благонадежны, не участвовали ни въ какихъ политическихъ движеніяхъ, и тогда не было помину о погромахъ. Погромы, бывшіе въ 80-хъ годахъ, совсѣмъ другого характера; они явились результатомъ еврейскаго гнета, подъ которымъ находилось христіанское населеніе; но теперь совсѣмъ другое. Теперь евреи стали руководителями, зачинщиками во всѣхъ антиправительственныхъ движеніяхъ. Весь этотъ «Бундъ» и соціалъ-демократія—все евреи. Правда, находятся между ними и лица другихъ исповѣданій, но они являются какъ подстрекаемыя, подстрекателями же являются евреи. Въ гимназіи евреи развращаютъ молодежь, въ университетѣ сходка—евреи. Вообще, евреи теперь нахальны, не покорны, потеряли всякое уваженіе къ власти. Посмотрите гг., нижній полицейскій чинъ не имѣетъ теперь никакого значенія, его не признаютъ. Всегда и всюду евреи выражаютъ полное неуваженіе, нетерпимость къ христіанамъ. Да вотъ вамъ: на-дняхъ на улицѣ на мою жену наскочилъ велосипедистъ; кто? еврей. Гимназистъ на улицѣ идетъ мнѣ навстрѣчу съ папироской въ зубахъ и не кланяется; кто такой? опять еврей. Гимназистка раздѣваясь, задѣла рукавомъ мою жену и на вопросъ жены, почему не извиняется, отвѣчаетъ: «я не замѣтила». Опять-таки кто? еврейка. Вотъ, гг.. гдѣ причины. Вы сами виноваты во всемъ случившемся. Правительство безпристрастно и я безпристрастенъ. И, оставаясь безпристрастнымъ, я вамъ долженъ сказать: вы сами виноваты. Вы не воспитываете своихъ дѣтей, какъ слѣдуетъ, вы не умѣете вліять на нихъ. Но вы можете неблагонадежныхъ лицъ обнаружить, указывая на нихъ правительству. Вы этого не дѣлаете, вы ихъ скрываете. И вотъ плоды вашего поведенія. Вы пропагандируете среди нецивилизованнаго населенія непокорность, борьбу съ правительствомъ, но масса русская этого не хочетъ и обращается противъ васъ самихъ. Вотъ до чего вы довели. Помилуйте, когда это слыхано было, чтобы евреи вооружались, стрѣляли въ войска, которыя васъ же защищали? Вѣдь этакъ не намъ васъ, а намъ отъ васъ приходится защищаться. Мнѣ жаль, душевно жаль пострадавшихъ невинныхъ жертвъ. Но, гг., вы сами виноваты и вы несете на себѣ нравственную отвѣтственность передъ вашими единовѣрцами за все происшедшее».

Въ родныхъ палестинахъ. Въ «С.-Петерб. Вѣд.» мы находимъ интересную страничку изъ области нашихъ культурныхъ начинаній въ фабричныхъ центрахъ. На этотъ разъ корреспондентъ переноситъ насъ въ село Орѣхово-Зуево (Влад. губ.) и жалуется, что въ этомъ селѣ отдѣленіе попечительства о народной трезвости не проявляетъ никакой дѣятельности.

Причины—отсутствіе средствъ. Покровскій уѣздный комитетъ попечительства, выдѣливъ орѣховское отдѣленіе, не позаботился снабдить его деньгами въ достаточномъ количествѣ, надѣясь, что въ Орѣховѣ-Зуевѣ,—такомъ промышленномъ селѣ,—деньги найдутся. Вышло не такъ. Ассигнованные 200—300 руб.

идутъ на канцелярскіе и подобные имъ расходы, никакого отношенія къ народной трезвости не имѣющіе. Отдѣленіе просило у комитета 13 тыс. на постройку народнаго дома, но получило отказъ. Теперь дѣло съ этой постройкой обстоитъ такъ: каждому изъ членовъ отдѣленія выданы книжки для сбора пожертвованій. Сборъ конечно, не идетъ, и орѣховцамъ долго еще не придется видѣть у себя народнаго дома. Одна надежда на хозяевъ орѣховскихъ фабрикъ... Не лучше дѣло обстоитъ и съ обществомъ трезвости, которое существуетъ здѣсь около пяти лѣтъ. Вся дѣятельность его до сихъ поръ ограничивалась тѣмъ, что на сборы ревнителей и членовъ трезвости оно завело продажу религіозно-нравственныхъ книгъ, устроило для нихъ безплатную библіотеку, въ праздничные дни устраиваетъ религіозно-нравственныя чтенія съ туманными картинами и организовало кружокъ любителей церковнаго пѣнія. Вотъ и вся его дѣятельность. Число членовъ общества всегда не менѣе 1.000 человѣкъ, но составъ ихъ весьма не постоянный, такъ какъ въ общество члены записываются на время отъ 1 до 12 мѣсяцевъ и болѣе, а иногда присылаются съ фабрики рабочіе-алкоголики. Послѣдніе, какъ члены поневолѣ, скоро дезертируютъ изъ него. Въ обществѣ дѣятельность членовъ сильно стѣснена, а потому культурнаго фабричнаго слоя въ числѣ дѣятелей тамъ нѣтъ.—При одной изъ фабрикъ существуетъ библіотека-читальня, но большою популярностью она не пользуется среди рабочихъ. Что касается собственно народныхъ развлеченій, то здѣсь также остается широкое поле для дѣятельности. Владѣльцами фабрикъ учреждена коммиссія по устройству народныхъ гуляній, изъ лицъ, занимающихъ на фабрикѣ высшія должности. Свое назначеніе эта коммиссія исполняетъ неудовлетворительно. Народу она предоставляетъ спектакли на открытой сценѣ и въ закрытомъ помѣщеніи два раза въ недѣлю. Это—только лѣтомъ, зимой въ Орѣхово-Зуевѣ никакихъ развлеченій для народа не устраивается. Но и лѣтнія развлеченія страдаютъ большимъ недостаткомъ, уничтожающимъ ихъ полезное значеніе. Такъ, на открытой сценѣ въ большинствѣ случаевъ народу предлагались водевили, куплеты и пѣсни, куплетисты-балалаечники чередовались съ престидижитаторами и «профессорами бѣлой и черной магіи». Изъ игръ для народа устраивалось, напримѣръ, хожденіе въ мѣшкахъ на призъ. Для нашего фабричнаго люда всѣ эти представленія уже стары, все это онъ видѣлъ въ пріѣзжихъ балаганахъ, поэтому такія гулянія онъ посѣщаетъ не часто. Впрочемъ, на открытой сценѣ иногда ставятся пьесы съ полезнымъ содержаніемъ. Спектакли въ закрытомъ театрѣ по цѣнамъ мало доступны народу. Въ будни спектакль идетъ почему то по возвышеннымъ цѣнамъ, такъ что рабочему люду приходится отказывать себѣ въ посѣщеніи театра.

«Вотъ и все, что имѣется у насъ въ области разумныхъ развлеченій и образовательныхъ средствъ для народа. Очень немного. Этимъ можно объяснить многія явленія въ жизни нашего рабочаго. Кулачные бои здѣсь процвѣтаютъ. Разнаго рода жестокости и кулачная расправа въ большомъ ходу. У насъ ежегодно великимъ постомъ устраивается торжественная стрѣльба по птицамъ. Заранѣе наловленныя галки, голуби, вороны выпускаются изъ ящиковъ, и

40—50 стрѣлковъ безжалостно разстрѣливаютъ ихъ, а раненыхъ добиваютъ о приклады. Выбираются судьи, выдаются призы. Такого рода дикость сопровождается нѣкоторымъ подобіемъ «тотошки» въ толпѣ рабочихъ, густымъ кольцомъ окружающихъ стрѣльбище. Сюда же нужно отнести и пьянство, доходящее до грандіозныхъ размѣровъ. Въ 1902 году выпито въ Орѣхово-Зуевѣ казенной водки 40 тыс. ведеръ. Если считать, что въ селѣ 50 тысячъ жителей обоего пола (въ дѣйствительности нѣсколько больше), то на каждаго жителя приходится немного менѣе ведра. Взрослыхъ мужчинъ нужно считать 35 проц. общаго количества; на каждаго взрослаго человѣка выпитаго вина приходится 2,3 ведра. Всѣ эти печальныя явленія настойчиво требуютъ поднятія умственной и нравственной жизни нашей рабочей массы...»

Но идти къ этому надо совершенно инымъ путемъ и притомъ діаметрально противоположнымъ. Вообще не везетъ нашимъ культуртрегерамъ въ фабричныхъ районахъ, что, конечно, объясняется отсутствіемъ у иниціаторовъ изъ фабричнаго начальства серьезныхъ взглядовъ на это дѣло. Какъ на характерный примѣръ такого рода дѣятельности, можно указать, напримѣръ, Кулебакскій заводъ въ Нижегородской губерніи, въ которомъ наблюдаются слѣдующіе факты.

Два молодыхъ, вполнѣ приличныхъ мастеровыхъ, которые очень часто принимали участіе, какъ исполнители, въ любительскихъ спектакляхъ, а потому считали себя вправѣ разсчитывать на нѣкоторое вниманіе со стороны другихъ, вздумали подать директору завода прошеніе о дозволеніи имъ посѣщать «читальню» (клубъ) служащихъ № 2, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что имъ желательно было бы съ нѣкоторой пользой или хотя безъ вреда для себя использовать свободное отъ работы время. Директоръ не рѣшился собственною властью уважить просьбу мастеровыхъ, а передалъ этотъ вопросъ на обсужденіе членовъ читальни. И чтобы вы думали? Цѣлый листъ покрылся подписями служащихъ съ просьбой къ директору, что имъ совершенно нежелательно присутствіе въ ихъ кружкѣ мастеровыхъ, не только просителей, но мастеровыхъ *вообще*.

Откуда же, спрашивается, могли у здѣшнихъ служащихъ явиться такія уродливыя отношенія къ мастеровымъ? На это отвѣтить очень трудно. Если хорошенько поразсмыслить, то служащихъ обвинять за это, пожалуй, особенно нельзя. Ужъ очень здѣсь развито дѣленіе на овецъ и козлищъ, такъ что заразиться доморощеннымъ аристократизмомъ очень не трудно, и за примѣрами барской спѣси ходить далеко не приходится, благо эта спѣсь такъ и лѣзетъ всѣмъ въ глаза.

Здѣсь все занумеровано, до ватеръ-клозетовъ въ конторѣ включительно. Есть читальня № 1-й и 2-й, есть барская улица и остальные Кулебаки, есть баня исключительно для служащихъ и черная для мастеровыхъ, есть особыя мѣста для гуляній избранной публики и т. д. и т. д.

На что, кажется, долженъ быть далекъ отъ всякихъ нумерацій народный домъ, но и въ него проникъ духъ барства. Тамъ есть дверь, въ которую, какъ гласитъ объявленіе, могутъ входить только избранные, есть особая комната

для раздѣванія избранныхъ и комната для ихъ прогулокъ въ антрактахъ. А то вотъ еще особенно наглядный примѣръ дѣленія людей на «господъ» и «простой народъ». При входѣ въ паркъ, гдѣ иногда по праздникамъ играетъ музыка, вывѣшено такое объявленіе: «кататься на качеляхъ могутъ только дѣти служащихъ Рейнеровской улицы». Ну, а если вмѣстѣ со взрослымъ придетъ на гулянье въ паркъ ребенокъ не Рейнеровской улицы, тогда какъ быть? Да ужъ само собой разумѣется, онъ только съ завистью можетъ смотрѣть и любоваться, какъ катаются болѣе счастливые сверстники, обитатели Рейнеровской улицы. И можно навѣрное предположить, что врядъ ли у этого ребенка явятся добрыя чувства какъ къ своимъ болѣе счастливымъ сверстникамъ, такъ и къ тѣмъ, кто заводитъ подобные порядки.

Послѣ всего этого, кажется, излишне распространяться о томъ, почему кружокъ служащихъ читальни № 2-й отказалъ въ пріемѣ въ свою среду двоимъ мастеровымъ.

Студенческое общество. Сообщаемъ со словъ «Р. Вѣд.» свѣдѣнія о московскомъ студенческомъ медицинскомъ обществѣ, имѣющемъ цѣлью «саморазвитіе и единеніе студентовъ между собой и преподавательскимъ персоналомъ на почвѣ научной и практической медицины и соприкасающихся съ медициной наукъ».

Для достиженія указанной цѣли, общество имѣетъ право, согласно уставу, открывать по мѣрѣ надобности въ своемъ составѣ секціи по спеціальностямъ, устраивать публичныя лекціи, вечера, концерты, спектакли не только въ помѣщеніи общества, но и внѣ его, на общемъ основаніи, печатать свои труды въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ и періодическихъ изданій, съ разрѣшенія университета, имѣть библіотеку и читальню, организовывать научно-образовательныя экскурсіи, наконецъ, оказывать матеріальную поддержку своимъ членамъ при научныхъ занятіяхъ. Въ открытыя засѣданія могутъ быть допускаемы въ качествѣ гостей врачи по запискамъ членовъ и съ особаго каждый разъ разрѣшенія предсѣдателя. Общество состоитъ изъ почетныхъ и дѣйстви тельныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ. Почетными членами могутъ быть лица, оказавшія важныя заслуги обществу или извѣстныя своими выдающимися научными трудами; избираются они большинствомъ двухъ третей голосовъ общаго собранія по совмѣстному предложенію бюро и $^1/_4$ дѣйствительныхъ членовъ и пользуются правомъ совѣщательнаго голоса. Дѣйствительными членами могутъ быть студенты всѣхъ факультетовъ, профессора, ассистенты, приватъ-доценты, лаборанты и другія лица, занимающіяся научно-преподавательскою дѣятельностью при университетѣ. Въ званіи членовъ-сотрудниковъ съ правомъ совѣщательнаго голоса могутъ считаться «лица, выбывшія изъ числа дѣйствительныхъ членовъ за окончаніемъ ими курса университета». Общество считается открытымъ въ составѣ учредителей и приглашенныхъ ими дѣйствительныхъ членовъ, обязанныхъ на первомъ же собраніи избрать должностныхъ лицъ. Дальнѣйшее избраніе въ дѣйствительные члены возможно только по рекомендаціи двухъ членовъ, при отсутствіи единогласнаго протеста бюро, про-

стымъ большинствомъ общаго собранія. Важнѣйшія дѣла подлежатъ вѣдѣнію общаго собранія, которое, между прочимъ, избираетъ ревизіонную коммиссію, состоящую изъ девяти членовъ и трехъ кандидатовъ, причемъ одинъ членъ и одинъ кандидатъ должны быть непремѣнно изъ преподавателей. Предварительное разсмотрѣніе и допущеніе заявленій членовъ и ихъ докладовъ къ заслушанію въ общемъ собраніи и завѣдываніе печатаніемъ трудовъ общества лежитъ на обязанности бюро, состоящаго изъ должностныхъ лицъ (предсѣдатели и ихъ товарищи какъ всего общества, такъ и секцій, два секретаря, казначей и библіотекарь), изъ секціонныхъ представителей отъ секціи по одному и не менѣе, чѣмъ изъ пяти дѣйствительныхъ членовъ-студентовъ. Всѣ предсѣдатели и ихъ товарищи избираются изъ преподавательскаго персонала. Членскій взносъ опредѣленъ въ 50 к. въ семестръ. Очередныя засѣданія происходятъ «не болѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ», а экстренныя собранія по требованію бюро или заявленію 40 членовъ.

Ходатайство приказчиковъ и кондукторовъ. Нижегородскими приказчиками и нѣкоторыми торговцами подается въ городскую думу заявленіе слѣдующаго содержанія:

«Мы, торговцы и приказчики гор. Нижняго-Новгорода, настоящимъ нашимъ заявленіемъ рѣшаемся обратить вниманіе нижегородской городской думы на тяжелое положеніе всѣхъ насъ, занятыхъ торговлей во всѣхъ нижегородскихъ лавкахъ и магазинахъ, и просить ее, по примѣру черниговской думы, помочь намъ. Условія торговли, того занятія, которымъ мы добываемъ себѣ пропитаніе, настолько тяжелы въ г. Нижнемъ-Новгородѣ, что всякому, кто знаетъ поближе нашу жизнь, станетъ непонятно, какъ это мы могли до сихъ поръ терпѣть ее. То зло, отъ котораго мы страдаемъ,—чрезмѣрно большая продолжительность нашей суточной работы.

«Большинство торговыхъ заведеній гор. Нижняго-Новгорода открывается въ 6 час. утра, а закрывается въ 8—9, очень часто въ 11 и 12 час. ночи. Торговля, слѣдовательно, продолжается вездѣ отъ 14 до 16 часовъ, доходя до 17 и 18 час. въ сутки. Если къ этому присоединить время, необходимое для прохода въ лавку и обратно, время на утренній туалетъ, чай, а вечеромъ ужинъ, то спать приказчику, несущему поистинѣ каторжный трудъ, совсѣмъ уже почти нѣтъ времени. Это означаетъ, что три четверти своей жизни приказчикъ прикованъ къ лавкѣ, обычная обстановка которой, лѣтомъ—духота, осенью—сырость и сквозняки, а зимой—морозъ. Нечего, конечно, и говорить объ удовлетвореніи духовныхъ потребностей, о развлеченіяхъ, для которыхъ у приказчиковъ не остается и одного часа времени. Онъ не имѣетъ времени даже для отдохновенія въ семейномъ кругу. По цѣлымъ недѣлямъ дѣтей приходится видѣть не иначе, какъ во время ихъ сна. Ко всему этому онъ лишенъ права отдохнуть и въ праздникъ, что дано даже лишенному всѣхъ правъ каторжному. Жизнь приказчика вообще полна лишеній, а продолжительная безостановочная работа непосильна и подрываетъ здоровье, заставляя его часто

безвременно сходить въ могилу. Такой дорогой цѣной принужденъ приказчикъ добывать себѣ пропитаніе. Между тѣмъ непомѣрное удлиненіе суточной торговли совершенно не требуется для успѣха торговаго дѣла. Оно не приноситъ ничего, кромѣ вреда для торговцевъ, равно какъ и для приказчиковъ: оно вызывается только взаимной конкуренціей торговцевъ между собою и легко устранимо обязательнымъ постановленіемъ, которое предписало бы закрывать и открывать лавки въ одни и тѣ же одинаковые часы. Сами хозяева торговыхъ заведеній хорошо понимаютъ, что непомѣрно долгій трудъ и непомѣрно короткій сонъ приказчиковъ изнуряютъ ихъ до послѣдней степени и тѣмъ заставляютъ ихъ только ненавидѣть дѣло торговли, торговать разсѣянно, невнимательно, что для хозяина является лишь ущербомъ. Мы убѣждены также, что сокращеніе торговли путемъ обязательныхъ постановленій не принесетъ никакого ущерба и для публики, потому что почти вся торговля ведется днемъ, а по вечерамъ заходятъ лишь рѣдкіе покупатели. Вечерняя и ночная торговля, такимъ образомъ, даетъ покупателямъ лишь ничтожныя удобства. Они легко могли бы привыкнуть къ опредѣленнымъ, публично объявленнымъ и всѣмъ хорошо извѣстнымъ часамъ торговли. Мы хотѣли бы, чтобы, поступаясь этими ничтожными удобствами, покупатели привыкли смотрѣть и на насъ, приказчиковъ, не какъ на бездушныя машины, а какъ тоже на людей, желающихъ, какъ и они, имѣть сонъ, имѣть отдыхъ, видѣть своихъ дѣтей, видѣть въ жизни не только трудъ, но хоть и немного радостей. Это не прихоть. Каждый человѣкъ въ правѣ желать себѣ условій человѣческой жизни.

«Высказывая такія пожеланія, мы просимъ лишь того, что уже имѣютъ фабричные работники и ремесленники. Закономъ 2-го іюня 1897 года рабочій день опредѣленъ въ 11 съ половиною часовъ; ремесленнымъ уставомъ рабочій день опредѣленъ въ 12 часовъ съ вычетами на обѣдъ и завтракъ. Сознавъ, что не можетъ и не должно далѣе продолжаться наше теперешнее положеніе, мы пришли къ убѣжденію, что необходимо уменьшеніе до такого же предѣла и нашего рабочаго дня.

«Твердо увѣренные, что гг. гласные нижегородской городской думы взглянутъ на нашу просьбу не только съ токи зрѣнія удобствъ покупателей, а и войдутъ въ наше положеніе; и будучи обезпеченными, не зная, можетъ быть нужды, сами представятъ себѣ всѣ лишенія бьющагося изъ-за пропитанія приказчика; твердо увѣренные, наконецъ, въ правотѣ нашего дѣла, мы рѣшаемся ходатайствовать передъ городской думой объ изданіи обязательныхъ постановленій для г. Н.-Новгорода, о времени производства торговли, сходныхъ съ ст. 430 и 431 ремесленнаго устава, касающимися производства ремесленной работы, то-есть:

«1) чтобы рабочихъ дней въ недѣлю было 6, въ воскресенье же и праздничные дни чтобы торговля не производилась;

«2) чтобы время производства торговли было ограничено 12-ти часами, включая сюда полчаса на завтракъ и полтора часа на обѣдъ и отдыхъ;

«3) чтобы въ каждомъ торговомъ помѣщеніи было вывѣшено расписаніе часовъ открытія, закрытія и обѣда для контроля членами управы».

— Въ Ярославлѣ, — по словамъ «Курьера», — тяжело живется служащимъ трамвая:

«Положеніе кондукторовъ и вагоновожатыхъ трамвая поистинѣ печальное: они заняты бываютъ буквально цѣлый день—съ 6—6½ час. утра до 9—10 вечера съ короткимъ перерывомъ на обѣдъ, и это за 90 к—1 р. въ сутки! При этомъ, такъ какъ трамвай не подчиненъ надзору фабричной инспекціи, отношенія къ служащимъ со стороны администраціи трамвая заставляютъ желать очень многаго.

«Терпѣли, терпѣли, кондуктора, да и надумались обратиться къ начальству за содѣйствіемъ къ улучшенію ихъ положенія. Они подали въ мѣстное фабричное присутствіе прошеніе о распространеніи на нихъ ст. 48—60 и 128—155 уст. о промышл., т.-е. о подчиненіи трамвая надзору фабричной инспекціи. Но присутствіе не нашло возможнымъ удовлетворить это ходатайство, какъ было объявлено подавшимъ прошеніе, потому что они служатъ «по залогу». Теперь служащіе думаютъ подать прошеніе губернатору, имѣя въ виду распоряженіе петербургскаго градоначальника относительно улучшенія положенія лицъ, работающихъ на тамошнихъ конкахъ, но фабричное присутствіе не выдаетъ копіи съ состоявшагося постановленія. Трудно сказать, удастся ли служащимъ достигнуть чего-либо, но администрація трамвая пока не теряетъ времени: она уже уволила со службы, безъ всякой причины, одного кондуктора, подписавшаго прошеніе, уволила даже безъ предупрежденія о разсчетѣ за двѣ недѣли, какъ того требуетъ законъ».

За мѣсяцъ. 1903 года, октября 10-го. «Нашему статсъ-секретарю, дѣйствительному статскому совѣтнику Безобразову—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ особаго комитета Дальняго Востока, съ оставленіемъ его статсъ-секретаремъ».

— 4-го октября въ канцеляріи уфимскаго суда вмѣстѣ съ присяжными повѣренными, готовившимися къ защитамъ по уголовнымъ дѣламъ, находился и помощникъ присяжнаго повѣреннаго Николай Николаевичъ Покровскій. Около двухъ часовъ дня онъ попросилъ свиданія съ предсѣдателемъ суда и былъ принятъ имъ въ кабинетѣ рядомъ съ канцеляріей. Не прошло двухъ минутъ, какъ раздались два выстрѣла. Тотчасъ же въ дверяхъ кабинета показался г. Песлякъ и упалъ не произнеся ни слова. Черезъ открытую дверь кабинета былъ видѣнъ лежащій на полу Покровскій съ зіяющей раной на головѣ.— Покровскій былъ сосланъ административнымъ порядкомъ въ Мензелинскъ и только около года назадъ ему разрѣшено жить въ Уфѣ. Весной этого года онъ подалъ въ судъ прошеніе о выдачѣ ему свидѣтельства на веденіе дѣлъ; 3-го октября общее собраніе отдѣленій суда разрѣшило выдать свидѣтельство, но, въ виду того, что Покровскій административно сосланъ, постановило запросить губернатора о неимѣніи съ его стороны препятствій. Покровскому около 30 лѣтъ, онъ женатъ, имѣетъ двухъ дѣтей и почти не имѣлъ никакихъ средствъ къ существованію. Мужъ и жена жили уроками. Какъ человѣкъ, Покровскій былъ въ высшей степени скромный, тихій, неразговорчивый, безъ запроса не ска-

жетъ слова; поэтому трудно было допустить, что онъ способенъ на такой поступокъ.

— 14-го октября, въ четыре часа дня, когда главноначальствующій на Кавказѣ генералъ-адъютантъ князь Голицынъ съ супругой возвращался съ обычной загородной прогулки близъ Ботаническаго сада въ Тифлисѣ, въ безлюдной мѣстности, на экипажъ напали три злоумышленника-туземца. Одинъ сталъ наносить князю кинжаломъ удары по головѣ, двое старались вытащить его изъ экипажа. Сидѣвшій на козлахъ казакъ, соскочивъ на землю, вступилъ въ борьбу съ нападавшими. Въ это время экипажъ успѣлъ уѣхать. Преступники бѣжали по глубокому оврагу, поросшему кустарникомъ. За ними пустились въ погоню городовой и частныя лица. Вскорѣ подоспѣли изъ города конные стражники и конвойные казаки. Преступники, перебѣгая отъ куста къ кусту, затѣяли перестрѣлку, во время которой одинъ былъ убитъ, другой раненъ смертельно, третій—тяжело. Начальнику края, оказалось, нанесены двѣ кинжальныя раны въ голову, черезъ фуражку, и одна въ лицо. Поранена лѣвая рука. Черепныя кости не повреждены. Раны не опасны.

— Преданіе суду земской управы. Уфимская губернская земская управа, по сообщенію «С.-Пб. Вѣд»., предана суду по обвиненію въ томъ, что она, пользуясь, будто бы, подложнымъ документомъ, докладомъ управы XXVI очередному губернскому собранію объ учрежденіи при уѣздныхъ управахъ центральныхъ библіотекъ, съ намѣреніемъ скрыла истину въ докладѣ своемъ объ этихъ библіотекахъ XXVII очередному собранію, и въ жалобѣ, адресованной на имя правительствующаго сената, въ каковомъ дѣяніи губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе нашло преступленіе предусмотрѣнное 362 ст. уложенія о наказаніяхъ. Этому предшествовала ревизія дѣлъ губернской земской управы, производившаяся по распоряженію губернатора, членомъ присутствія Абрютинымъ и его дѣлопроизводителемъ Селяниновымъ.

Возникло же дѣло о библіотекахъ по слѣдующему поводу, о которомъ въ свое время писалось въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1901 и 1902 годъ) и въ другихъ газетахъ. Предсѣдатель уфимской уѣздной управы г. Гиневскій, получивъ изъ губернской управы для центральной библіотеки своей управы книги и усмотрѣвъ въ числѣ ихъ такія, которыя хотя и дозволены цензурой, но не могутъ быть допущены въ общественныхъ библіотекахъ, сообщилъ объ этомъ губернатору.

Странно одно, если только это правда: говорятъ, что на этотъ разъ, когда рѣшалось въ присутствіи такое важное дѣло, въ засѣданіи въ числѣ присутствовавшихъ членовъ не было ни губернскаго предводителя дворянства, ни прокурора.

— «Кавказъ» сообщаетъ, что 10-го сентября въ оградѣ елисаветпольской тюрьмы были повѣшены четыре преступника татарина: Гассанъ Али Мамедъ Садыхъ оглы, Кули Аббасъ Кули оглы, Оруджъ Али Канъ Таги оглы и Пошть Мамедъ Оджакъ Кули оглы, осужденные въ апрѣлѣ мѣсяцѣ настоящаго года въ выѣздной сессіи кавказскаго военно-окружного суда по дѣлу объ убійствѣ изъ засады на мѣстности Хачибулахъ чиновъ закавказской полицейской

стражи. Передъ началомъ казни преступниковъ напутствовалъ мулла. Затѣмъ былъ прочитанъ приговоръ. Осужденные выслушали его спокойно, такъ что не приходилось прибѣгать къ барабанному бою. Прошло 15 минутъ, и врачъ Топуридзе констатировалъ у всѣхъ повѣшенныхъ смерть... Трупы были отданы въ распоряженіе полицеймейстера Евстафьева для преданія ихъ землѣ.

— По словамъ «Тифлисскаго Листка», 4 сентября начальникъ Елисаветпольской губерніи, генералъ-майоръ Лутцау, издалъ слѣдующій циркуляръ на имя уѣздныхъ начальниковъ и полицеймейстера:

«Изъ представляемыхъ мнѣ гг. начальниками полиціи вѣдомостей объ отобранномъ у населеніи оружіи, равно какъ и изъ донесеній объ обыскахъ воспрещеннаго къ ношенію оружія—я усматриваю, что чинами полиціи совсѣмъ не производится обыска оружія, или же производятся таковые чрезвычайно рѣдко и лишь по особымъ требованіямъ губернской администраціи. Проявляемая такимъ образомъ бездѣятельность полиціи въ отношеніи исполненія этой важной своей функціи и видимое нежеланіе исполнять мои категорическія требованія, выраженныя въ циркулярныхъ предложеніяхъ 27 февраля и 25 апрѣля 1901 года за №№ 855 и 1510 и 17 іюня прошлаго года за № 2833, вынуждаютъ меня вновь напомнить гг. начальникамъ полиціи что вопросъ объ отобраніи оружія я считаю однимъ изъ важныхъ въ ряду другихъ мѣропріятій по отношенію къ достиженію полнаго спокойствія въ губерніи и охранѣ личной и имущественной безопасности». Вслѣдствіе вышеизложеннаго г. губернаторъ предлагаетъ «гг. уѣзднымъ начальникамъ и полицеймейстеру вмѣнить въ обязанность полицейскимъ приставамъ наивозможно чаще совершать у населенія обыски оружія и за неукоснительнымъ исполненіемъ настоящаго требованія его имѣть самое бдительное наблюденіе подъ опасеніемъ своей личной отвѣтственности службою, равнымъ образомъ какъ той же строгой отвѣтственности мною будутъ подвергаемы и всѣ прочіе чины полиціи, бездѣятельность коихъ въ этомъ отношеніи будетъ замѣчена».

— Въ «Кавказѣ» сообщается, что министръ внутреннихъ дѣлъ телеграммою отъ 15-го сентября увѣдомилъ главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, что города Карсъ, Елисаветполь, Шуша и Нуха объявлены на положеніи усиленной охраны.

— Въ «Вил. Вѣст.» напечатано: «Пинскъ» 13 сентября. Когда здѣсь получились газеты съ перепечаткою изъ «Правительств. Вѣстника» о загадочномъ событіи, случившемся 30 августа с. г., а именно, о нападеніи, совершенномъ, несожиданно и безъ видимой причины, тремя евреями на христіанскаго 11-лѣтняго мальчика, избитаго ими до потери сознанія и т. д., возбужденіе умовъ было необычайное какъ въ еврейскомъ, такъ и въ христіанскомъ обществѣ. До появленія этого извѣстія въ газетахъ здѣсь никто объ этомъ даже не слыхалъ, а мѣстной полиціи даже ничего не было извѣстно о подобномъ происшествіи. Оказывается, что ничего подобнаго или сколько-нибудь похожаго не случилось. Въ дѣйствительности случилось 30 августа вотъ что: христіанскій мальчикъ Іосифъ Кисилевъ подрался на лодкѣ или на берегу р. Пины со своимъ пріятелемъ, еврейскимъ мальчикомъ Померанцемъ, при чемъ Кисилевъ

получилъ рану въ руку острымъ камнемъ или ножомъ. Объ этомъ случаѣ мать Кисилева получила на другой день отъ врача еврея свидѣтельство, а такъ какъ при осмотрѣ раны врачомъ она оказалось глубокою, то мать обратилась къ мѣстному слѣдователю для привлеченія мальчика Померанца къ отвѣтственности. Теперь, послѣ 10 дней, рука у мальчика Кисилева залечилась, и онъ снова гуляетъ съ своимъ товарищемъ, мальчикомъ Померанцемъ, съ которымъ, видно, помирился.

«Старшій братъ Іосифа Кисилева и попечитель его, Константинъ Кисилевъ,— вчера послалъ телеграмму въ редакцію «Правит. Вѣстника», въ которой онъ опровергаетъ сообщеніе «Правительственнаго Вѣстника» и возстановляетъ истину въ вышеизложенномъ смыслѣ».

— «Южное Обозрѣніе» приводитъ слѣдующее постановленіе бессарабскаго губернатора:

«Разсмотрѣвъ рапортъ кишиневскаго полицеймейстера отъ 23 сентября съ протоколомъ произведеннаго приставомъ 1-го уч. гор. Кишинева дознанія о происшедшихъ вечеромъ 20 сентября по Александровской улицѣ безпорядкахъ, и. д. бессарабскаго губернатора нашелъ: «показаніями двухъ офицеровъ войскъ кишиневскаго гарнизона, лично мнѣ данными, установлено, что 20 сентября, въ 9 часовъ вечера, часть гулявшей въ большомъ числѣ по Александровской улицѣ публика собралась по ничтожному новоду около этихъ офицеровъ, препятствуя свободному проходу ихъ, и на предложеніе дать дорогу отвѣчала криками и свистками, привлекшими постороннихъ лицъ, результатомъ чего явилось скопленіе на улицѣ толпы въ нѣсколько сотъ человѣкъ. По заявленію тѣхъ же офицеровъ, а также прочихъ свидѣтелей, показанія которыхъ занесены въ полицейскій протоколъ, выяснено, что главными нарушителями порядка въ настоящемъ сборищѣ явились арестованные полиціей: купеческіе сыновья Пинхусъ Нухимовъ Пернеръ, Файликъ Нухимовъ Пернеръ и мѣщане: Мордко Боруховъ Этлисъ, Эль Лейзеровъ Оницканскій, Эль Мойшевъ Мунашевъ-Ваксманъ и Шмуль Боруховъ Факъ, причемъ первые трое вели себя особенно вызывающе, подстрекая толпу криками и оказавъ сопротивленіе чинамъ полиціи, немедленно явившимся для водворенія порядка».

«Признавая, въ виду изложеннаго, поименованныхъ 6 лицъ виновными въ нарушеніи обязательныхъ постановленій, изданныхъ 8 мая сего года на основаніи 15 и 16 ст. положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (прилож. 1 къ ст. 1 уст. о пред. и прес. прест. т. XIV св. зак. изд. 1890 г.) и руководствуясь 15 ст. приведеннаго положенія, постановилъ: подвергнуть аресту при кишиневскомъ городскомъ полицейскомъ управленіи купеческихъ сыновей Пинхуса Нухимова Пернеръ, Фейлика Нухимова Пернера и кишиневскаго мѣщанина Мордко Борухова Этлиса на два мѣсяца, а мѣщанъ: Эль Лейзерова Оницканскаго, Эль Мойшева Мунашева-Ваксмана и Шмуля Борохова Факъ—на одинъ мѣсяцъ каждаго».

— Распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ зубо-врачебная школа зубного врача Я. Л. Джемса-Леви закрыта въ Варшавѣ. Въ указанной школѣ ко времени закрытія состояло 300 слушателей, преимущественно евреевъ. Слушателямъ

V семестра, въ числѣ 40 человѣкъ, въ виду заканчиваемаго ими всего школьнаго курса разрѣшено перевестись въ зубо-врачебную школу Шиманскаго; слушатели же остальныхъ четырехъ семестровъ обратились съ прошеніями въ кіевскую, одесскую и другія зубо-врачебныя школы о принятіи ихъ («Варш. Дн.»).

— «Право» сообщаетъ, что 21 августа въ харьковской судебной палатѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей, разбиралось дѣло о Чернышевѣ, Рудневѣ и Земинѣ по обвиненію ихъ въ распространеніи прокламацій. Обвинялъ Лузгинъ; защищали присяжные повѣренные: Вальцъ, Маклаковъ и Шидловскій. Чернышевъ и Рудневъ приговорены къ полутора-годичному заключенію въ крѣпости безъ ограниченія правъ, Зиминъ—на три года въ арестантскія роты.

— Въ «Финл. Газ.» напечатано слѣдующее обязательное постановленіе вазасскаго губернатора:

1) Въ городахъ и селеніяхъ вазасской губерніи воспрещаются сходбища и собранія народа на улицахъ, площадяхъ, садахъ, скверахъ и иныхъ общественныхъ мѣстахъ для совѣщанія и дѣйствій, противныхъ общественному порядку и спокойствію или съ цѣлью производства всякаго рода противоправительственныхъ демонстрацій. 2) Вышеозначенныя сходки и собранія, а равно сторонняя публика, явившаяся на мѣсто сходбища и собранія, хотя бы безъ всякой преступной цѣли, обязаны разойтись по первому требованію полиціи. 3) Воспрещается въ мѣстахъ, указанныхъ въ пунктѣ 1, пѣніе всякаго рода пѣсенъ, псалмовъ, произнесеніе рѣчей, привѣтствій и т. п., если на это не получено письменнаго разрѣшенія подлежащей власти. 4) Виновные въ нарушеніи сего постановленія подвергаются денежному штрафу до 400 марокъ съ замѣною его, въ случаѣ несостоятельности осужденнаго къ уплатѣ онаго, тюремнымъ заключеніемъ, по правиламъ, изложеннымъ въ § 5 гл. 2 уголовнаго уложенія. 5) Дѣла о нарушеніи сего постановленія изъемлются изъ вѣдомства суда и подлежатъ разсмотрѣнію губернатора въ административномъ порядкѣ. 6) Настоящее постановленіе вступаетъ въ силу со дня его объявленія во всеобщее свѣдѣніе.

— Обязательныя постановленія выборгскаго губернатора. Въ «Финл. Газ.» напечатаны слѣдующія два обязательныя постановленія, изданныя вр. и. д. выборгскаго губернатора:

«Симъ объявляется, что дѣла о нарушеніяхъ дѣйствующихъ постановленій о публичныхъ собраніяхъ или публичныхъ увеселеніяхъ, а равно объ отступленіяхъ отъ утвержденныхъ подлежащими властями программъ увеселеній или данныхъ при выдачѣ разрѣшенія предписаній, согласно Высочайшаго постановленія отъ 20-го марта (2-го апрѣля) 1903 г. объ охраненіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія въ Финляндіи, изъемлются изъ вѣдѣнія суда и разрѣшаются въ административномъ порядкѣ, причемъ виновные будутъ подвергаемы штрафу въ размѣрѣ до 400 марокъ съ замѣной, въ случаѣ несостоятельности, тюремнымъ заключеніемъ по правиламъ, изложеннымъ въ § 5 главы 2 уголовнаго уложенія.

«Настоящее постановленіе распространяется на всю Выборгскую губернію».

Второе постановленіе гласитъ:

«Дѣла о нарушеніи настоящаго постановленія, на основаніи ст. 4 Высочайшаго постановленія о мѣрахъ къ охраненію въ Финляндіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, изъемлются изъ вѣдѣнія суда.

«1) Въ высокоторжественные царскіе дни всѣ находящіяся въ городахъ казенныя, городскія, общинныя и общественныя зданія, а равно такія, въ которыхъ помѣщаются казенныя, городскія, общинныя или общественныя учрежденія, должны быть приличествующимъ образомъ украшаемы русскими національными флагами.

«2) Воспрещается въ городахъ и въ уѣздѣ при устройствѣ какихъ-либо публичныхъ собраній, безъ особаго каждый разъ разрѣшенія губернатора, вывѣшивать или выставлять иные флаги, кромѣ національныхъ русскихъ.

«За нарушеніе настоящаго постановленія подлежащія отвѣтственныя лица будутъ подвергаемы штрафу до 400 марокъ съ замѣной, въ случаѣ несостоятельности, тюремнымъ заключеніемъ по правиламъ, изложеннымъ въ § 5 гл. 2 уголовнаго уложенія.

«Настоящее постановленіе вступаетъ въ дѣйствіе со дня опубликованія въ оффиціальныхъ газетахъ».

— Какъ сообщаетъ «Финл. Газ.»,—по распоряженію главнаго управленія по дѣламъ печати въ Финляндіи дано предостереженіе выходящей въ гор. Гельсингфорсѣ газетѣ «Hufvudstadsbladet» за помѣщенную въ № 264 отъ 2-го сего октября замѣтку о выходящемъ въ королевствѣ Швеціи журналѣ «Nordisk revy».

— На основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ газеты «Русское Слово».

ВСПОМОГАТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО КУПЕЧЕСКИХЪ ПРИКАЗЧИКОВЪ ВЪ МОСКВѢ.

„Союзъ есть сила“.

Въ текущемъ году исполнилось 40 лѣтъ со дня учрежденія «Вспомогательнаго общества купеческихъ приказчиковъ въ Москвѣ», являющагося однимъ изъ солидныхъ кооперативныхъ обществъ въ Россіи.

Общество появилось на свѣтъ въ «эпоху великихъ реформъ» подъ вліяніемъ всеобщаго подъема духа, пережитаго русскимъ обществомъ, пустило глубокіе корни и продолжаетъ неуклонно развиваться, идя, по мѣрѣ возможности, навстрѣчу требованіямъ, выдвигаемымъ потребностями жизни. Чтобы охарактеризовать значеніе общества для служащихъ торговопромышленныхъ предпріятій, я позволю себѣ привести слова одного изъ членовъ общества: «промышленность и торговля подвержены всевозможнымъ и мельчайшимъ влія-

ніямъ, не говоря уже о такихъ крупныхъ явленіяхъ, какъ неурожай, война, моръ...

«Тѣмъ большимъ случайностямъ жизни и капризамъ судьбы подверженъ человѣкъ, находящійся въ прямой зависимости не только отъ общаго хода торговыхъ дѣлъ, но и отъ состоянія дѣлъ отдѣльнаго коммерсанта, не говоря уже о затрудненіяхъ, происходящихъ отъ вліянія спеціализаціи труда и ограниченности спроса на него.

«Мало того, расположеніе и нерасположеніе хозяина, а иногда и его приближенныхъ, имѣетъ также большое значеніе для служащаго» *).

Учрежденіе общества, явившись актомъ самосознанія торгово-промышленныхъ служащихъ, не могло не вызвать враждебнаго отношенія со стороны представителей «темнаго царства», и въ первые годы своего существованія общество пережило не мало тяжелыхъ минутъ.

Вотъ что пишетъ по этому поводу только что цитированный мною авторъ: «Учрежденіе взаимно-воспомогательныхъ обществъ среди русскихъ и особенно среди москвичей было въ дореформенное время явленіемъ рѣдкимъ, и въ началѣ 60-хъ годовъ лишь постепенно освоивались съ открытіемъ ихъ, а изъ среды купечества многіе еще смотрѣли на нихъ съ предубѣжденіемъ, какъ на какую-то недобрую затѣю, принесенную съ Запада. Было нѣсколько случаевъ, что хозяева, узнавъ о поступленіи своихъ служащихъ въ члены нашего общества, не задумывались отказывать имъ отъ должности. Служащіе же въ коммерческомъ быту боялись вступать въ члены общества, опасаясь перемѣны отношеній къ себѣ хозяевъ, да и не знали еще навѣрное, какую въ дѣйствительности помощь они могутъ получить отъ него» **).

Скоро, однако, служащіе поняли значеніе общества, и число членовъ годъ тъ года стало увеличиваться: въ 1864 году было 184 чел., въ 1874 г. 1.313 чел., въ 1884 году—1.431 чел., а на 1 января 1903 года состоитъ 3.659 человѣкъ.

Нашлись гуманные люди и среди хозяевъ, сознавшіе необходимость улучшить бытъ своихъ ближайшихъ помощниковъ, что не замедлило сказаться въ приливѣ пожертвованій на учрежденія Общества.

По уставу общества членами могутъ быть: приказчики, бухгалтеры, кассиры, конторщики, техники и другія лица, не состоящія на степени рабочаго или ремесленника, безъ различія вѣроисповѣданія и подданства.

Дѣйствительные члены вносятъ при вступленіи 25 руб. единовременно и 12 руб. ежегодно.

Дѣлами общества завѣдуютъ: 1) общее собраніе, 2) частное собраніе и 3) правленіе.

Общія собранія созываются 6, 7 разъ въ годъ.

Въ компетенцію общаго собранія входятъ выборы членовъ правленія,

---

*) Д. И. Филатовъ. „Очеркъ 25-ти-лѣтняго существованія вспомогательнаго общества купеческихъ приказчиковъ“, Москва, 1888 г.

**) Д. И. Филатовъ, „Очеркъ“.

членовъ частнаго собранія, ревизіонной и другихъ коммиссій, разрѣшеніе вопросовъ, не предоставленныхъ уставомъ вѣдѣнію частнаго собранія и правленія, а также и разсмотрѣніе жалобъ членовъ общества на дѣйствія правленія и частнаго собранія. Частное собраніе состоящее изъ 50-ти человѣкъ, избираемыхъ на годъ общимъ собраніемъ, завѣдуетъ пріемомъ въ члены общества, выдачей пособій и другими текущими дѣлами.

Правленіе общества состоитъ изъ 7-ми членовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ на 2 года, управляетъ денежными суммами и исполняетъ постановленія общаго и частнаго собраній, являясь по отношенію къ обществу тѣмъ же органомъ, какой представляетъ изъ себя управа по отношенію къ думѣ.

Наша развивающаяся торговля и промышленность требуютъ интеллигентныхъ работниковъ, и отсутствіе знаній въ торгово-промышленной средѣ все болѣе и болѣе даетъ себя чувствовать.

Общество пошло навстрѣчу этой потребности и организовало при обществѣ торговую школу съ преподаваніемъ иностранныхъ языковъ.

На 1-ое января 1903 года въ школѣ состояло 299 учениковъ. Плата съ дѣтей членовъ 50 руб., съ постороннихъ 80 руб.

Для дочерей членовъ учреждена женская профессіональная школа, дающая окончившимъ званіе народной учительницы и учительницы рукодѣлія. Плата съ дѣтей членовъ 40 руб. съ постороннихъ 70 руб. На 1-ое января 1903 г. въ школѣ состояло 200 ученицъ.

Кромѣ школъ общество располагаетъ болѣе чѣмъ 100 стипендіями. Изъ нихъ 7 въ Императорскомъ техническомъ училищѣ, 1 въ университетѣ, 24 въ мужскихъ гимназіяхъ, 14 въ женскихъ гимназіяхъ, остальныя въ другихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ (коммисаровскомъ, практической академіи и др.).

Для членовъ читаются при обществѣ лекціи бухгалтеріи и нѣмецкаго языка. Къ сожалѣнію отсутствуютъ лекціи по общеобразовательнымъ предметамъ, которыя могли бы поднять ихъ интеллектуальный уровень и установить тѣсную духовную связь съ обществомъ.

Нужно надѣяться, что общество пополнитъ этотъ пробѣлъ.

Библіотека общества функціонируетъ на основаніи временныхъ правилъ о цензурѣ и печати 6-го апрѣля 1865 г. и правилъ объ открытіи и содержаніи публичныхъ библіотекъ и кабинетовъ для чтенія, утвержденныхъ 5-го января 1884 года.

На 1-ое января 1903 года библіотека имѣла книгъ, газетъ и журналовъ 30.881 экземпляровъ, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Въ теченіе 1902 года отпущено *)

По отдѣлу богословія, философіи и политич. экон. . .	1.315
» » естествознанія	1.450

*) Отчетъ Общества В. О. К. Е. въ Москвѣ за 1902 годъ стр. 53.

По	отдѣлу	исторіи и біографіи 1.510
»	»	географіи и путешествій. 583
»	»	справочныхъ книгъ, учебныхъ, иностранныхъ. 890
»	»	дѣтскихъ книгъ 3216
»	»	словесности 48.327
»	»	періодическихъ изданій 9.110

Для читальнаго кабинета при обществѣ выписывается 12 ежедневныхъ, 24 еженѣдельныхъ и 24 ежемѣсячныхъ изданій.

Ежемѣсячныя изданія выписываются въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

Виды вспоможенія, оказываемаго членамъ довольно разнообразны: имѣется пріютъ для неспособныхъ къ труду членовъ, гдѣ они получаютъ полное содержаніе, вдовій домъ, въ которомъ призрѣвается 32 семейства въ количествѣ 100 человѣкъ, безплатный родильный пріютъ, безплатныя квартиры для безмѣстныхъ членовъ, 3 амбулаторіи, при которыхъ состоятъ 6 штатныхъ и болѣе 20-ти сверхштатныхъ врачей, капиталъ невѣстъ, пенсіонный капиталъ и денежныя вспомоществованія безмѣстнымъ членамъ, вдовамъ и сиротамъ.

Кромѣ того имѣется «Касса взаимнаго вспоможенія на случай смерти», участники которой, внося по 50 коп. за смертный случай, имѣютъ возможность оставить своимъ семьямъ, въ случаѣ смерти, вспомоществованіе въ размѣрѣ около 500 руб. Для развлеченія членовъ существуютъ духовный и свѣтскій хоры, кружки оркестровой игры и любителей драматическаго искусства.

Общая сумма всѣхъ капиталовъ общества, какъ спеціальныхъ, такъ и основного, а также и недвижимой собственности на 1-ое января 1903 года простиралась до 1.095.799 р. 20 коп.

Въ прошломъ 1902 году общество для надобностей школъ, правленія и другихъ своихъ учрежденій построило собственный домъ, стоимостью около 300.000 рублей.

Кромѣ матеріальнаго, общество имѣетъ еще и моральное значеніе для своихъ членовъ, пріучая ихъ видѣть въ общемъ благѣ свое благополучіе.

Таковъ краткій обзоръ 40-ка лѣтней почтенной дѣятельности общества въ интересахъ трудящагося сословія, и можно надѣяться, что въ будущемъ оно объединитъ подъ своимъ флагомъ всѣхъ работниковъ въ торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ и явится достойнымъ борцомъ за ихъ права, зачастую попираемыя представителями капитала.

Времена Островскаго давно миновали, дореформенные рабски приниженные «молодцы», уступили мѣсто новымъ людямъ, а пословица говоритъ: «новыя птицы, новыя пѣсни!»

К. С.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

„Вѣстникъ Европы“—октябрь. „Русское Богатство“—августъ и сентябрь. „Русская Старина“—октябрь.

Что такое «мужикъ», что значитъ это слово? Казалось бы, что ничего другого кромѣ «мужъ», особа мужского пола, слово это обозначать не должно, но это только казалось бы, на самомъ же дѣлѣ подъ словомъ «мужикъ» разумѣется нѣчто совершенно иное.

Съ точки зрѣнія исторической фактъ этотъ, конечно, объяснимъ вполнѣ, ибо нѣтъ еще полувѣка съ того времени, когда мужикъ былъ не только не полноправнымъ гражданиномъ, а существомъ очень мало отличавшимся въ помѣщичьемъ хозяйствѣ отъ другого «живого инвентаря», но не настало ли время исправить существенные дефекты положенія 19 февраля 1861 года? На это именно обстоятельство указываетъ между прочимъ г. П. А. Т., объ интересныхъ мемуарахъ котораго, озаглавленныхъ «Воспоминанія стараго земца» и помѣщенныхъ въ сентябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы», мы уже имѣли случай говорить въ нашемъ прошломъ журнальномъ обозрѣніи. Въ октябрьской книжкѣ того же журнала помѣщено продолженіе воспоминаній г. П. А. Т. Къ нимъ мы теперь и обратимся.

«Я всегда думалъ,—пишетъ авторъ воспоминаній, что вся реформаторская ломка, которую въ то время переживала Россія (напомнимъ читателю, что воспоминанія г. П. А. Т. относятся къ самому началу семидесятыхъ годовъ), не шла дальше поверхности, не касалось сути. Положеніе 19-го февраля, освободивъ крѣпостныхъ, оставило ихъ *мужиками*. (Здѣсь и далѣе курсивы автора). Учреждались крестьянскія учрежденія, нѣчто спеціальное для нихъ однихъ. Они и не были и не могли быть гражданами, потому что были выдѣлены, потому что были прежде всего и только *мужики*. И волость была только мужицкая, и волостные суды были только для мужиковъ, и та же выдѣляющая идея была основой новыхъ крестьянскихъ учрежденій —губернскаго и уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствій,—должныхъ замѣнить первоначальныя—институтъ мировыхъ посредниковъ. Всякій другой обыватель—и помѣщикъ, и мѣщанинъ, и купецъ, и духовенство —шелъ *со всѣми* своими дѣлами въ общія учрежденія, къ мировому судьѣ, къ нотаріусу, къ исправнику, въ земскую управу;—мужикъ же былъ ограниченъ волостнымъ судомъ, сельскимъ сходомъ, общиной, волостнымъ правленіемъ; только не получивъ удовлетворенія въ этой первой инстанціи,—и только въ рѣдкихъ случаяхъ, сравнительно важныхъ и потому рѣдкихъ,—могъ онъ обратиться выше, и то опять таки въ спеціальныя, для него одного устроенныя учрежденія. Всякій обыватель могъ пользоваться услугами закона,—мужикъ долженъ былъ довольствоваться обычнымъ правомъ, чѣмъ-то въ лучшемъ случаѣ неопредѣленнымъ. Почему это обычное право было достаточно для мужика и непригодно для всѣхъ остальныхъ классовъ того же народа? Потому что онъ былъ и оставался *мужикомъ*. Самые крайніе защитники обычнаго права не могли не

сознавать, что оно, представляя собою народную, то-есть мужицкую, мудрость, было неизбѣжно тѣсно связано съ мужицкимъ невѣжествомъ, примитивною жестокостью, очень часто съ дикими предразсудками. Если я и понималъ обычное право на окраинахъ, гдѣ *все* коренное населеніе состояло изъ иноплеменныхъ инородцевъ, я считалъ нелогичнымъ оставленіе его въ центральной Россіи, гдѣ его примѣненіе только къ мужику выдѣляло и обособляло его, и только укореняло, усугубляло и подчеркивало разницу между нимъ и всѣмъ остальнымъ русскимъ народомъ. Русское обычное право центральной части имперіи воспитывалось триста лѣтъ крѣпостнымъ правомъ т.-е. абсолютнымъ мужицкимъ безправіемъ; если въ немъ были и есть хорошія стороны, весь общій духъ его морали отнюдь не могъ способствовать развитію чувства законности, уваженія права, какъ принципа и всѣхъ тѣхъ сторонъ человѣческой мысли, безъ сознанія которыхъ и получаются «мужики», а не граждане. Времена были темныя, нравы жестокіе, безправіе и право сильнаго служили основой, корнемъ всей мужицкой жизни; обычное право было дѣтищемъ, прямымъ, непосредственнымъ результатомъ всѣхъ этихъ условій, а мужикъ былъ оставленъ всецѣло подъ его руководствомъ и послѣ того, какъ его освободили и сдѣлали изъ раба человѣкомъ, какъ мнѣ казалось, только на бумагѣ. Уже одно простое сознаніе одного того факта, что для всѣхъ остальныхъ людей одни законы, а для него—другой, отдѣльный, особенный,—самымъ пагубнымъ образомъ вліяло на мужицкое самосознаніе, на его собственную оцѣнку самого себя и своего положенія. Съ открытіемъ мировыхъ судебныхъ учрежденій, у деревенскихъ мировыхъ судей отбою не было отъ крестьянскихъ прошеній, и потребовалось нѣсколько лѣтъ, чтобы деревня поняла выраженіе—«неподсудно, потому что ты мужикъ». Мнѣ много разъ приходилось толковать съ крестьянами на эту тему, и я убѣжденъ, что многіе отлично понимали суть дѣла и то, что они были лишены своею обособленностью. Они значились на бумагѣ крестьянами, земледѣльческимъ сословіемъ, а въ дѣйствительности оставались мужиками, обособленными партіями. И для меня лично во всѣхъ подобныхъ вопросахъ уничтоженіе или даже уменьшеніе этой обособленности всегда казалось главнымъ и рѣшающимъ факторомъ. И такъ какъ въ данномъ случаѣ всесословная волость неизбѣжно должна была принести по меньшей мѣрѣ умепьшеніе этой обособленности, хотя я никогда не имѣлъ никакой надежды, что-бы что-либо, хотя мало мальски отвѣчавшее дѣйствительнымъ потребностямъ, могло осуществиться не только скоро, но и въ теченіе жизни поколѣнія».

Таковы весьма цѣнныя мысли и наблюденія человѣка живой жизни, много лѣтъ находившагося въ тѣсномъ общеніи съ народными массами. Старый земецъ не ошибся: не только въ началѣ семидесятыхъ годовъ, но и въ теченіе цѣлой жизни того поколѣнія, къ которому онъ принадлежалъ, «что-либо, хотя мало-мальски отвѣчавшее дѣйствительнымъ потребностямъ» народа, совершенно не осуществлялось и даже болѣе того... То ли дѣло наша родная «самобытность»?.

Старый земецъ рисуетъ эту самобытность деревенскаго міра - общины такими штрихами: «Индивидуализму въ немъ совсѣмъ нѣтъ мѣста, и самая воз-

можность прогресса мужика соотвѣтственно ограничена. Міръ этотъ является самымъ надежнымъ оплотомъ для мужицкаго невѣжества, суевѣрія, предразсудковъ. Въ N—скомъ уѣздѣ преобладали самые жестокіе, самые примитивные нравы. Въ церкви священникъ, по совершеніи брака, спрашивалъ новобрачныхъ: «Кто кому покоренъ?»—и жена должна была валиться въ ноги мужу. Мужикъ привязывалъ нагую бабу къ задку телѣги и всенародно не на животъ, а на смерть, дралъ ее возжами и чѣмъ попало подъ руку, и никто не смѣлъ поднять голоса въ ея защиту. Во многихъ деревняхъ центральной и западной частей уѣзда, которыя стояли на рѣкахъ и рѣчкахъ, были общественныя деревенскія бани, и оба пола мылись въ нихъ по субботамъ вмѣстѣ, и послѣ мытья бѣжали нагіе въ эти рѣки остывать и окупаться. Это продѣлывалось даже зимой. Во время деревенскихъ праздниковъ однимъ изъ обычныхъ состязаній въ силѣ и выносливости было то, что соперники обнажали и выпучивали животы и колотили другъ друга по нимъ до тѣхъ поръ, пока одинъ не сдавался. Снохачество было настолько обычнымъ, признаннымъ и санкціонированнымъ явленіемъ, что волостные суды пороли безъ всякаго милосердія сына, который вздумалъ бы противорѣчить отцу въ этомъ отношеніи. Суевѣріямъ и предразсудкамъ — одинъ нелѣпѣе и безсмысленнѣе другого— не было конца. Я лично зналъ нѣсколькихъ знахарей и вѣдьмъ, которые искренно вѣрили въ силу своихъ наговоровъ и снадобій. Представленія о правѣ и законѣ были самыя примитивныя, они ограничивались, напримѣръ, тѣмъ, что, если приложена печать, значитъ все правильно и законно; я помню нѣкоторые случаи, когда безграмотные сельскіе старосты прикапчивали свои печати къ самымъ возмутительнымъ абсурдамъ, и никакая сила въ мірѣ не могла бы разубѣдить цѣлое сельское общество, что это все-таки абсурдъ и беззаконіе. И деревенскій міръ-община не только былъ цѣликомъ пропитанъ всѣмъ этимъ добромъ, наслѣдіемъ крѣпостного права, поголовной безграмотности и темноты, но и самымъ вѣрнымъ, самымъ усерднымъ его защитникомъ и охранителемъ. Онъ замыкалъ мужика, захватывалъ его собою. Если, благодаря счастливой случайности, мужикъ выходилъ изъ этого уровня, онъ уже не могъ довольствоваться деревней и уходилъ изъ нея совсѣмъ, погибалъ для нея навсегда. Какъ семинаристъ, побывавшій въ университетѣ, переставалъ чувствовать себя дома въ родномъ селѣ, переставалъ понимать и быть понимаемъ даже своими ближайшими родными, такъ и мужикъ, да еще, конечно, въ большей степени не могъ выносить атмосферы міра-общины. Постепеннаго прогресса деревни не было,—разъ мужикъ выбивался какъ-нибудь, онъ переставалъ быть мужикомъ и уходилъ въ другую сферу. Деревня оставалась въ своемъ замкнутомъ, заколдованномъ кругу, лишенная воздѣйствія своихъ лучшихъ силъ, если онѣ въ ней и находились. Индивидуализмъ и личная энергія не могли уживаться съ деревней,—она была слишкомъ тяжела, слишкомъ подавляюща. Нужно было быть мужикомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, иначе оставалось или повѣситься или бѣжать куда глаза глядятъ. Человѣку, не-мужику, въ ней не было и не могло быть мѣста. Она была сама по себѣ, остальной русскій народъ—самъ по себѣ; между ними стояла бездонная, непроходимая пропасть».

*

Вотъ какова была наша «самобытность» вообще и послѣдствія «обособленности» мужика въ частности. Съ того времечи, какъ деревенскую жизнь наблюдалъ старый земецъ, прошло много лѣтъ, но можно ли сказать, чтобы нарисованная имъ картина деревенской жизни уже составляла достояніе исторіи? Нѣтъ и нѣтъ. Какъ тридцать лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь стоитъ передъ русской жизнью та же требующая неотложнаго разрѣшенія задача превращенія многомилліонныхъ массъ въ гражданъ, какъ тогда, такъ и теперь разрѣшенію этой задачи мѣшаетъ безправіе населенія земли русской, какъ тогда, такъ и теперь способы, при посредствѣ которыхъ должна быть разрѣшена данная проблема, волнуютъ всю мыслящую часть русскаго общества.

Въ иной міръ, совершенно непохожій на міръ крестьянской темноты и косности, переносятъ насъ напечатанныя въ августовской и сентябрьской книжкѣ «Русскаго Богатства» весьма живо написанные и очень интересные по содержанію очерки г. П. Т. подъ заглавіемъ «Заводскія будни». Какъ видно и изъ заглавія очерковъ объектомъ изображенія г. П. Т. является міръ заводскихъ рабочихъ. Интересная сама по себѣ тема г. П. Т. становится еще болѣе интересною отъ того, что авторъ наблюдалъ изображаемый имъ міръ не изъ болѣе или менѣе «прекраснаго далека», а въ его непосредственной реальности, ибо г. П. Т. самъ рабочій и пишетъ лишь о томъ, что видѣлъ собственными глазами и слышалъ собственными ушами. «Мнѣ нерѣдко случалось,—говоритъ авторъ въ предисловіи къ своимъ очеркамъ,—бывать въ обществѣ интеллигентныхъ людей и замѣчать, прислушиваясь къ разговорамъ, касавшимся «рабочаго класса», какъ мало извѣстна у насъ обстановка жизни рабочаго. Не разъ доводилось мнѣ быть свидѣтелемъ, какъ, рѣшая какіе-нибудь сложные экономическіе вопросы, люди приходили въ смущеніе, когда разговоръ касался подробностей той или другой стороны быта рабочихъ. То же случалось мнѣ замѣчать и въ нашей литературѣ». Вотъ этотъ-то пробѣлъ имѣетъ въ виду по возможности пополнить авторъ очерковъ, и, надо отдать ему справедливость, въ значительной степени достигаетъ своей цѣли во многомъ, касающемся хорошо ему извѣстнаго быта заводскихъ рабочихъ.

Между многими другими штрихами, которыми авторъ изображаетъ жизнь рабочихъ, весьма интересно указаніе на то, въ какомъ положеніи находилось среди рабочаго класса еще очень недавно самое слово «рабочій». «Слово *мастеровой* и слово *рабочій*,—говоритъ онъ,—употребляются теперь часто совершенно безразлично. Но въ рабочую среду слово «рабочій», такъ, какъ его понимаютъ интеллигенты, проникло, въ сущности, очень недавно. Въ недалекомъ еще прошломъ назвать «рабочимъ» мастерового, т.-е. работника, имѣющаго опредѣленное ремесло, на изученіе котораго имъ затрачено отъ 3-хъ до 6-ти лѣтъ, значило нанести ему жестокую обиду. Еще и теперь у меня есть одинъ знакомый мастеръ, который, если найдетъ нужнымъ сильно выругаться, то не употребляетъ площадной брани, а говоритъ:

«Эхъ, ты р-рабочій!..» И это для мастероваго все равно, какъ для какого-нибудь графскаго кучера, ежели ему скажутъ: «эхъ, ты л-ломовой!..» А лѣтъ

семнадцать назадъ въ одной изъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ (кажется, въ Ковровскихъ), по этому поводу рабочіе устроили даже бунтъ!

Дѣло было такъ: въ тѣ времена на заводахъ еще не были введены разсчетныя книжки съ печатными правилами и, вотъ, въ одну прекрасную субботу рабочимъ выдаютъ книжки.

— Господи, благослови! Ужъ не разсчетъ ли? Куда я теперь дѣнусь?..

Но когда узнали, что въ этихъ книжкахъ ихъ называютъ «рабочими», то тутъ ужъ совсѣмъ расходились.

— Нѣшто мы рабочіе? —кричали они, выходя изъ воротъ.—Мы мастеровые, а не рабочіе. Это, братцы, они въ рабочіе хотятъ насъ произвести. Нѣтъ, не бывать по ихнему!

И порѣшили—забастовать!.. Но забастовка продолжалась недолго. Вскорѣ пріѣхали солдаты и разжалованные мастеровые стали пробираться на заводъ. Но тутъ контора пришла на помощь. Съ упраздненіемъ слова «мастеровой» она тоже встрѣтила затрудненіе, такъ какъ и ей необходима была нѣкоторая классификація рабочихъ. Прежде на всѣхъ табеляхъ и вѣдомостяхъ было подраздѣленіе: «мастеровые», «рабочіе». Теперь же, когда мастеровые были изгнаны и переименованы въ рабочихъ, понадобилоеь новое слово, замѣняющее бывшаго рабочаго, на обязанности котораго лежала вся черная, простая работа. Вслѣдъ ствіе этого имъ и дано было названіе «чернорабочихъ».

«Такъ было,—продолжаетъ авторъ,—еще не очень давно. Теперь, однако, въ заводскомъ мірѣ многое перемѣнилось».

Да, многое, до такой степени многое, что просто не вѣрится, чтобы сцены, въ родѣ вышеописанной забастовки изъ-за слова «рабочій», какъ оскорбительнаго для рабочихъ же, могли имѣть мѣсто всего какихъ-нибудь полтора десятка лѣтъ тому назадъ. А между тѣмъ, это такъ. Кто внесъ такую перемѣну въ міровоззрѣніе рабочаго класса и кому этой перемѣной обязана вся русская дѣйствительность, это, конечно, ясно само собою. Въ чемъ же состоятъ эти перемѣны? Не будемъ гадать, а послушаемъ очевидца:

«Въ послѣднее время,—говоритъ онъ,—среди рабочихъ появилось не мало людей, которые стали сильно интересоваться положеніемъ труда въ другихъ странахъ. Начали пріобрѣтать книги, выписывать журналы, читать. Такъ мнѣ, напримѣръ, случалось встрѣчать «Рабочій вопросъ» Ланге, «Исторію культуры» Липперта, «Восьмичасовой рабочій день» Вебба и Кокса и даже марксовъ «Капиталъ». Надо по совѣсти сказать, далеко не всѣ въ состояніи понимать все прочитанное, но все-таки читаютъ съ большой охотой, а однажды мнѣ попался сосѣдъ по квартирѣ, который наизусть зубрилъ «Краткій курсъ экономическихъ наукъ» Богданова».

И этотъ прогрессъ сталъ осязательно наблюдаемымъ въ теченіе лишь самаго послѣдняго времени... Но отъ этихъ общихъ замѣчаній перейдемъ къ предмету, который взялъ г. П. Т. спеціальной темой для своихъ изображеній, т.-е. въ полномъ смыслѣ слова къ «заводскимъ буднямъ».

Не красна жизнь и заводскаго рабочаго, и многаго требуетъ она для своего улучшенія. Тутъ и безработица, и низкая заработная плата, и продолжи-

тельность рабочаго времени, и произволъ всякаго рода начальства отъ высшаго до низшаго, но все же между жизнью заводскихъ рабочихъ и жизнью «мужиковъ» лежитъ уже цѣлая пропасть. Тутъ складывается и назрѣваетъ иной, болѣе высокій и несравненно болѣе культурный типъ человѣка. Классовая солидарность рабочихъ становится замѣтнымъ фактомъ и духъ общественности, не той пресловутой «общинности», которая убиваетъ, какъ это мы видѣли въ воспоминаніяхъ стараго земца, всякое проявленіе индивидуальности у членовъ деревенскаго «міра», а духъ общественности гораздо болѣе высокой, проявляется замѣтно въ повседневномъ быту заводскихъ рабочихъ. Г. П. Т. приводитъ во свидѣтельство этого не мало интересныхъ иллюстрацій. При пріемѣ на заводъ рабочему всегда даютъ, между прочимъ, исполнить пробную работу или такъ называемую «пробу».

«Частенько случается,—разсказываетъ г. П. Т.—что вы не въ совершенствѣ знаете свое дѣло и сомнѣваетесь въ благополучной сдачѣ данной вамъ пробы, но и тутъ отчаяваться не слѣдуетъ. Посмотрите на окружающихъ васъ рабочихъ, выберите - кого нибудь, кто покажется вамъ симпатичнѣе, и скажите ему, что вотъ—де, боюсь, какъ бы не нарѣзаться мнѣ съ своей пробой; помоги, пожалуйста, если можешь. И *всегда* въ этомъ случаѣ, видя, что вы затрудняетесь въ чемъ-нибудь, вамъ съ охотой помогутъ, научатъ, покажутъ, а, если нужно будетъ, то сами и сдѣлаютъ за васъ. Только не нужно слишкомъ высокомѣрно держать себя съ товарищами и дѣлать видъ, что вы знаете и видѣли больше ихъ, словомъ, слѣдуетъ постараться съ самаго же начала зарекомендовать себя «артельнымъ парнемъ» и, въ случаѣ какихъ-нибудь опасеній, чистосердечно признаться.

«Многіе склонны думать, что у рабочихъ въ этомъ случаѣ главнымъ побудительнымъ мотивомъ служитъ не безкорыстное великодушіе, а возникающая въ воображеніи «бутылка водки», но это неправда. Если водка здѣсь и играетъ какую-нибудь роль, то просто какъ благодарность, и по моему водка все же лучше, чѣмъ обыкновенныя денежныя взятки, что наблюдается въ другихъ классахъ. Для примѣра разскажу одинъ подходящій случай. Однажды къ намъ въ мастерскую помощникъ мастера привелъ одного новаго рабочаго, далъ ему пробу и указалъ мѣсто, гдѣ онъ долженъ работать.

Проба была довольно простая, но, тѣмъ не менѣе, сразу было видно, что новичокъ сильно затруднялся въ исполненіи ея и одинъ рабочій спрашиваетъ:

«— Гдѣ раньше работалъ?

«Тотъ называетъ одинъ изъ маленькихъ кустарныхъ заводовъ.

«— Слесаремъ тамъ работалъ?—продолжалъ спрашивать рабочій.

«— Слесаремъ, только я тамъ на памятникахъ стоялъ, на сборкѣ. Да вотъ разсчитали, и я три мѣсяца безъ работы ходилъ. Все продалъ съ себя. Жена чуть не голая сидитъ. Хорошо, что Иванъ Гавриловичъ за красненькую взялся помѣстить сюда.

«— А кто это Иванъ Гавриловъ?

«— Конторщикъ изъ паровозо-сборочной.

«Въ это время подходитъ къ нему еще нѣсколько рабочихъ. Одинъ изъ нихъ спрашиваетъ.

«— Ты-деньги то Ивану Гаврилычу отдалъ?

«— Нѣтъ еще, обѣщался дня черезъ три, можетъ у кого достану.

«— Такъ вотъ что; пошли ты Ивана Гаврилыча подальше, а самъ иди покарауль мастера, а теперь, рябята, у кого пила есть поновѣе? Давайте-ка мы возьмемся.

«— Братцы мои!—взмолился новичокъ.—Если сдадимъ, ведро поставлю!

«— Ты ведро-то не сули, —внушительно замѣтилъ кто-то,—довольно будетъ, если поставишь четвертную, да дюжину пива, а только мы, братъ, вовсе не изъ за этого хлопочемъ. Всѣ дружно приступили къ его работѣ. Но вотъ часа черезъ полтора новичокъ подходитъ и таинственно говоритъ:

«— Иванъ Гавриловичъ идетъ!

«— Это какой? Сѣдая борода?

«— Онъ самый!

«— Ладно! Пусть подойдетъ поближе.

«Не допустивъ его шаговъ на десять къ тискамъ новичка, кто-то изъ рабочихъ вдругъ заоралъ во всю глотку.

— Эй! За десяткой идетъ! Тю-у!—И вся мастерская сразу огласилась самымъ неистовымъ тюканьемъ и свистомъ. Разумѣется, Ивану Гавриловичу ничего не оставалось дѣлать, какъ повернуть къ первымъ попавшимся воротамъ и скрыться изъ мастерской.

«Проба была сдана, и рабочій на всегда утвердился на заводѣ».

Недостатокъ мѣста мѣшаетъ намъ познакомить читателей «Міра Божія» болѣе детально съ интересными очерками г. П. Т.. но мы все же приведемъ изъ этихъ очерковъ еще одну сценку, чрезвычайно характерную во многихъ отношеніяхъ.

«Какъ - то разъ,—повѣствуетъ г. П. Т.,—у насъ на заводѣ по всѣмъ мастерскимъ были расклеены объявленія, что панихида по умершемъ Ив. Ив. Циркулевѣ будетъ отслужена въ заводской часовнѣ такого - то числа въ $11^1/_2$ часовъ дня, а потому гудокъ на обѣдъ будетъ данъ получасомъ раньше.

«Противъ этого рабочіе, конечно, не имѣли ничего. Но для всѣхъ осталось загадкой, кто же такой этотъ самый Циркулевъ? Думали, думали, такъ ничего и не надумали. Наконецъ одинъ рабочій догадался:

«— Стой, братцы! Если умеръ, то, значитъ, сейчасъ мальчишка изъ конторы на вѣнокъ будетъ собирать. У него и узнаемъ.

«И, дѣйствительно, вскорѣ изъ конторы мастерской вышелъ мальчикъ съ листомъ бумаги и карандашемъ въ рукахъ.

«Мы тотчасъ же обступили его.

«— Что хочешь писать?—спросилъ одинъ.

«— Желающихъ подписаться на вѣнокъ Ив. Ив. Циркулеву,—отвѣчалъ мальчикъ.—Ну, кто сколько жертвуетъ.

«— Да ты постой, не торопись. Скажи прежде, кто онъ такой, этотъ самый Циркулевъ? Отставной мастеръ, что-ли?

«— А я почему знаю? Велѣлъ мастеръ подписку собрать, а больше ничего не сказалъ.

«— А самъ онъ знаетъ его?

«— Нѣтъ, кажется, и онъ не знаетъ. Иванъ Васильевичъ, нашъ конторщикъ, у него спрашивалъ; сказалъ: «не знаю».

«— Такъ что же мы будемъ писать, если сами не знаемъ кому. Я ничего не записываю.

«— Я тоже, я тоже... Раздалось нѣсколько голосовъ, и мы разошлись.

«Походилъ себѣ мальчикъ по мастерской, видитъ, что, никто не пишетъ, и вернулся опять въ контору.

Черезъ нѣсколько времени выходитъ тотъ же мальчикъ и начинаетъ прибивать къ дверямъ какое-то объявленіе. Мы подходимъ опять и читаемъ:

«Вслѣдствіе кончины Ив. Ив. Циркулева, администрація N-скаго завода сочла нужнымъ объявить мастеровымъ и рабочимъ N-ской мастерской, что деньги для покупки вѣнка будутъ высчитаны въ первую получку по 5 коп. съ каждаго рабочаго.

«Подписка эта добровольная, и потому нежелающіе принять въ ней участіе могутъ заявить объ этомъ въ конторѣ мастерской. Мастеръ Зубиловъ».

«— А ловко?—проговорилъ одинъ рабочій.

«— Что говорить!

«— Поди, значитъ, заяви. А что заяви, неизвѣсто: разсчетъ ли себѣ или про вычетъ.

«— Заяви только про вычетъ, а ужъ разсчетъ самъ собою выдадутъ...»

Рабочіе собрались на панихиду, по окончаніи которой изъ директорской рѣчи къ нимъ узнали, что покойный Циркулевъ занималъ должность «предсѣдателя правленія».

Любопытство рабочихъ было такимъ образомъ удовлетворено, они узнали то, что хотѣли знать; «но кто заступилъ мѣсто Циркулева,—остроумно иронизируетъ г. П. Т.,—намъ осталось неизвѣстнымъ. Объ этомъ намъ предстояло узнать, когда онъ умретъ» и, добавимъ отъ себя, когда рабочіе будутъ обложены по этому поводу сборомъ на вѣнокъ или другой вещественный знакъ ихъ искренней признательности къ памяти почившаго...

Въ заключеніе нашего ознакомленія читателей съ очерками г. П. Т. мы вернемся снова къ самому ихъ началу и выпишемъ изъ нихъ еще такія строки: «Если не ошибаюсь,—пишетъ г. П. Т.,—въ «Русскомъ Богатствѣ» была помѣщена статья г. Дадонова «Русскій Манчестеръ» и тамъ, помнится, авторъ остался недоволенъ итогомъ читающихъ рабочихъ въ Иваново-Вознесенскѣ».

На много разныхъ мыслей наводятъ эти, полныя глубокаго содержанія, строки. Мы рекомендуемъ читателю прочесть полностью «Заводскія будни» г. П. Т.

Ровно годъ тому назадъ мы уже имѣли случай обращать вниманіе нашихъ читателей на помѣщенную тогда въ «Русской Старинѣ» статью г. Слезскинскаго

«Фотій и графиня Орлова-Чесменская». Продолженіе этой интересной статьи появилось только теперь въ октябрьской книжкѣ «Русской Старины». На этомъ-то продолженіи мы и хотимъ нѣсколько остановиться. Само собою разумѣется, что существо отношеній Фотія къ Орлову представляетъ само по себѣ очень мало интереса, но не надо забывать про роль, которую игралъ въ свое время Фотій въ нашей исторіи, а, не забывая этого, нельзя не видѣть и извѣстнаго интереса въ отношеніяхъ къ другимъ лицамъ этого, болѣе чѣмъ подозрительной святости, господина. Орлова была нужна Фотію главнымъ образомъ какъ орудіе, при помощи котораго онъ могъ достигать своихъ цѣлей, и чего-чего не продѣлывалъ только, въ этихъ видахъ, съ своею «духовною дщерью» знаменитый архимандритъ. Изслѣдованіе г. Слезскинскаго изобилуетъ немалымъ количествомъ любопытныхъ въ этомъ смыслѣ фактовъ. Будучи совершенно здоровымъ, Фотій задумалъ, тѣмъ не менѣе, собороваться, а послѣ совершенія этого обряда сказалъ Орловой, что онъ будетъ собороваться еще дважды и что она, Орлова, должна продѣлать то же самое. «По мнѣнію Фотія,—пишетъ изслѣдователь,—душевно Орлова была готова къ соборованію, оставалось дѣло только за одѣяніемъ. Чтобы стать съ графинею наравнѣ, чтобы болѣе запечатлѣть взаимность чувствъ, Фотій предложилъ ей собороваться съ ней вмѣстѣ. Совмѣстное соборованіе настоятель объяснялъ тѣмъ, что у него съ нею одинъ духъ, одно сердце и «все едино быть должно», тѣмъ болѣе одинаковое одѣяніе, одной ткани и цвѣта хитоны, серебряные пояса и бѣлая обувь». Такъ все это и совершилось. Въ другой разъ, задумавъ отлить для монастыря колоколъ и выпросивъ у Орловой для этой цѣли огромную сумму денегъ, Фотій писалъ ей, что на одной сторонѣ колокола онъ изобразитъ коронованіе Богородицы, на другой — неопалимыя купины, на третьей — соборъ архистратига Михаила, а на четвертой—«противъ коронованія будутъ представлены въ моленіи твой отецъ Фотій и ты, моя дщерь». Прослышалъ какъ-то Фотій, что будто бы гдѣ-то готовится къ печати романъ подъ заглавіемъ «Фитюй» и что въ этомъ романѣ будетъ выведенъ онъ, Фотій, и графиня Орлова. Взволновался онъ не на шутку. «Гибель мнѣ подстраиваютъ, — писалъ Фотій Орловой,—посовѣтуйся съ княземъ Платономъ (Ширинскимъ-Шахматовымъ); затѣмъ передай объ этомъ графу Алексѣю (Орлову), чтобы онъ доложилъ государю». Графиня отвѣчала своему духовному отцу, что она приняла всѣ мѣры къ розысканію романа и, если таковой окажется въ дѣйствительности, то обѣщала энергически дѣйствовать противъ оглашенія его въ печати. Фотій обрадовался и писалъ ей: «сказать не можно, какъ я радъ, что ты взяла на себя хлопоты по случаю романа. Пусть міръ, діаволъ и людъ нечестивый поноситъ меня и тебя, и другихъ, но хотя бы на словахъ, а то на бумагѣ клеветы и нелѣпости пишутъ. Всякое благочестіе наше поругано» и т. д. Въ дѣло были вмѣшаны Орловъ и Бенкендорфъ и, разумѣется, о романѣ больше не было и помину. Можетъ быть все это и мелочи, но мелочи характерныя для того времени, къ которому онѣ относятся. Да и для него ли одного?

Въ «Русской Старинѣ» помѣщены весьма интересныя письма декабриста И. И. Горбачевскаго къ декабристу же Е. П. Оболенскому. Письма эти, такъ

сказать, дорисовываютъ уже и безъ того достаточно извѣстную моральную физіономію Горбачевскаго. Среди декабристовъ было не мало сильныхъ духомъ людей, но Горбачевскій выдѣляется даже среди нихъ удивительной моральной чистотой и кристальною ясностью души. Напомнимъ вскользь главныя черты его біографіи. Малоросъ по происхожденію, Горбачевскій служилъ въ молодости въ артиллеріи. Приговоренный въ 1826 году къ отсѣченію головы, онъ былъ затѣмъ сосланъ на 15 лѣтъ каторжныхъ работъ. По отбытію срока каторги въ 1840 году, Горбачевскій не покинулъ извѣстнаго «Петровскаго острога» и остался жить подлѣ него въ качествѣ поселенца. Здѣсь онъ и прожилъ еще 30 лѣтъ, не воспользовавшись амнистіей 1856 года, потому что,—какъ разсказываетъ извѣстный авторъ книги «Сибирь и каторга» Максимовъ,—«одинъ иркутскій чиновникъ воспользовался тѣми деньгами, которыя были высланы Горбачевскому по завѣщанію его умершаго брата». Очутившись въ такомъ положеніи, Горбачевскій опять-таки не палъ духомъ, а посвятилъ всѣ свои силы на служеніе тому краю, въ который забросила его судьба. Когда въ 1869 году онъ умеръ, въ его напечатанномъ въ «Голосѣ» некрологѣ появились такія строки: «онъ сдѣлался извѣстенъ» во всей Восточной Сибири; его прекрасный характеръ, обширный умъ и благородное сердце, направленные на безчисленное множество дѣлъ благотворенія, пріобрѣли ему въ краѣ всеобщее уваженіе. Ни одно филантропическое или вообще доброе предпріятіе въ краѣ не оставалось безъ непосредственнаго участія въ немъ Горбачевскаго. Учрежденія училищъ, вопросъ объ улучшеніи положенія заводскихъ рабочихъ, все это и многое другое находило въ Горбачевскомъ самый живой откликъ и сочувствіе. Всѣ свои скудные достатки онъ обращалъ на добрыя дѣла, причемъ нельзя не замѣтить, что его мягкостью и добродушіемъ зачастую пользовались во зло нѣкоторыя лица». Авторъ «Воспоминаній о заселеніи Амура» Венюковъ характеризуетъ Горбачевскаго такими словами: «это была чудная, свѣтлая личность, высокой нравственной мощи, несмотря на его тихій характеръ. Въ его присутствіи люди не смѣли лгать, хотя онъ и не выражалъ словами своего неодобренія лжецамъ». Уже однихъ этихъ отзывовъ достаточно для того, чтобы пожелать поближе познакомиться съ личностью Горбачевскаго. Этому желанію и можетъ до извѣстной степени удовлетворить вышеуказанная его переписка съ товарищемъ по дѣлу и каторгѣ Оболенскимъ. Въ ней разсыпано не мало штриховъ, важныхъ для будущаго біографа Горбачевскаго, — а таковой рано или поздно, конечно, явится. Вотъ что разсказываетъ въ одномъ изъ писемъ къ боленскому Горбачевскій о томъ, какъ онъ еще въ ранней молодости отказался сдѣлаться владѣльцемъ крѣпостныхъ душъ. «Мать моя,—пишетъ Горбачевскій,—была изъ фамиліи Конискихъ. Она, не знаю ужъ какимъ образомъ, сдѣлала такъ, что имѣніе, тоже не знаю — большое или малое, передала мнѣ и моему брату тому слишкомъ сорокъ лѣтъ, когда я вышелъ въ офицеры въ артиллерію, а братъ мой вышелъ въ полевые или военные инженеры. Я пріѣхалъ домой проѣздомъ въ бригаду, которая стояла на квартирахъ въ Малороссіи, и засталъ дома одного отца: мать умерла, сестры вышли за мужъ. Уѣзжая въ бригаду и уже совсѣмъ собравшись, отецъ мой вы-

кинулъ какую-то связку бумагъ и сказалъ мнѣ: «ты теперь получилъ званіе, вотъ тебѣ документы на владѣніе имѣніемъ послѣ твоей матери,—дѣлай, что хочешь». Я не обратилъ на это вниманія и бросилъ въ чемоданъ эту связку бумагъ, которую никогда въ жизни не развязывалъ, и до сихъ поръ не знаю, что тамъ было написано. Но отецъ меня при этомъ просилъ, что, если когда-либо я буду въ деревнѣ, то чтобы я непремѣнно побывалъ на той яблонѣ, на которой онъ, бывши мальчикомъ, туда лазилъ; она стояла на берегу ручья, особенно. Я уѣхалъ. Пріѣхавши въ губернскій городъ, я нашелъ тамъ какого-то нашего дальняго родственника, дуракъ набитый и чиновникъ, предлагаетъ мнѣ, какъ помѣщику, съѣздить въ деревню. Я сначала отказался, и какіе резоны онъ мнѣ ни представлялъ, ничего не помогало,—мой отвѣтъ былъ одинъ, что всякая деревня помѣщичья для меня отвратительна. Но вспомнивши, что мнѣ надобно побывать на яблонѣ—исполнить волю и завѣщаніе отца, я согласился, тѣмъ болѣе, что это было по дорогѣ въ бригаду, которая стояла въ Полтавской губерніи. Только что пріѣхали, я, не входя въ домъ, побѣжалъ къ яблонѣ, сбросилъ съ себя сюртукъ, полѣзъ на яблоню, чуть себѣ шею не своротилъ, посмотрѣлъ кругомъ, опять домой и прихожу къ дому, а чиновникъ уже собралъ тамъ народъ посмотрѣть на новаго барина. Увидѣвши толпу хохловъ, не знаю кому я приказалъ лошадей запрягать—дальше ѣхать; чиновникъ вытаращилъ глаза.

«— Куда такъ скоро?

«— А мнѣ что тутъ дѣлать,—сказалъ ему.

«— Вотъ ваши крестьяне».

«Я, чтобы кончить развязку, подошелъ къ толпѣ и сказалъ имъ рѣчь. Конечно, она не Цицерона и Демосѳена, но по своему, потому что меня вся эта глупость взбѣсила.

«— Я васъ не зналъ и знать не хочу, вы меня не знали и не знайте, убирайтесь къ чорту.

«Сѣлъ въ телѣжку и уѣхалъ ту же минуту, даже не поклонившись родственнику-чиновнику»...

Горбачевскій всю жизнь прожилъ холостякомъ. Почему? На этотъ вопросъ онъ въ интимно-дружескомъ письмѣ къ Оболенскому отвѣчаетъ такъ:

«Не удивляйся, что я не женатъ и не имѣю семьи; не такая моя жизнь была, чтобы объ этомъ было время думать, не такія были мои обстоятельства, чтобы объ этомъ позаботиться; характеръ у меня такой, что мало думаю о себѣ: всегда я воображалъ и думалъ, что живу на мѣстѣ только временно; заботы о себѣ и пріобрѣтеніе на будущее чего-нибудь—всегда у меня на второмъ планѣ жизни моей; всегда у меня мысли и чувства были обращены на другое дѣло, давно прошедшее; всегда я жалѣлъ о проигранномъ, и этого никогда не могъ забыть. Ни женщина, ни семья никогда бы не могли меня заставить забыть, о чемъ я прежде помышлялъ, что я намѣревался сдѣлать и за что пожертвовалъ собой. Конечно, теперь вижу и самъ, какъ ужасна жизнь стараго холостяка; скучно, грустно и будущаго нѣтъ, но одно еще меня поддерживаетъ,—это вѣра въ какое-то будущее, хорошее, въ идею, которую только

тогда покину, когда перестану дышать. И истину тебѣ скажу, несмотря на частое нездоровье, несмотря на всѣ разстройства по дѣламъ моимъ и на всѣ неудачи; несмотря на дороговизну неслыханную здѣсь, а съ нею и лишенія всевозможныя, которыя испытываю и терплю, я все еще держусь, крѣплюсь, чего-то надѣюсь, все еще люблю людей, дѣлюсь съ ними послѣднимъ, желаю имъ добра и всего лучшаго. И все это происходитъ отъ идеи, очень хорошо тебѣ знакомой, которой я живу, и не допускаетъ меня покуда еще придти въ отчаяніе».

Съ живымъ чувствомъ относился Горбачевскій къ совершавшимся въ началѣ шестидесятыхъ годовъ крупнымъ событіямъ. Радуясь освобожденію крестьянъ и другимъ реформамъ, онъ оставался вѣренъ завѣтамъ своей юности и требовалъ несравненно большаго.

«Съ живымъ любопытствомъ,—писалъ онъ Оболенскому,—я читалъ въ твоемъ письмѣ разныя курьезныя дѣла, происходящія въ вашихъ странахъ и, признаюсь тебѣ, и радовался, и смѣялся; и что за дѣтская игра; почему бы, кажется, не покончить однимъ разомъ,—чего бояться? что за страшилище такое порядокъ и видѣть въ другомъ не животное, а человѣка? Конечно,—скажу на это,—привычка, понятія старыя и проч. Да гдѣ же разумъ и чувство теплое къ ближнему? Ты говоришь, что современемъ все устроится. Слово «современемъ» я худо понимаю. Много, мнѣ кажется, происходитъ зла отъ этого слова, зачѣмъ то дѣлать завтра, что можно сдѣлать сегодня. Пиши, прошу тебя, объ этихъ дѣлахъ. Онѣ меня очень занимаютъ».

Отчего бы кому-нибудь не заняться составленіемъ подробной біографіи такой замѣчательной личности, какъ Иванъ Ивановичъ Горбачевскій?

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Темныя точки на европейскомъ горизонтѣ. Когда заходитъ рѣчь о темныхъ пунктахъ на современномъ политическомъ горизонтѣ, то всегда имѣется въ виду македонское возстаніе. Европейская печать высказываетъ надежду, что наступленіе зимы вызоветъ временную пріостановку движенія, но, конечно, даже сильнѣйшая зимняя стужа не въ состояніи будетъ потушить пожаръ, разгорѣвшійся на Балканскомъ полуостровѣ. До сихъ поръ дипломатическія старанія Россіи и Австріи не произвели замѣтнаго улучшенія въ положеніи дѣлъ и не только возстаніе не прекратилось, но и Турція оказалась совершенно безсильной провести реформы, предлагаемыя обѣими державами. Послѣднее, впрочемъ, никого удивить не можетъ, такъ какъ положеніе европейской Турціи таково, что ни о какихъ реформахъ она и думать не можетъ при существующемъ въ ней правительственномъ режимѣ. Съ самаго начала македонскаго движенія, болгарское правительство постоянно утверждало, что оно ничего не дѣлаетъ для поддержанія возстанія, и постоянный переходъ болгарскихъ бандъ объясняло тѣмъ, что нѣтъ никакой возможности герметически закрыть такую длинную пограничную линію. Нельзя оспаривать осно-

вательности такого оправданія и хотя болгарское правительство снова торжественно заявило, что оно приняло всѣ мѣры къ усиленію пограничнаго кордона, тѣмъ не менѣе банды нашли возможность опять пробраться черезъ столь строго охраняемую границу. Между тѣмъ Болгарія продолжаетъ свои вооруженія, призываетъ резервы и т. д., но, по мнѣнію европейской печати, эти вооруженія не должны слишкомъ тревожить европейское общественное мнѣніе, въ виду того, что зимній сезонъ не благопріятствуетъ военному походу на Балканахъ. Однако, въ Болгаріи, въ нѣкоторыхъ военныхъ кружкахъ не раздѣляютъ такого мнѣнія и считаютъ зимній походъ не только возможнымъ, но даже имѣющимъ шансы на успѣхъ. По словамъ корреспондента кёльнской газеты, взглядъ этотъ основывается на томъ, что зимніе холода хотя и затруднятъ движенія болгарской арміи, въ еще болѣе сильной степени должны будутъ затруднить движенія турецкихъ отрядовъ, вслѣдствіе вопіющей небрежности турецкаго правительства и хронической нужды въ деньгахъ. Турецкіе солдаты не имѣютъ теплой одежды, чего нельзя сказать про болгарское войско, которое снабжено въ достаточномъ количествѣ полушубками. Нѣкоторыя пылкія головы въ Болгаріи заходятъ даже такъ далеко, что на зиму готовы смотрѣть, какъ на лучшаго союзника болгарской арміи въ случаѣ войны съ турками.

Сильное негодованіе возбуждаютъ дѣйствія Греціи, которая открыто становится на сторону Турціи въ македонскомъ движеніи, а греческая печать клеймитъ македонскихъ повстанцевъ и приписываетъ Болгаріи стремленіе окончательно раздавить греческую національность въ Македоніи. Это столкновеніе разныхъ мелкихъ національныхъ интересовъ въ македонской провинціи сильно осложняетъ вопросъ и, вѣроятно, не разъ еще будетъ служить поводомъ къ распрѣ. Между тѣмъ, изъ всѣхъ балканскихъ народовъ, болгары несомнѣнно принимаютъ наиболѣе дѣятельное участіе въ движеніи и жертвуютъ ради него кровью и деньгами. Корреспондентъ «Daily News»—газеты, спеціально интересующейся македонскимъ возстаніемъ, говоритъ, что очень многіе изъ молодыхъ болгарскихъ офицеровъ дезертировали изъ рядовъ болгарской арміи и, отправившись въ горы, стали во главѣ македонскихъ бандъ. Какъ много изъ этихъ молодыхъ воиновъ, передъ которыми, быть можетъ, открывалась болѣе или менѣе блестящая карьера въ своемъ отечествѣ, нашли безвѣстную могилу въ македонскихъ горахъ! На устахъ всѣхъ македонцевъ находится имя одного изъ такихъ героевъ, молодого болгарскаго офицера Сугарова, который, какъ говорятъ македонцы, «показалъ проклятымъ невѣрнымъ, какъ умираетъ болгарскій солдатъ». Сугаровъ отличался веселымъ, жизнерадостнымъ характеромъ, и былъ душою лагеря. Однажды отрядъ, въ которомъ онъ находился, былъ окруженъ турками. Спасенія не было, такъ какъ турки были въ подавляющемъ количествѣ, и маленькій отрядъ, припертый къ скаламъ, очутился въ безвыходномъ положеніи. Оставалось только ждать смерти, Сугаровъ былъ раненъ, но не смертельно. У него хватило силъ крикнуть товарищамъ: «Слушайте, братья! Вѣдь все равно умирать надо. Раньше или позже — это уже значенія не имѣетъ. Я рѣшилъ вотъ что: у меня двѣ бомбы, и когда турки столпятся въ этомъ проходѣ, то я побѣгу имъ навстрѣчу и брошу бомбы прямо

въ нихъ. Я проложу для васъ дорогу къ свободѣ, только не теряйте времени и стрѣляйте, лишь только раздастся взрывъ. Пусть помнятъ Сугарова!» И съ этими словами онъ, несмотря на рану,. побѣжалъ навстрѣчу туркамъ и черезъ минуту раздался взрывъ и крики. Отрядъ ринулся вслѣдъ за Сугаровымъ и безпрепятственно прорвался впередъ буквально по тѣламъ турокъ. «Ну, а Сугаровъ?» спросилъ англійскій корреспондентъ македонца, который разсказалъ ему эту исторію. «Отъ него ничего не осталось. Онъ былъ разорванъ на тысячу кусковъ,—сказалъ македонецъ. — Но онъ пожертвовалъ собою ради другихъ и его имя будетъ жить въ памяти каждаго македонца».

Недавно въ Лондонѣ, на грандіозномъ македонскомъ митингѣ въ Сентъ-Джемсъ-Голлѣ, было публично заявлено съ ораторской трибуны, что турецкому господству въ Македоніи долженъ быть положенъ конецъ во что бы то ни стало. Предсѣдательствовалъ на митингѣ епископъ Уорчестерскій, который сказалъ чрезвычайно горячую рѣчь и даже воскликнулъ: «О, кто намъ вернетъ Гладстона хоть на полчаса!» Это восклицаніе вызвало бурные восторги присутствующихъ и дало поводъ къ нелестнымъ для теперешняго англійскаго правительства сравненіямъ. Въ англійскомъ кабинетѣ и среди лидеровъ англійскаго общественнаго мнѣнія не найдется ни одного человѣка, который бы, подобно Гладстону, рѣшилъ выступить, не взирая ни на какія дипломатическія соображенія, въ защиту угнетенной народности. Нынѣшній министръ-президентъ Бальфуръ, очевидно, для такой роли не годится. Англійская либеральная печать возмущается его рѣчами по македонскому вопросу и инертностью его политики. «Впрочемъ, — говорятъ газеты,—развѣ можетъ обладать какимъ-нибудь нравственнымъ авторитетомъ правительство, которому приходится начинать съ признанія, что всѣ бѣды, возникшія теперь, вызваны его же собственными дѣйствіями въ 1878 году?»

Венгерскій кризисъ. Въ октябрѣ этого года исполнилось столѣтіе со дня рожденія одного изъ самыхъ выдающихся венгерскихъ государственныхъ дѣятелей, Франца Деака, творца австро-венгерскаго соглашенія—«ауглейха», съумѣвшаго такимъ путемъ устроить примиреніе между правительствомъ и партіей реформъ въ Венгріи. Два враждующихъ государства, Австрія и Венгрія, послѣ ожесточенной борьбы, стоившей жизни многимъ героямъ, являвшимся мучениками идеи освобожденія, снова сблизились и заключили между собою перемиріе на основахъ компромисса, выработаннаго Деакомъ. Цѣлыхъ тридцать лѣтъ продержался этотъ компромиссъ, считавшійся геніальнымъ дѣломъ Деака, и, несмотря на всѣ нападки сверху и снизу, Австрія и Венгрія оставались неразрывно связанными. Но теперь, какъ разъ съ празднованіемъ столѣтія Деака, совпало ожесточеніе борьбы противъ австро-венгерскаго компромисса. Венгрія переживаетъ тяжелый внутренній кризисъ, какъ и въ то время, когда жилъ и дѣйствовалъ Деакъ, но условія теперь совсѣмъ другія. Тогда, въ періодъ самой сильной смуты и разбушевавшихся страстей, Венгрія могла выставить трехъ блестящихъ дѣятелей, слава которыхъ распространилась далеко за предѣлы страны; это были: графъ Стефанъ Чегеньи, Лудвигъ

Кошутъ и Францъ Деакъ. Первый раздѣлялъ тотъ взглядъ, что народъ лишь послѣ того, какъ оно сдѣлается просвѣщеннымъ и его благосостояніе упрочится, можетъ считаться созрѣвшимъ для политической свободы. Кошутъ, добивавшійся правъ для народа, не отвергалъ революціонныхъ средствъ, между тѣмъ какъ Францъ Деакъ одинаковое значеніе придавалъ какъ умственному развитію народа и увеличенію его матеріальнаго благосостоянія, такъ и расширенію его политическихъ правъ и поэтому добивался общественной, частной, политической и соціальной свободы для народа. Въ то время въ Венгріи всѣ права были исключительно на сторонѣ венгерскаго феодальнаго дворянства, и всѣ тягости на сторонѣ народа. Борьба за право проходитъ красною нитью черезъ всю государственную дѣятельность Деака. Вначалѣ, въ этой борьбѣ, вождей поддерживала только оппозиція, а затѣмъ уже вся нація. До 1848 года борьба эта велась въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, за конституціонныя права націи и новыя гарантіи этихъ правъ, съ другой же—за права народа, на который они не распространялись. Но Деакъ ратовалъ за мирное соглашеніе съ Австріей, и когда Кошутъ сталъ во главѣ движенія, то онъ удалился и только при приближеніи австрійской арміи вошелъ въ составъ депутаціи, отправившейся для переговоровъ въ австрійскій лагерь. Однако, его проектъ аусглейха былъ принятъ только тогда, когда австрійское правительство убѣдилось, наконецъ, въ необходимости пойти на уступки венгерской партіи, и въ 1867 году состоялось соглашеніе между австрійскимъ императоромъ и венгерскими представителями.

Въ настоящее время Венгрія не имѣетъ ни правительства, ни работоспособнаго парламента *) и въ такомъ положеніи «внѣ конституціи» празднуетъ столѣтіе дня рожденія своего государственнаго дѣятеля, вернувшаго ей, 30 лѣтъ тому назадъ, правительство, парламентъ и конституцію. Венгерскій кризисъ длится уже многіе мѣсяцы, но разрѣшенія все еще не предвидится. Между тѣмъ возбужденіе умовъ все возрастаетъ, и то, что вначалѣ носило характеръ чисто парламентскаго конфликта, превращается мало-по-малу въ народную агитацію. Въ Сегединѣ, вслѣдствіе безтактности одного изъ ротныхъ командировъ, дѣло чуть-чуть не дошло до открытаго возмущенія и Френсись Кошутъ снова сдѣлался центромъ, вокругъ котораго сосредоточиваются всѣ венгерскіе патріоты.

Ни одно имя не повторяется такъ часто въ венгерской политикѣ, какъ имя Френсиса Кошута, старшаго сына покойнаго національнаго героя. Около него группируются сторонники политики пассивнаго сопротивленія въ противоположность той части партіи независимости, которая, вмѣстѣ съ Барабашемъ, отрицаетъ всякое соглашеніе, основанное на незначительныхъ уступкахъ правительства. Партія независимости имѣетъ въ своемъ распоряженіи два способа заставить корону измѣнить свою точку зрѣнія, выраженную въ знаменитомъ приказѣ по арміи, опубликованномъ въ Хлопахъ и въ королевскомъ манифестѣ къ націи; эти способы: активное сопротивленіе

*) Когда писались эти строки, венгерскій кабинетъ еще не былъ сформированъ.

агитація, которая, однако, легко можетъ повести къ уличнымъ безпорядкамъ и столкновеніямъ, если не прямо къ гражданской войнѣ, или же стойкая, но спокойная оппозиція и оборонительное положеніе по отношенію къ правительству и коронѣ. Кошутъ, напечатавшій нѣчто въ родѣ манифеста въ своемъ органѣ, предостерегаетъ націю отъ актовъ насилія и возмущенія, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, «теперешняя борьба легко можетъ перейти въ серьезную драму, въ которой будущее цѣлой націи будетъ поставлено на карту». Но тѣмъ не менѣе Кошутъ не намѣренъ идти на уступки правительству. «Благоразумно ли было или нѣтъ сосредоточивать все вниманіе на вопросѣ о языкѣ команды въ арміи,—говоритъ Кошутъ,—и придавать ему такой характеръ, который затрагиваетъ важнѣйшіе интересы націй—это, конечно, вопросъ спорный тѣмъ болѣе, что вѣдь 36 лѣтъ нѣмецкій языкъ занималъ это положеніе, не вызывая никакихъ споровъ. Но во всякомъ случаѣ теперь, когда вопросъ этотъ выдвинутъ на сцену, нація не можетъ отказаться отъ него, не отказавшись въ то же время отъ своихъ священныхъ правъ. Она должна настаивать на своемъ правѣ, но такъ какъ, вслѣдствіе соглашенія 1867 г. всѣ матеріальныя силы сосредоточены въ рукахъ короны, то партія независимости конечно не можетъ, надѣяться выиграть, прибѣгая къ тактикѣ насилія». «Пассивное сопротивленіе съ соблюденіемъ абсолютнаго спокойствія и осторожности вотъ мое рѣшеніе», пишетъ онъ далѣе въ своей статьѣ. «Мы должны заставить убѣдиться императора, отъ котораго его совѣтники скрываютъ истинный смыслъ венгерскихъ законовъ, что желанія венгерской націи нисколько не задѣваютъ его прерогативъ и не наносятъ никакого ущерба арміи, которая составляетъ предметъ его величайшихъ попеченій».

Но сдержанность и умѣренность, которыя проповѣдуетъ Кошутъ, не встрѣчаютъ сочувствія въ остальной части партіи независимости. Одинъ изъ представителей фракціи крайнихъ пишетъ: «тотъ, кто желаетъ мира, во что бы то ни стало, долженъ эмигрировать изъ Венгріи. Нація не должна подвергаться позору. Довольно «лимонадной политики», пора возвысить голосъ и постоять за право!» На послѣдней конференціи партіи независимости произошли въ высшей степени бурныя пренія, и положеніе Кошута, какъ лидера партіи сильно пошатнулось, но такъ какъ имя Кошута обладаетъ все-таки сильнымъ обаяніемъ въ народныхъ массахъ, то, вѣроятно, онъ удержитъ руководство партіей въ своихъ рукахъ.

Между прочимъ императоръ Францъ-Іосифъ чрезвычайно вяло ведетъ переговоры и даже не пожелалъ самъ отправиться въ Будапештъ, что было бы уступкой общественному мнѣнію Венгріи, а призываетъ къ себѣ въ Гофбургъ разныхъ мадьярскихъ политиковъ, съ которыми находитъ нужнымъ посовѣтоваться. Чрезвычайное ожесточеніе партіи и бурныя сцены, происходившія въ венгерскомъ парламентѣ, а также невозможность образовать въ Венгріи министерство, казалось, должны были убѣдить императора, что нельзя долѣе натягивать струну и то, чѣмъ могла удовлетвориться Венгрія во времена Деака, теперь уже оказывается слишкомъ мало. Теперь какъ будто снова воскресаютъ старыя обиды, ненависть и подозрительность, поднимаясь на

поверхность словно пузыри газа со дна болота и указывая на глубокій процессъ броженія, происходящій на днѣ. Даже не преувеличивая нисколько значенія событій происходящихъ въ Венгріи, не драматизируя чрезмѣрно положенія, все-таки нельзя отрицать его серьезности, такъ какъ кризисъ, переживаемый Венгріей, изъ чисто парламентскаго, и даже до нѣкоторой степени искусственнаго, превратился теперь въ политическій, министерскій и правительственный и легко можетъ въ концѣ концовъ сдѣлаться конституціоннымъ, органическимъ и національнымъ. То, что именно съ юбилеемъ Деака совпалъ первый рѣшительный ударъ, нанесенный его зданію, заставляетъ предполагать, что дни этого зданія сочтены.

Когда мы дописывали эти строки, получено было извѣстіе о сформированіи венгерскаго кабинета. Графъ Тисса назначенъ министромъ-президентомъ. Это достаточно ясно указываетъ, какое направленіе принимаетъ австрійская политика по отношенію къ Венгріи.

Культуркампфъ во Франціи.—Феминизмъ въ политико-экономическомъ обществѣ. До сихъ поръ еще не приведено въ извѣстность число школьныхъ учениковъ, которые должны теперь перейти въ государственныя свѣтскія школы, вслѣдствіе закрытія конгрегаціонныхъ школъ. Новый учебный семестръ уже начался и школьныя власти, ожидая наплыва учениковъ, вездѣ заранѣе приняли мѣры, пригласили новыхъ учителей и учительницъ, открыли новые классы и т. д. Однако, какъ оказывается, наплывъ учениковъ далеко не такъ великъ, какъ ожидали и надѣялись, особенно въ Парижѣ, гдѣ прибыль учениковъ въ свѣтскихъ школахъ весьма невелика. Сенская префектура уже опубликовала нѣкоторыя цифры; такъ въ школахъ для мальчиковъ прибыло 1.900 учениковъ, а для дѣвочекъ 3.200—въ самомъ Парижѣ и 1.600 мальчиковъ и 3.200 дѣвочекъ въ школахъ предмѣстья.

Такой незначительный приростъ отчасти объясняется тѣмъ, что число конгрегаціонныхъ школъ въ Парижѣ подлежавшихъ закрытію, было сравнительно невелико (26 въ самомъ городѣ и 43 въ предмѣстьяхъ), что главнымъ образомъ зависитъ отъ того, что большинство духовныхъ школъ въ Парижѣ находится въ рукахъ конгрегаціи «Frères des écoles chrétiennes», разрѣшенной уже около сотни лѣтъ тому назадъ, и поэтому школы эти не подлежатъ закрытію. Тѣмъ не менѣе французская радикальная печать не скрываетъ своего разочарованія. по поводу ничтожныхъ результатовъ противъ конгрегацій, именно въ области школьнаго образованія. Благодаря тому, говорятъ французскіе газеты, что законъ Фаллу о свободѣ преподаванія еще не отмѣненъ, сторонники конгрегаціи вмѣсто закрытія конгрегаціонныхъ школъ и даже зачастую въ томъ самомъ помѣщеніи, поотрывали другія школы, которыя, хотя и не называются конгрегаціонными, но все же продолжаютъ вести преподаваніе въ духѣ конгрегацій. Изъ 69 закрытыхъ въ Парижѣ конгрегаціонныхъ школъ, только 31 возобновились тотчасъ же подъ другимъ именемъ и само собою разумѣется, что родители, желавшіе воспитывать своихъ дѣтей въ духѣ конгрегацій, продолжаютъ ихъ держать въ такихъ школахъ, гдѣ этотъ духъ

все еще господствуетъ, несмотря на перемѣну названія и даже учебнаго персонала.

На конгрессѣ радикальной и радикально-соціалистической партіи въ Марсели, этой крѣпости французскаго антиклерикализма и радикализма, не была обойдена молчаніемъ неудача въ области школьнаго воспитанія и такъ какъ марсельскій конгрессъ не былъ только простымъ состязаніемъ въ краснорѣчіи, а конгрессомъ господствующей партіи во Франціи, то его резолюціи получали особенное значеніе, такъ какъ они указывали правительству пути, по которымъ оно должно было слѣдовать. Само собою разумѣется, что пренія главнымъ образомъ вращались около вопроса, какъ помѣшать клерикализму обходить законъ и забирать въ руки преподаваніе. И всякій разъ, когда пренія кончались резолюціями, то большинство всегда оказывалось на сторонѣ приверженцевъ политики «jusqu'au bout», и, конечно, вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства и отмѣна конкордата былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Этотъ вопросъ, впрочемъ, не вызвалъ никакихъ разногласій и пренія приняли возбужденный характеръ только тогда, когда на сцену выдвинутъ былъ школьный вопросъ и выступили двѣ противоположныя доктрины, обѣ имѣющія своихъ представителей въ правительственныхъ партіяхъ. Приверженцы одной изъ нихъ, съ профессоромъ Бюисономъ во главѣ, требуютъ закрытія всѣхъ духовныхъ учебныхъ заведеній, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, а болѣе радикальная доктрина «молодыхъ», гг. Лентильяка и Анри Беранже, коротко и ясно высказывается въ пользу «государственной монополіи школьнаго преподаванія». Громадное большинство членовъ конгрессовъ, въ виду печальнаго опыта съ закрытіемъ конгрегаціонныхъ школъ, высказалось въ пользу государственной монополіи, заявляя, что въ борьбѣ съ такимъ зломъ возможны только радикальныя мѣры!

Незадолго до этого конгресса происходилъ въ Марсели конгрессъ союзовъ учителей и учительницъ. Между прочимъ на этомъ конгрессѣ была вотирована интересная резолюція, изгоняющая изъ школъ какія бы то ни было картины военнаго содержанія, изображенія сраженій и т. п., на томъ основаніи, что такія картины оказываютъ вредное вліяніе на дѣтскую душу и умъ. Всѣ эти картины, воспитывающія въ дѣтяхъ милитаристскій духъ и преклоненіе передъ силой, предполагается замѣнить изображеніями домашняго очага, въ родѣ напр., слѣдующаго: ребенокъ приготовляетъ уроки, въ то время какъ мать его приготовляетъ ужинъ и т. д. Вообще тенденція этого когресса «Sociétés amicales d'instituteurs et d'institutrices» была рѣзко враждебна всему, что имѣетъ какое-либо отношеніе къ войнѣ и ея дѣятелямъ. Клерикализмъ имѣлъ такихъ же рѣшительныхъ враговъ на этомъ конгрессѣ, какъ и милитаризмъ. Резолюціи и пренія, происходившія на этомъ конгрессѣ, подали поводъ къ ожесточенной полемикѣ, и надо полагать, что борьба на почвѣ школьнаго преподаванія во Франціи затянется надолго.

Послѣднее сообщеніе общества политической экономіи въ Парижѣ ознаменовалось тѣмъ, что въ первый разъ въ этомъ обществѣ женщинѣ было дано слово и она сдѣлала докладъ по слѣдующему вопросу: «Можетъ ли феминизмъ

ожидать поддержки отъ экономистовъ или долженъ ихъ опасаться?» Г-жа Мельо, прочитавшая этотъ докладъ, сначала широкими чертами обрисовала положеніе женщины въ различныхъ странахъ и историческій ходъ феминизма. Она указала на то, что повсюду эмансипація женщины явилась неизбѣжнымъ результатомъ промышленнаго прогресса, изобрѣтенія машинъ и перемѣщенія центра тяжести человѣческой дѣятельности. Женщина очень часто бываетъ поставлена въ необходимость покидать свой домашній очагъ и работать на фабрикахъ и въ мастерскихъ, т.-е. внѣ своего дома. Затѣмъ г-жа Мельо выставила на видъ всѣ несообразности французскаго гражданскаго кодекса, который въ одномъ случаѣ относится къ женщинѣ какъ къ рабѣ, а въ другомъ—какъ къ существу свободному, смотря по тому о чемъ идетъ дѣло, о правахъ или обязанностяхъ. Такъ напр., статья 8-я гражданскаго кодекса говоритъ: «Всякій французъ пользуется гражданскими правами», и французскіе юристы, разъясняя эту статью, заявляютъ, что подъ словомъ «французъ» нельзя понимать «француженку». Затѣмъ въ статьѣ 15-й говорится: «Французъ можетъ быть препровожденъ во французскій трибуналъ по обязательствамъ заключеннымъ заграницей, даже съ иностранцемъ», и французскіе юристы единогласно постановляютъ рѣшеніе уже въ обратномъ смыслѣ, т.-е., что подъ словомъ «французъ» надо подразумѣвать и «француженку». Итакъ, въ первомъ случаѣ мужчина отстраняетъ женщину, а во второмъ онъ надѣваетъ ей петлю на шею!

Въ своемъ заключеніи г-жа Мельо говоритъ, что такъ какъ право труда есть права естественное, первоначальное, то феминизму нечего опасаться экономистовъ. И такъ какъ экономисты—къ чести ихъ будь сказано—проповѣдуютъ пользованіе всѣми правами, не боятся конкуренціи и желаютъ повышенія производительности, то они поэтому уже не могутъ враждебно относиться къ экономической эмансипаціи женщинъ, и феминизмъ можетъ разсчитывать на ихъ поддержку.

Докладъ г-жи Мельо имѣлъ большой успѣхъ и вызвалъ очень оживленныя пренія. Большинство ораторовъ указывало на вредное вліяніе работы женщинъ внѣ дома, выражающееся уменьшеніемъ числа рожденій. Женщина должна оставаться у своего домашняго очага, говорили они, притомъ же свобода труда, которой добиваются феминисты вызоветъ только переполненіе рынка труда. Женщинѣ платятъ меньше, потому что у нея меньше потребностей; она сама можетъ готовить для себя кушанье и не ходитъ въ кафе, слѣдовательно расходуетъ меньше, но есть страны, гдѣ женщины исполняютъ такія же тяжелыя работы, какъ и мужчины. Одинъ изъ членовъ общества, г. Соважъ, разсказалъ, что онъ посѣтилъ однажды верфь въ Будапештѣ, гдѣ женщины были каменьщиками, причемъ мужчины предоставляли имъ наиболѣе трудныя работы. Тѣ же самыя условія приходится наблюдать среди берегового населенія во Франціи. Мужчины только отправляются въ море и не занимаются полевыми работами, которыя всецѣло лежатъ на женщинахъ. Заработная же плата женщинъ всегда ниже, но не потому, чтобы женскій трудъ былъ ниже по качеству и количеству, а вслѣдствіе того, что наниматели увѣрены, что женщина не можетъ защищать свои права. Вопросъ о заработной платѣ самый трудный и

*

равенство въ этомъ отношеніи будетъ достигнуто лишь съ большими усиліями. Что же касается ходячаго убѣжденія, что работа женщинъ внѣ дома уменьшаетъ число дѣторожденій, то ораторъ на это возразилъ, что во Франціи, какъ разъ наоборотъ, число рожденій уменьшается отнюдь не въ рабочей средѣ, а въ свѣтской средѣ, гдѣ женщина не ходитъ на работу, а живетъ въ своемъ салонѣ, который, однако, еще болѣе отвлекаетъ ее отъ ея материнскихъ обязанностей, нежели какой-либо профессіональный трудъ.

Въ Парижѣ существуетъ нѣсколько женскихъ ассоціацій, спеціально имѣющихъ цѣлью оказывать поддержку трудящимся женщинамъ и молодымъ дѣвушкамъ, пріѣзжающимъ въ Парижъ учиться. Укажемъ нѣкоторыя изъ нихъ: «Cercle Amicitia» (Rue Royal, 12) носитъ международный характеръ. Это общество посылаетъ своихъ членовъ на вокзалы для оказанія содѣйствія молодымъ иностранкамъ, впервые пріѣзжающимъ въ Парижъ. При обществѣ имѣется родъ клуба, читальня, библіотека, женскій ресторанъ и садъ, а также тридцать комнатъ, которыя отдаются въ наймы отъ 35 до 40 фр. въ мѣсяцъ съ утреннимъ кофе. Ассоціація «Guide Internationale» (Rue de la Sorbonne; 6) служитъ сборнымъ пунктомъ для студентокъ всѣхъ національностей. Въ помѣщеніяхъ этого общества устраиваются публичныя лекціи и ежегодные курсы французскаго языка для пріѣзжающихъ иностранокъ. Важнѣйшимъ учрежденіемъ этого общества является справочное бюро, куда студентки могутъ обращаться за всѣми нужными имъ свѣдѣніями, будутъ ли они касаться ученія, программъ и курсовъ, или вопросовъ матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія.

«Cercle du travail feminin» (Boulevard des Capucines, 35) устроенъ для работницъ и женщинъ, служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ. Тутъ онѣ могутъ проводить свободные часы, читать и заниматься, а также два раза въ недѣлю слушать безплатные курсы языковъ, французскаго, англійскаго и нѣмецкаго и обучаться техническому рисованію, кройкѣ, стенографіи и бухгалтеріи. Въ случаѣ болѣзни, члены этой ассоціаціи пользуются безплатнымъ леченіемъ. Кромѣ того, при обществѣ находятся два адвоката, которые подаютъ юридическіе совѣты, и бюро для пріисканія занятій.

Въ Германіи. Приближеніе выборовъ въ прусскую палату депутатовъ вызываетъ усиленную дѣятельность среди различныхъ германскихъ политическихъ партій. Особенно зашевелились національ-либералы, которые на ежегодномъ съѣздѣ своей партіи въ Ганноверѣ обсуждали свои шансы на успѣхъ и пришли къ весьма благопріятнымъ выводамъ. Въ своемъ воззваніи къ прусскимъ избирателямъ они заявляютъ, что на послѣднихъ выборахъ въ германскій рейхстагъ число голосовъ національ-либеральной партіи возросло до 300.000. Конечно, чудовищный успѣхъ соціалъ-демократовъ набрасываетъ нѣкоторую тѣнь на эту картину, которая должна была бы указывать на возрожденіе въ германской націи симпатіи къ тѣмъ національнымъ и либеральнымъ принципамъ, представителями которыхъ служитъ партія. Національ-либералы, однако, не теряютъ надежды побѣдить на предстоящихъ выборахъ и смѣло вступаютъ

въ состязаніе съ опаснымъ врагомъ. Ораторы національ-либеральной партіи съ большимъ жаромъ высказались противъ кооперації съ соціалъ-демократами. Если могла быть какая-нибудь рѣчь объ этомъ раньше, то послѣ побѣды фракціи непримиримыхъ на дрезденскомъ конгрессѣ никакія колебанія уже невозможны. Національ-либералы не могутъ идти рука объ руку съ тѣми, кого они считаютъ опасными врагами государства и общества. Партія должна удвоить свои усилія для борьбы съ ними. Но другимъ, столь же опаснымъ врагомъ національ-либералы считаютъ клерикаловъ. Правительство въ рейхстагѣ, во всѣхъ вопросахъ, касающихся національной обороны и ратификацій коммерческихъ договоровъ, находится въ зависимости отъ клерикальнаго центра, который, конечно, не захочетъ даромъ отдавать своихъ услугъ и потребуетъ въ уплату различныхъ уступокъ своимъ желаніямъ въ Пруссіи. Съ консерваторами также надо бороться, говорятъ національ-либералы, такъ какъ, помимо крайне вреднаго вліянія, оказываемаго ими на административную систему, они преслѣдуютъ еще крайне одностороннюю политику классовыхъ интересовъ, наносящую ущербъ общему благосостоянію страны.

Такимъ образомъ всѣ германскія политическія партіи заняты теперь мобилизаціей своихъ силъ, но выборы въ прусскую палату депутатовъ далеко не въ такой степени волнуютъ германское общество, какъ выборы въ рейхстагъ. Органы различныхъ партій печатаютъ воззванія къ избирателямъ и статьи, обсуждающія шансы той или другой партіи, но особеннаго оживленія полемики незамѣтно. Гораздо болѣе шума и толковъ въ печати вызвали недавно происходившія вагнеровскія празднества, по случаю открытія памятника Вагнеру въ Берлинѣ. По отзывамъ газетъ, это была настоящая трагикомедія, вагнеровское празднество безъ Вагнера, но съ фабрикантомъ жирной пудры Лейхнеромъ во главѣ! Правда, Лейхнеръ пожертвовалъ полмилліона за эту честь, и если онъ хотѣлъ рекламы, то цѣль его достигнута; въ теченіе нѣсколькихъ недѣль всѣ газетные столбцы были наполнены его именемъ, а сатирическіе листки каррикатурами, изображавшими его. Такимъ образомъ, если онъ еще не прославился изобрѣтеніемъ жирной пудры, то теперь его имя прогремѣло во всемъ читающемъ и музыкальномъ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, случилось нѣчто странное: ни одинъ изъ членовъ семьи знаменитаго композитора не явился, ни одинъ изъ выдающихся композиторовъ Германіи не участвовалъ въ праздникѣ, даже тѣ, которые были въ это время въ Берлинѣ, не почтили праздника своимъ присутствіемъ; поэтому и музыкальная программа праздника ничего общаго не имѣла съ тѣмъ, чье имя собирались чествовать. Ни первоклассный оркестръ, ни первоклассные артисты не участвовали въ исполненіи программы, все было изъ рукъ вонъ плохо, и музыкальная часть празднества совершенно не удалась. Однимъ словомъ музыкальный міръ совершенно отсутствовалъ на праздникѣ, который долженъ былъ касаться его ближе всего. Газеты были полны всякихъ догадокъ и предположеній, но, кажется, наиболѣе вѣрное объясненіе заключалось въ томъ, что Лейхнеръ поссорился съ госпожою Косимой Вагнеръ и ея сыномъ Зигфридомъ. Заплативъ полмилліона, онъ вовсе не хотѣлъ играть роль «quantité négligeable» въ этомъ празднествѣ и поэтому желалъ

сохранить въ своихъ рукахъ руководительство во всемъ, даже въ музыкальной программѣ. Онъ былъ предсѣдателемъ вагнеровскаго комитета и желалъ оставаться таковымъ. Но «коса нашла на камень», госпожа Вагнеръ удалилась, а вмѣстѣ съ нею и всѣ представители музыкальнаго міра и поэтому открытіе памятника великому музыкальному генію Германіи оказалось скорѣе праздникомъ косметическаго торговца Лейхнера, нежели праздникомъ Вагнера.

Въ Веймарѣ, въ годовщину рожденія покойнаго германскаго философа Ницше состоялось скромное торжество, въ которомъ принималъ участіе небольшой кружокъ ученыхъ, художниковъ и писателей. Сестра покойнаго философа, госпожа Фёрстеръ, пригласила ихъ на открытіе бюста Ницше, работы художника Макса Клингера, и устроеннаго профессоромъ Вандевельде архива Ницше. Торжество, на которомъ присутствовало 60 человѣкъ, началось пѣніемъ одного стихотворенія Гейбеля, переложеннаго Фридрихомъ Ницше на музыку въ 1887 году. Музыка написана въ духѣ Шумана и указываетъ, что Ницше не былъ лишенъ музыкальнаго таланта. Кромѣ этой пѣсни, было исполнено еще одно музыкальное произведеніе Ницше: стихи Петёфи, переложенные на музыку, и затѣмъ два его стихотворенія, также переложенныя на музыку, но уже другимъ композиторомъ.

Боснійскій Мазаніелло. Въ этомъ году исполнилось 25 лѣтъ со времени оккупаціи Босніи и поэтому въ австрійской печати появились воспоминанія объ этомъ періодѣ. Какъ извѣстно, оккупація совершилась вовсе не такъ гладко, какъ это думалъ графъ Андраши. Въ Босніи сначала не хотѣли повѣрить, что султанъ далъ свое согласіе на то, чтобы габсбургская монархія вводила порядокъ въ провинціи, и когда сомнѣнія на этотъ счетъ исчезли, то султанъ былъ объявленъ измѣнникомъ исламу, передавшимъ въ руки невѣрныхъ мусульманскую страну. Волненіе, вызванное этимъ обстоятельствомъ все усиливалось и, наконецъ, перешло въ настоящее возстаніе, во главѣ котораго всталъ Хаджи Лойо, прозванный боснійскимъ Мазаніелло.

Это было 5-го іюля 1878 года. Съ высоты минаретовъ раздался призывъ муэззиновъ къ молитвѣ и огромная толпа направилась къ главной мечети въ Сараево. Когда кончилось моленіе, которое прошло въ полномъ спокойствіи, толпа вдругъ заволновалась, и всѣ взоры обратились на стоящую во дворѣ мечети старую развѣсистую липу, подъ сѣнью которой начинались всѣ возстанія въ Сараево. И на этотъ разъ ожиданія толпы не были обмануты; подъ липою стоялъ человѣкъ геркулесовскаго роста и держалъ въ рукахъ зеленое мусульманское знамя. «Хаджи Лойо!» пронеслось въ толпѣ и безъ малѣйшаго колебанія, по одному только знаку этого бывшаго атамана разбойниковъ, хорошо извѣстнаго въ Босніи, толпа ринулась за нимъ по направленію къ дворцу турецкаго вали. Во дворцѣ было уже получено извѣщеніе о начавшемся возстаніи, и вали, до смерти перепуганный, созвалъ всѣхъ своихъ чиновниковъ для совѣщанія о мѣрахъ борьбы съ возставшимъ населеніемъ Сараева. Военный комендантъ Вели-паша совѣтовалъ прибѣгнуть къ вооруженной силѣ и вытребовать войска, прибавивъ при этомъ, что онъ не ручается за боснійскіе

батальоны, вслѣдствіе чего необходимо вызвать другіе, а пока окружить губернаторскій дворецъ жандармеріей и зарядить обѣ пушки, стоящія у дворца. Между тѣмъ толпа окружила дворецъ и наполнила дворъ. Хаджи Лойо все время находился впереди и своими зажигательными рѣчами противъ турецкихъ властей все болѣе и болѣе возбуждалъ толпу. Однако, несмотря на то, что возстаніе разгоралось не на шутку, толпа все-таки не позволила себѣ никакихъ безчинствъ на улицахъ и кровопролитныхъ столкновеній не произошло. Толпа отправила къ вали депутацію и прежде всего потребовала смѣны военнаго коменданта. Такъ какъ боснійскіе солдаты, какъ и предсказывалъ комендантъ, перешли на сторону повстанцевъ, то положеніе приняло критическій характеръ и комендантъ, понявъ это, удалился самъ, чтобы успокоить толпу. Этотъ первый успѣхъ возстанія вызвалъ большое ликованіе и наконецъ поздно ночью толпа разошлась по домамъ. На утро, однако, повторилось тоже самое и власти увидѣли себя вынужденными капитулировать передъ народнымъ вождемъ, какимъ въ однѣ сутки сдѣлался Хаджи Лойо. Губернаторъ (вали) послалъ ему сказать, что онъ ему прощаетъ всѣ его прежнія преступленія и проступки и приглашаетъ его явиться во дворецъ для переговоровъ. Хаджи Лойо, какъ тріумфаторъ, пошелъ къ губернатору въ сопровожденіи свиты изъ 1.000 человѣкъ. На улицѣ вездѣ народъ восторженно привѣтствовалъ его, называлъ его «своимъ избавителемъ». Гордо вступилъ помилованный разбойникъ во дворецъ, гдѣ и былъ принятъ губернаторомъ съ большою торжественностью. Губернаторъ, угостивъ его мокка и сигарами, обѣщалъ выполнить всѣ требованія народа. Послѣ этого Хаджи Лойо сдѣлался неограниченнымъ властителемъ въ Сараево, власти дрожали передъ нимъ, а народъ безпрекословно повиновался ему и слѣпо шелъ за нимъ всюду. Христіане въ страхѣ ожидали, что начнется рѣзня, но къ чести Лойо будь сказано, этотъ бывшій разбойникъ не произвелъ никакихъ грабежей и убійствъ въ городѣ, хотя могъ бы безнаказанно ввести настоящій терроръ въ Сараево. Народъ боготворилъ его и ожидалъ отъ него великихъ благъ и милостей, но торжество его продолжалось недолго. Онъ сдѣлался неудобенъ для боснійскихъ нотаблей, которые вначалѣ думали употребить его лишь какъ орудіе для своихъ личныхъ цѣлей, но когда это оказалось невозможно, такъ какъ онъ переросъ ихъ цѣлою головой, то они стали придумывать способъ какъ бы отъ него отдѣлаться. Кстати подоспѣли и австрійскія войска. Національное правительство, образованное изъ нотаблей города при поддержкѣ Лойо, постановило во чтобы то ни стало «прогнать швабовъ». Пылкій Лойо похвалялся сдѣлать это и ему было поручено командованіе отрядомъ, который отправился на встрѣчу австрійцамъ, но онъ вернулся на разсвѣтѣ въ городъ, не видавъ врага. Правительство воспользовалось этимъ предлогомъ, чтобы судить Лойо за дезертированіе съ поля битвы. Его призвали во дворецъ для объясненій и онъ отправился туда, но такъ какъ друзья предупредили его, что его смерть рѣшена, то онъ пошелъ въ сопровожденіи своихъ приверженцевъ и вооруженный. Однако, едва онъ успѣлъ вступить на первую ступень лѣстницы, какъ раздался выстрѣлъ и онъ упалъ раненый въ ногу. Увѣряли, что это его собственный карабинъ нечаянно выстрѣлилъ.

Съ этой минуты, однако, счастье ему измѣнило. Правда, онъ пробовалъ, лежа въ постели, раненый, поддержать возстаніе, но съ австрійскими войсками борьба оказалась не подъ силу. Когда войска заняли Сараево, то Лойо исчезъ. Спустя два мѣсяца, когда возстаніе было совершенно подавлено, его нашли австрійскіе солдаты, больного, въ хижинѣ, вблизи сербской границы. Его привезли въ Сараево, помѣстили въ больницу для излѣченія раны и затѣмъ по выздоровленіи, заключили въ тюрьму, гдѣ онъ отсидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ. Когда его выпустили, онъ уѣхалъ въ Мекку, такъ какъ Боснія была уже потеряна для мусульманъ.

Феминизмъ въ Германіи и др. мѣстахъ. Судя по отчетамъ нѣмецкихъ и англійскихъ феминистскихъ органовъ, феминизмъ прогрессируетъ во всѣхъ областяхъ политической и экономической жизни. Д-ръ правъ Анита Аугсбургъ въ своемъ послѣднемъ обзорѣ положенія вопроса объ избирательныхъ правахъ женщинъ приходитъ къ весьма утѣшительнымъ выводамъ. Въ Австраліи, напр., около милліона женщинъ уже получили право голоса на политическихъ выборахъ и, несмотря на скептическія разсужденія консервативной партіи, выказали желаніе воспользоваться своими правами, спѣша занести свои имена въ избирательные списки. Тѣмъ не менѣе цѣль австралійскихъ феминистовъ еще не достигнута, такъ какъ хотя женщины получили право голоса на выборахъ въ австралійскій федеральный парламентъ, но онѣ еще не пользуются имъ на выборахъ въ палаты депутатовъ во всѣхъ штатахъ. Въ штатѣ Викторія билль, распространяющій избирательное право на женщинъ, прошелъ въ палатѣ депутатовъ, но былъ отвергнутъ верхнею палатою. Въ Тасманіи ожидаютъ отъ новаго министерства разрѣшенія этого вопроса въ благопріятномъ для феминистовъ смыслѣ.

Въ Соединенныхъ штатахъ результаты женскаго движенія уже очень значительны. Въ Уомингѣ, Колорадо, Утахѣ и Идаго женщины пользуются совершенно такими же правами, какъ и мужчины. Парламенты Аризоны и Нью-Гемпшайра вотировали недавно резолюцію, распространяющую избирательное право на женщинъ, но veto губернатора помѣшало ея выполненію.

Въ Англіи, въ области школьной администраціи, сдѣланъ шагъ назадъ. Надзоръ за учебными заведеніями переданъ общинамъ и совѣтамъ графствъ, куда женщины пока не допускаются, между тѣмъ раньше, въ теченіе тридцати лѣтъ, онѣ участвовали во всѣхъ комитетахъ администраціи и надзора за школами. Мало надежды на то, чтобы женщины въ скоромъ времени добились расширенія своихъ правъ въ Голландіи, хотя либерально-демократическая партія и внесла въ палату предложеніе расширить права женщинъ, но въ Даніи феминизмъ имѣетъ больше шансовъ на успѣхъ, такъ какъ большинство палаты расположено въ пользу такой реформы, а въ Норвегіи она уже принята парламентомъ.

Въ другихъ странахъ, въ области не политической, феминизмъ добился такихъ успѣховъ, которыми пренебрегать не слѣдуетъ. Въ Австріи, напр., число учительницъ возросло за послѣдніе четыре года на 15%, тогда какъ число

учителей умножилось въ то же время на 7%. Это во всякомъ случаѣ указываетъ на увеличеніе числа смѣшанныхъ школъ и на то, что учительницы назначаются и въ мужскіе классы. Такое же увеличеніе числа служащихъ женщинъ замѣчается и въ другихъ вѣдомствахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, телефонахъ и почтѣ. Между прочимъ въ Тиролѣ одна дама писательница сдѣлана членомъ бюро цензуры.

Въ Берлинѣ существуютъ два феменистскихъ клуба; одинъ основанъ 15 лѣтъ тому назадъ, это «Deutsche Frauenklub», а другой называется «Berliner Frauenklub 1900». Этотъ клубъ является теперь до нѣкоторой степени центромъ женскаго движенія въ Германіи. Корреспондентъ одной французской газеты, интересующійся положеніемъ женскаго вопроса въ разныхъ странахъ, посѣтилъ этотъ клубъ и вынесъ впечатлѣніе, что пропаганда женскаго движенія въ Германіи поставлена весьма серьезно. Одна изъ дамъ учредительницъ, которую онъ разспрашивалъ объ успѣхахъ феминизма въ Германіи, сказала ему, что женщинамъ приходится преодолѣвать большія затрудненія вслѣдствіе враждебнаго отношенія оффиціальныхъ учрежденій и господства традиціонной бюрократіи и рутины въ германской жизни. Однако, все же удалось добиться того, что въ бюро санитарной инспекціи полиціи нравовъ назначена женщина, но вообще въ области медицинской и адвокатской практики женщинамъ особенно трудно бороться съ недоброжелательствомъ и рутинными взглядами германскаго общества. На вопросъ корреспондента, ведетъ ли женскій клубъ активную и оффиціальную открытую пропаганду въ пользу реформаторскихъ идей, учредительница отвѣчала: «Къ сожалѣнію, этого нельзя. Такъ какъ мы женщины, то лишены права учреждать такое общество, которое бы открыто преслѣдовало политическія цѣли и организовало бы движеніе. Германскіе законы не допускаютъ этого, такъ какъ они не признаютъ за женщинами такого же права ассоціаціи, какое имѣютъ мужчины. Нашъ клубъ представляетъ частный кружокъ и при малѣйшей попыткѣ съ нашей стороны открытаго вмѣшательства въ какіе-нибудь вопросы и устройства коллективныхъ и публичныхъ собраній и манифестацій полиція немедленно бы закрыла нашъ клубъ; поэтому-то клубъ и не можетъ открыто вмѣшиваться въ борбу за права женщины и долженъ воздерживаться отъ воинствующаго направленія. Мы не составляемъ авангарда, но образуемъ резервъ, не допускающій ни малѣйшаго движенія назадъ. Клубъ служитъ мѣстомъ собранія женщинъ. Взносъ невеликъ, всего шесть марокъ, и поэтому трудящіяся женщины охотно поступаютъ членами. Пропаганда же прогрессивныхъ идей ведется не съ каѳедры, какъ въ другихъ мѣстахъ, а посредствомъ общенія и разговоровъ съ сторонницами передовыхъ взглядовъ. Такіе частные разговоры иногда даже больше могутъ сдѣлать, чѣмъ открытая пропаганда. Молодыя дѣвушки, впервые переступающія порогъ домашняго очага, встрѣчаются у насъ съ женщинами передовыми, самостоятельными и кругозоръ ихъ расширяется. Такимъ образомъ передовыя идеи движутся впередъ и ничто не можетъ задержать ихъ развитія...»

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Дѣло Дрейфуса и французская литература.—Кризисъ на французскомъ книжномъ рынкѣ.—Взглядъ геолога на войну.—Женское избирательное право въ Новой Зеландіи.

Дѣло Дрейфуса раздѣлило интеллектуальную Францію на два лагеря и такой же расколъ произвело въ литературѣ. Современные французскіе писатели раздѣлились на дрейфусаровъ и антидрейфусаровъ и приняли болѣе или менѣе живое участіе въ спорѣ, волновавшемъ всю Францію. Жоржъ Пелиссье полагаетъ, что посредствомъ изученія ихъ произведеній, написанныхъ раньше знаменитаго дѣла и послѣ него, можно опредѣлить мотивы, побуждавшіе ихъ становиться на ту или другую сторону и выяснить вліяніе, которое дѣло Дрейфуса оказывало на нихъ, обнаруживая глубокія черты характера ихъ личности. Въ своей статьѣ, въ «Revue», Жоржъ Пелиссье анализируетъ въ этомъ направленіи характеръ пяти французскихъ писателей, антидрейфусаровъ—Жюля Леметра, Поля Бурже и Фердинанда Брюнетьера и дрейфусаровъ—Анатоля Франса и Эмиля Золя.

Жюль Леметръ былъ націоналистомъ уже въ своихъ прежнихъ произведеніяхъ: «Contemporains», «Impressions de théâtre», и эта черта его характера заставляла его отворачиваться отъ всякихъ экзотическихъ произведеній литературы. Онъ любитъ только книги своей родины и даже не считаетъ нужнымъ соблюдать справедливость въ своихъ сужденіяхъ о другихъ странахъ. Онъ упрекалъ Бурже за его пристрастіе къ Англіи и въ своей статьѣ о вліяніи сѣверныхъ литературъ, написанной лѣтъ восемь тому назадъ, ясно выказалъ свое нерасположеніе къ этимъ «варварскимъ писателямъ, одни имена которыхъ рѣжутъ французское ухо». Онъ доказывалъ, что все, чѣмъ восхищаются современные французы у этихъ писателей, заимствовано ими у французскихъ же авторовъ. Жюль Леметръ не считалъ бы себя достаточно патріотомъ, если бы онъ не былъ болѣе или менѣе шовинистомъ. Но шовинизмъ и націонализмъ этого писателя не высказывались такъ ярко и держались въ извѣстныхъ границахъ, пока не возникло дѣло Дрейфуса. Жюль Леметръ ринулся въ политику, сдѣлался журналистомъ, основалъ лигу и взялъ на себя роль «защитника и мстителя французскаго отечества». Его патріатизмъ превратилъ его изъ литератора въ главу партіи; онъ потерялъ всякую сдержанность, сдѣлался несправедливымъ, ненавистникомъ и фанатикомъ. Въ грубыхъ выходкахъ, которыми были наполнены его статьи, онъ соперничалъ съ Рошфорами и Дрюмонами и часто переходилъ всѣ границы. Такимъ образомъ тлѣющій до этого націонализмъ въ душѣ Жюля Леметра разгорѣлся яркимъ пламенемъ и опредѣлилъ характеръ его дальнѣйшей политической и литературной дѣятельности. Что касается Бурже, то его сдѣлалъ «антидрейфусаромъ» его аристократизмъ. Великосвѣтскіе салоны, откуда онъ заимствовалъ образы своихъ элегантныхъ грѣшницъ, оказывали на него, съ самаго начала его литературной карьеры, такое обаяніе, что онъ не только ассимилировалъ ихъ внѣшній лоскъ и тще-

славіе, но и приспособилъ свои взгляды и вѣрованія ко взглядамъ и вѣрованіямъ, господствовавшимъ въ этихъ салонахъ. Послѣ этого какъ же онъ могъ быть дрейфусаромъ? Вѣдь одно имя Дрейфуса было вульгарнымъ и внушало ему непреодолимое отвращеніе! Притомъ же, если Дрейфусъ не былъ виновенъ въ измѣнѣ, то былъ виновенъ въ томъ, что защитниками его были революціонеры и анархисты! И вотъ дѣло Дрейфуса раздуло въ яркое пламя этотъ аристократизмъ, всегда существовавшій у Бурже, и вызвало со дна его души всѣ предразсудки, всѣ нелѣпыя заблужденія и свирѣпую ненависть, которыя тамъ дремали. Если онъ не послѣдовалъ примѣру Леметра и не вмѣшался въ активную политику, то все же никогда не упускалъ удобнаго случая извергнуть градъ проклятій на демократію. Онъ не принадлежалъ ни къ какой партіи только потому, что, по его мнѣнію, всякая партія хороша, если только она борется съ прогрессомъ демократіи, и въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ («Duchesse bleue», «Monique», «Etape») онъ прославляетъ католицизмъ и духъ консерватизма во всѣхъ его формахъ, возставая противъ всякаго индивидуальнаго и соціальнаго прогресса и заявляя, что «всякая доктрина, если только она не такъ стара, какъ общество, есть заблужденіе».

Такія же идеи традиціи проповѣдуетъ и Брюнетьеръ. Противъ дрейфусаровъ Брюнетьеръ выдвигалъ главнымъ образомъ силу состоявшагося рѣшенія. Его литературная философія основывалась на преклоненіи передъ принципами и традиціонными правилами, а гражданская—на принципѣ уваженія властей, установленныхъ обществомъ, прерогативы котораго она ставитъ выше прерогативъ индивида. Онъ всегда поддерживалъ католицизмъ, но не какъ вѣрующій, а лишь съ точки зрѣнія высшей власти, гарантирующей поддержаніе порядка, и только теперь онъ сдѣлался вѣрующимъ и активнымъ католикомъ. Постепенно онъ пришелъ къ заключенію о необходимости подчиненія разума высшей власти.

Если французская интеллигенція такъ рѣзко раздѣлилась въ дѣлѣ Дрейфуса на двѣ группы, то это произошло лишь потому, что она и раньше представляла два направленія. Всегда были и всегда будутъ во Франціи, но лишь подъ другими именами, антидрейфусары и дрейфусары. Антидрейфусары—это тѣ, кто стоитъ за власть, традиціи и вѣру; дрейфусары же не допускаютъ, чтобы кодексъ преобладалъ надъ правомъ и чтобы практическій здравый смыслъ подчинялъ себѣ нравственное чувство и разумъ.

Въ томъ же нумерѣ «Revue» обсуждаются причины кризиса, который переживаетъ въ настоящее время французскій книжный рынокъ. Журналъ опросилъ мнѣніе издателей и журналистовъ и помѣстилъ отвѣты нѣкоторыхъ изъ нихъ. Фаскель, теперешній владѣлецъ старинной издательской фирмы Шарпантье, утверждаетъ, что кризисъ существуетъ только для тѣхъ издателей, которые не понимаютъ своего дѣла. Читатели не хотятъ болѣе такъ называемыхъ романовъ съ приключеніями и психологическіе романы ихъ также утомляютъ въ настоящее время; они, главнымъ образомъ, интересуются теперь великими соціальными проблемами и такія книги всегда имѣютъ успѣхъ. Совершенно противоположную точку зрѣнія высказываетъ другой издатель, Жю-

ванъ, утверждающій, что публика покупаетъ только занимательные романы и оставляетъ безъ вниманія книги, написанныя на трудно переваримыя соціальныя темы, каково бы ни было ихъ литературное достоинство. Почему Фейлье и Додэ имѣли такой огромный успѣхъ? Потому что ихъ произведенія нравились дамамъ, изъ которыхъ и состоитъ, главнымъ образомъ, публика, читающая романы.

Очевидно, парижскіе издатели имѣютъ далеко не одинаковые взгляды на вкусы и желанія публики, и весьма возможно, что они не всегда попадаютъ удачно, чѣмъ и объясняется застой на книжномъ рынкѣ. Но, кромѣ того, несомнѣнно существуетъ также и перепроизводство. Французскіе издатели жалуются притомъ на то, что, за исключеніемъ «Temps», «Débâts», «Liberté», «Figaro», ни одна газета не соглашается печатать ни одного отзыва о книгѣ, ни одной рецензіи, если издатель не заплатитъ ей за это. Управляющій фирмой Оллендорфа говоритъ, что она ежегодно тратитъ, по крайней мѣрѣ, 130.000 франковъ на эти цѣли. Но, конечно, модные романисты и писатели нисколько не страдаютъ отъ кризиса, и, напримѣръ, послѣдній романъ Бурже «L'Etape» разошелся въ 60.000 экземплярахъ, правда, благодаря содѣйствію патеровъ-исповѣдниковъ, рекомендующихъ этотъ романъ своей духовной паствѣ и въ особенности своимъ изящнымъ кающимся грѣшницамъ.

«Естественная исторія войны»—такъ называется статья профессора геологіи гарвардскаго университета Шалера, которая появилась въ журналѣ «International Quarterles» и возбудила вниманіе европейской печати. Профессоръ Шалеръ посвящаетъ свою профессіональную дѣятельность геологическимъ изысканіямъ, но это не мѣшаетъ ему съ такимъ же вниманіемъ относиться къ вопросамъ нравственнаго прогресса расы. Онъ, напр., какъ и многіе другіе ученые, считаетъ войну зломъ и желаетъ ея прекращенія, какъ и всякаго другого зла. Считая, что наука должна способствовать достиженію такого желательнаго результата, онъ изслѣдуетъ вопросъ, какимъ образомъ геологія могла бы, съ своей стороны, содѣйствовать этому. Какъ геологъ, онъ привыкъ искать въ самомъ отдаленномъ прошломъ источниковъ происхожденія настоящаго и поэтому отыскиваетъ причины воинственныхъ наклонностей человѣка въ самыхъ отдаленныхъ, туманныхъ временахъ далекаго прошедшаго. По его мнѣнію, все то, что представляетъ изъ себя человѣкъ въ настоящее время, является результатомъ того, чѣмъ онъ былъ нѣкогда. Воинственность человѣка зависитъ отъ того, что были такія времена, когда борьба составляла необходимое условіе его существованія. Это непріятная сторона вопроса; пріятная же заключается въ томъ, что человѣкъ робокъ, изворотливъ и въ дѣйствительности питаетъ отвращеніе къ битвамъ, и это потому, что былъ такой періодъ въ развитіи человѣчества, когда предки человѣка не нуждались въ битвахъ. Профессоръ Шалеръ говоритъ, что этотъ миролюбивый періодъ предшествовалъ воинственному періоду и длился гораздо дольше его. Непосредственные предки человѣка гораздо ранѣе третичнаго періода обитали, по словамъ профессора, въ лѣсахъ, теперь находящихся на днѣ Индійскаго океана. Такъ какъ жилищемъ имъ

служили деревья, то они мало подвергались опасности нападенія животныхъ, обитавшихъ на землѣ. Однако, когда умственныя способности этого доисторическаго предка человѣка достигли такого развитія, что онъ уже придумалъ орудіе или оружіе и началъ употреблять его, то тогда онъ спустился на землю и ему пришлось защищаться какъ отъ животныхъ всякаго рода, такъ и отъ своихъ собратьевъ. Въ теченіе всего первобытнаго періода битвы представляли естественную необходимость и онѣ прекратились лишь тогда, когда племя стало государствомъ. Для всякаго же государства, по мнѣнію профессора, война представляетъ неумолимое зло. Но какъ прекратить войны? Это можетъ быть достигнуто только тогда, когда со зломъ будутъ бороться въ самомъ началѣ, т.-е. въ дѣтской и школѣ. Американскій профессоръ находитъ, что надо внушать ребенку съ самыхъ первыхъ лѣтъ, что «война—зло, что это—пережитокъ древнихъ и варварскихъ временъ, когда въ человѣческомъ родѣ преобладали звѣрскіе инстинкты». Когда всѣ поколѣнія будутъ воспитаны въ такихъ взглядахъ, то войны сами собою прекратятся.

Извѣстно, что уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, т.-е. съ 1893 г., право голоса на политическихъ выборахъ было распространено на женщинъ въ Новой Зеландіи. Такимъ образомъ уже прошло достаточно времени, чтобы можно было судить о результатахъ этого соціологическаго опыта. «Nouvelle Revue» обсуждаетъ эти результаты, не лишенные интереса и для европейской публики. Оказывается, что законъ, сдѣлавшій женщину избирательницей, сначала былъ принятъ ими довольно холодно. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ добивались этихъ правъ, но большинство оставалось къ нимъ совершенно равнодушно. Притомъ же вовсе не домогательства женщинъ были главною причиной введенія этой реформы, а скорѣе разныя политическія соображенія партій. Женщины высшихъ и зажиточныхъ классовъ въ особенности отнеслись индифферентно къ этой реформѣ; въ ихъ обществѣ даже рѣшено было, что участвовать въ политическихъ выборахъ неприлично и поэтому онѣ воздерживались отъ нихъ, предоставляя женщинамъ рабочихъ классовъ подавать голоса. Но и эти послѣднія сначала также равнодушно отнеслись къ своимъ правамъ и, пожалуй, также не воспользовались бы ими, еслибъ не ихъ мужья, которые изъ-за личныхъ соображеній побудили ихъ участвовать. Но такое отношеніе и тѣхъ и другихъ продолжалось недолго. Въ первый годъ изъ 109·461 избирательницъ, внесенныхъ въ списки, вотировали только 90.290, въ 1896 изъ 142.305 записавшихся подавали голоса 118.703. Въ 1899 г. записалось 165.215, вотировало 119.150. На послѣднихъ выборахъ въ 1902 году число это еще возросло, и теперь уже несомнѣнно, что женщины заинтересовались и поняли свои права, такъ что избирательницы становятся уже важнымъ факторомъ въ политикѣ и имѣютъ свой центральный органъ, называющійся «Національнымъ совѣтомъ новозеландскихъ женщинъ». Этотъ совѣтъ приготовляетъ законопроекты, которые потомъ вносятся въ парламентъ, и пользуется политическимъ значеніемъ, которое признается всѣми партіями. Тамъ же, въ этомъ совѣтѣ подготовляются и «будущія» депутатки,—будущія потому, что до сихъ поръ хотя

женщины и пользуются избирательными правами, но сами не могутъ быть выбираемы въ парламенты. Однако, и эти права, вѣроятно, будутъ ими получены рано или поздно.

Изслѣдованіе результатовъ избирательной реформы Новой Зеландіи указываетъ между прочимъ тотъ любопытный фактъ, что на ходъ политики участіе женщинъ въ выборахъ не оказываетъ рѣшительнаго вліянія. Большинство избирательницъ придерживается умѣренныхъ воззрѣній въ политикѣ и этимъ объясняется то, что въ положеніи вещей не произошло большихъ измѣненій съ тѣхъ поръ, какъ женскіе избирательные бюллетени прибавились къ мужскимъ.

Но если у англосаксонскихъ женщинъ въ такой молодой странѣ, какъ австралійская колонія, преобладаютъ умѣренные взгляды, то въ латинскомъ мірѣ и подавно онѣ оказали бы огромную поддержку консервативнымъ силамъ и, пожалуй, даже ретроградным. Но это, вѣроятно, продолжалось бы до тѣхъ поръ, пока не произошла бы соотвѣтствующая эволюція, и женщины, получивъ политическое прозрѣніе, не обратились бы противъ тѣхъ самыхъ партій, которымъ онѣ теперь готовы были бы оказать поддержку.

ПИСЬМА ИЗЪ КИТАЯ.

Революціонное движеніе въ Китаѣ.

Послѣ нѣкотораго затишья въ извѣстіяхъ о революціонномъ движеніи на югѣ Китая, мѣстныя газеты сообщаютъ снова, что въ провинціи Гуан-си мятежныя шайки имѣли сраженіе съ мѣстными войсками и разбили ихъ. Правительственныя войска бѣжали, побросали оружіе и амуницію, доставшуюся побѣдителямъ-мятежникамъ.

Возродившееся революціонное движеніе въ провинціи Шенси внушаетъ мѣстнымъ властямъ такое опасеніе, что губернаторъ обратился съ просьбою въ Пекинъ о присылкѣ ему на помощь войскъ.

Несмотря на отдѣльныя и временно удачныя движенія революціонныхъ шаекъ, въ настоящее время руководители этого движенія никоимъ образомъ не могутъ разсчитывать на то, чтобы восторжествовать надъ пекинскимъ правительствомъ. Прежде всего, за истекшіе три года, пекинское правительство неизмѣримо усилилось обученными по европейски войсками, понимающими уже дисциплину, и образованными по европейски офицерами, которые всегда справятся съ разрозненными и недисциплинированными отрядами мятежниковъ, а главное, это то, что европейской дипломатіи удобнѣе имѣть дѣло съ постояннымъ китайскимъ правительствомъ, нежели съ неизвѣстнымъ революціоннымъ. Отсюда прямое слѣдствіе, что еслибы революціонное движеніе и охватило Китай, то оно было бы подавлено совмѣстно дѣйствующими китайскими и европейскими войсками.

Революціонное движеніе сильно только на югѣ Китая. Тамъ оно утвердилось уже давно и имѣетъ свою очень интересную исторію.

Югъ Китая, давно уже имѣвшій общеніе съ европейцами и христіанскими миссіонерами, имѣющій населеніе болѣе подвижное, болѣе впечатлительное и отзывчивое, пережившій разныя историческія эпохи, всегда принималъ участіе въ политической жизни страны и отвѣчалъ на нежелательныя для себя явленія организаціей тайныхъ политическихъ обществъ, борьбой ихъ противъ своего противника.

У южнаго населенія Китая съ покореніемъ всей страны манчжурами и низверженіемъ китайской династіи явился національный врагъ—манчжурская династія, а съ водвореніемъ европейцевъ и особенно послѣ войнъ, которыя соединенныя государства, Англія и Франція, вели съ Китаемъ, къ враждебной манчжурской династіи присоединился новый врагъ—европейское владычество. Противъ династіи и противъ европейскаго владычества ведетъ южный Китай революціонную борьбу и до сего дня.

Политическія движенія китайскаго народа весьма интересны по многимъ причинамъ. Прежде всего, движенія эти чрезвычайно упорны и длительны. Образовавшееся на югѣ Китая, какъ проявленіе враждебное европейцамъ и главное англичанамъ, владыкамъ Китая до 1860 года, революціонное движеніе особенно окрѣпло и опредѣлилось послѣ первой англо-китайской войны въ 1841 году, войны, которая окончилась такъ неудачно для китайцевъ. Эта война вызвала крайнее недовольство пекинскимъ правительствомъ среди южнаго китайскаго населенія и дала въ тоже время сильный толчокъ къ образованію тайныхъ политическихъ обществъ.

Вторая война китайцевъ съ англичанами и французами въ 1857 году еще болѣе поспособствовала росту и развитію революціоннаго движенія. Въ 60-тыхъ годахъ недовольство назрѣло окончательно, и нуженъ былъ только человѣкъ, который объединилъ бы недовольныхъ подъ своимъ начальствомъ.

Такимъ человѣкомъ силою обстоятельствъ былъ выдвинутъ нѣкто Хун-Сю-Цюань, поднявшій такъ называемое возстаніе Тай-пинговъ.

Несмотря на то, что весь періодъ возстанія Тай-пинговъ охватываетъ время отъ 1851 по 1865 годъ, несмотря на то, что по подсчету европейцевъ за этотъ періодъ времени до 20 милліоновъ населенія приходило въ соприкосновеніе съ возстаніемъ, и до сихъ поръ нѣтъ достаточно провѣренныхъ и изученныхъ обстоятельствъ этого періода, нѣтъ даже исторически провѣренныхъ данныхъ о дѣятельности самого Хун-Сю-Цюаня, его плановъ, организаціи созданнаго имъ движенія. Все, что извѣстно объ этомъ періодѣ, извѣстно со словъ миссіонеровъ протестантовъ, имѣвшихъ возможность пользоваться китайскими документами по дѣлу о мятежѣ Хун-Сю-Цюаня и данными близкихъ къ нему людей.

Какъ возстаніе Тай-пинговъ, столь интересное для исторіи Китая, такъ и другія возстанія, которыя являются въ настоящее время родственнымъ продолженіемъ этого возстанія, давшаго толчокъ для образовавшихся тайныхъ и явныхъ политическихъ обществъ, всѣ эти революціонныя движенія въ сущности своей мало извѣстны, а въ подробностяхъ организаціи и дѣятельности, какъ пропаганды, остаются и совсѣмъ недоступными для изученія не только

для европейцевъ, но и для китайцевъ. Полное незнаніе внутренней организаціи политическихъ тайныхъ обществъ въ Китаѣ составляетъ ихъ особенность.

Изъ оставленныхъ сообщеній миссіонеровъ, мы знаемъ, что это революціонное движеніе было основано на ложно понятыхъ и ложно истолкованныхъ христіанскихъ началахъ, которыя Хун-Сю-Цюань и его сподвижники хотѣли положить въ основу новаго государственнаго строя, по низверженіи манчжурской династіи Цинговъ и возстановленіи китайской династіи. Мы знаемъ, что это движеніе, появляющееся и донынѣ подъ разными названіями въ южномъ Китаѣ, было и движеніе національное, имѣющее цѣлью изгнаніе манчжурской династіи, и религіозное.

Движеніе Тай-пинговъ для современной жизни Китая интересно еще и тѣмъ, что оно можетъ возродиться рано или поздно, но съ болѣе ужасной силой. Современное положеніе Китая заставляетъ обратиться къ прошлому, въ которомъ имѣется налицо все, что повторяется въ настоящемъ. Какъ и въ прошломъ, послѣ неудачной англо-китайской войны 1840—1841 года, такъ и въ настоящемъ, послѣ 1900—1901 года, осталось множество людей, выбившихся изъ своей колеи, отставшихъ отъ труда, дезертировъ солдатъ, воровъ и разбойниковъ, которые собирались въ шайки и грабили и мирныя селенія, и торговые караваны по рѣкамъ, устраивая засады и собирая выкупъ. На рѣкахъ организовались цѣлыя флотиліи пиратовъ, а на сушѣ громадныя шайки разбойниковъ. Особенно организованы были эти рѣчныя и сухопутныя шайки въ окружности Кантона и въ провинціи Гуан-си. Къ этимъ шайкамъ примыкало и населеніе нѣкоторыхъ округовъ. Китайское правительство было безсильно бороться съ разбоями, было безсильно бороться и съ мятежниками-революціонерами. Разбои, однако, наносили громадный вредъ не только китайцамъ, но и торговлѣ англичанъ, такъ какъ разбойники грабили товары, не разбирая кому принадлежатъ они. Въ виду этого англичане снарядили экспедицію, и въ 1849 году нѣсколько военныхъ англійскихъ судовъ, встрѣтивъ флотилію пиратовъ, частью уничтожили ихъ, а часть заставили бѣжать.

Бѣжавшіе пираты съ оружіемъ въ рукахъ присоединились къ политическимъ мятежникамъ. Является совершенно неизвѣстнымъ и непонятнымъ, какъ произошло объединеніе пиратовъ-разбойниковъ съ революціонерами-мятежниками, и еще болѣе осталось неизвѣстнымъ и непонятнымъ, какими путями Хун-Сю-Цюань достигъ надъ этими вооруженными шайками громаднаго вліянія и господства.

О личности Хун-Сю-Цюаня протестантскій миссіонеръ Гомбергъ сообщаетъ слѣдующія интересныя данныя. По словамъ Гомберга, Хун-Сю-Цюань родился близъ Кантона въ 1813 году у бѣднаго земледѣльца, имѣвшаго небольшой клочекъ земли. Несмотря на свою бѣдность, родители при помощи родственниковъ дали возможность получить своему сыну первоначальное образованіе въ школѣ, которую онъ посѣщалъ до 16-ти-лѣтняго возраста. По окончаніи школьнаго ученія Хун-Сю-Цюань вернулся въ домъ отца, помогалъ ему въ веденіи домашняго хозяйства и въ то же время продолжалъ готовиться

къ дальнѣйшимъ экзаменамъ на полученіе высшихъ ученыхъ степеней, безъ чего онъ не могъ начать никакой служебной карьеры. Но, несмотря на всѣ старанія и труды, чтобы получить первую ученую степень—сю-цай, т.-е. студентъ, ему это не удалось. Нѣсколько разъ являлся онъ въ Кантонъ на экзаменъ, но безуспѣшно. Усиленныя занятія и подготовка къ экзаменамъ, неудачи, которыя онъ приписывалъ несправедливости, расшатали его здоровье и сильно повліяли на его впечатлительную натуру.

Хун-Сю-Цюань заболѣлъ какимъ-то острымъ нервнымъ разстройствомъ, сопровождавшимся разнообразными видѣніями и откровеніями.

Объ этомъ періодѣ жизни Хун-Сю-Цюань составилъ впослѣдствіи записки.

Когда онъ оправился отъ болѣзни, то рѣшилъ возвратиться изъ Кантона домой и во время этого пути встрѣтилъ миссіонера-китайца, распространявшаго среди народа брошюры религіознаго содержанія.

Познакомившись, онъ взялъ у миссіонера нѣсколько чтеній изъ Библіи, а затѣмъ пожелалъ принять христіанство. Для наставленій и ознакомленія съ религіей, онъ направился къ американскому миссіонеру Робертсу, которому и передалъ подробно всѣ событія своей жизни, разсказалъ о своихъ неудачахъ въ Кантонѣ, а также о бывшихъ видѣніяхъ, когда онъ во время своей болѣзни былъ взятъ на небо и тамъ находился въ присутствіи старца чуднаго вида.

Прочитавъ же полученныя отъ миссіонера книжки, онъ убѣдился, что старецъ этотъ былъ не иной кто, какъ самъ Господь, направившій затѣмъ чудеснымъ образомъ его къ обращенію въ христіанство. Отъ миссіонера Робертса Хун-Сю-Цюань вышелъ христіаниномъ, но сохранилъ непримиримую вражду къ китайскому правительству. Придя въ свою деревню, Хун-Сю-Цюань сталъ распространять новое ученіе и находилъ послѣдователей среди своихъ родственниковъ. Вскорѣ онъ убѣдилъ присоединиться къ себѣ и школьнаго учителя въ деревнѣ Фу-Юн-Санія.

Населеніе деревни, однако, отнеслось несочувственно къ новому ученію и перестало посылать своихъ дѣтей въ школу. Проповѣдникамъ и послѣдователямъ ничего не оставалось дѣлать, какъ оставить деревню и уйти дальше распространять свое ученіе. Хун-Сю-Цюань и его другъ отправились въ горы къ племени Мія-цзе, бывшему полузависимымъ отъ китайскаго правительства и находившемуся въ союзѣ съ піратами и мятежными революціонерами. Въ горахъ Хун-Сю-Цюань встрѣтилъ случайно своего земляка, бывшаго учителемъ въ школѣ. Не зная мѣстнаго языка, они оставались здѣсь недолго и отправились въ провинцію Гуан-си къ одному родственнику Хун-Сю-Цюаня. Здѣсь Хун-Сю-Цюань и его другъ прожили пять мѣсяцевъ и успѣшно распространяли новое ученіе, привлекая многихъ послѣдователей. Новое ученіе стало дѣлать большіе успѣхи, такъ что учитель Фу-Юн-Сань рѣшилъ вернуться обратно въ свою деревню. Въ пути онъ продолжалъ вести пропаганду и, поселившись въ деревнѣ, основалъ уже общество, которое назвалъ «почитателями Бога».

Хун-Сю-Цюань изъ Кантона отправился снова къ миссіонеру Робертсу,

прожилъ у него нѣкоторое время и вернулся въ свою деревню, въ которой нашелъ уже организованное новое общество, основанное своимъ другомъ.

Члены общества Фу-Юн-Сань избрали прибывшаго Хун-Сю-Цюаня, какъ самаго образованнаго изъ нихъ и краснорѣчиваго, своимъ руководителемъ и начальникомъ.

Не стану останавливаться на многочисленныхъ и весьма интересныхъ эпизодахъ жизни и дѣятельности общества и его руководителя, скажу только, что ученіе его въ самый разгаръ дѣятельности представляло собою смѣшеніе христіанскихъ вѣрованій съ библейскими и народными китайскими суевѣріями, съ ученіемъ буддистовъ и даосовъ. Будучи маніакомъ идеи пересоздать языческій Китай въ созданный своей вѣрой новой, идеальный, полухристіанскій, полуязыческій, Хун-Сю-Цюань прежде всего объявилъ себя посланнымъ повелѣніемъ неба для водворенія общаго на землѣ мира, для созданія всеобщаго союза. Отсюда и названіе ученія, которое онъ провозглашалъ — Да или Дай-Та-Тай—великій и Пинъ—миръ, согласіе. Это названіе перешло и на единомышленниковъ, которые и назывались Тай-пинги.

Себѣ лично Хун-Сю-Цюань присвоилъ титулъ небеснаго князя—Тянь-Ванъ.

Слѣдуя народнымъ вѣрованіямъ и желая организовать свое царство, объединивъ въ своей личности 100 китайскихъ легендарныхъ семействъ и 18 провинцій Китая, Хун-Сю-Цюань избираетъ себѣ 118 женъ и принимаетъ титулъ «Восточнаго князя—Дунъ-Ванъ».

Въ то время революціонное движеніе жило въ душѣ населенія и ожидало только человѣка, который съумѣлъ бы вызвать его и овладѣть имъ, явившись народу властителемъ его думъ и желаній. Чѣмъ привлекъ къ себѣ народъ Хун-Сю-Цюань, сказать трудно, но передъ нами фактъ, что народъ слѣпо пошелъ за нимъ, какъ за своимъ вождемъ, который повелъ его къ свѣтлой лучшей долѣ. Возстаніе охватило весь югъ Китая съ населеніемъ до 100 милліоновъ, распространяясь по Янцзэ и охватывая всѣ густонаселенныя провинціи. Правительственныя манчжурскія войска повсюду бѣжали и терпѣли пораженія. Тай-пинги уже провозгласили свое государство, избрали своимъ императоромъ Хун-Сю-Цюаня, который провозгласилъ своей столицей древнюю столицу династіи Минговъ, городъ Нанкинъ. Войска Тай-пинговъ уже подходили къ Шанхаю и безъ труда бы взяли этотъ городъ, если бы Англія и Франція относились равнодушно къ успѣхамъ революціннаго движенія.

Опасаясь за торговлю и за судьбу европейскаго вліянія, Франція и Англія послали свои войска для подавленія возстанія. Манчжурская династія была спасена. Англо-французскія войска въ 1862 году разбили Тай-пинговъ подъ Шанхаемъ, а китайскія стали брать перевѣсъ надъ Тай-пингами. Въ 1864 году осадили столицу небеснаго князя, Нанкинъ. Счастье стало измѣнять Хун-Сю-Цюаню. Лучшіе и убѣжденные его сподвижники пали въ прежнихъ битвахъ, преданныхъ и стойкихъ людей оставалось около него немного, а среди войска была большая часть сброда, которая жила грабежомъ. Среди приближенныхъ людей шли раздоры и борба за честолюбіе и первенство. Дѣло, которое онъ считалъ великимъ, дѣло, созданное душой народа, разрушалось

на его глазахъ. Осажденные и осаждающіе бились упорно, но манчжурскія войска брали перевѣсъ и уже пробили брешь въ стѣнахъ Нанкина и шли на приступъ. Приступъ, правда, былъ отбитъ, но Хун-Сю-Цюань понялъ, что дѣло его погибло и, не желая пережить его гибель, отравился въ своемъ дворцѣ въ іюнѣ 1864 года.

Друзья похоронили его тайно въ саду и приняли всѣ мѣры, чтобы скрыть его могилу, а сами рѣшили сопротивляться до послѣдней возможности и объявили сына Хун-Сю-Цюаня, 16-лѣтняго юношу, своимъ императоромъ. Но дѣло погибало: 19-го іюля Нанкинъ былъ взятъ манчжурскими войсками.

Одинъ изъ старыхъ друзей Хун-Сю-Цюаня спасъ юнаго императора и успѣлъ тайно отправить его изъ Нанкина, но не надолго: юноша былъ найденъ и обезглавленъ. Нанкинъ былъ разрушенъ и залитъ кровью. По сообщеніямъ европейскихъ авторовъ, въ немъ погибло до ста тысячъ человѣкъ. Побѣдители не оставили даже могилы своего врага. Розыскавъ ее, они вынули изъ могилы трупъ и подвергли казни черезъ разсѣченіе на куски. Отсѣкаемыя куски мяса бросали собакамъ, а отрубленную голову провезли по всѣмъ провинціямъ, въ которыхъ былъ такъ популяренъ Хун-Сю-Цюань. Участи Нанкина подвергались и другіе города, въ которыхъ было начато возмущеніе. Съ какою кровавою жестокостью манчжурскія войска подавляли возстаніе, видно изъ оставленныхъ описаній миссіонеровъ, которые говорили, что въ такомъ городѣ, какъ Гу-Чжоу изъ 100 тысячъ населенія осталось не болѣе 50 тысячъ. Общая гибель населенія въ возмутившихся провинціяхъ считается въ 12—15 милліоновъ. Нанкинъ, одинъ изъ старѣйшихъ китайскихъ городовъ, бывавшій нѣсколько разъ столицей въ исторіи Китая, имѣетъ громадное значеніе и для европейцевъ, какъ удобно расположенный торговый пунктъ. Открытый для европейцевъ только въ 1858 году, онъ тѣмъ не менѣе быстро росъ въ торговыхъ сношеніяхъ. По усмиреніи Тай-пинговъ англичане и французы пожелали снова возстановить его торговое значеніе и просили у китайскаго правительства отвести имъ участокъ земли подъ сетльменты. Но китайское правительство, не желая давать европейцамъ укрѣпляться въ этой мѣстности, отвело участки земли крайне неудобные для поселенія. Разногласіе между мѣстными китайскими властями и представителями европейской коммиссіи повело къ тому, что было принято рѣшеніе открыть Пекинъ для торговыхъ сношеній, а въ Нанкинѣ отвести европейцамъ участокъ земли на противоположенномъ берегу рѣки. Но и здѣсь китайское правительство приняло всѣ мѣры, чтобы не дать возможности утвердиться европейцамъ, такъ какъ отведенные имъ участки всегда заливаетъ разливомъ рѣки. Въ настоящее время, однако, европейцамъ отведенъ участокъ, благопріятный для поселенія и торговли.

Послѣ разрушенія своего въ 1864 году, Нанкинъ и до сихъ поръ не можетъ оправиться, хотя въ настоящее время значеніе его, благодаря проводящимся желѣзнымъ дорогамъ, становится выдающимся для средняго Китая. Въ ближайшемъ будущемъ Нанкинъ сдѣлается однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ Китая не только въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ, но и въ поли-

тическомъ, какъ административный центръ въ провинціяхъ, постоянно угрожающихъ цѣлости государства и спокойствію манчжурской династіи.

Начавъ свое письмо о современномъ революціонномъ движеніи на югѣ Китая, я обратился къ исторіи, которая въ прошломъ даетъ объясненіе многому, что совершается въ настоящемъ. Настоящее Китая представляетъ намъ тѣ же явленія, которыя имѣли мѣсто и въ прошломъ, а именно: ненависть къ манчжурской династіи осталась неизмѣнной, и всѣ тайныя общества попрежнему лелѣютъ мечту ниспровергнуть эту династію и провести рядъ реформъ, могущихъ оздоровить государственный организмъ Китая; нищета и обѣдненіе народа значительно увеличились и недовольство правительствомъ въ лицѣ его чиновниковъ, высасывающихъ подати на уплату иноземной контрибуціи, значительно возросло; но это недовольство подавляется войсками и казнями; грабежи, разбои, пиратство, еще болѣе отягощающіе народное существованіе, прочно утвердились во всемъ Китаѣ и на югѣ особенно, гдѣ по рѣкамъ крейсируютъ цѣлыя флотиліи пиратовъ. Такимъ образомъ и въ настоящемъ мы имѣемъ налицо всѣ условія, могущія вызвать страшное потрясеніе всего государства и ниспровергнуть манчжурскую династію, но мы не видимъ въ данное время такого человѣка, который, подобно Хун-Сю-Цюаню, привлекъ бы къ себѣ народную душу, овладѣлъ бы ею, воплотилъ бы въ себѣ желанія народа и повелъ бы его, воодушевленнаго идеей борьбы за правду противъ Пекина.

Ни знаменитый реформаторъ Канъ-Ю-Вей, задумавшій дворцовый переворотъ въ 1898 году, ни люди боксерскаго движенія 1900 года не смогли поднять народъ, хотя и вызвали революціонное движеніе, давшее многихъ истинныхъ и искреннихъ патріотовъ. Что же, однако, можетъ дать Китай въ настоящемъ и чего можно ожидать отъ Китая въ будущемъ, которое надвигается быстро и несетъ съ собою неминуемыя важныя событія.

Настоящее Китая не можетъ быть длительнымъ, а равно не можетъ считаться и прочнымъ. Императрицѣ 68 лѣтъ, силы ея видимо слабѣютъ. Изъ близкихъ окружающихъ ее людей нѣтъ никого, кто, если не считать Юанъ-Ши-Кая, могъ бы править твердой рукой. Наслѣдникъ престола не выбранъ, а императоръ, вслѣдствіе своей болѣзни, едва ли сможетъ нести на себѣ одинъ бремя правленія. Государственный строй Китая, расшатанный предшествовавшими событіями и боксерскимъ годомъ со всѣми его послѣдствіями, остался все на тѣхъ же обветшалыхъ, устарѣлыхъ, сильно подгнившихъ устояхъ. Вмѣсто того, чтобы выбросить гнилое и замѣнить его сознательно выбраннымъ новымъ и здоровымъ, старое было только подновлено и подкрашено на скорую руку.

Китайское чиновничество не только осталось все тѣмъ же зломъ китайскаго правительства, какимъ оно было и прежде, но оно стало хуже, такъ какъ свою продажность оно не предлагаетъ уже желающимъ пріобрѣтать у себя дома, но вынесло ее на европейскій рынокъ. Интриги и честолюбіе столь же всесильны въ борьбѣ чиновничества, какъ и всегда. Созидающихъ силъ нѣтъ, но много разрушающихъ. Едва ли можно сомнѣваться, что когда настанетъ время явиться новому правителю, то Европа не замедлитъ протянуть свою руку и провести, если не своего кандидата, то свое вліяніе.

Отвѣтить на вопросъ, чего можно ожидать отъ Китая въ будущемъ, не

легко. Въ этомъ вопросѣ кроется еще вопросъ: способенъ ли китайскій народъ проявить чувство патріотизма, чувство не только любви къ своей родинѣ, что у каждаго китайца сильно развито, но и чувство народной гордости и народнаго самолюбія и достоинства.

Весьма многіе изъ европейцевъ думаютъ, что у китайскаго народа не можетъ быть чувства патріотизма, какъ мы его понимаемъ.

Вопросъ этотъ въ высшей степени сложный и рѣшать его за китайскій народъ по меньшей мѣрѣ преждевременно. Я думаю, что едва ли справедливо отрицать въ китайскомъ народѣ чувства патріотизма только потому, что народъ крайне равнодушенъ къ своему государству, какъ цѣлому, враждебенъ или безразличенъ къ своему правительству, которое ему чуждо, ненавидитъ и боится своего чиновничества, которое разрушаетъ и угнетаетъ народное благосостояніе.

Большинство европейцевъ убѣждено, что всѣ современныя политическія движенія поддерживаются бѣдностью и нищетой народа, идущаго за главаремъ изъза куска хлѣба и составляющаго одинаково и шайки разбойниковъ, и отряды мятежниковъ, а вовсе не изъ убѣжденія. Главари же движенія руководятся или честолюбіемъ, которое у китайцевъ страшно развито, или чувствомъ личной мести, личной злобы, но не идеей патріотизма. Только самая малая часть изъ революціонеровъ, быть можетъ, искренна въ своихъ убѣжденіяхъ. Я думаю, что это не такъ.

Весь современный расшатанный строй китайскаго государства созданъ двумя причинами: дурнымъ правленіемъ и вторженіемъ въ китайскую жизнь европейцевъ.

Движеніе Тай-пинговъ служитъ яркимъ доказательствомъ того, что китайскій народъ можетъ быть объединенъ идеей общей борьбы, если явится человѣкъ способный воодушевить его и повести за собою, властвуя надъ народными думами и желаніями, проявляя высокую любовь къ народу.

Прошло сорокъ лѣтъ со времени подавленія южнаго возстанія и все таки тайныя общества продолжаютъ свою работу неуклонно и собираютъ себѣ приверженцевъ. Но за эти сорокъ лѣтъ выросъ европейскій вопросъ, прочно нынѣ связанный съ вопросомъ манчжурской династіи. Для китайскаго народа становится очевиднымъ одно, что манчжурская династія заодно дѣйствуетъ съ европейцами, отдавая имъ богатства и земли китайскаго народа. Сами европейцы заняли въ Китаѣ такое положеніе, что только и могутъ укрѣплять и распространять вѣру въ единомысліе съ манчжурской династіей, и упрочивать къ себѣ народную ненависть, воспитывая тѣмъ китайскій патріотизмъ. Боксерское движеніе уже показало, что народъ видитъ въ европейцахъ своихъ враговъ, отъ которыхъ надо избавиться, иначе ожидаетъ гибель всего, что составляло въ народѣ благополучіе жизни. Если сорокъ лѣтъ тому назадъ проявилось съ такою силою антидинастическое движеніе, то въ настоящее время, если только явится человѣкъ, сильный душой и любовью къ народу, проявится еще болѣе ужасное движеніе, которое совмѣститъ борьбу противъ европейцевъ и противъ династіи.

Что такой народный герой явиться можетъ, это не подлежитъ сомнѣнію,

вопросъ только во времени. Попытки вызвать общенародное движеніе противъ европейцевъ дѣлаются постоянно, и мѣстныя газеты только что сообщили текстъ одной изъ такихъ прокламацій, которыя были наклеены на стѣнахъ протестантской миссіи въ городѣ Лян-тен-синъ въ текущемъ мѣсяцѣ. Прокламація эта гласитъ, что какъ только появится «золотая грамота», т.-е. повелѣніе императора, то всѣ вѣрные подданные и населеніе должны собраться и прежде всего напасть на иностранцевъ, убить ихъ и донести объ этомъ правительству. Тогда Ліу-Юн-Фу, знаменитый предводитель черныхъ флаговъ, сойдетъ съ горъ и отомститъ за все горе и обиды, которыя причинили европейцы и «вычиститъ отъ нихъ страну». Не подлежитъ сомнѣнію, что европейцы, принесли китайскому народу много горя и обиды, не подлежитъ сомнѣнію, что движеніе охватитъ весь Китай, но конечный результатъ этого движенія очень сомнителенъ, такъ какъ манчжурская династія предпочтетъ потерять все въ народномъ сердцѣ, чтобы, опираясь на штыки европейцевъ, сохранить за собой владычество. Во всякомъ случаѣ, будущее грозитъ событіями кровавыми...

Въ настоящемъ все кажется спокойнымъ. Императрица продолжаетъ выказывать вниманіе европейцамъ и особенное расположеніе къ женѣ американскаго посланника госпожѣ Конгеръ.

Благодаря высокому вниманію Императрицы, одна изъ американскихъ художницъ, которая гоститъ у г-жи Конгеръ, удостоилась чести писать въ лѣтнемъ дворцѣ портретъ Императрицы съ натуры. Это будетъ первый художникъ, который создастъ первый дѣйствительно вѣрный портретъ богдыханши. На-дняхъ госпожа Конгеръ была приглашена Императрицей въ лѣтній дворецъ для бесѣды, что еще болѣе указываетъ на расположеніе Императрицы къ супругѣ американскаго представителя.

Въ оффиціальномъ мірѣ ожидаютъ обнародованія новаго торговаго договора Китая съ Америкой. Въ этомъ договорѣ, который, какъ говорятъ, долженъ появиться 26 сентября, будетъ объявлено объ открытіи новыхъ портовъ для европейской торговли, и въ числѣ этихъ портовъ будутъ указаны спорные Мукденъ и Та-тун-хай, открытія которыхъ такъ упорно добиваются европейцы.

За послѣднее время замѣтно усиливается въ Китаѣ вліяніе американской политики «открытыхъ дверей» для всѣхъ, и личное расположеніе Императрицы къ американскимъ представителямъ поэтому не безразлично.

Высшее образованіе китайскаго юношества продолжаетъ развиваться. Въ ближайшихъ къ Пекину городахъ Паотин-фу и Тай-юан-фу открыты высшія школы, въ которыхъ преподаются европейскія науки и изучаются европейскіе языки. Отведено мѣсто и физическимъ упражненіямъ. Большинство преподавателей японцы и американцы. Желающихъ поступить въ студенты всегда больше, нежели можетъ быть принято. Въ настоящее время въ Пао-тин-фу студентовъ 200, помѣщаются они всѣ въ казенныхъ зданіяхъ.

Въ округѣ Пао-тин-фу предположено открыть среднюю школу на 700 воспитанниковъ, которые по окончаніи курса должны будутъ занимать мѣста

учителей въ сельскихъ первоначальныхъ школахъ. Будущіе сельскіе учителя будутъ изучать не только китайскія науки, но пріобрѣтутъ и первоначальныя познанія изъ предметовъ европейскихъ наукъ.

Вмѣстѣ съ насажденіемъ общаго образованія китайское правительство не забываетъ открывать и спеціальныя школы. Изъ таковыхъ недавно открыта школа для образованія полицейскихъ служащихъ, которые должны быть одинаково удовлетворительны, при отправленіи своихъ обязанностей, какъ въ канцеляріяхъ, такъ въ огражденіи безопасности населенія.

Открытіе новыхъ школъ несомнѣнно есть большой шагъ впередъ въ дѣлѣ «открытыхъ дверей» Китая, но въ настоящее время нельзя еще надѣяться на полученіе скорыхъ благопріятныхъ результатовъ: большинство учениковъ и студентовъ въ этихъ университетахъ и школахъ состоятъ изъ дѣтей чиновниковъ, съ молокомъ матери всосавшихъ еще старыя чиновничьи традиціи, отказаться отъ которыхъ сразу весьма трудно. Проникаютъ правда и въ среду китайскаго студенчества новыя вѣянія и новыя стремленія къ улучшенію общаго порядка въ государствѣ.

Послѣднія событія въ Пекинѣ и Шанхаѣ, гдѣ произведено много арестовъ среди членовъ партіи реформъ, а также безчеловѣчная казнь въ Пекинѣ журналиста Шэн-Чина, забитаго по приказанію Императрицы палками въ тюрьмѣ, произвели сильное и устрашающее впечатлѣніе на учащуюся молодежь. Многіе оставили университетъ и бѣжали.

Члены общества реформъ особенно ненавидимы китайскимъ правительствомъ, такъ какъ главарю ихъ Кан-Ю-Вею принадлежитъ мысль насильственно удалить отъ дѣлъ Императрицу и заточить ее въ отдаленномъ городѣ отъ Пекина.

Надо думать, что съ окончаніемъ лѣтнихъ жаровъ, когда стихаетъ почти всякая общественная работа, закончится и настоящая тишина, давъ мѣсто оживленной дѣятельности.

Текущее лѣто отличается отъ всѣхъ предшествовавшихъ своими климатическими особенностями. Сухое и жаркое, давшее угрожающую засуху, оно закончилось такими ливнями, которые размыли желѣзнодорожныя сооруженія, прекративъ всякое сообщеніе Китая съ Россіей. Вотъ уже десять дней, какъ мы въ Пекинѣ не имѣемъ почты. Телеграфная линія тоже прервана. Въ Пекинѣ, Тянь-Цзинѣ, Шанхаѣ, Гуани, Чижу—повсюду ливни причинили населенію много бѣдъ.

Въ Шантунгской провинціи, какъ сообщаетъ губернаторъ Чоу-Фу, въ городѣ Фу-шанъ-іенъ, ливнемъ снесло около трехъ тысячъ домовъ и погибло болѣе 150 человѣкъ.

Императрица предписала губернатору оказывать пострадавшему населенію самую широкую благотворительность.

В. В. Корсаковъ.

Пекинъ.
20 авг. 1903 г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Ноябрь. 1903 г.

Содержаніе: Беллетристика. — Исторія литературы.—Соціологія и политическая экономія-—Философія. — Антропологія и этнографія. — Естествознаніе.—Географія.—Медицина и гигіена.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.—Новости иностранной литературы *).

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

И. Н. Потапенко. „Полное собраніе сочиненій". Т. I и II.—*Д. Маліева.* „Нетронутый уголокъ. Грузинскіе разсказы". — *Ст. Пшибышевскій.* „Homo sapiens", романъ.

И. Н. Потапенко. Полное собраніе сочиненій. Изд. 3 е. Т. I. «Счастье поневолѣ» Повѣсти и разсказы. Т. II. «На дѣйствительной службѣ». Повѣсти и разсказы. Спб. Изд. Маркса. 1903 г. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к. Третье изданіе полнаго собранія сочиненій И. Н. Потапенки, предпринимаемое почтенной фирмой А. Ф. Маркса, лучше всякихъ доказательствъ свидѣтельствуетъ о прочныхъ симпатіяхъ читателей къ таланту автора, къ его здоровому, простому, жизненному содержанію, къ его милому, благодушному юмору и къ его богатой выдумкѣ. Вышедшіе теперь третьимъ изданіемъ два первыхъ тома даютъ повѣсти и разсказы исключительно изъ быта сельскаго духовенства, преимущественно южнаго, которое такъ хорошо знаетъ нашъ авторъ, умѣющій въ самомъ простомъ и незатѣйливомъ по содержанію очеркѣ дать прекрасную жанровую картину, иногда глубоко захватывающую своимъ жизненнымъ трагизмомъ, какъ въ извѣстномъ очеркѣ «Шестеро», выдержавшемъ безчисленное количество изданій «для народа». Болѣе широкую картину даютъ двѣ повѣсти «Счастье поневолѣ» и «На дѣйствительной службѣ». Первая, написанная съ рѣдкимъ юморомъ, изображаетъ курьезное для свѣтскаго человѣка, но весьма и весьма тяжелое положеніе такъ называемаго «ставленника», который получаетъ приходъ, съ непремѣннымъ, однако, условіемъ—отыскать въ опредѣленный срокъ невѣсту и жениться какъ можно скорѣе, безъ чего онъ не можетъ быть посвященъ въ священническій санъ. Герой, юный богословъ, которому еще самому не мѣшало бы поучиться, поосмотрѣться, познакомиться съ жизнью, совершенно для него чуждой, незнакомой и даже представляющейся ему глухо-враждебной и страшной, пускается въ трудный путь на поиски за женой. Къ счастью, судьба даетъ ему въ менторы опытнаго и добродушнаго дьякона, большого любителя устраивать свадьбы и потому на перечетъ знающаго невѣстъ во всей епархіи. Ихъ странствованія по невѣстамъ, военныя хитрости и уловки сельскихъ батюшекъ и матушекъ, уловляющихъ жениха, комическія и трагическія коллизіи, приводящія, въ концѣ кон-

*) ПОПРАВКА. Въ октябрьской книгѣ рецензія на книгу проф. Бузескула (въ отдѣлѣ „Исторія"), по недосмотру корректора, подписана *А. Джаншіевъ*, тогда какъ надо *А. Дживелеговъ*. Ред.

цовъ, къ благополучному устроенію судьбы нашего «счастливца поневолѣ»,— составляютъ содержаніе повѣсти. Несмотря на все благодушіе автора, на примиряющій благополучный конецъ, все же нарисованная картина производитъ тяжелое впечатлѣніе именно своею правдивостью, когда представишь себѣ, что вѣдь огромному большинству «пастырей народа» приходится переживать то же, что и герою, и далеко не всегда судьба бываетъ такъ благосклонна, какъ къ послѣднему. Въ недѣлю найти жену и потомъ всю жизнь вѣковать съ нею, ибо «одна у попа жена» и ни разжениться, ни вновь жениться онъ не можетъ,—это-ли еще не трагическое положеніе?

Хорошей иллюстраціей къ нему можетъ служить другая повѣсть г. Потапенки, вошедшая во второй томъ—«На дѣйствительной службѣ». Здѣсь предъ нами другой типъ, болѣе высокій, священникъ-идеалистъ, ищущій не обезпеченія, не сытой, обильной жизни, а всѣми силами жаждущій «потрудиться для родной бѣдноты», для деревенскаго люда, который онъ любитъ кровною связью. И онъ трудится дѣйствительно, добивается на этой почвѣ любви и признанія всего прихода, но разбиваетъ личную жизнь и оказывается одинокимъ. «Одна у попа жена», и та его покидаетъ, когда онъ не умѣетъ осуществить ея идеала благополучной жизни. Рядомъ стоитъ другая женщина, готовая раздѣлить съ нимъ его трудъ и призваніе, глубоко его понимающая и преданная, но... право, обычай и жизнь со всѣми своими противорѣчіями противъ нихъ,—и читатель оставляетъ книгу съ горькимъ сомнѣніемъ, долго-ли выдержитъ идеалистъ и куда приведетъ его столкновеніе высокихъ стремленій и житейской пошлости.

Очень хороши «Очерки бурсы» въ первомъ томѣ, которые и послѣ Помяловскаго даютъ интересную бытовую картину старой бурсы, дополняя очерки перваго новыми штрихами, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не отошедшими въ область преданій. Таково, напримѣръ, участіе маленькихъ учениковъ въ архирейскомъ хорѣ, нравы этого хора, хожденіе по праздникамъ «со славой», объѣздъ по епархіи и проч. Все это списано съ натуры, дышетъ правдой, и много въ ней горечи, если вспомнить, что вѣдь это—будущіе «пастыри народа», подготовляющіеся къ своимъ будущимъ отвѣтственнымъ обязанностямъ...

Кромѣ отмѣченныхъ большихъ повѣстей, въ оба тома вошло много небольшихъ очерковъ и разсказовъ, какъ упомянутый уже «Шестеро», и одна повѣсть изъ народнаго быта «Деревенскій романъ», повидимому принадлежащая къ раннему еще періоду писательской работѣ г. Потапенки. Она не выдержана, мѣстами мелодраматична, надумана и неестественна. Въ ней нѣтъ эпическаго спокойствія опытнаго романиста, многое совершенно безъ надобности подчеркнуто, другое только намѣчено и не развито. Въ особенности рѣзко выступаютъ эти недостатки отъ сосѣдства съ отмѣченными дѣйствительно выдержанными, живыми и яркими вещами. *А. Б.*

Д. Ведребисели (Д. К. Маліева). Нетронутый уголокъ. Грузинскіе разсказы. Ц. 1 руб. Спб. 1903 г. Изд. М. Орѣхова. Скромная, небольшая книжечка г-жи Маліевой, разсказы которой за подписью «Д. Ведребисели» печатались въ нѣкоторыхъ журналахъ и газетахъ (въ «Русскомъ Богатствѣ», напр.), несомнѣнно заслуживаетъ вниманія. Не потому, чтобы эти очерки выдѣлялись художественностью формы,—это скорѣе простые, почти фотографическіе снимки,—или глубиною содержанія, котораго и не можетъ дать первобытная жизнь, безыскусственно изображаемая авторомъ. Грузія—эта жемчужина Кавказа, богатѣйшая область, уголокъ истинно райскій, гдѣ, по словамъ поэта,

въ тѣни чинары
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный льетъ грузинъ,

эта благословенная страна, съ стариннѣйшей культурой, восходящей до дней Христа, выступаетъ на страницахъ книжечки г-жи Маліевой — обиталищемъ тьмы, мрака и невѣжества и ихъ неизбѣжной спутницы—нищеты. Здѣсь крестьянинъ годами не знаетъ, что такое мясо, и жалкимъ кускомъ чурека и горстью бобовъ поддерживаетъ свое скудное существованіе. Земли истощены и обременены платежами. Дикое и невѣжественное дворянство живетъ вымогательствомъ и находится сплошь въ рукахъ ростовщиковъ. Нѣтъ промышленности, никакой торговли, старинныя ремесла пали, и народъ выселяется на бакинскіе промыслы, въ Батумъ и Азію, или разбойничаетъ въ ущельяхъ Кавказа. А между тѣмъ уже сотня лѣтъ прошла со дня присоединенія Грузіи, почти пятьдесятъ послѣ окончательнаго замиренія Кавказа, — и что же? Что дали мы этой богатѣйшей области, населенной чистѣйшими представителями кавказской расы, трезвыми, трудолюбивыми, мирными и по своему несомнѣнно культурными, ибо они давно уже были христіанами, когда у насъ еще поклонялись «Даждьбогу и Чернобогу» и сходились между селъ на игрища весною? Ничего мы не сдѣлали, и даже хуже,—разрушивъ старую культуру, всецѣло покоившуюся на крѣпостномъ правѣ, взамѣнъ мы не дали ничего. Просто удивляешься и недоумѣваешь, читая очерки г-жи Маліевой, какъ можетъ сохраняться такая дичь и невѣжество не гдѣ-нибудь у полюса, въ Чукотьи или Обдорскомъ краѣ, а въ нѣсколькихъ дняхъ ѣзды отъ европейскихъ центровъ, въ чудномъ уголкѣ, гдѣ природа истощила свою щедрость, чтобы надѣлить его всѣми благами. Съ другой стороны та же книжечка можетъ служить иллюстраціей къ безчисленнымъ извѣстіямъ о разбояхъ и грабежахъ на Кавказѣ: вотъ гдѣ надо искать разгадки этихъ на первый взглядъ странныхъ явленій — въ безысходной нищетѣ населенія, доведеннаго до крайней степени отчаянія, за которой человѣкъ уже ничѣмъ не рискуетъ.

Очерки г-жи Маліевой нѣсколько однообразны, написаны они очень просто и безъискусственно, темы наивны, но въ общемъ жизнь современной Грузіи очерчивается довольно полно. Нѣтъ, къ сожалѣнію, представителей грузинской интеллигенціи. Только въ одномъ очеркѣ («Крестины») какъ бы легкій намекъ на нее, въ лицѣ молодого человѣка, кончившаго высшее учебное заведеніе, который подъ вліяніемъ дикихъ сценъ пиршества на крестинахъ задумывается надъ предстоящей дѣятельностью: «Не въ городѣ, а здѣсь, въ деревнѣ, надо поработать, чтобы разсѣять этотъ страшный мракъ». А что грузинская интеллигенція существуетъ, это хорошо извѣстно намъ, и она, какъ русская, подъ вліяніемъ которой она воспитана, горитъ желаніемъ послужить родной сторонѣ. Въ этой работѣ спасеніе Грузіи, и когда наступитъ часъ свободнаго общенія интеллигенціи и народа, наступитъ и часъ возрожденія злополучной страны. *А. Б.*

«Homo sapiens». Романъ Ст. Пшибышевскаго. Переводъ съ польскаго. М. Семенова. Изданіе «Скорпіона». Москва. Романъ талантливаго представителя, если не главаря молодой польской литературы является своеобразнымъ, художественнымъ возраженіемъ на проповѣдь потусторонней морали. Возраженіе это тѣмъ болѣе цѣнно, что Ст. Пшибышевскій несомнѣнно прошелъ черезъ чистилище ницшеанства. Не столько его идеи и образы, сколько самая манера думать и смотрѣть, опьяняющая и въ тоже время горькая, смѣлость мысли, носятъ на себѣ явную печать творца Заратустры. Ст. Пшибышевскій самъ косвенно сознается въ этомъ ученичествѣ, когда заставляетъ своего героя, Фалька, въ лихорадочныя минуты борьбы съ собой, съ своими страстями, злобно и укоризненно спорить съ «господиномъ профессоромъ».

«Великій сверхъ-человѣкъ, сильный, могучій, безъ совѣсти. Нѣтъ, господинъ профессоръ упустилъ изъ виду культуру, которая тысячелѣтіями трудилась, чтобы создать эту совѣсть. Умомъ, конечно, можно, говоря логически,

все побороть, даже совѣсть. Однако, до сихъ поръ этого еще не удалось сдѣлать. Къ чему нуженъ весь его умъ. Вѣдь всегда позади всякой логичности таилась страшная нелогичность, которая въ концѣ концовъ все побѣждала».

Фалькъ повѣрилъ господину профессору, что совѣсти нѣтъ, что есть только властная, свободная личность, вся красота, вся сила которой въ безграничности и смѣлости желаній. «Я есмь Я», написалъ онъ на своемъ знамени и, вооруженный умомъ, талантомъ, рѣдкимъ даромъ очаровывать и покорять людей, вышелъ онъ на поле битвы, дерзко вырывая у судьбы то, что казалось ему необходимымъ условіемъ счастья. Эта дерзость не отступаетъ передъ моральными преградами, потому что морали нѣтъ. Нравственность — старый кумиръ глупцовъ и трусовъ. Отважные искатели и создатели новыхъ формъ жизни не клонятъ больше передъ нимъ свою гордую голову. Имъ нуженъ просторъ, размахъ, полное и необузданное проявленіе этого царственнаго «Я», поставленнаго на мѣсто прежнихъ боговъ—добра, справедливости, долга, самоотверженія,—этихъ обветшалыхъ понятій, которыя блѣднятъ и понижаютъ жизнь, потому что блѣднятъ и ломаютъ личность.

А Фалькъ хочетъ жить ярко и сильно, «онъ хочетъ жизни съ ея страшными безднами, съ ея неизвѣданной глубиной». А такъ какъ, только покоряясь власти слѣпого инстинкта, только всецѣло отдаваясь мощному захвату чувства, можно ощутить всю трагическую красоту бездны, то Фалькъ и отдаетъ свои мысли на служеніе стихійнымъ движеніямъ души. «Воля инстинкта, которая не сдерживается никакими сознательными преградами, никакими атавистическими чувствами, воля, въ которой инстинктъ и мозгъ одно». Она-то и должна создать новое счастье и новую свободу.

Но у Фалька еще нѣтъ ни того, ни другого. Несмотря на блестящій арсеналъ парадоксовъ и афоризмовъ, которыми онъ старается оправдать и скрасить эту волю инстинктовъ, побѣда не дается Фальку. Пережитки оказываются сильнѣе новаго дерзанія и герой «гибнетъ отъ избытка совѣсти и мозга». Сама жизнь, слѣпая и безжалостно-логичная показала ему, что нельзя безнаказанно отрывать мысль отъ совѣсти.

Смутное сознаніе распада, катастрофы отравленнымъ жаломъ вонзается въ душу Фалька при первомъ же яркомъ проявленіи его новой, ни предъ чѣмъ не останавливающейся воли. Охваченный внезапно вспыхнувшей, но глубокой страстью къ Изѣ, невѣстѣ своего лучшаго друга, онъ увозитъ ее. Онъ не можетъ поступить иначе, потому что безъ этой женщины нѣтъ счастья, нѣтъ свѣта, нѣтъ жизни. И въ то же время такія крѣпкія нити полной духовной и художественной близости связываютъ его съ другомъ, что только путемъ тяжелой и мучительной борьбы удается ему заглушить въ себѣ голосъ долга, воспользоваться тѣмъ неразборчивымъ правомъ на счастье, которое онъ считаетъ основой новой морали сильныхъ людей. Онъ идетъ къ этому счастью черезъ трупъ еще недавно дорогого и близкаго человѣка. Но что же сдѣлать? «Тѣ, кто менѣе приспособленъ къ жизни, должны погибнуть, въ этомъ никто не виноватъ». Такъ думаетъ его, отвергнувшій стыдъ, мозгъ. Но кто-то молчаливый и грозный, притаившійся глубоко въ тайникахъ его души, уже шлетъ ему первые, жуткіе укоры. Они доносятся до него даже сквозь побѣдный гимнъ торжествующей любви. «Всѣми силами боролся онъ противъ массы мучительныхъ непріятныхъ чувствъ... Какъ будто кто разворачивалъ гнѣздо осъ».

И чувство паденія растетъ, по мѣрѣ того, какъ Фалькъ все дальше заходитъ по ту сторону морали. Самоубійство невинной и ясной Маритъ, которую онъ губитъ, опять-таки баюкая себя тѣмъ, что «нѣтъ никакой морали, за исключеніемъ морали собственнаго чувства», неизлечимымъ ядомъ отравляетъ ему существованіе. Но онъ озлобленно борется съ угрызеніями совѣсти, вы-

ставляетъ противъ нихъ все тѣ же утонченныя софистическія разсужденія. Вѣдь совѣсть это ложь природы, свалившей на человѣка свои преступленія. «Благодаря своеобразной хитрости, природа вдолбила болвану человѣку, что это громадное преимущество обладать мозгомъ и совѣстью». Но Фалькъ не желаетъ быть жертвой этого утонченнаго плутовства, онъ возвращаетъ природѣ ея коварные дары и хочетъ быть подобно ей. «Я сверхчеловѣкъ: безсовѣстный, жестокій, прекрасный и добрый. Я природа: у меня нѣтъ совѣсти, у нея также нѣтъ ея, у меня нѣтъ жалости, у нея также нѣтъ ея».

Всѣ эти красивыя, смѣлыя слова звучатъ бодрымъ вызовомъ, пока Фалькъ-писатель, Фалькъ-герой и вожакъ буйнаго артистическаго кружка молодежи, ищущей новыхъ формъ, новаго искусства, новой правды, только кокетничаетъ дерзостью своего индивидуализма. Но стоитъ ему столкнуться съ настоящей жизнью, а главное съ живыми, трепещущими отъ горя, человѣческими сердцами, и остріе его блестящихъ парадоксовъ сразу притупляется и ржавѣетъ. Точно Игорь, привязанный къ двумъ березамъ, разрывается Фалькъ между мыслью, пытающеюся стряхнуть послѣднія оковы стыда, и загнанною въ самыя тайники души, но все-таки властною совѣстью.

Рядомъ съ внутреннимъ банкротствомъ идетъ и внѣшнее. Трясина лжи и обмана все глубже засасываетъ его. Онъ продолжаетъ любить Изу исключительною, теперь уже больною любовью, и въ то же время, въ жалкой погонѣ за острымъ наркозомъ, измѣняетъ ей. Она узнаетъ объ этомъ и уходитъ. Друзья, еще недолго преклонявшіеся передъ нимъ, оставляютъ его. «Вы маленькій, а могли бы быть великимъ»,—говоритъ ему Черскій съ презрительной укоризной человѣка, вынужденнаго развѣнчать своего недавняго кумира.—«Вы говорите «я». Но ваше «я» служитъ вамъ только для того, чтобы придать вамъ смѣлости преступить ваши маленькіе законы, регулирующіе ваши маленькія желанія. Ваша жизнь свелась къ распутству и похоти». У Черскаго «любовь къ людямъ—основа, корень души» и онъ не можетъ, не умѣетъ простить своему бывшему другу его высокомѣрнаго равнодушія къ человѣчеству. «Вы много сдѣлали для человѣчества, но развѣ это не дѣлалось только для того, чтобы заглушить угрызенія совѣсти». Это многое—революціонная работа. Для Черскаго это—религія, для Фалька—игра.

Въ этомъ, какъ и въ томъ холодномъ, жесткомъ любопытствѣ, съ которымъ Фалькъ относится къ своему и чужому страданію, у него много родственнаго съ Ставрогинымъ, съ этимъ изломаннымъ, обаятельнымъ и въ то же время отталкивающимъ, русскимъ ницшеанцемъ. Вообще вліяніе Достоевскаго на молодого польскаго художника сказалось, пожалуй, еще сильнѣе, чѣмъ вліяніе Ницше. Отдѣлить, разъяснить сферу воздѣйствія этихъ двухъ сходномыслящихъ умовъ, почти невозможно. Слишкомъ тѣсно сплетены они какъ разъ въ тѣхъ самыхъ проклятыхъ вопросахъ добра и зла, на которыхъ построенъ весь романъ Ст. Пшибышевскаго. А въ данномъ случаѣ это тѣмъ труднѣе сдѣлать, что «Homo sapiens» находится въ несомнѣнномъ родствѣ съ однимъ изъ самыхъ ницшеанскихъ романовъ Достоевскаго, съ «Бѣсами». Не только Фалькъ, съ своимъ неудержимымъ стремленіемъ преступать предѣлы, принадлежитъ къ одному типу со Ставрагинымъ, но и польскіе революціонеры, выведенные въ третьей, наиболѣе драматической части романа, и по мыслямъ, и по облику сходны съ русскими революціонерами, которыхъ мы видимъ въ «Бѣсахъ». Не съ тѣми, кого Достоевскій, точно издѣваясь надъ своимъ тяжелымъ, ясновидящимъ талантомъ психолога, изобразилъ въ отвратительныхъ каррикатурахъ, мѣстами напоминающихъ каррикатуры Леонардо да-Винчи, не съ Верховенскими, не съ Лямшиными и Липутиными. Кромѣ нихъ, есть еще Шатовъ и Кириловъ, эти два фанатически цѣльныхъ и чистыхъ идеалиста. Невольно вспоминается ихъ странное, то же пожалуй, фанатическое отношеніе къ Ставрогину, когда

читаешь сцены между Фалькомъ и Черскимъ или Гродскимъ. Та же лихорадочная работа мысли, то же отчаянное злобное разочарованіе въ недавнемъ героѣ. Только у Пшибышевскаго эти сцены еще острѣе, а главное художественнѣе, не застилаются ненужными, скучными отступленіями, дѣлающими чтеніе «Бѣсовъ» такимъ утомительнымъ. Кирилловъ Достоевскаго распадается у польскаго романиста на два типа. И Черскій, этотъ отколовшійся отъ партіи анархистъ, съ душой, безконечно расширившейся въ сладкомъ предчувствіи близкаго подвига, и Гродскій, потерявшій вѣру человѣкъ, у котораго «мозгъ только одинъ разъ захотѣлъ и,—странно—онъ захотѣлъ смерти», оба они стоятъ рядомъ съ Кирилловымъ. И у польскаго, и у русскаго художника героевъ толкаетъ къ самоубійству общая необычная кошмарная жажда абсолютной, нечеловѣческой, божественной свободы. Въ странныхъ, несвязныхъ, жуткихъ словахъ, раскрывая за нѣсколько часовъ передъ смертью свою душу Фальку, Гродскій говоритъ: «Я воля моего мозга. Я воля гордаго сознанія сущаго. Я скоро буду Богомъ». При этомъ Гродскій боится «равнодушной, смертельноскучающей смерти». Но желаніе стать Богомъ выше этого страха.

Вѣдь и Кирилловъ считаетъ также себя обязаннымъ застрѣлиться, потому что «если Бога нѣтъ, то я Богъ и вся воля моя». Для него смерть не отдыхъ, не выходъ изъ тяжелой житейской путаницы. Онъ любитъ жизнь, онъ даже «на паука хотѣлъ молиться». Но онъ считаетъ себя призваннымъ дать людямъ это высшее проявленіе своеволія. «Это все, чѣмъ я могу проявить непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою». Въ этой безграничной свободѣ воли онъ и видитъ спасеніе человѣчества. А онъ хочетъ спасти, онъ весь горитъ желаніемъ принести себя въ жертву. Въ немъ та же, доходящая до экстаза, потребность въ подвигѣ, которой полонъ у Пшибышевскаго Черскій. «Я научу людей видѣть вдохновеніе и красоту жертвы. Я научу ихъ, что приносить себя въ жертву безъ цѣли, безъ заднихъ мыслей,—это и есть счастье», говоритъ Черскій. Кирилловъ достигъ этого счастья, жертва уже близка, и онъ ощущаетъ въ себѣ «присутствіе вѣчной гармоніи, совершенно достигнутой, такую радость, что душа не можетъ выдержать».

Съ горькой ироніей и съ невольнымъ уваженіемъ смотрятъ и Фалькъ, и Ставрогинъ на этихъ безумныхъ мечтателей. Недаромъ Фалькъ, уже разбитый, раздавленный безысходнымъ разладомъ между разгулявшимися инстинктами, услужливою логикой и кающеюся совѣстью, въ внезапномъ порывѣ злобнаго отчаянія цѣлуетъ руку у Черскаго. «Я люблю, я удивляюсь, я ползаю на колѣняхъ передъ этою любовью, передъ этой великой вѣрой. Это такъ странно, что именно вы, проповѣдники равенства, вы, сострадатели, и есть сверхчеловѣки».

Но и признаваясь въ полномъ крушеніи самодовлѣющаго «я», оказавшагося безсильнымъ наполнить и создать жизнь, Фалькъ, не можетъ, какъ Раскольниковъ, выйти на площадь. Этотъ поцѣлуй остается единственной, мгновенной, почти саркастической вспышкой. Элементъ смиренія и покаянія, такъ причудливо, чтобы не сказать чудовищно, сплетающійся у Достоевскаго съ дерзаніемъ и амморальностью, совершенно отсутствуетъ у Пшибышевскаго: Фалькъ, и побѣжденный, старается заглушить свои душевныя муки шумомъ битвы. Безъ идеалистическаго подъема отдается онъ той общественной дѣятельности, которая раньше была для него такою же забавою, какъ и для Ставрогина.

Романъ такъ и кончается: «Можетъ быть, я поѣду къ Черскому! Vive l'humanité! Ха, ха, ха!—засмѣялся онъ язвительнымъ смѣхомъ».

Яркость сценъ, своеобразная, силуэтная и въ то же время честная манера рисовать лица, острый психологическій анализъ, — все это дѣлаетъ

«Homo sapiens» несомнѣнно художественнымъ произведеніемъ. Русскаго читателя должна царапать нѣкоторая вычурность языка, хотя она настолько гармонируетъ съ сверхкультурностью самого Фалька, что врядъ ли можно было писать о немъ болѣе спокойнымъ слогомъ. *А. Вергежскій.*

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

А. М. Скабичевскій. „Исторія новѣйшей русской литературы". Пятое изданіе.

А. М. Скабичевскій. Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1903). Пятое изданіе, исправленное и дополненное. Спб. 1903 г. Стр. 502. Цѣна 2 руб. Когда вышло первое изданіе «Исторіи новѣйшей русской литературы» въ 1891 году, книга эта была признана желательной и полезной. Но въ то же время былъ указанъ и цѣлый рядъ очень существенныхъ недочетовъ. Прежде всего былъ констатированъ «большой изъянъ въ самомъ планѣ» книги, состоящій въ томъ, что авторъ сознательно ограничилъ свою задачу разсмотрѣніемъ изящной литературы и литературной критики, оставивъ въ сторонѣ «движеніе наукъ, публицистики, прессы». Далѣе, было указано отсутствіе въ трудѣ г. Скабичевскаго «какой-нибудь центральной оси» и «руководящей нити», которая дала бы возможность привести «въ связь, близкую или далекую, прямую или косвенную, положительную или отрицательную, всѣ отдѣльные моменты исторіи литературы» (Михайловскій). Было указано, что, благодаря отсутствію этой нити, «за длиннымъ рядомъ біографій, перечисленіемъ и критическою оцѣнкою отдѣльныхъ произведеній, отъ историка ускользаетъ цѣльная картина историческаго процесса въ его переходѣ отъ одной эпохи къ другой, отъ поколѣнія къ поколѣнію» (Пыпинъ). Высказано было также сожалѣніе, что въ книгѣ нѣтъ никакого общаго вывода и не дается никакихъ указаній относительно дальнѣйшаго развитія русской литературы. Группировка русскихъ писателей была также признана не всегда удачной, часто произвольной и вообще «недостаточно обоснованной». Было указано, что г. Скабичевскій группируетъ свой матеріалъ то хронологически (напримѣръ, беллетристы сороковыхъ годовъ), то по формамъ словесныхъ произведеній (напримѣръ, историческій романъ, драма и комедія), то по общему содержанію (напримѣръ, беллетристы-народники). Зачисленіе отдѣльныхъ писателей въ ту или иную группу также вызвало немалыя недоумѣнія.

Еще большимъ возраженіямъ подверглись отдѣльныя мнѣнія г. Скабичевскаго. Автору «Исторіи новѣйшей русской литературы» горячо возражали противъ его парадоксальнаго мнѣнія, что не Гоголя, а Пушкина надо считать «родоначальникомъ натурализма въ Россіи». Его отзывы о литературѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ были признаны односторонними до фантастичности. Оцѣнки отдѣльныхъ писателей и даже терминологія г. Скабичевскаго также вызвали много возраженій. Вообще, было признано, что въ книгѣ г. Скабичевскаго «критикъ и даже публицистъ слишкомъ часто беретъ верхъ надъ объективнымъ изслѣдователемъ» (Морозовъ). Въ связи съ этимъ былъ указанъ въ «Исторіи новѣйшей русской литературы» цѣлый рядъ пропусковъ, вызванный отчасти и недостаткомъ у автора объективности, необходимой для историка литературы. Наконецъ, къ числу недостатковъ книги отнесли и отсутствіе въ ней библіографическихъ указаній.

Противъ нѣкоторыхъ замѣчаній рецензентовъ г. Скабичевскій въ свое время горячо возражалъ въ «Новостяхъ» и до настоящаго времени остался при своихъ тогдашнихъ мнѣніяхъ; но кое-что было принято имъ къ свѣдѣнію при послѣдующихъ изданіяхъ «Исторіи новѣйшей русской литературы». Каждое

изъ нихъ выходило «дополненнымъ и исправленнымъ». Но всѣ эти дополненія и поправки не устранили главныхъ недостатковъ книги: ея планъ, содержаніе и группировка матеріала остались прежними. Произведены, правда, кое-какія перемѣны и въ этомъ отношеніи, но, въ общемъ, несущественныя и даже неудачныя. Такъ, напримѣръ, г. Засодимскій изъ группы «беллетристовъ-публицистовъ» переведенъ въ группу «беллетристовъ-народниковъ изъ разночинцевъ», несмотря на свое происхожденіе изъ дворянъ. И кое-какіе пропуски въ новыхъ изданіяхъ были устранены. Такъ, напримѣръ, послѣ перваго изданія въ «Исторіи новѣйшей русской литературы» оказались такіе писатели, какъ Вонлярлярскій, Кущевскій, гр. Растопчина, Сухово-Кобылинъ, г. Тихоновъ (Луговой) и друг. Кромѣ того, явились біографическія свѣдѣнія о братьяхъ Кирѣевскихъ, о братьяхъ Аксаковыхъ, о Хомяковѣ, В. Майковѣ, В. Г. Короленкѣ, Саловѣ, Мачтетѣ и друг. Изъ новыхъ писателей и писательницъ явились гг. Л. Андреевъ, Вербицкая, Веселитская (Микуличъ), Вересаевъ, Горькій, Мельшинъ, Елпатьевскій.

Въ свое время г. Скабичевскому было указано, что онъ напрасно не внесъ въ свою «Исторію» нѣкоторыхъ критиковъ и публицистовъ. Такъ, напримѣръ, Н. К. Михайловскій писалъ, что «критическія упражненія гг. Страхова, Н. Соловьева, Эдельсона, Авсѣенка и друг. заслуживаютъ вниманія уже просто, какъ факты «Исторіи новѣйшей русской литературы». Кромѣ того, г. Михайловскій нашелъ страннымъ отсутствіе Шелгунова въ книгѣ г. Скабичевскаго. Даже г. Буренину, «какъ бы кто на него ни смотрѣлъ,—по мнѣнію г. Михайловскаго,—также слѣдовало бы отвести мѣсто въ «Исторіи новѣйшей русской литературы». Рецензентъ «Вѣстника Европы» находилъ необходимымъ разсмотрѣніе въ книгѣ г. Скабичевскаго новѣйшихъ критическихъ теорій. Наконецъ, рецензентъ «Русскаго Обозрѣнія» отказался понять, почему Шелгуновъ, Ткачевъ и г. Протопоповъ исключены изъ скрижалей «*Исторіи*». Приведенныя замѣчанія не остались безъ нѣкотораго результата. Въ первомъ отдѣлѣ книги, посвященномъ обозрѣнію русской критики, явились Ткачевъ, гг. Пыпинъ, Арсеньевъ, Протопоповъ, Венгеровъ, Цебрикова, но и только. Критики противоположнаго лагеря, а также представители «новѣйшихъ теорій» игнорируются. Это, конечно, нежелательная и неумѣстная односторонность, благодаря которой, между прочимъ, мы не находимъ въ «Исторіи новѣйшей русской литературы» ни единаго слова о декадентахъ и символистахъ. Не оставилъ также г. Скабичевскій безъ вниманія и замѣчанія рецензентовъ о необходимости въ его книгѣ хотя бы краткихъ свѣдѣній о русской журналистикѣ послѣ шестидесятыхъ годовъ. Въ концѣ седьмой главы явились краткія свѣдѣнія объ «Отечественныхъ Запискахъ», «Дѣлѣ», «Вѣстникѣ Европы», упомянуты даже «Устои» и «Слово»; но свѣдѣній о началѣ изданія, о направленіи и составѣ сотрудниковъ позднѣе возникшихъ журналовъ, не говоря уже о газетахъ, въ «Исторіи», доведенной до 1903 года, мы не находимъ.

Нѣкоторыя отдѣльныя мнѣнія и взгляды г. Скабичевскаго, вызвавшія въ свое время возраженія, исчезли со страницъ его книги. Такъ, напримѣръ, ничего не говорится уже о «парижеманіи» г. Боборыкина, въ XXI гл. исчезъ терминъ «кающійся дворянинъ», употребленный не въ томъ значеніи, какое ему обыкновенно придаютъ. Но, въ общемъ, критическая часть «Исторіи новѣйшей русской литературы» осталась безъ какихъ-либо существенныхъ измѣненій.

Трудно, конечно, было и надѣяться, чтобы г. Скабичевскій совершенно переработалъ свою книгу по новому плану и отказался отъ своихъ мнѣній, хотя бы и парадоксальныхъ. Но, къ сожалѣнію, въ новыхъ изданіяхъ своей книги онъ не далъ и того, что онъ долженъ былъ дать. Прежде всего необходимо указать, что, несмотря на сдѣланныя дополненія, цѣлые десятки русскихъ

писателей остались неразсмотрѣнными въ книгѣ г. Скабичевскаго. Нѣкоторые изъ нихъ только упомянуты, а нѣкоторые и вовсе пропущены. Такъ, напримѣръ, изъ покойныхъ писателей второй половины XIX-го вѣка въ «Исторіи новѣйшей русской литературы» нѣтъ ни одного слова объ Астыревѣ, Жадовской, Кокоревѣ, Нефедовѣ, Погосскомъ и др. Изъ современныхъ писателей и писательницъ игнорируются гг. Апрѣлева (Е. Ардовъ), Кругловъ, Лохвицкая, Случевскій, Танъ, Чириковъ и нѣкоторые др. Еще болѣе странно видѣть, что свѣдѣнія о большинствѣ современныхъ писателей остались тѣ же самыя, что и въ первомъ изданіи, хотя за истекшія съ того времени двѣнадцать лѣтъ многое перемѣнилось въ личной жизни писателей и явились новыя произведенія ихъ пера. Такъ, напримѣръ, нѣтъ никакихъ дополненій о гг. Авсѣенкѣ, Бажинѣ, Вас. Немировичѣ-Данченкѣ, Лейкинѣ, Головинѣ, Мордовцевѣ, гр. Саліасѣ, Вс. Соловьевѣ, Баранцевичѣ, Минскомъ, Фругѣ, Эртелѣ, Потапенкѣ, Дмитріевой и др. Нѣтъ также никакихъ дополненій о такихъ недавно умершихъ писателяхъ, какъ Шеллеръ, Станюковичъ, Евг. Марковъ и др. Отмѣчено только время ихъ смерти. А относительно Аполлона Майкова не сдѣлано даже и этого. О нѣкоторыхъ писателяхъ вновь даны біографическія свѣдѣнія или измѣнены общіе отзывы о ихъ сочиненіяхъ, но данныя о ихъ литературной дѣятельности остались безъ всякихъ дополненій. Благодаря отсутствію этихъ безусловно необходимыхъ дополненій, судя по «Исторіи новѣйшей русской литературы», большинство современныхъ русскихъ писателей послѣ 1891 г. не написали ничего такого, что заслуживало бы вниманія.

Особенно странно читать въ «Исторіи» г. Скабичевскаго, доведенной до 1903 года, послѣднюю главу, посвященную современной русской поэзіи. Такъ же, какъ и въ первомъ изданіи, кромѣ покойнаго Надсона, тутъ говорится только о гг. Фругѣ, Минскомъ и Мережковскомъ, далѣе только упоминаются Апухтинъ, гг. Фофановъ, гр. Голенищевъ-Кутузовъ (который называется княземъ), Андреевскій и кн. Цертелевъ. Кромѣ того въ другой главѣ сказано нѣсколько словъ о г. П. Я. и упомянутъ А. М. Жемчужниковъ. Объ остальныхъ современныхъ поэтахъ г. Скабичевскій не считаетъ нужнымъ даже упоминать. Странно также, что литературной дѣятельности Чехова г. Скабическій нашелъ возможнымъ удѣлить всего только одну страницу, да и ту неполную, тогда какъ о другихъ писателяхъ, несравненно менѣе замѣчательныхъ, въ «Исторіи» говорится гораздо подробнѣе.

Кромѣ дополненій о литературной дѣятельности русскихъ писателей за девяностые годы, г. Скабичевскому въ слѣдующихъ изданіяхъ своей «Исторіи» слѣдовало бы пересмотрѣть, по крайней мѣрѣ, фактическій матеріалъ и въ остальныхъ главахъ, которыя также нуждаются въ исправленіяхъ и дополненіяхъ. Нельзя, напримѣръ, говорить о Лѣсковѣ, только какъ бы авторѣ романовъ «Некуда» и «На ножахъ», а объ остальной его литературной дѣятельности ограничиваться словами: «Онъ написалъ массу повѣстей и разсказовъ, чуждыхъ политическихъ тенденцій, и въ этихъ разсказахъ обнаружилъ недюжинный талантъ и разностороннее знаніе русской жизни». Нельзя проходить молчаніемъ такія сенсаціонныя для своего времени произведенія, какъ «Что дѣлать?» Чернышевскаго (объ этомъ романѣ только упоминается) и «Знаменіе времени» г. Мордовцева. Нельзя говорить объ А. М. Жемчужниковѣ, только какъ объ участникѣ въ составленіи пародій Кузьмы Пруткова. Желательно было бы, чтобы и въ критическихъ приговорахъ г. Скабичевскаго, иногда крайне субъективныхъ и парадоксальныхъ, не было, по крайней мѣрѣ, противорѣчій на одной и той же страницѣ. Такъ, напримѣръ, о Львѣ Толстомъ сначала сказано: «Словно потухающая лампа, художественный талантъ гр. Толстого порою ярко вспыхиваетъ и въ послѣдніе годы его дѣятельности, т.-е. въ теченіе восьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годовъ». А черезъ нѣсколько

строкъ читаемъ: «Дивная повѣсть его «Воскресеніе»... представляетъ собою яркое доказательство, что творчество Толстого не только находится въ прежней своей силѣ, но какъ бы возросло еще выше» (стр. 171).

Біографическая часть «Исторіи новѣйшей русской литературы» также нуждается въ пересмотрѣ и исправленіи. Такъ, напримѣръ, о Тургеневѣ сообщается, что разсказъ «Хорь и Калинычъ» явился въ печати подъ иниціалами Т. Л., что «Записки охотника» вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ началѣ 1852 года и были главной причиной ареста, которому подвергся ихъ авторъ въ этомъ году. На самомъ же дѣлѣ «Хорь и Калинычъ» напечатанъ съ полной подписью Тургенева. Отдѣльное изданіе «Записокъ охотника» вышло въ серединѣ 1852 г., уже послѣ того, какъ Тургеневъ отбылъ наказаніе за письмо по поводу смерти Гоголя. Слѣдовательно, отдѣльное изданіе этой книги не могло имѣть никакой связи съ арестомъ Тургенева. О Львѣ Толстомъ сообщается, что въ 1843 г. «онъ поступилъ въ казанскій университетъ на филологическій факультетъ», что въ 1848 году онъ «сдалъ кандидатскій экзаменъ» въ петербургскомъ университетѣ, что онъ учредилъ въ Ясной Полянѣ школу послѣ второго заграничнаго путешествія. На самомъ же дѣлѣ въ Казани Толстой поступилъ на факультетъ восточныхъ языковъ, а въ Петербургѣ сдалъ всего только два экзамена по уголовному праву, а затѣмъ уѣхалъ въ Ясную Поляну, гдѣ уже въ концѣ сороковыхъ годовъ завелъ школу для обученія крестьянскихъ дѣтей.— О Писемскомъ въ «Исторіи» сообщается, что неудача съ «Боярщиной» не охладила его къ литературнымъ трудамъ (стр. 201), хотя въ отдѣльной книжкѣ о Писемскомъ тотъ же г. Скабичевскій болѣе согласно съ истиною говоритъ, что обезкураженный писатель на время забросилъ перо и предался службѣ. О Чернышевскомъ сказано, что онъ возвратился на родину въ 1883 году; но Астрахань, куда перевели въ этомъ году Чернышевскаго, не родина его, а въ родной ему Саратовъ онъ переѣхалъ только лѣтомъ 1889 года. О Некрасовѣ попрежнему сообщается, что его мать была дочь «богатаго польскаго магната», хотя теперь уже извѣстно, что этотъ «магнатъ» былъ всего только титулярный совѣтникъ, притомъ православнаго вѣроисповѣданія. О г. Венгеровѣ сообщается, что онъ «въ 1900 г. приступилъ къ изданію сочиненій Бѣлинскаго и до сего дня успѣлъ выпустить 2 тома» (стр. 113). На самомъ же дѣлѣ до 1903 г. вышло уже шесть томовъ.

Все это, конечно, мелочи; но подобныя мелочи въ связи съ нерѣдкими опечатками и ошибками въ годахъ, иниціалахъ и именахъ, мѣшаютъ «Исторіи» г. Скабичевскаго быть надежной справочной книгой. Устраненіе подобныхъ недочетовъ въ слѣдующемъ изданіи желательно тѣмъ болѣе, что трудъ г. Скабичевскаго, при всѣхъ недостаткахъ въ планѣ и изложеніи, является все же лучшей книгой по исторіи новѣйшей русской литературы. *С. Ашевскій.*

СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

С. Гальперинъ. „Современная соціологія".—*Дж. Гобсонъ.* „Экономика распредѣленія.—Наука соціальнаго прогресса.—Юношескіе годы Карла Маркса".

С. И. Гальперинъ. Современная соціологія. Екатеринославъ. 1903. Стр. VI+375. Ц. 2 р. Авторъ этой книги преслѣдовалъ двоякую цѣль: во-первыхъ дать обзоръ соціологической литературы (русской и иностранной) за 1902 г. и во-вторыхъ, изложить этотъ обзоръ такимъ образомъ, чтобы онъ въ то же время представлялъ собою связный очеркъ характерныхъ чертъ современной соціологіи. Объ эти задачи исполнены очень плохо. Изложеніе вопросовъ, которые г. Гальперинъ считаетъ характерными для современной соціо-

логіи, постоянно прерывается случайными отступленіями «ради полноты обзора». Но «полнота обзора» превращается въ пустой звукъ, потому что авторъ считаетъ себя въ правѣ говорить только о томъ, что ему кажется характернымъ, а характерными ему кажутся, напр., событія въ родѣ того, что «Бердяева не признали «своимъ» ни народники, ни марксисты, а г. Нежданова — признали и тѣ, и другіе». Только немногія изъ упоминаемыхъ г. Гальпериномъ книгъ и статей удостаиваются спокойнаго изложенія или пересказа. Большею частью г. Гальперинъ выхватываетъ у излагаемаго автора какой-нибудь отдѣльный, интересующій его вопросъ, вступаетъ въ полемику, и не стѣсняясь ни мѣстомъ, ни интересами читателей, подробно и длинно выясняетъ всѣ пункты согласія и разногласія по данному вопросу между самимъ г. Гальпериномъ и критикуемымъ авторомъ. Полное отсутствіе системы и порядка г. Гальперинъ иногда пытается прикрыть мелочными и никому ненужными оправданіями; напр. книгу Сеньобоса оставляетъ безъ разсмотрѣнія на томъ будто бы основаніи, что хотя «трудъ Сеньобоса и переведенъ на русскій языкъ только въ отчетномъ году, но по времени выхода, трудъ этотъ къ данному году совершенно не относится» (41) (это не мѣшаетъ г. Гальперину «относить» къ «отчетному году» другія книги, написанныя до 1902 и появившіяся въ русскомъ переводѣ въ 1902 г.). Или: «указанная книга Риккерта («О границахъ естественно-научнаго образованія понятій». Тюбингенъ и Лейпцигъ. 1902) мнѣ къ сожалѣнію незнакома, но за то я знаю научное *credo* автора, изложенное имъ десять лѣтъ тому назадъ» (66). О сборникѣ «Проблемы идеализма» говорится: «Хотя сборникъ этотъ помѣченъ 1903 г. и формально не долженъ былъ войти въ нашъ «обзоръ», но появился этотъ сборникъ въ 1902 году (и даже въ нѣкоторыхъ органахъ печати, напр. въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» о немъ данъ отзывъ въ отчетномъ году), и потому мы считаемъ своею обязанностью мѣстами въ нашемъ обзорѣ касаться работъ, помѣщенныхъ въ Сборникѣ» (18). На самомъ же дѣлѣ эти «Проблемы идеализма» буквально преслѣдуютъ читателя со страницъ «Обзора» г. Гальперина; въ нихъ, въ этихъ «Проблемахъ», повидимому, центръ интересовъ нашего автора. А свои интересы онъ совершенно спокойно отожествляетъ съ интересами читателей. Не видно ни малѣйшей заботы о потребностяхъ тѣхъ, для кого пишется книга.

А. Рыкачевъ.

Дж. Гобсонъ. I. Экономика распредѣленія. II. Наука соціальнаго прогресса. III. Юношескіе годы Карла Маркса. Стр. 321 + 52. Ц. 2 р. М. 1903 г. Всякое ученіе о распредѣленіи доходовъ, пренебрегающее идеальными историческими факторами, заранѣе обречено на безплодіе. Распредѣленіе доходовъ между рабочими и капиталистами непосредственно зависитъ отъ развитія правоваго и нравственнаго чувства, отъ уваженія рабочихъ къ власти, къ сословнымъ и классовымъ преимуществамъ и отъ сознанія капиталистами своей отвѣтственности передъ государствомъ и обществомъ. Но современная политическая экономія, проникнутая матеріализмомъ, все еще пренебрегаетъ этими идеальными историческими факторами и потому подъ именемъ «теорій распредѣленія» даетъ пустыя схоластическія построенія. Къ сожалѣнію, схоластикой экономистовъ способны увлекаться люди, горячо сочувствующіе практическимъ требованіямъ рабочихъ, и часто можно видѣть, какъ защитники интересовъ рабочаго класса закапываются до головы въ отвлеченности экономической «теоріи», думая найти въ нихъ вѣрное средство противъ жадности капиталистовъ и слѣпоты государственныхъ дѣятелей. Къ числу такихъ, поистинѣ достойныхъ сожалѣнія, друзей рабочаго класса принадлежитъ и Дж. Гобсонъ. Какъ Марксъ хотѣлъ использовать въ интересахъ рабочихъ отвлеченныя начала старой «классической» политической экономіи, такъ Гобсонъ въ тѣхъ же интересахъ хочетъ использовать отвлеченныя начала «новой» поли-

тической экономіи. Марксъ построилъ защиту соціализма на матеріалѣ, заимствованномъ изъ школы Рикардо. Гобсонъ, для защиты того же соціализма, беретъ оружіе изъ арсенала «субъективной» школы, изъ ученій Джевонса и Бёмъ-Баверка. Новая «субъективная» школа, къ сожалѣнію, и у насъ въ Россіи начинаетъ вызывать тѣ же незаслуженныя симпатіи и надежды, что и въ заграничной наукѣ. Но каковы бы ни были достоинства и недостатки новой школы по сравненію со старой, обѣ страдаютъ однимъ и тѣ же грѣхомъ—отвлеченнымъ матеріализмомъ, который дѣлаетъ ихъ безполезными и даже вредными при рѣшеніи практическихъ вопросовъ общественной жизни. Старая школа выходила изъ представленій о «нормальномъ», «среднемъ» человѣкѣ, о нормальной цѣнности, нормальной полезности, нормальныхъ или «общественно-необходимыхъ» затратахъ, нормальныхъ или среднихъ прибыляхъ. Новая школа исходитъ изъ представленій о «предѣльныхъ», «крайнихъ» или «послѣднихъ» условіяхъ: предѣльныхъ покупателяхъ (т.-е. такихъ, которые говорятъ послѣднее, рѣшающее слово), предѣльныхъ продавцахъ, предѣльныхъ цѣнахъ, предѣльныхъ издержкахъ, предѣльныхъ прибыляхъ и т. д. Но обѣ школы занимаются однимъ и тѣмъ же отвлеченнымъ воспитываніемъ эгоистическихъ выгодъ и невыгодъ, которое не имѣетъ ничего общаго съ сложной борьбой интересовъ и идеаловъ, происходящей въ дѣйствительной жизни. Обѣ основаны на наивной матеріалистической предпосылкѣ, будто каждый стремится только къ наибольшей суммѣ личныхъ выгодъ. «Предѣльные» покупатели и продавцы Джевонса и Бёмъ-Баверка такіе же картонные раціоналисты и матеріалисты, какъ и нормальный «экономическій» человѣкъ старой классической школы. Никакой дѣйствительной пользы для рабочаго движенія нельзя извлечь изъ этихъ картонныхъ фигуръ. Въ рукахъ Маркса наивный матеріализмъ Рикардо отчасти остался пустой схоластикой, отчасти же привелъ къ оправданію грубаго практическаго матеріализма, грубаго насилія и равнодушной терпимости къ насилію. Точно также и въ рукахъ Гобсона матеріализмъ «субъективной» школы отчасти остается пустой и безобидной схоластикой, отчасти ведетъ къ оправданію насилія.

А между тѣмъ намѣренія у Гобсона самыя хорошія и направлены въ сторону самыхъ реальныхъ практическихъ нуждъ. Онъ хочетъ оправдать, съ одной стороны, требованія рабочихъ о сокращеніи рабочаго дня и повышеніи платы, съ другой—усиленное подоходное обложеніе на цѣли крупныхъ соціальныхъ реформъ. Гобсонъ справедливо говоритъ, что господствующіе въ экономической наукѣ теоріи распредѣленія какъ нельзя болѣе на руку врагамъ соціальныхъ реформъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякая теорія, устанавливающая естественные законы распредѣленія доходовъ, признаетъ безполезность какого бы то ни было вмѣшательства въ хозяйственную жизнь со стороны рабочихъ союзовъ или финансоваго управленія. Рабочіе союзы требуютъ повышенія платы. Но, отвѣчаютъ имъ капиталисты, доля рабочихъ въ національномъ доходѣ зависитъ не отъ насъ; каждый факторъ производства—рабочіе, земля, капиталъ имѣетъ свою опредѣленную долю; вы можете повысить свою плату, но это принесетъ ущербъ другимъ факторамъ производства, общая сумма производства сократится, народное богатство уменьшится и, въ концѣ концовъ, пострадаете вы сами, какъ и другіе классы. Практическое значеніе подобныхъ возраженій ясно обнаружилось въ послѣдніе годы въ Англіи, гдѣ рабочимъ союзамъ ставятъ теперь въ вину упадокъ англійской промышленности и промышленныя побѣды американскихъ и германскихъ конкурентовъ. Подобнаго же рода возраженія дѣлаются и противъ финансовыхъ реформъ: вы хотите обложить монополистовъ и рантьеровъ? Но вѣдь не отъ васъ зависитъ распредѣленіе доходовъ и рентъ! Сколько бы вы ни обкладывали крупные доходы, ваши палоги будутъ перекладываться съ класса на классъ, пока вновь не

*

установится естественное равновѣсіе доходовъ въ зависимости отъ естественныхъ законовъ распредѣленія. Вы можете только назначить лицъ, которыя будутъ вносить деньги въ казначейство, но не можете собственною властью опредѣлить дѣйствительный источникъ, изъ котораго эти деньги, въ концѣ концовъ, берутся.

Противъ такихъ-то возраженій и выдвигаетъ Гобсонъ свою «экономику распредѣленія». Онъ признаетъ, что существуетъ «необходимое вознагражденіе» всѣхъ факторовъ производства—труда, земли и капитала. Это необходимое вознагражденіе опредѣляется, съ одной стороны, «стоимостью», съ другой—«полезностью». «Стоимость» и «полезность» отдѣльныхъ факторовъ производства обнаруживается въ борьбѣ спроса и предложенія, совершенно такъ же, какъ стоимость и полезность готовыхъ продуктовъ. Но при условіяхъ современной хозяйственной жизни въ большинствѣ рыночныхъ сдѣлокъ спросъ и предложеніе опредѣляютъ только верхнюю и нижнюю границы рыночныхъ цѣнъ. Только на міровомъ рынкѣ, при полномъ отсутствіи монополій и при полномъ господствѣ свободной конкуренціи, цѣны окончательно устанавливаются силами одной торговой конкуренціи. Въ громадномъ же большинствѣ случаевъ существуютъ довольно просторные предѣлы, внутри которыхъ цѣны опредѣляются не конкуренціей, а силой и ловкостью сторонъ. При этомъ побѣждаетъ та сторона, которая лучше съумѣетъ скрыть собственные планы и проникнуть въ соображенія и интересы противной стороны. Такимъ образомъ возникаетъ «вынужденный» барышъ. Гобсонъ обыкновенно прилагаетъ къ нему терминъ «рента», ибо нѣкоторыя свойства «вынужденнаго барыша» давно уже изучались экономистами подъ именемъ ренты. Гобсонъ устанавливаетъ довольно сложную систему «предѣльныхъ», «дифференціальныхъ», «вынужденныхъ», «специфическихъ» и разныхъ другихъ рентъ и старается доказать, что капиталъ и трудъ обладаютъ такою же способностью получать ренту, какъ и земля. Итакъ, цѣна всѣхъ продуктовъ распадается на: 1) «необходимое» вознагражденіе «необходимыхъ» затратъ труда, земли и капитала и 2) «вынужденныя», или «незаслуженныя» доли, или ренты, земли, труда и капитала. Совокупность этихъ рентъ или незаслуженныхъ прибылей, Гобсонъ называетъ также «прибавочною цѣнностью». Въ современномъ обществѣ рабочіе являются слабѣйшей стороной. Поэтому чрезмѣрно большая часть «прибавочной цѣнности» попадаетъ въ руки монополистовъ всякаго рода, землевладѣльцевъ, капиталистовъ и предпринимателей. Но, сплачиваясь и объединяясь въ союзы, рабочіе могутъ пріобрѣсти ту силу, которой имъ теперь недостаетъ. Когда сила будетъ на ихъ сторонѣ, они обратятъ въ свою пользу прибавочную цѣнность, которой пользуются теперь капиталисты. Марксъ, по мнѣнію Гобсона, правильно понялъ великое значеніе прибавочной цѣнности, но ложно приписалъ ея происхожденіе только одному фактору производства, именно труду; въ дѣйствительности, въ ея созданіи нераздѣльно участвуютъ всѣ факторы производства. Добиваясь болѣе широкаго участія въ пользованіи «прибавочною цѣнностью», рабочіе вовсе не касаются «необходимыхъ издержекъ» и, слѣдовательно, вовсе не угрожаютъ общимъ размѣрамъ производства и общему количеству богатства, какъ увѣряютъ ихъ противники. Въ то же время и законодатель при помощи налоговъ можетъ брать отъ состоятельныхъ классовъ крупныя суммы «незаслуженныхъ прибылей», не опасаясь ни сокращенія производства, ни переложенія налоговъ на болѣе слабыя плечи. Однимъ словомъ, новое ученіе о «прибавочной цѣнности» развязываетъ руки и рабочимъ союзамъ, и политическимъ дѣятелямъ, желающимъ вступить на путь серьезныхъ и, слѣдовательно, дорого стоющихъ соціальныхъ реформъ.

Въ отдѣльныхъ частяхъ своего ученія Гобсонъ дѣлаетъ не мало оригинальныхъ и остроумныхъ поправокъ къ теоріямъ своихъ предшественниковъ,

и тѣ, у кого хватитъ терпѣнія прослѣдить за всѣми тонкостями его полемики съ Маршаллемъ, Бёмъ-Баверкомъ и Джевонсомъ, во многомъ должны будутъ согласиться съ его критикой. Между прочимъ, интересны его разсужденія о рентѣ съ худшихъ и лучшихъ участковъ. Обыкновенно говорятъ, что монопольная или абсолютная (по выраженію Маркса) рента устанавливается въ зависимости отъ предложенія и спроса на самую худшую землю. Гобсонъ же говоритъ, что иногда опредѣлителемъ абсолютной ренты можетъ быть не худшій, а лучшій участокъ. Напр., владѣлецъ худшаго участка согласился бы получать 100 р. съ десятины, но, несмотря на то, онъ получаетъ 150 руб. единственно по той причинѣ, что владѣлецъ лучшаго участка, котораго производительность ровно вдвое больше, не соглашается пускать въ обработку свой участокъ за 200 р., но только за 300 р.

Однако, все это — домашніе внутренніе споры ученыхъ схоластиковъ. Для практической жизни, для рабочаго движенія и соціальныхъ реформъ ученіе Гобсона не даетъ и не можетъ дать полезныхъ результатовъ. Какъ и всякое ученіе, построенное на предпосылкѣ отвлеченнаго разсудочнаго эгоизма, оно, во-первыхъ, искажаетъ дѣйствительность и, во-вторыхъ, невольно оправдываетъ эгоизмъ и произволъ.

Не нужно никакихъ теорій, чтобы признать, что рабочіе, въ договорахъ съ капиталистами, являются слабѣйшей стороной и что они могутъ и должны добиваться лучшихъ условій жизни и труда. Значеніе теоріи Гобсона заключается не въ повтореніи этихъ старыхъ истинъ, а въ томъ, что онъ признаетъ ихъ только по отношенію къ одной опредѣленной части народнаго богатства—по отношенію къ «прибавочной цѣнности», относительно же другой части—«необходимыхъ издержекъ»—оставляетъ въ силѣ всѣ предразсудки старой политической экономіи. Но такое разграниченіе между необходимыми издержками, гдѣ нѣтъ мѣста ни насилію, ни свободѣ, и «рентами», гдѣ царствуетъ только насиліе и гдѣ возможна полная свобода, совершенно противорѣчитъ дѣйствительности. Въ дѣйствительности, значительная часть насилія и несправедливости капиталистовъ заключается именно въ томъ, что они лишаютъ рабочихъ «необходимыхъ» средствъ. Да и какъ провести границу «необходимыхъ» средствъ для поддержанія жизни? Какую жизнь нужно при этомъ имѣть въ виду, достойную человѣческую жизнь или прозябаніе впроголодь? Въ одномъ мѣстѣ Гобсонъ говоритъ, что «истинная заработная плата, необходимая для существованія», есть такая, «какую *истинно-просвѣщенный* предприниматель найдетъ *выгоднымъ* заплатить» (228). Но дѣло въ томъ, что истинно-просвѣщенные предприниматели не могутъ платить самой *выгодной* для себя платы, потому что въ интересахъ рабочихъ они жертвуютъ нѣкоторою частью несомнѣнныхъ своихъ выгодъ... Конечно, столь же условно и произвольно и разграниченіе между «необходимымъ» и «вынужденнымъ» вознагражденіемъ капитала, между «необходимой» и «вынужденной» земельной рентой.

Гобсонъ говоритъ, что при распредѣленіи рентъ или прибавочной цѣнности рѣшающее значеніе имѣетъ относительная сила и слабость сторонъ. Но развѣ распредѣленіе «необходимаго вознагражденія» не зависитъ точно также отъ силы и слабости покупщиковъ и продавцовъ? Какая же разница между борьбой сильныхъ и слабыхъ при распредѣленіи «прибавочной цѣнности» и борьбой сильныхъ и слабыхъ на открытомъ рынкѣ, при дѣйствіи свободной конкуренціи? Если судить по анализу, данному въ I-й главѣ сочиненія Гобсона, нашъ авторъ, повидимому, принимаетъ, что полученіе «прибавочной цѣнности» предполагаетъ болѣе грубую борьбу и неизбѣжно связано съ обманомъ. «Если взять нашъ настоящій примѣръ, то для опредѣленія цѣнъ, повидимому, существенно важно, чтобы одинъ изъ капиталистовъ вводилъ въ заблужденіе дру-

гого относительно дѣйствительнаго положенія дѣла... Такіе обманы или пріемы насильственнаго характера, повидимому, необходимы для окончательнаго установленія цѣнъ» (14). «Принужденіе является послѣднимъ опредѣлителемъ рыночной цѣны» (18). Далѣе Гобсонъ старается показать, что примѣръ, изъ котораго онъ исходитъ, въ достаточной мѣрѣ соотвѣтствуетъ условіямъ дѣйствительнаго рынка, гдѣ элементъ «вынужденной прибыли» даже значительнѣе, чѣмъ въ примѣрѣ.

Итакъ, вмѣсто свободной конкуренціи, отъ которой буржуазные экономисты ждутъ спасенія и для рабочихъ, и для всего народнаго хозяйства, Гобсонъ предлагаетъ рабочимъ возложить всѣ надежды на еще болѣе грубыя формы борьбы. Въ сущности, его оправданіе политики рабочихъ союзовъ сводится къ оправданію необходимой самообороны: на насиліе можно и должно отвѣчать насиліемъ. Сомнительно, чтобы современные рабочіе и современное государство удовлетворилось столь примитивною моралью. И во всякомъ случаѣ, ученіе Гобсона столь же оправдываетъ насильственную борьбу объединившихся капиталистовъ съ рабочими союзами, какъ и воинственную политику самихъ рабочихъ. Кому, въ концѣ концовъ, лучше удастся «ввести въ заблужденіе другого», остается открытымъ вопросомъ. Гобсонъ, правда, и не дѣлаетъ рѣшительныхъ предсказаній. Но онъ упускаетъ изъ виду, что насиліе и обманы отражаются не только на распредѣленіи, но и на успѣшности производства: чѣмъ больше будетъ насилія и обмановъ, тѣмъ значительнѣе сократятся доли *всѣхъ* классовъ населенія, независимо отъ отношенія ихъ между собой. А вѣдь задачей Гобсона было показать, что требованія рабочихъ могутъ быть удовлетворены безъ пониженія общаго богатства.

Оправдывая насиліе со стороны рабочихъ и капиталистовъ, ученіе Гобсона въ то же время оправдываетъ произволъ въ финансовой политикѣ. По Гобсону выходитъ, что никакіе налоги не могутъ уменьшить «необходимыхъ» затратъ производства и пріостановить развитіе производительныхъ силъ: всякій налогъ падаетъ, въ концѣ концовъ, на «незаслуженный доходъ». Это—большое утѣшеніе для всѣхъ финансовыхъ дѣятелей, но въ то же время и теоретическое оправданіе *всѣхъ* налоговъ, даже и такихъ, которыхъ непосильная тяжесть для населенія практически хорошо извѣстна и самому населенію и финансистамъ. «Отдѣльный монополистъ,—говоритъ Гобсонъ,—можетъ уклониться отъ особаго обложенія или обложенія ad valorem предметовъ своей монополіи лишь путемъ перенесенія этого налога на незаслуженные доходы извѣстнаго класса потребителей, а не путемъ распредѣленія его на всѣ классы потребителей. Тотъ же общій принципъ примѣнимъ и ко всякому обложенію благъ монополизированныхъ или свободныхъ: нельзя облагать налогомъ доходы, представляющіе собою необходимые платежи за факторы производства, до тѣхъ поръ, пока ими не будутъ поглощены всѣ формы незаслуженнаго дохода» (247).

Итакъ, законодатель, сколько бы ни старался, не можетъ чрезмѣрностью налоговъ остановить развитіе производительныхъ силъ! И здѣсь опять Гобсонъ, незамѣтно для самаго себя, приходитъ къ ученію старой политической экономіи о томъ, что все, необходимое для производства, заботливо обезпечивается какими-то таинственными естественными законами распредѣленія и не можетъ быть разрушено ни борьбой классовъ, ни финансовой политикой.

Что Гобсонъ поддается обаянію старой схоластики совершенно противъ своей воли, становится особенно яснымъ при чтеніи небольшой статьи, помѣщенной въ той же книгѣ, рядомъ съ «экономикой распредѣленія». Эта статья, подъ заглавіемъ «Наука соціальнаго прогресса», представляетъ извлеченіе изъ труда Гобсона «Соціальная проблема» («The social problem»). Авторъ высказываетъ здѣсь свои взгляды на задачи экономической науки и на успѣхи, достигнутые ею до сихъ поръ. Онъ очень строго относится и къ «старой», и

къ «новой» школѣ и требуетъ полнаго, радикальнаго измѣненія методовъ изученія. Соглашаясь во многомъ съ проповѣдью Рёскина противъ экономистовъ, онъ утверждаетъ, что деньги не могутъ служить мѣрой прогресса и счастья и что всѣ измѣренія, производимыя теперь экономистами на деньги, должны быть приведены къ иному, болѣе точному мѣрилу—мѣрилу добра и зла, жизни и смерти, истиннаго человѣческаго счастья и несчастья. Гобсонъ прямо заявляетъ, что у науки нѣтъ и не должно быть средствъ для *количественнаго* измѣренія и сравненія всѣхъ жизненныхъ благъ, напр., для сравненія вещей необходимыхъ съ вещами просто полезными, предметовъ удобства съ предметами роскоши. Въ важнѣйшихъ вопросахъ оцѣнки возможно только качественное, но не количественное сравненіе... Читая эти горячія страницы о новыхъ горизонтахъ для экономической науки въ духѣ возвышеннаго идеализма, приходится только удивляться, какимъ образомъ одинъ и тотъ же авторъ можетъ такъ рѣзко осуждать старые пріемы въ чужихъ работахъ и такъ безпомощно ихъ повторять въ попыткѣ собственныхъ новыхъ построеній. Очевидно, недостаточно признать права идеализма на словахъ, въ теоріи, въ отвлеченной программѣ, чтобы освободиться отъ заблужденій застарѣлаго матеріализма. Подъ новыми формами, подъ новыми названіями старый денежно-товарный фетишизмъ можетъ долго уживаться рядомъ съ искренними призывами къ обновленію и «очеловѣченію» науки...

Борьба новыхъ, гуманныхъ началъ съ заразительнымъ обаяніемъ старой схоластики сообщаетъ несомнѣнный интересъ переводу новыхъ трудовъ Гобсона, уже знакомаго русскимъ читателямъ по другимъ книгамъ. Но чтеніе настоящей книги требуетъ нѣкотораго предварительнаго знакомства съ теоріями «субъективной школы» и сильно затрудняется тяжелымъ языкомъ, сложной и спутанной терминологіей, а также не совсѣмъ удовлетворительнымъ переводомъ, Къ сожалѣнію, у насъ не было подъ руками англійскаго подлинника, но и безъ подлинника легко понять, что подъ «Комтомъ» (на стр. 277) подразумѣвается философъ Контъ, подъ «цензурой», отъ которой на стр. 272 освобождается политическая экономія, нужно разумѣть упрекъ, порицаніе (англ. censure), и что переводчикъ, переводя англійское слово mill (= 1) мельница, 2) заводъ, фабрика), не всегда вникалъ въ смыслъ текста, вслѣдствіе чего и получилось, что въ Англіи существовало какое-то «поколѣніе владѣльцевъ мельницъ, финансистовъ» и т. д. (274), или что какая-то агитація вокругъ закона о бѣдныхъ имѣла цѣлью «доставить мельницамъ сѣвера дѣтскій трудъ» (275). Выходитъ, что мельницы и мельники играли какую-то совсѣмъ особую роль въ англійской исторіи.

Въ той же книгѣ, въ качествѣ третьей статьи, помѣщенъ, съ отдѣльной нумераціей страницъ, очеркъ «Юношескіе годы Карла Маркса». Очеркъ принадлежитъ перу Фр. Меринга и взятъ изъ введенія къ нѣмецкому сборнику «литературнаго наслѣдія К. Маркса, Фр. Энгельса и Ф. Лассаля». Передъ нами развертывается интересная картина первыхъ шаговъ сознательной жизни будущаго ученаго и агитатора. Будущій матеріалистъ, жестокій критикъ и самоувѣренный борецъ является здѣсь влюбленнымъ юношей, мечтателемъ-поэтомъ и пылкимъ идеалистомъ, мучающимся философскими сомнѣніями. Досадно, что въ русскомъ изданіи эти полныя интереса картины прошлаго обрываются такъ рано. *А. Рыкачевъ.*

ФИЛОСОФІЯ.

Давидъ Юмъ „Изслѣдованіе человѣческаго разума". — *Роджерсъ.* „Краткое введеніе въ исторію новой философіи".

Давидъ Юмъ. Изслѣдованіе человѣческаго разумѣнія. (An Inquery concerning human understanding). Переводъ съ англійскаго С. И. Церетели. Спб. 1902 г. 193 стр. Цѣна 1 руб Шотландскій философъ *Давидъ Юмъ*, занимая въ исторіи философіи одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ, и для нашего времени долженъ считаться лучшимъ будильникомъ мысли. Безпощадная логика, ясность мысли и изложенія, стройность общихъ построеній и занимательность въ деталяхъ дѣлаютъ его привлекательнымъ для всякаго обращающагося къ философіи, какъ къ источнику не только умственнаго и нравственнаго просвѣщенія, но и чисто эстетическаго наслажденія. Чуждый узкаго доктринерства и скучнаго морализированія, Юмъ, дѣйствительно, овладѣваетъ умомъ и настроеніемъ читателя и невольно зарождаетъ въ его умѣ тотъ скептическій критицизмъ, который одинаково хорошо предохраняетъ, какъ отъ излишняго увлеченія метафизическими туманами, такъ и отъ слѣпой преданности пошлости здраваго смысла.

Главное сочиненіе Юма «Treatise upon human nature» вышло въ 1738—40 г.г, въ трехъ томахъ, изъ которыхъ первый Of Understanding было посвящено тому, что мы называемъ теперь *теоріей познанія.* Опредѣлить границы человѣческаго ума и познанія, изслѣдовать цѣнность и достовѣрность знанія, а также его происхожденіе, — таковы главныя задачи «Трактата». Установивъ, что умъ человѣческій въ познаніи имѣетъ дѣло только съ перцепціями и что кромѣ перцепціи ничего въ умѣ нѣтъ (Tr. P. I. 5. 6,), Юмъ дѣлитъ ихъ на два класса: впечатлѣнія, непосредственныя сильныя перцепціи и представленія, болѣе слабыя и возникающія благодаря памяти и воображенію. Установить ихъ отношеніе—задача «Трактата» (см. Introduction).

Къ сожалѣнію, «Трактатъ» совершенно не произвелъ должнаго дѣйствія, его читали мало, критики молчали. Въ 1748 г. Юмъ выпускаетъ «Inquery concerning the human understanding», представляющее изложеніе и переработку первой книги «Трактата.» Именно эта книга сдѣлала то, что долженъ былъ сдѣлать «Трактатъ». На новую философію обратили вниманіе и стали ее обсуждать. По существу Юмъ новыхъ вопросовъ въ «Изслѣдованіи» не ставитъ и всѣ главы его могутъ найти себѣ соотвѣтствующія въ «Трактатѣ». Совершенно новой является только глава X «О чудесахъ» и XI «О Провидѣніи, и будущей жизни». Кромѣ того, выпущена вся вторая часть, посвященная анализу пространства и времени, а часть IV, «О скептическихъ и другихъ системахъ философіи», значительно сокращена. Пропорціональность въ изложеніи отдѣльныхъ вопросовъ также измѣнена, изложеніе сдѣлано еще яснѣе и проблема причинности еще болѣе подчеркивается, какъ центральная часть всего построенія.

Замѣчательно, что и самъ Юмъ послѣ неудачи «Трактата» оцѣнилъ свое «юношеское» произведеніе ниже его дѣйствительной цѣнности и даже совершенно отрицалъ его. Послѣдующія поколѣнія, съумѣвшія оцѣнить истинное значеніе «Трактата», такимъ образомъ, не исполнили желанія Юма считать его философіей только Inquiry. Кстати, предисловіе Юма къ Inquiry, гдѣ объ этомъ идетъ рѣчь, совершенно переводчикомъ выпущено, между тѣмъ оно очень цѣнно для характеристики отношенія Юма къ своимъ произведеніямъ.

Надо сознаться, русскій переводчикъ «Изслѣдованія» выбралъ для своего перевода очень удачный моментъ. Не только потому, что Юма уже давно слѣдовало перевести на русскій языкъ, а теперь въ періодъ оживленія интереса

къ философіи въ особенности, но еще и потому, что этимъ переводомъ обращается вниманіе нашихъ противниковъ «возвращенія къ Канту» на ту удобную позицію, которую они могутъ занять для своихъ рядовъ. Современные русскіе позитивисты еще долго могли бы отстаивать въ юмовой крѣпости свое существованіе. Вѣдь рѣшенный ли это вопросъ, что Кантъ устранилъ Юма, быть можетъ, онъ даже и не нападалъ на него, а прошелъ мимо?.. Моментъ для перевода удачный, къ сожалѣнію, переводъ г. Церетели несовершененъ. Для популярной книжки этотъ переводъ быть можетъ былъ бы и хорошъ, но для классическаго произведенія онъ долженъ быть исправленъ. Въ сущности г. Церетели погрѣшаетъ противъ всѣхъ правилъ хорошаго перевода.

Мы приведемъ нѣкоторыя изъ замѣченныхъ погрѣшностей, быть можетъ, переводчикъ воспользуется ими впослѣдствіи и, быть можетъ, читатели исправятъ ихъ прежде, чѣмъ пользоваться даннымъ переводомъ.

Первая крупная ошибка та, что *весь* переводъ сдѣланъ очень свободно. Часто слова выбрасываются и вставляются новыя, сходныя только по смыслу. Тутъ надо передѣлать весь переводъ.

Что касается терминологіи, то раньше всего неудачно переводить *Understanding* черезъ *разумѣніе*, это переводчикъ чувствуетъ и уже на стр. 2 пишетъ *разсудокъ* (то же на стр. 44), съ другой стороны тѣмъ же «*разумѣніе*» иногда передается *reason* (разумъ) (напр., стр. 25), а на страницѣ 42 *understanding* уже переводится *умомъ* (то же на стр. 121 прим.). Удобнѣе было бы переводить однообразно черезъ *разсудокъ*, или *познаваніе*, или *умъ*. Терминъ *perception* (перцепція, воспріятіе) переводчикъ переводитъ то воспріятіе, то представленіе. *Idea* онъ переводитъ *идея*, хотя болѣе соотвѣтствуетъ русское *представленіе*, то, что въ нѣмецкой психологіи *Vorstellung*, а французской *image*; но и *идея* употребляется непостоянно, напр., на стр. 39 написано *мысли* (ideas), а на стр. 188 *представленіе*. *Представленіе* удобно еще и потому, что оно подчеркиваетъ приверженность Юма къ берклеевой теоріи общихъ представленій, о замѣщеніи понятій словами, связанными съ единичнымъ представленіемъ. Нѣмцы часто переводятъ юмово *idea* черезъ *Begriff*, но это уже злоупотребленіе историческимъ объясненіемъ.—*Belief* онъ переводитъ *вѣра* (напр., стр. 50 и слѣд.) и, такимъ образомъ, неизвѣстно чѣмъ оно отличается отъ *faith*. Лучше было бы писать *увѣренность* или *убѣжденіе*. (то же предлагаетъ Риль — вмѣсто *glaube* писать здѣсь *Gewissheit* или *Ueberzeugung*. «Der philos. Krit.». B. I, 365, Anm. См. также у Виндельбанда въ «Präludien»). Точно также не различаетъ переводчикъ *demonstration* и *proof*, напр., стр. 24 и слѣд. demonstration, а на стр. 73 proof одинаково переводятся черезъ *доказательство*.

Засимъ отмѣчу слѣдующее:

Стр. 2 строка 8, написано *теоретическаго изслѣдованія* вмѣсто *спекуляціи умозрѣнія* (speculation), то же на стр. 14, 100 и др.

Стр. 2, строка 16—*разсудка* вмѣсто *разсужденія* (reasoning).

Стр. 3, строка 6—*abstruse* значитъ *неясная*, а вовсе не *отвлеченная* (!), то же на стр. 9, 67 и др., а на стр. 5, строка 23 написано *отвлеченное мышленіе* вмѣсто *неясную мысль* (abstruse thought). Кстати *thought* и *thinking* переводчикъ не различаетъ.

Стр. 12, строка 11, написано *вращательнымъ движеніемъ* вмѣсто *обращеніями* (revolutions).

Стр. 13, строка 17, написано: *сколько красоты и цѣнности отнимаетъ такого рода предположенія отъ философіи*,—здѣсь пропускъ: надо *отъ этого вида философіи*, а это далеко не одно и то же.

На стр. 15, строка 9 снизу и слѣд., совершенно перепутано. Стоитъ: *послѣднія представленія могутъ быть отраженіемъ ощущеній или же*

копіей съ нихъ, а надо: *эти способности* (рѣчь идетъ о памяти и воображеніи) *могутъ подражать перцепціямъ чувствъ или копировать ихъ.*

На стр. 20, строка 10 снизу—*я думаю, большинство будетъ держаться того мнѣнія...* Надо—*я увѣренъ, что только немногіе будутъ того мнѣнія*

На стр. 23 строка 9 снизу—почему-то *причинность*, когда у Юма сказано *причина или дѣйствіе* (cause or effect), тоже на стр. 37, 70 и др. вмѣсто *причина и дѣйствіе.*

На стр. 27 послѣ строки 21 пропущено: *если этотъ объектъ для него совершенно новъ.*

На стр. 29, строка 1,6 послѣ *произведетъ* пропущено: *не обращаясь къ прежнему наблюденію.*

На стр. 31, строка 11 снизу—словъ *окончательно или приблизительно* у Юма совсѣмъ нѣтъ, а затѣмъ идетъ—*свести частныя явленія къ этимъ общимъ принципамъ*, а не *вывести частныя явленія изъ этихъ общихъ принциповъ.* (Trace up the particular phenomena to... these general principles).

На стр. 41 строка 5 послѣ *любознательности* пропущено *я не скажу скептицизма.* (I will not say scepticism).

На стр. 43, строка 7, неожиданно появляется *а якобы* вмѣсто простого *которое* (which). Кстати, вся эта фраза скорѣе переложеніе, чѣмъ переводъ.

Стр. 55, строка 13, снизу послѣ слова *итакъ* пропущено: *заключимъ все это ученіе и* (let us take in the whole compass of this doctrine).

Стр. 56, строка 9 снизу, не *особую*, а *новую* (new).

Стр. 63, строка 18 написано *степеняхъ вѣроятности*, у Юма просто *возможностяхъ* (possibilities).

Стр. 67, строка 2 снизу—*философіи природы* (natural philosophy). По-русски это выраженіе значитъ просто *физика*, иногда въ болѣе широкомъ смыслѣ у насъ переводятъ *естествознаніе*, то же на стр. 31, 110 и др.

На стр. 69 строка 19—*наблюденіе* вмѣсто *воспріятія* (apprehension).

На стр. 71 строка 19—20—невѣроятно грубая ошибка—написано *рефлективная идея*, тогда какъ слѣдуетъ *представленіе изъ рефлексіи* (idea of reflection). *Рефлективный* вѣдь прилагательное отъ *рефлексъ!*

На стр. 78, строка 8 снизу, послѣ словъ *принципа* пропущено: *въ одномъ случаѣ болѣе, чѣмъ въ другомъ* (in one case more than in the other), вѣроятно, потому, что переводчику заблагоразсудилось совершенно переставить всю фразу. У Юма эти «случаи» относятся къ познанію и чувствамъ.

На стр. 93, строка 8 снизу, стоитъ *физикъ (!) или философъ-естественникъ*, на самомъ дѣлѣ надо *врачъ или физикъ* (physsician or natural philosopher). И надо замѣтить, *physician* никогда *физикъ* не можетъ значить. Этотъ же *physician* на стр. 98 становится *докторомъ—философъ и докторъ не удивляются этому...* Будто докторъ и врачъ синонимы.

Стр. 96, строка 3, стоитъ почему-то *права* вмѣсто *нравы* (manners).

Стр. 106, строка 6 послѣ *въ ученіи* пропущено *о свободѣ такъ же, какъ и въ ученіи* (of liberty as well as in that...).

Стр. 111, строка 18 вмѣсто *обыкновенныя* надо *кратковременныя* или *мгновенныя* (momentary).

Стр. 118, строка 16, послѣ *происхожденіе* пропущено *и связь* (connexion).

Отдѣлъ X и XI (50 страницъ изъ 193 всей книги) опускаю.

На стр. 173, строка 14, снизу опять начинается—*чтобы прійти къ атеизму на теоретическихъ основаніяхъ*, тогда какъ въ оригиналѣ стоитъ просто *быть спекулятивнымъ атеистомъ* (to be a speculative atheist).

Стр. 178, строка 4 послѣ *души* пропущено *ни внушеніемъ какого-либо невидимаго и неизвѣстнаго духа* (or from the suggestion of some invisible and unknown spirit).

Стр. 181, строка 10, послѣ *качествъ* пропущено *какъ первичныхъ, такъ и вторичныхъ* (both primary and secondary).

Стр. 182, строка 23 написано *тангентомъ*. Въ русской математической литературѣ этотъ терминъ не употребителенъ, говорятъ обыкновенно *касательная*.

На стр. 191—полная нелѣпость—*несуществованіе всѣхъ объектовъ безъ исключенія такая же ясная и очевидная истина (!?) какъ и существованіе ихъ*. На самомъ дѣлѣ у Юма это *ясное и очевидное представленіе* (idea), а не *истина*, и, наконецъ, послѣдняя страница, строка 8 снизу, написано *строго метафизической книгой*. Какое основаніе имѣлъ переводчикъ замѣнять *школьный* (school) *строгимъ?*

Наконецъ, еще одно недоразумѣніе. Намъ неизвѣстно, какимъ изданіемъ Юма пользовался переводчикъ, напр., откуда у него примѣчаніе, что на стр. 11 и слѣдующей,—такое примѣчаніе было въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, но въ окончательномъ текстѣ его выпускаютъ; одно изъ двухъ—или переводчикъ хотѣлъ представить вполнѣ *научное* изданіе, тогда надо приводить всѣ существующія разногласія въ чтеніи и ихъ оговаривать, или переводчикъ выбираетъ ихъ по *своему* желанію, но тогда тѣмъ болѣе ихъ надо оговорить (есть и еще такія недоразумѣнія, напр., со словомъ *вѣроятныя* на стр. 36, строка 2 снизу), но, во всякомъ случаѣ, нѣтъ ни одного *англійскаго* изданія, гдѣ бы текстъ былъ представленъ въ такомъ видѣ, какъ у г-на Церетели...

И это далеко еще не всѣ промахи русскаго переводчика Юма, можно отмѣтить, по крайней мѣрѣ, еще вдвое или втрое больше. Это плохая услуга и Юму, и позитивизму, и русскимъ чатателямъ, интересующимся философіей.

Густавъ Шпеттъ.

Библіотека для самообразованія XXVIII. А. Роджерсъ. Краткое введеніе въ исторію новой философіи. М. 1903 г. Ц. 1 руб. Книга А. Роджерса представляетъ попытку московскихъ профессоровъ, редактирующихъ «Библіотеку для самообразованія», дать русскому обществу общедоступное руководство къ ознакомленію съ философіей. Задача этой книги, какъ видно изъ заглавія, ввести читателя въ исторію новой философіи.

Подъ «введеніемъ» въ любую науку единственно только можно понимать разработку философской части этой науки, разработку тѣхъ основныхъ философскихъ принциповъ, которыми она пользуется при изслѣдованіи своего предмета, какъ готовыми, напередъ данными, и которые въ ней самой не могутъ найти обоснованіе. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ законно и умѣстно появленіе «введенія въ исторію философіи», задача котораго должна и можетъ сводиться лишь къ тому, чтобы открыть для ея пониманія и освѣщенія руководящую точку зрѣнія; послѣдняя же можетъ быть найдена единственно только путемъ опредѣленія закономѣрности изучаемыхъ явленій. Поскольку А. Роджерсъ пытается понять развитіе философскихъ проблемъ внѣ связи съ какими-либо явленіями другого порядка, очевидно, онъ признаетъ за объектомъ исторіи философіи самостоятельную закономѣрность; однако, поскольку онъ приступилъ къ изученію новой философіи внѣ связи съ предшествующей, онъ, разумѣется, не сумѣлъ схватить развитіе философской мысли во внутреннемъ единствѣ, благодаря чему онъ и долженъ былъ для начертанія основныхъ философскихъ направленій въ ихъ послѣдовательномъ развитіи прибѣгнуть къ чисто внѣшней схемѣ. Онъ постулируетъ въ качествѣ основной философской проблемы проблему реальности и пытается характеризовать главнѣйшія философскія направленія съ точки зрѣнія разрѣшенія ими этой проблемы: дуализмъ видитъ

сущность реальности въ матеріи и духѣ; пантеизмъ признаетъ за реальность общеміровую основу, проявленія и элементы которой—индивидуальные предметы и которая не сообщаетъ имъ отдѣльной субстанціональности, а, напротивъ, свое собственное бытіе имѣетъ лишь въ ихъ суммѣ; съ точки зрѣнія теизма реальность вызываетъ къ бытію индивидуальныя тѣла и души, и ея творческая сила служитъ къ выясненію ихъ взаимодѣйствія и т. д. Однако, недостаточность этой схемы сама собою очевидна: во-1-хъ, и самъ авторъ, подойдя къ направленіямъ сенсуализма и раціонализма, принужденъ былъ измѣнить ей и характеризовать послѣднія съ точки зрѣнія разрѣшенія ими проблемы познанія, а, во-2-хъ, главнымъ образомъ благодаря именно ей системы Канта и Гегеля, которыя, къ слову сказать, единственно только болѣе или менѣе подробно и затронуты Роджерсомъ, получили въ освѣщеніи послѣдняго совершенно ложное толкованіе. Главный упрекъ, бросаемый Роджерсомъ по адресу Канта и Гегеля,—упрекъ въ индивидуализмѣ. Онъ утверждаетъ, что подъ объективнымъ опытомъ Канта слѣдуетъ понимать не что иное, какъ совокупность индивидуальной жизни; подразумѣвая, конечно, подъ послѣдней не пучокъ ощущеній, а разумное единство, въ которомъ представленъ міръ вещей и другихъ «я». Гегелевскую же философію онъ трактуетъ какъ раскрытіе смысла и индивидуальнаго опыта въ его послѣдовательномъ развитіи. Но если Канта еще и можно упрекнуть въ томъ, что онъ дѣйствительно на ряду съ изслѣдованіемъ условій возможности объективнаго опыта беретъ иногда познаніе, какъ чисто психологическій процессъ, то уже упрекъ въ индувидуализмѣ по отношенію къ Гегелю совершенно неумѣстенъ, неумѣстенъ потому, что само понятіе индивидуума появляется у Гегеля только внутри системы.

Слѣдовательно, внѣшняя чисто случайная схема, избранная Роджерсомъ, лишила его возможности правильно и во внутренней связи понять и освѣтить исторію философскихъ важнѣйшихъ направленій; самое большее, къ чему она даетъ ключъ,—это къ установленію собственной философіи Роджерса; она, такъ сказать, служитъ канвой для начертанія его философской теоріи, которая, повидимому, по мнѣнію самого автора, и должна служить руководящей при изученіи исторіи новой философіи.

Роджерсъ характеризуетъ то направленіе, къ которому онъ самъ примыкаетъ, какъ теистическій идеализмъ; существенная черта послѣдняго, какъ и всякой идеалистической философіи, состоитъ, по его мнѣнію, въ томъ, что основная реальность понимается имъ по аналогіи съ жизнью сознанія; отличіе же его отъ другихъ идеалистическихъ направленій Роджерсъ видитъ въ характерѣ конструкціи этой реальности. При конструированіи послѣдней теистическій идеализмъ сообразуется съ жизнью, т.-е. избѣгаетъ противорѣчій съ здравымъ смысломъ и результатами, добытыми наукой: основная реальность, напримѣръ, должна обладать такимъ характеромъ, чтобы за индивидуальными «я» была сохранена отдѣльность въ той степени, какъ того требуетъ здравый смыслъ; чтобы телеологическое развитіе, постулированное для нея, не противорѣчило научному механическому міропониманію и т. д. Не говоря уже о субъективной позиціи, сразу занятой теистическимъ идеализмомъ, онъ не выдерживаетъ научной критики потому, что мѣриломъ истинности философскаго знанія дѣлаетъ здравый смыслъ и результаты, добытые положительной наукой: философія-то только потому и имѣетъ право на существованіе, что ни здравый смыслъ, ни даже научный опытъ не даютъ намъ такого познанія, которое не нуждалось бы въ дальнѣйшемъ обоснованіи, въ философскомъ.

Итакъ, все введеніе Роджерса въ исторію новой философіи представляетъ собою только введеніе въ его собственную философію и изложеніе послѣдней, она же сама по себѣ не можетъ быть признана плодотворной въ научномъ отношеніи. Правда, разбираемая нами книга не лишена многихъ достоинствъ,

напримѣръ, сжатости, краткости, на что указываетъ редакторъ русскаго перевода, и отчасти общедоступности, мы говоримъ отчасти, потому что, напримѣръ, система Гегеля и своя собственная изложены Роджерсомъ нѣсколько неясно и требуютъ отъ читателя знакомства съ многими философскими вопросами. Однако, думается намъ, научность и основательность не могутъ и не должны приноситься въ жертву популярности, сжатости и другимъ чисто-внѣшнимъ достоинствамъ.

Какъ и всѣ изданія «Библіотеки для самообразованія», книга Роджерса съ внѣшней стороны издана безукоризненно; цѣна вполнѣ доступная. *N. N.*

АНТРОПОЛОГІЯ И ЭТНОГРАФІЯ.

Н. Харузинъ. „Этнографія".—*Ф. Дикнеръ.* „Ростъ человѣка".

Николай Харузинъ. Этнографія. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ московскомъ университетѣ. Изданіе посмертное, подъ редакціею В. Харузиной. Выпускъ II-й. Семья и родъ. Спб. 1893 г. 340 стр. 8°. Цѣна 2 р. Мы уже давали читателямъ отчетъ о первомъ выпускѣ посмертнаго изданія лекцій Н. Харузина (см. «М. Б.», апрѣль 1902 г.) и потому не будемъ останавливаться на цѣляхъ и планѣ всего изданія, о чемъ уже было говорено, а перейдемъ прямо къ содержанію второго выпуска. По вопросу о семьѣ и родѣ существуетъ очень богатая литература и притомъ не только иностранная, но и русская. Интересъ къ этому вопросу объясняется тѣмъ, что формы семейной организаціи на низшихъ ступеняхъ культуры въ сущности совпадаютъ съ формами общественной организаціи вообще. Поэтому вопросъ о происхожденіи и развитіи семейной организаціи сводится къ вопросу о происхожденіи и развитіи человѣческаго общества. Къ этому теоретическому интересу присоединялся нерѣдко и другой: защищая то или другое научное положеніе, старались отстаивать извѣстное общественное теченіе настоящаго времени. Достаточно вспомнить жаркіе споры сторонниковъ и противниковъ такъ называемаго «материнскаго права»: защитники теоріи «материнскаго права» въ прошломъ семьи были всегда и поборниками «правъ женщины» въ настоящее время. Въ этой жаркой полемикѣ вопросъ, конечно, выяснялся, и въ настоящее время можно сказать, что мы можемъ указать на нѣкоторые совершенно достовѣрные факты въ исторіи развитіи семьи. Но, какъ всегда бываетъ, та же самая полемика оставила послѣ себя и другое наслѣдіе, имѣющее скорѣе отрицательное, нежели положительное значеніе. Обѣ спорящія стороны выставляли извѣстные «принципы», которые обыкновенно формулировались кратко какими-либо терминами, и около этихъ-то словечекъ сгруппировалась полемика и накоплялась литература. Нерѣдко оказывалось, что подъ такими словечками разумѣлось очень скудное содержаніе; многіе термины оказывались вовсе непригодными, даже излишне запутывающими дѣло. «Материнское право», «матріархатъ», «гинейкократія», «гетеризмъ», «поліандрія», «эндогамія», «экзогамія» и т. д., и т. д.—всѣ эти слова имѣютъ за собою исторію и исторію боевую: каждое изъ нихъ напоминаетъ о битвахъ, побѣдахъ и пораженіяхъ. Этнографу, который хочетъ представить картину нашихъ современныхъ знаній о развитіи семьи и рода, представляется два пути: либо изложить критически исторію разработки вопроса, либо представить результаты своей критической обработки въ какой-либо системѣ. Первый путь весьма интересенъ, но слишкомъ длиненъ, второй имѣетъ преимущество большей наглядности, но зато и требуетъ значительной подготовительной работы. Эта подготовительная работа должна была бы состоять именно въ критикѣ тѣхъ словечекъ, о которыхъ мы только что говорили. Г. Н. Харузинъ избралъ средній путь. Исторіи разработки во-

проса посвящена первая глава настоящаго выпуска, озаглавленная: «Литературныя теченія по вопросу о первобытномъ человѣческомъ общежитіи». На 27-ми страницахъ, посвященныхъ этой темѣ, конечно, и нельзя было бы дать дѣйствительной исторіи, а можно было только отмѣтить извѣстныя «литературныя теченія», т.-е. представить исторію, нѣсколько схематизированную. Такимъ образомъ достоинства этого очерка зависятъ отъ достоинствъ той схемы, по которой авторъ классифицировалъ представителей различныхъ взглядовъ на исторію развитія семьи. Въ общемъ эта глава написана довольно хорошо; но нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ крупныхъ промаховъ въ классификаціи авторовъ. Такъ, напр., Старке, Гроссе и Гильдебрандъ являются «представителями экономическаго матеріализма, примѣненнаго къ этнографіи» (стр. 21). Это, несомнѣнно, крупное недоразумѣніе. Какъ извѣстно, представители такъ называемаго экономическаго матеріализма выразили довольно опредѣленно свое отношеніе къ вопросу о развитіи семьи и въ лицѣ Энгельса примкнули къ тому направленію, основателемъ котораго является Морганъ. Можетъ быть, авторъ какъ-нибудь иначе понималъ теорію экономическаго матеріализма; но во всякомъ случаѣ слѣдовало разъяснить недоумѣніе, которое несомнѣнно должно возникнуть у всякаго читателя, соединяющаго съ экономическимъ матеріализмомъ имена Маркса и Энгельса. Повидимому, авторъ, дѣйствительно, нѣсколько своеобразно понималъ эту теорію; по крайней мѣрѣ, на стр. 60-й, въ связи съ именами Старке и «другихъ представителей экономической теоріи» упоминается объ «экономическомъ факторѣ—недостаткѣ женщинъ». Конечно, если такъ понимать экономическій факторъ, то многихъ еще и другихъ изслѣдователей можно отнести къ послѣдователямъ «экономической теоріи». Для насъ важнѣе всего, однако, то, что Старке, напр., является однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ противниковъ Моргана, къ которому примкнулъ Энгельсъ; и едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Старке самъ сталъ бы самымъ энергичнымъ образомъ протестовать противъ причисленія его къ «экономическимъ матеріалистамъ».

Слѣдствіемъ нѣкоторой шаткости системы надо, повидимому, объяснять и ту странность, что имя Куно (авторъ пишетъ «Кунова») не упомянуто въ этой главѣ, а является лишь въ слѣдующей (стр. 29). между тѣмъ какъ его трудъ названъ «весьма крупнымъ вкладомъ». Дѣйствительно, Куно не подошелъ бы ни подъ одно изъ отмѣченныхъ авторомъ «теченій» именно потому, что эти теченія охарактеризованы чисто внѣшнимъ образомъ. Тутъ съ одной стороны являются «этнографы, соціологи, экономисты, философы и юристы», съ другой стороны защитники и противники материнскаго права, гетеризма, промискуитета... «школа эволюціонистовъ», «патріархальная теорія» и т. д. Однимъ словомъ полное отсутствіе принципа дѣленія.

Но этотъ недостатокъ послѣдовательности, менѣе чувствительный въ изложеніи исторіи «литературныхъ теченій», выступаетъ особенно рѣзко въ систематическомъ изложеніи, къ которому авторъ переходитъ въ слѣдующихъ главахъ. Если мы только взглянемъ на оглавленіе, то уже замѣтимъ нѣкоторую несистематичность въ изложеніи: «Стадія безпорядочнаго сожительства. Религіозный гетеризмъ. Поліандрія. Левиратъ. Нійога. Снохачество. Гостепріимный гетеризмъ. Ius primae noctis. Возникновеніе представленій о родствѣ. Экзогамія и эндогамія. Материнскій счетъ родства. Материнскій родъ. Переходъ къ патернитету. Кувада. Отцовскій родъ. Упадокъ и переживанія отцовскаго родового устройства. Исторія развитія брака». Въ этомъ оглавленіи, которое мы нарочно выписали полностью, читатель сразу замѣтитъ господство упомянутыхъ выше «словечекъ». Авторъ по нимъ именно и распредѣляетъ свой матеріалъ. Въ самомъ изложеніи это становится еще яснѣе. Человѣку, знакомому съ литературою, совершенно ясно, кого излагаетъ авторъ въ той или другой части своей

книги; но мнѣнія различныхъ авторовъ, часто литературныхъ противниковъ, оказываются далеко не всегда согласованы. Мы укажемъ, не вдаваясь въ подробности, на два только примѣра. Въ самомъ началѣ второй главы сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія изъ изслѣдованія Куно о системахъ родства у австралійцевъ. Книгу эту авторъ использовалъ только въ примѣненіи къ вопросу о стадіи безпорядочнаго сожительства; но уже и сообщаемые авторомъ факты даютъ гораздо болѣе того, что ему непосредственно нужно. Читатель заинтересовывается. Но изложеніе мыслей Куно вдругъ прерывается и изложеніе сразу мѣняетъ свой характеръ: идутъ обычные въ этнографическихъ изслѣдованіяхъ сопоставленія «аналогичныхъ явленій» у другихъ народностей, т.-е. то самое, что такъ рѣзко осуждаетъ Куно въ предисловіи къ своей книгѣ. Другой примѣръ такой же непослѣдовательности представляетъ послѣдняя глава. Она носитъ названіе «Исторія развитія брака». Но читатель невольно задаетъ себѣ вопросъ: «да развѣ раньше не говорилось объ исторіи развитія брака? Развѣ «безпорядочное сожительство», поліандрія, левиратъ, экзогамія и эндогамія не относятся къ исторіи развитія брака? Если взглянуть на содержаніе главы, то окажется, что авторъ въ ней либо повторяетъ нѣсколько иначе то, что было сказано раньше, либо говоритъ о нѣкоторыхъ свадебныхъ обрядахъ, въ сущности не касающихся самаго брака (какъ, напр., похищеніе, купля невѣсты и т. п.). Эта непослѣдовательность въ изложеніи опять объясняется очень просто для того, кто знакомъ съ литературою. Заглавіе этой главы почти дословно совпадаетъ съ заглавіемъ книги Вестермарка: «Исторія человѣческаго брака». Но Вестермаркъ имѣетъ совершенно оригинальные взгляды на вопросы развитія семьи, и для его взглядовъ заглавіе его книги является очень характернымъ: можно сказать, что Вестермаркъ никогда не могъ бы написать исторію развитія семьи, съ его точки зрѣнія даже говорить о развитіи семьи нелѣпо. Вотъ откуда взялась въ нашей книгѣ глава объ «исторіи развитія брака». Но такъ какъ во всемъ предшествующемъ изложеніи авторъ не является сторонникомъ взглядовъ Вестермарка, то эта послѣдняя глава является совершенно неожиданнымъ и почти вовсе ненужнымъ привѣскомъ. По крайней мѣрѣ все то, что въ нее вошло, прекрасно могло бы найти себѣ мѣсто и въ предшествующихъ главахъ.

Отмѣченная непослѣдовательность объясняется, быть можетъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что книга г. Харузина представляетъ «лекціи», которыя очевидно, составлялись долгое время и повидимому не были имъ вполнѣ приготовлены къ печати. По крайней мѣрѣ, иногда приходится въ текстѣ встрѣчаться съ такими шероховатостями стиля, которыя свидѣтельствуютъ о незаконченной работѣ исправленія. Такъ, напр., на стр. 99-й мы читаемъ слѣдующую загадочную фразу: «Другое, вытекающее изъ анимистическихъ основаній вѣрованіе заставляетъ признавать за отдѣльными, индивидуальными предметами второго «я», обладающаго сверхъестественными качествами, и дѣлать ихъ вслѣдствіе этого объектомъ культа». Такихъ шероховатостей не мало. Нѣсколько разъ (стр. 185, 200, 202) встрѣчается выраженіе «расходъ супруговъ» въ смыслѣ развода: ясно, что автору казался неприложимымъ къ тѣмъ первобытнымъ стадіямъ нашъ культурный терминъ «разводъ»; но расходъ производитъ совсѣмъ иное, нѣсколько даже комичное впечатлѣніе. На стр. 76 упоминается «Апротатусъ сынъ Ареуса» вмѣсто обычнаго Апротатъ сынъ Арея. На стр. 72-й говорится: «У евреевъ подобный обычай господствовалъ въ древнее время и отъ него этотъ институтъ и получилъ свое названіе левиратель. Не знающій древнихъ языковъ читатель можетъ подумать, что левирата еврейское слово; между тѣмъ оно происходитъ отъ латинскаго levir «деверь». Мысль автора остается неясной. На стр. 52-й говорится о почитаніи «фаллуса у римлянъ, пріапа у грековъ»; здѣсь тоже очевидное недоразумѣніе: «фал-

лусъ» слово греческое, а имя бога Пріапа слѣдовало бы писать съ большой буквы, какъ имя собственное; авторъ, повидимому, отожествилъ Пріапа съ фаллусомъ.

И этотъ второй выпускъ снабженъ, какъ и первый, двумя приложеніями: I) указателемъ источниковъ (причемъ подъ источниками разумѣется также и литература, такъ что, напр., Ефименко и Геродотъ стоятъ рядомъ) и II) алфавитнымъ указателемъ именъ и предметовъ, который занимаетъ 36 страницъ мелкаго шрифта и составленъ очень обстоятельно.

Вообще, этотъ выпускъ, на нашъ взглядъ, составленъ нѣсколько слабѣе перваго, но по обильному подбору матеріала особенно изъ жизни русскихъ инородцевъ его смѣло можно рекомендовать всякому интересующемуся исторіей семьи. Третій выпускъ «Этнографіи» Н. Харузина, озаглавленный «Собственность и первобытное государство», уже печатается. Напомнимъ читателю, что все изданіе разсчитано на 4 выпуска; послѣдній выпускъ «Вѣрованія» также готовится къ печати. По подпискѣ все изданіе будетъ стоить только 5 рублей—цѣна безусловно невысокая. *Д. Кудрявскій.*

Даффнеръ. Ф. Ростъ человѣка. Антропологическое изслѣдованіе. VIII+475 въ 8-о. Съ рисунками въ текстѣ 1902 г. Тотъ, кому неизвѣстны частности научнаго изслѣдованія, не въ состояніи составить себѣ правильное понятіе о той массѣ труда, которой обязаны своимъ происхожденіемъ цифровыя данныя. А на почвѣ цифръ современная морфологія и физіологія преимущественно и основываютъ свои заключенія и выводы. Въ особенности съ момента пробужденія антропологическаго направленія въ анатоміи цифровыя исчисленія стали пріобрѣтать выдающееся значеніе въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, въ то время какъ старая анатомическая школа часто еще ограничивалась общимъ впечатлѣніемъ о размѣрахъ организма и его частей. Когда возникалъ вопросъ о положеніи человѣка въ природѣ и объ его отношеніи къ представителямъ животного царства, единственнымъ надежнымъ средствомъ для разрѣшенія столь важнаго вопроса представлялся методъ сравненія опять-таки цифровыхъ данныхъ, такъ какъ на почвѣ субъективныхъ сужденій трудно было согласовать между собою доводы различныхъ наблюдателей. Съ тѣхъ поръ, особенно съ появленія первыхъ изслѣдованій Дарвина, морфологія обогатилась обширными цифровыми матеріалами, касающимися всѣхъ областей развитія органическихъ формъ не только въ нормальныхъ, но и въ патологическихъ условіяхъ. И не только формы, но и функціи организма вполнѣ поддаются опредѣленію путемъ измѣренія и сведенія къ единицамъ времени и пространства. Извѣстно, что новѣйшая наука не останавливается даже передъ измѣреніемъ отправленій въ области нервной и душевной жизни.

Вотъ вкратцѣ, общій смыслъ книги, указанной въ заголовкѣ настоящаго реферата. Авторъ правъ, начиная свое изложеніе такъ сказать съ яйца, ab ovo; будучи знакомымъ съ путями развитія, легче разобраться въ сложномъ устройствѣ готоваго организма. Жаль только, что въ отношеніи очень раннихъ стадій утробнаго развитія приходится почти цѣликомъ опираться на наблюденіяхъ надъ животными, за отсутствіемъ или рѣдкостью, по понятнымъ причинамъ, соотвѣтствующихъ человѣческихъ матеріаловъ. Весьма удачно авторъ оттѣняетъ крупныя заслуги Кювье, Карла Эрнста фонъ-Бэра, Іоганнеса Мюллера въ дѣлѣ выясненія общихъ законовъ развитія организма. Онъ вкратцѣ даже останавливается на содержаніи новѣйшихъ изслѣдованій Ю. Вольфа о вліяніи функціи организма на его форму и на вытекающемъ изъ этихъ изслѣдованій т. наз. законѣ трансформаціи, главными факторами котораго въ отношеніи костей представляются, по мнѣнію этого ученаго, давленіе и растяженіе. Впрочемъ, эти общеизвѣстные факты можно было и пропустить безъ ущерба для изложенія. Менѣе же извѣстно то, что т. наз. біогенетическій законъ, раз-

витіе котораго часто приписываются Эрнсту Геккелю, вполнѣ ясно и въ окончательномъ своемъ видѣ былъ формулированъ уже въ годину великой французской революціи однимъ скромнымъ ученымъ, который, несмотря на большое вліяніе, оказанное имъ на работы Кювье и другихъ великихъ естествоиспытателей того времени, съ тѣхъ поръ оказался преданнымъ полному забвенію. Негромкое имя этого труженика науки—Фридрихъ Кильмейеръ, родившійся 22-го октября 1765 года и умершій 24-го сентября 1844 года. Онъ, такимъ образомъ является *первымъ сравнительнымъ анатомомъ*, попытавшимся сравнить весь животный міръ соотвѣтственно органическому составу и различнымъ функціямъ животныхъ.

Особую главу авторъ посвящаетъ вопросу о продолжительности беременности. Здѣсь онъ касается также вопроса о всѣхъ факторахъ, которые опредѣляютъ полъ младенца; но нельзя сказать, чтобы изложеніе отличалось здѣсь полностью; нѣкоторыя работы, особенно новѣйшаго времени, не приняты вовсе въ разсчетъ. Авторъ того мнѣнія, что полъ будущаго индивида опредѣляется въ моментъ зачатія зародыша, т.-е. въ моментъ соединенія яйца съ сѣмяннымъ тѣльцемъ. На другихъ теоріяхъ и на фактахъ, противорѣчащихъ этому его взгляду, авторъ не останавливается подробнѣе, хотя они несомнѣнно съ фактической стороны обоснованы не хуже, чѣмъ гипотеза самого автора.

Въ главѣ о «доношенномъ рѳбенкѣ» авторъ опирается большею частью на собственныхъ, до сихъ поръ не опубликованныхъ изысканіяхъ. Онъ производилъ измѣренія большого числа новорожденныхъ дѣтей, опредѣляя величину роста, объемъ груди и вѣсъ тѣла. Говоря о размѣрахъ и пропорціяхъ позвоночнаго столба, авторъ высказываетъ предположеніе, что т. наз. сколіозы или искривленія позвоночника, столь частыя въ дѣтскомъ возрастѣ, въ своемъ существѣ не есть просто нарушеніе формы костяка, но обусловливаются въ то же время ненормальнымъ развитіемъ мышцъ. Въ этомъ отношеніи авторъ безусловно правъ, а врачи-ортопеды могли бы замѣтить себѣ, что при мѣстномъ леченіи искривленій позвоночника не слѣдуетъ забывать и о надлежащемъ тщательномъ уходѣ за всѣмъ остальнымъ развивающимся организмомъ.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы дать представленіе о богатомъ содержаніи разбираемой книги, съ которымъ возможно ознакомиться, конечно, только путемъ внимательнаго чтенія. Вотъ краткій перечень дальнѣйшаго содержанія, начиная со стр. 172. Разсмотрѣвъ развитіе зубовъ, авторъ вкратцѣ касается процесса возмужалости, съ указаніемъ нѣкоторыхъ особенностей вѣса тѣла и его колебаній у новорожденныхъ дѣтей, у беременныхъ и у роженицъ. Въ отдѣлѣ «кровь и дыханіе» встрѣчаются замѣтки о величинѣ, объемѣ, поверхности и количествѣ кровяныхъ шариковъ, а также объ отношеніи бѣлыхъ къ краснымъ кровянымъ тѣльцамъ; а говоря о температурѣ крови и объ экономіи дыханія, авторъ касается вскользь вопроса о зимней спячкѣ.

Въ нѣсколько большей подробности, въ виду особой важности предмета, излагается отдѣлъ головы, гдѣ первое мѣсто отводится мозгу, какъ матеріальной основѣ нервно-духовной жизни. Въ вопросѣ о связи между развитіемъ интеллекта и количественнымъ ростомъ мозга авторъ ссылается на вѣсъ мозга такихъ выдающихся людей, какъ Гамбетта, Гельмгольцъ, Петтенкоферъ, Бохнеръ, Либихъ, Брока, Рюдингеръ и др. Авторъ не соглашается съ мнѣніемъ тѣхъ, кто утверждаетъ, будто бы вѣсъ мозга Тургенева и Кювье былъ увеличенъ исключительно вслѣдствіе головной водянки, которою эти великіе мыслители страдали въ раннемъ дѣтствѣ. Слѣдуетъ въ настоящее время согласиться съ мнѣніемъ Флексига, по которому мозговая субстанція геніальныхъ людей отличается отъ мозга обыкновенныхъ смертныхъ не только большею нервною раздражимостью, но, главнымъ образомъ, своею болѣе тонкою организаціею, и

болѣе богатою дифференцировкою своихъ элементарныхъ частей. Типомъ такого здороваго мозга, работающаго съ увеличенною энергіею лишь въ силу его большаго богатства отдѣльными духовными центрами и нервно-психическаго капитала, представляется, по мнѣнію автора, мозгъ знаменитаго химика Ю. фонъ-Либиха.

Особый интересъ, въ отдѣлѣ о развитіи организма въ періодъ отъ 11 до 20 года жизни, представляютъ замѣтки о половыхъ различіяхъ въ общихъ пропорціяхъ тѣла, имѣющихъ особое значеніе также съ точки зрѣнія художника. На стр. 357 авторъ останавливается вкратцѣ на вопросѣ о вліяніи войны на средній ростъ тѣла, отмѣчая между прочимъ, что послѣ наполеоновскихъ кампаній во Франціи должно было развиваться болѣе низкорослое племя, вслѣдствіе массовой погибели высокорослыхъ элементовъ, участвовавшихъ по преимуществу въ этихъ войнахъ.

Нѣкоторыя особенности человѣческаго организма, при всей ихъ рѣзкости, не поддаются измѣренію. Такъ, напр., говорятъ о большихъ и о малыхъ глазахъ, хотя разница между тѣми и другими фактически весьма минимальна. Только глазъ ребенка несомнѣнно относительно больше, чѣмъ глазъ взрослаго человѣка, въ зависимости отъ того, что глазное яблоко въ моментъ рожденія представляется значительно больше развитымъ въ своихъ размѣрахъ, чѣмъ другіе органы; глазъ 5 лѣтняго ребенка имѣетъ почти тотъ же объемъ, какъ у взрослаго человѣка. Вообще необходимо замѣтить, что въ опредѣленіи морфологическихъ и физіологическихъ свойствъ организма цифровыя данныя хотя и имѣютъ безспорно большое значеніе, но не слѣдуетъ слишкомъ ими увлекаться на подобіе тѣхъ изслѣдователей, которые не хотятъ признать никакихъ вообще данныхъ и наблюденій, не имѣющихъ подъ собою цифровой почвы. Несомнѣнно, что цифры имѣютъ и свою вредную сторону, такъ какъ онѣ слишкомъ легко приводятъ къ чрезмѣрной схематизаціи явленій природы. Недаромъ Микель-Анджело говоритъ, что вѣрнѣйшій измѣрительный аппаратъ художника—его глазъ. Это отчасти должно имѣть мѣсто и въ естествознаніи, чтобы развитіе измѣрительнаго и цифроваго аппарата нашихъ методовъ не шло бы въ ущербъ непосредственному и живому наблюденію предметовъ природы. *Р. Вейнбергъ.*

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Лаппаранъ. „Общедоступная геологія“.—*Е. Жаманнъ.* „Общепонятныя чтенія объ электричествѣ и свѣтѣ“.

А. Лаппаранъ. Общедоступная геологія. Съ 157 рис. въ текстѣ. Ч. I.—Современныя явленія на земномъ шарѣ. Ч. II. Древняя исторія земного шара. Переводъ Е. А. Предтеченскаго. Изданіе А. Ф. Пантелѣева. С.-Петербургъ. 1903 г. Цѣна 1 р. 20 к. Разбираемая книга—переводъ «Abrégé de Geologie» проф. А. Лаппарана; во Франціи она имѣла крупный успѣхъ и выдержала уже пять изданій. Цѣль «сокращенной геологіи» точно опредѣлена авторомъ въ предисловіи къ первому изданію—служить руководствомъ по геологіи въ среднихъ школахъ и пособіемъ для людей, желающихъ составить себѣ общее понятіе о геологіи. Такъ какъ книга назначалась для учениковъ французскихъ школъ, то естественно, что въ описательной ея части авторъ обращаетъ особенное вниманіе на геологію Франціи и сосѣднихъ пространствъ, ограничиваясь лишь бѣглыми указаніями на распространеніе различныхъ геологическихъ образованій въ другихъ странахъ; Россіи при этомъ удѣлено мѣста меньше всего. Пятое изданіе сокращенной геологіи могло бы быть названо совершенно новымъ сочиненіемъ, говоритъ Лаппаранъ. Успѣхи геологическаго

изученія самыхъ удаленныхъ отъ насъ частей земной поверхности позволяютъ все болѣе приблизиться къ возстановленію послѣдовательныхъ фазъ ея физико-географическаго состоянія отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени. Такое резюме исторіи земли Лаппаранъ и старается дать въ *пятомъ* изданіи своей книги, далеко выходя въ пользованіи сравнительными геологическими данными за предѣлы Франціи и смежныхъ съ нею областей. Въ этомъ видѣ книга предназначается уже не только для учениковъ среднихъ школъ, которые могутъ ограничиться чтеніемъ общихъ характеристикъ каждаго геологическаго періода, но и для лицъ, спеціально подготовляющихся къ изученію геологіи.

Маститый авторъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся геологовъ Франціи и превосходный преподаватель, выполнилъ поставленную себѣ задачу образцово.

Книга Лаппарана требовала бы для русскаго читателя мѣстами болѣе подробныхъ разъясненій, чѣмъ приводимыя авторомъ на страницахъ, касающихся Россіи, а первыя изданія—для русскаго читателя совершенно непригодны въ качествѣ общедоступной геологіи, такъ такъ вся вторая часть книги есть преимущественно топографическая геологія Западной Европы вообще, а въ частности Франціи.

Выборъ переводчикомъ *перваго* изданія (всѣ четыре первыя — повторенія одного и того же) показываетъ уже полное непониманіе имъ цѣли книгъ по общедоступной геологіи; лучше было бы въ этомъ случаѣ ограничиться переводомъ лишь первой части книги. Лаппаранъ старается развить вкусъ къ занятіямъ геологіей среди своихъ молодыхъ читателей; французскій любознательный школьникъ съ книжкой Лаппарана можетъ открыть, на какихъ геологическихъ образованіяхъ покоится его родной департаментъ; онъ найдетъ общія указанія, познакомится съ пріемами геологическихъ изслѣдованій и съ истиннымъ удовольствіемъ будетъ провѣрять и развивать на мѣстѣ по своимъ рѣчнымъ долинамъ, каменоломнямъ около своего города эти общія указанія любимаго автора. Бѣдный русскій юноша можетъ придти въ отчаяніе съ прекрасной книгой Лаппарана въ рукахъ; неужели, подумаетъ онъ, въ Россіи еще ничего не сдѣлано для ея геологическаго изученія? Переводчикъ приходитъ на помощь русскому читателю и въ концѣ книги даетъ нѣкоторыя указанія; здѣсь читатель узнаетъ, напр., что «по всей Волгѣ, Окѣ, Камѣ со всѣми ихъ притоками» между прочимъ имѣются пласты каменноугольной древности, «хотя, конечно, не вездѣ ихъ можно наблюдать». Конечно, это очень важное указаніе, что тамъ, гдѣ нѣтъ на поверхности какихъ-нибудь древнихъ геологическихъ образованій, можно разсчитывать встрѣтить ихъ на глубинѣ, конечно, хорошо воспитывать самодѣятельность въ русскомъ юношествѣ, но недурно бы было дать и что-либо положительное, а не только надежды на открытія. Переводчикъ находится въ полномъ невѣдѣніи, что сдѣлано для геологическаго изслѣдованія Россіи, и поддерживаетъ такое же заблужденіе въ своемъ читателѣ на каждой страницѣ книги Лаппарана, который, конечно, тутъ не причемъ, и подчеркиваетъ это заблужденіе замѣчательнымъ предисловіемъ и прибавленіемъ (стр. 310—320).

Что сдѣлано, то сдѣлано; по крайней мѣрѣ достоенъ ли переводъ имени почтеннаго автора? Языкъ перевода легкій, правильный; гдѣ дѣло касается общихъ мыслей, переводъ передаетъ точно оригиналъ, но переводчикъ совершенно не знакомъ съ геологіей, и потому книга въ цѣломъ представляетъ сплошное и грустное недоразумѣніе. Избѣжать научной терминологіи нельзя и въ общедоступномъ изложеніи; правильное пользованіе терминами постепенно пріучаетъ читателя связывать съ ними опредѣленные понятія и факты и даетъ ему средство для пониманія другихъ книгъ въ той же области. Переводчикъ предупреждаетъ: «При переводѣ мы всего болѣе заботились объ общедоступ-

ности и простотѣ, нерѣдко жертвуя при этомъ краткостью и техническими выраженіями. Думаемъ, что это не будетъ поставлено намъ въ вину, такъ какъ для начинающихъ — дѣло не въ терминахъ и техническихъ словахъ, а въ ясномъ пониманіи того, что подъ ними подразумѣвается». Мысль вполнѣ справедливая, нужно только выдержать ее, а неизбѣжные термины передать такъ, какъ это принято на данномъ языкѣ. Но здѣсь-то и начинается нѣчто невѣроятное, оправдываемое развѣ тѣмъ, что переводчикъ не признаетъ существованія въ Россіи геологическихъ изслѣдованій и работъ.

Можно сказать, что ни одно выраженіе не только геологическое, узаконенное всей богатой русской геологической литературой, но и имѣющее хотя какое-нибудь отношеніе къ геологіи или горной техникѣ—не передано переводчикомъ правильно. Слово размываніе (эрозія) не нравится переводчику, и онъ замѣняетъ его—разъѣданіемъ; буреніе замѣняетъ сверленіемъ; проточныя воды—текучими водами; внезапные потоки (eaux sauvages)—буйными водами; трещиноватость замѣняетъ щелистостью, обломочныя породы замѣняетъ распадочными породами; конечная морена—лицевой мореной; ледниковый покровъ (calotte glaciaire)—надполюсной шапкой льдовъ; поддонная или основная морена въ передачѣ нашего переводчика является «мореной въ глубинѣ ледника». Еще свободнѣе чувствуетъ себя переводчикъ въ передачѣ зоологическихъ названій; мшанки у него бріозаріи, рядомъ здѣсь же камнеточцы онъ продолжаетъ называть литофагами, въ другомъ мѣстѣ камнѣдами. Считаться съ принятыми формами словъ онъ находитъ лишнимъ; такъ оолитовый известнякъ у него оолитный; стекловатыя породы превращаются въ стеклянистыя. Пористыя лавы (laves cellulеuses) онъ называетъ клѣточными; обломки (débris) переводитъ мусоръ. Наконецъ, договаривается до «беременности» вулкановъ, вмѣсто того, чтобы передать слово intumescence—вздутіемъ. Непонятныя ему слова г. Предтеченскій совсѣмъ опускаетъ, напр., маары Эйфеля, суффіони Тосканы. Мѣстами переводитъ прямо невѣрно; на стр. 75 стоитъ: «Эти газы даютъ начало отложеніямъ въ трещинахъ вулкана веществъ дымоваго происхожденія, которымъ дали поэтому названіе фумаролъ»; а слѣдуетъ—«эти газовыя выдѣленія, или эманаціи, вызываютъ отдѣленіе по трещинамъ веществъ въ парообразномъ состояніи или испареній; такимъ отдѣленіямъ и дали названіе фумаролъ».

Обыкновенное выраженіе—возстановленіе—переводчикъ замѣняетъ раскисленіемъ. Г. Предтеченскій нашелъ даже «сѣрныя ямы или сульфаторы»; геологи говорятъ сольфатары и это вовсе не ямы. Сольфатарообразное состояніе вулкановъ называетъ сульфаторскимъ. Cluse, что получило гражданство у насъ въ словѣ клюза, г. Предтеченскій передаетъ шлюзы, а вмѣсто ортоклазъ, пишетъ—ортозъ и т. д. и т. д.

Переводъ второй части пестритъ такими выраженіями, какъ палеозоическій, мезозоическій, камбрійскій, филлоды, калловійскій, титоническій, неокомійскій и т. д., которыя показываютъ, что, принимаясь за переводъ, г. Предтеченскій не потрудился взять въ руки ни одного руководства по геологіи на русскомъ языкѣ. Мергели и глины онъ «начиняетъ представителями Exogyra virgula»; говоритъ объ «ископаемыхъ запятыхъ», предоставляя незнакомымъ съ латинскимъ или французскимъ языками ломать голову, о чемъ онъ говоритъ; не всякій догадается, что virgule это—запятая. Недурно также его «переступаніе мѣла», что должно означать трансгрессію мѣлового моря, понятіе требующее, конечно, поясненія; или «сморщенія Арденъ и другихъ горъ», что означаетъ складкообразованіе (ridement), и т. д., и т. д.

Но вѣнцомъ всего перевода является собственное дополненіе г. Предтеченскаго, въ которомъ для удобства начинающихъ онъ предлагаетъ новое геологическое дѣленіе, тройственное: напр., первобытное время по такому дѣленію

распадается на періоды «лаврентіевскій, камбрійскій и силурійскій» и т. д., по три періода въ каж-домъ «времени». Переводчикъ скромно уступаетъ пальму этой новой схемы Лаппарану;—мы же можемъ засвидѣтельствовать, что блестящая мысль принадлежитъ всецѣло г. Предтеченскому.

Уваженіе къ почтенному автору заставило насъ остановиться болѣе подробно на переводѣ г. Предтеченскаго, заслуживающемъ только порицанія. Единственнымъ оправданіемъ г. Предтеченскаго можетъ служить, что сдѣлать хорошій переводъ такой вполнѣ научной книги, какъ «сокращенная геологія» Лаппарана, пожалуй также трудно, какъ составить подобную же самостоятельно; браться за такую работу должны лица, вполнѣ владѣющія предметомъ, а не изъ тѣхъ, для которыхъ собственно и предназначена книга.

К. Богдановичъ.

Общепонятныя чтенія объ электричествѣ и свѣтѣ. Народный Университетъ. E. Iamann, проф. физики въ высшей технической школѣ въ Брюннѣ. Подъ такимъ заглавіемъ изданы 12 лекцій проф. Iamann'a, прочтенныя имъ въ Пражскомъ Народномъ Университетѣ. Цѣль этихъ лекцій «ввести начинающихъ въ довольно трудную максуэллеву теорію» и помочь «преподавателямъ среднихъ учебныхъ заведеній»... (предисловіе автора). Книга проф. Iamann'a кромѣ 12 лекцій содержитъ еще въ видѣ введенія довольно подробное ученіе о «постоянномъ водяномъ потокѣ». Это введеніе, занимающее между прочимъ 80 страницъ, предназначено авторомъ лишь для «могущихъ подробно входить въ изученіе предмета», «не могущіе же» могутъ его опустить и начать чтеніе прямо съ лекцій. Едва ли можно согласиться съ этимъ. Уже не говоря о томъ, что каждая лекція имѣетъ ссылки на введеніе, пользуется безъ объясненія его положеніями и терминами, самъ авторъ въ началѣ седьмой лекціи совѣтуетъ основательно продумать его введеніе, безъ усвоенія котораго послѣдующія лекціи не могутъ быть поняты. Вообще всю книгу проф. Iamann'a, не исключая и введенія, едва ли можно назвать доступной читателю съ малой подготовкой, не знакомому съ фактической, описательной стороной явленій электрическихъ и свѣтовыхъ. Къ недостаткамъ книги слѣдуетъ отнести слишкомъ краткое и весьма часто неясное изложеніе основныхъ положеній и опредѣленій (напряженіе, сила тока, силовыя линіи и т. п.), неудачно также по нашему мнѣнію изложенъ весьма важный § 27, трактующій о мощности и энергіи. Что касается перевода, то, имѣя особенно «ввиду» назначеніе книги, его нельзя назвать вполнѣ удовлетворительнымъ. Сдѣланъ переводъ поспѣшно, встрѣчаются и досадныя ошибки («поглотительные спектры», количество—вмѣсто сила). Книга издана удовлетворительно. Опечатокъ немного.

С. У.

ГЕОГРАФІЯ.

Н. Новомбергскій. „Островъ Сахалинъ“.—*Г. Ивановъ.* „Начальный курсъ географіи“.—„Начальный курсъ географіи“, составленный гг. Крубероми, Григорьевымъ, Барковымъ, Чефрановымъ“.—*К. Мальцергъ.* „Учебникъ географіи“.

Н. Новомбергскій. Островъ Сахалинъ. Спб. 1903 г. Стр. 251. Ц. 1 р. 50 к. Книга г. Новомбергскаго посвящена всестороннему и обстоятельному разсмотрѣнію условій жизни невольнаго населенія «Каторжнаго острова» и цифрами и фактами доказываетъ полное крушеніе той системы, которой принуждаютъ слѣдовать при заселеніи острова ссыльнымъ элементомъ. Съ 1880 г. общія затраты на Сахалинъ превысили 23 милліона руб., и въ результатѣ получилось всего $5^1/_2$ тыс. десятинъ культурной площади. Всѣ удобныя земли выпаханы, для новыхъ заимокъ нѣтъ мѣста, сѣмена выродились. Ссыльные оказались

плохими колонистами-земледѣльцами, какъ и слѣдовало ожидать, хотя каторгу отбываютъ на самомъ дѣлѣ только неимущіе и безсемейные, такъ какъ прочимъ предоставляется жить внѣ тюрьмы. Жизнь и имущество немногочисленнаго дѣйствительно трудящагося населенія не обезпечены ни на одну минуту; все населеніе Сахалина находится подъ гнетомъ административнаго произвола въ самой грубой формѣ, такъ какъ и поселенцы вполнѣ подчинены тюремному начальству. Это заставляетъ всѣхъ рваться съ проклятаго острова. Въ цѣляхъ дѣйствительной колонизаціи Сахалина до сихъ поръ не сдѣлано почти ничего, хотя и могло бы быть организовано добываніе каменнаго угля, нефти, рыбы, лѣсопромышленное дѣло. Полную безправность мѣстнаго сельскаго населенія (поселенцевъ) авторъ также считаетъ однимъ изъ препятствій для улучшенія условій жизни на Сахалинѣ и рекомендуетъ дать поселенію организацію на началахъ частно-правового союза, въ видѣ вольныхъ поземельныхъ товариществъ. Въ самое послѣднее время положеніе поселенцевъ даже ухудшилось: хотя тягчайшія наказанія и отмѣнены для каторжныхъ, но усилена дискреціонная власть администраціи надъ поселенцами и увеличены сроки ихъ поселенія. Общее неудовлетворительное положеніе Сахалина нисколько не улучшилось и съ 1895 г., когда дѣло отошло въ вѣдѣніе министерства юстиціи.

Интересъ къ книгѣ г. Новомбергскаго усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ изучалъ вопросъ въ теченіе довольно значительнаго времени на самомъ Сахалинѣ и имѣлъ возможность, по своему положенію, пользоваться и неизданными рукописными матеріалами, и такими цѣнными печатнами источниками, какъ губернаторскіе отчеты. Къ книгѣ приложена чрезвычайно интересная автобіографія Ѳедора Широколобова, представляющая кровавую повѣсть долголѣтней преступной жизни. Въ потрясающей панорамѣ преступленій, съ замѣчательнымъ реализмомъ описанныхъ Широколобовымъ, нельзя замѣтить и тѣни хотя бы минутнаго раскаянія. Это врожденный преступный человѣкъ, занимающій первое мѣсто даже среди сахалинскихъ каторжниковъ. Въ нашей литературѣ единственный «документъ» подобнаго рода представляетъ собою автобіографія Широколобова. *П. Г—въ.*

Г. И. Ивановъ. «Начальный курсъ географіи». Изд. (2 ое. исправленное) А. Сланскаго и Г. Иванова. Спб. 1903 г. Ц. 60 к.—«Начальный курсъ географіи». Составили преподаватели географіи: А. Круберъ, С. Григорьевъ, А. Барковъ и С. Чефрановъ. М. 1903 г. Ц. 75 к.—К. С. Мальцеръ. «Учебникъ географіи въ трехъ частяхъ». Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к. стр. 180, изд. В. И. Губинскаго. За послѣднее время въ нашей учебной географической литературѣ замѣчается то же, что нѣсколько раньше нужно отмѣтить для учебниковъ исторіи: какъ нелѣпые Иловайскій и Бѣлярминовъ вытѣсняются Виноградовымъ, Виппером, Рожковымъ, такъ вмѣсто невозможныхъ учебниковъ Смирнова и ему подобныхъ появляются руководства, стоящія на уровнѣ современной географической науки и удовлетворяющія разумнымъ педагогическимъ требованіямъ. Къ числу такихъ учебниковъ новаго типа принадлежитъ и книжка г. Иванова. Такъ какъ изучающимъ географію постоянно приходится имѣть дѣло съ картой, то учебникъ и начинается предварительнымъ ознакомленіемъ съ масштабомъ и планомъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ выдвигаетъ на первый планъ физико-географическія явленія жизни земного шара, переходя отъ ближайшаго къ болѣе отдаленному и всюду указывая на причинную связь явленій. Географической номенклатурѣ въ тѣсномъ смыслѣ отведено самое незначительное мѣсто. При всякомъ удобномъ случаѣ авторъ предлагаетъ вопросы и маленькія географическія задачи, имѣющіе цѣлью развить самодѣятельность учащихся. За изложеніемъ географическихъ элементовъ слѣдуютъ «картины природы и жизни людей» (тундры, степи, тропическіе лѣса и пр.), затѣмъ дается понятіе о раздѣленіи людей по на-

ружному виду и языкамъ и сообщаются свѣдѣнія о важнѣйшихъ формахъ человѣческой общественности. Книжка заканчивается, послѣ «Краткаго обзора Россіи», 23 небольшими интересными «разсказами по географіи». Учебникъ г. Иванова иллюстрированъ 59 рисунками и 2 картами въ краскахъ, не считая многихъ чертежей, плановъ и черныхъ картъ. Рисунки подобраны очень умѣло и исполнены прекрасно, за исключеніемъ двухъ уральскихъ видовъ и изображенія облаковъ. Изложеніе сжатое, толковое и ясное, и размѣръ учебника очень невеликъ—всего—106 стр. Нѣкоторою неясностью вслѣдствіе излишней краткости отличается лишь опредѣленіе климата на 54 стр. Странно также отожествленіе труда съ промышленностью (стр. 75) и слишкомъ смѣло утвержденіе о праславянскомъ языкѣ, на которомъ говорили предки нынѣшнихъ славянъ. При раздѣленіи людей по языкамъ опущено романское племя. Къ немногочисленнымъ фактическимъ неточностямъ учебника нужно отнести утвержденіе, будто *multum* t° дня бываетъ «вскорѣ послѣ полудня»: между часомъ и двумя—это «не вскорѣ». Число народовъ въ Россіи къ стр. 75 показало цифрою 100, а на 80—«болѣе 150». Не точно также указаніе на стр. 82, будто маслодѣліе развито «въ степяхъ Сибири»: не въ степяхъ Акмолинской и Семипалатинской областей (киргизская степь), а въ Барабѣ и на предгорьяхъ Алтая.

Нѣсколько менѣе пріятное, но все же хорошее впечатлѣніе производитъ учебникъ 4 московскихъ преподавателей географіи, хотя эта неудовлетворительность зависитъ не отъ качествъ самого учебника, но отъ его излишней сложности. Учебникъ представляетъ собою изложеніе элементовъ физической географіи, и въ основу его положено выясненіе причинной зависимости между географическими явленіями, что и проведено весьма удовлетворительно. Какъ и въ учебникѣ г. Иванова, математической географіи отведено немного мѣста, и она сокращена до необходимаго *minimum*'а, какъ недоступная для дѣтскаго пониманія. Хорошо выяснено понятіе о климатѣ.

Учебникъ прекрасно иллюстрированъ хорошо исполненными рисунками (119); кромѣ чертежей и черныхъ картъ, въ текстѣ находится 7 цвѣтныхъ картъ.

Изъ иллюстрацій учащійся выноситъ хорошее представленіе о типичныхъ представителяхъ растительнаго и животнаго міровъ различныхъ поясовъ, о типахъ жилищъ, о способахъ передвиженія и пр. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторы увлекаются и забываютъ, что, по дѣйствующимъ учебнымъ планамъ, ихъ учебникъ предназначается для 10—11 лѣтнихъ дѣтей; они, напр., не въ мѣру много говорятъ о строеніи горныхъ породъ, о ледникахъ, о рифахъ. Географическая номенклатура нисколько не меньше, чѣмъ въ учебникахъ стараго типа. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не строго выдержанъ принципъ полноты и всесторонности объясненій физико-географическихъ явленій: напр., на стр. 17, указавъ одну причину образованія острововъ (размываніе перешейковъ), авторы говорятъ: «острова могутъ образоваться и иначе».

Сомнительно утвержденіе, будто болѣе низкія горы вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе древнія. Особенно хороши и обстоятельны въ учебникѣ главы о растительномъ и животномъ мірахъ съ прекрасными многочисленными и цвѣтными картами распредѣленія. Кромѣ соотвѣтствующихъ иллюстрацій, въ главѣ о человѣкѣ даны подобныя же карты распредѣленія расъ и религій. Вообще учебникъ московскихъ преподавателей представляетъ единственный въ Россіи примѣръ элементарнаго руководства физической географіи, составленнаго столь научно и обстоятельно. Но, повторяемъ, этотъ учебникъ не для учениковъ I класса какъ по своему объему (141 стр.), такъ и по обилію сообщаемыхъ въ немъ свѣдѣній, для сознательнаго усвоенія которыхъ у учениковъ этого возраста нѣтъ еще предварительнаго развитія, почему отъ нихъ и потребуется больше ра-

боты памяти, чѣмъ сознательное воспріятіе. Въ свое время мы подвергали разбору принятую учебными планами программу по географіи въ I кл. и доказывали, что этотъ предметъ держится въ I кл, только по рутинѣ и требуетъ одной только работы памяти; мы остаемся въ томъ же убѣжденіи, познакомившись съ учебниками г. Иванова и 4 московскихъ преподавателей: прекрасные сами по себѣ, эти учебники не принесутъ въ I кл. той пользы, которая несомнѣнно получится отъ нихъ при изученіи ихъ дѣтьми болѣе зрѣлаго возраста. Московскій учебникъ напечатанъ очень крупнымъ шрифтомъ, чего нельзя сказать о руководствѣ г. Иванова, но зато не имѣетъ ни вопросовъ, ни разсказовъ по географіи. Многочисленныя иллюстраціи новѣйшихъ учебниковъ географіи сильно повышаютъ цѣну послѣднихъ. Если бы при нашихъ учебныхъ заведеніяхъ существовали хорошо обставленные географическіе кабинеты, то учебники могли бы обходиться безъ всякихъ иллюстрацій и потому стоить гораздо дешевле. Географическіе кабинеты—необходимое условіе для дѣйствительно научной постановки преподаванія географіи.

Учебникъ г-жи Мальцевой состоитъ изъ 3 частей: въ 1-й—общія свѣдѣнія по географіи, во 2-й—Европа, въ 3-й—внѣевропейскія страны. Въ предисловіи авторъ обѣщаетъ изложеніе, «чуждое изысканности», говоритъ, что «названія всегда пріурочиваются къ фактамъ» (что-то непонятно, хотя г-жа Мальцева обѣщаетъ «простоту, ясность»), наконецъ, составительница ослѣпляетъ читателя перечисленіемъ авторовъ, которыми она пользовалась при составленіи своего руководства. Въ этотъ перечень вошли и авторы устарѣлые, какъ Декандоль, Чуди, Реклю, свѣдѣнія изъ которыхъ нельзя черпать для учебниковъ. Руководство открывается краткимъ и неяснымъ изложеніемъ понятія о планѣ и масштабѣ, но о картѣ говорится лишь на 16 стр., и цѣлые полъ листа заняты шаблоннымъ и недоступнымъ дѣтскому пониманію изложеніемъ «математической географіи». Особено труденъ для дѣтей чертежъ на стр. 17. Непосильны для нихъ и такія «задачи»: «Опредѣлить по тѣни въ полдень направленіе меридіана мѣстности, въ которой находитесь», или: «объяснить разницу во времени по направленію параллели» (стр. 13). Вообще въ методическомъ отношеніи руководство г-жи Мальцевой ничѣмъ не отличается отъ шаблонныхъ учебниковъ стараго типа, неудовлетворительность которыхъ уже доказана на практикѣ. Географическія представленія г-жи Мальцевой не отличаются свѣжестью, обязательною въ учебникѣ. Примѣры: «наибольшая глубина моря немногимъ меньше (!) высоты величайшихъ горъ», морскія теченія происходятъ отъ неравномѣрнаго нагрѣванія воды у полюсовъ и экватора, приближеніе ледяныхъ горъ узнается по «особенному шуму» (на самомъ дѣлѣ по необъяснимому иначе пониженію t^0), морскія теченія «ускоряютъ движеніе судовъ» (въ старину, парусныхъ), во всѣхъ непроточныхъ озерахъ вода соленая (въ степномъ краѣ много совершенно разобщенныхъ озеръ съ чудной прѣсной водой), «Сахара покрыта сыпучими песками», черезъ Сѣверный Ледовитый океанъ «нельзя вовсе ѣздить», областей въ Сибири 4, а въ Туркестанѣ 9 (если Акмолинскую и Семипалатинскую отнести къ Туркестану, то всего 7), существуютъ какія-то «Сибирскія горы», въ полярныхъ моряхъ водятся «большія акулы», въ Швейцаріи 25 кантоновъ, Таліенванъ находится «временно во владѣніи Россіи», бурскія республики и городъ Айгунъ для г-жи Мальцевой еще существуютъ, о перемѣнахъ въ Манчжуріи ни слова, 3 средне-американскія республики пропущены, указано «негритянское» государство Конго, у японцевъ все европейское, даже «обычаи, языкъ», въ числѣ особенно обработанныхъ частей Испаніи не указана Каталонія. Кіао-Чжоу не показано въ числѣ Германскихъ колоній въ Азіи, доступъ къ Балеарскимъ островамъ «труденъ» (по собственному опыту увѣряемъ г-жу Мальцеву, что это не такъ), человѣчество дѣлится, по старинному, на 5 расъ,

таблицы населенія большихъ городовъ Европы въ нѣкоторыхъ частяхъ устарѣли (Барселона, напр., совсѣмъ не помѣщена), въ каждомъ русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ «держатъ лошадей, коровъ, овецъ, козъ, свиней» (далеко не въ каждомъ). Транскрипція нѣкоторыхъ собственныхъ именъ у г-жи Мальцевой или не вѣрна, или не принята: Джа (у) мна, Р (Л) іу-кіу, Тарифъ, Зундскіе о-ва, Абессинія и др. Ударенія, поставленныя г-жей Мальцевой надъ собственными планами, не всегда вѣрны: Богота (—та), Сантандеръ (—дѣръ); надъ Гаити вовсе не поставлено (—ти). Опредѣленія политическихъ понятій у г-жи Мальцевой неточны и неясны, напр.: «Государь управляетъ государствомъ и издаетъ законы, поэтому высшая власть бываетъ законодательная, судебная и правительственная» (41). Разница между неограниченной и ограниченной монархіей не указана. Республика опредѣляется такъ: «Государство, которое управляется нѣсколькими выбранными лицами». Къ учебнику приложено 15 картъ въ краскахъ, дающихъ понятіе о «годовомъ выпаденіи дождей» (осадковъ?), распредѣленіи растительности по поясамъ и населенія по расамъ для каждой части свѣта отдѣльно. По одной изъ картъ г-жи Мальцевой оказывается, что количество осадковъ одинаково какъ въ Аравіи, такъ и на Камчаткѣ. 36 рисунковъ представляютъ «типы», хорошо исполненные, но дающіе едва ли правильныя и полныя представленія о такомъ, по самой сущности, неопредѣленномъ понятіи, какъ типъ: почему, напр., какой-то представленный въ книгѣ французскій почтальонъ — «типъ» француза, или господинъ съ наружностью директора фабрики — «типъ» нѣмца? «Типы» итальянцевъ и испанцевъ—тоже очень сомнительные типы. Г-жа Мальцева злоупотребила типами въ ущербъ рисункамъ, иллюстрирующимъ физико-географическія явленія: ихъ всего 23 и они далеко не представляютъ желательной полноты: нѣтъ тундры, тропическій лѣсъ и дюны представлены плохо, дана одна венгерская степь, типичныхъ растеній для каждаго изъ поясовъ нѣтъ. Рисунки производятъ впечатлѣніе снимковъ съ старинныхъ хромолитографій. «Типы», очевидно, также воспроизведены не съ фотографій, что и лишаетъ ихъ желательной естественности. Книга г-жи Мальцевой, несмотря на то, что недостатковъ въ ней гораздо больше, чѣмъ достоинствъ,—рекомендована въ качествѣ учебнаго пособія учеными комитетами м-ва нар. прос. и синода.

«Азіатская Россія», иллюстрированный географическій сборникъ, составленный преподавателями географіи А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ. Стр. 583. Ц. 2 р. М. 1901. Изданіе Т-ва И. Н. Кушнарева и К°.—Всѣ 69 отрывковъ, вошедшихъ въ составъ сборника, въ большей или меньшей степени удовлетворяютъ требованіямъ, предъявленнымъ къ нимъ составителями: они соединяютъ научность содержанія съ художественностью изложенія и въ желаемой мѣрѣ даютъ представленіе о природѣ, людяхъ азіатской части Россіи. Кавказу посвящено 17 отрывковъ. Можно пожалѣть только, что очень мало говорится о такомъ вліятельномъ элементѣ среди кавказскаго населенія, какъ армяне, не дано описанія знаменитыхъ кавказскихъ минеральныхъ водъ и о Сочи помѣщены свѣдѣнія нѣсколько устарѣлыя. 19 отрывковъ о Туркестанѣ даютъ хорошее понятіе о природѣ этихъ мѣстностей, но ихъ оригинальное населеніе затронуто сравнительно слабо. Сибири со степнымъ краемъ посвящены 21 отрывокъ. Нѣкоторыя статьи этого отдѣла сборника уже устарѣли, особенно «переселенцы» Н. Телешова: въ настоящее время ни переселенцы, ни арестанты уже не двигаются въ глубь Сибири по Иртышу и Оби, а или по сибирской желѣзной дорогѣ, или морскимъ путемъ. Вообще переселенцамъ въ сборникѣ удѣлено мало мѣста. Интересный Минусинскій уѣздъ остался совсѣмъ незатронутымъ, несмотря на существованіе сочиненій (напр., книга Яковлева), откуда составители могли бы извлечь интересный отрывокъ. О черневыхъ татарахъ составители могли

бы взять изъ работы Марусина, а объ алтайскихъ старовѣрахъ—изъ книжки Швецовой. Вмѣсто описаніе Амура по Бростовичу и Гофману составителямъ слѣдовало бы взять изъ Кауфмана, какъ автора болѣе современнаго и наблюдательнаго. У Кеннана они бы могли взять гораздо лучшее описаніе Гутноозерскаго дацина и бурятскаго богослуженія, чѣмъ у г. Бродовича. Вообще нужно сказать, что составители совсѣмъ не знакомы съ мѣстною окраинною печатью, откуда могли бы извлечь свѣжій и очень цѣнный матеріалъ для сборника. Сборникъ иллюстрированъ 100 рисунками (16 на отдѣльныхъ листахъ), въ общемъ недурно исполненными. На 117 стр. изображенъ «городъ Верхнеангарскъ»; такого города нѣтъ, а есть только село Верхнеангарское. На стр. 166 на самомъ дѣлѣ изображены не «бурятскіе монахи», а ученики дацина, будущіе ламы (хавураки). Квантунской области посвящена только одна статья. Этотъ сборникъ, подобно составленнымъ раньше тѣми же московскими преподавателями, долженъ способствовать оживленію интереса къ географіи въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. *П. Г-въ.*

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

В. Фавръ. „Опытъ изученія маляріи въ Россіи".—*Геймъ.* „Половая жизнь".—*А. Цыновскій.* „Аболюціонизмъ".—*Булатовъ* и *Фрейбергъ.* „Краткій учебникъ по гигіенѣ".

В. В. Фавръ. Опытъ изученія маляріи въ Россіи въ санитарномъ отношеніи. Харьковъ. 1903 г. Цѣна не обозначена. Не смотря на тысячелѣтнее существованіе маляріи (т. наз. болотной лихорадки), какъ очень распространенной и тяжелой народной болѣзни, причина этой болѣзни, тщательно изучавшейся многочисленными изслѣдователями, оставалась невыясненной до 80-ыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Только нашему времени принадлежитъ честь открытія, повидимому, настоящей причины этой болѣзни, главнымъ распространителемъ которой являются комары, называемые анофелесъ (anopheles). Съ точки зрѣнія этой, почти всѣми учеными признаваемой, «комариной» теоріи маляріи, д-ръ Фавръ, несмотря на свою молодость, много уже потрудившійся въ данномъ направленіи, и разсматриваетъ въ своей обстоятельной работѣ лихорадку и въ смыслѣ ея распространенности въ Россіи, и въ смыслѣ способовъ борьбы съ нею.

У насъ въ Россіи область распространенія маляріи, какъ эндемической, т.-е. постоянно существующей болѣзни, очень велика. Если у насъ почти нѣтъ области, гдѣ бы малярія не существовала хотя въ небольшомъ количествѣ, то имѣются цѣлые районы, гдѣ распространеніе ея очень обширно. Къ такимъ мѣстностямъ принадлежатъ: въ Европейской Россіи поясъ сильной и злокачественной маляріи, какъ берега Каспійскаго моря, Астрахань, сѣверокавказская равнина, Закавказье, берега Чернаго моря, Крымъ, Херсонъ, Бессарабія, нижнее теченіе Днѣпра и Днѣстра, Волынь и Украйна, поясъ болѣе умѣреннаго распространенія маляріи съ нѣкоторыми очагами именно въ Тулѣ, Ярославлѣ, Казани, Самарѣ и Оренбургѣ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ Остзейскихъ провинцій и въ богатой озерами и болотами Новгородской губерніи, въ Сибири вся Барабинская степь. Статистическія данныя показываютъ, что въ Европейской Россіи имѣется до 20 губерній и областей, гдѣ на 1.000 жителей приходится отъ 228 до 101 маляриковъ, въ 11 кавказскихъ губерніяхъ число больныхъ на 1.000 жителей колеблется отъ 390 до 168 и т. д. При такой распространенности болѣзни какъ по захваченному ею району, такъ и по количеству больныхъ вполнѣ оправдывается интересъ къ ней съ общественной точки зрѣнія.

Изъ историчѣскаго очерка распространенія маляріи въ Россіи, приводимаго д-ромъ Фавромъ, видно, что малярія служила и продолжаетъ до сихъ поръ служить самымъ важнымъ препятствіемъ для успѣшной колонизаціи нашихъ южныхъ окраинъ.

Всѣ разнообразныя теоріи, предлагавшіяся для объясненія происхожденія маляріи, должны были уступить мѣсто новой, въ настоящее время точно обоснованной «комариной» теоріи, когда Лавераномъ былъ открытъ паразитъ маляріи—плазмодій и когда многочисленными изслѣдованіями было показано, что этотъ плазмодій находится въ крови комаровъ—анофелесъ. Такимъ образомъ, сущность комариной теоріи маляріи заключается въ томъ, что комары являются переносчиками заразы, и что жаленіе зараженнаго плазмодіемъ комара есть единственный путь, при обычныхъ условіяхъ, распространенія маляріи.

Разъ анофелесъ былъ признанъ главнымъ разносчикомъ маляріи, необходимо было приступить къ тщательному изученію его свойствъ, его географическаго распространенія, тѣхъ условій, которыя благопріятствуютъ и, наоборотъ, мѣшаютъ его развитію.

Это изученіе, давшее уже много цѣнныхъ результатовъ, было любопытно и въ томъ отношеніи, что показало правильность многихъ старинныхъ, чисто эмпирическихъ наблюденій о роли стоячихъ водъ, болотистыхъ мѣстностей, вообще топографіи мѣстности въ дѣлѣ распространенія маляріи, такъ какъ именно стоячія воды, болота и т. д. и являются поставщиками комаровъ.

Не останавливаясь здѣсь подробно на біологіи анофелесъ, укажемъ только на нѣсколько сторонъ ихъ жизни и дѣятельности. Стремленіе отыскивать пищу обусловливаетъ разлетъ комаровъ отъ мѣста ихъ выплаживанія. Комары вообще плохіе летуны, говоритъ д-ръ Фавръ, и рѣдко разсѣиваются на значительныя разстоянія. Максимальной дистанціей, достигаемой ими, принято считать 5 километровъ. Вѣтеръ составляетъ сильное препятствіе полету комаровъ, такъ что они не рискуютъ подниматься на воздухъ, а сидятъ въ чащѣ зелени. Количество комаровъ въ различныя времена года зависитъ, главнымъ образомъ, это температуры воздуха. Приближающаяся зима заставляетъ комаровъ переселяться въ болѣе теплыя помѣщенія, такъ что зимой они жалятъ людей только тогда, когда находятся въ теплѣ. Наибольшаго распространенія анофелесы достигаютъ въ іюлѣ и августѣ, въ сентябрѣ же, вмѣстѣ съ дождями, количество комаровъ замѣтно уменьшается. Чѣмъ южнѣе лежитъ мѣстность, чѣмъ длиннѣе и жарче лѣто, тѣмъ большій періодъ времени данъ для существованія и размноженія комаровъ. Но и въ жаркое время для существованія анофелесъ необходимо, чтобы водоемы—озера, пруды, болота настолько были снабжены водой, чтобы не подвергнуться окончательному высыханію. Помимо жилищъ, анофелесъ можно найти и во многихъ хозяйственныхъ пристройкахъ, обыкновенно темноватыхъ, гдѣ бываютъ люди—въ чуланахъ, сараяхъ, въ которыхъ иногда спятъ рабочіе, въ конюшняхъ, коровникахъ и, наконецъ, въ отхожихъ мѣстахъ.

Днемъ комары сидятъ спокойно, но съ наступленіемъ сумерекъ начинаютъ искать пищу. Жалятъ они людей и бодрствующихъ, и спящихъ сильнѣе съ вечера и вплоть до утра или, собственно, до тѣхъ поръ, пока не наполнятъ свой желудокъ кровью и не насытятся. Искусственный свѣтъ не мѣшаетъ ихъ нападенію на людей. Комары легко находятъ своихъ жертвъ благодаря тонко развитому чувству обонянія. Они чувствуютъ не только запахъ людей, но и другіе запахи. Нѣкоторые рѣзкіе запахи—скипидара, мезола, камфоры и т. п. ихъ отталкиваютъ. Ужаленіе анофелесъ у большинства людей, вслѣдствіе ядовитыхъ свойствъ слюны, даетъ чувство зуда, вызываетъ мѣстную припухлость. Анофелесъ легко прокалываетъ жаломъ не только кожу людей, какъ бы она ни была груба, но и кожу коровъ и лошадей. Сосетъ кровь онъ очень жадно,

количество крови, помѣщающееся въ его желудкѣ, равно приблизительно 0,05 куб. с.

Изученіе свойствъ комаровъ, условій ихъ жизни и распространенія даютъ ключъ къ выработкѣ профилактическихъ мѣръ для борьбы съ маляріей, какъ общественныхъ, такъ индивидуальныхъ. Среди первыхъ самой главной, чуть-ли не единственно главной мѣрой является осушеніе болотъ и другихъ мѣстъ выплаживанія анофелесъ въ самомъ поселеніи и въ его непосредственной близости, для чего изслѣдователи рекомендуютъ, между прочимъ, слѣдующее: 1) уничтоженіе всѣхъ ненужныхъ небольшихъ водоемовъ со стоячей водой, 2) устраненіе препятствій для свободнаго стока какъ дождевыхъ, такъ и почвенныхъ водъ осушаемаго района, 3) ускореніе медленнаго теченія водъ канавъ и каналовъ путемъ устройства болѣе крутого уклона или двойного профиля канавъ, или періодическимъ открываніемъ, черезъ 12—14 дней, шлюзовъ и опорожненіемъ канавъ, 4) содержаніе въ чистотѣ береговъ водоемовъ и 5) уничтоженіе по берегамъ и въ канавахъ болотистой растительности.— Давно извѣстное наблюденіе, что личинки комаровъ отлично уничтожаются керосиномъ, не можетъ, къ сожалѣнію, найти широкаго примѣненія, такъ какъ заливаніе водовмѣстилищъ керосиномъ и нефтью являются въ большинствѣ случаевъ задачей чрезвычайно трудной и даже недостижимой. Зато очень большой смыслъ имѣетъ истребленіе въ теченіе малярійнаго сезона залетѣвшихъ анофелесъ въ квартиры и особенно въ спальни. Для этого сжигаютъ сухіе листья мяты или персидскій порошокъ, а лучше всего смѣсь изъ послѣдняго съ порошкомъ корня валеріаны пополамъ и съ прибавленіемъ селитры въ количествѣ $^1/_8$ части по вѣсу. Дымъ отъ этой смѣси переносится людьми довольно сносно. Для защиты жилищъ отъ анофелесъ и кожи людей отъ ихъ жаленія отличные результаты даетъ, какъ показываютъ опыты, механическая защита помѣщеній, всѣхъ отверстій (оконъ, дверей и т. д.) сѣтками, при необходимости бывать ночью на воздухѣ нужно надѣвать особый головной уборъ и перчатки. Головной уборъ можетъ состоять изъ простого кисейнаго мѣшка, надѣваемаго поверхъ шляпы и закрывающаго голову и верхнюю часть туловища.

Во многихъ мѣстностяхъ, говоритъ д-ръ Фавръ, гдѣ истребленіе комаровъ немыслимо, гдѣ оздоровительныя работы невозможны или осуществимы только въ отдаленномъ будущемъ, гдѣ защита жилищъ и тѣла отъ комаровъ встрѣчаетъ препятствіе въ культурномъ уровнѣ населенія, систематическое и тщательное леченіе маляріи оказывается едва ли не единственной полезной и примѣнимой мѣрой борьбы съ бѣдствіемъ. Для успѣшности этой борьбы прежде всего необходимо, чтобы населеніе было достаточно обезпечено врачебною помощью. И приведенныхъ нами нѣсколькихъ выдержекъ изъ обширной и интересной работы д-ра Фавра вполнѣ, думаемъ, достаточно, чтобы указать на цѣнность этой книги, которой желаемъ самаго широкаго распространенія.

Врачъ *В. И. Б—ъ.*

Половая жизнь съ точки зрѣнія естественной исторіи развитія. Рѣчь къ мужской молодежи. Профессора Гейма. Со вступительной замѣткой гр. Л. Н. Толстого. Изд. «Посредника». М. 1903 г. Ц. 25 коп. Сердечно и вмѣстѣ съ тѣмъ краснорѣчиво написанная брошюра проф. Гейма, призывающаго молодежь къ воздержанію и доказывающаго нелѣпость еще не отжившаго до сихъ поръ предразсудка, будто воздержаніе вредно для здоровья, интересна, главнымъ образомъ, по вступительной замѣткѣ Л. Н. Толстого и предисловію самого автора. Л. Н. Толстой, восторгаясь брошюрой, указываетъ на то, что лицо, приславшее ему брошюру, не смотря на многократныя попытки, не могло помѣстить ее ни въ одномъ журналѣ, а проф. Геймъ разсказываетъ въ предисловіи, что его рѣчь о воздержаніи предъ учащеюся молодежью въ Цюрихѣ,

впослѣдствіи, по настоянію же молодежи, выпущенная имъ въ видѣ брошюры, вызвала неодобреніе нѣкоторыхъ изъ его коллегъ, главнымъ образомъ, потому, что не геологу (проф. Геймъ—геологъ) говорить со студентами на эту тему, что это дѣло только медиковъ. Отвѣчая своимъ недовольнымъ коллегамъ, проф. Геймъ вполнѣ справедливо говоритъ: «Развѣ мы, профессора-геологи, наравнѣ съ математиками, медиками или историками, не должны быть воспитателями и наставниками молодежи, если чувствуемъ къ тому призваніе. Мнѣ не могутъ воспретить обратиться къ моимъ ученикамъ со словомъ нравственнаго воздѣйствія, къ которому я присоединилъ свои научныя познанія».

Для проф. Гейма можетъ служить утѣшеніемъ то, что тѣ, для которыхъ предназначена была его рѣчь, отнеслись къ ней лучше, чѣмъ нѣкоторые изъ его коллегъ-профессоровъ. Среди студенческой молодежи въ Цюрихѣ возникло общество подъ названіемъ «этосъ—академическій союзъ борьбы съ безнравственностью». Вотъ это то новое общество является лучшимъ отвѣтомъ на нападки недовольныхъ рѣчью проф. Гейма, и можно только пожелать, чтобы и у насъ эта брошюра дала такіе же результаты. Врачъ *В. И. Б—ъ.*

Врачъ А. А. Цѣловскій. Аболюціонизмъ и борьба съ сифилисомъ. Одесса. 1903 г. Ц. 45 коп. Убѣжденный аболюціонистъ, авторъ брошюры, много лѣтъ лично соприкасающійся съ міромъ проститутокъ, старается показать, на основаніи личныхъ наблюденій, статистическихъ данныхъ и литературы, что насильственный надзоръ за поведеніемъ и здоровьемъ женщинъ есть вещь безнравственная, беззаконная, нарушающая принципъ свободы человѣческой личности и, главное, безцѣльная. Съ радостью авторъ отмѣчаетъ, что число аболюціонистовъ среди врачей съ каждымъ днемъ увеличивается и при столкновеніи ихъ съ регламентаристами побѣда не всегда остается за послѣдними. Такъ, въ 1897 г. на всероссійскомъ съѣздѣ сифилидологовъ 140 членовъ съѣзда изъ 300 рѣшительно заявили, что признаютъ регламентаціи въ видѣ существованія домовъ терпимости явленіемъ безнравственнымъ и недостигающимъ цѣли. То же самое повторилось и на конференціи въ Брюсселѣ въ 1902 году.

Увеличеніе числа аболюціонистовъ въ разныхъ слояхъ общества даетъ надежду на то, что безплодная и позорящая людей регламентація отжила свой вѣкъ, и мы, вѣроятно, присутствуемъ при ея агоніи.

Врачъ *В. И. Б—ъ.*

Д-ръ мед. П. Н. Булатовъ и д-ръ Н. Г. Фрейбергъ. Краткій учебникъ по гигіенѣ. Составленъ примѣнительно къ программѣ медицинскаго совѣта для фельдшерскихъ школъ мин. вн. дѣлъ. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. Учебникъ гг. Булатова и Фрейберга, дѣйствительно, краткій—въ немъ всего 230 стр.,—написанъ яснымъ и понятнымъ языкомъ, вполнѣ доступнымъ для лицъ, имѣющихъ хотя нѣкоторыя элементарныя понятія по физіологіи и химіи. Помимо обычныхъ отдѣловъ гигіены, какъ отдѣлы о воздухѣ, водѣ, почвѣ, жилищѣ, одеждѣ, пищѣ и т. д., въ учебникѣ приведено описаніе наичаще наблюдающихся заразныхъ болѣзней, съ указаніемъ на ихъ признаки, теченіе и способы распространенія.

Нельзя не отмѣтить, что авторы иногда черезчуръ кратки. Напр., говоря о гигіеническомъ значеніи озона, онъ замѣчаютъ, что «въ послѣднее время озонъ стали примѣнять для массоваго очищенія питьевой воды» и больше ни слова. Намъ кажется, что лучше уже было бы ничего не сказать, чѣмъ выразиться такъ кратко.

Говоря о способахъ опредѣленія жира въ молокѣ, авторы называютъ, между прочимъ, лактобутирометръ Гербера, описывая, между тѣмъ, подъ этимъ названіемъ приборъ Маршана. Врачъ *В. И. Б—ъ.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

отъ 15-го сентября по 15-е октября.

Федоръ Фальковскій. Пробужденіе. Драма-сказка въ 5 дѣйс. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1903.

І. А. Любичъ-Кошуровъ. Братъ человѣчества. Изд. кн. склада Ефимова. Москва. 1903.

Алексѣй Ачкасовъ. Образцы изящной русской рѣчи (для взрослыхъ). Изд. Д. И. Ефимова. Спб. 1903. Ц. 1 р.

К. А. Хрѣновъ. Женское горе. Сборникъ стихотвореній русскихъ и иностранныхъ поэтовъ (для взрослыхъ). Москва. 1903. Ц. 20 к.

В. И. Немировичъ-Данченко. Страна холода. Т. I и II. Изд. Сойкина. Спб. 1903. Ц. 3 р.

Г. А. Миловидовъ. Родная поэзія въ объяснительномъ чтеніи. Опытъ художественной хрестоматіи для школы и самообразованія. Орелъ. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Марія Делле-Граціе. Углекопы (Schlagende Wetter). Драма въ 4-хъ дѣйст. Пер. съ нѣм. Э. Г. Харьковъ. 1903. Ц. 50 к.

Гейне. Атта-Троль. Сонъ въ лѣтнюю ночь. Перев. и предисл. П. А. Каленова. Москва. 1903. Ц. 1 р.

Князь Н. Д. Урусовъ. Безсильные люди въ изображеніи Леонида Андреева. Критическій этюдъ. Спб. 1903. Ц. 40 к.

Ф. Ницше. Такъ говорилъ Заратустра. Изд. 2-е. Пер. Ю. Антоновскаго. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Компере. Ж. Ж. Руссо и воспитаніе естественное. Пер. П. Перловъ. Москва. 1903. Ц. 40 к.

В. Ф. Залѣсскій. Лекціи энциклопедіи права. Казань. 1903. Ц. 2 р.

Алоизъ Риль. Введеніе въ современную философію. Восемь лекцій. Пер. съ нѣм. Г. Котляръ. Москва. 1903. Ц. 1 р.

Освальдъ Кюльпе. Современная философія въ Германіи. Характеристика ея главныхъ направленій. Пер. съ нѣм. М. Лемберка. Москва. 1903. Ц. 80 к.

А. Елистратовъ. О прикрѣпленіи женщины къ проституціи. Казань. 1903. Ц. 2 р.

Н. Мальбраншъ. Разысканія истины. Пер. съ франц. Е. Смѣловой подъ ред. Э. Радлова. Т. I. Спб. 1903. Ц. 2 р.

Г. Ганото. Франція передъ Ришелье. Пер. съ фран. С. Мельгунова. Москва. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

В. Бехтерева. Основы ученія о функціяхъ мозга. Вып. I. Спб. 1903.

Ф. Грегоровіусъ. Исторія города Рима въ средніе вѣка (отъ V до XVI стол.). Пер. М. Литвиновъ. Т. II. Спб. 1903. Ц. 2 р. 50 к.

А. Д. Билимовичъ. Министерство финансовъ 1802—1902 г. Историческій очеркъ. Кіевъ. 1903.

Проф. П. Казанскій. Возрожденіе изученія права въ русскихъ университетахъ. Одесса. 1903.

Т. Рейнъ. Іог. Вильг. Снельманъ. Историко-біографическій очеркъ. Сокр. перев. со швед. Спб. 1903. Ц. 3 р. 50 к.

Мелкая земская единица. Сборникъ статей. 2-е изд. переработанное и дополненное. Спб. 1903. Ц. 2 р. 50 к.

Мелкая земская единица въ 1902—1903 гг. Сборникъ статей. Вып. 2-й. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Харузинъ. Этнографія. Вып. III. Собственность и первобытное государство. Спб. 1903. Ц. 2 р.

А. Шерадамъ. Европа и австрійскій вопросъ на рубежѣ XX-го столѣтія. Спб. 1903. Ц. 2 р.

Н. Зеландъ. По поводу «Записокъ врача» Вересаева. Омскъ. 1903.

Д. Вольфсонъ. Сибирскія воскресныя школы. Томскъ. 1903. Ц. 1 р.

Его же. Отчетность воскресной школы.

В. В. Шарвинъ Химія на службѣ человѣку. Москва. 1903.

М. В. Кечеджи-Шаповаловъ. Міровой рынокъ. Публ. лекція. Спб. 1903. Ц. 25 к.

Самобытный отечественный «мыслитель». Страница изъ исторіи нашего умственнаго развитія. Спб. 1903. Ц. 20 к.

Н. И. Тезяковъ. Основы санитарной статистики. Курсъ для фельдшер. школъ. Спб. 1903. Ц. 60 к.

М. Гринбергъ. Руководство ариѳметики. Спб. 1902. Ц. 80 к.

А. Пастуховъ. Пиши правильно! Грамматика-крошка. Вып. I. Москва. 1903. Ц. 10 к.

А. С. Смиренномудренскій. Лѣсъ и безлѣсье. Чтеніе для школъ и народа. Саратовъ. 1902. Ц. 8 к.

Н. Бернардъ. За маму, за папу. Картинки изъ дѣтской жизни. Спб. 1903. Ц. 30 к.

Л. В. Долиновъ. Искатель истины. Спб. 1903.

Лео Бельмонтъ. О Львѣ Толстомъ. Отрывочныя мысли. Спб. 1903.

Н. Т. и П. Ш. Новые законы о служащихъ и рабочихъ, занятыхъ въ промышлен. предпріятіяхъ и на желѣзн. дорогахъ. Москва. 1904. Ц. 25 к.

В. А. Долгоруковъ. Путеводитель по всей Сибири и азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Томскъ. 1903—1904. Ц. 2 р.

И. Горбуновъ-Посадовъ. Русскій деревенскій календарь на 1904-й г. Москва. 1903. Ц. 5 к.

Его же. Русскій сельскій календарь на 1904. Москва. 1903. Ц. 20 к.

Р. Хаггардъ. Докторъ Тернъ. Ром. «Библіот. романовъ». Изд. Сойкина. Спб. 1903.

Іонасъ Ли. Дочери командора. Ром. Пер. съ норвеж. Изд. Поповой. Библіотека «Другъ». Спб. 1903. Ц. 60 к.

«Школьная библіотека». Москва. 1903.

Носиловъ. Юдикъ. Изъ жизни самоѣдовъ на Новой Землѣ. Разсказъ. Ц. 15 к.

В. Львовъ. Бѣлка и бѣличій промыселъ. Ц. 10 к.

Его же. Медвѣдь и медвѣжій промыселъ въ Россіи. Ц. 15 к.

Его же. Каменный уголь, какъ его добываютъ и какъ онъ образовался. Ц. 20 к.

В. Н. Харузина. Оцзи и Олесъ. Разсказъ изъ жизни лопарей. Ц. 15 к.

Отчетъ о дѣятельности Орловской городской публичной библіотеки за 1902 г.

Отчетъ о дѣятельности первой безплатной народной библіотеки-читальни Харьков. об-ва распространенія въ народѣ грамотности за 1902 г.

Отчетъ Одесской городской управы за 1902-й годъ по народному образованію. Одесса. 1903.

Отчетъ о состояніи школьной столовой въ домѣ Христофорова за 1902—1903 уч. г. Н.-Новгородъ. 1903.

Отчетъ о дѣятельности учебнаго отдѣла об-ства распространенія техническихъ знаній за 1902 г. Москва. 1903.

Отчетъ по Краснинскому уѣздному комитету попечительства о народной трезвости за 1902 г. Красный. 1903.

А. Шингаревъ. Общегубернская санитарная организація въ Воронежской губ. Воронежъ. 1903.

Проф. Ю. Гамбаровъ и проф. М. Ковалевскій. Русская высшая школа обществ. наукъ въ Парижѣ. Ростовъ-на-Дону. 1903. Ц. 30 к.

Кузнецовъ. Справочная книжка для гг. офицеровъ, производящихъ дознанія въ пѣхотн. кавалер. и др. частяхъ войскъ. Петроковъ. 1903. Ц. 30 к.

Народная литература. Сборникъ отзывовъ о книгахъ для народнаго чтенія. Вып. I. Кіевъ. 1903. Ц. 75 к.

А. В. Пановъ. Домашнія библіотеки. Опытъ систематическаго указателя книгъ для самообразованія. Саратовъ. 1903. Ц. 40 к.

А. І. Степовичъ. Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана.

С. Бертенсонъ. Опытъ библіографич. указателя Гоголевской юбилейной литературы. Спб. 1903.

Нѣкоторыя данныя объ урожаѣ 1903 г. въ крестьянскихъ хозяйствахъ Тверской губ. Тверь. 1903.

В. П. Успенскій. Общій обзоръ дѣятельности деревенскихъ яслей-пріютовъ въ Воронежской губ. 1902 г. Воронежъ. 1903.

А. Я. Рязановъ. Ивановское участковое санитарное попечительство.

П. Калининъ. Губернскіе съѣзды и совѣщанія земскихъ врачей и представителей земскихъ управъ Саратовской губ. съ 1876 г. по 1894 гг. Саратовъ. 1903.

Статистическій ежегодникъ Вятской губ. за 1900 г. Вятка. 1903.

Обзоръ сельскаго хозяйства Вятской губ. за 1903 г. Вып. II. Вятка. 1903.

Д. Дубовицкій. Опытъ изслѣдованія Пензенской губ. и юго-восточной Россіи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Ч. II и III. Пенза. 1903.

П. Лощиловъ. О санитарныхъ условіяхъ кожевеннаго производства въ Нижегородской губ. Н.-Новгородъ. 1903. Ц. 1 р.

Н. Тезяковъ. Матеріалы по изученію дѣтской смертности въ Воронежской губ. за 1898—1900 гг. Воронежъ. 1903.

С. Шпилевскій. Столѣтіе училища имени Демидова. (Рѣчь въ день юбилея). Ярославль. 1903.

В. І. Щегловъ Высшее учебное заведеніе въ г. Ярославлѣ имени Демидова въ 1-й вѣкъ его образ. и дѣятельн. Ярославль. 1903.

Объяснительная записка къ экспонатамъ Тверской губернской земской управы по страховому отдѣлу на Ярославской областной выставкѣ Сѣвернаго края. Тверь. 1903.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Studies in the Evolution of Industrial Society*» *by R. T. Ely* (*Macmillan and C°*) (*Очерки эволюціи промышленнаго общества*). Авторъ этой книги, профессоръ американскаго университета, заслужилъ почетное имя по ту сторону Атлантики за безстрашное изложеніе своихъ соціальныхъ взглядовъ. Онъ издаетъ «Библіотеку гражданина» (Citizen'v library), состоящую изъ чрезвычайно полезныхъ популярныхъ экономическихъ сочиненій. Въ этомъ новомъ томѣ своей библіотеки онъ касается наиболѣе жгучихъ современныхъ экономическихъ вопросовъ, трёстовъ, монополій и рабочаго движенія и обсуждаетъ возможность практическихъ соціальныхъ реформъ.

(Daily News).

«*Peeps at Parliament*» *by H. W. Lucy. Illustrated by F. C. Gould* (*George Newness*) *7 v. 6 d.* (*Взглядъ украдкою въ парламентъ*). Авторъ съ большимъ юморомъ описываетъ разные парламентскіе крупные и мелкіе инциденты, нравы и обычаи парламента и перемѣны, которыя произошли въ немъ за послѣдніе годы. Нѣтъ ни одной скучной страницы во всей книгѣ, притомъ очень удачно иллюстрированной. Самый большой матеріалъ для этихъ парламентскихъ очерковъ доставляютъ автору ирландскіе члены и Гладстонъ, дебаты о гомрулѣ, Чэмберленъ и Бальфуръ.

(Daily News).

«*Contemporary Psychology*» *Guido Villa* (*Iwan Sonnenschein*) *10 v. 6 d.* (*Современная психологія*). Авторъ этой прекрасной книги, переведенной на англійскій языкъ, дѣлаетъ историческій обзоръ методовъ изслѣдованія, которыя характеризуютъ современную психологію и подвергаетъ ихъ критическому анализу. Въ книгѣ заключается, кромѣ того, много важныхъ и интересныхъ свѣдѣній, заслуживающихъ особаго вниманія тѣхъ, кто посвятилъ свое время психологическимъ изысканіямъ.

(Daily News).

«*Educated Working Women*» *Essays on the economic position of women workess in the middle classes*» *by Clara E. Collet M. A. Fellow of University College. London* (*King and Lon*) (*Образованныя рабочія женщины*). Авторъ этой книги, миссъ Коллетъ, въ качествѣ министерскаго чиновника англійскаго правительства, произвела статистическія разслѣдованія женскаго труда и заработка. Она много способствовала выясненію положенія женскаго вопроса въ Англіи. Изслѣдованія, сдѣланныя ею въ этой области, приводятъ ее къ утѣшительному заключенію, что въ Англіи каждая женщина, даже со средними способностями и среднимъ образованіемъ, всегда можетъ найти себѣ заработокъ, если только пожелаетъ и въ настоящее время въ Англіи дѣвушки не остаются въ семьяхъ въ ожиданіи мужей, а воспитываются родителями такъ, чтобы онѣ могли избрать себѣ какую-нибудь профессію, а въ школы не идутъ только однѣ разочарованныя въ жизни и не съумѣвшія найти себѣ другой профессіи, кромѣ учительства, а только тѣ, кто дѣйствительно готовился къ профессіи учительницы и болѣе или менѣе чувствуетъ къ ней призваніе.

(Daily News).

«*Esquisse d'une psychologie des peuples européens*» *par Alfred Touillée* (*Alcan*) *1 vol.* (*Очеркъ психологіи европейскихъ народовъ*). Извѣстный французскій писатель справедливо полагаетъ, что чѣмъ ближе узнаешь народы, тѣмъ больше начинаешь ихъ любить. Онъ изслѣдуетъ тѣ соціальныя условія, которыя, дополняемыя условіями расы и климата пріобрѣтаютъ все большее и большее значеніе, по мѣрѣ того какъ возрастающая цивилизація усложняетъ внутреннія и внѣшнія отношенія каждаго народа.

(Temps).

«*Le Mariage chez tous les peubles*» *par Henri d'Alméras* (*Schleicher*) *3 fr. 50* (*Бракъ у всѣхъ народовъ*). Авторъ изслѣдуетъ исторію происхожденія одного изъ самыхъ древнихъ человѣческихъ учрежденій—брака, во всѣхъ его главныхъ формахъ и у разныхъ народовъ: на древнемъ востокѣ, у дикарей, въ мусульманскомъ мірѣ и у мормоновъ; затѣмъ онъ переходитъ къ исторіи брака въ Греціи

Римѣ и Франціи и кончаетъ изслѣдованіемъ современнаго брака. Несмотря на то, что авторъ пишетъ легко и увлекательно и книга его читается какъ романъ, но она все таки представляетъ серьезное научное изслѣдованіе, трактатъ нравовъ и обычаевъ въ разныхъ странахъ и въ равныя эпохи, основанный на весьма добросовѣстномъ изученіи источниковъ.

(Journal des Débats).

«*The Story of by Life*» *by Helen Keller* (*Hodder und Stughton*) *7 v. 6 d.* (*Исторія жизни*). Интересная автобіографія дѣвушки, которая ребенкомъ потеряла слухъ и зрѣніе и осуждена была жить среди вѣчной тьмы и молчанія. Но когда ей минуло семь лѣтъ, съ нею начали заниматься и примѣняли къ ней новые методы обученія. Опытъ увѣнчался настолько блестящимъ успѣхомъ, что, черезъ шестнадцать лѣтъ послѣ этого, она уже была студенткой одной американской коллегіи и обладала широкими познаніями въ литературѣ и языкахъ и могла написать свою любопытную автобіографію, къ которой приложила подробное описаніе методовъ, примѣненныхъ ея учителями и давшихъ такіе замѣчательные результаты.

(Daily News).

«*Auf türkischer Erde*» *Reisebilder und Studien von Hugo Gröthe. Berlin* (*Allgemeiner Verein für Literatur*) (*На турецкой землѣ*). Авторъ посвятилъ нѣсколько лѣтъ на изученіе различныхъ частей Оттоманскаго государства и на основаніи личныхъ наблюденій и опыта высказываетъ мнѣніе о положеніи различныхъ турецкихъ провинцій и ихъ будущности. Онъ очень интересно разсказываетъ свои приключенія и передаетъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ своего путешествія по турецкой землѣ.

(Francfurt. Zeit).

«*Lebengeschichte der Erde*» *von Willy Pastor. Ein Überbliek über die Metamorphosen der Erdensternes, Leben und Wissen. 1 Band* (*Eugen Diederichs*) *Leipzig 1903* (*Исторія жизни земли*). Въ своей книгѣ авторъ поставилъ себѣ задачей развить дальше дарвиновскую теорію и на основахъ этой теоріи установить новое міровоззрѣніе, отличающееся смѣлостью и оригинальностью, но нѣкоторою фантастичностью выводовъ, для которой авторъ ищетъ поддержки у Фехнера и др.

(Francfurt. Zeit).

«*Hommes et idées du seixième siécle*» *par René Doumée, 1 vol. 3 fr. 50* (*Perrin*). (*Люди и идеи шестнадцатаго вѣка*). Это интересный очеркъ литературной исторіи, движенія идей и отраженія ихъ въ современной литературѣ. Можно не соглашаться съ выводами автора, но его эрудиція, искренность и любовь къ литературѣ привлекаютъ всѣ симпатіи читателя на его сторону; къ тому же авторъ обладаетъ прекраснымъ слогомъ и пишетъ очень увлекательно.

(Journal des Débats).

«*La Magie dans l'Inde antique*». *Par Victor Henry. Paris.* (*Dujarrie et C°*) (*Магія въ древней Индіи*). «Тотъ, кто не вѣритъ въ магію, не имѣетъ все таки основаній отрицать ее»—такими словами начинаетъ авторъ свою книгу. Магія, какъ онъ говоритъ, сыграла свою роль въ образованіи первыхъ человѣческихъ обществъ и въ развитіи человѣческаго ума. Она существовала во всѣ времена и во всѣхъ странахъ и вездѣ, гдѣ встрѣчаются ея слѣды, въ разныхъ странахъ и въ разныя эпохи, можно наблюдать такое удивительное сходство всѣхъ магическихъ процедуръ, что невольно возникаетъ мысль, не заимствовалъ ли ихъ одинъ народъ отъ другого или же онѣ распространились путемъ медленнаго и незамѣтнаго проникновенія, тамъ, гдѣ есть на лицо географическое сосѣдство и сродство расъ. Но авторъ говоритъ, что нѣтъ надобности прибѣгать къ такому объясненію, тѣмъ болѣе, что оно не вездѣ приложимо; процедуры эти, какъ бы они ни казались намъ сложны и странны, въ дѣйствительности, представляютъ лишь интересный и логическій результатъ человѣческаго мышленія во всѣхъ широтахъ. Въ своей книгѣ авторъ разсматриваетъ индійскую магію во всѣхъ условіяхъ жизни, но онъ выдѣляетъ изъ нея только то, что представляетъ общій интересъ и можетъ бросить свѣтъ на все оккультическое ученіе.

(Journal des Débats).

«*The Life of Lord Edward Fitzgerald*» *by Ida A. Taylor* (*Hutchinson and C°*) (*Жизнь лорда Эдварда Фитцджеральда*). Чрезвычайно интересно и живо написанная біографія симпатичнаго и популярнаго ирландскаго героя и описаніе событій, связанныхъ съ ирландскимъ возстаніемъ конца XVIII вѣка.

(Daily News).

«*The Tariff Problem*» *by W. J. Ashley, professor of Commerce in the University Birminham* (*King and C°*) *2 v. 6 d.* (*Тарифная проблема*). Авторъ начинаетъ съ интереснаго историческаго обзора принциповъ Адама Смита, Кобдена и Брайта, а затѣмъ уже переходитъ къ современной жгучей проблемѣ, но разсматриваетъ ее все таки съ точки зрѣнія интересовъ имперіи, упуская изъ вида оппозицію рабочихъ классовъ высокому тарифу и вліяніе этого тарифа на общую политику.

(Daily News).

«*Poissons et Sortiléges*» *La Légende et l'Histoire par les docteurs Cabonés et L. Nass* (*1-re série*) (*Plou et Nourrét*) *3 fr.*

50. (Ядъ и колдовство; легенда и исторія). Въ книгѣ изслѣдуется роль, которую игралъ въ исторіи ядъ, какъ орудіе преступленія. Исторія полна всевозможныхъ легендъ въ этомъ направленіи, которыя передаются многими писателями безъ должной критики и оцѣнки, поэтому оба ученыхъ автора поставили себѣ задачей выдѣлить ядро исторической истины изъ накопившихся на немъ наслоеній всякихъ предразсудковъ и заблужденій. Сдѣлавъ краткій обзоръ первобытныхъ временъ и даже совершивъ экскурсію въ миѳологическую древность, авторы изслѣдуютъ токсикологическія познанія древнихъ, на востокѣ, въ Греціи и Римѣ и въ особенности въ Римѣ цезарей. Но наиболѣе интересный матеріалъ представляютъ имъ, конечно, средніе вѣка, когда выступаетъ на сцену суевѣріе, примѣшивающееся ко всѣмъ преступленіямъ, такъ какъ каждая эпидемія отравленія непремѣнно совпадала въ эту эпоху съ эпидеміей колдовства. Первый томъ заканчивается преступленіями Борджіи и изслѣдованіемъ легендарныхъ ядовъ, употреблявшихся ими, и смертью Александра VI. Второй томъ еще не вышелъ.

(Journal des Débats).

«L'Evolution des idées chez quelquesuns de nos contemporains» par Leon Lionnet 1 vol. 3 fr. 50 (Эволюція идей у нѣкоторыхъ изъ нашихъ современниковъ). Авторъ изслѣдуетъ произведенія нѣкоторыхъ современныхъ французскихъ писателей, Жюля Леметра, Барреса, Поля Бурже и др. и старается найти въ нихъ зародышъ тѣхъ политическихъ идей, представителями которыхъ они потомъ сдѣлались. Онъ доказываетъ фактъ, что въ литературныхъ трудахъ Леметра можно найти зачатки той доктрины, которую онъ теперь проповѣдуетъ.

(Journal des Débats).

«Memoirs of a Social Atom» by W. E. Adams. London (Hutchinson and C°) 2 vol 24 v. Illustrated (Мемуары соціальнаго атома). Эта книга представляетъ родъ автобіографіи, въ которой заключаются воспоминанія о событіяхъ, общественныхъ движеніяхъ, соціальныхъ и политическихъ дѣятелей Англіи, начиная съ сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка. Двѣ послѣдующія главы называются «Дегенерація» и «Упадокъ человѣка»; онѣ указываютъ, что авторъ не очень высокаго мнѣнія о современномъ поколѣніи и считаетъ прежнихъ общественныхъ дѣятелей великанами по сравненію съ нынѣшними. (Daily News).

«Dawn in the Dark Continent» by James Stewart. (Oliphant) 6 v. (Разсвѣтъ на черномъ континентѣ). Интересное описаніе дѣятельности европейцевъ на африканскомъ континентѣ, послѣ того какъ въ 1884 году внезапно проснулся въ Европѣ интересъ къ Африкѣ и на берлинской конференціи произведенъ былъ раздѣлъ чернаго континента. Лишь пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ только случайные отважные путешественники, искатели приключеній и миссіонеры пускались въ африканскія дебри и пустыни и многіе навсегда исчезали въ нихъ. Но мало-помалу число африканскихъ путешественниковъ увеличивалось, пока, наконецъ, Ливингстонъ не положилъ начало новой школы изслѣдованія Африки. Описавъ подробно дѣятельность различныхъ миссій, преимущественно въ Угандѣ, авторъ приходитъ къ пессимистическимъ выводамъ относительно результатовъ проповѣди христіанства. Насажденіе европейскихъ идеаловъ въ душѣ чернокожихъ туземцевъ оказывается необычайно труднымъ дѣломъ, да мѣшаютъ и возмутительные поступки европейцевъ напр. въ бельгійскомъ Конго и т. п., разрушаютъ довѣріе чернокожихъ туземцевъ къ вѣрѣ бѣлыхъ людей и мѣшаютъ ея укрѣпленію на черномъ континентѣ.

(Daily News).

«Der bewusste Wille in der Weltgeschichte» von August Strindberg. Leipzig. (Hermann Seemann) (Сознательная воля во всемірной исторіи). Извѣстный шведскій писатель, беллетристъ и драматургъ Стриндбергъ излагаетъ въ пяти очеркахъ свой философскій взглядъ на исторію человѣчества и отыскиваетъ въ эволюціи человѣческаго общества тѣ же самые законы, которые управляютъ царствомъ природы. Въ первомъ очеркѣ онъ говоритъ объ одновременности появленія великихъ народныхъ вождей въ разныхъ мѣстахъ, являющихся для того, чтобы просвѣтить человѣчество. Эта одновременность заставляетъ его предполагать существованіе тайной духовной связи между племенами и народами, разсѣянными на поверхности земли. Не слѣдуетъ ли изъ этого заключить,—спрашиваетъ авторъ,—что однѣ и тѣ же умственныя силы руководятъ ими, какъ одно и то же солнце освѣщаетъ ихъ? Второй очеркъ посвященъ Магомету, третій образованію государства въ Европѣ и т. д.

(Berliner Tag.).

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Новое о радіоактивности.

Февральскій научный фельетонъ мы посвятили радіоактивности матеріи. Прошло всего семь мѣсяцевъ, и снова приходится возвращаться къ этому вопросу, такъ какъ за это время различными учеными открыта масса новыхъ поразительныхъ фактовъ.

Изученію радіоактивныхъ веществъ за послѣднее время посвященъ длинный рядъ изслѣдованій. Эти работы касаются, главнымъ образомъ, *радія*, *торія*, *урана* и *полонія*. Менѣе всего посчастливилось открытому Дебьерномъ *актинію*, который, повидимому, до сихъ поръ остается подъ сомнѣніемъ. Впрочемъ, Дебьернъ показалъ, что между открытымъ имъ элементомъ и радіемъ существуетъ значительная разница. Въ то время, какъ радій почти не оказываетъ радіоактивнаго воздѣйствія на другія тѣла, разъ они вмѣстѣ съ нимъ заключены въ сосудъ, изъ котораго выкачанъ воздухъ, дѣйствіе солей актинія въ этихъ условіяхъ очень велико и не зависитъ отъ разстоянія. Иначе обстоитъ дѣло при наличности атмосфернаго давленія: здѣсь, чѣмъ дальше лежитъ тѣло отъ актинія, тѣмъ слабѣе возбуждаемая радіоактивность. Считая причиной радіоактивности «эманацію», можно думать, что эманація радія скорѣе диффундируетъ въ воздухѣ, чѣмъ эманація актинія. Послѣдняя, сверхъ того, оказывается гораздо менѣе прочной.

Согласно Круксу и Беккерелю, радіоактивность урана зависитъ отъ присутствія въ немъ особой составной части, которую Круксъ называетъ «уранъ х», и которую можно выдѣлить химическимъ путемъ. Она будто бы и является носительницей радіоактивныхъ свойствъ урана, о которыхъ мы можемъ судить по дѣйствію на фотографическую пластинку. Однако, опыты Рутефорда и Содди показали, что дѣло обстоитъ не такъ просто. Препараты урана испускаютъ двоякаго рода лучи: α, или легко поглощаемые лучи, и β, или проникающіе лучи, легко отклоняемые магнитнымъ полемъ. Первые способны производить электрическія дѣйствія, вторые дѣйствуютъ на фотографическую пластинку. При этомъ оказалось, что уранъ, освобожденный отъ примѣси «урана х», все-таки испускаетъ α-лучи, не дѣйствующіе на фотографическую пластинку, но могущіе быть обнаруженными при помощи электричества. Современемъ, однако, въ очищенномъ отъ «урана х» препаратѣ появляются и β-лучи, слѣдовательно,

*

тамъ вновь образуется нѣкоторое количество «урана х». Параллельно съ этимъ активность выдѣленнаго «урана х» падаетъ. Такимъ образомъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ нѣкоторымъ состояніемъ равновѣсія между ураномъ и «ураномъ х», которое, будучи нарушено, вновь возстановляется. Подобнаго же рода отношенія еще раньше были наблюдены и для торія.

Тѣ же ученые занимались сравнительнымъ изученіемъ радіоактивности *радія* и *торія*. Оба элемента, вообще говоря, очень похожіе другъ на друга, отличаются, главнымъ образомъ, по скорости, съ которою ихъ эманаціи теряютъ свою активность. Въ то время, какъ эманація торія уже въ теченіе одной минуты на половину уменьшается въ силѣ, эманаціи радія на это нужно четыре дня. И обратно, возбужденная радіемъ радіоактивность исчезаетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ возбужденная торіемъ.

Другой пунктъ различія между радіемъ и торіемъ состоитъ въ томъ, что для радія до сихъ поръ неизвѣстно активнаго видоизмѣненія, который по аналогіи съ «торіемъ х» можно бы было назвать «радіемъ х» и которое являлось бы промежуточною ступенью между радіемъ и его эманаціею. Быть можетъ, это потому, что въ рукахъ у изслѣдователей не было еще достаточнаго количества препаратовъ радія.

Изслѣдованія Рутефорда и Содди касаются, главнымъ образомъ, количественныхъ отношеній, наблюдаемыхъ при потерѣ радіоактивности и при возстановленіи ея. Оказывается, что потеря радіоактивности происходитъ всегда съ опредѣленною скоростью. Что касается до скорости выдѣленія самой «эманаціи», то въ этомъ отношеніи существенную роль играетъ раствореніе и нагрѣваніе. Изъ растворовъ эманація выдѣляется сравнительно очень быстро, гораздо быстрѣе, чѣмъ изъ твердаго вещества. Дальнѣйшая аналогія между радіемъ и торіемъ состоитъ въ томъ, что радіоактивность и того и другого теряется лишь до извѣстнаго предѣла и потомъ снова медленно возрастаетъ до опредѣленной величины, какъ бы возстановляя нарушенное равновѣсіе.

Нѣсколько работъ было посвящено за это время изслѣдованію различныхъ родовъ лучей, испускаемыхъ радіоактивными веществами. Радій, какъ извѣстно, испускаетъ три рода лучей, обозначаемыхъ буквами α, β и γ, различающіеся по своему электрическому заряду и по способности отклоняться магнитомъ. Подобные же лучи исходятъ и отъ другихъ радіоактивныхъ веществъ. Обслѣдовавъ этотъ вопросъ, Беккерель приходитъ къ выводу, что лучи полонія идентичны съ α-лучами радія, такъ какъ они показываютъ одинаковое отклоненіе въ магнитномъ полѣ, обратное тому, какое наблюдается для катодныхъ лучей. Отъ послѣднихъ они отличаются еще отсутствіемъ дисперсіи. На основаніи своихъ опытовъ Беккерель различаетъ два вида радіаціи: 1) отрицательно заряженные и легко проникающіе лучи урана и 2) положительно заряженные, сильно поглощаемые лучи полонія. Торій и радій даютъ оба эти вида лучей, а радій, сверхъ того, еще такъ называемые γ-лучи.

Природу этихъ послѣднихъ до нѣкоторой степени выяснила работа Стрэтта (Strutt). Онъ изслѣдовалъ производимую лучами іонизацію различныхъ газовъ и нашелъ, что между всѣми лучами радія въ этомъ отношеніи нѣтъ ни-

какой разницы. Цифры, выражающія относительную (къ воздуху) іонизацію различныхъ газовъ, производимую γ-лучами, оказались пропорціональными плотности взятыхъ газовъ. Для рентгеновскихъ лучей получаются совершенно другія цифры, а это показываетъ, что они не идентичны съ γ-лучами, какъ думали всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. По всей вѣроятности γ-лучи тоже матеріальной природы и отличаются отъ a и b лучей лишь тѣмъ, что составляющія ихъ частицы не заряжены электричествомъ.

Выдающійся интересъ представляютъ собою опыты Кюри и Лаборда которые показали, что соли радія непрерывно выдѣляютъ тепло. Если измѣрить при помощи термоэлектрической пары разность температуръ между нѣкоторымъ количествомъ соли барія, заключающей около $^1/_6$ хлористаго радія, и такимъ же количествомъ чистаго хлористаго барія, то эта разность достигаетъ 1,5°Ц, причемъ соль радія оказывается болѣе теплой. Дальнѣйшими опытами Кюри и Лабордъ опредѣлили количество теплоты, выдѣляемой радіемъ, и въ концѣ концовъ получили такія цифры: 1 граммъ чистаго радія выдѣляетъ въ часъ около 100 малыхъ калорій, слѣдовательно 1 граммъ-атомъ (225 гр.), долженъ выдѣлять около 22.500 кал.. ежечасно. Постоянное выдѣленіе столь значительнаго количества теплоты не можетъ быть объяснено обыкновеннымъ химическимъ превращеніемъ. Если же оно зависитъ отъ какой нибудь внутренней перегруппировки, то эта послѣдняя должна быть болѣе глубокой, должна касаться самихъ атомовъ радія. Но если бы въ дѣйствительности и существовала такая перегруппировка, она должна бы была происходить очень медленно, потому что радій не мѣняетъ своихъ свойствъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Демарсэ, наблюдавшій спектръ радія спустя 5 мѣсяцевъ послѣ его полученія, не замѣтилъ въ немъ никакихъ измѣненій. И такъ, если бы эта гипотеза оказалась вѣрна, энергія, освобождающаяся при превращеніи атомовъ, была бы необычайно велика. Впрочемъ такая гипотеза не единственно возможная: наблюдаемое выдѣленіе тепла можно объяснить и тѣмъ, что подъ вліяніемъ радія происходитъ превращеніе какой нибудь неизвѣстной намъ внѣшней энергіи. Но такое объясненіе страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что одну «загадку» объясняетъ другой, такъ сказать еще болѣе далекой отъ насъ.

Еще болѣе поразительны опыты сгущенія эманацій радія и торія, произведенные Рутефордомъ и Содди при температурѣ жидкаго воздуха. Названные изслѣдователи увлекали эманаціи струею какого-нибудь индифферентнаго газа и пропускали ихъ въ мѣдную спиральную трубку, погруженную въ жидкій воздухъ. Тамъ эманаціи сгущались при —150° для радія и —120° для торія. Какъ и при обыкновенной температурѣ, эманація торія оказалась очень непрочной: испаряясь, она теряла свою активность.

Химическія свойства эманацій показали ихъ близость съ недѣятельными газами группы аргона. Всѣ эти отношенія были еще болѣе подробно изслѣдованы Рамзаемъ и Содди, на работѣ которыхъ мы остановимся нѣсколько ближе. Авторы пропускали электрическія искры черезъ смѣсь эманаціи радія съ кислородомъ и удаляли потомъ кислородъ, сжигая имъ фосфоръ; затѣмъ пропускали эманацію радія надъ нагрѣтой смѣсью порошка магнія и извести.

И послѣ всего этого эманація радія все таки получалась не измѣненной! Въ физическомъ смыслѣ она обладаетъ всѣми свойствами газа: она диффундируетъ въ воздухѣ (Кюри и Донъ опредѣлили даже коэффиціентъ диффузіи), можетъ быть выкачана насосомъ Теплера, сгущена и въ такомъ видѣ «промыта» постороннимъ газомъ, который потомъ легко удалить. Въ темной комнатѣ можно наблюдать, какъ самосвѣтящаяся эманація распространяется по трубкѣ, какъ она диффундируетъ и т. п.

Но что особенно замѣчательно въ опытахъ Рамзая—это превращеніе эманаціи въ гелій. Какъ уже было сказано, особенно сильное выдѣленіе эманаціи происходитъ изъ растворовъ бромистаго радія въ водѣ. Еще раньше Гизель замѣтилъ, что при этомъ образуется также значительное количество водорода и кислорода, которые легко удалить. Сгустивъ полученное такимъ образомъ нѣкоторое количество эманаціи въ U-образной трубкѣ и очистивъ отъ примѣсей, Рамзай сталъ наблюдать спектръ газа. Спектръ оказался, повидимому, новымъ, не наблюдавшимся ранѣе. Но черезъ нѣсколько дней въ немъ стали появляться линіи гелія, по мѣрѣ того, какъ исчезала способность эманаціи свѣтиться и разряжать наэлектризованныя тѣла. Черезъ нѣсколько времени трубка содержала почти одинъ гелій. Въ спектрѣ заключаются впрочемъ, еще три новыя линіи, не принадлежащія гелію.

Химическое дѣйствіе новыхъ лучей на различныя тѣла также было предметомъ изслѣдованій. Гольдштейнъ изучалъ дѣйствіе катодныхъ лучей на неорганическія и органическія вещества. Цѣлый рядъ безцвѣтныхъ соединеній, какъ, напримѣръ, хлористые и бромистые калій и натрій, подъ вліяніемъ катодныхъ лучей темнѣютъ и сохраняютъ далѣе пріобрѣтенную ими окраску. Отъ чего это зависитъ? По всей вѣроятности здѣсь имѣетъ мѣсто разложеніе галоиднаго металла на его составныя части, причемъ образуются какія-нибудь новыя окрашенныя соединенія. Хлористый натрій, напримѣръ, можетъ разлагаться на натрій и хлоръ.

Вотъ главнѣйшіе новые факты, которые найдены всего за 8 мѣсяцевъ въ томъ удивительномъ «Эльдорадо», который мы зовемъ радіоактивностью вещества.

Теперь мы обратимся къ обобщеніямъ и гипотезамъ, появившимся за это время и стремящимся связать столь удивительныя явленія съ другими явленіями неорганизованнаго міра, уже вошедшими въ схему нашего знанія и выраженныхъ въ символахъ «Матерія» и «Энергія».

Прежде всего остановимся на англійскомъ ученомъ Круксѣ и на его рѣчи *), произнесенной имъ на конгрессѣ химиковъ въ Берлинѣ, въ іюнѣ текущаго года.

Замѣтимъ, что эта рѣчь не могла охватить многихъ фактовъ, приведенныхъ нами выше, такъ какъ они стали извѣстны уже послѣ ея произнесенія: такъ быстро въ этой области открытія слѣдуютъ за открытіями.

Круксъ предпосылаетъ изложенію своихъ возрѣній краткій историческій очеркъ развитіи идеи о сложности химическихъ элементовъ и вполнѣ правильно указываетъ, что піонерами въ данной области были англійскіе ученые.

---

*) „Новѣйшія представленія о матеріи".

Первое въ прошломъ столѣтіи ясно-выраженное представленіе о возможной сложности металловъ встрѣчается, по словамъ Крукса, въ лекціи Гемфри Дэви, прочтенной имъ въ 1809 году. Въ этой лекціи Дэви говоритъ о существованіи нѣкой субстанціи общей всѣмъ металламъ, и приходитъ къ слѣдующему выводу: «Если такія обобщенія подтвердятся фактами, то результатомъ этого явится новая, упрощенная и величественная философія... Изъ комбинаціи различныхъ количествъ двухъ или трехъ видовъ вѣсомой матеріи мы могли бы тогда создать себѣ все разнообразіе субстанцій». Въ 1811 году Дэви снова пишетъ «Было бы напрасно стараться предвидѣть всѣ послѣдствія такого прогресса въ химіи, какъ разложеніе и синтезъ металловъ... Долгъ каждаго химика быть настойчивымъ въ своихъ изслѣдованіяхъ; онъ не долженъ считать безразсуднымъ то, что не согласуется съ общепринятымъ мнѣніемъ. Онъ долженъ помнить, какъ иногда наше знаніе противорѣчитъ тѣмъ фактамъ, которые, будто, основаны на опытѣ... Изслѣдовать—могутъ ли металлы быть разложенными и синтезированными—есть великая проблема истинной философіи».

Дэви первый употребилъ въ 1804 г. терминъ «лучистая матерія» («Radiant Matter»), а нижеслѣдующая цитата является провозвѣстницей понятія о современныхъ электронахъ: «Если бы частицы газовъ были приведены въ движеніе въ свободномъ пространствѣ съ почти безконечно большою скоростью—что и соотвѣтствуетъ лучистой матеріи,—то частицы газовъ могли бы производить различнаго рода лучи, сильно отличающіеся другъ отъ друга по своимъ свойствамъ».

Въ 1816 году знаменитый Фарадей въ своихъ лекціяхъ «Объ общихъ свойствахъ матеріи» употребляетъ тотъ же самый терминъ, онъ говоритъ: «Если мы представимъ себѣ нѣкое остояніе матеріи настолько отдаленное отъ парообразнаго состоянія веществъ, насколько послѣднее далеко отъ жидкаго, и если примемъ во вниманіе увеличивающееся количество измѣненій свойствъ пропорціонально перемѣнамъ, происшедшимъ въ самой матеріи и если, наконецъ, сумѣемъ обобщить все это, то мы, быть можетъ, будемъ недалеко отъ понятія «лучистая матерія» (radiant matter)...»

Въ одной изъ своихъ первыхъ лекцій Фарадей тоже дѣлаетъ пророческое заключеніе: «Теперь мы начинаемъ нетерпѣливо желать новаго представленія о химическихъ элементахъ. Разложить металлы, преобразовать ихъ и осуществить такимъ образомъ, идею о превращеніи веществъ, считавшуюся нѣкогда абсурдной—является въ настоящее время задачами, рѣшить которыя обязанъ химикъ».

Въ 1879 году Круксъ прочиталъ лекцію передъ британскимъ обществомъ въ Шеффильдѣ, въ которой утверждалъ, что въ явленіяхъ, происходящихъ въ трубкахъ большого разряженія, частицы образующія катодный токъ, не могутъ быть ни твердыми, ни жидкими, ни газообразными, что они состоятъ изъ какихъ-то особыхъ частицъ гораздо меньшихъ, чѣмъ атомы, являются пылью (fragments) матеріи, ультра-атомными тѣльцами, маленькими частицами, во много разъ меньше и легче атомовъ;—эти частицы представляютъ собою краеугольные камни, изъ которыхъ складываются атомы.

Вотъ слова, сказанныя мною почти четверть столѣтія тому назадъ, говоритъ Круксъ: «Мы дѣйствительно достигли пограничной области, гдѣ матерія и сила какъ бы сливаются другъ съ другомъ, достигли области существующей въ воображеніи и лежащей между извѣстнымъ и неизвѣстнымъ. Я осмѣливаюсь предполагать, что величайшія научныя проблемы будущаго найдутъ свое разрѣшеніе именно въ этой пограничной области и даже за ней, гдѣ, какъ мнѣ кажется, лежитъ истина предѣльная, всеохватывающая и полная чудесъ».

Тотъ взглядъ, что наши химическіе элементы образованы изъ начальной субстанціи, развивался Круксомъ въ 1888 году въ Лондонскомъ химическомъ обществѣ, при обсужденіи теоріи о происхожденіи химическихъ элементовъ; тамъ Круксъ говорилъ «о безконечномъ числѣ неизмѣримо — малыхъ или, лучше сказать, самыхъ маленькихъ частичекъ, постепенно склопляющихся въ безформенный туманъ и движущихся съ непостижимой быстротой по всѣмъ направленіямъ». Онъ старался показать что въ настоящее время простые атомы могутъ и не быть такими же по своей природѣ, какими они были въ моментъ своего первоначальнаго зарожденія, старался показать, что первичныя движенія, дающія существованіе атому, могутъ постепенно измѣняться и вліять до нѣкоторой степени на вторичныя движенія, производящія явленія, которыя мы можемъ наблюдать, какъ-то, теплота, химическое дѣйствіе, электричество и т. д.; онъ доказывалъ вѣроятность того, что химическіе атомы не существуютъ вѣчно, но раздѣляютъ со всѣмъ остальнымъ міромъ свойства разрушенія и смерти.

Въ 1886 г. Круксъ, въ качествѣ предсѣдателя химической секціи британскаго общества, представилъ по вопросу объ изслѣдованіи происхожденія матеріи докладъ, рисующій постепенное образованіе изъ безформенной туманной массы—*протила* химическихъ элементовъ при помощи дѣйствія трехъ формъ энергіи—электричества, химическаго дѣйствія итемпературы. По этой гипотезѣ та стойкость химическихъ элементовъ которою они обладаютъ, есть результатъ ихъ борьбы за существованіе, какъ бы дарвиновское выживаніе болѣе стойкаго. Элементы съ наименьшимъ атомнымъ вѣсомъ образуются первыми, затѣмъ слѣдуютъ элементы со среднимъ и наконецъ—съ наибольшимъ атомнымъ вѣсомъ, какъ напр., торъ и уранъ. «Что идетъ послѣ урана?» задавалъ вопросъ Круксъ и отвѣчалъ: «Результатомъ слѣдующей стадіи будетъ... образованіе сложныхъ тѣлъ, диссоціація которыхъ въ предѣлахъ силъ нашихъ земныхъ источниковъ тепла». Въ этой рѣчи Круксъ говорилъ также о разложеніи элементовъ. Менѣе чѣмъ двадцать лѣтъ тому назадъ это была только мечта, но теперь она быстро приближается къ полному осуществленію: радій диссоціируется активно и самопроизвольно.

Мы не станемъ слѣдовать за Круксомъ въ его изложеніи развитія электронной теоріи, такъ какъ нашъ читатель знакомъ съ этимъ вопросомъ изъ статьи проф. Ив. Ив. Боргмана, помѣщенной въ августовской книжкѣ «М. Б.», и остановимся только на разсужденіяхъ самого Крукса.

Въ 1891 г. Круксъ доказывалъ, что токъ катодныхъ лучей возлѣ отрицательнаго полюса всегда наэлектризованъ отрицательно, прочее же содержимое

трубки—положительно; «дѣленіе молекулъ на группы электроположительныя и электроотрицательныя,—прибавляетъ Круксъ,—является необходимостью для соотвѣтствующаго объясненія генезиса элементовъ». Въ сильно разрѣженной трубкѣ электроны направляются отъ отрицательнаго полюса къ положительному. Попадая на фосфоресцирующее тѣло, электроны возбуждаютъ колебанія, приблизительно 550 билліоновъ разъ въ секунду, производя эѳирныя волны длиною около 5,75 десятимилліонныхъ миллиметра и вызывая въ глазу впечатлѣніе свѣтло-желтаго цвѣта. Однако, если электроны встрѣчаютъ на своемъ пути преграду изъ тяжелыхъ металловъ или какую-либо нефосфоресцирующую поверхность, то они производятъ эѳирныя волны съ гораздо большимъ числомъ колебаній въ единицу времени, чѣмъ свѣтъ; тогда они являются не непрерывными вибраціями, но, какъ показалъ Стоксъ, простыми толчками, отдѣльными импульсами, напоминающими скорѣе отдѣльные крики, чѣмъ музыкальные тоны.

Во время этой рѣчи Круксомъ былъ показанъ опытъ, который касался главнымъ образомъ диссоціаціи серебра на электроны и положительные атомы. Передъ полюсомъ изъ серебра былъ помѣщенъ экранъ изъ слюды съ отверстіемъ въ центрѣ. Трубка была большой степени разрѣженія и когда полюсы были соединены со спиралью Румкорфа и серебро было заряжено отрицательно, тогда электроны выдѣлялись изъ него во всѣ стороны и, проходя черезъ отверстіе въ слюдяной пластинкѣ, образовывали яркое фосфоресцирующее пятно на противоположной стѣнкѣ трубки. Непрерывное въ теченіе нѣсколькихъ часовъ дѣйствіе спирали улетучивало нѣкоторое количество серебра; замѣтно было, какъ оно откладывалось на слюдяной пластинкѣ вблизи полюса, дальній же конецъ трубки, свѣтящійся подъ вліяніемъ электроновъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, былъ свободенъ отъ осѣвшаго серебра.

Здѣсь, слѣдовательно, говоритъ Круксъ, мы наблюдаемъ одновременно два явленія: 1) электронъ или лучистая матерія, отдѣляясь отъ отрицательнаго полюса, вызываютъ фосфоресценцію того мѣста стекла, на которое они устремляются, и 2) въ то же самое время тяжелые положительные іоны серебра, освободившись отъ отрицательныхъ электроновъ, точно также передвигаются подъ вліяніемъ электрической силы и осѣдаютъ въ видѣ металла вблизи полюса. Іоны металла, отложенные такимъ образомъ наэлектризованы всегда положительно.

Въ 1893, 1894 и 1895 годахъ появились работы Ленарда и Рентгена, а въ 1895 г.—Зеемана, въ 1896 работы Беккереля надъ радіоактивностью урана, наконецъ супруги Кюри открыли радій. Но на всѣхъ этихъ работахъ мы не станемъ останавливаться, такъ какъ читатели «Міра Божьяго» знакомы съ ними изъ нашего февральскаго «научнаго фельетона», а также изъ упомянутой выше статьи проф. И. И. Боргмана.

Радій, какъ намъ уже не разъ приходилось говорить, испускаетъ цѣлые потоки лучей и «эманацій». Хотя намъ уже приходилось говорить объ этихъ явленіяхъ, но все же считаемъ не лишнимъ дать характеристику ихъ словами Крукса, при этомъ только замѣтимъ, что Круксъ и «лучи», и «эманаціи» объединяетъ однимъ терминомъ—«эманаціи».

«Существуетъ три рода эманацій радія. *Первый* видъ—это то же, что и катодный токъ, отожествляемый въ настоящее время со свободными электронами, т.-е. атомами электричества, идентичными съ матеріей въ четвертомъ или ультра-газообразномъ состояніи, «саттелитами» («sattellites») Кэльвина, «тѣльцами» («corpuscles») или «частицами» («particles») Томсона, лоджевскими зарядами іоновъ, отдѣлившимися отъ тѣлъ, но сохраняющими свою индивидуальность и идентичность». Эти электроны — не эѳирныя волны, не какая-либо форма энергіи, но субстанція, обладающая инерціей, повидимому, электрической. Свободные электроны чрезвычайно легко проникаютъ черезъ непрозрачныя тѣла. Они оказываютъ вліяніе на электроскопъ въ то время, когда радій находится на разстояніи десяти или даже болѣе футовъ, и отпечатываются на фотографической пластинкѣ, проходя черезъ свинецъ толщиной въ 5 или 6 миллиметровъ и черезъ деревянныя или алюминіевыя пластинки въ нѣсколько дюймовъ толщиной. Черезъ вату они проходятъ нелегко. Электроны обладаютъ свойствами газа, болѣе похожи на облако пыли или туманъ, подвижны и разносятся вокругъ струею воздуха, которому на нѣкоторое время отдаютъ свою энергію, притягиваются тѣлами съ положительнымъ электричествомъ, теряя вслѣдствіе этого свою подвижность и разсѣиваются по стѣнкамъ сосуда въ томъ случаѣ, если сосудъ находится въ спокойномъ состояніи. Въ магнитномъ полѣ электроны отклоняются. Изъ радія они выдѣляются со скоростью около $^1/_{10}$ скорости свѣта, но постепенно, вслѣдствіе столкновеній съ атомами воздуха, они задерживаются, такъ что нѣкоторые изъ нихъ замедляютъ свое движеніе и становятся, такимъ образомъ, частицами, которыя нѣкогда были названы мною свободными, блуждающими частицами, послѣднія диффундируютъ въ воздухѣ и отдаютъ ему на нѣкоторое время присущую имъ энергію. Они могутъ отклоняться и собираться въ кучки, производя фосфоресценцію.

Второй видъ эманацій радія не подвергается дѣйствію магнитнаго поля средней силы и неспособенъ также проходить черезъ тонкія матеріальныя препятствія. Эти эманаціи обладаютъ энергіей приблизительно въ 1000 разъ болѣе предыдущихъ, состоящихъ изъ отклоняемыхъ частицъ. Они дѣлаютъ воздухъ хорошимъ проводникомъ и сильно дѣйствуютъ на фотографическую пластинку. Ихъ масса по сравненію съ электронами очень велика, и ихъ скорость при выдѣленіи изъ радія, вѣроятно, также велика, но они, вслѣдствіе своей значительной массы, менѣе отклоняются магнитомъ, легко задерживаются препятствіями и гораздо скорѣе останавливаются отъ столкновеній съ атомами воздуха. Стрэттъ первый подтвердилъ, что эти неотклоняемые лучи есть не что иное, какъ положительные іоны (катіоны), истекающіе въ видѣ потока изъ радіоактивныхъ тѣлъ.

Рутефордъ показалъ, что магнитное поле только очень значительной силы дѣйствуетъ на эти эманаціи слабо и въ противоположномъ направленіи, чѣмъ оно дѣйствуетъ на отрицательные электроны. Этимъ доказывается, что іоны суть тѣла заряженныя положительнымъ электричествомъ, двигающіяся съ большою скоростью. Рутефордъ, первый, измѣривъ ихъ скорость и массу по-

казываетъ, что они — іоны матеріи двигающіеся со скоростью, близкой къ скорости свѣта.

Наконецъ мы имѣемъ *третій* видъ эманацій радія. Кромѣ лучей, свободно проникающихъ черезъ непрозрачныя тѣла и отклоняемыхъ магнитомъ, существуютъ лучи обладающіе въ сильной степени первою способностью, но не отклоняемые магнитомъ. Послѣдніе лучи сопровождаютъ первые и вторые и суть рентгеновскіе лучи, т. е. колебанія, вызываемыя, какъ вторичныя явленія, вслѣдствіе внезапной задержки скорости движенія электроновъ твердыми тѣлами; при этомъ происходитъ рядъ стоксовскихъ толчковъ». Какъ мы видѣли послѣднія работы Стрэтта противъ того, чтобы эти лучи-γ—были совершенно тожественны съ рентгеновскими лучами.

О величинѣ элетроновъ читатель могъ составить себѣ представленіе изъ статьи проф. Боргмана. Масса одного электрона по Томсону равна $^1/_{700}$ массы атома водорода или 3×10^{-26} грамма, скорость его движенія 2×10^9 сантиметровъ въ секунду или $^2/_3$ скорости свѣта. Кинетическая энергія равна 10^{17} эрговъ или приблизительно $3^1/_2$ милліона тонно-футовъ. Тѣла заряженныя положительнымъ электричествомъ или іоны, какъ мы уже знаемъ изъ статьи проф. Боргмана, чрезвычайно велики сравнительно съ величиной электрона. Электроны, говоритъ Лоджъ, занимаютъ атомъ, какъ солдаты какую-нибудь мѣстность, т.-е. ничто не остается изолированнымъ, внѣ ихъ дѣйствія... Они дѣлаютъ атомъ непроницаемымъ; они передаютъ ему свои свойства, между прочимъ, химическія... Не надо думать, что электронъ остается неподвижнымъ въ атомѣ; электроны вращаются одинъ около другого съ громадной скоростью и такимъ образомъ атомъ является областью напряженной дѣятельности. Электроны не соединяются въ группы, хотя въ атомѣ водорода ихъ 1.000, въ атомѣ натрія отъ 20 до 30 тысячъ, въ атомѣ ртути до 100 тысячъ; они отдѣлены другъ отъ друга, какъ планеты въ солнечной системѣ... Они такъ малы, сравнительно съ раздѣляющими ихъ разстояніями, что столкновенія ихъ такъ же рѣдки, какъ и въ нашей системѣ и вообще въ небесныхъ сферахъ...»

Чрезвычайно незначительная величина электроновъ и ихъ разсѣянность въ атомѣ объясняетъ, по мнѣнію Крукса, легкость ихъ проникновенія. Въ то время, какъ болѣе массивные іоны при прохожденіи между атомами задерживаются взаимостолкновеніями и почти совсѣмъ не проникаютъ черезъ тончайшія пластинки, электроны, наоборотъ, не задерживаются и легко проникаютъ черезъ непрозрачныя тѣла.

Круксъ обращаетъ вниманіе еще на одно свойство эманацій радія. Если крупинки соли радія дѣйствуютъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ на экранъ изъ сѣрнистаго цинка, то поверхность его тотчасъ же покрывается блестящими точками зеленаго цвѣта. Въ темной комнатѣ подъ микроскопомъ въ каждомъ пятнышкѣ мы наблюдаемъ тусклый центръ, окруженный широкимъ свѣтлымъ сіяніемъ. Снаружи этого сіянія темная поверхность экрана усѣяна свѣтлыми искорками. При этомъ никогда не наблюдается, чтобы на одномъ и томъ же мѣстѣ появлялись двѣ вспышки, но наоборотъ, искры разсѣиваются по поверхности экрана, появляясь и исчезая мгновенно, безъ переходныхъ стадій.

Если же помѣстить значительный кусочекъ соли радія вблизи экрана и изслѣдовать его поверхность при помощи карманной лупы, увеличивающей разъ въ 20, то будетъ видно, что искорки разсѣяны по всей поверхности экрана. Приближая радій ближе, мы замѣчаемъ, что количество болѣе яркихъ искръ все увеличивается и наконецъ искры такъ быстро одна за другой, что вся поверхность экрана уподобляется свѣтящемуся морю во время бури. Если мерцающихъ точекъ немного, то явленій фосфоресценціи не наблюдается, и вспыхивающія искорки являются «атомами чрезвычайно интенсивнаго свѣта», подобно звѣздамъ на темномъ небѣ. И то, что невооруженному глазу представляется въ видѣ однообразнаго «млечнаго пути», то при помощи увеличительнаго стекла превращается во множество звѣздъ, блестящихъ точекъ, покрывающихъ всю поверхность. Въ разрѣженномъ пространствѣ явленія мерцанія такъ же ярки, какъ и въ воздухѣ, и, будучи вызваны междуатомными движеніями, они не измѣняются и отъ крайне низкихъ температуръ: въ жидкомъ водородѣ они такъ же ярки, какъ и при обыкновенной температурѣ. Очень легко показать это сверканіе при помощи аппарата, состоящаго изъ мѣдной трубки, къ одному концу которой прикрѣпляютъ пластинку изъ цинковой обманки, съ кусочкомъ соли радія, помѣщеннымъ передъ ней на разстояніи около одного миллиметра и съ увеличительнымъ стекломъ на другомъ концѣ трубки.

Сосчитать число сверканій въ секунду очень трудно. Когда радій находится на разстояніи 5 сантиметровъ отъ пластинки, то сверканія едва замѣтны: не болѣе одного или двухъ въ секунду. Если уменьшать разстояніе радія отъ пластинки, то сверканія становятся болѣе частыми и на разстояніи 1—2 сантиметровъ они уже такъ многочисленны, что сосчитать ихъ невозможно, хотя очевидно, что величина эта не безконечно велика.

Это сверканіе на экранѣ, вызванное радіемъ, или полоніемъ, обусловливается именно тѣми эманаціями, которыя не проходятъ черезъ картонъ.

Весьма вѣроятно, говоритъ Круксъ, что въ этихъ явленіяхъ мы дѣйствительно наблюдаемъ бомбардировку экрана положительными іонами, выбрасываемыми радіемъ со скоростью свѣта. Каждая частица становится видимой лишь благодаря громадному количеству волнъ, производимыхъ ея ударомъ о чувствительную поверхность, подобно тому, какъ отдѣльныя капли дождя, падая на спокойную поверхность воды, не видны, какъ таковыя, но вслѣдствіе паденія они, производя ударъ, вызываютъ рябь и волны, расходящіяся концентрическими кругами.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Крукса, химическій атомъ, въ данномъ случаѣ атомъ радіоактивнаго вещества, дѣйствительно можетъ разлагаться, но съ такою медлительностью, что за столѣтіе вѣсъ тѣла уменьшился бы на одинъ миллиграммъ.

Эта атомная диссоціація проявляется, по мнѣнію Крукса, всюду: и при треніи куска стекла шелкомъ, и въ солнечномъ свѣтѣ, и въ капляхъ дождя, и въ молніи, и въ пламени, и въ водопадѣ, и въ бурномъ морѣ...

Читатели, просматривавшіе нашъ февральскій фельетонъ «О радіоактивности

матеріи», помнятъ, что первый, кто не только высказалъ, но и обосновалъ опытами мысль, что радіоактивность есть свойство не исключительное, а присущее всѣмъ видамъ матеріи, былъ французскій ученый *Густавъ Лебонъ*. Въ послѣднихъ трехъ номерахъ «Revue Scientifique» онъ дѣлаетъ теоретическіе выводы и обобщенія изъ того богатаго опытнаго матеріала, который накопился по вопросу о радіоактивности.

Между прочимъ, Лебонъ разсказываетъ, какъ трудно было ему вначалѣ добиться напечатанія своихъ работъ въ научныхъ журналахъ, такъкакъ выводы его о всеобщности явленій радіоактивности казались патентованнымъ ученымъ ересью. И только, когда вслѣдъ за Лебономъ, много позже, Стрэтъ, Клэнанъ и Бэртонъ обнаружили радіоактивность у обыкновенныхъ тѣлъ, подверженныхъ различнымъ воздѣйствіямъ, когда Эльстеръ и Гейтель обнаружили ее въ воздухѣ погребовъ, въ землѣ, а Вильсонъ—въ дождѣ, снѣгѣ и пр., тогда стали замѣчать и работы Густава Лебона. Старая, печальная исторія.

Въ своеобразныхъ, но всегда одинаковыхъ, радіоактивныхъ истеченіяхъ, выдѣляемыхъ всѣми тѣлами подъ вліяніемъ какъ различныхъ воздѣйствій, такъ и произвольно, Лебонъ видитъ свойства промежуточныя между матеріей и эѳиромъ, какъ бы переходы отъ невѣсомаго къ вѣсомому, а причиной выдѣленія этихъ потоковъ, этихъ эманацій, считаетъ существованіе особой *внутриатомной энергіи*, своей колосальной величиной превосходящей всѣ остальныя до сихъ поръ намъ извѣстныя. Мы умѣемъ освобождать только незначительныя количества этой энергіи, но еслибъ, напр., воспользоваться цѣликомъ всей внутриатомной энергіей, заключенной въ 1 граммѣ какого-либо вещества, то мы смогли бы произвести работу, равную той, которая получается при сожиганіи многихъ милліоновъ тоннъ угля.

На основаніи опытовъ и теоретическихъ разсужденій Лебонъ стремится доказать, что: 1) матерія, считавшаяся неразрушимой (законъ вѣчности матеріи), медленно исчезаетъ, благодаря непрерывному разложенію составляющихъ ее атомовъ. 2) Продукты разложенія атомовъ образуютъ вещество, промежуточное по своимъ свойствамъ между тѣлами вѣсомыми и невѣсомымъ эѳиромъ. 3) Матерія, считавшаяся раньше инертной, могущей возстановлять только ту энергію, которая была ей раньше сообщена, наоборотъ, является колоссальнымъ резервуаромъ силъ, которыя она можетъ расходовать, ничего не получая извнѣ.

Прежде всего Лебонъ отмѣчаетъ, что всѣ радіоактивные потоки, эманаціи—идентичны, какъ бы различны ни были тѣла ихъ испускающія и способы, примѣненные въ томъ или другомъ случаѣ. Будетъ ли это самопроизвольное истеченіе радія, или истеченія, испускаемыя какимъ-либо металломъ, подъ вліяніемъ свѣтового воздѣйствія, или, наконецъ, лучи, исходящіе изъ трубки Крукса, выдѣляемыя частицы имѣютъ всегда одинаковыя свойства. Поэтому и происхожденіе энергіи, производящей эти эффекты, должно быть во всѣхъ этихъ случаяхъ одно и то же. А такъ какъ, съ другой стороны, энергія, необходимая для того, чтобы сообщить выдѣляющимся радіоактивнымъ частицамъ свойственную имъ колоссальную скорость, превосходитъ все то, что мы можемъ получить при помощи различныхъ извѣстныхъ намъ силъ,—то, гово-

ритъ Лебонъ, ясно, что только въ самой матеріи мы можемъ искать источникъ этой энергіи: энергія эта выдѣляется, благодаря внутриатомнымъ реакціямъ, существенно отличающимся отъ тѣхъ междуатомныхъ реакцій, которыми занимается химія. Она отличается, во-первыхъ, своею необычайною силою, во-вторыхъ, самымъ широкимъ распространеніемъ: въ потенціальномъ видѣ она находится въ каждой частицѣ вѣсомой матеріи.

Однимъ изъ самыхъ характерныхъ свойствъ этой внутриатомной энергіи является способность ея развивать электричество въ тѣлахъ, подвергающихся ея дѣйствію; развивающееся при этомъ электричество пріобрѣтаетъ совершенно особыя свойства, напр., способность вызывать образованіе х-лучей и проникать черезъ металлическія тѣла, соединенныя съ землею. Но, задаетъ риторическій вопросъ Лебонъ, разъ такой электрическій атомъ — электронъ отличается по своимъ свойствамъ отъ обычнаго электричества, то почему придавать ему это опредѣленіе — «электрическій»? Вѣдь такъ же, какъ радіоактивныя частицы, развиваютъ электричество и теплота, и треніе, и т. п., но никому не приходитъ въ голову называть эти производящія причины также электричествомъ. Для Лебона такой электрическій атомъ просто одна изъ первыхъ стадій превращенія внутриатомной энергіи. «Мы не знаемъ еще,— говоритъ Лебонъ,—всѣхъ возможныхъ превращеній этой новой энергіи, но мы знаемъ, что она происходитъ изъ матеріи, такъ какъ безъ послѣдней мы не можемъ ее произвести, но разъ образовавшись, это уже не матерія, такъ такъ она потеряла всѣ характерныя свойства послѣдней и никакими способами не можетъ снова превратиться въ нее. Происхожденіе этой совершенно новой для современной науки энергіи не совсѣмъ необходимо, если допустить, что сгущенія туманности было достаточно для появленія столь высокой температуры нашего солнца; аналогичное сгущеніе эѳира могло бы скопить энергіи, заключенныя въ атомахъ.

Какова же величина этой внутриатомной энергіи? Возьмемъ среднюю скорость движенія отдѣлившейся частицы радіоактивнаго вещества равной 100.000 километрамъ въ секунду, тогда энергія, которая получится отъ разложенія одного грамма какого-нибудь вещества, будетъ, по вычисленіямъ Лебона, равна 800 милліонамъ лошадиныхъ силъ; такую энергію можетъ развить только 2.830.000 килограммовъ угля. Другіе ученые приходятъ къ меньшимъ, но все же колоссальнымъ цифрамъ; такъ, Рутерфордъ вычисляетъ, что внутриатомное разложеніе одного грамма радія разовьетъ энергію, равную 5.666.666 лошадиныхъ силъ. Этотъ американскій физикъ также считаетъ весьма вѣроятнымъ, что такая колоссальная внутриатомная энергія не является исключительнымъ свойствомъ радія, а общая для всѣхъ безъ исключенія веществъ.

Такимъ образомъ во всякой частицѣ вещества мы имѣемъ колоссальные запасы энергіи и одной изъ самыхъ важныхъ проблемъ будущаго является— найти простые способы освобождать и пользоваться этой энергіей.

Тотъ фактъ, что каждый атомъ есть какъ бы резервуаръ энергіи приводитъ Лебона къ гипотезѣ, что и сама матерія есть только энергія какъ-бы сконцентрированная, принявшая особый видъ, обусловливающій то, что мы мзовеъ вѣсомъ, формой и постоянствомъ.

По мнѣнію Лебона самопроизвольное превращеніе матеріи въ энергію, которое мы наблюдаемъ во всѣхъ явленіяхъ радіоактивности, столь противорѣчащее современнымъ научнымъ воззрѣніямъ, становится понятнымъ если принять упомянутое выше опредѣленіе матеріи, какъ резервуара энергіи, которую она можетъ частично терять.

Но что же представляютъ собою эти потоки, эти эманаціи? Дж. Дж. Томсонъ показалъ, что продукты этого внутриатомнаго разложенія вещества, будь то катодные лучи, будь то истеченія радіоактивныхъ веществъ одинаковы, каково бы ни было разлагающееся вещество: электрическій зарядъ и масса были всегда одни и тѣ же; слѣдовательно различныя тѣла состоятъ изъ одинаковыхъ элементовъ, уже не владѣющихъ свойствами тѣхъ веществъ, изъ которыхъ они образовались. Эти факты приводятъ Густава Лебона къ предположенію, что въ явленіяхъ радіоктивности матерія превращается въ нѣчто, что уже нельзя считать обыкновенной матеріей, такъ какъ ни одно свойство ея не сохранилось—это такъ называемые электроны—«тѣла», не имѣющія вѣса и имѣющія сходство съ матеріей только въ одномъ—въ инерціи. Мы уже знаемъ изъ статьи проф. И. Боргмана «Основы электронной теоріи», что, дѣйствительно, нематеріальность электроновъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Такимъ образомъ, потоки частицъ, отдѣляющихся отъ матеріи въ явленіяхъ радіоктивности, состоятъ изъ особыхъ нематеріальныхъ частицъ, которымъ теперь даютъ названіе электроновъ, и которыя Лебонъ считаетъ какъ бы переходной формой между вѣсомой матеріей и эѳиромъ. Такъ, по мнѣнію этого ученаго, совершается переходъ отъ вѣсомаго къ невѣсомому—отъ матеріи къ энергіи.

Лебонъ уже давно, въ самомъ началѣ своихъ изслѣдованій о радіоктивности высказывалъ мнѣніе, что въ основѣ этихъ явленій лежатъ особыя химическія реакціи, аналогичныя тѣмъ, которыя происходятъ при фосфоресценціи. Эти реакціи происходятъ между тѣлами, изъ которыхъ одно, находящееся въ ничтожномъ сравнительно съ другимъ, количествѣ, дѣйствуетъ, вѣроятно тѣмъ, что начинаетъ разложеніе. Такъ напр. сѣрнокислый хининъ не радіоактивенъ самъ по себѣ, но если его высушить, а затѣмъ снова подвергнуть гидратаціи, то въ теченіе этого послѣдняго процесса онъ становится радіоактивнымъ. Ртуть и олово проявляютъ только слѣды радіоактивности, но если къ одному изъ этихъ металловъ прибавить самое незначительное количество другого, то радіоактивноссь ихъ становится крайне интенсивной. Тотъ же взглядъ, что радіоактивность является слѣдствіемъ особаго химическаго процесса высказывали и другіе ученые, наприм. Рутефордъ. «Радіоактивность, говоритъ онъ, появляется, благодаря послѣдовательному ряду химическихъ измѣненій, во время которыхъ непрерывно образуются новые типы радіоактивнаго вещества. Это—процесъ равновѣсія, когда новое образованіе радіоактивности уравновѣшивается потерей уже образованной радіоактивности. Радіоактивность поддерживаетъ непрерывнымъ воспроизведеніемъ новыхъ количествъ вещества, владѣющаго временною радіоактивности. Радіоактивное тѣло—этимъ самымъ—есть тѣло, которое измѣняется. Это измѣненіе необходимымъ образомъ является атомнымъ разложеніемъ. Атомы, которые потеряли что нибудь этимъ самымъ являются новыми атомами».

Изъ приведеннаго выше примѣра ртути и олова и многихъ другихъ имъ подобныхъ, когда радіоактивность увеличивалась въ громадной степени при прибавленіи ничтожныхъ количествъ посторонняго вещества, Лебонъ дѣлаетъ заключеніе, что причины, производящія атомную диссоціацію, часто ничтожны. Какъ они дѣйствуютъ? Мы совершенно не знаемъ. Нѣкоторые металлы становятся сильно радіоактивными подъ вліяніемъ лучей опредѣленной длины волны, а лучи очень близкой длины волнъ не оказываютъ никакого вліянія на радіоактивность этихъ металловъ. Явленіе, сходное съ явленіями резонанса.

Что же происходитъ съ элементами, отдѣлившимися отъ атома и потерявшими, какъ мы видимъ выше, матеріальный характеръ? Опытъ намъ показываетъ только одно, говоритъ Лебонъ, что эти элементы не превращаются въ матерію, изъ которой они произошли. Но неужели они вѣчно сохраняютъ свою индивидуальность? Лебонъ высказываетъ гипотезу, что эти электроны, истративъ запасъ своей энергіи, превращаются въ эѳиръ. Такимъ образомъ Лебонъ предполагаетъ существованіе слѣдующихъ четырехъ послѣдовательныхъ стадій существованія матеріи. Первая—это эѳиръ. Вторая—представлена вѣсомой матеріей, атомы которой являются только конденсированной энергіей особаго вида, обусловливающаго форму, вѣсъ и неизмѣняемость. Третья стадія, съ которой начинается диссоціація матеріи, представлена электрическимъ атомомъ—электрономъ, промежуточнымъ веществомъ между вѣсомой матеріей и эѳиромъ, потерявшимъ вѣсъ и владѣющимъ измѣняющейся инерціей. Четвертая и послѣдняя стадія существованія матеріи—это та, когда электронъ теряетъ свою индивидуальность и сливается съ эѳиромъ.

Воззрѣнія Крукса, Лоджа, Лебона и другихъ ученыхъ, съ которыми мы познакомили въ главныхъ чертахъ нашего читателя, только подтверждаютъ мысль, высказаннуюнами въ февралѣ текущаго года, что изученіе радіоактивности поведетъ къ установленію постепенныхъ переходовъ между вѣсомой матеріей и эѳиромъ икъ слитію символовъ «матерія» и «энергія» въ еще болѣе широкомъ обобщеніи. И теперь съ еще большей увѣренностью можно сказать: мы наканунѣ такого обобщенія.

В. Агафоновъ.

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

Годъ XII-й. № 12-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ДЕКАБРЬ

1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

Дозволено цензурою 28-го ноября 1903 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. НАРОДНЫЯ КАРТИНЫ. **Ч. Вѣтринскаго.** 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ***. **Д. Михаловскаго.** 29
3. ЧЕСТНЫМЪ ПУТЕМЪ. (Конецъ Александры Михайловны). Повѣсть. **В. Вересаева.** 31
4. ДЖОНЪ РЁСКИНЪ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ. (Окончаніе). **А. Рыкачева.** 80
5. ЧТО ЧИТАЕТЪ И ЧѢМЪ ИНТЕРЕСУЕТСЯ УЧАЩАЯСЯ МОЛОДЕЖЬ. (Окончаніе). **К. Левина.** 103
6. ЧЕЛОВѢКЪ. Повѣсть. (Окончаніе). **Семена Юшкевича.** 124
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. СНѢГЪ. (Жоржъ Роденбахъ «La regne de silence»). **Ив. Тхоржевскаго.** 151
8. ПОЛУЖИВОТНОЕ. Романъ **Елены Белау.** (Окончаніе). Переводъ съ нѣмецкаго **М. Н. Данилевской.** 152
9. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ВОПРОСА О «НЕВРОНАХЪ«. (Окончаніе). Проф. **А. Догеля.** 184
10. ДВА ВОЗЗВАНІЯ. (Съ польскаго). Разсказъ. Переводъ автора **Густава Даниловскаго.** 195
11. КОЛОКОЛА. Разсказъ **Вильгельма фонъ-Поленца.** Переводъ съ нѣмецкаго **М. К—ой.** 201
12. РАЗВИТІЕ ДВОРЯНСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ РОССІИ. Прив.-доц **М. Яснопольскаго.** 202
13. ОГНЕННАЯ ВОДА. (Очеркъ изъ жизни сибирскихъ окраинъ). **А. К.** 229
14. ОЧЕРКИ ПО ВОПРОСАМЪ ОПЛОДОТВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ. (Окончаніе). Академика **И. П. Бородина.** 255

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

15. ЖЕНСКІЙ СВОБОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ. (Къ 25-ти-лѣтію Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ С.-Петербургѣ). **Ѳ. Батюшкова.** 1
16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Дѣло В. М. Дорошевича.—Послѣдній кошевой Запорожья.—Къ вопросу о борьбѣ съ пьянствомъ.—«Сибирскій день».—Новая городская партія.—Фабричный поселокъ.—Земство и церковныя школы.—Картинка земской жизни—Земцы въ коммиссіи о центрѣ.—За мѣсяцъ. 13

стр.
17. ЗЕМСКІЙ УЧИТЕЛЬ ВЪ ЛОХВИЦКОМЪ УѢЗДѢ. (Письмо изъ Лохвицы). **М. Туганъ-Барановскаго**. 33
18. ДОБРЫЙ ПОЧИНЪ. (Библіотека имени Виктора Петровича Острогорскаго). **Е. Ель—вой.** 37
19. **Изъ русскихъ журналовъ.** («Образованіе»—іюль—окт.. «Русское Богатство»—октябрь. «Вѣстникъ Европы»—ноябрь). 45
20. **За границей.** Отмѣна закона Фалльу во Франціи.—Чэмберленовская кампанія въ Англіи.—Выборы какъ указатель общественнаго настроенія.—Новая республика.—Литературно-военный процессъ въ Германіи.—Смерть Моммзена.—Премія Нобеля.—Южно-африканская проблема.—Парламентъ и женское движеніе въ Швеціи.—Американскій милліонеръ въ роли пророка и проповѣдника. 56
21. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** Воспоминанія о Ренанѣ.—Въ Балканскомъ аду.—Жизнь въ Новой Зеландіи.—Въ странѣ золота.—Умственный пролетаріатъ во Франціи и въ Германіи. 71
22. НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ. Научная метеорологія и игра въ орлянку. **В. Агафонова**». 79
23. В. В. ДОКУЧАЕВЪ. (Некрологъ). **В. Агафонова.** 93
24. «О МУДРОСТИ КРОТКИХЪ. (По поводу «Писемъ къ ближнимъ» и другихъ писаній г. Меньшикова). **М. Невѣдомскаго.** 97
25. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Публицистика.—Исторія русская.—Соціологія и политическая экономія.—Философія.—Естествознаніе.—Медицина и гигіена.—Народныя изданія.—Содержаніе библіографическаго отдѣла за 1903 г.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію. 116
26. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 147

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

27. СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ. **Освальда Кюльпе.** (Окончаніе). Перев. съ нѣмецкаго **Н. Андреева.** 65
28. ОМУТЪ. Романъ **Франка Норриса.** (Окончаніе). Переводъ съ англійскаго **А. В. Гольстейнъ.** 135
29. СОДЕРЖАНІЕ ЖУРНАЛА за 1903 г.
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НАРОДНЫЯ КАРТИНЫ.

Народныя или лубочныя картины болѣе или менѣе извѣстны каждому. На любомъ большомъ базарѣ, по всей Россіи, отъ полунѣмецкаго и полупольскаго запада до Китая и съ сѣвера до юга, онѣ бросаются въ глаза яркою пестротою красокъ, привлекая къ себѣ толпу зрителей, отъ дѣтворы до бородатаго простолюдина. Въ мало-мальски зажиточной избѣ онѣ занимаютъ стѣнку рядомъ съ иконами, часто примыкая къ нимъ и по содержанію. Картину страшнаго суда не рѣдкость, напр., найти и въ такой убогой избѣ, въ которой картины свѣтскаго содержанія замѣнены клочками «Нивы», цвѣтной крышкой табачной коробки, пестрой обложкой отъ чая или конфетки. Точной статистики этихъ печатныхъ произведеній, выпускаемыхъ московскимъ Никольскимъ рынкомъ, никѣмъ не подведено, но ежегодно выходитъ ихъ въ свѣтъ нѣсколько сотенъ тысячъ, если не милліоны.

Капитальный трудъ Д. Ровинскаго: «Русскія народныя картинки» (1881 г.), не только подвелъ итогъ всему былому богатству этого отдѣла простонародной литературы (кончая 1839 г.), но и далъ весьма живое и увлекательное воспроизведеніе многихъ сторонъ народнаго быта, насколько онѣ выразились въ старинной лубочной иллюстраціи *). Съ того времени далеко ушла впередъ и техника изготовленія картинъ, измѣнились требованія и народной среды, значительно развившейся въ сравненіи съ дореформеннымъ временемъ, и теперь народныя картины представляютъ много новаго, хотя и примыкаютъ непосредственно къ народной иллюстраціи, такъ любовно и полно изученной Ровинскимъ.

Послѣ Ровинскаго выставка народныхъ картинъ, устроенная петербургскимъ комитетомъ грамотности въ 80-хъ годахъ, да альбомъ ихъ, изданный Сытинымъ къ всероссійской выставкѣ 1896 г., только и привлекли нѣкоторое вниманіе печати и общества къ народной иллюстраціи. Задача настоящаго очерка познакомить читателей съ современнымъ состояніемъ этого уголка этнографіи.

---

*) Въ 1900 г. подъ заглавіемъ „Русскія народныя картинки“ изданъ пятый томъ изслѣдованія Ровинскаго, съ приложеніемъ въ текстѣ картинъ въ сильно уменьшенномъ видѣ. См. „М. Б.“, 1901 г., „Библіогр. отд.“, январь. *Ред.*

Литература, согласно извѣстной теоріи Геннекэна, выражаетъ націю не потому, что нація произвела ее, но потому, что нація приняла эту литературу и ею восхищалась, въ ней любовалась собою и себя въ ней узнавала. Такое же отношеніе вполнѣ устанавливается между народомъ и народной иллюстраціей. Послѣдняя разсчитана прежде всего на самые распространенные и стойкіе вкусы, на самые широкіе круги народной массы. Здѣсь открываются самыя стойкія черты умственныхъ и художественныхъ интересовъ этой массы, и эта тѣсная связь народной картины и народной жизни достаточно оправдываетъ интересъ къ предмету, до сихъ поръ занимающему немногихъ любителей.

I.

Прошлое народной иллюстраціи.—Современное производство и распространеніе народныхъ картинъ.

Народныя картины, по предположеніямъ разныхъ изслѣдователей, пріобрѣли названіе лубочныхъ или потому, что часть ихъ рѣзалась на липовыхъ доскахъ, на лубѣ (другія рѣзались на оловѣ или гравировались на мѣди), или потому, что разносились ходебщиками въ лубяныхъ коробахъ.

Въ первые вѣка своего существованія на Западѣ гравюра оставалась на степени простого ремесла: все вниманіе граверовъ было обращено не на художественное исполненіе картинокъ, а на ихъ содержаніе; гравюра служила прежде всего общественнымъ нуждамъ и потребностямъ, и на первомъ планѣ были, конечно, долгіе годы потребности религіозныя, нравственно-поучительныя. Такъ было, конечно, и въ Россіи, гдѣ первыя гравюры на деревѣ появились въ одно время съ книгопечатаніемъ—во второй половинѣ XVI-го вѣка. Въ книгѣ Ровинскаго читатель можетъ видѣть воспроизведенія древнѣйшей нашей народной религіозной картины, ничѣмъ въ сущности не отличающейся по манерѣ и содержанію рисунка отъ иконъ стараго письма и тѣхъ наивныхъ картинъ, которыя украшали собою наши церкви. Эти произведенія, болѣе или менѣе аляповатой работы, доходятъ до конца XVIII-го вѣка. Очень невысоки и тѣ картины на деревѣ, которыя прилагались къ церковнымъ книгамъ. Гравированіе на мѣди, въ противоположность гравированію на деревѣ, развивалось быстрѣе. При длинныхъ текстахъ, которые требовались тогдашними покупателями, несравненно было удобнѣе производить картины на мѣдныхъ доскахъ, при посредствѣ рѣзца и крѣпкой водки. Первыя русскія работы этого рода (вторая половина XVII-го вѣка), гравюры знаменщиковъ (рисовальщиковъ) оружейной палаты въ Москвѣ, носятъ тотъ же характеръ церковности или удовлетворенія запросовъ и потребностей царскаго обихода.

Петръ Великій поднимаетъ значеніе искусства. Въ указѣ объ учрежденіи университета и академіи онъ пишетъ сенату въ слѣдующихъ

выраженіяхъ: «безъ живописца и гравировальнаго мастера обойтися невозможно будетъ, понеже изданія, которыя въ наукахъ чиниться будутъ (ежели оныя сохранять и публиковать), имѣютъ рисованы и градированы быть». Въ то же время Петръ I былъ страстный любитель праздниковъ и тріумфовъ всякаго рода: выигрывалась ли баталія,— онъ дѣлалъ торжественные въѣзды, выбивалъ медали; заключался ли миръ,—имъ спускались фейерверки и строились тріумфальныя ворота; въ мирное время онъ придумывалъ освященіе крѣпостей и шутовскія свадьбы и т. д. Граверы необходимы были, чтобы и въ Европѣ знали о преславныхъ викторіяхъ и забавахъ. Еще во время перваго путешествія своего за границу Петръ I пригласилъ изъ Амстердама граверовъ Шхонебеха и Пикара, которые и явились учителями граверовъ петровскаго времени. Часть работъ Шхонебеха и Пикара стала достояніемъ народной иллюстраціи, такъ какъ нѣкоторыя изъ выгравированныхъ ими досокъ попали на фабрики, издававшія лубочныя картинки. Произведенія учениковъ Шхонебеха и Пикара, копіи съ иностранныхъ образцовъ духовнаго и свѣтскаго содержанія, представляютъ нечувствительный переходъ отъ большихъ досокъ, гравированныхъ по заказу правительства, къ мелкимъ доскамъ, съ изображеніями народныхъ картинокъ.

Подражателями ихъ явились граверы второй половины XVIII вѣка, работавшіе уже для настоящихъ фабрикъ народныхъ картинъ. Доски рѣзали по большей части серебреники, жившіе въ подмосковномъ селѣ Измайловѣ, а печатали съ нихъ на фигурныхъ станкахъ въ Москвѣ у Спаса въ Спасской, на большой фабрикѣ купца Ахметьева, которая славилась своими произведеніями болѣе 50 лѣтъ, причемъ печатаніе производилось на 20 станкахъ. Кромѣ Ахметьевской, существовала еще въ Москвѣ съ XVIII в. другая фабрика, спеціально печатавшая народныя картинки, рѣзанныя на деревѣ; имя владѣльца этой фабрики неизвѣстно. Въ самомъ концѣ прошедшаго столѣтія производство народныхъ картинокъ перешло въ руки мелкихъ фабричныхъ торговцевъ, имѣвшихъ свои типографіи: въ Москвѣ, напр., славился печатаніемъ простонародныхъ изданій и картинокъ купецъ Логиновъ, наслѣдникъ Ахметьева. Строились печатни даже въ селахъ Владимірской губерніи (издавна поставлявшей ходебщиковъ, разносившихъ лубочныя книги и картины); наиболѣе извѣстна была мастерская И. А. Голышева въ селѣ Мстерѣ. Голышевъ печаталъ въ своей литографіи съ 1858 г. до 530 тысячъ народныхъ картинокъ въ годъ, цѣною отъ 55 коп. до 5 рублей за сотню; раскрашиваніемъ ихъ занимались болѣе 200 женщинъ. Въ настоящее время собственно лубочныя, рѣзанныя на деревѣ картинки или рѣзанныя на мѣди и картинки ручной раскраски всецѣло вытѣснены хромолитографіей.

Рисунки или «переводы» для своихъ картинокъ наши мастера заимствовали изъ разныхъ источниковъ: духовные листы иконнаго разряда,

замѣнявшіе образа (изображеніе Спасителя, разныхъ явленій Богородицы, святыхъ съ житіями, праздниковъ и святцевъ), копировались съ миніатюръ при книгахъ или же прямо съ церковныхъ иконъ; по части лицевыхъ легендъ и притчей богатый матеріалъ для народной картинки представляли церковныя паперти, по стѣнамъ которыхъ расписывались разныя исторіи и апокрифическія повѣсти. Появленіе большой Библіи Пискатора въ половинѣ XVII вѣка, завезенной въ Россію Шхонебехомъ *), составляетъ эпоху въ гравированіи на деревѣ; копіи и подражанія ея сюжетамъ въ теченіе цѣлаго XVIII вѣка даютъ содержаніе народной иллюстраціи для благочестивыхъ обывателей. Народныя картинки брали свои переводы и съ живописныхъ картинъ украшавшихъ царскія палаты. Изъ того же источника предполагается Ровинскимъ заимствованіе картинокъ въ родѣ Александра Македонскаго и царя индійскаго Пора, хотя возможно, пожалуй, позаимствованіе и изъ лицевыхъ, т.-е. иллюстрированныхъ списковъ нашей древней повѣсти, однимъ изъ излюбленныхъ героевъ которой былъ Александръ Македонскій. Въ XVIII вѣкѣ переводы народныхъ картинокъ забавнаго содержаніе копировались въ большинствѣ случаевъ прямо съ иностранныхъ образцовъ, изъ которыхъ многія скомпонованы въ русскія картинки безъ всякихъ измѣненій. Заимствовались вѣнскія духовныя картины, голландскія библейскія картины и календари, изъ Франціи и Германіи шли потѣшные сюжеты, причемъ, напр., Гаргантуа Рабле превратился въ «славнаго объядалу и веселаго подпивалу», бытовыя сатирическія картинки передѣлывались на русскіе нравы и т. д.

Почти всѣ картины выпускались въ народъ раскрашенными, причемъ съ ростомъ спроса на картины небрежность раскраски увеличивалась, такъ что, въ концѣ концовъ, дошла до грязныхъ мазковъ по носамъ, причемъ эта раскраска составляла особый, исчезнувшій нынѣ, промыселъ. Вотъ какъ описывалъ это производство въ 1870 годахъ извѣстный археологъ и производитель народныхъ картинъ И. А. Голышевъ: «Послѣ отпечатанія, картинки просушиваются и отдаются въ цвѣтку, раскраску или иллюминацію; подъ Москвою, въ 12 верстахъ, цѣлое село Никольское и окрестныя деревни, въ числѣ около тысячи душъ самоучекъ, занимаются раскрашиваніемъ престовика или лубочныхъ картинъ. До сего времени раскраска эта очень немногосложна, она употребляетъ всего четыре краски: малиновую, зеленую, желтую и красную (сандалъ, ярь-мѣдянка, куркомея, сурикъ); гдѣ перешло за контуръ рисунка, гдѣ не дошло, или краска легла на лицо,—не взыскивалось, да иначе и быть не могло, потому что такія картинки рас-

*) Д. А. Ровинскій въ цитатѣ изъ „Быта царей“ Забѣлина отмѣчаетъ, что по экземпляру этой Библіи до сихъ поръ расписываются стѣны Троицкой лавры: западный источникъ въ центрѣ „ультра-русскомъ“.

крашивались скоро и притомъ щетинными кистями. Въ 1840 годахъ раскраска картинокъ въ большомъ количествѣ развилась въ селѣ Мстерѣ, Вязниковскаго уѣзда, и сдѣлалась господствующею промышленностью бѣдныхъ дѣвицъ и женщинъ съ малолѣтняго возраста,— теперь болѣе 300 чел. занимаются этой работой; нѣкоторыя изъ женщинъ занимаются раскраской не только въ мѣстѣ своего жительства на разныхъ оптовыхъ картино-торговцевъ, но и въ Москвѣ». Впрочемъ, въ качествѣ и исполненіи народныхъ картинъ были различныя ступени. Картины Ив. Теребенева 12 года раскрашены и исполнены очень тщательно и предназначались для богатыхъ покупателей, продаваясь по 1 рублю—по 2 за листъ. Интересно замѣчаніе Ровинскаго, что, по формату и стилю, русскія народныя картинки, рѣзанныя на деревѣ, ближе всего подходятъ къ стариннымъ нѣмецкимъ картинкамъ (изданія Ганса Сакса и др.); по мастерству и раскраскѣ онѣ имѣютъ нѣкоторое сходство съ индѣйскими народными картинками, изображающими разныхъ боговъ и продающимися до настоящаго времени (писано въ 70-хъ годахъ) въ Калькуттѣ, Танджерѣ и Трихинаполѣ, а также со старинными картинками на деревѣ, китайскими и японскими».

Продажа лубочныхъ картинокъ въ Москвѣ производилась въ городѣ, въ Овощномъ ряду, откуда онѣ покупались неоднократно и для царскаго обихода, главное же—у Спасскихъ воротъ, въ этомъ народномъ толкучемъ клубѣ подъ чистымъ небомъ, гдѣ глашатаи выкрикивали объявленія, а въ извѣстные дни производились казни и правежи, и гдѣ съ утра до ночи толкался всякій людъ, кто съ товарами, кто съ вѣстями, кое-гдѣ и въ другихъ людныхъ мѣстахъ. Продажа картинокъ гуртомъ производилась на самыхъ фабрикахъ; здѣсь закупали ихъ владимірскіе офени тысячами и затѣмъ развозили и разносили ихъ въ лубочныхъ коробахъ по всей Россіи. Впослѣдствіи московскіе заводчики стали привозить свой товаръ на знаменитые въ свое время ярмарки въ село Холуй; въ сороковыхъ годахъ картинки листоваго размѣра, раскрашенныя, продавались: въ розницу по $1—1^1/_2$ к. за штуку, сотнями по 1 рублю; двухлистовыя вдвое и т. д., гуртомъ тысячами еще дешевле. Относительно назначенія народныхъ летучихъ картинокъ въ древнемъ обиходѣ Ровинскій замѣчаетъ, что картинки эти обращены были прежде всего на удовлетвореніе любознательности читавшаго люда. Картинки вклеивались въ рукописи, вмѣсто рисунковъ; онѣ долго замѣняли собою дорого стоющіе живописные образа, даже въ церквахъ XVII-го вѣка. Гравюры на мѣди и на деревѣ въ XVII-мъ вѣкѣ носили названіе фряжскихъ листовъ или потѣшныхъ нѣмецкихъ листовъ. Ими украшались постельные палаты, въ которыхъ не вѣшали картинъ; малолѣтніе царевичи и царевны, забавляясь этими листами, вмѣстѣ съ тѣмъ получали изъ нихъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ предметахъ естественной исторіи, географіи, всеобщей исторіи и другихъ наукъ, своего рода наглядный способъ обученія. Хранились эти фряж-

скіе листы и въ домахъ частныхъ лицъ высшаго сословія, развозились и разносились и по крестьянскимъ избамъ, горѣли вмѣстѣ съ избою, уничтожались при перестройкахъ и пропадали отъ сырости и гнили, такъ что только благодаря немногимъ любителямъ сохранились коллекціи, которыя даютъ возможность судить о быломъ богатствѣ этого народно-художественнаго творчества и производства.

Въ XVIII-мъ вѣкѣ гравированныя картинки употреблялись еще въ видѣ поздравительныхъ или подносныхъ листовъ, печатавшихся спеціально для подношенія тѣмъ или другимъ разнымъ особамъ отъ граверовъ или даже отъ цѣлыхъ учрежденій.

Особое значеніе для народной картины имѣлъ, конечно, надзоръ за ними со стороны властей, надзоръ, который въ концѣ концовъ остановилъ свободное развитіе народно-художественнаго творчества. Цензура за народными картинами была учреждена съ 1723 года, когда предписано было наблюдать, чтобы персоны государя и государыни писались искусными мастерами. Въ 1742 г., въ силу этого указа, отбирались и уничтожались, по безобразію ихъ, портреты Императрицы Елизаветы Петровны и великаго князя Петра Ѳеодоровича. Въ 1826 г. цензура уже требовала, чтобы портреты особъ августѣйшей фамиліи имѣли «художественное достоинство» и «желательное сходство». Начиная съ патріарха Іоакима, который встревожился тѣмъ, что невѣжды «развращенно» рѣжутъ иконы и что другіе покупаютъ листы, дѣланные «Лютерами и Кальвинами, на подобіе лицъ своей стороны», духовное вѣдомство неоднократно требовало цензурованія народныхъ картинокъ мѣстнымъ духовнымъ начальствомъ.

Свѣтская цензура то вспоминала, то забывала о народныхъ картинахъ. Такъ знаменитая картина-сатира на Петра Великаго, сочиненная раскольниками, «мыши кота хоронятъ», неоднократно подвергалась въ текстѣ смягченіямъ, которыя нынѣ совершенно затуманили ея смыслъ. Обезцвѣтилась и картина-каррикатура—«бой бабы-яги съ крокодиломъ», «нѣмка на старикѣ»—съ намеками на императрицу Екатерину I. Но ни время, ни умственное развитіе народа не благопріятствовали развитію свободной народной каррикатуры, которая могла бы развиться изъ иллюстраціи. Шишковскій цензурный уставъ 1826 г. (современниками названный «чугуннымъ») дозволялъ печатаніе однѣхъ «нравственныхъ и полезныхъ или, по крайней мѣрѣ, безвредныхъ картинокъ, а равно и каррикатурныхъ изображеній, представляющихъ въ смѣшномъ видѣ пороки людей, если они только не касаются личности». Народныя картинки, однако, незамѣтно выключили было себя изъ этого вѣдѣнія и стали попрежнему распродаваться въ народѣ безъ участія новой цензуры, и только въ 1839 г., вслѣдствіе частныхъ цензурныхъ распоряженій, были процензурованы всѣ народныя изданія сказокъ, а также портреты особъ императорской фамиліи и разныхъ героевъ, начиная съ героевъ 1812 г. Въ сороковыхъ годахъ, разсказываетъ Ровинскій,

обратила на себя вниманіе цензуры старинная картина, въ которой увидѣли намекъ на расправы крѣпостныхъ съ жестокими помѣщиками. Картина изображала, какъ «быкъ не захотѣлъ быть быкомъ, да и сдѣлался мясникомъ; когда мясникъ сталъ бить въ лобъ, то не стерпя его удара, ткнулъ рогами въ бокъ, а мясникъ съ ногъ долой свалился,—то быкъ выхватить топоръ у него потщился; отрубимши ему руки, повѣсилъ его вверхъ ногами и сталъ таскать кишки съ потрохами». Центральное отдѣленіе картины соотвѣтственно изображаетъ быка-мясника и человѣка, изъ котораго быкъ выматываетъ кишки, а въ отдаленіи другой быкъ бодаетъ будочника съ алебардою; вокругъ рядъ болѣе мелкихъ картинокъ съ прозрачными намеками: «попугай мужика въ клѣтку посадилъ, чтобы онъ говорилъ» (крестьяне-засѣдатели въ судахъ и коммиссіяхъ); «оселъ мужика погоняетъ за то, что не скоро онъ выступаетъ»; «нищій богатому даетъ, а онъ отъ него и беретъ» (дворянскія складчины на балы по копейкамъ съ души), и т. д. Картина подверглась строгому запрещенію. Въ 1850 году предсѣдателемъ комитета, учрежденнаго для провѣрки: «нѣтъ ли чего вреднаго въ сочиненіяхъ, пропущенныхъ цензурными комитетами», дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Бутурлинымъ былъ поднятъ вопросъ о лубочныхъ картинахъ и произведеніяхъ печати, назначенныхъ для обращенія въ народѣ. Вопросъ этотъ разсматривался разными вѣдомствами, которыя пришли къ тому убѣжденію, что новаго по этому предмету издавать ничего не слѣдуетъ, а просто надо-де предписать, чтобы впредь приготовляемыя къ изданію народныя картинки представлялись въ цензуру на общемъ основаніи; что же касается до старыхъ картинокъ, издававшихся безъ цензуры, то обязать полицію представить о тѣхъ изъ нихъ, которыя предусмотрѣны 1311 статьей улож. о нак., чрезъ начальниковъ губерній, министерству внутреннихъ дѣлъ, для принятія мѣръ къ ихъ уничтоженію. Вслѣдъ затѣмъ московскій генералъ-губернаторъ графъ Закревскій приказалъ заводчикамъ народныхъ картинокъ уничтожить всѣ доски, не имѣвшія цензурнаго дозволенія, и впредь не печатать таковыхъ безъ онаго; въ исполненіе этого приказанія заводчики собрали всѣ старыя мѣдныя доски, изрубили ихъ, при участіи полиціи, въ куски и продали въ ломъ, въ Колокольный рядъ. Такимъ образомъ прекратило свое существованіе наше народное балагурство. Многія доски, однако, были дозволены цензурой и печатаніе продолжалось съ переводовъ на камень, мало-по-малу слившись съ современнымъ хромолитографическимъ производствомъ народныхъ картинъ.

Въ старинной картинѣ съ полною непосредственностью отражались многія черты старой русской культуры. Толчокъ извнѣ, данный иностранными манерами и чужими образцами, породилъ и самостоятельное творчество. То, что сначала служило къ удовлетворенію потребностей однихъ высшихъ классовъ мало-по-малу опускается внизъ къ

народной массѣ. Невѣдомые рисовальщики прививали народу нѣчто новое, вводили въ его кругозоръ новые факты и явленія, удовлетворяя его несложнымъ художественнымъ и умственнымъ запросамъ: такъ привились несомнѣнно иноземные Бова и другіе сильные, славные, и храбрые витязи, распространялись лицевыми календарями даже отвергнутые уже вверху астрономическіе и астрологическія понятіе и т. д. Съ другой стороны, чрезъ этихъ же рисовальщиковъ порою находилъ себѣ выраженіе и откликъ народа на условія и обстоятельства его исторической жизни, но откликъ крайне слабый и заглушенный...

Современное производство народныхъ картинъ находится всецѣло въ рукахъ тѣхъ же издателей Никольскаго рынка, которые наводняютъ всю Россію лубочными книгами и брошюрами. Это—отрасль печатнаго дѣла, почти чуждая воздѣйствій интеллигенціи. Тотъ прогрессъ въ народной иллюстраціи, какой можно все-таки констатировать, всецѣло прогрессъ стихійный, обусловленный ростомъ народнаго образованія съ одной стороны, съ другой—конкуренціею издателей, которые примѣняютъ усовершенствованные способы хромолитографіи, приглашаютъ хорошихъ рисовальщиковъ, а иногда, очевидно, слушаются также совѣтовъ людей съ развитыми литературными и художественными вкусами.

Первое мѣсто среди издателей картинъ принадлежитъ И. А. Сытину. Первенство остается за нимъ и по разнообразію, и по количеству, и по качеству изданій. За нимъ идутъ хромолитографіи бр. Морозовыхъ, Соловьева, Щеглова, Пурецкаго и др. Какъ уже сказано, рядомъ съ печатаніемъ лубочной картины идетъ и издательство народной книги, прежде такъ тѣсно связанное съ картиной, что, напр., длинныя народныя сказки и календари печатались съ досокъ.

Въ 1901 г. редакціею «Русской Мысли» въ Москвѣ издана книжка И. Данилина «Очерки и разсказы». Авторъ въ очеркахъ подъ заглавіемъ «Въ мастерской» рисуетъ не особенно художественныя, но интересныя для насъ картинки нравовъ хромолитографической мастерской, въ которой фабрикуются народныя картинки.

Рисовальщики послѣднихъ занимаютъ въ такой мастерской сравнительно привилегированноя положеніе, но жизнь ихъ—обычная жизнь московскихъ мастеровыхъ.

Мальчикъ, попавшій случайно изъ деревни или изъ рядовъ городской бѣдноты на ученье въ такую мастерскую, проходитъ обычный курсъ «ученичества», со всѣми отрицательными сторонами его: не столько учится мастерству, сколько бѣгаетъ на посылкахъ у хозяина и мастеровъ, познавая всѣ прелести московской улицы и превращаясь мало-по-малу въ прожженную мастеровщиину. Ежедневная съ восьми часовъ работа перемежается праздничнымъ разгуломъ по трактирамъ и хотя нашъ авторъ и упоминаетъ о посѣщеніи рисовальщиками музеевъ, о чтеніи, но достаточно глухо, и ничѣмъ не видно, чтобы это

существенно отражалось на отношеніи ремесленниковъ къ ихъ работѣ. Единственно кто изрѣдка вноситъ въ работу нѣчто свое, это—художники-неудачники, которыхъ бросили въ мастерскую алкоголь и нужда. Во главѣ мастерской—«самъ», хозяинъ, глубоко равнодушный къ художествамъ, къ содержанію и исполненію картинъ. Лишь бы не останавливалось колесо мастерской, случайно или отъ родителя перешедшей къ нему, лишь бы выходили «сорта» картинъ походовитѣе, т.-е. пользовались бы сиросомъ, и мастерская давала хорошій барышъ.

Одна изъ главъ очерковъ г. Данилина передаетъ кое-какія характерныя детали того, какъ создаются народныя картинки въ подобной мастерской. Большинство рисовальщиковъ рабски копируетъ старые образцы. На главнаго рисовальщика изъ спившихся художниковъ, нѣкоего Коптева, который рискуетъ самъ компоновать рисунки въ родѣ темъ Некрасова: «Что такъ жадно глядишь на дорогу?» и «Генералъ Топтыгинъ», или Пушкина «Подъ вечеръ осенью ненастной» и Кольцова «Хуторокъ», на этого художника остальные смотрятъ съ великимъ почтеніемъ. Но вотъ является «самъ» и приноситъ цѣлую груду рисунковъ. Тутъ и иллюстраціи изъ журналовъ, и заграничныя олеографіи, и божественныя картины съ мѣдныхъ досокъ. Начинается выборъ рисовальщиками «сорта». Хозяину безразлично, кто и что будетъ рисовать, лишь бы было дешево и сердито. Костюха, плохой работникъ, проситъ пѣсенъ. «Сортъ ходовитый,—соображаетъ «самъ»:—какъ плохо ни сдѣлай, все продается, стало быть, незачѣмъ и дѣлать хорошо! А тутъ онъ дешевле стоить будетъ!» — и тутъ же прикидываетъ въ умѣ, насколько сортъ Костюхи выйдетъ дешевле сорта другого рисовальщика.

Другому дается «Божество» съ черныхъ рисунковъ: «Ты ему покрась, Коптевъ, абрисъ,—распоряжается «самъ»,—да краснаго пусти побольше, чтобы поцвѣтнѣе были сорта, походовитѣе!» Дальше «самъ» выбираетъ какихъ-то безсодержательныхъ пастуховъ съ пастушками, дѣвицъ въ лодочкѣ и цѣлующихся французскихъ жнецовъ. «Потомъ мы стихи подъ нихъ подведемъ какіе ни то, оно и пойдетъ за мило!»

По предложенію Коптева, хозяинъ соглашается на двѣнадцатый годъ и Суворова съ Петромъ, распоряжаясь далѣе съ рисунками въ слѣдующемъ родѣ: «Жнецовъ-то, Павелъ, когда будешь работать, одѣнь въ красныя рубахи и голубые халаты, они понарядиѣе будутъ, а то они какіе-то сѣрые. Ты, Мотылевъ, барышень-то обряди поцвѣтнѣе, и ты Костюха, не забудь, переодѣнь пастушку изъ коричневаго въ красное, благо у нея шляпка на головѣ!» Коптеву остается только вздыхать и просить товарищей хоть лица обрусить у французскихъ жнецовъ, переодѣтыхъ въ русскія рубахи...

Такъ создаются безчисленные пестрые листы божественнаго и свѣтскаго содержанія, со сказками, пѣснями, шутками, листы съ безчисленными обработками старыхъ сюжетовъ, съ позаимствованіями чаще

всего чужого пошлаго и безсодержательнаго, лишь изрѣдка съ попытками дать нѣчто удовлетворяющее хорошему литературному и художественному вкусу.

Теперь нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ и распространеніи подбора картинъ, покинувшаго ту или другую мастерскую.

Самостоятельной торговли однѣми картинами нигдѣ и никѣмъ не производится: слишкомъ дешевъ товаръ и можетъ окупать себя только въ качествѣ дополненія къ книжной торговлѣ, къ торговлѣ иконами или мелочнымъ мануфактурнымъ товаромъ. Наибольшій спросъ на картины повсемѣстно къ Пасхѣ, когда производится радикальная чистка русскихъ избъ; къ великому посту, а также предъ Рождествомъ товаръ этотъ долженъ быть уже подъ руками у потребителя. Выходя изъ мастерскихъ сотнями тысячъ листовъ, товаръ дробится прежде всего крупными центрами, причемъ на нижегородской ярмаркѣ имъ запасаются торговцы лубочники и галантерейщики всего Поволожья, Урала и Сибири. По желѣзнымъ дорогамъ товаръ распредѣляется по магазинамъ городовъ, а также по земскимъ книжнымъ складамъ, которые въ силу постояннаго спроса со стороны народа принуждены запасаться, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми картинами. Чрезъ нихъ и чрезъ школы въ послѣдніе годы уже замѣтною струею идутъ портреты русскихъ писателей и иллюстраціи литературныхъ произведеній. Отъ галантерейщиковъ въ крупныхъ провинціальныхъ центрахъ товаръ расходится въ уѣздные города и села частью чрезъ мѣстныхъ лавочниковъ, частью чрезъ разносчиковъ-ходебщиковъ.

Въ извѣстной книгѣ А. С. Пругавина «Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія», въ статьяхъ о лубочной литературѣ и офеняхъ и книгоношахъ, читатель найдетъ не мало любопытныхъ свѣдѣній о промыслѣ книгоношей, которые еще недавно были главными дѣятелями въ распространеніи лубочной литературы и тѣсно съ нею связанной картинки. Данныя, собранныя г. Пругавинымъ, относятся къ 1888 г. и уже въ то время промыселъ падалъ, съ одной стороны, вслѣдствіе стѣснительныхъ правилъ о розничной книжной торговлѣ, съ другой—вслѣдствіе конкуренціи быстро развивающейся мѣстной книжной торговли. Центромъ этого промысла были Вязниковскій уѣздъ съ селами Мстерой (огромная торговля Голышева) и Холуемъ (ярмарки), также Алексинскій, Судогодскій, Серпуховскій и Подольскій уѣзды. И куда только не заносило, да нерѣдко и теперь заноситъ книгоношу съ нашими картинами. Вы можете встрѣтить ихъ и на Кавказѣ, и за Кавказомъ, и въ Восточной Сибири, и въ Туркестанѣ, и въ Архангельскѣ. Нѣкоторые проникаютъ въ Румынію, Болгарію, Сербію и даже въ Турцію. Въ связи съ распространеніемъ дѣятельности книжныхъ складовъ мѣняется, можетъ быть, и характеръ книгоношества: появляются книгоноши районные, напримѣръ, земскіе саратовскіе книгоноши; своихъ книгоношъ заводятъ

и другіе земства. Картинами охотно приторговываютъ и мелочные мѣстные галантерейщики. Есть, наконецъ, чисто мѣстные ходебщики. Намъ извѣстно, напримѣръ, что въ Вятской губерніи картинами, въ числѣ другого мелкаго товара, нерѣдко торгуютъ такъ называемые «бурлаки», разный мелкій служащій и рабочій людъ на Волгѣ и Камѣ, пробирающійся изъ своихъ деревень на большія рѣки къ открытію навигаціи: мелочная торговля—поддержка имъ въ дорогѣ. Понятно, почему картины въ обиходѣ торговли множества мелкихъ торгашей заняли такое видное мѣсто. Торговецъ лубочной книгой и картиной Дикушинъ (въ Вязникахъ) такъ объяснялъ А. С. Пругавину: «картинами они заманиваютъ покупателей, картинами нерѣдко расплачиваются за хлѣбъ-соль, при остановкахъ въ деревняхъ. Да и вообще картина идетъ гораздо больше книги; она доступнѣе для пониманія мужика: чтобы прочитать книжку, нужно быть грамотнымъ, а содержаніе картины понятно для каждаго. Къ тому же картина служитъ украшеніемъ избы».

По сообщенію А. С. Пругавина, цѣны на картины въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ въ Москвѣ стояли: за полулистовую хромолитографію 1 р. 90 к. за сотню, 19 рублей за тысячу; за листовую—3 р. 80 к. за сотню и 38 р. за тысячу, за двухлистовую—7 р. 75 к. за сотню. Въ настоящее время при оптовой закупкѣ цѣны нѣсколько ниже, колеблясь около 1 р. 50 к. и выше за сотню полулистовой хромолитографіи и т. д. Съ улучшеніемъ качества печатанія и бумаги и увеличеніемъ формата цѣны соотвѣтственно повышаются. Въ розничной продажѣ цѣны крайне колеблются, начинаясь отъ двухъ, трехъ копеекъ за полулистовую хромолитографію. «Нужно знать условія офенской торговли,—замѣтилъ г. Пругавину тотъ же Дикушинъ:—всѣ тѣ безчисленныя мытарства, которыя они испытываютъ во время своихъ скитаній, чтобы не обвинять ихъ въ жаждѣ къ наживѣ и кулачествѣ. Еслибъ вы знали, что приходится переносить имъ отъ однихъ урядниковъ, какого труда стоитъ имъ добиться «правовъ», т. е. получить разрѣшеніе на торговлю произведеніями печати!» Отсылаемъ читателя къ статьямъ г. Пругавина, въ которыхъ мытарства офень изображены довольно удачно. Можно указать еще статьи г. Н. Рубакина въ «Образованіи» за 1901 г., рисующія ту же власть урядника и всякой сошки надъ книгоношею.

Неустойчивость цѣнъ на картины въ розничной торговлѣ объясняется еще и тѣмъ, что мало-мальски опытный офеня съумѣетъ всегда показать товаръ лицомъ, пустить пыль въ глаза, сорвать съ простоватаго покупателя, но ему же охотно сдѣлаетъ на картинѣ уступку, если покупатель «оправдалъ» себя, забравъ икону, пару книжекъ и кой-чего изъ краснаго или мелкаго товару. Въ искусствѣ сбыть картину или книжку попадаются среди офень настоящіе мастера, которыми можно залюбоваться. Бойкая рѣчь такъ и сыплется горохомъ,

оглушая покупателя и гипнотизируя его. И такъ или иначе идутъ картинки чрезъ десятки рукъ «по царству всероссійскому, покамѣстъ не пристроятся въ крестьянской лѣтней горенкѣ, на невысокой стѣночкѣ».

II.

Картины духовнаго и нравоучительнаго характера. „Историческіе" листы.—Пѣсни.—Сказки и картины анекдотическаго и юмористическаго содержанія.—Листы описательнаго характера.—Русскіе писатели въ народной иллюстраціи. Картины русскихъ художниковъ.

При обозрѣніи содержанія и характеристикѣ современной лубочной иллюстраціи мы, конечно, не имѣемъ въ виду исчерпывающей полноты изложенія. Для этого мы не располагаемъ ни достаточнымъ матеріаломъ, ни мѣстомъ. Въ каждой группѣ картинъ придется ограничиться указаніемъ наиболѣе ходовыхъ темъ и отмѣтить наиболѣе существенныя черты обработки сюжета, сопровождая эту характеристику кое какими указаніями общаго характера.

При самомъ распредѣленіи картинъ по группамъ намъ пришлось отступить отъ той группировки, которую далъ имъ въ своемъ изслѣдованіи Ровинскій, именно; 1) сказки и забавные листы, 2) листы историческіе, календари и буквари и 3) притчи и листы духовные. Сказки, которымъ отводилъ много мѣста Ровинскій, сильно сократились въ числѣ; съ другой стороны разросся, напр., отдѣлъ пѣсенъ и сложился замѣтный уже отдѣлъ обработокъ темъ русскихъ писателей, и въ старыя рамки уже плохо укладывается новый матеріалъ, который распредѣляется и въ новыя группы.

Картины духовнаго и нравоучительнаго содержанія.

Настоящая группа картинъ пользуется широкою распространенностью въ народѣ и первое мѣсто въ ней безспорно занимаютъ снимки съ иконъ Спасителя, различныхъ чтимыхъ иконъ Богоматери Иверской, Казанской, и многихъ другихъ, двунадесятые праздники, изображенія святыхъ. Въ глухихъ мѣстностяхъ эти снимки съ иконъ до сихъ поръ наклеиваются на доски и замѣняютъ собою писанныя иконы. Рядомъ со снимками со старинныхъ извѣстныхъ иконъ за послѣдніе годы стали попадаться также идущія нерѣдко за иконы воспроизведенія мадоннъ, значительно отличающіяся отъ обычной иконописи. Повторенія старинныхъ иконъ также не остались неподвижны въ сравненіи съ прошлымъ: мѣняются детали, улучшается окраска, варіируются слегка фигуры, но по существу эти изображенія, улучшившись съ технической стороны, измѣнились мало. Тоже почти и съ изображеніями святыхъ, хотя здѣсь больше простора фантазіи рисовальщиковъ. Картины, посвященныя святымъ, составлены большею

частью одинаково: въ центрѣ образъ святого, вокругъ небольшія картинки, изображающія жизнь и чудеса его. Въ числѣ изображеній святыхъ мы встрѣчаемъ рядъ всероссійски чтимыхъ угодниковъ: Николая Чудотворца, Георгія Побѣдоносца, Архистратига Михаила, поражающаго сатану, московскихъ чудотворцевъ, половецкихъ святителей Зосимы и Савватія, св. Екатерины и Варвары, также мѣстно чтимыхъ угодниковъ Трифона, Тихона Задонскаго, за послѣднее время Ѳеодосія Черниговскаго и Серафима Саровскаго, и т. д.

Въ общемъ во всѣхъ этихъ листахъ преобладаетъ рѣшительно старый шаблонъ. Возникновеніе современной русской школы церковной живописи, такъ геніально выразившееся въ чудномъ кіевскомъ соборѣ св. Владиміра, прошло для русской духовной народной иллюстраціи пока безслѣдно, а напр. Богоматерь Васнецова, неподражаемое воспроизведеніе безконечной материнской любви и муки за Сына, рвущагося на подвигъ любви, этотъ образъ не сталъ еще народнымъ достояніемъ. Говоря о прогрессѣ въ народной иконной иллюстраціи, мы не можемъ не отмѣтить мимоходомъ довольно курьезнаго обстоятельства, хорошо характеризующаго современныхъ производителей народныхъ картинъ. Въ числѣ листовъ иконнаго характера, расходятся листы, на которыхъ напечатано по 16 маленькихъ иконныхъ изображеній. Сколько намъ извѣстно, эти листы бойко раскупаются профессіональными странниками и странницами богомолами, которые рѣжутъ ихъ на маленькія картинки и выгодно распродаютъ по деревнямъ въ качествѣ принесенныхъ изъ того или другого монастыря, вмѣстѣ съ щепочками отъ каменныхъ гробовъ, водой отъ цѣлебныхъ источниковъ и т. п.

Рядомъ съ листами воспроизводящими иконы, надо поставить разнообразные листы изъ священной исторіи и религіозно-нравственнаго содержанія; на эти темы издано не мало картинъ отъ полулистового до двухлистового размѣра. Эти листы тѣсно примыкаютъ къ грубоватымъ простонароднымъ представленіямъ о раѣ и адѣ и къ стариннымъ народнымъ картинамъ, а также къ апокрифической христіанской легендѣ. Такова картина страшнаго суда, одна изъ самыхъ распространенныхъ картинъ, она сохранила почти всѣ существенныя черты стариной картины, и грѣшниковъ, подвѣшенныхъ въ аду за разныя части тѣла, и цѣпь адову, которою влекутся въ геену огненную «нищіе, земледѣльцы, ремесленники, женскій полъ, купцы, судьи, иноки, священники, архіереи, цари, князья, жидове и агаряне». Такова—«Молитва честному кресту», изображающая дерево, выросшее на головѣ адамовой, изъ котораго сдѣланъ крестъ съ распятіемъ и въ вѣтвяхъ котораго представлена казнь апостоловъ.

Черты народной легенды носитъ до сихъ поръ изображеніе притчи о богатомъ и о Лазарѣ; какъ въ извѣстной пѣснѣ каликъ перехожихъ, картина изображаетъ бѣсовъ, немилостиво вынимающихъ душу изъ богача сѣнными вилами, и т. п. Смерть праведника

и грѣшника изобилуетъ ангелами и чертями, такъ же какъ картины мытарствъ св. Ѳеодоры. Большинство картинъ, изображающихъ событія священной библейской и евангельской исторіи: первые человѣки въ раю, жертвоприношеніе Исаака, избіеніе младенцевъ въ Виѳлеемѣ и т. д., исполняются до сихъ поръ очень грубо. Но въ 1893 г. Сытинымъ была выпущена очень приличная и по рисунку, и по выдержанной со вкусомъ окраскѣ серія полулистовыхъ хромолитографій на сюжеты евангельской исторіи, повидимому, воспроизведеніе иллюстрацій итальянскаго художника. Здѣсь же надо упомянуть объ обширныхъ вѣроучительныхъ иллюстраціяхъ, иныя изъ нихъ описаны и у Ровинскаго. Таковы лицевые символъ вѣры, молитва Господня, Апокалипсисъ, сложныя по композиціи пространныя хромолитографіи. Наконецъ, такіе листы, какъ большая хромолитографія 1902 г., изданная Щегловымъ, на старинную тему давидовскаго псалма: «Всякое дыханіе да хвалитъ Господа».

Стариною вѣетъ и отъ нравоучительныхъ картинъ въ родѣ «Описанія двухъ путей: 1-й путь—трудолюбіе—приводитъ къ Богу, 2-й, веселый—приводитъ до ада вратъ». Въ центрѣ картины рядъ символовъ: душа человѣческая съ обнаженнымъ сердцемъ, проколотымъ кинжаломъ, одною ногою на огнѣ. Вверху царство небесное въ видѣ города съ садами и каменными стѣнами. Изъ облаковъ спускается рука правосудія съ вѣсами, на нихъ правда перетягиваетъ неправду; духъ святой въ образѣ голубя; тутъ же пѣтелъ апостола Петра, сѣкира у корня дерева, орудія страданій Христа, мѣшокъ съ 30-ю сребрениками, кости и т. п. По сторонамъ картины изображены самые пути: слѣва путь «тернистый, узкій и прискорбный, вводяй въ царство небесное», въ видѣ множества сценъ, не всегда вразумительныхъ, напр., воздержаніе изображаютъ два какихъ-то господина съ двумя дамами; справа, также въ видѣ сценъ «широкій и просторный путь, ведущій въ геену огненную», и здѣсь аллегоріи довольно странныя: еретичество изображаетъ, напр., старикъ въ мантіи и съ колпакомъ на головѣ, мѣшающій какое-то облако на пылающемъ треножникѣ, очевидно, волшебникъ. Въ правомъ углу внизу адъ съ сатаною, на рукахъ котораго Іуда, въ лѣвомъ—вверху изображенъ Спаситель съ крестомъ и стихотвореніе Ѳ. Глинки: «Пріиди ко мнѣ страждущій». Общій характеръ картины крайне резонерскій и моралистическій. Въ томъ же духѣ резонерской морали составлены ведущія отъ XVIII-го вѣка свое начало двѣ дополняющія другъ друга картины, составленныя іеромонахомъ Антоніемъ: «Жизнь и пути грѣшника» и «Жизнь и пути праведника», двѣ картины—«Древо добра» и «Древо зла», старинныя «Ступени человѣческаго житія», постоянно подновляемыя, и др.

Здѣсь же можно упомянуть объ издаваемыхъ, для назиданія православныхъ, видахъ монастырей Афонскаго (старинная, наивная по рисунку

картина), Кіевопечерской, Троицкой лавры и др., видахъ Іерусалима, портретахъ о. Іоанна Кронштадтскаго и т. п.

Кромѣ картинъ духовно-нравоучительныхъ, за послѣдніе годы издавались нравоучительныя картины и болѣе свѣтскаго характера, въ родѣ «Русскія пословицы въ лицахъ», «Ученье свѣтъ, а неученье тьма» и т. п. Всѣ онѣ не идутъ дальше плохихъ попытокъ изобразить въ лицахъ прописную мораль, по которой порокъ наказывается, добродѣтель торжествуетъ. Въ томъ же духѣ прописной морали и картины о вредѣ пьянства, напр., огромная хромолитографія Морозовыхъ: «Пьянство есть корень зла», изображающая приготовленіе водки страшными бѣсами и нѣсколько сценъ раззоренія, обнищанія, убійства и питья до зеленаго змія. Недурная хромолитографія издана Сытинымъ подъ названіемъ «Первый винокуръ»; подпись вкратцѣ передаетъ извѣстный разсказъ Л. Толстого. Болѣе бытовой характеръ носятъ листы «Хмель-вино» и «Кабатчикъ и винное зелье», рисунки въ манерѣ каррикатурныхъ журналовъ; второй листъ иллюстрируетъ стихотвореніе, подражающее Некрасову: «Благодать у насъ сторонушка», и передающее подвиги кабатчика, разорившаго деревню. Казенной винной монополіи народные листы, конечно, не касаются... Если упомянуть еще о вполнѣ хорошихъ листахъ, изданныхъ въ 80-хъ годахъ Сытинымъ, въ родѣ «Ильяса» (текстъ Л. Толстого, рисунокъ художника Кившенка) и царя Кануты (рис. Коха) и не привившихся, по простотѣ и несложности ихъ содержанія, несмотря на серьезность и глубину идеи, то на этомъ можно и закончить обозрѣніе духовныхъ и нравоучительныхъ листовъ.

Въ общемъ, настоящая группа народныхъ картинъ краснорѣчиво говоритъ о томъ, какъ медленно измѣняются въ этой области народныя воззрѣнія, самая грубая и наивная чертовщина крѣпко держится за старые корни, и иллюстрація, художественно воспроизводящая библейскія событія и образы въ ихъ нравственномъ величіи и значеніи, или, наконецъ, дающая самостоятельную обработку той или другой идеи, прививается съ трудомъ.

Картины историческаго содержанія.

Картины историческаго характера очень обильны. Въ старину онѣ выходили только въ ознаменованія текущихъ событій, замѣняя собою до нѣкоторой степени газеты. Въ настоящее время довольно много печатается и находится въ обращеніи картинъ, воспроизводящихъ не только выдающіяся событія современности, но кое что и изъ старой русской исторіи. Крещеніе Руси, Куликово поле (мамаево побоище—одинъ изъ любимыхъ старыхъ сюжетовъ), покореніе Казани, покореніе Сибири, смерть Сусанина и немногіе другіе моменты русской исторіи нынѣ прочно усвоены лубочной картиной. Является даже возможность

подобрать для школъ цѣлую серію крайне дешевыхъ картинъ по русской исторіи, конечно, очень эпизодическую и анекдотическую, притомъ преобладать будутъ сюжеты чисто военные. Картины изъ русской исторіи (серія нѣсколькихъ листовъ по 8 картинокъ на каждомъ) выпущены хромолитографіей Соловьева въ 1899 г. Въ большинствѣ случаевъ историческіе листы печатаются, однако, безъ всякой системы, по капризу издателя и по требованію на батальныя картины новѣйшаго времени. Насколько историческіе листы чужды подлинной исторіи, достаточно сказать, что Петръ Великій, напр., представленъ въ плохихъ изображеніяхъ въ полтавской битвѣ, какъ иллюстрація къ солдатской пѣснѣ «Было дѣло подъ Полтавой», да въ анекдотахъ, въ родѣ преданія о томъ, какъ солдатъ спасъ жизнь Петра Великаго, и т. п. Засимъ картины дѣлаютъ скачокъ къ Суворову и къ 1812 году, но старые сюжеты большею частью подновлены, и давно почти нѣтъ въ продажѣ тѣхъ героевъ 12 года, которые въ свое время украшали стѣны въ домахъ гоголевскихъ типовъ, потомъ перешли къ крестьянству и которыхъ въ некрасовской «ярмаркѣ» («Кому на Руси жить хорошо») требовали офени: «чтобъ были настоящіе, потолще, погрознѣй... Передъ крестьяниномъ всѣ генералы равные, какъ шишки на ели: чтобы продать невзрачнаго, попасть на доку надобно, а толстаго да грознаго я всякому всучу»... Изъ генераловъ въ настоящее время въ почетѣ развѣ только «бѣлый» генералъ Скобелевъ, любимый народный герой русско-турецкой войны 1877 г. Батальныя картины этой войны, Шипка, Плевна, Карсъ и др., только на время были заслонены новыми батальными листами и печатаются изъ году въ годъ снова и снова: очевидно, особенно памятна осталась эта война до нашихъ дней.

Побѣды американцевъ надъ испанцами на морѣ (немного картинъ), буровъ надъ англичанами и, наконецъ, русско-китайская война составляютъ вмѣстѣ съ турецкою войною содержаніе новѣйшихъ листовъ въ честь Марса. Пошибъ этихъ картинъ одинъ: взрывы бомбъ, клубы дыма, кровь. Шаблонное ультрапатріотическое содержаніе картинъ, прославляющихъ подвиги русскаго оружія, соотвѣтствуетъ вполнѣ той оффиціальной народности, которая вообще въ немалой дозѣ проникаетъ историческіе листы. Даже Благовѣщенскъ, такъ печально ознаменовавшій себя потопленіемъ мирныхъ китайцевъ, послужилъ поводомъ для патріотической лубочной картинки, изображающей «геройскіе подвиги русскихъ женщинъ при оборонѣ города Благовѣщенска».

Нѣсколько больше интереса, чѣмъ эти шаблонно кровавыя патріотическія иллюстраціи, представляютъ политическія каррикатуры, иллюстрировавшія англо-бурскую и русско-китайскую войну. Источникъ этихъ каррикатуръ газеты, но, кажется, и сами рисовальщики постарались, не ограничиваясь чужими остротами.

На каррикатурахъ изъ англо-трансваальской войны мы видимъ, напр., «Прогулку англійскихъ министровъ въ Южную Африку»: Чэмберлена,

Сольсбери и Бальфура везутъ на себѣ въ кебѣ англійскіе генералы; на другой каррикатурѣ Гатэкръ, Метуэнъ и Буллеръ во всѣ лопатки удираютъ впереди англійскихъ войскъ отъ выстрѣловъ буровъ; на третьей видимъ «стуколку»: Буллеръ и Робертсъ уклоняются отъ игры, которую имъ предлагаетъ Крюгеръ и Жуберъ, и т. д.

Болѣе обильны и разнообразны каррикатуры изъ русско-китайской войны. «Сонъ китайца» изображаетъ пробужденіе китайца въ постели, на которую забрались съ ружьями и пушками европейцы: «въ испугѣ машетъ онъ руками, а тутъ свои же «кулаки» грозятъ мятежно кулаками». Народная каррикатура больше всего трунитъ надъ державами, съ разныхъ сторонъ норовившими потрепать сына неба. «Веселая поѣздка» изображаетъ огромнаго китайца на четверенькахъ, на спину котораго взобрались, играя въ лошадки, европейцы. «Нѣмецъ его къ образованію да развитію кличетъ, а самъ по затылку ружьями тычетъ», и т. д. На каррикатурѣ «Бѣдный простофиля-китаецъ» изображено, какъ у бѣснующагося китайца висятъ на косѣ европейцы. Довольно плохія вирши подъ каррикатурой кончаются такъ: «Китаецъ, не вертись ты такъ и сякъ, ушами длинными хитро не хлопай! Европѣ тычешь ты дурацкій свой «кулакъ»—попробуй же и кулака Европы!» За каррикатурой, изображающей бѣгство императрицы съ мандаринами изъ Пекина, слѣдуетъ каррикатура, изображающая, какъ европейцы приглашаютъ императора снова занять тронъ въ Пекинѣ «Спрятался онъ между лѣса да горъ и желаетъ вести оттуда свой разговоръ. «Ничего, говоритъ, безъ меня старичокъ складнѣе уладитъ!..» Его зовутъ въ Пекинъ да кличутъ, скоро, пожалуй, подымутъ вой: ты, поди, дескать, коровушка, домой»... Переговоры о мирѣ вызвали, между прочимъ, каррикатуру подъ заголовкомъ: «Китайскій вопросъ (совѣщаніе у больного Ли-Хунгъ-Чанга)». Европейцы въ мундирахъ окружаютъ больного Ли-Хунгъ-Чанга. Въ подписи, между прочимъ, читаемъ: «Вотъ ни живъ, ни мертвъ лежитъ длинноволосый, съ виду раскосый; прозывается Ли-Хунгъ-Чанъ... Хорошо бы его съ солониною въ чанъ. А тонкая штука! Раскуси-ка его, ну-ка!.. Вокругъ собрались дѣльцы,—европейцы-удальцы, думаютъ крѣпкую думу, какъ бы помочь желтому куму». И далѣе слѣдуетъ во вкусѣ раешниковъ характеристика европейцевъ.

Особая каррикатура посвящена Чэмберлену и Ли-Хунгъ-Чангу, между которыми происходитъ соглашеніе на томъ, что Ли-Хунгъ-Чангъ находитъ «общую черту». *Чэмберленъ:* Какую же? Распутайте же путы!..— *Ли-Хунгъ-Чангъ*: Почтенный Чэмберленъ, мы оба съ вами... (читателю предоставляется самому найти нехитрую риѳму къ слову «путы»). Какъ бы то ни было, переговоры кончились миромъ, и народная иллюстрація живописуетъ россійскихъ и иныхъ храбрыхъ воиновъ празднующими миръ въ китайскомъ «чайномъ домѣ» и отплясывающими трепака съ китайцами. Вся же китайско-русская война является въ видѣ лицевой сказки объ

«англичанинѣ, китайцѣ и Акимѣ-мужикѣ», представляющей отчасти пародію на «Рыбака и рыбку». Китаецъ поймалъ неводомъ англичанина, который обѣщалъ выкупъ: «банки открою, дорогу построю». За англичаниномъ набралась орава иностранцевъ. Побѣжалъ китаецъ къ старухѣ. «Какъ и тутъ-то старуха взбѣленилась, «большіе кулаки» свои сжала и велитъ она бить всѣхъ иностранцевъ... Какъ и тутъ-то китайцы взбушевались: бьютъ съ плеча, рубятъ и рѣжутъ... и виновнаго, и праваго на колъ сажаютъ. Поглядѣлъ русскій, зипунъ сбросилъ, а какъ сбросилъ, тряхнувши руками, сталъ наукѣ учить онъ китайца (на картинѣ русскій мужикъ подбиваетъ носъ китайцу). Поучилъ малость, говоритъ: «довольно!» За руку взялъ... «Ну, пойдемъ, косоглазый, по-сусѣдски чайку съ тобой пары двѣ выпьемъ!.. А вы, господа европейцы, дѣлежъ себѣ чините, только, чуръ, межъ собой не кусаться!» (Русскій ведетъ китайца въ трактиръ «Кяхта»).

Въ этомъ же разрядѣ картинъ историческихъ необходимо упомянуть объ иллюстраціяхъ событій внутренней жизни Россіи. Болѣе всего слѣдитъ народная иллюстрація за такими явленіями, какъ коронація, открытіе памятника Александру II, маневры въ Курскѣ и другія событія въ томъ же родѣ. Другія событія внутренней жизни становятся достояніемъ народной иллюстраціи лишь въ исключительномъ случаѣ. Здѣсь же остается упомянуть о портретахъ царствующаго монарха и его семьи, о любимой картинѣ съ изображеніемъ «правителей всѣхъ странъ» и т. п.

Изъ всего изложенаго достаточно видно, что народная иллюстрація въ области историческихъ явленій овладѣла только чисто внѣшними событіями, освѣщая ихъ большею частью крайне тенденціозно и традиціонно. Напримѣръ, сколько ужъ времени мы состоимъ въ союзѣ съ французомъ, а простонародная картинка знать не хочетъ «сердечной связи» двухъ народовъ и повторяетъ о французѣ: «видомъ не густъ, головой и характеромъ пустъ, живетъ, какъ птенчикъ, вмѣсто головы—бубенчикъ», совершенно такъ же, какъ говорилось въ старинной иллюстраціи: «французъ—веселая голова, живетъ спустя рукава; дымомъ грѣется, шиломъ брѣется; сытъ крупицей, пьянъ водицей».

Пѣсни.

Въ области народной картины народная лирическая пѣсня появляется сравнительно недавно, отвоевывая себѣ мѣсто у искусственной пѣсни, которая, исчерпавъ интересъ къ себѣ въ высшихъ слояхъ, спустилась отъ господъ въ дворню и стала такимъ путемъ и путемъ народной картинки народнымъ достояніемъ. Пересматривая огромный запасъ «сорта» пѣсенъ, мы въ самомъ дѣлѣ то и дѣло натыкаемся на произведенія, которыя въ свое время пѣлись нашими отцами и дѣдами. Распространеніе картинъ на темы пѣсенъ тѣмъ любопытнѣе, что оно—

явленіе сравнительно новое; по крайней мѣрѣ, Ровинскій, въ своемъ изслѣдованіи, обнявшемъ нѣсколько тысячъ картинъ, не описалъ ни одной картины на тему русской лирической пѣсни, если не считать двухъ-трехъ солдатскихъ. Такое позднее появленіе пѣсни въ народной иллюстраціи, вѣроятно, приходится объяснить тѣмъ, что сами рисовальщики, выходцы изъ народа, были равнодушны или не считали достойными вниманія простонародныя, «подлыя», какъ выражался изысканный литературный высшій стиль, пѣсни, а «не подлыя»—подражательные романсы—только съ начала XIX-го вѣка стали составлять замѣтную величину въ русской народной поэзіи и уже позднѣе проникать въ иллюстраціи.

«Пѣсни» печатаются на полулистахъ и довольно разнообразны по качеству рисунка, отъ грубой мазни и пошлаго текста до болѣе или менѣе правильнаго и выдержаннаго рисунка и текста литературнаго и вполнѣ приличнаго. Появленіе пѣсни въ картинахъ лучшее мѣрило ея популярности. Источникъ пѣсенъ большею частью лубочные пѣсенники, издаваемые Никольскимъ рынкомъ, тексты нерѣдко перевираются и искажаются. Изъ старыхъ и въ старинномъ вкусѣ сентиментальныхъ романсовъ въ пѣсенныхъ листахъ можно встрѣтить «Вотъ мчится тройка удалая», «Безумную» («Зачѣмъ ты, безумная, губишь»), Серенада («Накинувъ плащъ»), «Что затуманилась, зоренька ясная?», «Глядя на лучъ пурпурнаго заката», «Чудный мѣсяцъ» и др. Въ этомъ же числѣ попадаются и произведенія болѣе извѣстныхъ авторовъ, большею частью безъ имени ихъ: Кольцова «Осѣдлаю коня» и др. пѣснь цыганки Я. Полонскаго («Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ»), «Подъ вечеръ осенью ненастной» и «Русалка» Пушкина и т. д. Рядомъ съ романсомъ идутъ цыганскія пѣсни, въ родѣ «Ахъ, Москва, Москва», пѣсня Торопки изъ «Аскольдовой могилы» «Близко города Славянска» (иллюстрировано въ листъ также нѣсколько сценъ этой оперы) и безчисленное множество трактирныхъ пѣсенъ въ родѣ «Когда я былъ свободный мальчикъ», повѣствующая, какъ пѣвецъ «сбился съ правильной пути», «Перстенекъ золотой» (съ такимъ, между прочимъ, куплетомъ: «Если вы хотите красотку полюбить—полный кошелечекъ денегъ припасите»), частушка «Машина—моему горю причина» («Распроклятая машина моего друга утащила», «Что ты, другъ мой, лицемѣришь? Я люблю, а ты не вѣришь!», «Наскочила я на доку, нынѣ нѣтъ въ мужчинахъ проку» и т. д.), «Маргарита» («Маргариточка-цвѣточекъ пышно въ полѣ расцвѣла») и проч. Много старинныхъ пѣсенъ въ полународномъ жанрѣ, въ родѣ шереметевской: «Вечеръ поздно изъ лѣсочка», «Вечеркомъ красна дѣвица», «Я на горку шла», «Травушка, муравушка», «Ужъ ты садъ ли, мой садъ», «Ванька ключникъ», «Внизъ по Волгѣ рѣкѣ» и т. д. Любопытная черта множества этихъ картинъ на темы полународныхъ пѣсенъ въ томъ, что является въ нихъ героемъ, по которомъ страдаетъ сердце дѣвицы, либо парень въ костюмѣ браваго петербургскаго дворника, или, еще чаще, неотра-

зимый франтъ въ барскомъ костюмѣ и верхъ изящества—съ пенснэ на носу. Нѣкоторые сами по себѣ недурные тексты пѣсенъ крайне опошлены такимъ трактованіемъ сюжета. Въ нѣкоторыхъ листахъ герои пѣсенъ являются въ боярскихъ костюмахъ, конечно, весьма условныхъ. Послѣднее время въ модѣ малороссійскія пѣсни, печатается много солдатскихъ, но все въ болѣе или менѣе грубомъ и шаблонно-пестромъ стилѣ. Особенно плохи листы Пурецкаго, Щеглова, Соловьева; морозовскіе—приличнѣе. Изъ всего огромнаго сорта пѣсенъ удовлетворительными можно признать развѣ только серію хромолитографій И. Сытина, изданную въ 1897 г. Это рядъ пѣсенъ съ текстами, взятыми изъ хорошихъ сборниковъ, съ рисунками, принадлежащими какому-то хорошему рисовальщику. Они сдѣланы въ условно нарядномъ народномъ стилѣ, на нѣкоторыхъ боярскіе костюмы и сарафаны, но рисунокъ вполнѣ правильный и большею частью тона подобраны удачно. Въ этой серіи имѣются такія прекрасныя пѣсни, какъ «Матушка, что въ полѣ пыльно», «Ивушка», «Что цвѣли-то цвѣли въ поле цвѣтики» и друг.; шуточныя: «Какъ подъ яблонькой подъ той», «Задумалъ Теренька жениться». Крестьянскіе типы въ этихъ картинахъ вполнѣ выдержаны, листъ съ картинками про Тереньку полонъ настоящаго юмору. Можно только пожалѣть, что въ народной иллюстраціи такъ рѣдки подобные удачные листы.

Сказки и картины анекдотическаго содержанія.

Сказки и нѣкоторыя картины анекдотическаго содержанія, наравнѣ съ нѣкоторыми листами духовнаго содержанія, наглядно показываютъ, до какой степени устойчивы иногда народные вкусы. Наиболѣе часто попадаются печатаемые вполнѣ въ стилѣ старыхъ сказокъ слѣдующіе листы: 1) Славный, сильный и храбрый витязь Еруслань Лазаревичъ ѣдетъ на чудѣ великомъ—змѣѣ о трехъ головахъ, а прекрасная царевна Анастасія Вахрамѣевна встрѣчаетъ его. 2) Славный, сильный и храбрый Бова-королевичъ поражаетъ Полкана-богатыря. 3) Сильный храбрый богатырь Илья Муромецъ поражаетъ Соловья-разбойника. 4) Сильный, славный и храбрый богатырь Иванъ-царевичъ ѣдетъ на сѣромъ волкѣ, везетъ жаръ-птицу и Елену прекрасную на златогривомъ конѣ, наконецъ 5) славный, сильный и храбрый воинъ Аника. Къ этимъ сказкамъ хромолитографія придала однѣ яркія краски, въ неприкосновенности сохранивъ сюжетъ, типы лицъ и костюмовъ (рыцарскіе) и наивные пріемы рисунка; такъ, на ходовой картинкѣ объ Ильѣ Муромцѣ Илья въ большомъ видѣ стрѣляетъ въ Соловья, предъ глазомъ котораго отчетливо нарисована летящая стрѣла, и тутъ же Илья на конѣ, но въ уменьшенномъ видѣ волочетъ Соловья по землѣ; на картинкѣ объ Аникѣ убитый Аника лежитъ тутъ же у ногъ Смерти подъ собственнымъ конемъ. Въ противоположность этимъ устойчивымъ сю-

жетамъ, сказки, извлеченныя изъ сборниковъ народныхъ сказокъ Аѳанасьева и др.—о лисицѣ и волкѣ, о Снѣгурочкѣ, о Василисѣ прекрасной, о Ѳомѣ Беренниковѣ, объ умномъ Лутонѣ, о солдатѣ и чертяхъ и т. п., со сносными иногда рисунками, изданныя разными издателями, правда, расходятся, но далеко не такъ, какъ эти привычные сказочные листы. Среди обработокъ старыхъ сюжетовъ нельзя не упомянуть прекрасныхъ эффектныхъ хромолитографій, рисованныхъ М. Микѣшинымъ, Илья Муромецъ и разбойники и Алеша Поповичъ. Можетъ быть, надо объяснить неровный успѣхъ обработокъ подлинныхъ народныхъ сказокъ тѣмъ, что въ старыхъ лицевыхъ сказкахъ больше чего-то романтическаго, увлекающаго, чѣмъ въ сказкахъ, напр., о звѣряхъ, которыя носятъ чисто бытовой характеръ.

Сказочный характеръ носятъ и такія печатныя произведенія, какъ, напр., огромная хромолитографія Стрѣльцова «Сновидѣнія въ картинахъ». Когда-то въ народной иллюстраціи подобные листы, сонники, календари и т. п. занимали много мѣста. Видно и до сихъ поръ кому-то нужны такіе лицевые сонники съ таблицей дней отъ новолунія (1-й—справедливость и счастье, 2-й—сбудется скоро, 3-й—пустой сонъ и т. д.) и съ такими толкованіями: абрикосы видѣть во снѣ предвѣщаетъ обманъ, ананасы—успѣхъ въ дѣлахъ, амазонку—измѣну женщины, альбомъ—счастье и т. д. Эта замѣчательная картина издана въ новой редакціи для начала XX-го вѣка (цензурное дозволеніе 10-го января 1901 г.).

Обращаясь къ листамъ анекдотическаго содержанія, прежде всего приходится отмѣтить многочисленныя лѣтнія и зимнія погребенія кота мышами. Какъ извѣстно, картина представляла сатиру на погребеніе Петра Великаго, но въ настоящее время память объ этомъ совершенно утерялась. Въ одномъ изъ изданій «Небылицы въ лицахъ» Сытина (1899 г.) подпись подъ картиной носитъ еще слѣды политическихъ намековъ: «Знатная мышь криночница пришла напослѣдокъ коту послужить, на *чухонскія* дровни его взвалить... *Мышь съ Дону изъ убогаго дому* на гармоникѣ играетъ, доброе житье безъ кота возвѣщаетъ...» Подъ другими изданіями подписи уже совершенно переиначены; у Соловьева (1899 г.) текстъ подъ картиной описываетъ охоты кота на мышей и его смерть, оканчиваясь довольно неожиданно :мыши «такъ кутили, пировали, что съ похмелья захворали; похмеляться было нечѣмъ; горевали всѣ не мало, что вина имъ не достало: съ горя чуть не утопились, до водой опохмелились. Недаромъ сказано давно, что все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно».

Подобно погребенію кота въ народной иллюстраціи не перестаетъ подновляться множество старыхъ анекдотическихъ сюжетовъ, попадающихъ на потѣшные листы изъ лубочныхъ книжекъ, изъ обиходнаго анекдота, а также изъ юмористическихъ журналовъ послѣдняго времени. Женское любопытство вышучивается въ очень старомъ меж-

дународномъ анекдотѣ о дядѣ Пахомѣ и женѣ его Матренѣ; помѣщикъ подслушалъ, какъ они судачили надъ Адамомъ и Евой, приглашаетъ ихъ на житье къ себѣ, пить-ѣсть вволю, съ тѣмъ только, чтобы не трогать закрытаго блюда; они, конечно, не удержались, заглянули, изъ блюда выскочилъ мышонокъ, и за непослушаніе баринъ прогоняетъ ихъ. Былина о «мужѣ Терентіи Даниловичѣ» повѣствуетъ, какъ гусляры научили вылечить его жену ременной плеткою. «Урокъ мужьямъ мужикамъ деревенскимъ бѣднякамъ и женамъ щеголихамъ» (изд. 1899 г. М. Соловьева) воспроизводитъ картину начала прошлаго вѣка, описанную Ровинскимъ (I, № 286); текстъ подъ картиной сохраненъ со стариннаго листа съ незначительными сокращеніями, то же и содержаніе: баба упросила мужа продать лошадь и корову, купить ей обнову. «Баба сарафанъ надѣла, взявъ свирѣлку засвистѣла, стала козу забавлять, и коза пошла плясать»; зимою мужъ поѣхалъ за дровами уже на женѣ, что и изображено на картинѣ. Далѣе повторенъ въ картинахъ древній анекдотъ о поварѣ, который полакомился ногою журавля и увѣрялъ, что у журавлей всегда одна нога; господинъ ведетъ его въ поле, гдѣ вспугиваетъ журавлей, стоявшихъ на одной ногѣ, такъ что стало видно, что у нихъ двѣ ноги; «вы бы во время стола шухнули, можетъ быть, журавль и другую ногу протянулъ бы», говоритъ поваръ. Ѳома и Ерема, образцы деревенской простоты, фигурируютъ на новѣйшихъ картинахъ пошиба юмористическихъ журналовъ (непропорціонально огромныя головы), въ нѣсколькихъ сценахъ, съ виршами въ родѣ: «Въ кабакѣ на пятачекъ промочили глотку. Взялъ Ерема челночокъ, а Ѳома-то лодку. Молвитъ: «Будетъ жизнь красна, дай намъ только сроку!» Челночокъ-то безо дна, лодка-то безъ боку. Плылъ Ерема—потонулъ, не сыскавши броду, да и Ѳомку утянулъ за собою въ воду». «Голубая корова» высмѣиваетъ бабу, у которой маляръ выкрасилъ корову, такъ что баба бросила ее, принявъ за чорта, а маляръ корову увелъ. Въ томъ же духѣ грубоватаго юмора обработаны анекдоты о больной коровѣ (мужикъ, не понявъ сосѣда, лечившаго корову скипидаромъ, опоилъ имъ свою корову, бранитъ сосѣда, тотъ отвѣчаетъ: «моя околѣла тоже»), о шампанскомъ (мужика, потребовавшаго шампаней, кабатчикъ опоилъ помоями), о цыганѣ (надулъ мужика, продалъ ему его собственную лошадь, выкрасивъ ее въ вороную масть), ходячіе анекдоты о жидѣ (евреи же въ каррикатурномъ видѣ фигурируютъ на картинѣ, иллюстрирующей пѣсню «Запрягу я тройку борзыхъ», или въ пѣснѣ, въ которой изображается, какъ «вдоль да по бережку, вдоль да по крутому Мовша съ Хаичкой идетъ»), о малороссахъ, которыхъ проводитъ хитрый москаль («Москалево долото» и «Черный волъ») и т. д. Похожденія пошехонцевъ, всѣмъ извѣстныя, конечно, не могли быть обойдены народной иллюстраціей. Попалъ на картину и солдатъ Хрѣновъ изъ солдатской пѣсни «Деревенскіе мужики, они просто дураки—невѣжи!» Пѣсня, очевидно, по

цензурнымъ соображеніямъ въ концѣ передѣлана: въ пѣснѣ—поручикъ, которому на табачный духъ пришла жаловаться старухѣ, «разсудилъ—двѣсти палокъ закатилъ—старухѣ!»; картинка смягчаетъ грубо-солдатскій жанръ и поручикъ миритъ Хрѣнова со старухой. Въ жанрѣ «Московскаго Листка» высмѣиваетъ народная иллюстрація и купецкіе нравы, напр., въ листѣ «Богачъ-купецъ» (грубое обхожденіе, чаепитіе, кутежи, скандалы въ домѣ). Въ подражаніе старинным «росписямъ приданаго» имѣется въ народной иллюстраціи «Роспись приданаго для молодчика удалого, молодого Китъ Китыча—сына Ксенофонта Микитича отъ невѣсты Акулины толстолицы, купчихи Брюховской съ четвертой Рогожской». На центральной картинѣ сваха читаетъ молодому Китъ Китычу роспись приданаго: «1 платье море-моръ съ Воробьевыхъ горъ...» Въ подписи слѣдуетъ роспись подробно, напр.: «фарфоровая посуда, только побила кухарка-паскуда! Осталось полъблюдечка, да отъ чашки ручечка, отъ чайника крышка да печная задвижка... Есть комодъ изъ орѣха, посединѣ прорѣха, столъ въ три ножки да двѣ сѣрыя кошки...» и т. д. Въ заключеніе представленная въ соотвѣтственныхъ рисункахъ «родня у ней милая,—корявая и сивая... Есть двѣ золовки молодки—охотницы до водки, да три тетки—старухи—любительницы сивухи... Будешь жить весело!» Еще каррикатуры простонароднаго пошиба высмѣиваютъ «худое домостроительство» старинныхъ листовъ, стариковъ, женившихся на молоденькихъ. «Ты смотри, я сталъ, какъ шкура, этакъ вся моя фигура истомится», жалуется на одной подобной каррикатурѣ тощій Климъ Герасимычъ Микстура (повидимому, персона изъ стариннаго водевиля) предъ полною Домной; тутъ же собака ссорится съ кошкой, знаменуя супруговъ. На другой подобной картинѣ старый чиновникъ съ горя поетъ: «усы, мои усики перестали виться» и напивается до-пьяна въ то время, какъ жена дѣлаетъ себѣ предъ зеркаломъ папильотки.

Все это довольно наглядно характеризуетъ грубоватый народный юморъ, часто безпредметное зубоскальство, которое останавливается на внѣшнемъ первобытномъ комизмѣ, не заглядывая внутрь явленія. Но все это тѣмъ не менѣе представляетъ извѣстный интересъ хотя бы для характеристики свойствъ народнаго юмора. Нельзя того же сказать о множествѣ якобы юмористическихъ картинъ, преемниковъ старинныхъ «макароническихъ». Женской бани, любимаго сюжета старинной иллюстраціи, въ современныхъ картинахъ не изображается, зато имѣется много довольно скверно рисованныхъ и грубо расцвѣченныхъ красавицъ, живо напоминающихъ красотокъ съ самокатовъ, не мало полунагихъ жирныхъ велосипедистокъ, имѣются изображенія сценъ въ загородныхъ ресторанахъ, маскарадовъ (двѣ распространенныхъ картинки—франтъ укаживаетъ за маскою, которая въ кабинетѣ оказывается его женою), сценъ за кулисами (балерина, напр., любезничаетъ со старикомъ мышинымъ жеребчикомъ, на нихъ смотритъ изъ-за

двери молодой саврасъ), и т. д. Сытинъ выпускаетъ эту пошлость взятую большею частью, видимо, изъ заграничныхъ иллюстрированныхъ уличныхъ изданій, наравнѣ съ вполнѣ хорошими иллюстраціями: потребитель все раскупитъ.

Впрочемъ, здѣсь же умѣстно упомянуть о различныхъ юмористическихъ картинахъ невиннаго или безразличнаго содержанія также заграничнаго происхожденія. Таковы, напр., картинки, изображающія купца, торговавшаго на наличныя, отъѣвшагося и считающаго груды денегъ, и другого, торговавшаго въ кредитъ и накопившаго одни счета; картины жанрового содержанія въ родѣ горе-охотниковъ, испугавшихся кабана, сцены изъ дѣтской жизни и жизни животныхъ, изображенія кошечекъ, мышекъ, куръ и т. п., подходящія для дѣтей.

Картины описательнаго характера.

Въ эту группу народной иллюстраціи войдетъ сравнительно немного картинъ; сюда мы относимъ картины, воспроизводящія жизнь другихъ странъ и народовъ, быть различныхъ концовъ Россіи и т. п. Къ сожалѣнію, этого рода листовъ крайне мало. Старинная народная картинка знала всякія дива и чуда, путая съ дѣйствительностью птицъ сириновъ и алконостовъ, дивіихъ людей и невѣдомыя страны. Теперь явныхъ нелѣпостей о другихъ государствахъ и чудахъ невѣдомыхъ не печатается, но зато нѣтъ еще и сколько-нибудь внимательнаго отношенія къ чуждымъ природѣ и быту. Есть только виды городовъ Европы, преимущественно столицъ, болѣе или менѣе скверно хромолитографированные, попадаются чудно́ расцвѣченные виды въ родѣ изверженія Везувія или знаменитыхъ землетрясеній. Наконецъ, есть цѣлая серія охотъ—охота на львовъ, очень старинная и наивная по рисунку, и въ подражаніе ей пестро размалеванныя охоты на слоновъ, тигровъ, жирафовъ, страусовъ, дикихъ лошадей, волковъ и т. п. Сколько-нибудь серьезнаго и касающагося серьезныхъ сторонъ иноземной жизни освѣщенія нельзя пока искать въ нашей народной иллюстраціи. Хорошо, если иногда попадутъ въ коробъ офени иллюстраціи, предназначенныя для школъ и знакомящіи съ типами народовъ и т. п. Немудрено, что такъ крѣпко держится въ той же народной иллюстраціи старое враждебно-насмѣшливое отношеніе ко всему нерусскому.

Русскіе писатели.

Изъ произведеній русскихъ писателей народная иллюстрація, какъ мы уже упоминали, прежде всего усвоила кое-что изъ «пѣсенъ». Большинство картинъ этого рода, однако, совершенно игнорируютъ авто-

ровъ и произведенія ихъ идутъ въ народъ подъ флагомъ «народныхъ» пѣсенъ. Къ числу такихъ признанныхъ народными произведеній принадлежитъ прежде всего не мало старинныхъ романсовъ, принадлежатъ пѣсни Кольцова: «Хуторокъ» (много изданій), «Осѣдлаю коня», «Я любила его» и др. Чѣмъ раньше извѣстная пѣсня вошла въ кругъ народной иллюстраціи, тѣмъ большею частью шаблоннѣе и безвкуснѣе она иллюстрирована. Жуковскій далъ народной иллюстраціи «Трехъ путниковъ» («Въ свой край возвратяся изъ дальней земли»). Также безъ имени поэтовъ попали въ картины изъ болѣе новыхъ Никитинъ («Пѣсня бобыля» въ разныхъ изданіяхъ), Суриковъ («Доля бѣдняка»), Полонскій («Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ»). Болѣе поздняго и болѣе удачнаго воспроизведенія рядъ басенъ Крылова (хорошія хромолитографіи Сытина). Наконецъ, юбиляри Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Некрасова дали толчокъ эксплуатаціи ихъ произведеній какъ лубочными издателями, такъ и картинщиками. Болѣе всего посчастливилось Пушкину, изъ котораго часто попадаются въ народной иллюстраціи, давно перешедшіе въ лубочные листы «Подъ вечеръ осенью ненастной» и «Русалка» и недавняго происхожденія баллады «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ», «Утопленникъ» и «Гусаръ», сказки: «Царь Салтанъ» и «Русланъ и Людмила», «Полтава» и «Барышня-крестьянка». Все это исполнено большею частью довольно скверно, картины изъ произведеній надерганы случайно, текстъ искаженъ и т. п. Часто не картина иллюстрируетъ текстъ, а наоборотъ, извѣстные стихи комментируютъ случайную картину. Лермонтову особенно не посчастливилось: чудные лирическія вещи его попали подъ изображенія размалеванныхъ красавицъ («Какъ мальчикъ кудрявый рѣзва», «Какъ лучъ зари» и др.) Имѣется еще аляповатое «Бородино» (разсказываетъ старый солдатъ) и верхъ безобразія по содержанію рисунка иллюстрація на чудный текстъ «Тамары». Здѣсь Тамара изображена, въ видѣ какой то турчанки, въ необъятныхъ шароварахъ, отплясывающею неистовый танецъ съ воиномъ, въ одной рубахѣ и подштанникахъ; тутъ же воина рѣжетъ евнухъ въ чалмѣ съ зеленымъ колпакомъ и тащитъ его за ноги въ воду. Точно кто-то нарочно глумился и надъ Лермонтовымъ, и надъ покупателемъ народной иллюстраціи. Попадается еще подъ изображеніемъ молящихся дѣтей стихотвореніе Лермонтова «Въ минуту жизни трудную». Изъ Гоголя, какъ частью и изъ Пушкина, народная иллюстрація, беретъ чертовщину. Есть кузнецъ Вакула, ѣдущій на чортѣ. Въ память 50-лѣтія со дня смерти Гоголя Соловьевъ выпустилъ листъ съ портретомъ Гоголя и тремя сценами; изъ «страшной мести» (чудный всадникъ бросаетъ колдуна мертвецамъ), изъ «Майской ночи» (русалки) и изъ «Заколдованнаго мѣста» (дѣдъ у костра съ нечистою силою, разрисованною во всемъ блескѣ роговъ, хвостовъ и проч.); довольно характерный для народной иллюстраціи выборъ.

Изъ Некрасова довольно давно въ народной иллюстраціи обращается «Тройка» («Что такъ жадно глядишь на дорогу»), имѣются также приличныя картины на текстъ изъ «Коробейниковъ» и «Генералъ Топтыгинъ». Къ 25-лѣтней годовщинѣ его смерти Сытинымъ выпущенъ листъ съ портретомъ и нѣсколькими сценами; подъ портретомъ подпись: «Примиритесь же съ музой моей,—я не знаю другого напѣва. Кто живетъ безъ печали и гнѣва, тотъ не любитъ отчизны своей». Сцены взяты изъ стихотвореній «Несжатая полоса», «Коробейники», «Морозъ Красный носъ» и изъ «Кому на Руси жить хорошо». Исполненіе довольно приличное. Кромѣ того Сытинымъ выпускались на отдѣльныхъ листахъ портреты Пушкина, Гоголя и т. д. Вотъ и все, что проникло въ народную иллюстрацію изъ богатѣйшей сокровищницы русской литературы.

Художникамъ русскимъ посчастливилось еще меньше чѣмъ поэтамъ. Ни въ одной группѣ народныхъ картинъ невозможно уловить замѣтнаго вліянія настоящихъ художниковъ или желанія подражать извѣстнымъ образцамъ, развѣ случайно попадется «Моленіе о чашѣ», слегка напоминающее по положенію фигуры Христа извѣстную картину Бруни, и т. п. Что касается дешевыхъ воспроизведеній картинъ художниковъ, то изрѣдка у разнозчиковъ попадется «Всюду жизнь» Ярошенка, «Свиданіе», «Семейный раздѣлъ» и «На бульварѣ» В. Маковскаго (все изданія Сытина), да и обчелся.

Воспроизведенія картинъ иностранныхъ художниковъ, изрѣдка попадающія въ народныя картины изъ иллюстрированныхъ журналовъ и съ заграничной олеографіи, конечно, еще болѣе случайны.

III.

Возможное будущее народной иллюстраціи.—Попытки интеллигентнаго издательства.—Заключеніе.

По замѣчанію Ровинскаго ходячія народныя картинки конца XVIII в. и начала XIX в., когда производство ихъ стало фабричнымъ, ничѣмъ не отличаются отъ старыхъ плохихъ картинокъ, французскихъ, нѣмецкихъ и голландскихъ. «Въ настоящее время (писано въ семидесятыхъ годахъ), въ Европѣ *простонародныхъ картинокъ* въ нашемъ смыслѣ нѣтъ: картинки для народа дѣлаютъ хорошіе мастера (въ Германіи они дѣлали ихъ и въ древнее время), и отличаются онѣ отъ барскихъ художественныхъ произведеній только упрощеніемъ способа ихъ выдѣлки, печатаніемъ на бумагѣ невысокаго разбора и крайней дешевизной своей, которая, несмотря на ихъ художественное достоинство, дѣлаетъ ихъ общедоступными. Только въ католическихъ земляхъ (Франція и Италія) еще можно найти на рынкахъ и ярмаркахъ от-

вратительно плохія картинки духовнаго содержанія, которыми снабжается до сихъ поръ ихъ религіозное простонародіе. Нѣтъ сомнѣнія, что и нашимъ народнымъ картинкамъ-простовикамъ предстоитъ та же участь. Въ настоящее время большая половина ихъ уже получила художественную окраску. Несмотря на ихъ сравнительно высокую цѣну, эти новыя картины бойко требуются въ народѣ и сбытъ прежняго дешеваго простовика ограничивается все болѣе и болѣе; простовикъ этотъ идетъ уже въ одни самые заглушные углы нашего многомилліоннаго населенія, въ которыхъ еще не совсѣмъ понятны художественные пріемы и литературные тексты новыхъ картинокъ, и въ которыхъ покуда предпочитаются еще доморощенныя измышленія собственныхъ полубезграмотныхъ грамотѣевъ. Надо ожидать, что это кровное народное дѣло перейдетъ въ недалекомъ будущемъ въ руки даровитыхъ нашихъ художниковъ, которые отзовутся на требованія и нужды простого человѣка и создадутъ для него, рядомъ съ народной литературой, истинно народную, но художественную русскую картину».

Этого рода надежды далеко еще не осуществились: «даровитые наши художники» мало интересуются до сихъ поръ народною иллюстраціею, и до сихъ поръ въ ея область хорошая картина или литературная и хорошо разработанная тема проникаетъ довольно случайно, ненадежными путями. Намъ извѣстны только двѣ попытки поднять народную иллюстрацію. Въ 80 годахъ извѣстная фирма «Посредникъ» издала серію народныхъ картинъ, преимущественно иллюстрацій къ темамъ тогдашнихъ разсказовъ Льва Толстого («Два брата и золото», «Дѣвчонки умнѣе стариковъ» и др.). Картины по рисунку (были, кажется, рѣпинскіе рисунки) и исполненію были безусловно хороши, и тѣмъ не менѣе картины эти не привились. А. С. Пруговинъ въ своей книгѣ хорошо поясняетъ, почему не удалась эта «интеллигентная» затѣя. Какъ только картинки эти были изданы, Голышевъ взялъ ихъ въ свой складъ, но онѣ не пошли уже потому, что сначала были слишкомъ дорого расцѣнены. Цѣну понизили для офень, и все-таки онѣ не пошли.

«Картины не нравились крестьянамъ, главнымъ образомъ, потому, что сюжеты этихъ картинъ слишкомъ бѣдны содержаніемъ, бѣдны дѣйствіемъ, сравнительно съ лубочными картинками, къ которымъ издавна привыкъ народъ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите любую изъ извѣстныхъ лубочныхъ картинъ: напримѣръ, о пьянствѣ или о сотвореніи міра, или о пришествіи антихриста, о страшномъ судѣ и т. д., и т. д. Вѣдь чего-чего только нѣтъ на этихъ картинахъ! Вотъ ужъ подлинно можно сказать: «и черти, и любовь, и страхи, и цвѣты!» Между тѣмъ «Посредникъ» даетъ «Два брата и золото» или «Дѣвчонки умнѣе стариковъ» и т. п. картины съ самымъ бѣднымъ содержаніемъ, хотя, можетъ быть, и глубокія *по идеѣ*».

Неудача «Посредника» такъ обезакуражила «даровитыхъ нашихъ художниковъ», что новая попытка издательства хорошей народной иллюстраціи сдѣлана только въ нынѣшнемъ году въ изданіи петерскаго «дамскаго» кружка *). Новая попытка существенно отличается отъ посредниковской тѣмъ, что здѣсь не гоняются за нравоучительными сюжетами, повторяютъ, при хорошемъ рисункѣ, знакомыя народу, излюбленныя имъ темы. Но и здѣсь упущено весьма много для того, чтобы картины могли нравиться народу. Укажемъ, напр., на рисунокъ, изображающій осаду Троицко - Сергіевской лавры: картина не показываетъ самаго драматическаго въ глазахъ народа элемента этого историческаго событія: воиновъ-иноковъ; передъ зрителемъ только часть стѣны и подымающаяся изъ-за холма толпа поляковъ. Извѣстная картина С. Д. Милорадовича «Оборона Св. Тр. лавры» могла бы дать для народной иллюстраціи гораздо болѣе подходящую разработку этой темы. Рисунокъ въ другихъ картинахъ впадаетъ въ условно упрощенную манеру, безъ воздушной перспективы (пиръ у Владиміра), что вовсе не требуется; тонъ иныхъ картинъ недостаточно наряденъ, а нарядности, извѣстной яркости тоновъ, всегда требуетъ покупатель народной иллюстраціи; лишь бы не переходить въ аляповатую пестроту. Наконецъ, для листовой хромолитографіи картины дамскаго кружка—1 рубль съ пересылкою—слишкомъ дороги сравнительно съ цѣнами офенскаго рынка, такъ какъ у офень картины могутъ идти лишь со значительною надбавкою.

Дѣло всесторонняго подъема народной иллюстраціи, очевидно, гораздо сложнѣе, чѣмъ это представляется при попыткахъ разрѣшить вопросъ устройствомъ «дамскихъ» или иныхъ кружковъ.

Народная иллюстрація, какъ мы видѣли, при обозрѣніи ея по отдѣльнымъ группамъ, далеко не стоитъ на одномъ мѣстѣ, въ ней замѣтна извѣстная эволюція. Помимо техническаго усовершенствованія, идетъ постоянная переработка старыхъ сюжетовъ на новый ладъ, старые сюжеты вытѣсняются новыми; несомнѣнно также проникновеніе въ сферу лубка литературныхъ и художественныхъ вліяній, хотя и очень еще слабое. Возрастаетъ и отзывчивость народной иллюстраціи на злобы дня, соотвѣтственно спросу изъ самый среды покупателей, которая несомнѣнно воспитывается школой, газетою и книгою. Современный производитель народныхъ картинъ, подстрекаемый конкуренціею, поневолѣ долженъ слѣдить также за газетами, соображать,

*) Русскія народныя картины, изд. перваго дамскаго художественнаго кружка. С-Петербургъ, 1903 г. Серія I. 10 картинъ: „Пиръ у князя Владиміра, Илья Муромецъ и Соловей Разбойникъ, Добрыня Никитичъ и Змѣй Горынычъ, Отчего перевелись богатыри на Руси, Куликовская битва, Осада Троицкой лавры, Молебенъ передъ Бородинскимъ боемъ. Смерть адмирала Корнилова, Ипатьевской монастырь и Успенскій монастырь.“ Цѣна тетради 75 коп. съ пересылкою 1 рубль.

какія новыя темы могутъ стать предметомъ народной иллюстраціи, и конечно, долженъ будетъ съ теченіемъ времени приглашать, вмѣсто полуграмотныхъ ремесленниковъ, рисовальщиковъ, получившихъ извѣстное образованіе. Такимъ образомъ центръ тяжести вопроса переносится, въ нашихъ глазахъ, на мѣры, которыя могли бы содѣйствовать болѣе широкому распространенію художественнаго образованія и воспитанію художественныхъ вкусовъ въ народѣ. Большая доступность и распространеніе рисовальныхъ школъ устранило бы вредное и развращающее ученичество въ картинныхъ мастерскихъ, ученичество, которое можетъ сгубить и подлинный талантъ. Урегулированіе труда въ этихъ мастерскихъ, до сихъ поръ никѣмъ не обслѣдованыхъ, дало бы возможность рисовальщикамъ работать надъ пополненіемъ своего образованія, ближе знакомиться съ хорошими картинами въ галлереяхъ и музеяхъ и т. д. Производители народныхъ картинъ прямо не знаютъ, напр., того, что они имѣютъ, за истеченіемъ пятидесятилѣтняго права художественной собственности, право на воспроизведеніе, напр., картинъ Брюллова или Ѳедотова; а между тѣмъ мы не сомнѣваемся, что «Послѣдній день Помпеи» или «Сватовство маіора» пошли бы бойко, особенно «Сватовство», примыкающее такъ тѣсно къ народной юмористикѣ, съ готовымъ къ ней, въ стилѣ старыхъ народныхъ картинъ, текстомъ самого художника. Наконецъ, необходимо уничтоженіе тѣхъ стѣснительныхъ цензурныхъ условій, которыя лишаютъ народную иллюстрацію ея возможной публицистической и просвѣтительной роли и задерживаютъ ея развитіе въ качествѣ естественнаго спутника журнала и газеты.

Ч. Вѣтринскій

* *
*

Незамѣтно ночь подкралась
Тишина царитъ кругомъ,
Отдохни, тебѣ осталось
Лишь забыться мирнымъ сномъ.
Не мечтай, мечты напрасны,
Ихъ пора прошла давно,
Небеса твои не ясны
И грядущее темно!
Грезы, сны твои тревожны,
Нѣтъ въ нихъ свѣтлыхъ дней былыхъ.
Силы духа такъ ничтожны—
Что осталося отъ нихъ?
Эта ночь тоску наводитъ,
Стань поодаль и взгляни:
Жизнь, дремля, во мракъ уходитъ
Гаситъ всѣ свои огни...

Д. Михаловскій.

ЧЕСТНЫМЪ ПУТЕМЪ.

(Конецъ Александры Михайловны) *).

Повѣсть.

I.

Александра Михайловна кончила фальцовать листы «Петербургскаго Вѣстника». Она сравняла съ боковъ стопку сфальцованныхъ листовъ и устало облокотилась объ нее.

За сосѣднимъ верстакомъ Грунька Полякова, крупная дѣвушка съ пунцовыми губами и низкимъ лбомъ, шила дефектныя книги. Она шила не торопясь, посвистывая сквозь зубы, какъ будто не работала, а только старалась чѣмъ-нибудь убить время: за шитье дефектныхъ книгъ платятъ не сдѣльно, а поденно. Александра Михайловна искоса слѣдила за Поляковой.

— Что это, какая вамъ всегда легкая работа!—не вытерпѣла она.

Полякова медленно повернула голову и небрежно оглядѣла Александру Михайловну.

— Я больная, у меня ревматизмъ въ рукахъ,—отвѣтила она, раскачивая ногою, закинутою на колѣно другой ноги.

— Больная...—Александра Михайловна помолчала.—Вы, можетъ быть, больная, зато вы есть одна. А у другихъ, можетъ, ребенокъ есть, его надо поить-кормить.

— Какъ кому судьба.

— И вовсе судьба тутъ не при чемъ. Дѣло тутъ отъ мастера зависитъ, а не отъ судьбы.

— Отъ мастера? Что-о вы?.. Отъ какого такого мастера?

Полякова нарочно повысила голосъ. Мимо какъ разъ проходилъ мастеръ Василій Матвѣевъ. Онъ услышалъ вопросъ Поляковой и внимательно покосился на нихъ. Александра Михайловна поспѣшно отошла прочь.

На круглыхъ часахъ надъ дверью мастерской пробило четыре.

---

*) Повѣсть эта, представляющая собою самостоятельное цѣлое, служитъ продолженіемъ повѣсти того же автора: „Конецъ Андрея Ивановича“ („Разсказы“, т. II).

У бокового окна работала за верстакомъ пріятельница Александры Михайловны, Таня Капитонова; солнце свѣтило въ окно, Таня непрерывно наклонялась и выпрямлялась; когда она наклонялась, ея голова, съ пушистыми, золотистыми волосами, попадала въ полосу свѣта и какъ будто вся вспыхивала сіяніемъ.

— Пора чай пить,—сказала Александра Михайловна.

— Сейчасъ кончу!—торопливо отвѣтила Таня.

Александра Михайловна, устало понурившись, съ удовольствіемъ и завистью смотрѣла на ея работу. Таня была лучшею работницею мастерской. Захвативъ со стопки большой печатный листъ, она сгибала его на папкѣ, съ неуловимою быстротою взглянувъ на номера, и проводила по сгибу костяшкою; листъ какъ будто самъ собою сгибался, какъ только его касались тонкіе пальцы Тани. При второмъ сгибѣ мелькалъ столбецъ цифръ, при третьемъ—какая-то картинка, сложенный листъ летѣлъ влѣво, а въ это время со стопки уже скользилъ на папку новый.

— Ну, пойдемте,—сказала Таня, сбрасывая съ папки послѣдній сфальцованный листъ.

— Счастливая ты, Таня!—вздохнула Александра Михайловна.

Въ работѣ наступилъ перерывъ. Дѣвушки сидѣли кучками по четыре-пять человѣкъ и пили чай. Въ раскрытыя окна несло жаромъ іюньскаго дня, запахомъ извести и масляной краски; въ столбахъ солнечныхъ лучей густо золотились пылинки.

Александра Михайловна и Таня пили чай вмѣстѣ съ двумя другими работницами,—вдовою переплетнаго подмастерья Фокиною и блѣдною, пожилою дѣвушкою Дарьей Петровною. Александра Михайловна, сгорбившись, сидѣла на табуреткѣ, испытывая пріятное ощущеніе отдыха. Она ужъ третій мѣсяцъ работала въ мастерской, но все еще при каждомъ перерывѣ ей хотѣлось отдыхать долго-долго, безъ конца.

— Что за исторія такая!—задумчиво проговорила она;—все мнѣ Васька Матвѣевъ трудную работу даетъ. Напоила его кофеемъ, угостила,—думала, легче станетъ. Недѣлю давалъ шитье въ прорѣзку, фальцовку на уголъ, а потомъ опять все пошло по старому.

— А вы какъ же думали?—усмѣхнулась Фокина.—Вы думали, угостили разъ, и готово дѣло! У него положеніе: поставишь угощеніе,—будетъ тебѣ хорошая работа на недѣлю.

— Вотъ такъ-такъ! — протянула Александра Михайловна и скорбно задумалась.—Что же это такое? Четыре человѣка ихъ, мастеровъ. Вишневка, кофей, пирожки,—рубль шестьдесятъ семь копеекъ мнѣ обошлось. Четверть фунта кофею выпили, два фунта сахару съѣли; что съѣли, что по карманамъ себѣ напихали... Неужто мало имъ?

— А вы ихъ одна, что ли, угощаете?—желчно возразила Фокина.—Разъ-то, другой—всякая угоститъ; кому же они трудную работу будутъ давать?

— Такъ вѣдь, Господи, я не о томъ, что трудная! Пускай и трудную работу даютъ, а чтобъ только правильно дѣлали, не обижали людей.

— А я вотъ никого ни разу не угощала!—гордо сказала Таня.—И не стану угощать, безъ нихъ справлюсь.

— А я тебѣ, Танечка, вотъ что скажу,—медленно произнесла Дарья Петровна:—не гордись! Погордишься, милая,—погордишься, а потомъ пожалѣешь. Разореніе тебѣ какое, что ли, мастера уважить? А сила у него большая.

— Какъ же это мнѣ быть теперь?—въ печальномъ недоумѣніи спросила Александра Михайловна:—девять-десять рублей зарабатываешь въ мѣсяцъ, что же это? Развѣ на такія деньги проживешь съ ребенкомъ?

— Вы вотъ что: попросите себѣ у Василія Матвѣева приклейку,—посовѣтовала Дарья Петровна.—Вы ужъ третій мѣсяцъ работаете, вамъ давно пора приклейку давать. А это работа выгодная. Вонъ-онъ, Ѳедька, идетъ, можетъ, онъ знаетъ, спросите, есть ли сейчасъ приклейка.

У Дарьи Петровны было смиренное, желто-блѣдное лицо, и она съ странною, ненужною угодливостью заглядывала въ глаза тому, съ кѣмъ говорила.

Александра Михайловна остановила проходившаго брошюранта.

— Не знаешь, Ѳедя, есть сейчасъ у мастера приклейка?—ласково спросила она.

— Сколько угодно,—отвѣтилъ мальчикъ.—«Русская поэзія», съ портретами. Десять тысячъ экземпляровъ.

Въ дверь заглянулъ изъ коридора переплетный подмастерье Ляховъ. Онъ быстро вошелъ въ комнату и грубо схватилъ Ѳедьку за плечо.

— Тебѣ чего тутъ нужно?—грозно спросилъ онъ.

— Чего... А вамъ чего?—съ недоумѣніемъ пробормоталъ Ѳедька.

Ляховъ поднесъ къ его носу свой крѣпкій кулакъ.

— Я тебѣ, негодяй, всѣ зубы твои повыбью!.. Пошелъ прочь, не смѣть съ Александрой Михайловной разговаривать!!

— Эге!—весело усмѣхнулся Ѳедька и, поднявъ брови, съ любопытствомъ метнулъ взглядъ на Александру Михайловну.

— Господи, что же это такое!—воскликнула Александра Михайловна.—Василій Васильевичъ, вы съ ума сошли, что ли?

— Я никакому мужчинѣ не позволю говорить съ Александрой

Михайловной! Еще разъ увижу тебя,—изувѣчу!—крикнулъ Ляховъ, свирѣпо выкативъ глаза.

— Да что же это, Господи! Василій Васильевичъ, я къ хозяину пойду! Какъ вы смѣете меня позорить?

— Такъ вотъ, помни!—выразительно произнесъ Ляховъ, еще разъ потрясши кулакомъ передъ носомъ пятившагося Ѳедьки. И не глядя на Александру Михайловну, онъ вышелъ.

Улыбающійся Ѳедька въ юмористическомъ ужасѣ продолжалъ пятиться къ верстакамъ.

Александра Михайловна сидѣла, красная и сконфуженная.

— Ну, что же это такое, скажите, пожалуйста!—заговорила она дрожащимъ голосомъ.—Вотъ ужъ второй мѣсяцъ не даетъ мнѣ покою. Пристаетъ вездѣ, позоритъ, просто проходу никакого нѣту!. И чего онъ ко мнѣ привязался!

— Вездѣ только про васъ и говоритъ, такой безстыдникъ!—сочувственно-негодующе произнесла Дарья Петровна.—Влюбленъ, говоритъ, не могу жить безъ нея... Это женатый-то человѣкъ! Такой стыдъ!

— Намедни пришелъ къ намъ,—усмѣхнулась Фокина,—разсказываетъ про свою любовь, плачетъ, спьяну, конечно. Если, говоритъ, Александра Михайловна меня не удовлетворитъ, я, говоритъ, какъ только листья осыпятся, повѣшусь въ Петровскомъ паркѣ. «Чего же, я говорю, ждати? Это и теперь можно». «Нѣтъ, говоритъ, когда листья осыпятся».

— А еще былъ другъ покойнику Андрею Ивановичу!—укоризненно вздохнула Александра Михайловна, и чуть замѣтная самодовольная улыбка пробѣжала по ея губамъ.

Дѣвушки кончали пить чай и принимались за работу. Въ огромной живой машинѣ начинали шевелиться ея части, и вскорѣ она пошла въ ходъ быстрымъ, ровнымъ темпомъ.

Александра Михайловна вошла въ комнату мастера. Василій Матвѣевъ, высокій, грузный мужчина съ мясистымъ лицомъ, наклонясь надъ верстакомъ, накалывалъ листы. Онъ оглядѣлъ Александру Михайловну своими слегка косящими глазами и молча продолжалъ работать.

— Василій Матвѣевъ! Я работу кончила, дай мнѣ приклейку,—сказала Александра Михайловна.

Мастеръ продолжалъ молча накалывать.

— Василій Матвѣевъ!

— Да подожди ты, видишь, занятъ я!—грубо огрызнулся онъ.

Александра Михайловна, стиснувъ зубы, смотрѣла на его красное, потное лицо. Три недѣли назадъ Василій Матвѣевичъ ущипнулъ ее въ руку около плеча, и она сурово оттолкнула его. «Ишь, недотрога какая выискалась!»—ядовито замѣтилъ онъ и съ тѣхъ

норъ сталъ во всемъ тѣснить ее; только ту недѣлю, когда Александра Михайловна напоила его кофеемъ, онъ былъ съ нею немножко ласковѣе.

Василій Матвѣевъ, не спѣша, продолжалъ работать.

— Скоро, что ли?—сердито спросила Александра Михайловна.—Мнѣ нѣтъ время ждать.

— Приклейку,—проворчалъ мастеръ.—Тебѣ рано приклейку, напортишь.

— Нѣтъ, не рано. Приклейка черезъ полтора мѣсяца полагается, а я ужъ третій мѣсяцъ работаю.

— Приклейку... Мастеру уваженія не доказываешь, а тоже, приклейку ей давай... Что нынче съ Грунькой говорила?

— Да что, Василій Матвѣевъ, развѣ неправду я сказала? Однѣмъ все легкую работу даете, другимъ все трудную. А вѣдь жить-то всѣмъ нужно...

— Нѣту сейчасъ приклейки, ступай!—оборвалъ Василій Матвѣевъ.

Лѣвая щека Александры Михайловны задергалась.

— Нѣтъ, есть приклейка, я знаю: «Русская поэзія»... Я къ хозяину пойду.

Мастеръ молчалъ. Александра Михаиловна рѣшительно пошла къ выходу.

— Тамъ, въ углу,—буркнулъ Василій Матвѣевъ.

Она воротилась.

— Это вотъ?.. Какую картинку взять?

— Пушкина портретъ. Тысячу возьми, не больше.

— На какую страницу приклеивать?

— Да отстань ты, пожалуйста, не мѣшай!.. Пятьдесятъ шестая страница.

Александра Михайловна вышла. Внутри у нея кипѣло отъ злобы: десять минутъ ушло на переговоры, а онъ отлично знаетъ, какъ дорого время при сдѣльной работѣ; но ей было пріятно, что она все-таки добилась своего. Александра Михайловна распустила пачку портретовъ, смазала ихъ клеемъ и принялась за работу.

Кругомъ стоялъ непрерывный шелестъ отъ сворачиваемыхъ листовъ. Слышно было, какъ подъ поломъ стучалъ въ переплетномъ отдѣленіи газомоторъ.

— Ишь, вѣдьма-то наша, уѣзжать собирается!—сказала работавшая рядомъ съ Александрой Михайловной Манька, бойкая дѣвочка лѣтъ шестнадцати.

Гавриловна, худая старуха въ грязной, отрепанной юбкѣ, стояла у печки и съ серьезнымъ, сосредоточеннымъ лицомъ стучала въ нее своею костяшкою.

*

— Стучитъ, чтобъ помело подавали!—засмѣялась другая дѣвочка, Дунька.

— Тара-та-тамъ! Тара-та-тамъ! Тара-та-та-та-тамъ!— хрипло напѣвала полоумная Гавриловна, нелѣпо изогнувъ руки и кружась около печки на одномъ мѣстѣ.

— Ты чего, тетенька, вертишься?—спросила Манька.

— Я, милая, молода была, много польку танцовала, все въ одну сторону, теперь раскручиваюсь... Тара-та-тамъ! Тара-та-тамъ!..

— Что это за безобразіе!—сердито крикнула Фокина.—Работать мѣшаетъ... Иди на мѣсто, слышишь ты!

— И вправду, что это!—поддержала ее Александра Михайловна.—Работать нужно, а она развлекаетъ. Вѣдь нельзя же, люди дѣломъ заняты!

Гавриловна молча стала къ своему станку, поклонилась въ поясъ лежавшей на немъ стопкѣ листовъ и принялась фальцовать. Минуты двѣ она молча работала, потомъ вдругъ повернулась къ Фокиной и громко крикнула:

— Чортъ тебя зашиби большимъ камнемъ! Бѣлуга астраханская!

Дѣвочки прыснули.

— Провались ты проваломъ, лопни твой животъ! Чтобъ къ тебѣ ночью домовой на постель влѣзъ!

— Хо-хо-хо!—засмѣялись брошюранты.

— Къ ней самой, братцы, онъ каждую ночь лазаетъ!—объявилъ брошюрантъ Егорка.

Гавриловна обрушилась бранью на него. Брошюранты смѣялись и изощрялись въ ругательствахъ, поддразнивая Гавриловну. На каждую ихъ сальность она отвѣчала еще большею сальностью. Это было состязаніе, въ которомъ каждая сторона старалась превзойти другую. Дѣвочки, радуясь перерыву въ работѣ, слушали и смѣялись.

Къ вечеру Александра Михайловна вклеила картины. Она сдѣлала работу въ два часа; за тысячу приклеекъ двадцать копеекъ,—хорошо!... Довольная, она понесла работу къ мастеру.

Василій Матвѣевъ раскрылъ книжку, посмотрѣлъ.

— Не на то мѣсто приклеила,—равнодушно объявилъ онъ.

Александра Михайловна испуганно взглянула на него.

— Какъ не на то? Ты же мнѣ самъ сказалъ,—на пятьдесятъ шестую страницу!

— Куда лицомъ вклеила, видишь? Я тебѣ говорилъ, что ты этого еще не можешь. «Отъ Пушкина до Некрасова»,—на эту сторону нужно было, къ заглавію.

И онъ насмѣшливо смотрѣлъ на нее своими косящими глазами, у которыхъ нельзя было поймать взгляда; и Александрѣ

Михайловнѣ казалось, что онъ потому и можетъ быть такъ жестокъ, что его душа загорожена отъ людскихъ глазъ.

— Такъ ты бы мнѣ такъ и сказалъ,—къ пятьдесятъ седьмой страницѣ!—произнесла она обрывающимся голосомъ.

— Ну, ну, что я, глупѣе тебя, что ли? Говорилъ, нельзя тебѣ еще приклейку давать... Ступай, отклеивай!

Александра Михайловна, убитая, воротилась къ верстаку; хотѣлось схватить, порвать всю работу, душили безсильныя слезы: полдня уйдетъ теперь на то, чтобъ аккуратно отклеить картины и снова вклеить ихъ на мѣсто.

Она вяло взяла въ руки ножъ и принялась за отклейку.

II.

Пробило восемь часовъ, мастерскую отперли. Александра Михайловна сунула опостылѣвшую работу подъ верстакъ и побрела домой.

Зина, семилѣтняя дочь Александры Михайловны, дремала на кровати.

— Вставай!—угрюмо сказала Александра Михайловна, тронувъ ее за плечо.—Картошку разогрѣла?

— Разогрѣла.

— Принеси.

Зина принесла изъ кухни разогрѣтый жареный картофель, оставшійся отъ обѣда. Придвинувъ столикъ къ кровати, онѣ стали ужинать. Поѣли невкуснаго разогрѣтаго картофеля, потомъ стали пить чай; Зинѣ Александра Михайловна намазывала на хлѣбъ тонкій слой масла, сама ѣла хлѣбъ безъ масла.

— Что это?—сурово спросила Александра Михайловна, взявъ Зину за локоть.—Что это? Господи! Гдѣ это ты порвала?

Она дернула Зину къ себѣ; весь рукавъ ея платьица до самаго плеча былъ разодранъ.

— Да что же это такое! Что ты, съ собаками, что ли, грызлась?

Зина захныкала.

— Это мнѣ Васька хозяйкинъ сдѣлалъ!

— Васька хозяйкинъ?.. Ты тутъ балуешься, а я всю ночь сиди, рукавъ тебѣ зашивай?—задыхаясь, проговорила Александра Михайловна. Она схватила Зину лѣвою рукою за волоса и изо всей силы дернула за нихъ. Зина отчаянно взвизгнула. Александра Михайловна трясла и таскала ее за волосы, а другою рукою ожесточенно била по платью и съ радостью ощущала, что Зинѣ, правда, больно, что ея тѣло вздрагиваетъ и изгибается отъ боли.

— Ой! Ой!.. Мама!.. Мама!.. Ой!—испуганно выкрикивала Зина.

Александра Михайловна еще разъ больно дернула ее за волосы и отпустила. Зина залилась плачемъ.

— Что? Будешь теперь помнить?—спросила Александра Михайловна, тяжело переводя дыханіе.

Въ комнату сходились жильцы. Дѣвушка-папиросница, нанимавшая отъ хозяйки кровать пополамъ съ Александрой Михайловной, присѣла къ столу и хлебала изъ горшечка разогрѣтыя щи; жена тряпичника, худая, съ бѣгающими, горящими глазами, разстилала на полу войлокъ для ребятъ; старикъ-кочегаръ сидѣлъ на своей койкѣ и маслянисто-черными руками прикладывалъ къ слезящимся глазамъ примочку.

— Ты думала, померъ отецъ, такъ на тебя и управы не будетъ?—злорадно говорила Александра Михайловна.—Мама, дескать, добрая, она пожалѣетъ... Нѣтъ, милая, я тебя тоже съумѣю укротить, ты у меня будешь знать! Ты вотъ бѣгаешь, балуешься, а мама твоя съ утра до вечера работаетъ; придетъ домой, хочется отдохнуть, а нѣтъ: сиди, платье тебѣ чини. Вотъ порви еще разъ, ей-Богу, не стану зашивать! Ходи голая, пускай всѣ смотрятъ. Что это, скажутъ, какая безстыдница идетъ!..

Зина ныла и ѣла хлѣбъ съ масломъ.

Поужинали скоро, всѣ укладывались спать. Изъ сосѣднихъ комнатъ сквозь тонкія переборки доносился говоръ, слышалось звяканье посуды, громкая зѣвота. Папиросница раздѣлась за занавѣской и легла на постель къ стѣнѣ; Зина вытащила изъ-подъ кровати тонкій тюфячокъ, разстелила его у столика и, свернувшись клубкомъ, заснула; улеглись и всѣ остальные. Александра Михайловна угрюмо придвинула лампочку и стала зашивать разодранный рукавъ.

На душѣ у нея было мрачно. Она шила и думала, и отъ всего, о чемъ она думала, на душѣ становилось еще мрачнѣе. Шить ей было трудно: руки одеревенѣли отъ работы, глаза болѣли отъ постояннаго вглядыванія въ номера страницъ при фальцовкѣ; по черному она ничего не видѣла, нитку ей вдѣла Зина. Это въ двадцать-то шесть лѣтъ! Что же будетъ дальше?.. И голова постоянно кружится, и въ сердцѣ болитъ, по утрамъ—тяжелая, мутная тошнота; и главное, что-то тоскливое непрерывно сосетъ тѣло, чего-то не хватаетъ, чего-то нужно, а чего—она не могла опредѣлить... А тутъ еще Зина, которая только шалитъ и не хочетъ знать, какъ тяжело приходится матери.

Въ ушахъ все слышался шелестъ сворачиваемыхъ листовъ и мѣрный стукъ газомотора подъ поломъ; и мысль обращалась на мастерскую, и Александрѣ Михайловнѣ представлялось, какъ все тамъ быстро движется, торопится, старается, а надъ этой суетой тяжело лежитъ что-то холодно-жадное и равнодушное, и только

оно одно имѣетъ пользу отъ этой суеты; а что отъ нея имъ всѣмъ? Стараешься, выбиваешься изъ силъ, а должаешь все больше, живешь, какъ нищая; совѣстно пройти мимо мелочной лавки, питаться приходится одною картошкою. И для чего тогда вся эта работа, всѣ униженія, волненія? А уйти некуда. И дальше впереди будетъ то же Попала она въ темную яму, и нѣтъ изъ нея выхода; нѣтъ и друзей, которые бы протянули руку.

Встало передъ Александрой Михайловной конфузливое, бѣлесое лицо эстонца-слесаря Лестмана; онъ былъ другъ ея покойнаго мужа Андрея Ивановича и первое время поддерживалъ ее деньгами. Но три недѣли назадъ Лестманъ неожиданно сдѣлалъ ей предложеніе выйти за него замужъ; Александра Михайловна отказала сразу, рѣшительно, съ неожиданною для нея самой быстротою; какъ будто тѣло ея вдругъ возмутилось и, не дожидаясь ума, поспѣшно отвѣтило: «нѣтъ! нѣтъ!» До тѣхъ поръ она словно не замѣчала, что этотъ участливый, тускло-сѣрый человѣкъ—мужчина, но когда онъ заговорилъ о любви, онъ вдругъ сталъ ей противно-чуждъ. Лестманъ пересталъ помогать Александрѣ Михайловнѣ, но каждую недѣлю, въ субботу или воскресенье, приходилъ къ ней и, скромный, застѣнчивый, сидѣлъ, пилъ чай и скучно разговаривалъ. Глаза его какъ будто закрылись, и онъ пересталъ замѣчать ея нищету. И Александрѣ Михайловнѣ было странно, какъ это она раньше принимала отъ него деньги и не понимала, что ни съ того, ни съ сего никто не станетъ давать ихъ.

Кругомъ дышали, храпѣли и бормотали во снѣ люди, комната медленно наполнялась удушливою, прѣлою вонью. Лампочка съ надтреснутымъ стекломъ тускло свѣтила на наклоненную голову Александры Михайловны. За послѣдніе мѣсяцы, послѣ смерти Андрея Ивановича, она сильно похудѣла и похорошѣла: исчезла распиравшая ее полнота, на дѣтски-чистый лобъ легла дума, лицо стало одухотвореннымъ и серьезнымъ.

Она шила, и мрачная тоска все тяжелѣе налегала на душу; и напрасно она старалась найти что-нибудь, отъ чего бы встрепенулась душа и съ ожиданіемъ взглянула впередъ. На что ни наталкивались мысли, все было черно и безнадежно... Завтра получка. Что ей придется получить? Рублей пять за двѣ недѣли. Видно, нѣтъ другого выхода: придется смириться передъ мастеромъ, пойти на уступки; нужно будетъ почаще угощать его, чтобъ давалъ работу получше... Негодяй подлый! Она со злобою вспомнила, какъ онъ насмѣшливо смотрѣлъ на нее своими косящими глазами, у которыхъ нельзя было поймать взгляда. Знаетъ свою силу!.. И отъ полученной обиды снова заныло въ душѣ. Александра Михайловна кончила шить и уставилась глазами въ огонекъ лампы; она мечтала, что случайно въ конкѣ или гдѣ-нибудь

встрѣтится съ переодѣтымъ градоначальникомъ и разскажетъ ему, какъ обижаютъ въ ихъ мастерской дѣвушекъ. И вдругъ входитъ въ мастерскую приставъ: «Гдѣ тутъ звенигородскій мѣщанинъ Василій Матвѣевъ? По распоряженію градоначальника, въ двадцать четыре часа вонъ изъ Петербурга!» И какъ вдругъ у него пропадетъ все сознаніе силы, и какъ онъ начнетъ суетиться и растерянно вздыхать.

Александра Михайловна встала и начала раздѣваться. Еще сильнѣе пахло удушливою вонью, и отъ нея мутилось въ головѣ. Александра Михайловна отвернула одѣяло, осторожно сдвинула къ стѣнѣ вытянувшуюся ногу папиросницы и легла. На душѣ просвѣтлѣло, было ощущеніе, что сейчасъ случилось что-то пріятное. Что это? Ахъ, да... Она разочарованно вспомнила: это были только мечты о переодѣтомъ градоначальникѣ... На душѣ опять стало темно. Она лежала и съ тоскою чувствовала, что долго не заснетъ. Отъ папиросницы пахло селедкою и застарѣлымъ, грязнымъ потомъ; изъ темноты неслось отовсюду густое храпѣніе, по зудящему тѣлу ползали клопы, и въ смутной полудремѣ Александрѣ Михайловнѣ казалось,—что-то тяжелое, липкое наваливается на нее, и давитъ грудь, и дышитъ въ ротъ спертою вонью.

III.

На слѣдующій день, послѣ обѣда, Александра Михайловна, въ накинутомъ на плечи большомъ платкѣ, вошла въ комнату мастера и приперла за собою дверь. Василій Матвѣевъ, съ холоднымъ, деревяннымъ лицомъ, молча слѣдилъ за нею.

— Вотъ, Василій Матвѣичъ, у меня сегодня большой праздникъ, хочу тебя угостить!—весело и привѣтливо заговорила Александра Михайловна.

Она достала изъ-подъ платка полубутылку портвейна и завернутыя въ бумагу пять кондитерскихъ пирожныхъ.

Лицо Василія Матвѣева смягчилось.

— Хорошее дѣло, хорошее дѣло! Не забываешь мастера. Другой разъ и онъ тебѣ можетъ пригодиться.

Онъ всталъ, покосился на припертую дверь и вдругъ быстро наклонилъ къ Александрѣ Михайловнѣ лицо съ забѣгавшими глазами.

— Приходи нынче послѣ работы, вмѣстѣ винцо разопьемъ,—шепнулъ онъ.

И Александра Михайловна почувствовала, какъ его жирная рука взяла ее подъ грудь.

— Ахъ, ты, негодяй!—крикнула Александра Михайловна и

изо всей силы ударила его по рукѣ.—Подлецъ ты этакій, какъ ты смѣешь?!

Василій Матвѣевъ отшатнулся.

— Что такое? Въ чемъ дѣло?—невинно и громко спросилъ онъ.—Что тебѣ нужно?

— Я честная женщина, а ты смѣешь меня за передъ хватать?!—кричала Александра Михайловна звенящимъ отъ слезъ голосомъ.

Въ косыхъ глазахъ Матвѣева еще бѣгалъ блудливый огонекъ, но лицо уже было сурово и холодно.

— Ты что, что ты тутъ скандалишь?—повысилъ онъ голосъ, наступая на Александру Михайловну.—Что это ты такое принесла мнѣ? Ступай вонъ!

— Негодяй! Подлецъ!—повторила Александра Михайловна и вышла изъ комнаты.

Красная, съ блестящими глазами, она быстро подошла къ верстаку, спрятала въ него бутылку и остановилась, неподвижно глядя на свою работу.

— Что это у васъ тамъ было? Чего это онъ?—съ жаднымъ любопытствомъ спрашивала Манька.

— Не твое дѣло!—рѣзко отвѣтила Александра Михайловна, не поворачивая головы. Она кусала губы, чтобъ сдѣлать себѣ больно и не дать прорваться рыданіямъ.

Кругомъ стоялъ непрерывный шорохъ сворачиваемыхъ листовъ, работа кипѣла, молчаливая и напряженная. Съ разбросанныхъ по верстаку портретовъ смотрѣли курчавые Пушкины, всѣ въ плэдахъ и съ скрещенными руками, всѣ съ желчными, безучастными къ происшедшему лицами.

— У-у, милая моя!—раздалось въ сторонѣ.

Гавриловна приплясывала передъ своимъ верстакомъ и горячо прижимала къ груди только что сшитую большую веленевую книгу; потомъ она положила ее на четыре другихъ, уже сшитыхъ книги, отодвинула пачку и низко, въ поясъ, поклонилась ей, и что-то бормотала.

Въ мастерскую, въ сопровожденіи Василія Матвѣева, вошелъ хозяинъ, Викторъ Николаевичъ Семидаловъ. Дѣвушки оставили работу и съ любопытствомъ слѣдили за нимъ: было большою рѣдкостью, когда хозяинъ заглядывалъ въ брошюровочную.

Оба прошли прямо къ верстаку Александры Михайловны.

— Невозможно, Викторъ Николаевичъ, углядѣть!—говорилъ Василій Матвѣевъ, разводя руками.—Такой народъ, просто наказаніе! Вотъ, извольте сами посмотрѣть!

Онъ полѣзъ подъ верстакъ и вытащилъ вино.

— Изволите видѣть?—И онъ поставилъ бутылку на верстакъ.

Хозяинъ, мрачный, какъ туча, смотрѣлъ на Александру Михайловну.

— Скажите, пожалуйста, вы не знали, что спиртные напитки запрещается вносить сюда?—спросилъ онъ.—Я принялъ васъ въ память вашего мужа, помогалъ вамъ, но это вовсе не значитъ, что вы у меня въ мастерской можете дѣлать, что вамъ угодно.

Александра Михайловна, блѣдная, съ сжатыми губами, молчала, опустивъ глаза.

— Я и не зналъ, что вы выпиваете!—съ усмѣшкою прибавилъ хозяинъ.—Да еще какіе напитки дорогіе,—портвейнъ! А я думалъ, вы нуждаетесь... Слушайте: въ первый и послѣдній разъ я васъ прощаю, но смотрите, если это еще разъ повторится!

Онъ окинулъ ее пренебрежительнымъ взглядомъ и вышелъ. Прислонившись къ сосѣднему верстаку, стоялъ вихрастый, курносый мастеръ надъ дѣвушками переплетнаго отдѣленія, Сугробовъ.

— Ты недавно тутъ работаешь?—спросилъ онъ, когда хозяинъ и Матвѣевъ вышли.

— Третій мѣсяцъ,—машинально отвѣтила Александра Михайловна.

— Ну, не выдержать тебѣ,—съ состраданіемъ произнесъ онъ.—Бѣги лучше прочь, погубишь себя!

И онъ пошелъ къ себѣ внизъ. Александра Михайловна продолжала неподвижно стоять передъ верстакомъ. Къ ней подошли Дарья Петровна и Фокина.

— Что это онъ на васъ?—спросила Дарья Петровна.—Вѣдь вы вино-то ему купили? Что такое случилось?

— Такъ... Все равно...—неохотно отвѣтила Александра Михайловна.

— Мало, что ли, показалось ему?—допытывалась Дарья Петровна.

Фокина испытующе взглянула на Александру Михайловну и догадалась.

— Отъ такой красивенькой дамочки ему не портвейна нужно!—усмѣхнулась она.

Дарья Петровна высоко подняла брови и украдкою бросила на Александру Михайловну быстрый взглядъ.

— Вотъ мерзавецъ!—сочувственно вздохнула она.

У Александры Михайловны запрыгали губы.

— Уйду я отсюда!—сказала она.

Дарья Петровна помолчала.

— Куда уйти-то? Вы думаете, лучше у другихъ? А я вамъ скажу, можетъ, еще хуже. Тутъ хоть хозяинъ добрый, не гонится за этимъ, а вонъ у Коникова,—тамъ прямо иди къ нему дѣвушка въ кабинетъ.

— Какого Коникова? Конюховъ фамилія его,—поправила Фокина.—На пятнадцатой линіи.

— Ай Конюховъ? Ну, Конюховъ, что ли.

Дарья Петровна опять помолчала, взглянула на Александру Михайловну и еще разъ сочувственно вздохнула.

Александра Михайловна съ страннымъ чувствомъ слушала ихъ. То, что случилось, было неслыхано-возмутительно; всѣ глаза должны были загорѣться, всѣ души вспыхнуть негодованіемъ; между тѣмъ сочувствіе было какое-то вялое, почти дѣланное, и отъ него было противно.

Она возвращалась домой съ чувствомъ глубокаго одиночества. Была суббота. Фальцовщицы и подмастерья, съ получкою въ карманѣ, весело и торопливо расходились отъ воротъ въ разныя стороны; дѣвушекъ поджидали у воротъ кавалеры,—писаря, литографы, наборщики. У всѣхъ были чуждыя лица, всѣ были заняты только собою, и Александрѣ Михайловнѣ казалось,—лица эти такъ же мало способны освѣтиться сочувствіемъ къ чужой бѣдѣ, какъ безучастныя лица бумажныхъ Пушкиныхъ.

Громко и весело разговаривая, Александру Михайловну обогнала кучка дѣвочекъ-подростковъ; впереди, съ лихимъ лицомъ, шла Манька; подъ накинутымъ на плечи платкомъ гибко колебался ея тонкій, полу-дѣтскій станъ. У панели, рядомъ съ ломовыми дрогами, на кучѣ старыхъ рельсовъ спалъ ломовикъ.

— Дядя, зачѣмъ спишь?!—громко крикнула Манька.

Дѣвочки расхохотались.

Ломовикъ поднялъ взлохмаченную голову, молча поглядѣлъ дѣвушкѣ вслѣдъ и снова опустилъ голову на рельсы.

— Вотъ бы ему бабу здоровую подложить подъ бокъ, было бы ему тепло!—говорила Манька, быстро идя дальше.—Аа-чхи!!—вдругъ громко сдѣлала она, какъ будто чихая, прямо въ лицо двумъ стоявшимъ у панели парнямъ.

Парни пустили ей вслѣдъ сальную остроту. Дѣвочки со смѣхомъ свернули за уголъ.

«Какая все помойная яма!» съ тупымъ отвращеніемъ думала Александра Михайловна; и она вспоминала, какъ хорошо и чисто жилось ей, когда былъ живъ Андрей Ивановичъ.

Спускались бѣлыя сумерки. У ренсковаго погреба, кого-то ожидая, стояла Таня, оживленная и веселая, съ своими золотящимися, пушистыми волосами. Изъ погребка вышелъ красивый, статный гвардейскій матросъ.

— Вотъ что: килекъ не надо, будетъ селедка,—заговорила Таня, беря его подъ-руку.—Лучше винограду купимъ.

Морякъ поклонился Александрѣ Михайловнѣ. Это былъ женихъ Тани, Журавлевъ. Они пошли подъ руку черезъ улицу къ коло

ніальному магазину. Александра Михайловна смотрѣла имъ въ слѣдъ, смотрѣла, какъ они тѣсно прижимались другъ къ другу, и еще сильнѣе чувствовала свое одиночество.

IV.

Назавтра, въ воскресенье, Александра Михайловна лежала подъ вечеръ на кровати. Ей теперь вообще хотѣлось много лежать, а вчера она къ тому же заснула, когда ужъ разсвѣло: въ сосѣдней комнатѣ пьяные водопроводчики подрались съ сапожникомъ, били его долго и жестоко; залитаго кровью, съ мотающеюся, безчувственною головою, сапожника свезли въ больницу, а водопроводчиковъ отвели въ участокъ; потомъ воротился домой тряпичникъ, тоже пьяный, и сталъ бить свою жену; она ругалась и какъ будто нарочно задирала его, а онъ билъ ее еще жесточе.

Въ комнатѣ никого не было; взрослые разошлись, дѣти играли на дворѣ.

— Здѣсь Колосова живетъ, Александра Михайловна?—спросилъ въ коридорѣ громкій голосъ.—Эй, есть кто тутъ?

Александра Михайловна поспѣшно поднялась съ постели, застегивая на груди кофточку. Въ комнату вошелъ Ляховъ, съ тросточкой въ рукѣ.

— Здравствуйте!—сказалъ онъ.—Вотъ такъ квартира,—нигдѣ никого нѣтъ!

— Здравствуйте!—холодно отвѣтила Александра Михайловна.

— Моя жена не у васъ?

— Нѣтъ тутъ вашей жены.

— Нѣту... Гм!..

Ляховъ сѣлъ на качавшійся стулъ и, играя тросточкою, внимательно оглядывалъ обстановку.

— Вашъ покойный мужъ былъ глупъ!—неожиданно заявилъ онъ.

Александра Михайловна заволновалась.

— Василій Васильевичъ, если вы по хорошему пришли, то такъ, а нѣтъ, то лучше ступайте отсюда!

— Онъ былъ глупъ,—повторилъ Ляховъ.—Онъ васъ не умѣлъ цѣнить. Если бы онъ былъ немножко поумнѣе, онъ бы васъ холилъ, на рукахъ носилъ бы; онъ бы понималъ, какая у него хорошая жена. А онъ васъ только обижалъ.

Ляховъ странными, что-то таящими въ себѣ глазами оглядывалъ Александру Михайловну, и она, волнуясь, сама того не замѣчая, оправляла юбку и нащупывала пальцами, всѣ ли пуговицы застегнуты у нея на груди.

— Бросьте мастерскую, приходите ко мнѣ жить,—продолжалъ

Ляховъ, придвигаясь со стуломъ къ кровати.—Я вамъ буду платить каждый мѣсяцъ тридцать два рубля. Катьку прогоню, дамъ ей отдѣльный паспортъ. Я безъ васъ не могу жить.

Александра Михайловна, все больше волнуясь, встала и подошла къ окну.

— Я не понимаю. Василій Васильевичъ, какъ вамъ не стыдно это говорить! Вѣдь вы были другъ Андрею Ивановичу, онъ васъ любилъ...

— Онъ былъ подлецъ, завистникъ!—возразилъ Ляховъ.—Онъ меня нарочно передъ смертью женилъ на Катькѣ, по злобѣ, чтобъ вы мнѣ не достались.

— Неужели? Скажите, пожалуйста!—засмѣялась Александра Михайловна.—Мы ее, кажется, совсѣмъ напротивъ,—отговаривали идти за васъ.

— Я для того только и въ больницу ходилъ къ Колосову, чтобъ посмотрѣть, скоро ли онъ сдохнетъ,—вызывающе произнесъ Ляховъ.

— Василій Васильевичъ, уходите отсюда вонъ. Я васъ не желаю слушать!

— Зачѣмъ вы къ окну ушли?—спросилъ Ляховъ, тяжело дыша, съ тѣмъ же страннымъ, готовящимся къ чему-то лицомъ.

Онъ всталъ и подошелъ къ ней; отъ него пахло коньякомъ. Александра Михайловна старалась подавить вдругъ охватившую ее дрожь. Ляховъ, блѣдный и насторожившійся, съ бѣгающими глазами, стоялъ, загораживая ей дорогу отъ окна.

— Василій Васильевичъ, что же это будетъ?—задыхаясь, поспѣшно заговорила Александра Михайловна.—Раньше въ мастерской и на улицѣ не давали мнѣ проходу, а теперь ужъ ко мнѣ на квартиру приходите? Сами подумайте, развѣ же такъ можно!

— Я вамъ сказалъ, что я васъ люблю. А что я разъ сказалъ, отъ того ужъ никогда не отступлюсь. Все равно, вы мнѣ достанетесь, покою вамъ не будетъ... Я своего добьюсь...

Ляховъ теперь тоже задыхался. Крѣпкій, съ мускулистымъ затылкомъ, онъ смотрѣлъ въ лицо Александрѣ Михайловнѣ замутившимися, тупо-безпощадными, какъ у звѣря, глазами; и Александра Михайловна поняла,—отъ этой животной, жестокой силы ей не защититься ни убѣжденіями, ни мольбами.

Въ дверяхъ показался высокій, широколицый Лестманъ; онъ снялъ съ головы котелокъ и застѣнчиво приглаживалъ ладонью свои бѣлесые волосы.

— Иванъ Карлычъ, здравствуйте!—громко сказала Александра Михайловна и съ неестественнымъ оживленіемъ пошла ему навстрѣчу мимо Ляхова.

Ляховъ обернулся. Глаза его насмѣшливо вспыхнули.

— А-а, явленныя мощи!—протянулъ онъ.—Что такъ долго не являлись? Тебя ужъ тутъ заждались. Съ утра ждутъ,—что это милый не приходитъ?.. Мѣстечко-то, значитъ, занято! Та-акъ!..

Онъ засмѣялся, надѣлъ шляпу и, не прощаясь, вышелъ.

— Садитесь, Иванъ Карлычъ! Сейчасъ будемъ чай пить!—радушно говорила Александра Михайловна, все еще не могшая справиться съ бившею ее дрожью.

Лестманъ съ недоумѣніемъ слѣдилъ за нею.

— Такой нахалъ этотъ Ляховъ, просто я не понимаю!—сказала она.—Съ самаго того времени, какъ Андрей Ивановичъ померъ, не даетъ мнѣ нигдѣ проходу. Въ мастерской пристаетъ, на улицѣ, на квартирѣ вотъ... И придумать не могу, какъ мнѣ отъ него отдѣлаться!

— Онъ всегда былъ нахалъ. Это не было корошо, что вашъ мужъ уже давно его не прогонялъ,—произнесъ Лестманъ, покачавъ головою.

Александра Михайловна сходила за кипяткомъ и заварила чай. Лестманъ молча сталъ пить; отъ его приглаженныхъ, словно полинявшихъ волосъ, отъ плоскаго лица съ рѣдкою бородкою несло какою-то безнадежно-трезвою скукою; какъ будто и кругомъ все отъ его присутствія стало скучно-сѣрымъ.

— Что это у васъ, Иванъ Карлычъ, рука завязана?—спросила Александра Михайловна.

— Это я себѣ руку зарѣзалъ на работѣ... Фельдшеръ посыпалъ какимъ-то пульверомъ, и еще больше заболѣла. Только я понялъ, что фельдшеръ неправильно сдѣлаетъ. «Нѣтъ, я думаю, надо не такъ». Взялъ спермацетной мази, снапса и вазелина, сдѣлалъ мазь, положилъ на тряпку, и все сдѣлалось здоровое. Теперь уже можно работать, а раньше эту цѣлую недѣлю я не работалъ.

— А у васъ какъ, платятъ, когда заболѣешь?

— Если докторъ записку даетъ, тогда платятъ семьдесятъ пять копеекъ за каждый день. У насъ докторъ очень добрый, всѣмъ даетъ, а только я не хотѣлъ брать. Мастеръ всегда сердится за это. Лучше же я не буду брать, тогда онъ мнѣ будетъ давать корошую работу.

— Видно, вездѣ мастера обижаютъ рабочаго человѣка!—вздохнула Александра Михайловна.

— А вамъ и теперь всегда даютъ плохую работу?—осторожно спросилъ Лестманъ.

— Плохую. Такъ тѣснитъ мастеръ, просто я не знаю. Ужъ думаю, не перейти ли въ другую мастерскую.

Лестманъ медленно мигнулъ, и въ его бѣлесныхъ глазахъ проползло что-то. У Александры Михайловны непріятно дрогнуло сердце,

она прикусила губу и замолчала; ей стало ясно: да, онъ ждетъ, чтобъ она совсѣмъ запуталась, и чтобъ тогда пошла къ нему. И ей вдругъ представилось: гдѣ-нибудь въ темной глубинѣ моря сидитъ большая, лупоглазая рыба и разѣваетъ свой широкій ротъ, и ждетъ, когда подплыветъ мелкая рыбешка, чтобъ слопать ее...

— Вы сколько же теперь заработаете?—продолжалъ осторожно выпытывать Лестманъ.

— Да зарабатываю, собственно, ничего,—стала врать Александра Михайловна.—Двадцать рублей, а когда постараешься,—двадцать пять. Жить можно, ничего, а только все-таки обидно,—зачѣмъ они неправильно поступаютъ!

Она низко наклонилась надъ чашкою, чтобъ Лестманъ не видѣлъ ея лица, а сама думала: «Всѣмъ, всѣмъ имъ нужно одного—женскаго мяса: душу чужую по дорогѣ съѣдятъ, только бы добраться до него»... Она рѣзко и неохотно стала отвѣчать на вопросы Лестмана, но онъ этого не замѣчалъ. Помолчитъ, выпьетъ стаканъ чаю и разскажетъ, какъ онъ въ Тапсѣ собиралъ муравьиныя яйца для соловьевъ.

— Нужно взять двѣ ольховыхъ палочки, сдирать съ нихъ козицу и въ воскресенье утромъ положить крестомъ на муравьиную кучу. Всѣ муравьи уйдутъ. Можно эти яйца продавать, фунтъ стоитъ восемьдесятъ пять копѣекъ.

И опять молчитъ... Наконецъ, онъ всталъ уходить. Александра Михайловна проводила его до выхода, воротилась и сѣла къ окну. Смутныя мысли тупо шевелились въ ея мозгу, она не старалась ихъ поймать и съ угрюмою, бездумною сосредоточенностью смотрѣла въ окно. Темнѣло. Въ комнату сходились жильцы, за перегородкою пьяные водопроводчики играли на гармоникѣ. Александра Михайловна надѣла на голову платочекъ и вышла на улицу.

Въ сумеркахъ по панелямъ проспекта двигалась праздничная толпа, конки, звеня и лязгая, черными громадами катились къ мосту. Проходили мужчины, въ картузахъ, фуражкахъ, шляпахъ; у нихъ были животныя, скрыто-похотливыя и безпощадныя въ своей похотливости лица; толпа двигалась, одни лица смѣнялись другими, и за всѣми ими таилась та же прячущаяся до случая, не знающая пощады мысль о женскомъ мясѣ.

Александра Михайловна свернула въ боковую улицу. Здѣсь было тише. Еще сильнѣе, чѣмъ всегда, она ощущала въ тѣлѣ что-то тоскливо-сосущее, чего-то хотѣлось, что-то было нужно, а что,—Александра Михайловна не могла опредѣлить; и она думала, отчего это постоянное чувство,—отъ голода ли, отъ недававшихъ покоя думъ или отъ того, что жить такъ скучно и скверно? На углу тускло свѣтилъ фонарь надъ вывѣскою трактира.

— Зайти развѣ выпить?—стыдясь самой себя, подумала Александра Михайловна.

Она постояла, внимательно оглядѣлась по сторонамъ и тихонько скользнула въ дверь.

Народу въ трактирчикѣ было немного. За среднимъ столомъ, подъ лампой-молніей, три парня-штукатура пили чай и водку, у окна сидѣла за пивомъ пожилая, крупная женщина съ черными бровями. Александра Михайловна пробралась въ уголъ и спросила водки.

Молодой штукатуръ, съ пухлымъ лицомъ и большимъ, какъ у рыбы, ртомъ, обнималъ своего сосѣда и цѣловался съ нимъ.

— Пущай же объ насъ люди говорятъ, что мы худо поступаемъ!—говорилъ онъ.—Пущай. Одинъ истинный Богъ надъ нами! Алешка, вѣрно я сказалъ?.. Ярославецъ, еще бутылочку!

— Ваня! Будетъ, не надо!

— Ну, «будетъ»!

— Не надо!

— Эй, еще бутылочку!

— Ваня, не разсчитывай!

Чернобровая женщина, держа кружку за ручку, съ враждебнымъ вниманіемъ слушала ихъ.

Половой поставилъ передъ Александрой Михайловной графинчикъ, она налила рюмку и выпила. Водка захватила ей горло, обожгла желудокъ и пріятнымъ теплом разлилась по жиламъ; какъ будто сразу во всемъ тѣлѣ что-то подправилось, понурая спина выпрямилась, и обычное ощущеніе, что чего-то не хватаетъ, стало исчезать.

— Нѣтъ, не буду больше пить!—рѣшительно произнесъ Алешка. Онъ взялъ съ сосѣдняго стола «Петербургскій Листокъ», хотѣлъ было начать читать и положилъ назадъ на столъ.—Не стоитъ браться!—сказалъ онъ.

— Почему не стоитъ браться за литературу?—громко спросила чернобровая женщина, все такъ же враждебно глядя на него.—Литература издается для просвѣщенія! Въ ней пишутъ сотрудники, умные люди! Какъ же это за нее не стоитъ браться?

Штукатуры оглянулись на нее и продолжали разговаривать.

— Вотъ какой народъ здѣсь въ Петербургской губерніи,—обратилась чернобровая женщина къ Александрѣ Михайловнѣ.—Самый дикій народъ, самый грубый! Поѣзжайте вы въ Архангельскую губернію или Ярославскую. Вотъ тамъ, такъ развитой народъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. А въ Смоленской губерніи!.. Оттуда такое письмо тебѣ пришлютъ, что любо читать. А здѣсь, конечно, обломы всѣ, только что въ человѣческой кожѣ. Какъ они говорятъ: «эва! пущай!..»

Черезъ часъ Александра Михайловна вмѣстѣ съ чернобровой женщиной выходила изъ трактира. Александра Михайловна рыдала и била себя кулакомъ въ грудь.

— Я честная женщина, я не могу!—говорила она.—Уйду, уйду, отъ всѣхъ уйду!.. Жить хочешь, такъ потеряй себя... Все терпѣть, терпѣть!.. Куда же уйти-то мнѣ, Господи?

И волосы ея выбивались изъ-подъ платка, и она качала растрепанною головою, а чернобровая женщина своимъ громкимъ, увѣреннымъ голосомъ говорила:

— Это іезуитское правило,—всякій способъ оправдываетъ свое средство!.. Іезуитское нормальное состояніе...

V.

Въ понедѣльникъ утромъ разсыльный положилъ передъ Александрой Михайловной двѣ толстыя пачки веленевыхъ листовъ.

— Подожди, что это такое? Почему мнѣ два листа?—спросила Александра Михайловна.—Всѣмъ по одному дано.

— Мнѣ какое дѣло, велѣно!—отвѣтилъ разсыльный и пошелъ дальше.

— Я не возьму, неси назадъ къ мастеру, мнѣ не надо!

За веленевые листы платятъ почти столько же, сколько за обыкновенные; между тѣмъ фальцовать веленевую бумагу много труднѣе: номеровъ страницъ не видно даже на свѣтъ, приходится отгибать углы, чтобъ номеръ пришелся на номеръ; бумага ломается, при сгибаніи образуются складки.

Александра Михайловна пошла въ контору къ хозяину. Тамъ былъ и Василій Матвѣевъ.

— Викторъ Николаевичъ, позвольте узнать, почему мнѣ дали два листа «Европейской флоры?» Всѣмъ по одному дано фальцовать, Поляковой ничего, а мнѣ два.

Семидаловъ вопросительно взглянулъ на Василія Матвѣева. Онъ развелъ руками и суетливо наклонился къ хозяину.

— Такъ пришлось, Викторъ Николаевичъ, ничего не подѣлаешь. Нужно же кому-нибудь дать, поровну на всѣхъ не подѣлишь.

— Вотъ Поляковой бы ты и далъ,—сказала Александра Михайловна.

— У Поляковой другая работа есть,—возразилъ Василій Матвѣевъ, покосившись на нее.

— Да-а, другая работа! Шитье въ прорѣзку!

— Это все равно!—поучающее произнесъ хозяинъ.—Такую трудную работу нужно всѣмъ дѣлить поровну, она права. Работа на работу не приходится, нужно такъ распредѣлять, чтобъ ни-

кому не было обидно. Я вамъ это сколько разъ говорилъ. Вы знаете, что я люблю, чтобъ все дѣлалось справедливо.

Александра Михайловна съ торжествомъ воротилась въ мастерскую. Слѣдомъ за нею вошелъ Василій Матвѣевъ. Онъ медленно обошелъ работавшихъ, потомъ остановился около Александры Михайловны.

— Ты хозяину жаловаться!—проговорилъ онъ.—Посмотримъ, много ли выгадаешь. Хочешь выше мастера быть?.. Ладно!

Черезъ два дня шить въ проколку эту же «Флору» досталось опять Александрѣ Михайловнѣ. Раздачею шитья завѣдывалъ Соколовъ, одинъ изъ помощниковъ Василія Матвѣева. Александра Михайловна пошла къ нему объясняться.

— Что это тутъ за королева объявилась?.. Шей, что даютъ, и не разсуждай!—грубо отвѣтилъ онъ.

— Мнѣ, милый мой, разсуждать нечего, а я къ хозяину пойду,—спокойно возразила Александра Михайловна и отправилась въ контору.

Хозяинъ, выслушавъ Александру Михайловну, нахмурился.

— Знаете, голубушка, нельзя же все ужъ такъ поровну дѣлить,—холодно сказалъ онъ—Работа разная бываетъ, приходится иногда и потяжелѣе работу сдѣлать.

Съ этихъ поръ, завидѣвъ входящую въ контору Александру Михайловну, Семидаловъ сталъ уходить. Первое время послѣ ея поступленія въ мастерскую онъ покровительствовалъ ей «въ память мужа», передъ которымъ чувствовалъ себя въ душѣ нѣсколько виноватымъ. И его раздражало, что на этомъ основаніи она предъявляетъ требованія, какихъ ни одна дѣвушка не предъявляла, и что къ ней нужно относиться какъ-то особенно, не такъ, какъ къ другимъ.

Вообще, въ конторѣ совсѣмъ иначе относились къ дѣвушкамъ, чѣмъ къ переплетнымъ подмастерьямъ. Съ подмастерьями считались, ихъ требованія принимались во вниманіе; требованія же дѣвушекъ вызывали лишь негодующее недоумѣніе, и онѣ находились въ полной власти Василія Матвѣева съ помощниками. Подмастерья получали расчетъ каждую недѣлю, дѣвушки—черезъ двѣ недѣли; подмастерья имѣли законныя расчетныя книжки, дѣвушкамъ заработокъ вписывался въ простыя тетрадки. Иногда, просматривая списки съ платою, хозяинъ находилъ, что такая-то дѣвушка заработала слишкомъ много, вычеркивалъ девять рублей и вмѣсто нихъ ставилъ восемь.

— Попробовалъ бы онъ съ нами такъ-то, мы бы ему показали!—смѣялись подмастерья, когда дѣвушки разсказывали имъ про это.

И Александра Михайловна не могла понять, потому ли такъ

покорны дѣвушки, что имъ нѣтъ управы на контору, или потому и нѣтъ управы, что онѣ такъ покорны. Она саднящими руками вкалывала иглу въ плотную, какъ кожа, веленевую бумагу и съ глухою ненавистью слѣдила за Василіемъ Матвѣевымъ: жирный, краснорожій, надувшійся дарового кофе съ вишневкою, онъ прохаживался между верстаками, отдуваясь и рыгая; какъ будто баринъ расхаживалъ среди своихъ крѣпостныхъ; а дѣвушки, ругавшія его за глаза, въ глаза были съ нимъ предупредительны и почтительны.

Мастерская становилась Александрѣ Михайловнѣ все противнѣе. Противна была и сама работа, и шедшая отъ залежавшихся листовъ пыль, и тянувшій съ лѣстницы запахъ варившагося внизу клея; противны были люди кругомъ; брошюранты, работавшіе въ перемежку съ дѣвушками, нарочно говорили при нихъ сальности и вызывали ихъ на сальные отвѣты. Но противнѣе всего было, когда дѣвушки ссорились между собою; а ссорились онѣ часто, изъ-за каждаго пустяка; и тогда одна бросала въ лицо другой грязныя, вонючія оскорбленія, и громко уличала ее, что она живетъ на содержаніи у ретушера Образцова, а кромѣ того бѣгаетъ ночевать къ Володькѣ-водопроводчику; цинично разсказывались невѣроятныя вещи о подброшенныхъ и задушенныхъ дѣтяхъ, о продажѣ себя за бутылку пива. Мастера и брошюранты, засунувъ руки за пояса блузъ, толпились вокругъ и, довольные, покатывались со смѣху, дѣвочки-подростки съ жаднымъ любопытствомъ, слушали, блестя глазами. А поссорившіяся, какъ пьяныя, не чувствовали своего униженія и продолжали перебрасываться смрадными словами.

Больше же всего Александру Михайловну поражало, что среди дѣвушекъ не было рѣшительно никакихъ товарищескихъ чувствъ. Всѣ знали, что Грунька Полякова, любовница Василія Матвѣева, передаетъ ему обо всемъ, что дѣлается и говорится въ мастерской,—и все-таки всѣ разговаривали съ нею, даже заискивали передъ нею. И Александра Михайловна вспоминала, какъ покойный Андрей Ивановичъ съ товарищами жестоко, до полусмерти, избилъ однажды, на праздникѣ иконы, подмастерья Гусева, наушничавшаго на товарищей хозяину. Вообще Александра Михайловна часто вспоминала теперь Андрея Ивановича и удивлялась, что не замѣчала раньше, какой онъ былъ умный и хорошій; въ его мысляхъ, прежде чуждыхъ ей и далекихъ, какъ мысли книги, она теперь чувствовала правду, живую и горячую, какъ кровь; ей становилось понятнымъ его страстное преклоненіе передъ товариществомъ, тоска по слабости этого товарищества въ жизни. Почему, напр., дѣвушки втайнѣ относятся другъ къ другу, какъ къ врагамъ, когда всѣмъ имъ было бы лучше, если бы онѣ дер-

*

жались дружно? И Александра Михайловна пробовала говорить имъ это, убѣждать, но, какъ только доходило до дѣла, она чувствовала, что и самой ей приходится плюнуть на все, если не хочетъ остаться не при чемъ.

Привезутъ изъ типографіи новые листы. Всѣ дѣвушки насторожатся, глаза ихъ безпокойно бѣгаютъ; нельзя зѣвать, нужно узнать, выгодная ли работа, если выгодная,—нужно добыть ее себѣ или выклянчить у мастера. Листы обернуты картузною синею бумагою и обвязаны бичевкою, дѣвушки толпятся вокругъ, безпокойно шушукаются, разспрашиваютъ другъ друга. Входитъ мастеръ.

— У кого работа на исходѣ?—спрашиваетъ онъ.

— У меня вся,—отзывается Александра Михайловна.

— Зачѣмъ говорите? Молчите!—испуганно шепчетъ ей Таня.— Я смотрѣла: бумага толстая-претолстая, и на свѣтъ номера не видать!

Разсыльный кладетъ передъ Александрой Михайловной пахнущую типографскою краскою кипу.

— Зачѣмъ говорите, не узнавши?—съ сожалѣніемъ поучаетъ ее Таня.—Вы такъ всегда будете съ плохой работой.

— Да какъ же узнаешь-то?—раздраженно возражаетъ Александра Михайловна и, глотая слезы, глядитъ на толстую кипу, за которую опять получитъ гроши.

— А вы раньше спросите дѣвушку, которая цензурные экземпляры фальцовала. Или вотъ, какъ мы сейчасъ сдѣлали: надорвали на уголкѣ картузную бумагу и подсмотрѣли. Развернуть нельзя, тогда ужъ не позволятъ отказаться, а такъ никто и не замѣтитъ, что надорванъ уголъ, а замѣтятъ,—скажутъ: мужикъ вносилъ, угломъ зацѣпилъ за косякъ. Тутъ, знаете, если смирной быть, только одни объѣдки будутъ доставаться.

Таня нравилась Александрѣ Михайловнѣ все больше; всегда она была предупредительная, всегда готовая на помощь. Онѣ теперь работали за однимъ верстакомъ, и Таня обучала Александру Михайловну пріемамъ работы, показывала, какими способами добывать ее; возьметъ, напр., выгодную работу у Василія Матвѣева, потомъ идетъ наверхъ къ Соколову. Соколовъ отказываетъ:—«Тебѣ пусть Матвѣевъ даетъ».—«У него нѣту, онъ къ тебѣ послалъ». Наберетъ работы себѣ и Александрѣ Михайловнѣ и сложитъ все подъ верстакъ; когда же грозитъ невыгодная работа, или когда Василій Матвѣевъ тянетъ выдачу, отговариваясь недосугомъ, онѣ достанутъ изъ-подъ верстака запасную работу и дѣлаютъ ее.

— Какъ ты, Танечка, все достать умѣешь!—восхищалась Александра Михайловна.

— Тутъ иначе нельзя,—гордо отвѣчала Таня.—Отъ Косоглазаго справедливости развѣ дождешься? Всякую пакость сдѣлаетъ, особенно намъ съ вами, что мы его презираемъ, не уступаемъ ему. Вы знаете, какъ къ нему въ комнату не зайдешь,—сейчасъ начинаетъ: пойди съ нимъ на любовь... Съ боровомъ этимъ жирнымъ! Такой дуракъ! Думаетъ, не обернемся безъ него. Какъ же!

— Тебѣ-то вотъ хорошо,—вздохнула Александра Михайловна.—Работаешь ты легко, на свѣтѣ одна,—много ли тебѣ нужно? А вотъ какъ мнѣ то! Дѣвочку надо кормить, работать никакъ не приноровлюсь. Ужъ такъ другой разъ тяжело, просто я не знаю.

Таня молча теребила и сгибала уголъ браковапаго листа.

— «Много ли нужно»... Я вамъ, Александра Михайловна, всю правду скажу: мнѣ много-много денегъ нужно!—поколебавшись, заговорила она.—Мнѣ сто рублей нужно, вотъ сколько. Потому я такъ и стараюсь. Вы, знаете, осенью Петя кончаетъ службу, нужно какого нибудь дѣла искать. Надумалъ онъ поступить въ артельщики, въ биржевую артель. Дѣло отличное, пятьдесятъ рублей жалованія, доходы есть. А только нужно залогъ въ двѣсти рублей; для начала можно сто,—другія сто изъ жалованія будутъ вычитать. Вотъ видите, сколько мнѣ нужно. Восемьдесятъ рублей я ужъ скопила, еще двадцать осталось. Богъ дастъ, въ три мѣсяца всѣ сто будутъ готовы, и на свадьбу еще останется. Я бы и еще скорѣе набрала, да нужно тоже Петѣ помогать; вы знаете, какъ плохо въ солдатахъ жить безъ денегъ... Поступитъ въ артель, и сейчасъ же женимся; мастерскую брошу...

И, забывая о работѣ, она безъ конца говорила о своей любви и ожидаемой жизни.

VI.

Была середина іюля. Пора стояла глухая, заказы въ мастерскую поступали вяло. Хозяинъ распустилъ всѣхъ дѣвушекъ, которыя работали въ мастерской меньше пяти лѣтъ; въ ихъ числѣ были уволены Александра Михайловна и Таня. Онѣ поступили на кондитерскую фабрику «Крымова и К°», на Васильевскомъ Островѣ. Въ обширныхъ подвалахъ сотни дѣвушекъ и женщинъ чистили крыжовникъ и вишни, перебирали клубнику, малину, абрикосы; отъ ягодъ въ подвалахъ стоялъ веселый лѣтній запахъ, можно было на мѣстѣ ѣсть ягоды до отвалу, и платили по шестьдесятъ копеекъ въ день. Но это была временная работа, черезъ двѣ недѣли она прекратилась.

Александра Михайловна стала искать швейной работы; она

все надѣялась найти дѣло, съ котораго можно будетъ жить. Въ Старо-Александровскомъ рынкѣ ей дали на пробу сшить полдюжины рубашекъ съ воротомъ въ двѣ петли, по гривеннику за рубашку. Она заняла у Тани швейную машину, шила два дня, потратила двѣ катушки нитокъ. Въ рынкѣ съ нею расплатились по восемь копеекъ за рубашку.

— Вы же по десять отдавали!—возмутилась Александра Михайловна.

— Нѣтъ, это не подойдетъ,—холодно отвѣтилъ хозяинъ.—Желаете по восемь копеекъ,—извольте, шейте; а по десять намъ не подходитъ.

— Подходитъ, не подходитъ, а отдавали за десять, и должны по десять заплатить!

— Василій, убери товаръ!—вздохнулъ хозяинъ и взялся за жестяной чайникъ.

Александра Михайлова, прикусивъ губу, въ упоръ смотрѣла на веснушчатое, худощавое лицо хозяина.

— Ну, прощай, разживайся съ моихъ двѣнадцати копеекъ!—медленно произнесла она.

— Добраго здоровья!—лѣниво отозвался хозяинъ, отхлебывая изъ стакана желтый чай.

Александра Михайловна возвращалась домой по Невскому. Былъ Ильинъ день. Солнце сѣло; на концѣ проспекта, въ золотистой дымкѣ зари, темнѣлъ адмиралтейскій шпицъ. Александра Михайловна вяло шла,—униженная, раздраженная; она подсчитала: за два дня, за вычетомъ цѣны катушекъ, она заработала тридцать шесть копеекъ... Спускались прозрачныя, душныя сумерки; по панелямъ двигались гуляющіе, коляски и пролетки съ нарядными людьми проносились на острова; изъ раскрытыхъ дверей магазиновъ несло прохладою, запахомъ закусокъ и фруктовъ, за зеркальными стеклами красовались на блюдахъ огромныя рыбы въ гарнирѣ, паштеты, заливныя. Александра Михайловна угрюмыми, волчьими глазами смотрѣла на все, и въ ея душѣ поднималась злоба.

Навстрѣчу Александрѣ Михайловнѣ медленнымъ, раскачивающимъ шагомъ шла дѣвушка, поглядывая на встрѣчныхъ мужчинъ; въ рукахъ у нея былъ розовый зонтикъ, розовая кофточка плотно облегала корсетъ. Александра Михайловна, въ отрепанной юбкѣ, съ поношеннымъ платкомъ на головѣ, внимательно оглядѣла ее; глаза ихъ встрѣтились; изъ-подъ наведенныхъ, черныхъ бровей взглядъ дѣвушки съ презрительнымъ вызовомъ отбросилъ отъ себя полный отвращенія взглядъ Александры Михайловны, и она прошла мимо. Александра Михайловна остановилась и долго, съ пристальнымъ, гадливымъ, любопытствомъ, смотрѣла ей вслѣдъ.

На углу Владимірской дѣвушку нагналъ высокій господинъ въ цилиндрѣ; онъ близко заглянулъ ей въ лицо и что-то сказалъ ей, они сѣли вмѣстѣ на извозчика и покатили по Литейному. Александра Михайловна медленно пошла дальше. «Просто все это дѣлается!—съ негодующею усмѣшкою думала она.—Оглядѣли, какъ корову, взяли и повезли, и она спокойно ѣдетъ, и позволитъ дѣлать съ собою, что угодно. Тварь безстыдная!..» Александра Михайловна думала такъ, а сама потихоньку косилась на свое отраженіе въ зеркальныхъ стеклахъ магазиновъ: у нея красивое лицо, съ мягкими и густыми русыми волосами, красивая фигура; если бы затянуться въ корсетъ, надѣть изящную розовую кофточку, то на нее заглядывались бы мужчины. И одновременно два слоя мыслей шли черезъ ея голову, какъ, бываетъ, по небу идутъ, не мѣшаясь, два слоя облаковъ; однѣ мысли—ясныя и малоподвижныя—говорили, какъ позорно для женщины продавать первому встрѣчному то, чего никому нельзя продавать; другія мысли, мутныя и тяжелыя, быстро шли по низу, ихъ трудно было ясно различить; и онѣ говорили, что все это, напротивъ, очень просто; у женщины есть что-то, что тянетъ къ себѣ мужчинъ, за что они щедрѣе и охотнѣе всего даютъ деньги; и нужно этимъ пользоваться, глупо терпѣть,—для чего? Отчего не продавать и этого? И можно тогда бросить мастерскую, гдѣ пахнетъ пылью и варенымъ клеемъ, гдѣ брошюранты говорятъ сальности, и ходитъ, рыгая, краснорожій Василій Матвѣевъ... Александра Михайловна съ тайнымъ удовольствіемъ прислушивалась къ этимъ мыслямъ и въ то же время съ гадливымъ презрѣніемъ припоминала, какъ спокойно сидѣла въ пролеткѣ дѣвушка, которую увозившій ее къ себѣ незнакомый человѣкъ обнималъ за талію.

Темнѣло. Въ воздухѣ томило, съ юга медленно поднимались тучи. Легкая пыль пробѣгала по широкой и бѣлой Дворцовой площади, изрѣдка быстро проносилась коляска, упруго прыгая на шинахъ. Александра Михайловна перешла Дворцовый мостъ, Биржевой. По берегу Малой Невы пошли бульвары; подъ густою листвою пахло травою и лѣсомъ, отъ каналовъ тянуло запахомъ стоячей воды. Въ полутьмѣ слышался сдержанный смѣхъ, стояли смутные шорохи, чуялись любовь и счастье.

На югѣ вспыхнула синяя, безшумная молнія; улицы становились странно-тихими, только бѣлая пыль изрѣдка кружилась на нихъ. Александра Михайловна присѣла на скамейку. Никогда раньше такъ страстно не хотѣлось ей счастья,—неслыхано-большого, вольнаго и бурливаго; гульнуть, развернуться, чтобы насквозь прожгло горячимъ огнемъ и душу, и тѣло, чтобъ вихремъ вынесло ее изъ этой унизительной, грязной и скучной жизни. Ей казалось, теперь она начала понимать тѣ приступы мучитель-

ной, рвущейся куда-то тоски, которая такъ часто охватывала Андрея Ивановича; раньше она только недоумѣвала передъ ними: было бы въ домѣ тихо и мирно, хватало бы на жизнь денегъ,— чего-жъ еще? Его же этотъ тихій миръ и давилъ. И казалось ей,—теперь и ее бы этотъ миръ не удовлетворилъ, хотѣлось чего-то другого, чего,—все равно, но только чтобъ подняться надъ этою жизнью.

Александра Михайловна воротилась домой. Былъ десятый часъ вечера, Зина спала. Въ душной комнатѣ тускло горѣла лампа, жена тряпичника, въ рваной рубашкѣ, сидѣла на постели и ругалась черезъ перегородку съ хозяйкою. Сегодня праздникъ; скоро воротится тряпичникъ, мертвецки-пьяный; опять она начнетъ ругать его, и онъ, какъ собачонку, загонитъ ее подъ кровать и будетъ бить тамъ кочергой; а когда онъ, наконецъ, устанетъ и заснетъ, она выползетъ изъ-подъ кровати и со стономъ будетъ отдирать запекшуюся въ крови рубашку отъ избитаго тѣла... Уйти бы куда-нибудь! Александра Михайловна рѣшила пойти къ Танѣ.

Таня жила на томъ же дворѣ, въ другомъ флигелѣ. Она выбѣжала на звонокъ,—сіяющая, радостная; и вдругъ глаза ея потухли, лицо потемнѣло.

— Я не во-врѣмя?—сконфужено спросила Александра Михайловна.

— Нѣтъ... пожалуйста...—отвѣтила Таня упавшимъ голосомъ.

Въ маленькой чердачной комнатѣ, съ косымъ потолкомъ и окошечкомъ сбоку, было чисто и дѣвически-уютно; по карнизамъ шли красиво-вырѣзанные фестончики изъ бѣлой бумаги, на высокой постели лежали двѣ большія, обшитыя кружевами, несмятыя подушки; подушки эти клались только на день, для красоты, а спала Таня на другой подушкѣ, маленькой и жесткой.

За столомъ сидѣла пріятельница Тани, портниха Прасковья Ѳедоровна. На столѣ ворчалъ потухавшій самоваръ, стояла бутылка водки, кильки и колбаса.

Таня, въ черной юбкѣ и сѣрой шелковой кофточкѣ, была неестественно оживлена и говорлива, глаза ее блестѣли.

— Давайте, выпьемъ!—предложила она.—Не пришелъ человѣкъ, для котораго приготовлено,—и не надо! Безъ него обойдемся!

Онѣ выпили по рюмкѣ и стали закусывать.

— Ты Петра Иваныча ждала?—спросила Александра Михайловна.

— Кого ждала, того нѣту!—засмѣялась Таня, выскребая изъ склизкой кильки коричневыя внутренности; потомъ вдругъ перестала смѣяться и замолчала.—Второй ужъ разъ что-то не приходитъ,—задумчиво произнесла она.—И прошлое воскресенье за-

даромъ прождала. Что это, ужъ и не знаю. Скучно что-то, думается,—можетъ, онъ такъ себѣ только, за глупостями гнался; повозился, свое получилъ—и прочь...—Таня молчала, размазывая вилкою внутренности нетронутой кильки.—Не должно бы этого быть, ему сто рублей нужны, чтобъ въ артель внести, а въ нынѣшнее время развѣ легко такую невѣсту найти? А только видѣла я недавно, шелъ онъ съ одного двора, говоритъ,—тетка больная, а мнѣ думается, не отъ Ѳеньки-ли папиросницы онъ шелъ?.. Ну, выпьемъ еще!—лихо предложила она, наливая по второй рюмкѣ.

— Ну, Танечка, что ты!—запротестовала Прасковья Ѳедоровна.—Больно ужъ скоро!

— Ничего, а то съ первой что-й-то закуска въ ротъ не идетъ. Рюмочки маленькія.

— Вы когда же насчетъ свадьбы думаете?—спросила Прасковья Ѳедоровна.

— Думали подъ Филипповки вѣнчаться.

— И наша тогда же свадьба будетъ,—вздохнула Прасковья Ѳедоровна.

— А вы тоже замужъ выходите?—спросила ее Александра Михайловна.

— Да.

— За кого?

— За портного одного За кого же портнихѣ выходить!—засмѣялась она.

— Такой противный!—замѣтила Таня.—Хромой, носъ на сторону, рожа—вотъ!—Она смѣшно скосила губы и подперла пальцемъ носъ на сторону. Всѣ засмѣялись.

— Хорошій человѣкъ?

— Не знаю, я его мало видѣла,—равнодушно отвѣтила Прасковья Ѳедоровна.

Александра Михайловна помолчала.

— Что жъ вамъ спѣшить? Погодили бы, приглядѣлись. Знаете, другой разъ бываетъ: поспѣшишь, а потомъ пожалѣешь.

— Работать трудно,—устало произнесла Прасковья Ѳедоровна.—Мастерская у хозяйки темная, все глаза болятъ. Профессоръ Донбергъ вылечилъ, а только сказалъ, чтобъ больше не шить, а то ослѣпнешь.

— А можетъ, и у мужа придется шить?

— Та работа легкая,—оживилась Прасковья Ѳедоровна.—Мужское платье всегда выгодно шить. А дамская работа, вы знаете, какая капризная: чтобъ платье и отдѣлка подъ тонъ были, чтобъ жанръ соблюсти, чтобъ фасонъ подходилъ къ лицу; учительница,—она требуетъ, чтобъ фасонъ былъ серьезный, душенькѣ какой-нибудь,—ей шикъ надобенъ.

— Бываетъ такъ: выйдешь не подумавши, а потомъ другого полюбишь,—задумчиво проговорила Александра Михайловна.

Прасковья Ѳедоровна хитро улыбнулась, скользнула взглядомъ въ сторону и, покраснѣвъ, искоса взглянула на Александру Михайловну.

— Да я и сейчасъ люблю!—сказала она, и далекій отблескъ глубоко скрытаго, стыдящагося чувства слабо освѣтилъ ея лицо.

— Что-жъ за него не идете?

— Да онъ меня не любитъ.

— А онъ знаетъ, что вы его любите?

— Можетъ, и не знаетъ... А зачѣмъ къ намъ не ходитъ? Любилъ бы, такъ ходилъ.

Ея худое лицо съ большими черными глазами продолжало свѣтиться, на губахъ легла дѣтская, застѣнчивая улыбка.

— Нѣтъ, мой совѣтъ, подождали бы,—повторила Александра Михайловна.

— Теперь ужъ нельзя: обручальныя кольца куплены... А только не дай Богъ, чтобъ тотъ на обрученіе или на свадьбу ко мнѣ попалъ,—то-то мнѣ будетъ стыдно!

Прасковья Ѳедоровна задумалась; отблескъ съ ея лица исчезъ.

— Знаете, какія мнѣ иногда глупости приходятъ въ голову?—медленно проговорила она.

— Какія?

Прасковья Ѳедоровна помолчала и удивленно раскрыла глаза.

— Зачѣмъ жить!

— Да что вы?

— Ей-Богу!—съ улыбкой подтвердила она.

Таня, засунувъ руки между колѣнъ, блестящими отъ хмѣля глазами смотрѣла вдаль.

— Ну, будетъ, что тамъ!.. Скучно!—вдругъ сказала она.— Давайте что-нибудь веселое дѣлать. Эхъ, музыки нѣту, я бы потанцовала!

Я на горку шла,
Тяжело несла,
Уморилась, уморилась,
Уморилася!..

Она уперлась рукою въ бокъ и заплясала, веселая и удалая, притоптывая каблуками.

— Ну, ну, пойте!—настойчиво приказывала Таня, стараясь развѣять налегавшую на всѣхъ тучу тоски.

Уморилась, уморилась,
Уморилася!..

Она кружилась, притоптывала ногами и вздергивала плечомъ, совсѣмъ какъ деревенская дѣвка, и было смѣшно видѣть это у

ней, затянутой въ корсетъ, съ пушистою, изящною прическою. Александра Михайловна и Прасковья Ѳедоровна подпѣвали и хлопали въ тактъ ладошами. У Александры Михайловны кружилась голова, отъ вольныхъ, удалыхъ движеній Тани становилось на душѣ вольно, и выростали крылья, и казалось,—все пустяки, и жить на свѣтѣ вовсе не такъ ужъ скучно.

— Дернемъ еще!—снова предложила Таня, быстро наливая рюмки.

Прасковья Ѳедоровна отказалась.

— Дернемъ!—лихо отвѣтила Александра Михайловна, съ влажными губами, часто и дробно смѣясь. Въ головѣ у нея закружилось сильнѣе, становилось все веселѣе и вольнѣе: она подтоптывала Танѣ, хлопала въ тактъ ладошами и подпѣвала: «эхъ!.. эхъ!..»

Запыхавшаяся Таня опустилась на кровать рядомъ съ Прасковьей Ѳедоровной.

— Ну, Парашенька, ты намъ теперь спой!—сказала она, обнимая Прасковью Ѳедоровну.

Прасковья Ѳедоровна, задумчиво смотрѣвшая въ окно, улыбнулась.

— Что-то мнѣ и самой захотѣлось,—отвѣтила она и стала пѣть.

Пѣла она цыганскіе романсы и съ цыганскимъ ношибомъ. Голосъ у нея былъ звучный и сильный, казалось, ему было тѣсно въ комнатѣ, онъ бился о стѣны, словно стараясь раздвинуть ихъ.

Дай мнѣ упиться
И насладиться
Жизнью земной
Вмѣстѣ съ тобой!..

Александра Михайловна сидѣла у окна. Въ раскрытое окно рвался вѣтеръ и обвѣвалъ ея разгорѣвшееся лицо. За березами палисадника теперь почти непрерывно вспыхивали синія, безшумныя молніи. Прасковья Ѳедоровна пѣла, задорно обрывая одни слова и съ нѣгою растягивая другія.

Предательскій звукъ поцѣлуя
Разы-дался въ ночи-ной тишинѣ...

И пѣсня, которая жгла жаждою страсти и ласокъ, и шедшіе изъ тьмы шорохи, и разогрѣтая хмѣлемъ кровь,—все томило душу, и хотѣлось сладко плакать; но тяжело лежавшая въ душѣ мутная тоска не давала подняться этимъ свѣтлымъ слезамъ.

— Спой «Пару гнѣдыхъ»,—вдругъ попросила Таня.

— Ну, Таня, что ты? Мнѣ плакать не хочется!—улыбнулась Прасковья Ѳедоровна.

— Ну, спой! Параша, спо-ой!..—настойчиво и нетерпѣливо повторила Таня.

— Вотъ какая... упрямая. Ну, хорошо!

Прасковья Ѳедоровна запѣла. Пѣла она о томъ, какими раньше хорошими лошадьми были эти гнѣдыя. «Ваша хозяйка въ старинные годы много имѣла хозяевъ сама... Юный корнетъ и сѣдой генералъ,—каждый искалъ въ ней любви и забавы...» И вотъ она состарѣлась, и грязною нищенкою умираетъ въ углу; и та же пара гнѣдыхъ, теперь тощихъ и голодныхъ, везетъ ее на кладбище.

Тихо туманное утро въ столицѣ,
По улицѣ медленно дроги ползутъ...

Голосъ пѣвицы вдругъ оборвался, она замолчала. Александра Михайловна низко опустила голову; мутная тоска вздымалась съ душевнаго дна, душила свѣтлыя слезы, и другія слезы, горькія, какъ полынь, подступали къ горлу.

— Что это, слезы выступаютъ! Вотъ смѣшно!—засмѣялась Прасковья Ѳедоровна, быстро утирая глаза, и продолжала:

Въ гробѣ сосновомъ останки блудницы,
Пара гнѣдыхъ еле-еле везутъ...
Кто-жъ провожаетъ ее на кладбище?
Нѣтъ у нея... ни друзей, ни... родныхъ...

И опять голосъ ея оборвался. Александра Михайловна всхлипнула, Таня наклонилась надъ столомъ, сжавъ руками виски. И сидѣли онѣ всѣ трое и, уткнувшись въ руки, ревѣли, не стыдясь другъ друга, и каждая думала о себѣ...

Александра Михайловна воротилась домой поздно, пьяная и печальная. Въ комнатѣ было еще душнѣе, пьяный тряпичникъ спалъ, раскинувшись на кровати; его жидкая бороденка уморительно торчала кверху, на лицѣ было смѣшеніе добродушія и тупого звѣрства; жена его, какъ тѣнь, сидѣла на табуреткѣ, растрепанная, почти голая и страшная; лѣвый глазъ не былъ виденъ подъ огромнымъ, раздувшимся синякомъ, а правый горѣлъ, какъ уголь. По крышѣ барабанилъ крупный дождь.

Александра Михайловна подняла спавшую Зину и цѣловала ее, и плакала.

VII.

Въ этомъ году Семидаловъ праздновалъ двадцатипятилѣтіе существованія своего переплетно-брошюровочнаго заведенія. Празднованіе было пріурочено къ Успенію, въ которое обычно праздновалась икона мастерской.

Наканунѣ всѣхъ дѣвушекъ заставили съ обѣда мыть, чистить и убирать мастерскія. Онѣ ворчали и возмущались, говорили, что онѣ не полы мыть нанимались, да и поломойки моютъ полы за деньги, а ихъ заставляютъ работать даромъ. Однако, всѣ мыли, злыя и угрюмыя отъ унизительности работы и несправедливости.

На слѣдующій день въ конторѣ былъ отслуженъ молебенъ. Впереди стоялъ вмѣстѣ съ женою Семидаловъ, во фракѣ, съ привѣтливымъ, готовымъ на ласку лицомъ; его окружали конторщики и мастера, а за ними толпились подмастерья и дѣвушки. Послѣ молебна фотографъ, присланный по заказу Семидалова изъ газетной редакціи, снялъ на дворѣ общую группу, съ хозяиномъ и мастерами въ центрѣ.

Странно было видѣть, какъ вѣжливо и предупредительно разговаривалъ теперь Семидаловъ съ фальцовщицами,—совсѣмъ, какъ съ дамами своего круга; онѣ, принаряженныя, пріятно улыбались и на его шутки тоже отвѣчали шутками; Александра Михайловна, съ завитою гривкою на лбу, такъ же пріятно улыбаясь, разговаривала съ нимъ, какъ съ добрымъ знакомымъ, и старалась незамѣтно прикрыть рукою заштопанный локоть на свой парадной кофточкѣ.

— Ну, господа, прошу покорно закусить!—объявилъ Семидаловъ.

Одинъ столъ былъ накрытъ въ конторѣ для хозяина, мастеровъ и конторщиковъ, другой внизу, для подмастерьевъ, третій въ брошюровочной, для дѣвушекъ. Фальцовщицы поднялись наверхъ и нерѣшительно толклись вокругъ стола. Среди бутылокъ на большихъ блюдахъ стояли два огромныхъ, нарѣзанныхъ пирога, кругомъ на тарелкахъ красовались разнообразныя закуски.

— Съ чѣмъ пирогъ-то?

— Съ вязигой.

— Ишь, на икону всегда только водку и пиво ставятъ, а сегодня и наливка, и вино... И сардинки тоже.

— Это какъ же, сюда и дѣтей своихъ можно приводить?—спросила Александра Михайловна Таню.

У стола, неизвѣстно откуда, появились дѣти всѣхъ возрастовъ и жались къ своимъ матерямъ.

— Д-да... Не гонятъ,—отвѣтила Таня.

— Эхъ, Зину я не привела, не знала!—вздохнула Александра Михайловна.

Толпа дѣвушекъ всколыхнулась и подтянулась. Вошелъ Семидаловъ въ сопровожденіи конторщика, Василія Матвѣева и газетнаго репортера. Матвѣевъ поспѣшно налилъ въ маленькую рюмочку рябиновки и подалъ на тарелкѣ хозяину. Семидаловъ взялъ рюмочку, поднялъ ее въ уровень съ плечомъ и обратился къ дѣвушкамъ съ рѣчью. Василій Матвѣевъ тѣмъ временемъ наливалъ въ рюмки дѣвушекъ водку и наливку. Хозяинъ говорилъ что-то чувствительное насчетъ ихъ совмѣстной работы въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, насчетъ того, что интересы его работницъ всегда были ему такъ же дороги, какъ и его собственные,

просилъ и впредь со всякою нуждою прямо и откровенно обращаться къ нему. Дѣвушки слушали и безпокойно косились на столъ, высматривая себѣ закуску.

Хозяинъ кончилъ, перечокался съ дѣвушками и вышелъ. Вдругъ какъ будто вѣтромъ колыхнуло толпу дѣвушекъ и бросило ихъ всѣхъ къ столу. Александра Михайловна получила толчокъ въ бокъ и посторонилась; убранство стола скрылось отъ ея глазъ за жадно наклоненными спинами и быстро двигающимися локтями. Фокина, съ злымъ, рѣшительнымъ лицомъ, проталкивалась изъ толпы, держа въ рукахъ бутылку портвейна и тарелку съ тремя большими кусками пирога. Гавриловна хватала бутылку съ англійской горькой, Манька жадно ѣла сардинки изъ большой жестянки

— Да полегче же, господа! Что это за безобразіе!—возмущались голоса.

— Ты что всѣ сардинки забрала? Съѣла пару, и передавай дальше, возьми чего другого,—сердито кричала Манькѣ Полякова.

Александра Михайловна, прислонившись къ верстаку, изумленно смотрѣла на происходившее. Въ дверяхъ стоялъ старый конторщикъ и хохоталъ, глядя на свалку у стола; снизу, пережевывая закуску, поднялись подмастерья, заглядывали въ дверь и посмѣивались.

Къ Александрѣ Михайловнѣ подошла Таня съ двумя кусками пирога на тарелкѣ.

— Вы что же не берете ничего?—спросила она.

— Я подожду, когда онѣ возьмутъ,—сдержанно отвѣтила Александра Михайловна.

Таня улыбнулась.

— Тогда вамъ ничего не достанется. Вотъ вамъ кусокъ, давайте вмѣстѣ ѣсть.

Столъ опустѣлъ. Фальцовщицы, спиною другъ къ другу, поѣдали по угламъ добычу и одѣляли ею приведенныхъ дѣтей.

— Это у васъ всегда такъ?— спросила удивленная Александра Михайловна.

Таня, закусивъ губу, съ презрѣніемъ оглядывала дѣлившихъ добычу дѣвушекъ и смѣявшихся въ дверяхъ подмастерьевъ.

— Тутъ, у дѣвушекъ, всегда,— отвѣтила она.—Въ переплетной, у подмастерьевъ, тамъ все честь-честью дѣлается; выпьютъ, закусятъ, потомъ опять выпьютъ. А здѣсь—только моргни, все расхватаютъ. Такія жадины, боятся, какъ бы кому больше не досталось. Другая тутъ поѣстъ, еще внизъ идетъ, къ подмастерьямъ. Тѣ ее, конечно, гонятъ прочь: «чего тебѣ тутъ? Вамъ тамъ наверху накрыто!..»

Закуски были съѣдены, напитки выпиты. Столы отодвинули въ сторону, явились подмастерья; начались танцы. Пожилыя работницы уходили съ дѣтьми домой.

Александрѣ Михайловнѣ, выпившей только маленькую рюмку наливки, не хотѣлось веселиться. Въ большія окна смотрѣлъ туманный день и блѣднымъ свѣтомъ отражался на полу. Александра Михайловна вглядывалась въ давно приглядѣвшіяся лица дѣвушекъ, и въ тускло-бѣломъ, трезвомъ свѣтѣ дня ихъ хмельныя лица казались отвратительными. Она видѣла, какъ разговаривали и шутили съ дѣвушками подмастерья, какъ охватывали ихъ и прижимали къ туловищу, когда танцовали: никогда бы они такъ не держались съ женами и дочерьми своихъ товарищей... Александра Михайловна вспоминала Андрея Ивановича, вспоминала исчезнувшую изъ Петербурга Елизавету Алексѣевну и ея знакомыхъ, и казалось ей: и она, и всѣ кругомъ—живутъ и двигаются въ какой-то глубокой, темной ямѣ; наверху брежжитъ свѣтъ, яркими огоньками загораются мысль, честь и гордость, а онѣ копошатся здѣсь внизу, въ сырой тьмѣ, ко всему равнодушныя, чуждыя свѣту, какъ мокрицы.

И передъ Александрой Михайловной встала гордая голова Андрея Ивановича; какъ хорошо было жить тогда, какъ хорошо было чувствовать надъ собою его сильную и увѣренную въ себѣ волю...

Темнѣло. Переплетный подмастерье Генрихсенъ, толстый и усатый, отдуваясь, танцовалъ съ Поляковой русскую; кругомъ смотрѣли и смѣялись. Снизу поднялся мертвецки-пьяный Ляховъ. Блѣдный, съ падающими на лобъ волосами, онъ пошатывался на мѣстѣ и выглядывалъ кого-то въ толпѣ танцующихъ.

Александра Михайловна поспѣшно подошла къ Танѣ.

— Что, Танечка, смотрѣть? Будетъ! Пойдемъ лучше, пройдемся.

Онѣ вышли на улицу. Туманъ сталъ еще гуще; какъ будто громадный, толстый слой сырой паутины спустился на городъ и окуталъ улицы, дома, рѣку; огни фонарей свѣтились тускло-желтыми пятнами, дышать было тяжело и сыро.

— Да, недаромъ покойникъ Андрей Ивановичъ презиралъ женщинъ,—задумчиво сказала Александра Михайловна.—Смотрю я, вотъ на нашихъ дѣвушекъ и думаю: вѣрно, вѣдь, онъ говорилъ. Пойдетъ дѣвушка на работу,—безстыдная станетъ, водку пьетъ. Андрей Ивановичъ всегда говорилъ: дѣло женщины—хозяйство, дѣти... И умиралъ, говорилъ мнѣ: «Одинъ завѣтъ тебѣ, Шурочка,—не иди къ намъ въ мастерскую!» Онъ зналъ, что говорилъ, онъ очень былъ умный человѣкъ...

Онѣ перешли Тучковъ мостъ и свернули на бульваръ Средняго проспекта.

— Бывало, когда живъ былъ, хорошо все это такъ было, тихо, весело,—мечтательно разсказывала Александра Михайловна.—Въ будни дома сидишь, шьешь на дѣвочку, на мужа. Въ праздникъ

пирогъ спечешь, коньяку купишь; онъ увидитъ, обрадуется. «Вотъ, скажетъ, Шурочка, молодецъ! Дай, я тебя поцѣлую!» Коньякъ онъ, можно сказать, обожалъ... Вечеромъ вмѣстѣ въ Зоологическій, бывало, поѣдемъ... Хорошо, Танечка, замужемъ жить. О деньгахъ не думаешь, никого не боишься, одинъ тебѣ хозяинъ,—мужъ. Никому въ обиду тебя не дастъ... Вотъ бы тебѣ поскорѣй выйти!

— Я скоро выйду,—отвѣтила Таня.

— Да ну?—обрадовалась Александра Михайловна и заглянула въ ея улыбавшееся лицо.—Петра Иваныча видаешь?

— Какъ же! Съ тѣхъ поръ, какъ, помните, вы у меня были, три раза приходилъ. Дура я такая, Богъ знаетъ, что тогда подумала. А у него вправду тетка хворала, больше ничего. Недавно даже померла, хоронилъ въ воскресенье... Сядемъ здѣсь!

Онѣ сѣли на скамейку бульвара около шестой линіи. Окна магазиновъ были темны, только въ мелочныхъ лавочкахъ свѣтились огни. По бульвару двигалась праздничная толпа. Заморосилъ мелкій дождь; туманная паутина, казалось, насѣдала на городъ и становилась все гуще. Электрическій фонарь на перекресткѣ, сіяя яркимъ огнемъ, шипѣлъ и жужжалъ, какъ будто громадная голубая муха запуталась въ этой туманной паутинѣ и билась, не въ силахъ вырваться.

— Августъ мѣсяцъ теперь,—сказала Таня.—Въ октябрѣ или ноябрѣ вѣнчаться будемъ, онъ самъ сказалъ. Отбудетъ службу и сейчасъ же въ артельщики, ему ужъ обѣщали. И сто рублей къ тому времени будутъ готовы.

— Ну, дай тебѣ Богъ!—отъ души произнесла Александра Михайловна.

— А правда, Александра Михайловна, красивый онъ?—оживившись, заговорила Таня.—Всякій, кто ни посмотритъ, удивляется. Изъ всей команды его напередъ ставятъ на смотрахъ, всѣ дѣвушки на него заглядываются. А онъ говоритъ: «Никого мнѣ не надо, только тебя, говоритъ, одну я люблю...» И знаете, я вамъ ужъ всю правду скажу: я беременна отъ него. Третій мѣсяцъ... Ребеночекъ будетъ у насъ. Правда, смѣшно?

Она не стыдилась, гордая своею любовью; она радостно улыбалась и разсказывала, разсказывала безъ конца. На ея пушистыхъ золотыхъ волосахъ осѣли мелкія капельки дождя, отъ круглаго лица вѣяло счастьемъ, и казалось, сквозь холодный, осенній туманъ свѣтится теплая, счастливая весна. Александра Михайловна разспрашивала, давала совѣты, и на душѣ у нея тоже становилось тепло и чисто.

Ярко-синій огонь въ фонарѣ шипѣлъ и жужжалъ, и безсильно бился, плотно охваченный мутнымъ туманомъ.

— Ну, Танечка, домой пора. Пойдемъ!—предложила Александра Михайловна

Онѣ встали и пошли по панели обратно. Мимо нихъ со смѣхомъ прошла вышедшая изъ портерной компанія изъ двухъ дѣвушекъ и трехъ кавалеровъ; въ темнотѣ блеснули золотыя буквы на черно-оранжевомъ околышѣ матросской фуражки.

Таня дрогнула и остановилась.

— Петька!—крикнула она и, быстро повернувшись, пошла догонять прошедшую компанію.

Александра Михайловна стояла и ждала. Вдали, въ туманѣ, что-то вдругъ колыхнулось, темные силуэты заметались, взмахивая руками. Александра Михайловна поспѣшно пошла туда.

Таня стояла, прислонясь спиною къ фундаменту дома и опустивъ голову, а высокая дѣвушка въ шляпѣ съ краснымъ перомъ била ее по лицу; компанія стояла въ отдаленіи и смотрѣла. Дѣвушка лихо повернулась и, гордо неся голову, пошла къ своимъ.

— Погоди же ты, Петька!—всхлипнула Таня.

— Что-о?!

Дѣвушка быстро воротилась къ Танѣ и снова сильно, съ размаху, стала сверху бить ее по лицу.

— Бе-ей!—весело крикнулъ съ улицы прохожій парень.

Собиралась толпа.

— Баба бабу!.. Вотъ такъ ло-овко!—смѣялись въ толпѣ.

— Еще просишь? Просишь, что-ль, еще?—громко крикнула дѣвушка.

Таня стояла, закрывъ лицо руками.

— Дово-ольно!—всхлипнула она, втягивая носомъ лившую изъ него кровь.

Дѣвушка пошла къ компаніи, и они съ громкимъ смѣхомъ исчезли въ туманѣ.

VIII.

Въ началѣ сентября работа въ мастерской кипѣла. Наступилъ книжный и учебный сезонъ, въ громадномъ количествѣ шли партіи учебниковъ. Теперь кончали работать въ десять часовъ вечера, мастерскую запирали на ключъ, и раньше никого не выпускали. Но выпадали дни, что дѣлать было нечего, а дѣвушекъ все-таки держали до десяти: мастера за сверхъурочные часы получали по пятнадцати копѣекъ въ часъ, и они въ это время, тайно отъ хозяина, работали свою частную работу,—заказъ писчебумажнаго магазина на школьныя тетради.

Былъ одинъ изъ такихъ вечеровъ. Дѣвушки,—злыя, раздра-

женныя,—слонялись по мастерской безъ дѣла. Только Грунька Полякова, не спѣша, фальцовала на уголъ объявленія о санатогенѣ,—работа легкая и выгодная, да шили книги двѣ дѣвушки, на дняхъ угостившія Матвѣева мадерой.

Александра Михайловна забыла оставить дома поужинать Зинѣ; на душѣ у нея кипѣло: дѣвочка ляжетъ спать не ѣвши, а она тутъ, неизвѣстно для чего, сидитъ, сложа руки. Въ комнатахъ стоялъ громкій говоръ, за верстаками хихикала Манька, которую прижалъ къ углу забредшій снизу подмастерье Новиковъ. Гавриловна переругивалась съ двумя молодыми брошюрантами; они хохотали на ея циничныя фразы и подзадоривали ее, Гавриловна дѣлала свирѣпое лицо, а въ морщинистыхъ углахъ ея черныхъ губъ дрожала самодовольная улыбка.

Александра Михайловна встала и вошла въ комнату мастера.

— Василій Матвѣевъ, давай работы!—рѣшительно сказала она.—А нѣтъ работы, такъ отпусти: у меня ребенокъ дома ждетъ.

— Да сейчасъ же сейчасъ привезутъ листы, сказано вамъ!—нетерпѣливо увѣщевающимъ голосомъ возразилъ Василій Матвѣевъ.—Мужикъ ужъ часъ назадъ въ типографію поѣхалъ.

— И вовсе никуда мужикъ не поѣхалъ! А въ десять часовъ скажешь: «видно, задержали его, идите домой»... Отпусти... Василій Матвѣевъ!

— Чтой-то ты, Колосова, много разговариваешь!—удивленно протянулъ Матвѣевъ и поднялъ на нее свои тусклые, косые глаза. И было въ нихъ спокойствіе и увѣренное сознаніе силы, и нетерпѣливая скука, какъ отъ привязавшейся ничтожной мухи; и противно, и жутко стало Александрѣ Михайловнѣ: сколько власти надъ ними дано этому пропитанному жиромъ и водкою человѣку. Закусивъ губу, она молча вышла вонъ.

У окна сидѣла Таня и, облокотившись о подоконникъ, задумчиво смотрѣла сквозь стекла на темную улицу. Александра Михайловна подсѣла къ ней. Таня очнулась отъ задумчивости и привычнымъ движеніемъ оправила свои пушистые волосы.

— А Фокина, вѣдьма, разглядѣла, подлая, что я беременна,—сказала она.—Сейчасъ спрашиваетъ меня: «что это ты, Танечка, словно полнѣешь въ таліи?» Ужъ по всей мастерской раструбила.

— Э, наплевать!—отозвалась Александра Михайловна.

— Да понятное дѣло, плевать!—гордо встрепенулась Таня.—Очень нужно!..—Она замолчала и опять стала смотрѣть въ окно.—А ко мнѣ вчера Петя приходилъ, прощенія просилъ.

— Долго собирался! Двѣ недѣли цѣлыхъ!—усмѣхнулась Александра Михайловна.

— Ему стыдно было, не смѣлъ... Говоритъ, очень ему тогда

было жалко меня, а только совѣстно было передъ товарищами заступиться... Это Ѳенька-папиросница была.

— Хорошъ молодецъ! Говоритъ,—любитъ, а совѣстно заступиться!

— Нѣтъ, Александра Михайловна, вы такъ не говорите. Онъ хорошій. Зачѣмъ вы объ немъ такъ плохо понимаете? Конечно, всѣмъ завидно,—всякой лестно такого красавца отбить. А онъ этой Ѳеньки-шлюхи больше и видѣть не можетъ. Только, говоритъ, скопишь сто рублей,—и женимся.

— А знаешь, Танечка, что мнѣ думается? Не любитъ онъ тебя. Любилъ бы, не говорилъ бы все про деньги.

Таня тоскливо повела плечами.

— Александра Михайловна, да какъ же вы не понимаете?—дрожащимъ, взволнованнымъ голосомъ возразила она.—Вѣдь ему, правда, деньги нужны, безъ залога въ артель не принимаютъ. Какъ же жить будемъ?.. Хорошо еще, пока залогъ берутъ небольшой; а скоро, говорятъ, семьсотъ рублей будутъ требовать,—очень ужъ много желающихъ... Батюшки, вѣдь сегодня суббота!—поспѣшно прервала она себя.—А лампадка не оправлена, не зажжена!..

Таня придвинула табуретку, взобралась на верстакъ и, перекрестившись, стала оправлять лампадку. Проходившій мимо брошюрантъ Егорка подмигнулъ и, протянувъ руку горстью по направленію къ юбкѣ стоявшей на цыпочкахъ Тани, сдѣлалъ неприличный жестъ. Брошюранты засмѣялись. Таня оглянулась и, покраснѣвъ, быстро протянула руку, чтобы оправить юбку. Рука задѣла за лампадку, лампадка перекувырнулась и дугою полетѣла на верстакъ. Зазвенѣло разбившееся стекло, осколки посыпались на полъ. Таня соскочила съ верстака.

— Ахъ, батюшки!—въ испугѣ воскликнула она.

Зеленое масло, перемѣшанное съ нагаромъ, пролилось на стопку ярко раскрашенныхъ обложекъ. Отъ обгорѣлаго фитиля расплывались пятна на дѣвочку и собаку въ зелени и на красное заглавіе «Приключенія Амишки»; уголъ высокой стопки медленно впитывалъ въ себя грязное масло.

Василій Матвѣевъ вышелъ изъ своей комнатки.

— Что случилось?—Онъ подошелъ къ верстаку, взглянулъ на залитую стопку и строго нахмурился.—Кто это сдѣлалъ?—спросилъ онъ, не глядя на Таню.

— Я,—отвѣтила она.

— Та-акъ...—Василій Матвѣевъ сталъ перебирать стопку.—Придется перепечатывать тебѣ!—вздохнулъ онъ.—Вотъ, пятьсотъ штукъ залила!

Таня обомлѣла.

*

— Сколько же это будетъ стоить?—спросила она срывающимся голосомъ.

— Въ восемь красокъ печатана...Рублей пятьдесятъ заплатишь,— неохотно отвѣтилъ Василій Матвѣевъ.—Пойти хозяину показать.

Онъ лѣнивo прошелъ назадъ въ свою комнату.

— Пойди, поговори съ нимъ!—испуганно произнесла Дарья Петровна.—Можетъ, что можно сдѣлать, хозяинъ не узнаетъ... А скажетъ,—готово дѣло, придется тебѣ на свой счетъ печатать.

— И вправду, иди скорѣй!—поддержала ее Фокина.

— Пятьдесятъ рублей,—что же это, Господи!—въ ужасѣ говорила Дарья Петровна.

Таня, съ испуганнымъ, растереннымъ лицомъ, пошла къ мастеру. Черезъ двѣ минуты она воротилась; блѣдная, съ большими и словно сразу впавшими глазами, она припала къ верстаку и зарыдала.

— Что онъ сказалъ тебѣ?—спрашивала Александра Михайловна.

— Подлецъ, негодяй грязный!—сквозь рыданія повторяла Таня.—Негодяй, негодяй, негодяй!..

— Да что онъ сказалъ-то тебѣ?

— Могу, говоритъ, сдѣлать, что хозяинъ ничего не узнаетъ... Оо-о!.. Мерзавцы подлые!..

Таня быстро подняла голову, съ громадными, блестящими глазами на блѣдномъ лицѣ.

— Поѣдемъ, говоритъ... въ баню съ тобой!—громко и раздѣльно произнесла она и, зарыдавъ, снова припала грудью къ верстаку.

— Въ баню, говоритъ, поѣдемъ!—передала Александра Михайловна окружающимъ. Бѣшеная злоба сдавила ей дыханіе; ей хотѣлось, чтобъ кто-нибудь громко, изступленно крикнулъ: «дѣвушки, да докуда же мы будемъ терпѣть?!»—и чтобъ всѣмъ вбѣжать къ Матвѣеву, повалить его и бить, бить эту жирную тушу ногами, стульями, топтать каблуками... Дарья Петровна съ сожалѣніемъ смотрѣла на Таню, глаза Фокиной мрачно горѣли.

Таня рыдала, не глядя на окружающихъ.

— Э, ступай, чего тамъ!—рѣшительно и цинично произнесла Гавриловна.—Тоже, подумаешь... Авось,—не лужа, останется и для мужа!

Вошелъ Василій Матвѣевъ, красный, съ злыми глазами.

— Ты что тутъ на меня врешь?—злобно обратился онъ къ Танѣ.

Таня выпрямилась и, прижимая руки къ груди, въ упоръ смотрѣла на Матвѣева.

— Подлецъ ты, подлецъ, Василій Матвѣевъ!—раздѣльно произнесла она.

— Вамъ что тутъ нужно, чего толчетесь?—обратился Матвѣевъ къ окружающимъ.—Ступай, берись за работу! Что за безпорядокъ!

— За какую работу-то браться? — грубо спросила Фокина.

— Аль все нѣту еще? Ну, значитъ, не готовы листы въ типографіи. Можно шабашить.

Дѣвушки стали расходиться. Таня продолжала рыдать, припавъ къ верстаку.

— Ну, Таня, будетъ! Что ужъ такъ убиваться!—утѣшала Александра Михайловна.—Вѣдь прибавилъ, небось, мастеръ. Ну, двадцать-пять, тридцать рублей вычтутъ; работаешь ты хорошо, скоро наверстаешь.

— Александра Михайловна, милая! Мнѣ спѣшить нужно!—въ тоскѣ сказала Таня.—Еще годъ пройдетъ,—не женится на мнѣ Петя. Ребенокъ у меня будетъ, а онъ легкій сердцемъ, закрутятъ его. Другую невѣсту найдетъ съ приданымъ, за такого всякая пойдетъ. Теперь не женится,—броситъ...

Она замолчала, широко-раскрытыми, красными и опухшими глазами глядя передъ собою.

— Уу, подлецъ грязный!—съ отвращеніемъ всхлипнула она, и трепетъ пробѣжалъ по ея тѣлу.

И она продолжала неподвижно смотрѣть передъ собою, и вдругъ подняла на Александру Михайловну свое распухшее, жалкое лицо.

— Скучно мнѣ, Александра Михайловна... Милая!.. Такъ скучно!..—ломающимся отъ слезъ голосомъ воскликнула она и схватилась за руку Александры Михайловны,—крѣпко, какъ будто стараясь удержаться за нее.

— Таня, слушай!—заговорила Александра Михайловна, задыхаясь.—Не бойся, я тебѣ все устрою!.. Не бойся, иди домой, вотъ увидишь, все выйдетъ по хорошему... Я къ тебѣ нынче же приду, жди меня, слышишь?.. Вотъ увидишь, какъ все будетъ хорошо... Не бойся!—радостно повторяла она.

Александра Михайловна вышла въ прихожую и поспѣшно одѣлась. Внизу слышенъ былъ говоръ спускавшихся по лѣстницѣ дѣвушекъ. Александра Михайловна догнала ихъ.

— Дѣвушки, слушайте!—одушевленно заговорила она.—Давайте, соберемъ межъ себя деньги, поможемъ Танѣ!

Дарья Петровна растерянно взглянула на нее и смѣшалась.

— Правда, дѣвушки!—убѣждала Александра Михайловна.—Ну, что стоитъ! По рублю, по два всякая можетъ дать. Не помремъ съ голоду изъ-за рубля. А ей помощь будетъ... Всѣ надъ Ваською Матвѣевымъ посмѣемся.

Фокина, покручивая головою, молча смотрѣла въ глаза Александрѣ Михайловнѣ и вдругъ громко расхохоталась.

— Ловко придумала!.. У меня вотъ пять ребятъ,—нужно ихъ накормить, ай нѣтъ?.. Выдумала... Очень нужно.

— Рубль! Для бѣднаго человѣка рубль много значитъ, если онъ нуженъ,—враждебно замѣтила другая дѣвушка.

— Ничего, пускай съѣздитъ въ баньку, попарится съ мастеромъ! За баню не платить, все экономія!—сказала Гавриловна и хрипло засмѣялась.

— Честною захотѣла остаться на чужой счетъ!—ядовито прибавилъ кто-то.

IX

Александра Михайловна возвращалась домой съ Дарьей Петровной. Ее поразило: не только никто не откликнулся на ея призывъ, а напротивъ, послѣ перваго взрыва возмущенія, явилась даже какъ будто вражда къ Танѣ; никто даже не обрѣзалъ Гавриловну за ея гнусныя слова. За что все это?.. Возбужденіе Александры Михайловны смѣнилось усталостью, на душѣ было обычное тупое отвращеніе ко всему.

— Знаете, гдѣ жъ у насъ что собрать!—говорила Дарья Петровна своимъ смиреннымъ голосомъ, угодливо заглядывая Александрѣ Михайловнѣ въ глаза.—Вѣдь сами всѣ вродѣ какъ бы нищія живутъ. А у ней вонъ, у Танечки, говорятъ, не одна ужъ десятка припасена.

Александра Михайловна молчала. Онѣ проходили по Большому проспекту мимо трактира.

— Зайдемъ, выпьемъ полбутылочки,—предложила Дарья Петровна, какъ будто стараясь чѣмъ-нибудь загладить свой отказъ.

— Нѣтъ, мнѣ домой пора, дѣвочка ждетъ!—рѣшительно отказалась Александра Михайловна.— Она сегодня еще не ужинавши.

— Вы не стѣсняйтесь! У меня сейчасъ деньги есть, другой разъ вы меня угостите. А дѣвочка все равно ужъ заснула.

Александра Михайловна колебалась: домой идти,—придется зайти къ Танѣ; а что она ей теперь скажетъ?.. Александра Михайловна согласилась.

Онѣ вошли въ трактиръ. Александра Михайловна прошла въ заднюю комнату, конфузливо опустивъ лицо. Подали водку, онѣ выпили по рюмкѣ.

Наверху ухалъ и гудѣлъ органъ. Около окна сидѣлъ стройный студентъ-медикъ и читалъ «Стрекозу». Полная, высокая дѣвушка въ пышной шляпѣ пила за сосѣднимъ столикомъ пиво и громко переговаривалась черезъ комнату съ другою дѣвушкою, сидѣвшею у печки.

Дарья Петровна налила рюмки. Онѣ снова выпили.

— Эхъ, жалко мнѣ Таню,—вздохнула Александра Михайловна.

Дарья Петровна подняла на нее глаза и улыбнулась медленною, загадочною улыбкою.

— Ничего-то вы, милая Александра Михайловна, не знаете, ничего не понимаете!—проговорила она.—Знаете, я вамъ по секрету скажу: рано, поздно, все равно не миновать Танечкѣ Косоглазаго... Поглядите сами, развѣ съ нашей работы можно честно прожить? Не она первая, не она послѣдняя.

Александра Михайловна широко раскрыла глаза.

— Я вамъ всю правду-скажу,—продолжала Дарья Петровна.—Всѣ такъ дѣлаютъ. Вѣдь Василій Матвѣевъ у насъ все равно, что хозяинъ, сами знаете. Хочетъ—дастъ жить, не хочетъ—изморитъ работою, а получишь грошъ. И вездѣ такъ, вездѣ мастеру надъ дѣвушками власть дана. А ѣсть-то всякой хочется. Вѣдь человѣкъ для того и живетъ, чтобъ ему полегче было. Поступитъ дѣвушка,—ну, сначала, конечно, бодается, пока силъ хватаетъ, а потомъ и уступитъ. Что-жъ дѣлать, если свѣтъ нынче сталъ такой нехорошій?

Дарья Петровна снова наполнила рюмки и выпила свою. Александра Михайловна, не шевелясь, продолжала смотрѣть на нее.

— Хорошо вотъ, вы такая гордая, настойчивая,—льстиво говорила Дарья Петровна.—А много ли у насъ такихъ? Грунька Полякова, сами знаете, и сейчасъ живетъ съ нимъ, Маньку два раза къ себѣ увозилъ. Съ Гавриловной когда-то годъ цѣлый жилъ. А Фокина вотъ,—на что ужъ непоклонная, а сколько разъ къ нему хаживала, какъ помоложе была... Я вамъ правду скажу: которая дѣвушка замужняя, или помогу имѣетъ со стороны,—ну, та можетъ куражиться; а нѣтъ помоги, что-жъ подѣлаешь? Вонъ у Фокиной пятеро ребятъ, всѣхъ одѣнь-обуй; какъ тутъ куражиться?

— И вы, вы тоже уступали ему?!

— Я... я-то?.. Я-то нѣтъ... Зачѣмъ я ему буду уступать?

— Господи, и какъ не стыдно!—проговорила Александра Михайловна, глядя ей въ глаза и качая головою.

Дарья Петровна хмѣлѣла; въ ея смиренныхъ глазахъ мелькнули ненависть и вызовъ.

— Что-жъ—«стыдно»? Со стыдомъ, милая, сыта не будешь!.. Еще поглядимъ, какъ другія-то всякія себя соблюдутъ...

Новое что-то, широкое и страшное, раскрывалось передъ Александрой Михайловной. Такъ вотъ оно что! Вотъ отчего всѣ были такъ странно равнодушны, когда она сообщала о приставаніяхъ къ ней мастера, вотъ почему была словно тайная радость, когда Таня попала въ бѣду.

Обѣ замолчали. Александра Михайловна залпомъ выпила свою

рюмку. Въ головѣ шумѣло, передъ глазами было смиренное, желто-блѣдное, ничего не выражавшее лицо Дарьи Петровны, и жутко было это отсутствіе выраженія на ея лицѣ послѣ того, что она сейчасъ говорила.

Наверху попрежнему ухалъ и звенѣлъ органъ. Полная дѣвушка въ пышной шляпѣ, сидѣвшая у сосѣдняго столика, переговаривалась съ нарумяненною дѣвушкою, сидѣвшею у печки.

— Ты вчера именинница была?—спрашивала нарумяненная дѣвушка.

— Нѣтъ, меня вправду Матреной звать, а не Лизаветой,—отвѣчала полная дѣвушка.—А это я студента одного надула, чтобъ подарокъ мнѣ сдѣлалъ. Я двѣнадцать разъ въ году именинницей бываю, и на Вѣру-Надежду-Любовь, и на Катерину, и на Зинаиду, и на Наталью... Вотъ подвязки подарилъ; говоритъ, три рубля отдалъ. Вретъ, конечно, не больше полутора заплатилъ.

Дѣвушка, не стѣсняясь, подняла юбку выше колѣна и показала новыя, ярко-красныя подвязки.

Она говорила громкимъ, немного сиплымъ голосомъ, съ веселою улыбкою, и видно было, что говоритъ она не для подруги, а для студента.

Студентъ опустилъ «Стрекозу» на столъ и смотрѣлъ на дѣвушку.

— Правда, яркія?—обратилась она къ нему.

— Это Матрешка Грушева, тоже въ нашей мастерской была,—прошептала Дарья Петровна.—Какъ бы не узнала. Такая безстыдная, нахальная; заговоритъ при всѣхъ, оконфузитъ насъ передъ людями.

— Вотъ, студенты-медики! Такой это народъ,—ничего не боятся!—сказала полная дѣвушка, обращаясь къ подругѣ.—Въ воскресенье ночевала я у одного на Введенской улицѣ; проснулась ночью, хвать,—прямо рукой за *стелетъ* зацѣпила! Кости сухія висятъ, щелкаютъ,—такія страсти! И спятъ себѣ, не боятся ничего. То-то живодеры!.. И шутки тоже любятъ шутить. Намедни идемъ мы три дѣвки, всѣ пьяныя вдрызгъ, «мама» сказать не можемъ. Взяли насъ студенты, повезли куда то. Пьяна я была, ничего не помню, не знаю, что они съ нами дѣлали. Только проснулась, вижу — холодный кто-то рядомъ. Зажгла спичку,—мертвецъ!.. Въ анатомическій завезли насъ, подлецы! Кожа содрана, руки скрючены. У меня весь хмѣль соскочилъ. Намъ бы три ступеньки вверхъ подняться, они всѣ тамъ были, а мы—внизъ, да поскорѣе домой. Не знаю, какъ добралась, рукавъ весь въ крови испачканъ, карбовкой пахнетъ.

Она оглядѣла всѣхъ, медленно улыбаясь. Дарья Петровна поспѣшно наклонилась лицомъ надъ скатертью; Александра Ми-

хайловна слушала съ пристальнымъ, дѣтскимъ любопытствомъ, стыдясь и удивляясь, какъ она все это можетъ разсказывать. Дѣвушка подмѣтила выраженіе ея взгляда, увидѣла бѣдную, отрепанную одежду сосѣдокъ и продолжала, рисуясь своимъ цинизмомъ.

— А все-таки люблю студентовъ,—хорошій народъ, правильный! Не то, что купцы,—тѣ все жулики. Намедни гуляю по пришпехту, важный купецъ подошелъ,—въ котелкѣ, пальто шевіотовое. Пріѣхалъ со мною ко мнѣ, полбутылки коньяку спросилъ въ два рубля, лимонаду. Ну, думаю, не иначе, какъ онъ мнѣ двадцать пять рублей за ночь заплатитъ. Легли спать: вижу, хорошій человѣкъ, подвалилась ему подъ бочокъ и заснула. Онъ потихоньку всталъ, одѣлся и удралъ. Слышу, дверь хлопнула, вскочила,—какъ бѣжать за нимъ? Я въ одной рубашкѣ! Такъ и удралъ, ничего не заплативши. И за коньякъ самой пришлось отдать деньги... Ну, да я ему еще отплачу! Кислоты на двадцать копеекъ куплю, пойду гулять, встрѣнусь,—я его сразу узнаю,—да сзади потихоньку все пальто ему и оболью. Въ пятьдесятъ рублей ему моя ночка встанетъ.

Студентъ, положивъ газету на колѣни, слушалъ, слегка улыбаясь; онъ былъ красивый и стройный, съ мягкою русою бородкою.

— До чего я толстѣю!—вздохнула дѣвушка, оправляя пунцовый бантикъ на полной, бѣлой шеѣ.—Запонка не сходится, пришлось на самый край перешить пуговку... Вотъ Лелька, та сухая, какъ кошка; идетъ гулять, за корсетъ полотенце запихиваетъ. А мнѣ этого не надо, у меня все свое, натуральное...

Дѣвушка медленно взглянула на студента.

— Вотъ въ кого бы я влюбилась! Какой хорошенькій—прелесть!—сказала она.—Мужчина, пойдемъ со мной!—вполголоса прибавила она.

Студентъ сердито нахмурился и молча взялся за журналъ.

Она пересѣла къ его столу и переставила туда же свою бутылочку съ пивомъ. Бутылка студента была уже пуста.

— Я сегодня только что вышла, тебя перваго встрѣтила,—говорила дѣвушка, наливая изъ своей бутылки пиво въ стаканъ студента.

— Не надо, зачѣмъ вы мнѣ наливаете?—возмутился студентъ.

— Это моя бутылка, я плачу,—успокоила его дѣвушка.

Студентъ выпилъ и, чтобъ отплатить, спросилъ еще бутылку.

— Нѣтъ, больше не стану пить,—отказалась дѣвушка.—Я ужъ съ семи часовъ по кабакамъ. Еще много придется, будетъ!.. Ну, цыпочка, вставай, пойдемъ вмѣстѣ.

— Не пойду я!—сердито отвѣтилъ студентъ, сконфуженно косясь по сторонамъ.

Дѣвушка расплатилась и медленною, качающеюся походкою

вышла, сверкнувъ въ дверяхъ яркою шляпкою. Студентъ посидѣлъ, глядя ей вслѣдъ, потомъ всталъ и тоже вышелъ.

Дарья Петровна и Александра Михайловна молчали.

— Шкура подлая!—съ ненавистью и отвращеніемъ произнесла Дарья Петровна.

Александра Михайловна сидѣла, пораженная всѣмъ, что видѣла; никогда она раньше не думала, чтобъ все это дѣлалось такъ безстыдно и открыто; и именно въ этомъ дерзкомъ, вызывающемъ безстыдствѣ было для нея что-то странно-привлекательное. Она смотрѣла на желто-блѣдное, изсохшее въ работѣ лицо Дарьи Петровны и мысленно сравнивала его съ полнымъ, веселымъ лицомъ ушедшей дѣвушки. Дарья Петровна презираетъ ее, а за что? Всѣ онѣ точно такъ же изъ разсчета отдаются мужчинамъ, а хотятъ казаться честными, и зато сохнутъ и надрываются въ скучной, душной мастерской, а та—смѣлая, ничего не боится и не стыдится, ушла изъ мастерской, и вотъ живетъ въ безшабашно-веселомъ, угарномъ, яркомъ мірѣ,—шикарною, полною, изящно одѣтою...

Александра Михайловна возвращалась домой. Въ головѣ у нея шумѣло, и въ этомъ шумѣ всплывали къ сознанію уже знакомыя ей, уродливыя, самое ее пугавшія мысли. Можетъ быть, потому, что молодой человѣкъ, съ которымъ ушла дѣвушка, былъ красивъ, и въ Александрѣ Михайловнѣ проснулась женщина, но на душѣ у нея было грустно и одиноко. И она думала: проходитъ ея молодость, гибнетъ напрасно красота. Кому польза, что она идетъ честнымъ путемъ?.. И вдругъ смутныя, робко касавшіяся сознанія мысли плавнымъ порывомъ ворвались въ сознаніе и слились въ немъ въ яркую, смѣлую и радостную отъ своей смѣлости мысль: да на все наплевать, глупо быть честною! Для чего это надо дорожить собою, видѣть въ себѣ что-то важное, особенное, чему словно и цѣны нѣтъ? Вѣдь все это такъ просто, такъ удивительно-просто и ясно! Не видѣть постылой мастерской, жить вольно и красиво, пить вкусный, дорогой коньякъ, давать обнимать себя красивымъ молодымъ студентамъ. И день весь будетъ свободный, Зина не будетъ бѣгать безъ призора и ложиться спать голодною... Что въ этомъ плохого?

Было поздно. По пустынному проспекту изрѣдка проходили накрашенныя, разодѣтыя женщины; ихъ темныя фигуры медленно появлялись изъ мрака, и при отблескѣ газовыхъ фонарей грубыя румяна казались веселымъ румянцемъ, и сами онѣ казались таинственно-красивыми и смѣлыми въ своемъ презрѣніи къ людскому мнѣнію. Александра Михайловна, съ тайнымъ замираніемъ въ душѣ, долго ходила по проспекту и широкими, дѣтски-любопытствующими глазами провожала каждую женщину: да, онѣ поняли,

что все это просто и естественно, и не побоялись пойти на это; и теперь онѣ казались Александрѣ Михайловнѣ близкими и родными.

X.

Въ виду спѣшной работы, въ мастерской работали и въ воскресенье до часу дня. У Александры Михайловны съ похмѣлья болѣла голова, ее тошнило, и все кругомъ казалось еще сѣрѣе, еще отвратительнѣе, чѣмъ всегда. Таня не пришла, У Александры Михайловны щемило на душѣ, что и сегодня утромъ, до работы она не провѣдала Таню: проспала, трещала голова, и нужно было спѣшить въ мастерскую, пока не заперли дверей. Александра Михайловна рѣшила зайти къ Танѣ послѣ обѣда.

Кругомъ стояло обычное шуршаніе сворачиваемыхъ листовъ, спины дѣвушекъ однообразно сгибались и разгибались. Василій Матвѣевъ возился около обрѣзной машины, обрѣзывалъ какія-то яркія обложки и, обрѣзавъ, тщательно осматривалъ каждую. Александра Михайловна, вся полная воспоминаніемъ о вчерашнихъ признаніяхъ Дарьи Петровны, съ необычнымъ чувствомъ, какъ прозрѣвшая, осматривалась вокругъ. Между двигавшихся головъ дѣвушекъ мелькали жирныя плечи и короткая шея Василія Матвѣева. И у него, и у нихъ всѣхъ были такія будничнo-спокойныя, ничего не выражавшія лица!.. Какъ будто вовсе и не лежало между ними той ужасной, грязной тайны, о которой вчера узнала Александра Михайловна, или какъ будто эта тайна была чѣмъ-то совсѣмъ обычнымъ, что не можетъ ни давить, ни мучить.

Выходя въ часъ изъ мастерской, Александра Михайловна слышала, какъ хозяинъ кричалъ въ конторѣ на Василія Матвѣева, а тотъ суетился, разводилъ руками и что-то объяснялъ Семидалову.

Подъ вечеръ Александра Михайловна сидѣла у себя и шила, придвинувъ столикъ къ окну. Вошла Дарья Петровна, въ платочкѣ и кофточкѣ.

— А-а... Здравствуйте!—привѣтливо протянула Александра Михайловна и быстро поднялась, съ тѣмъ неестественнымъ, суетливымъ радушіемъ, съ какимъ люди принимаютъ человѣка, съ которымъ часто встрѣчаются, но который у нихъ не бываетъ.—Садитесь, пожалуйста!.. Чайку позволите?

— Нѣтъ, нѣтъ, не трудитесь!—поспѣшно отказалась Дарья Петровна, не присаживаясь.—Я къ вамъ только на одну минуточку, спросить хотѣла: гдѣ вы бумазею покупали къ той вонъ кофточкѣ, въ которой на праздникѣ были?

Александра Михайловна сказала.

— Благодарю васъ. Очень ужъ мнѣ рисунокъ приглянулся...

Ну, прощайте! Я спѣшу.—Дарья Петровна помолчала.—А Танечка-то наша, слыхали?—вздохнула она.

— Что?—встрепенулась Александра Михайловна.

— Вѣдь пошла, къ Васькѣ-то Матвѣеву.

— Не мо-ожетъ быть!

У Александры Михайловны опустились руки, и она медленно сѣла на кровать.

— Вѣрно. Дѣвушки видѣли... И какъ ловко онъ съ обложками обернулся! Какія по краямъ были залиты, обрѣзалъ покороче, и стали, какъ новыя; а которыя больше были залиты, пустилъ въ обрѣзки, а хозяину сказалъ, что изъ типографіи двухъ сотенъ не дослали. Хозяинъ раскричался: «Какъ же вы не сосчитали?» — «Я, говоритъ, считалъ, да вы меня позвали; а воротился,—мужикъ типографскій ужъ уѣхалъ»... Жалко Танечку нашу, правда?

Она вздохнула, а ея желтое, смиренное лицо свѣтилось тайною радостью.

— Господи, Господи, что же это такое!—проговорила Александра Михайловна.—То-то я сегодня утромъ шла, смотрю, какъ будто на той сторонѣ Таня идетъ; кутаетъ лицо платкомъ, отвертывается... Нѣтъ, думаю, не она. А выходитъ, къ нему шла... И какой со мною грѣхъ случился!—стала она оправдываться передъ собою.—Хотѣла къ ней утромъ зайти, не поспѣла, дѣвочка задержала; а послѣ работы зашла, ужъ не было ея дома...

Дарья Петровна ушла. Александра Михайловна сѣла къ окну и задумчиво уставилась на темнѣвшій дворъ.

«Жалко Танечку!» думала она. Но жалость была больше въ мысляхъ; въ душѣ съ этою жалостью мѣшалось брезгливое презрѣніе къ Танѣ. Нѣтъ, она, Александра Михайловна,—она не пошла бы не только изъ-за пятидесяти рублей, а и съ голоду бы померала... Гадость какая! Она—честная, непродажная. И отъ этой мысли у нея было пріятное ощущеніе чистоты, какъ будто она только что воротилась изъ бани. Нелегкое это дѣло остаться честной, а она вотъ сохранила себя, и всегда сохранитъ...

Пришелъ Лестманъ. Онъ пилъ чай и застѣнчиво крутилъ свою рѣдкую бородку, а Александра Михайловна, вздыхая, разсказывала ему о происшествіи съ Таней; она ругала Василія Матвѣева, жалѣла Таню, и около ея губъ чуть замѣтно играла скромногордая улыбка.

XI.

— Я... я знаю... Господи, что же это?.. Пустите!.. Я знаю,—задыхаясь, твердила Александра Михайловна, съ смертельно-блѣднымъ лицомъ проталкиваясь сквозь толпу.—Городовой, это дѣвушка одна... Я знаю!.. О, Господи!..

Она уже минуты три стояла въ толпѣ, тѣснившейся на набережной. За краемъ гранитнаго спуска медленно плескались длинныя, зеленоватыя волны, утреннее солнце глубоко освѣщало ихъ и дѣлало прозрачными, и на этомъ зеленоватомъ, плещущемъ фонѣ неподвижно рисовалось лежавшее на плитахъ тѣло дѣвушки; мокро-тяжелая черная юбка плотно облегала ея вытянутыя ноги, острые концы ботинокъ торчали въ стороны. Александра Михайловна подалась впередъ, чтобъ разглядѣть лицо, и съ смутно-жалостливымъ, жаднымъ любопытствомъ смотрѣла на это круглое, синеватое лицо съ сбѣгавшею изъ угла рта струйкою пѣнисто-темной жидкости. И вдругъ сѣрая шелковая кофточка на выступѣ груди показалась ей странно-знакомою; потомъ, вызывая недоумѣніе, стали знакомыми округлость щеки, намокшіе, рыжеватые волосы, и загадочно-неизвѣстное, чуждое лицо утопленницы вдругъ превратилось въ знакомое лицо Тани.

— Городовой, я знаю... Господи, Господи!..—повторяла Александра Михайловна.—Это дѣвушка одна, Капитонова фамилія... Татьяна... О, Боже, что же это?..

Городовой, вынувъ книжечку, записывалъ имя утопленницы и адресъ Александры Михайловны, толпа приставала къ Александрѣ Михайловнѣ съ разспросами, а она, всхлипывая, повторяла: «Господи, Господи!», и, не отрываясь, смотрѣла на лежавшую Таню; все въ ней было близко знакомо и все—страшно, необычно и скрытно-чуждо, вся она была словно пропитана тайно принятымъ вчера позоромъ и одиночнымъ ужасомъ пошедшей на самоуничтоженіе жизни. И она лежала на мостовой, неподвижная, жалкая и загаженная; мокрая юбка плотно облегала ея вытянутыя ноги, и въ этомъ было что-то особенно жалкое и беззащитное; хотѣлось наклониться, оправить юбку, скрыть выставленные подъ чужіе взгляды ноги. А за гранитнымъ спускомъ все плескались прозрачно-зеленоватыя, длинныя волны, и отъ нихъ вѣяло сырымъ запахомъ водорослей.

Трупъ увезли, Александру Михайловну пригласили въ участокъ и тамъ еще разъ записали все. Она вышла на улицу; давно было пора идти въ мастерскую, но Александра Михайловна забыла о ней; она шла, и въ ея глазахъ плескались зеленоватыя, пахнувшія водорослями волны, и темно-пѣнистая струйка тянулась по круглой щекѣ.

Было яркое сентябрьское утро. Со́лнце золотымъ свѣтомъ заливало дома, магазины и конки, на тѣневой сторонѣ улицъ, вдоль высокихъ домовъ, стояла туманно-синяя дымка. Дворники въ фіолетовыхъ фуфайкахъ мели улицы, по панелямъ шли люди съ равнодушными, не знающими случившагося лицами; они не только не знали о случившемся, они какъ будто не знали и того, какъ

страшна жизнь, и какъ безпомощны противъ нея люди. И опять передъ Александрой Михайловной плескались прозрачно-зеленоватыя волны, и Таня лежала съ плоскими, слипшимися на синеватомъ лбу волосами; Александра Михайловна вспомнила, какъ мѣсяцъ назадъ на этихъ волосахъ, тогда живыхъ и пушистыхъ, дрожали капельки осенняго дождя, и они золотистымъ сіяніемъ окружали круглое, весенне-счастливое лицо Тани. Она была горда своею любовью и вызывающею непреклонностью,—пришла жизнь, подстерегла и сломила непреклонность, и гнусно загадила любовь, загадила и измяла все. И такъ со всѣми ими,—съ дѣвушками, съ женщинами: за то, чтобъ жить, мало отдавать трудъ и здоровье; у нихъ есть еще то, до чего жизнь жестоко жадна, и она не отступитъ, пока не возьметъ и этого, пока въ ея пахнущую кровью мясную лавочку смирившаяся женщина не принесетъ и своего мяса; а не смирится женщина, будетъ стараться оставить своей душѣ ея дорогое и свое, то не будетъ ей пощады, и кругомъ встанетъ пустыня, гдѣ медленно умираютъ съ голоду, и крикъ отчаянія замираетъ безъ отвѣта.

И Александра Михайловна вдругъ почувствовала, что вѣдь и сама она давно уже находится въ такой пустынѣ, что она безпомощно бродитъ по ней, а жизнь немигающимъ, злымъ, какъ у индюшки, глазомъ слѣдитъ за нею и ждетъ. Всталъ передъ нею Ляховъ съ тупо-безпощаднымъ, жаднымъ до нея лицомъ, всталъ Лестманъ съ проползающимъ въ бѣлесыхъ глазахъ осторожнымъ ожиданіемъ, Василій Матвѣевъ съ косящими глазами, у которыхъ нельзя поймать взгляда... Все это сливалось въ одинъ безпощадно-похотливый глазъ, и мимо проносились дѣвушки-работницы въ отрепанныхъ юбкахъ, выплывавшія изъ мглы проспекта женщины съ накрашенными лицами, плачущая надъ пѣсней о гнѣдыхъ Прасковья Ѳедоровна и Таня, съ синеватымъ лицомъ, съ ногами, плотно охваченными мокрою юбкою... И казалось Александрѣ Михайловнѣ: вотъ-вотъ подхватитъ и ее, и унесетъ, и замѣшаетъ въ этотъ потокъ опозоренныхъ, продавшихся за право жизни женскихъ тѣлъ.

Она вышла къ набережной. Широкая, синяя рѣка лѣниво и равнодушно плескалась подъ солнцемъ, забывъ, что сдѣлала сегодня ночью; и такъ же равнодушно смотрѣли ряды каменныхъ громадъ, сверкавшіе за рѣкою въ голубомъ туманѣ. Александра Михайловна сѣла на скамейку. Ею овладѣла смертельная усталость; сгорбившись, съ опустившимися плечами, она тупо смотрѣла вдаль. На что ей надѣяться? Мрачно и пусто было впереди, и безысходный ужасъ былъ въ этой пустотѣ.

«А зачѣмъ было такъ плохо поминать и Лестмана?»—вдругъ мелькнуло у нея въ головѣ.

И осторожно, стараясь не натолкнуться въ мысляхъ на воз-

раженія, Александра Михайловна продолжала думать: «Онъ не то, что другіе; за нехорошимъ онъ не гонится, все хочетъ сдѣлать по честному...»

XII.

Въ десятыхъ числахъ ноября на Васильевскомъ Островѣ, въ одной изъ квартирокъ огромнаго, грязнаго дома за Малымъ проспектомъ, шелъ свадебный пиръ. Гармоника играла кадриль, столъ былъ заставленъ пивными бутылками и бутербротами, въ воздухѣ стоялъ русскій, нѣмецкій и эстонскій говоръ. Александра Михайловна, съ завитою гривкою на лбу и въ корсетѣ, танцовала съ своимъ шаферомъ, переплетнымъ подмастерьемъ Генрихсеномъ. За два мѣсяца, какъ она не работала въ мастерской, она сильно располнѣла, особенно въ нижней части лица, синіе глаза смотрѣли спокойно и довольно.

— Онъ смирный, трезвый,—говорила Александра Михайловна Генрихсену.—О дѣвочкѣ моей обѣщаетъ заботиться. А въ мастерской оставаться было невозможно: мастеръ притѣсняетъ, дѣвушки, сами знаете, какія. Житья нѣтъ женщинѣ, которая честная. Мнѣ еще покойникъ Андрей Ивановичъ говорилъ, предупреждалъ, чтобъ не идти туда. И правда, сама увидѣла я: тамъ работать—значитъ потерять себя.

— Ну, да ка-анешна! Ну, да!—соглашался толстякъ Генрихсенъ и, ухвативъ Александру Михайловну за талію, устремлялся навстрѣчу визави.

Въ головѣ у Александры Михайловны кружилось отъ выпитаго пива. Она смотрѣла, какъ толстый Генрихсенъ, отдуваясь, вытанцовывалъ соло, и вспоминала, какъ онъ, такъ же отдуваясь, танцовалъ на праздникѣ иконы русскую; вспоминалась ей вся грязь и позоръ мастерской, вспоминались бурливо, какъ въ самоварѣ, кипѣвшія въ мозгу думы о жизни и порывы къ борьбѣ съ нею, и тихое спокойствіе охватывало ея душу, и радость, что не нужно больше думъ и борьбы. Передъ нею вставали лица дѣвушекъ-подругъ, на сердцѣ шевелилось брезгливое презрѣніе къ нимъ, и Александра Михайловна съ гордостью думала: «Кто захочетъ, у кого есть въ душѣ совѣсть, та всегда останется честною».

Кадриль кончилась. Къ Александрѣ Михайловнѣ подсѣлъ Лестманъ, въ бѣломъ галстухѣ и шершавомъ черномъ сюртукѣ; его громадныя руки торчали изъ короткихъ рукавовъ, онъ обнималъ Александру Михайловну за плечи и заглядывалъ ей въ лицо.

— Сурочка, какъ я тебя люблю!—въ пьяномъ восторгѣ твердилъ онъ, и жмурился, и въ сотый разъ лѣзъ цѣловаться.

В. Вересаевъ.

ДЖОНЪ РЁСКИНЪ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

*(Окончаніе *).*

Глава третья.

Творчество.

> „Я ненавижу тѣ формулы общественнаго прогресса, въ которыхъ цѣлью его ставится увеличеніе народонаселенія, ростъ богатства, развитіе торговли. Политико-экономическій идеалъ человѣчества имѣетъ въ виду только количество, а не качество. Вмѣсто безграничнаго развитія жизни низкаго типа я съ большимъ удовольствіемъ увидалъ бы болѣе ограниченное развитіе жизни типа высокаго. То благосостояніе, ростъ котораго изъ года въ годъ доказывается итогами отчетовъ министерства торговли, есть, до извѣстной степени, не благосостояніе, а несчастіе".
>
> *Г. Спенсеръ.* Факты и комментаріи. Въ перев. К. К. Толстого, стр. 5.

Наибольшею извѣстностью пользуются тѣ нападки Рёскина на капитализмъ, которыя могутъ быть объяснены его любовью къ искусству, его художественными идеалами: нападки на машины, на пренебреженіе къ земледѣлію, на отдаленіе отъ природы, на городскую жизнь вообще. Изъ біографіи Рёскина особенно хорошо всѣ запоминаютъ, что онъ мечталъ о возстановленіи ручного ткачества, что онъ проклиналъ машины, фабрики и угольныя копи, и что были случаи, когда онъ изъ принципа отказывался ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ, предпочитая пользоваться старомодными экипажами. По общепринятому мнѣнію, сила художественнаго чувства помѣшала Рёскину уразумѣть истинный характеръ современнаго промышленнаго прогресса и сдѣлала его если не реакціонеромъ, то невольнымъ пособникомъ реакціонеровъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что во многихъ случаяхъ Рёскинъ преувеличивалъ достоинства прошлаго и недостатки настоящаго, и что подобныя преувеличенія стоятъ въ связи съ его «религіей красоты». Достаточно припомнить его враждебныя выходки противъ американцевъ, которыхъ онъ обвинялъ и въ алчности къ деньгамъ, и въ «вульгарномъ пристрастіи къ количеству и множеству вмѣсто благородства», и въ тщеславіи, и въ непониманіи искусства, и въ безпокойной страсти

---

*) См. „Міръ Божій", № 11, ноябрь, 1903 г.

къ безцѣльнымъ перемѣнамъ *). Тѣмъ не менѣе именно глубокое художественное чувство и художественный опытъ и глубокое пониманіе прошлаго сдѣлало Рёскина болѣе способнымъ, чѣмъ профессіональные экономисты, критически отнестись къ современной идеѣ прогресса и оцѣнить ее по достоинству.

Что такое прогрессъ?—движеніе впередъ, обновленіе жизни. Но всегда ли хорошо какъ можно дальше двигаться впередъ? Всегда ли новое лучше стараго? Стоитъ только ясно и рѣзко поставить вопросъ, чтобы отвѣтить на него отрицательно. Нѣтъ, не всякій прогрессъ хорошъ. Соединенные Штаты—самая прогрессивная страна. Но если допустить, что Рёскинъ правъ и прогрессъ американцевъ есть только безсмысленная жажда перемѣны, означающая неумѣнье жить настоящимъ, нужно ли тогда стремиться во что бы то ни стало догнать Америку на пути ея прогресса?.. Неподвижное состояніе ведетъ къ застою, разложенію и смерти. Движеніе впередъ, какъ самоцѣль,—перемѣна ради перемѣны—есть отрицаніе жизни, потому что жить можно только въ настоящемъ. Очевидно, для жизни существуетъ какой-то законъ, полагающій границы движенію и покою, позволяющій человѣку обновляться и въ то же время вѣчно оставаться самимъ собой. Этотъ законъ есть законъ творчества. Чтобы жить, человѣкъ долженъ быть творцомъ. Только то обновленіе, только то движеніе впередъ хорошо, которое означаетъ творческую, созидательную работу. Въ современномъ же прогрессѣ, какъ его понимаютъ и осуществляютъ капиталисты и экономисты, Рёскинъ видитъ отрицаніе творчества. Машины и городская культура враждебны творчеству. Они означаютъ униженіе труда творческаго и возвеличеніе труда механическаго. Они враждебны не только искусству, но творчеству вообще. Творчество же есть законъ жизни не для однихъ только художниковъ, но для всѣхъ людей. Творчество есть свободное проявленіе природныхъ силъ человѣка. Оно немыслимо безъ любви къ живой природѣ, къ той природѣ, которая была до насъ и будетъ послѣ насъ, и къ той, которую мы чувствуемъ въ себѣ и на-

*) „Munera Pulveris", § 124. Въ другомъ мѣстѣ Рёскинъ говоритъ, что „американцы, какъ народъ, не любятъ покоя и не способны къ нему, не уважаютъ себя ни въ своемъ настоящемъ, ни въ мечтахъ о будущемъ и вѣчно недовольны тѣмъ, что они есть, хотя не имѣютъ никакихъ идеаловъ относительно того, чѣмъ они желали бы быть". Тутъ же Рёскинъ съ свойственною ему рѣзкостью увѣряетъ, что согласился бы на какую угодно тиранію въ Европѣ, только бы не подвергаться риску, что европейцы могутъ уподобиться американцамъ. „Я бы въ десять разъ охотнѣй предпочелъ видѣть, какъ торжествуетъ во всемъ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ тиранія старой Австріи и возложить всѣ надежды на случай (въ концѣ концовъ, если имѣть терпѣніе, неизбѣжный), когда на тронъ ея взойдетъ достойный императоръ въ истинномъ значеніи этого слова, чѣмъ, при полной свободѣ мысли и дѣйствій, подвергнуться хоть маленькому риску увидѣть, какъ образъ мысли германцевъ и англичанъ уподобляется образу мыслей американцевъ". „Time and Tide", § 141.

зываемъ своей человѣческой природой. Кто хочетъ жить, долженъ творить; кто хочетъ творить, долженъ сознавать ограниченность силъ своего «я» и безграничность силъ природы. Въ капитализмѣ, съ его машинами, фабриками и заводами, нѣтъ этого благоговѣйнаго отношенія къ природѣ, а потому нѣтъ и творческой способности; вмѣсто того, есть малодушное невѣріе въ силы природы и ограниченное самодовольство. Капитализмъ доволенъ собой и считаетъ себя прогрессивнымъ, но, отрицая творчество, онъ идетъ противъ природы и подрываетъ народныя силы — физическія и духовныя, — тѣ самыя, которыми держался и держится пока еще и самъ капитализмъ.

Защита творчества была внушена Рёскину любовью къ искусству. Но онъ не отожествлялъ творчества съ искусствомъ. Онъ нападалъ на машины не во имя искусства, а во имя народнаго блага и человѣчности. Мало того: именно любовь къ искусству научила его отличать творчество, какъ вѣчный законъ человѣческой природы, отъ искусства, какъ спеціальной дѣятельности художниковъ и поэтовъ. Искусство есть высшее и лучшее проявленіе творчества. Но и въ области искусства могутъ получить силу ложныя идеи, враждебныя творчеству. Именно съ такими ложными идеями боролся Рёскинъ въ своихъ произведеніяхъ, посвященныхъ искусству. Если въ политической экономіи онъ защищалъ творчество противъ ложно понятаго промышленнаго прогресса, то въ области искусства онъ защищалъ творчество противъ ложно понятаго художественнаго прогресса. Въ искусствѣ ему пришлось выступить «реакціонеромъ», какъ и въ политической экономіи. Въ политической экономіи онъ отстаивалъ преимущества ручной работы противъ машинной. Въ искусствѣ онъ поставилъ образцомъ для современниковъ старыя картины XIII и XIV в., съ ихъ неуклюжимъ рисункомъ, съ ихъ пренебреженіемъ къ законамъ перспективы. И въ искусствѣ, и въ политической экономіи онъ боролся съ ложной вѣрой въ техническое совершенство и защищалъ несовершенство, какъ неизбѣжный элементъ творчества. Чтобы творить, художникъ еще болѣе, чѣмъ всякій другой работникъ, долженъ сознавать несовершенство своихъ техническихъ средствъ въ сравненіи съ совершенствомъ природы, ограниченность своихъ силъ и безграничность силъ природы. Скромность, самоограниченіе, самозабвеніе, благоговѣніе передъ величіемъ природы суть вѣчныя условія творчества, обязательныя для всѣхъ трудящихся. Требуя ихъ соблюденія какъ въ области труда художественнаго, такъ и въ области труда промышленнаго, Рёскинъ прослылъ сантиментальнымъ и наивнымъ моралистомъ: и художники, и экономисты отвѣчали Рёскину, что его требованія относятся къ области морали, и что читая мораль подъ видомъ науки и художественной критики, онъ путаетъ понятія и смѣшиваетъ совер-

шенно разныя, не подлежащія смѣшенію задачи *). Но это невѣрно. Рёскинъ проповѣдывалъ самоограниченіе не только какъ нравственный долгъ, но, главнымъ образомъ, какъ законъ творчества. И потому онъ оставался художникомъ, когда призывалъ къ борьбѣ съ тщеславіемъ и нескромностью въ искусствѣ, и оставался экономистомъ, когда призывалъ къ борьбѣ съ фанатическимъ, безудержнымъ примѣненіемъ машинъ и техническихъ усовершенствованій въ области промышленнаго труда.

По отношенію къ искусству это прекрасно выяснилъ Р. де-Сизераннъ, представившій Рёскина какъ «апостола религіи красоты». Онъ выяснилъ, что именно въ качествѣ художника Рёскинъ имѣлъ право говорить другимъ художникамъ: заботьтесь поменьше о томъ, чтобы быть художниками, и побольше о томъ, чтобы любить природу и понимать ея красоту! Онъ показалъ, что именно культъ красоты долженъ былъ умалить въ глазахъ Рёскина значеніе искусства какъ профессіи: «Истинный художникъ, — говоритъ Сизераннъ, излагая мысли Рёскина,— берется за работу не для того, чтобы самому блистать, но чтобы заставить любоваться блескомъ природы; онъ показываетъ себя людямъ не въ свободной погонѣ за успѣхомъ, но въ смиренномъ обожаніи, не для того, чтобы кричали: какъ *онъ* искусенъ! а для того, чтобы говорили, какъ *она* прекрасна! Онъ не занимается искусствомъ ради искусства. Онъ занимается искусствомъ ради природы и ради красоты... А если такъ, какое ему дѣло до совершенства отдѣлки, до ловкости и удачи? Только усилія должны быть видны! Пусть это неудачныя усилія... Ничего! зато они—геройскія! Пусть они тяжкія... Ничего! зато они—страстныя! Настоящіе влюбленные всегда неуклюжи! Паденія, ошибки, новыя попытки, агонія передъ этимъ высшимъ образцомъ—все нипочемъ, только бы все было направлено къ тому, чтобы показать, насколько этотъ образецъ выше нашихъ попытокъ подражанія. «Слава великой картины (слова Рёскина)—въ ея безславіи, и прелесть ея въ томъ, что она выражаетъ радость великаго сердца, съ восторгомъ сознающаго, что есть нѣчто лучше его живописи».

---

*) Напр., чрезвычайно добросовѣстно и серьезно написанная книга Барду о Рёскинѣ („Le mouvement idéaliste et social dans la littérature anglaise au XIX siècle. John Ruskin". Par Jacques Bardoux) проводитъ ту идею, что Рёскинъ и въ искусствѣ, и въ политической экономіи былъ прежде всего моралистомъ Вся книга построена по слѣдующей простой схемѣ: Рёскинъ былъ отличнымъ моралистомъ, *и потому* былъ плохимъ поэтомъ, плохимъ историкомъ, плохимъ естество-испытателемъ, плохимъ художникомъ, плохимъ теоретикомъ, плохимъ экономистомъ, плохимъ реформаторомъ (см. напр., стр. 338, 364, Préface, p. XI). Съ той же, приблизительно, точки зрѣнія оцѣниваются эстетическія ученія Рёскина въ небольшой книжкѣ „John Ruskin". Eine kritische Studie von Marie von *Bunsen*. Leipz. 1903. Авторъ книжки полагаетъ, что въ Германіи увлеченіе Рёскинымъ зашло слишкомъ далеко.

Пока вы этого не видѣли, попытка остается посредственной «и вы еще, значитъ, никогда по настоящему не наслаждались произведеніемъ великаго мастера, если не начинали съ презрѣнія къ нему!» «Требовать совершенства есть всегда признакъ непониманія истиннаго назначенія искусства; во-первыхъ потому, что ни одинъ великій человѣкъ не перестаетъ работать, пока не достигнетъ точки, послѣ которой начинается паденіе, во-вторыхъ, потому что несовершенство до нѣкоторой степени присуще всякой извѣстной намъ жизни. Оно есть признакъ жизни въ смертномъ тѣлѣ, т.-е. признакъ прогресса и измѣненія. Ничто живущее не совершенно въ строгомъ смыслѣ слова—одна часть разрушается, другая зарождается... Во всемъ живущемъ есть нѣкоторыя неправильности, нѣкоторые недостатки, которые являются не только признакомъ жизни, но и источникомъ красоты... Всѣ вещи положительно лучше, обаятельнѣе и милѣе намъ благодаря несовершенству, вложенному въ нихъ божественной силой для того, чтобы закономъ человѣческой жизни было усиліе, и закономъ человѣческаго суда—милосердіе...» Несмотря на всѣ преувеличенія и парадоксальность этихъ мыслей—продолжаетъ Сизераннъ—не слѣдуетъ въ нихъ видѣть только мысли моралиста, потому что въ нихъ несомнѣнно говорятъ чувства художника и кто не испыталъ такихъ же чувствъ, тотъ никогда не былъ художникомъ, какова бы ни была его вывѣска или этикетка! Забыть свое искусство для природы, забыть себя для своего искусства—вотъ условіе, безъ котораго прямо немыслимо приближеніе къ тайнамъ красоты, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даже съ практической точки зрѣнія, это—первое условіе успѣха въ коллективной художественной работѣ. Утверждая, что «всякое искусство благоговѣніе»—благоговѣніе смиренное и преданное, забвеніе себя и самопожертвованіе, учитель «законовъ Фіезола» высказалъ нѣчто большее, чѣмъ только нравственный чувствительный афоризмъ; онъ далъ точное правило, которое можно каждую минуту примѣнить къ самымъ тонкимъ эстетическимъ задачамъ нашего времени. Этотъ энтузіастъ прекрасно разобрался въ современныхъ софизмахъ; этотъ пророкъ прекрасно вскрылъ, изъ-подъ тяжелыхъ толкованій критиковъ и вопреки заинтересованному мнѣнію художниковъ, настоящее зло, глубокое зло, отъ котораго страдаетъ часть нашего искусства—тщеславіе» *).

Подобно тому, какъ тщеславная погоня за техническимъ совершенствомъ и личнымъ успѣхомъ убиваетъ творчество въ искусствѣ, всеобщая погоня за торгово-промышленными успѣхами подрываетъ производительныя силы народнаго хозяйства. Капитализмъ гордится тѣмъ, что поощряетъ трудолюбіе. На самомъ же дѣлѣ, замѣняя творческій трудъ механическимъ, онъ дѣлаетъ трудъ ненавистнымъ и, слѣдо-

*) „Ruskin et la religion de la beauté“, par R. de Sizeranne. 5-me édit., pp. 261—264. Переводъ Никифорова, стр. 154—156.

вательно, распространяетъ стремленіе къ праздности. Капиталисты воображаютъ, что, непрерывно умножая число и силу машинъ, они поощряютъ человѣческую изобрѣтательность. На самомъ же дѣлѣ всѣ ихъ усилія направлены на то, чтобъ можно было имѣть рабочихъ-автоматовъ, отъ которыхъ не требуется ни изобрѣтательности, ни ловкости. Всякая замѣна ручного труда машиннымъ считается торжествомъ человѣка надъ природой. Въ дѣйствительности же сплошь и рядомъ это торжество природы надъ человѣкомъ. Конечно, изобрѣсти какой-нибудь паровой станокъ, вообще создать первый образецъ какой бы то ни было машины есть несомнѣнный техническій успѣхъ. Но повтореніе этого образца само по себѣ не представляетъ ни успѣха, ни заслуги. Увеличеніе числа машинъ разъ изобрѣтеннаго образца не есть какое-то самостоятельное благо, всегда и всюду желательное. Имѣемъ ли мы 10 паровыхъ станковъ и 1.000 ручныхъ, или 1.000 паровыхъ и только 10 ручныхъ, наша техника остается одной и той же, наши техническіе успѣхи остановились на одной и той же ступени. А какая комбинація выгоднѣе и полезнѣе, это зависитъ отъ того, кто работаетъ на станкахъ, что работается и для кого. И никоимъ образомъ нельзя сказать, что паровой станокъ при всѣхъ условіяхъ выгоднѣе и полезнѣе, чѣмъ ручной, и что паровыхъ станковъ нужно ровно столько, чтобы замѣнить ими всѣ ручные, подобно тому, какъ нельзя сказать, что было бы выгодно и полезно замѣнить всѣхъ ломовыхъ лошадей чистокровными скакунами, на томъ основаніи, что послѣдніе дескать скорѣе бѣгаютъ. Извѣстно, что въ Россіи много сельскихъ хозяевъ разорилось изъ-за чрезмѣрной вѣры въ машины и вообще въ «послѣднее слово техники». Почему же, допуская, что примѣненіе машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ можетъ быть ошибкой, мы не допускаемъ, что вытѣсненіе ручного труда машиннымъ въ обрабатывающей промышленности тоже можетъ быть ошибочнымъ? Почему намъ кажется нелѣпой мысль, что Англія напрасно поторопилась такъ быстро уничтожить ручное ткачество? Можно возразить, что введеніе разъ изобрѣтенной машины—только вопросъ времени, и что русскіе сельскіе хозаева пострадали только отъ торопливости и неумѣлости, а не отъ вѣры въ технику. Но это не такъ, потому что, отрицая необходимость немедленнаго введенія всякаго новаго техническаго усовершенствованія, мы тѣмъ самымъ уже подрываемъ вообще вѣру въ машины и въ механическій трудъ. Если въ Архангельской губерніи нужно теперь подождать съ введеніемъ паровыхъ плуговъ, то, можетъ быть, ей суждено никогда не увидѣть парового плуга, ибо къ тому времени, когда она догонитъ современную Америку, «послѣднимъ словомъ техники», быть можетъ, будетъ уже не паровой плугъ, а какой-нибудь новый способъ, который, можетъ быть, даже будетъ болѣе приближаться къ ручной обработкѣ, чѣмъ къ паровымъ плугамъ.

Промышленный успѣхъ Англіи ослѣпилъ глаза и самимъ англича-

намъ и всему міру. Рёскинъ называлъ этотъ успѣхъ упадкомъ, и это богатство—оскудѣніемъ. Въ его мнѣніяхъ были, конечно, преувеличенія. Но многое, что казалось преувеличеніемъ въ 60-е и 70-е годы, теперь подтверждается сужденіями серьезныхъ общественныхъ дѣятелей и осторожнымъ анализомъ экономистовъ. Бѣгство населенія изъ деревень на фабрики и заводы въ прошломъ и настоящемъ уже вызываетъ въ Англіи и сожалѣнія, и опасенія. Только экономисты, въ отличіе отъ Рёскина, все еще не видятъ тѣсной связи между этимъ бѣгствомъ изъ деревни и ложными понятіями о трудѣ. Бѣгство отъ земледѣлія было, по убѣжденію Рёскина, бѣгствомъ отъ труда. Въ этомъ есть значительная доля истины: ибо въ городахъ, на фабрикахъ и заводахъ, люди хотя трудятся не меньше, чѣмъ въ деревнѣ, но больше боятся труда и больше вѣрятъ въ возможность жить безъ всякаго труда. Рёскинъ имѣлъ основаніе обвинять нашъ лихорадочно-трудолюбивый вѣкъ въ стремленіи къ праздности. «У всѣхъ европейскихъ прогрессивныхъ политиковъ»,—раздраженно говоритъ онъ,—«есть въ настоящее время одна опредѣленная идея, а именно, что при помощи извѣстныхъ пріемовъ финансоваго искусства и путемъ сооруженія извѣстнаго количества новыхъ зданій колоссальной величины общество можетъ устроиться такъ, чтобы начать проводить всю жизнь въ ѣдѣ, куреньѣ, распутствѣ и болтовнѣ, не дѣлая руками и ногами ровно ничего похожаго на трудъ» *).

Если трудъ, лишенный творческаго характера, скрываетъ за собою боязнь труда и праздность, то богатство, основанное на такомъ трудѣ, скрываетъ за собой бѣдность. Богатая Англія раззоряетъ себя своими новыми способами обогащенія, поставившими ее, начиная съ XVIII-го в., впереди всѣхъ другихъ странъ по степени такъ называемаго «промышленнаго могущества». Въ одной изъ своихъ грозныхъ филиппикъ противъ машинъ, Рёскинъ даетъ чрезвычайно яркую и, въ общемъ, правдивую картину той бѣдности, которую принесъ съ собой, вмѣстѣ съ богатствомъ, промышленный переворотъ въ Англіи, въ XVIII-мъ и XIX-мъ в.

«Посмотрите.—говоритъ Рёскинъ,—что факты говорятъ объ Англіи. Она имѣетъ обширное пространство земли, пока еще производящей пищу, въ видѣ хлѣба, травы, скота и дичи. На этой территоріи она воспитываетъ своихъ сквайровъ—типичныхъ аристократовъ, и ихъ арендаторовъ, два сословія, которымъ она обязана всѣмъ своимъ могуществомъ въ этомъ мірѣ. На другой обширной части своей территоріи, постоянно теперь возрастающей, она воспитываетъ продажное населеніе, готовое производить сколько угодно дурныхъ товаровъ по заказу кого угодно, населеніе, которое съ каждымъ часомъ своей жизни и съ постоянно возрастающей быстротой увеличиваетъ въ себѣ

*) Fors Clavigera, L. XLIV.

запасъ алчности, безнравственности и безумія. Увеличеніемъ этой части территоріи и ея населенія страна идетъ навстрѣчу погибели такъ же вѣрно, какъ если бы она сознательно вымѣнивала свою хлѣбородную землю и свои небеса на почву изъ мышьяка и дождь изъ селитры.

«Такъ значитъ, по вашему, Аркрайты и Стефенсоны ничего не принесли кромѣ вреда?» Ничего! Но корень зла не въ Аркрайтахъ и Стефенсонахъ; и не въ мошенникахъ, и не въ фабричныхъ мастеровыхъ. Настоящій корень въ преступленіи самихъ сквайровъ. И совершеніе этого преступленіе происходило такъ. Извѣстная часть пищи, производимой страною, ежегодно передается въ руки сквайровъ, въ видѣ арендной платы—частнымъ образомъ и въ видѣ налоговъ—государственною властью. Если они употребляютъ эту пищу на поддержаніе производящаго пищу населенія, то тѣмъ самымъ съ каждымъ днемъ увеличиваютъ силы народа и свои собственныя; если же они употребляютъ ее на содержаніе празднаго населенія или такого, которое производитъ только простыя побрякушки изъ желѣза или изъ золота или другой подобный мусоръ, то они неизбѣжно обезсиливаютъ народъ и унижаютъ себя.

Но въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ *) всѣ дѣйствія сквайровъ, говоря вообще, сводились къ тому, чтобы собирать пищу, выращенную въ ихъ владѣніяхъ, и доставлять ее въ Лондонъ, чтобы здѣсь питать ею великое множество строителей, мебельщиковъ, каретниковъ, шорниковъ, портныхъ, конюховъ, лакеевъ, дурныхъ музыкантовъ, дурныхъ живописцевъ, картежниковъ и проститутокъ, а для удовлетворенія разнообразныхъ потребностей этихъ главныхъ общественныхъ классовъ еще огромное множество лавочниковъ, торгующихъ болѣе мелкимъ, но, во всякомъ случаѣ, безполезнымъ товаромъ. Такъ какъ мускулы и время этого огромнаго населенія пропадаютъ совершенно даромъ (ибо время, затраченное на простое совершеніе купли-продажи, тратится непроизводительно, а тѣмъ болѣе время лакея или конюха, а трата времени пошлымъ мебельщикомъ, ювелиромъ, скрипачомъ, живописцемъ и т. д., и т. д. не только непроизводительна, но и пагубна), то вся масса этого лондонскаго населенія ни одной каплей труда не содѣйствуетъ снабженію себя пищей и платьемъ; и такъ какъ ихъ гнилая жизнь предохраняетъ ихъ отъ всякаго разумнаго развлеченія, то они вынуждены, чтобы чѣмъ-нибудь занимать время, обращаться къ дурной литературѣ, спросъ на которую, въ свою очередь, даетъ занятіе еще одному огромному классу людей, ничѣмъ не содѣйствующихъ снабженію себя пищей и одеждой; и наконецъ, вздорныя ссоры этого порочнаго населенія даютъ средства для поддержанія обширнаго промысла адвокатовъ и ихъ конторщиковъ, тоже ровно ничѣмъ не содѣйствующихъ снабженію себя пищей и одеждой.

*) Писано въ 1874 г.

«У крестьянъ еще, пожалуй, можетъ хватить силъ на снабженіе пищей этого огромнаго городского населенія (въ видѣ арендной платы, уплачиваемой сквайрамъ), но оно уже не можетъ безъ машинъ снабдить себя дрянными платьями, игрушками, металлическими подѣлками и прочею дрянью, нужною для ихъ проклятой жизни. И вотъ по всей странѣ небеса зачерняются и воздухъ зачумляется, чтобы снабдить Лондонъ и прочіе подобные города ихъ желѣзными рѣшетками, пошлою мебелью, уборами, игрушками, ливреями, кружевами и прочими принадлежностями разсѣянной и безчестной жизни. Съ теченіемъ времени деревенское населеніе становится не въ силахъ снабжать даже пищей жадные аппетиты порочныхъ центровъ; приходится ввозить пищу изъ другихъ странъ, давая имъ въ обмѣнъ всякіе товары, какими только можно соблазнить ихъ безпокойныя желанія и которые можно произвести посредствомъ машинъ. Все напряженіе народной энергіи направляется, въ концѣ концовъ, къ тому, чтобы болѣе и болѣе приближаться къ положенію бѣлки въ колесѣ, которую чужіе хозяева кормятъ орѣхами и разными отбросами» *).

---

*) „Fors Clavigera", L. XLIV. Какъ много общаго въ этой картинѣ съ негодующими рѣчами Толстого противъ городской жизни. Приводимъ для сравненія нѣсколько отрывковъ изъ Л. Толстого. „Что же такое значитъ: кормиться въ городѣ? Въ словахъ „кормиться въ городѣ" есть что-то странное, похожее на шутку, когда вдумаешься въ смыслъ ихъ. Какъ изъ деревни, т.-е. изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ и лѣса, и луга, и хлѣба, и скотъ,—гдѣ все богатство земли, изъ этихъ мѣстъ люди приходятъ кормиться въ то мѣсто, гдѣ нѣтъ ни деревъ, ни травы, ни земли даже, а только одинъ камень и пыль? Что же значатъ эти слова: „кормиться въ городѣ", которыя такъ постоянно употребляются и тѣми, которые кормятся, и тѣми, которые кормятъ, какъ что-то вполнѣ ясное и понятное?.. Мнѣ уяснилось то, что скопленіе деревенскихъ жителей по городамъ отчасти необходимо потому, что они не могутъ иначе прокормиться, отчасти произвольно, и что въ городъ ихъ привлекаютъ городскіе соблазны. Справедливо то, что положеніе крестьянина таково, что для удовлетворенія требованій, предъявленныхъ къ нему въ деревнѣ, ему нельзя иначе справиться, какъ, продавъ тотъ хлѣбъ, ту скотину, которые, какъ онъ знаетъ, ему будутъ необходимы, и онъ волей-неволей принужденъ идти въ городъ, чтобы выручить тамъ назадъ свой хлѣбъ. Но справедливо и то, что сравнительно легче добываемыя деньги и роскошь жизни въ городѣ привлекаютъ его туда и подъ видомъ кормиться въ городѣ онъ идетъ туда для того, чтобы работать легче, а ѣсть лучше, пить чай три раза, щеголять и даже пьянствовать и распутничать. Причина того и другого одна: переходъ богатствъ производителей въ руки непроизводителей и скопленія ихъ въ городахъ... Богатства сельскихъ производителей переходятъ въ руки торговцевъ, землевладѣльцевъ, чиновниковъ, фабрикантовъ, и люди, получившіе эти богатства, хотятъ пользоваться ими. Пользоваться же вполнѣ этими богатствами они могутъ только въ городѣ... И поэтому богатые люди скопляются вмѣстѣ и пристраиваются къ такимъ же богатымъ людямъ съ одинаковыми потребностями въ города, гдѣ удовлетвореніе всякихъ роскошныхъ вкусовъ заботливо охраняется многолюдной полиціей. Коренные такіе жители въ городахъ—это государственные чиновники; около нихъ уже пристроились всякаго рода мастера и про-

Отрицать полезность изобрѣтеній Аркрайтовъ и Стефенсоновъ и называть городскую жизнь безусловно праздной и проклятой—это преувеличеніе. Но вѣрно то, что счастью Англіи и другихъ промышленныхъ странъ сильнѣйшимъ образомъ мѣшала въ послѣднее время чрезмѣрная вѣра въ Аркрайтовъ и Стефенсоновъ и обольщеніе легкостью механическаго труда и нетрудовой жизни. Можно говорить, что Рёскинъ положилъ краски слишкомъ густо и слишкомъ зачернилъ свою картину, но отношеніе между тонами у него соблюдено вѣрно.

Физіократическая нота, которая звучитъ въ нападкахъ Рёскина на машины, не ослабляетъ его доводовъ, а наоборотъ, усиливаетъ ихъ. Нельзя согласиться съ физіократами, что земледѣліе—единственный «производительный» трудъ. Но они были правы, считая непроизводительнымъ всякій трудъ, оторванный отъ природы, и признавая производительнымъ только такой трудъ, который пользуется производительными силами природы. Противоположное мнѣніе исходитъ изъ механическаго міросозерцанія, отрицающаго творческое начало въ природѣ, а слѣдовательно и въ человѣческомъ трудѣ. Опровергающіе физіократовъ экономисты думаютъ, что трудъ нельзя оторвать отъ природы, и какъ бы человѣкъ ни трудился—за плугомъ ли, или за пилой, или за паровымъ станкомъ, онъ всегда въ одинаковой степени пользуется силами природы *). Но это невѣрно. Силами природы можно пользоваться хорошо и дурно. И чтобы пользоваться хорошо, нужно приспособляться къ природѣ и, такъ какъ самъ человѣкъ есть часть природы, приспособлять свою человѣческую природу къ природѣ внѣшней. Если же мы будемъ бояться всякаго измѣненія условій своего труда и приговоримъ себя къ безконечному повторенію однихъ и тѣхъ же движеній, или если другіе приговорятъ насъ къ этому, то тѣмъ самымъ мы изгонимъ изъ своего труда жизнь и

мышленники, къ нимъ присоединяются и богачи". „Такъ что же намъ дѣлать?", XIII („Сочиненія", часть XII, изд. 3, стр. 329—332). Интересно, что въ послѣднихъ словахъ государственнымъ чиновникамъ приписана та главная роль, какую Рёскинъ приписываетъ землевладѣльцамъ; это вполнѣ соотвѣтствуетъ основному различію англійской и русской исторіи.

*) Напр., большою популярностью пользуется слѣдующая характеристика „труда", какъ фактора производства, у Дж.-Ст. Милля. „Все, что мы дѣлаемъ и можемъ сдѣлать съ матеріей, состоитъ въ одномъ только дѣйствіи—помѣщеніи предметовъ въ соотвѣтствующее мѣсто для того, чтобъ они подвергались вліянію силъ, заключенныхъ въ нихъ самихъ или присущихъ другимъ предметамъ: человѣкъ только придвигаетъ или отодвигаетъ одну вещь отъ другой. Онъ вдвигаетъ сѣмя въ землю, и естественныя силы произрастанія послѣдовательно производятъ корень, стебель, листья, цвѣты и плоды. Онъ продвигаетъ топоръ сквозь дерево, и оно падаетъ естественной силой тяжести... Ничего больше человѣкъ сдѣлать не можетъ (*Дж.-Ст. Милль.* „Основанія полит. экон." кн. I, гл. I, § 2. Изд. Ф. А. Іогансона, стр. 25). Если стать на эту точку зрѣнія, придется принять, что и вообще вся міровая жизнь сводится къ тому, что разныя „вещи" отодвигаются и придвигаются другъ къ другу.

природу. У человѣка, который всю жизнь съ утра до вечера дѣлаетъ одинъ и тотъ же механическій трудъ, напр., пилитъ одни и тѣ же доски одной и тою же пилой, у этого человѣка, хотя мускулы дѣйствуютъ при неизмѣнной помощи силъ природы, но собственная его природа бездѣйствуетъ и гибнетъ, а слѣдовательно гибнетъ и вся природа—мертвая и живая въ той степени, въ какой онъ могъ бы оживлять ее при иныхъ условіяхъ, при настоящемъ живомъ трудѣ. Когда онъ начиналъ пилить свои доски, онъ долженъ былъ учиться, привыкать, напрягать и проявлять скрытыя раньше способности, его природа должна была развиваться, приспособляясь къ новымъ движеніямъ, новому положенію среди внѣшней природы. Это было для его природы нормальнымъ здоровымъ состояніемъ: какъ животный организмъ требуетъ постоянно отъ внѣшней природы все новой пищи, такъ человѣческая природа постоянно хочетъ расти, приспособляясь все къ новымъ условіямъ, сначала доростая, потомъ переростая все новые предѣлы, все новыя точки соприкосновенія съ природой внѣшней. Когда движенія пилы превратились въ привычный механическій трудъ, человѣческая природа, какъ голодный организмъ, потребовала новаго труда, и чтобы заполнить всю жизнь все тѣмъ же механическимъ трудомъ, нужно было заглушить естественный голодъ и вмѣстѣ съ нимъ загубить богатство и силу жизни. Итакъ, наилучшимъ и наиболѣе естественнымъ трудомъ будетъ такой, въ которомъ дѣйствуютъ, а слѣдовательно развиваются и растутъ живыя силы человѣческой природы, такой, который измѣняетъ отношеніе между силами человѣка и силами природы. И наихудшимъ будетъ трудъ механическій, т.-е. такой, который состоитъ изъ повторенія однихъ и тѣхъ же напряженій и однихъ и тѣхъ же движеній.

Земледѣльческій трудъ не всегда является наилучшимъ и наиболѣе естественнымъ трудомъ. Но при наличныхъ условіяхъ, въ современной исторической обстановкѣ земледѣльческій трудъ все же представляетъ наилучшій примѣръ естественнаго и въ истинномъ смыслѣ производительнаго труда. Даже современное, отравленное капитализмомъ, земледѣліе, съ своими запросами и потребностями, недоумѣніями и противорѣчіями, открытіями и усовершенствованіями, служитъ живымъ и краснорѣчивымъ опроверженіемъ ложной вѣры въ производительность механическаго труда, вѣры, которая составляетъ одну изъ священнѣйшихъ основъ религіи капитализма. Добывая изъ земли пищу, человѣкъ стоитъ лицомъ къ лицу съ живыми силами природы и потому понимаетъ подчиненное значеніе чисто механическаго труда. Работая при помощи творческихъ силъ природы, онъ сознаетъ необходимость и для него, человѣка, быть творцомъ. Если земледѣлецъ будетъ пахать землю на одномъ и томъ же мѣстѣ однимъ и тѣмъ же способомъ безъ всякихъ перемѣнъ, онъ очень скоро выпашетъ землю до полнаго истощенія. Уже тотъ простой фактъ, что съ одного и того

же участка земли нужно кормить измѣняющееся и обыкновенно возрастающее число членовъ семьи земледѣльца или землевладѣльца, служитъ для земледѣльческаго населенія хорошимъ предостереженіемъ противъ механическаго труда.

Каждый крестьянинъ знаетъ, что доли его дѣтей и внуковъ будутъ меньше, чѣмъ были доли его отцовъ и дѣдовъ, и что дѣтямъ и внукамъ нужно либо переходить на новыя земли и заводить тамъ новыя хозяйства, либо по-новому вести хозяйство на старомъ участкѣ. По свойственной крестьянамъ косности они плохо мирятся съ этимъ естественнымъ фактомъ, но такъ или иначе они должны съ нимъ мириться, должны его признавать и уступать ему. Любопытно, что капитализмъ, весь насквозь проникнутый—до фанатизма—тою же вѣрою въ мертвый косный трудъ, считаетъ себя врагомъ крестьянской косности и беретъ на себя миссію проповѣдывать обновленіе и оживленіе труда! На самомъ же дѣлѣ онъ возвелъ въ принципъ ту косность, которая у крестьянъ была инстинктомъ, и вмѣсто мертвой старины душитъ жизнь утопической мечтой будущаго царства мертвечины, возведенной въ систему... Ткачъ, въ отличіе отъ крестьянина, могъ спокойно предаваться механическому труду, не опасаясь за сокращеніе выработки. Онъ могъ спокойно превращать всѣхъ своихъ дѣтей и внуковъ въ такихъ же ткачей, какъ онъ самъ, и сдѣлаться родоначальникомъ цѣлаго племени, размножающаго количество тканей пропорціонально собственному размноженію. И вотъ это-то жалкое и мнимое преимущество ткача передъ земледѣльцемъ сдѣлалось основнымъ догматомъ новой промышленности. Именно такой механическій трудъ школою Ад. Смита былъ возвеличенъ, какъ живой источникъ всего народнаго богатства *). Увеличенія народнаго богатства стали ожидать отъ увеличенія числа механиче-

*) Самъ Ад. Смитъ иногда еще повторяетъ мысли физіократовъ. Напр., онъ говоритъ: „Въ земледѣліи природа работаетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ... рента землевладѣльца есть продуктъ природы, который остается послѣ вычета или вознагражденія всего того, что можно разсматривать, какъ продуктъ человѣка... Никогда равное количество производительнаго труда, затраченнаго въ обрабатывающей промышленности, не можетъ воспроизвести такъ много. Въ обработывающей промышленности природа не создаетъ ничего; все создается человѣкамъ“ („Wealth of Nations“, B. III, ch. V, англ. изд. 1805 г., v. II, p. 107—108). Но вообще въ системѣ Ад. Смита идея труда заняла то господствующее положеніе, какое въ системѣ физіократовъ занимала идея природы, причемъ подъ производительнымъ трудомъ Ад. Смитъ разумѣетъ по преимуществу механическій трудъ. Такъ, возражая физіократамъ, Смитъ утверждаетъ, что обрабатывающая промышленность болѣе способна къ улучшеніямъ въ производительности труда, чѣмъ земледѣліе, на томъ основаніи, что „трудъ ремесленниковъ и фабричныхъ (artificers and manufacturers) способенъ къ большему подраздѣленію, и работа каждаго отдѣльнаго рабочаго можетъ быть сведена къ болѣе простымъ операціямъ“. („W. of. N.“, B. IV, ch. IX; тамъ же, v. III, p. 189).

скихъ движеній. И такъ какъ механическую работу человѣка сдѣлалось возможнымъ замѣнять работою машинъ, то производительность труда и ростъ народнаго богатства стали измѣрять силою машины. Машины могутъ замѣнить только механическій, а не творческій трудъ, и потому при разумномъ отношеніи къ труду естественно желать, чтобы машины имѣли какъ можно меньшее значеніе въ нашей жизни, ибо естественно желать, чтобы какъ можно меньшее значеніе имѣлъ механическій трудъ. Но такъ какъ люди забыли различіе между механическимъ и творческимъ трудомъ и признали механическій трудъ естественнымъ и настоящимъ человѣческимъ трудомъ, то въ машинахъ стали видѣть не замѣну механическаго труда, а замѣну труда вообще, не облегченіе отъ непріятностей механической работы, а избавленіе отъ бремени труда вообще и средство къ обезпеченію нетрудовой и беззаботной жизни.

Все это имѣетъ огромную важность не только для теоріи, но и для практической жизни. Современное общественное сознаніе уже достаточно прониклось мыслью, что механическая работа при машинахъ, на которую осуждена значительная часть городского населенія, вредно отзывается на здоровьѣ. Если тѣмъ не менѣе въ обществѣ все еще нѣтъ серьезной готовности уменьшить количество подобной механической работы, то причиною этому въ значительной степени служитъ ложная вѣра въ производительность машинъ. Постоянно приходится слышать, что машины—это новые рабы человѣчества, что каждый современный человѣкъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи 2, 3, 5, 10 и т. д.—смотря по степени достигнутаго даннымъ народомъ «прогресса», — послушныхъ рабовъ, которые замѣняютъ трудъ живыхъ людей *). Между тѣмъ это такая же нелѣпость, какъ если бы мы признали нашими рабами тучи, изъ которыхъ льется дождь на наше поле, или вѣтеръ, который приноситъ намъ тепло. Да, мы можемъ собирать падающій дождь и превращать его въ драгоцѣнныя хлѣбныя зерна, но только при томъ условіи, если дождь падаетъ на поле, тщательно воздѣланное нашими трудами. Да, мы можемъ превратить силу пара въ живой источникъ богатства, но только въ томъ случаѣ, если путемъ тщательнаго труда съумѣемъ примѣнить эту силу къ жизни.

*) Напр.: „Въ 1880 г. человѣчество располагало 50 милліонами лошадиныхъ силъ; если считать каждую силу равной 12 человѣческимъ силамъ, то у человѣчества было въ 1880 г. 600 милл. рабовъ, въ концѣ вѣка, вѣроятно, это количество удвоилось...“ „Въ настоящее время населеніе въ Англіи ежедневно увеличивается на 1000 душъ и также ежедневно съ 1870 года растетъ количество паровыхъ рабовъ на 1000 лошадиныхъ силъ, слѣдовательно въ Англіи является въ мірѣ новый человѣкъ и для него уже готова цѣлая свита рабовъ—12 человѣкъ (при переводѣ лошадиной силы на человѣческую). „Новый“ человѣкъ конца XIX в. родится на свѣтъ съ чисто царственнымъ комфортомъ“. Проф. *Ив. Озеровъ*. „Итоги экономическаго развитія XIX вѣка“. Спб. 1902, стр. 14—15, 18—19.

Примѣнить силу пара къ производству булавокъ опредѣленный формы еще не значить примѣнить ее къ жизни. Машина, которая въ 1.000 разъ ускоряетъ производство булавокъ, производитъ только булавки и больше ничего. Какой же это рабъ? Рабъ замѣняетъ человѣка, а машина замѣняетъ нѣсколько его движеній и замѣняетъ ихъ успѣшно только тогда, когда движенія эти ничтожны по своему значенію. Положимъ, я трачу одну десятую своего времени на производство булавокъ; мнѣ удается изобрѣсти машину, благодаря которой количество булавокъ, производимыхъ мною въ единицу времени, увеличивается въ сто разъ. Много ли пользы принесло мнѣ это изобрѣтеніе? Очень мало, потому что и всѣ-то булавки, взятыя вмѣстѣ, мнѣ не очень нужны. Но не такъ разсуждаютъ современные экономисты: производительность труда, по ихъ мнѣнію, увеличилась въ 100 разъ въ булавочномъ производствѣ и больше чѣмъ въ десять разъ для всего хозяйства; ибо, разсуждаютъ они, на производство булавокъ тратится $^1/_{10}$ всего труда; если до моего изобрѣтенія общая сумма производительности всего труда измѣрялась 10 единицами, то послѣ изобрѣтенія производительность девяти десятыхъ труда попрежнему будетъ равна 9 единицамъ, а производительность $^1/_{10}$ труда будетъ равна 100 единицамъ, въ суммѣ, значитъ, получится вмѣсто 10 единицъ цѣлыхъ 109.

Это кажется смѣшнымъ, но развѣ не этимъ смѣшнымъ методомъ производятся оффиціальныя и неоффиціальныя исчисленія «производительныхъ силъ Англіи», «производительныхъ силъ Россіи», «производительныхъ силъ Европы» и т. д. Развѣ не потому такъ безразсудно поощряются желѣзозаводчики, горнопромышленики, мануфактуристы, что удвоеніе или утроеніе количества добываемыхъ булавокъ или гвоздей, или угля признается равнозначущимъ удвоенію или утроенію такого же количества (по денежной стоимости) хлѣба и мяса? Присяжный экономистъ министерства финансовъ, редакторъ «Русскаго Экономическаго Обозрѣнія», г. М. Ѳедоровъ, заявилъ въ 1898 г. что въ Россіи «промышленная производительность къ 1896 году почти уже сравнялась съ сельскохозяйственной; недалеко время, когда она ее должна значительно обогнать». Чѣмъ же доказывается такое положеніе? А просто тѣмъ, что по приблизительнымъ разсчетамъ г. М. Ѳедорова валовая доходность сельскаго хозяйства выражается 2.930 милл. рублей, а стоимость годового продукта обрабатывающей промышленности равняется 2.300 милл. рублей. Между тѣмъ, по даннымъ самого г. Ѳедорова въ сельскомъ хозяйствѣ трудится свыше 13 милліоновъ рабочихъ (Европ. Росс.), а въ промышленности только около 2 милл. *). Бѣдные земледѣльцы! Производительность ихъ труда оцѣнена въ 5 разъ ниже, чѣмъ производительность труда городскихъ рабочихъ. И

*) *М. Ѳедоровъ.* „Письма о русской промышленности и иностранныхъ капиталахъ". Въ „Русск. Эконом. Обозр." 1898 г., № 11, стр. 19—20.

это только потому, что увеличивать количество хлѣба труднѣе, чѣмъ увеличивать количество рельсъ и вагоновъ. Оцѣнивая производительность по денежной доходности, г. Ѳедоровъ только слѣдуетъ общепринятому обычаю. Но ясно, что заключенія, подобныя тѣмъ, которыя дѣлаетъ г. Ѳедоровъ, имѣютъ громадное практическое значеніе. Если производительность труда промышленнаго возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ производительность труда земледѣльческаго, то отсюда само собой вытекаетъ, что министерству финансовъ лучше поощрять первый, чѣмъ второй: затраты на поощреніе промышленности окупятся скорѣе, чѣмъ затраты на помощь земледѣльцамъ. И даже истощеніе земли и голодъ земледѣльцевъ становится нестрашнымъ при подобной философіи. Пусть страдаетъ земледѣліе! Не въ земледѣліи главный интересъ! Не въ земледѣліи будущее! Будущее принадлежитъ промышленности, которая сторицей вознаградитъ за неудачи въ земледѣліи.

Вѣра въ машины порождаетъ легкое отношеніе къ труду: люди забываютъ о трудности добыванія пищи, о скудости своихъ запасовъ, объ ограниченности своей природы. «Мы можемъ производить въ милліонъ разъ больше булавокъ, чѣмъ раньше,—думаютъ они,—и это потому, что изобрѣли нѣсколько удачныхъ машинъ, подождемъ немного, изобрѣтемъ еще нѣсколько машинъ, и мы все наше богатство увеличимъ въ милліонъ разъ, и тогда накормимъ всѣхъ нашихъ бѣдныхъ!» И заводчикъ, наводняющій міръ булавками, считаетъ себя благодѣтелемъ человѣчества, а хоръ его друзей и враговъ въ наукѣ и въ публицистикѣ дружно восклицаетъ: наши богатства неистощимы и умноженію ихъ нѣтъ границъ.

«Развѣ такъ?—спрашиваетъ Рёскинъ.—Вы говорите—богатства, доступныя человѣку, безконечны? Но тогда, мнѣ кажется, бѣдные могли бы спросить съ большимъ противъ прежняго основаніемъ: почему же намъ не даютъ нашей доли въ этой безконечности? Мы—бѣдные невѣжды—думали, что мы только остались послѣдними въ общей тѣснотѣ и свалкѣ; мы покорялись, думая, что кто-нибудь долженъ быть послѣднимъ, а кто-нибудь первымъ. Но если запасъ благъ земныхъ неистощимъ и хватитъ лошадей на всѣхъ,—почему же не каждый нищій ѣздитъ верхомъ? Что же касается меня лично, то зачѣмъ тогда мнѣ ставятъ такъ часто все одинъ и тотъ же вопросъ, на который я устаю отвѣчать—«какъ намъ жить безъ машинъ съ нашимъ возростающимъ населеніемъ?» Ибо если богатство дѣйствительно безконечно, то къ чему же еще машины для дальнѣйшаго его увеличенія? Увы! Если бы машины *могли* его увеличивать! Какъ тогда по другому, совсѣмъ по другому жилось бы на этомъ свѣтѣ! Аркрайтъ и Стефенсонъ дѣйствительно заслуживали бы памятниковъ, не менѣе св. Павла! О, если бы всѣ паровыя машины Англіи и весь ея уголь, со всѣми ея лошадиными силами, съ прибавкой ослиныхъ, могли создать хотя бы только одно единственное зерно хлѣба!» *).

*) „Fors Clavigera“, L. XLIV.

«Будьте увѣрены, повторяю вамъ, сила вашихъ машинъ можетъ обезпечить людямъ только праздность. Она не обезпечитъ имъ лучшую жизнь, чѣмъ та, которую они вели раньше, и не обезпечитъ возможность жить въ бо̀льшемъ числѣ. Вамъ нужно разъ навсегда уяснить себѣ этотъ пунктъ. Изъ даннаго количества почвы можно извлечь только данное количество жизненныхъ средствъ, все равно—съ машинами или безъ машинъ. Вы можете, если угодно, поставить милліонъ паровыхъ плуговъ для обработки одной десятины и все-таки на этой десятинѣ выростетъ только опредѣленное количество хлѣбныхъ зеренъ—скребите и жгите ее, какъ хотите» *).

Мы нарочно приводимъ самые рѣзкіе и даже парадоксальные отзывы Рёскина о машинахъ, чтобы яснѣе отдѣлить въ его разсужденіяхъ правильное отъ неправильнаго. Нельзя, конечно, согласиться, что каждый данный участокъ земли обладаетъ на вѣчныя времена одной и тою же производительною силою, что̀ бы ни дѣлалъ съ нимъ человѣкъ. Нельзя согласиться также, что въ земледѣліи должна примѣняться только живая сила людей и животныхъ, но отнюдь не механическіе двигатели. Но Рёскинъ правильно требуетъ, чтобы мы признали неизбѣжное существованіе предѣла, полагаемаго природою нашему труду и нашему богатству. Въ земледѣліи предѣлъ этотъ обозначается яснѣе, чѣмъ гдѣ-либо, хотя онъ и существуетъ вездѣ и всегда. Только предѣлъ этотъ относится не къ человѣку вообще и не къ труду вообще, а именно къ механическому труду, тому, который можетъ быть замѣненъ машиной. Подъ надзоромъ творческаго разума, человѣкъ можетъ пользоваться своими мускулами, какъ механическимъ двигателемъ, и уподоблять себя машинѣ, но только до извѣстнаго предѣла, послѣ котораго начинается истощеніе и гибель. Онъ можетъ механически проводить борозду за бороздой однимъ и тѣмъ же плугомъ на одной и той же землѣ и нѣкоторое время получать сносные урожаи, но только до извѣстнаго предѣла, за которымъ наступаетъ истощеніе, и тогда ему нужно изобрѣтать новые способы обработки, именно изобрѣтать, искать, творить. Онъ долженъ быть творцомъ—въ этомъ законъ его навѣки: вѣчно онъ будетъ сталкиваться съ предѣльною полезностью своихъ физическихъ усилій и вѣчно долженъ будетъ переростать все новые и новые предѣлы и вырабатывать все новые пріемы борьбы съ внѣшней природой и союза съ ея творческими силами. Онъ не можетъ питаться одной своей физической силой, хотя бы въ милліоны милліоновъ разъ умножилъ физическіе результаты своей мускульной работы. Никакія знанія, никакія изобрѣтенія не приведутъ его къ такому состоянію, когда ему можно будетъ питаться, не изобрѣтая, богатѣть, не нуждаясь, жить, не борясь со смертью. И этотъ законъ такъ всемогущъ, что вопіющій голосъ его насильственно врывается въ самыя далекія отъ жизни построенія

*) „Fors Clavigera“, L. V.

экономической догматики и вноситъ смущеніе и безпорядокъ въ самыя стройныя системы товарнаго фетишизма. Человѣку по природѣ его свойственно перерастать *механическія* средства, имѣющіяся въ его распоряженіи для борьбы съ внѣшней природой. Экономисты столкнулись съ этимъ закономъ, но такъ какъ для нихъ всѣ средства сводились къ механическимъ, то они должны были придти къ печальной формулѣ: населенію свойственно перерастать средства существованія. А такъ какъ въ этой формулѣ людямъ предоставляется на выборъ—либо дѣлать то, что имъ свойственно и перестать существовать, либо существовать и дѣлать то, что имъ несвойственно, то логическимъ выводомъ былъ совѣтъ: дѣлайте то, что вамъ несвойственно, убивайте вашу природу, пріостанавливайте дѣторожденіе. Въ этомъ нелѣпомъ выводѣ сказалось безсиліе научной мысли, ослѣпленной вѣрою въ механическій трудъ, передъ фактами жизни: экономисты изгнали изъ своей науки идею творческаго труда и были въ наказаніе загнаны въ отвратительный тупикъ.

Другой такой же тупикъ—это ученіе объ убывающемъ плодородіи почвы. Здѣсь опять карающая власть природы, преслѣдующая нарушителей ея закона, была принята за власть законодательную, посылающую страхъ и горе добрымъ и злымъ. Безплодіе, какъ наказаніе за праздность и рутинный механическій трудъ, превратилось въ фатальное безплодіе, какъ окончательное слѣдствіе всякаго труда. Тѣ же самые экономисты, которые говорятъ о безконечномъ возрастаніи доступныхъ человѣчеству богатствъ, принуждены, когда имъ приходится сталкиваться съ дѣйствительными фактами изъ области земледѣлія, заводить рѣчь уже не о безконечномъ возрастаніи, а о безконечномъ сокращеніи производительности труда. И это понятно. Они приписали безусловную производительность мертвому механическому труду. А въ земледѣліи ясно обнаруживается тотъ фактъ, что мертвый механическій трудъ, однообразно повторяя самъ себя, ведетъ все къ болѣе и болѣе печальнымъ послѣдствіямъ. Въ пресловутомъ «*законѣ убывающаго плодородія почвы*» совершенно вѣрно отмѣчено, что, затрачивая на одну и ту же землю рядъ одинаковыхъ количествъ труда (или одинаковыхъ количествъ капитала, какъ иногда выражались экономисты), мы очень скоро дойдемъ до предѣла, послѣ котораго каждая новая затрата капитала будетъ все менѣе и менѣе производительной. Вскопавъ огородъ 2 раза вмѣсто одного, я, можетъ быть, увеличу урожай на 0,5 первоначальнаго количества; вскопавъ три раза—еще на 0,5; но уже вскопавъ четыре раза, увеличу только на 0,3; вскопавъ пять разъ только на 0,1 и т. д., такъ что въ концѣ концовъ лишній добавочный трудъ по вскапыванію огорода перестанетъ окупаться.

Или можно еще пояснить это такимъ примѣромъ. Одинъ человѣкъ, расходуя весь свой трудъ на данный участокъ земли, получаетъ съ него 100 пудовъ продукта. Если къ нему присоединится второй работ-

никъ, который тоже будетъ вкладывать весь свой трудъ въ тотъ же участокъ, то получится, положимъ, 300 пудовъ. Но уже третій работникъ, присоединившись къ нимъ, увеличитъ урожай не на 200, а положимъ на 100 пудовъ, повысивъ общее количество до 400 пудовъ. Четверо работниковъ соединенными усиліями получатъ только 475 пудовъ, пятеро—500, шестеро—510, семеро—515, десятеро—520, а одиннадцатый, можетъ быть, уже будетъ совсѣмъ безполезенъ и, чтобы подѣлиться съ нимъ, всѣмъ придется не только меньше получать, но и меньше работать. Если они будутъ сообразовываться съ закономъ своей природы, то въ этомъ угрожающемъ сокращеніи производительности они увидятъ предостереженіе противъ рутины, и механическаго труда; они поймутъ, что пора перемѣнить систему труда, и освободившееся время употребятъ на созданіе новыхъ способовъ использованія производительныхъ силъ природы, т. е. на творчество. Но бѣда, если они вообразятъ, что имъ не дано творить, а нужно довольствоваться только тѣмъ, что можетъ дать однообразно повторяющій себя механическій трудъ. Тогда убывающее плодородіе покажется имъ не временнымъ затрудненіемъ, а вѣчнымъ закономъ, и освободившееся время они употребятъ не на борьбу съ этимъ сокращеніемъ плодородія, а на бездѣлье или на выработку посредствомъ механическаго труда какихъ-нибудь безполезныхъ предметовъ. И еще хуже, если они соблазнятся тѣмъ, что безполезные предметы можно вырабатывать въ безконечномъ количествѣ, не сокращая, а безконечно увеличивая ихъ число съ каждой новой затратой механическаго труда, и станутъ за это безполезные предметы уважать больше, чѣмъ хлѣбъ, такъ неблагодарно ихъ вознаграждающій. Тогда они совсѣмъ будутъ похожи на экономистовъ, провозгласившихъ вѣчно возростающую производительность неземледѣльческаго труда и вѣчно падающую производительность труда земледѣльческаго. Приводимая этими экономистами магическая грань—непонятная для ума и противорѣчивая по самому существу—между различною природой труда земледѣльческаго и неземледѣльческаго ясно показываетъ, что ихъ наука зашла въ тупикъ *). Говорить, что фабрики и заводы не имѣютъ

*) Въ брошюрѣ *К. Пажитнова*: „Къ аграрному вопросу. Законъ убывающаго плодородія почвы и его значеніе въ политической экономіи (по поводу книги Булгакова: „Капитализмъ и земледѣліе“)“. М. 1903 г., и въ статьѣ того же автора въ „Нар. Хоз.“ 1903 г., № 3, приводится цѣлый рядъ серьезнѣйшихъ писателей, наивно принимающихъ на вѣру „законъ убывающаго плодородія“ безъ всякой сколько-нибудь основательной провѣрки. Авторъ справедливо удивляется, какимъ образомъ столь шаткое, ненаучное, схоластическое обобщеніе могло занять такое почетное положеніе въ наукѣ. До сихъ поръ оно защищается многими выдающимися учеными. Съ необычайнымъ, непонятнымъ энтузіазмомъ выдвигаетъ его г. Булгаковъ въ своей книгѣ „Капитализмъ и земледѣліе“. „Я готовъ,—говоритъ г. Булгаковъ,—признать законъ убывающаго плодородія почвы однимъ изъ важнѣйшихъ законовъ исторіи цивилизаціи: вся исторія XIX в., съ его экономической организаціей, съ его проблемами богатства и бѣдности, была бы непонятна безъ этого закона...“ „Прошлое оставляетъ въ наслѣдіе будущему хлѣбный вопросъ болѣе страшный и болѣе трудный, чѣмъ вопросъ

совершенно такого же предѣла производительности, какъ земледѣльческія фермы, можно только при томъ условіи, если всякое безсмысленное верченіе фабричныхъ валовъ заранѣе признать производительнымъ. На самомъ дѣлѣ *«законъ убывающаго плодородія земли»* есть не что иное, какъ *законъ убывающей производительности механическаго труда*, законъ, одинаково приложимый и къ земледѣлію, и къ неземледѣльческому труду. Всегда и всюду однообразное примѣненіе однихъ и тѣхъ же пріемовъ, механическое повтореніе однихъ и тѣхъ же движеній, приводитъ къ сокращенію полезности труда, къ истощенію человѣческихъ силъ и къ разложенію человѣческаго сотрудничества. Оттачивайте топоръ въ два раза дольше, и онъ будетъ вдвое острѣе, но учетверите вашъ трудъ, и топоръ уже не станетъ въ четыре раза острѣе, а, можетъ быть, останется такимъ же, какъ былъ. Удвойте количество топлива въ печахъ и ваши машины задвигаются вдвое быстрѣе, но продолжайте не переставая прибавлять топливо и скоро вы замѣтите, что жжете дрова на вѣтеръ. Попросите наилучшаго скрипача проиграть вамъ любимую арію два раза, и во второй разъ она вамъ понравится больше, чѣмъ въ первый; но пусть онъ играетъ ее вамъ по сорока разъ въ сутки каждый день, и скоро вы обратитесь въ бѣгство и надолго сохраните ненависть къ любимому мотиву. Во всемъ и всюду одинъ и тотъ же законъ: все, что мы имѣемъ, создано человѣческимъ творчествомъ и можетъ сохраняться и возобновляться только человѣческимъ творчествомъ. Плугъ былъ изобрѣтенъ человѣческой мыслью и можетъ быть полезенъ только подъ управленіемъ такой же творческой мысли, какая была нужна для его изобрѣтенія. Домашнія животныя были приручены предпріимчивостью и отвагой старыхъ поколѣній и нынѣшнія поколѣнія неминуемо загубятъ и свое скотоводство и земледѣліе, если не будутъ предпріимчивы и отважны. Искусство родилось непроизвольно изъ безыскусственнаго труда и въ безыскусственной жизни, и если современные художники не будутъ безыскусственно трудиться, а вмѣсто того станутъ пользоваться механическими средствами для механическаго накопленія настроеній, то они загубятъ свое искусство.

Въ современномъ обществѣ законъ природы, требующій отъ человѣка творческаго труда, нарушается двоякимъ образомъ: во-первыхъ, тѣмъ, что физическій трудъ рабочихъ принимаетъ характеръ механическаго мертваго труда и, во-вторыхъ, тѣмъ, что высшіе классы, гнушаясь трудомъ, ведутъ праздную жизнь и, слѣдовательно, глушатъ въ себѣ заложенныя природой силы. Машина губитъ и тѣхъ, кто служитъ ей на фабрикахъ и заводахъ, уподобляясь ея собственнымъ винтамъ и колесамъ, и тѣхъ, кто считаетъ ее новымъ вѣрнымъ рабомъ и благодаря ей позволяетъ себѣ жизнь рабовладѣльцевъ, праздную, при-

---

соціальный, вопросъ производства, а не распредѣленія...“ Законъ убывающаго плодородія—это „бичъ человѣчества и вмѣстѣ съ тѣмъ самый надежный руководитель его по пути прогресса“. (См. указ. брошюру г. Пажитнова, стр. 32, 34 и „Нар. Хоз.“ 1903 г., № 3, стр. 97).

тупляющую и временно прикрашенную продажными служителями ложнаго искусства. Если бы высшіе классы понимали необходимость творчества въ трудѣ, они не гнушались бы трудомъ и уважали бы физическій трудъ столько же, сколько и умственный. Но они не знаютъ другого труда, кромѣ механическаго. Имъ нужно выбирать между отвратительнымъ, мертвымъ трудомъ и праздностью, и они выбираютъ праздность. Такимъ образомъ люди сами, вопреки вліяніямъ природы, создаютъ страшную пропасть между праздными и трудящимися, между высшими и низшими классами. Въ естественномъ состояніи общества такая пропасть не должна и не можетъ существовать. Правда, неравенство неизбѣжно. Правда, всегда будутъ различаться высшіе и низшіе виды труда: искусство выше ремесла. Но это различіе, возникающее естественнымъ путемъ, не составляетъ обиды для низшихъ, ни привилегіи для высшихъ. Превосходство художника надъ ремесленникомъ возникаетъ непроизвольно, непреднамѣренно, тѣ и другіе работаютъ въ равныхъ условіяхъ, но въ равныхъ условіяхъ обнаруживаютъ разную степень внутренней силы. Только то искусство и хорошо, которое создается въ силу внутренней безотчетной потребности, а не вслѣдствіе преднамѣреннаго раздѣленія труда между служителями искусства и простыми рабочими. «Истинный художникъ,—говоритъ Рёскинъ,—есть только великолѣпное развитіе обязанностей закройщика или плотника. Какъ крестьянинъ заботится о хлѣбѣ, такъ художникъ заботится о платьѣ и жилищѣ: и въ такихъ дѣлахъ, какъ шитье платья и комнатныхъ занавѣсокъ, прекрасно могла бы замѣнить всякихъ художниковъ сама крестьянская хозяйка, разумно подражая царицамъ: Пенелопѣ, Бертѣ и Модъ; а съ другой стороны въ сооруженіи и украшеніи домовъ, не исключая и раскрашенныхъ комнатъ, подобныхъ ватиканскимъ, художникъ, по существу, продолжаетъ оставаться плотникомъ или каменьщикомъ, сначала разсѣкая камень и дерево, потомъ раскрашивая ихъ для большей прочности, и—если удастся! — присоединяя рисунокъ къ своему раскрашиванію» *).

Искусство выросло изъ ремесла и должно сохранить свою связь съ ремесломъ. А съ другой стороны ремесленники должны всегда, хоть въ малой степени, быть художниками. Во всѣхъ людяхъ, а не только въ однихъ профессіональныхъ художникахъ, заложены великія творческія силы, заглушаемыя теперь ложною вѣрой въ творческую силу машинъ. Нужно высвободить эти связанныя, дремлющія въ человѣкѣ силы, нужно, чтобы онѣ нашли себѣ примѣненіе повсюду, во всѣхъ отрасляхъ труда, чтобы ихъ печать была видна во всемъ, что насъ окружаетъ. «Въ истинно просвѣщенной и выдержавшей хорошее воспитаніе странѣ,—говоритъ Рёскинъ,—не стали бы подпускать никого къ обработкѣ какого бы то ни было вещества, кто не имѣлъ бы понятія о наиболѣе высокомъ и прекрасномъ его употребленіи. Другими словами, искусства по обработкѣ дерева, глины, камня и металла были бы всѣ *изящными* искус-

*) Fors Clavigera, L. XI.

ствами. Не существовало бы вовсе ни у столяровъ, ни у кузнецовъ, ни у гончаровъ, ни у каменотесовъ никакой работы столь низменнаго характера, чтобы въ ней не сохранилось связи съ наивысшими отраслями того же мастерства, и, по крайней мѣрѣ, одной изъ такихъ высшихъ отраслей какого-либо мастерства (преимущественно работамъ по металлу) каждый художникъ или скульпторъ обязанъ былъ бы непремѣнно учиться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ своей юности. Въ однихъ только этихъ четырехъ ремеслахъ нашлось бы достаточно простора для примѣненія любой степени практической изобрѣтательности и творческаго воображенія. Но не только однихъ художниковъ нужно бы было упражнять въ этихъ ремеслахъ. Въ мою схему физическаго воспитанія входитъ, чтобы каждый юноша въ государствѣ—начиная съ королевскаго сына—выучивался дѣлать что-нибудь руками изящно и съ полнымъ совершенствомъ, такъ, чтобы онъ зналъ, что значитъ искусная рука и что значитъ быть достойнымъ мастеромъ своего дѣла и понялъ еще много другихъ вещей, которымъ никто не можетъ научиться иначе, какъ путемъ собственной неукоснительно строгой выдержки въ работѣ. Пусть онъ научится, какъ срѣзать ровную стружку у доски или безъ запинаній смѣло провести тонкую кривую или уложить ровно кирпичъ въ цементѣ, и если онъ научился, какъ это дѣлать, онъ научился тысячѣ другихъ вещей, которымъ бы никогда не могъ его научить ничей человѣческій языкъ» *).

Мы видимъ, что художникъ Рёскинъ, также какъ еще болѣе великій художникъ Толстой, приходитъ къ требованію обязательности для всѣхъ «простого» физическаго труда. Но Рёскинъ болѣе, чѣмъ Толстой, настаиваетъ на томъ, что трудъ не только обязанность для всѣхъ, но и живой источникъ силъ, что въ обращеніи къ труду люди изъ такъ называемыхъ высшихъ классовъ найдутъ не только успокоеніе совѣсти, но и настоящую полноту и богатство жизни.

Заключеніе.

Мы не старались смягчить рѣзкихъ противорѣчій между идеалами Рёскина и дѣйствительной жизнью. Мы показали, какая пропасть отдѣляетъ Рёскина отъ господствующихъ идей нашего времени. Но теперь, подводя итоги, мы можемъ сказать, что эта пропасть все-таки не такъ страшна, какъ кажется.

Она не такъ страшна, какъ кажется, по той простой причинѣ, что сама современная жизнь—не то, чѣмъ она кажется. Современный капитализмъ, противъ котораго воюетъ Рёскинъ, не таковъ, какимъ онъ самъ себя считаетъ. Онъ лучше своей славы и лучше собственнаго мнѣнія о себѣ. Дѣйствительность — не то, за что она намъ себя выдаетъ. Съ этого начинаетъ и этимъ кончаетъ всякій идеализмъ. Эмпирику кажется, что идеализмъ только отрицаетъ дѣйствительность. Но идеализмъ, отрицая кажущуюся дѣйствительность, открываетъ подъ

*) „Time and Tide“, §§ 132—133.

ея покровомъ иную, болѣе сильную дѣйствительность. Эмпирику кажется, что Толстой и Рёскинъ только осуждаютъ современное общество за забвеніе христіанства. Но, осуждая современное общество, и Толстой и Рёскинъ въ то же время считаютъ его болѣе христіанскимъ, чѣмъ оно само себя считаетъ; оба утверждаютъ, что если люди еще живутъ и наслаждаются и подвигаются въ своемъ развитіи, то этимъ всѣмъ они обязаны не языческимъ принципамъ, которымъ они поклоняются, а христіанству, которое они отвергаютъ; по убѣжденію обоихъ мыслителей, люди живы любовью, а не ложными теоріями, которыя они себѣ сочиняютъ.

Капитализмъ отрицаетъ власть, вѣру и творчество. Дѣйствительная же сила, какая есть въ капитализмѣ, основана на власти сильныхъ надъ слабыми, на вѣрѣ въ человѣческій разумъ, на творческой силѣ человѣческаго труда. Капитализмъ не можетъ уничтожить ни власти, ни вѣры, ни творчества и только тщетно борется съ ними. Онъ искажаетъ дѣйствіе этихъ силъ, но не освобождается отъ нихъ. Въ царствѣ капитализма силы эти только принимаютъ обманчивую и противорѣчивую оболочку: вмѣсто отвѣтственной власти сильныхъ надъ слабыми является безотвѣтственная власть богатыхъ надъ бѣдными; вмѣсто добровольнаго подчиненія тайнѣ жизни, является суевѣрное поклоненіе таинственной силѣ числа и мѣры, слѣпая вѣра въ «точное» знаніе; вмѣсто творческаго труда является мнимо-чудодѣйственная производительность машинъ. И экономисты, отрицающіе то, чего нельзя отрицать, наказываются за это мучительными загадками, которыя превращаютъ ихъ науку въ мертвую схоластику. Отрицая власть, они получаютъ въ наказаніе проблему дохода на капиталъ. Отрицая вѣру, они, въ наказаніе, мучаются теоріями цѣнности и фонда заработной платы. Отрицая творчество, они попадаютъ въ тупикъ, называемый «закономъ Мальтуса», и въ другой тупикъ, называемый «закономъ убывающаго плодородія почвы».

Съ другой стороны, христіанскіе идеалы Рёскина не таковы, какими они представляются наблюдателямъ изъ капиталистическаго лагеря. По внѣшности кажется, что проповѣдь Рёскина есть только защита слабыхъ противъ сильныхъ, призывъ къ милосердію, состраданію и самоограниченію. На самомъ же дѣлѣ онъ призываетъ къ силѣ и смѣлости. Главная вина капитализма, въ его глазахъ, не жестокосердіе, а малодушіе. Капитализмъ трусливо отворачивается отъ власти, вѣры и творчества. Онъ отрицаетъ власть, потому что боится отвѣтственности. Онъ отрицаетъ вѣру, потому что боится тайны. Онъ отрицаетъ творчество, потому что боится напряженія и труда.

И этотъ призывъ къ силѣ и смѣлости и упреки въ малодушіи продиктованы не высокомѣрнымъ презрѣніемъ къ прошлому и настоящему человѣчества, а наоборотъ удивленіемъ передъ величіемъ человѣческой исторіи и вѣрой въ силы родной страны. Малодушіе современнаго капитализма кажется Рёскину измѣною великому прошлому. Онъ живо чувствуетъ связь своихъ идеаловъ съ идеалами старой

Англіи. Онъ такъ же гордится морскимъ могуществомъ своей родины, какъ ужасается царящимъ въ ней духомъ наживы. Съ какой любовью онъ вспоминаетъ образы смѣлыхъ англійскихъ купцовъ, искавшихъ славы въ моряхъ и невѣдомыхъ странахъ, въ родѣ сэра Френсиса Дрэка, который, перейдя въ 1572 г. панамскій перешеекъ и увидѣвъ съ высокаго холма Великій океанъ, на которомъ еще никогда не появлялся англійскій корабль, «поднялъ руки къ небу, какъ разсказываетъ его біографъ, и призвалъ Божіе благословеніе на рѣшеніе, имъ принятое въ ту минуту—пустить по этому океану англійскій корабль» *).

Есть тайная связь между отважнымъ духомъ англійскихъ «торговыхъ мужиковъ» стараго закала и смѣлымъ призывомъ Рёскина къ обновленію англійской жизни. Идеализмъ Рёскина — порожденіе того же духа, который сдѣлалъ Англію образцомъ капиталистической страны. Изъ того, что современные англичане вѣрятъ въ капитализмъ и смѣются надъ идеями Рёскина, вовсе не слѣдуетъ, что завтра они не повѣрятъ въ идеи Рёскина и не проклянутъ капитализмъ. Придетъ время, и то, что кажется теперь силой, покажется малодушіемъ. Роль капитализма кончится, какъ кончилась когда-то роль рыцарства. Всѣ народы должны были мечомъ и кровью отвоевывать себѣ мѣсто среди сосѣдей; а теперь каждый знаетъ свое мѣсто и пользуется своей землей по своимъ силамъ и способностямъ. Капитализмъ отвоевалъ для людей великія богатства: но его силы слишкомъ грубы, чтобы примѣнить эти богатства къ жизни. Банкиры и купцы управляютъ міромъ при помощи грубой денежной власти. Пока ихъ власть проявлялась только въ предѣлахъ биржи, лавокъ, торговыхъ гаваней, духовные вожди народа,—поэты, мыслители, пророки, реформаторы стояли въ сторонѣ, гнушаясь царствомъ денегъ, какъ царствомъ прозы и пошлости. Но когда власть денегъ охватила всѣ стороны человѣческой жизни, истинные вожди народовъ, истинные носители народнаго духа возвысили свой голосъ противъ денегъ. Художникъ Рёскинъ врывается въ политическую экономію и пытается разбить ея кумиры. Это прообразъ того, что случится съ матеріальнымъ богатствомъ культурнаго человѣчества. Теперь всѣмъ богатствомъ земли, сокровищами почвы и горныхъ нѣдръ, морями и рѣками, паромъ и электричествомъ управляютъ не самые сильные по духу, но самые жадные, скупые и корыстолюбивые. Вѣдь купцы и банкиры не самые сильные люди въ современномъ мірѣ. А власть они себѣ захватили самую большую. И потому они должны будутъ передать власть другимъ, болѣе сильнымъ. То, что капитализмъ создалъ дѣйствительно цѣннаго, останется навѣки. Но купеческая мораль, воплотившаяся въ политической экономіи XIX-го вѣка, должна будетъ уступить мѣсто болѣе благородному, болѣе смѣлому и болѣе художественному пониманію жизни.

А. Рыкачевъ.

---

*) „Fors Clavigera", L. XIII.

Что читаетъ и чѣмъ интересуется учащаяся молодежь.

(*Окончаніе* *).

III.

Любимые писатели-художники, критики и публицисты.

О развитіи въ учащихся любви къ чтенію.—Свѣдѣнія о читаемости.—Отзывы о любимыхъ авторахъ--русскихъ и иностранныхъ.

Г. Елпатьевскій въ разсказѣ «Служащій» **) говоритъ о нарожденіи на Руси новаго читателя въ средѣ служащихъ въ самыхъ разнообразныхъ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ, вызванныхъ къ жизни капитализмомъ и реформами шестидесятыхъ годовъ. Г. Елпатьевскій былъ бы ближе къ истинѣ, если бы къ новому читателю изъ служащихъ присоединилъ и читателей изъ учащейся молодежи.

Я болѣе 10 лѣтъ наблюдаю за жизнью учащагося юношества и скажу безошибочно, что однимъ изъ самыхъ видныхъ потребителей научно-популярной литературы, ежегодно выбрасываемой на книжный рынокъ въ огромномъ количествѣ, является наша молодежь, обучающаяся въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Юношествомъ же въ значительной мѣрѣ поддерживаются и популярно-научныя періодическія изданія, и публичныя библіотеки.

И въ школѣ, и въ семьѣ отношеніе къ чтенію «постороннихъ» книгъ въ большинствѣ случаевъ отрицательное, въ лучшемъ случаѣ формальное. Среди отвѣтовъ нѣтъ указаній или ссылокъ на то, что преподаватели руководятъ чтеніемъ или рекомендуютъ списки необходимыхъ для прочтенія книгъ.

И нѣтъ ничего удивительнаго, если многіе юноши, не обладающіе врожденнымъ стремленьемъ къ свѣту, выходятъ изъ стѣнъ средняго учебнаго заведенія круглыми невѣждами, и ничего миѳическаго нѣтъ въ томъ, что среди студентовъ 2-го—3-го курса можно встрѣтить такихъ, которые ничего и никогда не слыхали о Щедринѣ и Гл. Успенскимъ, которые не знаютъ о существованіи «Вѣстника Европы» и послѣдній называютъ «европейскимъ вѣстникомъ» и т. п.

Но есть натуры, которыя не поддаются рѣшительно никакой нивелировкѣ. Они ухитряются сохранить въ себѣ тотъ «пламень» души, который живитъ и согрѣваетъ человѣка, который дѣлаетъ жизнь и интересной, и содержательной.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 11, ноябрь, 1903 г.

** Русское Богатство, № 1, 1902 г.

Современная жизнь, со всѣми ея разнообразными запросами, стремленіями и интересами, захватываетъ въ свой водоворотъ и юношество. Лучшая часть его живетъ тѣми же духовными интересами, какими живетъ интеллигентная публика, читаетъ тѣ же книги, что и интеллигенція. Высказанное какъ нельзя лучше подтверждается отвѣтами учащихся на вопросъ о любимыхъ авторахъ и произведеніяхъ. Вотъ списокъ авторовъ съ цифровыми данными объ ихъ читаемости.

Изъ числа 933 отвѣтовъ называются, какъ любимые авторы, слѣдующіе русскіе писатели:

Л. Н. Толстой	691 раз.	Яблоновскій*)	388
М. Горькій	586 »	Гаршинъ	375
Достоевскій	494 »	Короленко	374
Тургеневъ	470 »	Некрасовъ	372
Чеховъ	458 »	Чириковъ	261
Писаревъ	437 »	Бѣлинскій	119
Добролюбовъ	401 »	Шелгуновъ	114
Гончаровъ	395 »	Щедринъ	109
Верссаевъ	391 »	Рубакинъ	103

Менѣе 100 разъ упоминаются: Гл. Успенскій, Помяловскій, Надсонъ, П. Я. Мельшинъ, Тимковскій, А. Толстой, Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Данилевскій, Григоровичъ, Боборыкинъ, Потапенко, Маминъ-Сибирякъ, Никитинъ, Ивановичъ, Златовратскій, Островскій, Астыревъ, Лѣсковъ, Михайловскій, Соловьевъ, Л. Андреевъ и мн. др.

Наиболѣе читаемой книгой оказался романъ гр. Л. Н. Толстого «Воскресеніе», онъ упоминается, какъ любимая книга, 296 разъ. Затѣмъ идутъ произведенія Горькаго—«Ѳома Гордѣевъ» и «Трое».

Иностранные писатели читаются въ небольшомъ количествѣ:

Мопассанъ упоминается	86 разъ
Эркманъ - Шатріанъ	83 »
Золя	73 »
Диккенсъ	71 »
Гюго	69 »
Ежъ	68 »
Французъ	62 »
Войничъ	61 »
Беллами	58 »
Твэнъ	57 »
Гауптманъ	54 »
Шиллеръ	52 »
Гете	52 »

*) Главнымъ образомъ „Изъ гимназической жизни“, очерки, появившіеся въ „Міръ Божіемъ“ въ 1901 г.

Менѣе 50 разъ упоминаются: Сенкевичъ, Шекспиръ, Ибсенъ, Джіованіоли, Додэ, Флоберъ, Сервантесъ, Шекспиръ, Ж. Зандъ и др.

Всѣ эти данныя относятся вѣрнѣе всего къ 1901 году и къ 1-й половинѣ 1902 г., такъ какъ во второй половинѣ прошлаго года и въ текущемъ году ко мнѣ поступило около 50 отвѣтовъ. Надо думать, что данныя настоящаго года измѣнили бы приведенные выше списки въ значительной мѣрѣ. Приложеніе, напр., сочиненій г. Чехова къ «Нивѣ» сдѣлало этого писателя настолько популярнымъ, что, несомнѣнно, онъ всталъ бы наряду съ гр. Л. Н. Толстымъ.

Наибольшею популярностью среди учащагося юношества пользуется великій писатель земли русской Л. Н. Толстой. Восторги передъ геніемъ Толстого не знаютъ предѣловъ. Судя по отзывамъ, многіе изъ молодожи сдѣлали изъ Толстого себѣ кумира, и нѣкоторыя изъ его произведеній много разъ читаютъ и перечитываютъ. Нѣкоторые читали «Кавказскаго плѣнника», «Дѣтство и отрочество», «Севастопольскіе разсказы» и др. «безчисленное» (!) количество разъ и многія мѣста знаютъ даже наизусть. Толстой вызываетъ у юношества «благоговѣйное» отношеніе къ себѣ не только какъ писатель, но и какъ «рѣдкій, вѣками появляющійся» человѣкъ.

Вотъ рядъ самыхъ разнообразныхъ отзывовъ о Толстомъ.

«Толстого я люблю за его постоянное стремленіе къ истинѣ, за неутомимую жажду ея, за искренность, за пластичность и художественность его литературныхъ произведеній и, наконецъ, люблю его, какъ человѣка, рѣдкаго и единственнаго въ своемъ родѣ» (гимн. VII кл.).

«Мнѣ нравятся всѣ сочиненія Л. Н. Толстого. Почему его сочиненія нравятся—излишне говорить: что въ книгѣ, то и на дѣлѣ, что въ книгѣ говоритъ, то и самъ дѣлаетъ» (гимн. VII кл.).

«Толстой несомнѣнно самый крупный романистъ, великій философъ и рѣдкій (если можно такъ выразиться) религіозный мыслитель. Его романы—совершенство, выше котораго ни въ одной изъ міровыхъ литературъ не имѣется. Его исканія такихъ формъ жизни, которыя были бы достойны человѣка, поражаютъ и увлекаютъ своею искренностью, горячностью, стремительностью и непреклоннымъ стремленіемъ найти искомое. Его мысли объ отношеніи человѣка къ окружающему, къ Богу и къ себѣ, мысли о томъ, во имя чего и для чего мы живемъ, поражаютъ своей простотой, съ одной стороны, и съ другой—величіемъ» (семинар. V кл.).

«У Толстого всегда на первомъ планѣ рѣшеніе вопросовъ чести и совѣсти. Устроить жизнь на началахъ любви къ Богу и человѣку такъ, чтобы совѣсть была чиста и спокойна—вотъ, мнѣ кажется, то, къ чему стремится Толстой. Выше этого стремленія нѣтъ, да и быть не можетъ» (ученикъ III кл. учител. семин.).

«Толстой открылъ мнѣ глаза на самыя важныя стороны человѣческой жизни. Только послѣ знакомства съ Толстымъ я уразумѣлъ ис-

тинную цѣну, смыслъ и цѣль государства, церкви и общества и, вообще, всей современной жизни. Я теперь хорошо знаю, что все это не то, что нужно для человѣка; теперь я знаю ясно, что мнѣ дѣлать, какъ устроить свою жизнь»... (гимназ. VIII кл.).

«Изъ всѣхъ русскихъ писателей меня больше всего интересуетъ Толстой. Это—такой большой человѣкъ и такой оригинальный, что для точнаго опредѣленія его нѣтъ даже у меня словъ. Я хоть и плохо знаю литературу, но почему-то вѣрю, что подобныхъ Толстому писателей не было и не будетъ. Особенность его та, что у него все свое. Я люблю Толстого и знаю его хорошо, потому что имѣю счастье состоять собственникомъ всѣхъ его произведеній. Читалъ его и изучалъ я четыре года и вынесъ такое убѣжденіе. Толстого большинство въ публикѣ и въ критикѣ не понимаетъ. Утверждаютъ, что онъ—проповѣдникъ непротивленія злу, врагъ науки и цивилизаціи. Все это сплошная ложь или недомысліе. Толстовское непротивленіе злу по своей сущности выше всякаго противленія, и быть послѣдователемъ его въ тысячу разъ труднѣе, чѣмъ быть приверженцемъ противленія. Толстой своимъ непротивленіемъ учитъ не поддерживать злыя дѣла и только. Не поддерживайте злое дѣло, и оно само падетъ, какъ домъ безъ фундамента, какъ человѣкъ безъ ногъ. Врагъ ли Толстой наукѣ и цивилизаціи? Нѣтъ. Онъ говоритъ только то, что наука находится во вражескихъ рукахъ или въ рукахъ бездушныхъ людей. И наше дѣло дать научнымъ пріобрѣтеніямъ надлежащее направленіе: служить на пользу большинству. Не виновата наука въ томъ, что люди, пользуясь ея пріобрѣтеніями, понадѣлали себѣ ружей, пушекъ, чтобы истреблять человѣчество. То же и съ цивилизаціей. Все это похоже на то, если бы стали винить хлѣбъ за то, что изъ него приготовляется водка, т.-е. отрава. Или еще лучше: въ голодный годъ у богатаго землевладѣльца ломятся амбары отъ хлѣба, а кругомъ люди умираютъ отъ голоднаго тифа. Вѣдь никто же не станетъ обвинять запасы хлѣба въ томъ, что они бездѣйствуютъ, что даютъ умирать отъ голодной смерти» (окончившій классич. гимназ.).

Толстой нравится многимъ за то, что онъ расширилъ у нихъ «понятія о добрѣ и злѣ», «научилъ любить людей, любить человѣчество», «убѣдилъ въ томъ, что нравственная жизнь выгоднѣе», «показалъ настоящую жизнь въ своихъ многочисленныхъ художественныхъ и публицистическихъ произведеніяхъ», «выяснилъ истинный смыслъ дѣятельности тѣхъ, кто верховодитъ жизнью», «рѣзко и убѣдительно обличилъ лицемѣрный строй жизни, въ которой только сильному и хорошо, а слабый забитъ и ведетъ скотскую жизнь, жизнь почти раба» и т. п., и т. п.

Отзывы объ отдѣльныхъ произведеніяхъ Толстого большого интереса не представляютъ. Въ нихъ говорится о «великолѣпномъ воспроизведеніи дѣйствительности», о «широкихъ, необыкновенно вѣрно

вырисованныхъ картинахъ прошлаго («Война и миръ») и настоящаго» («Воскресеніе»), «вѣрности изображенія историческо-общественной жизни», «глубинѣ мысли, простотѣ изложенія и доступности для каждаго», «множествѣ вопросовъ, затронутыхъ въ его романахъ», и т. п.

Совершенно особое мѣсто занимаютъ отзывы о «Крейцеровой сонатѣ» и о нѣкоторыхъ религіозно-философскихъ произведеніяхъ послѣднихъ 10—15 лѣтъ. Одинъ гимназистъ VIII кл. пишетъ: «Позднышевъ человѣкъ умный, но безхарактерный: онъ могъ бы удержать свою жену отъ паденія, но вслѣдствіе какого-то озлобленнаго нежеланія не удержалъ. Думаю, что въ моей будущей личной жизни того не случится, что описано въ «Крейцеровой сонатѣ»; разсудокъ долженъ всегда сдерживать порывы человѣка. За это произведеніе Толстому большое спасибо».

Другой (тоже гимназистъ) пишетъ: «Крейцерова соната» открыла мнѣ глаза на истинный смыслъ существующихъ въ нашемъ обществѣ связей между мужчиной и женщиной. Связи эти—одно скотство. Это ужасно, но справедливо. И я всѣ свои силы души употреблю на то, чтобы избѣгнуть подобной, недостойной человѣка, связи».

Въ цѣломъ рядѣ отзывовъ указывается на то, что «Крейцерова соната» «заставила сознательно относиться къ женщинѣ», «измѣнила мой образъ жизни», «Толстой «Крейцеровой сонатой» направилъ меня по новому пути, съ котораго я ужъ, навѣрное, не собьюсь и твердой поступью пойду въ будущей моей жизни», и т. п.

Философскія произведенія Толстого для моихъ корреспондентовъ были цѣлымъ откровеніемъ: они у однихъ «произвели переворотъ въ душѣ»; у другихъ «совершенно измѣнили кореннымъ образомъ всѣ взгляды на современную дѣйствительность»; у третьихъ «кончилась духовная слѣпота и началось умственное и нравственное просвѣтленіе»; у четвертыхъ «получились вѣрныя представленія о самыхъ важныхъ сторонахъ нашей жизни: о людскихъ отношеніяхъ, о вѣрѣ, объ обществѣ, о государствѣ»; у пятыхъ «наконецъ-таки нашлась отправная точка, отъ которой слѣдуетъ начинать практическую работу: служить правдѣ и истинѣ и дѣлать добро»... Или: извѣстныя произведенія Толстого «важны не тѣмъ, справедливо ли рѣшаетъ авторъ поставленные имъ вопросы, но тѣмъ, что они раскрываютъ глаза на несостоятельность» важныхъ основъ нашей жизни и, «несомнѣнно, выводятъ человѣка изъ инертнаго отношенія къ этимъ основамъ,—такъ убѣдительны разсужденія автора» (гимназистъ VI кл.). Въ одномъ изъ самыхъ послѣднихъ произведеній Толстого «меня особенно поразила ясность и послѣдовательность той мысли», что его «теорія совершенно непригодна для обновленія нашей жизни» (гимназистъ VI кл.).

М. Горькій пользуется почти такою же популярностью среди юношества, какъ и Л. Н. Толстой. Горькаго юношество любитъ «за яркія, сочныя краски, за картинность, за какое-то бодрящее чувство, навѣ-

ваемое его очерками»; за то, что «онъ заставляетъ любить и понимать» «меньшую братію»; за то, что онъ будитъ мысль читателя и направляетъ ея работу на самые важные вопросы жизни: «отчего гибнутъ люди? Отчего зла на свѣтѣ много? Отчего люди не умѣютъ устроить свою жизнь?» За то, что «онъ громко кричитъ противъ тѣхъ формъ жизни, которыя давятъ въ людяхъ все лучшее, святое—ихъ духъ, ихъ любовь и стремленіе къ свободѣ», и онъ «мощно зоветъ насъ къ жизни, осмысленной и справедливой, устройство которой находится въ нашихъ рукахъ, зависитъ отъ насъ самихъ» и т. д., и т. д.

Одинъ семинаристъ даетъ въ нѣсколькихъ словахъ сжатую, но энергичную характеристику М. Горькаго: «Горькій—великій художникъ. Онъ пишетъ всѣмъ сердцемъ своимъ, всей душой своей, всѣми помыслами своими. Оттого онъ и увлекаетъ за собой читателя».

Гимназистъ VIII кл. такъ отзывается о М. Горькомъ: «У насъ еще никогда не бывало подобнаго ему писателя (даже съ Ломоносовымъ его сравнивать нельзя, такъ какъ Горькій нигдѣ не учился, а Ломоносовъ прошелъ правильную школу). Это—сказочный герой, богатырь; слава о немъ уйдетъ въ глубины народныя; о немъ составятся легенды, какъ о народномъ героѣ, и будутъ переходить изъ поколѣнія въ поколѣніе. Горькій — это свѣтлое явленіе (послѣ Ломоносова народъ не давалъ изъ себя ничего подобнаго) русской жизни, жизни народной. Онъ современемъ сдѣлается любимымъ героемъ дѣтской и народной литературы и на его біографіи будутъ воспитываться молодыя поколѣнія».

У одного изъ корреспондентовъ содержатся въ письмѣ слѣдующія мысли, вызванныя чтеніемъ произведеній М. Горькаго: «Горькій мало прожилъ, но много пережилъ; ему (гдѣ только онъ не былъ, въ средѣ какихъ людей не вращался?), ему знакома «среда» въ обширномъ смыслѣ этого слова и вотъ что онъ вынесъ изъ этого знакомства: все, что способно мыслить и чувствовать, все, что не погрязло въ будничной обстановкѣ мелочной жизни, отъ малаго до великаго ропщетъ, ропщетъ горячо, но не находитъ себѣ утѣшенія. Жизнь полна страданій, жизнь полна самыхъ яркихъ противорѣчій,—вотъ что чувствуетъ каждый.

«Жить нельзя: или покончить съ собой, или оскотиниться. На первое рѣдко кто рѣшится; большинство опускается. Чтобы покончить съ собой, нужна воля, а у насъ ея нѣтъ, и мы предпочитаемъ гадкую жизнь смерти, убиваемъ постепенно—алкоголемъ и проч. Не лучше ли сразу? Неужели люди не знаютъ, для чего они призваны къ бытію?

«А великое евангельское ученіе, въ идеалѣ ничѣмъ не запятнаннаго образа Хиста? Неужели люди переросли этотъ образъ? Нѣтъ, трижды нѣтъ! Они не только не доросли до самого Христа, они даже не доросли до пониманія его ученія. Бунтовщики! какъ сказалъ Достоевскій

про людей. Имъ надо меньшаго, имъ надо урѣзать и ихъ желанія, и свободу для того, чтобы они были счастливы».

Однако,—не всѣ корреспонденты являются восторженными поклонниками М. Горькаго. Нѣкоторые думаютъ, что М. Горькій «выдумалъ своихъ героевъ», «сочинилъ», что «среди бывшихъ людей» нѣтъ людей, а «есть жалкіе остатки отъ людей, и эти остатки утратили въ себѣ все человѣческое; для нихъ не существуетъ ни грѣха, ни собственности, ни уваженія къ человѣку; ихъ души пусты, сердца черствы, мысли пошлы; и всѣ они живутъ животною жизнью, а что попадаетъ въ ихъ ряды хорошаго, такъ быстро гибнетъ или тоже становится грубымъ, циничнымъ, однимъ словомъ—въ животное превращается. И еще разъ повторяю: среди «бывшихъ людей» нѣтъ людей». Одинъ изъ корреспондентовъ даже отказывается понять, для чего Горькій занимается литературною дѣятельностью: «Читалъ также произведенія Горькаго: онъ выставляетъ удивительно «горькихъ» людей, знакомитъ насъ съ житейской грязью; это, можетъ быть, хорошо, но какъ выпутаться изъ этой грязи—онъ не даетъ указаній; для чего же онъ въ такомъ случаѣ пишетъ? Неужели только для того, чтобы показывать эту грязь во всей ея наготѣ?»

Другой строитъ даже такую гипотезу: «Такихъ босяковъ, которыхъ далъ намъ Горькій, не бывало, да и быть не можетъ. И все-таки произведенія Горькаго я считаю правдивыми: я полагаю, что во всѣхъ горьковскихъ босякахъ имѣется, такъ сказать, разновидность одного необычайнаго босяка-монстра, съ очень сложной душой. Босякъ этотъ никто иной, какъ самъ Горькій. И я въ каждомъ горьковскомъ босякѣ вижу самого автора. Вотъ мое объясненіе. Оно, быть можетъ, покажется вамъ дикимъ, но мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Каждый имѣетъ право думать и говорить, какъ онъ хочетъ».

На долю Достоевскаго похвалъ выпало не мало, но отзывовъ, въ которыхъ давалась бы характеристика писателя, очень немного. Объяснить это можно только тѣмъ, что юношество не доросло до пониманія Достоевскаго въ его полномъ объемѣ. Мнѣ кажется, что Достоевскаго, этого величайшаго поэта страданій, паденій души и подъемовъ ея къ святости, могутъ понимать только люди, много пережившіе въ жизни горя, люди-страдальцы. Для людей же, не испившихъ изъ чаши страданія, смыслъ произведеній Достоевскаго останется неяснымъ, непонятнымъ такъ же, какъ прекрасная музыка или чудная картина не затронутъ за живое человѣка, лишеннаго художественнаго чутья, человѣка съ неразвитымъ эстетическимъ чувствомъ. У меня подъ рукой имѣются только три, представляющихъ извѣстный интересъ, отзыва о Достоевскомъ.

«Я не знаю писателя, который бы такъ сильно могъ рисовать душевныя муки, какъ Достоевскій. Изображать страданіе, это—амплуа Достоевскаго. Муки души, какъ огонь для заржавленнаго желѣза, то

очищаютъ человѣка, то совершенно уничтожаютъ его. Горе и страданія—удѣлъ человѣка...» (семинаристъ V кл.).

«Достоевскій, кажется, вѣритъ въ предопредѣленіе страданія для людей, полагаетъ, что страданіе только и даетъ возможность познать счастье жизни. Едва ли это такъ. Если самъ Достоевскій находилъ въ страданіи «чистилище» для своей души, то это не значитъ, что и остальные люди только черезъ страданіе должны идти къ лучшей жизни. Я думаю какъ разъ наоборотъ. Страданіе убиваетъ человѣка, дѣлаетъ его неспособнымъ къ жизни, къ дѣятельности. И мы должны всѣ силы направить на то, чтобы уничтожить страданіе, не тратить на него ни единой капли духовной и физической энергіи, такъ какъ всякая энергія должна употребляться на улучшеніе жизни...» (гимназистъ VII кл.).

«Я Достоевскаго люблю, какъ художника, какъ автора «Записокъ изъ мертваго дома» и «Преступленія и наказанія», и ненавижу, какъ публициста. Эта ненависть къ свободѣ, вражда къ выработаннымъ «кровавымъ потомъ» формамъ жизни Западной Европы, это преклоненіе передъ духовной нищетой нашего народа (Достоевскій, конечно, думаетъ наоборотъ), все это мнѣ противно, я этого не могу переварить. Я знаю двухъ Достоевскихъ: художника и публициста. Перваго цѣню высоко и горячо люблю, второго, какъ іезуита, презираю. И «Дневникъ писателя» я считаю абсолютно вредной книгой...» (гимназистъ VIII кл.).

Дальше идутъ ужъ незначительные по своему содержанію отзывы:

«Наилучшее освѣщеніе того, что мы называемъ человѣческой душой, безспорно, даетъ Достоевскій. Когда читаешь его, то передъ глазами, какъ въ безконечномъ калейдоскопѣ, проходятъ картины души: сначала ея общій видъ (разумѣется, у одного индивида), затѣмъ, въ строго опредѣленномъ порядкѣ, отдѣльныя части ея, все болѣе и болѣе уменьшающіяся, такъ что, въ концѣ концовъ, получается огромная, мастерски написанная и вполнѣ законченная картина; тутъ остается только понять, что хотѣлъ художникъ выразить въ этой картинѣ» (гимназистъ VI кл.).

«Достоевскій поразилъ меня своимъ тонкимъ психологическимъ анализомъ, умѣньемъ понимать самые сложные характеры, умѣньемъ любить и прощать человѣка» (гимназистка VII кл.).

«Достоевскій, кромѣ интереса психологическаго и т. д., нравится за то, что онъ и у гаденькаго Лебедева нашелъ душу, любилъ униженныхъ и оскорбленныхъ» (гимназистка VI кл.).

«Сочиненія Достоевскаго» поражаютъ меня глубокимъ психологическимъ анализомъ. Его герои—больные, нравственно искалѣченные люди. Въ читателѣ они возбуждаютъ не гнѣвъ, а глубокую скорбь; Раскольниковъ—это скорѣе не преступникъ, а страдалецъ. Къ героямъ Достоевскаго я чувствую безконечную жалость» (гимназистъ VII кл.).

О Тургеневѣ отзываются сдержанно; нѣкоторые изъ корреспонтовъ полагаютъ даже, что онъ ушелъ въ исторію, что его «не слѣдуетъ ставить на одну доску съ Чеховымъ, Горькимъ и Толстымъ: онъ писалъ на тѣ злобы дня, которыя намъ теперь мало интересны...»

«Я думаю, что скоро совсѣмъ не будутъ читать Тургенева. Но «Стихотворенія въ прозѣ» будутъ читаться до тѣхъ поръ, пока будетъ живъ русскій языкъ. «Любовь сильнѣе смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь»,—эти слова никогда не забудутся, и въ нихъ весь Тургеневъ...» (семинаристъ IV кл.).

«Тургеневъ—проповѣдникъ лучшихъ основъ человѣческой жизни, тѣхъ основъ, на которыхъ строилась и продолжаетъ строиться жизнь Западной Европы. Это—свобода, равенство, братство. Онъ любилъ Западную Европу и старался внушить эту любовь и русскимъ. Онъ вѣрилъ въ то, что въ крупныхъ примѣненіяхъ нашей общественной и вообще всей русской жизни намъ не обойтись безъ Западной Европы: придется брать у ней образцы. Теперь въ этомъ убѣждены рѣшительно всѣ истинно образованные и желающіе Россіи добра люди...» (гимназистъ VIII кл.).

«Тургеневъ заставляетъ любить жизнь. Почему? Потому что онъ нигилистъ, равнодушно относящійся къ тому, что ждетъ человѣка послѣ смерти. Онъ не зналъ, что будетъ послѣ смерти, или вѣрнѣе: онъ зналъ, что изъ насъ выростетъ лопухъ. И потому весь смыслъ бытія видѣлъ въ самомъ процессѣ жизни. Жить, жить и жить—и только, вотъ философія Тургенева. И говоритъ онъ всегда сильно и убѣдительно, заставляетъ вѣрить себѣ, увлекаетъ за собой...» (гимназистъ VII кл.).

Остальные отзывы довольно шаблонны. «Отцы и дѣти» нравятся потому, что въ этомъ романѣ «обстоятельно выяснена вѣчная рознь между старымъ и молодымъ поколѣніями»; «Записки Охотника», которыя въ душѣ всегда оставляютъ чудное впечатлѣніе описаніемъ картинъ родной природы и великолѣпнымъ отраженіемъ русскаго человѣка съ его хорошими и дурными сторонниками.

Оцѣнка произведеній Чехова является совершенно неожиданной и, въ силу этого одного, представляетъ большой интересъ. Казалось бы, такого сложнаго и разносторонняго писателя, такого рѣдкаго и своеобразнаго изобразителя нашей жизни, какъ Чехова, юношеству трудно вполнѣ оцѣнить по достоинству. Вотъ рядъ выдержекъ о Чеховѣ изъ писемъ учащихся:

«Чеховъ своими произведеніями побудилъ меня къ жизни, къ работѣ, онъ заставилъ меня возненавидѣть современную жизнь интеллигента, рисуемую имъ въ такихъ мрачныхъ краскахъ, и мнѣ хочется быть другимъ, «работать, работать и работать», какъ сказалъ самъ авторъ, если не ошибаюсь, словами одной изъ «Трехъ сестеръ»...

(Гимназистъ VIII кл.).

«Чеховъ—великій писатель. Заслуги его въ томъ, что онъ систематически, въ теченіе всей своей литературной дѣятельности, съ удивительной силой будитъ въ насъ сознаніе нашего истиннаго положенія, обнаруживаетъ передъ нами ту правду жизни, которая губитъ насъ, грызетъ насъ ежечасно, ежеминутно. Правда эта—наше равнодушное отношеніе къ добру и злу, полное отсутствіе иниціативы, удовлетвореніе той «сѣрой полужизнью», которую мы ведемъ. Возрожденіе Россіи только тогда и возможно, когда это зло будетъ въ корнѣ уничтожено...» (Семинаристъ IV кл.).

«Главное зло современной жизни—отсутствіе у людей силы измѣнить жизнь къ лучшему. Въ одномъ изъ своихъ произведеній Чеховъ говоритъ, что въ жизни хорошо сильнымъ и богатымъ наглецамъ (кажется, даже скотоподобными ихъ называетъ), а слабые задыхаются отъ той непосильной тяжести, которая ихъ давитъ. Такъ это и на самомъ дѣлѣ. Я выросъ въ деревнѣ и хорошо знаю, что среди крестьянъ изъ тысячи нельзя и одного счастливаго найти (про кулаковъ не говорю: это—сильные и скотоподобные наглецы, о которыхъ говоритъ Чеховъ); только и надѣются, что «тамъ» полегчаетъ, что «на томъ свѣтѣ» имъ будетъ отведено первое мѣсто, а «сильнымъ и наглецамъ» будетъ уготована геена. Вотъ чѣмъ живетъ темный народъ, во что вѣритъ и на что надѣется. И до тѣхъ поръ, пока эти надежды будутъ жить, наглецамъ и скотоподобнымъ всегда будетъ масленица...» (Реалистъ VII кл.).

«Чеховъ почти въ каждомъ произведеніи своемъ указываетъ намъ, что теперешняя жизнь—помойная яма; въ ней живое задыхается, а кишатъ только міазмы. И какъ мало похожи на истинныхъ людей герои Чехова! Это—не люди, а міазмы изъ зловоннаго мѣста. Какъ гадки и противны многіе изъ его героевъ! И какъ мало у Чехова героевъ, на которыхъ можно было бы остановится! Да не такъ ли это и въ жизни? Я живу на свѣтѣ 17 лѣтъ и до сихъ поръ встрѣчалъ только одного хорошаго человѣка: это—мать моя (отца не помню). Читая Чехова и сравнивая или, вѣрнѣе всего, провѣряя его на дѣйствительной жизни, на живыхъ людяхъ, всей душой стремишься не быть чеховскимъ героемъ...» (Гимназистъ VIII кл.).

«Выводъ изъ произведеній Чехова можетъ быть только одинъ: настоящая жизнь страшно бѣдна всяко—и умственно, и нравственно, и матеріально, сильныхъ людей нѣтъ, въ жизни торжествуетъ неправда и насиліе. Что же дѣлать? Да нужно просто-на-просто каждому, имѣющему силы, средства и совѣсть человѣку приниматься за устройство другой, справедливой жизни. Нужно пустить въ ходъ всѣ средства (даже тѣ, о которыхъ іезуиты говорятъ, какъ объ оправдывающихъ цѣль), чтобы измѣнить жизнь...» (Ученикъ реальн. уч. VII кл.).

Юмористическіе разсказы Чехова, конечно, пользуются чрезвычайнымъ успѣхомъ среди молодежи. Его юморъ сравниваютъ съ юмо-

ромъ Гоголя, Диккенса, Твэна, Сервантеса. Не всѣ въ юмористическихъ разсказахъ видятъ одну только «забаву» или «освѣженіе головы». Нѣкоторые думаютъ, что Чеховъ хотѣлъ «прохватить» въ нихъ учителей, чиновниковъ, купцовъ, полицію, «всякихъ глупцовъ, высмѣять пошлость», мѣщанство и т. п.

Гончарову не посвящено ни одной общей характеристики. Имѣются лишь отзывы о его романахъ. Усиленно читается «Обломовъ»; о немъ отзываются, какъ о произведеніи, имѣющемъ «большое общественное значеніе», бьющемъ «въ самое больное мѣсто русской жизни», подвигающемъ «на работу, на кипучую дѣятельность».

«Въ «Обломовѣ» каждый изъ насъ можетъ найти что-нибудь изъ собственнаго я. Изъ «Обломова» можно уяснить одну изъ существенныхъ причинъ слишкомъ мало дѣятельнаго, неподвижнаго нашего общества» (гимназистъ VII кл.).

«Обломовщина, о которой писалъ Добролюбовъ, и до сихъ поръ жива въ насъ, и поэтому «Обломовъ» въ настоящее время имѣетъ ни чуть не меньше значенія, чѣмъ 40 лѣтъ назадъ»

(воспит. средн. воен.-учебн. зав.).

«Обрывъ» тоже читается довольно усердно. Въ этомъ романѣ читателей привлекаютъ къ себѣ образы Марѳинки и Вѣры.

«Сколько чудныхъ идеальныхъ типовъ, которые восхищаютъ читателя! Когда читаешь этотъ романъ, то сначала увлекаешься Марѳинькой, но когда встрѣчаешься съ Вѣрой, то невольно сразу ея образъ завоевываетъ читателя. Становится понятнымъ могучее вліяніе красоты, соединенной съ умомъ. Даже паденіе Вѣры, которое должно было бы на самомъ дѣлѣ уничтожить симпатію читателя къ ней, еще болѣе привлекаетъ къ ней, потому что показываетъ намъ, что это настоящій человѣкъ съ плотью и кровью, а не идеальный, не вымышленный образъ героини какого-нибудь англійскаго чопорнаго романа»

(воспит. юнкерск. учил.).

А вотъ совершенно противоположный отзывъ: «Марѳинька—сама дѣйствительность, жизнь, такія дѣвушки въ жизни встрѣчаются довольно часто. И ихъ нельзя не любить, потому что онѣ-то и есть настоящія женщины или, какъ говорится, реальныя. А Вѣра тѣмъ демонически привлекательна, что такихъ нѣтъ въ жизни, что она—великолѣпная, на диво талантливая и эффектная выдумка»

(семинаристъ IV кл.).

«Обрывъ» я люблю за то, что Гончаровъ далъ въ немъ идеалъ русской женщины въ лицѣ Вѣры» (гимназистка VIII кл.).

Дальше идутъ Вересаевъ, Гаршинъ, Некрасовъ, Короленко, Чириковъ, Гл. Успенскій, Помяловскій, Надсонъ и цѣлый рядъ писателей: Л. Андреевъ, Тимковскій, Яблоновскій, Маминъ-Сибирякъ, Боборыкинъ и даже Скитальцъ.

Вересаевъ завоевалъ себѣ славу, конечно, «Записками врача»

главнымъ образомъ. «Записки» произвели, повидимому, очень различное впечатлѣніе: одни пишутъ, что, «прочтя «Записки врача», едва ли рѣшаться пойти на медицинскій факультетъ», другіе, наоборотъ, думаютъ, что «Записки врача показываютъ намъ, какое это высокое и благородное званіе—званіе врача». Одна гимназистка пишетъ: «Послѣ прочтенія «Записокъ врача» я твердо рѣшила поступить во чтобы то ни стало въ медицинскій институтъ...» А другая говоритъ въ своемъ письмѣ: «Какъ я была легкомысленна, когда мечтала о врачебной карьерѣ. «Записки врача» навсегда поколебали во мнѣ желаніе сдѣлаться врачомъ...»

«Вересаева я какъ слѣдуетъ узналъ только на-дняхъ, прочитавъ его «Записки врача» и, благодаря этому, личность самого автора мнѣ стала глубоко симпатичной; своей книгой онъ еще болѣе утвердилъ меня въ желаніи работать на благо общее» (гимназистъ VI кл.).

«Вересаевъ нравится тѣмъ, что всегда затрагиваетъ жгучіе вопросы: какъ жить? къ чему стремиться? что дѣлать? о пользѣ медицины» (гимназистъ VI кл.).

Въ Некрасовѣ, Короленкѣ и Гл. Успенскомъ молодежи нравится «любовь къ меньшему брату», «вѣра въ наступленіе новой свѣтлой жизни...» Короленко плѣняетъ «дивной поэзіей, мягкостью красокъ, незлобивостью тона...» Въ Гаршинѣ «поражаютъ муки совѣсти», «ужасъ передъ царящимъ зломъ», «скорбь о поруганіи правды...»

О. Гл. Успенскимъ имѣется такой отзывъ: «Мнѣ больше всего понравились сочиненія Глѣба Успенскаго, особенно его деревенскіе очерки, такъ какъ они даютъ истинное, неприкрашенное представленіе о народной жизни и ея недостаткахъ, раскрываютъ намъ душу русскаго крестьянина; особенно понравились они мнѣ за то, что, читая ихъ, видишь, что авторъ искренно любитъ народъ, каждая строка дышитъ этою любовью. Читая Успенскаго, очищаешься душой и невольно любишь изображаемый имъ народъ» (гимназистъ VII кл.).

Есть отзывы о Найденовѣ, авторѣ «Дѣтей Ванюшина». Корреспонденты эту пьесу считаютъ «точной копіей съ дѣйствительности», «вѣрнымъ изображеніемъ семейнаго ада, который царитъ въ жизни» и т. п. Обобщеніемъ отзывовъ о пьесѣ Найденова можетъ служить слѣдующая выдержка изъ письма гимназиста:

«Сильное впечатлѣніе произвелъ на меня и Найденовъ, пріобрѣвшій за послѣднее время у насъ, да и за границей такую славу драмой «Дѣти Ванюшина». Онъ заставилъ меня еще разъ въ театрѣ пережить тѣ моменты въ моей жизни, которые мнѣ приходится переживать то и дѣло въ дѣйствительности, моменты, обусловленные этой проклятой современной рознью между родителями и дѣтьми, которая уже нашла себѣ выраженіе и въ литературѣ («Дѣти Ванюшина» и Л. Андреева «Молчаніе»)». Какъ бы въ pendant къ этому одинъ изъ корреспондентовъ, между прочимъ, пишетъ:

«Произведеніе Стернъ «Отецъ», гдѣ задѣта неблагодарность студента къ бѣдняку отцу. Оно поразило меня своей реальностью и правдой: и я тоже не безгрѣшенъ относительно родителей».

Заслуживаетъ вниманія отзывъ о произведеніи Погорѣлова «Передъ грозой:

«Передъ грозой» Погорѣлова воспроизводитъ картину того, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ народъ еще такъ же рабъ, какъ и до 19-го февраля 1861 года. Въ этомъ актѣ также упоминается, что «мы отстали отъ Европы»; по моему мнѣнію, это вѣрно; дѣйствительно, мы хотя уже и не Обломовы, но Райскіе-то навѣрняка. Райскій—это тотъ же Обломовъ, но уже просыпающійся, продирающій глаза, но не проснувшійся окончательно. Такъ и Русь! Простите, можетъ быть, это не вѣрно, но таковъ мой образъ мыслей» (гимназистъ VIII кл.).

Иностранные авторы по сравненію съ русскими читаются мало. Наиболѣе цѣнныя выдержки изъ писемъ объ иностранныхъ писателяхъ я приведу безъ всякой системы.

«Золя—великій романистъ, творецъ соціальнаго романа. Въ его произведеніяхъ можно найти исторію идей, страстей, направленій, партій и увлеченій культурной части человѣчества (вѣрнѣе—Франціи) за послѣднія тридцать лѣтъ. Исторія его великой родины нашла въ Золя чуднаго художника-лѣтописца. Рабочій вопросъ, борьба партій, капитализмъ, война, религіозный вопросъ, семейный вопросъ, вопросы воспитанія и обученія и т. д., все это нашло себѣ мѣсто въ твореніяхъ Золя...» (Семинаристъ V кл.).

«Главныя мысли въ произведеніяхъ Золя хороши и нравственны, но обставлены-то онѣ въ крайне нехорошія и безнравственныя рамки; выходитъ такъ, что обстановка подавляетъ главную мысль, и это приноситъ читателю скорѣе вредъ, чѣмъ пользу...» (Гимназистъ VI кл.).

«Мопассанъ—рѣдкій знатокъ души человѣческой. Въ его изображеніи человѣкъ—звѣрь, животное. Да не такъ ли это и на дѣлѣ? Всѣ грѣхи и пороки, порой тяжкія преступленія ловко скрываются, и оттого люди не кажутся звѣрями. А Мопассанъ срывалъ съ людей маски и передъ читателемъ оставался голый человѣкъ, безъ всякихъ прикрытій...» (Реалистъ VII кл.).

«Мопассанъ писалъ ужасныя, но справедливыя вещи. Только лжецы и лицемѣры могутъ утверждать, что у него нѣтъ жизненной правды...»
(Гимназистка VIII кл.).

«Мопассанъ и Прево избавили меня отъ взгляда на женщину, какъ только на самку, и дали возможность избѣгать многихъ непріятныхъ щелчковъ отъ слабой половины человѣческаго рода»
(воспит. земледѣл. учил.).

«Мнѣ нравится Мопассанъ, главнымъ образомъ, не за бульварные романы, которые онъ писалъ въ извѣстный періодъ своей литературной дѣятельности, а за всѣ остальныя произведенія, какія я читалъ».

*

«Въ данное время мой излюбленный писатель—Шекспиръ. Его произведенія поражаютъ меня, главнымъ образомъ, глубиной своего психологическаго анализа и тѣмъ значительнымъ глубокомысліемъ, которымъ проникнуты всѣ творенія великаго англичанина. Я склоненъ искать у писателей, помимо художественности изложенія, философскаго содержанія и наблюденій надъ человѣческимъ духомъ. Поэтому къ числу любимыхъ мною русскихъ авторовъ принадлежитъ Достоевскій, а французскихъ—de-Maupassant» (гимназистъ VIII кл.).

«Нравится« Исповѣдь» Ж.-Ж. Руссо. Теперь такъ рѣдко можно найти себѣ друга, который бы искренно открылъ душу, что пріятно почитать такого рода книгу» (гимназистъ VI кл.).

«Люблю «Творенія І. Златоуста». Какъ можетъ не понравиться то, что намъ можетъ принести несомнѣнную пользу? Да и можно ли говорить что-нибудь противъ Бога?» (гимназистъ VI-го кл.).

«Безъ догмата» Сенкевича нравится. Въ этой книжкѣ я вижу подтвержденіе мысли, что нельзя жить «безъ догмата», «безъ Бога живого», безъ идеаловъ, на мѣсто прежней, старой вѣры необходимо поставить высокіе идеалы и стремиться къ нимъ».

«Изъ всѣхъ прочитанныхъ мною книгъ (а прочиталъ я ихъ достаточно) больше всего мнѣ понравился «Донъ-Жуанъ» Байрона въ переводѣ А. Соколовскаго. Книга эта произвела на меня такое сильное впечатлѣніе, какого не произвела потомъ никакая другая. «Донъ-Жуанъ» плѣнилъ меня. Я его прочелъ въ І-мъ классѣ семинаріи (духовной) во время экзаменовъ и сильно жалѣлъ, что отсутствіе примѣчаній не позволяло мнѣ понять всего. Тотъ цинизмъ, который попадается въ этой книгѣ на многихъ страницахъ, былъ совершенно безвреденъ для меня. Я на него не обращалъ даже вниманія. Меня приводилъ въ восхищеніе стиль—живой, ядовитый, неподражаемый. Во все время чтенія у меня не сходила съ лица улыбка, иногда я хохоталъ и не могъ читать дальше, такъ плѣнительны и хороши нѣкоторыя страницы. Я походилъ на сумасшедшаго (NB До этого времени я пичкалъ себя однимъ Майнъ-Ридомъ и полагалъ, что лучше его нѣтъ ничего на свѣтѣ). Ни Гоголь, ни Салтыковъ, ни Сервантесъ (котораго я совершенно не понялъ бы безъ статьи Тургенева), ни даже Вольтеръ, для котораго я изучилъ самоучкой французскій языкъ, не дѣйствовали на меня впослѣдствіи такъ сильно, такъ неотразимо. Подъ вліяніемъ «Донъ-Жуана» я написалъ даже экзаменное сочиненіе (требовалось описать какое-то торжество) и получилъ очень хорошій баллъ, несмотря на орѳографію и разные другіе недочеты. «Донъ-Жуанъ» развеселилъ мою сумрачную душу, ободрилъ ее, заставилъ яснѣе смотрѣть на міръ. Я бы его рекомендовалъ всѣмъ страдающимъ ханжествомъ, мизантропіей и пессимизмомъ» (семинаристъ IV кл.).

IV.

Вопросы, волнующіе юношество.

О томъ, что какъ-то чудно
Лежитъ въ сердечной глубинѣ,
Высказываться трудно.
Лермонтовъ.

Чѣмъ же интересуется и живетъ духовно человѣкъ на зарѣ своей сознательной жизни?

Изъ того матеріала, который я имѣю подъ рукой, видно, что вопросы о смыслѣ и цѣли жизни, о правдѣ и справедливости наиболѣе волнуютъ лучшую часть русскаго юношества. Откуда мы, куда мы идемъ, какое наше мѣсто въ мірозданіи, каково должно быть наше поведеніе къ себѣ и къ людямъ—вотъ вопросы, которые, можно сказать, исчерпываютъ содержаніе духовной жизни нашего юношества.

Ниже я приведу длинный рядъ выдержекъ изъ писемъ моихъ корреспондентовъ. Выдержки эти довольно ярко и сильно характеризуютъ ту внутреннюю работу, которая происходитъ въ душѣ неустановившагося юноши.

Вопросы о цѣли и смыслѣ жизни занимаютъ очень видное мѣсто въ отвѣтахъ. Вопросы эти въ большинствѣ случаевъ, конечно, такъ и остаются вопросами. Мятущаяся душа юноши тщетно силится ихъ разрѣшить, такъ какъ разрѣшеніе ихъ доступно только зрѣлому возрасту, продолжительной жизни, когда человѣкъ съ послѣдней будетъ связанъ тысячами уловимыхъ и неуловимыхъ нитей.

«Я мучаюсь вопросомъ о смыслѣ жизни и не нахожу удовлетворительнаго отвѣта вотъ уже третій годъ. Временами я дохожу до отчаянія и начинаю думать, что въ жизни нѣтъ никакого смысла, и доказательство этому вижу, прежде всего, въ отсутствіи въ человѣческихъ отношеніяхъ самой элементарной справедливости. Когда Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ чудныхъ стихотвореній сказалъ:

Нѣтъ правды на землѣ,
Но правды нѣтъ и выше,—

то былъ болѣе, чѣмъ правъ. Оглянитесь, ради Бога, кругомъ и скажите мнѣ: гдѣ же правда, въ чемъ она?.. И я только буду счастливъ и спокоенъ тогда, когда этотъ проклятый вопросъ хоть какъ-нибудь разрѣшу.

«Но если... если я не разрѣшу его, то, вѣрнѣе всего, дойду до отчаянія, и что тогда со мной будетъ, трудно сказать...» (Ученикъ учител. сем.).

«Общіе вопросы, изъ числа такъ называемыхъ «проклятыхъ», т.-е. вопросы о цѣли жизни, нравственности, индивидуальности, дружбѣ, саморазвитіи, выработкѣ характера и т. п. интересовали меня въ первыхъ трехъ, четырехъ классахъ» (семинаристъ).

«Что же касается вопросовъ, наиболѣе занимающихъ меня, то я чаще всего спрашиваю: для чего живетъ человѣкъ? Вообще стараюсь опредѣлить отношеніе человѣка къ Богу, людямъ и природѣ. Относительно этихъ вопросовъ у меня постояннаго убѣжденія не составилось, я бросаюсь, какъ мнѣ кажется, изъ одной крайности въ другую и жду случая, который, я увѣренъ, придетъ и дастъ цѣль моей жизни» (семинаристъ).

«Вопросъ меня интересуетъ неразрѣшимый: къ чему это все живетъ и куда стремится? а посему люблю всѣ попытки, указывающія красиво или предрѣшающія близкое или далекое будущее, а равно все, что относится досюда. Поэтому мнѣ нравятся или крупные выводы, оправдывающіеся дальнѣйшими открытіями, или доказательства (когда они меня убѣждаютъ) лучшаго будущаго... Это одна сторона... Другая лежитъ въ систематически-нѣмецкой аккуратности натуры моей, и въ связи съ этимъ люблю систематическія мелочи,—опредѣленіе организмовъ и коллекціонерство» (окончившій университетъ).

«Больше всего меня интересуетъ и мучитъ вопросъ о цѣли, о смыслѣ жизни; къ его удовлетворительному разрѣшенію я не могу придти» (ученикъ горн. учил.).

Скептицизмъ и пессимизмъ (въ худшемъ значеніи этихъ понятій) свили себѣ гнѣздо среди значительной части юношества. Работа надъ вѣковѣчными вопросами о смыслѣ и цѣли нашего бытія приводитъ порой къ весьма грустнымъ результатамъ. Въ нѣсколькихъ десяткахъ писемъ говорится о «безсмысленности», «ничтожествѣ жизни», о «боязни жизни» и страхѣ передъ ней. И вопросъ о самоубійствѣ для нихъ является самымъ важнымъ вопросомъ жизни. Покончить самоубійствомъ «всѣ разсчеты съ жизнью»—эта мысль неотвязно преслѣдуетъ ихъ, не даетъ покоя и интереса къ жизни и правильной работѣ. Это настроеніе юношей мнѣ очень хорошо извѣстно и по непосредственнымъ наблюденіямъ надъ жизнью учащейся молодежи.

Одинъ изъ окончившихъ гимназію говоритъ какъ бы за всю молодежь, будущее жизни которой, по его мнѣнію, «темно» и «нѣтъ надежды», что «свѣтъ озаритъ ее». Свое письмо онъ кончаетъ стихотвореніемъ:

„Вдали отъ солнца и природы,
Вдали отъ свѣта и искусства,
Вдали отъ жизни и любви,
Мелькнутъ твои младые годы,
Живыя помертвѣютъ чувства,
Мечты развѣются твои...
И жизнь твоя пройдетъ незрима
Въ краю безлюдномъ, безыменномъ,
На незамѣченной землѣ,—
Какъ исчезаетъ облакъ дыма
На небѣ тускломъ и туманномъ
Въ осенней безпредѣльной мглѣ".

Иногда скептицизмъ приводитъ къ индифферентности, безразличію, почти равносильному духовной смерти. «Буду жить, какъ всѣ—вотъ истина, на которой можно построить благополучіе жизни», пишетъ одинъ. «Совѣсть, честь, долгъ, грѣхъ—все это придумано людьми для ихъ устрашенія,—пишетъ гимназистъ, очевидно, начитавшійся Ницше. Безъ нихъ жизнь становится интересной и пріятной. И я живу только для себя и это стараюсь внушить и товарищамъ...»

«Въ чемъ истина? Вотъ вопросъ, который не даетъ мнѣ спокою съ шестого класса, — пишетъ ученикъ VIII класса С—ской гимназіи.—Я ко всему отношусь съ недовѣріемъ, скептически. Когда я вижу, что успѣхи науки даютъ возможность благоденствовать только «верхамъ», а «низы» попрежнему стонутъ отъ бѣдности и общественной несправедливости, когда я вижу, что и передовые люди, лучшіе представители науки и литературы, не находятъ ни въ чемъ себѣ успокоенія, когда я вижу, что для разумнаго человѣка, для человѣка съ совѣстью, вся жизнь его является сплошнымъ страданіемъ, то мнѣ становится жутко. И я тогда спрашиваю себя: гдѣ же «правда-истина» и «правда - справедливость», гдѣ то, въ чемъ человѣкъ можетъ найти себѣ удовлетвореніе? Отвѣта нѣтъ. И, кто знаетъ, быть можетъ, Ницше былъ правъ, когда сказалъ: «Нѣтъ ничего истиннаго и все позволено»...

Но не всегда скептицизмъ приводитъ къ аморальности, къ пустотѣ души. Въ одномъ изъ отвѣтовъ, по крайней мѣрѣ, имѣется разсужденіе, изъ котораго видно, что безсиліе рѣшить вопросы о цѣли и смыслѣ жизни порой побуждаетъ человѣка къ активности, къ стремленію самымъ наилучшимъ образомъ прожить жизнь:

«Меня не трогаютъ вопросы о смыслѣ и цѣли жизни. Рѣшать ихъ—все равно, что стучаться лбомъ о каменную стѣну. Эти вопросы никогда не будутъ рѣшены, какъ бы далеко ни ушло впередъ человѣчество въ своемъ развитіи. И потому—главное въ жизни, это—сама жизнь. И я стремлюсь къ тому, чтобы прожить ее хорошо, радостно; стараюсь, насколько умѣю, и другимъ создавать такія условія, въ которыхъ бы жилось счастливо, радостно. Что тамъ, за чертой жизни—никто не знаетъ. Кувыркнемся (какъ говорилъ одинъ великій русскій писатель)—и все тутъ... А потому—живи и другимъ давай жить...» (Окончившій учительск. семинарію).

Вопросы практической нравственности, вопросы чести и совѣсти многихъ заставляютъ страдать душой и являются главными, основными вопросами всей ихъ жизни. Что и какъ дѣлать, какъ вести себя по отношенію къ себѣ и окружающимъ,—вотъ вопросы, которые даютъ тяжелую, непосильную и мучительную работу уму юноши. Стремленіе къ «самопознанію», «познанію своихъ силъ», «самого себя», къ выработкѣ «собственнаго міровоззрѣнія», «программы жизни и дѣятельности», стремленіе къ «чистой», «безпорочной жизни», «жизни на

пользу обществу», «ближнимъ», «человѣчеству»—всѣ эти стремленія нашли себѣ мѣсто въ очень большемъ количествѣ писемъ. Къ сожалѣнію, я не могу теперь привести изъ нихъ многихъ выдержекъ и ограничусь двумя, тремя цитатами.

«Занимаютъ же меня больше всего думы о будущемъ, планъ моей жизни... Жизнь я признаю за самую интересную изъ наукъ; поэтому я и стараюсь знать все, что относится къ жизни, и что могло бы мнѣ отвѣтить на многіе вопросы, напр.: сохраню ли я свои теперешнія убѣжденія до «настоящей», самостоятельной жизни, или, какъ это говорится, опошлюсь?» (гимназистъ VI кл.).

«Какой вопросъ или вопросы интересуютъ меня больше всего,—на это отвѣчу такъ:

«Почему люди такъ много кричатъ о правдѣ, справедливости и гуманности, а сами такъ лживы, несправедливы и безчеловѣчны? Почему жизнь такая пустая, такая скучная и тяжелая? Почему въ ней на долю лучшихъ падаетъ только худшее?» (кадетъ).

«Однажды у меня были нѣкоторые изъ товарищей; послѣ разговора мы рѣшили что-нибудь прочесть и случайно остановились на статьяхъ Толстого: «Жизнь въ городѣ» и «Жизнь въ деревнѣ». Эти статьи такимъ клиномъ врѣзались въ настроеніе всѣхъ, что хотя внѣшне мы и не соглашались съ Толстымъ, но внутренне каждый чувствовалъ, что его жизнь нехороша, безнравственна, ее необходимо измѣнить, однимъ словомъ, каждый изъ насъ почувствовалъ стыдъ» (гимназистъ VII кл.).

«Изъ вопросовъ, болѣе всего интересныхъ для меня въ настоящее время, является вопросъ о свободѣ воли, хотя, признаться долженъ, я очень еще мало читалъ по этому поводу. Если онъ когда-либо выяснится, то съ разрѣшеніемъ этого вопроса, рѣшатся работы каторги, холодная жизнь Сахалина и страшныя муки одиночества, и все это до того больно отзывается на душѣ даже посторонняго человѣка, что невольно приходится, хоть въ потемкахъ, но искать разрѣшенія на этотъ вопросъ. И ученые много лѣтъ труда положили на это рѣшеніе, но зловѣщій вопросъ все остается безъ окончательнаго рѣшенія» (гимназистъ VI кл.).

Общественные вопросы, вопросы практической дѣятельности и практической нравственности играютъ, быть можетъ, самую видную роль въ духовной жизни юношества, что достаточно убѣдительно подтверждается отвѣтами моихъ корреспондентовъ. Приведу одинъ примѣръ, опуская много другихъ.

«Ближайшая обязанность человѣка—принести людямъ хотя бы малѣйшую пользу. Не для того же я учусь въ гимназіи, чтобы узнать кое-что и получить эстетическое удовольствіе, сочувствовать тѣмъ или другимъ героямъ романовъ и повѣстей, понимать и раздѣлять мнѣнія ученыхъ. Нѣтъ, мнѣ кажется, даже изъ простой вѣжливости надо быть благодарными и отплатить собственнымъ трудомъ тѣмъ, на деньги

кого существуютъ гимназіи и др. учебныя заведенія, на деньги, добытыя потомъ и трудомъ!.. Но, чтобы принести существенную и полезную, а не медвѣжью услугу, надо умѣть, какъ это сдѣлать, и надо знать, отчего произошло какое-нибудь данное нежелательное явленіе въ общественной жизни, искоренивъ которое, тѣмъ самымъ окажемъ услугу. Напр., какія причины крестьянской бѣдности? Чѣмъ вызываются преступленія? Для этого нужно узнать тѣ общіе законы, которые управляютъ каждымъ человѣкомъ и всѣмъ человѣчествомъ вообще».

Есть увлекающіеся сельскимъ хозяйствомъ и агрономическою дѣятельностью. Корреспонденты находятъ, что «русскій народъ только тогда поднимется, когда улучшится его матеріальное положеніе», «народъ до тѣхъ поръ будетъ загнаннымъ животнымъ, пока онъ не выйдетъ изъ состоянія нищеты», «теперь народъ-нищій не способенъ къ воспріятію культуры, не способенъ къ борьбѣ за свои естественныя права» и т п.

«Меня въ настоящее время больше всего интересуютъ сельскохозяйственныя науки и въ связи съ ними крестьянскій вопросъ. Другія науки, какъ, напримѣръ, математика, физика, астрономія и т. п., мало пригодны на практикѣ, и такимъ образомъ, занимаясь ими, я могу лишь обогатить свои познанія, но не знаю—будетъ ли это кому полезно. Да мнѣ кажется, что личнаго интереса еще слишкомъ мало для того, чтобы имѣть право заниматься тѣмъ, чѣмъ хочется. Изучаю же я сельскохозяйственныя науки, какъ-то: агрономію, ихтіологію, зоологію, почвовѣдѣніе и т. п.; ихъ можно будетъ примѣнить на практикѣ. Дѣло это новое, мало еще разработанное; подтвержденіемъ этого можетъ служить то, что у насъ мало опытныхъ, знающихъ агрономовъ, и еще ярче это подтверждается тяжелымъ положеніемъ нашихъ крестьянъ, вѣчные неурожаи, голодовки. Знанія нужно нести въ народъ, на помощь ему, тамъ они найдутъ себѣ примѣненіе».

«Я часто думаю, какъ это можно проводить всю свою жизнь надъ микроскопомъ, изучая формы какихъ-нибудь бактерій и т. п., тратя на это деньги и время. Не лучше ли пойти съ этими знаніями, умомъ, энергіей и деньгами въ деревню и приносить облегченіе придавленнымъ всевозможными условіями и нуждой крестьянамъ. Идти въ народъ нужно еще и потому, что мы ему всѣ обязаны, надо отплатить, вѣдь иначе выйдетъ несправедливость» (гимназистка VIII кл.).

Еврейскимъ вопросомъ (и въ частности сіонизмомъ) интересуются четыре корреспондента. Еврейскій вопросъ, по ихъ мнѣнію, вопросъ жизни или смерти для цѣлаго страдающаго народа. О сіонизмѣ въ отвѣтахъ очень смутныя представленія. Сіонизмъ въ данное время вовсе не есть «могучее политическое движеніе», а просто—культурное движеніе—не болѣе.

По крайней мѣрѣ въ десяти письмахъ проскользнули симпатіи къ національному самаго дурного тона—человѣконенавистническаго. Въ отвѣтахъ утверждается, что «Россія порабощена нѣмцами и евреями»

или «поляками и финлянцами», которые «всюду втираясь и таща за собой своихъ, оттѣсняютъ и притѣсняютъ русскихъ», и т. п. Одинъ даже трактуетъ о «завоеваніи Россіи нѣмцами и евреями». Откуда это «добро» привилось къ чистымъ юношескимъ душамъ? Кто заразилъ ихъ этой гнусною ложью? Семья или школа?

Женскій вопросъ—больное мѣсто воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній; причины, заставляющія ихъ интересоваться этимъ вопросомъ, формулированы въ одномъ изъ писемъ такъ хорошо, что мнѣ нѣтъ надобности утомлять читателей большимъ количествомъ выдержекъ.

«Женскимъ вопросомъ интересуюсь глубоко, потому что вижу въ немъ одну изъ вѣковыхъ несправедливостей, возникшихъ на почвѣ человѣческихъ отношеній. Почему большая часть человѣческаго рода лишена столькихъ правъ? Почему такое неравенство, и правовое и экономическое, между мужчиной и женщиной продолжаетъ существовать до сихъ поръ? Почему это рабство не пало вмѣстѣ съ другими, а еще держится въ двадцатомъ столѣтіи»?

Нѣсколько учениковъ и учениць учительскихъ саминарій интересуются вопросомъ о воспитаніи и просвѣщеніи народа, изъ нѣдръ котораго они вышли сами.

У одного гимназиста «завѣтная мечта—быть учителемъ въ родной гимназіи и такимъ образомъ послужить родному Дону». Три воспитанника военно-учебныхъ заведеній желаютъ сдѣлаться педагогами, такъ какъ этотъ путь считаютъ «наилучшимъ» для «служенія родинѣ», «родному народу»,

Въ нѣсколькихъ десяткахъ отвѣтовъ видно, такъ сказать, религіозное отношеніе авторовъ къ жизни. Вопросы о «Богѣ, религіи, безсмертіи души (иные къ этому пристегиваютъ и вопросъ о спиритизмѣ и гипнотизмѣ), о происхожденіи вселенной и органическаго міра, о томъ, что ждетъ человѣка послѣ смерти» и т. п.,—особливо волнуютъ дѣвушекъ-гимназистокъ. Привожу выдержки, характеризующія отношеніе упомянутыхъ корреспондентовъ къ этимъ вопросамъ.

«Политикой я не занимаюсь, да мы и не такъ проходили исторію, чтобы интересоваться ею. Даже о такихъ вещахъ, какъ освобожденіе крестьянъ, и то имѣю довольно неточное, смутное понятіе. Если можно назвать вопросомъ то, что меня сильнѣе всего интересуетъ, такъ это моя будущность. Я желаю быть честной, не подвергаться разнымъ несправедливостямъ, быть христіанкой, самостоятельной, ни отъ кого не зависѣть. Думаю, что всѣмъ этимъ требованіямъ удовлетворитъ дѣятельность женщины-врача. Но иногда мнѣ кажется, что я не буду въ силахъ посвятить всю себя на пользу другимъ, и тогда мнѣ хочется скорѣе умереть. Это моя горячая молитва, такъ какъ я боюсь, что когда-нибудь въ тяжелую минуту я рѣшусь на самоубійство, а я боюсь этого, такъ какъ оскорблю этимъ своеволіемъ, безвѣріемъ, малодушіемъ Спасителя. Вотъ это меня сильнѣе всего интересуетъ и въ этихъ мученіяхъ тонетъ все остальное, даже чтеніе, которое я всегда

любила, а теперь нѣсколько стала безучастна къ нему. Простите, что я вамъ свои мученія открываю, но я не могу говорить безучастно о томъ, чѣмъ я живу, я не могу холодно анализировать то, что я переживаю въ данную минуту, и спасибо за то, что я нѣсколько облегчила себя» (гимназистка VIII кл.).

«Я думаю, что человѣчество должно себѣ поставить цѣлью достиженіе заповѣди Христа, потому что все-таки люди сознаютъ въ сокровенныхъ глубинахъ сердца великость этихъ заповѣдей Христа и не откажутся отъ царства Божія, которое заповѣдалъ Христосъ людямъ, исполняющимъ завѣтъ его. Вотъ—по моему какую цѣль должны преслѣдовать науки. Поэтому я люблю философію и психологію, какъ уясняющія людямъ ихъ низкія и возвышенныя движенія души. А разъ они уяснятъ это, они могутъ этимъ уже исправиться...» (гимназистъ VI кл.).

«Самымъ животрепещущимъ вопросомъ въ настоящее время является для меня вопросъ о Богѣ, вѣрѣ и о загробной жизни, вслѣдствіе чего и интересуюсь философіей болѣе другихъ наукъ. Что истина и гдѣ она? Философія—это только порывы къ истинѣ, и то, мнѣ кажется, тщетные. У меня не разъ являлась мысль, что истина такъ мудра и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ проста, что умъ человѣческій не можетъ ее постичь. Чувствомъ, инстинктомъ, можетъ быть, мы скорѣе, чѣмъ умомъ, доберемся до истины. Такъ какъ я сравнительно недавно потерялъ прежнюю непосредственную вѣру, то меня интересуетъ вопросъ, гдѣ то основаніе, которое, будучи по силѣ своей равно прежней вѣрѣ и надеждѣ на возмездіе въ будущей жизни, заставляло бы человѣка дѣлать добро и не дѣлать зла, и жертвовать собой для блага ближнихъ».

Я понимаю, что настоящая глава далеко не даетъ картины внутренней жизни нашей молодежи, не даетъ вполнѣ законченнаго и вѣрнаго представленія о томъ, какіе запросы волнуютъ мыслящую часть молодежи.

Оно и понятно.

Люди не очень-то охотно рѣшаются на исповѣдь и слишкомъ рѣдко даютъ кому бы то ни было заглядывать въ свою святая святыхъ, въ то, чѣмъ они живутъ, что составляетъ душу, существо его жизни. Собранные мною матеріалы по этому вопросу даютъ лишь приблизительное представленіе о томъ, чѣмъ живетъ духовно наше учащееся юношество.

Но даже и тѣ отрывочныя и сравнительно немногія свѣдѣнія, которыя я могъ привести при составленіи этой главы, очень характерны и цѣнны для характеристики духовной жизни и опредѣленнаго настроенія мыслящей части молодежи, обучающейся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

К. Левинъ.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Повѣсть.

*(Окончаніе *).*

XI.

Три мѣсяца пролетѣли незамѣтно въ сумасшествіи любви, оторванности и покорности жизни. Никита поселился у Дьяка, и всѣ втроемъ дружно зажили.

Въ эти три мѣсяца постиженія глубокаго таинства любви, таинства, какъ будто изъ ничего создавшаго полное счастье въ душѣ двоихъ, жизнь Никиты протекала тихая, радостная, пріятная. Яркіе лучи падали и окружали милымъ сіяніемъ каждую мелочь, не имѣвшую прежде значенія,—и теперь она служила лишь къ тому, чтобы новой свѣтлой стороной украсить жизнь, сдѣлать ее полной, цвѣтущей, поющей, здоровой. Цвѣла, пѣла, дышала здоровьемъ комната, гдѣ жила Аннушка, какъ и все, на что смотрѣли ея чистые, сѣрые глаза и трогали руки. Цвѣли, пѣли, дышали здоровьемъ драгоцѣнныя книги Дьяка о людяхъ, и ихъ радости и горе просвѣтлялись собственнымъ счастьемъ, которому было тѣсно въ груди. И самъ Дьякъ, добрый и милый, казался могущественнымъ сѣятелемъ, засѣвавшимъ каждый вечеръ въ душѣ Никиты чувства новаго добра, новой радости и горя—и этотъ книжный, чуждый ему міръ, который онъ раньше въ припадкахъ гнѣва ненавидѣлъ, легко перешелъ черезъ мостъ любви въ его сердце, и онъ его пожалѣлъ. Все, что окружало его внѣ дома, какъ бы загородилось силой того же обаянія любви, розовыми стеклами, и люди за этими стеклами казались красивыми, милыми, розовыми, говорили и поступали, какъ будто никогда не знали жестокости, и рѣчи ихъ звучали добромъ и жалостью. Также за этими стеклами выходили иными портовые ужасы, и ранняя осень, съ изморозью и слякотью, сыростью, грязью, бившая въ два кнута по народу, преломляясь въ переполненной

*) См. „Міръ Божій“ № 11, 1903 г.

радостью душѣ Никиты, выходила свѣтлая, не страшная. Всѣ рѣзкости, шероховатости жизни сгладились подъ могучимъ дуновеніемъ любви, и ему казалось, что онъ подвигается по мягкому шару, а конецъ пути былъ тамъ, гдѣ находилась Аннушка. На работѣ время протекало, какъ въ дурномъ снѣ, и весь день была страсть—поскорѣе освободиться, побѣжать къ себѣ, гдѣ стояла, какъ думалось, полная до краевъ чаша съ добромъ, приложиться къ ней и пить до одурѣнія.

Въ томъ же упоеніи любовью, точно за дверями не стояла грозная жизнь со всѣми ея жестокостями и подстерегала, протекало время и у Аннушки, и она по цѣлымъ днямъ,—пока не ударило первое несчастье,—распѣвала, не зная, какъ иначе выразить свое счастье. Когда она проходила по двору, съ полнымъ фартукомъ ромашки и васильковъ, всѣхъ разбирала завись при видѣ этого озареннаго лица, этой фигуры, подъ которой, казалось, земля дрожала, когда она ступала. И лишь одна Александра, подстерегавшая ее, какъ ястребъ, и получившая на-дняхъ отъ богатаго лавочника-вдовца приказаніе устроить такъ, чтобы Аннушка досталась ему въ руки, лишь она одна злорадствовала, зная, что чему быть, тому не миновать, и, насторожившись, ждала своего момента, чтобы наброситься на нее и съѣсть. А Аннушка продолжала пѣть свои птичья пѣсни, плела вѣнки изъ васильковъ и ромашки, и каждый былъ величиной по величинѣ радости ея. Когда видѣла Никиту, и онъ свѣтилъ ярко, какъ солнце, — вѣнокъ выходилъ огромный, пышный; когда Никита становился нѣжнымъ, далекимъ и она думала о другомъ, то сплетала крошечный. Огромный она надѣвала черезъ плечо, крошечный на голову и въ нихъ важно ходила по комнатѣ, смѣялась и пѣла. Вечеръ же проходилъ еще лучше. Всѣ вѣнки, сколько ихъ было, надѣвались на Никиту, и онъ становился похожимъ на вооруженнаго индѣйца. И такъ съ вѣнками, которые мѣшали ему, онъ долженъ былъ ужинать, разсказывать, цѣловаться, и всѣ были счастливы: Аннушка, Никита и Дьякъ.

Но вотъ наступилъ первый ужасъ, и всему этому трехмѣсячному призрачному довольству наступилъ конецъ. Ужасъ явился неожиданно, совсѣмъ не съ той стороны, откуда его можно было ждать, и это особенно ошеломило. Нужно было насильно порвать милые разговоры, ласки, въ одинъ мигъ превратиться въ несчастнаго, вмѣстить въ себя оскорбительныя чувства горя, когда счастье еще пѣло во всѣхъ углахъ. Аннушка выкинула,—нехорошо, съ болью, криками, обморокомъ... Собственно, все это время она не чувствовала себя особенно здоровой: но въ угарѣ любви ничего не замѣчалось, и лишь теперь, когда наступила развязка, разомъ обнаружилось, какъ неладно было все съ самаго начала...

Никита, ошеломленный, кинулся къ бабкѣ Степанидѣ. Степанида, вытолкавъ Дьяка и повернувъ Никиту къ стѣнѣ, осмотрѣла Аннушку, покачала головой и рѣшительно объявила, что нужно немедленно свезти ее въ больницу.

— Худая у нея болѣзнь,—шепнула она Никитѣ,—такая...

— Худая?—переспросилъ онъ, не понимая, о какой болѣзни она говоритъ.—Да, да, знаю,—и онъ говорилъ: «знаю», чтобы не выказать себя дуракомъ, но уже инстинктивно чувствовалъ, что случилось большое, непоправимое несчастье.

— Извѣстно, худая,—повторила она,—самъ долженъ знать...

— Нечего раздумывать,—сурово выговорилъ Дьякъ, когда Никита позвалъ его въ комнату,—я за извозчикомъ пойду.

Степанида, высокая, рябая баба, прямая, какъ доска, стояла уже посреди комнаты и, качаясь всѣмъ тѣломъ въ обѣ стороны, приговаривала, чтобы успокоить Аннушку.

— Молодухи всѣ таковы. Знаю я ихъ. Пуще сатаны, боюсь ихъ, накажи меня Богъ! Чихнетъ она, милая,—и готово. Мышку увидитъ, на огонь съ утра взглянетъ,—уже она скинула, милая. Пуще сатаны боюсь,—повторила она.

Аннушка лежала на кровати, слушала и стонала, и когда Никита сѣлъ подлѣ нея, она вдругъ крѣпко заплакала и закрыла его рукою ротъ, чтобы заглушить крики отчаянія.

— Ты, Аннушка,—шопотомъ просилъ онъ, мигая глазами, и нижняя челюсть у него тряслась отъ волненія,—не плачь, ради Бога. Не плачь, совсѣмъ бояться нечего. Я, Аннушка, самъ въ больницѣ лежалъ...

Но Аннушка отъ его словъ еще сильнѣе заплакала.

— Ребеночка жалко, Никита, такъ я его уже любила, такъ любила... Какъ это, Никита, мы безъ ребеночка теперь жить будемъ!..

Она вспомнила всѣ свои мечты и думы о томъ, что такъ безсмысленно погибло, свои страхи и радости, когда часами прислушивалась къ тому важному и новому, что происходило внутри ея, о ласкахъ Никиты, и съ новой силой заплакала.

— Какъ это мы теперь безъ него жить станемъ?—все спрашивала она, и Никита не зналъ, что ей отвѣтить, и тяжело вздыхалъ.

Вошелъ Дьякъ и, запыхаясь, объявилъ, что извозчикъ ожидаетъ во дворѣ. Степанида стала распоряжаться. Теперь Аннушка уже тихо плакала, отдаваясь ужасу минуты, и думала только о томъ, что непремѣнно умретъ, какъ Дарьюшка.

— Ничего не будетъ,—равнодушнымъ голосомъ говорила сосѣдка, зашедшая, чтобы помочь Степанидѣ,—полежишь съ недѣльку и выпустятъ. Тамъ хорошо въ больницѣ. Я три раза

лежала. На горячкѣ лежала, на тифу лежала, отъ запала легкихъ лежала. Оно, конечно, скучновато спервоначала,—отъ правды не уйду,—а все ничего. Кормятъ, тепло тамъ.

— Я,—поддержала ее Степанида,—помереть непремѣнно въ больницу пойду,—легко тамъ душу оставить.

— А я, Степанидушка, боюсь, боюсь я, милая,—дрожа выговорила Аннушка, глядя ей въ глаза —рѣжутъ тамъ человѣка.

— Ну, бабы,—не утерпѣлъ Дьякъ, стоя лицомъ къ дверямъ,—будетъ вамъ. Человѣкъ во дворѣ—даромъ ждать не будетъ.

Никита подошелъ къ Аннушкѣ, молча обнялъ ее и понесъ на рукахъ.

Во дворѣ вокругъ дрожекъ стояла толпа сосѣдей, и онъ, стыдясь этихъ людей, которымъ было все равно, неловко усѣлся съ своей ношей и отвернулся отъ нихъ. Степанида сѣла подлѣ него и приказала извозчику ѣхать. Опустѣлъ на время домъ Дьяка.

. . . . . .

Никита, оставшись одинъ, скоро окунулся въ портовую жизнь. Въ первые дни онъ еще боролся, гналъ отъ себя правду и жилъ воспоминаніями, которыя не остывали. Въ каждомъ уголкѣ онъ искалъ Аннушку, точно она унесла его душу съ собой. Онъ не безпокоился, не тревожился о ней, и было только одно мучительное чувство—увидѣть снова ее пышной, здоровой хоть на мигъ. И онъ ходилъ по комнатѣ и какъ бы отъ боли кричалъ: «Аннушка, Аннушка». Онъ вслушивался въ свой крикъ, пугался его и опять, страстно горя по ней, мѣнялъ голосъ и нѣжно шепталъ: «Аннушка, Аннушка». Такая прекрасная, мужественная стояла она передъ нимъ, съ крѣпкими руками, крѣпкой шеей и грудью, онъ слышалъ ея смѣхъ, густой, полный голосъ и громко и нѣжно требовалъ: «Аннушка. Аннушка». Какъ будто отрава попала въ его кровь, и онъ не могъ заставить свое воображеніе увидѣть ее больной, слабой, чтобы умилиться, пожалѣть. И лишь одно то, что было въ ней свѣжаго, пахнувшаго молодой землей, бичомъ стегало его по сердцу, и оно дрожало отъ безумной боли обожанія, которое не на кого было излить. Но постепенно и незамѣтно яркія чувства подъ вліяніемъ жестокой, сторожившей за дверью, жизни начинали угасать. Удары отъ безработицы становились чувствительнѣе, и опять онъ вмѣстѣ съ Федоромъ и Дьякомъ страдалъ отъ холода и голода.

И радужное настроеніе казалось ему позорнымъ сномъ. А когда Аннушка черезъ четыре недѣли вернулась домой, со всѣмъ новымъ, что она пережила за этотъ мѣсяцъ, прежняя жизнь уже не могла наладиться, и короткому счастью наступилъ конецъ.

Теперь Никита безработные дни проводилъ уже не дома, какъ

бывало, а на улицѣ, И чтенія и ученіе, какъ и разговоры душевные и злые, сами собою прекратились, никому ненужные теперь, и всѣ втроемъ проводили вечера такъ, будто каждый въ чемъ-то обманулъ другъ друга, и было стыдно смотрѣть въ глаза. Потомъ постепенно ушли ласки, поцѣлуи, испуганные ворвавшимся холодомъ, вмѣстѣ съ ними погибли надежды, мечты, радости, и Аннушка осталась совершенно одинокой.

По цѣлымъ днямъ она просиживала на одномъ мѣстѣ или лежала и все обдумывала, что́ съ ней произошло. Въ больницѣ ей раскрылся весь ужасъ правды; она вспоминала Никиту такимъ, какимъ онъ ей казался прежде, и образъ его уже не приносилъ ей утѣшенія. Она не сердилась на него и теперь, но уже не чувствовала себя способной еще разъ такъ любить, какъ любила, такъ радоваться, какъ радовалась до потери ребенка. Съ этимъ живымъ существомъ, такъ грубо отнятымъ у нея, оборвалось самое нѣжное, лучшее въ ея сердцѣ, и она не знала, зачѣмъ ей жить. Раньше все было полно радости материнства; каждый ея шагъ, каждое дѣйствіе, слово, все было освѣщено любовью къ этому невидимому существу, которое она носила въ себѣ. Даже чувства ея къ Никитѣ стали какія-то просвѣтленныя, благодарныя за счастье, которое онъ ей далъ. Когда она сплетала вѣнки и хмурилась, какъ отъ солнца, представляя себѣ лицо Никиты, когда важно расхаживала въ вѣнкѣ и пѣла, она отдавала лишь часть любви своей, вся же оставалась у ребенка, который былъ ея повелителемъ. Для него она смѣялась, съ нимъ она дѣлилась своими страхами о родахъ, своей любовью къ Никитѣ, разсказывая ему странныя сказки и всѣ свои радости, придумывала забавы, и онъ всегда и вездѣ былъ съ нею. Она чудесно представляла себѣ его лицо и любила лежать и прислушиваться, какъ онъ живетъ въ ней. И то, что она ничего не слышала и что руки ея, легонько лежавшія на животѣ, ничего не чувствовали, она всегда объясняла его шаловливой хитростью, тѣмъ, что онъ притаился, какъ мышонокъ, и громко смѣялась, называя его то Никитой, то Аннушкой. Иногда она испытывала какія-то странныя боли въ бокахъ, и ей казалось, что онъ страдаетъ. Тогда она ѣла сахаръ, думая, что сахаръ сейчасъ же попадетъ ему въ ротъ, и онъ успокоится, и она долго сидѣла неподвижно, чтобы ему удобно было съѣсть его. Она часто пила, лишь бы у него не было жажды, ѣла, чтобы онъ не былъ голоденъ, танцовала, чтобы ему было весело, учила его плести вѣнки и послѣ всего спрашивала: «Любишь мамку свою, Никита-Аннушка»? И сама смѣялась отъ словъ своихъ, отъ имени Никита-Аннушка и отъ радости осторожно складывала руки на животѣ, какъ бы обнимая его. Когда она засыпала, она ложилась на спину на кровати, лежала неподвижно, чтобы не тревожить и не мѣшать

ему, и опять думала о немъ, о его лицѣ и дрожала отъ счастья при мысли о его первомъ крикѣ. Тогда тишина въ комнатѣ нарушится, и онъ будетъ старшимъ надъ всѣми. Вечеромъ придетъ Никита, и она поднесетъ ему Никиту-Аннушку, и Никита-Аннушка станетъ таскать его за бороду. Они будутъ вмѣстѣ сидѣть, любоваться имъ, и когда онъ уснетъ, Никита его уложитъ въ люльку, а она начнетъ разсказывать, какъ велъ себя весь день Никита-Аннушка...

И теперь она не знала, зачѣмъ жить...

Страданія по ребенкѣ были лишь первой ступенью въ пропасть. Болѣзнь ея еще требовала леченія, и она продолжала ходить въ больницу, гдѣ въ ожиданіи осмотра сидѣла среди больныхъ женщинъ, старыхъ и молодыхъ—и онѣ учили ее. Онѣ разсказывали все о своей жизни, о развратѣ, о любовникахъ и интригахъ, и ихъ разговоры дѣйствовали, какъ крѣпкое вино, и опутывали ее своей нечистой мутью. Здѣсь, среди этихъ зараженныхъ одной съ ней болѣзнью женщинъ, жизнь которыхъ была такъ несхожа съ ея собственной, грязная правда, подъ вліяніемъ новаго и легко дававшагося опыта, начинала проникать ее. Дома, всегда одна, безъ Никиты, который цѣлые дни проводилъ въ порту, испуганная одиночествомъ и своими воспоминаніями, она радовалась, когда наступалъ день посѣщенія больницы, гдѣ каждый разъ она находила новыхъ женщинъ съ ихъ таинственными и засасывающими разговорами о развратѣ и угарной жизни, и тамъ утихала ея тревога. Она не переставала любить Никиту и по временамъ, какъ въ испугѣ, всей душой рвалась къ нему, но то, что онъ оставался холоденъ, погруженный въ свою муку, отрывало ее отъ него все больше, и горе свое она выстрадала одна. Комната казалась скучной, и то, что прежде освѣщало радостью ея существованіе, свое гнѣздо, превратилось въ укоръ настоящему и она не любила его. Все о ребенкѣ было передумано, всѣ образы и чувства, рождавшія прошлое, притупились, и въ душѣ осталась тоска, желаніе забыться, совсѣмъ перестать думать о томъ, что было, и что могло бы быть, если бы она не заболѣла.

Одинъ изъ портовыхъ торговцевъ желѣзомъ продалъ партію чугуна на сталелитейный заводъ, и при сдачѣ товара дѣйствовалъ Ѳедоръ и Никита. Ѳедоръ, съ необычно мрачнымъ лицомъ, молча проработалъ до обѣда и только мимоходомъ раза два обмолвился.

— Не стало жизни безъ кабака, и я зимы не вынесу. Тоска меня душитъ.

Никита уже двѣ недѣли, какъ ежедневно слышалъ его рѣчи о томъ, что настоящая зима доймет его, и, не имѣя больше возраженій, молчалъ въ отвѣтъ. Заводъ его интересовалъ и, работая

онъ съ любопытствомъ осматривалъ огромный дворъ, заваленный машинами, массивными колесами, котлами и заглядывалъ въ мастерскія, гдѣ кипѣло оживленіе труда.

«Тутъ, значитъ, люди,—думалъ онъ, глядя издали на заводскихъ рабочихъ, невинно стоявшихъ за станками,—это хорошо».

Онъ продолжалъ работать, углубленный въ мысль, брошенную случайно однимъ изъ поденщиковъ, недавно появившимся въ порту. Ѳедоръ шелъ сзади него и опять произнесъ:

— Не вынесу я зимы. Хоть бы кто взялъ у меня жизнь.

Раздался обѣденный гудокъ, и рабочіе, черные и грязные, толпами стали выбѣгать изъ завода. Мастерскія, литейныя и огромный дворъ быстро пустѣли. Двѣ сѣрыя заводскія собаки, похожія на тигровъ, появились у калитки и съ поднятыми мордами застыли въ ожиданіи. Никита бросилъ работать и, вытеревъ руки отъ чугунной пыли, выговорилъ:

— Пойдемъ, Ѳедоръ, машины посмотримъ.

Ѳедоръ кивнулъ головой, и оба перешли дворъ. Двери мастерскихъ были открыты, и еще издали они услышали шипѣніе ремней, бѣжавшихъ по колесамъ. Когда они приблизились, шипѣніе стало еще злѣе, а въ темныхъ мастерскихъ замелькали колеса разныхъ величинъ. Ихъ было очень много подъ потолкомъ, на станкахъ, подлѣ стѣнъ, и всѣ были соединены быстро бѣжавшими широкими ремнями.

— Любопытно,—произнесъ Никита, стоя на порогѣ, и совсѣмъ не испытывая любопытства, а скорѣй испугъ.

— Любопытно-то оно такъ,—поддержалъ Ѳедоръ, ступивъ въ мастерскую,—да закрутишься тутъ съ этими колесами. Вишь, какъ бѣгутъ окаянныя, ничего имъ не стоитъ человѣка жизни лишить.

Онъ улыбнулся своей мысли и подошелъ къ большому маховому колесу, загороженному низенькою къ полу придѣланной рѣшеткой, и съ минуту внимательно смотрѣлъ на него, что-то обдумывая.

— Колесо-таки,—чужимъ голосомъ произнесъ онъ, машинально открывая дверцы рѣшетки.

У него запрыгали щеки и углы рта опустились, будто онъ собирался плакать.

— Да ты, Ѳедоръ, близко не подходи,—почему-то забезпокоился Никита и даже сдѣлалъ шагъ къ нему.

— Чего мнѣ подходить,—раздался его ровный, безпечный голосъ, и сталъ объяснять.—Видишь ты, Никита, это, значитъ, колесо, самое главное, маховое, отъ него вся сила, съ него и спрашивается. Останови колесо, и всѣ колеса станутъ, въ родѣ головы оно тутъ, да. А вотъ тоже ремень, и я его ладонью трону и...

Но тутъ случилось нѣчто такое, что въ одинъ мигъ разру-

шило равновѣсіе обычныхъ чувствъ. Гдѣ-то въ самой глубинѣ головы Никиты сверкнулъ огонь, а можетъ быть это былъ не огонь, а стѣна или гора, вытолкнула его глаза, и тогда въ нихъ заплясало множество изуродованныхъ людей. И они выли, и кричали, и заливали кровью что-то внутри его, очень чувствительное. Самый маленькій пустячный крикъ Ѳедора, когда ремень зацѣпилъ его руку, сейчасъ же, еще раньше, чѣмъ онъ очутился у потолка, превратился въ чудовищный вопль, который у потолка уже сразу прекратился. Голова успѣла лишь сплющиться, и такъ съ головой, какъ съ шапкой на шеѣ, тѣло съ той же равнодушной быстротой побѣжало по ремню внизъ, попало въ колесо, хрустнуло густымъ жесткимъ звукомъ, и тогда уже изъ лопнувшихъ жилъ полетѣли, какъ искры, капли крови. А мозгъ, смочивъ колесо, шлепнулся половинной массою своей о старую грязную стѣну и прилипъ къ ней. И въ томъ же разрушенномъ равновѣсіи чувствъ Никита неподвижными глазами, которые, казалось, такъ увеличились, что не могли умѣститься въ орбитахъ, увидѣлъ, какъ отлетѣла рука Ѳедора, упала посреди мастерской и немедленно сомкнулась въ кулакъ. Ремень бѣжалъ, колесо вертѣлось. Еще разъ трупъ Ѳедора съ той же силой ударилъ по потолку, повернулъ внизъ, но уже не попалъ въ колесо, а полетѣлъ на рѣшетку, гдѣ повисъ въ положеніи человѣка, который очень низко поклонился. Теперь все уже, рѣшетка, стѣны и грязный полъ вблизи и поодаль, колеса и станки были залиты кровью. Въ большой угрюмой мастерской ремни продолжали шипѣть, лишь одни нарушая черную тишину, а посреди сжатая въ кулакъ, лежала оторванная рука, покрытая у плеча запекшейся кровью, и будто кому-то грозила. Раздался другой отчаянный вопль. То кричалъ Никита, выбѣжавшій изъ мастерской. Размахивая руками и держа неподвижно голову, онъ летѣлъ по длинному мрачному двору и выговаривалъ, какъ бы удивляясь своимъ словамъ: «Ѳедора убило»! Онъ бѣжалъ, не глядя, натыкался на желѣзо, не чувствовалъ боли и опять несся, продолжая кричать. Въ концѣ двора онъ машинально обогнулъ странной формы печь, гдѣ плавился чугунъ, пролетѣлъ пустыя литейныя мастерскія и лишь тогда былъ услышанъ дворникомъ, который побѣжалъ ему на перерѣзъ.

— Чего орешь!—закричалъ тотъ грубо, хватая его за рукавъ.

Раздался гудокъ первый, второй и третій. Въ узенькой калиткѣ завода стали показываться рабочіе. Возлѣ Никиты уже собралась толпа, и онъ прерывистымъ голосомъ, еще не отдышавшись отъ бѣга, разсказывалъ, какъ это случилось. Два старшихъ мастера бросились въ мастерскую, а оттуда навстрѣчу имъ, съ ужасомъ въ глазахъ выбѣгали рабочіе, чтобы подѣлиться съ тѣмъ, что нашли. Кто-то позвалъ управляющаго завода, и когда тотъ

узналъ, что случилось, раскричался на Никиту и извѣстилъ о несчастьи директора, а Никита каждому изъ нихъ въ отдѣльности разсказалъ, что видѣлъ.

— Какъ же ты смѣлъ въ мастерскую зайти? — спрашивалъ управляющій, когда Никита открывалъ ротъ, будто все дѣло было въ томъ, что Никита нарушилъ заводское правило.

— И не заходили, а въ дверяхъ стояли, и вдругъ Ѳедору ремень захотѣлось тронуть...

— Проклятый ремень,—раздался сзади чей-то голосъ,—третьяго человѣка въ этомъ году калѣчитъ.

— Ну, что же,—произнесъ, наконецъ, директоръ,—дѣло это надо кончить. Дайте знать по телефону въ полицію.

Онъ повернулся и пошелъ въ контору, а за нимъ двинулся и управляющій. Рабочіе стояли мрачные, обступивъ Никиту, и въ толпѣ раздавались восклицанія.

— Въ прошломъ году двоимъ руки оторвало,— вспомнилъ кто-то.

— И не крикнулъ даже,—говорилъ Никита,—а, можетъ быть, и крикнулъ — не помню, за руку зацѣпило, — это какъ теперь вижу...

И онъ смотрѣлъ на этихъ сочувственно слушавшихъ людей и не утомлялся передавать всѣ подробности, которыя сохранились у него въ памяти. Постепенно рабочіе стали расходиться. Появились власти, и когда всѣ формальности были закончены, Никиту отпустили.

По улицѣ Никита не шелъ, а почти бѣжалъ, все больше поддаваясь ужасу, чѣмъ яснѣе представлялъ себѣ, почему это случилось. Голый, ошеломляющій, онъ шелъ на него отовсюду, отъ низенькихъ грязныхъ домовъ, отъ ничтожныхъ людей, жившихъ въ нихъ, шелъ отъ поденщиковъ, сонныхъ даже въ трезвомъ видѣ, которыхъ никакое страданіе, никакое мученіе не могло разбудить, которыхъ никакія слова и рѣчи не могли воодушевить. Ужасъ шелъ отъ воспоминанія всего того, что произошло на его глазахъ за этотъ годъ, отъ каждаго камня портовыхъ улицъ, которые были такъ же неподвижны и твердо держались безъ перемѣны, какъ сама земля,

— На что надѣяться, откуда ждать помощи?

И въ отвѣтъ глядѣли холодныя стѣны домовъ, и, какъ стѣны тюрьмы, казались онѣ.

«Уйти бы отсюда», подумалъ онъ.

Что-то вдругъ мелькнуло у него, но мелькнуло отчетливо и ясно, и огромное, какъ солнце, непостижимо ослѣпительное, полное радости, тронуло его сознаніе...

Онъ вошелъ на свой дворъ.

Аннушка сидѣла одна и удивилась его раннему приходу.

— Что такое, Никита!—обрадовалась она, но взглянувъ на него, выговорила съ испугомъ:—на тебѣ лица нѣтъ, Никита?

— Ѳедора убило,—устало отвѣтилъ онъ.

— Богъ съ тобой, Никита,—перекрестилась Аннушка.—Ѳедора?

— Ѳедора, убрали его.

Она сѣла подлѣ него и заплакала. Но ему стало непріятно, что она сѣла подлѣ него, что заплакала, и онъ молча отошелъ отъ нея и легъ на кровати.

— Не убивался бы ты хоть, Никита,—вырвалось у нея.

Онъ махнулъ рукой и отвернулся къ стѣнѣ. И какъ только взглянулъ на бѣлую стѣну, то сейчасъ же увидѣлъ на ней темную мастерскую, колеса и Ѳедора на рѣшеткѣ.

— Никита! — несмѣло позвалъ его плачущій голосъ Аннушки.

Онъ опять махнулъ рукой, и она замолчала. Теперь онъ думалъ о Ѳедорѣ и вспоминалъ, какъ познакомился съ ней. Будто много лѣтъ назадъ это произошло. На бѣлой стѣнѣ появился кабакъ. Съ изумительною ясностью промелькнулъ образъ Елизаветы, и онъ застоналъ отъ печали. Сколько потерялъ онъ въ этомъ проклятомъ порту людей. Антонъ замерзъ, Степана такъ избили, что онъ калѣкой сталъ и теперь у церквей побирается, Елизавета зарѣзалась, Данило въ больницѣ пропалъ, теперь Ѳедоръ... Страшно въ порту.

— Себя пожалѣлъ бы, опять раздался голосъ Аннушки.

— Водка есть дома? хмуро спросилъ онъ, не оборачиваясь.

— Нѣту, Никита.

«Нѣту», хотѣлось ему повторить, но вмѣсто этого сказалъ:

— Пойди, Аннушка, ко мнѣ.

Она подбѣжала къ нему вся въ слезахъ, но теперь стыдно было ласкаться другъ къ другу, и она молча сидѣла, а онъ разсказывалъ ей свои думы...

Когда Дьякъ пришелъ, Никита все еще не былъ спокоенъ. О несчастьи разсказала Аннушка, и Дьякъ, сильно озадаченный и сразу не повѣрившій, торопливо вынулъ очки, какъ-то особенно ловко набросилъ ихъ на кончикъ носа и посмотрѣлъ на Никиту. Тотъ сидѣлъ, опустивъ голову на руки, и молчалъ.

— Экая оказія,—все озадаченный, произнесъ Дьякъ и, покосившись, перекрестился.—А вѣдь въ это самое время я угольнички кончалъ,—вотъ какія дѣла бываютъ на свѣтѣ.

— Худыя дѣла,—процѣдилъ Никита, раздраженный хладнокровіемъ Дьяка.

— И похуже бываютъ, Никита. Вонъ въ прошломъ году у насъ плотникъ одинъ руку по локоть отсѣкъ. Послушалъ бы, какъ

баба ревѣла. Шестеро ребятишекъ, малъ-мала меньше, все на рукахъ ея осталось. А тутъ что? Холостой человѣкъ пропалъ...

— Жалко его, дядюшка,—вмѣшалась Аннушка и заплакала оттого, что уже больше никогда не увидитъ Ѳедора.

— А мнѣ не жалко развѣ?—разсердился Дьякъ.—Но былъ бы съ головой, не лазилъ бы подъ колеса. Вишь ты игрушку нашелъ. Отъ такой игрушки ноги запряги и ай-да. Выругалъ бытаки его за такую штуку, да жалко мертваго тревожить.

— Тѣмъ же колесомъ въ мартѣ рабочаго убило,—раздраженно отвѣтилъ Никита, поднявъ голову.—Эхъ, Василій, какъ послушаю я тебя, такъ и подумаю: и зачѣмъ ты столько лѣтъ на свѣтѣ прожилъ? Кому на пользу? Вотъ Ѳедоръ терпѣлъ, терпѣлъ, да не выдержалъ, подъ колесо полѣзъ

— Ну, пошла старая пѣснь, не хочу тебя слушать...

Аннушка дрожала отъ страхъ и не смѣла взглянуть на него. Дьякъ же такъ испугался, что вытянулъ руки и при каждомъ словѣ Никита двигалъ ладонями такъ, будто отталкивалъ отъ себя эти злыя слова.

— Да замолчи ты, -вставлялъ онъ скороговоркой.—Не знаю я, никакихъ совѣтовъ не имѣю. Аннушка, гдѣ моя водка? Въ карманѣ. Ну, поищи тамъ. Богъ на небѣ—люди на землѣ. На землѣ люди, а Богъ на небѣ. И слышитъ и видитъ. Сказано такъ: «мнѣ отомщеніе и азъ воздамъ». Не моего ума, братъ, дѣло. Моя тропа—по ней и иду. Всякій своей тропой. Такъ оно.

Никита скрипнулъ зубами, схватилъ шапку и хлопнулъ дверью вышелъ изъ комнаты.

Дьякъ покачалъ головой, а Аннушка расплакалась.

XII.

Былъ конецъ февраля, когда старуха Александра, послѣ трехнедѣльнаго перерыва, зашла къ Аннушкѣ. Сумерки уже наступили, и казалось, это они впустили холодъ и сырость въ нетопленную комнату. Аннушка, закутанная въ шаль, видѣла у окна и безучастно выглядывала во дворъ.

— Здравствуй, Анка!—произнесла Александра, усаживаясь на кровати, какъ старая и близкая знакомая.—Что это ты у окна сидишь? Кого ждешь!

— Никого не жду, такъ себѣ сижу,—отвѣтила Аннушка.—Могу и на другомъ мѣстѣ посидѣть.

Она встала, пересѣла къ ней на кровать и произнесла.

— Совсѣмъ вы, бабушка, меня забыли. Раньше, когда изъ больницы вышла—каждый день заходили.

Старуха заволновалась.

— Милая моя, рада была бы, да не могла я. Марья Андреевна двѣ недѣли на тифу лежала, и мнѣ за хозяйствомъ надо было смотрѣть,—почему-то зашептала Александра.—Дочки ея зелены, молоды. Имъ хозяйство что? Тьфу. И все на старыхъ плечикахъ моихъ. На базаръ сходи, пироги спеки, сальнички свари. Я и то скучала по тебѣ, милая моя, бѣдненькая...

Аннушка, плакавшая теперь отъ каждаго нѣжнаго слова, затряслась отъ волненія и припала лицомъ къ плечу старухи.

— Ну, ничего,—замурлыкала Александра,—ничего, милая, обойдется какъ-нибудь. Богъ далъ, Богъ и взялъ—Его воля.

— Скучно мнѣ, бабушка. Скука—моя мука. Мѣста себѣ не нахожу...

Старуха легонько оттолкнула локтемъ Аннушку и, мигнувъ, шепотомъ спросила:

— А какъ же Никита?

Она засмѣялась, вдругъ вспомнивъ, какъ онъ ей приглянулся, когда лечился у нея.

— Никита,—запнулась Аннушка,—на работѣ. Что же ему цѣлый день со мной сидѣть? А и нѣтъ работы,—все надо на улицѣ быть.

— И посидѣть съ тобой долженъ,—настаивала Александра.—У женщины какія мысли не бываютъ, и ихъ разбивать нужно.

Она посмотрѣла на нее такъ внимательно, что Аннушка отвернулась.

— Ты бы,—послѣ молчанія вкрадчиво заговорила старуха,—хоть разочекъ къ дочкамъ Марьи Андреевны зашла. Сколько разъ уже просила тебя. Раньше, когда ты дѣвкой была, оно, можетъ, и нехорошо было, а теперь, когда ты съ человѣкомъ живешь, никто худого слова не скажетъ. Посидишь, съ дѣвками посмѣешься,—вотъ и скука прошла.

Аннушка сидѣла, опустивъ голову, и не отвѣчала.

— То-то зашла бы,—смѣлѣе произнесла Александра.—Меня, старуху, послушай.

Она поднялась и вдругъ, какъ бы въ восхищеніи, схватила голову Аннушки, грубо повернула лицомъ къ свѣту, ущипнула за щеку и выговорила:

— Красивая ты, Анка, женщина, накажи меня Господь, какая красивая. Малина съ молокомъ! Была бы охота, такъ тебя бы золотомъ засыпали, какъ есть Богъ, правду говорю. Вотъ тутъ человѣкъ одинъ такой есть,—она посмотрѣла ей внимательно въ глаза и оборвалась. Ловкая я была въ мое время...

— Какая я красивая?—улыбнулась Аннушка, испытывая радость, что Александра не бросила ее и опять будетъ ходить къ ней.—Въ дѣвушкахъ, правда, ничего была, а теперь вотъ скинула,—и кровь моя перегорѣла.

— Лечишься еще?

— Хожу, бабушка.

Обѣ замолчали и такъ сидѣли долго. Будто два дерева росли рядомъ: одно старое, высохшее, съ худыми, безъ сока корнями и стволомъ, другое молодое, цвѣтущее, которое должно было, неизвѣстно для чего, прожить такую же долгую, трудную жизнь и такъ же на старости засохнуть.

— Ну, я пойду,—поднялась Александра,—время мнѣ. Заходи, Анка, къ дочкамъ-то. Ужъ рады онѣ будутъ, такъ я и сказать не могу какъ. Тамъ я тебѣ что-то хорошее скажу.

Она вышла, не подождавъ отвѣта, а Аннушка съ упавшимъ духомъ смотрѣла на нее въ окно, пока она не скрылась.

На слѣдующій день Аннушка пошла въ больницу, и опять, какъ всегда, съ ней тамъ дѣлали то, что не имѣло отношенія къ ея болѣзни. Ее гладили по щекамъ, нехорошо внимательно осматривали, долго не отпускали, а она не смѣла изъ страха возражать. Дома она плакала и среди слезъ и растерянности вдругъ вспомнила, что у Марьи Андреевны разсѣетъ тоску.

«Пойду я», угрюмо подумала она, чувствуя, что теперь ничьи просьбы, ни ея собственныя не заставятъ ее перемѣнить рѣшеніе.

Она въ волненіи набросила на себя шаль и вышла изъ комнаты. Идя по двору, она закрывала глаза отъ страха, представляя себѣ то невѣдомое страшное, что ожидало ее тамъ, но она шла, какъ будто кто-то коломъ толкалъ ее въ спину.

«Отдохну тамъ», неслось у нея, и ей было стыдно смотрѣть кругомъ себя.

Но когда очутилась въ комнатѣ у Марьи Андреевны, то даже удивилась, какъ тамъ было просто. Образокъ въ углу, два стула, столъ, и никого, кромѣ Александры и младшей дочери Марьи Андреевны—Кати, той самой, которая нѣкогда заигрывала съ Никитой. Сама Марья Андреевна, тучная, смуглая и разговорчивая женщина, сидѣла въ сосѣдней комнатѣ и даже не показалась Аннушкѣ.

— Вотъ и Аннушка пришла,—произнесла Александра, бросивъ взглядъ на Катю.—Зайди, милая, не стой на порогѣ. Катя, усади Аннушку.

Она опять мигнула дѣвушкѣ, и та произнесла своимъ мужскимъ голосомъ.

— Здравствуй, Анна! Сколько лѣтъ въ однемъ дворѣ живемъ, а еще не познакомились. Я и Никиту твоего знаю.

Она засмѣялась, а Аннушкѣ захотѣлось убѣжать, точно на нее полѣзъ паукъ.

— Гордячка ты была,—продолжала Катя...

— Что старое вспоминать,—вмѣшалась старуха и пошла въ комнату, гдѣ сидѣла Марья Андреевна.

Аннушка подумала о томъ, что ее ждетъ дома, смирилась и тихо сказала:

— Каждая въ дѣвушкахъ гордячка. А вотъ съ человѣкомъ поживешь—и перемѣнишься.

Она чуть присѣла на стулѣ подлѣ стола, какъ бы готовая вспорхнуть, и стала оглядываться. Безпокоило ее что-то. Вошла Александра съ бутылкою и рюмками въ рукахъ.

— Водочку принесла,—вкрадчиво и ласково произнесла она, какъ бы къ Катѣ обращаясь.—Немного ея тутъ, а угостить хватитъ. Аннушка какая пьяница. Вотъ и слово, что хотѣла тебѣ сказать. Выпьешь, милая, и скуку какъ рукой сниметъ.

— Я, бабушка, не пью,—удивилась Аннушка и отодвинула рюмку съ водкой.—Въ жизни въ ротъ не брала.

— Ну, правда?—недовѣрчиво спросила Катя.—Въ жизни не пробовала? Водки-то? А я безъ водки не знаю, какъ бы и жить стала. Безъ отца вотъ могу. Безъ матери могла бы, а безъ водки нѣтъ. Водка отъ всего лекарство: отъ голода, отъ горя. Выпей со мной.

— Нѣтъ, я не стану пить, Катя.

Александра насильно всунула ей рюмку въ руку и недовольно произнесла:

— Что-жъ ты, Анка, хозяйку обижаешь. Она всей душой къ тебѣ...

— Не трогай ее, бабушка, она сама выпьетъ.

— Нѣтъ, я не стану пить,—все повторяла Аннушка и вдругъ не то со стыда, не то, чтобы не обидѣть хозяйку, опрокинула рюмку въ ротъ.

— Много лѣтъ тебѣ здоровой быть,—засмѣялась Александра.—Налей-ка, Катенька, ей еще рюмочку.

Катя налила, и когда Аннушка послѣ просьбъ и насилія выпила, то почувствовала, какъ комната легонько покачнулась и пошла кругомъ нея.

— Вотъ такъ славно,—разсмѣялась она, хватаясь за столъ.

— Что славно?—спросила Катя, не сводя съ нея глазъ.

— Комната кружится.

— Это скука уходитъ,—прошамкала Александра.

Аннушка опять засмѣялась и стала болтать много и быстро. Сначала она попробовала разсказать о ребенкѣ, но скоро сбилась, перешла къ Никитѣ и безъ утайки все передала о своей любви. Катя слушала внимательно, разспрашивала о Никитѣ подробности и вся горѣла. Вмѣшалась Александра и заговорила о богатомъ вдовцѣ-лавочникѣ, Алексѣѣ Спиридоновичѣ, который давно уже

любитъ Аннушку. Она выпила, смѣшала хорошія слова съ дурными, и Аннушка со слезами слушала ее. Потомъ Катя разсказала о своей жизни и тоже мѣшала хорошія слова съ дурными, о томъ, какъ у нихъ весело, когда приходятъ матросы и шкипера, и черезъ два часа новыя подруги разстались друзьями. Аннушка обѣщала непремѣнно придти завтра, а Александра, провожая ее до дверей, шопотомъ сообщала, что тутъ дѣлается, когда приходитъ богатый лавочникъ Алексѣй Спиридоновичъ.

— Такой веселый, милый человѣкъ, Алексѣй Спиридоновичъ,— говорила она,—что и разсказать невозможно. Съ бандуристомъ приходитъ. Пляшетъ, поетъ, а бандуристъ играетъ. А деньгами такъ и бросаетъ, такъ и бросаетъ.

— Приду ужо,—увѣренно повторяла Аннушка и все въ томъ же легкомъ, пріятномъ состояніи пришла къ себѣ и сейчасъ же легла.

«Вотъ и день провела,—подумала она, устроившись на кровати,— и ничего мнѣ не жалко, и ничего мнѣ не нужно».

Она пролежала долго, мирная и довольная, пока хмѣль не сталъ проходить. И тогда стало гадко.

«Пропаду я», пронеслось у нея вдругъ.

Она быстро встала, думая, что черная мысль идетъ отъ темноты, и зажгла лампу. Но мысль стояла упорно въ головѣ и не пугалась свѣта.

«Пропаду я».

Она сѣла на кровать, но вспомнила, что не сварила ужина, и бросилась работать.

— Распутной дѣвушкѣ о Никитѣ разсказывала,—укоряла она себя,—и водку съ ней пила. Что-жъ это я сдѣлала, Господи!

У дверей завозились. Вошелъ Дьякъ съ Никитой, и Аннушка сразу по глазамъ его догадалась, что сегодня онъ опять не работалъ. Дьякъ молча поставилъ ящикъ съ инструментомъ въ углу и сталъ снимать кожухъ.

— Давай, что ли, ужинать,—устало выговорилъ онъ.

Всѣ сѣли за столъ и ужинъ прошелъ въ трепетномъ молчаніи. Аннушка не смѣла взглянуть на Никиту и держалась такъ, будто ея не было въ комнатѣ.

— Такъ-то,—проговорилъ, наконецъ, Никита, обращаясь къ Дьяку,—шестой день безъ работы сидимъ, и что изъ этого выйдетъ, ума не приложу.

—. Вотъ зима пройдетъ,—несмѣло отозвался Дьякъ,—и опять пойдетъ хорошо.

— Я про Сидора, а ты про козу,—съ досадой оборвалъ Никита.—Ну, и пройдетъ зима. Она сколько разъ проходила...

Они помолчали, а когда Дьякъ опять заговорилъ, то снова повторилъ:

— Вотъ зима пройдетъ и, Богъ дастъ, опять заживемъ. Это вѣрно.

Аннушка не чувствовала себя въ силахъ слушать, легла и тревожно заснула. Никита пожалъ плечами. Зима пройдетъ... Ежедневно слышалъ онъ эти пустыя, раздражавшія его слова...

Аннушка сейчасъ же проснулась, какъ только Никита легъ подлѣ нея, и все съ тѣмъ же и во снѣ мучившимъ ее чувствомъ раскаянія прижалась къ нему, какъ бы прося прощенія. Но онъ остался холоденъ къ ласкѣ, и это еще больше испугало ея душу и оттолкнуло отъ него. Она отвернулась и, лежа съ открытыми глазами, видѣла во тьмѣ, какъ днемъ, его нахмуренное, неумолимое лицо и тихо плакала. Когда она была счастлива? Снились ли ей эти чудные наивные дни? Угрюмый и неподвижный, Никита лежалъ лицомъ къ стѣнѣ, и она знала, что онъ не спитъ и, какъ проклятый, думаетъ. Ее охватила жалость и къ нему, и она шевельнулась.

— Спать не даешь, Аннушка, лежала бы тихо,—раздался его недовольный голосъ.

И она, какъ дѣвочка, присмирѣла и притаилась.

«Пойду завтра къ Катѣ,—со слезами подумала она,—опять напьюсь, и мнѣ будетъ хорошо».

Однако на слѣдующій день она не пошла къ Катѣ и не поддалась Александрѣ, которая пришла за нею. Но когда опять посыпало скверными днями, она стала смягчаться. Совѣсть меньше мучила ее, и она съ упоеніемъ рисовала себѣ, какъ опять встрѣтится съ Катей, и на душѣ у нея станетъ легко и спокойно. Она забудетъ одиночество, ребенка, холодность Никиты, комната пойдетъ кругомъ нея, и сама, если захочетъ, то полетитъ, какъ птица.

И такъ долго убѣждала себя, пока опять не пошла, а потомъ и зачастила.

«Сегодня я пойду къ Катѣ», начинала она думать съ утра и уходила къ ней.

У Марьи Андреевны были свои планы, которые Аннушка не подозрѣвала. Сама она рѣдко показывалась ей и даже старшую Татьяну отсылала, чтобы Катѣ легко было спаивать Аннушку. Какъ-то дня два сподрядъ Аннушка не показывалась, и Марья Андреевна не на шутку всполошилась.

— Придетъ,—убѣждала ее Катя,—вы, маменька, не бойтесь.

— Кто ее знаетъ, а Алексѣй Спиридоновичъ уже денегъ не хочетъ давать, изъ терпѣнія вышелъ.

— Я говорю, маменька, что она придетъ,—увѣренно произнесла Катя своимъ мужскимъ голосомъ.—Но Никиту я себѣ оставлю, это помните.

— О томъ съ Танькой толкуй. А по моему, Катя, которая первая понравится ему, та пускай и скушаетъ его.

«Получишь ты Никиту, какъ же», подумала Александра, глядя на нее своими круглыми, выпуклыми глазами, и погладила рукой карманъ, гдѣ лежали зашитыми бумажныя деньги.

— Ничего я, маменька, знать не хочу,—упорствовала Катя.— Я работаю—моя награда. А то все испорчу...

— Полно тебѣ, Катенька,—испугалась Марья Андреевна:— а вотъ какъ она не придетъ.

— Придетъ, я отвѣчаю. А вы сдѣлайте, что нужно. Не тяните.

Когда Аннушка явилась на слѣдующій день, то никого кромѣ Марьи Андреевны да Александры въ комнатѣ не было.

— Здравствуй, Анна, здравствуй,—встрѣтила ее Марья Андреевна,—да Катьки-то моей дома нѣтъ.

— Дома нѣтъ!—удивилась Аннушка.—Гдѣ-жъ это она?

— Скоро придетъ. Александра, что руки подъ фартукомъ спрятала, пошла бы работать. Мнѣ день деньги стоитъ. А ты чего, милочка, не приходила?—обратилась она опять къ Аннушкѣ.

— Дядюшка боленъ былъ, и я за нимъ ходила. Работа была. Въ семействѣ у человѣка не мало дѣла есть,—дѣловито прибавила она, а Марья Андреевна покачала головой, пріятно засмѣялась и, что такъ не шло къ ея толстому лицу, закрыла одинъ глазъ и шаловливо замигала другимъ.

— Иди ты, милочка, съ своимъ семействомъ—уморила меня. Одинъ человѣкъ, вотъ и все семейство твое.

— А дядюшка?

— Дядюшка? Что онъ тебѣ мужъ. Ножки твои долженъ цѣловать, что ты его въ комнатѣ держишь. Терпѣть не могу въ комнатѣ мужчину. Мужчина, какъ козелъ, и пахнетъ скверно. Чистая гадость. Всю жизнь съ покойникомъ своимъ воевала, чтобы мы въ разныхъ комнатахъ спали.

— Дядюшка, Марья Андреевна, хорошій человѣкъ,— тихо сказала Аннушка.

— Хоть и триста разъ хорошій, все же, какъ козелъ, скверно пахнетъ и гадость. Отца бы въ своемъ домѣ не держала.

Она опять разсмѣялась, подмигнула и вдругъ степенно сказала:

— А Катьки все нѣтъ,—что же я съ тобой сдѣлаю. Ну, садись, моей гостьей будешь. Чѣмъ тебя угостить? Пирожочекъ скушаешь. У меня уже скушаешь. И водочки дамъ тебѣ. Знаю я васъ тихонькихъ.

Она вышла въ сосѣднюю комнату, а Аннушка все еще кивала головой и бормотала, будто та могла ее услышать, что не выпьетъ, не закуситъ, а такъ зашла посидѣть. Въ комнатѣ было тихо. Аннушка глянула въ окно и увидѣла дверь отъ своей ком-

наты. Она вспомнила, что это то самое окно, которое ей видно у себя, и съ любопытствомъ посмотрѣла на черную занавѣску. И только посмотрѣла, какъ сейчасъ же странно показалось оставаться здѣсь. Она съ недоумѣніемъ оглянулась, точно сама удивилась, какъ она попала сюда. Опять вошла Марья Андреевна и мимоходомъ сказала:

— Что же ты не сядешь, Анна? Вотъ сейчасъ пирожочекъ достану.—И вышла въ сѣни.

Аннушка совсѣмъ было испугалась, хотѣла выйти, но вмѣсто этого сѣла. Изъ сѣней донеслось шушуканье.

— Ты не разговаривай, Александра,—говорила шопотомъ Марья Андреевна,—а дѣло дѣлай. Алексѣй Спиридоновичъ...

— Кто это Алексѣй Спиридоновичъ?—спросила себя Аннушка. Богъ съ ними. Что-то боюсь. Лучше домой пойду, и приду, когда Катенька вернется. Пойду ужъ. Посидѣла,—и довольно.

Она рѣшительно поднялась, чтобы уйти, но на порогѣ столкнулась съ Марьей Андреевной, которая въ рукахъ держала бутылку съ рюмками.

— Куда же ты, Аннушка?—произнесла она, стянувъ губы,—я вотъ какъ старалась для тебя, а ты уходишь.—Она зорко осмотрѣла ее.—Ну, что-жъ уходи. Хочешь обидѣть меня,—обижай. Стерплю я. Я такая женщина, что все стерплю. Такая уже я.

Она поставила бутылку на столъ, а Аннушка, тронутая ея голосомъ, опять сѣла, сняла платокъ съ головы и улыбнулась не то ей, не то всей комнатѣ.

— Ну, и хорошо, вотъ люблю,—похвалила Марья Андреевна, повеселѣвъ.—Сейчасъ Катенька придетъ, я Александру послала за ней.

Аннушка опять встревожилась и испуганно посмотрѣла на нее.

— Да вотъ ушла Александра,—говорила Марья Андреевна,—и ее уже нѣтъ въ сѣняхъ. А мы сядемъ потихонечку, выпьемъ потихонечку, закусимъ потихонечку. Будемъ здоровы, Аннушка. Дай Богъ внуковъ твоихъ крестить.

— Я, Марья Андреевна, ничего про васъ худого не знаю,—какъ бы извиняясь, говорила Аннушка.—Пирожокъ съѣмъ, а пить не стану.

— Знаемъ мы васъ, тихонькихъ.

— Ничего я про васъ худого не знаю,—повторила Аннушка, взявъ пирожокъ.

— И про тебя, милочка, ничего не слыхала. Только правду, милочка, скажу, человѣка своего ты очень боишься. Очень боишься. Еще не настоящая баба ты, если въ глаза сказать. Я,—вотъ видишь меня, какая толстая, а, кажется, уже въ люлькѣ была бабой. Когда мой покойникъ жилъ—я его столечки не боя-

лась. Потихонечку и смирила. Безъ роговъ бодалась,—потому бабой настоящей была. Теперь вотъ ужъ никуда не гожусь. Куда мнѣ, бѣдной вдовѣ. Выпей же, милочка, не обижай меня, Анна.

Она уронила слезинку, покачала головой, а Аннушка слушала ее, держа пирожокъ въ рукахъ.

— Немножечко выпью,— произнесла она, опустивъ глаза,— только больше не просите.

Обѣ выпили и стали закусывать пирожками. Марья Андреевна незамѣтно наполнила рюмку Аннушки и перешла къ другому. Щеки у Аннушки послѣ выпитаго тотчасъ запылали, а комната тихо тронулась и сдѣлалась очень уютной.

— Да.—продолжала Марья Андреевна, какъ бы нечаянно чокаясь съ Аннушкой,—трудно мнѣ было молодой вдовой остаться. Вотъ какъ видишь меня, толстую, и не повѣришь, а онъ, вотъ тебѣ крестъ святой, на рукахъ меня носилъ. Такія бывали минуты... Что же ты, милочка, не пьешь? Выпила. А я не видѣла. Ну, выпей еще. Здорово молодому водку пить. Краска отъ нея на лицѣ долго держится. Да, такъ на рукахъ меня носилъ, а уже ревновалъ—и не приведи Богъ.

— Ничего я про васъ худого не слышала,— повторяла Аннушка.

— Чистый звѣрь, ну, прямо сказать, бугай. Выпей, Аннушка, духъ отъ водки выходитъ, и она крѣпость теряетъ.

Аннушка выпила и разстегнула кофту, такъ ей жарко сдѣлалось. Марьи Андреевна немедленно наполнила рюмку, пощекотала ее пальцемъ подъ мышками и продолжала хорошо разсказывать о своемъ мужѣ, и какіе мужчины ее любили прежде и какіе теперь. Аннушка и эту рюмку выпила, и сразу все какъ-то чудно стало. Показалось ей, что Марьи Андреевны нѣтъ въ комнатѣ и что разсказывать нужно ей то самое, что разсказывала Марья Андреевна. А главное, почему-то стала мучить мысль, что такое лежитъ подъ поломъ, если сорвать одну доску. Сорвать доску ей больше всего хотѣлось, и она отъ нетерпѣнія била ногами по полу и смѣялась кому-то, думая, что передъ ней не то дядюшка, не то Никита. Незамѣтно исчезъ дядюшка или Никита, и опять появилась Марья Андреевна, и было такъ, какъ будто она совсѣмъ не выходила изъ комнаты и разсказывала о Никитѣ. Но, разсказывая, загоняла ее теперь куда-то, какъ курочку передникомъ, смѣялась, а рядомъ съ ней стоялъ мужчина съ черной бородой. Но хотя и смѣшно ей было, что Марья Андреевна ее, какъ курочку, куда-то загоняетъ, а мужчина взялъ за руку, все-жъ она помнила и мучилась отъ мысли, что лежитъ подъ поломъ. И такъ нестерпимо захотѣлось узнать, что она заупрямилась, со смѣхомъ вырвалась

изъ рукъ мужчины, уперла руки въ бока и, стоя въ распущенной кофточкѣ, спрашивала:

— А что подъ поломъ у васъ дѣлается, Марья Андреевна, вотъ что мнѣ знать нужно? Мнѣ хотъ одну доску поднимите и покажите.

А Марья Андреевна разсмѣялась такъ громко, что лицо ея стало вдвое шире, и сказала:

— Вы, Алексѣй Спиридоновичъ, на кровать ее положите,—и опять начала загонять се куда-то передникомъ.

— Дали бы хоть глазкомъ посмотрѣть,—говорила Аннушка,—пошла бы. А такъ не пойду, хоть зарѣжьте.

И стала отчаянно бить ногами по полу, такъ что Марья Андреевна разсердилась и бросилась на нее. Человѣкъ съ черной бородой ловко поднялъ ее на руки и понесъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ бросилъ на большую кровать. А Аннушкѣ отъ этого сдѣлалось такъ смѣшно, что она кому-то долго смѣялась, кланялась, низко сгибаясь на кровати, а иногда вскрикивала отъ ужаса. Марья Андреевна съ презрѣніемъ посмотрѣла на нее и сказала:

— Теперь, Алексѣй Спиридоновичъ, выкладывай деньги. Вишь ты, какая красивая,—похвалила она, распустивъ у Аннушки косы. И вышла, затворивъ за собой двери...

Аннушка проснулась и долго лежала тихо, безъ движенія. Жарко ей было, тошнило, и только думала о томъ, чтобы унять тошноту.

— Никита!—позвала она.

Внезапно что-то пронеслось у нея въ головѣ, какъ молнія яркое и отчетливое до ужаса. Она живо сѣла и внимательно оглянулась. Хотѣлось ей крикнуть, но съ внезапной вѣрой, что совершаетъ хитрость, удержалась. Потомъ безшумно встала, наскоро привела платье въ порядокъ и съ ясной мыслью о томъ, что сейчасъ будетъ дѣлать, прислушалась къ громкимъ голосамъ въ сосѣдней комнатѣ, прошла на цыпочкахъ къ дверямъ и, разсчитавъ, какъ побѣжать, чтобы открыть себѣ выходъ, вдругъ нарочно съ крикомъ выскочила и очутилась въ сѣняхъ. Кто-то бросился за ней. Но было поздно. Она выбѣжала во дворъ.

— Чортъ съ ней!—раздался голосъ Марьи Андреевны.

Дверь захлопнулась за Аннушкой и сейчасъ же въ комнатѣ послышалось пьяное пѣніе многихъ голосовъ.

Аннушка безпомощно оглянулась, и ей сдѣлалось такъ страшно, что, какъ безумная, она пустилась къ себѣ. Прибѣжавъ въ комнату, все еще пьяная отъ водки и ужаса, бросилась на кровать и крѣпко уснула.

XIII.

Наступилъ вечеръ. Никита и Дьякъ-старикъ принуждены были взяться за черную работу, окончивъ выгрузку угля изъ вагоновъ, стали собираться домой. Вокругъ угольной горы, созданной за день руками, стояли поденщики, поджидавшіе приказчика, и нетерпѣливо стуча ногами отъ холода, поглядывали на конторскій домикъ, въ которомъ тотъ скрылся. У окна появилась тѣнь и легла длиннымъ шестомъ на освѣщенную полосу угольной горы.

— Идетъ, идетъ,—пронеслось въ толпѣ, и голоса прозвучали такъ радостно, будто отъ того, что сейчасъ имъ объявятъ, придти ли завтра на работу, поденщикамъ немедленно станетъ тепло, и никогда больше не придется стоять на морозѣ въ ожиданіи приказчика.

Дьякъ былъ совершенно доволенъ. Въ другіе дни, когда безработица выталкивала его изъ рядовъ портовыхъ работниковъ, онъ былъ невеселъ, и темныя мысли осаждали его. Тогда выплывала его старость, ужасало сознаніе, и всѣ немощи, которыми онъ болѣлъ, краснорѣчиво разсказывали ему, что впереди стоятъ и подстерегаютъ жизнь такія страданія и лишенія, что лучше было ему не родиться. Безпокоили и болѣли обѣ грыжи, мучилъ кашель и скверно дѣйствовали всѣ аппараты и клапаны отправленія. Въ такіе дни онъ становился похожимъ на стараго филина, глаза его дѣлались круглыми и грустно смотрѣли. Но только онъ начиналъ работать, какъ оживало лежавшее гдѣ-то близко подлѣ всѣхъ печалей чувство бодрости, и опять жизнь была хороша: молчали грыжи, не безпокоилъ кашель, и клапаны и аппараты дѣйствовали исправно.

— Нужны мы въ порту,—съ гордостью говорилъ онъ,—безъ насъ и города бы не было..

Теперь, послѣ того, какъ приказчикъ вышелъ и объявилъ, что въ составѣ поденщиковъ перемѣны не будетъ и выгрузка продолжится еще нѣсколько дней, онъ весело хлопнулъ Никиту по плечу и выговорилъ:

— Ну, молодецъ Никита, ты себѣ какъ хочешь дѣлай, а я мерзавчика уже выпью на радостяхъ.

Они вошли во дворъ.

Никита удивился, что въ окнѣ его не было свѣта.

— Аннушки дома нѣтъ, что ли?

— Скажи на милость!—поддержалъ Дьякъ тоже удивленный,—въ самомъ дѣлѣ темно въ квартирѣ.

Оба ускорили шаги встревоженные. Изъ квартиры Марьи Андреевны неслось пѣніе мужскихъ и женскихъ голосовъ. Никита

машинально прислушался къ пѣнію и вдругъ вспомнилъ вчерашній сонъ. Снилось ему, что полная дѣвушка съ веселыми глазами, угрожая длиннымъ ножомъ, загнала его въ какой-то уголъ, гдѣ было такъ мало мѣста, что и пальцу, казалось, негдѣ было помѣститься, а онъ какъ-то ухитрился влѣзть туда весь, и только осталась наружу одна шея, которую уже никакъ не могъ втиснуть. И такъ съ шеей наружу онъ стоялъ, мучился и больше всего жалѣлъ о томъ, что ему нельзя перекреститься передъ смертью... Меньше, чѣмъ въ мгновеніе, промелькнуло воспоминаніе, и какъ будто тайная связь возникла между нимъ и полной дѣвушкой. Захотѣлось подойти къ окну, взглянуть на нее и сравнить съ той, которая ему причинила такое страданіе во снѣ. А Дьякъ, чѣмъ ближе къ квартирѣ, все больше тревожился и бормоталъ:

— Что-то случилось, не спроста это.

Никита открылъ дверь, шагнулъ въ комнату и два раза окликнулъ Аннушку.

— Ты спичку зажги,—посовѣтовалъ Дьякъ.

Никита послушался и, осмотрѣвшись, увидѣлъ ее на кровати. Его это удивило, и рука, когда онъ толкнулъ Аннушку, невольно задрожала. Но Аннушка не просыпалась. Онъ опять зажегъ спичку, нагнулся къ ней близко и сейчасъ же откинулъ голову назадъ, почувствовавъ запахъ водки. Темнота закружилась у него передъ глазами. Онъ безъ мысли сталъ ее расталкивать и звонкимъ голосомъ кричалъ:

— Анка, Анка!

Но она все спала, не умѣя оторваться отъ своей печали. Тогда онъ рванулъ ее за косы, и вырванные волосы кольцомъ обвились вокругъ его пальца.

— Анка, Анка!—упрямо звалъ онъ.

И Дьякъ стоялъ рядомъ съ нимъ и старческимъ голосомъ кричалъ: «Анка, Анка».

— Зажигай-ка лампу,—бросилъ Никита Дьяку,—сейчасъ мы разбудимъ ее.

И изо всей силы, нащупавъ голову, чтобы не промахнуться, ударилъ ее въ лицо. Но ударивъ, какъ бы раскрылъ этимъ широкую дверь гнѣву, схватилъ ее за руки и сбросилъ съ кровати. Аннушка съ крикомъ поднялась и, не понявъ еще, что случилось, закрыла лицо руками.

— За что бьешь, Никита,—пробормотала она, держась за щеку.

— Говори, подлая, гдѣ напилась?—приступилъ онъ къ ней:—денегъ у тебя не было.

Онъ оторвалъ ея руки отъ лица и опять съ размаху ударилъ. Кто-то потащилъ его за руку, и онъ сердясь оглянулся.

— Что же ты, Никита, женщину бьешь,—съ укоромъ говорилъ Дьякъ, не выпуская его руки,—этакъ ее и убить не трудно.

— Не твое дѣло, Василій, слышишь ты. Честью прошу, оставь, если не хочешь, чтобы я и на тебя руку подпялъ. Коли Анка пьянствовать начала, не надо ей жить.

И опять бросился къ ней. Аннушка стояла оглушенная, опустивъ голову, и съ губъ и носа у нея текла кровь. Она все быстрѣе отрезвлялась, увѣренная, что ему уже все извѣстно, и не понимала, какъ это произошло.

— Отвѣчай, Анка, гдѣ напилась?—спрашивалъ Никита шопотомъ, и глаза у него были злые, страдальческіе,—правда мнѣ дорога.

— Не буду я больше, Никита,—робко отвѣтила Аннушка, отступая, и онъ шелъ за нею.

— Правда мнѣ дорога, Анка, правда,—повторялъ онъ, возбуждаясь ея упорствомъ.—Не скажешь. Ладно.

Онъ опять началъ бить ее, и когда Дьякъ вмѣшался, то вытолкалъ его изъ комнаты. Какъ будто человѣкъ умеръ въ немъ и остался звѣрь, неумолимый, свирѣпый. И онъ шелъ за ней, билъ ее и требовалъ:

— Правда мнѣ дорога, Анка, правду скажи!

Онъ и самъ не зналъ, почему спрашивалъ правду. Онъ чувствовалъ, что случилось большое несчастье, и своими дѣйствіями какъ будто подкрадывался къ правдѣ. Когда она упала, наконецъ, свалившись отъ его ударовъ, то видъ ея скорченной фигуры вызвалъ въ его воображеніи что-то такое отвратительное, что, не помня себя, онъ сталъ топтать ее ногами. Потомъ на ея отчаянный вопль поднялъ за волосы и опять спросилъ:

— Гдѣ напилась? Скажешь, каторжная?

Отъ крика и страха Аннушка потеряла голосъ и шопотомъ отвѣтила:

— У Марьи Андреевны.

— У кого?—переспросилъ Никита.

— У Марьи Андреевны. Только не бей меня, Никита,—замолила она.—Ради Бога уже прости.

— У Марьи Андреевны? Какъ ты къ ней попала?—изумился онъ, совсѣмъ не ожидая этого отвѣта и выпуская ее изъ рукъ.

У него задрожали ноги отъ новаго волненія, и онъ осторожно присѣлъ на полу подлѣ нея и взялъ ее за горло.

— Теперь разсказывай все, какъ было,—спокойно произнесъ онъ,—потому живой уже не выпущу.

И Аннушка, испуганная его звѣриной силой, его звѣринымъ голосомъ и не выпускавшимъ ее на мигъ звѣринымъ взглядомъ, шопотомъ разсказала правду. Никита сидѣлъ съ окоченѣвшимъ лицомъ и какъ будто ничего не слышалъ. Она разсказывала, какъ

начала пить, чтобы забыться отъ тоски, о ребенкѣ, о больницѣ, о немъ, и онъ не прерывалъ ее и только шумно дышалъ. Потомъ она вспомнила, какъ хорошо было, когда онъ ее еще любилъ, и онъ закрылъ лицо отъ страданія и отъ нежеланія видѣть ея слезы и окровавленнаго лица съ подбитыми глазами, и опять слушалъ. слушалъ...

«Поютъ тамъ», пронеслось у него вмѣстѣ съ мыслью о снѣ, и внезапно, какъ подброшенный вскочилъ, плюнулъ, гаркнулъ, какъ раненый звѣрь и побѣжалъ къ Марьѣ Андреевнѣ. Сила прибывала къ нему съ каждымъ мгновеніемъ. Она переполняла его, билась въ вискахъ, въ сердцѣ, въ рукахъ, и если бы не было, на что немедленно истратить ее, онъ бы умеръ отъ напряженія. Какъ въ чудномъ снѣ, слышался ему топотъ бѣжавшихъ ногъ, крики толпы, и хотя ничего не стояло на его дорогѣ, ему казалось, что онъ преодолѣваетъ огромныя пропятствія, чтобы подвигаться. У дверей Марьи Андреевны—тамъ все еще пѣли—онъ на мигъ помедлилъ, почему-то удивившись, что дверь закрыта, но сейчасъ же ударомъ ноги, чувствуя отвращеніе притронуться къ ней руками, открылъ ее и влетѣлъ въ комнату. При видѣ компаніи онъ страшно обрадовался и, разстегнувъ воротъ рубахи, свѣтлымъ голосомъ гаркнулъ:

— Здравствуй, разбойница, подарочекъ принесъ я тебѣ!..

Онъ поднялъ оба кулака и сдѣлалъ движеніе, будто бросилъ ихъ ей. Марья Андреевна встала, что-то хотѣла сказать, но Никита не подождавъ, чтобы разслушать ея слова, какъ коса врѣзался въ кучу людей, опрокинулъ столъ и началъ наносить удары.

— Вотъ ты какимъ дѣломъ занимаешься!—раздавался его голосъ среди поднявшагося шума:—на каторгу не пойдешь. Сейчасъ я изъ тебя духъ вышибу.

Пѣвшая компанія опомнилась, и тогда Никита съ ними образовалъ живую массу, которая вертѣлась, кричала, вздыхала, ломая все, что было въ комнатѣ. Удары падали звонко, какъ пощечины, и нельзя было разобрать, кто кого бьетъ.

— Уничтожу твое гнѣздо,—раздавался теперь его надорванный голосъ, и опять слышалось тяжелое дыханіе, ругань, визгъ Марьи Андреевны, которую ему-таки удалось схватить за волосы.

Иногда удавалось схватить его за руки, но онъ, какъ мысль быстрый, хитро и ловко вырывался вдругъ и опять безпощадно билъ, ставшій самъ какъ бы изъ желѣза, не чувствуя ударовъ, которые падали на него сзади и спереди. Но въ комнатѣ ему показалось тѣсно и захотѣлось простора. Тогда онъ схватилъ ближайшихъ двухъ за волосы и, не обращая вниманія на крики и удары поволокъ ихъ во дворъ, гдѣ стукнулъ лбами и бросилъ. Здѣсь въ разорванной рубахѣ, на просторѣ и холодѣ, онъ вздох-

нулъ свободно и, ругнувшись крѣпкимъ словомъ, съ новой силой кинулся на враговъ. Но это была послѣдняя вспышка энергіи. Въ темнотѣ они его быстро окружили со всѣхъ сторонъ и набросились, какъ свора на кабана. Теперь онъ слабо отбивалъ удары и, чувствуя уже, какъ у него темнѣетъ въ глазахъ, все еще махалъ руками, сила которыхъ выдохлась и отъ усилій и отъ боли въ нихъ. Еще одинъ ударъ по головѣ—и онъ свалился съ ногъ. Наступило торжество враговъ... Его топтали ногами, издѣвались, плевали въ него и лишь тогда оставили, когда вмѣшалась наблюдавшая толпа.

Дьякъ все это время, какъ согнанная съ насѣдки курица, бѣгалъ въ толпѣ, вздыхалъ, просилъ о помощи, и когда наступила суматоха, кликнулъ сосѣда и перенесъ Никиту въ комнату. Аннушка съ опухшимъ лицомъ и подбитыми глазами держалась подлѣ него и плакала навзрыдъ.

— Осрамила ты меня, Анка,—сурово произнесъ Дьякъ, когда они остались одни.—Старость мою не пожалѣла.

Но она не отзывалась и все рыдала, думая, что уже испила самую горькую чашу своей жизни, и была безутѣшна, не подозрѣвая, что истинная каторжная жизнь ея только начинается, и теперь только нужно набраться многихъ силъ, чтобы, не покончивъ насильно съ собой, перенести все ожидавшее ее на протяженіи многихъ лѣтъ.

А Никита лежалъ неподвижно и лишь поздно ночью пришелъ въ себя.

— Что, Никита?—спросилъ Дьякъ.

— Душая моя болитъ, Василій,—тихо прошепталъ онъ.

Аннушка не смѣла подойти къ нему и стояла поодаль, безъ словъ умоляя о прощеніи.

Онъ взглянулъ на нее, не выдержалъ этого образа и грустно произнесъ:

— Уйди!..

Она тихо заплакала, и было до слезъ больно Дьяку смотрѣть на эту женщину, чуть не дѣвушку, уже такую несчастную.

«Трудно человѣку въ жизни,—думалъ онъ, съ любовью и жалостью оглядывая ее,—а жизнь-то какая длинная».

— Простилъ бы ты ее, Никита,—попросилъ онъ.

Никита сдѣлалъ усиліе и молча повернулся къ стѣнѣ Весь гнѣвъ его прошелъ, но въ душѣ камнемъ лежало отчаяніе, и оно было невыносимѣе муки, которую онъ уже пережилъ. Когда онъ кричалъ, бѣсился, наносилъ удары, была еще иллюзія жизни. Казалось, на пути его стала большая преграда, и эту преграду нужно было устранить. Казалось, что борьбой, усиліемъ, острую боль можно будетъ сдвинуть съ мѣста, поставить дальше. Теперь онъ

лежалъ побѣжденный, и ужасъ передъ жизнью, какъ было послѣ смерти Ѳедора, надвигался неумолимо. Лишь одинъ мигъ когда онъ взглянулъ на избитую, изуродованную Аннушку, еще вспомнилось прошлое. Вспомнилось человѣческое земное чувство, встали изъ мертвыхъ, тронулись и прошли мимо славные дни и, какъ страницы изъ книги, разсказали краснорѣчиво и грустно о надеждахъ, объ Аннушкѣ. И сейчасъ же еще неумолимѣе придвинулся ужасъ. Овъ не винилъ и Аннушку и самому несчастью едва удивлялся. Тяжелая жизнь бьетъ со всѣхъ сторонъ, и странной и чудной показалась ему прежняя вѣра въ то, что онъ и Аннушка могли уцѣлѣть...

— Никита,—раздался голосъ Дьяка.

Никита испуганно повернулъ голову. Дьякъ сидѣлъ на кровати и махалъ ему рукою. Аннушка все стояла у дверей, не то въ ожиданіи, не то въ оцѣпенѣніи.

— Простилъ бы ты ее,—опять попросилъ онъ, указывая на Аннушку.

Никита взглянулъ на нее и словно лишь теперь понялъ все несчастье и свое безсиліе измѣнить его, всплеснулъ руками и повалился на кровать. Огромное, непостижимо прекрасное залило свѣтомъ его сознаніе. Гдѣ-то далеко на бѣлой полосѣ, какъ во снѣ истинная, бѣжала Елизавета съ ножомъ въ рукахъ, кивала головой, улыбалась и манила его, указывая куда-то. Никита задержалъ крикъ, внезапно догадавшись, что прошлою ночью ее именно онъ принималъ за полную дѣвушку съ веселыми глазами и радостно кивнулъ ей головой. За ней также торопясь и указывая куда-то, бодро шелъ Данило. Прошло мгновеніе. Никита ждалъ. Вдругъ не спѣша и спокойно, какъ бы повернули изъ-за угла, показались Ѳедоръ съ Панкратьевымъ.

— Пойдемъ съ нами,—сказалъ Ѳедоръ,—пойдемъ...

Кто-то толкнулъ его. Передъ нимъ стоялъ Дьякъ и сурово глядѣлъ на него.

— Уходи отъ насъ, Никита!—произнесъ онъ.

Раздался плачъ Аннушки

— Уходи отъ насъ, уходи,—сердито повторялъ Дьякъ, махая руками,—не нашъ ты.

— Никита, голубчикъ!—крикнула Аннушка, бросаясь къ нему.

— Ступай, Анка, на свое мѣсто,—твердо выговорилъ Дьякъ.—Кого просишь? Не твой это мужъ. Чужимъ залетѣлъ онъ къ намъ, чужой пусть и уходитъ. И когда онъ уйдетъ отъ насъ, мы заживемъ по старому. Легко заживемъ. Уходи отъ насъ, Никита.

— Куда я пойду?—угрюмо спросилъ онъ, прислушиваясь къ рыданіямъ Аннушки.

— Куда ноги понесутъ, но изъ порта уходи. Не ко двору ты

здѣсь пришелся. Мы поденщики, пьяницы, и другой жизни намъ и даромъ не нужно. Ты орелъ—и самъ замучился и всѣхъ замучилъ. Уходи отсюда, и опять мы станемъ жить спокойно. Анну́шку прощу—ты не простишь, и какъ скверный сонъ она вспомнитъ этотъ годъ жизни съ тобой.

— Куда я пойду?—упрямо спрашивалъ Никита.—Куда мнѣ пойти?

— Найдешь дорогу. Надѣнь шапку, перекрестись на четыре стороны и ступай съ Богомъ. Ходи, ищи, по́куда свое мѣсто не найдешь. Велика Россія, и всѣмъ мѣсто есть въ не́й, слабымъ и сильнымъ. А мы привыкнемъ безъ тебя. Любили и еще любимъ, но будемъ работать, мучиться и забудемъ тебя. Уходи отъ насъ, Никита.

Аннушка взглянула на Никиту и, понявъ по его лицу, что уже все погибло, только чтобы унять боль, зарыдала и замолила:

— Никита, голубчикъ мой, родной...

Темнѣло уже, когда Никита съ котомкой на плечахъ, взобравшись на пригорокъ, увидѣлъ городъ, который покидалъ. Сжатый тѣнями безъ контуровъ по краямъ, онъ казался совсѣмъ маленькимъ, невиннымъ, и сѣрыя колонны церквей, съ вонзившимися въ небо крестами, мирно царили надъ нимъ.

Никита задумчиво смотрѣлъ на каменныя стѣны, отдѣлявшія его отъ мѣста, гдѣ онъ столько пережилъ, и посылалъ послѣдніе поклоны всѣмъ, кого оставилъ живыми, кого мертвыми...

«Въ людяхъ сила,—думалось ему,—она побѣдитъ».

Сгущались тѣни. Сверкнулъ огонекъ, круглый и мигающій, сверкнулъ другой, и вдругъ весь городъ, точно тайно готовился къ большому празднику, освѣтился со всѣхъ сторонъ. Тяжелые куполы Аѳонскаго подворья на мигъ еще выше поднялись и утонули въ темномъ воздухѣ ночи. Никита надѣлъ шапку и повернулся къ городу спиной. Угрюмо встрѣтила его черная степь. Направо лежали поселки съ заводами и фабриками, и отсюда сверху заревомъ пожара сверкнулъ огонь въ ихъ гигантскихъ печахъ. Немного дальше мигала фонарная искра летѣвшаго по́ѣзда, и, какъ глазъ, искала пути въ темнотѣ.

Никита медленно спустился внизъ и повернулъ къ поселкамъ.

«Тамъ люди,—думалъ онъ, глядя на пляску тѣней подлѣ печей.—Въ людяхъ сила».

Онъ ускорилъ шаги, бодрый и увѣренный, и исчезъ въ темнотѣ...

Семенъ Юшкевичъ.

Конецъ.

СНѢГЪ.

(Жоржъ Роденбахъ „La regne de silence“)

О, снѣгъ! О, чистый снѣгъ, братъ ласковый молчанья
Какъ сонъ, застѣнчивый, воздушный и нѣмой!
Твой мягкій, бѣлый плащъ, какъ тишины дыханье,
Ложится въ сумракѣ, мерцая бѣлизной.
О, милый, милый снѣгъ! Всѣ очертанья, краски,
Всѣ шумы рѣзкіе—ты намъ смягчаешь ихъ;
И умираешь самъ, съ задумчивостью ласки,
Тамъ, въ сѣрой дымкѣ крышъ и улицъ городскихъ.
Загадочная смерть! Увы, такой напрасно
Мы для себя хотимъ: беззвучна и легка,
Она таинственна, безгрѣшна и прекрасна!
Роняютъ нѣжный пухъ—и гибнутъ облака.
И нѣтъ, нѣтъ ничего! Завѣса тучъ безплодныхъ—
На хлопья бѣлые разсыпалась она;
И бѣлыхъ звѣздочекъ, уснувшихъ и холодныхъ,
Теперь, какъ кладбище, душа моя полна.

Ив. Тхоржевскій.

ПОЛУЖИВОТНОЕ.

Романъ Елены Белау.

Переводъ съ нѣмецкаго **М. Н. Данилевской.**

(*Окончаніе* *).

X.

Въ этотъ день Изольда вернулась домой изъ Ludwigshöhe поздно вечеромъ, съ послѣднимъ поѣздомъ; она была въ совсѣмъ особенномъ настроеніи. Сегодня она прослушала часть произведенія своего друга.

Это не была работа современнаго человѣка. Такъ работалъ, вѣроятно, Ангелусъ Силезіусъ. Это было какое-то откровеніе, снизошедшее на того, кто умѣлъ творить, какъ сама природа: безъ тщеславія, безъ честолюбія, безъ торопливости. Онъ выливалъ то, что ему удавалось познать, въ форму, составлявшую одно цѣлое съ содержаніемъ, а послѣднее заключало въ себѣ цѣлый міръ идей.

Какъ хорошо было у нихъ, на островѣ святыхъ! Какъ уютно провели они время. Пока онъ читалъ, Лу держала руку своего мужа, преисполненная трогательной, неземной любовью къ нему. Потомъ она тихо подошла къ Изольдѣ и прижала ея голову къ своей груди.

Какъ прекрасна была эта женщина въ атмосферѣ своей великой любви. Каждое ея движеніе говорило о сладостной, глубокой нѣжности; каждое слово дышало блаженствомъ и миромъ. Изольда вспомнила слова м-съ Вендландъ: «Когда я думаю объ Лу, мнѣ кажется, она пригвождена ко кресту, осыпанному тысячами розъ; своего рода, благоухающая розами, Голгоѳа». Изольдѣ всегда казалось, что хозяйство у нихъ въ Ludwigshöhe ведется какимъ-то большимъ ребенкомъ. Вотъ и сегодня они провели нѣсколько часовъ, забывъ обо всемъ окружающемъ, такъ, какъ лучше и чище нельзя провести время на землѣ. Будда Изольды смотрѣлъ на нее, точно проливая въ комнатѣ свѣтъ. Вошла фрау Лу съ блюдомъ битыхъ сливокъ и кувшиномъ какао. Въ моменты величайшей радости или горя у нихъ всегда подавались битыя сливки и какао. У фрау Лу была вообще совсѣмъ особенная наивная манера жить. Съ мужемъ она обращалась какъ-то

---

*) См. „Міръ Божій“, № 11, ноябрь, 1903 г.

по матерински; во всякомъ случаѣ для нея это была самая удобная форма изліянія на него своей лучистой теплоты. И онъ всегда обращался къ ней, какъ къ матери.

Часто она бросала работу только для того, чтобы подойти къ нему и спросить:

— Ты меня въ самомъ дѣлѣ любишь? Да? Все хорошо?

— Да, да, все хорошо,—отвѣчалъ онъ.

— Прости,—она не рѣшалась продолжать.—Я еще объ одномъ хотѣла тебя спросить. Какъ ты себя чувствуешь послѣ ванны? Какъ послѣ прогулки, обновленнымъ, да? Ты долженъ бы всегда говорить мнѣ объ этомъ; тогда я дѣлаюсь какъ-то счастливѣе.

Такъ она и жила, вѣчно мечтая о солнцѣ, о беззаботности.

Изольда возвращалась отъ своихъ друзей съ размягченнымъ сердцемъ, исполненная добра.

Да и вечеръ былъ такой теплый, душистый. По небу ползли тяжелыя боязливыя облака, и загорались звѣзды; слышался шелестъ молодой листвы.

Домой съ вокзала она ѣхала въ открытомъ экипажѣ.

Мать уже спала, отца не было дома. Изольда облегченно вздохнула. Съ тѣхъ поръ, какъ миновали заботы, мать была вѣчно больна и часто впадала въ плаксивое, унылое настроеніе. Изольдѣ приходилось съ ней не легко. Душа у матери сдѣлалась какая-то неподвижная, усталая, свинцовою тяжестью ложившаяся на молодыя силы. Отецъ велъ прежній образъ жизни, только уже въ нѣсколько иномъ стилѣ. Онъ чувствовалъ себя, какъ дома, и въ Берлинѣ, и въ Мюнхенѣ и вообще широко пользовался измѣненіемъ матеріальнаго положенія своей жены.

У нея же у самой точно исчезла самая способность наслаждаться жизнью и даже пропалъ хорошій аппетитъ. Она почти всегда была больна и соблюдала строгую діэту. Перемѣну въ своей судьбѣ она встрѣтила съ растраченными силами и притупленными чувствами; она напоминала теперь того человѣка въ сказкѣ, на голову котораго падаетъ кисельный дождь, а между тѣмъ у него нѣтъ даже ложки. И это, хотя и безсознательно, но было причиной глубокаго, коренившагося въ ней внутренняго разлада.

Изольда прошла прямо въ свою тихую, наполненную теплымъ майскимъ ароматомъ комнату. Влажный ночной вѣтеръ доносилъ со стороны англійскаго парка цѣлыя облака свѣжаго дыханія листвы. Изольда закинула руки за голову. Какъ глубоко чувствовала она сегодня, что наступила весна! Это было блаженное ощущеніе, полное грустной и мягкой тоски. Тоски по любви, по нѣжнымъ объятіямъ, по сліянію во едино съ другимъ человѣкомъ. Она начинала мечтать о глубокой, горячей любви!

Трудящаяся женщина безъ любви.

О нѣтъ! Она усмѣхнулась. Нѣтъ, она хочетъ жить полной до краевъ жизнью. Она взглянула на свое отраженіе въ зеркалѣ. Какое утѣшеніе, какое спокойствіе дало ей сознаніе, что она прекрасна? Теперь долженъ явится тотъ, который полюбитъ ее, котораго полюбитъ она. Она готова принять его. Она твердо стоитъ на томъ, чего хочетъ; никакія силы не сдвинутъ ее съ мѣста. Теперь она можетъ любить! Какъ она еще молода! Тою молодостью, которая тяжестью ложится на все существо, точно медъ, подъ тяжестью котораго пчела тяжело вылетаетъ изъ чашечки цвѣтка. Сколько могущества и воли таится въ ней! А эти божественные часы самостоятельности! А всѣ тѣ ощущенія, погрузившись въ которыя, словно въ море, ея душа выходитъ сильная и счастливая.

Все въ ней ликовало!

Руки она все еще продолжала держать закинутыми за голову.

Да, теперь настала пора придти ему, тому, кого она полюбитъ,— да, теперь! Жизнь ея должна стать полной и прекрасной. И вдругъ она вспомнила, какъ тогда еще ребенкомъ, она, стоя передъ рисунками Менгерсена, вдругъ постигла тайну любви; какъ она тогда бѣжала домой: ея молодое сердце было готово разорваться, преисполненное чувствомъ: нѣтъ ничего въ мірѣ выше, какъ быть женщиной, жертвовать собой!

— Да, да,—тихо прошептала Изольда,—жертвовать собой, но иначе. Жертва должна быть выше, человѣчнѣе, прекраснѣе, сознательнѣе.

Вдругъ она увидала на столѣ письмо, котораго не замѣтила сначала. Она взяла его, взглянула на конвертъ. Ее охватило какое-то жуткое, странное чувство.

Эти темные весенніе вечера всегда такъ ее возбуждали!

Женскій почеркъ—красивый, но безхарактерный; чернила—блѣдно-коричневыя, очевидно разбавленныя водой.

— Просьба о помощи,—произнесла она и разорвала конвертъ.

«Милая, глубокоуважаемая фрейленъ!» прочитала она.

«Простите неизвѣстной, осмѣливающейся обратиться къ вамъ. Такія важныя барышни, какъ вы, живутъ совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ чѣмъ мы, а потому мое письмо васъ, вѣроятно, удивитъ. Не оставьте безъ вниманія моей просьбы, прошу васъ. Я совсѣмъ одинока и еще разъ сердечно прошу васъ, дорогая фрейленъ, не подумайте обо мнѣ дурно. Я—бѣдная дѣвушка. Мнѣ всегда жилось плохо и трудно. До сихъ поръ я служила въ магазинѣ продавщицей и кассиршей; мнѣ случалось васъ видѣть изрѣдка, когда вы заходили въ нашъ магазинъ. Я беременна. У меня нѣтъ ни гроша, а родовъ надо ожидать съ часу на часъ. Повѣрьте, только величайшая нужда и страхъ заставили меня обратиться къ вамъ. Акушерка, у которой я живу вотъ уже нѣсколько дней, не хочетъ меня больше держать у себя, такъ

какъ у меня нѣтъ никакихъ средствъ. Она хочетъ отправить меня въ родильный домъ на Зоненштрассе.

«Милосердный Боже! Сжальтесь надо мной! Я дрожу при мысли объ этомъ. Я—дочь честныхъ людей. Мои родители умерли. Спасите меня, милая, добрая фрейленъ, дайте мнѣ возможность избѣжать этого. Я умру отъ стыда. Сдѣлайте что нибудь для меня! Отецъ моего ребенка не хочетъ больше ничего знать обо мнѣ. Онъ взялъ другую. Какъ можетъ онъ допустить, чтобы я должна была идти туда и лежать тамъ передъ всѣми со своимъ позоромъ. Акушерка говоритъ, что только голову закрываютъ при этомъ! Но вѣдь это же и его ребенокъ, онъ вѣдь когда-то любилъ меня.

«Милая, добрая фрейленъ, сдѣлайте что нибудь для меня! Молю васъ, не отвергайте моей просьбы. Богъ воздастъ Вамъ за это».

Далѣе слѣдовалъ адресъ акушерки и приписка: «Спросите бѣлокурую дѣвушку изъ Ауззе».

Отъ письма вѣяло чѣмъ-то жуткимъ и тяжелымъ. Точно двѣ жалкія, дрожащія руки цѣплялись за Изольду, таща ее къ дверямъ:—

«Иди—иди—ахъ, иди же!»

Она была уже не одна въ комнатѣ, которая вся точно наполнилась тѣмъ, чѣмъ дышало письмо, что воплощалось во что-то жалкое, безпомощное, молящее о помощи. Изольда послушалась этого голоса. Очутившись въ передней, она на ходу накинула легкое пальто, надѣла шляпу. Надъ ея головой зашептали верхушки высокихъ тополей Леопольдштрассе. Она еще разъ оглянулась и увидѣла свѣтъ въ окнѣ брата. По какой-то странной случайности онъ былъ уже дома. Окно было открыто настежь. Онъ слышалъ, какъ хлопнула входная дверь, подошелъ къ окну и, должно быть, замѣтилъ ее, такъ какъ высунулся, посмотрѣлъ ей вслѣдъ и окликнулъ съ особеннымъ оттѣнкомъ въ голосѣ, который заставилъ Изольду усмѣхнуться. Она ускорила шаги, боясь, чтобы ему не вздумалось пойти слѣдомъ за ней. На Одеонсплацъ она взяла извозчика и поѣхала; лошадь бѣжала медленною рысью по тихимъ, пустыннымъ улицамъ. Сердце ея летѣло навстрѣчу чужому горю. Около одного изъ домовъ Бутермельхерштрассе она приказала остановиться. На немъ былъ вывѣшенъ красный фонарь съ надписью: «Акушерка».

На звонокъ Изольды открылась дверь, и на порогѣ показалась полная женщина въ истрепанномъ утреннемъ капотѣ, съ керосиновой лампой въ рукахъ. Изольда спросила про дѣвушку. Глаза женщины впились въ нее, точно она хотѣла установить, какая можетъ быть связь между этой барышней и бѣдной приказчицей.

— Она здѣсь больше не живетъ?—разочарованно спросила Изольда.

— Сегодня я отвезла ее на Зоненштрассе. Ей тамъ хорошо, лучше чѣмъ у меня. Намъ, видите-ли, часто приходится дѣлать больше, чѣмъ

мы въ состояніи. Такія дѣвушки, какъ она,—сбереженій не дѣлаютъ и вдругъ попадаются въ бѣду. Тутъ ужъ акушерка изволь ихъ выручать. Тѣ-же, кого это ближе всѣхъ касается, всегда во-время улизнутъ. Простите, но знаете, мы тоже не для того существуемъ, чтобы все выносить на своихъ плечахъ. Родильный домъ на Зоненштрассе для такихъ-то и устроенъ. Для кого же больше, если не для нихъ!

Женщина, повидимому, собралась начать распространяться о несчастной дѣвушкѣ.

— Я плачу за все,—сказала Изольда.—Перевезите ее опять къ себѣ. Садитесь на моего извозчика. Поѣзжайте сейчасъ-же!

Изольдѣ снова показалось, что какія то жалкія руки уцѣпились за нее и тащутъ куда-то.

— Вамъ бы слѣдовало пріѣхать нѣсколькими часами раньше. Теперь ужъ не думаю—не знаю...

— Я плачу за все,—повторила Изольда.—Меня зовутъ Изольда Фрей.

Женщина удивилась.

— Позвольте... Фрей? Я не ошиблась?

— Да, Фрей. Леопольдштрассе...

Женщина остолбенѣла; затѣмъ она закрыла дверь, которая все еще была наполовину отворена, поставила лампу рядомъ съ собой на полъ и сказала:

— Васъ, значитъ, послалъ братъ?

— Мой братъ?—переспросила Изольда, ничего не понимая.

— Господинъ студентъ Карлъ Фрей?—снова повторила женщина.

— Да, это мой братъ.

— Такъ вѣдь онъ и есть отецъ ребенка этой дѣвушки. Насколько я ее знаю, она всегда была вполнѣ порядочная дѣвушка. Но онъ этого, должно быть, не понялъ. Охъ, ужъ эти молодые господа—прямо крестъ для дѣвушекъ.

Изольда совсѣмъ растерялась.

— Я поѣду къ ней, я привезу ее!—рѣзко сказала она.—Поѣзжайте слѣдомъ за мной.

Она сунула въ руки акушерки десять марокъ.

— За все будетъ заплачено.

Пока Изольда дрожащей рукой искала у чугунной рѣшетки краснаго дома на Зоненштрассе кнопку звонка, сердце ея билось до боли. Она была какъ въ лихорадкѣ.

— Не можетъ быть!—безсознательно повторяла она про себя.—Не можетъ быть, не можетъ быть!

Въ ней поднимался ужасъ передъ братомъ. Она вспоминала его свѣтлые волосы, веселое лицо, постоянную улыбку, выраженіе довольства на этомъ лицѣ, надменность, сквозившую въ каждомъ словѣ,

снисходительную вѣжливость въ отношеніи къ матери и къ ней! И ничего не было замѣтно на этомъ широкомъ, кругломъ лицѣ. Эти дни онъ выглядѣлъ такимъ же довольнымъ, повторялъ тѣ же глупыя шуточки, словомъ жилъ привычной жизнью! А между тѣмъ, его неуклюжіе кулаки только что оттолкнули отъ себя ея бѣдное сердце, его неуклюжія ноги попрали существо, отдавшееся ему по любви! Когда дверь наконецъ открыли, Изольда не сразу смогла заговорить. Она узнала, что было уже «слишкомъ поздно».

— Теперь ей ужъ придется остаться здѣсь.

Изольда стояла, не зная, что предпринять. Дверь затворили.

Она отпустила извозчика. Ей хотѣлось идти домой пѣшкомъ. Ей необходимо было движеніе. Тамъ, въ этомъ домѣ долженъ родиться ребенокъ ея брата; его мать—несчастная, брошенная дѣвушка. Она должна перенести всѣ ужасы, потому что она бѣдна; за оказываемую ей помощь она заплатитъ своимъ единственнымъ достояніемъ—стыдомъ.

Ея страданія, ея смертельныя муки послужатъ объектомъ холодныхъ наблюденій—быть можетъ, насмѣшекъ. Какое одиночество!

И это ея братъ причинилъ той, которую онъ любилъ! Той, которая теперь рождаетъ ему ребенка! Что-то застыло въ душѣ Изольды. Въ вискахъ стучало отъ возмущенія. Она не шла, а летѣла.

Довольно только одинъ разъ взглянуть на то, что люди называютъ «жизнью», чтобы почувствовать отвращеніе. Этотъ міръ годится для звѣрей, для дикихъ звѣрей, пожирающихъ другъ друга и еще наивно спрашивающихъ: «Откуда явилось къ намъ зло?»

Изольда вспомнила о своемъ другѣ, положившемъ всѣ силы на то, чтобы просвѣтить этихъ тупыхъ людей, открыть имъ чудесную тайну того, откуда въ этотъ міръ, гдѣ всѣ пожираютъ другъ друга, явилось добро.

Изольда провела безсонную ночь. Утромъ ее позвали къ матери, которая снова чувствовала себя нездоровой. Изольдѣ пришлось утѣшать и ободрять фрау Фрей, которая часто страдала нервными замираніями сердца; въ такихъ случаяхъ она всегда ужасно боялась за свою жизнь.

— Посмотри, Изольда, какой у меня опять слабый пульсъ.

— Самый обыкновенной, мама; я не знаю, чего-же ты хочешь?

— Развѣ?—съ облегченіемъ спросила мать.—А мнѣ казалось, что онъ совсѣмъ останавливается. Сдѣлай мнѣ пожалуйста массажъ въ области сердца. Возьми только мази на руку. И руки потри; у меня дрожатъ даже кончики пальцевъ. Ахъ! Ахъ!—И она застонала.

Изольда дѣлала массажъ и утѣшала ее.

— Ахъ этотъ страхъ, Изольда! Этого ты не можешь себѣ даже представить. Теперь иди, только дай мнѣ сначала порошокъ брама!

— Да вѣдь ты знаешь, брама больше нѣтъ.

— Тогда пошли поскорѣе въ аптеку, чтобы приготовили; но только поскорѣе.

Изольда вышла, чтобы отдать рецептъ одной изъ дѣвушекъ. Еще издали она услышала голосъ брата, распекавшаго кого-то въ столовой. Служившая у стола горничная показалась въ дверяхъ.

— Ветчина для молодого барина куплена не у Дальмейера,—сказала она.

Дверь снова отворилась и на порогѣ показался Карлъ. Онъ слышалъ голосъ Изольды.

— Хотѣлъ-бы я знать,—закричалъ онъ,—сколько еще разъ я долженъ повторять, что другой ветчины я не ѣмъ. А съ тобой, Изольда, также ничего-бы не случилось, если-бы ты получше присматривала за прислугой.

Изольда глядѣла на брата, какъ на какое-то непонятное явленіе. Онъ уже собирался закрыть двери.

— Кстати, гдѣ ты была вчера вечеромъ?—грубо спросилъ онъ.

Изольда повернулась къ нему спиной. Карлъ съ шумомъ захлопнулъ дверь.

Когда наконецъ Изольда, освободившись отъ всего, что, какъ нарочно, задерживало ее въ это утро, была готова отправиться туда, куда тащили ее тѣ невидимыя руки, до слуха ея донесся смѣхъ и болтовня брата и отца. Послѣ утренняго чая они имѣли обыкновеніе проводить время въ столовой за сигарой и чтеніемъ газетъ. Изольду испугалъ звукъ мужественнаго, беззаботнаго голоса брата: въ немъ слышалось такое довольство собой.

Этотъ голосъ преслѣдовалъ ее еще на улицѣ, подгоняя точно ударами кнута.

Она снова стояла передъ большимъ краснымъ домомъ и снова въ страшномъ волненіи нажимала кнопку звонка.

Она спросила о дѣвушкѣ; въ отвѣтъ она услышала что-то такое, отъ чего вся кровь у нея отхлынула къ сердцу, а въ глазахъ потемнѣло. Дѣвушку снесли въ анатомическій театръ.

— Какъ?—не понимая, спросила Изольда.—Я хочу ее видѣть,—добавила она.

— Сегодня вы еще можете ее видѣть,—сказала, отворившая ей дверь, женщина.—Но я бы вамъ не совѣтовала.

Въ ожиданіи пока ее введутъ въ залъ, Изольда стояла въ пустомъ, широкомъ корридорѣ, какіе бываютъ только въ казенныхъ учрежденіяхъ. Самая зала была огромная, пустая комната съ цѣлымъ рядомъ оконъ, нижнія половины которыхъ были замазаны бѣлой масляной краской. Стѣны сѣро-бѣлаго цвѣта, длинные сѣрые столы, сѣрый каменный полъ, а тамъ, вокругъ одного стола толпились люди.

На немъ, обнаженная передъ ихъ холодными взорами лежала жена

ея брата. Рядомъ съ матерью покоился ребенокъ, точно увядшій цвѣтокъ, безформенный и поникшій. Изольда прижалась къ сѣрой стѣнѣ и уставилась на группу молодыхъ людей въ бѣлыхъ халатахъ и на это вытянувшееся, настрадавшееся тѣло.

Блѣдное застывшее лицо съ сомкнутыми глазами и обрамленный бѣлокурыми волосами лобъ были, казалось, погружены въ глубокій, чистый сонъ; вокругъ посинѣвшихъ губъ легла страдальческая, неподвижная черта. Эта черта приковала къ себѣ взглядъ Изольды. Письмо несчастной дѣвушки еще шуршало у нея въ карманѣ. Она схватилась за него и крѣпко сжала въ рукѣ, какъ важный документъ.

По груди и животу мертвой женщины провели ножомъ; онъ оставилъ за собой кровавый слѣдъ. Тихое, чистое лицо, съ тяжелыми застывшими вѣками, оставалось безучастно, полное какого-то трогательнаго равнодушія, стоявшаго выше всего этого ужаса, этого кроваваго ужаса.

Вдругъ слухъ Изольды уловилъ смѣхъ, отвратительную шутку. Этотъ смѣхъ проникъ ей въ душу; эта шутка застыла въ ея мозгу: сколько въ ней было презрѣнія къ женщинѣ. Она была вызвана видомъ этого истерзаннаго, измученнаго существа. А между тѣмъ, это до смерти истерзанное тѣло было живою проповѣдью на тему о страданіи, о приносимыхъ женщиной жертвахъ.

Люди въ бѣлыхъ халатахъ чувствовали въ себѣ избытокъ силъ и молодости. На столѣ передъ ними лежало воплощеніе страданія женщины; но тихое лицо, побѣдившее своимъ величіемъ міръ и страданіе, что же оно значило? О чемъ оно говорило?

«О ты, величіе страданія, величіе смерти,—думала Изольда,—насколько ты стоишь выше всего!»

Кажется, если бы не это спокойное лицо, она умерла бы отъ отвращенія и ужаса.

Это истерзанное, обнаженное тѣло принадлежало женщинѣ, которой можно безъ стѣсненія предложить. что угодно, которая еще никогда не становилась на высоту человѣческаго достоинства.

Какое-то фанатическое ликованіе охватило Изольду при мысли, что и она также принадлежитъ къ нимъ, къ этимъ униженнымъ.

Эти насмѣшки касаются и ее! Она раздѣляетъ участь этого тѣла.

Среди грубыхъ живыхъ лицъ тихое, нетронутое лицо, съ ужасной, застывшей чертой вокругъ рта, сіяло, точно свѣточъ. Въ немъ, въ этомъ мертвомъ лицѣ было что-то побѣдное. И это же побѣдное Изольда чувствовала и въ себѣ.

Она прижала руки къ груди и стояла, словно тѣнь, погрузившись въ себя, забывъ обо всемъ окружающемъ. Ей показалось, что тамъ, около стола кто-то съ негодованіемъ произнесъ ея имя.

«Вѣроятно, кто-нибудь изъ нихъ меня знаетъ», холодно подумала она.

Вотъ—то великое, что было въ женщинѣ—непобѣдимое, великое

своимъ позоромъ. Среди глупаго, неразвитого, вздорнаго, выросла въ ней сила, которая питается страданіемъ, презрѣньемъ, отверженностью. Внезапно прозрѣвъ, Изольда поняла эту, лишенную правъ и ума, униженную до положенія полуживотнаго, отягощенную страданіемъ женскую половину рода человѣческаго. Эту лепечущую, безсознательную, покорную, глупую, униженную женщину, которая въ состояніи все вытерпѣть, не возражая, вотъ какъ этотъ окровавленный трупъ. Но святое лицо женщины и то вѣчное, что было въ этомъ лицѣ, стояло передъ ней, вызывая надежду на лучшее будущее.

Двѣ пары рукъ бросили трупъ въ ящикъ, небрежно, какъ что-то совершенно ненужное, не проявивъ ни малѣйшаго милосердія, котораго, какъ своего святого права, могло требовать это молодое тѣло; ребенокъ упалъ на грудь матери; плоская крышка ящика, одного изъ тѣхъ, которые служатъ гробами для несчастныхъ, была наложена сверху; трагедія кончилась.

На мгновеніе у Изольды мелькнула мысль купить для этого бѣднаго тѣла достойный гробъ. Но нѣтъ, этого не слѣдовало касаться. И она ушла съ сердцемъ, преисполненнымъ любовью, готовая пожертвовать собой; готовая положить жизнь въ борьбѣ съ міромъ.

А на дворѣ была весна; въ нагрѣтомъ солнцемъ воздухѣ ощущалась радость и сила нарождающагося бытія.

Изольда глубоко, глубоко вздохнула. Въ эти минуты она жила всѣми фибрами, была увѣрена въ себѣ, полна могучей воли. Она точно насквозь видѣла встрѣчавшіяся ей будничныя лица, понимала глупые предразсудки, которыхъ были полны эти люди. Въ противность себѣ самой, они ей казались мертвыми.

А она жила!

До самаго вечера она оставалась въ своемъ ателье. Сегодня она была не въ состояніи видѣть брата.

Она расхаживала взадъ и впередъ по пустому, просторному помѣщенію. Надъ нею подъ голубымъ небомъ снова проносились ласточки, издавая шелковистыя волны звуковъ. Какъ глубоко, въ самое сердце проникали ей эти лѣтніе звуки.

И это сильное, широкое, всепобѣждающее сознаніе жизни! Эта могучая воля, это желаніе пожертвовать собой.

Только вечеромъ она отправилась домой. Въ гостиной она встрѣтила отца. Это была все такая же видная фигура, только въ глазахъ его теперь свѣтилось довольство удовлетвореннаго пророка.

Онъ подошелъ къ ней и мягко положилъ ей руку на плечо.

— Deessa! Экстравагантности! Тебя тамъ сегодня видѣли, дитя мое!

Изольда большими глазами взглянула на отца.

— Объ этомъ сказали Карлу. Deessa! Дитя!

Отъ всей его могучей фигуры вѣяло такимъ несравнимымъ достоинствомъ.

Изольда не отвѣчала ни слова. Отецъ также молчалъ. Его полная рука все еще лежала на ея плечѣ.

— Скажи, пожалуйста,—началъ онъ снова,—чѣмъ это собственно тебя касалось? Какъ ты объ этомъ узнала? Знаешь, deesse, это ужъ въ полномъ смыслѣ слова безтактность! Мнѣ совершенно непонятно, какъ ты объ этомъ могла узнать? Что ты, шпіонишь что ли? Можетъ быть ты также контролируешь и...—Докторъ Фрей вдругъ остановился.

— Знаешь что, дитя мое, вѣдь Карлъ молодой человѣкъ, а не пансіонерка—ему гувернантки не нужны. Если бѣдному мальчику и не повезло, то это тебя не касается. Оставь его въ покоѣ! Карлъ возмущенъ твоимъ поведеніемъ. Ты думаешь, ему пріятно было слышать, что ты тамъ была? Чего не бываетъ съ молодежью! Этого ты понимать не можешь. Съ какимъ лицомъ онъ долженъ былъ стоять, когда ему о тебѣ разсказывали!

— Да ужъ, Изольда, это совсѣмъ безуміе.

Эти слова произнесъ Карлъ.

Онъ стоялъ въ дверяхъ—толстый, широкій, тяжеловѣсный, возмущенный. Жилетъ на немъ былъ разстегнутъ! Лицо побагровѣло.

— Продолжай свои сумасбродства, сумасшедшая курица; авось это поведетъ къ добру. Выходи ты наконецъ замужъ, чтобы былъ покой въ домѣ.

Онъ ушелъ, изо всей силы хлопнувъ дверью.

— Другой разъ не задѣвай его,—сказалъ докторъ Фрей.—Объ этой исторіи такъ бы никто, вѣроятно, и не узналъ, и миръ не былъ бы ни на минуту нарушенъ, а теперь... Ты вѣдь знаешь, я не выношу непріятностей въ домѣ.

Мать осторожно пріоткрыла дверь.

— Боже мой, что у васъ тутъ такое?

Изольда стояла блѣдная, сдержанная, точно свѣтская дама, которую прервали среди разговора.

— Ничего, милая мама. Не стоитъ говорить — самыя обыденныя вещи.

XI.

Всѣ эти годы Изольда жила вполнѣ замкнутой жизнью, погрузившись въ свою работу.

Но то, чего ей теперь удалось достигнуть, представлялось для нея желаннымъ вовсе не изъ личныхъ, эгоистическихъ цѣлей. Въ лицѣ ея трудилась и добивалась извѣстныхъ результатовъ женщина, которая отчаивалась при малѣйшей неудачѣ и радовалась каждому успѣху. Она хотѣла переоцѣнить въ своемъ представленіи самое понятіе «женщина». И вотъ въ теченіе многихъ лѣтъ она была охвачена лишь фанатической жаждой труда; а потому теперь многое для нея было полно новизны.

Съ той достопамятной ночи, которую она провела не смыкая глазъ пять лѣтъ тому назадъ, она постигла своими больными нервами, что̀ значитъ быть женщиной, существомъ второго порядка, выключеннымъ изъ участія въ духовной жизни, косным, неразвитымъ,—существомъ исключительно тѣлеснымъ. Это было такое грустное сознаніе—грустное за женщину...

И она работала съ увлеченіемъ фанатика, не говоря никому ни слова о своей работѣ— ни слова объ искусствѣ! Въ устахъ женщины это было бы безтактно и глупо. Для чего? Это могло быть только смѣшно! Всюду, на что ни падалъ ея взоръ, она видѣла только позорное оскорбленіе. Каждая книга, которую она открывала, служила только подтвержденіемъ того, что она чувствовала. Случалось ли ей вдохновляться какимъ-нибудь великимъ геніемъ прошлаго, и она должна была умышленно закрывать глаза на то, что и этотъ геній не могъ прожить на землѣ, не запятнавъ женщину новымъ позоромъ. Какъ какое-нибудь проклятіе, прозвучало для нея открытіе, что и Будда, великій, дивный, глубочайшій изъ глубокихъ, побѣдитель страданія, исключилъ женщину изъ ея исконнаго царства побѣды надъ страданіемъ и познанія страданія.

Она страдала отъ глубокаго пониманія своего положенія—положенія женщины. И часто ею овладѣвалъ страстный, отчаянный фанатизмъ. Душа ея была создана свободной и радостной. Она могла бы быть гордой, необузданной, могла бы упиться своей свободой, если бы не это постоянное пониманіе своего положенія, которое часто преслѣдовало ее, какъ ударами бича. Она не могла вести такую же тупую жизнь, какъ другія, такую же сытую, удобную жизнь, какую вели онѣ,—обожаемыя и въ то же время презираемыя. Вотъ уже цѣлыя недѣли, какъ ее всюду преслѣдовало то тихое, застывшее мертвое лицо, говорившее о побѣдѣ надъ міромъ и страданіемъ. И она хотѣла воспроизвести его, это лицо—лицо женщины.

Въ это же время до нея впервые сознательно дошли слухи объ удивительномъ движеніи, возникшемъ въ средѣ рабовъ. Женщина начинала возставать,—женщина, которая съ тѣхъ поръ, какъ создаънъ человѣкъ, всегда покорялась, которая съ незапамятныхъ временъ позволяла унижать себя и дурно обращаться съ собой, женщина, которой въ теченіе тысячелѣтій приходилось, словно хищному звѣрю, хитростью и пронырствомъ достигать своей цѣли.

Свѣтлая зала поваренной школы въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ была изукрашена еловыми гирляндами и вѣтками свѣжей зелени, вѣнками цвѣтовъ и флагами. Здѣсь собрались на совѣтъ женщины.

Изольда явилась съ нѣкоторымъ опозданіемъ; всѣ уже были на лицо.

Было жарко, воздухъ былъ точно напоенъ теплотой солнца. Увя-

дающая листва лила одуряющіе ароматы. Что-то усталое чудилось въ душномъ воздухѣ, пахло осенью.

Пестрыя платья, цѣлое поле шляпъ всѣхъ сортовъ и фасоновъ.

Это собраніе было такъ же некрасиво, какъ и всѣ другія: какое-то нагроможденіе тряпокъ, за которымъ исчезаетъ все человѣческое, что-то безформенное, мертвое, сухое. И эта масса женщинъ съ ихъ массой нарядовъ какъ-то подавляла и разстраивала Изольду. Изъ груды тряпья выглядывали маленькія, увядшія, глупыя, оскорбленныя жизнью человѣческія лица. Какой лѣнивой, затхлой представляется всегда человѣческая толпа! Въ ней есть что-то печальное, ужасающее и таинственное.

Спиной къ окнамъ, завѣшеннымъ бѣлыми, залитыми солнечнымъ свѣтомъ шторами, сидѣли за длиннымъ и узкимъ столомъ предсѣдательницы. На фонѣ бѣлыхъ занавѣсей онѣ представлялись какими-то компактными, черными тѣнями.

Засѣданіе велось самымъ форменнымъ образомъ. Самъ президентъ рейхстага не могъ бы открыть его съ большей торжественностью. Изъ толпы по очереди выступала то одна, то другая дама, которая смущеннымъ голоскомъ принималась говорить объ ужасахъ, подъ гнетомъ которыхъ страждетъ человѣчество. При этомъ всѣ онѣ, приступая къ своей темѣ, брали ее непремѣнно за самый кончикъ и давали только крошечный образчикъ той удивительной гигантской матеріи, на которой чудовищные фигуры выткали таинственные могучіе узоры.

Изольда знала одинъ старинный монастырь въ Южномъ Тиролѣ, лежащій высоко среди скалъ. Одну зиму она провела съ матерью въ Южномъ Тиролѣ и въ поминальный день въ сумерки поднялась въ этотъ монастырь. Небо было затянуто бѣлыми облаками и точно угрожало снѣгомъ; дождь лилъ, какъ изъ ведра, а изъ долины поднимался туманъ, отдѣляя монастырь отъ всего міра и дѣлая его невидимымъ для всѣхъ, словно замокъ св. Грааля; виднѣлась то башня, то рядъ оконъ среди облаковъ. Невыразимое одиночество царило тамъ наверху, одиночество, отъ котораго больно сжималось сердце и становилось страшно. А изъ древней монастырской церкви, закрытой густымъ туманомъ, звучали, теряясь въ безконечномъ пространствѣ, два голоска, такъ печально, такъ отторженно отъ всего мірского, такъ безтѣлесно мистически, такъ не человѣчески грустно пѣли они въ этотъ поминальный день о смерти и страданіяхъ міра! И теперь она снова слышала тѣ же, затерявшіеся въ пространствѣ голоса—въ нихъ было что-то трогательное, чуждое всего міра, отягощенное страданіемъ, камнемъ ложившееся на ея душу. Но къ этому примѣшивалось чисто парламентское достоинство и увѣренность и получалась удивительная смѣсь. Казалось, эти женщины, сидящія за предсѣдательскимъ столомъ, чувствуютъ почву подъ ногами, и что законы, которые должны сдѣ-

лать нашу жизнь лучше, совмѣстимѣе съ человѣческимъ достоинствомъ, уже на лицо. И эта зала съ гирляндами и флагами! Совсѣмъ особенное впечатлѣніе.

Въ сердцѣ Изольды точно отпечаталось чистое лицо усопшей. Лицо съ выраженіемъ величія, достигнутаго страданіемъ, озаряло какъ солнце, всѣ живыя, довольныя лица. Но въ этой обстановкѣ какъ-то труднѣе вѣрилось въ это лицо.

И все же, какъ ни трогательно и ни убаюкивающе звучали оторгнутые отъ міра голоса, въ нихъ дрожала глубокая, сильная воля: во чтобы то ни стало разорвать цѣпи.

Въ то время, какъ пространно докладывалось собранію, что сдѣлано и что не сдѣлано для дѣла женщины въ этомъ году, Изольда погрузилась въ мечты.

Она мечтала о томъ, какъ она встанетъ, подойдетъ къ столу, позади котораго струится солнечный свѣтъ, и скажетъ темнымъ тѣнямъ:

«Да будетъ молодо ваше милосердіе! Молодо и сильно. Не дайте ему вступить на старые, избитые пути. Сдѣлайте нѣчто удивительное, что заставитъ міръ разразиться хохотомъ, гнѣвомъ и яростью. Пытаясь идти тѣмъ же путемъ, которымъ тяжело и важно шествуетъ мужчина, вы считаете, что уже достигли своей цѣли или достигнете ея? О, какъ это все старо. Заклинаю васъ, рѣшитесь на что-нибудь царственное, свободное! Неизношенное! Не надо ничего умнаго, не надо ничего благоразумнаго,—пусть, пусть дѣятельность женщины прорвется наружу могучимъ неудержимымъ потокомъ; сдѣлайте что-нибудь, что свидѣтельствовало бы о вашей могучей, способной побѣдить міръ волѣ. Распростите свои широкія крылья, какъ это дѣлаютъ насѣдки. Уготовьте для молодого, сильнаго женскаго поколѣнія гнѣздо среди этого жестокаго, грубаго міра. Изъ своей воли создайте несокрушимую крѣпость. Безъ искры презрѣнія въ глазахъ дозвольте женщинѣ осмѣлиться назвать своимъ своего ребенка, не утрачивая въ то же время незапятнанной чистоты. Дайте ей ребенка и работу! Работу, отъ которой свободно стало бы у нея на душѣ, и ребенка, который веселилъ бы ея сердце. Не заставляйте ее работать, изнывая отъ жажды имѣть ребенка, какъ хищный звѣрь требуя себѣ этого права. Сдѣлайте изъ нея нѣчто цѣльное! Распростите ваши могучія крылья и защитите ее. Защитите ее—и вы защитите себя, признайте ее честной, и вы сами сдѣлаетесь честны.

«Бей его, у него нѣтъ друзей! Но если у него есть хоть одинъ другъ, кто тогда осмѣлится затронуть человѣка? Кто можетъ ему нанести серьезный вредъ? Воля человѣка создаетъ міръ! Почему же ей не создать гнѣзда для женщины, гдѣ бы она могла сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ она хочетъ и должна стать, какъ только ей позволятъ дышать обоими легкими, какъ всякому созданію Божію, какъ только ей дадутъ ребенка и работу. И изъ этого маленькаго гнѣзда выйдетъ

новое сильное человѣчество наперекоръ всѣмъ тѣмъ, кто хочетъ, чтобы оно состояло изъ рабовъ и домашнихъ животныхъ. И тогда женщина начнетъ пользоваться уваженіемъ. Она будетъ смѣяться и ликовать!

«Легкимъ движеніемъ ноги женщина, словно чудомъ, столкнула съ своего пути и тяготѣвшіе надъ нею законы, и презрѣніе; новое чудо, и она свободна, она видитъ, что никогда и не была рабой. Мягкими и сильными материнскими руками проведите по ея блуждающимъ глазамъ! Распростите надъ ней ваши широкія крылья!»

Такъ мечтала Изольда, откинувшись на спинку стула; въ это время предсѣдательница предложила на обсужденіе вопросъ: должна ли женщина носить титулъ мужа? За нимъ послѣдовалъ второй, не менѣе благоразумный и безупречный вопросъ; все было очень корректно. Изольдѣ казалось, что вотъ-вотъ разразится темная, страшная буря.

Но на небѣ сіяло яркое іюльское солнце, и не было ни облачка; духота, давящая духота царила въ залѣ. Гирлянды свѣжей зелени испускали свои соки. Пахло умирающей листвой и разгоряченными тѣлами—усыпительная атмосфера!

И все же чѣмъ-то сильнымъ, живымъ вѣяло среди этой давящей атмосферы. Тонкая, полная міровой любовью душа улавливала даже это легкое вѣяніе.

Но то, что должно было быть бурей, было лишь легкой струйкой воздуха, дувшей изъ щели окна.

XII.

Наступилъ сочельникъ.

Молодыя и старыя, удрученныя горемъ и полныя радости сердца сливаются въ общемъ біеніи, могучимъ потокомъ охватившемъ городъ; надъ домами словно нависъ лучезарный туманъ; часы на башняхъ бьютъ полнымъ, тяжелымъ звукомъ; что-то особенное чувствуется въ самой походкѣ спѣшно двигающихся по улицамъ людей.

Рождество! Рождество! Рождество! Никто не можетъ устоять передъ обаяніемъ Рождественскаго вечера; какая бы боль ни тяготѣла на сердцѣ, куда бы ни спряталось оно со своей мукой, все же оно забьется въ тактъ съ остальными. Въ этотъ день невольно чувствуешь, что составляешь одно цѣлое съ другими, что всѣ мы, люди, плоды одного и того же дерева. Нѣтъ дома, въ которомъ бы не праздновали Рождество. Изо всѣхъ оконъ на Леопольдштрассе въ темноту ночи торжественно струится яркій свѣтъ; унизанныя сверху донизу горящими свѣчками елки блистаютъ, точно цѣлые островки звѣздъ.

Земля покрыта тонкимъ, но уже хорошо утоптаннымъ слоемъ снѣга, хотя погода очень мягкая: не то морозъ, не то таетъ. На фонѣ сіяющаго звѣзднаго неба высокіе обнаженные тополи выступаютъ воздушные, словно тѣни.

Самый городской шумъ сегодня звучитъ какъ-то особенно. Вагоны конно-желѣзной дороги спѣшатъ куда-то по праздничному. Всѣ проѣзжающіе мимо извозчичьи экипажи производятъ такое впечатлѣніе, точно торопятся доставить сюрпризъ. Всюду царитъ оживленіе; все полно тайны. Всѣ лица кажутся какими-то знакомыми. И невольно радуешься радости другого; чужая же печаль проникаетъ до самаго сердца, тогда какъ обыкновенно она только слегка щекочетъ намъ нервы; и даже не только до сердца, но до самаго кошелька, который, какъ извѣстно, въ человѣческомъ организмѣ лежитъ глубже сердца и нервовъ.

Да, хорошій, чудесный вечеръ Рождественскій сочельникъ.

Семья доктора Фрея также въ праздничномъ настроеніи. Мать, Изольда и Карлъ сидятъ втроемъ въ гостиной, ожидая отца, чтобы зажечь елку, приготовленную въ столовой, и при блескѣ ея огней приняться за праздничный ужинъ, а фрау докторъ—за свою овсянку. Вокругъ дерева стоятъ прикрытые салфетками столики съ подарками. Все готово! Дневная хлопотня и суета уступили мѣсто легкой разслабленности. Большое красивое дерево ярко освѣщено. Ароматъ хвои смѣшивается съ весеннимъ дыханіемъ гландышей, гіацинтовъ и тюльпановъ, стоящихъ въ изящной вазѣ на столѣ подъ лампой: слишкомъ рано пробужденные къ жизни, они благоухаютъ въ тепломъ комнатномъ воздухѣ, вмѣсто того, чтобы красоваться подъ свѣтлымъ сіяніемъ майскаго солнца. Изольда отъ времени до времени заходитъ въ столовую, чтобы набросить на елку еще нѣсколько нитокъ золотого дождя или поправить что-нибудь на столикахъ съ подарками. Украшеніе елки всегда лежало на ея обязанности.

Но какъ они въ сущности чужды другъ другу, эти три человѣка, до смѣшного чужды. Мать, сынъ и дочь. Чужды, какъ могутъ быть чужды только члены одной семьи.

Какъ знакомы имъ всѣ манеры, всѣ привычки другъ друга. Они до отвращенія изучили другъ друга, т.-е. ту личину, которую каждый изъ нихъ привыкъ носить. И они сидятъ, предавшись каждый своимъ мыслямъ. Развѣ матери знакома хоть сколько-нибудь душевная жизнь Изольды; развѣ Изольдѣ знакома душевная жизнь матери?

Вотъ она сидитъ въ своемъ черномъ шелковомъ платьѣ. Какъ изященъ весь ея обликъ и это утомленное лицо съ страдающимъ, нѣсколько тупымъ выраженіемъ. Что-то угасшее чувствуется въ немъ. Кто въ этомъ виноватъ? Жизнь? Разумѣется, жизнь. Мать уже старѣетъ и даже нельзя сказать, что старѣетъ, но она точно заснула въ самый разгаръ жизни. Какъ разъ въ то время, когда жизнь стала легче. И Изольда припомнила, сколько матери приходилось прежде мучиться—молчаливо, точно пріобрѣтенной на всю жизнь рабынѣ, которую господинъ не находитъ нужнымъ удостоить даже ласковаго слова, такъ онъ въ ней увѣренъ. Изольда, сколько ни старалась, но

дѣйствительно не могла припомнить ни одного ласковаго слова, съ которымъ бы отецъ когда-нибудь обратился къ матери. «Ну, старуха»— это было его привычное обращеніе. Изольда ясно представляла себѣ его голосъ съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи. А вѣдь мать вышла замужъ по любви, противъ воли родителей. «Ахъ!» Изольда откинулась на спинку стула и протянула впередъ руки. «Грустно! Сохрани Богъ отъ этого».

Мама такъ и осталась ребенкомъ, бѣднымъ, неопытнымъ ребенкомъ: всю жизнь она проработала до изнеможенія безъ любви и безъ солнца. И Изольдѣ захотѣлось подойти къ ней, поцѣловать ее, приголубить; но въ такихъ случаяхъ мать всегда принималась жаловаться на все на свѣтѣ—между прочимъ и на отсутствіе аппетита, и на то, что желудокъ плохо варитъ. Изольда знала все это впередъ. Нѣтъ, для мамы нехорошо, когда съ ней нѣжны!

Изольдѣ вспомнилось, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ отецъ ухаживалъ за м-съ Вендландъ. Онъ вѣчно кѣмъ-нибудь да увлекался. Странно, какъ терпѣливо умѣла все это сносить мать. Да и теперь у отца навѣрное не совсѣмъ чиста совѣсть. Ужъ слишкомъ онъ хорошо настроенъ. Какъ тогда, у дверей дома м-съ Вендландъ, онъ вдругъ обратился въ джентельмена; это еще такъ испугало ихъ съ Мари. Да, странное это было впечатлѣніе; оно не изгладилось и до сихъ поръ.

Впрочемъ, теперь они видѣли отца всегда выхоленнымъ, цвѣтущимъ, веселымъ, прекрасно одѣтымъ, моложавымъ, здоровымъ и любезнымъ. Но удовольствіе его видѣть не принадлежало къ числу частыхъ, такъ какъ онъ нерѣдко уѣзжалъ въ Берлинъ, а находясь въ Мюнхенѣ, всюду являлся желаннымъ гостемъ. Странно, однако, что онъ сегодня не идетъ такъ долго, вѣдь сегодня сочельникъ!

Мать сидитъ молча, глубоко задумавшись. Изольда еще никогда не видала свою мать нетерпѣливой, несмотря на то, что она помнитъ ее вѣчно ожидающей возвращенія отца. И ночью она всегда ждала его, долго, долго; это Изольда знала. Мать не засыпала никогда, пока отца не было дома.

Что передумала она за свою жизнь въ эти долгіе часы? Страшно подумать!

Какая она замкнутая натура!

Въ какихъ краскахъ представляется ей ея собственная жизнь?

Изольда не можетъ оторвать глазъ отъ матери.

Карлъ поднялся съ кресла, въ которомъ сидѣлъ развалившись, вынулъ часы:

— Уже девять!

Въ голосѣ его слышалось легкое безпокойство. Карлъ полагалъ, вѣроятно, не ограничиваться въ этотъ вечеръ однимъ семейнымъ празднествомъ. Конечно, нѣтъ! Онъ раза два прошелся по гостиной, въ десятый разъ пробѣжалъ глазами вечернюю газету и снова опу-

стился въ мягкое, удобное кресло, запустивъ руку въ густую шапку волосъ и безсознательно блуждая взоромъ по газетѣ. Кончикомъ ноги онъ нетерпѣливо отбивалъ тактъ по паркету. Это былъ такой жесткій, сухой звукъ. Изольду онъ привелъ въ нервное состояніе. Наконецъ, мать сказала:

— Сегодня отецъ что-то долго не идетъ. Ужинъ нашъ совсѣмъ перестоится.

Послѣ этого всѣ трое снова надолго погрузились въ молчаніе.

— Ахъ, Карлъ, перестань, пожалуйста, стучать ногой,—попросила Изольда.

Съ парадной раздался звонокъ.

— Это не папа,—рѣшила Изольда.

Всѣ трое переглянулись какъ-то испуганно, взволнованно.

— Нѣтъ, это не отецъ,—повторила мать.—Господи помилуй!

— Однако, теперь, по крайней мѣрѣ, уже три четверти десятаго.—Карлъ былъ въ большомъ нетерпѣніи.

Дверь отворилась. На порогѣ появилась горничная въ ослѣпительно-бѣломъ праздничномъ передникѣ.

— Ну?—Изольда хотѣла спросить, кто это звонилъ, но она увидѣла передъ собой пару испуганно блуждающихъ глазъ и землисто-сѣрое лицо.

Теперь всѣ трое засыпали ее вопросами:

— Ну? Что случилось? Что случилось?

Застывшее сѣрое лицо не измѣнялось. Губы двигались, силясь говорить, но беззвучно.

— Ну,—повторилъ Карлъ,—что же случилось, наконецъ?

На это послѣдовалъ отвѣтъ—темный, неясный:

— Съ бариномъ что-то!

Всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ и въ первую минуту стояли неподвижно. Мозгъ всегда отказывается воспринимать тяжелыя вѣсти: жизнь должна идти спокойно, ровно. Всякій испугъ, всѣ непріятныя неожиданности возмущаютъ душу, сковываютъ сознаніе.

Въ гостиную донесся какой-то шумъ, незнакомые, тяжелые шаги. Карлъ кинулся къ дверямъ.

Изольда, вся дрожа, прошептала что-то и схватилась за руку дѣвушки. Та молчала, только пожатіе ея руки сказало все.

Изольда взглянула на мать. Она все еще стояла неподвижно, блуждая безпомощными глазами, точно ища опоры. Изольда подошла къ ней, обняла ее за плечи, чтобы поддержать. Карлъ вышелъ изъ комнаты. Дверь была только притворена; шаги теперь отдавались въ гостиной какъ-то тяжелѣе и отчетливѣе.

— Прикажете отнести барина въ ихъ спальню?—спросила дѣвушка.

Мать направилась къ двери, опираясь на руку Изольды. Въ ея движеніяхъ было что-то хлопотливо-хозяйственное, напоминавшее ея

прежнія манеры. У нея снова появилось дѣло. Надо было позаботиться о гостѣ.

Трое людей вынули доктора Фрея изъ экипажа и принесли наверхъ по лѣстницѣ. Кучеръ, посыльный и какой-то чужой господинъ несли мертваго, поддерживая его безжизненно повисшую руку. Эта мертвая рука судорожно сжимала игрушку, бѣленькаго, обтянутаго шерстью барашка, съ краснымъ ошейникомъ.

— Перенесите его въ спальню,—медленно и какъ-то совершенно беззвучно произнесла мать.

Карлъ стоялъ ошеломленный; испугъ и горе придали его чертамъ необыкновенно глупое и безпомощное выраженіе.

Трое людей со своей ношей послѣдовали за фрау Фрей и Изольдой.

Теперь и Карлъ сталъ помогать нести отца; онъ рѣшился взглянуть на посинѣлое, обвислое лицо, на утратившее упругость тѣло, представлявшее собой громадную, тяжелую массу.

Кучеръ, желая выразить свое участіе, пробормоталъ что-то про «жестокосердаго святого Христа»; это прозвучало такъ страшно, точно голосъ изъ старой сказки.

Сосредоточенное поведеніе матери шло какъ-то въ разрѣзъ съ поведеніемъ остальныхъ. Прислуга была внѣ себя: комната наполнилась ревомъ и всхлипываніями.

Въ лицѣ Карла было что-то глупое, безпомощное, удивленное. Изольда была прямо сражена ужасомъ и ни на шагъ не отходила отъ матери, но уже не для того, чтобы ее поддержать, а напротивъ, ища у нея поддержки. Въ матери снова появилась та таинственная, дѣлавшая ее похожей на ночное животное, черта, которая много лѣтъ назадъ такъ испугала Изольду.

Какъ часто за время своего долгаго супружества она встрѣчала мужа позднею ночью; развѣ онъ хоть на одинъ атомъ принадлежалъ ей въ это время больше, чѣмъ теперь? Его тѣло возвращалось къ ней—его для нея давно уже мертвое тѣло; между тѣми возвращеніями и сегодняшнимъ не было въ сущности никакой разницы. Ея спокойствіе было спокойствіемъ долгаго, молчаливаго страданія, продолжительнаго, тяжкаго опыта.

Доктора Фрея положили на кровать; чужой господинъ, назвавшій себя врачомъ, попытался вынуть изъ руки усопшаго бѣленькаго барашка. Это было страшное зрѣлище: желтая, мертвая рука, судорожно охватившая смѣшную игрушку, такъ же судорожно, какъ судорожно хватается человѣкъ за всѣ смѣшныя мелочи жизни. Ему не удалось разжать руку доктора Фрея.

— Оставьте,—сказала мать. Она не спускала глазъ съ этой бѣдной желтой руки, охватившей игрушку.

Врачъ заговорилъ съ Карломъ, какъ съ нѣкотораго рода главой

семейства. Онъ предложилъ свои дальнѣйшія услуги и сталъ шопотомъ задавать ему вопросы. Потомъ онъ ушелъ, преисполненный сознанія важности своихъ обязанностей. Изольда лежала въ креслѣ потрясенная, закрывъ лицо руками. Карлъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; какъ-то безсознательно онъ отложилъ въ сторону сюртукъ отца, который тотъ, уходя, перекинулъ на спинку стоящаго около постели стула. Потомъ онъ вылилъ въ умывальную миску воду изъ стоявшаго тутъ же стакана. Лицо его ни на минуту не утрачивало своего растерянаго выраженія.

Мать опустилась на колѣни передъ трупомъ своего мужа, тихо подняла тяжелую, мертвую руку и попыталась вынуть игрушку изъ застывшихъ пальцевъ. Это ей скоро удалось—вѣроятно, по случайности.

Изольда и Карлъ съ ужасомъ наблюдали за ней.

Послѣ этого она тихо и осторожно опустила эту руку и стала смотрѣть на него.

Дѣти, въ свою очередь, глядѣли на ея блѣдное, растроганное лицо, на которое боль или какое-нибудь другое чувство повѣяло дыханіемъ юности. Это было выраженіе лица монахини, проведшей жизнь вдали отъ міра и вынужденной говорить о такихъ вещахъ, имени которыхъ ея уста не рѣшаются выговорить, о грѣшныхъ, тяжелыхъ вопросахъ.

— Не ставьте ему этого въ вину,—сказала она, наконецъ, съ тихой просьбой въ голосѣ,—отецъ, вѣрно, любилъ кого-нибудь. Тамъ, значитъ, есть и маленькій мальчикъ...

И какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, она указала на барашка. И мать на колѣняхъ склонилась передъ своими дѣтьми. Высказывая имъ свою великую просьбу, она сложила руки, какъ для молитвы.

Изольда кинулась къ ней, заливаясь слезами, охватила ее руками и почти задушила, желая выказать свою любовь.

Наконецъ-то она постигла мать. Ея бѣдная душа открылась передъ Изольдой—чистая, какъ прокаленное золото, чуждая всего мірского. За всю жизнь угнетенія и униженія, въ этой душѣ не накопилось ни знанія, ни могущества, ничего того, чѣмъ можно гордиться; но въ ней было зато что-то сильнѣйшее всего самаго сильнаго на землѣ, что-то великое, побѣждающее и міръ, и страданія. Благодаря этому угнетенію и униженности, въ ней среди этого стараго міра, гдѣ всѣ силы давно использованы, выросло что-то юное, свободное отъ всякаго угнетенія. Изольда въ экстазѣ, рыдая, обнимала мать. Ея душа словно таяла, сливаясь съ душою матери.

То, что она почувствовала въ ней теперь, было безконечно чисто, сильно и благородно.

Да, нѣтъ ничего въ мірѣ болѣе великаго, чѣмъ быть женщиной! Она сознавала всю силу, которой обладала ея бѣдная мать; силу, ко-

торая могла бы освободить и омолодить старое утомленное человѣчество, излившись на него свободнымъ и сознательнымъ потокомъ; силу, которая до сихъ поръ таилась въ груди незамѣтной, приниженной женщины.

XIII.

За сочельникомъ, въ который елка такъ и осталась незажженной, для семьи Фрей потянулась скучная, томительная зима. Смерть сковала и живыхъ; словно тронутые морозомъ, жили они съ увядшей душой, пока не накопились новые жизненные соки, пока стремленія не взяли верхъ надъ горемъ. Тогда все опять пошло по старому, какъ будто ничего и не произошло.

Весной Менгерсенъ съ женой и дѣтьми пріѣхалъ изъ Берлина на свою виллу въ Ludwigshöhe. Фрау Фрей радовалась, что можетъ постоянно видѣться съ дочерью и внучатами. Мари была ей какъ-то гораздо ближе Изольды. Она шла тѣмъ же путемъ, которымъ когда-то шла и она. И мать переживала жизнь старшей дочери. Мари даже не надо было ничего говорить ей.

— Да, это ужъ такъ, видишь ли; это всегда такъ, — эти слова Мари неизмѣнно слышала отъ матери, стоило ей только раскрыть ротъ, чтобы пожаловаться или разсказать что-нибудь. Мама всегда все знала впередъ. Она взирала на муки молодой женщины, на ея экстазъ даже съ извѣстнаго рода удовольствіемъ. Но экстазы никогда не играли въ жизни мамы такой выдающейся роли.

Тяжелые роды, длинные, мучительные періоды слабости, болѣзни дѣтей, матеріальныя заботы, вѣчная усталость—вотъ все, что осталось у нея въ памяти! Но она была гораздо терпѣливѣе Мари, это она ясно помнила и часто высказывала дочери; причину этого надо было, вѣроятно, искать въ томъ, что въ Мари все же крылась извѣстная доля эгоизма, что не годится для женщины. Она была дочь своего отца. Въ обѣихъ дочеряхъ было, къ сожалѣнію, что-то мятежное, хотя Мари и была несравненно мягче сестры. И все-таки она еще и сегодня была способна приходить въ отчаяніе отъ такихъ вещей, о которыхъ женщинѣ даже не слѣдуетъ говорить, такъ какъ онѣ вполнѣ естественны и законны. Понятно, что жена должна подчиняться мужу и мириться съ тѣмъ, каковъ онъ есть и какъ онъ находитъ нужнымъ поступать. На то онъ и глава семьи. Все это мать повторяла ей не разъ. Но это ни къ чему не вело, Мари не обращала на ея слова никакого вниманія. Въ ней до сихъ поръ осталось что-то мечтательное. Мать пяти дѣтей, которая возится съ идеалами и тому подобнымъ вздоромъ! Нѣтъ, Мари доставляла фрау Фрей также не мало заботъ.

Зато она не могла нахвалиться на невѣстку Генри Менгерсена, Паулину, которая вмѣстѣ съ мужемъ и дѣтьми жила на Ludwigshöhe,

рядомъ съ Мари. Это была женщина въ ея духѣ. Если бы хоть одна изъ дочей фрау Фрей походила на нее! Какое это было веселое, бодрое существо! Такимъ ничего не стоитъ имѣть дѣтей. И до и послѣ родовъ она всегда чувствуетъ себя прекрасно. А какой штатъ кормилецъ, нянекъ и боннъ она умѣетъ всегда подобрать; у нея въ домѣ цѣлое полчище женщинъ. А какое бѣлье! Какой столъ! Да, она умѣетъ себя поставить. Ее и мужъ уважаетъ.

Ахъ, не легко приходилось фрау Фрей съ дочерьми!

Апрѣль въ этомъ году выдался теплый и ясный. Въ одну прекрасную ночь на лѣсъ спустился нѣжный зеленый туманъ. Деревья жадно впитали его; ласкаясь, онъ окуталъ красноватыя распускающіяся верхушки буковъ и повиснулъ на нихъ милліонами нѣжныхъ зеленыхъ капелекъ листьевъ!

Отъ молодой зелени заструился особенный свѣтъ; прозрачное невыразимо нѣжное мерцаніе словно погружало жалкія, утомленныя души людей въ зеленый чистый источникъ. А надъ всѣмъ этимъ раскинулось голубое майское небо, по которому подвигалось яркое солнце. Хорошо было въ это время въ Ludwigshöge. Чудные сады съ ихъ распускающимися буками, влажный почернѣвшій коверъ осеннихъ листьевъ подъ ногами и всюду на тысячу ладовъ пробивающаяся молодая зелень. Тамъ выглянетъ баранчикъ, стебелекъ котораго охваченъ изсохшимъ дубовымъ листкомъ, а тамъ цѣлое семейство голубыхъ лютиковъ силится приподнять хоть часть увядшаго покрывала. Они выглядываютъ точно голубой глазокъ подземнаго царства.

Во всѣхъ углахъ сада Геберъ зацвѣли цвѣты. Они первые поселились здѣсь. И у нихъ уже успѣли приняться многія фруктовыя деревья, расцвѣтшія теперь среди маленькихъ сосенокъ и нѣжныхъ березокъ и буковъ.

Фрау Лу посадила два прелестныхъ вишневыхъ деревца, теперь они цвѣли съ такой силой, точно хотѣли умереть, превратившись въ безчисленные розоватые пучки цвѣтовъ; а яблоньки съ увѣренностью, свойственною молодости, распускали свои первые бутоны. Среди зеленой травы виднѣлись бѣлоснѣжные нарциссы и разные простые старомодные цвѣты: голубыя фіалки и гольдлакъ.

Сады Менгерсена и его брата не обладали тѣмъ очарованіемъ, которое фрау Лу съумѣла придать своему участку; но все-же и они въ своемъ родѣ были прелестны—большіе и тѣнистые.

Уступая настойчивому желанію Мари, Изольда пріѣхала на нѣсколько дней къ ней на дачу.

Бывая у сестры, Изольда всегда занимала маленькую комнатку въ бесѣдкѣ сосѣдней виллы. Если только представлялась возможность, она старалась избѣгать необходимости пользоваться гостепріимствомъ Генри Менгерсена. Находясь въ его домѣ, она чувствовала какой-то гнетъ

и волненіе. Она не въ состояніи была долго быть зрительницей постояннаго стремленія сестры заставить мужа дѣлить съ ней свою душевную жизнь. Наблюдать за Мари въ то время, какъ Генри показываетъ какому-нибудь гостю свою новую работу, было мукой для Изольды, такъ какъ Мари обыкновенно не упускала случая разыграть роль знатока.

— Генри, поверни картину вотъ такъ, видишь, а то свѣтъ съ той стороны падаетъ. Это самая моя любимая картина, въ ней есть что-то проникающее прямо въ сердце... Вотъ я тебѣ говорила, что дубовая рама сюда не идетъ, а теперь вотъ и Изольда говоритъ тебѣ тоже самое, видишь...

И она повертывала мольбертъ, напоминала ему, чтобы онъ показалъ ту или другую картину. И каждый разъ при этомъ онъ смѣривалъ ее съ ногъ до головы насмѣшливымъ взглядомъ, холодно указывая ей ея мѣсто. Лицо Мари принимало тогда глубоко-печальное, оскорбленное и какое-то приниженное выраженіе.

При такихъ сценахъ Изольда насилу могла сдерживаться. Въ ней поднималась ненависть къ нему и что-то похожее на презрѣніе къ сестрѣ, на презрѣніе и вмѣстѣ на жалость.

Изольда замѣтила, что за послѣдніе два года Мари стала какъ-то менѣе разговорчива, даже съ ней. Прежде Мари стремилась раздѣлять жизнь сестры. Теперь она сдѣлалась какъ-то чужда Изольдѣ; или ей это только казалось? Мари мало интересовалась тѣмъ, что думаетъ сестра, говорила исключительно о прислугѣ и дѣтскомъ бѣльѣ, безъ конца жаловалась на трудность послѣднихъ родовъ и расхваливала свою невѣстку Паулину, которая за ней въ послѣдній разъ ухаживала.

Генри давно желалъ, чтобы Мари подружилась съ невѣсткой, но со стороны жены постоянно встрѣчалъ отпоръ. Теперь все это измѣнилось. Мари, повидимому, многое заимствовала отъ своей невѣстки. Столъ въ этомъ году у Менгерсеновъ былъ отличный. Во всемъ чувствовалась рука Паулины; обращеніе съ дѣтьми стало, правда, грубѣе, зато бѣлье малютки на этотъ разъ было много тоньше и роскошнѣе.

Незадолго до рожденія послѣдняго ребенка между супругами Менгерсенъ произошла страшная сцена.

Въ одинъ прекрасный день Мари—въ этомъ было виновато ея положеніе—въ отвѣтъ на презрительный взглядъ мужа разразилась громкимъ, неудержимымъ плачемъ, упала къ его ногамъ, схватила его за руки и, покрывая эти руки поцѣлуями, зарыдала.

— Не отталкивай меня, вѣдь я тоже человѣкъ!..

Эти слова она безсознательно повторяла снова и снова. Все это было въ высшей степени непріятно для Генри. Что ей, наконецъ, надо? Ему уже надоѣло это вѣчное, неловкое вмѣшательство въ его личныя дѣла. Своею назойливостью она напоминала ему муху. Генри не зналъ,

что ей отвѣтить. Онъ не хотѣлъ ее волновать, но и промолчать тоже не могъ.

— Что ты собственно хочешь, Мари?—сказалъ онъ.—Если ты чѣмъ-нибудь недовольна, скажи... Но эта вѣчная воркотня!

Онъ сталъ крупными шагами ходить по комнатѣ и продолжалъ, подавляя раздраженіе:

— По правдѣ сказать, для меня въ супружествѣ невыносимо вторженіе женщины въ душу мужа, прямо невыносимо! Неужели я не настолько господинъ въ домѣ, что не могу себѣ даже позволить имѣть эту идіосинкразію? Почему это непремѣнно необходимо, чтобы ты вѣчно повторяла мои слова, перевравъ ихъ смыслъ? А между тѣмъ это всегда такъ бываетъ. Скажи, неужели ты находишь это столь необходимымъ, что всегда возвращаешься къ этому и огорчаешь меня? Вамъ предназначено—какъ бы это сказать?—выполнять въ жизни чисто животныя функціи. Ну и выполняйте ихъ. Каждому свое.

— Ну скажи, что ты совершила такого, чтобы давало тебѣ право говорить наравнѣ со мной? Можетъ быть, ты приписываешь себѣ достигнутые мною результаты? Или ты думаешь, что этимъ можно дѣлиться, какъ тортомъ или деньгами? Пожалуйста, уясни себѣ это разъ навсегда. Жены знаменитостей обыкновенно впадаютъ въ эту ошибку. У тебя есть твои дѣти, которыхъ ты воспитываешь болѣе или менѣе спустя рукава; ты сносно ведешь хозяйство, заставляя меня, впрочемъ, постоянно страдать отъ твоей небрежности. Исполняй свой долгъ и забудь обо всемъ остальномъ. Бери примѣръ съ Паулины, вотъ образецъ женщины. Ну, надѣюсь, что мы, наконецъ, поняли другъ друга, Мари?

Онъ увидѣлъ передъ собой блѣдное лицо жены. Но она не плакала.

— Да,—сказалъ онъ.

Въ этотъ моментъ ея униженная душа ухватилась за любовь къ дѣтямъ, и эта любовь дошла до экстаза, который заглушилъ даже боль ея сердца.

Съ этого дня она перестала стремиться къ духовному единенію съ своимъ знаменитымъ мужемъ. «Муха» оставила его въ покоѣ; съ этого же дня хозяйство въ домѣ стало вестись безукоризненно. Вліяніе невѣстки Паулины сказывалось въ широкихъ размѣрахъ. Теперь Генри Менгерсенъ позналъ, что значитъ имѣть въ домѣ женское царство, подавляющее собою все, устраняющее все, что ему мѣшаетъ. Зато столъ былъ отличный, бѣлье безукоризненное, дѣти всегда наряжены, всюду ощущалась тяжеловѣсная серьезность—самыя ничтожныя мелочи возводились на степень чего-то крайне важнаго. Нѣжный, надоѣдливый голосъ, неустанно повторявшій, умоляюще воздѣвая руки: «Возьми меня съ собой, не дай мнѣ умереть отъ жажды», замолчалъ. Ея жалкая душа больше не жалась къ нему. Замѣтилъ ли онъ

это? Свое горе Мари изливала только передъ младшими дѣтьми; она брала ихъ на колѣни и тихо шептала имъ на ушко о своей обидѣ. Изольдѣ она не говорила ни слова. Но та чувствовала въ сестрѣ какую то усталось и отупѣніе, напоминавшія ей ту усталость и отупѣніе, которыя она всегда замѣчала въ матери.

«Печально,—снова думала Изольда.— Сохрани Богъ отъ этого».

Въ эту весну она и сама была тяжело настроена, такъ тяжело, какъ еще никогда. Смерть отца, самый фактъ смерти сдѣлали то, что жизнь въ ея глазахъ утратила смыслъ и значеніе. Да и что за жизнь была ея жизнь? Она вся сосредоточивалась въ тихомъ высокомъ ателье; здѣсь Изольда жила—или лучше сказать—она думала, что живетъ здѣсь.

XIV.

Со времени своего увлеченія Генри, она уже никогда больше не любила по настоящему, ни разу не испытала этого чувства, хотя многіе добивались ея любви.

Ея дорогой другъ, мужъ Лу, любилъ ея душу; передъ нимъ она не боялась показывать себя такой, какой она сама себя чувствовала. Отношенія ея къ этому рѣдкому человѣку были совсѣмъ особенныя; онъ имѣлъ на нее самое благотворное дѣйствіе. Эта дружба исцѣлила ее. Съ нимъ она чувствовала себя свободнымъ, полноправнымъ созданіемъ. Въ ней зарождалась надежда, что она многаго достигнетъ въ области искусства.

— Создай себѣ свой міръ; онъ таковъ, какимъ ты создаешь его. Онъ существуетъ только въ тебѣ самой, въ твоемъ представленіи. Создай себѣ свой міръ и увѣруй въ него!

Да, она увѣровала въ свой міръ. Сколько труда ею положено! Серьезнаго, горячаго труда, лишь бы смыть позорное пятно со своей души.

Генри Менгерсенъ осквернилъ душу Изольды въ ея собственныхъ глазахъ. Ея юную святую любовь къ нему, ея великую жертву онъ отбросилъ ногой въ сторону, какъ что-то грязное; онъ такъ же мало постѣснился оттолкнуть ее, какъ любую уличную женщину. Онъ отравилъ ее своимъ презрѣніемъ: она еще и сегодня не можетъ оправиться отъ этого яда, не можетъ стать похожей на другихъ людей, беззаботно наслаждающихся своею молодостью. Въ глубинѣ ея души таилась глубокая непримиримая ненависть къ Менгерсену. Цѣлыми годами наблюдала она, какъ онъ причинялъ ея сестрѣ, своей женѣ, ту-же боль, которую когда-то онъ причинилъ ей; какъ онъ гналъ и билъ душу Мари, словно это было какое-то навязчивое животное. Онъ, какъ высокоразвитой человѣкъ, не могъ выносить рядомъ съ собой созданія, душа котораго хотѣла жить. Онъ не могъ выносить этого, потому что существо это была женщина.

И быть вынужденной жить, чувствовать, рождать дѣтей подъ гнетомъ такого презрѣнія!

Да, создай себѣ свой міръ и увѣруй въ него!

«И я создала себѣ свой міръ! — думала Изольда. Въ немъ все такъ утонченно! Но мои близкіе также создали себѣ свой міръ—полную противоположность моему. Такъ одинъ, за другимъ снятся разные сны, взаимно уничтожая другъ друга. Все на землѣ только сны!—а все же сколько страданья, сколько муки!»

Въ эту весну на Изольду все производило тяжелое, безотрадное впечатлѣніе. Она сомнѣвалась въ себѣ.

Отвѣчали ли достигнутые ею въ искусствѣ результаты ея великому прилежанію, ея великому самопожертвованію? Неужели ее ждетъ жалкая посредственность?

Но какія у нея основанія думать, что именно ей суждено создать что-нибудь выдающееся? Рѣдко, очень рѣдко, насколько она знаетъ, только въ видѣ исключеній, женщинѣ удавалось достигать чего нибудь выходящаго изъ рамокъ посредственности. И почему же именно ей суждена лучшая доля? А, если даже такъ, то все же она лишь жалкое исключеніе.

Нѣтъ ничего отвратительнѣе, хуже посредственности.

Да развѣ не были тысячу разъ правы тѣ, кто съ огненнымъ мечомъ въ рукахъ гналъ женщинъ, осмѣливавшихся прикладывать свою неловкую, безталанную руку къ искусству? Изольда чувствовала великое, тяготѣющее на женщинѣ проклятіе; оно давило ее, не давало дышать. То, что она поняла въ ту ночь, что отняло отъ нея радость молодости, навсегда запечатлѣлось въ ея сознаніи: въ ту ночь она поняла, что принадлежитъ къ той половинѣ рода человѣческаго, которой недоступна духовная сторона жизни; къ оглупѣвшей, косной, неразвитой половинѣ человѣческаго рода, къ той, у которой есть одно тѣло, для которой умъ—болѣзненное, противоестественное явленіе; къ той, которую называютъ нѣжной, и которая, въ сущности, груба и неразвита, чужда и враждебна всему утонченному, живительному, всему тому, изъ за чего бы стоило жить, тому, что называется умомъ и знаніемъ.

Изольда любила бродить по лѣсу, по окрестностямъ, предавшись своимъ думамъ. Это безпокоило Генри Менгерсена. Онъ рѣшился высказать ей это.

Они стояли вдвоемъ въ его ателье. За всѣ долгіе годы она ни разу не позволила ему говорить съ собой о томъ, что касалось лично ея. Съ того дня, какъ она, обнаженная, во всей своей красотѣ стояла передъ нимъ, напоминая ту дѣвушку въ старой сказкѣ, которая подставила подъ ножъ грудь ради спасенія своего господина, ему ни разу не пришлось ощутить ея близости. Онъ не могъ подойти къ

ней на шагъ ближе; какъ художникъ—да—и очень часто, но какъ человѣкъ—никогда. Изольда взглянула на него холодно, удивленно. Она даже не удостоила его отвѣтомъ и вышла изъ ателье.

Вернувшись въ этотъ день поздно вечеромъ отъ сестры,—у Менгерсеновъ были гости—Изольда нашла у себя небольшой пакетъ и письмо. Оно было отъ Генри.

— «Прости, Изольда,»—они говорили другъ другу, уступая усиленнымъ просьбамъ Мари, ты,—«но меня безпокоятъ твои дальнія, уединенныя прогулки. Къ сожалѣнію, ты не позволяешь мнѣ ни малѣйшаго вмѣшательства въ твою жизнь, иначе я попросилъ бы тебя прекратить ихъ. Прошу тебя, бери, по крайней мѣрѣ, съ собой эту маленькую вещицу—для безопасности. Умѣешь ты съ ней обращаться? Револьверъ заряженъ! Будь осторожна!

«Твой зять Генри».

Изольда раскрыла пакетъ и вынула изъ ящика маленькій изящный револьверъ.

«Странно», подумала она.

И изъ этого слова «странно» потянулась цѣлая длинная цѣпь мыслей и чувствъ. Тяжелая, давящая цѣпь. Точно пригнутая какой-то тяжестью, Изольда опустилась на колѣни; она положила голову на край стола и долго оставалась неподвижна, сжимая пальцами дуло гладкаго револьвера.

Дверь ея комнаты, приходившаяся на одномъ уровнѣ съ землей, была открыта настежь. Терпкій, свѣжій воздухъ, доносившійся съ Изара, врывался къ ней. Тамъ, въ лѣсу неумолчно шелестѣлъ каждый листикъ, неустанно двигались массы нѣжныхъ зеленыхъ существъ. Воздухъ былъ точно опьяненъ ихъ юнымъ дыханіемъ. Изольда разрыдалась. Что имѣетъ она отъ жизни? Кто у нея есть? Развѣ ея жизнь можно назвать жизнью? Настоящею, живою жизнью?

— Одинока!—Она раскинула руки, точно была пригвождена ко кресту, и долго оставалась въ этой позѣ, скованная страданіемъ. По лицу ея тихо струились слезы. Душа была охвачена великой жаждой жизни и счастья. Юныя, могучія страсти хотѣли возликовать радостью жизни, но у нихъ не было повода къ ликованію, никакого, ни малѣйшаго!

То единственное, изъ-за чего она считала, что стоитъ жить,—искусство—какъ-то вдругъ съежилось, представилось ей глупостью, маніей, несчастьемъ.

Въ сознаніи промелькнули слова поэта:

«Точно плачъ раздается въ лѣсу»! Чѣмъ въ сущности, была ея жизнь? Какое-то блужданіе въ темнотѣ, блужданіе, которое ни къ чему не приведетъ. То, чего ей удалось достигнуть, было ничтожно по сравненію съ тѣмъ, къ чему она стремилась.

Другое дѣло, если бы она была мужчиной! Тогда стоило бы жить и умереть для искусства, стоило бы ради него идти на муки. Тогда надъ ея волей, какъ солнце, сіяло бы великое, блестящее прошлое; оно свѣтило бы ей; вливало бы въ нее жизнь и мужество, манило бы ее надеждой.

Но вѣдь она женщина! Позади нея лежитъ мертвое, безжизненное прошлое женщины, давящее ее своей темной мертвой массой, затрудняющее каждое ея движеніе, сковывающее и надежду, и радость. Ахъ, эта безнадежность дѣлаетъ ее такой усталой-усталой! Руки безсильно опускались. И все же сколько мужества проявила она за эти годы!

Но сегодня у нея этого мужества больше не было—не было.

И ея распростертыя руки опустились. Сегодня она дошла до предѣла.

Въ рукахъ она все еще сжимала револьверъ, поверхность котораго стала горячей отъ бушевавшей въ ней жажды жизни. Живя на землѣ, она не имѣла никого и ничего. Если бы былъ въ этомъ мірѣ второй такой человѣкъ, какъ ея дорогой другъ, мужъ Лу, ну, тогда другое дѣло! Тогда она была бы спасена. Счастливая Лу!

Жить на этомъ островѣ святыхъ, быть такъ любимой, такъ любить! Рядомъ съ ней жилъ не человѣкъ, а какой-то добрый геній.

И Изольдѣ вспомнились его рѣчи:

— Выигрываешь всегда столько же, сколько теряешь. Эгоистичнымъ не слѣдуетъ быть уже изъ одного эгоизма. Иначе промѣняешь небо на землю и вѣчнаго бога на смертнаго. Не будь эгоистиченъ въ отношеніи твоихъ близкихъ, не будь эгоистиченъ ни въ отношеніи чужихъ, ни всего человѣчества, ни всего живущаго, ни всего міра. И это будетъ твоимъ освобожденіемъ. Забудь о своемъ «я» и ты сдѣлаешься «всѣмъ».

Въ какомъ мірѣ жили тѣ двое? Благословенномъ, чистомъ, и въ этомъ мірѣ Лу насаждала цвѣты. Но въ глазахъ ея вѣчно была одна и та же мысль:

«Окончишь ли ты, мой дорогой, свой трудъ? Останешься ли ты со мной? Что дѣлать, чтобы удержать тебя? Какъ перенести горе, если ты уйдешь?»

Изольда знала, сколько муки доставляетъ Лу ея любовь, знала, что той ежесекундно чудится за плечами мужа смерть. Любовь несетъ съ собой муки! Но это жизнь! Тяжелая, мучительная, но все же жизнь!

А Изольда не жила. Ибо жить можно только въ другомъ человѣкѣ. Только въ сліяніи съ другимъ состоитъ жизнь. Но кто же тогда живетъ? Она сама не больше, какъ тѣнь.

На лицѣ ея появилось горькое и печальное выраженіе. Какъ она несчастна! До сихъ поръ она еще не подозрѣвала, что была такъ глубоко несчастна, безъ почвы подъ ногами, безъ опоры для души.

А тамъ, въ темнотѣ,—молодая жизнь, новая жизнь! Ликованіе и дыханіе бытія.

Она хочетъ, чтобы и для нея наконецъ настала весна! Вмѣстѣ съ юнымъ дыханьемъ листвы, струившимся въ открытую дверь, ее съ весеннею силой охватила горячая, переполнившая душу тоска по ребенку. Она жаждала видѣть жизнь отъ своей жизни, плоть отъ своей плоти, тогда насталъ бы конецъ этому ужасному одиночеству; она жаждала воплощенія своей великой любви, она жаждала испытать любовь, полную утѣшенія, такую, которой можетъ быть только любовь матери къ ребенку.

Ей почудилось, что она можетъ умереть, изойти этими весенними слезами; растянувшись на коврѣ, закрывъ лицо руками, она плакала и не сознавала ничего, кромѣ того, что плачетъ, плачетъ. Эти слезы, какъ теплый дождь, должны были унести и растопить все, что накопилось на ея душѣ, какъ юный, могучій, все заволакивающій дождь.

И вдругъ... о чудо! Ей показалось, что двѣ утѣшающія руки охватили ея дрожащее тѣло. Какъ это могло случиться? Что это? Боже! Кто это можетъ быть? Кто у нея есть? Кто могъ придти? Кто это? Шаговъ она не слышала.

Ее охватилъ ужасъ. Крикъ застрялъ въ горлѣ. Голова закружилась. Но она продолжала лежать, словно скованная, не будучи въ состояніи двигаться, закрывъ лицо руками. Вдругъ она почувствовала чье-то прикосновеніе: дикое, страстное, грубое. Она вскочила.

— Изольда!—Этотъ возбужденный голосъ, она уже слышала его когда-то, когда-то. Молча, прерывисто дыша, внѣ себя боролась Изольда съ Генри Менгерсеномъ, лицомъ къ лицу, тѣсно прижавшись другъ къ другу, сливаясь въ одно дыханіе.

Да развѣ это глаза Генри Менгерсена? Эти голодные, хищные глаза? Не съ ума ли онъ сошелъ?

— Изольда, бѣдное, прекрасное дитя!—шепталъ онъ.—Я знаю, чего ты хочешь. У тебя припадокъ истеріи, да? Неужели ты уже такъ далеко зашла? Ты, такое породистое животное; для тебя такая жизнь невозможна! Тогда я отпустилъ тебя. Прости! Какой я былъ глупецъ! Боже, развѣ тебя можно сравнить съ этими, окружающими меня, насѣдками? Ты демонъ, холодный и жгучій! Ты съ твоимъ божественнымъ тѣломъ, ты умѣешь раздуть пламя!

Онъ прижималъ ее къ себѣ, грубо, страстно, какъ свою жертву.

— И ты все еще любишь меня! Ты будешь меня любить. Ты насладишься всѣмъ, ты познаешь всѣ ласки, какія только существуютъ въ мірѣ. Чѣмъ должна быть твоя жизнь, если ты—то, какъ вакханка, бросаешься на землю, то, какъ мученица, простираешь руки? Ты моя, глупая крошка!

Онъ все тѣснѣе прижималъ ее къ себѣ. Ужасъ сковалъ ея силы.

— Знаешь, что значитъ твоя ненависть ко мнѣ, знаешь ты, ты, мученица, мечтательница? Ты жаждешь меня! Ты любишь! Всегда лю-

била и сама себя обманывала. Ты ненавидишь меня только за то, что я тогда отпустилъ тебя, что я не понялъ тебя, безумное созданье!

Рѣзкимъ движеніемъ Изольда вырвалась отъ него и что-то схватила.

— Какъ собаку!—крикнула она. Короткій выстрѣлъ, тяжелое паденіе тѣла.

Изольда убила своего зятя, знаменитаго художника, Генри Менгерсена...

Глубокая, глубокая тишина царила надъ міромъ.

Это были тѣ святые часы, когда и человѣкъ, и звѣрь спятъ, а бодрствуетъ лишь молчаливая земля,—часы, тишина которыхъ приводитъ въ содроганіе одинокаго человѣка,—часы, когда земля отдыхаетъ отъ погони и травли, пожиранія и злобы, мудрствованія и превознесенія своего «я», мученій и страха смерти, и горя людей,—святые часы, въ которые человѣкъ перестаетъ быть стаднымъ животнымъ, становится великой, спокойной, вибрирующей спокойствіемъ жизни частицей природы.

И въ этотъ-то святой часъ Изольда стоитъ, словно окаменѣвъ, передъ трупомъ своего зятя.

Убійца! Это слово ее не пугаетъ. Она спокойна. Самый видъ трупа также не страшенъ ей.

У нея такое особенное ощущеніе, точно она еще никогда не была такъ здорова, какъ теперь.

Странно! Это чувство преобладаетъ надъ всѣми остальными: здорова, сильна, спокойна. Только-что ею свершенъ актъ правосудія. И она больше не чувствуетъ себя мелкимъ существомъ, каплей въ морѣ ничтожества. Вотъ она стоитъ здѣсь, передъ мертвымъ, какъ воплощеніе самаго понятія «женщина». Она безжалостно убила великаго художника, великаго человѣка, одареннаго творческой силой. Но это ее не тревожитъ. Она—воплощеніе цѣлой половины рода человѣческаго, половины всѣхъ живыхъ и мертвыхъ, половины гигантскаго царства смерти, рядомъ съ которымъ исчезаетъ небольшая кучка ютящихся на землѣ живыхъ людей. Она—воплощеніе отъ вѣка угнетаемой женщины, существа неразвитого, лишеннаго разума, существа, которое все стерпитъ, которое будучи безоружнымъ и безправнымъ, безропотно встрѣчаетъ свое униженіе. То, что совершила она только что, ни на іоту не идетъ въ разрѣзъ съ ея чувствами и мыслями.

Ея душа спокойна и равнодушна. Она все понимаетъ; она знаетъ, что ей теперь надо сдѣлать, и она мирится со всѣмъ.

Она хочетъ только еще одинъ разъ встрѣтить солнце, еще разъ увидать его восходъ.

Захвативъ маленькій, изящный револьверъ, она вышла изъ комнаты, чтобы больше не возвращаться. Генри Менгерсенъ остался лежать, вытянувшись, словно сраженное ударомъ топора дерево. Онъ лежитъ лицомъ внизъ, широко раскинувъ руки. Онъ умеръ быстро,

нѣсколько сильныхъ конвульсій—и все было кончено. Изольда, не двигаясь съ мѣста, не ужасаясь, слѣдила за нимъ. Умъ ея работалъ спокойно и увѣренно. Она не ощущала въ себѣ ни волненія, ни возмущенія. Она хотѣла только еще разъ пройти мимо сада своихъ друзей. Туда ее неудержимо влекло.

И вдругъ новое чудо! По крайней мѣрѣ, это произвело на нее впечатлѣніе чуда: у рѣшетки сада стоитъ спиной къ лѣсной дорогѣ фрау Лу. На ней длинный, бѣлый ночной капотъ, ноги босы. Кажется, она разсматриваетъ свои фруктовыя деревья, которыя, среди этихъ бѣлесоватыхъ сумерокъ, выступаютъ въ воздухѣ необыкновенно нѣжными тонами, какъ-то совсѣмъ иначе, чѣмъ днемъ, точно они спятъ и грезятъ. Изрѣдка порхаютъ летучія мыши, издавая особенный пискъ.

Кругомъ такъ тихо-тихо, только птички кое-гдѣ слабо чирикаютъ. Свѣтъ падаетъ равномѣрно, не исходя изъ одной яркой точки. Всюду необычайный покой. Изольда остановилась и взглянула на бѣлую, неподвижную фигуру.

«Что вырвало ее изъ сна? Что она дѣлаетъ? Что думаетъ? Для того ли она здѣсь, чтобы проститься со мной? Чувствуетъ ли она? Знаетъ ли?»

Изольда тихо подошла ближе.

— Лу!—позвала она.—Почему ты такъ рано встала?

— Изольда, ты!

Она повернула къ Изольдѣ свое заплаканное, утомленное безсонною ночью лицо; тѣсно прижавшись другъ къ другу, обѣ женщины начали ходить взадъ и впередъ по облитому бѣлесоватыми сумерками саду. Лу шла какъ-то робко; ея босымъ ногамъ было больно отъ прикосновенія твердаго, холоднаго щебня. Какъ тихо на островѣ святыхъ, съ его спящими весеннними цвѣтами, съ его буковыми деревьями и кустами, одѣтыми, словно легкимъ флеромъ, молодой листвой. Лу заговорила, наконецъ, прерывающимся отъ слезъ голосомъ:

— Изольда, моли Бога, чтобы тебѣ никогда не пришлось полюбить.

— Нѣтъ,—сказала Изольда,—мнѣ и не придется.

— Мой «добрый» говоритъ: «Пусть твоя любовь будетъ какъ снѣгъ; сама по себѣ холодная, но все согрѣвающая, все до чего она ни коснется. Это будетъ освобожденная любовь». О Боже! но вѣдь для этого надо переродиться. Сегодня меня снова вырвала изъ сна страшная греза. Страхъ смерти за него. Живешь, все время ожидая смертнаго приговора!

— Да,—сказала Изольда съ особеннымъ удареніемъ.

— Ты сегодня какая-то странная,—замѣтила фрау Лу.

— Нѣтъ, не я, а ты странная. Почему ты не хочешь отдать себя въ руки судьбы? Зачѣмъ ты борешься, какъ какой-нибудь звѣрь? Это недостойно тебя. Ты живешь рядомъ съ этимъ великимъ, добрымъ человѣкомъ и вѣчно жалуешься. Ты мучаешь себя мыслью, что онъ мо-

жетъ умереть, не кончивъ своего труда. Ты тщеславна. Но его трудъ законченъ уже въ немъ самомъ. Ты все еще стадное животное Но ты должна измѣниться. Да, будь, какъ снѣгъ; разумѣется, такова должна быть твоя любовь. Страсть не можетъ быть подобна снѣгу,—но любовь!—а вѣдь ты любишь. Еще одно, Лу,—не тревожься о немъ такъ много; ему и такъ довольно заботъ; не безпокой его. Ты—такая богато одаренная натура, одна изъ рѣдкихъ женщинъ, сознающихъ свой талантъ.

Изольда страстно обвила руками свою пріятельницу и прижала ее къ себѣ.

— Работай, Лу; работай до самой смерти ради меня, Лу. Трать свои силы на работу, а не на любовь и страхъ. Дай мнѣ теперь руку и поклянись, что время, которое тебѣ осталось жить на землѣ, ты проведешь въ честной работѣ, насколько хватитъ силъ,—горячо добавила она.

— Не давай любви занимать въ твоемъ сердцѣ такъ много мѣста. Вѣдь женщины склонны всѣ свои силы отдавать любви. Мы сдѣлали изъ нея какое-то чудовище, какое-то животное. Оно пожрало нашу духовную жизнь. Оно сдѣлало насъ бѣдными и глупыми. Дай мнѣ руку и поклянись, что ты будешь честно работать, полагая на эту работу всѣ твои силы.

— Да,—сказала Лу,—какъ ты.

— Да, какъ я. Я дѣлаю, что могу.

На ея лицѣ лежала печать чего-то чуждаго міру. Въ эту минуту она была такъ прекрасна, что фрау Лу была поражена:

— Какъ ты хороша— сказала она.

— Повтори это еще разъ,—просила Изольда.

— Зачѣмъ?

— Я хочу упиться этими словами,—сказала Изольда.—А своего мужа, когда онъ сегодня выйдетъ въ этотъ чудесный садъ, поцѣлуй отъ меня; поцѣлуй его въ лобъ и скажи ему, что я благословляю его за каждую его мысль, что я благодарна ему за все, что онъ мнѣ говорилъ, за все, что онъ для меня сдѣлалъ. И еще передай ему, что я ухожу теперь очищенная—свободная и освобожденная—и вижу восходящее солнце! Прощай.

Фрау Лу удивленно смотрѣла ей вслѣдъ; Изольда шла по дорогѣ легкой, быстрой походкой и скоро скрылась изъ виду.

Изольда шла все дальше среди утренней тишины, охваченная дивнымъ экстазомъ, погруженная въ самыя прекрасныя грезы, которыя ей когда-либо являлись.

Вдругъ она остановилась и стала прислушиваться. Она прислушивалась къ движеніямъ своей собственной души, вдругъ вздрогнувшей отъ какой-то незнакомой, невыносимой боли, подобной той, которую испытываетъ смертельно больной, сквозь наркозъ чувствующій при-

косновеніе ножа хирурга; боль эта была такая чуждая, точно не ей причиняемая. Но кому же? Ей? Неужели это ея собственная боль? Откуда она?

Изольда побѣжала.

— Надо стряхнуть съ себя это состояніе, собрать всѣ силы, иначе оно овладѣетъ душой.

И она бѣжала и бѣжала по тихой полянѣ. Сердце колотилось, пульсъ учащенно бился, а душа, уже освобожденная отъ земной оболочки, пробѣгала необозримыя пространства.

Значитъ—навстрѣчу смерти?

Да, съ распростертыми объятіями. Нѣтъ, она не ползла ей навстрѣчу. Слава Богу! Она съ торжествомъ сознавала это. Чего-нибудь она все же да достигла въ жизни. Ей казалось, что она воплощеніе отъ вѣка угнетаемой женщины, лишенной духовной стороны существованія, рабыни всѣхъ народовъ.

Какое-то ликованіе проснулось въ ней.

— И хотя бы весь міръ былъ противъ меня, я все же выйду побѣдительницей! Пусть вы осыпаете меня мусоромъ, накопившимся въ теченіе столѣтій, я все же выйду побѣдительницей.

Она громко вскрикнула, преисполненная сознанія своей силы.

Потомъ она уткнулась лицомъ въ густой буковый кустъ, роскошно распустившійся у дороги, мягкій и зеленый, сырой и пушистый. Его душистая зелень освѣжила ей лицо. Она глубоко, съ наслажденіемъ уткнула въ него голову, словно погружаясь въ земныя радости.

— Земныя радости!—Эти слова она произнесла мягко и задушевно. Потомъ бросилась на землю и стала ее цѣловать.

— Я вернусь!—громко воскликнула она.—Я вернусь.

Она сложила руки, какъ на молитву. Да, она хотѣла вернуться, она должна вернуться. Такова была ея твердая воля, ея святое рѣшеніе.

Здѣсь она покидала міръ тупыхъ, безсмысленныхъ, усталыхъ душъ, принадлежащихъ полуживотнымъ!

Она хотѣла заснуть мертвымъ, укрѣпляющимъ силы сномъ, хотѣла быть сильной и чистой, и доброй, и могучей—способной все побѣдить своей силой.

Въ ней не было колебаній, и, погруженная въ блаженное сознаніе своей силы, властвуя надъ жизнью и смертью, она ожидала... солнца.

Конецъ.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ВОПРОСА О „НЕВРОНАХЪ".

(*Окончаніе* *).

Вслѣдъ за основаніемъ новой «протоплазматической теоріи» строенія клѣтокъ появляется много работъ о периферической и центральной нервной системѣ у разныхъ животныхъ (преимущественно позвоночныхъ); въ нихъ трактуется не только о грубомъ строеніи различныхъ отдѣловъ этой системы, но вмѣстѣ съ тѣмъ затрогиваются вопросы о взаимной связи нервныхъ клѣтокъ и о тонкой ихъ структурѣ. Изъ числа этихъ работъ необходимо указать на изслѣдованія *Bidder*'а и его учениковъ, затѣмъ на работы *Ф. Овсянникова*, *Якубовича* и въ особенности *Remak*'а, *I. v.-Gerlach*'а, *Deiters*'а и извѣстнаго гистолога *M. Schultze*. Нѣкоторыя изъ работъ указанныхъ и многихъ другихъ изслѣдователей въ настоящее время потеряли почти всякое научное значеніе и сохранили лишь чисто историческій интересъ; нѣкоторыя же, какъ, напр., работъ *I. Gerlach*'а, а главнымъ образомъ *Deiters*'а и *M. Schultze*, читаются теперь съ такимъ же интересомъ, какъ и раньше, и отчасти подтверждаются новѣйшими изслѣдованіями.

Bidder и его ученики работали съ предвзятою мыслью, съ цѣлью, такъ сказать, приноровить анатомическія данныя къ своимъ физіологическимъ воззрѣніямъ, почему въ первое время работамъ ихъ придавали большое значеніе. Почти такой же характеръ носятъ и работы *Ф. Овсянникова* и *Якубовича* и отчасти изслѣдованія *Remak*'а и *Gerlach*'а. Онѣ лишь на время освѣтили горизонтъ изслѣдователей нервной системы, но затѣмъ вскорѣ свѣтъ ихъ погасъ, и то, что сначала казалось въ нихъ такимъ понятнымъ и такъ легко объясняющимъ нѣкоторыя функціи этой системы, мало-по-малу утрачивало прежній свой блескъ и значеніе. Этимъ, конечно, не исключается еще научный интересъ указанныхъ работъ, такъ какъ и онѣ оставили по себѣ извѣстные слѣды въ наукѣ и дали толчокъ для цѣлаго ряда новыхъ изслѣдованій.

Здѣсь не мѣсто излагать подробно всѣ тѣ выводы, къ которымъ

---

*) См. „Міръ Божій", № 10, ноябрь, 1903.

пришелъ каждый изъ вышепоименованныхъ наблюдателей, вслѣдствіе чего я ограничусь лишь указаніемъ на самые существенные изъ нихъ. Все, что было сдѣлано *Bidder*'омъ и его учениками, въ особенности *Schilling*'омъ (въ 1852 г.) и *Ф. Овсянниковымъ* (въ 1854 г.), изложено имъ же самимъ въ обширной его работѣ «Untersuchungen über die Textur des Rückenmarks» (Leipzig, 1857 г.). *Bidder* говоритъ, что ядро (внутреннюю часть спинного мозга) образуетъ такъ называемое сѣрое вещество, въ составъ котораго входитъ молодая соединительная ткань и кровеносные сосуды. Въ этомъ-то сѣромъ поддерживающемъ веществѣ, въ переднихъ и въ основаніи заднихъ роговъ спинного мозга, помѣщаются многоотростчатыя (съ 2—3, рѣдко съ 5-ю отростками) нервныя клѣтки, отростки которыхъ служатъ какъ для соединенія другъ съ другомъ нервныхъ клѣтокъ одной и той же половины, такъ равно и обѣихъ половинъ спинного мозга. Отростки нервныхъ клѣтокъ, переходящіе съ одной половины спинного мозга на другую его половину, составляютъ такъ называемую «переднюю спайку» («комиссуру»); кромѣ того, нѣкоторые изъ отростковъ идутъ вдоль спинного мозга и образуютъ бѣлое его вещество. Что касается тѣхъ волоконъ, которыя идутъ въ бѣломъ веществѣ въ поперечномъ направленіи, то они происходятъ изъ клѣтокъ переднихъ роговъ спинного мозга и ими-то составляются какъ волокна переднихъ, такъ, по всей вѣроятности, и заднихъ корешковъ. Такимъ образомъ, всѣ отростки, отходящіе отъ той или другой клѣтки спинного мозга, продолжаются въ нервныя во-

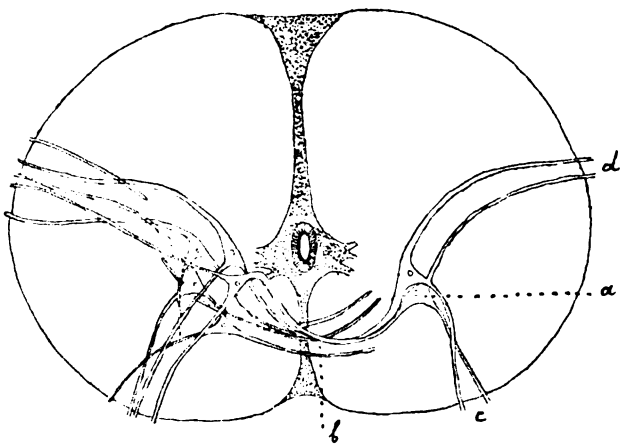


Рис. 7. Поперечный разрѣзъ спиннаго мозга Sadus Lota (Ф. Овсянниковъ, 1854 г.). a—нервныя клѣтки съ ихъ отростками; b—передняя спайка (комиссура); c—передніе корешки; d—задніе корешки.

локна, причемъ нѣтъ такой нервной клѣтки, которая при помощи своихъ отростковъ не стояла бы въ непосредственной связи съ сосѣдними или болѣе удаленными отъ нея клѣтками. Представленная на рис. 7 схема *Овсянникова* иллюстрируетъ, въ какомъ отношеніи стоятъ

отростки нервныхъ клѣтокъ другъ къ другу и къ различнымъ отдѣламъ спинного мозга.

Въ работахъ *Якубовича* (1855—1856 и 1857 гг.), которыя иногда цитируются и теперь, заключается столько фантастическаго, столько неправдоподобнаго, что въ настоящее время онѣ могутъ служить намъ лишь назиданіемъ, какъ непрочны наблюденія, разъ только изслѣдователь относится къ нимъ легко и не подвергаетъ ихъ строгой критикѣ. Онъ различаетъ въ спинномъ и головномъ мозгу большія многополюсныя клѣтки, которымъ приписываетъ двигательныя функціи и поэтому называетъ ихъ «двигательными клѣтками», хотя въ то же время допускаетъ, что имъ, помимо того, могутъ быть присущи и другія функціи. Кромѣ того, *Якубовичъ* различаетъ еще «чувствующія» и «симпатическія» нервныя клѣтки; первыя помѣщаются преимущественно въ заднихъ рогахъ спинного мозга, меньше двигательныхъ клѣтокъ и снабжены обыкновенно тремя отростками. Отростки эти служатъ для соединенія клѣтокъ одной и той же половины спинного мозга, а равно образуютъ «заднюю спайку» послѣдняго. Что касается симпатическихъ клѣтокъ, то ихъ авторъ находитъ въ спинномъ и продолговатомъ мозгу, въ мозжечкѣ и даже въ четырехолміи, причемъ отъ каждой такой клѣтки, по его наблюденіямъ, отходятъ лишь два тонкихъ отростка. Симпатическія клѣтки бываютъ двухъ родовъ: однѣ изъ нихъ располагаются въ спинно-мозговыхъ гангліяхъ и Гассеровомъ узлѣ (gangl. Gasseri), другія—въ спинномъ мозгу, мозжечкѣ и симпатическихъ гангліяхъ. Передніе корешки спинного мозга, по наблюденіямъ *Якубовича*, должны состоять изъ отростковъ клѣтокъ двигательныхъ, чувствующихъ и симпатическихъ, а чувствительные—задніе—корешки образуются преимущественно отростками чувствующихъ и симпатическихъ клѣтокъ и заключаютъ въ себѣ лишь весьма ограниченное количество отростковъ двигательныхъ клѣтокъ.

Работы *Remak'*а (въ 1854—1855 гг.), несмотря на то, что высказываемыя въ нихъ теоріи давнымъ-давно забыты, а многія изъ его наблюденій оказались невѣрными, все-таки имѣютъ для насъ несомнѣнное значеніе. Какъ видно изъ этихъ работъ, *Remak* первый констатировалъ, что отъ симпатическихъ клѣтокъ отходятъ многочисленные отростки, т.-е., что онѣ мультиполярны; съ этимъ согласуются и новѣйшія наблюденія. Затѣмъ его мы можемъ считать предвѣстникомъ извѣстной теоріи гангліозной клѣтки *Deiters'*а, такъ какъ въ одной изъ своихъ работъ «О строеніи сѣрыхъ столбовъ спинного мозга у млекопитающихъ» («Ueber den Bau der grauen Säulen im Rückenmark der Säugethiere». «Deutsch. Klinik», Bd. VII, 1855), онъ ясно намекаетъ на разницу, существующую между отростками одной и той же клѣтки, и говоритъ, что каждая клѣтка переднихъ роговъ спинного мозга стоитъ въ связи лишь съ однимъ волокномъ двигательнаго корешка, всѣ же остальные центральные отростки данной клѣтки физически и

химически отличаются отъ указаннаго волокна (отростка) и идутъ въ спинномъ мозгу въ различныхъ направленіяхъ.

Въ 1858 г. появилась работа *I. v.-Gerlach'a* «Mikroskopische Studien aus dem Gebiet der menschlichen Morphologie», которая заслуживаетъ особаго вниманія уже потому, что авторъ впервые сталъ примѣнять красящее вещество (карминъ) для изслѣдованія тканей. Онъ окрашивалъ растворомъ кармина разрѣзы спинного мозга и другихъ частей нервной системы, послѣ чего обрабатывалъ ихъ уксусною кислотою, обезвоживалъ, просвѣтлялъ и, наконецъ, заключалъ препараты въ канадскій бальзамъ. Такимъ путемъ ему удалось получить интенсивное окрашиваніе нервныхъ клѣтокъ, а вмѣстѣ съ этимъ былъ сдѣланъ первый важный шагъ въ дѣлѣ изслѣдованія нервной системы.

Однако, несмотря на окраску нервныхъ клѣтокъ, *Gerlach'у* сначала не удалось открыть какихъ-либо новыхъ данныхъ. Такъ, напр., изучая, главнымъ образомъ, кору мозжечка, онъ описываетъ не только непосредственный переходъ одного изъ отростковъ нервныхъ клѣтокъ въ осевой цилиндръ нервнаго волокна, но въ то же время указываетъ, будто многія нервныя волокна вступаютъ изъ бѣлаго вещества мозжечка въ кору его, постепенно дѣлятся здѣсь и, въ концѣ концовъ, распадаются на множество волоконецъ; послѣднія должны соединяться съ развѣтвленіями отростковъ клѣтокъ *Purkinje*. Наблюденія эти, однако, впослѣдствіи не подтвердились. Изъ цѣлаго ряда ученыхъ (*L. Mauthner*, *Goll* и др.), работавшихъ затѣмъ надъ строеніемъ нервной системы у разныхъ животныхъ, на первомъ мѣстѣ мы должны поставить труды *Deiters'a* и *M. Schultze*, такъ какъ добытые ими факты сохранили свою цѣнность для науки и по настоящее время.

Изслѣдованія *Deiters'a* о головномъ и спинномъ мозгѣ у человѣка и животныхъ («Untersuchungen über Gehirn und Rückenmark des Menschen und der Saügethiere») были изданы въ 1865 г. уже послѣ смерти этого слишкомъ рано умершаго даровитаго ученаго. Я не буду касаться здѣсь всего того, что было сдѣлано *Deiters'ом* въ области центральной нервной системы, укажу лишь на самое существенное въ его изслѣдованіяхъ и ближе всего относящееся къ затронутому нами вопросу, т.-е. изложу сущность его «теоріи центральной гангліозной клѣтки». Изучая клѣтки центральной нервной системы, онъ замѣтилъ, что отъ клѣточнаго тѣла отходитъ болѣе или менѣе значительное количество отростковъ, которые постепенно вѣтвятся и, въ концѣ концовъ, распадаются на множество неизмѣримо тонкихъ вѣточекъ, теряющихся въ порозномъ веществѣ мозга. Отростки эти кажутся зернистыми, иногда заключаютъ въ себѣ зернышки пигмента и составляютъ непосредственное продолженіе протоплазмы клѣтки, почему *Deiters* и далъ имъ названіе «протоплазматическихъ отростковъ». Но, помимо того, онъ обратилъ вниманіе, что отъ тѣла клѣтки, кромѣ сейчасъ указанныхъ отростковъ, отходитъ еще одинъ особенный

отростокъ, который былъ названъ имъ, въ отличіе отъ первыхъ, «осевоцилиндрическимъ отросткомъ». Отростокъ этотъ отличается отъ протоплазматическихъ тѣмъ, что онъ является однороднымъ, не такъ легко измѣняется отъ дѣйствія реагентовъ и въ начальной своей части не отдаетъ отъ себя никакихъ вѣточекъ. Какова дальнѣйшая судьба осевоцилиндрическаго и протоплазматическихъ отростковъ — это для *Deiters*'а оставалось такою же тайной, какою она, до извѣстной степени, остается и по настоящее время. Ему не удалось видѣть непосредственнаго перехода осевоцилиндрическаго отростка въ нервное волокно, а относительно протоплазматическихъ отростковъ онъ говоритъ, что развѣтвленія нѣкоторыхъ изъ нихъ потомъ превращаются въ тонкіе осевоцилиндрическіе отростки, остальные же теряются въ порозномъ основномъ веществѣ мозга.

Deiters допускалъ, что толстый осевоцилиндрическій отростокъ, весьма вѣроятно, продолжается въ мякотное нервное волокно, тонкіе же осевоцилиндрическіе отростки, соединяясь постепенно другъ съ другомъ, тоже превращаются, въ концѣ концовъ, въ толстое нервное волокно. Далѣе, онъ отвергаетъ существованіе непосредственной связи, или такъ назыв. «анастомозовъ», между нервными клѣтками. Наконецъ, относительно начала переднихъ (двигательныхъ) корешковъ спинного мозга *Deiters* высказываетъ предположеніе, что или толстые осевоцилиндрическіе отростки всѣхъ клѣтокъ продолжаются въ волокна этихъ корешковъ, или они, начинаясь отъ различныхъ клѣтокъ, идутъ по двумъ направленіямъ — одни въ волокна корешковъ, другіе — въ бѣлое вещество мозга, или же имѣются клѣтки, толстые осевоцилиндрическіе отростки которыхъ направляются въ корешки, а тонкіе — въ бѣлое вещество; встрѣчаются и такія клѣтки, толстые осевоцилиндрическіе отростки которыхъ, наоборотъ, идутъ въ бѣлое вещество, между тѣмъ какъ тонкіе отростки становятся волокнами корешковъ.

Что касается вопроса о происхожденіи заднихъ (чувствительныхъ) корешковъ, то, несмотря на всю трудность его рѣшенія, *Deiters* и тутъ сдѣлалъ значительный шагъ впередъ сравнительно со своими предшественниками. Онъ доказалъ, что волокна заднихъ корешковъ начинаются отъ нервныхъ клѣтокъ, расположенныхъ въ заднихъ рогахъ сѣраго вещества спинного мозга. Какимъ образомъ происходитъ эта связь между указанными волокнами и клѣтками, объ этомъ *Deiters* говоритъ очень осторожно и высказываетъ такую мысль, что или осевоцилиндрическіе отростки означенныхъ клѣтокъ непосредственно продолжаются въ волокна чувствительныхъ корешковъ, или же, бытъ можетъ, тѣ тонкіе осевоцилиндрическіе отростки, которые образуются путемъ сліянія изъ вѣточекъ нѣкоторыхъ протоплазматическихъ отростковъ клѣтокъ заднихъ роговъ, впослѣдствіи становятся волокнами заднихъ корешковъ.

Такимъ образомъ, *Deiters*'у мы обязаны открытіемъ того весьма

важнаго факта, что не всѣ отростки, отдѣляющіеся отъ одной и той же клѣтки, имѣютъ одинаковую природу и значеніе. Между ними мы должны различать вѣтвящіеся отростки, представляющіе собою, такъ сказать, продолженіе тѣла клѣтки, ихъ *Deiters* назвалъ протоплазматическими отростками; одинъ же отростокъ клѣтки кажется однороднымъ, не вѣтвится, по крайней мѣрѣ въ начальной своей части, и, повидимому, продолжается въ осевой цилиндръ нервнаго волокна—это такъ назыв. осевоцилиндрическій отростокъ. Фактъ этотъ для извѣстнаго вида нервныхъ клѣтокъ остается въ полной своей силѣ и по настоящее время; означенныя клѣтки мы и теперь называемъ «клѣтками типа *Deiters*'а», причемъ осевоцилиндрическій отростокъ ихъ обозначаютъ названіемъ «отростка *Deiters*'а».

Почти вслѣдъ за работой *Deiters*'а появляется изслѣдованіе выдающагося гистолога *M. Schultze* «Observaiones de structura cellularum fibrarumque nervarum» (въ 1868 г.), въ которомъ онъ касается весьма труднаго въ то время для рѣшенія вопроса о тонкомъ строеніи нервныхъ клѣтокъ и волоконъ. *M. Schultze* вводитъ въ микроскопическую технику новые реагенты для изслѣдованія тканей (напр., осміевую кислоту) и, пользуясь ими, изучаетъ какъ гангліозныя клѣтки, расположенныя на пути нервныхъ стволиковъ и составляющія такъ назыв. спинномозговые и симпатическіе гангліи (узлы), такъ равно и клѣтки центральной нервной системы. Онъ отличаетъ различные виды нервныхъ волоконъ, простѣйшую форму которыхъ представляютъ «первичныя нервныя волоконца». Послѣднія чрезвычайно тонки, лежатъ на границѣ микроскопическаго измѣренія, кажутся въ видѣ тончайшихъ ниточекъ, не имѣющихъ никакого строенія (рис. 8), и встрѣчаются въ центральной нервной системѣ и вблизи периферическихъ окончаній нервовъ. Первичныя нервныя волоконца могутъ собираться въ цѣлые пучки, причемъ въ такомъ случаѣ отдѣльныя волоконца обыкновенно связываются между собою особымъ зернистымъ веществомъ. Изъ такихъ пучковъ волоконецъ состоятъ осевые цилиндры нервныхъ волоконъ, а также протоплазматическіе отростки нервныхъ клѣтокъ.

Какъ отдѣльные волоконца, такъ и пучки ихъ могутъ окружаться особеннымъ влагалищемъ (оболочкой), составленнымъ изъ болѣе или менѣе толстаго слоя жироподобнаго вещества—міэлина (мякоти, мозгового вещества); волокна подобнаго рода *M. Schultze* называетъ мякотными, или міэлиновыми, нервными волокнами. Во многихъ случаяхъ пучки волоконецъ окружаются лишь тончайшею соединительнотканною оболочкою съ ядрами, такъ называемою шванновской оболочкой. Къ такимъ волокнамъ принадлежатъ волокна, извѣстныя подъ названіемъ ремаковскихъ волоконъ (см. выше), и волокна обонятельнаго нерва. Наконецъ, по наблюденіямъ *M. Schultze*, шванновская оболочка можетъ окружать собою пучки волоконецъ, покрытые мякотною обо-

лочкою; изъ такого рода мякотныхъ волоконъ составлено большинство черепныхъ и спинныхъ нервовъ.

Такимъ образомъ, элементарною составною частью всѣхъ, какъ мякотныхъ, такъ и безмякотныхъ нервныхъ волоконъ являются тончайшія «первичныя волоконца», или «фибрилли»; волоконца эти, склеиваясь между собою при помощи особеннаго «межволоконцеваго», или «межфибриллярнаго», вещества въ цѣлый пучокъ, образуютъ самую существенную часть всякаго нервнаго волокна—его осевой цилиндръ.

Желая ознакомиться съ тонкою структурою нервныхъ клѣтокъ, *M. Schultze* выбралъ объектомъ своихъ наблюденій двигательныя клѣтки переднихъ роговъ спинного мозга, а также большія клѣтки электрической доли головного мозга ската. Онъ изслѣдовалъ указанныя клѣтки какъ въ свѣжемъ видѣ, такъ и на препаратахъ, обработанныхъ растворами хромовой или осміевой кислотъ и пришелъ къ тому заключенію, что протоплазма ихъ имѣетъ ясно выраженное волокнистое (фибриллярное) строеніе.

Рис. 8. Первичныя нервныя волоконца (фибрилли) изъ слоя нервныхъ волоконъ сѣтчатки (M.Schultze, 1872 г.).

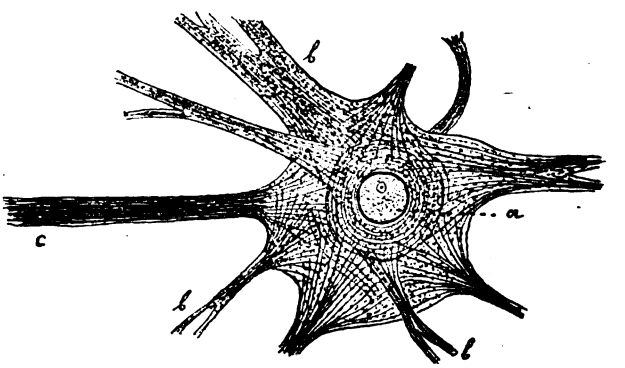


Рис. 9. Нервная клѣтка изъ электрической лопасти мозга (Torpedo). a—ядро съ ядрышкомъ; b—протоплазматическіе отростки; c—осевоцилиндрическій отростокъ. Видно строеніе клѣтки изъ первичныхъ волоконецъ и межволоконцеваго вещества (M. Schultze, 1872 г.).

Волоконца, или фибрилли, особенно отчетливо выступаютъ въ периферической части клѣтокъ, но, несомнѣнно, говоритъ *M. Schultze*, они идутъ и въ глубину каждой клѣтки; лишь около самаго клѣточнаго ядра волоконца, повидимому, отсутствуютъ, и здѣсь мѣсто ихъ заступаетъ мелкозернистое вещество, которое имѣется и въ остальной части протоплазмы клѣтки, гдѣ оно занимаетъ промежутки, остающіеся между волоконцами, и поэтому носитъ названіе «межволоконцеваго» (межфибриллярнаго) вещества.

Обыкновенно волоконца располагаются въ клѣткѣ то отдѣльно, то цѣлыми пучками, идутъ въ разныхъ направленіяхъ и различнымъ

образомъ перекрещиваются между собою (рис. 9). Составъ протоплазмы нервныхъ клѣтокъ изъ волоконецъ и межволоконцеваго вещества выступаетъ съ замѣчательною ясностью въ громадныхъ клѣткахъ головного мозга электрическаго ската. Разсматривая эти клѣтки, мы можемъ убѣдиться въ томъ, что означенныя волоконца лишь пронизываютъ клѣтку, мѣняютъ въ ней свое направленіе и затѣмъ частью продолжаются непосредственно въ осевоцилиндрическій отростокъ (рис. 9), частью вступаютъ въ протоплазматическіе отростки данной клѣтки. Въ клѣткахъ, отъ которыхъ отходятъ одинъ или два отростка, напр., въ клѣткахъ симпатическихъ гангліевъ лягушки и спинномозговыхъ гангліевъ млекопитающихъ, всѣ волоконца идутъ непосредственно на образованіе указанныхъ отростковъ, которые, окружаясь потомъ оболочками, превращаются въ нервныя волокна, т.-е. становятся осевоцилиндрическими отростками названныхъ клѣтокъ.

Нервная клѣтка, по мнѣнію *M. Schultze*, представляетъ собою узловую точку, въ которой сходятся безчисленныя волоконца, идущія изъ различныхъ областей нервной системы; гдѣ начало и конецъ каждаго отдѣльнаго волоконца этого мы не знаемъ; скорѣе всего нужно допустить, что волоконца не оканчиваются въ клѣткахъ головного или спинного мозга, а, начинаясь на периферіи, лишь проходятъ чрезъ нервныя клѣтки.

Что касается связи между отдѣльными нервными клѣтками, то въ этомъ отношеніи *M. Schultze* не высказываетъ ничего опредѣленнаго; по его мнѣнію, анастомозы между сосѣдними клѣтками при помощи ихъ протоплазматическихъ отростковъ встрѣчаются, но далеко не такъ часто и постоянно, какъ это предполагаютъ нѣкоторые изслѣдователи.

Благодаря работамъ этого неутомимаго изслѣдователя, мы подробно познакомились со строеніемъ нервныхъ волоконъ, убѣдились въ томъ, что осевые цилиндры нервныхъ волоконъ являются лишь продолженіемъ осевоцилиндрическихъ отростковъ гангліозныхъ клѣтокъ и, наконецъ, впервые получили ясную картину строенія тѣхъ удивительныхъ элементовъ—нервныхъ клѣтокъ, съ которыми единственно связаны сложныя функціи нервной системы. Правда, читая описаніе *M. Schultze* о строеніи нервныхъ клѣтокъ и разсматривая иллюстрирующіе текстъ рисунки, нельзя не замѣтить, что въ этомъ описаніи есть не мало пробѣловъ, рисунки схематичны и «первичныя нервныя волоконца» *M. Schultze* не отвѣчаютъ вполнѣ тѣмъ «первичнымъ нервнымъ фибриллямъ», съ которыми мы познакомились въ послѣднее время. Но если принять во вниманіе тѣ способы изслѣдованія, которыми пользовался *M. Schultze*, и сравнить ихъ съ тѣми сложными методами и усовершенствованными микроскопами, какими мы владѣемъ въ настоящее время, то намъ придется лишь удивляться тонкости сдѣланныхъ имъ наблюденій и замѣчательной способности его предвидѣть многое изъ того, что стало почти несомнѣннымъ фактомъ только въ послѣднее время. Описанное имъ фибриллярное строеніе нервныхъ клѣтокъ съ

ихъ отростками, распредѣленіе въ нихъ фибриллей и высказанное предположеніе относительно начала и дальнѣйшаго хода фибриллей во многомъ сходятся съ тѣми данными, которыя, какъ мы увидимъ ниже, были добыты нѣкоторыми наблюдателями лишь теперь, 35 лѣтъ спустя.

Въ 1872 г. въ извѣстномъ учебникѣ гистологіи *S. Stricker*'а «Handbuch der Lehre von den Geweben des Menschen und der Thiere» знакомый уже намъ изслѣдователь *I. v. Gerlach* въ статьѣ своей «О спинномъ мозгѣ» отчасти подтверждаетъ и дополняетъ то, что было сдѣлано *Deiters*'омъ и *M. Schultze*. Изучая клѣтки сѣраго вещества спинного мозга на поперечныхъ и продольныхъ его разрѣзахъ, а равно изолируя клѣтки путемъ расщипыванія кусочковъ спинного мозга, онъ описываетъ и рисуетъ такъ назыв. двигательныя клѣтки съ ихъ протоплазматическими и осевоцилиндрическимъ отросками (рис. 10) и высказываетъ предположеніе, что послѣдній продолжается въ двигательное нервное волокно.

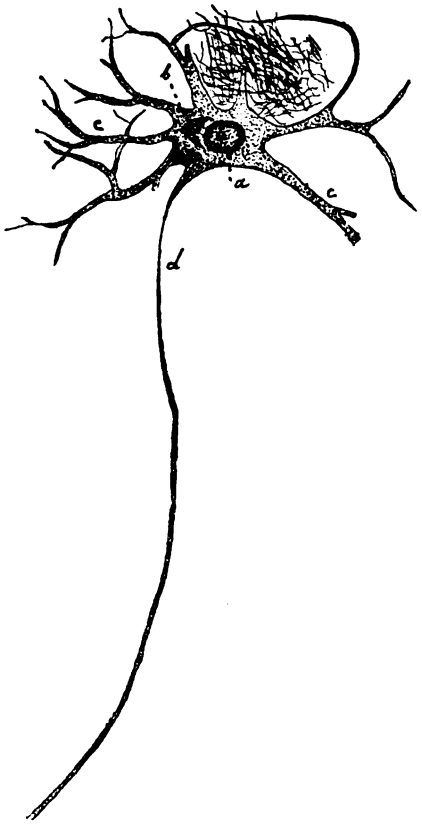


Рис. 10. Нервная клѣтка изъ передняго рога спинного мозга человѣка. a—ядро съ ядрышкомъ; b—зернышки пигмента; c—протоплазматическіе отростки; d—осевоцилиндрическій отростокъ (I. v. Gerlach, 1872 г).

Задавшись далѣе цѣлью рѣшить вопросы, какое направленіе принимаютъ осевоцилиндрическіе отростки клѣтокъ спинного мозга, что, въ концѣ концовъ, происходитъ съ протоплазматическими ихъ отростками и,наконецъ, имѣются ли въ спинномъ мозгу клѣтки безъ осевоцилиндрическаго отроска, *Gerlach* пытается дать на нихъ отвѣты.

Онъ говоритъ, что осевоцилиндрическіе отростки клѣтокъ переднихъ роговъ сѣраго вещества спинного мозга непосредственно продолжаются, какъ это еще предполагалъ *Deiters*, въ волокна переднихъ корешковъ; однако, самому *Gerlach*'у не удалось прослѣдить перехода этихъ отростковъ въ означенныя волокна. Что касается начала нервныхъ волоконъ, образующихъ заднie корешки, то рѣшить этотъ вопросъ, по мнѣнію *Gerlach*'а, гораздо труднѣе; тѣмъ не менѣе полученные имъ препараты говорятъ за то, что указанныя волокна не связаны непосредственно съ нервными клѣтками, а вступаютъ предвари-

тельно въ тонкую сѣть нервныхъ волоконъ («Nervenfasernetz»), при помощи которой они уже связываются съ нервными клѣтками. Въ заднихъ рогахъ сѣраго вещества спинного мозга нѣтъ столь рѣзко обозначенныхъ клѣточныхъ группъ, какъ въ переднихъ рогахъ. Здѣсь маленькія клѣтки лежатъ разсѣянными въ сѣромъ веществѣ, причемъ отъ нихъ также отходятъ нервные (осевоцилиндрическіе) отростки, которые, однако, направляются кпереди и, по всей вѣроятности, становятся двигательными волокнами.

Касаясь вопроса о конечной судьбѣ развѣтвленій протоплазматическихъ отростковъ клѣтокъ сѣраго вещества спинного мозга, *Gerlach* указываетъ, что ихъ развѣтвленія образуютъ нервную сѣть сѣраго вещества, а изъ этой сѣти уже берутъ начало нервныя волокна; послѣднія непосредственно продолжаются въ волокна заднихъ корешковъ или достигаютъ бѣлаго вещества пучковъ спинного мозга.

Наконецъ, относительно третьяго вопроса *Gerlach* высказываетъ лишь предположеніе, что не всѣ нервныя клѣтки спинного мозга имѣютъ осевоцилиндрическій отростокъ. Такъ, напр., по наблюденіямъ *Gerlach*'а, клѣтки столбовъ Кларка снабжены только протоплазматическими отростками, развѣтвленія которыхъ принимаютъ участіе въ составленіи нервной сѣти сѣраго вещества.

Такимъ образомъ, *Gerlach* впервые рѣшаетъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ о конечной судьбѣ тончайшихъ развѣтвленій протоплазматическихъ отросковъ клѣтокъ сѣраго вещества спинного мозга. Развѣтвленія эти соединяются въ густую нервную сѣть, изъ которой начинаются сперва тонкія волокна, затѣмъ послѣднія, постепенно сливаясь другъ съ другомъ, образуютъ толстыя нервныя волокна, а изъ нихъ уже слагаются задніе корешки (рис. 11). Начерченная имъ схема начала нервныхъ волоконъ переднихъ (двигательныхъ) и заднихъ (чувствительныхъ) ко-

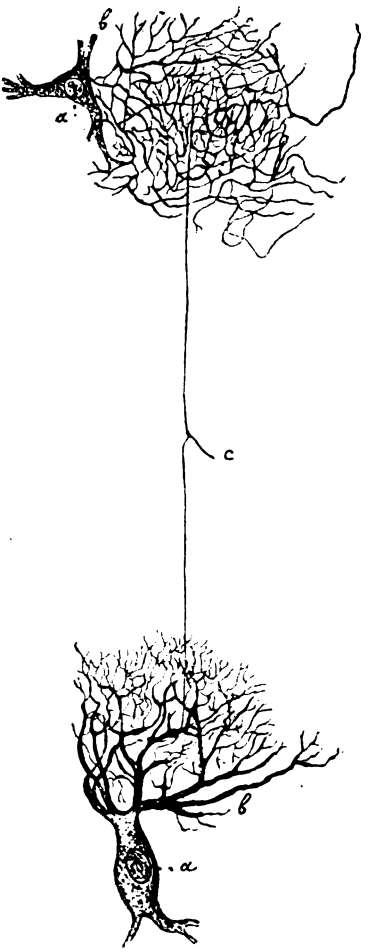


Рис. 11. Двѣ нервныхъ клѣтки изъ спинного мозга быка. a—ядро; b—протоплазматическіе отростки. Видно дѣлящееся нервное волокно (c), объ вѣточки котораго соединяются съ нервною сѣтью, образуемою развѣтвленіями протоплазматическихъ отростковъ клѣтокъ (I. v—Gerlach, 1872 г.).

решковъ спинного мозга, благодаря своей простотѣ и ясности, вскорѣ пріобрѣтаетъ многочисленныхъ сторонниковъ, прочно устанавливается въ наукѣ и удерживается въ ней почти вплоть до новѣйшихъ открытій, сдѣланныхъ въ области нервной системы. Мало того, она до извѣстной степени находитъ себѣ подтвержденіе въ этихъ открытіяхъ. Послѣ выдающихся работъ *Deiters*'а, *M. Schultze* и *Gerlach*'а появляются изслѣдованія *Schmidt*'а, *Lantermann*'а, *Kuhnt*'а, *Axel Key* и *Retzius*'а, *Ranvier* и др. ученыхъ, которыя, въ особенности работы *Ranvier*, выясняютъ намъ нѣкоторыя детали въ строеніи преимущественно мякотныхъ (міэлиновыхъ) и безмякотныхъ (ремаковскихъ) нервныхъ волоконъ. Между прочимъ, *Ranvier* замѣтилъ, что въ мякотныхъ волокнахъ периферическихъ нервовъ мякотная оболочка мѣстами прерывается; мѣста эти получили названіе «кольцеобразныхъ перехватовъ» *Ranvier*, а участки мякоти, заключенные между каждыми двумя перехватами,—«межкольцевыхъ сегментовъ». Кромѣ того, *Ranvier* первому удалось прослѣдить осевоцилиндрическій отростокъ двигательныхъ клѣтокъ спинного мозга вплоть до того мѣста, гдѣ онъ окружается мякотью, т.-е. становится нервнымъ волокномъ.

И такъ, трудами всѣхъ вышеименованныхъ ученыхъ, въ особенности *Deiters*'а, *M. Schultze* и *Gerlach*'а, кладется уже прочный фундаментъ для цѣлаго ряда блестящихъ открытій, характеризующихъ третій и послѣдній періодъ въ исторіи ученія о тонкомъ строеніи нервной системы.

А. Догель.

ДВА ВОЗЗВАНІЯ.

(Съ польскаго).

Переводъ автора.

Въ этотъ день, гонимый яростью мучительныхъ мыслей и злобой тоски, я ушелъ изъ чуждаго города въ еще болѣе чуждую мнѣ степь.

Тамъ я бродилъ до изнеможенія, находя въ физическомъ утомленіи нравственное успокоеніе.

Когда я возвращался по собственнымъ слѣдамъ, одна лишь замирающая грусть тихо рыдала въ истерзанномъ сердцѣ.

Приближался вечеръ, а раскаленный песокъ все еще пылалъ жаромъ и весь сверкалъ, будто мертвой росой, соленымъ инеемъ и мѣстами блестѣлъ кусками застывшей соли, какъ глыбами окаменѣвшихъ, горькихъ слезъ.

Среди желтовато-пепельной поверхности обнаженной равнины, единственными слѣдами жизни на этой безплодной, жаромъ убитой землѣ были жалкіе пучки безцвѣтной верблюжьей травы да мерцающія вдали, на подобіе дымящихся кочекъ, калмыцкія кибитки-скитальцы.

И ничего болѣе—только мучительно растянутыя въ безграничную даль, необозримыя, сѣрыя пространства подъ раскинувшейся въ вышинѣ лазурью однообразно чистаго неба, унылая глушь и столь зловѣщая тишина, какъ будто гдѣ-то вблизи носилась готовая къ внезапному нападенію безжалостная смерть.

Безъ оглядки я спѣшилъ въ городъ и съ чувствомъ отдыха устремлялъ утомленный взоръ на выдвигающіеся все яснѣе контуры строеній, которые острыми очертаніями врѣзывались въ прозрачный воздухъ. Всѣ края желѣзныхъ крышъ, кресты и куполы церквей тлѣли розовымъ огнемъ, а возвышающійся надъ всѣмъ полумѣсяцъ на стройной, точно стрѣла, несущаяся въ небо, башнѣ минарета казался окровавленнымъ серпомъ.

Въ промежуткахъ между домами виднѣлась золотая рябь широко разлившейся въ безбрежное море Волги, великолѣпной и гордой утопающимъ въ ней пожаромъ пылающаго солнца.

Весь зной и жара, казалось, сосредоточились теперь въ его багровомъ шарѣ, который, будто вырванное изъ лона дня сердце, трепеща ореоломъ сверкающихъ лучей, медленно погружался въ молчаливую глубину волнъ.

*

При видѣ этого, что-то шевельнулось во мнѣ, и въ судорожномъ страданіи, точно въ миражѣ, предсталъ предо мною родной закатъ солнца, такъ не похожій на тотъ, котораго я былъ свидѣтелемъ.

Я почувствовалъ прощальныя нѣжныя объятія тихаго лѣтняго вечера, когда теплое дуновеніе шепчетъ колыбельную пѣсню волнующимся молитвой нивамъ, когда по звучащимъ лягушачьимъ говоромъ лугамъ, какъ бѣлыя сновидѣнія, носятся и блуждаютъ туманы, зелень травъ подергивается серебромъ душистой росы, въ румяной зарѣ плаваютъ лучезарныя облака, будто розы и фіалки, расцвѣтающія въ небесахъ, и широкая земля въ лиловомъ сумракѣ мечтаетъ и грезитъ.

Впечатлѣніе было до того сильное, что мнѣ почудилось, будто гдѣ-то вдалекѣ звонятъ въ костелѣ. Это съ вершины минарета раздался вечерній намазъ.

Я слышалъ неоднократно напѣвъ муллы, но никогда онъ не тронулъ меня такъ глубоко, какъ въ эту минуту. Это не былъ зовъ, но какъ бы дѣйствительно звонъ человѣческой груди.

Въ мертвой тишинѣ протяжное, однозвучное «Аллахъ, Аллахъ!» билось какъ одинокое, безконечно печальное живое существо, ищущее покоя и пріюта.

Звучный, неизмѣримо грустный, до глубины проникающій голосъ производилъ впечатлѣніе не религіознаго восторга, но вспыхивающаго страстной тоской стремленія къ неизвѣстному божеству.

Напѣвъ жалобно рыдалъ; въ сердцѣ моемъ дрогнули заржавѣвшія струны давно забытыхъ чувствъ. Мелькнула робкая надежда, что этотъ голосъ не взываетъ напрасно, заволновалось святое чувство упованія, что есть какая-то премудрая мысль, руководящая міромъ, неумолимая забота, пекущаяся о немъ.

Чувство смиренія, переполнившее меня, напоминало то умиленіе, которое я испыталъ послѣ первой исповѣди. Весь растроганный, я спѣшилъ домой узкими переулками, сохраняя еще на порогѣ комнаты тонкое сознаніе пережитаго волненія; здѣсь, какъ бы таинственное откровеніе, я ощутилъ въ себѣ новую способность смягчать самыя грубыя впечатлѣнія.

Благодаря этому блаженному состоянію, тѣсно застроенный покосившимися сараями, обветшалыми пристройками, полный навѣсовъ и мусора дворъ показался мнѣ менѣе обыкновеннаго душнымъ, лѣстница не столь крутою и грязною, а жалкая скверная мебель моей конурки уже не внушала отвращенія.

Вытянувшись съ наслажденіемъ на блинообразномъ тюфякѣ, съ полуоткрытыми глазами, я слѣдилъ, какъ отверстіе открытаго окна подергивается густой сѣточкой сумрака. Гдѣ-то далеко за ней, на голубой выемкѣ неба, будто свѣтъ изъ другого міра, загорѣлось пятнышко звѣзды, мерцающей быстрыми вспышками синеватыхъ и красныхъ лучей.

Не только созерцая взоромъ, но какъ бы ловя слухомъ ея огнен-

ный ритмъ, я медленно погружался въ бездонную пропасть празднаго раздумія о чемъ-то столь неуловимомъ и расплывчатомъ, какъ отраженія несущихся высоко облаковъ въ глубинѣ помутнѣвшаго озера.

По временамъ тревожилъ меня скрипъ калитки, шопотъ и шорохъ, который производили робко проскальзывавшіе въ домъ ночные жители двора—постоянные и случайные. Это были различнаго рода бродяги, личности, лишенныя постояннаго мѣста жительства, занятія и фамиліи,—главнымъ образомъ представители такъ называемой «золотой роты»—этой категоріи существъ, рѣзко отличающихся отъ остального человѣчества.

Ибо не только достовѣрно неизвѣстно, чѣмъ занимается эта порода, напоминающая внѣшнимъ образомъ людей, иногда даже и очень солидныхъ, какъ и чѣмъ она живетъ, но и откуда происходитъ. Она, кажется—не рождается, но прямо появляется вмѣстѣ съ своими лохмотьями изъ глины набережной сразу, въ законченномъ видѣ оброшаго, полуодѣтаго существа, привѣтствующаго міръ хриплымъ голосомъ: «на водку!»

Сбродъ этотъ постоянно мретъ отъ голода, но врядъ ли умираетъ когда-нибудь, по крайней мѣрѣ, труповъ не видно, и численность его не уменьшается, какъ не убываетъ воды въ Волгѣ, хотя проносится волна за волной. И, вотъ, извѣстное количество такихъ щеголей забирались ночевать на нашъ дворъ и располагались подъ навѣсами сараевъ, чулановъ, подъ крышами и даже на крышахъ, однимъ словомъ, гдѣ попало.

Никто не былъ въ состояніи объяснить, когда и какимъ образомъ они съумѣли отстоять эту освященную традиціей привилегію. Меня зато убѣждали, что присутствіе этихъ подозрительныхъ личностей, именно, лучше, чѣмъ самые хитрые замки и самая честная полиція, охраняетъ имущество жильцовъ отъ кражи и грабежа; и такъ какъ домъ стоялъ въ сторонѣ, въ такъ называемомъ «лихомъ мѣстѣ», они становились въ извѣстномъ родѣ благодѣтелями; притомъ никому не мѣшали—сходились поздно, тихо, какъ привидѣнія, и исчезали съ разсвѣтомъ.

Сначала, хотя я и былъ предупрежденъ во-время, мнѣ становилось немного жутко, когда я слышалъ шаги и топотъ незванныхъ гостей и видѣлъ ихъ мелькающія тѣни; а разъ, замѣтивъ на горизонтальной крышѣ подъ моимъ окошкомъ могучую фигуру какого-то великана, я испугался серьезно. Но очень скоро я привыкъ и уже не разъ совершенно равнодушно прислушивался, какъ жалобно трещали доски, когда «мой» карабкался на крышу.

«Мой»—странное слово!

Изъ выраженія этого, употребляемаго въ шутку, выросталъ зародышъ благосклоннаго чувства къ этому подозрительному проходимцу, котораго я даже не зналъ въ лицо, ибо никогда не видѣлъ его при дневномъ свѣтѣ, съ которымъ не имѣлъ абсолютно ничего общаго, кромѣ развѣ пространственныхъ отношеній.

И однако, это было такъ, и въ этомъ я убѣдился въ эту ночь. Нѣсколько дней тому назадъ, «мой» пропалъ, и теперь, именно, слыша, какъ сходятся другіе, я подмѣчалъ въ себѣ какое-то чувство ожиданія, какъ бы разсѣяннаго неудовольствія и разочарованія, что его еще нѣтъ.

Въ этотъ день онъ былъ мнѣ до такой степени необходимъ, что, услышавъ характерный трескъ, я почти обрадовался и всталъ, чтобъ убѣдиться, не ошибаюсь ли я.

Внизу подъ моимъ окошкомъ чернѣли знакомыя формы; около сарая я тоже различилъ нѣсколько удлиненныхъ тѣней, объятыхъ непробуднымъ сномъ.

Должно быть, было уже довольно поздно.

Все выше и выше поднималась восхитительная южная ночь, въ которой нѣтъ смиряющаго душу покоя, но чувствуется порывистое могущество сильно клокочущей въ ней жизни. Въ темной глубинѣ синяго, широко раскинувшагося неба дрожали и горѣли, точно разсыпанные уголья, рои подвижныхъ звѣздъ. Чувствовалось величіе этихъ громадныхъ пылающихъ міровъ, быстрый полетъ описываемыхъ ими круговъ. Широко разсѣянный млечный путь, казалось, вспыхиваетъ и кишитъ, обуянный безумнымъ вихремъ творчества создаваемыхъ въ его хаосѣ міровъ.

И только одинокій серпъ луны блестѣлъ мертво и неподвижно, будто зловѣщій символъ смерти, прикрѣпленный къ сапфировому своду, кипящему оргіей жизни.

Насладившись вдоволь очаровательнымъ видомъ, я раздѣлся и, какъ человѣкъ, который благополучно завершилъ свой день, началъ быстро засыпать, впервые съ давнихъ поръ не утомленный, съ расшатанными нервами, но испытывая блаженный покой всего существа.

Я спалъ недолго, но видно крѣпко, ибо, пробужденный сознаніемъ, что происходитъ что-то необыкновенное, я былъ принужденъ извѣстное время бороться со сномъ, пока совершенно очнулся.

Тогда я услышалъ вблизи какъ бы вспыхивающій и мгновенно затихающій стонъ, который умиралъ сейчасъ же, и другой сдержанный голосъ, повторяющій серьезно вразумительнымъ тономъ:

— Васька, оставь!

Я мгновенно подошелъ къ окну и остановился въ изумленіи.

На крышѣ, повернувшись спиной ко мнѣ, клалъ размашистые поклоны «мой»; онъ сгибался въ поясъ и, ударяя сильно обѣими руками въ грудь, скрежеталъ зубами; въ горлѣ у него переливались какія-то созвучія, непонятныя слова. На дворѣ освѣщенномъ тусклымъ блескомъ серебряной луны, суетились, какъ бы въ смятеніи, тѣни различныхъ фигуръ, а снизу кто-то незримый дѣлалъ строгія замѣчанія:

— Васька, успокойся... говорятъ тебѣ, оставь!.. Лягъ спать... пройдетъ!..

Это производило извѣстное дѣйствіе, но лишь на минуту.

При звукѣ рѣшительнаго голоса, Васька унимался и на мгновеніе

становился неподвижнымъ, но потомъ съ удвоенной силой билъ себя въ грудь, кланялся въ поясъ и произносилъ какіе-то обрывки загадочныхъ звуковъ.

Вдругъ онъ выпрямился во весь ростъ, поднялъ вверхъ голову и обѣ крѣпко сжатыя въ кулакъ руки.

Тогда мелькавшія по двору тѣни мгновенно разбѣжались и, какъ испуганные призраки, смѣшались гдѣ-то около стѣны съ тьмой.

— Оставь!.. Бѣсъ проклятый!.. окаянный!—раздалось снизу нѣсколько послѣднихъ отчаянныхъ угрозъ и оборвались, какъ бы подавленныя неистовымъ крикомъ, который разразился въ воздухѣ.

— Антихристъ, Антихристъ! Антихристъ!—задребезжалъ вырвавшійся со дна души дикій, хриплый, страдальческій голосъ.

— Антихристъ, Антихристъ!—все пронзительнѣе восклицалъ Васька, точно побуждаемый бѣшенствомъ, простирая къ небу подергивающіяся судорогой, сумасшедшія руки, съ жадно растопыренными пальцами, которые кривились будто хищные когти, предчувствующіе близость жертвы.

Въ этомъ умоляющемъ, страстномъ воззваніи къ нечистой силѣ было что-то столь ужасное, что у меня волосы встали дыбомъ, а окоченѣвшія ноги не были въ состояніи двинуться съ мѣста; я не могъ оторвать взора отъ этой разъяренной крикомъ чудовищной фигуры.

— Антихристъ, Антихристъ!..—простоналъ онъ еще нѣсколько разъ въ крайнемъ изступленіи; казалось, послѣднія капли крови, всѣ жизненныя силы, всю мощь душевную онъ излилъ въ этомъ крикѣ и въ совершенномъ изнеможеніи упалъ, какъ подкошенный.

Я видѣлъ его на крышѣ, гдѣ онъ лежалъ, будто большой покосившійся крестъ.

Мгновеніе тишины, потомъ истерическое рыданіе, слезливый плачъ, нѣсколько тяжелыхъ стонущихъ вздоховъ и все окончилось.

Я отошелъ отъ окна и почти безсознательно сѣлъ на кровать.

То, что я видѣлъ, произошло относительно настолько быстро и представлялось мнѣ до такой степени ужаснымъ и непонятнымъ, что еслибъ не присутствіе ноющей въ сердцѣ острой боли, я могъ бы предполагать, что меня лишь преслѣдовалъ тяжелый, мрачный сонъ.

Я дышалъ съ трудомъ, какъ будто грудь давилъ кошмаръ.

Внутри меня поднимался ѣдкій туманъ, точно жгучій дымъ мыслей, истлѣвшихъ въ потьмахъ безсознательнаго и, какъ угаръ, омрачалъ истерзанную душу. Мнѣ было тяжело и невыносимо горько. Я сидѣлъ долго и неподвижно, въ какомъ-то оцѣпенѣніи, отъ котораго боялся очнуться, такъ какъ чувствовалъ, что первое пробужденіе сознанія нанесетъ мнѣ глубокую рану.

— До какого остервенѣнія доведенъ человѣкъ, который такъ извращаетъ молитву—подумалъ я съ жестокимъ озлобленіемъ и потрясенный этой мыслью, содрогнувшись до глубины отъ ужаса и отвращенія, раскрылъ глаза

Сумракъ комнаты пропитывался мутнымъ свѣтомъ. Заря занима-

лась. Кругомъ господствовала убійственная тишина; она представлялась мнѣ точно бездонная молчаливая пропасть, въ которой робко трепещетъ одно лишь мое сердце. Вдругъ что-то дрогнуло въ ея нѣдрахъ и, будто одинокая нестерпимая грусть, раздался звучный, заунывный зовъ:

— Аллахъ, Аллахъ!..

Это муэдзинъ пѣлъ гимнъ тоски восходящему солнцу.

Я слушалъ, и мнѣ было безконечно жаль этого звонкаго, чистаго какъ хрусталь голоса, который напрасно несется между землей и небомъ. Когда онъ затихъ, я выглянулъ въ окошко, какъ будто пытаясь поймать взоромъ разбитые остатки этихъ безплодныхъ воззваній, и въ ту же минуту попятился назадъ, какъ бы отъ сильнаго удара.

На крышѣ, загнувъ подъ голову руку, лежала навзничь отталкивающая фигура.

Въ грязи изорванныхъ лохмотьевъ желтѣло загорѣвшей кожей истощенное тѣло. Повыше голени босой ноги гноилась открытая язва незажившаго нарыва. Откинутая въ сторону, какъ что-то лишнее, исхудалая повязанная грязной тряпкой рука вздрагивала поминутно судорогой страданія. Лицо, обросшее жалкими пучками волосъ, носило тоже многочисленные слѣды свѣжихъ побоевъ. Изъ распухшихъ губъ, по направленію сильно выдающагося гортаннаго хрящa, который двигался, будто что-то глотая, висѣли капли застывшей крови. На пухлыхъ щекахъ виднѣлись кровоподтеки свинцоваго цвѣта. Только украшенныя густыми дугами бровей впадины закрытыхъ глазъ не были искажены, а на лбу краснѣло лишь одно небольшое огненное пятнышко, точно роковая печать горемычной судьбы.

Эта верхняя часть лица представляла яркій контрастъ съ остальнымъ поруганнымъ, изувѣченнымъ тѣломъ, и, главнымъ образомъ, лобъ чудесный, сводообразный, благородный съ двумя мудрыми выпуклостями, который, казалось, былъ созданъ для орлиныхъ думъ.

И отъ этого чела повѣяло на меня озаряющей мыслью, что это не онъ звалъ Антихриста,—ворваться въ адъ пытались гнилыя лохмотья, оскудѣвшее тѣло, расцарапанныя язвы, позорные побои, страдальческая застывшая кровь, жгучія раны.

И какъ бы въ подтвержденіе, поднялись его вѣки, и на меня посмотрѣли два большихъ, блѣдно-голубыхъ зрачка, чистые глаза проснувшагося ребенка, искренно изумленные, кроткіе и запуганные.

«Мой»—зарыдало сердце.

Но онъ быстро соскользнулъ съ крыши и, прижимаясь къ стѣнѣ и спотыкаясь, съ трудомъ добрался до калитки и исчезъ.

Больше я его не встрѣчалъ.

А сколько ему подобныхъ? Кто ихъ сосчитаетъ!..

Густавъ Даниловскій.

КОЛОКОЛА.

Разсказъ **Вильгельма фонъ-Поленца.**

Переводъ съ нѣмецкаго **М. К—ой.**

Христлибъ-Леберехтъ-Фюрхтеготъ Кумакъ, богатый крестьянинъ изъ Круммзайфенбаха, сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ. Все дѣло продолжалось не больше двадцати минутъ. Обвиняемый съ необыкновенною невозмутимостью выслушивалъ взводимыя на него обвиненія. Ничто не могло вывести старика изъ спокойствія—ни вопросы предсѣдателя, ни ѣдкія замѣчанія прокурора. На его настроеніи все это не оставляло никакого слѣда, какъ на гусѣ вода. Онъ слушалъ съ такимъ видомъ, какъ будто все клонилось къ его удовольствію, а между тѣмъ дѣло шло «о заключеніи въ тюрьму на срокъ до трехъ лѣтъ».

Защитникъ только что окончилъ свою рѣчь, въ концѣ которой просилъ для своего кліента снисхожденія, указывая на нѣкоторыя смягчающія обстоятельства.

Прокуроръ не возражалъ ему—дѣло было ясно; онъ только просилъ судъ, въ виду особенно тяжкаго проступка, примѣнить къ подсудимому высшую мѣру наказанія.

Уже направляясь въ совѣщательную комнату, предсѣдатель на ходу предложилъ обвиняемому обычный вопросъ:

— Не имѣете ли что-нибудь еще сказать въ свое оправданіе?

Сверхъ ожиданія, обвиняемый имѣлъ что-то сказать.

— Я думалъ это и хотѣлъ сказать,—началъ онъ, смотря на судью съ тѣмъ же спокойствіемъ, которое сохранялъ въ теченіе всего этого дня,—что если можно отдѣлаться деньгами, то я не буду покупать колокола, если же меня совсѣмъ оправдаютъ, то я куплю всѣ три колокола.

Предсѣдатель съ удивленіемъ посмотрѣлъ на говорившаго, потомъ на членовъ суда, какъ бы спрашивая ихъ: «поняли вы что-нибудь?»

— Обвиняемый, что вы хотите сказать? При чемъ тутъ колокола? Я спрашиваю, можете ли вы сказать что-нибудь въ свое оправданіе?

— Ужъ это вѣрно, господинъ судья! И пасторъ, и вся деревня

знаетъ, что деньги у меня есть; я могъ бы завтра же купить колокола...

— Вы, кажется, не въ своемъ умѣ!—сердито воскликнулъ предсѣдатель.—Итакъ, вы ничего не имѣете сказать. Судъ удаляется для совѣщанія!

Судьи ушли.

Въ залѣ начался оживленный разговоръ. Народу было много. На скамьѣ для свидѣтелей сидѣли пасторъ изъ Круммзайфенбаха и Германъ Кумакъ, сынъ обвиняемаго, молодой человѣкъ лѣтъ около двадцати. Въ противоположность отцу, онъ былъ очень худъ; такихъ, какъ онъ, много можно было бы выкроить изъ широкоплечей, плотной фигуры Кумака-старшаго. Было много крестьянъ, пришедшихъ сюда по собственному желанію: всѣмъ хотѣлось посмотрѣть, какъ будутъ судить богача Кумака. Увѣренность, съ какою Кумакъ до послѣдней минуты утверждалъ, что его оправдаютъ, импонировала этимъ людямъ. Вѣдь Кумакъ богатъ, а кто богатъ, тому все нипочемъ!

Рѣшенія суда всѣ ожидали съ крайнимъ нетерпѣніемъ. Дѣло шло не о пустякѣ. Если Кумака посадятъ въ тюрьму, какъ требовалъ прокуроръ, то его первенству въ деревнѣ конецъ! Въ тюрьму, вмѣстѣ съ разбойниками! Такому человѣку уже нельзя быть въ приходскомъ совѣтѣ или занимать какую-нибудь другую почетную должность! Если же, наоборотъ, его оправдаютъ, то въ деревенской церкви будутъ новые колокола. А это очень важно!

Теперешніе колокола были черезчуръ стары, и во всѣхъ окрестныхъ деревняхъ смѣялись надъ ихъ треньканьемъ. Даже въ самомъ большомъ колоколѣ была щель. Рано или поздно нужно было пріобрѣсти новые колокола. А какъ хорошо было бы для общины, еслибъ Кумакъ далъ на нихъ деньги изъ собственнаго кармана. Развѣ судьи не примутъ этого во вниманіе?

Должны же они подумать объ этомъ! Такъ какъ дѣло идетъ о «благой цѣли», то навѣрно и господинъ пасторъ нѣсколько измѣнилъ свои показанія. И зачѣмъ ему было говорить все, что онъ зналъ? Сынъ обвиняемаго, на предупрежденіе предсѣдателя, что онъ можетъ отказаться отъ дачи показаній, объявилъ, что желаетъ воспользоваться этимъ правомъ.

Скромному и робкому юношѣ было пріятно, что ему не нужно было говорить противъ отца.

Обвиняемый продолжалъ сидѣть съ самодовольнымъ выраженіемъ на упрямомъ лицѣ. Онъ кивнулъ головой какому-то знакомому въ публикѣ, подзывая его къ себѣ, но ему грубо объявили, что это не дозволено.

Ну что-жъ! Онъ все-таки Кумакъ, самый богатый крестьянинъ въ Круммзайфенбахѣ. Но здѣсь, повидимому, не знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло.

Судьи вернулись въ залу. «Именемъ короля: обвиняемый Христлибъ-Леберехтъ-Фюрхтеготъ Кумакъ признанъ виновнымъ и присужденъ къ заключенію въ тюрьму на одинъ годъ и уплатѣ судебныхъ издержекъ».

Предсѣдатель прочиталъ постановленіе суда при гробовомъ молчаніи. Всѣ взоры были устремлены на подсудимаго.

Онъ стоялъ съ открытымъ ртомъ и безсмысленно улыбался; его сильныя руки такъ сжали перила рѣшетки, что она затрещала. Кровь бросилась ему въ голову, лобъ покраснѣлъ, а бычачій затылокъ сталъ совсѣмъ багровымъ. Что же это такое? Злая шутка? Въ тюрьму! Его, перваго богача! Да еще на цѣлый годъ!

Кумакъ хотѣлъ что-то сказать, но лишь беззвучно шевелилъ губами; предсѣдатель между тѣмъ разъяснялъ, какъ и почему судъ пришелъ къ такому рѣшенію. Онъ говорилъ что-то о «смягчающихъ обстоятельствахъ», о «недостаткѣ образованія», о «природной грубости». Подсудимый услышалъ, что все это послужило ему въ пользу, и потому онъ приговоренъ только къ годичному заключенію.

Смѣется, что ли, надъ нимъ судья?

На цѣлый годъ въ тюрьму! Годъ въ клѣткѣ! Вдали отъ дома, отъ земли! Его запрутъ, оторвутъ отъ полей, отъ птицы, отъ скота! Боже всемогущій! Онъ схватился за голову. Крупныя капли пота выступили у него на лбу, губы дрожали; ему хотѣлось еще напомнить о колоколахъ—что же, развѣ новые колокола считаются ни во что?

Онъ съ безпомощнымъ видомъ посмотрѣлъ туда, гдѣ сидѣли свидѣтели. Вотъ пасторъ; рядомъ съ нимъ его сынъ. Неужели его односельчане не вступятся за него? Вѣдь онъ у нихъ былъ первымъ человѣкомъ во всей общинѣ? Первымъ богачомъ! Такъ и оставятъ это дѣло? Въ публикѣ, однако, всѣ были спокойны. На лицахъ никакого сочувствія, скорѣе злорадство.

Первый богатѣй осужденъ! Теперь ему конецъ! И деньги не помогли! Почти каждый изъ друзей и односельчанъ Кумака обдумывалъ про себя, какую бы выгоду извлечь для себя изъ такого оборота дѣла.

— Подчиняетесь ли вы рѣшенію суда, Кумакъ?—спросилъ въ заключеніе предсѣдатель. Крестьянинъ молчалъ; онъ не видѣлъ и не слышалъ ничего изъ того, что происходило вокругъ него. Одно только понималъ онъ—что его посадятъ въ тюрьму.

Христлибъ-Леберехтъ-Фюрхтеготъ Кумакъ получилъ въ наслѣдство два большихъ крестьянскихъ помѣстья и сдѣлался самымъ богатымъ землевладѣльцемъ въ округѣ. Его владѣнія превосходили даже многія дворянскія помѣстья. Кумакъ рано овдовѣлъ. Вскорѣ послѣ смерти жены онъ пытался жениться во второй разъ, но изъ этого ничего не вышло. Ни одна изъ невѣстъ не подходила, все чего-нибудь недоставало—

то роста, то здоровья, то богатства. Эти три качества Кумакъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ. Его жена должна была быть хорошаго роста, богата и крѣпка, какъ молодой орѣшекъ. Красоты онъ не требовалъ—пусть другіе добиваются этого, а ему нужны другія качества.

Жена должна умѣть выдержать хорошіе тумаки, какъ его покойница, которая до самой смерти никогда на него не жаловалась. Онъ самъ часто втихомолку удивлялся, какъ много можетъ выдержать женщина. Кумакъ предпочелъ бы вдову; вдовы не такъ жеманны и обидчивы, какъ дѣвушки. Умъ и характеръ онъ не особенно цѣнилъ: женщины всѣ глупы; если же жена сварлива и упряма, то это не важно: онъ могъ бы управиться со всякой. Но деньги жена должна имѣть. Женитьба на безприданницѣ была бы для Кумака униженіемъ: онъ зналъ хорошо, къ чему обязывало его положеніе. Такъ какъ столь разнообразныя качества трудно было найти въ одной особѣ, то Кумакъ остался вдовцомъ. У него было три дочери и сынъ. Дѣвушки, какъ богатыя невѣсты, очень скоро вышли замужъ въ сосѣднія деревни. Сынъ, младшій изъ дѣтей, жилъ въ отцовскомъ домѣ. Не легко тамъ жилось Герману. Рослому и сильному, какъ Геркулесъ, Кумаку было досадно, что у него такой хилый сынъ. Кумаки всегда были молодцами. Германъ же мало походилъ на нихъ; на свѣтъ явился онъ слишкомъ поздно, послѣ троихъ дѣвочекъ, и съ самаго рожденія былъ «нѣженкой». Ему и въ голову не приходило тягаться съ отцомъ, какъ это дѣлалъ Христлибъ-Леберехтъ Фюрхтеготъ съ своимъ. У Кумаковъ издавна ужъ такъ велось, что отецъ и сынъ мѣрялись силами: такъ на птичьемъ дворѣ часто дерутся два пѣтуха, дерутся до тѣхъ поръ, пока старый не убѣдится что пришло время уступить мѣсто молодому. И Кумаки лишь послѣ долгой борьбы уступали свои права молодежи. Не то было съ Германомъ. Онъ хорошо учился въ школѣ, что тоже было необычно въ родѣ Кумаковъ; о томъ, чтобы избавиться силой отъ родительской власти, онъ и не думалъ, и безропотно подчинялся отцу.

Старый Кумакъ господствовалъ не только въ своемъ домѣ, но задавалъ тонъ и въ деревнѣ, и во всей округѣ. Во всѣхъ вопросахъ относительно путей сообщенія, податей, попеченія о бѣдныхъ и въ церковныхъ дѣлахъ его мнѣніе одерживало верхъ, какъ и слѣдовало ожидать, потому что Кумакъ платилъ четвертую часть всѣхъ податей, приходившихся на общину. Кумакъ имѣлъ большое желаніе и способность господствовать надъ другими. Больше всего ему помогало въ этомъ правило, котораго онъ придерживался всю жизнь: когда спрашивали его мнѣніе, онъ всегда говорилъ: «Нѣтъ»! По его наблюденіямъ, «да!» никогда не приносило пользы. Ни на что несоглашаться, не позволять убѣждать себя—вотъ что самое главное. Если человѣкъ даетъ другому то, что онъ не обязанъ давать, то онъ не болѣе, какъ оселъ! Вотъ квинтъ-эссенція его жизненной мудрости.

Такъ господствовалъ Кумакъ въ Круммзайфенбахѣ, не встрѣчая заслуживающей вниманія оппозиціи; если возникало какое-нибудь недовольство, то оно было быстро и окончательно подавляемо.

Все пошло иначе, когда въ Круммзайфенбахъ пріѣхалъ новый пасторъ, вмѣсто прежняго, вышедшаго по болѣзни въ отставку. Онъ указывалъ, что многое нуждалось въ реформѣ. Его предложенія о разныхъ улучшеніяхъ встрѣчали въ представителяхъ мѣстечка сочувствіе, но когда дѣло доходило до осуществленія реформъ, пасторъ неизмѣнно встрѣчалъ сопротивленіе. Главой оппозиціи, какъ онъ скоро убѣдился, былъ не кто иной, какъ старый, упрямый Кумакъ, о которомъ крестьяне говорили всегда не иначе, какъ съ особымъ почтеніемъ. То же самое произошло, когда пасторъ въ церковно-приходскомъ попечительствѣ возбудилъ вопросъ о новыхъ колоколахъ. Онъ надѣялся достигнуть своей цѣли, возбудивъ въ этихъ людяхъ честолюбіе, такъ какъ жители Круммзайфенбаха очень гордились своей деревней и ея благоустройствомъ. Пасторъ придумалъ все, казалось, очень хорошо, напомнивъ крестьянамъ, что у нихъ въ деревнѣ самые плохіе колокола. Свое предложеніе онъ постарался сдѣлать привлекательнымъ еще и съ другой стороны: старые колокола можно было отдать въ обмѣнъ на новые, да, кромѣ того, получить на это дѣло нѣкоторое пособіе отъ консисторіи. Для обладавшихъ кое-какими музыкальными понятіями пасторъ упомянулъ, что прекрасный подборъ колоколовъ въ тонѣ А-дуръ можно получить въ двѣнадцать центнеровъ, тогда какъ теперь колокола вѣсили двадцать центнеровъ. Такимъ образомъ получалась большая выгода. Изложивъ дѣловыя и техническія подробности этого предпріятія, пасторъ перешелъ къ его идеальной сторонѣ. Онъ краснорѣчиво описалъ, какое возвышенное настроеніе должно охватить всѣхъ, когда съ колокольни польются призывные звуки новыхъ колоколовъ въ воскресное утро; какъ торжественно и потрясающе будетъ звучать погребальный звонъ, какъ весело будутъ заливаться колокола при свадебномъ шествіи, какъ празднично зазвучатъ они въ вербное воскресенье, при благословеніи канфирмовавшихся!

А что будетъ, когда ударятъ во всѣ три колокола послѣ надгробнаго слова именитому гражданину?!

Христлибъ-Леберехтъ-Фюрхтеготъ Кумакъ положилъ сжатый кулакъ на столъ и, сосредоточенно смотря на пальцы, заговорилъ, какъ бы обращаясь къ нимъ: до послѣдняго времени въ Круммзайфенбахѣ люди были всѣмъ довольны, все шло хорошо, и такъ будетъ и впредь, что бы ни дѣлалъ новый пасторъ. Что касается его, Кумака, то онъ каждое воскресенье ходитъ въ церковь, не обращая вниманія на колокола—ему это все равно.

Старые колокола прослужатъ еще долго; что будетъ послѣ его смерти, ему безразлично, новыхъ колоколовъ не будетъ. Деревенскіе старшины одобрительно закивали головами, выслушавъ мнѣніе Кумака, которое пришлось имъ по сердцу.

Молодой вспыльчивый пасторъ вскипѣлъ. Что дѣлать съ такими упрямыми людьми! Говорить съ ними—то же, что сказать стѣнѣ, чтобы она сдвинулась съ мѣста. Но ему необходимо высказать свое мнѣніе. Поступить иначе онъ не могъ. И пасторъ разразился громовою рѣчью противъ ограниченности, мелочности и скупости, которыя мѣшали ему привести въ исполненіе его добрыя намѣренія.

На возбужденную рѣчь пастора Кумакъ отвѣтилъ съ разсчитаннымъ спокойствіемъ: возможно, что они всѣ не такъ учены, какъ господинъ пасторъ, но, что касается «ограниченности», то вѣдь есть и «ученые ослы». Что же касается «скупости», то тому, кто изъ года въ годъ аккуратно получаетъ съ общины денежки, легко требовать ихъ изъ чужого кармана.

Онъ, Кумакъ, хорошій христіанинъ и воздаетъ «Божье Богу»—каждое воскресенье ходитъ въ церковь и слушаетъ проповѣди господина пастора...

Тутъ пасторъ не выдержалъ.

— Да, господинъ Кумакъ, каждое воскресенье вы ходите въ церковь; это вѣрно! Но что вы дѣлаете тамъ? Вы думаете, я ничего не вижу и не слышу? Для чего ходите вы въ домъ Божій? Чтобы спать тамъ. Да, я самъ видѣлъ это. Вы спите и не стѣсняетесь даже храпѣть во время проповѣди. Ссылаюсь на всѣхъ присутствующихъ! Въ прошлое воскресенье храпѣлъ Кумакъ во время проповѣди или нѣтъ?

При этомъ неожиданномъ вопросѣ старшины въ смущеніи посмотрѣли другъ на друга. Конечно, господинъ пасторъ былъ правъ; Кумакъ позволялъ себѣ спать въ церкви и въ воскресенье храпѣлъ; всѣ слышали это, и не одинъ разъ. Пасторъ правъ! Но въ этомъ отношенія у всѣхъ совѣсть была нечиста; всѣ болѣе или менѣе были повинны въ томъ, въ чемъ и Кумакъ, только дѣйствовали не такъ открыто, какъ онъ. Храпѣть же во время проповѣди было привилегіей перваго богача.

Кумакъ побагровѣлъ отъ гнѣва. Что еще выдумалъ молокососъ! Предписывать ему, какъ вести себя! Пятьдесятъ лѣтъ ходилъ онъ въ церковь и всегда спалъ во время проповѣди. Ни одинъ пасторъ не находилъ ничего особеннаго, а тутъ выискался какой строгій! Кумакъ чувствовалъ, что это была проба силъ, и что если онъ не устоитъ противъ пастора, то его авторитетъ будетъ подорванъ. Пасторъ или онъ! Въ Круммзайфенбахѣ могъ господствовать только одинъ изъ нихъ! Поэтому его отвѣтъ былъ обыкновенно ясенъ: онъ всталъ и въ видѣ протеста тотчасъ же ушелъ изъ пасторскаго дома. Его примѣру послѣдовали и остальные. Съ этого дня начался окончательный разрывъ между пасторомъ и старшинами. Кумакъ торжествовалъ побѣду и не мало гордился ею.

Всякому, кто хотѣлъ его слушать, онъ говорилъ, что теперь пасторъ долженъ будетъ смотрѣть изъ его рукъ. Онъ, Кумакъ, не потерпитъ, чтобы старые добрые обычаи и порядки въ Крummзайфенбахѣ нарушались молодымъ упрямцемъ, желающимъ заводить все новое. При этомъ старикъ заявлялъ, что будетъ спать гдѣ и какъ ему угодно. Если же кому-нибудь вздумается при этомъ мѣшать ему, то... Остальное онъ доканчивалъ выразительнымъ жестомъ.

Въ слѣдующее воскресенье Кумакъ, въ праздничномъ платьѣ, сидѣлъ въ церкви на обычномъ мѣстѣ, а рядомъ съ нимъ его сынъ, Германъ. Крестьянинъ съ вызывающимъ видомъ посмотрѣлъ на пастора, когда тотъ взошелъ на каѳедру, какъ бы желая сказать: «Я здѣсь! Посмотримъ, что-то будетъ!»

Стихъ передъ проповѣдью онъ пропѣлъ стоя, вмѣстѣ со всѣми остальными.

Потомъ вынулъ изъ задняго кармана своего синяго сюртука табакерку и взялъ оттуда двѣ щепотки, продѣлавъ все это по многолѣтней привычкѣ; это обыкновеніе казалось ему частью, и не маловажною, церковной службы. Потомъ Кумакъ, не торопясь, спряталъ табакерку, чихнулъ и прислонился къ спинкѣ скамейки, устремивъ неподвижный взглядъ на пастора, который, между тѣмъ, уже приступилъ къ первой части своей рѣчи; мало-по-малу старикъ началъ моргать, потомъ вѣки его закрылись; онъ заснулъ. Всѣ скоро замѣтили это по громкимъ, продолжительнымъ свистящимъ звукамъ, которые не оставляли никакого сомнѣнія относительно ихъ происхожденія.

Сосѣди не нарушали сна Сильнаго; они не забыли, что крестьянинъ обѣщалъ тому, кто вздумалъ бы разбудить его, и можно было думать, что онъ сдержитъ слово.

Храпѣнье продолжалось. Нельзя сказать, чтобы оно звучало негармонично, служа ритмическимъ аккомпаниментомъ проповѣди. Нѣкоторые изъ присутствующихъ низко склонили головы, другіе многозначительно и злорадно улыбались, подталкивая сосѣдей. Кумакъ сдержалъ-таки свое слово! Пасторъ поблѣднѣлъ, губы его побѣлѣли, голосъ задрожалъ.

Онъ вдругъ замолчалъ. Въ церкви наступила мертвая тишина, только храпѣнье раздавалось гораздо отчетливѣе.

Тогда сынъ Кумака, Германъ, побѣлѣвъ въ эту минуту, какъ стѣна, всталъ съ своего мѣста и дернулъ отца за руку, сначала тихонько, а когда это не помагало, сильнѣе. Свистящіе звуки сразу оборвались. Крестьянинъ открылъ заспанные глаза и безмысленно посмотрѣлъ въ лицо молодому человѣку.

— Отецъ, вы въ церкви!—прошепталъ тотъ. Тогда раздался звонкій ударъ, потомъ другой—Кумакъ далъ пощечину своему сыну.

Всѣмъ, кромѣ самого старика, было ясно, что дѣло можетъ кончиться плохо.

«Что такое болтаютъ люди?—думалъ Кумакъ.—О слѣдствіи, судѣ, о тюрьмѣ? Развѣ преступленіе всхрапнуть немножко въ церкви?»

И развѣ онъ не имѣлъ права наказать своего собственнаго сына? Свою плоть и кровь? Вѣдь онъ, Кумакъ, предупреждалъ, что̀ будетъ тому, кто его разбудитъ. А мальчишка не обратилъ вниманія на его слова! Можно ли отцу запретить наказывать свое дитя? Его самого отецъ еще не такъ колотилъ; такъ ужъ установлено самимъ Богомъ. Положимъ, теперь дѣло было въ церкви, и это не совсѣмъ въ порядкѣ вещей. Лучше, конечно, еслибъ этого не случилось. Но наказывать за это! Все это, въ концѣ концовъ, не такъ страшно, какъ воображаютъ его односельчане. Съ нимъ еще ничего подобнаго не случалось, но онъ съумѣетъ выпутаться. Недаромъ онъ первый богачъ въ округѣ. Только не нужно трусить, это самое главное!

Однако, получивъ вызовъ въ судъ и узнавъ, что другихъ крестьянъ вызываютъ также въ качествѣ свидѣтелей, Кумакъ сталъ подумывать, что дѣло серьезнѣе, чѣмъ онъ предполагалъ.

Впрочемъ онъ скоро успокоился: всегда можно найти богачу какую-нибудь лазейку. Христлибъ-Леберехтъ-Фюрхтеготъ Кумакъ лукаво улыбнулся, обрадовавшись этой мысли. Потомъ онъ надѣлъ праздничное платье и пошелъ къ пастору. Пасторъ очень удивился, увидѣвъ у себя крестьянина.

«Ага! кающійся грѣшникъ!» подумалъ онъ, торжествуя втихомолку. Гнѣвъ пастора давно уже остылъ; онъ зналъ, что Кумаку на судѣ придется плохо, и ему было непріятно, что дѣло зашло такъ далеко. Онъ чувствовалъ себя не вполнѣ правымъ и былъ готовъ сдѣлать все, чтобы облегчить для Кумака возможность примиренія. Но онъ совсѣмъ не зналъ старика. Раскаяніе было незнакомо Кумаку. Онъ пришелъ сюда съ совершенно другими мыслями и намѣреніями.

— Господинъ пасторъ недавно говорилъ о колоколахъ... что надо купить новые... Я теперь хорошенько обдумалъ это дѣло, собственно, вы правы, господинъ пасторъ, надо бы новые колокола. Это было бы хорошо, еслибъ только у насъ были деньги. Потому что новые колокола стоятъ не мало. Вотъ я и подумалъ про себя: «что, если ты купишь колокола?» И вотъ изъ-за этого я и пришелъ къ вамъ, господинъ пасторъ, чтобы узнать ваше мнѣніе; что вы думаете, если я куплю колокола?

Пасторъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на гостя. Вотъ чудо! Какъ измѣнился человѣкъ! Какимъ вѣжливымъ и щедрымъ онъ вдругъ сталъ! Ему подумалось, однако, что за этимъ что-нибудь скрывается. Крестьянинъ, дѣлающій подарокъ безкорыстно, явленіе необычайное. Онъ проницательно посмотрѣлъ въ глаза Кумаку и спросилъ, въ какомъ размѣрѣ и въ какой формѣ онъ желаетъ сдѣлать пожертвованіе.

— Нѣтъ, господинъ пасторъ, не торопитесь! Объ этомъ еще нѣтъ

рѣчи! Подождемъ суда! Посмотримъ, что скажутъ свидѣтели! А потомъ и запишемъ пожертвованіе. Теперь же скажу только: если меня оправдаютъ, то въ нашей церкви будутъ новые колокола. Думаю, что этого достаточно! Пощечина, въ сущности, не стоитъ этого. Но, какъ я уже сказалъ, если меня оправдаютъ, я дамъ деньги на колокола.

Кумакъ очень удивился, что пасторъ не ухватился за это предложеніе обѣими руками, а отвергъ его очень рѣшительно, даже съ нѣкоторой досадой.

«Ужъ эти пасторы! Учатся, учатся, а не могутъ понять практической выгоды такого дѣла, гдѣ все ясно, какъ день! Но если пасторъ глупъ, то, по крайней мѣрѣ, крестьяне поймутъ предлагаемую имъ выгоду,—думалъ Кумакъ,—и сами судьи, конечно, будутъ настолько благоразумны, что согласятся на его предложеніе».

Когда Кумакъ возвратился изъ тюрьмы, его съ трудомъ можно было узнать: изъ бодраго и сильнаго человѣка онъ превратился въ старика.

Въ тюрьмѣ онъ долженъ былъ учиться повиновенію и покорности, что было уже трудно старому, гордому дубу, никогда не сгибавшемуся подобно тростинкѣ. Самое ужасное было, однако, то, что много времени оставалось для думъ. Мысли тѣснились въ его головѣ, а къ этому онъ не привыкъ.

Кроша табакъ или щипля шерсть вмѣстѣ съ толпой другихъ заключенныхъ, онъ мысленно былъ всегда въ своей деревнѣ, на своей землѣ. Что-то тамъ дѣлается? Въ прошломъ году въ это время тамъ сѣяли овесъ. А посадили ли теперь картофель? Или думалось ему: сегодня сухая погода,—должно быть, уже косятъ и убираютъ хлѣбъ. Онъ былъ тамъ всѣми своими мыслями и чувствами, въ то время какъ сильныя руки, привыкшія къ плугу, механически исполняли заданную работу. Навѣрно Германъ все испортитъ! Что смыслитъ этотъ парень въ хозяйствѣ! Теперь онъ все перевернетъ вверхъ дномъ во дворѣ и хлѣвахъ, и въ поляхъ!

Тяжелѣе всего было Кумаку думать, что сынъ, съ которымъ онъ обращался всегда хуже, чѣмъ съ послѣднимъ работникомъ, могъ теперь распоряжаться всѣмъ по своему. Германъ, между тѣмъ, употребилъ это время съ большой пользой и въ отсутствіе отца произвелъ въ хозяйствѣ многія улучшенія. Сосѣди удивлялись мужеству и дѣятельности молодого человѣка, который сталъ совсѣмъ другимъ съ тѣхъ поръ, какъ избавился отъ отцовскаго гнета. Германъ рѣшился даже на такое дѣло, о которомъ при отцѣ не смѣлъ бы и подумать: онъ поѣхалъ въ Фрайте и женился на красивой, здоровой и сильной дѣвушкѣ. Когда старикъ возвратился, наконецъ, въ родное гнѣздо, онъ нашелъ тамъ молодую пару, которая устроилась очень хорошо. Сна-

чала онъ хотѣлъ принять съ сыномъ прежній тонъ, но скоро замѣтилъ, что у молодого пѣтуха уже отросли шпоры. Самъ же старикъ былъ уже не тотъ, что прежде. Казалось, за годъ все на свѣтѣ перемѣнилось. Въ деревнѣ все стало по другому; никто уже не трепеталъ передъ богатымъ крестьяниномъ. Развѣ онъ уже не тотъ, что прежде? Люди отзывались о немъ уже не съ тѣмъ почтеніемъ, какъ бывало. Даже въ собственномъ помѣстьѣ работники, привыкшіе повиноваться молодому хозяину, встрѣчали приказанія стараго Кумака насмѣшливыми взглядами, ворчаньемъ и медлили ихъ исполнять. Нѣтъ, Кумакъ чувствовалъ самъ, что онъ уже не тотъ, что былъ. Долго думалъ онъ объ этомъ и, наконецъ, принялъ рѣшеніе—передать сыну все хозяйство и жить на покоѣ.

Кто подумалъ бы объ этомъ два года тому назадъ! Добровольно отказаться отъ всего! Доживать свой вѣкъ на хлѣбахъ у сына! Даже не попробовавъ бороться съ нимъ!

Иногда онъ ходилъ по полямъ, но изъ этого ничего хорошаго не выходило. Новый способъ веденія хозяйства – всѣ эти машины и искусственныя удобренія—раздражалъ его. Такъ какъ Германъ не слушался его совѣтовъ и отстранялъ ихъ, то старикъ современемъ пересталъ вмѣшиваться и разсуждалъ только съ самимъ собою. Вопреки его предсказаніямъ хозяйство шло отлично, а невѣстка его заботилась о томъ, чтобы родъ Кумаковъ въ Круммзайфенбахѣ не прекращался.

Старикъ попрежнему каждое воскресенье ходилъ въ церковь. Такъ какъ теперь онъ ничего не дѣлалъ, то сонъ не такъ одолѣвалъ его, какъ раньше; теперь онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ церковной службы и проповѣди, составлявшихъ единственное развлеченіе его существованія. Такъ мало-помалу онъ потерялъ привычку спать въ церкви.

Новыхъ колоколовъ въ церкви еще не было, потому что мѣсто Кумака занимали такіе же скупцы, какъ онъ, не соглашавшіеся выдать необходимую сумму.

Однажды—это было въ мартѣ—Кумакъ пришелъ въ пасторскій домъ. Съ того дня, когда онъ хотѣлъ добиться своего оправданія, предложивъ купить новые колокола, онъ не былъ здѣсь. Пасторъ, понявшій между тѣмъ, что нельзя идти противъ рожна, искренне обрадовался, увидѣвъ Кумака: пора было уладить старые счеты.

Христлибъ-Леберехтъ-Фюрхтеготъ Кумакъ остановился у дверей и вертѣлъ шапку въ рукахъ. Пасторъ заставилъ ее войти въ комнату и сѣсть на стулъ, потомъ спросилъ его, чему обязанъ онъ его посѣщеніемъ. Кумакъ долго откашливался и сморкался; наконецъ, заговорилъ.

— Я пришелъ, господинъ пасторъ... мнѣ хотѣлось бы... сегодня вѣдь 8-е марта... я подумалъ, что въ церкви все еще нѣтъ новыхъ колоколовъ, и... не подарить ли ихъ мнѣ... Что вы скажете, господинъ пасторъ?

У пастора что-то защекотало въ горлѣ, онъ тяжело дышалъ. Онъ подошелъ къ старику—теперь онъ совсѣмъ посѣдѣлъ,—положилъ ему руки на плечи и заглянулъ въ глаза:

— Сегодня какъ разъ 8-е марта, господинъ пасторъ! Тогда было воскресенье, когда произошло... ну, вы знаете что! Сегодня сравнялось уже пять лѣтъ!

— Вѣрно, вѣрно, Кумакъ! Это было въ воскресенье, пять лѣтъ тому назадъ.

— Я хотѣлъ еще спросить васъ, господинъ пасторъ, если я пожертвую колокола, то могу я дать имъ имена, какія хочу, или это не подходитъ?

— Конечно! Почему же нѣтъ? Разумѣется, если это хорошія христіанскія имена, Кумакъ!

— Я вотъ думаю такъ: будутъ три колокола, а у меня какъ разъ три имени; большой колоколъ можно бы назвать Христлибомъ, средній Леберехтомъ, а третій, самый маленькій, окрестить Фюрхтеготомъ. Это мои имена, господинъ пасторъ!

— Все это не представляетъ никакихъ затрудненій, дорогой Кумакъ! Это прекрасныя имена и очень подходящія! Итакъ, съ Божьей помощью, мы вышли на истинный путь!

Такъ были пріобрѣтены новые колокола, такіе, какихъ нельзя было встрѣтить ни въ одной изъ окрестныхъ деревень. Но старый Кумакъ не дожилъ до того дня, когда ихъ повѣсили на колокольнѣ; онъ внезапно скончался отъ удара. Такъ исполнились его слова, сказанныя имъ, когда онъ былъ еще полновластнымъ хозяиномъ Крумзайфенбаха, что новые колокола будутъ лишь послѣ его смерти.

Пасторъ и старшины пришли къ соглашенію, что разъ въ годъ, въ воскресенье, послѣ проповѣди, будутъ звонить во всѣ колокола въ память того, кто ихъ пожертвовалъ.

Развитіе дворянскаго землевладѣнія въ современной Россіи.

Я хочу познакомить читателей съ развитіемъ дворянскаго землевладѣнія въ современной Россіи. Чтобы показать, что эта тема должна вызывать къ себѣ серьозный интересъ, мнѣ надо будетъ прежде всего доказать, что классъ земельнаго дворянства въ Россіи отнюдь не есть quantité négligeable, а напротивъ весьма серьезная соціальная сила, съ которой надо считаться.

Могутъ быть три точки зрѣнія на данный вопросъ. Можно ставить себѣ задачу чисто историческую и, анализируя характеръ экономическихъ процесовъ, изслѣдовать ихъ съ точки зрѣнія причинъ. Современное развитіе дворянскаго землевладѣнія слѣдовало бы въ этомъ случаѣ поставить въ связь съ паденіемъ крѣпостного строя, развитіемъ товарно-денежнаго хозяйства и аргарнымъ кризисомъ послѣднихъ десятилѣтій, какъ главными моментами, обусловливающими современное разложеніе дворянскаго землевладѣнія.

Можетъ быть другая точка зрѣнія. Чувство соціальной справедливости можетъ на первый планъ выдвигать моральную оцѣнку.

Этическая точка зрѣнія равно законна и необходима. Тѣмъ не менѣе, мы изберемъ не ее.

Мы не будемъ изслѣдовать причины явленій, не будемъ давать имъ моральную оцѣнку; мы постараемся выяснить ихъ смыслъ и значеніе. Намъ не такъ интересно прошедшее, даже настоящее, какъ будущее. Каковы тенденціи развитія русскаго дворянства? Какую роль суждено играть ему—насколько позволяютъ судить факты настоящаго—въ жизни близкаго будущаго нашей страны? Бываютъ въ исторіи моменты, когда взоры обращаются преимущественно къ будущему, и, можетъ быть, именно въ нашемъ поколѣніи это настроеніи особенно живо и сильно.

Если мы обратимъ вниманіе на соціальную жизнь какой либо страны, то увидимъ, что она слагается изъ взаимодѣйствія ея общественныхъ классовъ, соціальныхъ группъ, въ суммѣ своей представляющихъ ее. Если мы въ грубой схемѣ перечислимъ эти группы, въ примѣненіи къ Россіи, то можемъ набросать такую картину.

Первенствующая роль принадлежитъ группѣ центральной бюрократіи, къ которой, въ общемъ, примыкаетъ немногочисленная, но вліятельнѣйшая изъ аграрныхъ группъ—поземельная аристократія. Далѣе идетъ среднее и мелкое земельное дворянство, землевладѣніе «третьяго сословія», крестьянство, наконецъ—сельскій пролетаріатъ замыкаетъ собою снизу аграрныя группы.

Рядомъ съ аграрными идутъ торгово-промышленныя группы: крупная, средняя и мелкая торгово-промышленная буржуазія и промышленные рабочіе. Внутри каждой группы можно намѣтить подраздѣленія экономическія и географическія, но въ общихъ чертахъ это тѣ соціальныя категоріи, за которыми въ дѣйствительной жизни стоятъ живые люди, объединенные извѣстными общими интересами, борющіеся другъ съ другомъ. Вотъ тѣ группы, которыя соотвѣтствуютъ политическимъ партіямъ Западной Европы; тѣ стихійныя соціальныя силы, которыя привлекаютъ къ себѣ все вниманіе русскаго соціальнаго изслѣдователя.

Въ этой грубой схемѣ земельное дворянство, включая сюда русскую поземельную аристократію, несомнѣнно играло въ русской исторіи если не доминирующую, то, во всякомъ случаѣ, одну изъ самыхъ видныхъ ролей. Выяснить его экономическіе, политическіе и соціальные интересы и соотношенія съ другими соціальными силами—это было бы задачей слишкомъ широкой. Мы должны ограничиться лишь выводами, ближайшимъ образомъ относящимися къ земельному дворянству, выводами главнымъ образомъ экономическими. Но намъ теперь же необходимо памѣтить одно существенное подраздѣленіе внутри самой группы. Мы должны напомнить изъ исторіи Россіи фактъ первостепенной важности: рознь между «знатнымъ» дворянствомъ—поземельной и сословной аристократіей—и дворянствомъ «рядовымъ», среднимъ и мелкимъ, которому, пожалуй, не безъ основанія можно придать эпитетъ «земскаго» дворянства. Рознь эта проходитъ красною нитью черезъ исторію Россіи послѣднихъ вѣковъ. Достаточно напомнить хотя бы политику «верховниковъ» при вступленіи на престолъ Анны Іоанновны въ 1730 г. Они желали оформить ту фактическую олигархію, которая отличала послѣдніе вѣка нашей исторіи и проявлялась особенно явственно всякій разъ, какъ временно—благодаря личности—ослаблялась фактически сила единоличной власти. Олигархическія тенденціи, сближающія нашу поземельную аристократію съ высшей бюрократіей, дѣлаютъ ее и фактически, по занимаемымъ ею высшимъ должностямъ, весьма близкою къ этой группѣ, если не говорить о полномъ ихъ слитіи. Но это же противопоставляетъ ее массѣ земскаго дворянства. Какъ извѣстно, замыслы верховниковъ были разрушены именно этой группой.

Вотъ то коренное соціально политическое противопоставленіе, которое мы должны дѣлать, чтобы правильно оцѣнивать роль и значе-

ніе этихъ двухъ составныхъ элементовъ земельнаго дворянства. Это не есть специфическая особенность русской исторіи, то же мы можемъ наблюдать, напр., въ исторіи Великобританіи—рознь между gentry—рядовымъ и nobility—высшимъ классомъ землевладѣльцевъ, сыгравшую такую роль въ англійской исторіи. Если активная вліятельная роль поземельной аристократіи у центра государственной власти дѣлаетъ ее—въ массѣ—по существу олигархической, то широкая масса средняго «земскаго» дворянства является въ этомъ отношеніи,—по крайней мѣрѣ, на извѣстной ступени соціальнаго развитія *должна* являться—ей антагонистомъ,—сторонникомъ самоуправленія, децентрализаціи, развитія гражданскихъ правъ. И несомнѣнно, такого рода тенденціи существуютъ въ наиболѣе культурныхъ группахъ средняго русскаго дворянства. Но развитіе этихъ тенденцій требуетъ извѣстныхъ экономическихъ предпосылокъ, отсутствіе которыхъ можетъ измѣнять все дѣло. Этотъ вопросъ можетъ служить хорошей иллюстраціей къ историко-реалистическому воззрѣнію «экономическаго матеріализма». Здѣсь мы можемъ видѣть тѣсную связь между развитіемъ экономическимъ и развитіемъ общественнымъ, или скорѣе, выражаясь отрицательно—недостаточность послѣдняго, связанную съ слабостью перваго.

Въ самомъ дѣлѣ, экономическая слабость русскаго средняго и мелкаго земельнаго дворянства общеизвѣстна. Это «печать Каина», наложенная крѣпостнымъ строемъ на судьбу его эпигоновъ. Вслѣдъ за потрясеніемъ, вызваннымъ реформою, является невыгодная конъюнктура мірового рынка, наступившая какъ разъ въ 70—80-хъ гг., когда процессъ приспособленія къ новымъ условіямъ хозяйства могъ бы, при благопріятности прочихъ данныхъ, дать свои положительные результаты. Вотъ двѣ главныхъ причины, достаточно объясняющія экономическую отсталость русскаго дворянскаго землевладѣнія. Наше изложеніе схематично. Сюда надо было бы прибавить рядъ иныхъ условій, да и ими врядъ ли мы исчерпаемъ богатство дѣйствительной жизни,—малоземелье крестьянъ дѣлаетъ болѣе выгоднымъ пассивную роль получателей ренты, не давая развиться коммерческому раціональному хозяйству дворянъ; слабое накопленіе капиталовъ, общихъ и сельскохозяйственныхъ знаній, нелегкая борьба съ климатическими условіями, слабое развитіе путей сообщенія, неупорядоченность кредита и рядъ другихъ условій—все это понижаетъ жизнедѣятельность, активность, и предпріимчивость русскаго землевладѣльческаго класса. Эти понижающія условія, неблагопріятныя прежде всего для развитія экономическаго, рѣзко вліяютъ и на общественно-гражданское развитіе группы. Активность и самостоятельность, какъ результатъ напряженной и осмысленной хозяйственной дѣятельности, являются необходимыми предпосылками и для всякой самодѣятельности вообще,—активности необходимой для самоуправленія и развитія гражданскаго

самосознанія. Только этимъ слабымъ экономическимъ развитіемъ объясняется широкій успѣхъ той политики подачекъ, которая несомнѣнно деморализуетъ массы земельнаго дворянства. Въ этой деморализаціи, а отнюдь не въ «поддержаніи дворянскаго сословія» заключается смыслъ и результатъ экономически почти совершенно безплоднаго пожертвованія сотенъ милліоновъ изъ общегосударственныхъ средствъ.

Вотъ почему лучшія стремленія культурной части русскаго общества находили и долго, вѣроятно, будутъ находить лишь слабый откликъ и опору *въ массѣ* дворянства, хотя бы и «земскаго».

Мы можемъ лишь бѣгло коснуться отношенія экономическихъ интересовъ русскихъ землевладѣльцевъ къ двумъ крупнѣйшимъ группамъ—промышленно-торговой буржуазіи и къ крестьянству. Подробное выясненіе этого вопроса возможно лишь при изображеніи всей грандіозной картины соціальной жизни современной Россіи въ ея цѣломъ. Это, конечно, не можетъ быть включено въ задачу нашего очерка.

Необходимо только замѣтить, по отношенію къ промышленной буржуазіи, что современныя крайности русскаго протекціонизма, тяжело ложащіяся на аграрные классы, еще обостряютъ натянутыя отношенія этихъ группъ. Что касается крестьянства, то, поскольку оно находится въ положеніи наемнаго рабочаго или мелкаго арендатора у рантье-землевладѣльца,—въ экономическомъ отношеніи оно должно быть его антагонистомъ. Сюда присоединяется еще давнишняя непріязнь временъ крѣпостныхъ, обостренная условіями земельнаго надѣленія при реформѣ. Рознь этихъ двухъ группъ для настоящаго момента несомнѣнна. Пока крестьянство не является зажиточной, хотя и мелкой, земельной буржуазіей, какъ, напр., въ средней Европѣ, а, наоборотъ, представляетъ переходную группу полу-буржуа, полу-пролетарія, полу-нищаго, до тѣхъ поръ существующая рознь, конечно, будетъ находить матеріалъ для питанія.

Вотъ въ общихъ чертахъ то мѣсто,какое занимаетъ группа земельнаго дворянства въ общемъ строѣ жизни современной Россіи. Изъ сказаннаго виденъ какъ положительный, такъ и отрицательный характеръ связи «дворянскаго вопроса» съ важнѣйшими проблемами современнаго момента въ исторіи нашего отечества.

Экономическое положеніе русскаго земельнаго дворянства характеризуется вотъ уже третье десятилѣтіе, какъ «оскудѣніе». Этотъ терминъ черезчуръ вульгаризировался и превратился въ общее мѣсто. Наша задача охарактеризовать размѣры явленія для дворянства, *какъ цѣлаго*, и указать на тѣ процессы, которые совершаются *внутри* этого цѣлаго; отмѣтить не только *оскудѣніе*, но и *разслоеніе* дворянства; не только *паденіе*, но, быть можетъ, и зародыши *подъема*, какъ ни странно звучитъ это послѣднее выраженіе.

Для 45 губ. Европейской Россіи *) площадь дворянскаго землевладѣнія составляла **):

1859 г.	79.103	тыс. дес.
1896 »	55·544	» »
	—. 23,6 = 29%.	

Тогда какъ въ 1859 г. дворянскія земли занимали 21% общей площади, въ 1896 имъ принадлежитъ только 14,7% — уменьшеніе на цѣлую треть, или въ $1^1/_2$ раза. Эти цифры не такъ значительны. Дворянское землевладѣніе представляется не очень крупною величиною, но не надо забывать, что въ общую площадь губерніи входятъ огромныя пространства казенныхъ земель. Далеко не такимъ незначительнымъ представится дворянское землевладѣніе, если мы возьмемъ количественное отношеніе дворянской земли къ владѣнію другихъ сословій. Приведемъ приблизительныя данныя для 1893 г. ***).

Дворяне	60 м. дес. = 28%		
Купцы	14 » »		72%
Мѣщане	3 » »		
Крестьяне: част.	14	138 м. дес.	
Надѣльн.	124		

Дворянское землевладѣніе вдвое меньше крестьянскаго, но представляетъ все же крупную величину въ 60 мил. дес.—и это несмотря на огромное уменьшеніе дворянскихъ земель за предыдущее 30-лѣтіе.

Надо замѣтить, что тогда какъ 138 м. дес. крестьянской земли раздроблено болѣе чѣмъ между 10 мил. хозяйствъ, 60 м. дес. дворянской земли сконцентрировано въ рукахъ немногимъ свыше 100 тыс. собственниковъ. А всякая такая концентрація значительно увеличиваетъ соціальную силу данной группы. Мы можемъ говорить, что классъ земельнаго дворянства ослабѣлъ, какъ цѣлое, но онъ представляетъ и понынѣ крупную соціальную силу, съ которой приходится считаться.

Указанная выше общая цифра утраченной дворянской земли представляетъ сумму, составленнную изъ весьма различныхъ слагаемыхъ.

Процессъ выразится совершенно иначе, если мы обратимъ вниманіе на географическія отличія.

Мы имѣемъ центръ «дворянскаго оскудѣнія»—нечерноземная и сѣверная Россія, гдѣ убыль дворянской земли къ 1896 году доходитъ до

*) Безъ Прибалтійскихъ, Бессарабіи и Донской области.

**) Цифровыя данныя о поземельной собственности въ Европейской Россіи. Изд. М. Фин. СПБ 1897.

***) Крайне приблизительный подсчетъ для 45 губ. (безъ Прибалтійскихъ, Архангельской и Астраханской) по обслѣдованію Центр. Стат. Комитета 1877 г. и „Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи“, вып. IV. Изд. Мин. Фин. СПБ. 1901.

50% *) площади 1859 года, поднимаясь до 71% въ Вологодской и до 85% въ Олонецкой губ.

Псковская . . .	60%	Ярославская . . .	55%
Новгородская . .	59 »	Костромсиая . . .	53 »
Олонецкая . . .	85 »	Тверская	52 »
Вологодская. . .	71 »	Московская . . .	48 »
Вятская	73 »	Калужская	49 »
Владимірская . .	55 »		

Второй центръ, съ убылью свыше 40%—это южныя степи и отчасти приволжскія губ.

Таврическая. . .	48%	Самарская	44%
Херсонская . . .	44 »	Саратовская . . .	33 »
Екатеринослав . .	43 »	Казанская	49 »

Здѣсь «оскудѣніе» вызвано уже не столько интенсивностью предложенія, сколько интенсивностью спроса; не столько дворянскимъ разореніемъ, сколько недворянскимъ обогащеніемъ. Наоборотъ, средняя черноземная полоса и весь западъ даютъ % уменьшенія значительно меньшій—15—30%, спускаясь до 14% (въ Кіевской), 12% (въ Подольской) и даже до 9% (въ Ковенской).

Курская. . . .	22%	Витебская. . . .	28%
Орловская . . .	26 »	Могилевская . .	30 »
Тульская . . .	19 »	Минская. . . .	36 »
Рязанская . . .	33 »	Виленская . . .	14,5
Пензенская . .	27 »	Ковенская . . .	9 »
Симбирская . .	23 »	Гродненская . .	78 »
Тамбовская . .	22 »	Волынская . . .	25 »
Воронежская. .	17 »	Кіевская . . .	14 »
Полтавская . .	19 »	Подольская. . .	12 »
Харьковская . .	36 »		
Черниговская. .	24 »		

Здѣсь, въ исторической житницѣ Россіи и въ особенности въ западномъ краѣ, гдѣ соціальная сила дворянства сложилась издавна гораздо крѣпче, чѣмъ въ коренной Россіи, именно здѣсь мы можемъ видѣть центръ въ значительной степени устойчиваго дворянскаго землевладѣнія.

Спорадическія явленія *увеличенія* площади владѣній, наблюдаемыя нами на востокѣ и юго-востокѣ, не могутъ претендовать на такую закономѣрность, какая проявляется въ отмѣченныхъ выше районахъ.

Пермская . . .	+40,5%	Уфимская . . .	+10%
Оренбургская . .	16 »	Астраханская . .	+29 »

*) Кромѣ Нижегородской—38%, Смоленской—38% и С.-Петербургской—32%.

Географическое разсмотрѣніе дало намъ возможность детализировать характеръ процесса, отмѣтить значительныя и притомъ закономѣрныя несходства въ немъ для различныхъ областей обширной страны. Но если за 37 лѣтъ дворянство, какъ цѣлое, все же потеряло изъ 79 около 24 дес. земли, то нельзя ли предположить, что процессъ, идя тѣмъ же темпомъ, приблизительно черезъ 85 лѣтъ приведетъ къ полному исчезновенію дворянской земли? Такія фантастическія предсказанія дѣлались въ литературѣ. Онѣ основаны на произвольной предпосылкѣ, что процессъ идетъ и будетъ идти одинаковымъ темпомъ. Весьма интересно знать факты: замедляется ли данный процессъ, или, быть можетъ, ускоряется?

Мы, по имѣющимся даннымъ, можемъ раздѣлить весь періодъ 1859—1896 г. на 3 части: 1) 1859—1877, II) 1878—1892, и III) 1893—1896.

Если мы примемъ цифру потерь земли дворянами въ I-мъ періодѣ за 100, то увидимъ, что въ огромномъ большинствѣ губерній потери II-го періода превышаютъ *100*. Выдѣляя пермскую губ. съ ея исключительными условіями, найдемъ, что только въ юго и, главнымъ образомъ, сѣверо-западныхъ губ. (всего 5 губ.) потери дворянами земли замедлились (менѣе 100). (См. стр. 219).

Но если мы взглянемъ на III періодъ то увидимъ уже длинный рядъ губерній (20) гдѣ потери стали уменьшаться *). Отчасти это, конечно, объясняется тѣмъ, что произошелъ естественный отборъ: разорявшіеся разорились, остались болѣе крѣпкіе (главнымъ образомъ на Сѣверѣ); но необходимо обратить вниманіе, что замедленіе процесса произошло, главнымъ образомъ, на черноземѣ, что свидѣтельствуетъ о проявленіи съ большей или меньшей силой положительныхъ моментовъ на общемъ темномъ фонѣ **); мало того, западный край, гдѣ мобилизація дворянскихъ земель усилилась, представляетъ въ дѣйствительности область весьма устойчиваго дворянскаго землевладѣнія; усиленіе процесса объясняется тѣмъ, что онъ былъ слишкомъ слабъ въ предшествующій періодъ—1878—92 г.

Вотъ факты, указывающіе, что слишкомъ поспѣшно предсказывать исчезновеніе дворянскаго землевладѣнія въ Россіи. Процессъ представляется несравненно болѣе сложнымъ и противорѣчивымъ, какъ это мы еще увидимъ.

Но прежде мнѣ хотѣлось бы вкратцѣ разсмотрѣть вопросъ о распредѣленіи дворянскаго землевладѣнія на крупное, среднее и мелкое.

---

*) См. В. Іоновъ. Факты и иллюзи въ вопросѣ и движеніи частной земельной собственности. Жизни 1900. 4.

**) Необходимо однако принять ве вниманіе развитіе задолженности дворянскаго землевладѣнія, особенно сильное именно въ этой полосѣ.

Ежегодныя потери земли дворянами:

	1859—76 гг.	1877—91 гг.	1877—91 гг.	1892—95 гг.
Сѣверъ:				
С.-Петербургская	Принята за 100.	882	Принята за 100.	147
Новгородская		344		71
Псковская		180		100
Олонецкая		92		103
Вологодская		355		95
Вятская		358		48
Нечерноземный центръ:				
Владимірская		106		84
Нижегородская		300		83
Ярославская		133		135
Костромская		100		187
Тверская		300		125
Московская		113		53
Калужская		146		95
Смоленская		300		125
Черноземный центръ:				
Курская		133		62
Орловская		152		73
Тульская		175		114
Рязанская		186		100
Харьковская		171		208
Полтавская		1.286		139
Черниговская		200		225
Казанская		182		3,7
Самарская		155		94
Симбирская		250		60
Пензенская		129		83
Саратовская		300		80
Тамбовская		234		96
Воронежская		150		67
Черноземный югъ:				
Таврическая		300		46
Херсонская		107		67
Екатеринославская		550		68
Западъ:				
Витебская		129		139
Могилевская		100		225
Минская		23,5		700
Виленская		40		550
Гродненская		57		37
Ковенская		57		235
Волынская		71		260
Кіевская		133		200
Подольская		100		166
Востокъ:				
Пермская	прибыль	+118	прибыль	убыль.
Оренбургская		250		300
Уфимская	прибыль	убыль		333
Астраханская	убыль	прибыль	прибыль	убыль.

Вотъ таблица для 2-хъ моментовъ—1877 и 1896 г. [2]). Здѣсь мы видимъ сложный результатъ разнообразныхъ и противоположныхъ процессовъ: исчезновеніе прежнихъ собственниковъ и появленіе новыхъ; утраты земли одними и пріобрѣтеніе ея другими; раздробленіе и концентрація владѣній; переходъ изъ низшихъ группъ въ высшія и наоборотъ. Всѣ эти противоположные процессы взаимно компенсируются, погашаются въ общемъ результатѣ. Мы не имѣемъ мѣста подробно анализировать эти данныя и должны ограничиться лишь двумя-тремя новѣйшими чертами.

Размѣры владѣній.	Число владѣній въ тысячахъ.		Измѣненіе его въ %-хъ.
	1877-78 г.	Къ 1896 г.	
До 100 дес. . . .	56,4	66,4	+10,0	+ 18
100— 500 „ . . .	33,4	29,2	— 4,2	— 12
500—1.000 „ . . .	10,6	9,6	— 1,0	— 9
1.000—5.000 „ . . .	10,4	8,3	— 2,1	— 20
Свыше 5.000 „ . . .	1,8	1,2	— 0,6	— 32
Всего . . .	112,6	114,8	+ 2,2	+ 1,8

Размѣры владѣній.	Количество земли въ милліонахъ десятинъ.		Измѣненіе его		
				въ %-хъ.	въ годъ въ %-хъ.
	1877-78 г.	Къ 1896 г.			
До 100 дес. . . .	1,9	1,8	— 0,065	— 3,4	—0,19
100— 500 „ . . .	8,3	7,2	— 1,1	— 13,3	—0,74
500—1.000 „ . . .	7,5	6,7	— 0,8	— 11,6	—0,64
1.000—5.000 „ . . .	21,1	16,4	— 4,7	— 22,2	—1,23
Свыше 5.000 „ . . .	29,9	21,8	— 8,1	— 27,9	—1,53
Всего . . .	68,9	53,9	—14,9	— 21,6	— 1,2

Размѣры владѣній.	Средній размѣръ въ десятинахъ.		Измѣненіе въ %-хъ.
	1877-78 г.	Къ 1896 г.	
До 100 дес.	34	28	— 18
100— 500 „	249	247	— 0,8
500—1.000 „	707	694	— 4,8
1.000—5.000 „	2.031	1.972	— 2,9
Свыше 5.000 „	16.437	17 954	+ 7,0
Всего	613	470	—23,5

[2]) Цифровыя данныя ниже.

Первый фактъ: слишкомъ слабое увеличеніе числа собственниковъ. Если въ качествѣ грубой иллюстраціи примемъ % увеличенія владѣній за % увеличенія дворянъ землевладѣльцевъ, а приростъ дворянскаго населенія за 1,36%=проценту общаго прироста населенія *), то найдемъ, что за это время число дворянъ землевладѣльцевъ должно было бы увеличиться болѣе, чѣмъ на 29 тыс. человѣкъ. Оно увеличилось всего на 2 тысячи, слѣдовательно, болѣе 25 тысячъ землевладѣльцевъ было выкинуто за бортъ стихійнымъ процессомъ экономическаго развитія. Разсчетъ, конечно, слишкомъ условный, иллюстрація черезчуръ грубая, но явленіе слишкомъ характерно, чтобы его не отмѣтить.

Второй выводъ изъ данныхъ цифръ—замѣтное уменьшеніе средняго размѣра владѣній: дворянская собственность неудержимо раздробляется. Здѣсь къ естественному процессу раздробленія по наслѣдству присоединяется несомнѣнно процессъ частичнаго отчужденія владѣній и распродажи ихъ участками. И даже повышеніе средняго размѣра владѣнія въ группѣ нашихъ земельныхъ магнатовъ объясняется, вѣроятно, отрицательно—раздробленіемъ нѣкоторыхъ владѣній, переходомъ ихъ въ низшую группу и сохраненіемъ въ высшей лишь наиболѣе крупныхъ.

Третій выводъ не бросается прямо въ глаза, а наоборотъ можетъ показаться противорѣчащимъ первому впечатлѣнію отъ таблицы, при поверхностномъ взглядѣ на нее. Мы видимъ съ почти полною правильностью, что чѣмъ крупнѣе размѣры владѣній, тѣмъ большій % убыли даетъ данная группа и по числу владѣній и по площади утраченной земли. Можно было бы подумать, что сильнѣе всего разоряется именно группа нашей высшей земельной аристократіи. Но надо обратить вниманіе на слѣдующее. Раздробляясь, владѣнія могутъ переходить въ низшую группу, кромѣ, конечно, первой.

Убыль каждой низшей группы пополняется переходомъ изъ высшихъ, и это маскируетъ процессъ. Если бы не было этого уравновѣшенія, процессъ во всѣхъ низшихъ группахъ владѣній выразился бы значительно сильнѣе. Группа же свыше 5.000 дес. не пополняется сверху ничѣмъ. Вотъ почему здѣсь являются такія сравнительно крупныя цифры потерь. Въ дѣйствительности, слѣдовательно, разложеніе крупнѣйшаго русскаго землевладѣнія идетъ вѣроятно значительно болѣе слабымъ темпомъ, чѣмъ разложеніе его среднихъ группъ. Менѣе чѣмъ $1^1/_2$ тысячи крупнѣйшихъ земельныхъ владѣній (и вѣроятно еще гораздо меньше число владѣльцевъ) продолжаютъ держать въ рукахъ около 40%, а фактически вѣроятно значительно большую часть всей площади земель сословія. Абсолютно огромные размѣры наслѣдственныхъ богатствъ въ связи часто съ вліятельнымъ общественнымъ по-

*) Естественная прибыль населенія для 50 губ. Евр. Россіи за 1870—1894 гг. В. Покровскій. Статья „Населеніе“ въ энцикл. словарѣ Брокгауза).

ложеніемъ дѣлаютъ группу русской земельной аристократіи гораздо болѣе устойчивой, чѣмъ среднее и особенно мелкое земельное дворянство.

До сихъ поръ мы разсматривали дворянское землевладѣніе, какъ цѣлое, въ противоположность другимъ сословіямъ, или разсматривали только общіе результаты процессовъ для отдѣльныхъ районовъ и различныхъ размѣровъ владѣній. Какъ цѣлое, дворянство потеряло и продолжаетъ терять ежегодно значительныя количества земли, и эти потери сопровождаются общимъ измельчаніемъ русскаго дворянскаго землевладѣнія. Но этимъ мы еще не можемъ ограничиться. Всякій общій результатъ можетъ быть разностью двухъ противоположныхъ процессовъ—*какъ цѣлое,* дворянство можетъ бѣднѣть, но *внутри его* могутъ происходить совершенно различныя явленія.

Ходъ мобилизаціи землевладѣнія можетъ выясняться изъ сравненія цифръ двухъ моментовъ времени или же можно изучать противоположные процессы пріобрѣтенія и отчужденія земель, происходящіе одновременно. Мы имѣемъ въ распоряженіи и послѣдняго рода данныя *).

Здѣсь сразу открывается фактъ, совершенно противорѣчащій шаблоннымъ представленіямъ. Если бы я спросилъ: кто является главнымъ покупщикомъ дворянскихъ земель, то вѣроятно получилъ бы единогласный отвѣтъ: на первомъ мѣстѣ купцы, затѣмъ мѣщане и крестьяне. На самомъ дѣлѣ оказывается совершенно обратное: главными покупщиками дворянскихъ земель являются... дворяне!

Возьмемъ цифры:

Мы имѣемъ детальныя данныя за 3 года **).

	1893 г.	1894 г.	1895 г.
	Въ тысячахъ десятинъ.		
Дворяне продали	2.091	1.922	1.843
У дворянъ купили:			
купцы.	504	331	313
мѣщане	107 } 1.101	83 } 837	62 } 661
крестьяне	490	423	286
дворяне	—754	—882	—903

*) «Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи» вв. I—IV изд. мин. финансовъ Спб. 1896—1901.

**) Всѣ нижеприведенныя цифры завѣдомо не полны. Кромѣ того, въ цифры для дворянъ не включены „разнословные союзы и товарищества 1—6 группъ". Отъ дворянъ нельзя было отдѣлить „чиновниковъ и офицеровъ". Къ купцамъ принадлежатъ почетные граждане. Къ крестьянамъ отнесены „нижніе воинскіе чины", сельскіе обыватели на особомъ положеніи и „товарище.

Дворяне являются абсолютно и относительно крупнѣйшимъ покупщикомъ.

	1893 г.	1894 г.	1895 г.
	Въ тысячахъ десятинъ.		
Всѣ сословія продали	3.504	3.141	2.956
Изъ этой суммы купили:			
купцы	799	553	631
мѣщане	186 } 1.849	152 } 1.423	122 } 1.364
крестьяне	864	718	611
дворяне	1.104	1.201	1.106

Характеръ явленія сохраняется. Но, быть можетъ, на короткомъ пространствѣ трехъ лѣтъ не устранено вліяніе случайныхъ причинъ?

Возьмемъ данныя за тридцатилѣтіе 1863—1892 г., разбивъ ихъ на три десятилѣтія.

	1863—72 г.	1873—82 г.	1883—92 г.
	Въ милліонахъ десятинъ.		
Всѣ сословія продали	19,8	33,5	27,5
(въ томъ числѣ дворяне)	(16,1)	(23,4)	(18,0)
Изъ общей суммы купили:			
купцы	5,3	7,7	5,6
мѣщане	0,5 } 8,2	1,1 } 14,2	1,3 } 14,8
крестьяне	2,4	5,4	7,9
дворяне	9,7	13,9	9,7

Опять дворяне за весь длинный періодъ являются самою крупною изъ группъ покупателей. За послѣднее 10-ти-лѣтіе ихъ начинаютъ догонять только крестьяне, быстро увеличивающіе свои покупки. При всей приблизительности данныхъ цифръ *) общій характеръ явленія и общій выводъ несомнѣненъ: въ средѣ русскаго земельнаго дворянства есть группы, и притомъ далеко не ничтожныя, которыя отнюдь не разоряются, но, наоборотъ, увеличиваютъ свои земельныя владѣнія.

Если мы разсмотримъ это явленіе по районамъ, то встрѣтимъ

ства 7—8 группъ". Имѣютъ значеніе, конечно, главнымъ образомъ соотношеніе отдѣльныхъ группъ, а не абсолютныя цифры.

*) Необходимо принять во вниманіе, что въ теченіе долгаго періода та же земля нѣсколько разъ могла переходить изъ рукъ въ руки, потому *абсолютнымъ* цифрамъ тѣмъ болѣе нельзя придавать значенія.

извѣстную закономѣрность, подтверждающую наши прежнія заключенія. Мы не будемъ группировать данныя по губерніямъ, т. к. матеріалы, къ сожалѣнію, даютъ данныя за 30-лѣтіе, только по очень крупнымъ районамъ. Мы употребимъ такой пріемъ. Количество *проданныхъ* въ каждой области земель приняты за *100* и взято отношеніе къ нимъ *купленной* дворянами земли за тридцатилѣтіе 1863—1892 г. Покупки по отношенію къ продажѣ равны: нечерноземной центральной 45 %, менѣе средней на 12,4%, черноземной центральной 64,4%.

Группы губерній.	Продажи =100, покупки =	Менѣе средней на:	Группы губерній.	Продажи =100, покупки =	Болѣе средней на:
Нечерноз. центр. .	45	12,9%	Черноземн. центр.	64,4	6,5%
„ сѣверн.	42,5	15,4%	Малороссійскія . .	60,6	2,7%
„ ю.-степ.	53,5	4,4%	Восточныя	65,0	7,1%
			Юго-западныя. . .	83,9	26,0%
			Сѣверо-западныя.	84,4	26,5%

Средняя для 45 губ. = 57,9%

Мы видимъ въ иномъ выраженіи—прежнія явленія.

Въ нечерноземныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ дворянство оказалось слишкомъ слабо; на югѣ сильно стремились къ землѣ другіе элементы: общій результатъ—изъ проданной земли дворяне могли купить обратно лишь 40—50%. Наоборотъ, черноземъ и Малороссія: 60—65% земли куплено дворянами же. Центромъ, гдѣ дворянское землевладѣніе не только наиболѣе устройчиво, но гдѣ особенно сильны группы, покупающія землю, являются западный и юго-западный край—84% проданной земли возвратилось въ руки сословія!

Вотъ тѣ цифровыя данныя, которыя позволяютъ судить о дворянствѣ не только, какъ цѣломъ, но и о тѣхъ процессахъ, которые

Группы губерній.	Продажи. (Тысячи сдѣлокъ).	Покупки. (Тысячи сдѣлокъ).	Отношеніе покупокъ къ продажамъ.
Нечерноземныя центральныя . . .	55,8	17,4	31%
„ сѣверныя.	34,7	9,2	27%
Сѣверо-западныя	21,1	7,2	34%
Малороссійскія	49,6	17,0	—%
Черноземныя центральныя	57,0	25,5	45%
Юго-западныя	11,2	4,3	39%
Южно-степныя	21,9	13,3	60%
Восточныя.	4,6	2,4	52%

Среднее отношеніе = 38%.

совершаются въ средѣ самого сословія: не только о *между*-сословной, но и о *внутри*-сословной мобилизаціи землевладѣнія. Только эта по-

слѣдняя позволяетъ судить о наличности или отсутствіи разслоенія общей соціальной группы на подгруппы, развивающіяся въ противоположномъ направленіи. Несомнѣнно, большая часть дворянства оскудѣваетъ, но появляются значительныя группы, которыя наоборотъ крѣпнутъ. Объ относительной численности ихъ, конечно, судить нельзя. Мы имѣемъ, правда, данныя о числѣ покупокъ и продажъ за 30 лѣтъ (1863-1892 г.).

Конечно, эти цифры сдѣлокъ не соотвѣтствуютъ числу лицъ, купившихъ за это время землю:

1) Та же земля переходила *неоднократно* изъ рукъ въ руки.

2) Одно лицо покупало нѣсколько участковъ.

3) Одно лицо являлось и продавцомъ и покупателемъ, притомъ не равное число разъ.

Но если мы сравнимъ эти данныя о числѣ продажъ и покупокъ съ отношеніемъ купленной земли къ проданной, то со значительною вѣроятностью можемъ сдѣлать весьма важный выводъ. Вездѣ отношеніе покупателей къ продавцамъ меньше, чѣмъ отношеніе купленной земли къ проданной, т.-е. меньшая (относительно) доля лицъ покупаетъ бо́льшую долю земли. Это соотношеніе проявляется вездѣ, за однимъ исключеніемъ.

Отн. покупщ. къ прод.		Отн. купл. зем. къ прод.	Отн. втор. вел. къ пер.
Неч. цент. . . .	31%	45 %	155%
» сѣв. . . .	27 »	42,5 »	157 »
» зап. . . .	34 »	84,4 »	248 »
Чер. цент. . . .	45 »	64,4 »	143 »
» мал. . . .	34 »	60,6 »	178 »
» ю.з. . . .	39 »	83,9 »	215 »
» ю.ж. . . .	60 »	53,5 »	89 »
» вост. . . .	52 »	65,0 »	125 »
Сред. . . .	38%	57,9%	153%

За исключеніемъ южныхъ степей, вездѣ доля купленной земли больше доли покупателей. Отсюда мы въ правѣ вывести заключеніе о томъ, что въ группѣ дворянъ, покупающихъ землю, происходитъ *концентрація* землевладѣнія. Исключеніемъ являются только южныя степи, гдѣ малочисленное дворянство владѣло несоразмѣрно огромнымъ пространствомъ земли. Затѣмъ наиболѣе слаба концентрація на востокѣ (125 %), гдѣ условія болѣе подходятъ къ южнымъ, и въ черноземномъ центрѣ, гдѣ густое населеніе и выгодность хозяйствованія до извѣстной стени противодѣйствуетъ разоренію мелкаго и средняго дворянства.

Maximum концентраціи приходится опять-таки на западъ и юго-западъ. Здѣсь доля купленной земли болѣе чѣмъ вдвое превышаетъ

долю покупщиковъ. Концентрація эта должна дѣйствовать умѣряющимъ образомъ на отмѣченное выше общее пониженіе средняго размѣра дворянскаго землевладѣнія, конечно, далеко не перевѣшивая его. О ней же говоритъ любопытный фактъ, представляющій *иное выраженіе того же* вывода

Средній размѣръ сдѣлки у покупателей (это относится не къ однимъ только дворянамъ) *больше*, чѣмъ у продавцевъ.

Средній размѣръ сдѣлки (въ дес.) за 1863—1892 гг.

	Продажи.	Покупки.
Неч. центр. . .	180 дес.	260 д.
»	347 »	539 »
Сѣв.-запад. . .	325 »	794 »
Черноз. цен. . .	161 »	231 »
» Малорос.	67 »	119 »
» Юго-Зап.	317 »	699 »
» Юго-Степ.	388 »	342 »
» Восточ.	908 »	2100 »
	199	290

Здѣсь (съ тѣмъ же исключеніемъ въ южныхъ степяхъ) мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ несомнѣнной концентраціи землевладѣнія.

Вотъ тѣ противоположные процессы, которые скрываются внутри дворянскаго землевладѣнія. Если дворянство, какъ цѣлое, теряетъ, то нельзя забывать, что этотъ общій результатъ есть равнодѣйствующая двухъ противоположныхъ процессовъ: несомнѣнно, бо́льшая, и значительно бо́льшая, часть дворянства «оскудѣваетъ», меньшая, но весьма замѣтная группа развивается въ совершенно обратномъ направленіи: экономически крѣпнетъ, двигаетъ впередъ сельскохозяйственную культуру, являясь выразителемъ развитія производительныхъ силъ страны. Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ времени останавливаться на развитіи *задолженности* дворянскаго землевладѣнія. Она имѣетъ во многихъ мѣстахъ несомнѣнно угрожающіе размѣры, хотя не надо забывать, что бо́льшая половина дворянскихъ имѣній еще не заложена. Быстрый ростъ задолженности можетъ замедлять процессъ распродажи дворянскихъ земель, но онъ не можетъ поколебать нашего вывода о дифференціаціи земельнаго дворянства, о наличности въ немъ значительнаго слоя землевладѣльцевъ, отнюдь не разоряющихся. Среди дворянскихъ воплей объ оскудѣніи, о необходимости поддержки дворянства, эта группа неслышно укрѣпляетъ свое благосостояніе, молча пользуясь выгодами дешеваго кредита, оказываемаго дворянству.

Что же изъ всего этого слѣдуетъ? Какая судьба ждетъ русское земельное дворянство? Предсказывать его *полное* исчезновеніе нелѣпо. Несомнѣнно значительная часть его должна погибнуть. Дво-

рянскій вопросъ *въ этой части* неразрѣшимъ. Вскормленная крѣпостнымъ правомъ, неприспособленная къ энергичному хозяйствованію, эта часть дворянства не можетъ быть спасена никакими «мѣрами», никакими подачками, еще болѣе деморализующими ее.

Но развивается другая часть земельнаго дворянства, скупающая земли у своихъ же разоряющихся собратій, раціонализирующая хозяйство, отрѣшаясь отъ барскихъ традицій, постепенно теряя черты такъ называемаго дворянскаго типа—полурантье, получиновника, сбрасывая съ себя ветхую одежду «служилаго» класса и приближаясь къ типу земельной буржуазіи, сельскихъ хозяевъ въ дѣйствительномъ смыслѣ термина. Этой группѣ обязано своимъ существованіемъ быстрое развитіе за послѣднее время сельскохозяйственныхъ обществъ и съѣздовъ, такія явленія, какъ агитація противъ валютной реформы и крайностей промышленнаго протекціонизма, противъ политики, направленной къ исключительной защитѣ интересовъ промышленной буржуазіи. Отсюда же исходитъ и несомнѣнный прогресъ сельскаго хозяйства, замѣтное явленіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, спорадическое въ другихъ, прогрессъ, нарушающій обычныя представленія о безнадежной отсталости русскаго сельскаго хозяйства. Здѣсь зрѣетъ и извѣстное «классовое самосознаніе», желаніе выйти изъ-подъ вѣчной опеки и стремленіе къ болѣе полному самоуправленію—извѣстная политическая зрѣлость.

Мы не обольщаемся: ничего, кромѣ лишь правильнаго пониманія классоваго интереса, здѣсь нельзя ожидать. Но есть извѣстные общіе интересы у всѣхъ классовъ русскаго общества, и сознаніе ихъ каждой соціальной группой можно только привѣтствовать. Развитіе этихъ зачатковъ классоваго самосознанія, стремленіе самыхъ разнообразныхъ группъ къ самодѣятельности и къ самостоятельности, должны, въ концѣ концовъ, привести къ положительнымъ результатамъ, къ разрѣшенію тѣхъ насущныхъ задачъ, которыя поставлены русскому народу современнымъ историческимъ моментомъ.

Я напомню знаменитыя слова: «Ни одна общественная формація не погибаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ тѣ силы, для которыхъ она даетъ просторъ».

Развитіе сознанія собственныхъ интересовъ въ любой соціальной группѣ есть лишь отраженіе развитія производительныхъ силъ, скрытыхъ въ ней. *И поскольку эти силы въ самомъ дѣлѣ развиваются, поскольку это развитіе есть дѣйствительный прогресъ экономической и общественной самодѣятельности, а не только хищнической эксплоатаціи силъ природы и населенія*, постольку мы можемъ привѣтствовать положительные моменты даже въ такой, въ значительной мѣрѣ отрицательной соціальной группѣ, какою явилось и является русское дворянское землевладѣніе.

Вотъ точка зрѣнія, которую я защищаю. И если мнѣ удалось, хотя,

къ сожалѣнію, въ слишкомъ бѣгломъ обзорѣ, обратить вниманіе на новые факты, противорѣчащіе «вульгарнымъ» представленіямъ; если новая точка зрѣнія оказалась бы способной дать толчокъ къ провѣркѣ привычныхъ мнѣній, то цѣль моя вполнѣ достигнута.

Главнѣйшіе матеріалы для изученія дворянскаго землевладѣнія: „Военно-статистическій сборникъ", вып. IV. „Россія". Спб. 1871.—„Статистика поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ Евр. Россіи" I—VIII. Изд. цен. стат. ком. спб. 1880—1886.—поземельная собственность Евр. Россіи 1877 и 1878 гг., („Стат. Временникъ Рос. имп." серія III, в. 10). Спб. 1886.— „Главнѣйшія данныя поземельной статистики по обслѣдованію 1887 г." (отдѣльными выпусками по губерніямъ) („Статистика Рос. имперіи XXII".) Спб. 1892—1900 (не окончено). —„Цифровыя данныя о поземельной собственности въ Европейской Россіи". Изд. мин. фин. Спб. 1877.—"Движеніе землевладѣнія потомственныхъ дворянъ въ 1861 по 1897 г." (Приложеніе къ отчету госуд. двор. земельнаго банка за 1896 г.). Спб. 1898.—„Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. вып. I—IV. Изд. мин. фин. Спб. 1896—1901. *А. Фортунатовъ.*« Распредѣленіе поземельной собственности въ Европейской Россіи". Рус. Мыс. 1886 7.— *А. Дояренко.* „Движеніе русскаго землевладѣнія въ десятилѣтіе 1877—1888 г." (оттискъ изъ „Извѣстій мос. Сельскохоз. института" 1899, кн. IV, и отдѣльно. Москва. 1899).—*В. В.* „Дворянское землевладѣніе послѣ реформы" „Рус. Мысль", 1898, 10.— *Н. Карышевъ.* „Междусословная мобилизація землевладѣнія въ 45 губерніяхъ Евр. Россіи". „Рус. Бог", 1898, 1.— *В. Іоновъ.* „Факты и иллюзіи въ вопросѣ о движеніи частей замельной собственности въ Россіи". „Жизнь". 1900, 4.

Въ указанныхъ журнальныхъ статьяхъ использованы вышеприведенные цифровые матеріалы. Интересный IV выпускъ „Матеріаловъ по статистикѣ движеній землевладѣнія въ Россіи", обнимающій всю пореформенную эпоху, насколько намъ извѣстно, пока не обратилъ на себя вниманія печати.

Прив.-доц. **М. Яснопольскій.**

«ОГНЕННАЯ ВОДА».

(Очеркъ изъ жизни сибирскихъ окраинъ).

I.

За столомъ сидитъ торговецъ Ландуръ *), а возлѣ него стоитъ молодой самоѣдъ въ смиренной позѣ просителя.

Ландура знаетъ вся тундра. Это—добрый и злой геній всѣхъ народовъ, заселяющихъ тундру, отъ устьевъ Хатанги до устьевъ Таза: юраковъ, самоѣдовъ, долгановъ. Онъ раздаетъ голоднымъ хлѣбъ, нагимъ—одежду, скучнымъ—источникъ веселья—водку, и когда онъ даетъ, лицо его привѣтливо и ясно, какъ у добраго духа, нѣкогда покровительствовавшаго предкамъ дикихъ обитателей тундры, жившимъ сытно въ недоступныхъ пустыняхъ и не знавшимъ болѣзней и горя. Но когда онъ разъѣзжаетъ по стойбищамъ дикихъ людей собирать песцовъ и лисицъ, то лицо его—страшно и грозно, какъ у духа зла, съ которымъ борятся шаманы заклинаніями и грохотомъ чудодѣйственнаго бубна... Съ духомъ зла бороться легче, чѣмъ съ Ландуромъ: никакія заклинанія и пляски шамановъ не спасутъ отъ его когтей человѣка тундры, который вздумалъ бы не платить долга или скрыть свой промыселъ отъ хозяйскаго ока. Онъ найдетъ должниковъ въ глубинѣ тундры и отниметъ отъ нихъ не только добычу, но и послѣднихъ оленей, уведетъ въ плѣнъ женъ и дѣтей, какъ нѣкогда грозные завоеватели края - казаки...

Но обитатели тундры—дѣти. Когда лицо Ландура, дающаго имъ хлѣбъ, чай, табакъ и водку, привѣтливо улыбается имъ, они не думаютъ о томъ страшномъ мгновеніи, когда лицо это станетъ грознымъ и неумолимымъ. Часъ расплаты далекъ, а они не привыкли думать о будущемъ. Они живутъ только настоящимъ. Предусмотрительность чужда наивнымъ дѣтямъ природы. Природа сурова, но добра и въ изобиліи снабжаетъ ихъ своими дарами. Каждый беретъ ихъ столько, сколько нужно, и не беретъ ничего въ запасъ.

— Здравствуй, хозяинъ!—говоритъ молодой самоѣдъ.

---

*) Ландуръ значитъ понурый (самоѣдск.).

— Здравствуй!—отвѣчаетъ Ландуръ.—Какъ твое имя?

— Боягирь... Николай.

— Какой орды?

— Орды Авамской..

— Ты мнѣ долженъ сто рублей...

— Нѣтъ, хозяинъ. Твоя рожа мѣста вѣкъ не видалъ *)... Не долженъ.

Ландуръ пытливо всматривается въ самоѣда своими сѣрыми, холодными глазами, хмуритъ свой высокій лобъ и правой рукой поглаживаетъ свою русую бороду.

— Твой отецъ долженъ сто рублей.

Съ этими словами онъ раскрываетъ большую красную книгу, которая лежитъ передъ нимъ на столѣ. Въ книгѣ записана вся самоѣдская орда; но ни просителя, ни отца его нѣтъ въ ней, и это обстоятельство вызываетъ морщины на высокій лобъ Ландура. Самоѣдъ смотритъ на эти морщины и нерѣшительно говоритъ:

— Однако такъ... Ну вотъ пасибо. Теперь ты мой хозяинъ мѣста будешь.

Готовность, съ которой этотъ самоѣдъ лѣзетъ въ кабалу, нисколько не удивляетъ Ландура: онъ привыкъ къ этому.

— Хорошо, я тебѣ дамъ товару; только долгъ отца платить надо.

— Какъ не платить? Ты мнѣ давай патарга **)... Я песца промышлять буду, вѣкъ тебѣ давать буду.

Ландуръ вноситъ имя и фамилію новаго кліента въ красную книгу и, выдавъ самоѣду товару и водки на 50 рублей, записываетъ за нимъ 150, и даетъ ему объ этомъ записку.

Самоѣдъ бережно прячетъ вексель на самого себя, и ему въ умъ не приходитъ подумать, когда и при какихъ обстоятельствахъ отецъ его задолжалъ Ландуру 100 р. Въ глубинѣ души онъ сознаетъ, что отецъ ничего не долженъ, но прошлое и будущее теперь для него не существуетъ: онъ живетъ однимъ настоящимъ. Онъ предвкушаетъ то счастье, которое ему доставитъ обладаніе товаромъ и водкой, и не думаетъ о томъ, что ему придется заплатить за нихъ втрое больше, чѣмъ они стоятъ.

Что за бѣда? Все равно кому-нибудь да придется платить. Всѣ самоѣды платятъ, всѣ имѣютъ хозяевъ. Не для себя, а для нихъ они бродятъ по тундрѣ и преслѣдуютъ дикихъ звѣрей. Они сжились съ рабствомъ и не понимаютъ, какъ можетъ быть иначе...

Что сдѣлало ихъ рабами? Развѣ въ тундрѣ мало птицы, мало

---

*) Выраженія „мѣста“ „вѣкъ“, „онако“ (однако) постоянно вплетаютъ самоѣды въ свою рѣчь.

**) Патарга—бумага, долговая расписка.

дичи, мало рыбы, чтобы быть сытымъ? Мало пушныхъ звѣрей, чтобы покрыть тѣло? Мало простора, чтобы кочевать съ оленями?

Рабами ихъ сдѣлали новыя привычки, которыхъ не знали дѣды. Имъ нужны: табакъ, чай, вино. Безъ этихъ предметовъ они уже не могутъ обойтись, а все это стоитъ такъ дорого!..

Все это отлично знаетъ Ландуръ. Онъ привилъ новыя потребности самоѣдамъ для того, чтобы держать ихъ въ кабалѣ. Онъ и его дѣти не выпустятъ этихъ самоѣдовъ, или, какъ онъ называетъ, «самоѣдиновъ», пока они не вымрутъ и ихъ обширная земля совершенно не опустѣетъ. Когда онъ былъ ребенкомъ, этихъ самоѣдовъ было гораздо больше, чѣмъ теперь. На его глазахъ они вымирали, таяли, какъ таетъ снѣгъ отъ лучей солнца. Но инстинкты хищника преобладали въ немъ, брали верхъ надъ здравымъ смысломъ, и онъ убивалъ курицу, несущую золотыя яйца. Онъ жилъ мгновеніемъ, какъ самоѣдъ Баягирь. Онъ хотѣлъ нажиться, урвать поскорѣе и не заботился ни о чемъ другомъ. Онъ ненавидѣлъ это племя самоѣдовъ за самую его покорность. Если бы эти люди пробовали бороться съ нимъ, защищать свои права, спорить противъ долговъ, записанныхъ напрасно,—онъ, быть можетъ, задумался бы надъ своими поступками, взвѣсилъ бы ихъ на вѣсахъ своей совѣсти и, быть можетъ, былъ бы болѣе справедливъ къ нимъ.

Но теперь его возмущала эта не знающая предѣловъ покорность, съ какой самоѣды несли наложенное на нихъ иго. Съ годами онъ ожесточался все болѣе и болѣе и не зналъ уже пощады къ закабаленному имъ народу. Полнѣйшая безнаказанность дѣлала его самоувѣреннымъ въ жестокости...

— Хозяинъ,—сказалъ Баягирь, — дай еще четверть ведра водки.

— Смотри, старый долгъ писать буду.

— Пиши, пиши!—сказалъ самоѣдъ, и его широкое скуластое лицо выразило готовность платить все то, что напишетъ хозяинъ. Казалось, тотъ фактъ, что онъ попадетъ въ большую красную книгу въ качествѣ вѣчнаго должника, наполнялъ его безмѣрнымъ ликованіемъ.

— Пиши, пиши!—повторилъ онъ умильно.—Вѣкъ платить буду.

Онъ досталъ изъ-подъ малицы *) патаргу и просилъ приписать пять бутылокъ водки.

Ландуръ приписалъ десять, а выдалъ пять.

Ликующій Баягирь поклонился Ландуру, спряталъ въ мѣшокъ изъ оленьихъ шкуръ свои покупки, сѣлъ на нарту и помчался по улицѣ соннаго, какъ бы вымершаго поселка.

II.

Когда Баягирь очутился за предѣлами поселка,—ему стало весело на душѣ. Онъ точно другимъ человѣкомъ сталъ. Его робкое, умиль-

*) Малица—рубаха изъ оленьихъ шкуръ.

ное лицо, выражавшее готовность повиноваться Ландуру и платить, платить безъ конца, стало спокойнымъ и самоувѣреннымъ; его согбенная, какъ бы ожидающая удара фигура, выпрямилась; глаза сверкнули смѣлымъ огонькомъ. Въ тундрѣ, среди нѣмой, засыпанной снѣгомъ пустыни, онъ ожилъ, какъ оживаетъ рыба, опущенная въ прудъ. Въ поселкѣ онъ ходилъ какъ-то робко, неувѣренно, какъ бы боясь, что всѣ встрѣчные русскіе люди будутъ его ругать, поносить и требовать платы. Онъ заискивающе смотрѣлъ имъ въ глаза, какъ бы говоря:

— И, хозяинъ!.. твоя мѣста, вѣкъ платить буду.

А за что платить, онъ не зналъ, но видѣлъ, что всѣ самоѣды платятъ всю жизнь: платятъ ясакъ въ казну, платятъ купцамъ, платятъ смотрителю хлѣбнаго магазина, часто угощающему ихъ вмѣсто хлѣба колотушками. Онъ примирился съ тѣмъ, что самоѣды встрѣчаются съ русскими только для того, чтобы платить, и потому въ поселкѣ онъ чувствовалъ себя угнетеннымъ и подавленнымъ. Иное дѣло въ тундрѣ. Это была его стихія.

Здѣсь онъ чувствовалъ себя не рабомъ, а властелиномъ. Все ея пустынное, безпредѣльное пространство, разстилающееся передъ нимъ, принадлежитъ ему: захочетъ онъ, пойдетъ направо; захочетъ, пойдетъ налѣво, и никто не скажетъ ему, какъ въ поселкѣ: «стой! куда и зачѣмъ идешь?»

Рыбы въ рѣкахъ, песцы въ сугробахъ, птицы въ зарослякъ, мхи на холмахъ, ягоды въ трясинахъ — все это свободно, никѣмъ не занято, ничѣмъ не обложено и принадлежитъ ему такъ же, какъ и его братьямъ самоѣдамъ. Все это онъ можетъ свободно брать, лишь бы хватило у него времени и силъ. Охъ, много добра можно было бы достать въ тундрѣ, если бы онъ, Баягирь, былъ жаденъ, но онъ совсѣмъ не жаденъ и предпочитаетъ любоваться рѣками, похожими на расплавленное серебро, озерами, освѣщенными лучами заходящаго солнца, чѣмъ ѣздить по нимъ и промышлять рыбъ и птицъ. Онъ промышляетъ лишь столько, сколько нужно для того, чтобы жить. Правда, онъ часто голодалъ отъ того, что не былъ жаденъ; но послѣ голодовки пища казалась гораздо вкуснѣе и лучше, чѣмъ при постоянной сытости; если бы онъ не зналъ тяжести голода, то и не зналъ бы прелести насыщенія. Тутъ онъ вспомнилъ, что теперь онъ былъ записанъ въ большую красную книгу Ландура и долженъ промышлять не только для себя, но и для него. Какъ это онъ самъ залѣзъ въ эту книгу? Вѣдь не Ландуръ его искалъ, а онъ самъ искалъ Ландура. Онъ видѣлъ, что всѣ самоѣды сидятъ въ рукахъ у этого человѣка, а онъ, Баягирь, одинъ только не похожъ на всѣхъ. Всѣ берутъ у Ландура водку, угощаютъ друзей, а онъ не можетъ нигдѣ взять водки... Ему захотѣлось быть похожимъ на всѣхъ, имѣть водку и имѣть хозяина. То же говорила ему и жена. Она была беременна и печалилась о томъ, что нѣтъ водки угостить друзей, когда она родитъ сына.

— Николай! — сказала она.—Надо бы намъ найти хозяина и жить такъ, какъ живутъ всѣ добрые люди...

И вотъ онъ нашелъ хозяина и везетъ патаргу. Эту бумагу онъ покажетъ своимъ друзьямъ, чтобы они знали, что онъ походитъ на всѣхъ... Это льстило его гордости, но зато сколько лишняго труда онъ долженъ потратить на то, чтобы платить Ландуру!

При этой мысли ему сдѣлалось грустно и онъ почувствовалъ потребность излить свою грусть въ звукахъ родной пѣсни, развѣять ее въ бѣшеной скачкѣ по тундрѣ

Онъ свистнулъ на оленей и помчался по снѣжной равнинѣ.

Солнце клонилось къ закату и бросало румяныя брызги на пучки облаковъ, какъ бы висѣвшихъ на небосклонѣ. Скоро оно спряталось за высокимъ круглымъ холмомъ. Багровое зарево запылало тамъ, гдѣ скрылось солнце. И вдругъ клубы дыма поднялись надъ заревомъ: холмъ пылалъ и курился, точно снѣгъ горѣлъ подъ небесами... «А развѣ снѣгъ можетъ горѣть?» думалъ отуманенный выпитымъ виномъ Баягирь, любуясь пожаромъ стихій.

Клубы дыма все двигались впередъ; оранжевые огни пылали, и это пламя походило на шумъ. Казалось, безчисленные, огненные языки говорили всѣ разомъ, и каждый изъ нихъ говорилъ иное. Отъ этихъ безсвязныхъ рѣчей образовался хаосъ звуковъ и волновалъ всю тундру, точно огромныя, невидимыя стада оленей бѣжали по сугробамъ и топотомъ копытъ о мерзлую почву и стукомъ роговъ, сплетающихся между собой, наполняли окрестныя поляны; точно вой голодныхъ волковъ потрясалъ воздухъ, охваченный дымомъ пожара. И вдругъ пожаръ началъ тухнуть, точно кто-то невидимый заливалъ его водою; шумныя, безсвязныя рѣчи умолкали... Небо начало темнѣть; клубы дыма стлались по землѣ, словно придавленные невидимою тяжестью; сугробы задвигались, какъ волны песку, гонимаго вѣтромъ.

— Пурга...

Это слово сорвалось съ губъ Баягиря, но не было выраженіемъ страха. Онъ бодро смотрѣлъ въ лицо разгнѣванной стихіи, и лицо это не смущало его, не лишало его мужества, какъ лицо Ландура. Это лицо, ясное и кроткое, только что блестѣвшее синевой глубокихъ, какъ море, лазурныхъ, какъ весеній цвѣтокъ, глазъ, горѣвшее румянцемъ веселья, вдругъ сдѣлалось мрачнымъ, непривѣтливымъ, потеряло и блескъ, и румянецъ, и бѣлизну. Оно сурово хмурилось; оно темнѣло... Движущіеся сугробы лѣзли со всѣхъ сторонъ на молодого самоѣда, грозя засыпать его. Но онъ былъ опытный боецъ. Привычной рукой опрокинулъ онъ нарту на бокъ съ подвѣтренной стороны, товаръ и водку бережно привязалъ къ доскамъ и накрылъ кожей; оленей онъ поставилъ сбоку рядомъ съ нартой, такъ что получилось треугольное загражденіе. Здѣсь онъ помѣстился самъ, усѣвшись на землю и повернувшись спиной къ вѣтру. Вой вѣтра, казалось, развеселилъ его,

и онъ запѣлъ гортаннымъ, протяжнымъ напѣвомъ пѣсню отцовъ своихъ. Онъ пѣлъ о широкой тундрѣ, о синемъ морѣ, съ горами льда, о рѣкахъ, чистыхъ, какъ весеннее небо, объ озерахъ, тихихъ, какъ сонъ храбраго охотника, о звѣздахъ долгой зимы, о яркомъ, не заходящемъ солнцѣ лѣта, о зарѣ бѣлыхъ ночей, о всемъ, что онъ видѣлъ съ рожденія и будетъ видѣть до смерти, что вѣчно и неизмѣнно блеститъ и свѣтитъ надъ землей, что такъ просто и такъ сложно, что одинаково очаровываетъ сердца ученыхъ и невѣждъ...

Онъ пѣлъ долго и уныло. Вѣтеръ подхватывалъ его пѣсню и разносилъ по пустынѣ, разбрасывалъ по сугробамъ. И никто не слышалъ этой пѣсни: только олени, полузасыпанные снѣгомъ, смотрѣли своими быстрыми и умными глазами на хозяина, точно понимали все то, что пѣлъ онъ.

Когда Баягирь кончилъ свою пѣсню, кончилась пурга. Онъ всталъ, стряхнулъ съ себя снѣжныя глыбы и оглянулся: надъ нартой высилась бѣлая фигура. Она протягивала руки впередъ и какъ будто хотѣла схватить въ охапку нарту и оленей, и хозяина, бросить ихъ въ сугробъ и придавить своею тяжестью. Баягирь посмотрѣлъ на оленей, посмотрѣлъ вверхъ на мутное небо, похожее на сугробъ и потерялъ терпѣніе. «До какихъ же поръ это будетъ»,—пробормоталъ онъ и схватился за нарту, чтобы вытянуть ее изъ снѣга. Но въ это мгновеніе бѣлая фигура ринулась на него и повалила его на землю. Въ глазахъ у него потемнѣло: онъ былъ погребенъ подъ снѣгомъ; яма, въ которой онъ укрывался отъ пурги, была засыпана. Но снѣгъ—не земля, и самоѣдъ чувствовалъ себя въ снѣгу, какъ рыба въ водѣ. Онъ шевелилъ ногами и руками и выбивался на свѣтъ Божій. Кучи снѣга летѣли направо и налѣво, и скоро изъ бѣлой массы показались мохнатая голова и плечи Баягиря. Онъ смотрѣлъ изъ снѣжной ямы на небо. Вмѣсто бѣлаго сугроба надъ нимъ высился синій куполъ неба. На этомъ куполѣ горѣли звѣзды и роняли на землю блестящія искры... Искры разсыпались по снѣгамъ...

Превращеніе произошло такъ скоро, что суевѣрному самоѣду казалось, что это ясный духъ звѣздъ и зари вышелъ на небо и поборолъ мрачнаго духа бури съ мутнымъ, закрытымъ лицомъ, похожимъ, на сугробъ...

Какъ хорошо на душѣ въ ясную звѣздную ночь. Баягирь выскочилъ изъ сугробовъ, схватилъ оленей за рога, привязалъ ремнями къ дугѣ нарты и крикнулъ. Олени дернули. Нарта съ драгоцѣнною кладью очутилась на верху сугробовъ и скользнула внизъ въ ложбину, гдѣ лежалъ крѣпко замерзшій снѣгъ еще съ осени. Поправивъ упряжь на оленяхъ Баягирь, усѣлся на нарту. Олени побѣжали дружно. Ихъ чуткія ноздри услышали запахъ дыма... За ближайшимъ холмомъ, гдѣ недавно горѣло небо и пылали снѣга, былъ чумъ молодого самоѣда.

Утренняя заря разгорѣлась на небѣ, когда Баягирь подъѣзжалъ къ своему чуму.

Луна, опустившаяся книзу, блѣднѣла; еле замѣтное облако прозрачною вуалью проносилось надъ ея челомъ, еще отражающимъ грёзы ясной ночи.

Какъ хороши эти грёзы! Какъ дороги онѣ дикому сыну тундры, привыкшему къ уединенію звѣздныхъ ночей! Надъ нимъ—недосягаемая высь; предъ нимъ—неизмѣримая даль; вокругъ—необъятная ширь. Высь горитъ звѣздами, сверкаетъ таинственнымъ отблескомъ огней полуночнаго сіянія; даль—въ голубой дымкѣ утренняго свѣта, еле брезжущаго на краю земли и уже отражающаго проблески зари въ перламутровомъ туманѣ; ширь залита серебромъ. Все неподвижно, но въ этой неподвижности—не смерть, а сонъ. Нѣтъ молчанія въ кажущейся неподвижности пустыни: кто-то поетъ въ небѣ, кто-то вздыхаетъ въ сугробахъ, кто-то движется въ свѣтѣ... И даль, и высь, и ширь полны таинственныхъ звуковъ, таинственныхъ вздоховъ, загадочныхъ призраковъ... Пустыня не мертва, а живетъ, но живетъ сказочною жизнью, гдѣ нѣтъ опредѣленныхъ формъ и границъ, гдѣ все смутно, загадочно, все слито въ безконечномъ калейдоскопѣ грёзъ... Въ лучахъ луннаго свѣта носятся легкіе воздушные призраки. Они садятся на сугробы, выглядываютъ среди кочекъ, прячутся въ разсѣлинахъ рѣчекъ, въ чащѣ кустарника, ползущаго по землѣ...

Вотъ облако проплыло надъ луной и вдругъ разсыпалось въ клочья; изъ клочьевъ составились фигуры. Неясныя, какъ туманъ, онѣ упали на снѣга и вновь поднялись, одѣтыя бѣлоснѣжными покровами, и закружились на опушкѣ рощи, затерянной въ тундрѣ. Луна смѣется, глядя на танецъ призраковъ, а звѣзды играютъ тихую и грустную мелодію ночи... Нѣжные, чарующіе звуки падаютъ на землю и свѣтятся, и блещутъ, и дрожатъ, и замираютъ въ сугробахъ...

Дикій сынъ тундры чувствуетъ поэзію ясной, тихой ночи и ему кажется, что онъ самъ обратился въ прозрачное существо, что душа его вышла изъ дремлющаго тѣла и носится въ синемъ просторѣ, въ сказочномъ царствѣ грёзъ, куда только одни шаманы возносятся мечтой въ иступленіи камланія...

И забываетъ онъ невзгоды жизни: голодъ у рѣкъ, полныхъ рыбы, холодъ въ лѣсахъ, полныхъ топлива, нищету въ юртахъ, полныхъ песцовыхъ и оленьихъ шкуръ... И хочется ему навсегда переселиться въ это царство грёзъ... Но вотъ раздалось тявканье собакъ, нарта ударилась о что-то твердое и сильнымъ толчкомъ свалила мечтателя въ снѣгъ. Онъ открываетъ глаза и видитъ свой темный закоптѣлый чумъ, гдѣ ждутъ его заботы и терзанія жизни.

III.

Чумъ стоялъ у подножья холма, недалеко отъ рѣчки, заросшей мелкимъ тальникомъ, постояннымъ спутникомъ человѣка въ полярной окраинѣ, также выносливымъ и неутомимымъ, какъ онъ. На невысокомъ и пологомъ холмѣ былъ оленій кормъ, и тамъ паслось стадо Баягиря, унаслѣдованное имъ отъ отца. Около чума валялись: нѣсколько нартъ, опрокинутыхъ полозьями вверхъ, ремни, старый желѣзный съ заплатами котелъ, употребляемый для таянія снѣга, топоръ и нѣсколько сумокъ изъ оленьихъ кожъ, гдѣ хранится разный домашній хламъ.

На лай собакъ вышла изъ чума старуха въ оленьей малицѣ и пошла навстрѣчу Баягиру, отпрягавшему оленей.

— Э, Этергиль!—воскликнулъ Баягирь.—Ты здѣсь?

— Да, — отвѣтила старуха. — Я заѣхала провѣдать твою бабу и осталась.

— А что?

— Завтра родитъ. Что привезъ ты хорошаго?

— Э, много...

— И огненная вода есть?

— Есть.

Глаза старухи вспыхнули. Она смотрѣла на Баягиря, глотая слюни.

— Знаю, чего тебѣ нужно! Сейчасъ налью...

Онъ вошелъ въ чумъ, гдѣ спали на оленьихъ шкурахъ и въ оленьихъ мѣшкахъ его дѣти и жена. При входѣ мужа она подняла голову, но потомъ опять спряталась въ мѣшокъ. Дѣти спали крѣпко. Этергиль подложила въ очагъ нѣсколько сухихъ полѣнъ, и огонь, еле тлѣвшій и наполнявшій чумъ дымомъ, вспыхнулъ. Огонь блеснулъ искрами подъ закоптѣлыми сводами и движеніемъ пламени погналъ къ отверстію дымъ, нависшій между темныхъ шестовъ, составляющихъ остовъ чума. Старуха повѣсила мѣдный чайникъ на деревянный крюкъ, висѣвшій надъ очагомъ и подала хозяину сковороду съ кусками холоднаго, оленьяго мяса.

Онъ ѣлъ жадно, отрѣзывая ножомъ куски мяса почти у самаго рта, такъ что казалось, что онъ рискуетъ порѣзать себѣ носъ. Кости онъ бросалъ на полъ, устланный у очага мелкими вѣтвями тальника; собака, вошедшая въ пологъ, тихонько подползала къ костямъ и, завладѣвая ими, грызла ихъ въ углу.

Поѣвъ, Баягирь вышелъ изъ полога и вскорѣ возвратился, таща за собой суму, полную товаровъ, взятыхъ у Ландура. Изъ сумы онъ вынулъ деревянную фляжку съ водкой, ударомъ ножа выбилъ деревянную пробку, затыкавшую отверстіе, вставилъ туда деревянную же воронку и налилъ до краевъ двѣ чашки, которыя старуха поставила передъ нимъ на небольшую дощечку, замѣнявшую столъ.

Они выпили. Старуха пила съ наслажденіемъ, медленными и маленькими глотками, какъ бы всасывая въ себя живительную влагу. Выпивъ, она глубоко вздохнула. Лицо ея выражало полное удовольствіе.

— Хороша вода? — спросилъ Баягирь, подмигивая старухѣ на фляжку.

Старуха широко улыбнулась, закрыла глаза и сказала шопотомъ:

— Огнемъ пошла по жиламъ! Если бы я жила не одинъ вѣкъ, а нѣсколько вѣковъ, то и тогда, кажется, не надоѣло бы мнѣ пить её... Счастливы русскіе, которые могутъ имѣть её всегда!

Баягирь покачалъ головой, какъ бы сомнѣваясь въ томъ, могутъ ли русскіе имѣть «её» всегда, и сказалъ:

— Налей-ка чаю!..

Старуха налила изъ мѣднаго чайника чаю въ тѣ же чашки. Они выпили по нѣскольку чашекъ водки и запивали ее чаемъ. Затѣмъ Баягирь, пошатываясь, спряталъ фляжку въ мѣшокъ и положилъ ее на свою постель.

Старуха сидѣла у огня и что-то бормотала про себя, покачиваясь корпусомъ взадъ и впередъ. Воспоминанія овладѣли ею. Ея широко раскрытые глаза видѣли обрывки былого, забытые образы простой и несложной жизни, проведенной въ тундрѣ между ѣдой и сномъ, между голодомъ и сытостью, между промысломъ и лѣнью. Эти образы вышли изъ забвенія и наполнили дымный пологъ... Вся огромная, необъятная тундра, съ озерами, похожими на зеркала, съ рѣчками, похожими на серебряныя полоски на зеленомъ коврѣ, помѣстилась здѣсь. И старуха искала на этомъ огромномъ, узорчатомъ коврѣ памятныхъ мѣстъ своей юности...

Вотъ тамъ, у этого озера, она первый разъ увидѣла своего Петра, прозваннаго людьми «пришлецомъ», потому что онъ прикочевалъ изъ западной тундры, съ Обдорской стороны. Пока старики уговаривались о калымѣ, молодые люди сидѣли на влажной травѣ у берега озера и слушали шелестъ камышей, похожихъ на распущенныя косы «водяныхъ дѣвъ». Въ камышахъ плавали утки, надъ дальней рощей летѣли лебеди, и крикъ ихъ падалъ на тихую гладь воды, звонкимъ эхомъ несся по ней и затихалъ въ гущѣ распущенныхъ косъ... Подъ тихій шелестъ камышей, колеблемыхъ легкимъ вѣтеркомъ, Петръ признался ей въ любви, и она согласилась быть его женой.

Уже солнце прошло огненною зыбью по водѣ, заглянуло прощальнымъ взоромъ въ холодную глубь озера и опустилось за дальнюю гору. Только багровыя полоски на небѣ указывали на мѣсто, гдѣ оно скрылось. Потухая, оно убрало зорю розовыми лентами и осыпало траву жемчугомъ росы... Молодые люди все сидѣли, держась за руки... И вотъ въ этомъ молчаливомъ пожатіи рукъ и въ созерцаніи того, что было вокругъ, заключалось счастье. А дальше счастья не было, а

были: трудъ, голодъ, лишенія, крики дѣтей, ревъ пьянаго мужа... Потомъ пошли трудные годы: гибель стадъ отъ копытной болѣзни, гибель дѣтей отъ оспы... нищета... смерть мужа и скучная жизнь въ чужомъ чумѣ, у чужого очага...

Но и среди этой жизни, похожей на вечернія сумерки, предшествующія темной безконечной ночи, бывали минуты счастья, когда забывались горе и грусть, и одиночество. Эти минуты давала огненная вода. Что за чудная влага! Она даетъ бѣднымъ богатство, безпріютнымъ—кровъ, грустнымъ—веселье, сиротамъ—утраченныхъ друзей!..

Вотъ и теперь огненная вода вызвала изъ праха забвенія всѣхъ друзей ея юности. Они стали вокругъ нея веселой, смѣющейся толпой и запѣли грустную, тихую пѣсню. Они напомнили ей минувшую грусть... Въ этой грусти—радость, потому что грусть уже пережита и смѣшалась съ кровью сердца...

Стѣны чума раздвинулись, ушли далеко въ просторъ тундры; звѣзды глянули съ неба и прорѣзали, пронзили лучами дымъ, клубящійся надъ очагомъ... Какъ ярки онѣ! Это тѣ звѣзды, которыя глядѣли тогда на тихое озеро, на берега, поросшіе камышомъ, гдѣ сидѣла она съ женихомъ... А теперь и звѣзды стали иными!..

Старуха запѣла тихо, грустнымъ протяжнымъ напѣвомъ. А Баягирь усѣлся у огня и подтягивалъ ея грустную пѣсню безъ словъ. О чемъ старуха поетъ, онъ не зналъ, но чувствовалъ, что она поетъ что-то хорошее, такое, что снится только въ ясныя звѣздныя ночи, но никогда не является наяву...

Утромъ, когда Баягирь проснулся, старуха уже возилась у очага. Надъ огнемъ уже кипѣли котелъ, полный мяса, и чайникъ съ кирпичнымъ чаемъ. Жена Баягиря сидѣла, уткнувшись головой въ колѣни; по временамъ она поднимала голову вверхъ, какъ бы къ чему-то прислушиваясь. Баягирь, поздоровавшись, началъ ей торопливо разсказывать, гдѣ онъ былъ, что видѣлъ и что купилъ. Онъ разсказалъ, что Ландуръ записалъ его въ большую красную книгу, гдѣ уже давно сидятъ всѣ его друзья и вообще самоѣды всѣхъ ордъ. Онъ теперь похожъ на всѣхъ остальныхъ самоѣдовъ и можетъ брать, когда ему вздумается, огненную воду въ долгъ. Онъ гордился тѣмъ, что залѣзъ въ долги, что онъ нашелъ хозяина... Теперь онъ сталъ какъ-то самоувѣреннѣе, точно въ Ландурѣ онъ нашелъ скалу, на которую смѣло можно опереться въ буряхъ жизни.

«Молодецъ Баягирь! Ты теперь сталъ хозяйскій человѣкъ и за то будешь пить огненную воду», говорилъ его развязный и самодовольный видъ. Когда нечего было больше разсказывать, онъ раскрылъ мѣшокъ и показалъ женѣ и дѣтямъ, двумъ мальчикамъ лѣтъ 6 и 4, свои покупки. Женѣ онъ подарилъ красный платокъ, а мальчикамъ по прянику.

— Но лучше всего вотъ это!..

Онъ вынулъ изъ сумы фляжку и стучалъ по ней рукояткой ножа.

— Что же ты не подчуешь жену?—спросила старуха.

Онъ раскупорилъ фляжечку и налилъ три чашки. Всѣ выпили. Старуха облизала губы, а молодая самоѣдка скривилась и вытерла ротъ рукавомъ.

Вливъ остатки своей чашки въ ротъ обоимъ мальчишкамъ по очереди, Баягирь сказалъ:

— Довольно... Надо подумать о друзьяхъ! Когда родится парнишка, надо будетъ угостить друзей, чтобы онъ былъ хорошимъ промышленникомъ.

Въ полдень Марья (таково было крещеное имя жены Баягиря) стала метаться по чуму, поминутно хватаясь за поясницу. Было видно, что пришла ея пора.

Но это не застало врасплохъ старухи Этергиль.

У нея все уже было готово. Въ сторонѣ отъ большого чума былъ поставленъ маленькій чумъ изъ шкуръ; полъ его былъ устланъ вѣтвями и застеленъ шкурами шерстью внизъ; очага въ немъ никакого не было; онъ освѣщался плошкой изъ оленьяго жира. Чумъ былъ холоденъ; стѣны его защищали только отъ вѣтра.

Это былъ родильный домъ, сооруженный для Марьи ея повивальной бабкой, старухой Этергиль. Роженица у самоѣдовъ считается нечистою и потому не можетъ рожать въ общемъ жилищѣ, для нея дѣлается отдѣльное. Этергиль повела Марью въ маленькій чумъ и оставила одну, а сама занялась хозяйствомъ. Когда изъ полога начали доноситься сильные стоны, Этергиль поспѣшила туда, таща съ собой ворохъ березовыхъ стружекъ, тонкихъ и мягкихъ, какъ нитки, березовую люльку, стянутую ремешками и обшитую мягкой оленьей кожей, похожей на замшу, и новую малицу.

Около часу пробыла Этергиль въ отдѣльномъ чумѣ, и никто не видѣлъ, что она тамъ дѣлала. Дѣти прислушивались къ крикамъ, выходившимъ изъ полога, и пугливо переглядывались. Баягирь, курившій трубку, поминутно вскакивалъ съ мѣста, подходилъ къ огню и мѣшалъ воду въ котелкѣ или подбрасывалъ въ очагъ дровъ.

А Этергиль, между тѣмъ, дѣлала вотъ что: она взяла родившагося младенца, вытерла досуха стружками, перевязала пуповину и положила въ люльку, окутавъ его кускомъ полотна и прикрывъ лоскуткомъ оленьей шкуры. Потомъ она раздѣла роженицу и переодѣла во все новое; старое платье, какъ нечистое, должно было подвергнуться сожженію или стать собственностью бабки.

Вскорѣ блѣдная и дрожащая отъ холода Марья вошла въ общій чумъ, держа въ рукахъ люльку съ младенцемъ. Мужъ поддержалъ ее и посадилъ у огня. У него уже была наготовѣ чашка съ водкой и онъ далъ женѣ выпить. Согрѣвшись, Марья легла спать; мужъ бережно прикрылъ ее заячьимъ одѣяломъ и поставилъ въ изголовье ея люльку.

Этергиль, убравъ домъ роженицы и приведя все въ порядокъ, весело вошла въ чумъ и хлопнула Баягиря по плечу.

— Наливай огненной воды! Хорошаго промышленника Богъ тебѣ послалъ... Теперь надо крестить, пока батюшка не уѣхалъ въ восточную тундру... Поѣдемъ къ нему...

— Сначала друзей позову распить огненную воду... А ты смотри, ухаживай за женой!

— Развѣ твоя жена первая въ рукахъ у старухи Этергиль? Ну, наливай!

Они выпили по чашкѣ.

— Послушай! — сказалъ шопотомъ Баягирь, какъ бы вспомнивъ что-то.—Не дать ли ему пососать огненной воды?

Онъ указалъ глазами на люльку.

Старуха засмѣялась, лукаво прищуривъ глаза, какъ бы говоря: «Старуха Этергиль знаетъ хорошо свое дѣло».

— Хорошій промышленникъ съ рожденія долженъ знать вкусъ водки,—не унимался Баягирь.

Онъ хотѣлъ угостить новорожденнаго всѣмъ, что имѣлъ лучшаго. А что можетъ быть лучше огненной воды?..

Пообѣдавъ наскоро, Баягирь запрегъ оленей и поѣхалъ созывать друзей пить водку, полученную отъ Ландура, этого благодѣтельнаго духа всѣхъ самоѣдскихъ ордъ.

IV.

Попъ Иванъ ходилъ по дому въ суконномъ подрясникѣ, подбитомъ мѣхомъ изъ песцовыхъ лапъ, и что-то тихонько напѣвалъ.

Въ домѣ было очень холодно, потому что на дворѣ была пурга, а печей еще не топили. Пурга выла надъ тундрой. Проносясь по безпредѣльному простору, она не оставляла безъ вниманія ни малѣйшаго куста, ни малѣйшей кочки. Дикіе голоса ея врывались въ поповскій домъ, находившійся въ концѣ поселка, спрятаннаго въ неровностяхъ берега величественной сибирской рѣки, съ дребезжаніемъ и визгомъ стучалась она въ окна, со свистомъ царапала углы дома, шипѣла во всѣхъ щеляхъ бревенчатыхъ стѣнъ.

Убогая деревянная часовня, виднѣвшаяся въ окно, какъ бы шаталась подъ напоромъ бури. Она пряталась въ сугробы, какъ прячется иззябшій человѣкъ въ воротникъ и шарфы, которыми онъ окутанъ.

Отецъ Иванъ былъ еще молодой человѣкъ, съ темными, косыми глазами, съ жиденькой черной бородкой и такими же усами. Жесткіе волосы на его головѣ непокорно лѣзли во всѣ стороны, не желая укладываться по бокамъ лица. Низкій лобъ, выдающіяся скулы, широкій носъ, обнаруживали его инородческое происхожденіе. Онъ былъ якутъ и пріѣхалъ издалека въ страну самоѣдовъ. Онъ пріѣхалъ въ старой, потертой малицѣ и не имѣлъ ничего, кромѣ рясы, жены и ребенка.

Когда онъ пріѣхалъ (говорили самоѣды), нарты были его легки, какъ пухъ, а когда вернулся изъ перваго же объѣзда своего прихода, — онѣ были тяжелы, какъ камни, и много добра было въ мѣшкахъ, привязанныхъ къ нартамъ. Тамъ были: рыба, мясо, оленьи языки, песцы и постели *). Самоѣды—добрые люди и умѣютъ цѣнить чужіе труды, но и о. Иванъ былъ мудръ и зналъ, какъ ладить съ народомъ. Когда онъ замѣчалъ при отъѣздѣ изъ чума, что сумы его не полны, то вступалъ въ интимный разговоръ съ хозяиномъ чума.

— Вы бы хоть моху наклали въ сумы, оленей покормить, — говорилъ онъ кротко.—Вѣдь и мохъ въ дорогѣ пригодится, а, Семенъ?

— Какъ не пригодится,—отвѣчалъ смущенный хозяинъ, почесывая затылокъ.—Сколько мѣста ѣхать будешь!..

И пустыя сумы наполнялись,—только не мохомъ, а тѣмъ, что припасалъ самоѣдъ для себя на случай голодовки, что припасалъ для купца, платить долгъ. Батюшка вступалъ съ самоѣдомъ въ разговоръ, и этотъ разговоръ былъ такъ пріятенъ для самоѣда, что тотъ забывалъ о предстоящемъ непріятномъ разговорѣ съ купцомъ, будь это даже самъ Ландуръ.

Черезъ три, четыре года службы пустой домъ о. Ивана наполнился добромъ. Матушка вмѣсто потертой малицы надѣвала лисьи шубы съ собольими воротниками, бѣличьи кофты, нерпичьи душегрѣйки, и не хотѣлось ей уѣзжать изъ страны самоѣдовъ. Батюшка все полнѣлъ и, предаваясь отдыху послѣ объѣздовъ тундры, высчитывалъ, сколько моху войдетъ въ его сумы, становившіяся все обширнѣе и обширнѣе.

«Услыши мя Господи!..» пѣлъ о. Иванъ потихоньку, а мечты его бродили по безконечнымъ равнинамъ земли самоѣдовъ.

Вдругъ ворота отворились, и нѣсколько оленьихъ нартъ, засыпанныхъ снѣгомъ, въѣхало во дворъ.

О. Иванъ встрепенулся и началъ пристально всматриваться въ окно, стараясь угадать по костюмамъ и упряжи, какіе народы потревожили его утренній отдыхъ.

— Одна, три, пять!—считалъ онъ вслухъ.—Цѣлое нашествіе!

Это было нашествіе самоѣдовъ.

Когда самоѣды слѣзли съ нартъ и стряхнули съ себя снѣгъ, о. Иванъ узналъ, что это были люди его прихода: старуха Этергиль, Баягирь съ женой, старый Кинтаре, прозванный русскими Моксуномъ **) за свою согнутую спину, Семенъ Атержахъ (длинноногій), всегда очень добросовѣстно наполнявшій сумы «мхомъ», Никушка Сучудалъ и другіе.

---

*) Оленьи шкуры (полныя).

**) Видъ рыбы.

— Эй, ставьте самоваръ, ладьте закуску!—закричалъ о. Иванъ, пріотворивъ дверь въ кухню.

— Ужъ у меня такая примѣта,—сказалъ онъ матушкѣ, суетившейся съ посудой:—когда пурга воетъ съ той стороны, то всегда приноситъ самоѣдовъ, а съ этой—долганъ *).

Пурга принесла Баягиря съ чадами и со свитой. Онъ пріѣхалъ крестить младенца, какъ совѣтовала старуха Этергиль. Добрые друзья, распившіе съ нимъ огненную воду, сопровождали его. Они готовы были сопровождать его на край свѣта, ибо надѣялись, что на днѣ фляжки болтается еще немного чудной воды, которая не портится и не протухаетъ, какъ всякая другая вода.

Баягиръ въ свою очередь рѣшительно убѣдился, что нѣтъ ничего лучше огненной воды, что права была старуха Этергиль, утверждая, что если бы человѣкъ жилъ не одинъ вѣкъ, а нѣсколько вѣковъ, то и тогда ему не надоѣло бы пить её.

Когда они поѣхали по тундрѣ сзывать друзей на пирушку, то по дорогѣ онъ встрѣтилъ Кинтаре Моксуна, ѣхавшаго уже къ нему въ гости. У Моксуна было замѣчательное чутье насчетъ выпивки: онъ чуялъ водку за сто верстъ. Ради того, чтобы выпить, онъ предпринималъ поѣздки на цѣлыя недѣли и никогда не ошибался въ своихъ разсчетахъ на выпивку. Самоѣды считали его шаманомъ и думали, что ему покровительствуетъ добрый духъ радости, который даетъ людямъ минуты забвенія среди сѣрой и скучной жизни.

Баягирь просилъ Моксуна помочь ему созвать друзей, и они вдвоемъ такъ скоро справились съ этимъ дѣломъ, что уже на третій день послѣ ихъ встрѣчи чумъ Баягиря былъ полонъ гостей.

Усѣвшись въ кружокъ, гости ѣли рыбу и оленье мясо, которое ловкая Этергиль подавала имъ на огромныхъ желѣзныхъ сковородахъ. Хорошо угостилъ Баягирь своихъ гостей, чествующихъ появленіе на свѣтъ новаго промышленника! Кирпичный чай пили съ сахаромъ и пшеничными сухарями такого прекраснаго зеленаго цвѣта, что они напоминали весенній уборъ тундры. Отъ сухарей гости кашляли. А Никушка, глупый парень, высказалъ даже нелестное мнѣніе о русскомъ вкусѣ, и это мнѣніе совсѣмъ не понравилось старикамъ.

— Крѣпкіе же зубы и глотки должны имѣть русскіе, чтобы постоянно ѣсть такую штуку!—сказалъ онъ, разгрызая сухарь.—Если бы мнѣ пришлось ѣсть такую дрянь каждый день, то я бы издохъ черезъ мѣсяцъ!

Старики сочли это мнѣніе вольнодумствомъ и неодобрительно качали головами. Они добросовѣстно поѣдали сухари, запивая ихъ чаемъ.

Хороши были и мясо, и рыба, и чай съ зелеными сухарями, но

*) Народъ въ Туруханскомъ краѣ, Енисейск. губ.

лучше всего была водка! Чумъ Баягиря обратился бы въ рай, если бы эта водка не кончилась. Но водка кончилась, и надо было разъѣзжаться по домамъ или промышлять другую.

Баягирь рѣшилъ промыслить другую, хотя жена его и воспротивилась этому, и послалъ пастуха въ поселокъ къ Ландуру. Онъ далъ пастуху для Ландура 10 песцовъ, а остальное, «что будетъ слѣдовать» просилъ записать въ книгу, обѣщаясь «вѣкъ платить».

«Ради огненной воды и два вѣка платить можно», думалъ пастухъ, возвращаясь назадъ и сгорая нетерпѣніемъ отвѣдать водки за быстрое исполненіе порученія. Останавливаясь пасти оленей, онъ нюхалъ деревянную баклагу, полную водки, прикладывалъ къ ней ухо, чтобы послушать, какъ переливается тамъ чудная влага, но не посмѣлъ нарушить цѣлость красной печати, которой запечаталъ пробку Ландуръ.

Огненная вода, перелитая въ желудки гостей, заставила ихъ говорить. Они заговорили всѣ разомъ, и каждый говорилъ иное, потому что каждому изъ нихъ огненная вода сказала на ухо свое отдѣльное слово и каждый повѣрилъ этому слову и вообразилъ, что слово сдѣлалось дѣломъ. Слово, сказанное огненной водой Петру, брату Никушки Сучудала, смирному и трудолюбивому парню, заставило его вообразить, что онъ не простой самоѣдъ, а староста, и потому всѣ должны его слушать и молчать, когда онъ говоритъ.

— Молчать, молчать!—кричалъ онъ.—Я буду вамъ приказывать.

Но никто не хотѣлъ слушать, а всякій желалъ приказывать. Тогда Петръ изо всей силы ударилъ въ лицо ближайшаго самоѣда. Лицо было настолько широко, что Петръ не промахнулся. Его кулакъ ткнулся во что-то мягкое и покрылся влагой, а лицо самоѣда закрылось руками.

— Я староста, я староста!—кричалъ Петръ, размахивая вокругъ себя кулакомъ.

Тогда всѣ, кто не признавалъ Петра старостой, набросились на него, связали его ремнями и рѣшили отправить его домой спать. Но онъ не хотѣлъ спать, а хотѣлъ приказывать. Тогда его привязали къ нартѣ ремнями и повезли домой, такъ что онъ волочился по землѣ, ударяясь головой о кочки; хорошо, что кочки были покрыты мягкой подушкой снѣга, и домъ Петра былъ недалеко, а то староста разбилъ бы себѣ голову на полпути.

Огненная вода, перелитая въ желудкѣ гостей, заставила ихъ пѣть. Они запѣли всѣ разомъ и на этотъ разъ запѣли одно и то же. Они пѣли про то, что Ландуръ—великій благодѣтель всего самоѣдскаго народа; своей огненной водой онъ веселитъ имъ сердце и просвѣтляетъ душу, угнетенную нуждой и заботами. И что беретъ онъ за это? Презрѣнныхъ песцовъ, которые ни на что не годятся, кромѣ какъ на опушку малицы, ибо что можетъ быть лучше для одежды оленьихъ шкуръ? Онъ беретъ и рыбу. Ну такъ что же? Ея много въ озерахъ. Онъ беретъ и оленей. Такъ вѣдь много моху въ тундрѣ. Умно гово-

ритъ о. Иванъ: «положите мнѣ моху въ суму»: вѣдь мохъ родитъ оленей!..

Такъ пѣли всѣ, восхваляя Ландура, а только одинъ согбенный годами Мурсало (мѣдный человѣкъ) пѣлъ иначе и пѣлъ такъ хорошо, что замолкли всѣ другіе, поющіе славу Ландуру, и слушали. А Мурсало пѣлъ грустную пѣсню, и то, что онъ пѣлъ, тяжелымъ камнемъ ложилось на сердце слушателей.

«Было время (такъ пѣлъ пѣвецъ), нашъ народъ былъ сытъ и богатъ. А теперь онъ ни сытъ, ни богатъ, но онъ не видитъ своей нищеты, потому что огненная вода ослѣпила его. Гдѣ стада, гдѣ одежды, гдѣ снасти для ловли рыбы, гдѣ сила и неутомимость прежнихъ лѣтъ? Старики еще помнятъ лучшее время, а вы не увидите его. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ вы напивались только разъ въ годъ, потому что водка была далеко. Она была только въ городѣ. Тогда мы ходили къ ней, а теперь она пришла къ намъ... Въ каждомъ поселкѣ ея сколько угодно, даже въ ваши стойбища русскіе проникаютъ вмѣстѣ съ ней, а Ландуръ раскинулъ на васъ сѣти, какъ хорошій промышленникъ на рыбъ. Рыба плаваетъ въ водѣ: еще пойдетъ ли въ сѣти, либо нѣтъ! Сто рыбъ поймается, а въ десять разъ столько останется... А васъ, плавающихъ въ водкѣ, всѣхъ поймалъ Ландуръ и держитъ въ сѣтяхъ своихъ... Все отниметъ онъ отъ васъ... Теперь еще у васъ свои стада, свои сѣти, свои пасти *), а скоро ничего этого не будетъ, все будетъ принадлежать Ландуру, и вы будете пастухами стадъ, отнятыхъ у васъ, будете сторожами сѣтей, отнятыхъ у васъ, и даже тундра будетъ не ваша. Ландуръ скажетъ: «она моя! и все, что есть въ ней—мое!» А вы, слѣпые, повѣрите этому, потому что не будетъ въ васъ силы сказать ему: «нѣтъ, она наша!..» Развѣ онъ одинъ съумѣетъ поймать всѣхъ песцовъ и лисицъ, бѣгающихъ въ тундрѣ, всѣхъ рыбъ, плавающихъ въ озерахъ? Нѣтъ. Но вы сами все поймаете и отдадите ему и вамъ будетъ казаться, что это онъ добылъ все, а не вы, потому что ослѣпитъ васъ огненная вода... Эй, Баягирь! Ты молодъ и силенъ—не плавай въ водкѣ! Ландуръ заставитъ тебя расплачиваться за нее... И страшенъ будетъ часъ расплаты! Суровъ Ландуръ! Онъ не только возьметъ все, что у васъ есть, но и васъ самихъ будетъ убивать ударами оленьихъ роговъ!»

Старикъ замолкъ, но Баягирь не принялъ къ сердцу его горькихъ рѣчей. Когда онъ умолкъ, на душѣ слушателей было тошно, точно тяжелые камни лежали на нихъ. Но потомъ они выпили по чашкѣ водки и тяжелые камни утонули въ ней...

И пѣвецъ то же выпилъ. Онъ безпомощно опустилъ голову на грудь и смущенно улыбался, какъ бы говоря:

---

*) Пасть—приспособленіе для ловли звѣрей; капканъ.

— Я вамъ сказалъ правду. Но никакая правда не можетъ измѣнить то, чему быть предопредѣлено!..

V.

Для того, чтобы войти въ часовню для совершенія обряда крещенія, нужно было сначала очистить къ ней дорогу. Пурга улеглась на землю волнами сугробовъ; часовня была окутана ими, какъ одѣялами изъ песцовыхъ хвостовъ.

Самоѣды вооружились лопатами и начали прочищать дорогу отъ дома о. Ивана до часовни; снѣгъ ложился стѣнами подъ дружными ударами лопатъ. За работой самоѣды хвалили о. Ивана.

Славный человѣкъ о. Иванъ, онъ лучше промышляетъ песцовъ, чѣмъ самоѣды. Ему не нужно ходить за ними въ тундру, голодать и мерзнуть по берегамъ озеръ и рѣкъ. Онъ промышляетъ ихъ, сидя дома въ теплѣ и довольствѣ, и песцы, которыхъ промышляетъ онъ слывутъ у мѣстныхъ торговцевъ за лучшихъ. Такъ называемые поповскіе песцы предпочитаются остальнымъ.

О. Иванъ только взглянулъ на лицо Баягиря и сразу угадалъ, что у него на умѣ. А на умѣ у Баягиря была забота, какъ бы не отдать всѣхъ 15 песцовъ, бывшихъ у него въ сумѣ, за крещеніе о. Ивану, а отдать только 5, а остальные 10 послать Ландуру за огненную воду.

Поглощенный этой заботой, онъ приступилъ къ переговорамъ.

— Сколько возьмешь?—спросилъ онъ.

О. Иванъ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Я тебя не обижу, и ты меня не обидишь!..

И вѣрно, онъ не обидѣлъ Баягиря и его друзей. Сначала онъ угостилъ ихъ строганиной *), потомъ чаемъ съ сухарями и, наконецъ, водкой. Мужчины пили бѣлую водку, а женщинамъ подали красную, какъ кровь, и сладкую, какъ сахаръ. Потомъ матушка принесла новорожденному рубашку и крестикъ на голубомъ шнуркѣ.

— Вотъ это я дарю тебѣ для твоего сына,—сказала матушка, кладя на столъ свой подарокъ.

Она съ такою лаской посмотрѣла на маленькаго ребенка на рукахъ у Марьи, что у Баягиря весело сдѣлалось на душѣ. Попадья была красивая, бѣлая и полная; у нея волосы были русые, глаза сѣрые, и самоѣды удивлялись, какъ пошла она за такого невзрачнаго и скуластаго попа.

Когда увидѣлъ Баягирь, что жену его угощаютъ сладкой водкой, то подумалъ, что къ песцамъ, назначеннымъ за крестины, надо прибавить еще трехъ. А когда увидѣлъ рубашку и крестикъ, то подумалъ, что ласка матушки стоитъ прибавки. Какъ разъ въ это время раздался голосъ о. Ивана.

*) Мерзлая строганая рыба.

— Давай торговаться?

— Ладно.

— Что привезъ?

— Десять песцовъ, батюшка, тебѣ... А какъ же не прибавить матушкѣ за рубашку за крестъ...

— Грѣхъ не прибавить!—повторилъ онъ убѣжденно.

— Какъ-да!—сказали друзья.—Надо прибавить!

И отдалъ Баягирь за крещеніе своего сына всѣ 15 песцовъ. Отдавъ, онъ тотчасъ же пожалѣлъ о томъ и началъ высчитывать, сколько это приходится на деньги. По тѣмъ цѣнамъ, по какимъ принимаетъ песцовъ Ландуръ, это составитъ 30 р. Въ то же время о. Иванъ, получившій изъ города письмо о томъ, что песцы поднялись въ цѣнѣ, сосчиталъ, что это составитъ 60 р., и отъ удовольствія крякнулъ, да такъ громко, что погруженный въ свои думы Баягирь подумалъ, что батюшка сказалъ что-то, а именно то, что чаще всего говорятъ батюшки самоѣдамъ:

— Мало!

— Ей-Богу нѣтъ больше!—сказалъ Баягирь.—Извини... Ты хорошій, крестикъ, рубашка... развѣ я не понимай? Вѣкъ платить буду...

— Какъ-да, какъ-да!—поддержали его самоѣды и засвидѣтельствовали готовность Баягиря «вѣкъ платить».

Въ часовнѣ было темно и холодно. Зажженныя восковыя свѣчи слабо мерцали красноватыми, дрожащими огоньками, такъ что ежеминутно казалось, что они погаснутъ, и тѣсная часовня съ желѣзными, засыпанными снѣгомъ рѣшетками погрузится въ непроглядную тьму. Самоѣды съ любопытствомъ осматривали часовню, перекидываясь между собою замѣчаніями. Они удивлялись тому, что Богъ, о которомъ миссіонеры говорили, какъ о величайшемъ изъ всѣхъ боговъ земли, помѣщается въ такомъ тѣсномъ домѣ. Они думали, что лучшій храмъ Бога, это необъятное небо, усѣянное звѣздами, и потому, молясь, взбирались на высокіе холмы, чтобы быть ближе къ этому храму; на холмахъ же они хоронили своихъ покойниковъ.

А здѣсь было темно, какъ въ ямѣ. Засыпанная снѣгомъ часовня дѣйствительно казалась какъ бы врытою въ землю. И вольныя дѣти тундры чувствовали себя неловко въ тѣснотѣ и мракѣ храма, гдѣ священнодѣйствовалъ о. Иванъ.

О. Иванъ окунулъ младенца въ купель съ холодной водой, гдѣ плавали мелкія льдинки. Мальчикъ весь покраснѣлъ и сильно кричалъ. Воспріемница Этергиль, завертывая младенца въ теплое заячье одѣяло, думала про себя, что надо бы согрѣть его огненной водой, но не рѣшилась высказать этой мысли вслухъ. Когда ее спросили, отрицается ли она сатаны, она не знала, что отвѣтить, и за нее отвѣтилъ трапезникъ-остякъ.

Послѣ совершенія обряда, самоѣды опять закусывали и пили чай

у о. Ивана, удивляясь его радушію и гостепріимству. Онъ разспрашивалъ самоѣдовъ про промыселъ рыбы и песца и узналъ, что промыселъ «сей годъ» хорошій, и что его пріѣзда уже ожидаютъ въ тундрѣ, готовя «мохъ» для корма оленей.

Подъ вечеръ поднялся вѣтеръ съ другой стороны (приносившій обыкновенно долганъ) и унесъ самоѣдовъ въ тундру. О. Иванъ предался обычному отдыху. Онъ высчитывалъ, отдыхая, сколько онъ имѣлъ бы дохода, если бы пурга приносила ему самоѣдовъ каждый день...

VI.

Со дня знаменитой попойки въ честь рожденія сына, Баягирь совсѣмъ измѣнился.

Въ этотъ день онъ убѣдился, что нѣтъ ничего въ мірѣ лучше огненной воды. Пить водку было сладко и легко, промышлять рыбу и звѣрей горько и трудно. Баягирь предпочиталъ сладкое горькому и легкое трудному и, какъ старый Кинтарѐ Моксунъ, началъ разъѣзжать по тундрѣ не за тѣмъ, чтобы отыскивать мѣста, гдѣ водятся звѣри, а чтобы отыскивать мѣста, гдѣ пьютъ водку. Онъ залѣнился и почти пересталъ промышлять. А Ландуръ думалъ, что онъ все промышляетъ попрежнему и посылалъ ему въ долгъ водки столько, сколько тотъ просилъ. Баягирь вообще слылъ за хорошаго промышленника, и Ландуръ жалѣлъ о томъ, что такой хорошій промышленникъ не записанъ у него въ книгѣ и не промышляетъ для него, а промышляетъ для перваго встрѣчнаго купца. Ландуръ былъ доволенъ, что Баягирь самъ залѣзъ въ его книгу, но удивлялся, что онъ не исполняетъ своего обѣщанія «вѣкъ платить».

Сначала Баягирь посылалъ Ландуру немного песцовъ и оленьихъ шкуръ, а потомъ пересталъ, отдѣлываясь одними обѣщаніями.

Напрасно его жена Марья упрекала его въ томъ, что онъ ничего не дѣлаетъ, и доказывала, что хозяйство ихъ приходитъ въ разстройство, что стада безъ хозяйскаго глаза таютъ, какъ снѣга. Баягирь, трезвый, смущенно смотрѣлъ въ землю и молчалъ.

— Чего же ты молчишь?—спрашивала жена.

— Она сильнѣе меня,—отвѣчалъ, вздыхая, Баягирь.

— Кто?

— Огненная вода.

При одномъ этомъ словѣ глаза его загорались огнемъ страсти, а при многихъ словахъ, которыя говорила ему жена, они оставались тусклыми, какъ стоячая вода среди кочекъ.

Ему припоминались сны, которые видѣлъ онъ, когда напивался пьянъ. Какіе это были прелестные сны!

Тундра наяву бѣлая и угрюмая, закутанная сѣдыми облаками, похожими на сугробы, засыпанная волнами снѣга, похожими на облака,

во снѣ покрывалась цвѣтами. Цвѣты эти свѣтились, пестрѣли, качали головками и пѣли что-то такое хорошее, чего не услышишь на яву. Надъ цвѣтами простиралось небо, и звѣзды на немъ были видны днемъ. По тундрѣ ходили люди, совсѣмъ не похожіе на тѣхъ озабоченныхъ, измученныхъ трудами и печалью людей, которыхъ онъ видѣлъ наяву. Всѣ эти люди были веселы, смѣялись и никогда не плакали. Они дружелюбно бесѣдовали другъ съ другомъ, и никогда въ ихъ глазахъ не свѣтилась зависть и злоба. Даже самъ «понурый» купецъ становился веселымъ среди нихъ: никого не записывалъ въ большую книгу, никого не ругалъ, не билъ, какъ гласила о немъ молва, а говорилъ:

— Давайте споемъ, братцы, хорошую, старинную пѣсню!

И люди пѣли, и цвѣты пѣли; вся тундра звучала весельемъ и смѣхомъ.

Баягирю страстно хотѣлось жить въ мечтахъ съ этими хорошими и добрыми людьми, а не наяву со злыми и скучными и приниженными горемъ. А для того, чтобы очутиться въ обществѣ этихъ добрыхъ людей, надо было напиться. Онъ никогда не упускалъ такого случая и рыскалъ съ Моксуномъ по сосѣднимъ стойбищамъ, ища выпивки.

Пьяный онъ не былъ такъ кротокъ, какъ трезвый. Онъ ругалъ жену, кричалъ на нее, готовъ былъ убить ее за то, что она мѣшаетъ ему быть съ добрыми людьми, наполнявшими его чумъ. Онъ смѣялся, разговаривалъ съ ними, здоровался, пожималъ имъ руки.

— Съ кѣмъ ты говоришь?—спрашивала Марья.—Вѣдь никого въ чумѣ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Всѣ мои друзья здѣсь! Хорошіе друзья, славные друзья... Садитесь въ кружокъ и споемъ хорошую пѣсню, русскую пѣсню...

Онъ пѣлъ пѣсни и ему казалось, что съ нимъ поютъ его друзья.

Марья разсказала про эти странности мужа старому шаману Фурсуптѣ и онъ за два оленя взялся вылечить Баягиря. Два раза онъ шаманилъ надъ нимъ, спящимъ, билъ въ бубенъ, кричалъ что-то надъ его ухомъ, подкуривалъ его какими-то перьями.

Отлично шаманилъ, усердно шаманилъ старый Фурсуптѣ!

Когда онъ пѣлъ, казалось, что летятъ лебеди и шелестятъ крыльями надъ головой шамана. Марья поднимала голову вверхъ, но лебедей уже не было, а черезъ мгновеніе подлѣ больного вылъ волкъ и казалось, что онъ воетъ подъ землей. Потомъ шаманъ «пугалъ болѣзнь». Онъ рычалъ по-медвѣжьи и сталъ прыгать и бросаться на спящаго Баягиря.

— Вотъ вылетѣла болѣзнь!—закричалъ онъ и упалъ въ изнеможеніи на полъ.

Карканье вороновъ наполнило чумъ; опять зашумѣли крылья, и все стихло.

— Искусный шаманъ Фурсупте!—сказали всѣ бывшіе тутъ и прославили шамана дарами.

Но Баягирь не выздоровѣлъ, а пилъ попрежнему. И прошелъ слухъ по тундрѣ, что Ландуръ разсердился на Баягиря, пересталъ давать ему водку и требуетъ его къ себѣ на расправу.

— Поѣзжай!—совѣтовалъ Моксунъ.—Онъ тебя крѣпко поколотитъ, зато новый долгъ дастъ... Это у него всегда такъ, вѣкъ такъ...

Но Баягирь боялся расправы Ландура и началъ избѣгать встрѣчи съ нимъ. Когда проносился слухъ, что Ландуръ ѣздитъ по тундрѣ собирать долги, Баягирь укочевывалъ въ самые дальніе уголки тундры и оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока Ландуръ не уѣзжалъ во свояси.

VII.

Случилось событіе, которое чуть не заставило Баягиря перестать пить. Умеръ его другъ Кинтарѐ Моксунъ.

Ѣхалъ пьяный Моксунъ туда, гдѣ нюхъ его чуялъ выпивку. Только что окончилась трехдневная попойка у одного славнаго промышленника. Тамъ Моксунъ выпилъ четверть ведра водки и бутылку настоянныхъ на табакѣ ополосокъ посуды. Послѣ попойки онъ по обыкновенію уѣхалъ. Въ дорогѣ онъ пришелъ въ столь блаженное настроеніе духа, что легъ на нарту и предоставилъ оленямъ бѣжать, куда имъ хотѣлось. Когда олени прибѣжали въ то мѣсто, гдѣ предстояла новая выпивка, Моксунъ былъ мертвъ: онъ сгорѣлъ отъ огненной воды въ дорогѣ.

Всѣ собутыльники его нашли, что онъ умеръ вполнѣ приличной смертью, какъ храбрый воинъ на своемъ посту. Передъ смертью онъ имѣлъ то, что любилъ всю жизнь, что было дороже ему всего на свѣтѣ. А сколькіе умираютъ вдали отъ того, что имъ дорого? Онъ умеръ среди пріятныхъ сновидѣній, которыми наполняетъ душу человѣка огненная вода.

— Дай Богъ каждому такой кончины!—говорили они.—Жаль старуху, жену Кинтарѐ, но и она успокоится, когда узнаетъ, что онъ не страдалъ передъ смертью, а веселился.

Собутыльники покачали головами и рѣшили устроить Моксуну приличныя похороны.

Собрались всѣ мужчины съ окрестныхъ стойбищъ отдать послѣдній долгъ старому Кинтарѐ. Тѣло его было завернуто въ чистую ровдугу, зашито въ новую оленью кожу и привязано къ нартѣ ремнями, чтобы не свалилось по пути къ кладбищу. Съ нимъ положили лукъ и стрѣлы, которыми онъ стрѣлялъ песцовъ, лыжи, на которыхъ гонялся за дикими оленями, кисетъ съ табакомъ и трубку, ножъ, кусокъ оленьяго мяса и сушеной рыбы—все, что нужно для дальней дороги. Положили и то, что любилъ онъ болѣе всего на свѣтѣ. Какъ оста-

вить милаго друга безъ подкрѣпленія, какъ не снабдить его огненной водой?

Снарядили покойника въ дальній путь какъ слѣдуетъ, запрягли въ нарту его любимыхъ оленей и повезли его на высокій холмъ ближе къ небу, туда, гдѣ ярче солнце свѣтитъ лѣтомъ, туда, гдѣ ярче горятъ звѣзды зимою. Всѣ друзья ѣхали за тѣломъ, а впереди ѣхалъ шаманъ. Онъ тихо звенѣлъ всю дорогу бубномъ, какъ бы призывая вниманіе всѣхъ на то, что онъ будетъ говорить.

Едва кортежъ взобрался на холмъ, два самоѣда подбѣжали къ оленямъ, везущимъ покойника, и перерѣзали имъ глотки. Измученные, усталые, съ высунутыми языками, еще почти на бѣгу, олени переселились въ царство тѣней, куда они должны везти своего хозяина. Они остались колѣнопреклоненными, какъ бы собираясь встать и полетѣть въ царство тѣней, когда удалятся живые люди и оставятъ покойника одного, среди облаковъ и звѣздъ...

На облака долго смотрѣлъ шаманъ, стараясь по нимъ угадать, что ждетъ покойника въ царствѣ тѣней. Самоѣды съ суевѣрнымъ страхомъ смотрѣли на высокую его фигуру, увѣшанную косматыми ремнями, желѣзными и мѣдными кольцами, фигурами чудныхъ рыбъ, птицъ и звѣрей. «Этотъ сѣдой старикъ владѣетъ болѣзнями, проникаетъ въ тайны смерти, пьянѣетъ безъ огненной воды и разговариваетъ съ духами, какъ съ простыми людьми. Что сдѣлаетъ, что скажетъ онъ теперь?» думалъ Баягирь.

Шаманъ поднялъ бубенъ, повѣялъ имъ по вѣтру, и облака понеслись по небу. Прежде они стояли. А теперь двинулись. Шаманъ зазвенѣлъ бубномъ, и весь холмъ огласился шумомъ движущихся стадъ. «Откуда прибѣжали стада?—думалъ Баягирь. Это духи гонятъ стада для стараго Кинтарѐ... Много можетъ сдѣлать опытный шаманъ! Онъ можетъ вымолить для покойника хорошее имѣніе на томъ свѣтѣ» Баягирь мечтательно смотрѣлъ «на тотъ свѣтъ», въ небо и видѣлъ только облака и бездонную синеву... Она такая глубокая и въ ней пусто... Ему не хотѣлось переселиться туда къ другу Кинтарѐ. «Нѣтъ, не надо!»

Шаманъ кончилъ свою напутственную пѣснь и сказалъ, обращаясь къ Баягирю.

— А теперь, когда увидишь священника, скажи ему, что старикъ померъ. Ему нужно знать это для счета душъ и подарковъ.

Всѣ сѣли на оленей и быстро удалились, оставивъ покойника на холмѣ.

Далеко видѣнъ холмъ въ необъятной тундрѣ и напоминаетъ всѣмъ, кто его видитъ, о славномъ промышленникѣ Кинтарѐ, умершемъ отъ огненной воды...

VIII.

— Эхъ Николай, Николай!—говорилъ старый Мурсало Баягирю.—Опасную игру затѣялъ ты съ Ландуромъ! Опасную, недобрую... Поймаетъ онъ тебя и возьметъ у тебя не только оленей, но кое-что дороже оленей...

— Не возьметъ!—отвѣчалъ самоувѣренно Баягирь.—Я убѣгу отъ него къ самому морю... Развѣ хорошо это, бѣгать отъ друга, который столько времени давалъ мнѣ огненную воду? Нѣтъ, не хорошо. Но я убѣгать буду до тѣхъ поръ, пока не поправлюсь, а какъ поправлюсь, то понесу ему долгъ и скажу: «Прости! не я тебя обижалъ, а водка, которую давалъ ты мнѣ».

— Бросить бы тебѣ совсѣмъ водку, — сказала Марья, —тогда ты опять сталъ бы исправнымъ хозяиномъ.

— Да, бросить, бросить,—повторяла, какъ эхо, за Марьей старуха Этергиль, поселившаяся въ чумѣ Баягира, а сама думала про себя, что глупо бросать то, что доставляетъ человѣку радость среди горя и нищеты.

— Она сильнѣе меня!—говорилъ тоскливо Баягирь.—Но я все-таки перестану... вѣкъ не буду пить.

Онъ отправлялся на промыселъ и промышлялъ песцовъ; но какъ только гдѣ-нибудь въ сосѣднихъ стойбищахъ появлялась водка, онъ бросалъ все и отправлялся пить. Его угощали всѣ друзья, помня, какъ усердно онъ угощалъ друзей.

А Ландуръ, между тѣмъ, разъѣзжалъ по тундрѣ, собиралъ дани и не находилъ среди данниковъ Баягиря. Онъ началъ разыскивать неисправнаго плательщика.

Собравъ остатокъ своихъ оленей, бѣжалъ Баягирь отъ грознаго Ландура въ дальній уголокъ тундры: семь озеръ и четыре холма, скрывали его чумъ отъ широкаго свѣта, гдѣ были расположены стойбища самоѣдовъ.

Однажды вечеромъ, въ пургу, вся семья Баягиря сидѣла у очага, слушала вой бури и смотрѣла на огонь. Огонь трещалъ на очагѣ, говорилъ ласковыя рѣчи и каждому онъ говорилъ иное. Этергиль вспоминала о томъ времени, когда она была молода и жила въ собственномъ чумѣ. Она жалѣла, что нѣтъ огненной воды, чтобы оживить и связать эти тусклыя разрозненныя воспоминанія. Марья думала о томъ, почему шаманъ не могъ вылечить Баягиря отъ пьянства и отчего это огненная вода сильнѣе человѣка. Баягирь думалъ о томъ времени, когда онъ угощалъ друзей въ своемъ чумѣ и не боялся ни злыхъ рѣчей, ни злыхъ людей. Дѣти играли въ углу чума съ собакой. Всѣ сидѣли тихо. Вой бури, казалось, усыпилъ обитателей чума, спрятаннаго за семью озерами и четырьмя холмами отъ широкаго свѣта.

И вдругъ они увидѣли страшное видѣніе, и всѣмъ казалось, что то, что они видятъ, происходитъ во снѣ.

На дворѣ раздались вой собакъ и звонъ колокольчиковъ. Собака, игравшая съ дѣтьми, ощетинилась, заворчала и подбѣжала къ дверямъ чума, залилась лаемъ. Заколыхались шкуры, закрывавшія входъ въ чумъ, и пропустили высокую фигуру человѣка въ малицѣ. Человѣкъ снялъ малицу и усѣлся у очага

Это былъ Ландуръ.

Онъ заговорилъ ласково, но глаза его были суровы и лицо угрюмо.

— Зачѣмъ ты скрывался отъ меня, Баягирь? Развѣ хорошій работникъ скрывается отъ хозяина?

Баягирь началъ кланяться и униженно просить прощенія.

— Все заплачу тебѣ и... вѣкъ платить буду, только потерпи немного...

Онъ смотрѣлъ въ глаза Ландуру, стараясь уловить въ нихъ огонекъ жалости.

Но Ландуръ угрюмо молчалъ, и глаза его были непроницаемы.

Вошелъ работникъ Ландура, высокій русскій молодецъ, съ длиннымъ ножомъ у пояса. Онъ налилъ и поставилъ къ огню чайникъ, принесъ сахару, хлѣба, сушенаго мяса и фляжку водки. За нимъ вошелъ и другой работникъ и тоже сѣлъ у огня.

Ландуръ налилъ чашку водки и подалъ хозяину.

— Пей за мое здоровье.

Онъ налилъ старухѣ Этергиль двѣ чашки одну за другой.

Она жадно хватала ихъ дрожащими руками.

— Спасибо, хозяинъ!

— Пей еще.

И Этергиль пила въ два раза больше, чѣмъ пилъ Баягирь. Когда тотъ только началъ оживляться, она уже была пьяна и, сидя у огня, покачивалась туловищемъ взадъ и впередъ, напѣвая вполголоса то, что виднѣлось ей въ туманѣ воспоминаній.

Марья не смѣла отказаться и нехотя выпила немного.

Ландура закусилъ, напился чаю и осмотрѣлся грозно, какъ бы желая что-то сказать.

— А теперь,—наконецъ, проговорилъ онъ,—будемъ разсчитываться съ тобою.

— Потерпи, хозяинъ, я все заплачу тебѣ.

Ландуръ кивнулъ работникамъ, и они стали осматривать чумъ. Они повытаскивали изъ-подъ изголовья постелей всѣ сумы, раскрыли ихъ и забрали все, что было въ нихъ. На дворѣ они осмотрѣли всѣ нарты и забрали все, что имѣло хотя какую-нибудь цѣнность. Они были привычны къ такой работѣ и работали проворно. Баягирь сидѣлъ, потупивъ голову: онъ понималъ, что хозяиномъ его чума сталъ Ландуръ, что онъ можетъ взять себѣ все, что пожелаетъ, можетъ взять

себѣ его жену и убить дѣтей, какъ щенковъ. Ландуръ нѣсколько разъ осматривалъ пристально Марью, какъ бы рѣшая вопросъ, взять ли себѣ ее или нѣтъ. Но истощенная и блѣдная самоѣдка имѣла мало привлекательности. Онъ брезгливо отвернулся отъ нея. А Баягирь уже рѣшился уступить Ландуру жену, если тотъ заночуетъ у него...

Но пурга стихла, и Ландуръ сталъ собираться въ путь. Работники сложили посуду и всѣ вещи въ сумы и выносили ихъ на дворъ.

— Эй, ловите ѣздовыхъ оленей!—крикнулъ Ландуръ работникамъ.

— Сколько?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Сколько ихъ есть!

Онъ вынулъ изъ кармана трубку и закурилъ. Закуривая, онъ сталъ говорить медленно, отчеканивая каждое слово.

— Надо васъ, звѣрей, учить порядкамъ! Ты мнѣ не сказалъ глазъ: я самъ къ тебѣ пріѣхалъ. Неужели стану я пріѣзжать даромъ? Я все возьму, что у тебя есть... всѣхъ оленей твоихъ и буду держать до тѣхъ поръ, пока не заплатишь мнѣ долга.

Баягирь, готовый отдать жену Ландуру, не хотѣлъ отдавать оленей. «Какъ можетъ промышлять человѣкъ безъ оленей?»

— Не бери, хозяинъ, оленей, не бери! Поправлюсь, все тебѣ отдамъ!..

Ландуръ только смѣхомъ отвѣчалъ на просьбы самоѣда.

Одѣвшись, онъ вышелъ изъ чума и смотрѣлъ, какъ его работники ловятъ арканами ѣздовыхъ оленей Баягиря. Пастухъ Баягиря безучастно стоялъ въ сторонѣ, боясь пошевелиться. Смирные и хорошіе олени были у Баягиря! Когда работники стали ловить пару его любимѣйшихъ оленей, на которыхъ онъ всегда ѣздилъ и на которыхъ разсчитывалъ уѣхать въ царство тѣней, если придется умереть отъ огненной воды,—онъ не стерпѣлъ. Ему казалось, что отъ него отнимаютъ дѣтей, и сердце его сжалось отъ боли. Боль сердца заглушила въ немъ страхъ передъ Ландуромъ, и онъ бросился отнимать у работниковъ оленей.

Тогда Ландуръ поднялъ оленій рогъ, валявшійся на землѣ, и ударилъ Баягиря изо всѣхъ силъ по лицу. Лицо залилось кровью. При видѣ крови Ландуръ разъярился и ударилъ второй разъ еще сильнѣе и выбилъ Баягирю глаза остріемъ рога.

И сталъ Баягирь слѣпъ, и не видѣлъ больше свѣта, и не видѣлъ, какъ уводили его любимыхъ оленей. Онъ схватился за глаза руками и упалъ лицомъ въ снѣгъ. Онъ слышалъ, какъ запрягли оленей, какъ заскрипѣли по снѣгу полозья нартъ.

Уѣзжая, Ландуръ хохоталъ, и хохотъ его разносился по тундрѣ, какъ ревъ дикаго звѣря...

Черезъ нѣсколько минутъ все затихло вокругъ чума. Пастухъ потихоньку подошелъ къ хозяину и привелъ его въ чумъ. Тамъ было тихо. Огонь еле мерцалъ на очагѣ. На постелѣ, обнявъ дѣтей, сидѣла

Марья и плакала, дрожа всѣмъ тѣломъ. У огня смѣялась пьяная Этергиль и пѣла свои длинныя, унылыя пѣсни...

И сталъ слѣпъ Баягирь, и обнищалъ.

Но самоѣды хорошіе люди и всегда прокормятъ несчастнаго человѣка. При всей своей скудости, они щедрѣе, чѣмъ поработители ихъ при всемъ ихъ богатствѣ. Они кормили Баягиря и семью его.

Старуха Этергиль не оставляла его и помогала больной и убитой горемъ Марьѣ нести бремя хозяйственныхъ заботъ. Для старухи все это событіе, стоившее Баягирю глазъ, было какъ бы во снѣ. Она спала и во снѣ видѣла свои воспоминанія и помнила только, что Ландуръ угощалъ ее водкой и былъ привѣтливъ.

По временамъ друзья, которыхъ въ доброе время угощалъ Баягирь, угощали и его огненной водой. Тогда темные глаза его прозрѣвали. Онъ видѣлъ тундру, засыпанную цвѣтами, освѣщенную звѣздами среди дня, населенную добрыми людьми, не похожими на тѣхъ, которыхъ нѣкогда онъ видѣлъ наяву. И онъ смѣялся.

Но иногда онъ плакалъ... и пѣлъ грустную пѣсню о томъ, какъ Ландуръ отобралъ у него любимыхъ оленей и вырвалъ у него глаза...

Эта пѣсня тяжелымъ камнемъ ложилась на сердце слушателей.

Они выпивали по чашкѣ водки и тяжелые камни тонули въ ней.

«Много зла приноситъ огненная вода,—думали они въ такія минуты,—но она сильнѣе человѣка!..»

А. К.

ОЧЕРКИ ПО ВОПРОСАМЪ ОПЛОДОТВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ.

Академика **И. П. Бородина.**

*(Окончаніе *).*

III.

Въ наукѣ, какъ и въ жизни, случаются странные эпизоды. Живетъ человѣкъ, работаетъ, работаетъ усердно, хорошо, превосходно работаетъ, дѣлаетъ замѣчательное открытіе, сообщаетъ о немъ печатно... нуль вниманія! Проходитъ много лѣтъ, человѣкъ уже успѣлъ переселиться въ лучшій міръ, и вдругъ наука открываетъ... человѣка вмѣстѣ съ его открытіемъ; никому до тѣхъ поръ неизвѣстное имя становится вдругъ знаменитымъ навѣки. Самый замѣчательный изъ такихъ эпизодовъ въ ботаникѣ случился съ знаменитымъ нынѣ Конрадомъ Шпренгелемъ, котораго по справедливости можно считать отцомъ одной изъ самыхъ юныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ модныхъ отраслей нашей scientia amabilis—біологіи растеній, отрасли, которую я опредѣляю, какъ изученіе цѣлесообразности въ устройствѣ растительнаго организма, хотя прекрасно знаю, что такое опредѣленіе можетъ вызвать рѣзкій протестъ со стороны многихъ ученыхъ. Безсмертная нынѣ книга Шпренгеля «Das entdeckte Geheimniss der Natur» («Открытая тайна природы»), впервые познакомившая насъ съ поразительными взаимными отношеніями цвѣтовъ и насѣкомыхъ, составляющими и до сихъ поръ наиболѣе интересную и наиболѣе разработанную главу въ біологіи растеній, при появленіи своемъ въ концѣ XVIII-го столѣтія встрѣчена была тогдашнимъ ученымъ міромъ съ такимъ ледянымъ равнодушіемъ, что для изданія второй ея части не нашлось охотника. Только полстолѣтія спустя Дарвинъ воскресилъ изъ незаслуженнаго забвенія имя Шпренгеля и его геніальную книгу **).

---

*) См. „Міръ Божій“, № 11, ноябрь 1903 г.

**) Подробности читатель найдетъ въ моей статьѣ „Столѣтіе тайны природы“ („Міръ Божій“, декабрь 1894 г.).

Такой же точно случай повторился въ XIX-мъ вѣкѣ, съ тою разницею, что теперь для открытія человѣка съ его открытіемъ понадобилось уже не полстолѣтія, а лишь четверть съ небольшимъ, да и открылъ ихъ не одинъ ученый, а трое сразу—Корренсъ въ Германіи, де-Фризъ въ Голландіи и Чермакъ къ Австріи. Прогрессъ все-таки значительный. Имя этого счастливца, если можно говорить о счастьи за гробомъ,—Мендель. Нѣмцы поспѣшно заявили, во избѣжаніе, вѣроятно, смѣшенія съ его сыномъ по фамиліи—Мендельсономъ, что Мендель былъ самымъ чистокровнымъ нѣмцемъ (von echtem Schrot und Korn).

Въ судьбѣ Менделя и Шпренгеля много общаго. Оба они были духовными лицами (духовенство въ Западной Европѣ дѣятельно участвовало и продолжаетъ участвовать въ развитіи естествознанія), оба работали по вопросамъ, близко между собою соприкасающимся, обоимъ помѣшали продолжать свою научную дѣятельность внѣшнія обстоятельства, оба прошли незамѣченными при жизни и оба послѣ смерти прославились такъ, что попали въ классики. Въ Германіи существуетъ прехорошенькое и преполезное изданіе подъ заглавіемъ «Ostwald's Klassiker der exacten Wissenschaften» и въ немъ №№ 48—51 содержатъ перепечатку знаменитой нынѣ книги Шпренгеля, а № 121—двѣ тощія по объему статейки Менделя подъ заглавіемъ «Versuche über Pflanzenhybriden» («Опыты надъ растительными помѣсями»), навсегда обезпечивающія его славу. Первоначально эти двѣ статьи Менделя были напечатаны въ «Трудахъ» естественно-историческаго общества въ Брюннѣ (въ Австріи), гдѣ Мендель провелъ большую часть своей жизни въ качествѣ преподавателя физики и естественной исторіи, а затѣмъ настоятеля августинскаго монастыря; въ монастырскомъ саду и производилъ онъ всѣ свои опыты. Кромѣ двухъ названныхъ выше статей, относящихся первая къ 1865 г., а вторая къ 1869 году, Мендель напечаталъ еще нѣсколько другихъ по метеорологіи, которою также дѣятельно занимался. Умеръ онъ 62-хъ лѣтъ въ 1884 году, но научная дѣятельность его прекратилась уже въ 1870 году, вскорѣ послѣ того, какъ онъ сдѣлался настоятелемъ своего монастыря,—его увлекла вспыхнувшая въ Германіи культурная борьба. Если ученые не замѣтили Менделя при его жизни, то это въ значительной степени объясняется тѣмъ, что онъ печаталъ свои работы въ мало кому извѣстномъ изданіи *)—осязательный результатъ того крайняго литературнаго раздробленія, которое, постоянно возрастая на нашихъ глазахъ, начинаетъ принимать прямо угрожающій характеръ.

Но что же такое сдѣлалъ Мендель, чѣмъ онъ такъ прославился и

*) Любопытно, однако, что въ книгѣ Фокэ (1881 года), о которой была рѣчь по поводу „ксеній", упомянуты обѣ статьи Менделя, но авторъ не придалъ имъ никакого значенія.

какіе такіе замѣчательные опыты производилъ онъ въ своемъ монастырскомъ саду? Какъ ни страннымъ это покажется на первый взглядъ, но прославилъ Менделя... горохъ, да, да, именно горохъ, съ которымъ онъ провозился восемь лѣтъ. Безъ сомнѣнія, найдется не мало людей, которые скептически пожмутъ плечами и подумаютъ, а можетъ быть даже скажутъ: да неужели можно серьезно заниматься цѣлыхъ восемь лѣтъ жизни какимъ-то... горохомъ? Но на всѣ подобные возгласы давно данъ прекрасный отвѣтъ знаменитымъ Гумбольдтомъ: «Природа въ каждомъ уголкѣ своемъ представляетъ отраженіе цѣлаго». Въ примѣненіи къ данному случаю это означаетъ, что, если бы намъ удалось вполнѣ раскрыть тайны... гороха, то мы бы поняли тайну мірозданія. Неудивительно, что въ наукѣ высказываются, напротивъ, искреннія сожалѣнія о томъ, что Менделю удалось посвятить гороху всего восемь, а не восемнадцать лѣтъ, такъ какъ теперь поневолѣ приходится другимъ затрачивать годы и годы, начиная въ извѣстной степени сызнова опыты надъ тѣмъ же... горохомъ. Крупная заслуга Менделя заключается именно въ томъ, что онъ не разбрасывался подобно своимъ предшественникамъ. Растительными помѣсями занимались и до него и не по восьми лѣтъ, а въ теченіе всей жизни, какъ Кёльрейтеръ и Гертнеръ, но они экспериментировали надъ самыми разнообразными растеніями, не останавливаясь подолгу ни на одномъ, что вначалѣ и было всего важнѣе. Мендель сознательно рѣшилъ концентрироваться, ограничиться какою-либо тѣсною группою растительныхъ формъ, но изучить въ подробности на весьма значительномъ числѣ экземпляровъ судьбу каждаго отдѣльнаго признака въ потомствѣ, въ смутной надеждѣ, которая вполнѣ оправдалась, найти извѣстную закономѣрность тамъ, гдѣ, повидимому, царилъ полнѣйшій хаосъ. Горохъ былъ выбранъ не случайно. Избранная для опытовъ группа должна была обладать слѣдующими свойствами. Во-первыхъ, представители ея должны были отличаться другъ отъ друга постоянными и наглядными, легко опредѣлимыми признаками. Во-вторыхъ, помѣси ихъ должны были во время цвѣтенія быть защищены или легко защищаемы отъ вторженія чужой пыли. Наконецъ, въ-третьихъ, потомство, полученное путемъ скрещиванія, должно было въ послѣдующихъ поколѣніяхъ не обнаруживать обычно замѣчаемаго въ помѣсяхъ ослабленія плодовитости. Всѣмъ этимъ условіямъ какъ нельзя лучше удовлетворяетъ горохъ. Особенно важно то, что онъ принадлежитъ къ растеніямъ, нормально самоопыляющимся. Тычинки и пестикъ скрыты у гороха, какъ у всѣхъ растеній изъ семейства мотыльковыхъ, къ которому онъ относится, въ такъ называемой лодочкѣ цвѣтка, причемъ еще до распусканія послѣдняго пыльники здѣсь лопаются и опыляютъ собственною пылью почти соприкасающееся съ ними рыльце. Такимъ образомъ, въ силу самаго устройства своего, цвѣтокъ гороха вполнѣ застрахованъ отъ проникновенія чужой пыли и послѣдняя можетъ быть внесена въ него съ цѣлью

произвести скрещиваніе только оперативнымъ путемъ: надо вскрыть лодочку, извлечь тычинки, пока онѣ еще не вскрыли своихъ пыльниковъ, и затѣмъ ввести, напр., на кончикѣ стального пера желательную пыль. Кромѣ того немаловажное преимущество гороха въ томъ, что сѣмена его всходятъ легко и дружно, растеніе легко культивируется и въ грунту, и въ горшкахъ, да вдобавокъ оно однолѣтнее, такъ что результатъ опыта сказывается въ первый же годъ. Вообще выборъ гороха оказался какъ нельзя болѣе удачнымъ и для такъ называемаго закона Менделя, съ которымъ мы далѣе познакомимся, горохъ сталъ такимъ же классическимъ примѣромъ, какъ кукуруза для «ксеній».

Отъ сѣменоторговцевъ Мендель получилъ 34 разныхъ сорта гороха, прокультивировалъ ихъ въ теченіе двухъ лѣтъ, чтобы убѣдиться въ ихъ постоянствѣ, а затѣмъ отобралъ изъ нихъ 22 сорта для опытовъ скрещиванія, причемъ ежегодно выращивались всѣ эти сорта. Въ общей сложности подвергнуты были подробному анализу болѣе 10.000 экземпляровъ. Избранные сорта различались между собою многими признаками, какъ-то: длиною и цвѣтомъ стебля, величиною и формою листьевъ, расположеніемъ, окраскою и размѣрами цвѣтковъ, длиною листовыхъ черешковъ, цвѣтомъ, формою и величиною плодовъ (бобовъ), формою и величиною сѣмянъ, окраскою кожуры и сѣмядолей *). Многіе изъ этихъ признаковъ, однако, недостаточно рѣзки, такъ что пришлось бы употреблять неопредѣленное выраженіе «болѣе или менѣе», котораго желательно было бы избѣжать, замѣнивъ его вполнѣ опредѣленнымъ «такъ или этакъ». На этомъ основаніи Мендель выбралъ изъ всей массы семь признаковъ или, вѣрнѣе, семь паръ признаковъ, на судьбу которыхъ въ потомствѣ, полученномъ путемъ скрещиванія, онъ и обратилъ все свое вниманіе. Признаки эти были слѣдующіе:

1) Форма зрѣлыхъ сѣмянъ: сѣмена либо округлыя, даже шаровидныя, либо неправильно угловатыя и глубоко морщинистыя, — форма, которую отличаютъ особымъ названіемъ квадратнаго гороха (Pisum quadratum).

2) Окраска зародыша, просвѣчивающая сквозь кожуру: либо желтая разныхъ оттѣнковъ, либо зеленая.

---

*) Мендель, впрочемъ, говоритъ объ окраскѣ „бѣлка“, хотя въ сѣменахъ гороха (и вообще мотыльковыхъ) никакого бѣлка нѣтъ, а сквозь кожуру просвѣчиваютъ сѣмядоли зародыша. Долженъ сознаться, что это обстоятельство повергло меня въ немалое смущеніе, особенно когда, редактируя нынѣшнимъ лѣтомъ переводъ элементарнаго учебника ботаники знаменитѣйшаго англійскаго систематика Гукера (Hooker), я убѣдился, что и онъ неясно представляетъ себѣ, что такое бѣлокъ въ сѣменахъ. Смущеніе мое станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе, что въ теченіе всей моей профессорской дѣятельности я требовалъ отъ студентовъ отчетливаго пониманія различія между бѣлковыми и безбѣлковыми сѣменами, и вдругъ оказывается, что даже Мендель и Гукеръ рисковали бы получить у меня на экзаменѣ двойки.

3) Цвѣтъ кожуры: онъ либо бѣлый, либо сѣрый или бурый, иногда съ фіолетовыми крапинами и чернѣющій въ кипящей водѣ. Замѣчательно, что цвѣтъ кожуры тѣсно связанъ съ окраской вѣнчика: если кожура бѣлая, то и цвѣты чисто бѣлаго цвѣта, если же кожура сѣрая и т. п., то лепестокъ вѣнчика, называемый флагомъ или парусомъ окрашенъ въ фіолетовый цвѣтъ, а крылья въ пурпуровый, и, сверхъ того, стебель въ листовыхъ пазухахъ непремѣнно окрашенъ въ красноватый цвѣтъ; всѣ эти признаки оказываются неразрывно связанными между собою.

4) Форма боба: либо онъ ровный, просто выпуклый, либо снабженъ глубокими перехватами между отдѣльными сѣменами и вмѣстѣ съ тѣмъ морщинистъ (такъ называемый сахарный горохъ — Pisum saccharatum).

5) Цвѣтъ незрѣлаго плода — зеленый или ярко-желтый, что отражается и на окраскѣ стебля и листовыхъ жилокъ.

6) Расположеніе цвѣтовъ: они либо размѣщаются вдоль по стержню, на подобіе кисти, либо собраны при вершинѣ стержня, на подобіе зонтика (Pisum umbellatum).

7) Высота стебля. Она сильно колеблется у отдѣльныхъ формъ, но настолько постоянна для каждой, что при культурѣ въ одинаковой почвѣ легко отличить двѣ формы: высокорослую, достигающую саженной высоты, и низкорослую, не превосходящую $1^1/_2$ футовъ.

На этомъ матеріалѣ, выбравъ наиболѣе крѣпкіе здоровые экземпляры въ числѣ 70, Мендель произвелъ въ общей сложности 287 опытовъ искусственнаго скрещиванія, причемъ каждый разъ скрещиваемыя растенія разнились между собою въ одномъ изъ семи указанныхъ пунктовъ и самое скрещиваніе производилось обязательно въ обоихъ направленіяхъ: то форма A играла роль отца, а форма a — роль матери, то наоборотъ.

Переходя теперь къ изложенію результатовъ, полученныхъ Менделемъ, я долженъ предупредить читателя, что его ожидаетъ «немножко математики», впрочемъ, самые пустяки: дальше простой ариѳметики дѣло не пойдетъ, но безъ нея не обойдешься. Что дѣлать? Цифры вещь сухая и скучная, но... онѣ правятъ міромъ.

Одно изъ основныхъ положеній, выработанныхъ путемъ кропотливыхъ изслѣдованій надъ скрещиваніемъ растительныхъ формъ, гласитъ, что помѣси по своимъ признакамъ обыкновенно занимаютъ средину между отцомъ и матерью: если, напр., у матери были бѣлые цвѣты, а у отца красные, то у помѣси они будутъ розовые, и совершенно то же получится, если, наоборотъ, бѣлоцвѣтная форма выступитъ въ роли отца, а красноцвѣтная въ роли матери; обѣ взаимныя помѣси $A+a$ и $a+A$ оказываются совершенно между собою сходными, вполнѣ тожественными, такъ что тщательный анализъ помѣси можетъ лишь привести къ открытію ея родителей, но не даетъ возможности ска-

зать, кто изъ нихъ былъ отцомъ и кто матерью. Таково общее правило, изъ котораго, впрочемъ, давно уже извѣстны были различныя исключенія. Посмотримъ же, примѣнимо ли это правило къ нашему гороху. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ — да, но лишь пустяшныхъ, такъ сказать, принципіально отброшенныхъ Менделемъ вслѣдствіе недостаточной ихъ рѣзкости, каковы, напр., величина и форма листьевъ. Напротивъ, ко всѣмъ семи парамъ, выбраннымъ имъ и перечисленнымъ выше, упомянутое правило совершенно не примѣнимо; всѣ признаки этихъ паръ появляются въ помѣсяхъ раздѣльно, не смѣшиваясь между собой, — либо такъ, либо этакъ, сѣмена либо круглыя, либо угловатыя, либо желтыя, либо зеленыя, а не зеленоватыя и т. д. Но всего интереснѣе здѣсь то, что въ каждой парѣ признаковъ одной и той же категоріи оба признака оказываются далеко неравнозначущими—при скрещиваніи одинъ рѣшительно подавляетъ другого, не давая послѣднему обнаружиться, по крайней мѣрѣ, въ первомъ поколѣніи. Мендель назвалъ признаки перваго рода доминирующими, а признаки второго рода, подавляемые первыми, — рецессивными; мы скажемъ по-русски — *господствующіе* и *подчиненные* признаки. Такимъ образомъ при скрещиваніи сортовъ гороха помѣсь, вмѣсто того, чтобы занимать середину между отцомъ и матерью, рѣшительно походитъ (въ первомъ поколѣніи) на одного изъ своихъ родителей, а именно на того, который обладалъ господствующимъ признакомъ, причемъ вполнѣ безразлично, былъ ли то отецъ или мать; подчиненный признакъ какъ будто совершенно исчезъ, но въ дѣйствительности это не такъ, онъ лишь притаился, перешелъ въ скрытое состояніе и, какъ мы увидимъ далѣе, онъ снова обнаружится во всей своей неприкосновенности въ потомствѣ, которое произведетъ помѣсь, т.-е. во второмъ и слѣдующихъ поколѣніяхъ. Полное (на видъ) подавленіе подчиненнаго признака господствующимъ для признаковъ первыхъ двухъ группъ, т.-е. формы и цвѣта сѣмянъ, скажется, какъ для «ксеній» (см. очеркъ II), въ самый годъ производства опыта, для всѣхъ прочихъ же лишь черезъ годъ, когда изъ сѣмянъ, полученныхъ путемъ скрещиванія, разовьются самыя помѣси.

Какіе же признаки оказываются у гороха господствующими и какіе подчиненными? А вотъ какіе:

1) Круглая форма сѣмянъ господствуетъ надъ угловатою; 2) желтая окраска сѣмянъ—надъ зеленою; 3) сѣрая или бурая окраска сѣменной кожуры, связанная съ фіолетово-краснымъ цвѣтомъ вѣнчика, — надъ бѣлою окраскою кожуры и вѣнчика; 4) ровная выпуклая форма плода подавляетъ плодъ съ перехватами; 5) зеленая окраска незрѣлаго плода—желтую; 6) кистевидное размѣщеніе цвѣтовъ господствуетъ надъ зонтиковиднымъ; 7) высокоствольность—надъ низкоствольностью.

Такимъ образомъ, если скрестить два сорта гороха—одинъ съ желтыми, а другой съ зелеными сѣменами, то всѣ полученныя сѣмена будутъ

желтыми; точно также при скрещиваніи высокоствольнаго сорта съ низкорослымъ все потомство (въ первомъ поколѣніи) будетъ высокаго роста, безразлично, принадлежалъ ли этотъ ростъ отцу или матери, и т. д. для всѣхъ другихъ признаковъ: наслѣдуется, повидимому, только господствующій признакъ, подчиненный какъ бы совершенно стушевывается.

Но что же будетъ дальше? Помѣси на слѣдующій годъ послѣ породившаго ихъ скрещиванія запвѣтутъ и посредствомъ самоопыленія, если ихъ предоставить самимъ себѣ, дадутъ новыя сѣмена. Каковы теперь будутъ эти сѣмена и каково будетъ потомство, которое разовьется изъ нихъ на слѣдующій (въ общемъ третій) годъ опыта въ качествѣ второго поколѣнія помѣсей?

Вотъ тутъ-то и начинается самая интересная часть въ изслѣдованіяхъ Менделя, обнаруживается то, что было названо впослѣдствіи закономъ Менделя. Дѣло, до сихъ поръ весьма простое, запутывается, а потому я приглашаю читателя къ вниманію.

Если въ первомъ поколѣніи помѣсь поражала насъ своимъ однообразіемъ, благодаря полному, повидимому, подавленію подчиненнаго признака, то нельзя сказать того же о второмъ поколѣніи; оно оказывается разнороднымъ; притаившійся было подчиненный признакъ снова выплываетъ наружу, не смѣшиваясь, однако, съ господствующимъ; оба признака проявляются съ прежнею своею силою въ различныхъ недѣлимыхъ, другими словами часть экземпляровъ выходитъ въ отца, другая—въ мать,—никакихъ промежуточныхъ формъ не наблюдается. Но всего любопытнѣе то, что эти два рода экземпляровъ находятся между собою въ строго опредѣленномъ числовомъ отношеніи, а именно экземпляровъ съ господствующимъ признакомъ оказывается въ три раза больше, чѣмъ экземпляровъ съ подчиненнымъ,—отношеніе $= 3 : 1$, т.-е. подчиненный признакъ, подавленный въ первомъ поколѣніи, обнаруживается во второмъ у одной четверти экземпляровъ, а три четверти сохраняютъ попрежнему господствующій признакъ.

Необходимо имѣть въ виду, что такая строгая закономѣрность обнаруживается лишь въ общемъ итогѣ, выведенномъ изъ большого числа случаевъ, путемъ статистическаго подсчета; въ каждомъ же отдѣльномъ случаѣ могутъ встрѣчаться весьма значительныя уклоненія. Въ видѣ примѣра возьмемъ результаты, полученные Менделемъ для второй изъ вышеприведенныхъ категорій признаковъ, т.-е. для цвѣта сѣмянъ. Скрещиваніемъ желтосѣмяннаго гороха съ зеленосѣмяннымъ получилось 258 экземпляровъ помѣси, которые на второй годъ опыта дали 8.023 сѣмени. Изъ нихъ оказалось 6.022 желтыхъ и 2.001 зеленыхъ. Отношеніе выходитъ 3,01 : 1. Между тѣмъ, въ отдѣльныхъ плодахъ нерѣдко оказываются всѣ сѣмена желтыми, хотя ихъ тамъ до 9 штукъ. Точно такъ же, если собрать сѣмена изъ всѣхъ плодовъ даннаго экземпляра, то обнаруживаются большія колебанія: на одномъ растеніи ока-

залось, напр., 32 желтыхъ и всего 1 зеленое сѣмя, у другого зато 20 желтыхъ и 19 зеленыхъ. Ну, а въ общемъ итогѣ все-таки выходитъ—3 : 1.

Не пытаясь пока объяснить это странное соотношеніе, примемъ его, какъ фактъ, установленный опытомъ, и посмотримъ, что окажется въ слѣдующемъ, третьемъ поколѣніи. Мы соберемъ, слѣдовательно, вмѣстѣ съ Менделемъ, отдѣльно сѣмена той четверти, которая неожиданно обнаружила подчиненный признакъ, напр., дала зеленыя сѣмена, и отдѣльно сѣмена трехъ четвертей, оставшихся вѣрными господствующему признаку, напр., желтому цвѣту сѣмянъ. Высѣемъ тѣ и другія и сравнимъ выращенныя изъ нихъ растенія.

Результатъ получается поразительный. Потомство первой четверти, проявившей подчиненный признакъ, оказывается совершенно однообразнымъ: изъ зеленыхъ сѣмянъ вырастаютъ растенія, дающія сплошь зеленыя сѣмена, и то же повторяется во всѣхъ слѣдующихъ поколѣніяхъ; такимъ образомъ господствующій признакъ здѣсь не просто стушевался или притаился на время, какъ то сдѣлалъ подчиненный признакъ въ первомъ поколѣніи, а безслѣдно исчезъ, — передъ нами уже не помѣси, а чистые экземпляры одного изъ первоначальныхъ родичей, окончательно стряхнувшіе съ себя вліяніе другого, казавшагося болѣе сильнымъ.

Ну, а остальныя три четверти? Какого рода потомство даютъ они? А вотъ какое! Эти три четверти оказываются неоднородными. Одна изъ трехъ четвертей произведетъ совершенно чистое потомство, обладающее исключительно господствующимъ признакомъ и, какъ оказывается при дальнѣйшемъ размноженіи, совершенно освободившееся отъ вліянія другого родича съ подчиненнымъ признакомъ. Слѣдовательно, передъ нами опять таки не помѣсь, а одна изъ коренныхъ формъ, но другая: если первая, выше разсмотрѣнная четверть выродилась, скажемъ, въ мать, то эта, вторая, вернулась, напротивъ, къ отцу. Зато остальныя двѣ четверти, слѣдовательно, половина экземпляровъ третьяго поколѣнія, сохраняютъ по прежнему характеръ помѣси и слѣдуютъ указанному выше закону, согласно которому одна четверть обнаружитъ подчиненный признакъ, а три четверти—господствующій. Такимъ образомъ въ общемъ итогѣ при скрещиваніи двухъ формъ, разнящихся между собою въ одномъ признакѣ, во второмъ поколѣніи половина экземпляровъ сохраняетъ свойства помѣси, другая же половина даетъ постоянное потомство, распредѣляющееся поровну между отцовскою и материнскою формами, такъ что одна четверть обладаетъ начисто господствующимъ признакомъ одного изъ родителей, а вторая четверть исключительно подчиненнымъ признакомъ другого. Въ этомъ и состоитъ такъ наз. «законъ Менделя». Простѣйшимъ выраженіемъ его является формула $A + 2\,Aa + a$, данная самимъ Мен-

дѣлемъ. Здѣсь *A* означаетъ господствующій признакъ, *a*—подчиненный, а *Aa* сочетаніе обоихъ въ помѣси. Изъ формулы видно, что на каждый экземпляръ отцовской и материнской формы (кто отецъ—*A* или *a*, это, какъ мы знаемъ, безразлично) приходится по два экземпляра со свойствами помѣси. Въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ повторяется то же самое. Потомство, полученное отъ *Aa*, снова разсортировывается согласно тому же закону: $^1/_4$ экземпляровъ оказывается составленною изъ отцовскихъ, $^1/_4$ изъ материнскихъ экземпляровъ, а $^1/_2$ опять помѣси. Простой разсчетъ показываетъ, что въ такомъ случаѣ хотя абсолютное число помѣсевыхъ экземпляровъ и будетъ возрастать съ каждымъ поколѣніемъ, но относительное ихъ число будетъ все уменьшаться,—помѣсь будетъ какъ бы вырождаться, возвращаться къ формамъ своихъ родичей, явленіе, давно отмѣченное и Кельрейтеромъ и Гертнеромъ. Примемъ, напр., для простоты, что при размноженіи каждый экземпляръ даетъ 4 новыхъ. Тогда для послѣдовательныхъ поколѣній получаются такія числа:

A	*Aa*	*a*
1	2	1
6	4	6
28	8	28
120	16	120

и т. д. Если тѣ же числа мы выразимъ въ видѣ отношеній, то получимъ:

A	:	*Aa*	:	*a*
1	:	2	:	1
3	:	2	:	3
7	:	2	:	7
15	:	2	:	15

Это значитъ, что въ началѣ помѣсевыхъ экземпляровъ было столько же, сколько чистыхъ (считая отцовскіе и материнскіе вмѣстѣ), но въ четвертомъ поколѣніи на два помѣсевыхъ приходится уже 30 чистыхъ, а въ десятомъ поколѣніи изъ 2048 экземпляровъ окажется 1023 экземпляра съ однимъ господствующимъ признакомъ *A*, столько же—съ подчиненнымъ *a* и всего два помѣсевыхъ экземпляра *Aa*. Все объясняется тѣмъ, что чистые экземпляры даютъ сплошь чистое потомство, тогда какъ помѣсевые лишь на половину даютъ снова помѣсевые, постоянно отщепляя отъ себя чистые экземпляры какъ въ сторону отца, такъ и матери.

Читателю, даже внимательно слѣдившему за изложеніемъ закона Менделя, могло остаться неяснымъ, почему дѣло началось съ отношенія 3 : 1, а потомъ перешло на формулу $A+2\,Aa+a$, т.-е.

$^1/_4 + {}^1/_2 + {}^1/_4$, или $1 + 2 + 1$, какъ угодно. Между тѣмъ, въ дѣйствительности оба выраженія тожественны, только отношеніе 3 : 1 означаетъ наглядный внѣшній эффектъ, а формула $A + 2\,Aa + a$, такъ сказать, врутреннюю сущность. Стоитъ только вспомнить, что посподствующій признакъ подавляетъ подчиненный, мѣшаетъ ему обнаружиться. Поэтому экземпляры A, обладающіе на чисто господствующимъ признакомъ, на видъ не отличимы отъ помѣсевыхъ экземпляровъ Aa; послѣдніе хотя и обладаютъ кромѣ господствующаго A еще подчиненнымъ a, но внѣшнимъ образомъ обнаруживаютъ только первый признакъ. Вотъ и выходитъ, что по внѣшнему впечатлѣнію формула $A + 2\,Aa + a$ сводится къ $3\,A + a$, т.-е. получается отношеніе 3 : 1, число экземпляровъ съ господствующимъ признакомъ превосходитъ втрое число экземпляровъ съ признакомъ подчиненнымъ. Только на слѣдующій годъ, при образованіи потомства, сказывается разница между чистыми экземплярами A, вовсе не имѣвшими подчиненнаго признака a, и помѣсевыми экземплярами Aa, у которыхъ онъ былъ, но не могъ обнаружиться.

До сихъ поръ мы предполагали, что скрещиванію подвергались такіе два сорта гороха, которые разнились между собою только въ одномъ существенномъ признакѣ какой-либо изъ семи приведенныхъ выше категорій. Теперь естественно возникаетъ вопросъ, что получится въ томъ случаѣ, если родители будутъ отличаться другъ отъ друга одновременно нѣсколькими признаками. Опыты Менделя показали, что помѣсь всегда стоитъ ближе къ той изъ коренныхъ формъ, которая обладаетъ большимъ числомъ господствующихъ признаковъ. Если, напр., мать низкоросла, имѣетъ бѣлые цвѣты, собранные зонтикомъ и ровные бобы, а отецъ высокоствольный съ красно-фіолетовыми цвѣтами, расположенными кистью, и съ бобами, снабженными перехватами, то помѣсь этихъ двухъ формъ только плодами будетъ походить на мать, во всѣхъ же остальныхъ признакахъ обнаружитъ сходство съ отцомъ. Само собою понятно, что если одна изъ коренныхъ формъ будетъ обладать только господствующими признаками, то помѣсь ничѣмъ не будетъ отъ нея (по виду) отличаться.

Наиболѣе обстоятельны двѣ серіи опытовъ Менделя. Въ одной скрещиваемыя формы разнились двумя признаками: мать AB имѣла круглыя сѣмена—A и желтыя сѣмядоли—B, а отецъ ab—угловатыя сѣмена—a и зеленыя сѣмядоли—b, слѣдовательно, мать обладала господствующими, а отецъ подчиненными признаками. Неудивительно, что сѣмена получились въ мать—круглыя и желтыя. Выращенныя изъ нихъ растенія дали, въ свою очередь, сѣмена, которыя оказались уже четырехъ родовъ. Изъ 556 сѣмянъ, снятыхъ съ 15-ти экземпляровъ, оказались: 315—круглыхъ и желтыхъ, 101—угловатыхъ и желтыхъ, 108—круглыхъ и зеленыхъ, 32—угловатыхъ и зеленыхъ. Въ слѣдующемъ затѣмъ поколѣніи получилось уже девять различныхъ комбинацій: AB,

Ab, *aB*, *ab*, *ABb*, *aBb*, *AaB*, *Aab*, *AaBb*. Ихъ можно собрать въ три существенно различныя группы: первыя четыре заключаютъ лишь постоянные признаки и въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ уже не измѣняются; нхъ оказалось приблизительно поровну (въ среднемъ по 33 экземпляра каждой формы). Изъ нихъ двѣ—*AB* и *ab* суть не что иное, какъ коренныя формы, другія же двѣ—новыя постоянныя комбинаціи тѣхъ же признаковъ. Другую группу образуютъ тѣ четыре формы, которыя обозначены выше тремя буквами: они постоянны въ одномъ признакѣ, но въ другомъ оказываются помѣсями и при дальнѣйшемъ размноженіи варіируютъ только по отношенію къ этому признаку. Ихъ тоже оказывается примѣрно поровну, но каждая представлена въ среднемъ 65 разъ. Наконецъ, особнякомъ стоятъ формы *AaBb*,—это уже настоящія помѣси, измѣнчивыя въ обоихъ своихъ признакахъ: такихъ экземпляровъ оказалось 138. Сопоставляя три числа—33, 65 и 138, мы находимъ, что отношеніе между ними приблизительно $= 1 : 2 : 4$, т.-е. на каждый постоянный экземпляръ приходится два полупостоянныхъ и четыре вполнѣ помѣсевыхъ. Потомство помѣси отъ двухъ формъ, разнящихся между собою въ двухъ признакахъ, развертывается согласно слѣдующей формулѣ:

$$AB + Ab + aB + ab + 2\,ABb + 2\,aBb + 2\,AaB + 2\,Aab + 4\,AaBb.$$

А этотъ рядъ есть не что иное, какъ комбинація, получающаяся чрезъ сочетаніе $A + 2\,Aa + a$ и $B + 2\,Bb + b$. Такимъ образомъ мы вернулись къ нашимъ старымъ знакомымъ.

Въ другой серіи опытовъ Менделя скрещиваемые сорта гороха отличались уже въ трехъ признакахъ: мать имѣла сѣмена круглыя, желтыя, съ сѣрою кожурою, а отецъ угловатыя зеленыя, съ бѣлою кожурою. Не желая запугивать читателя новымъ потокомъ цифръ и еще болѣе длиннымъ рядомъ (27) комбинацій изъ трехъ буквъ *A*, *B* и *C*, малыхъ и большихъ, я ограничусь замѣчаніемъ, что полученные результаты вполнѣ гармонировали съ тѣми, которые далъ предыдущій опытъ. Въ потомствѣ оказались четыре категоріи формъ: 1) постоянныя во всѣхъ трехъ, 2) постоянныя въ двухъ, 3) постоянныя лишь въ одномъ признакѣ и 4) постоянныя ни въ одномъ изъ трехъ признаковъ. Численное отношеніе ихъ было (приблизительно) $= 1 : 2 : 4 : 8$, а это результатъ сочетанія трехъ рядовъ: $A + 2\,Aa + a$, $B + 2\,Bb + b$ и $C + 2\,Cc + c$. Опять тѣ же знакомые.

Важнѣйшій результатъ, доставленный этими кропотливѣйшими опытами Менделя, заключается въ установленіи полнѣйшей независимости отдѣльныхъ признаковъ (у гороха, по крайней мѣрѣ) другъ отъ друга. Словно шашки, всѣ эти признаки могутъ вступать во всевозможныя взаимныя комбинаціи, причемъ относительное число послѣднихъ подчиняется правиламъ сочетаній. Вся суть кроется въ формулѣ $A + 2Aa + a$. Какъ только мы объяснимъ себѣ ея происхожденіе, все остальное ста-

нетъ для насъ понятнымъ, будетъ вытекать изъ нея. какъ естественное слѣдствіе.

Объясненіе далъ самъ Мендель, правда, гипотетическое, фактически до сихъ поръ не доказанное, но въ высшей степени вѣроятное. Заключается оно вотъ въ чемъ. Надо допустить, что когда помѣсь приступаетъ къ образованію половыхъ клѣточекъ, мужскихъ и женскихъ, то противоположные признаки, связанные въ помѣси скрещиваніемъ, снова расщепляются: половина половыхъ клѣточекъ получаетъ только отцовскій признакъ, другая половина—только материнскій. Я беру, конечно, простѣйшій случай, когда обѣ формы разнились лишь въ одномъ признакѣ. Итакъ, мы получаемъ два сорта яйцеклѣточекъ и два сорта пылинокъ. Между ними возможны четыре комбинаціи и всѣ онѣ одинаково вѣроятны. Если на женскую клѣточку съ признакомъ *A* будетъ дѣйствовать мужская съ тѣмъ же признакомъ, то получится чистое потомство, обладающее исключительно этимъ признакомъ *A*; точно также если на женскую клѣточку съ *a* подѣйствуетъ мужская съ тѣмъ же *a*, то получится тоже постоянное потомство, которое никогда уже не проявитъ признака *A*. Напротивъ, если женская клѣточка съ материнскимъ признакомъ будетъ оплодотворена мужскою съ отцовскимъ или, наоборотъ, на женскую клѣточку въ отца подѣйствуетъ мужская съ признакомъ матери, то въ обоихъ случаяхъ получатся помѣсевыя формы, обладающія обоими признаками. Но мы знаемъ, что мать и отецъ въ помѣси обыкновенно неотличимы; будетъ ли *A* опылять *a*, или, наоборотъ, *a* опылять *A*, результатъ получится одинаковый; *Aa* и *aA* неотличимы и, слѣдовательно, представляютъ вмѣстѣ 2 *Aa*. Вотъ у насъ и выходитъ: $A + 2Aa + a$, т.-е. $^1/_4$ отцовскихъ, $^1/_4$ материнскихъ и $^1/_2$ помѣсевыхъ экземпляровъ—законъ Менделя, что и требовалось доказать.

Я назвалъ выше объясненіе, данное Менделемъ открытой имъ закономѣрности, гипотетическимъ. Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что Мендель самъ чувствовалъ это и съ своей стороны сдѣлалъ все возможное для фактической провѣрки своей гипотезы, обнаруживъ при этомъ большое остроуміе. Особенно налегалъ онъ на то обстоятельство, что среди потомства помѣсей оказываются чисто мужскія и чисто женскія, вполнѣ постоянныя формы, которыя должны были какимъ-нибудь образомъ окончательно стряхнуть съ себя гнѣздившійся въ нихъ первоначально противоположный признакъ. Но кромѣ такихъ теоретическихъ соображеній онъ пытался почерпнуть доказательство справедливости своей гипотезы чисто опытнымъ путемъ. Для этого онъ взялъ описанныя выше помѣси двухъ сортовъ—*AB* и *ab*, различавшихся двумя признаками, и опылялъ помѣсь отцовскою или материнскою формою или же, наоборотъ, каждую изъ родительскихъ формъ опылялъ помѣсью. Если въ помѣси дѣйствительно происходитъ при образованіи половыхъ элементовъ расщепленіе признаковъ, то при двухъ парахъ признаковъ помѣсь должна образовать по четыре сорта мужскихъ и

женскихъ элементовъ—*AB*, *Ab*, *aB* и *ab* и притомъ каждаго поровну Теперь можно заранѣе предсказать, сколько и какія именно сочетанія должны будутъ возникнуть при взаимодѣйствіи однородныхъ половыхъ элементовъ отцовской или материнской формы, съ одной стороны, и разнородныхъ половыхъ элементовъ помѣси, причемъ всѣ эти сочетанія одинаково вѣроятны, а потому должны получаться въ одинаковомъ числѣ. Опытъ вполнѣ оправдалъ эти теоретическія соображенія: получились ожидавшіяся комбинаціи и, приблизительно, конечно, въ одинаковомъ числѣ.

Теперь естественно долженъ возникнуть вопросъ, насколько примѣнимъ законъ Менделя къ другимъ случаямъ скрещиванія, къ другимъ растеніямъ. Всеобщій ли это законъ, или же онъ имѣетъ лишь ограниченное значеніе? Въ послѣднемъ случаѣ явится новый вопросъ, когда же онъ примѣнимъ, когда нѣтъ и чѣмъ обусловливается такая разница.

Одинъ изъ трехъ ученыхъ, одновременно открывшихъ Менделя съ его закономъ, Гуго де-Фризъ, самъ много работавшій въ области скрещиванія и сильно нашумѣвшій въ послѣднее время своею новою теоріею образованія видовъ, поспѣшилъ провозгласить въ 1900 году всеобщность закона Менделя; послѣдній былъ ему какъ нельзя болѣе на руку, такъ какъ вполнѣ гармонировалъ съ развитымъ имъ нѣкогда ученіемъ о пангенезисѣ, по которому элементарные признаки каждаго организма пріурочены къ особымъ матеріальнымъ частичкамъ его. Фризъ привелъ цѣлый рядъ случаевъ, почерпнутыхъ частью изъ собственной практики, частью изъ литературы, въ которыхъ господствующій признакъ въ помѣси подавляетъ подчиненный, а затѣмъ, согласно закону Менделя, въ слѣдующемъ поколѣніи обнаруживается лишь у $^3/_4$ экземпляровъ, тогда какъ $^1/_4$ развиваетъ, казалось, утраченный подчиненный признакъ.

Между тѣмъ отвѣтъ на поставленный вопросъ о всеобщности или нѣтъ закона Менделя данъ уже самимъ Менделемъ, и притомъ данъ въ отрицательномъ смыслѣ. Въ первой же статьѣ своей, посвященной описанію опытовъ съ горохомъ, онъ задается вопросомъ о примѣнимости открытой имъ закономѣрности къ другимъ растеніямъ. Нѣсколько опытовъ съ фасолью, въ общемъ, подтверждаютъ результаты, полученные для гороха, но въ частностяхъ заставляютъ Менделя призадуматься. И вотъ, во второй, совсѣмъ коротенькой статьѣ, напечатанной четыре года спустя, онъ сообщаетъ объ опытахъ своихъ надъ Hieracium (ястребинки)—сложноцвѣтными растеніями изъ того же отдѣла, куда относится всѣмъ извѣстный одуванчикъ. Родъ Hieracium одинъ изъ самыхъ полиморфныхъ, какъ выражаются ботаники, и всегда составлялъ камень преткновенія для систематиковъ; это такой хаосъ близкихъ другъ къ другу формъ, связанныхъ всевозможными переходами, что ориентироваться въ немъ въ высшей степени трудно. Но съ

другой стороны именно хаотичностью своею онъ не можетъ не привлекать ученыхъ, интересующихся вопросами видообразованія. Вотъ почему явленія скрещиванія у видовъ Hieracium и возбуждаютъ особенный интересъ. Къ сожалѣнію, по самымъ условіямъ устройства и тѣснаго расположенія цвѣтовъ, собранныхъ въ большомъ числѣ въ такъ называемую корзинку, которая профану кажется однимъ крупнымъ цвѣткомъ, искусственное скрещиваніе сопряжено здѣсь съ огромными трудностями. Съ неимовѣрными усиліями удалось Менделю получить всего шесть различныхъ помѣсей Hieracium, каждую въ двухъ-трехъ экземплярахъ. Но изученіе даже этого ничтожнаго матеріала привело къ интересному и неожиданному результату: получилось нѣчто, можно сказать, прямо противоположное тому, что мы видѣли у гороха. У послѣдняго помѣси представляли полное однообразіе — всѣ экземпляры походили на того изъ родителей, который обладалъ господствующимъ признакомъ; зато потомство было пестрое, вслѣдствіе расщепленія признаковъ. У Hieracium, наоборотъ, сами помѣси, насколько можно было судить по малому числу полученныхъ экземпляровъ, оказались неодинаковыми—одни экземпляры представляли среднее между отцомъ и матерью, другіе стояли ближе къ одному изъ родителей. Зато въ потомствѣ признаки помѣси передавались неизмѣнными—никакого расщепленія или разъединенія признаковъ не замѣчалось.

Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что законъ Менделя примѣнимъ лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ и имѣетъ лишь частное значеніе.

Въ настоящее время представляется возможнымъ, вмѣстѣ съ Корренсомъ, свести разнообразныя явленія, наблюдаемыя по отношенію къ судьбѣ отдѣльныхъ признаковъ при скрещиваніи, къ четыремъ основнымъ типамъ. Но для того, чтобы типы эти стали понятны и для того, чтобы объяснить, почему ихъ именно четыре, нужно выяснить нѣкоторыя основныя положенія. Какъ мы видѣли выше, признаки образуютъ пары: у одной формы—*A*, у другой—*a*, у одной—*B*, у другой—*b* и т. д., причемъ двѣ разныя формы могутъ отличаться другъ отъ друга или въ одной, или, чаще, въ нѣсколькихъ парахъ признаковъ. Изучая результаты скрещиванія двухъ растительныхъ формъ, мы должны строго различать судьбу парныхъ признаковъ при вегетативномъ развитіи помѣси, т.-е. въ первомъ ея поколѣніи, отъ судьбы ихъ послѣ полового размноженія помѣси, т.-е. въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. При вегетативномъ развитіи могутъ быть два случая: или парные признаки оказываются *неравноправными* *) и тогда обыкновенно одинъ

*) Я нарочно употребляю русскіе и притомъ сами собою понятные термины. Въ послѣдніе годы научная литература, особенно благодаря нѣмцамъ, наводнена въ ученіи о помѣсяхъ вереницею новыхъ неудобоваримыхъ терминовъ, изъ которыхъ можно уже составить порядочный лексиконъ: гетеродинамныя, гомодинамныя, анизогонныя, аллеломорфныя, гомеогонныя, гонеоклинныя и т. п.... прелести сыплятся, какъ изъ рога изобилія.

является господствующимъ, а другой подчиненнымъ, какъ мы видѣли это у гороха, или же признаки оказываются *равноправными* и тогда незамѣтно въ помѣси подавленія одного другимъ, а они проявляются оба въ равной степени, какъ, напр., въ томъ случаѣ, когда бѣлый и красный цвѣтокъ при скрещиваніи даютъ розовый; при равноправности признаковъ помѣсь будетъ занимать средину между отцомъ и матерью. Однако, строго говоря, принципіальнаго различія здѣсь нѣтъ. Тщательный анализъ многочисленныхъ накопившихся въ литературѣ данныхъ показалъ, что полное подавленіе одного признака другимъ, въ смыслѣ Менделя, встрѣчается очень рѣдко. Наилучшій разительный примѣръ его мы видѣли въ «ксеніяхъ» кукурузы: при скрещиваніи сахаристаго сорта съ мучнистымъ, въ томъ или въ другомъ ли направленіи—безразлично, получаются сплошь мучнистыя зерна. Здѣсь на сторонѣ мучнистости 100%, а на сторонѣ сахаристости—0%. Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ помѣси обнаруживаются оба признака данной пары съ различною въ разныхъ случаяхъ рѣзкостью. Для удобства согласились въ настоящее время считать признаки неравноправными, когда вліяніе противоположнаго признака не превышаетъ 25%, т.-е. не болѣе одной четверти полнаго подавленія. Такимъ образомъ, если вліяніе матери въ какой-либо парѣ признаковъ лежитъ въ предѣлахъ отъ 0 до 25%, то мы считаемъ помѣсь уродившеюся по отношенію къ данной парѣ признаковъ въ отца; если вліяніе это можно выразить 75—100%, то помѣсь уродилась въ мать; наконецъ, если степень вліянія отца (и матери) лежитъ въ предѣлахъ 25%—75%, то мы считаемъ признаки отца и матери равноправными. Конечно, въ такой оцѣнкѣ масса субъективнаго, такъ какъ точному измѣренію степень вліянія почти никогда не поддается,—приходится судить на глазъ и мысленно переводить полученное впечатлѣніе на проценты. А какъ можетъ ошибаться въ такихъ случаяхъ глазъ, на это въ самое послѣднее время обратилъ вниманіе Корренсъ. Однимъ изъ нагляднѣйшихъ признаковъ является окраска. Между тѣмъ, совершенно упускаютъ изъ виду при сужденіи о яркости окраски, что и къ зрительнымъ ощущеніямъ примѣняется знаменитый законъ Вебера, согласно которому яркость должна возрастать не пропорціонально количеству красящаго вещества, а несравненно медленнѣе. Первый кусокъ сахара въ стаканѣ чая чувствуется рѣзко, второй—уже слабѣе, а прибавка къ семи кускамъ восьмаго пройдетъ совершенно незамѣченною; то же и въ зрительныхъ ощущеніяхъ. Въ «ксеніяхъ» кукурузы, напр., мы видѣли, что фіолетовый сортъ сообщаетъ бѣлому свою окраску, бѣлый же на фіолетовый, повидимому, не вліяетъ. Можно подумать, что это такой же случай подавленія господствующимъ признакомъ подчиненнаго, какъ при скрещиваніи сахаристаго сорта съ мучнистымъ. Между тѣмъ, это не такъ,—подавленіе здѣсь только мнимое. Прибавка хотя бы 10%

сини къ бѣлымъ зернамъ будетъ рѣзко замѣтна на глазъ, но отбавка даже 20% у густосиняго сорта можетъ пройти почти безслѣдно.

Несмотря на всѣ эти ограниченія и на невозможность строго ариѳметическаго учета степени вліянія каждой изъ скрещивающихся формъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что установленіе двухъ категорій признаковъ—равноправныхъ и неравноправныхъ—вполнѣ цѣлесообразно или, по крайней мѣрѣ, полезно при современномъ состояніи науки. Невольно является вопросъ, чѣмъ объясняется господство одного признака надъ другимъ при ихъ столкновеніи въ помѣси, когда мы имѣемъ дѣло съ признаками неравноправными? Обыкновенно считаютъ, что при этомъ главнѣйшую роль играетъ различный возрастъ признаковъ, если можно такъ выразиться; признакъ болѣе древній, унаслѣдованный организмомъ отъ отдаленнѣйшихъ предковъ, беретъ перевѣсъ надъ признакомъ болѣе молодымъ, возникшимъ позже перваго; послѣдній, въ силу своей древности, успѣлъ окрѣпнуть и пріобрѣсть бо́льшую стойкость. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это толкованіе несомнѣнно вѣрно и оправдывается неоспоримыми фактами, но гораздо чаще оно является чисто гипотетическимъ, такъ какъ мы обыкновенно не знаемъ навѣрное, который изъ двухъ признаковъ данной пары старше, который моложе. Тѣмъ не менѣе объясненіе это представляется намъ настолько вѣроятнымъ, что мы склонны пользоваться скрещиваніемъ для опредѣленія неизвѣстнаго намъ относительнаго возраста признаковъ. Такъ поступилъ, напр., Римпау въ своихъ опытахъ надъ скрещиваніемъ сортовъ нашихъ культурныхъ хлѣбныхъ злаковъ: основываясь на томъ, что при взаимодѣйствіи остистаго (усатаго) сорта и безостнаго всегда получается безостная помѣсь, онъ пришелъ къ заключенію, что первоначальная форма была лишена остей.

И такъ, при вегетативномъ развитіи помѣси соединившіеся въ ней противоположные признаки могутъ оказаться или неравноправными, или равноправными. Если теперь помѣсь той или другой категоріи приступаетъ къ размноженію, путемъ образованія половыхъ элементовъ; то, какъ показываетъ анализъ потомства, также наблюдаются два различныхъ случая: признаки данной пары либо оказываются *разъединяющимися* (во второмъ поколѣніи), какъ мы видѣли это у гороха, либо *неразъединяющимися*, т.-е. передающимися и далѣе въ томъ же видѣ, въ какомъ они обнаруживались въ первомъ поколѣніи.

Теперь понятно, что теоретически, по крайней мѣрѣ, возможны четыре комбинаціи: 1) признаки неравноправны и разъединяются, 2) признаки неравноправны и не разъединяются, 3) они равноправны и разъединяются, 4) они равноправны и не разъединяются. Всѣ эти четыре типа оказываются существующими и въ дѣйствительности.

Первый типъ можно назвать типомъ гороха. Сюда относятся всѣ случаи, къ которымъ вполнѣ примѣнимъ законъ Менделя. Первое поколѣніе однообразно и обнаруживаетъ лишь господствующій признакъ,

но, начиная со второго, появляется и подавленный подчиненный признакъ причемъ устанавливается извѣстное уже намъ отношеніе 3 : 1.

Во второмъ типѣ мы имѣемъ признаки неравноправные и неразъединяющіеся. Сюда относятся въ высшей степени любопытные случаи, когда помѣсь ни въ первомъ, ни въ послѣдующихъ поколѣніяхъ не производитъ вовсе впечатлѣнія помѣси, такъ какъ на первый взглядъ она не отличима отъ одной изъ родительскихъ формъ. Этотъ типъ можно назвать типомъ земляники *). Въ 1894 году французскій ботаникъ Миллярдэ напечаталъ въ мемуарахъ естественно-историческаго общества въ городѣ Бордо, гдѣ онъ профессорствовалъ, замѣчательную статью о «ложныхъ помѣсяхъ». Съ нимъ повторилась въ миніатюрѣ исторія Менделя—статья прошла почти незамѣченною и даже не попала въ «Ежегодникъ ботанической литературы», издаваемый съ 1873 года въ педантически аккуратной Германіи. А между тѣмъ статья эта въ высокой степени замѣчательна. Авторъ скрещивалъ между собою различные сорта земляники, причемъ каждый разъ скрещиваемыя формы принадлежали къ двумъ ботанически различнымъ видамъ рода Fragaria. Помѣси получились однообразныя, обыкновенно сплошь въ мать, но въ нѣкоторыхъ, болѣе рѣдкихъ случаяхъ, напротивъ, сплошь въ отца, и въ потомствѣ онѣ не измѣнялись, за исключеніемъ одного единственнаго экземпляра, который вышелся въ отца, когда всѣ прочіе были въ мать. Только по ослабленной плодовитости, по неразвитіи пыльцы можно было признать ихъ за помѣси, а не за чистыя формы. Особенно убѣдительны тѣ, какъ сказано, болѣе рѣдкіе случаи, когда помѣсь выходитъ въ отца, такъ какъ тутъ устраняются всякія сомнѣнія. Напротивъ, когда потомство урождается въ мать, всегда возможно сомнѣніе, дѣйствовалъ ли вообще отецъ и нѣтъ ли здѣсь признаковъ т. наз. партеногенеза, когда новое поколѣніе развивается изъ материнскаго безъ всякаго участія полового акта. Такія же «ложныя помѣси» существуютъ, по Миллярдэ, у винограда (Vitis) и малины (Rubus).

Третій типъ обнимаетъ тѣ случаи, когда признаки оказываются равноправными, но разъединяющимися при размноженіи. Корренсъ называетъ его типомъ кукурузы. Въ первомъ поколѣніи помѣсь занимаетъ здѣсь средину между обѣими родительскими формами или болѣе или менѣе приближается къ одной изъ нихъ, во второмъ же получается, какъ и въ первомъ типѣ (гороха), $A + 2Aa + a$. Но разница въ томъ, что тамъ нельзя по внѣшности отличить A отъ Aa, такъ какъ a при A не обнаруживается и, слѣдовательно, получается отношеніе 3 (A) къ 1 (a); здѣсь же въ потомствѣ непосредственно замѣтны всѣ три сорта экземпляровъ — A (скажемъ) въ отца, a — въ мать и Aa—промежуточные, какъ въ первомъ поколѣніи, съ призна-

*) Корренсъ называетъ его типомъ фасоли, хотя у послѣдней лишь нѣкоторые изъ признаковъ принадлежатъ къ этому типу.

ками средними между отцовскими и материнскими. Далѣе все идетъ согласно съ закономъ Менделя.

Четвертый типъ—это типъ Hieracium; признаки здѣсь равноправны и не разъединяются. Въ первомъ поколѣніи помѣсь занимаетъ середину между отцомъ и матерью или приближается къ одной изъ родительскихъ формъ, а въ послѣдующихъ поколѣніяхъ не измѣняется. Этотъ типъ приводитъ, слѣдовательно, къ образованію новыхъ и вполнѣ постоянныхъ формъ, тогда какъ въ остальныхъ трехъ типахъ мы видимъ постепенное возвращеніе къ одной изъ родительскихъ формъ, а во второмъ типѣ даже первое поколѣніе не отличимо отъ матери или отца. Такимъ образомъ типъ Hieracium скорѣе всякаго другого можетъ послужить источникомъ для образованія новыхъ формъ; въ случаѣ полной ихъ плодовитости онѣ могутъ считаться новыми видами. Въ настоящее время большинство ученыхъ придерживается того взгляда, что если скрещиваніе, съ одной стороны, является могущественнымъ факторомъ для поддержанія существующихъ уже формъ въ надлежащей чистотѣ, стирая возникающія уклоненія отъ нормы, то, съ другой стороны, оно можетъ являться также источникомъ возникновенія новыхъ формъ, источникомъ видообразованія; спорятъ лишь о томъ, какъ велико значеніе скрещиванія въ этомъ отношеніи: одни видятъ въ немъ чуть ли не главный факторъ видообразованія, другіе считаютъ его вліяніе совершенно второстепеннымъ. Къ типу Hieracium принадлежатъ также ивы (Salix), которыя весьма легко скрещиваются между собою, какъ давно извѣстно изъ знаменитыхъ опытовъ Вихуры, которому удавалось послѣдовательнымъ опыленіемъ соединить до шести различныхъ видовъ ивы въ одной помѣси. Подобно ястребинкамъ, ивы также представляютъ крайне запутанную въ систематическомъ отношеніи группу. Случайное ли это совпаденіе, или явленіе, вызванное именно принадлежностью къ четвертому типу скрещиванія, пока сказать трудно за недостаткомъ фактическаго матеріала, хотя причинная связь представляется весьма вѣроятною.

Необходимо имѣть въ виду, что четыре указанныхъ типа могутъ между собою различнымъ образомъ комбинироваться. Совершенно неправильно было бы думать, что каждое растеніе должно во всѣхъ своихъ признакахъ цѣликомъ слѣдовать одному изъ четырехъ типовъ. Напротивъ, въ этомъ отношеніи признаки могутъ обнаруживать полную самостоятельность: въ одномъ и томъ же растеніи одни изъ его признаковъ могутъ при скрещиваніи слѣдовать одному, другіе — другому типу. Даже у гороха, наиболѣе яркаго представителя перваго, менделевскаго типа, впослѣдствіи найдены были такіе признаки (напр., время цвѣтенія), которые оказались равноправными. Кукуруза, напр., принадлежитъ къ третьему типу, но лишь по большинству своихъ признаковъ, химическій же составъ бѣлка слѣдуетъ закону Менделя. Мы видѣли, что мучнистость у кукурузы совершенно подавляетъ сахари-

стость при скрещиваніи: всѣ зерна оказываются мучнистыми, но въ слѣдующемъ поколѣніи лишь $^3/_4$ зеренъ будутъ мучнистыми, а $^1/_4$ возвращается къ сахаристости. Вотъ отчего такъ важно тщательное, кропотливое изученіе судьбы каждаго отдѣльнаго признака при скрещиваніи какъ въ первомъ поколѣніи, такъ и въ потомствѣ, — важное нововведеніе современной гибридологіи. Если, напр., мы говоримъ, что такая-то помѣсь или такой-то экземпляръ помѣси вышелъ весь въ отца, то болѣе тщательный анализъ сплошь и рядомъ показываетъ, что это лишь результатъ общаго впечатлѣнія, суммированія отдѣльныхъ признаковъ, среди которыхъ могутъ оказаться и чисто материнскіе.

Вообще говоря, при скрещиваніи противоположные признаки той же пары вступаютъ въ самую тѣсную связь между собою, какъ бы сливаются другъ съ другомъ, причемъ въ результатѣ сліянія является либо болѣе, либо менѣе рѣзко выраженное господство одного надъ другимъ, либо нѣчто среднее между обоими. Но въ нѣкоторыхъ, сравнительно очень рѣдкихъ случаяхъ противоположные признаки отца и матери являются въ помѣси раздѣльными, рядомъ, не слитыми, а лишь смѣшанными или стасованными, — кусокъ въ отца, кусокъ въ мать. При скрещиваніи, напр., двухъ формъ, изъ которыхъ одна имѣетъ бѣлые, а другая—красные цвѣты, могутъ получаться, при неравноправности, красные или (рѣже) бѣлые, а при равноправности розовые цвѣты, но иногда наблюдаются полосатые или вообще пестрые: одинъ кусокъ красный, другой бѣлый. Явленіе это называютъ *мозаичностью*. Мы встрѣтились уже съ нимъ, говоря о «ксеніяхъ» кукурузы: при скрещиваніи бѣлаго или желтаго сорта съ синимъ часто получаются зерна съ синими крапинами по бѣлому или желтому фону.

Но всего поразительнѣе случаи, когда въ результатѣ скрещиванія двухъ признаковъ является нѣчто совершенно новое—ни въ мать, ни въ отца. Такъ, при скрещиваніи бѣлоцвѣтныхъ сортовъ Mirabilis Jalapra съ желтоцвѣтными сортами того же вида регулярно получаются помѣси съ красными или, по крайней мѣрѣ, розовыми цвѣтами. Въ противоположность прежнимъ воззрѣніямъ, мы въ настоящее время весьма неохотно допускаемъ возникновеніе чрезъ скрещиваніе какихъ-либо признаковъ, не существовавшихъ у коренныхъ родительскихъ формъ и не представляющихъ комбинаціи соотвѣтствующихъ признаковъ отца и матери, и стараемся дать подобнаго рода фактамъ какое-либо другое объясненіе. Въ приведенномъ примѣрѣ Mirabilis можно прибѣгнуть къ такъ называемому атавизму. И бѣлые, и желтые сорта Mirabilis одинаково произошли отъ коренной формы, имѣющей красные цвѣты, и вотъ при взаимномъ скрещиваніи ихъ наблюдается возвращеніе къ предкамъ: помѣсь выливается не въ мать и не въ отца, а, такъ сказать, въ прадѣда. Въ другихъ случаяхъ, однако, подобное объясненіе атавизмомъ представляется не только вполнѣ гипотетическимъ, но и мало вѣроятнымъ. Вообще здѣсь, какъ и во всей

области гибридологіи, еще масса темнаго, невыясненнаго, но чувствуется, что мы бродимъ около чего-то очень крупнаго.

Неразъясненнымъ представляется въ настоящее время капитальный вопросъ о томъ, почему въ однихъ случаяхъ наблюдается подавленіе признака другимъ, тогда какъ въ другихъ случаяхъ оба признака данной пары оказываются равноправными, въ особенности же почему въ потомствѣ то происходитъ разъединеніе противоположныхъ признаковъ, то нѣтъ. Прежде чѣмъ отвѣчать на вопросъ «почему», необходимо было бы установить, «когда» бываетъ разъединеніе и когда нѣтъ, а для этого наличный фактическій матеріалъ еще слишкомъ скуденъ. Нѣкоторые думаютъ, что законъ Менделя примѣнимъ лишь къ формамъ, очень между собою близкимъ, къ сортамъ того же вида, вообще къ мелкимъ видоизмѣненіямъ, а не примѣнимъ къ скрещиванію настоящихъ систематическихъ единицъ—настоящихъ видовъ или даже болѣе мелкихъ—постоянныхъ разновидностей. И вотъ, имъ мерещится возможность путемъ скрещиванія установить, наконецъ, въ точности границы вида, осуществить завѣтную мечту громаднаго большинства систематиковъ не только стараго, но и новаго закала. Де-Фризъ построилъ даже оригинальную теорію для объясненія того, почему признаки то разъединяются, то нѣтъ. Легкія видоизмѣненія возникаютъ постоянно въ силу свойственной организмамъ измѣнчивости и въ этихъ случаяхъ мы всегда имѣемъ менделевскія «пары» признаковъ. Но, вопреки Дарвину, де-Фризъ полагаетъ, что новые виды возникаютъ не этимъ путемъ плавной варіаціи, а скачками; внезапно выскакиваетъ совершенно новый признакъ, ему нѣтъ парнаго, разъединяться нечему, и новый признакъ цѣликомъ передается потомству. Объясненіе, не лишенное остроумія, но весьма неправдоподобное. Трудно представить себѣ такой признакъ, который не имѣлъ бы себѣ соотвѣтствующаго парнаго: уже самое отсутствіе даннаго признака составляетъ пару съ его присутствіемъ, поэтому объясненіе де-Фриза, на мой взглядъ, не болѣе, какъ игра словъ, и опредѣленіе границы вида остается попрежнему... мечтою. Мечты, мечты! Суждено ли вамъ когда осуществиться?

Увидавъ, что дѣло подходитъ совсѣмъ къ концу, читатель, можетъ быть, воскликнетъ: «Какъ? Это все? А гдѣ же обѣщанныя попутныя экскурсіи въ область зоологіи? Гдѣ же сущность полового акта? Куда дѣвался партеногенезъ»? И т. д.

Я чувствую смущеніе. Какъ человѣкъ по природѣ смирный, я не прибѣгну къ классической въ нашей литературѣ салфеткѣ Чернышевскаго, а скажу скромно: «Очерки по вопросамъ и т. д.» кончились, но вѣдь могутъ быть и «Новые очерки по вопросамъ и т. д.», благо наука безконечна. Только я сказалъ — могутъ быть, а будутъ ли... поживемъ, увидимъ.

ЖЕНСКІЙ СВОБОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

(Къ 25-ти-лѣтію Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ С.-Петербургѣ).

Его еще нѣтъ, но его хотѣли создать, и въ принципѣ онъ уже существуетъ: результатомъ стремленія къ созданію у насъ «Женскаго университета» и являются пока Высшіе Женскіе Курсы. Они учреждены были въ Петербургѣ 25 лѣтъ тому назадъ и возникли по частной иниціативѣ общества, содержались и отчасти еще содержатся на частныя средства, при весьма небольшой правительственной субсидіи. Они, очевидно, подчинены контролю правительства, но являются свободнымъ учрежденіемъ, такъ какъ ни учащимъ, ни учащимся не предоставлено служебныхъ правъ, ни пенсій, ни чиновъ. Ихъ цѣль—чисто образовательная. Занятія на Высшихъ Курсахъ—строго академическаго характера и по типу университетскаго преподаванія. Они чужды прикладныхъ, профессіональныхъ задачъ и призваны только удовлетворять духовному запросу женщинъ къ высшему научному образованію, къ тому, чтобы научиться самостоятельному труду въ великой «лабораторіи знанія», проникнуться «научнымъ духомъ» и получить доступъ,—тѣмъ, у которыхъ окажется къ этому дѣйствительное призваніе,—къ спеціальнымъ работамъ на поприщѣ науки. По замыслу и по характеру постановки преподаванія, Высшіе Курсы отвѣчаютъ вполнѣ задачамъ «Женскаго Университета». Чтобы стать въ настоящемъ смыслѣ «университетомъ», Курсамъ недостаетъ лишь немногаго, хотя и довольно существеннаго: правъ свободнаго умноженія предметовъ научнаго преподаванія, въ соотвѣтствіи съ понятіемъ universitas litterarum, и соотвѣтствующаго устава, представляющаго слушательницамъ права на высшія научныя степени. Всякія другія права и прерогативы (служебныя, чины, доступъ къ той или другой дѣятельности) не связаны неразрывными узами съ понятіемъ «университета». Разрѣшеніе на открытіе новыхъ каѳедръ можетъ быть испрошено, а если проектируемый уставъ признаетъ за коллегіей преподавателей на Женскихъ Курсахъ значеніе научной корпораціи, то тѣмъ самымъ оправдается и другое, первоначальное значеніе—universitas—на почвѣ новоевропейской культуры, такъ какъ это слово именно употреблялось въ значеніи «общества», корпораціи (вспомнимъ universitas civium—городская коммуна и т. п.). И то, и другое условіе—достижимое. Поэтому, говоря о Высшихъ Женскихъ Курсахъ, съ точки зрѣнія ихъ основного характера и преслѣдуемой ими цѣли—безкорыстныхъ занятій наукой,—мы можемъ имѣть въ

виду «Женскій университетъ», къ которому сводятся давнія завѣтныя стремленія иниціаторовъ и организаторовъ дѣла.

Но почему потребовалось отдѣльное учрежденіе у насъ именно для женщинъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ послужить исторія возникновенія и дѣятельности Общества для доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ въ Петербургѣ, изложенная въ интересномъ и содержательномъ очеркѣ, составленномъ А. Н. Анненской, бывшей первымъ секретаремъ названнаго Общества, въ только что изданной его Комитетомъ книгѣ «Очерковъ и матеріаловъ» по исторіи курсовъ за 25 лѣтъ *). Исторія эта, конечно, начинается задолго до отмѣченной четверти вѣка и, не прибѣгая къ искусственнымъ дѣленіямъ, мы можемъ признать въ ней три главныхъ момента, или три періода, на которые она естественнымъ образомъ распадается. Первый періодъ—подготовительный, самый значительный и по времени, и по своимъ глубокимъ привязямъ къ общей исторіи русской образованности въ XIX-мъ вѣкѣ. Его начала относятся еще къ половинѣ прошлаго столѣтія, и если генезисъ женскаго движенія, вообще, можетъ быть еще дальше отодвинутъ, теряясь въ различныхъ извилинахъ, протокахъ, рѣчкахъ и родникахъ общаго движенія къ сознательной, индивидуально-свободной жизни русскаго общества, то ближайшимъ образомъ починъ къ правильной постановкѣ женскаго образованія и признанію правъ женщины на высшую интеллектуальную жизнь, можно связать, какъ это справедливо указано авторомъ «историческаго очерка», съ великимъ и дорогимъ для всѣхъ поборниковъ истинной образованности именемъ Н. И. Пирогова. Его статья, написанная еще въ 1856 г. и, оригинальнымъ образомъ, помѣщенная въ «Морскомъ Сборникѣ» **), подъ заглавіемъ «Вопросы жизни», къ которому Пироговъ вернулся и впослѣдствіи, когда принялся писать дневникъ (съ 1879 г.), «читалась нарасхватъ. Идея, положенная въ основѣ ея, — цѣль воспитанія есть развитіе самостоятельности ума и воли, развитіе внутренняго человѣка,— встрѣчала общее сочувствіе», пишетъ г-жа Анненская. Можетъ быть, вначалѣ сочувствіе и не было столь «общимъ», но правильная идея должна была все же, въ концѣ концовъ, одержать верхъ. Минуя пока различные фазисы въ этомъ подготовительномъ періодѣ, примемъ за его конечную дату годъ учрежденія Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Петербургѣ и одновременно—Общества доставленія средствъ Курсамъ, т.-е. 1878 годъ. Слѣдующій періодъ устанавливается со дня открытія и по обнародованіе распоряженія о временномъ прекращеніи пріема слушательницъ на Курсы и организаціи правительственной Коммиссіи, которой было поручено, на ряду съ вопросами о среднемъ женскомъ образованіи, также разсмотрѣть вопросъ о Высшихъ Женскихъ Курсахъ. Это случилось въ 1886 году и въ теченіе трехъ лѣтъ съ каждымъ выпускомъ все уменьшающееся число слушательницъ, не восполняемыхъ новыми наборами, пред-

*) Высшіе Женскіе Курсы за 25 лѣтъ (1878 — 1903 гг.). „Очерки и Матеріалы“. Изданіе Комитета Общества для доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ, со многими рисунками. Спб. 1903.

**) Нынѣ перепечатана въ первомъ томѣ собранія „Сочиненій Н. И. Пирогова“. Спб. 1900 г.

ставляло грустную и тревожную картину замиранія великаго предпріятія, на которое было затрачено столько силъ, труда и матеріальныхъ средствъ, добровольно пожертвованныхъ, въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ,—единицами, сотнями и тысячами лицъ со всѣхъ концовъ Россіи. Но дѣло не погибло: черезъ три года, а именно съ января 1889 года, вновь послѣдовало разрѣшеніе пріема слушательницъ на Курсы, которымъ даны «Временныя правила», и, такимъ образомъ, наступилъ съ тѣхъ поръ и продолжается по сіе время третій періодъ исторіи Курсовъ. Его можно будетъ счесть законченнымъ, когда, какъ твердо надѣются стоящіе во главѣ дѣла и участники совѣта преподавателей, Курсамъ данъ будетъ окончательный уставъ, согласный ихъ основной цѣли и характеру высшаго учебнаго заведенія, по программамъ университетскаго преподаванія.

Внутри каждаго изъ намѣченныхъ періодовъ—цѣлый рядъ промежуточныхъ фазисовъ, сложная, по временамъ захватывающая, полная интереса исторія, какъ сравнительно небольшая группа лицъ, съ самаго начала взявшаяся за осуществленіе огромнаго дѣла, боролась со всевозможными затрудненіями, опасностями и преградами всякаго рода. Мы не имѣемъ въ виду здѣсь подробно пересказывать этой исторіи, которая изложена въ упомянутомъ очеркѣ. Ограничимся нѣсколькими эпизодами, представляющими особый интересъ, и вернемся къ вопросу—почему же для женщинъ потребовался *особый* университетъ? Былъ моментъ, когда, казалось, въ этомъ не представится надобности, и у насъ, также какъ теперь почти во всѣхъ странахъ Западной Европы и Америки, женщины и дѣвушки, стремящіяся къ высшему образованію, казалось, будутъ просто допускаемы въ университеты, на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ принимаются и студенты. Дѣйствительно, въ концѣ 50-хъ годовъ женщинамъ были открыты двери для слушанія лекцій въ университетѣ. Онѣ вошли вмѣстѣ съ вольнослушателями, въ пріемѣ которыхъ не дѣлалось тогда никакихъ стѣсненій, и допускались даже просто постороннія лица—чиновники, офицеры, священники, безъ различія званія и профессій. Лекціи въ университетѣ дѣлались какъ бы публичными, по образцу практикующихся и понынѣ во Франціи leçons publiques въ Сорбоннѣ, въ Collége de France и нѣкоторыхъ другихъ высшеучебныхъ заведеніяхъ. Но такое положеніе дѣлъ продолжалось нѣдолго. Въ 1861 г. была образована коммиссія по пересмотру университетскаго устава и, въ числѣ прочихъ, въ этой коммиссіи разсматривался вопросъ: могутъ ли лица женскаго пола, и на какихъ условіяхъ, быть допускаемы къ слушанію университетскихъ лекцій совмѣстно со студентами, а затѣмъ—къ испытанію на ученыя степени? Вопросъ былъ рѣшенъ отрицательно. Однако, черезъ годъ, казалось, открылся новый путь: по почину знаменитаго нашего историка Н. И. Костомарова, въ 1862 году возникъ такъ названный—«Вольный университетъ», для слушателей обоего пола. Но онъ просуществовалъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Снова наступилъ значительный перерывъ. Въ 1867 году извѣстная переводчица и писательница Евгенія И. Конради подала весьма дѣльно и обстоятельно составленную записку въ Съѣздъ естествоиспытателей въ Петербургѣ, доказывая необходимость доставить женщинамъ доступъ къ

высшему образованію. Записка была заслушана на одномъ изъ засѣданій Съѣзда, но не привела тотчасъ же къ какимъ-либо практическимъ результатамъ. Она послужила лишь знакомъ, что въ женщинѣ не ослабѣло стремленіе къ свѣту знанія и что, какъ бы ей ни загораживали пути, она будетъ настаивать на своемъ. Дѣйствительно, точно по призыву, вслѣдъ за запиской г-жи Конради стали подаваться съ разныхъ сторонъ и въ разныя учрежденія заявленія отъ женщинъ, за сотнями подписей, все съ той же неизмѣнной просьбой «поднять уровень женскаго образованія вообще» и дать имъ возможность усвоить методы строго-научнаго знанія. При сочувственномъ отношеніи профессоровъ университета, президента и профессоровъ Медицинской Академіи, послѣ многихъ ходатайствъ и просьбъ, удалось достичь лишь организаціи болѣе или менѣе систематическихъ публичныхъ чтеній, которыя открылись въ 1869 году въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Странное недоразумѣніе преслѣдовало энергичные и настойчивые шаги женщинъ къ ихъ завѣтной цѣли—получить возможность пріобрѣсти университетское образованіе: то, допустивъ ихъ къ слушанію лекцій въ университетѣ, ихъ оттуда удаляютъ, настаивая на неудобствѣ совмѣстныхъ занятій лицъ обоего пола; то, наоборотъ, по мнѣнію бывшаго министра народнаго просвѣщенія, гр. Д. А. Толстого, теперь оказывается, что устройствомъ курсовъ для лицъ обоего пола «уничтожается характеръ той *отдѣльности* (курс. нашъ) женскаго образованія, который желали бы придать ему просительницы» (стр. 39). Пока усилія русскихъ женщинъ, желавшихъ именно не «отдѣльности», а равенства въ дѣлѣ высшаго образованія, получили какъ бы духовную санкцію лишь въ письмѣ Джона Стюарта Милля, обращенномъ къ «дамамъ учредительницамъ высшаго образованія въ С.-Петербургѣ». «Равноправность обоихъ половъ въ дѣлѣ умственнаго развитія, писалъ Джонъ Стюартъ Милль,—имѣетъ значеніе не только для женщинъ, что было бы достаточнымъ основаніемъ и само по себѣ, но и для всей цивилизаціи. Я глубоко убѣжденъ, что нравственное и умственное развитіе мужского пола легко можетъ остановиться или пойти назадъ, если развитіе женщинъ будетъ сильно отставать»... Да, женскій вопросъ, какъ неоднократно уже повторялось, есть и мужской вопросъ и даже болѣе того—это есть просто *человѣческій* вопросъ.

И сколько времени это приходилось, да иногда еще приходится доказывать, несмотря на всю его элементарность съ точки зрѣнія общей справедливости и правъ каждой отдѣльной личности на самостоятельное значеніе. Съ организаціей «публичныхъ курсовъ», университетскаго типа, недоразумѣнія продолжались: раньше совѣтъ профессоровъ выражалъ готовность принять на себя устройство учебной части курсовъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы «эти курсы не имѣли характера популярнаго, а были бы цѣльными, правильными курсами». Проф. А. Н. Бекетовъ, одинъ изъ раннихъ и наиболѣе ревностныхъ поборниковъ высшаго женскаго образованія для женщинъ, еще въ 60-хъ годахъ отстаивалъ, вмѣстѣ съ другими, предоставленіе возможности женщинамъ пройти именно строго-систематическую научную школу; цѣлая группа женщинъ, соединившись около настоящихъ піонерокъ всего движенія, — широко извѣстныхъ нынѣ, незабвенной у всей учащейся молодежи памяти,—Надежды

Вас. Стасовой и Марьи В. Трубниковой,—наперекоръ этимъ какъ бы вождямъ движенія даже отказывались отъ предложеннаго компромисса: вмѣсто «университета»—публичные курсы. Если Н. В. Стасова и М. В. Трубникова сами пошли на уступку, такъ это лишь въ виду соображенія, что лучше пока остановиться на меньшемъ, чѣмъ совсѣмъ ничего не имѣть. И вотъ теперь, когда компромиссъ состоялся, петербургскій оберъ-полицеймейстеръ генералъ Треповъ ставитъ въ укоръ незадолго передъ тѣмъ открытымъ курсамъ, что они—«въ педагогическомъ, или, лучше сказать, въ образовательномъ смыслѣ лишены всякаго значенія». Нѣтъ гармоніи въ преподаваніи: «на ряду съ химіей и физіологіей читаются государственное и уголовное право, а на ряду съ ними—словесность. Такимъ образомъ, три факультета соединяются въ одинъ, а отъ каждаго читаются лишь предметы, для которыхъ нашелся свободный профессоръ»... Оставляя въ сторонѣ другія обвиненія, возбужденныя генераломъ Треповымъ противъ курсовъ, замѣтимъ, что онъ выказывалъ себя, съ одной стороны, весьма строгимъ блюстителемъ вполнѣ систематическаго научнаго знанія, т.-е. того именно, чего съ самаго начала женщины добивались, но до чего ихъ не допускали, а съ другой стороны — онъ приходилъ къ обратному выводу, чѣмъ гр. Д. А. Толстой, мнѣніе котораго было выше приведено, обратному на томъ основаніи, что генералъ Треповъ утверждалъ, «что совмѣстность (лицъ обоего пола) нигдѣ въ высшихъ и даже элементарныхъ хорошо организованныхъ школахъ не допускается». Стало быть, нужно было «раздѣлиться» и, въ концѣ концовъ, если оставаться при первоначальной цѣли, за отказомъ получить доступъ въ общій университетъ, постараться создать «женскій» университетъ.

Въ Западной Европѣ въ то время уже господствовала другая точка зрѣнія и одни за другими открывали гостепріимно доступъ женщинамъ университеты въ Италіи, Франціи, Англіи, Швейцаріи, Германіи и т. д. Русскимъ женщинамъ, при желаніи настоять на своемъ, оставался одинъ исходъ—ѣхать за границу, мужественно выдерживать назначенныя тамъ испытанія на общемъ положеніи, и добиваться признанія и удовлетворенія своему духовному запросу. Многія на это пошли, несмотря на трудности и затраты, съ которыми были сопряжены поѣздка и продолжительное пребываніе за границей. Движеніе стало принимать массовой характеръ, и особая Коммиссія, состоявшая изъ двухъ министровъ и главнаго начальника отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, пришла къ заключенію о необходимости принять мѣры къ пресѣченію этого отлива русскихъ дѣвушекъ и женщинъ въ иностранные университеты. Въ результатѣ совѣщаній явился проектъ учрежденія въ Россіи высшихъ учебныхъ заведеній, но пока лишь—«по образцу высшихъ женскихъ училищъ въ Берлинѣ». Въ Москвѣ, въ 1871 г., возникли «первые по времени систематическіе женскіе курсы съ университетскимъ преподаваніемъ, правда, не факультетскаго, но общеобразовательнаго характера»—по плану проф. Герье и подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ. Черезъ годъ (1872 г.) открыты были въ Петербургѣ медицинскіе курсы для женщинъ (въ нынѣшнемъ году было торжественно отпраздновано 25-ти лѣтіе перваго выпуска женщинъ-врачей), но вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи по другимъ отраслямъ знанія

все еще оставался на стадіи допущенныхъ «популярныхъ» чтеній. Такіе курсы были открыты и въ Петербургѣ; они помѣщались въ зданіи Владимірскаго училища, вслѣдствіе чего и получили названіе «Владимірскихъ курсовъ», а параллельно имъ, но съ болѣе элементарнымъ характеромъ, возникли и такъ называемые «Аларчинскіе курсы». Все это были лишь суррогаты настоящихъ, систематическихъ занятій. Только въ 1873 году объявлено было въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» (отъ 21-го мая) оффиціальное заявленіе, что въ виду нежелательности все возростающаго числа русскихъ дѣвушекъ и женщинъ, уѣзжающихъ за высшимъ образованіемъ въ заграничные университеты, при тѣхъ или иныхъ семейныхъ обстоятельствахъ, правительство, уже учредивъ особые педагогическіе курсы, разрѣшивъ въ Петербургѣ и Москвѣ «особые курсы, читаемые профессорами университета въ объемѣ университетскаго образованія», допустивъ курсы для приготовленія «ученыхъ акушерокъ» при Императорской медико-хирургической академіи,—озабочено составленіемъ проекта учрежденія высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній съ строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ, первоначально въ Петербургѣ и Москвѣ, а затѣмъ, по мѣрѣ изысканія средствъ, и въ другихъ университетскихъ городахъ». Пока разрабатывался этотъ проектъ—уже существовавшіе въ Петербургѣ общеобразовательные курсы, лишенные нерва и цемента прочнаго, вполнѣ цѣлесообразно организованнаго учрежденія, стали приходить въ упадокъ, и въ 1875 г. «распорядительницы лекцій, по совѣщанію съ профессорами, рѣшили на время пріостановить чтенія». Въ слѣдующемъ году, по докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше утвержденному, предоставлено было право министру открывать высшіе женскіе курсы въ университетскихъ городахъ при содѣйствіи профессоровъ университета. При этомъ сдѣланы были нѣкоторыя ограниченія, но даннымъ правомъ всеже поспѣшили воспользоваться профессора разныхъ университетовъ—Кіевскаго, Казанскаго, Московскаго и Петербургскаго. «Только черезъ два слишкомъ года послѣ подачи перваго прошенія объ учрежденіи Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Петербургѣ,—пишетъ г-жа Анненская,—уставъ ихъ былъ утвержденъ Министерствомъ, и въ маѣ 1878 г. отъ попечителя петербургскаго округа послѣдовало разрѣшеніе на открытіе ихъ».

Курсы были основаны, но какъ и на что имъ было существовать? Все безкорыстіе профессоровъ и любезность, съ которой предоставлялось даровое помѣщеніе Курсамъ для вечернихъ лекцій въ зданіи женской гимназіи (на Гороховой), были безсильны противъ печальной наличности денежныхъ средствъ: остатокъ отъ Владимірскихъ и Аларчинскихъ Курсовъ равнялся 222 руб. 35 коп.! И съ этой ничтожной суммой затѣянъ былъ первый «женскій университетъ». Это казалось абсурдомъ, а теперь, при наличности у Общества доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ милліоннаго состоянія, частью въ домахъ и въ движимомъ имуществѣ, частью въ процентныхъ бумагахъ, при годовомъ бюджетѣ въ суммѣ около 120 тыс. руб., при томъ, что за минувшіе 25 лѣтъ Обществомъ израсходовано было около двухъ съ половиной милліоновъ—это внезапное богатство изъ ничего представляется какимъ-то сказочнымъ, явившимся какъ бы по волшебству кудесника. Кто же былъ этимъ кудесникомъ? Да не кто иной,

какъ группа первыхъ учредительницъ Общества, возникшаго одновременно съ учрежденіемъ Курсовъ въ 1878 г., по иниціативѣ А. П. Философовой, при дѣятельномъ участіи покойныхъ Н. В. Стасовой, О. Н. Рукавишниковой, О. А. Мордвиновой, С. В. Ковалевской, А. Я. Гердтъ, А. Н. Страннолюбскаго и понынѣ здравствующихъ его членовъ. Необходимо было создать это Общество: на огонекъ стали стекаться средства со всѣхъ концовъ Россіи, такъ какъ все русское общество признавало огромное значеніе создаваемаго учрежденія, необходимость обезпечить его, поставивъ въ независимыя матеріальныя условія, создать ему прочный фундаментъ, который дѣйствительно предохранилъ его впослѣдствіи отъ опасности потерпѣть новое крушеніе. Съ передовыми дѣятелями движенія сознали свою солидарность всѣ просвѣщенные и жаждущіе просвѣщенія русскіе люди и началась гигантская постройка зданія, въ сооруженіи котораго всѣ они пожелали принять участіе въ большей и меньшей степени, по мѣрѣ силъ и средствъ.

Конечно, все это не такъ просто сдѣлалось и не такъ легко, какъ у сказочнаго кудесника, которому достаточно махнуть палочкой. Средства средствами, а Комитету Общества приходилось выдерживать и другого рода борьбу, преодолѣвать новыя и новыя затрудненія, чтобы сохранить отъ гибели долго лелѣемое въ мечтѣ и, наконецъ, осуществляемое, но еще не вполнѣ осуществленное, согласно идеальной задачѣ, учрежденіе.

Съ его оффиціальнымъ основаніемъ, подъ эгидой проф. К. Н. Бестужева-Рюмина, по указанію министра народнаго просвѣщенія, настаивавшаго на томъ, чтобы Курсы считались частнымъ учрежденіемъ, мы вступаемъ во 2-ой періодъ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи. Намъ приходится считаться уже съ «учрежденіемъ», а не съ отдѣльными попытками создать тотъ или другой суррогатъ для удовлетворенія стремленію женщинъ къ наукѣ и образованности. И учрежденіе это, какъ было указано, всецѣло обязано своимъ происхожденіемъ пробужденному сознанію русскаго общества; оно вышло изъ нѣдръ самого общества, а не было ему дано извнѣ. Въ исторіи цивилизаціи, вообще, усматривается неоднократное чередованіе мѣропріятій, то даваемыхъ «сверху внизъ», т.-е. по иниціативѣ правительственныхъ и правящихъ лицъ, обществу, то лишь санкціонирующихъ оффиціальнымъ путемъ самостоятельные и по частному почину возникшія предпріятія, отвѣчающія непосредственному духовному запросу самого общества. Въ исторіи возникновенія университетовъ въ Западной Европѣ «починъ сверху» играетъ особую роль въ Германіи, еще ранѣе въ Чехіи, гдѣ былъ основанъ первый университетъ въ Прагѣ (въ половинѣ XIV в.) императоромъ Карломъ IV, желавшимъ создать новый культурный центръ въ славяно-германскихъ странахъ, въ противовѣсъ Парижу,— умственному центру романскихъ народностей. Многіе изъ нѣмецкихъ университетовъ основаны владѣтельными князьями, но они и пережили за нѣсколько вѣковъ своего существованія нѣсколько фазисовъ развитія, пока не утвердились въ нихъ окончательно принципы Lehr- und Lernfreiheit, по завѣтамъ великаго Спинозы. Особый и, по существу, вполнѣ утилитарный характеръ присущъ большинству

такихъ учрежденій, когда починъ исходилъ сверху, какъ это было и у насъ съ учрежденіемъ перваго университета въ Россіи. Эта особенность была отмѣчена еще Н. И. Пироговымъ въ его замѣчательной статьѣ, не устарѣвшей понынѣ, хотя она и написана болѣе 40 лѣтъ тому назадъ, объ университетскомъ вопросѣ, и вполнѣ вяжется съ цѣлями государственныхъ воспитательныхъ учрежденій: «правительство, учреждая университетъ, очевидно, имѣло нужду и въ спеціалистахъ, и, вообще, въ образованныхъ людяхъ,—писалъ Пироговъ.— Оно желало черезъ университетъ получить и тѣхъ, и другихъ. Оно желало развить въ обществѣ присущую ему способность знать и умѣть приложить свое знаніе. Оно учреждало новые и преобразовывало существовавшій уже университетъ въ то время, когда въ современномъ европейскомъ обществѣ начинали значительно развиваться утилитарныя стремленія и потому *прикладное должно было развиться на счетъ чисто-научнаго.* Мало этого, чисто-научное и не могло быть въ нашемъ университетѣ преобладающимъ началомъ. Онъ не былъ обязанъ, какъ нѣкоторые изъ средневѣковыхъ университетовъ, передовымъ людямъ общества. Духъ же и стремленія централизующей власти и самый духъ націи болѣе благопріятствовали прикладному, чѣмъ чисто научному». Если, какъ установилъ это Пироговъ, даже университетамъ у насъ приходилось отстаивать «чисто-научное» въ противовѣсъ стремленію къ перевѣсу «прикладного», то неудивительно, что ту же борьбу пришлось пережить женщинамъ въ отстаиваніи девизовъ безкорыстнаго знанія противъ исключительно утилитарныхъ цѣлей образованности, которыя имъ старались навязать (главнымъ образомъ — цѣли чисто-педагогическія). Но Высшіе Женскіе Курсы въ то же время были обязаны своимъ происхожденіемъ именно «передовымъ людямъ общества», поэтому они стойко держались своего принципа и не соглашались въ этомъ отношеніи ни на какіе компромиссы. Бороться приходилось еще противъ двухъ предубѣжденій, которыя Курсамъ создали нѣкоторые недоброжелатели, пытавшіеся оказать вліяніе и на правительственныя сферы: эпизоды этой борьбы и составляютъ главное содержаніе внѣшней исторіи Курсовъ за второй, указанный періодъ времени. Слушательницъ упрекали въ «безнравственности» и въ недостаточной политической благонадежности. Что касается второго указанія, то, не входя здѣсь въ его разсмотрѣніе, мы можемъ ограничиться опять-таки цитатой изъ статьи Пирогова: «университетъ есть барометръ общества»; «только тамъ, гдѣ политическія стремленія проникли глубоко черезъ всѣ слои общества, они уже неясно отражаются въ университетѣ». Всякое высшее учебное заведеніе естественно раздѣляетъ ту же участь. Что же касается упрековъ въ «безнравственномъ поведеніи», то не хочется вспоминать всю ту, ничѣмъ не заслуженную грязь, которою нѣкоторые публицисты извѣстнаго направленія закидывали поборницъ высшаго женскаго образованія. Не характерно ли, что подобныя и столь же ложныя обвиненія раздавались и противъ сестеръ милосердія при первой организаціи у насъ общины Краснаго Креста, по почину великой княгини Елены Павловны, для снаряженія сестеръ на театръ войны? И справедливо замѣчено было А. Ѳ. Кони въ его очеркѣ объ учредительницѣ общины, что вся эта грязь должна пасть обратно на тѣхъ, которые ее бросали, ибо

есть люди, у которыхъ столько накопилось ея въ собственной душѣ, что они совершенно утрачиваютъ способность понимать чистые, свѣтлые порывы даже у другихъ и лѣпятъ ихъ по собственному подобію. Но клевета не прошла вполнѣ безслѣдно; разные толки и пересуды побудили правительство подвергнуть пересмотру вопросъ о Высшихъ Женскихъ Курсахъ; учреждена была особая Коммиссія подъ предсѣдательство князя М. С. Волконскаго; работы Коммиссіи затянулись, а тѣмъ временемъ прекращенъ былъ пріемъ слушательницъ и, по истеченіи трехъ лѣтъ, съ послѣднимъ остававшимся выпускомъ жизнь Курсовъ висѣла на волоскѣ.

Они снова были спасены, благодаря энергіи нѣкоторыхъ лицъ, изъ числа членовъ Комитета Общества. Послѣ нѣсколькихъ безуспѣшныхъ попытокъ, встрѣтившихъ отпоръ, предсѣдательницей Комитета Е. І. Лихачевой было подано прошеніе на Высочайшее имя и, какъ разъ передъ предстоявшей уже ликвидаціей съ такимъ трудомъ собраннаго имущества, когда Курсы уже обладали своими домами, со всѣми нужными въ нихъ приспособленіями для научныхъ занятій, кабинетами, библіотекой и пр., и пр.,—оказалось возможнымъ возродиться къ новой жизни: съ осени 1889 года опять былъ открытъ пріемъ слушательницъ, сперва въ ограниченномъ, потомъ съ каждымъ годомъ все въ большемъ и большемъ числѣ, а Комитетъ Общества, въ свою очередь, съ возростаніемъ требованій былъ озабоченъ способами удовлетворить ихъ: онъ вернулся къ жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ и къ новымъ трудамъ, новымъ заботамъ объ «изысканіи средствъ» и усовершенствованіи условій университетскаго преподаванія для слушательницъ Курсовъ.

Мы не будемъ останавливаться на третьемъ періодѣ, который еще не законченъ. Минуемъ также разсмотрѣніе программъ преподаванія предметовъ на двухъ факультетахъ—словесномъ и физико-математическомъ, имѣющихся на Курсахъ: историческій обзоръ преподаванія научныхъ дисциплинъ за 25 лѣтъ составленъ, по порученію Совѣта профессоровъ, представителями отдѣльныхъ каѳедръ и помѣщенъ въ указанномъ уже изданіи «Очерковъ и матеріаловъ», въ который включены и весьма любопытные таблицы, освѣщающіе положеніе Курсовъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, а также отчеты о дѣятельности Обществъ, тѣсно связанныхъ по происхожденію и значенію съ самимъ учрежденіемъ. Разсмотрѣніе программъ преподаванія, ихъ преимуществъ или недочетовъ, завлекло бы насъ въ слишкомъ спеціальные или, наоборотъ, слишкомъ широкіе вопросы задачъ высшаго образованія, вообще, и, понятно, мы могли бы высказаться лишь по одному отдѣленію,—историко-филологическому, не считая себя компетентнымъ въ области физико-математическихъ наукъ. Но именно по этому отдѣленію большинство профессоровъ признало, что постановка преподаванія предметовъ естественно-историческихъ и математическихъ наиболѣе совпадаетъ съ университетскими курсами. Между тѣмъ, гуманитарныя науки не достигли еще желательной полноты въ постановкѣ преподаванія. Въ отчетѣ по каѳедрѣ всеобщей исторіи упоминается о чтеніяхъ покойнаго проф. А. Д. Градовскаго курса по «исторіи государственныхъ учрежденій и идей», тоже умершихъ профессоровъ Янсона—по политической экономіи и Пахмана—«обзоръ учрежденій гражданскаго быта», но подобные курсы (они читались лишь два

года, между 1880—1882 гг.) впослѣдствіи не возобновлялись. Отсутствіе юридическаго факультета или, по крайней мѣрѣ, соотвѣтственно прежнему наименованію—«камеральнаго», въ которомъ было бы удѣлено значительное мѣсто наукамъ общественнымъ, разсмотрѣнію правовыхъ и экономическихъ отношеній,—что, по широкой программѣ, намѣчаемой еще покойнымъ проф. К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, должно быть изучаемо историками, при дѣйствительно научномъ отношеніи къ матеріалу изслѣдованій даже въ вопросахъ «народнаго самосознанія», не говоря объ иныхъ цѣляхъ общей или всемірной исторіи,—это отсутствіе, конечно, представляется существеннымъ пробѣломъ. Но и въ университетскихъ программахъ историко-филологическихъ факультетовъ могли бы быть указаны различные недочеты и возможныя усовершенствованія: гуманитарныя науки, вообще, не достигли еще устойчивой опредѣленности строго научныхъ дисциплинъ вровнѣ съ естествознаніемъ и математикой. Оставимъ пока въ сторонѣ пожеланія и въ заключеніе этой бѣглой замѣтки позволимъ себѣ лишь нѣсколько личныхъ впечатлѣній.

Пишущему эти строки впервые пришлось встрѣтиться съ Высшими Женскими Курсами въ Петербургѣ еще при самомъ ихъ возникновеніи, и первыя отношенія сложились на почвѣ товарищества между студентомъ университета и слушательницами на Курсахъ, при прохожденіи одинаковыхъ курсовъ, у однихъ и тѣхъ же профессоровъ. Совмѣстно со слушательницами словеснаго факультета я работалъ по составленію лекцій, которыя издавались нами въ то время (1878—1880 г.) сообща, какъ это дѣлалось неоднократно и впослѣдствіи. Одни и тѣ же записки служили студентамъ и слушательницамъ, попеременно издаваемыя въ университетѣ или на Курсахъ. «Курсистки» были нашими настоящими товарищами, которыхъ ничуть не разобщала раздѣльность зданій, гдѣ происходили лекціи, но совмѣстная работа внесла нѣкоторый новый элементъ и въ нашихъ занятіяхъ; если искать ему краткую формулу, то это вліяніе опредѣлялось требованіемъ—большей законченности формы въ работахъ, ясности и опредѣленности мысли, разносторонности въ образованіи, которому одинокія, кабинетныя занятія неизбѣжно придавали слишкомъ спеціальный характеръ. Обратное вліяніе студентовъ на товарищей-слушательницъ могло выразиться именно въ указаніи необходимости спеціализаціи для болѣе глубокаго усвоенія предмета и самостоятельной работы въ избранной области, чтобы миновать опасности «общихъ мѣстъ». Въ 1886—1887 году мнѣ пришлось выступить на Высшихъ Женскихъ Курсахъ уже въ качествѣ преподавателя, замѣщающаго отсутствующаго профессора (А. Н. Веселовскаго), а съ 1889 года занять самостоятельное мѣсто въ профессорской коллегіи. Такимъ образомъ, возвращаясь къ слушательницамъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ за разными промежутками и въ различномъ къ нимъ отношеніи, я имѣлъ случай наблюдать и нѣкоторыя измѣненія въ характерѣ и направленіи слушательницъ разныхъ выпусковъ и присмотрѣться къ нимъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Конечно, при этомъ я очень измѣнялся и самъ—«подъ бременемъ годовъ» и пріобрѣтаемаго научнаго и жизненнаго опыта. Не знаю, удастся ли подвести когда-либо итоги своимъ наблюденіямъ, но не могу не вспомнить съ признательностью, что именно своей «женской» аудиторіи я

обязанъ нѣкоторыми сторонами своей научно-преподавательской дѣятельности, на которыя одни спеціальныя занятія со студентами меня врядъ ли бы натолкнули. Чувство большого удовлетворенія выносилъ я отъ практическихъ занятій и рефератовъ слушательницъ, при большой ихъ воспріимчивости къ предметамъ занятій и готовности отнестись къ работамъ съ большою серьезностью и добросовѣстностью выполненія. Конечно, изъ каждаго выпуска выдѣлялась лишь небольшая сравнительно группа лицъ, интересующаяся намѣченнымъ въ данный академическій годъ курсомъ, но только при такомъ условіи—свободнаго отношенія къ предмету преподаванія—и возможны плодотворные результаты. Общеобязательные, такъ называемые «общіе курсы» меня самого мало привлекали, и, къ счастью, область исторіи литературы настолько широка, съ одной стороны, и настолько можетъ представиться не «общеобязательной»—съ другой стороны, что здѣсь легче, чѣмъ въ другихъ предметахъ установить добровольное соглашеніе между преподавателемъ и слушателями или слушательницами. Въ послѣднихъ я встрѣчалъ готовность къ совмѣстной работѣ—и такое отношеніе считаю самымъ цѣннымъ.

Съ дѣятельностью Комитета Общества для доставленія средствъ Вышимъ Женскимъ Курсамъ мнѣ впервые пришлось ближе познакомиться, войдя въ составъ ревизіонной комиссіи отъ общества въ 98 году. Ревизія производится въ теченіе цѣлаго года и высокопоучительна для оцѣнки въ деталяхъ громадной работы, которую выносилъ и выноситъ на своихъ плечахъ Комитетъ. Въ ней не отдаешь себѣ отчета, когда только являешься на лекціи, знаешься лишь со своей аудиторіей, живешь такъ сказать «на всемъ готовомъ». Особаго удивленія и преклоненія заслуживаютъ тѣ члены Комитета, которые выполняли однѣ и тѣже должности въ теченіе многихъ лѣтъ, или даже все время, какъ В. П. Тарновская, *безсмѣнно*, за всѣ 25 лѣтъ существованія Курсовъ, исполнявшая тяжелыя и отвѣтственныя обязанности казначея Общества; въ меньшихъ, но все же продолжительныхъ срокахъ 10—15 лѣтъ и болѣе, исполняли одни и тѣже лица обязанности секретаря, завѣдующихъ—общежитіемъ, кабинетами, библіотекой, предсѣдательницы и товарища предсѣдателя, отвѣтственнаго лица по разнымъ строительнымъ дѣламъ, наблюденій за зданіями Курсовъ и т. д. и т. д. Всѣ эти лица, имена которыхъ приведены въ «историческомъ очеркѣ» и приложенномъ къ нему спискѣ членовъ Комитета Общества за 25 лѣтъ, составляютъ настоящее не только ядро, но все содержаніе Комитета, его коренной составъ, вынесшій на своихъ плечахъ огромную, многолѣтнюю работу. Новымъ членамъ, избираемымъ въ составъ Комитета, остается пока лишь присматриваться и учиться у тѣхъ, которые столько сдѣлали и продолжаютъ свою плодотворную дѣятельность. Но вступивъ, хотя бы лишь временно и за недавній срокъ, въ составъ членовъ Комитета, я не считаю себя въ правѣ больше о немъ теперь распространяться по чувству простой солидарности, оцѣнивая лишь его прошлую дѣятельность и надѣясь, исполнивъ свой кратковременный и скромный долгъ товарищества, имѣть возможность въ будущемъ любоваться его неугасаемой энергіей въ твердомъ сознаніи правоты и необходимости своего дѣла.

Празднованіе 25-ти-лѣтія Курсовъ должно было доставить ему спра-

ведливое удовлетвореніе: съ рѣдкимъ единодушіемъ и торжественностью оно состоялось 21-го ноября на экстренномъ публичномъ засѣданіи Совѣта профессоровъ, въ большомъ залѣ Курсовъ, который, увы, оказался слишкомъ тѣсенъ, чтобы вмѣстить всѣхъ желающихъ принять участіе въ праздникѣ. Но, конечно, онъ не могъ состояться ни въ какомъ иномъ мѣстѣ, какъ только въ зданіи Курсовъ, которое должно было быть показано всѣмъ представителямъ иныхъ обществъ и учрежденій, приславшихъ своихъ делегатовъ: они должны были воочію увидѣть, что представляетъ изъ себя зданіе, каждый кирпичъ котораго, по удачному выраженію В. В. Стасова, былъ пріобрѣтенъ на средства всего русскаго народа. Лучше было хозяевамъ и постояннымъ посѣтителямъ Курсовъ уступить мѣсто на этомъ праздникѣ пришлымъ гостямъ, чѣмъ принимать ихъ въ какомъ-нибудь наемномъ чужомъ помѣщеніи. И депутаціи, дѣйствительно, стеклись въ громадномъ числѣ (всего ихъ было 76)—отъ высшихъ научныхъ инстанцій, всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, Императорскаго вольно-экономическаго Общества, всевозможныхъ научныхъ обществъ, до самыхъ скромныхъ просвѣтительныхъ народныхъ учрежденій: въ этотъ день, съ одной и той же каѳедры произносили привѣтствія Курсамъ и академики Императорской Академіи Наукъ, и простой рабочій, ученикъ воскресныхъ, техническихъ классовъ...

Да упрочится славное дѣло, на которое положено было столько безкорыстнаго труда во имя высокопросвѣтительныхъ цѣлей. И если Высшіе Женскіе Курсы пока не суть еще вполнѣ «женскій университетъ», лишь приближаясь къ нему, то съ самаго начала они имѣли и имѣютъ неоспоримое преимущество надъ первымъ учрежденнымъ въ Россіи «мужскимъ» университетомъ въ слѣдующемъ отношеніи: по указанію П. Н. Милюкова въ его очеркѣ исторіи русскихъ университетовъ—«русскихъ слушателей академическій университетъ (по его основаніи въ 1725 г.) добивался долго». Извѣстно что для его наполненія приходилось выписывать не только иностранныхъ профессоровъ, но и иностранныхъ студентовъ. Иное мы видѣли при учрежденіи Высшихъ Женскихъ Курсовъ: они были оффиціально признаны въ значительной степени именно вслѣдствіе стремленія *русскихъ* дѣвушекъ и женщинъ поступать въ иностранные университеты, куда имъ былъ открытъ доступъ. Не выписывать слушательницъ изъ заграницы для наполненія пустующихъ аудиторій, а разрѣшить создать эти аудиторіи, чтобы удержать своихъ, стремящихся къ высшей образованности женщинъ и дать имъ возможность учиться у себя на родинѣ—вотъ цѣль учрежденія Курсовъ, на которую въ свое время указывалось въ правительственномъ заявленіи. Это новое отношеніе знаменуетъ громадный ростъ самосознанія общества и пробудившейся въ немъ жизненной энергіи. Окрѣпла мысль, настойчиво желаніе, и въ результатѣ неустаннаго, упорнаго преслѣдованія намѣченной цѣли открылись двери, которыя, надо надѣяться, будутъ лишь расширяться подъ возростающимъ наплывомъ жаждущихъ правды и свѣта.

Ѳ. Батюшковъ.

21 ноября.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Дѣло В. М. Дорошевича. 1-го ноября въ одесской судебной палатѣ разсматривалось дѣло по обвиненію В. М. Дорошевича въ оклеветаніи, путемъ печати, нѣкоего А. С. Фельдмана. Въ «Южномъ Обозрѣніи» находимъ слѣдующія подробности этого дѣла. Въ своей жалобѣ частный обвинитель Фельдманъ указывалъ, что г. Дорошевичъ, описывая жизнь каторжныхъ на о. Сахалинѣ и, между прочимъ, касаясь дѣятельности служащихъ и служившихъ тамъ лицъ, позволилъ себѣ опозорить его, какъ бывшаго смотрителя дуйской тюрьмы, ложно приписавъ ему дѣянія противныя чести. Въ подтвержденіе приводятся имъ выдержки изъ двухъ фельетоновъ, напечатанныхъ въ газ. «Одесскій Листокъ» за 1897 г. Въ первомъ изъ нихъ г. Дорошевичъ пишетъ, что въ жаргонѣ каторжниковъ и по сію пору сохранилось слово «фельда», означающее въ переводѣ: «хитрость, «обманъ», «лукавство» именно передъ начальствомъ, и затѣмъ поясняетъ: «Говорятъ, что «фельда»—слово спеціально сахалинское и появилось на свѣтѣ оно въ то время, когда смотрителемъ воеводской тюрьмы былъ нѣкто Фельдманъ. Тогда только хитрость, только лукавство могли спасти каторжника отъ «мантъ и лозъ». Фельдманъ не признавалъ непоротыхъ арестантовъ. Арестанты «фельдили» передъ Фельдманомъ, какъ Фельдманъ, кормившій тюрьму сырымъ хлѣбомъ и экономившій на припекѣ, «фельдилъ», въ свою очередь, передъ начальствомъ».

Въ другомъ номерѣ той же газеты г. Дорошевичъ, касаясь дѣятельности того же Фельдмана, говоритъ: «При такихъ смотрителяхъ, какъ Фельдманъ, любившій драться, тюрьма прямо разорялась на взятки палачамъ, а палачи благоденствовали и пьянствовали».

Въ виду этого, г. Фельдманъ и просилъ привлечь В. М. Дорошевича къ отвѣтственности по 1535 ст. улож.

При разсмотрѣніи этого дѣла въ первой инстанціи В. М. Дорошевичъ сослался на 14 свидѣтелей, въ томъ числѣ на писателя А. П. Чехова. Судъ въ въ судебномъ допросѣ этихъ свидѣтелей отказалъ за пропускомъ 7-дневнаго срока.

Такимъ образомъ, подсудимый очутился въ безвыходномъ положеніи, изъ котораго выручилъ его самъ Фельдманъ и его свидѣтели.

Особенную услугу оказалъ г. Дорошевичу вызванный г. Фельдманомъ для установленія его виновности состоявшій въ командировкѣ на Сахалинѣ бывшій товарищъ прокурора приморскаго окружнаго суда Г. Т. Курочкинъ. Нѣсколько разойдясь съ тѣмъ, что онъ утверждалъ на предварительномъ слѣдствіи, г. Курочкимъ далъ показанія далеко не въ пользу Фельдмана.

Онъ призналъ, что, прислушиваясь къ разговорамъ каторжанъ, жаргонъ которыхъ изобилуетъ словами мѣстнаго происхожденія, иногда очень мѣткими и характерными, не разъ слыхалъ и слова «фельда», употребляемое каторгой, по мнѣнію свидѣтеля, въ смыслѣ брюзжанія и лукавства.

— Ну, что ты «фельдишь», сказалъ однажды каторжникъ своему товарищу, претендовавшему на привилегированное положеніе,—отъ арестантовъ ты отсталъ и къ начальству не присталъ». Что же касается г. Фельдмана, то онъ дѣйствительно тоже «фельдилъ», т.-е. хитрилъ и предъ начальствомъ, и предъ арестантами.

Передъ начальствомъ Фельдманъ хитрилъ по весьма понятнымъ причинамъ, а хитрить передъ каторгой его заставляла трусость.

Такъ, напр., однажды 10 каторжниковъ были приговорены судомъ за какое-то преступленіе къ 100 ударамъ розогъ. Послѣ экзекуціи г. Курочкинъ отправился провѣрить, какъ она была выполнена, и засталъ всѣхъ наказанныхъ въ лазаретѣ. Они лежали вверхъ спинами, стонали какъ бы отъ боли, а вмѣсто платья на нихъ оказались только какіе-то лоскутья. Можно было подумать, что въ такой же степени было изсѣчено и ихъ тѣло, но когда г. Курочкинъ приказалъ раздѣть ихъ, то оказалось, что кожа мнимонаказанныхъ даже не покраснѣла.

Тутъ г. Фельдманъ, очевидно, схитрилъ. Далеко не такъ мягкосердечно поступалъ онъ, когда дѣло касалось административныхъ взысканій (плети), налагаемыхъ имъ самимъ, но всегда въ такихъ случаяхъ прятался за спины своихъ подчиненныхъ, дѣлая видъ, что наказываетъ не онъ, а надзиратель Леоновъ. И эти наказанія были далеко не призрачныя.

Сахалинскія картины до того ужасны, что г. Курочкинъ въ концѣ концовъ получилъ отъ нихъ нервный параличъ и долженъ былъ выйти въ отставку.

Двойственность г. Фельдмана, по мнѣнію свидѣтеля, имѣла въ результатѣ то, что каторга, вообще народъ смышленый и способный цѣнить и уважать справедливость даже въ самыхъ строгихъ начальникахъ, ненавидѣла г. Фельдмана, и было даже покушеніе на его жизнь.

Экономія на припекѣ, въ ущербъ качеству хлѣба, о которой упоминаетъ г. Дорошевичъ, также существовала и существуетъ до настоящаго времени во всѣхъ сахалинскихъ тюрьмахъ и виновниками этого рода злоупотребленій являются тюремные смотрители.

Въ общемъ же, по словамъ свидѣтеля, г. Дорошевичъ, рисуя А. Фельдмана, какъ человѣка хитраго, лукаваго, угодливаго передъ начальствомъ и труса, нисколько не искажалъ дѣйствительности, а даже, наоборотъ, представилъ ее довольно слабо.

Другой свидѣтель со стороны частн. обвинителя свящ. Викторъ Тимошенко показалъ, что слова «фельда» онъ никогда не слыхалъ, зналъ г. Фельдмана, съ хорошей стороны, хотя сослуживцы называли его тряпкой, бабой, трусомъ и утверждали даже, что онъ распустилъ каторгу. Изъ показаній этого свидѣтеля, впрочемъ, выяснилось, что знать всѣ подробности относительно г. Фельдмана онъ и не могъ, такъ какъ онъ прибылъ въ дуйскую тюрьму уже послѣ того, какъ Фельдманъ былъ переведенъ въ Александровскую.

Показанія остальныхъ свидѣтелей, не явившихся въ судъ, отличались неопредѣленностью, хотя, въ общемъ, были скорѣе въ пользу Фельдмана.

Изъ представленныхъ защитою документовъ особеннаго вниманія заслуживала статья самого Фельдмана, напечатанная въ томъ же «Одесскомъ Листкѣ» за 1893 г. Въ этой статьѣ г. Фельдманъ разсказываетъ, какъ онъ отбилъ у работавшихъ въ каменноугольныхъ шахтахъ каторжанъ повадку къ бѣгамъ. Случай этотъ для обрисовки сахалинскихъ нравовъ весьма любопытенъ.

Однажды г. Фельдману сообщили, что при повѣркѣ вышедшихъ изъ шахты по окончаніи дневныхъ работъ арестантовъ, не оказалось налицо 2 человѣкъ. Г. Фельдманъ догадался, что эти арестанты спрятались гдѣ-нибудь въ лабиринтѣ рудника, чтобы ночью, когда стража уйдетъ, бѣжать. Чтобы преподать арестантамъ хорошій урокъ на будущее время, г. Фельдманъ приказалъ для виду снять караулъ и посадить солдатъ въ засаду. А когда бѣглецы, не подозрѣвая бѣды, вышли изъ шахты, солдаты открыли по нимъ пальбу и одного уложили на мѣстѣ, а другого ранили въ хребетъ. Не удовлетворившись этимъ, г. Фельдманъ приказалъ оставить обоихъ въ такомъ положеніи валяться всю ночь, чтобы утромъ другіе арестанты, идя на работу, увидѣли эти картины и поняли, къ какимъ послѣдствіямъ могутъ привести ихъ попытки къ бѣгству.

Разсмотрѣвъ дѣло, окружный судъ нашелъ, что жестокость г. Фельдмана вполнѣ ясно подтверждается его статьею, а всѣ остальныя качества, приписываемыя ему г. Дорошевичемъ, устанавливаются его же собственными свидѣтелями. Въ виду этого г. Дорошевичъ былъ признанъ невиновнымъ.

Г. Фельдманъ перенесъ дѣло въ судебную палату, гдѣ оно назначалось къ слушанію и откладывалось 14 разъ, пролежавъ, въ общемъ, около 3 лѣтъ.

Въ засѣданіи палаты 1-го ноября г. Фельдманъ представилъ опредѣленіе судебнаго слѣдователя, коимъ, по жалобѣ г. Фельдмана, не оправдавшій его надеждъ свидѣтель Курочкинъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности за лжесвидѣтельство. Палата постановила документъ пріобщить къ дѣлу. Въ свою очередь защитникъ г. Дорошевича М. Л. Гольдштейнъ представилъ книгу г. Дриля, который былъ командированъ на о. Сахалинъ министерствомъ юстиціи. Книга эта заключаетъ въ себѣ оффиціальныя данныя о состояніи каторги, и въ той же части, въ которой Дриль говоритъ о времени, когда на Сахалинѣ служилъ г. Фельдманъ, подтверждаетъ нѣкоторые изъ тѣхъ фактовъ, о которыхъ упоминаетъ въ инкриминируемыхъ статьяхъ г. Дорошевичъ. Книга эта также пріобщена палатой къ дѣлу.

Г. Фельдманъ въ предоставленномъ ему словѣ указываетъ на то, что онъ

прослужилъ 35 лѣтъ безпорочно и пользовался хорошей репутаціей не только у своего начальства и сослуживцевъ, но даже и у каторжанъ.

— Каторжане,—говорилъ онъ,—не любили меня, а просто обожали, такъ что когда я уѣзжалъ изъ тюрьмы, они меня чуть не разорвали (вѣроятно, отъ любви).

Откуда г. Дорошевичъ почерпнулъ всѣ эти факты, г. Фельдманъ никакъ не можетъ дать себѣ отчета. Быть можетъ, все это наврала ему Сонька Блюмштейнъ (Золотая ручка), съ которою онъ гдѣ-то бесѣдовалъ. Но развѣ можно ей вѣрить? Вѣдь она была всегда страшной преступницей и осталось такой и на Сахалинѣ.

Въ заключеніе г. Фельдманъ просилъ «снять съ него это клеймо» и обвинить г. Дорошевича, такъ какъ тотъ является предъ нимъ сугубо виновнымъ.

— Раньше,—говорилъ г. Фельдманъ, чуть не плача,—онъ писалъ обо мнѣ въ «Одесскомъ Листкѣ», а теперь еще больше написалъ въ своей книгѣ. Ее читаютъ теперь всѣ, вся Россія читаетъ и будутъ читать даже черезъ 50 лѣтъ. Меня уже не будетъ, а люди все будутъ читать его книгу и говорить обо мнѣ, что я былъ такой-то и такой-то. А если бы судъ уважилъ мою просьбу, я бы всѣ эти книги взялъ и уничтожилъ.

Рѣчь защитника М. Л. Гольдштейна отличается рѣдкою искренностью, силою и убѣдительностью. Онъ доказывалъ, что г. Дорошевичъ въ своей жизни ни разу даже не видалъ г. Фельдмана и потому у него не было нужды ѣхать за 11 тысячъ верстъ, чтобы опорочить этого совершенно неизвѣстнаго ему человѣка. Г. Фельдманъ былъ для г. Дорошевича только типомъ, только тѣмъ, чѣмъ были для Гоголя Чичиковъ и Держиморда. И онъ описалъ этотъ типъ настолько вѣрно, настолько правдиво, что это подтверждается на судѣ не только свидѣтелями г. Фельдмана, но даже самимъ г. Фельдманомъ.

Судебная палата послѣ недолгаго совѣщанія утвердила оправдательный приговоръ окружного суда.

Послѣдній кошевой Запорожья. Въ «Вѣстникѣ Юга» находимъ краткій біографическій очеркъ Петра Ивановича Кальнышевскаго, послѣдняго кошевого Запорожья, со дня смерти котораго 31-го октября сего года исполнилось сто лѣтъ.

Кальнышевскій былъ родомъ казакъ лубенскаго полка (въ нынѣшней Полтавской губерніи). Годъ его рожденія и время поступленія въ число запорожскихъ братчиковъ съ точностью неизвѣстны. Извѣстно только, что около 1750 года Кальнышевскій уже занималъ высокое въ Сѣчи званіе войскового эсаула и принималъ очень дѣятельное участіе въ истребленіи гайдамацкихъ загоновъ, безпокоившихъ польскую Украину и чрезъ это навлекавшихъ нареканія на Запорожье.

Съ командами братчиковъ онъ разъѣзжалъ по степи въ нынѣшней херсонской губерніи, преслѣдовалъ и разсѣевалъ попадавшіеся ему отряды гайдамакъ, устраивалъ особые форпосты и организовалъ разъѣздные отряды изъ запорожцевъ съ цѣлью болѣе успѣшной борьбы съ гайдамаками. Званіе эсаула, въ которое онъ былъ облеченъ, свидѣтельствовало о томъ, что въ своей средѣ онъ

пользовался извѣстностью и уваженіемъ. Послѣдующая его дѣятельность служитъ яснымъ подтвержденіемъ этой мысли. Около 1754 г. онъ былъ выбранъ войсковымъ судьею, а въ 1755 попалъ въ число трехъ депутатовъ, отправленныхъ Сѣчью въ Петербургъ хлопотать о дарованіи запорожскому войску Высочайшей грамоты на всѣ владѣемыя имъ съ давнихъ временъ земли. Положеніе Запорожья съ начала 50-хъ годовъ XVIII-го столѣтія становилось очень затруднительнымъ. Русское правительство, задавшись цѣлью обезопасить свои южныя границы со стороны хищниковъ—крымскихъ татаръ, выписало изъ Австріи сербовъ и устроило цѣлый рядъ поселеній, жители которыхъ были наполовину воины, наполовину земледѣльцы—это такъ называемая Новая Сербія (въ Елисаветградскомъ и Александрійскомъ уѣздахъ Херсонской губерніи) и Славяносербія (Харьковской и Екатеринославской губерніи).

Для этихъ поселеній русскимъ правительствомъ отведены были значительные районы на земляхъ, которыя запорожцы издавна считали своими. Новые поселенцы, число которыхъ ежедневно увеличивалось выходцами изъ Россіи и Польши, не довольствовались отведенными имъ землями, но подвигались въ глубь запорожскихъ степей и отнимали у нихъ занятыя ими мѣста. Между запорожцами и новыми поселенцами началась борьба, въ которой приходилось страдать то одной, то другой сторонѣ. Обѣ стороны жаловались другъ на друга въ Петербургъ, гдѣ оказывали больше вниманія сербамъ. Для защиты своихъ интересовъ запорожцы посылали въ Петербургъ особыя депутаціи. Въ одну изъ такихъ депутацій въ 1755 г. попалъ, какъ сказано выше, и Кальнышевскій. Послѣдствіемъ отправленія этой депутаціи было рѣшеніе сената, чтобы гетманъ Разумовскій, комендантъ крѣпости св. Елизаветы (нынѣшняго Елисаветграда, тогдашняго центра Новой Сербіи) и запорожское войско назначили особыхъ людей, которые сдѣлали бы «описаніе всѣмъ запорожскимъ землямъ и угодьямъ, положили на карту и представили въ сенатъ». Такое рѣшеніе не устранило столкновеній поселянъ съ запорожцами. Черезъ три года послѣ отправленія названной депутаціи была послана другая, въ которой Кальнышевскій снова принималъ участіе. Въ 1762 году его избрали кошевымъ.

Второй разъ на ту же самую должность избираютъ его въ 1765 году; въ ней онъ остается до самаго паденія Сѣчи въ 1775 году. Много пришлось ему понести труда и потратить энергіи на поддержаніе Запорожья, къ которому русскіе правительственные круги относились очень неблагосклонно. Оно служило помѣхой къ распространенію военныхъ поселеній. Какъ защитники вѣры и народности, братчики не могли равнодушно смотрѣть на тѣ дикія проявленія фанатизма и жестокости, какія позволяли себѣ по отношенію къ русскому православному населенію окончательно деморализованные вопіющей анархіей польскіе паны. Нѣкоторые изъ казаковъ оставляли Сѣчь и съ собранными шайками вторгались въ польскую Украйну и возбуждали населеніе къ активному протесту противъ религіознаго и соціально-экономическаго гнета. Польское правительство жаловалось русскому на запорожцевъ, винило ихъ въ возмущеніи народа; понятно, русскія власти не упустили возможности поставить на видъ запорожцамъ ихъ участіе въ движеніяхъ православнаго населенія Рѣчи

Посполитой (особенно въ печальной памяти уманской рѣзнѣ). Кальнышевскій всячески старался сдерживать своихъ казаковъ, что, конечно, не могло всѣмъ нравиться.

Особенно недовольна была имъ запорожская «сирота», наиболѣе бѣдная, разгульная и безшабашная часть «товарищества». Раза два она возмущалась противъ него и пыталась свергнуть его, но, благодаря поддержкѣ благоразумной части казачества и русскаго правительства, Кальнышевскій оставался кошевымъ. Въ русско-турецкую войну 1769—1774 гг. войско запорожское принимало очень дѣятельное участіе, усердно неся кордонную службу и храбро сражаясь съ непріятелемъ. Заслуги запорожскаго войска были засвидѣтельствованы съ высоты трона. Многіе изъ «товарищества» были награждены золотыми медалями.

Кальнышевскому были пожалованы золотая медаль и портретъ Императрицы «за оказанные отлично храбрые противу непріятеля поступки и особливое къ службѣ усердіе». Самъ баловень судьбы свѣтлѣйшій князь Тавриды благоволилъ къ нему и обмѣнивался съ нимъ письмами. Все, повидимому, шло прекрасно, но скоро счастье измѣнило Кальнышевскому. Благодаря стараніямъ князя Потемкина, рѣшено было уничтожить Сѣчь.

Въ іюнѣ 1775 года Сѣчь была занята русскими войсками, которыми предводительствовалъ генералъ Текелій, а черезъ два мѣсяца послѣдовалъ Высочайшій манифестъ объ уничтоженіи Сѣчи. Кошевой вмѣстѣ съ войсковымъ писаремъ Глобою и войсковымъ судьею Головатымъ былъ взятъ подъ караулъ и отправленъ въ Москву, гдѣ и содержались въ военной конторѣ. Ихъ, съ согласія императрицы Екатерины II, разослали по разнымъ монастырямъ на пожизненное заключеніе. Кальнышевскаго отправили въ Соловецкій монастырь съ приказаніемъ держать его «безвыпускно» въ монастырѣ за неослабнымъ карауломъ изъ находящихся здѣсь солдатъ, запретивъ ему переписываться и видѣться съ кѣмъ бы то ни было. Такое строгое наказаніе кошевого и его двухъ товарищей совершенно непонятно въ виду того, что изъ всего «товарищества» они только и понесли наказаніе. Вся же прочая старшина запорожская не только не была наказана, но напротивъ, многіе изъ членовъ ея получили въ награду болѣе или менѣе значительные участки земель. Вопросъ о томъ, почему названныя лица понесли такую тяжкую участь, остается доселѣ открытымъ. Высочайше конфирмованный докладъ Потемкина о наказаніи Кальнышевскаго, Глобы и Головатаго мало разъясняетъ его. Въ докладѣ говорится, что они осуждаются «за вѣроломное буйство и разореніе россійскихъ вѣрноподданныхъ», но это выраженіе довольно неопредѣленное и едва ли можетъ быть примѣнимо въ Кальнышевскому, всегда подавлявшему своеволіе запорожцевъ и старавшагося угождать русскимъ властямъ.

Въ Соловецкій монастырь Кальнышевскій былъ представленъ 29-го іюля 1776 года и двадцать пять лѣтъ просидѣлъ тамъ въ тѣсной башенной комнатѣ, не сообщаясь ни съ кѣмъ изъ людей. Только три раза въ году: на Пасху, Рождество и Преображеніе, ему позволяли участвовать въ общей монастырской трапезѣ, но и тогда не позволяли бесѣдовать съ окружающими. На содержаніе ему отпускали ежедневно по рублю изъ секвестрованнаго при его арестѣ соб-

ственнаго его имущества. Только въ 1801 году, по Высочайшему повелѣнію, онъ былъ освобожденъ: но теперь онъ самъ не пожелалъ уйти изъ монастыря, рѣшивъ остаться въ обители, въ коей обрѣлъ, какъ гласитъ надгробная надпись (на его могилѣ), «душевное спокойствіе смиреннаго христіанина, искренно познавшаго свои вины». Здѣсь онъ оставилъ по себѣ память своими пожертвованіями въ видѣ парчевой ризы и богатаго серебрянаго оклада (въ 74 фунта 23 зол. вѣсомъ) на одномъ изъ евангелій.

Мѣсто ссылки Кальнышевскаго долгое время оставалось неизвѣстнымъ, такъ какъ всѣ дѣла о немъ и самое его отправленіе въ Соловки хранились въ глубокомъ секретѣ. Первый историкъ Запорожской Сѣчи А. А. Скальковскій передаетъ, какъ слухъ, что Кальнышевскій былъ отправленъ на жительство куда то на Донъ. Народная пѣсня: «ой полеты, полеты, та чорная галка; та на Донъ рыбу йисты, прынысы видъ кошевого вісты», по его мнѣнію, служила подтвержденіемъ этого слуха.

Только съ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія стало извѣстно, гдѣ кончилъ свою жизнь послѣдній кошевой «славнаго войска запорожскаго низового». Этому способствовалъ архимандритъ Соловецкаго монастыря Александръ (Павловичъ), бывшій впослѣдствіи епископомъ полтавскимъ и пріобрѣвшій извѣстность во время осады Соловецкаго монастыря англичанами въ 1854 г. Малороссъ по происхожденію, онъ заинтересовался тѣмъ, что осталось отъ Кальнышевскаго, и на его могилѣ соорудилъ памятникъ, снабдивъ его очень обстоятельною надписью.

Къ вопросу о борьбѣ съ пьянствомъ. Въ «Русск. Вѣд.» пишутъ изъ Ялты: 2 ноября земское собраніе послѣдней очередной сессіи постановило ходатайствовать о закрытіи въ д. Фоти-Сала богатырской волости казенной винной лавки. Исторія открытія этой лавки довольно любопытна.

Такъ какъ кораномъ воспрещается потребленіе собственно виноградная вина, то водка, хотя и медленно, но всетаки распространяется среди татарскаго населенія, и въ настоящее время, правда, довольно рѣдко, среди татаръ встрѣчаются даже алкоголики. Само собою разумѣется, что земство, справедливо видящее въ учрежденіи въ пунктахъ съ татарскимъ населеніемъ винныхъ лавокъ серьезную опасность, не могло отнестись молчаливо къ намѣренію акцизнаго вѣдомства открыть лавку въ татарской дер. Фоти-Сала, тѣмъ болѣе, что и со стороны фоти-сальскаго общества, просившаго земское собраніе прошлой очередной сессіи ходатайствовать о неоткрытіи въ ихъ деревнѣ казенной лавки, видно было сознательное отношеніе къ данному вопросу, выразившееся не только въ составленіи соотвѣтствующаго приговора, но и въ категорическомъ отказѣ всѣхъ общественниковъ сдать въ наемъ акцизному вѣдомству или выстроить помѣщеніе для лавки,—отказъ, который не былъ поколебленъ ни настойчивыми убѣжденіями, ни перспективой обезпеченнаго, значительнаго для крестьянскаго бюджета дохода отъ наемной платы. Въ виду этого, земское собраніе постановило возбудить ходатайство о неоткрытіи въ д. Фоти-Сала казенной винной лавки. Отвѣта на это ходатайство, какъ выяснилось на земскомъ

собраніи послѣдней сессіи, не послѣдовало, но казенная лавка въ дер. Фоти-Сала уже открыта на участкѣ земли, принадлежащемъ бывшему уряднику.

Зато въ другомъ мѣстѣ, именно въ деревнѣ Лигачево, Московской губерніи крестьяне сами добились закрытія казенной винной лавки, правда послѣ долгихъ и упорныхъ усилій, такъ какъ акцизное вѣдомство рѣшило, что въ Лигачевѣ непремѣнно надлежитъ быть винной лавкѣ.

Надо замѣтить, что Лигачево находится въ нѣсколько особыхъ условіяхъ. Въ этой деревнѣ всѣ крестьяне—кустари: они столяры, и притомъ лучшіе столяры въ московской губерніи, работающіе на первоклассныя фирмы.

Земство учредило въ этой деревнѣ школу рисованія (отдѣленіе Строгановскаго училища); въ деревнѣ имѣется общеобразовательная школа, и недавно учреждено государственнымъ банкомъ кредитное товарищество. Являясь до извѣстной степени центромъ кустарной промышленности, Лигачево привлекаетъ и лучшихъ учениковъ и является само по себѣ какъ бы школой для кустарей.

Излишне распространяться о томъ, какое значеніе имѣетъ для этого центра существованіе тамъ винной лавки. Эта лавка обслуживаетъ районъ, обнимающій отъ 10 до 15 деревень.

Своего рода центростремительная сила влечетъ жителей всѣхъ окрестныхъ деревень въ Лигачево, и пьянство здѣсь стоитъ великое. Лигачевцы рѣшили защищаться, видя, что до добра такое положеніе вещей не доведетъ.

Они избрали для защиты столь же простую, сколь и рѣшительную мѣру: они составили общественный приговоръ, которымъ обязали другъ друга не сдавать подъ винную лавку домовъ и земли. Этотъ приговоръ былъ утвержденъ земскимъ начальникомъ.

Срокъ арендnаго договора съ акцизнымъ вѣдомствомъ на исходѣ, и оно усиленно озабочено подысканіемъ новаго помѣщенія для винной лавки. Но всѣ попытки снять помѣщеніе въ Лигачевѣ разбились о твердую рѣшимость крестьянъ. Тогда акцизное управленіе стало искать помѣщеніе въ ближайшихъ селеніяхъ.

Въ сосѣдней съ Лигачевымъ деревнѣ Подолиной (также заселенной кустарями) акцизные чиновники присмотрѣли подходящее помѣщеніе, но дальновидные подолинцы предупредили гг. чиновниковъ: въ ожиданіи ихъ визита жители дер. Подолиной составили, по примѣру лигачевцевъ, приговоръ, въ силу котораго ни одинъ изъ крестьянъ не имѣетъ права сдать свой домъ подъ винную лавку. Этотъ приговоръ также былъ утвержденъ земскимъ начальникомъ.

Надо замѣтить, что въ этой деревнѣ никогда не было ни продажи вина на выносъ, ни трактира.

«Сибирскій день». 26-ое октября—это «сибирскій день». «Восточное Обозрѣніе» приводитъ слѣдующую историческую справку объ этомъ торжествѣ со словъ большого знатока исторіи сибирской общественной жизни г. Г. П.

«Впервые былъ отпразднованъ сибирскій праздникъ въ Петербургѣ

въ день трехсотлѣтія этого событія въ 1881 г., по иниціативѣ Н. М. Ядринцева. Въ началѣ это были обѣды по подпискѣ, на которыхъ говорились рѣчи на разныя сибирскія темы. Подобные обѣды, кромѣ Петербурга, устраивались также въ Москвѣ и Иркутскѣ. Впослѣдствіи вмѣсто обѣдовъ стали предпочитать устраивать въ эти дни музыкальные вечера съ танцами, въ видахъ увеличенія средствъ общества вспомоществованія студентамъ и курсисткамъ, уроженцамъ Сибири. Устраивался сибирскій праздникъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ Сибири, но нигдѣ, кромѣ трехъ поименованныхъ городовъ, онъ не вошелъ въ постоянный обычай. Однажды онъ былъ устроенъ въ Красноярскѣ въ видѣ чаепитія съ рѣчами. Иногда онъ устраивается въ Тобольскѣ; кажется были случаи празднованія и въ Омскѣ. Въ Барнаулѣ до сихъ поръ этого праздника не бывало. Въ Томскѣ была только разъ сдѣлана попытка; были уже сдѣланы всѣ приготовленія, но праздникъ не состоялся по независящимъ обстоятельствамъ. Въ Иркутскѣ обѣды удержались до временъ управленія графа Игнатьева. На послѣднемъ иркутскомъ обѣдѣ говорились рѣчи объ антагонизмѣ между двумя частями сибирской интеллигенціи—мѣстной по рожденію и наѣзжей изъ Россіи. Обмѣнъ мыслей по этому вопросу былъ законченъ рѣчью городского головы Сукачева въ примирительномъ тонѣ. Послѣ того въ городѣ образовалась партія, которая стала проводить мысль, что человѣколюбивѣе было бы вмѣсто дорогихъ тратъ на обѣды отмѣчать этотъ праздникъ музыкально-литературнымъ вечеромъ для сбора средствъ на субсидіи студентамъ и курсисткамъ».

Общественный смыслъ, который влагали въ этотъ праздникъ его иниціаторы, такимъ образомъ, весь исчезъ и теперь за нимъ остался только благотворительный моментъ. Пользуясь этимъ случаемъ «Восточное Обозрѣніе» обращаетъ вниманіе общества на крайне тяжелое матеріальное положеніе сибирскаго студенчества, о неприглядныхъ условіяхъ жизни котораго не разъ сообщалось и въ общей русской печати. Существующее общество содѣйствія учащимся сибирякамъ, конечно, не можетъ удовлетворить всѣхъ нуждающихся и «Восточное Обозрѣніе» находитъ крайне необходимымъ учредить въ Томскѣ отдѣльное общество для оказанія пособія недостаточнымъ студентамъ томскаго университета и института.

Новая городская партія. Во время избирательной агитаціи въ петербургскую городскую думу выдѣлилась совершенно новая партія избирателей, которая встрѣчаетъ большое сочувствіе, преимущественно среди квартиронанимателей. Программа этой партіи (распространяемой среди избирателей) заключаетъ въ себѣ слѣдующія основныя положенія ея будущей дѣятельности:

Проведеніе въ жизнь принциповъ самоуправленія и законности, завѣщанныхъ намъ эпохой великихъ реформъ императора Александра II, служитъ основой нашей дѣятельности. Партія имѣетъ цѣлью провести городскіе выборы при сознательномъ отношеніи избирателей къ своимъ правамъ и обязанностямъ. Партія стремится къ объединенію всѣхъ просвѣщенныхъ и дѣятельныхъ го-

родскихъ избирателей: домовладѣльцевъ, купцовъ и квартиронанимателей безразлично. Задача партіи—использованіе всѣхъ правъ и обязанностей, возложенныхъ закономъ на городское самоуправленіе. Права эти очень велики; заботѣ городского самоуправленія ввѣрены всѣ матеріальные и духовные интересы населенія: жизнь, здоровье, нравственное, умственное и эстетическое развитіе, городское благоустройство, пути сообщенія, удешевленіе предметовъ первой необходимости—топлива, хлѣба и мяса и пр. Согласно сему, на обязанности гласныхъ прежде всего лежитъ: 1) устроить удаленіе нечистотъ, отравляющихъ почву и, слѣдовательно, воздухъ Петербурга; 2) дать населенію чистую и безусловно дешевую воду,—два условія, которыя, несомнѣнно, уменьшатъ громадную болѣзненность и смертность столицы; 3) упорядочить организацію санитарнаго надзора; 4) увеличить число больницъ; 5) устроить электрическій трамвай, объединяющій окраины города съ его центромъ; 6) полнымъ переустройствомъ мясной и хлѣбной торговли и организаціей городского дровяного рынка удешевить эти продукты; 7) учредить соотвѣтственное число городскихъ пріютовъ для дѣтей, оставленныхъ безъ попеченія, что будетъ содѣйствовать уменьшенію преступности и порочности жителей; 8) открыть такое число начальныхъ и четырехклассныхъ городскихъ училищъ, а равно профессіональныхъ и ремесленныхъ школъ, чтобы потребность населенія въ въ народномъ образованіи и промышленномъ обученіи была вполнѣ удовлетворена. Кромѣ того возбудить вопросъ объ увеличеніи числа средне-учебныхъ заведеній и удешевленіи платы за обученіе.

Осуществленіе всѣхъ этихъ неотложныхъ задачъ потребуетъ громадной затраты умственныхъ силъ населенія и матеріальныхъ его средствъ.

Установленное закономъ число—162—гласныхъ совершенно недостаточно. Поэтому партія призываетъ всѣхъ избирателей къ постоянной совмѣстной работѣ въ многочисленныхъ исполнительныхъ органахъ городского хозяйства. Что же касается до матеріальныхъ затратъ, то въ расходованіи городскихъ средствъ необходима разумная экономія, а съ другой стороны, возможно и необходимо ходатайствовать о передачѣ городу квартирнаго налога полностью и о привлеченіи казны къ участію въ общественныхъ городскихъ расходахъ. Усиленные городскіе расходы должны покрываться не путемъ увеличенія существующихъ налоговъ, а лишь непосредственнымъ завѣдываніемъ самимъ городомъ промышленными городскими предпріятіями, могущими приносить громадные доходы (буяны, скотобойни, трамваи, телефоны и пр.), не допуская при этомъ никакихъ монополій и концессій. Со средоточеніемъ въ рукахъ самого города его промышленныхъ предпріятій, несомнѣнно, окажется, что число работниковъ, состоящихъ на службѣ города, будетъ весьма велико. Партія ставитъ своею обязанностью озаботиться улучшеніемъ ихъ быта доставленіемъ дешевыхъ и здоровыхъ жилищъ и прочнымъ обезпеченіемъ ихъ и семействъ ихъ въ случаѣ болѣзни, старости, смерти. Задаваясь цѣлью поднять, въ предѣлахъ возможнаго, матеріальное благосостояніе жителей, партія ставитъ своею задачею улучшеніе существующихъ условій торговой и промышленной дѣятельности, благоустройство порта и установленіе благопріятныхъ для торговли го-

рода тарифовъ. Пришлое рабочее населеніе безпомощно. Устройствомъ дешевыхъ жилищъ, народныхъ столовыхъ, основаніемъ биржи труда и поощреніемъ всякихъ артельныхъ организацій можно значительно облегчить тяжелое положеніе нуждающихся рабочихъ и такимъ путемъ предотвратить экономическія потрясенія.

Вышеуказанное перечисленіе цѣлей партіи далеко не имѣетъ исчерпывающаго значенія. Задачи городского самоуправленія громадны и неисчислимы. Партія призываетъ всѣхъ своихъ членовъ къ постоянной работѣ на пользу городскаго населенія не только активной, но и путемъ неослабнаго контроля надъ дѣйствіями представителей ея—гласныхъ думы.

Фабричный поселокъ. «Самарская Газета» характеризуетъ жизнь рабочаго населенія въ селѣ Катавъ-Ивановскій заводъ:

«Собственно, это не село, а фабричный поселокъ, насчитывающій около 10 тысячъ жителей, ютящихся въ жалкихъ хибаркахъ вокругъ грандіозныхъ строеній чугунно-литейнаго завода князя Бѣлосельскаго. У крестьянъ собственной земли нѣтъ ни пяди, даже лѣсныя поляны, съ которыхъ крестьяне собираютъ сѣно на прокормъ скота (почти исключительно лошадей), даются только тѣмъ изъ нихъ, которые работаютъ на заводѣ. Впрочемъ, гдѣ же имъ и работать? Это единственный источникъ ихъ существованія. Кромѣ сравнительно небольшого числа постоянныхъ заводскихъ рабочихъ-мастеровыхъ, остальная громадная масса крестьянъ—чернорабочіе, изъ которыхъ больше всего цѣнятся рабочіе съ лошадью: они получаютъ въ день до 1 рубля, трудъ же пѣшихъ гораздо ниже: бабы, напр., получаютъ не больше 20 коп. въ день, на своихъ, конечно, харчахъ. Но и за эту плату чернорабочимъ при всемъ желаніи не приходится работать болѣе 10—15 дней въ мѣсяцъ. Предложеніе труда настолько превышаетъ спросъ, что издавна установилась очередь.

«Чередъ на работы устанавливается сельскимъ сходомъ и соблюдается заводскимъ начальствомъ.

«Заводской аристократіей считаются постоянные рабочіе-мастеровые, получающіе отъ 50 к. до 1 р. 50 к. въ день, но и ихъ положеніе куда не сладко: работа опасная, «огневая» особенно, того и гляди безъ руки, а то и безъ головы останешься, добиться же вознагражденія за увѣчье почему-то до сихъ поръ было дѣломъ почти безнадежнымъ. Все какъ-то такъ выходило, что по собственной неосторожности... Дадутъ, что нибудь—скажи спасибо, а не дадутъ, и такъ останешься. Лѣтомъ текущаго года взорвало у насъ доменную печь и расплавленной массой двухъ рабочихъ ошпарило до смерти, да нѣсколькихъ изувѣчило. Почти у всѣхъ остались семьи, но о вознагражденіи до сихъ поръ еще не слышно что-то. Надѣются, что новый законъ объ отвѣтственности за увѣчныхъ дойдетъ и до нашихъ гиблыхъ мѣстъ, точно затерянныхъ среди болотъ и лѣсовъ. Конечно, дойдетъ,—бѣда только, что маловато у насъ грамотныхъ: на все село только одна школа (заводская), а винныхъ лавокъ цѣлыхъ три...»

Земство и церковныя школы. Въ 1901 году саратовское губернское земство поручило управѣ разработать чрезвычайно интересный вопросъ объ отношеніи земства къ церковнымъ школамъ. Управа составила особую программу и разослала ее всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ земствамъ. Къ сожалѣнію, не всѣ земства отозвались на этотъ интересный вопросъ, но и тѣ данныя, которыя были получены, позволяютъ нарисовать очень вѣрную картину.

Изъ всѣхъ 359 уѣздныхъ земствъ на программу саратовской управы отвѣтили 228, или 63,5%, а изъ 34 губернскихъ—22, или 65%: такимъ образомъ по этому вопросу имѣются данныя, охватывающія большую часть земской Россіи.

Изъ 228 уѣздныхъ земствъ, доставившихъ свѣдѣнія, 50 земствъ, или почти 22% никогда не субсидировали церковныхъ школъ. Субсидированіе церковныхъ школъ земствами возникло въ 80-хъ годахъ, и вначалѣ число земствъ, субсидировавшихъ эти школы, было незначительно,—всего 28. Затѣмъ число ихъ постепенно увеличивалось до послѣдняго времени. Въ 1885 г.—51 земство, въ 1890 г.—96, въ 1895 г.—144 и въ 1899 г. почти всѣ уѣздныя земства—94,9%—дѣлали ассигнованія на содержаніе церковныхъ школъ. Но этотъ годъ былъ критическимъ. Съ 1900 г. абсолютное число субсидирующихъ церковныя школы земствъ начинаетъ падать: съ 169 въ 1899 году число ихъ уменьшилось къ 1902 г. до 158, т.-е. сократилось почти на 9 проц. Къ сожалѣнію, нѣтъ сравнительной таблицы измѣненія въ размѣрахъ земскихъ ассигновокъ на церковныя школы за разные годы. Въ 1902 году общая сумма субсидій церковнымъ школамъ со стороны 158 уѣздныхъ земствъ составляла около 300.000 руб., или, въ среднемъ, по 2.000 руб. на уѣздъ, что по отношенію къ расходамъ на земскія и министерскія школы (около 7 милліоновъ. руб.) не превышаетъ 4%.

Изъ 22 губернскихъ земствъ оказываютъ помощь церковнымъ школамъ только 4 земства; нѣкоторыя изъ нихъ никогда не оказывали подобныхъ субсидій, нѣкоторыя прекратили ихъ въ послѣднее время. Въ 1900 г. въ пособіи церковнымъ школамъ участвовало 7 земствъ, затратившихъ на это около 16.000 руб.

Въ половинѣ 80-хъ годовъ, когда появилось положеніе о церковно-приходскихъ школахъ, въ очень многихъ земствахъ поднимался вопросъ о передачѣ земскихъ школъ въ духовное вѣдомство. Дебаты сосредоточивались на вопросѣ, какая школа лучше, церковно-приходская или земская? Вопросъ объ отказѣ отъ собственной просвѣтительной дѣятельности и передачѣ своихъ общественныхъ обязанностей духовному вѣдомству ставился лишь въ самомъ ничтожномъ числѣ земствъ и то лишь по иниціативѣ отдѣльныхъ гласныхъ или единичными уѣздными управами. Изъ 232 земствъ, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, этотъ вопросъ поднимался въ 30 земствахъ, причемъ категорическое рѣшеніе въ пользу передачи всѣхъ земскихъ школъ духовенству состоялось лишь въ 6 земствахъ. Кромѣ того, 5 земствъ сдѣлали частичныя передачи по 1—2 школы земскихъ школъ духовенству. Мотивомъ для передачи зем-

скихъ школъ духовному вѣдомству у этихъ земствъ явилось стремленіе сократить расходы по народному образованію, а у нѣкоторыхъ указанія на то, что «въ сферѣ народнаго образованія имѣется еще цѣлая непочатая область—начальное городское ремесленно-техническое образованіе, дающее хлѣбъ насущный, оскудѣвающій у насъ со дня на день». При этомъ всѣ эти земства, совершенно игнорируя не только желанія крестьянства, но и права крестьянскихъ обществъ, какъ учредителей, безцеремонно осуществляли свои рѣшенія. Тогда какъ, если бы о просъ о передачѣ школъ рѣшался и крестьянскими обществами, участвовавшими въ содержаніи земскихъ школъ, то нѣтъ сомнѣнія, что число земствъ, передавшихъ свои права и обязанности новому учрежденію, или сократилось бы еще болѣе, или совершенно исчезло.

Послѣдствія передачи школъ духовенству, какъ и слѣдовало ожидать, оказались очень печальными. Скоро земствамъ пришлось убѣдиться, что дѣло повсюду идетъ очень плохо, положеніе школъ крайне печальное, многія школы, по принятіи ихъ духовенствомъ, долго оставались безъ учителей; другія шли крайне плохо, вслѣдствіе отсутствія особаго учителя, свободнаго отъ посторонних обязанностей, или вслѣдствіе неудовлетворительности назначенныхъ учителей. Тамъ, гдѣ дѣлались попытки привлечь къ учительству церковный причтъ, оказалось, что «священники долго не давали согласія, а тѣ, которые приняли на себя учительскія обязанности, получали содержаніе, а въ школу не ходили». Такимъ образомъ число школъ уменьшилось, а въ оставшихся пришлось все-таки удержать свѣтскихъ учителей.

Въ 90-хъ годахъ, когда въ русскомъ обществѣ былъ поставленъ вопросъ объ осуществленіи всеобщаго обученія, на первый планъ уже выдвинулись не церковно-приходскія школы, а школы грамоты, признанныя главнымъ средствомъ обезпеченія маленькихъ селеній образовательными средствами. Но съ 1891 г. духовное вѣдомство присвоило себѣ монополію открытія такихъ школъ и завѣдыванія; такимъ образомъ земство могло только помогать этими школамъ субсидіями. Большинство земствъ — 78 изъ 165—субсидировало школы грамоты, вслѣдствіе стремленія «распространять грамотность въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ земскихъ школъ», по «невозможности для мелкихъ селеній имѣть правильно организованныя школы» и т. п. Такимъ образомъ недостатокъ земскихъ средствъ и невозможность имѣть свои организованныя земскія школы низшаго типа заставляли земства пользоваться содѣйствіемъ духовнаго вѣдомства и субсидировать школы грамоты.

Что касается взгляда земствъ на нынѣшнія школы грамоты, то громадное большинство изъ нихъ — 63,5% изъ 186 земствъ не считаютъ эти школы удовлетворительнымъ средствомъ распространенія первоначальной грамоты и мирятся съ ихъ существованіемъ лишь благодаря неблагопріятнымъ внѣшнимъ условіямъ; 79 земствъ изъ 186 не придаютъ этимъ школамъ никакого образовательно-воспитательнаго значенія; лишь 4,3% дали удовлетворительные для нынѣшней школы грамоты отзывы. Нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, вятская земская управа, идутъ въ отзывахъ о школахъ грамоты еще дальше и находятъ, что «самое существованіе школъ грамоты приноситъ вредъ, извративъ у

народа идею о школьномъ образованіи и уронивъ въ его глазахъ самое понятіе о школахъ».

На почвѣ школьнаго дѣла постоянно и почти повсемѣстно происходятъ недоразумѣнія между земствами и духовнымъ вѣдомствомъ.

Всѣ эти недоразумѣнія привели къ значительному уменьшенію числа субсидирующихъ школы духовнаго вѣдомства земствъ. Въ государственномъ совѣтѣ и за земствомъ признано, наконецъ, право открывать и содержать свои собственныя, не подчиненныя духовенству, школы грамоты, чѣмъ, конечно, земства и воспользуются широко.

Картинка земской жизни. Мнѣніе о церковныхъ школахъ самого народа, самихъ крестьянъ, т.-е. тѣхъ, чьи дѣти обучаются тамъ, кажется намъ болѣе объективною оцѣнкою церковныхъ школъ, лишенною невольныхъ ошибокъ и предвзятыхъ мнѣній. Недаромъ гласитъ русская пословица: «Гласъ народа—гласъ Божій!»

Какъ яркій образецъ такой оцѣнки, приводимъ нижеслѣдующую выдержку изъ засѣданія нынѣшняго очередного камышловскаго уѣзднаго земскаго собранія Пермской губерніи.

Дѣло идетъ о субсидіяхъ отъ земства епархіальному вѣдомству на содержаніе церковныхъ школъ, которыхъ въ Камышловскомъ уѣздѣ насчитывается 77.

Членъ управы по назначенію отъ правительства Ѳедоровъ, съ одобренія преосвященнаго Никанора, епископа екатеринбургскаго и ирбитскаго, внесъ въ собраніе докладъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты въ Камышловскомъ уѣздѣ за 1902—1903 учебный годъ. Докладчикъ, распространившись, главнымъ образомъ, объ отрадномъ впечатлѣніи, произведенномъ на него при посѣщеніяхъ церковныхъ школъ, «благовоспитанными, вѣжливыми и почтительными» дѣтьми, и затѣмъ о тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ существованія школъ и учителей, какъ причинахъ слабой постановки учебнаго дѣла, просилъ у земства, кромѣ обычной субсидіи въ 2.000 руб., еще новыхъ ассигнованій: 2.000 руб. на постройку зданій церковныхъ школъ, 770 руб. на учрежденіе при нихъ библіотекъ и 700 руб. на улучшеніе матеріальнаго положенія учительскаго персонала.

Вопросъ подвергается закрытой баллотировкѣ, по постановленію собранія, въ которомъ большинство гласныхъ (9) были крестьяне. Размѣры кредитовъ на каждую статью баллотируются порознь.

По данному вопросу гласные разбились на двѣ партіи: меньшая числомъ во главѣ съ управою стремительно и съ жаромъ обрушивалась на другую, превосходившую ее числомъ, съ изумительною стойкостью и хладнокровіемъ отвергавшую предложенія первой.

Въ началѣ читается мнѣніе ревизіонной коммиссіи, которая, разсмотрѣвъ вопросъ о просимыхъ у земства пособіяхъ на церковныя школы, высказалась противъ новыхъ ассигнованій.

Встаетъ о. Дергачевъ — представитель духовнаго вѣдомства: «Я присоединяюсь къ докладу г. Ѳедорова и прошу собраніе обратить вниманіе

на библіотеки, выразить свое сочувствіе школамъ и не считать ихъ дѣломъ какого-то иного государства, нерусскаго»...

Членъ управы Ѳедоровъ говоритъ долго и горячо: «Задача Земства равномѣрное удовлетвореніе нуждъ крестьянъ. Но въ дѣлѣ народнаго образованія вышло иное: одни общества признаются сельскими, другія церковными! Ревизіонная коммиссія говоритъ: мы и своимъ школамъ дали только 6.000 руб. вмѣсто просимыхъ управою 9.000 руб. Я ходатайствую о внесеніи въ смѣту третьей части этой суммы на постройку зданій церковныхъ школъ. Въ своемъ докладѣ я говорилъ, что земство одинаково должно помогать церковнымъ и земскимъ и школамъ. Не знаю, достаточно ли убѣдительно я выразилъ свою мысль, но смѣю думать, что ходатайства мои были искренни (sic). Дайте хоть то, что расходуется здѣсь на одну прогимназію! Семь министерскихъ училищъ получаютъ отъ земства болѣе, чѣмъ 77 церковныхъ школъ! Прогимназія и городское училище субсидируются потому, что тамъ учатся дѣти земскихъ плательщиковъ. А кто же учится въ церковныхъ школахъ?!. Предѣльность обложенія, на которую ссылается коммиссія, не столь жестока. Губернаторъ одинаково преслѣдуетъ нужды церковныхъ школъ и не откажетъ въ утвержденіи смѣты, когда увидитъ, что внесенные расходы вызываются мѣстными пользами и нуждами. Для церковныхъ школъ,—патетически восклицаетъ г. Ѳедоровъ,—я прошу кусокъ чернаго хлѣба! Отказъ въ субсидіи несовмѣстимъ съ достоинствомъ земскаго собранія! Я прошу только 2.000 руб., и пусть эти 2.000 руб. будутъ представлять хотя запахъ справедливости:»

Далѣе ораторъ, распространившись о пользѣ библіотекъ при школахъ и повторивъ сказанное раньше о безотрадномъ положеніи учителей, проситъ уважить его ходатайства.

«Когда я прочиталъ свой докладъ, меня благодарили. Не знаю, за что?! Благодарили за то, что я въ ступѣ воду толокъ... Это насмѣшка надъ моимъ трудомъ»... обиженно заканчиваетъ ораторъ, точно сомнѣваясь въ успѣхѣ своихъ ходатайствъ.

Первымъ баллотируется размѣръ обычнаго, изъ года въ годъ повторяющагося, пособія церковнымъ школамъ въ 2.000 руб.

Но, очевидно, громовая рѣчь г. Федорова не возымѣла своего дѣйствія. Баллотировка дала 7 шаровъ за назначеніе и 10 противъ.

По предложенію городского головы Васильева, баллотируютъ уменьшенный до 1.000 руб. размѣръ пособія на эту статью.

Двое гласныхъ: о. Дергачевъ и другой членъ управы по назначенію отъ правительства Насоновъ—въ обидѣ, и участіе въ баллотировкѣ не принимаютъ. На сей разъ собраніе довольное тѣмъ, что размѣръ обычной субсидіи уменьшенъ до 1.000 руб., постановило дать пособіе въ этомъ размѣрѣ.

Затѣмъ баллотируются размѣры вновь испрашиваемыхъ кредитовъ. Пособіе на постройку зданій для церковныхъ школъ въ 2.000 руб. проваливается большинствомъ 11 голосовъ.

О. Протоіерей: «Не угодно ли въ другомъ размѣрѣ!?»...

Федоровъ: «1.500 руб.!».

Баллотируютъ 1.500 руб., но результатъ тотъ-же: 11 голосовъ противъ назначенія.

По предложенію предсѣдателя управы Крупина и члена Насонова баллотируютъ 1.000 руб., но лишь одинъ голосъ изъ 11 переходитъ въ другой лагерь. Гласные не сдаются.

Федоровъ, выходя изъ себя: «Предлагаю 77 руб., по 1 руб. на общество!».

Предсѣдатель, урезонивая Федорова: «Нахожу лично неудобнымъ ваше заявленіе!».

Федоровъ: «Отчего!?»

Предсѣдатель, уклоняясь: «Вопросъ покончен...»

Молчаніе.

Нападающая партія въ затрудненіи, что предпринять.

Предсѣдатель, выводя собраніе изъ неловкаго молчанія: «Не угодно ли 500 руб.?».

Баллотируютъ 500 руб., и два сердобольныхъ голоса изъ числа прежнихъ 11 переходятъ въ противный лагерь и даютъ перевѣсъ на одинъ голосъ.

Итакъ на постройку зданій дано 500 руб.

Затѣмъ баллотируется пособіе на устройство библіотекъ для внѣкласснаго чтенія при церковныхъ школахъ, послѣдовательно въ размѣрѣ 770 руб., 500 руб, и 385 руб. Но все время большинство противъ: сначала 12 голосовъ, а потомъ 10.

Федоровъ нерѣшительно, повторяя остроту: «прошу по 1 руб. на школу».

Предсѣдатель вяло: «Неудобно...»

Баллотируютъ на тотъ же предметъ 250 руб., 200 руб., и лишь 100 руб., точно въ насмѣшку, дается собраніемъ, большинствомъ 9-ти голосовъ противъ семи.

Послѣднее ходатайство Федорова—объ ассигнованіи 700 руб. на улучшеніе матеріальнаго положенія учительскаго персонала въ 46 церковныхъ школахъ грамоты, г. Федоровъ, спасая отечество, произноситъ вторую болѣе краткую рѣчь, перечисляетъ свои потери и проситъ: «отнестись сколько-нибудь сердечно и хоть это дать!»

Но гласные неумолимы: не даютъ ни просимыхъ 700 руб., ни уменьшеннаго размѣра—500 руб., ни 400 руб.

Наконецъ, по предложенію предсѣдателя, ясно показавшему, что ему эта комедія надоѣла, большинствомъ 9 противъ 8 на пособіе учителямъ ассигновано 300 руб.

Управская партія подсчитала свой выигрышъ: въ конечномъ счетѣ она не дополучила 100 руб. до размѣра обычной субсидіи въ 2.000 руб.

Такимъ образомъ въ пособіе церковнымъ школамъ дано земствомъ всего лишь 1.900 руб.

Земцы въ Коммиссіи о центрѣ. Какъ извѣстно, земскими представителями въ коммиссіи по вопросу о поднятіи центра была представлена

статсъ-секретарю Коковцеву особая докладная записка, въ которой земцы высказали опредѣленный взглядъ на этотъ вопросъ, и между прочимъ на первое мѣсто въ ряду необходимыхъ мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью поднятіе благосостоянія крестьянства, земскіе дѣятели поставили реформу деревенскаго правопорядка. Жизнь въ деревнѣ, говорятъ они, только тогда войдетъ въ свое русло, когда будетъ поднята личность крестьянина, когда падаетъ дѣленіе деревенскихъ жителей на податныя и неподатныя сословія, когда равенство членовъ всѣхъ сословій въ ихъ правахъ передъ закономъ, провозглашенное реформами императора Александра II, будетъ проведено въ жизнь.

По дѣйствующимъ законамъ крестьяне являются какъ бы особымъ родомъ людей, отличныхъ отъ людей другихъ сословій. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что признаніе равенства ихъ передъ закономъ наряду съ просвѣщеніемъ дастъ сильный толчокъ къ развитію самодѣятельности, составляющей единственный вѣрный залогъ экономическаго преуспѣянія. Потому проведеніе началъ равенства крестьянъ и не-крестьянъ,—равенства какъ въ правахъ, такъ и въ обязанностяхъ,—должно быть поставлено во главу угла не только реформы въ деревенскомъ правопорядкѣ, но всѣхъ мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью поднять благосостояніе страны.

Недочеты современнаго правового порядка у крестьянъ выражаются въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ жизни и основаны цѣликомъ на ограниченіи ихъ личныхъ правъ. Въ краткомъ очеркѣ можно лишь указать на главные и крупные недочеты, не останавливаясь на подробномъ изложеніи ихъ значенія:

1) Обученіе въ среднемъ или высшемъ учебномъ заведеніи, занятіе должности на государственной службѣ или торговлей на правахъ купца требуютъ выписки изъ сельскаго общества при обязательномъ отказѣ отъ правъ на надѣльную землю. Такимъ образомъ болѣе сильные элементы искусственно выводятся изъ деревни.

2) Видъ на жительство можно получить крестьянину лишь съ согласія хозяина крестьянскаго двора или разрѣшенія крестьянскихъ установленій. Съ упраздненіемъ круговой поруки всякія стремленія оградить хозяйственную состоятельность крестьянской семьи излишни, и можно было бы признать за совершеннолѣтнимъ крестьяниномъ право на свободное полученіе видовъ.

3) Совершенно излишнюю опеку въ связи со взглядомъ на крестьянъ какъ на данниковъ фиска представляетъ также законъ 18-го марта 1886 г. о семейныхъ раздѣлахъ.

4) Въ положеніи рабочаго вопроса, какъ онъ поставленъ въ законѣ, личность крестьянина также подвергается ограниченію. За уходъ съ работы, т.-е. за нарушеніе гражданскаго договора, онъ можетъ быть подвергнутъ по желанію хозяина уголовной карѣ.

Наконецъ, 5) 61-я ст. пол. о земск. нач. есть статья, спеціально ограничивающая личныя права крестьянина.

То же положеніе ограниченной личности крестьянинъ занимаетъ и въ сферѣ законоположеній, регулирующихъ гражданскія, имущественныя и наслѣдственныя отношенія. Въ этой области крестьянство осталось до сихъ поръ при

законоположеніяхъ 1861 г. Между тѣмъ за 40 лѣтъ жизнь ушла впередъ, народилась масса новыхъ потребностей и положеній, усложнились общественныя и частныя отношенія крестьянъ между собой и къ другимъ сословіямъ, совершенно измѣнилось не только экономическое положеніе, но и направленіе всей экономической политики государства. Законоположеніе 1861 г. отводитъ широкое значеніе обычному праву, на самомъ же дѣлѣ юридическіе обычаи давно исчезли, ихъ мѣсто замѣнило «усмотрѣніе», начиная съ усмотрѣнія волостного суда и кончая губернскимъ присутствіемъ. Можетъ быть, раньше и можно было кодифицировать обычаи, но уѣздные съѣзды и губернскія правленія, не зная ихъ, не могли считаться съ ними, а за ними постепенно отказались отъ нихъ и волостные суды. Поэтому теперь цѣлая бездна правоотношеній вовсе не нормируется или же нормируется общегражданскими законами, которые при несовершенствѣ своемъ толкуются произвольно. Спутанность и неопредѣленность крестьянскихъ законовъ настолько велика, что для всѣхъ властей, начиная съ низшихъ и кончая высшими, не говоря уже о самихъ крестьянахъ, совершенно непонятно, какой законъ когда нужно примѣнять, что составляетъ вѣдомство суда, что—администраціи. Правительству и общественнымъ силамъ предстоитъ огромный трудъ, когда приступятъ къ созданію твердаго, опредѣленнаго законодательнаго кодекса, въ которомъ обычное право должно быть замѣнено точными гражданскими законами.

Нельзя обойти и процессуальной стороны вопроса, несовершенства волостного суда, поставленнаго въ зависимости отъ земскаго начальника съ формальной стороны и по существу. Трудно предположить, чтобы среди крестьянскаго населенія при его безправіи и невѣжествѣ могъ возникнуть судъ, удовлетворяющій современнымъ процессуальнымъ требованіямъ. Если же вглядѣться подробнѣе въ существо вр. прав. о вол. судѣ, то встрѣтимъ въ немъ много несообразностей, основанныхъ исключительно на томъ же взглядѣ на крестьянъ какъ на личность подлежащую ограниченію. Такъ, проступокъ крестьянина, нарушившій интересы частнаго землевладѣльца, карается по уст. о нак. и тотъ же проступокъ по отношенію къ крестьянину или мѣщанину карается легче, по вр. прав. о вол. судѣ: напр., кража до 50 р. въ первомъ случаѣ влечетъ за собою тюремное заключеніе, во второмъ—арестъ. Квалификація поступка, вновь введеннаго въ уголовный кодексъ исключительно для крестьянъ—«мотовство и пьянство», въ высшей степени произвольна и обязана происхожденіемъ своимъ фискальнымъ соображеніямъ, основаннымъ на круговой порукѣ. Наконецъ, тѣлесное наказаніе основано на томъ же отношеніи къ крестьянину какъ къ низшему существу. Еще въ 1864 г., въ мотивахъ, приведенныхъ при разсмотрѣніи уст. о нак., государственный совѣтъ высказалъ, что тѣлесныя наказанія не могутъ не быть признаны положительно вредными, препятствуя смягченію нравовъ народа и не дозволяя развиваться въ немъ чувству чести и нравственнаго долга, кои служатъ еще болѣе вѣрною охраною общества отъ преступленій, чѣмъ самая строгость уголовнаго преслѣдованія. Наказуемость для крестьянъ должна опредѣляться общими для всѣхъ уголовными законами, волостные же суды, какъ сослов-

ные, должны быть замѣнены судебными мѣстами, общими для всѣхъ классовъ населенія.

Изъ краткаго очерка правового положенія крестьянъ видно, какъ мало-по-малу законъ отдѣлилъ крестьянъ высокою стѣной отъ всѣхъ другихъ сословій, создалъ для нихъ рядъ ограничительныхъ нормъ и окружилъ ихъ опекой цѣлой сѣти выборнаго и назначаемаго начальства. Найти защиту отъ возможнаго съ ихъ стороны произвола бываетъ ему трудно; съ другой стороны, крестьянинъ твердо знаетъ, что за извѣстными предѣлами ему бояться нечего. Обособленное законодательство, шаткость имущественнаго права, полная безотвѣтственность въ обязательныхъ отношеніяхъ, множество начальствъ, которыя далеко не всегда опекаютъ его въ предѣлахъ, увазанныхъ закономъ,— все это создаетъ обстановку, дѣйствующую на міросозерцаніе народа совершенно деморализующимъ образомъ, принижаетъ въ наемъ чувство личности, подавляетъ иниціативу и самодѣятельность.

За мѣсяцъ. «Сѣверо-Западное Слово» приводитъ нѣкоторыя новыя подробности о покушеніи на бѣлостокскаго полицеймейстера:

«По всей вѣроятности, въ полицеймейстера стрѣляли двое, причемъ каждый изъ нихъ произвелъ по одному выстрѣлу. Первый выстрѣлъ былъ глухой, второй же рѣзкій, явственный. Полицеймейстеръ бросился въ догонку за однимъ изъ нихъ, скрывшимся въ ближайшій безымянный переулокъ, которыми вообще изобилуетъ гор. Бѣлостокъ, откуда онъ произвелъ третій выстрѣлъ въ г. Метленко. Полицеймейстеръ, между тѣмъ, успѣлъ выхватить и свой револьверъ, заряженный восемью патронами, и съ своей стороны выстрѣлилъ въ стрѣлявшаго. Послѣдній забѣжалъ въ сѣни помѣщающейся въ этомъ переулкѣ еврейской молитвенной школы, откуда произвелъ еще четыре выстрѣла въ полицеймейстера, которые цѣли своей не достигли, а попали въ помѣщающійся противъ этой школы досчатый заборъ. Полицеймейстеръ выпустилъ по направленію къ сѣнямъ, откуда въ него стрѣляли, всѣ остальные имѣвшіеся въ его револьверѣ патроны. Сѣни находились въ тѣни, между тѣмъ какъ фигура полицеймейстера освѣщалась падавшимъ изъ оконъ молитвенной школы на переулокъ свѣтомъ. Видя, что пули не причинили полицеймейстеру серьезнаго поврежденія, стрѣлявшій выскочилъ изъ сѣней молитвенной школы и скрылся въ темнотѣ. На слѣдующее утро чинами полиціи было найдено въ помойной ямѣ одного изъ ближайшихъ проходныхъ дворовъ пальто, а подъ нимъ нѣсколько револьверныхъ патроновъ весьма крупнаго калибра. Нѣкоторыя лица удостовѣрили, что рядомъ съ пальто лежали револьверъ и кинжалъ, которые, однако, загадочнымъ образомъ исчезли за нѣсколько минутъ до прибытія полиціи. Не подлежитъ сомнѣнію, что предметы эти принадлежатъ одному изъ стрѣлявшихъ въ полицеймейстера. Въ пальто на спинѣ оказалась круглое, сквозное отверстіе; можно предполагать, что одна изъ пуль попала въ стрѣлявшаго и онъ тоже раненъ.

«Положеніе полицеймейстера серьезное. Несмотря на то, что пулевое отверстіе было разрѣзано до глубины $2^1/_2$ вершковъ, пуля не была найдена, такъ

какъ она перемѣстилась. Предполагается перевезти его въ Варшаву, чтобы подвергнуть изслѣдованію при помощи рентгеновскихъ лучей, и въ зависимости отъ результата этого изслѣдованія будетъ находиться вопросъ о необходимости произвести новую операцію для извлеченія пули».

— Обязательное постановленіе харьковскаго губернатора напечатано въ мѣстныхъ «Губ. Вѣд.»: «Хозяева фабрикъ, заводовъ и ремесленныхъ заведеній, а равно арендаторы и управляющіе оными обязаны внимательно слѣдить, чтобы въ средѣ подвѣдомственныхъ имъ рабочихъ не появлялись распространители вредныхъ ученій и всякаго рода волнующихъ общественное спокойствіе слуховъ, и въ случаѣ появленія такихъ лицъ, должны немедленно увѣдомлять о томъ полицію, стараясь не упускать подозрительныхъ лицъ изъ-подъ своего наблюденія и по возможности сохранять доказательства преступленій, каковыми могутъ быть запрещенныя книги, рукописи и т. п.».

— Новое обязательное постановленіе, изданное въ Кіевѣ и напечатанное въ мѣстныхъ газетахъ, говоритъ: «1) Всякія сходбища и собранія для совѣщаній или дѣйствій, противныхъ государственному порядку или общественному спокойствію, воспрещаются во всѣхъ безъ исключенія общественныхъ и публичныхъ зданіяхъ и помѣщеніяхъ, на фабрикахъ, заводахъ, мастерскихъ, торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ всякаго рода и въ частныхъ квартирахъ.

«2) Участники означенныхъ въ п. 1-мъ сего постановленія сходокъ и собраній подвергаются въ административномъ порядкѣ аресту до трехъ мѣсяцевъ или денежному штрафу до пятисотъ рублей.

«3) Такой же отвѣтственности подвергаются квартирохозяева и лица, фактически завѣдывающія означенными въ п. 1-мъ сего постановленія зданіями, помѣщеніями и заведеніями, за допущеніе сходбищъ и собраній, воспрещенныхъ симъ постановленіемъ.

«Кіевъ, ноября 6-го дня 1903 года. Кіевскій губернаторъ генеральнаго штаба генералъ-майоръ Саввичъ».

— Въ приказѣ по войскамъ виленскаго военнаго округа, отъ 23-го октября временно командующій войсками округа предписалъ привести въ исполненіе приговоръ виленскаго военно-окружного суда, опредѣлившаго рядового 3-го сапернаго баталіона Петра Анотина за умышленное поднятіе оружія на своего ротнаго командира штабсъ-капитана Среднева и нанесеніе ему тяжкихъ ранъ лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни черезъ разстрѣляніе.

Приговоръ этотъ, какъ сообщаетъ «Виленскій Вѣстникъ», 24-го октября былъ приведенъ въ исполненіе.

— Какъ сообщаетъ «Финляндская Газета», по распоряженію финляндскаго главнаго управленія по дѣламъ печати, дано предостереженіе выходящей въ городѣ Улеаборгѣ газетѣ «Kaiku» за помѣщенную въ № 112 этой газеты статью подъ названіемъ «Ovatko Suomen Säädytmeneet toimintansa yli?», потому что при настоящихъ обстоятельствахъ, когда будущее созваніе сейма зависитъ отъ полнаго спокойствія въ краѣ, главное управленіе нашло, что неумѣстно помѣщать въ газетахъ подобныя необстоятельныя раз-

сужденія, основанныя на непровѣренныхъ и тенденціозно составленныхъ отрывочныхъ историческихъ данныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстному цензору поставлено объ этомъ на видъ.

— По распоряженію финляндскаго главнаго управленія по дѣламъ печати, изданіе выходящей въ городѣ Коткѣ газеты «Kotkan Samonat», пріостановлено на четырнадцать дней за помѣщенную въ № 120 этой газеты статью, подъ заглавіемъ: «Socialismin tarkoitukcsita», потому что главное управленіе признало, что помѣщенное въ послѣднемъ пунктѣ названной статьи изложеніе въ видѣ воззванія къ насильственному отстаиванію рабочими классами своихъ интересовъ является совершенно неумѣстнымъ и вреднымъ для общественнаго спокойствія.

— 4-го ноября 1903 года министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: вновь разрѣшить выпускъ въ свѣтъ газеты «Уралъ», пріостановленной распоряженіемъ отъ 2-го августа сего года.

— 24-го октября 1903 года на основаніи статьи 155 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., воспрещается печатаніе частныхъ объявленій въ газетѣ «Саратовскій Листокъ» на одинъ мѣсяцъ.

ЗЕМСКІЙ УЧИТЕЛЬ ВЪ ЛОХВИЦКОМЪ УѢЗДѢ.

(Письмо изъ Лохвицы).

Общественная жизнь въ нашей глухой провинціи движется очень медленными шагами, но все же она движется впередъ, а не стоитъ на мѣстѣ. Послѣдніе годы отмѣчены несомнѣннымъ подъемомъ нашей общественной жизни. Тамъ, гдѣ все спало, начинаютъ замѣчаться слабые признаки пробужденья, Обыватель протираетъ глаза и начинаетъ приглядываться еще сонными глазами къ окружающимъ его роднымъ картинамъ. Отъ этого до полной жизни еще чрезвычайно далеко, но все же это лучше, чѣмъ сонное царство недавняго прошлаго.

Замѣчаются признаки оживленія и въ нашемъ лохвицкомъ захолустьѣ. Мѣстное сельскохозяйственное общество, являющееся главнымъ объединительнымъ центромъ здѣшней интеллигенціи, обнаруживаетъ усиленный интересъ къ общественнымъ вопросамъ. Въ деревняхъ возникаютъ новыя общественныя организаціи (три кредитныхъ товарищества и одно мелкое сельскохозяйственное общество), въ которыхъ участвуютъ сотни крестьянъ. Очень расширилась дѣятельность кустарнаго комитета, одно время почти не подававшаго признаковъ жизни. Наконецъ, возникло энергично работающее «Общество взаимопомощи земскихъ учителей Лохвицкаго уѣзда», въ составъ котораго входитъ большая часть мѣстныхъ земскихъ учителей и учительницъ и кромѣ того много лицъ изъ мѣстной интеллигенціи. Когда это общество учреждалось, то многіе думали, что оно будетъ мертворожденнымъ предпріятіемъ, существующимъ лишь на бумагѣ. Но живой духъ, ворвавшійся въ русскую провинцію, проникъ и въ общество взаимопомощи учителямъ. Его засѣданія,

къ общему удивленію, стали посѣщаться членами чрезвычайно усердно, несмотря на то, что большинство изъ этихъ членовъ живетъ за десятки верстъ отъ Лохвицы. Члены изъ учителей и учительницъ собираются на каждое засѣданіе почти въ полномъ составѣ,—а это не шутка, если вспомнить, какъ трудно добраться до города въ дурную погоду учителю, не располагающему лишней копейкой. Были случаи, что учителя дѣлали по пятьдесятъ верстъ *пѣшкомъ*, въ страшную грязь, лишь бы только не пропустить засѣданія. Большей заинтересованности дѣятельностью общества нельзя и желать.

Въ числѣ докладовъ, привлекшихъ особенно много публики, долженъ быть отмѣченъ докладъ предсѣдателя правленія общества, извѣстнаго мѣстнаго земскаго дѣятеля А. К. Влахопулова, о всероссійскомъ учительскомъ съѣздѣ въ Москвѣ. Докладъ этотъ произвелъ очень сильное впечатлѣніе на учителей и учительницъ, показавъ имъ, какія широкія общественныя задачи были выдвинуты московскимъ съѣздомъ и какъ смѣло обсуждались на немъ нужды учительскаго дѣла.

Въ настоящемъ письмѣ я хочу, однако, остановиться лишь на одной сторонѣ дѣятельности общества, представляющей интересъ не только для Лохвицкаго уѣзда. Я имѣю въ виду работу, исполненную особой коммиссіей, выбранной обществомъ для изслѣдованія экономическаго положенія земскихъ учителей и учительницъ уѣзда. Комиссія эта (въ составъ которой входилъ, между прочимъ, извѣстный статистикъ, недавно умершій М. А. Плотниковъ) выработала подробную программу изслѣдованія, которое должно было выяснить не только экономическое положеніе учителей, но и культурную обстановку ихъ жизни. Такъ въ программѣ имѣлись вопросы слѣдующаго рода: что читаетъ учитель? Имѣются ли у учителя собственныя книги для чтенія, журналы и газеты, и какія именно? Въ случаѣ пользованія чужими книгами журналами и газетами, откуда ихъ достаютъ? Приходились ли ѣздить учителю на образовательные курсы и какіе именно?

Выработанный комиссіей вопросный бланкъ былъ разосланъ всѣмъ мѣстнымъ земскимъ учителямъ и учительницамъ; полученные отвѣты (отвѣтило болѣе $^2/_3$ запрошенныхъ лицъ) доставили весьма интересный матеріалъ для характеристики условій жизни земскихъ учителей, съ которымъ я хочу познакомить читателя.

Земскій учитель въ Лохвицкомъ уѣздѣ получаетъ 240 р. въ годъ жалованья, а помощникъ 180 руб. Если съ общимъ преподаваніемъ соединяется и преподаваніе Закона Божія, жалованіе учителю повышается на 50 р. Среднее жалованіе учителю достигаетъ по уѣзду для учителя 249 руб., для помощника 180 руб., а въ среднемъ для того и другого 227 рублей.

Это жалованье было бы не такъ незначительно, если бы учитель имѣлъ возможность что-либо зарабатывать въ теченіе продолжительнаго вакаціоннаго времени, которое равняется приблизительно полугоду. Изъ полученныхъ отвѣтовъ видно, однако, что лѣтніе заработки учителей являются скорѣе исключеніемъ. Лишь менѣе 23% учителей имѣли такіе заработки, колебавшіеся

отъ 14 до 100 р. Средній размѣръ лѣтняго заработка учителя можно считать въ 40—50 руб.

Кромѣ жалованья, учителя получаютъ отъ земства квартиру съ отопленіемъ и отчасти прислугу. Квартира бываетъ изъ 1, двухъ или трехъ комнатъ, съ кухней или безъ нея. Чаще всего квартира состоитъ изъ 1 комнаты съ кухней или же изъ 2 комнатъ съ кухней. Въ нѣсколькихъ случаяхъ кухни при квартирѣ не было и въ одномъ случаѣ квартира состояла изъ 3 комнатъ съ кухней. Школьныя квартиры, повидимому, далеко не всегда удовлетворяютъ требованіямъ гигіены. Въ очень многихъ отвѣтахъ содержались жалобы на неудовлетворительность школьнаго помѣщенія и квартиры,—указанія на сырость квартиры, неудобное ея устройство, холодъ и пр.

Что касается до семейнаго положенія учителей или учительницъ, то около 21% изъ нихъ состояло въ бракѣ, причемъ большая часть состоящихъ въ бракѣ имѣли дѣтей. Само собою разумѣется, что положеніе семейнаго учителя, принужденнаго жить на то же скудное жалованье, гораздо труднѣе, чѣмъ холостого. Въ нѣкоторыхъ, правда, исключительныхъ, случаяхъ положеніе это, безъ преувеличенія, было прямо трагическимъ. Вотъ, напримѣръ, яркая картина условій жизни одного изъ такихъ семейныхъ учителей.

Этотъ учитель имѣетъ жену и 6 дѣтей, живущихъ при немъ, старшему изъ которыхъ 15 лѣтъ, а младшему 1 годъ. Никакихъ источниковъ дохода и заработковъ, кромѣ жалованья, получаемаго отъ земства (давшаго ему въ 1902 г. пособіе въ размѣрѣ 60 руб. на воспитаніе сына), у него нѣтъ. Квартира его состоитъ изъ маленькой комнаты въ 1 окно и кухни. Въ этой микроскопической квартиркѣ размѣщается вся семья учителя изъ 8 человѣкъ. О бюджетѣ этого учителя можно составить себѣ представленіе по тому, что на столъ для 8 душъ онъ тратитъ 18 руб. въ мѣсяцъ (т.-е. 2 р. 25 коп. на человѣка), значительно меньше, чѣмъ полагается на харчи рабочему у хорошаго хозяина. Изъ 300 р., получаемыхъ учителемъ отъ земства, онъ долженъ тратить на воспитаніе своихъ дѣтей, что обходится ему болѣе 100 р. въ годъ. Неудивительно, что этотъ учитель испытываетъ, по его словамъ, «часто ненормальное состояніе здоровья, вслѣдствіе недостатка въ пищѣ и необходимой одеждѣ, которую онъ не въ силахъ имѣть при большомъ семействѣ и ограниченномъ содержаніи», и что онъ можетъ существовать, лишь «прибѣгая къ помощи займовъ у своихъ односельчанъ».

Разумѣется, положеніе несемейныхъ учителей или имѣющихъ посторонніе источники дохода гораздо лучше. Голодать имъ не приходится, хотя болѣютъ они нерѣдко.

Почти половина учителей жалуется на частыя болѣзни, причинами которыхъ выставляются переутомленіе, сырая и холодная квартира, и вообще дурное устройство школьнаго помѣщенія. Расходы на леченіе бываютъ иногда очень велики, достигая въ одномъ случаѣ до 100 р. въ годъ. Чаще всего они колеблются у подверженныхъ заболѣваніямъ учителей между 15—20 руб. въ годъ.

Какъ же удовлетворяетъ лохвицкій учитель свои духовныя потребности?

При крайне скудномъ содержаніи, учителя почти не имѣютъ возможности покупать книги. И дѣйствительно, почти 70% учителей показали, что собственныхъ книгъ у нихъ *совсѣмъ нѣтъ*. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, почти половина учителей выписываетъ какія либо періодическія изданія, газеты или журналы. Источникомъ полученія книгъ является, главнымъ образомъ, лохвицкая общественная библіотека. Затѣмъ книги берутся изъ читальни комитета трезвости, у знакомыхъ помѣщиковъ, священниковъ, изъ школьныхъ библіотекъ и т. д. Читаются почти исключительно книги беллетристическаго содержанія, причемъ всего болѣе читаются слѣдующіе авторы: Горькій, Чеховъ, Достоевскій, Данилевскій, Лѣсковъ. Изъ менѣе читаемыхъ авторовъ слѣдуетъ упомянуть Сенкевича, Потапенко, Андреева. Любопытно, что Толстого читаютъ не очень много, также какъ и Тургенева, Гончарова и Писемскаго еще меньше. Изъ критиковъ всего больше читаются Писаревъ, затѣмъ Бѣлинскій. Очень большую роль въ распространеніи книги въ деревнѣ играютъ приложенія къ «Нивѣ». Кромѣ Горькаго, всѣ наиболѣе читаемые авторы принадлежатъ въ числу тѣхъ, сочиненія которыхъ вошли въ составъ этихъ приложеній. Впрочемъ, г. Боборыкинъ, хотя его произведенія также были изданы «Нивой», почти не читается земскими учителями.

Произведенія малорусской литературы, не смотря на то, что мы въ самомъ сердцѣ Украины, читаются весьма мало. Только г. Левицкій находитъ себѣ сравнительно болѣе читателей. Научнопопулярная литература (не говоря уже о научной) почти не проникаетъ въ среду земскихъ учителей и только единичные учителя знакомы съ сочиненіями этого рода.

Изъ газетъ всего больше выписываются «Биржевыя Вѣдомости», изъ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ журналовъ — «Нива», изъ ежемѣсячниковъ—«Журналъ для всѣхъ» и «Міръ Божій».

Но, разумѣется, всѣ эти данныя характеризуютъ лишь средняго учителя, интеллигентный уровень котораго, вообще, не высокъ. Какъ рѣдкое исключеніе, встрѣчаются и очень образованные учителя, имѣющія прекрасныя библіотеки съ сотнями томовъ книгъ разнообразнаго, не только беллетристическаго, содержанія, выписывающіе по нѣскольку періодическихъ изданій. Такихъ счастливцевъ, естественно, немного и принадлежатъ они къ числу болѣе достаточныхъ учителей, имѣющихъ свои личныя средства. Тѣ же учителя, которые живутъ лишь на земское жалованье (каковыхъ большинство), едва могутъ сводить концы съ концами своего скромнаго бюджета и почти лишены возможности пріобрѣтать книги.

Отсюда видно, что увеличеніе учительскаго жалованья требуется интересами самого школьнаго дѣла, какъ средство дать возможность учителю пріобрѣтать книги и тѣмъ повысить его образовательный уровень. Дѣйствительно, изъ сообщенныхъ учителями свѣдѣній выяснилось, что одни расходы на столъ, прислугу и одежду достигаютъ, въ среднемъ, на учителя 241 р. въ годъ. Слѣдовательно, средняго жалованья учителя не хватаетъ даже на покрытіе этихъ необходимѣйшихъ расходовъ. Неудивительно, что покупка книгъ оказывается для огромнаго большинства учителей недоступною роскошью.

Работы коммиссіи имѣли практическій результатъ, земское собраніе по-

становило повысить съ 1904 г. окладъ жалованья учителямъ до 300 р., а помощникамъ до 240 р. Сами учителя полагали, что только жалованье въ 360 р. дастъ имъ возможность жить, не дѣлая долговъ и не отказывая себѣ въ удовлетвореніи своихъ духовныхъ потребностей. И, безъ сомнѣнія, дальнѣйшее повышеніе содержанія земскихъ учителей есть вопросъ времени, такъ какъ только получающій сносное жалованье учитель можетъ успѣшно выполнить свое трудное и отвѣтственное дѣло.

М. Туганъ-Барановскій.

ДОБРЫЙ ПОЧИНЪ.

(Библіотека имени Виктора Петровича Острогорскаго).

Вопросъ о народномъ образованіи и о наиболѣе широкой и правильной постановкѣ его въ настоящее время занимаетъ всякаго болѣе или менѣе культурнаго человѣка. Образованіе, хотя бы самое элементарное, проникаетъ въ самые глухіе, такъ называемые «медвѣжьи» углы нашей родины; нерѣдко тамъ, гдѣ во всей деревнѣ нѣтъ ни одного взрослаго крестьянина, умѣющаго читать и писать, есть школа, и будущее поколѣніе будетъ уже грамотнымъ; грамотные отцы, въ свою очередь, не потерпятъ безграмотныхъ дѣтей, и умѣнье читать и писать, эта первая ступень образованія, становится уже доступна массѣ. Земства, частныя общества, отдѣльныя лица, устраивая первоначальныя школы, сознаютъ, что одна школа съ ея трехгодичнымъ курсомъ, еще недостаточна; что нужно закрѣпить въ головѣ полученныя свѣдѣнія, не забыть ихъ; нужно поддержать любознательность и любовь къ книгѣ въ грамотномъ человѣкѣ и дальше; и вотъ въ помощь школѣ является безплатная библіотека-читальня. Число этихъ библіотекъ растетъ быстро; всѣ лица, сочувствующія дѣлу народнаго просвѣщенія, стремятся тѣмъ или инымъ путемъ помочь этому дѣлу: устраиваютъ самостоятельно библіотеки-читальни, жертвуютъ въ нихъ книги, отдаютъ свой трудъ, дежуря въ этихъ библіотекахъ, выдавая книги; знакомятся съ книжнымъ матеріаломъ, составляющимъ достояніе этихъ библіотекъ и, выбирая наилучшее изъ него, даютъ читателю болѣе здоровую умственную пищу. Въ деревняхъ и селахъ такими безкорыстными тружениками являются чаще всего народные учителя; это завѣдываніе народной библіотекой какъ бы входитъ даже въ кругъ обязанностей учителя. Да и невольно, въ силу обстоятельствъ, къ кому же, какъ не къ учителю, обратится за помощью то общество, или то лицо, которое дастъ деревнѣ библіотеку? Кто же можетъ и долженъ стать во главѣ этого хотя и маленькаго, но просвѣтительнаго учрежденія, какъ не тотъ самый учитель, который обучаетъ дѣтей этой самой деревни, къ которому идутъ за совѣтомъ, который многое можетъ растолковать темному человѣку, потому что если онъ чего и самъ не знаетъ, то обо всемъ можетъ прочитать въ книжкѣ? Вотъ здѣсь то, при рѣшеніи этого частнаго вопроса, мы наталкиваемся на вопросъ болѣе серьезный, имѣющій очень большое значеніе: это вопросъ объ образованіи

самого учителя, о готовности и пригодности его въ роли воспитателя молодого поколѣнія и руководителя въ образованіи внѣшкольномъ. Мы знаемъ, что значительная часть нашихъ сельскихъ учителей не имѣетъ даже элементарной педагогической подготовки; напр., въ Новгородской губ. % учащихъ съ достаточной подготовкой равняется 50% для земскихъ школъ, 83% для министерскихъ, 60% для частныхъ и 18% для церковно-приходскихъ, общій же процентъ равняется 43% по свѣдѣніямъ за истекшій 1902—3 учеб. годъ. Попадаетъ такой учитель въ школу, нерѣдко совсѣмъ еще неустроенную, не снабженную даже достаточнымъ количествомъ учебниковъ и учебныхъ пособій, и самъ, одинъ, самостоятельно безъ посторонней помощи, безъ руководства принимается за устройство этой школы. Ему недостаетъ опыта, зачастую и знаній теоретическихъ; онъ хочетъ пополнить эти знанія чтеніемъ, думаетъ найти разрѣшеніе мучащихъ его вопросовъ въ сочиненіяхъ извѣстныхъ педагоговъ, но... учительская библіотека его пуста, на него уныло смотрятъ съ полокъ шкафа всего нѣсколько учебниковъ, грифельныя доски да тетради. Идетъ онъ за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній къ товарищу, учителю, уже нѣсколько лѣтъ служащему въ школѣ, но и тотъ, гостепріимно открывая ему свой книжный шкафъ, можетъ дать ему или только кое-какія методическія руководства, да накопившіеся за нѣсколько лѣтъ доклады и отчеты земскихъ управъ, если это школа земская. Такая обстановка учительскихъ библіотекъ встрѣчается очень часто; это ничуть не преувеличеніе. Такъ, въ Новгородской губерніи въ 33% земскихъ школъ *совсѣмъ нѣтъ* никакихъ учительскихъ библіотекъ, а въ имѣющихся библіотекахъ запасъ книгъ болѣе чѣмъ *скуденъ*. Школы въ другихъ губерніяхъ, снабженныя хорошими учительскими библіотеками, очень большая рѣдкость, и, если гдѣ встрѣчаются, составляютъ отрадное исключеніе.

Каково же должны себя чувствовать при такихъ условіяхъ начинающіе педагоги на первыхъ шагахъ своей дѣятельности? Тѣ учебныя заведенія, гдѣ они учились, не могли заранѣе рѣшить вопросовъ, встрѣчающихся на каждомъ шагу въ школьной практикѣ, людей, съ которыми можно бы поговорить—возлѣ нихъ нѣтъ; книгъ, которыя дали бы необходимыя указанія—тоже нѣтъ; начальство, которое, можетъ быть, заглянетъ разъ въ годъ въ школу, ограничивается формальнымъ спросомъ и знакомствомъ съ знаніями ученика; до духовнаго міра учителя, да массы вопросовъ, возникающихъ у него, начальству нѣтъ дѣла да и мало времени для разговоровъ объ этомъ: ему нужно объѣхать въ короткій срокъ десятокъ школъ, осмотрѣть все ли въ порядкѣ и занести все это въ вѣдомости.

И остается учитель одинъ, всю долгую зиму, всѣ учебные мѣсяцы; старается «подтянуть» своихъ учениковъ къ экзамену, на который, онъ знаетъ это, можетъ пріѣхать строгое начальство, члены училищнаго совѣта, которыхъ онъ никогда не видалъ, которые никогда не видали ни его, ни его учениковъ. Дѣти будутъ бояться, самъ онъ не знаетъ, какъ держать ему себя съ этими вершителями судебъ его учениковъ, да и его самого; этимъ членамъ совѣта также нѣтъ никакого дѣла до его личности, такъ какъ въ большинствѣ слу-

чаевъ учитель въ глазахъ училищнаго совѣта—только «учитель», въ самомъ узкомъ смыслѣ слова.

Въ совѣтъ этотъ входятъ лица самыхъ разнообразныхъ профессій: и члены полицейской администраціи, и земскіе начальники, и священники, и члены земской управы. На экзаменъ являются и попечители школъ, и всѣ эти лица смотрятъ на учителя, какъ на наёмника, взявшагося за извѣстное вознагражденіе обучать дѣтей, и поэтому всѣ они могутъ требовать, чтобъ деньги, уплаченныя учителю, не пропали даромъ, чтобъ ученики его были обучены грамотѣ. Каждый ихъ нихъ можетъ спрашивать на экзаменѣ ученика, какъ ему вздумается, задавать самые трудные вопросы, не выходя даже изъ предѣловъ программы. И вотъ учитель, желая сохранить свое право заниматься въ школѣ, желая избѣгнуть выговоровъ за малоуспѣшность учениковъ, старается въ теченіе учебнаго года начинить голову ученика знаніями, «натаскать» его по программѣ, и разумное преподаваніе обращается въ мертвую «учёбу», которая и самого учителя, и ученика принижаетъ, и задача школьнаго обученія сводится почти къ нулю.

Такое отношеніе къ учителю не только со стороны учебнаго начальства, но и начальства всякаго вообще, со стороны многихъ членовъ общества, дѣлаетъ учителя не тѣмъ проводникомъ знанія въ народную среду, которымъ онъ является по своему положенію, а человѣкомъ приниженнымъ, зависимымъ отъ всѣхъ и каждаго. Находясь въ такомъ ненормальномъ положеній, онъ и самъ зачастую начинаетъ смотрѣть на себя, какъ на ремесленника, выполняющаго по возможности добросовѣстно взятый на себя трудъ. Исчезаетъ энергія, увѣренность въ своихъ силахъ, желаніе сдѣлать все возможное въ дѣлѣ, которое на первыхъ порахъ кажется такимъ близкимъ, такимъ любимымъ, а современемъ обращается въ тяжелую обузу. Разрозненные, оторванные другъ отъ друга, лишенные возможности обмѣниваться мыслями, набраться новыхъ впечатлѣній, такъ какъ рѣдко приводится имъ сходиться вмѣстѣ за отсутствіемъ постоянныхъ учительскихъ съѣздовъ или курсовъ, народные учителя не могутъ явиться крупной общественной силой для борьбы съ невѣжествомъ, сдѣлаться той «арміей спасенія», которая при большей сплоченности могла бы выполнить свою миссію.

Одиночество гнететъ народнаго учителя, отнимаетъ у него силы для борьбы. Нѣтъ подлѣ него въ глуши людей, общеніе съ которыми могло бы принести ему пользу, да нѣтъ у него, какъ мы видѣли, и книгъ, за чтеніемъ которыхъ могъ бы онъ отвести душу.

Первое обстоятельство внѣ нашей власти; только сама жизнь можетъ создать и въ глуши образованное общество, но второе—отсутствіе книги въ рукахъ учителя—должно обратить на себя серьезное вниманіе учрежденій и лицъ, сочувствующихъ народному образованію. Мы, живя въ городахъ, имѣя подъ руками библіотеки, имѣя возможность доставать интересующія насъ книги, обмѣнивать ихъ на другія, съ трудомъ понимаемъ, какъ это нельзя достать книгу для прочтенія? Слово «*самообразованіе*» стало общеупотребительнымъ терминомъ; мы съ легкимъ сердцемъ говоримъ: «учитель долженъ быть обра-

зованъ; если ему не дала школа необходимыхъ знаній, онъ можетъ дополнить ихъ самообразованіемъ; теперь такъ много выходитъ книгъ научнаго содержанія, доступныхъ по изложенію и мало подготовленному читателю; издаются журналы для самообразованія, печатаются программы для самообразованія—словомъ дѣлается многое для того, чтобъ всякій жаждущій развитія и пріобрѣтенія знаній, въ томъ числѣ и народный учитель, могъ удовлетворить своему стремленію къ самообразованію». Все это совершенно вѣрно, но забывается при этомъ только одно, что самообразованіе и пополненіе знаній возможно тамъ, гдѣ есть книга,—этотъ источникъ, освѣжающій умъ и душу жаждущаго. Книга же чаще всего есть тамъ, гдѣ есть и люди, могущіе оказать помощь и своимъ живымъ словомъ,—въ центрахъ населенія, въ городахъ; въ селѣ же или въ деревнѣ, книга не нашла еще себѣ надлежащаго распространенія, и не потому, что въ ней тамъ не нуждаются, а потому, что она дорога, потому, что народному, напр., учителю нечего удѣлить на книгу изъ своего скуднаго 15—20-рублеваго мѣсячнаго жалованья.

Это, конечно, все старыя истины, это мы давно знаемъ и, не имѣя возможности измѣнить существующихъ условій, замалчиваемъ этотъ вопросъ, и учитель въ деревнѣ такъ и остается безъ книги. А между тѣмъ въ этомъ дѣлѣ именно важна общественная иниціатива; гдѣ одинъ ничего не можетъ сдѣлать, тамъ общими силами можетъ быть сдѣлано очень много. И всякій починъ въ этомъ неотложномъ дѣлѣ первой важности, въ доставленіи учителю, живущему въ глуши, книги, долженъ встрѣтить полное сочувствіе и желаніе посильно помочь ему.

Такое отрадное явленіе встрѣчаемъ мы въ новгородскомъ *Обществѣ взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ начальныхъ школахъ Новгородской губ.* Въ только что бывшемъ недавно, 14-го ноября, общемъ годовомъ собраніи этого общества былъ поставленъ на очередь вопросъ объ организаціи библіотеки для пользованія народныхъ учителей. Общество, не обладая достаточными денежными средствами, существуя всего 10 лѣтъ, не могло устроить такой библіотеки, хотя сознавало всю важность ея, до тѣхъ поръ пока на помощь ему не пришло довольно крупное пожертвованіе, а именно въ даръ обществу въ текущемъ году была принесена библіотека покойнаго педагога, бывшаго редактора журнала «Міръ Божій», Виктора Петровича Острогорскаго. Желая почтить память покойнаго, который самъ былъ 40 лѣтъ учителемъ, наслѣдники его, принося въ даръ обществу взаимопомощи его библіотеку, поставили условіемъ, чтобъ она носила имя покойнаго. Экстренное собраніе Общества въ засѣданіи своемъ 30-го марта 1903 г. постановило съ глубокою благодарностью принять этотъ даръ и дать библіотекѣ наименованіе «*Библіотеки имени В. П. Острогорскаго*» и приняло на себя обязательство пополнять и расширять библіотеку. Библіотека была передана обществу въ количествѣ около 3.000 томовъ. Такой крупный даръ, притомъ библіотеки, заключающей въ себѣ много цѣнныхъ книгъ и вполнѣ пригодной для самообразованія учителя по разнымъ отдѣламъ знанія, позволилъ обществу взаимопомощи приступить къ своей завѣтной мечтѣ—организаціи библіотеки

для народныхъ учителей. Въ этомъ же засѣданіи была ассигнована сумма—200 руб. для первоначальнаго пополненія библіотеки. Правленію поручено было разработать способы пользованія библіотекой. Предполагая выработать эти способы пользованія совмѣстно съ самими учителями, которые должны были съѣхаться на предполагавшіеся въ Новгородѣ лѣтомъ 1903 г. учительскіе курсы, правленіе, желая узнать, пользуются ли учителя библіотеками уѣздныхъ городовъ и въ какомъ числѣ, разослало въ библіотеки уѣздныхъ городовъ листы съ вопросными пунктами.

Курсы въ Новгородѣ не устроились, живого личнаго общенія правленія съ учителями не могло состояться, а потому правленіе избрало библіотечную коммиссію и поручило ей привести библіотеку въ порядокъ и къ общему годовому собранію представить проектъ организаціи библіотеки и способы пользованія ею. Докладъ библіотечной коммиссіи и былъ прочтенъ въ общемъ собраніи 14-го ноября. Беремъ изъ этого доклада нѣкоторыя мѣста цѣликомъ, такъ какъ онѣ рисуютъ положеніе библіотечнаго дѣла по отношенію его къ учителямъ народныхъ школъ въ Новгородской губ. и подтверждаютъ высказанный выше взглядъ на необходимость приблизить книгу къ народному учителю.

Въ докладѣ приведена таблица, съ подробнымъ распредѣленіемъ свѣдѣній, показывающихъ, сколько въ каждомъ уѣздѣ учителей, пользующихся книгами изъ общественныхъ городскихъ библіотекъ; оставляя эти подробныя свѣдѣнія въ сторонѣ, посмотримъ, къ какимъ общимъ выводамъ пришла библіотечная коммиссія, разсмотрѣвъ отвѣты, полученные изъ библіотекъ уѣздныхъ городовъ. Въ докладѣ говорится: «Вопросы, разосланные въ городскія библіотеки правленіемъ общества взаимопомощи, въ конечномъ результатѣ сводились къ двумъ главнымъ: сколько учащихъ пользуются книгами данной библіотеки и какія причины мѣшаютъ учащимъ пользоваться библіотекой? Подведя итогъ всѣмъ полученнымъ свѣдѣніямъ, узнаемъ, что изъ общественныхъ и земскихъ библіотекъ во всѣхъ 10 уѣздныхъ городахъ Новгородской губ. пользуются 374 учащихъ. Въ числѣ причинъ, мѣшающихъ учащимъ пользоваться библіотекой, на первомъ мѣстѣ стоитъ отдаленность школъ отъ города и вслѣдствіе этого затруднительность доставки книгъ. На второмъ мѣстѣ стоятъ причины, касающіяся уже личнаго отношенія учащихъ въ книгѣ вообще: а именно недостаточно развитая потребность въ чтеніи. Въ подтвержденіе этихъ выводовъ приводятся, напр., для Кирилловскаго уѣзда, слѣдующія данныя: всѣхъ учащихъ въ Кирилловскомъ уѣздѣ 101, а воспользовались библіотекой за прошлый годъ только 42 человѣка, несмотря на то, что книги даются безплатно, доставляются въ училища или ближайшія волостныя правленія одинъ разъ въ недѣлю тоже безплатно. Такое якобы равнодушіе къ книгѣ объясняется главнымъ образомъ, отдаленностью большинства школъ не только отъ уѣзднаго города, куда учитель не можетъ часто ѣздить, чтобъ выбрать нужную книгу, а даже и отъ волостныхъ правленій, куда, главнымъ образомъ, доставляется земская почта. Разстояніе и между школами-то громадное; Кирилловскій уѣздъ занимаетъ пространство въ 13.000 квадр. верстъ и на этомъ пространствѣ разбросано 64 школы—земскихъ 57, министерскихъ 5, частныхъ 2 (не считая здѣсь 46 церковно-приходскихъ,

такъ какъ свѣдѣнія получились только относительно школъ, находящихся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія).

«Второй причиной, мѣшающей учащимъ пользоваться книгами изъ городскихъ библіотекъ, завѣдующіе библіотеками ставятъ отсутствіе у учителей потребности въ чтеніи; это грустное явленіе однако далеко не обще и не повсемѣстно. Отвѣтъ одного изъ учителей, завѣдующаго библіотекой-читальней въ селѣ Едровѣ, Валдайскаго уѣзда, указываетъ на духовные запросы учащихъ; онъ высказываетъ пожеланіе, чтобъ общество взаимопомощи учащимъ позаботилось о духовной потребности учителя. Указывая на то, что многіе учителя и желали бы познакомиться съ разными научными сочиненіями, но не знаютъ, въ какой книгѣ найдутъ они разрѣшеніе интересующихъ ихъ вопросовъ, онъ говоритъ, что стремленіе учителя къ самообразованію подавляется невозможностью достать книгу, а еще, кромѣ того, и незнаніемъ, изъ какихъ именно источниковъ почерпнуть желательныя знанія.

«Въ 1899 г. новгородской губернской управой были собраны свѣдѣнія о состояніи учительскихъ библіотекъ при земскихъ школахъ, и эти свѣдѣнія, по словамъ доклада, вполнѣ сходны по существу съ только что приведенными выше. «Было получено 452 отвѣта отъ учителей и краткое резюме ихъ заключается въ томъ, что во-1-хъ, учащіе нуждаются въ библіотекахъ, такъ какъ иначе ихъ ждетъ, по выраженію одного изъ учителей, возможность одичанія безъ обновленія и совершенствованія въ знаніяхъ. Во-2-хъ, библіотеки учительскія должны быть общеобразовательнаго характера, а не заключать въ себѣ однѣ методики, дидактики и вообще руководста для преподаванія. Это необходимо въ интересахъ не однихъ учащихъ, а и самой школы; даже болѣе того, не только въ интересахъ школы, а въ интересахъ вообще народнаго просвѣщенія, такъ какъ всѣмъ хорошо извѣстно, что современный народный учитель долженъ не только выучить ученика грамотѣ, а долженъ и воспитать ребенка и дать крестьянскому населенію полезныя знанія. Выяснилось также изъ отвѣтовъ учителей, что, вообще, если гдѣ и есть при школахъ учительскія библіотеки, то онѣ весьма небогаты книгами вообще, а особенно страдаютъ недостаткомъ книгъ научнаго и литературнаго содержанія».

«Эти-то цѣнныя свѣдѣнія, исходящія отъ самихъ учителей, которые, по словамъ доклада, «являются настоящими хозяевами библіотеки общества», и легли въ основу организаціи библіотеки имени В. П. Острогорскаго. Эта организація является и какъ бы реальнымъ выраженіемъ мыслей и взглядовъ покойнаго педагога, который высоко ставилъ личность народнаго учителя и всегда шелъ ему на помощь въ стремленіи его къ образованію.

«Проектъ организаціи этой библіотеки, представленный на обсужденіе и утвержденіе общаго собранія 14-го ноября, основанный, кромѣ теоретическихъ соображеній, на требованіяхъ самой жизни и въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, разработанъ библіотечной коммиссіей подробно. Главными пунктами, къ которымъ сводятся и всѣ остальные, проектъ ставитъ: во-1-хъ,—*подвижность* этой библіотеки и, во-2-хъ, ея *общеобразовательный характеръ*. Первое условіе вытекаетъ изъ того положенія, что, находясь на одномъ мѣстѣ, напр., въ Новгородѣ, она будетъ недоступна учащимъ именно по тѣмъ же при-

чинамъ, которыя мѣшаютъ имъ пользоваться и книгами изъ библіотекъ уѣздныхъ городовъ, т.-е. по отдаленности ея отъ мѣстожительства учителя. Для устраненія этого неудобства библіотека должна быть раздѣлена на нѣсколько отдѣльныхъ библіотечекъ, въ которыя войдутъ по возможности книги по всѣмъ отдѣламъ. Библіотечки эти будутъ передвигаться постепенно изъ одного пункта въ другой черезъ извѣстные промежутки времени. Второе условіе—общеобразовательный характеръ библіотеки естественно вытекаетъ изъ того, что нельзя съуживать кругъ знаній учителя только знаніями педагогическими, если предъявлять къ нему требованія руководителя и воспитателя юнаго поколѣнія.

«Участію самихъ учителей въ организаціи библіотеки отведено въ проектѣ главное мѣсто: къ нимъ должно обратиться правленіе съ запросами о пунктахъ, гдѣ удобнѣе помѣстить отдѣльныя библіотечки, они должны указать, кто изъ ихъ товарищей возьмется за храненіе и выдачу книжекъ на мѣстѣ; имъ будетъ разосланъ печатный каталогъ библіотеки по отдѣламъ и имъ предоставлено право указать, какими книгами желали бы они въ ближайшемъ будущемъ пополнить библіотеку.

«Въ настоящее время въ библіотекѣ, съ поступившими уже пожертвованіями, находится 3.217 томовъ, включая сюда и журналы. Кромѣ отдѣловъ общенаучнаго и литературнаго въ библіотекѣ положено основаніе еще отдѣламъ дѣтскихъ и народныхъ книгъ. Въ докладѣ по этому поводу говорится: «Знакомство съ этими отдѣлами также входитъ въ кругъ образованія учителя, такъ какъ ему приходится руководить чтеніемъ своихъ учениковъ, а будучи зачастую единственнымъ интеллигентнымъ человѣкомъ въ деревнѣ, онъ является и ближайшимъ пособникомъ внѣшкольнаго образованія народа. Ему необходимо знать, на какія книги предъявляютъ спросъ его односельчане, нужно быть знакомымъ съ народной литературой, съ лучшими дешевыми изданіями для народа, чтобъ помочь читателю своими совѣтами.

«Общее собраніе одобрило проектъ организаціи библіотеки и постановило на первое время раздѣлить библіотеку на 11 частей, по одной на уѣздъ, и предоставило правленію библіотечной коммиссіи снестись съ учителями и организовать разсылку библіотечекъ. Постановило также прибавить къ назначеннымъ уже экстреннымъ собраніемъ 200 руб. еще 100 руб. по предложенію правленія на пополненіе библіотеки, открыло кредитъ въ 200 руб. на самую организацію пересылки книгъ, на ящики для разсылки и т. д. и предоставило правленію право ходатайствовать передъ уѣздными земскими управами и передъ губернскимъ земскимъ собраніемъ объ оказаніи пособія библіотекѣ общества, мотивируя, какъ сказано было въ докладѣ, свою просьбу тѣмъ, что «при болѣе широкой организаціи библіотеки общества взаимопомощи земства, не имѣющія возможности устраивать при каждой школѣ отдѣльныхъ учительскихъ библіотекъ, оказывая помощь библіотекѣ общества, могутъ хотя отчасти восполнить этотъ пробѣлъ въ болѣе правильной постановкѣ школьнаго дѣла.

«Такимъ образомъ библіотека общества взаимопомощи можетъ въ ближайшемъ будущемъ приступить къ реальному выполненію своей задачи—снабженію учителей книгами. Подвижный характеръ организуемой библіотеки значительно облегчаетъ задачу — приблизить книгу къ учителю, и мы совершенно

согласны съ мнѣніемъ библіотечной коммиссіи, высказаннымъ въ докладѣ, что «учитель будетъ чувствовать себя бодрѣе и увѣреннѣе, когда у него является возможность пополнять свои знанія, когда книга будетъ сравнительно близко, когда достать ее будетъ легче, когда учитель можетъ сдѣлать выборъ изъ книгъ, спеціально подобранныхъ для его требованій, когда онъ и впереди будетъ видѣть возможность получать тѣ книги, которыя ему нужны.

«Основаніемъ библіотеки нашего общества взаимопомощи — говорится дальше въ докладѣ,—являются книги, сослужившія въ свое время службу и самому учителю, именемъ котораго библіотека названа и который именно къ народнымъ учителямъ обращался всегда со словами: «учитель, читайте, находите въ книгѣ товарища и друга; книга спасетъ васъ отъ мертвящей тоски и застоя въ глухихъ углахъ нашего отечества. Нигдѣ, въ болѣе или менѣе культурныхъ странахъ, книга не имѣетъ такого важнаго, особеннаго значенія, какъ именно у насъ въ Россіи, гдѣ еще такъ мало развита общественная жизнь, и гдѣ чтеніе, расширяющее постепенно кругозоръ человѣка, дополняющее его образованіе и доставляющее наслажденіе, разумное и пріятное наполненіе досуга, безъ сомнѣнія, есть одинъ изъ могущественнѣйшихъ рычаговъ самообразованія и самовоспитанія».

Оканчивая свой докладъ этими словами покойнаго В. П. Острогорскаго библіотечная коммиссія выражаетъ пожеланіе, чтобы библіотека имени его была прежде всего *общеобразовательной*, а для удобства пользованія книгами имѣла бы характеръ *передвижной*.

Мы же съ своей стороны пожелаемъ, чтобы библіотека эта росла и расширялась, чтобы раздѣлилась она не на 11 только частей; чтобы каждая библіотечка приходилась на 4—5 ближайшихъ другъ другу школъ; чтобы въ ней было какъ можно больше книгъ. Пожелаемъ еще, чтобы всякій, кто можетъ чѣмъ-либо помочь пополненію этой, симпатичной по своимъ задачамъ, библіотеки, пришелъ бы ей на помощь. Радуемся тому, что именемъ гуманнаго педагога и талантливаго учителя, который самъ 40 лѣтъ потрудился на нивѣ народнаго просвѣщенія, названа эта библіотека. Судьбѣ было угодно распорядиться такъ, чтобы этотъ учитель, всю свою многолѣтнюю педагогическую дѣятельность посвятившій занятіямъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ, г. Петербурга, подъ конецъ своей жизни сталъ близко и къ нуждамъ начальнаго народнаго образованія въ провинціи. Въ 1896 году открылъ онъ на свои средства безплатную начальную школу для дѣвочекъ и мальчиковъ въ г. Валдаѣ, Новгородской губ.; тамъ же въ 1899 г. открылъ онъ народную библіотеку-читальню имени А. С. Пушкина, отдавъ въ нее значительную часть своей обширной библіотеки, и теперь, послѣ смерти его уже, съ именемъ его связано новое прекрасное начинаніе.

Лучшаго назначенія, какъ служить духовнымъ нуждамъ народнаго учителя, библіотека покойнаго педагога не могла бы и получить.

Е. Вль—ва.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Образованіе“ іюль—октябрь. „Русское Богатство“—октябрь. Вѣстникъ Европы ноябрь).

Въ четырехъ послѣднихъ книжкахъ «Образованія» печаталась весьма интересная статья г. Бунакова подъ заглавіемъ «Какъ я сталъ и пересталъ быть «учителемъ учителей». Имя Н. Ф. Бунакова, какъ педагога, извѣстно и теперь всей образованной Россіи, а въ будущемъ оно займетъ, безъ сомнѣнія, одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ исторіи развитія просвѣщенія русскаго народа. Отъ юныхъ лѣтъ и до глубокой старости почтенный педагогъ этотъ жилъ лишь одною любимою имъ идеею—идеею поднятія умственнаго развитія нашего народа и борьбою съ тѣмъ «бездушнымъ формализмомъ», въ который дѣло это облекается обыкновенно въ рукахъ людей, de jure будто бы ему служащихъ, а de facto дѣйствующихъ въ направленіи прямо ему противоположномъ. Съ теченіемъ времени для г. Бунакова выяснилось въ этомъ отношеніи очень и очень многое. Въ концѣ концовъ обстоятельства сложились такъ, что г. Бунаковъ принужденъ былъ оставить педагогическую дѣятельность, и вотъ, кое о чемъ изъ своей богатой столкновеніями съ доподлинною россійскою дѣйствительностью въ ея непосредственной реальности и рѣшилъ г. Бунаковъ подѣлиться съ читателями уже не спеціально-педагогическихъ, въ которыхъ онъ работаетъ уже много лѣтъ,—а общихъ журналовъ. Статья г. Бунакова не является его автобіографіей—для этого еще не настало время,—но въ ней разсыпано не мало и автобіографическихъ штриховъ, которые, разумѣется, послужатъ цѣннымъ матеріаломъ для будущаго составителя біографіи выдающагося педагога и общественнаго дѣятеля. Свою педагогическую дѣятельность г. Бунаковъ началъ въ 1856 году и занимался ею въ разныхъ формахъ почти до самаго послѣдняго времени, другими словами, дѣятельности этой онъ посвятилъ почти *пятьдесятъ* лѣтъ своей жизни. Первое десятилѣтіе этого промежутка времени (1856—1866 г.) г. Бунаковъ посвятилъ учительской службѣ по министерству народнаго просвѣщенія, а затѣмъ занялъ мѣсто преподавателя русскаго языка въ воронежской военной гимназіи, незадолго передъ тѣмъ преобразованной (по мысли Д. А. Милютина) изъ кадетскаго корпуса. Извѣстна роль Д. А. Милютина въ исторіи насажденія, или, вѣрнѣе, попытокъ насажденія въ Россіи культуры и гражданственности. Къ этой области относится и недолговѣчное существованіе въ нашемъ отечествѣ военныхъ гимназій. О преобразовательномъ дѣлѣ этомъ г. Бунаковъ отзывается такъ: «преобразованіе кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи было дѣломъ живой педагогической мысли. Оно не было простымъ переименованіемъ,—нѣтъ, оно стремилось создать живое учебно-воспитательное учрежденіе, съ реальной программой и широкими воспитательными задачами». Но—и это само собою разумѣется.—что къ тому явились неодолимыя препятствія, и при преемникѣ Д. А. Милютина, П. С. Ванновскомъ военныя гимназіи вновь были благополучно преобразованы въ кадетскіе корпуса стараго николаевскаго типа...

Поступивъ на службу въ воронежскую военную гимназію, г. Бунаковъ сталъ тѣмъ не менѣе, отдавать главныя свои силы отнюдь не ей, а тому начальному обученію, которое, пишетъ онъ, «я считалъ и считаю фундаментомъ всякаго разумнаго и прочнаго образованія и самообразованія». Съ этою цѣлью уже въ 1867 году г. Бунаковъ основалъ въ Воронежѣ свою начальную школу на «новыхъ началахъ», т.-е., пишетъ онъ, «новыхъ для того времени и для русской провинціи. Эта школа дѣйствовала въ Воронежѣ подъ моимъ руководствомъ и при постоянномъ моемъ непосредственномъ участіи до осени 1884 года».

Въ чемъ же состояли эти «новыя начала», которыя легли въ основаніе дѣятельности школы г. Бунакова? Они носили, дѣйствительно, ужасающій по своей еретичности характеръ.

«Главнымъ изъ упомянутыхъ «новыхъ» началъ, конечно, весьма враждебно встрѣченныхъ тогдашними оффиціальными воронежскими педагогами, было, во-первыхъ устраненіе въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ всякаго насилія, т.-е. *наградъ, наказаній и внѣшней, извнѣ установленной, дисциплины*, чтобы развитіе и обученіе учащихся опиралось исключительно на живые примѣры, на нравственное воздѣйствіе, на внутренній интересъ занятій, на сознаніе и добрую волю учениковъ; во-вторыхъ, широкое примѣненіе ко всѣмъ занятіямъ, безъ различія предметовъ, начала наглядности; въ третьихъ, вообще такая организація школьной жизни, чтобы она вела дѣтей къ всестороннему и дѣятельному развитію ихъ природы».

И вотъ на такихъ-то поистинѣ «разрушительныхъ» основаніяхъ и существовала школа г. Бунакова цѣлыхъ семнадцать лѣтъ!

Нечего и говорить, что школа г. Бунакова подверглась нападеніямъ съ различныхъ сторонъ. «Впослѣдствіи,—пишетъ онъ,—мнѣ пришлось перенести не мало упрековъ и даже глумленій за мнимое пристрастіе къ нѣмецкимъ педагогическимъ теоріямъ; это было въ пору новаго крикливаго взрыва у насъ безпардоннаго патріотизма, когда даже г. Буренинъ заявился патріотомъ и народникомъ, когда наши «самобытники» усердно кричали, что у насъ все зло отъ «нѣмца», который «гадитъ» намъ, какъ прежде гадилъ французъ».

Обратимся, однако, къ тому моменту, съ котораго началась дѣятельность г. Бунакова уже въ качествѣ «учителя, учителей».

Въ 1872 году въ Москвѣ происходила всероссійская политехническая выставка съ весьма полнымъ по тому времени педагогическимъ отдѣломъ, особенно по начальному обученію. Этимъ отдѣломъ завѣдывали непосредственный помощникъ Д. А. Милютина въ его прогрессивныхъ планахъ, начальникъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, Н. В. Исаковъ. По его-то иниціативѣ и предположено было при учебномъ отдѣлѣ московской выставки организовать всероссійскій съѣздъ земскихъ и другихъ народныхъ учителей и учительницъ. Программа этого съѣзда задумана была очень широко, но «осуществить удалось только весьма немногое, и то наскоро, потому что эти предположенія натолкнулись на упорное противодѣйствіе министерства народнаго просвѣщенія (во главѣ его тогда стоялъ приснопамятный графъ Д. А. Толстой). Довольно продолжительная борьба двухъ вѣдомствъ затянула самое рѣшеніе вопроса о томъ, быть или не быть заду-

манному съѣзду. Вопросъ разрѣшился въ утвердительномъ смыслѣ только въ концѣ весны. Приглашенія на съѣзды были разосланы земствомъ слишкомъ поздно. Дѣло пришлось ограничить исключительно лекціями и осмотромъ учебныхъ пособій. Съѣздъ вышелъ далеко не всероссійскимъ, но все-таки собралось съ разныхъ концовъ Россіи до 800 слушателей». Вотъ тутъ то въ первый разъ въ числѣ другихъ немногихъ лекторовъ и выступилъ Н. Ф. Бунаковъ.

Этотъ первый и, въ сущности, послѣдній всероссійскій съѣздъ учителей имѣлъ, не взирая на всѣ свои дефекты, огромное значеніе въ жизни русской начальной школы. Многія земства стали вслѣдъ затѣмъ устраивать такіе же съѣзды погубернскіе. «Отсутствіе преувеличенной регламентаціи,—пишетъ г. Бунаковъ,—давало полную возможность такъ организовать эти съѣзды, чтобы они отвѣчали живымъ потребностямъ школы, учительства и жизни, чѣмъ обусловливалась ихъ продуктивность». Дѣло въ томъ, что въ то время бюрократическая опека еще не успѣла наложить на земскую школу свою мертвящую руку. «Тогда,—вспоминаетъ г. Бунаковъ,—учительскіе съѣзды организовывались безъ всякихъ препятствій, почти «явочнымъ» порядкомъ, по той программѣ, которая вырабатывалась приглащеинымъ руководителемъ по соглашенію съ пригласившимъ его земствомъ, безъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ чиновниковъ. Чиновникъ обыкновенно молчаливо присутствовалъ на занятіяхъ съѣзда, съ званіемъ «наблюдателя»,—больше для проформы, не рискуя вмѣшиваться въ эти занятія. Оно и понятно; это были чиновники не только безъ всякихъ педагогическихъ идей и знаній, но и вообще малообразованные, лишенные всякаго нравственнаго вліянія на подчиненное имъ учительство». При такихъ условіяхъ работа кипѣла, и г. Бунакову постоянно приходилось переѣзжать, по приглашенію земствъ, изъ губерніи въ губернію и руководить тамъ занятіями учительскихъ съѣздовъ. Это дало, разумѣется, почтенному педагогу огромный дѣловой опытъ, и программа занятій, которою онъ сталъ руководствоваться на съѣздахъ, выработана была на основаніи указаній самой живой жизни. По такой программѣ,—пишетъ онъ, «начиная съ 1873 года и кончая 1883, съ небольшимъ перерывомъ, я провелъ съѣзды: въ Костромѣ два раза, въ Херсонѣ, въ Псковѣ два раза, въ Великихъ Лукахъ, въ нижне-тагильскомъ заводѣ, въ Ирбитѣ и въ Шадринскѣ». Въ суммѣ на всѣхъ этихъ съѣздахъ подъ руководствомъ г. Бунакова проработало 1.910 учителей и учительницъ. Казалось бы, чего же лучше, но... наше всегдашнее «но»... «На смѣну живыхъ съѣздовъ,—говоритъ г. Бунаковъ,—выдвинулись мертворожденные курсы по правиламъ 1875 года»... Съ теплымъ чувствомъ вспоминаетъ г. Бунаковъ дѣятельность нѣсколькихъ земствъ на нивѣ народнаго образованія, но особенно выдѣлялась въ этомъ отношеніи дѣятельности пермскаго «мужицкаго» земства. «Пріятное впечатлѣніе,—говоритъ онъ,—производило на пермскихъ съѣздахъ то уваженіе къ личности народнаго учителя, какъ всѣми уважаемаго, всѣмъ дорогого общественнаго дѣятеля, которое слишкомъ рѣдко встрѣчается у насъ. Едва ли гдѣ учительство, работающее въ народной школѣ, когда-нибудь у насъ было поставлено такъ самостоятельно, какъ въ Пермской губерніи, по крайней мѣрѣ, въ уѣздахъ Ирбитскомъ и Шадринскомъ. Учителя и учительницы Ирбитскаго уѣзда въ тѣ времена избирали

изъ своей среды представителей на земское собраніе съ правомъ совѣщательнаго голоса. Эти представители непосредственно вносили въ собраніе доклады объ истинномъ положеніи, о нуждахъ и потребностяхъ мѣстной школы и мѣстной школы и мѣстнаго учителя, о мѣрахъ для улучшенія этого положенія, для удовлетворенія этихъ нуждъ и потребностей; они присутствовали при обсужденіи вопросовъ народнаго образованія, давали нужныя разъясненія, отстаивали интересы школы и учителя. Въ Шадринскомъ уѣздѣ для той же цѣли существовала постоянная учительская коммиссія изъ выборныхъ лицъ, постановленія которой поступали въ земское собраніе, какъ цѣнный матеріалъ при обсужденіи вопросовъ по народному образованію. Послѣдствіемъ такой постановки дѣла явились: дѣйствительное знакомство земскаго собранія съ положеніемъ, нуждами и потребностями мѣстной школы и мѣстнаго учительства, основательное обсужденіе вопросовъ по народному образованію, а слѣдовательно и разумное рѣшеніе ихъ, наконецъ, возвышеніе нравственнаго достоинства учителя Потому-то учительство здѣсь въ тѣ времена сознавало себя не толпой наемниковъ, отбывающихъ урочную работу по найму, безгласныхъ и подневольныхъ исполнителей чужой воли, а нѣкоторою организованною корпораціею, выполняющею всѣми уважаемую общественную земскую службу, обладающею правомъ своего мнѣнія и своего голоса. Отсюда вытекали: и сравнительно лучшее матеріальное положеніе народнаго учителя, обезпеченнаго удовлетворительнымъ вознагражденіемъ за его трудъ, и прочность его на мѣстѣ, такъ какъ онъ въ значительной степени былъ огражденъ отъ всякаго личнаго произвола и усмотрѣнія, и теплое отношеніе къ его дѣлу. Здѣсь учителя и учительницы не смотрѣли вонъ, не убѣгали при первомъ соблазнительномъ случаѣ къ другому дѣлу, а всей душой привязывались къ учительству, рѣдко и неохотно покидали не только что дѣло, но и то село, ту деревню, ту школу, гдѣ работали нѣсколько лѣтъ,—даже въ виду выгоднаго перемѣщенія».

Съ «новыми вѣяніями», которые принесло съ собою новое земское положеніе, все это оказалось, разумѣется, «не ко двору»...

«Истиннымъ разсадникомъ народныхъ учительницъ, хорошо понимающихъ и съ замѣчательнымъ воодушевленіемъ исполняющихъ свое дѣло,—вспоминаетъ все тотъ же пермскій край въ другомъ мѣстѣ своей статьи г. Букановъ,—для этого края тогда служила екатеринбургская женская гимназія, въ которой держались еще благородныя традиціи 60-хъ годовъ. Она дала много не только отличныхъ учительницъ для школъ Екатеринбургскаго, Ирбитскаго, Шадринскаго и Верхотурскаго уѣздовъ, но и стойкихъ подвижницъ народной школы, отдавшихъ ей всю свою жизнь, всѣ свои силы. Особенно выдавались своею стойкостью и своими заслугами сестры Августа и Елизавета Михайловны Буторины, къ мнѣніямъ которыхъ, всегда дѣльнымъ, обдуманнымъ и послѣдовательнымъ, прислушивались и земство, и даже инспекція. Выросшія въ богатой семьѣ, онѣ вынесли изъ гимназіи честныя, идеальныя стремленія, отреклись отъ всѣхъ соблазновъ богатой, праздной жизни и противъ воли родителей ушли работать въ народную школу, одна въ Пермскій, другая въ Шадринскій уѣздъ. Послѣдняя непосильнымъ трудомъ надорвала свои силы и въ 90-хъ годахъ умерла въ

чахоткѣ; первая сильно пріуныла послѣ смерти сестры, однако, не отказалась отъ своего дѣла, работая насколько хватало силъ, но съ грустью замѣчала, что дѣло народнаго образованія, которому она отдала свою жизнь, въ ея родномъ краю замѣтно опускается, вслѣдствіе иного строя и духа земскихъ учрежденій... Екатеринбургскія гимназистки тогда съ особенной охотой шли работать въ народную школу, предпочитая ее гимназіи или прогимназіи, — и все это не слабыя ученицы, съ грѣхомъ пополамъ дотянувшія гимназическій курсъ, а самыя лучшія, самыя даровитыя и сильныя. Онѣ работали съ энергіей, съ настойчивостью, даже съ самоотверженіемъ, мирясь и съ одиночествомъ въ деревенской глуши, и съ санитарно-гигіеническими условіями, которыми, къ сожалѣнію, страдали школы Ирбитскаго и Шадринскаго уѣздовъ... Да, екатеринбургская женская гимназія большую роль сыграла для пермскаго края, особенно для его народной школы...»

Но это все могло процвѣтать лишь при наличности опредѣленныхъ условій. Измѣнились условія, измѣнились и ихъ результаты...

Живое дѣло встрѣчало на своемъ пути тормазы далеко не въ одномъ только Пермскомъ краѣ. Грустную исторію разсказываетъ г. Бунаковъ также о костромской земской учительской школѣ, «превосходно задуманномъ и организованномъ учрежденіи, къ которому земство въ 1873 году относилось съ такою заботливостью и съ такими свѣтлыми упованіями». «Во главѣ этой школы, — повѣствуетъ далѣе г. Бунаковъ,—стояла чрезвычайно энергичная и талантливая начальница, выбранная земствомъ, которая умѣла собрать около себя кружокъ учительницъ, горячо преданныхъ дѣлу и хорошо понимающихъ его. Эти учительницы принимали живое участіе во всѣхъ занятіяхъ съѣзда, интересовались ими, давали истинно «образцовые» уроки въ школѣ, сближались съ учительствомъ и оказывали на него самое благотворное вліяніе. Работницы онѣ были замѣчательныя, одушевленныя и неутомимыя. Мнѣ очень бы хотѣлось назвать по имени всѣхъ членовъ этого интереснаго интеллигентнаго кружка, которыхъ я никогда не забуду, но, не зная ихъ дальнѣйшей судьбы, я не считаю себя въ правѣ сдѣлать это...» Что же случилось, по крайней мѣрѣ, съ школой? «Противъ школы,—пишетъ г. Бунаковъ,—началась настоящая травля. Симпатичная начальница уѣхала и больше уже не возвращалась въ Кострому. «Живоглотъ» съ глазами «завидущими» и съ руками «загребущими» съѣлъ безъ соли самое лучшее созданіе костромского земства»...

И много другихъ подобныхъ же «исторій» имѣло мѣсто среди земскихъ начинаній въ области народнаго просвѣщенія...

Но вотъ въ 1875 году «съѣзды» перестали существовать и замѣнились «курсами». Какая разница между тѣмъ и другимъ? Весьма большая.

«*Съѣзды*,—говоритъ г. Бунаковъ,—суть собранія полноправныхъ лицъ, стоящихъ у одного и того же дѣла, желающихъ объединиться между собою, подѣлиться другъ съ другомъ своими наблюденіями, опытами, размышленіями и выводами въ интересахъ общаго дѣла, сообща обсудить и выяснить волнующіе ихъ вопросы, недоразумѣнія и затрудненія, потолковать о лучшей постановкѣ и о возможномъ усовершенствованіи общаго дѣла. Руководитель здѣсь—«старшій

между равными», въ прямомъ смыслѣ «руководитель», направляющій ходъ занятій чтобы они не «соскакивали съ рельсовъ», не «выходили изъ береговъ», объединяющій разнообразіе собравшагося общества, самъ работающій наравнѣ со всѣми, вносящій въ общую работу свое знаніе, свой опытъ, свой живой примѣръ. Здѣсь онъ можетъ пріобрѣсти авторитетъ только силою своего таланта и знанія, путемъ добросовѣстнаго труда, такта и нравственнаго вліянія.

«*Курсы* же—это собранія малознающихъ и малоопытныхъ учителей, безъ права голоса, обращенныхъ въ учениковъ, обязанныхъ безпрекословно исполнять приказанія руководителей—наставниковъ, воспринимать и усвоивать ихъ наставленія, не долженствующихъ «свое сужденіе имѣть». Руководители здѣсь—наставники, дѣло которыхъ сообщать аудиторіи знанія и умѣнія да провѣрять, насколько удовлетворительно они восприняты, поняты и усвоены, пожалуй—аттестовать прилежаніе, успѣхи и поведеніе курсистовъ, какъ учениковъ. Здѣсь руководители облечены авторитетомъ въ силу ихъ положенія, извнѣ, и не имѣютъ надобности пріобрѣтать его ни личнымъ достоинствомъ, ни личнымъ трудомъ; они въ нѣкоторомъ родѣ «предержащая власть», съ правомъ требовать полнаго повиновенія и прекращать въ зародышѣ всякія проявленія собственныхъ мнѣній со стороны аудиторіи».

Темныя силы добились своего, и вмѣсто «съѣздовъ» начались «курсы». Что же вышло? Да то, что и слѣдовало ожидать. Учительскія собранія буквально омертвѣли. Вотъ учитель вноситъ докладъ на тамбовскихъ курсахъ о томъ, что на механическую диктовку и «чистописаніе» тратится въ школахъ много времени непроизводительно. Допустили этотъ докладъ или нѣтъ? Оказызывается, нѣтъ. «Въ виду такого-то циркуляра,—заявляетъ подлежащее лицо,—я не могу допустить, чтобы здѣсь подвергались критикѣ уроки чистописанія и говорилось о сокращеніи ихъ!» Другой учитель заговорилъ о гимнастикѣ и указалъ въ этомъ на мнѣніе по этому предмету доктора Покровскаго изъ его доклада въ IV секціи «Русскаго общества охраненія народнаго здравія». И что же? «Въ виду такого-то циркуляра, я не могу допустить, чтобы здѣсь обсуждался вопросъ о гимнастическихъ упражненіяхъ въ школѣ». И такъ вездѣ, вездѣ! «Въ Херсонѣ,—разсказываетъ г. Бунаковъ,—рѣзкій, даже грубый протестъ былъ вызванъ вопросомъ «о желательности установить общеніе между учащими лицами и дать имъ возможность посѣщать товарищескіе уроки, въ интересахъ самоусовершенствованія». Грубость протеста, соединенная съ крикомъ «не позволю!» и стучаніемъ кулаками по столу, заставили, во избѣжаніе скандала, прервать мирную бесѣду и оставить вопросъ безъ обсужденія... Въ Одессѣ съ очень непріятнымъ инцидентомъ соединился докладъ одного дѣльнаго и серьезнаго учителя «объ условіяхъ учительскаго труда», въ которомъ, между прочимъ, развивалась мысль о необходимости оградить личность учителя отъ грубаго произвола людей, недостаточно проникнутыхъ должнымъ уваженіемъ къ нравственному достоинству учителя. Докладъ былъ одобренъ къ прочтенію и обсужденію. Инцидентъ не сопровождалъ этого обсужденія, а предшествовалъ ему и произошелъ отъ лица, даже не имѣвшаго прямого отношенія къ курсамъ, присутствовавшаго на нихъ въ качествѣ посто-

ронняго слушателя, правда, нежелательнаго, но не подлежащаго устраненію. Хотѣлось, чтобы доклада вовсе не было: возникло опасеніе, совершенно неосновательное, что докладъ будетъ кому-то заслуженнымъ щелчкомъ—«не въ бровь, а прямо въ глазъ». Однако, авторъ доклада рѣшился лучше потерять мѣсто, лишь бы провести свой докладъ, который интересовалъ все учительство, какъ посвященный самому близкому, жгучему, такъ сказать, «кровному» вопросу. Докладъ былъ очень серьезный, дѣльный, совершенно свободный отъ всякихъ личностей, рѣзкостей и преувеличеній. Но докладчикъ все-таки потерялъ мѣсто...»

Наконецъ, пришлось явиться въ качествѣ обвиняемаго и самому руководителю многихъ «курсовъ», Н. Ф. Бунакову. Мы не будемъ изъяснять всѣхъ пунктовъ «обвинительнаго акта», интересующійся читатель найдетъ ихъ въ цитируемой статьѣ г. Бунакова (въ октябрьской книжкѣ «Образованія»), но на одномъ изъ нихъ мы остановимся. Въ вину г. Бунакову ставилось, между прочимъ, то обстоятельство, что на курсахъ имъ было допущено «обсужденіе такихъ предметовъ, какъ проектъ устава майскаго союза охраненія птицъ... и объ урокахъ *фотографіи*»...

Что въ этомъ преступнаго, трудно сказать, но въ довершеніе курьеза (да простится намъ это, можетъ быть, неподходящее слово, ибо поистинѣ все это было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно) оказывается, что на курсахъ говорилось не о *фотографіи*, а объ *орѳографіи*!.. «Очевидно,—пишетъ г. Бунаковъ,—что обвиненіе пользуется не только недоброкачественнымъ, но и невѣжественнымъ или недобросовѣстнымъ матеріаломъ, авторъ котораго не понимаетъ даже разницы между *фотографіей* и *орѳографіей*...»

Свою статью г. Бунаковъ заключаетъ такими словами:

«Окончивъ пензенскими курсами мою тридцатилѣтнюю дѣятельность, какъ «учителя учителей», я считаю, что я торжественно оправданъ судомъ общественной совѣстью,—и больше мнѣ ничего не нужно».

Пятьдесятъ лѣтъ педагогической дѣятельности и тридцать лѣтъ дѣятельности въ качествѣ «учителя учителей» (кромѣ почти 2.000 учителей и учительницъ, которыми руководилъ г. Бунаковъ на съѣздахъ, у него перебывало еще на курсахъ» 4.278 учителей),—лучшее оправданіе...

Въ октябрьской книжкѣ «Русскаго Богатства» напечатана интересная статья г. Лемке «Ѳаддей Булгаринъ». Статья эта представляетъ собою опытъ біографіи знаменитаго нѣкогда въ лѣтописяхъ нашей литературы и общественной жизни «дѣятеля», да, дѣятеля, ибо Ѳаддей Булгаринъ былъ несомнѣнно дѣятелемъ, натурою не пассивною, а дѣятельною, хотя дѣятельность эта и была направлена въ сторону принесенія наибольшаго количества вреда всѣмъ его согражданамъ, какъ польской, такъ и русской національности. Личность Булгарина несомнѣнно интересна, ибо это характеръ въ своемъ родѣ цѣльный, законченный. Все, что есть въ человѣческой природѣ мелочнаго, гнуснаго, злобнаго, мелкомстительнаго, завистливаго, подленькаго,—все соединилось въ Булгаринѣ

*

воедино и дало ему возможность быть личностью типическою. Имя Булгарина стало, поэтому, нарицательнымъ, а такъ какъ, хотя и не въ столь законченномъ видѣ, а все же родныхъ по духу Ѳаддею Дубельтовичу,—какъ готовъ былъ величать себя и самъ Булгаринъ,—«дѣятелей» не мало и въ современной литературѣ, то возстановленіе цѣльнаго образа ихъ прадѣда представляетъ не одинъ только историческій интересъ. Кому неизвѣстны и теперь такія «редакціи» повременныхъ изданій, которыя могли бы съ гораздо бо́льшимъ правомъ носить другое названіе. Какое? Разумѣется, «сыскныхъ отдѣленій»... И пріемы-то вѣдь одни и тѣ же: чтобы унизить того или иного изъ современниковъ, оклеветать его, донести на него, вдругъ начинаютъ хвалить кого-либо изъ такихъ, уже сошедшихъ со сцены, дѣятелей, которые,—не лежи они уже давно въ могилѣ,—затрепетали бы отъ гнѣва, слушая себѣ похвалы изъ подобныхъ устъ. Недавно еще передъ талантомъ и публицистическою дѣятельностью Герцена разсыпался въ похвалахъ... г. Буренинъ! Забылъ онъ, должно быть, что когда Булгаринъ вздумалъ взять подъ свое особое попеченіе память Грибоѣдова, то Пушкинъ разразился на это злой, но глубоко справедливой эпиграммой:

Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь,
Что былъ ты съ Чацкимъ всѣхъ дружнѣй,
Ахъ, ты безстыдникъ, ахъ злодѣй!
Ты и живыхъ бранишь людей,
Да и покойниковъ порочишь!

Именно такимъ «опорочиваніемъ» покойнаго Герцена и занялся современный «Фигляринъ».. Да и одинъ ли онъ занимается нынѣ подобнаго рода похвальными дѣлами?...

Обратимся, однако, къ самому Фиглярину-Булгарину, Г. Лемке собралъ въ своей статьѣ во едино болѣе или менѣе извѣстные, каждый въ отдѣльности, факты изъ жизни Булгарина, но именно въ цѣломъ они только и производятъ надлежащее впечатлѣніе.

Булгаринъ вздумаетъ, бывало, похвалить въ своей газетѣ какое либо распоряженіе правительства, но лишь только это произойдетъ,—съ разрѣшенія цензуры, разумѣется,—какъ его уже зоветъ къ себѣ Леонтій Васильевичъ Дубельтъ.

— Не смѣй хвалить,—гремитъ грозный генералъ,—въ твоихъ похвалахъ правительство не нуждается!

Когда же Булгаринъ, особенно передъ подпиской дерзнетъ дозволить себѣ крохотную либеральную выходку, хотя бы о непостоянствѣ и нѣкоторомъ вредѣ петербургской погоды, Дубельтъ строго ему замѣчаетъ:

— Ты, ты у меня! Вольнодумствовать вздумалъ?! О чемъ ты тамъ пахрюкалъ? Климатъ царской резиденціи бранить! Смотри!

Однажды, Булгаринъ навлекъ на себя гнѣвъ государя, приказавшаго Дубельту сдѣлать ему выговоръ за какую то замѣтку. Булгаринъ былъ вытребованъ.

— Становись въ уголъ!—скомандовалъ Дубельтъ.

— Какъ ваше превосходительство?

— Какъ школьники становятся: носомъ къ стѣнѣ.

Булгаринъ повиновался и полчаса простоялъ въ углу.

Въ настоящее время, само собою разумѣется, такъ уже не поступаютъ даже съ современными Булгариными, времена измѣнились...

Да отчего же бы и не ставить Булгарина въ уголъ, когда между его «Пчелкой» и III отдѣленіемъ существовала такая полная entente cordiale. Сердечное попеченіе Дубельта объ интересахъ Булгарина доходило до того, что,—пишетъ г. Лемке,—«III отдѣленіе участвовало даже въ расходахъ по редакціи «Сѣверной Пчелы», что видно изъ нѣсколькихъ строкъ, написанныхъ въ 1855 году самимъ Булгаринымъ: «Даже заграницею завербовалъ онъ (Гречъ) какого-то сорванца, который присылаетъ вырѣзки изъ газетъ и разныя написанныя сплетни, которыхъ я не вижу и не знаю. Прежде за это платило III отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи, куда и поступаютъ заугольныя извѣстія, а теперь «Сѣверная Пчела» должна платить этому сорванцу 1.000 рублей серебромъ».

Г. Лемке приводитъ нѣсколько писемъ Булгарина къ разнымъ лицамъ, крайне характерныхъ для опредѣленія той роли, которую игралъ въ свое время этотъ вѣрный охранитель исконныхъ русскихъ началъ. Вотъ какъ, напр. писалъ онъ Дубельту:

«Отецъ и командиръ!

«Я не знаю, какъ васъ называть. Милостивый государь и ваше превосходительство—все это такъ далеко отъ сердца, все это такъ изношено, что любимому душою человѣку—эти условные знаки вовсе не идутъ! Ваша доброта, ваше снисхожденіе, ваша деликатность со мною (обращики «деликатности» мы видѣли выше) совершенно поработили меня, и нѣтъ той жертвы, на которую бы я не рѣшился, чтобы доказать вамъ мою привязанность». Далѣе идетъ просьба объ устройствѣ его, Булгарина, денежныхъ дѣлъ. «Я думаю,—пишетъ онъ далѣе,—что, если сочинителю «Гавріліады», «Оды на вольность» и «Кинжала» (т. е. Пушкину) оказано столько благодѣяній и милостей, если банкроту Смирдину дано взаймы 35000 руб. сер., если Полевому, которому самъ государь запретилъ журналъ, дана пенсія и пр. и пр.. то почему же не дать мнѣ взаймы» и т. д. Льстивый и до геркулесовыхъ столбовъ подобострастно униженный и раболѣпный тонъ писемъ Булгарина къ сильнымъ міра сего былъ вообще однимъ изъ орудій для достиженія Булгаринымъ его цѣлей. Въ собранную г. Лемке коллекцію такихъ писемъ слѣдовало бы помѣстить и письмо Булгарина къ шефу жандармовъ Орлову, которое приведено въ книгѣ Пятковскаго «Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія»: «Богъ во благости своей далъ намъ васъ и жандармскій корпусъ»,—писалъ, между прочимъ, Орлову Булгаринъ въ этомъ письмѣ...

А вотъ отрывокъ изъ письма Булгарина къ А. В. Никитенко, занимавшему, какъ извѣстно, должность цензора:

«Я думаю, что не весьма полезно для государя и отечества пропущенное вами въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ которыхъ имя ваше выставлено въ числѣ сотрудниковъ: «Богъ на крестѣ, освѣщающій свободу и равенство не

однихъ римскихъ гражданъ, но и всѣхъ людей, какъ членовъ единаго семейства, присущаго Его Божественности,—вотъ что побѣдило древній міръ и не перестанетъ развиваться и оплодотворяться въ мірѣ новомъ». Такихъ и еще посильнѣе мѣстъ, пропущенныхъ вами въ «Отечественныхъ Запискахъ», еще нѣсколько есть, а потому я удивляюсь, что вамъ вздумалось сдѣлать изъ меня человѣка злонамѣреннаго, пишущаго противъ правительства! Я долженъ буду защищаться, представить на видъ все пропущенное вами въ «Отечественныхъ Запискахъ», которыя помѣщали болѣе, нежели журналы, гдѣ свобода книгопечатанія, и вы все утверждали своею подписью...»

Еще до этого инцидента Булгаринъ подалъ Дубельту записку, озаглавленную «Нѣсколько правдъ, предлагаемыхъ на благоразсужденіе». Въ этой запискѣ онъ писалъ:

«Я не доносчикъ (замѣчательно, но честь носить это, вполнѣ принадлежащее Булгарину, «званіе» отклонялъ отъ себя даже онъ), но стоитъ разспросить хоть одного благонамѣреннаго грамотнаго человѣка, и онъ укажетъ такія вещи, за которыя и въ Англіи посадили бы въ тюрьму. Люди поумнѣли, тайныхъ обществъ не составляютъ, но всѣмъ, хотя мало знакомымъ съ литературою, извѣстно, что у насъ существуетъ чрезвычайно сильная партія, подъ покровительствомъ могущественнаго чиновника въ министерствѣ просвѣщенія, дѣйствующая въ духѣ коммунизма и правилъ нечестиваго либерализма. У меня бездна жалобъ даже отъ епископовъ, но это не мое дѣло. Извѣстный литераторъ и академикъ Борисъ Ѳедоровъ представилъ мнѣ нѣкоторыя выписки, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ, когда вспомнишь, что послѣ себя оставляешь шестерыхъ малолѣтнихъ дѣтей, противъ которыхъ вострятъ на твоихъ глазахъ топоры! Но партія эта пріобрѣла лестью сильнѣйшее покровительство, и ее никто не дерзаетъ затронуть, тѣмъ болѣе, что она привязала къ себѣ и матеріальными интересами. Мнѣ объ этомъ не слѣдуетъ распространяться, чтобы не подумали, будто я дѣйствую въ духѣ литературной вражды; но возьмите, если угодно, отъ меня выписки Бориса Ѳедорова и распросите его, не стращая, а лаская,—увѣренъ, что ужаснетесь!»

Во главѣ той страшной партіи, на которую и былъ направленъ доносъ Булгарина, былъ никто иной, какъ министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ, тотъ самый Уваровъ, который желалъ, чтобы «русская литература прекратилась вовсе», потому что тогда только онъ, Уваровъ, будетъ «спокойно спать»...

Черезъ нѣкоторое время Булгаринъ подалъ Дубельту еще записку о необходимости усовершенствованной полиціи.

«Полиція наша не въ силахъ,—писалъ Булгаринъ,—исполнять то, что требуется отъ полиціи въ благоустроенномъ государствѣ... У насъ нѣтъ безподобнаго французскаго заведенія Police de sureté или, какъ бывало въ старину въ Россіи, сыскного приказа, а это *первая потребность* въ благоустроенномъ государствѣ... Начальникомъ сыскного приказа долженъ быть такой звѣрь, какъ былъ у насъ Эртель. Вотъ образецъ! А сыскной приказъ, право, нужнѣе лишнихъ комитетовъ и департаментовъ...»

Нельзя сказать, чтобы за всѣ эти услуги Дубельты всегда отвѣчали Булгарину такимъ «деликатнымъ» образомъ дѣйствій, какъ приказаніями ему стать въ уголъ носомъ или криками «что ты тамъ нахрюкалъ?» Нѣтъ, бывало и такъ, что они оказывали и ему въ свою очередь услуги. Былъ, напр., такой фактъ: вскорѣ послѣ своего восшествія на престолъ молодой государь Николай Павловичъ, прочтя одинъ изъ фельетоновъ въ «Сѣверной Пчелѣ», написалъ Бенкендорфу: «Я забылъ вамъ сказать, любезный другъ, что въ сегодняшнемъ номерѣ «Пчелы» находится опять несправедливѣйшая и нелѣпѣйшая статья противъ Пушкина; къ этой статьѣ навѣрно будетъ продолженіе; поэтому предлагаю вамъ призвать Булгарина и запретить ему отнынѣ печатать какія бы то ни было критики на литературныя произведенія, и если возможно, то запретите его журналъ».

Отъ такой грозы Булгарина спасли именно его полицейскіе друзья.

То «золотое время», когда въ Россіи стояли непоколебимо, какъ гранитная скала, «истинно-русскія» начала жизни, и должно было породить такую, вылитую изъ того же «чистаго золота», фигуру, какъ Булгаринъ.

Онъ оставилъ послѣ себя духовныхъ дѣтей и внуковъ. Имена ихъ всѣмъ извѣстны.

О, ты, кто принялъ имя Слова!
Мы просимъ твоего покрова:
Избави насъ отъ похвалы
Позорной „Сѣверной Пчелы“.

Если бы мертвые могли говорить, то навѣрно Герценъ произнесъ бы въ наши дни именно этотъ стишокъ, лишь замѣнивъ мысленно «Сѣверную Пчелу» прежнюю—«Сѣверною Пчелою» настоящею...

Въ ноябрской книжкѣ «Вѣстника Европы» помѣщено, повидимому, лишь начало статьи г. Пыпина «Н. А. Некрасовъ». Въ подзаголовкѣ стоятъ слова «Нѣсколько воспоминаній». Въ томъ, что уже напечатано, воспоминаній г. Пыпина о Некрасовѣ, собственно говоря, совсѣмъ еще нѣтъ или почти нѣтъ,—они, надо полагать, еще будутъ имѣть мѣсто въ слѣдующихъ книжкахъ журнала,—но уже и въ настоящее время статья г. Пыпина представляетъ, конечно, большой историко-литературный интересъ. Пока авторъ вспоминаетъ не столько самого Некрасова, сколько другихъ, соприкасавшихся съ «Современникомъ», писателей, и это придаетъ статьѣ г. Пыпина еще больше жизненности. Отмѣтимъ, впрочемъ, одну странность: говоря объ авторѣ «Очерковъ Гоголевскаго періода русской литературы», г. Пыпинъ вспоминаетъ извѣстный фактъ: авторъ этого труда не могъ еще даже называть Бѣлинскаго по имени и потому глухо называлъ его лишь критикомъ разсматриваемаго періода. Такое ужъ время стояло! Не можемъ мы быть довольны и временемъ настоящимъ, но все же недоумѣваемъ, почему самъ г. Пыпинъ, называя всѣхъ другихъ писателей по именамъ, обозначаетъ фамилію Чернышевскаго лишь буквою Ч.? Не черезъ край ли хватаетъ г. Пыпинъ? Мы помнимъ, что въ трудѣ г. Пыпина «Бѣлинскій, его жизнь и переписка» фамиліи Герцена и Бакунина обозначались

имъ также только иниціалами, но неужели въ такія болѣе чѣмъ прозрачныя вуали надо закутывать имена литературныхъ и общественныхъ дѣятелей нашего прошлаго и въ настоящее время? Въ статьяхъ Чернышевскаго имени Бѣлинскаго, какъ свидѣтельствуетъ самъ г. Пыпинъ, не пропускала цензура. Ну, а въ статьѣ самого г. Пыпина кто не позволяетъ упоминать имени Чернышевскаго полностью? Непонятно...

Это, впрочемъ, къ слову.

Вообще же въ статьѣ г. Пыпина собрано не мало любопытныхъ данныхъ, относящихся къ знаменитой эпохѣ «столкновенія двухъ теченій общественной мысли». Какою жалкою рисуется, напр., личность Боткина, того Боткина, который нѣкогда писалъ къ Бѣлинскому и другимъ столь замѣчательныя письма. А потомъ? «Въ 1866 году,—пишетъ г. Пыпинъ,—Боткинъ радовался двумъ предостереженіямъ, даннымъ «Современнику», но и здѣсь онъ нашелъ, что у Некрасова это было «дѣломъ разсчета, спекуляціи, скандала»... Вотъ до чего можно пасть! Мало того, онъ уже каркалъ про зловредное направленіе возникшаго тогда «Вѣстника Европы». «Со вчерашняго дня,—писалъ онъ,—появился новый журналъ «Вѣстникъ Европы»; издается Стасюлевичемъ и Костомаровымъ; четыре книжки въ годъ. Онъ преимущественно посвящается историческимъ статьямъ. Костомаровъ талантливый, но умственно шаткій человѣкъ и украйнофилъ. Можно полагать, что журналъ этотъ будетъ центромъ разныхъ разлагающихъ доктринъ подъ маскою либерализма. Увы, мы дошли до такого времени когда рѣшительно некуда дѣться отъ политики. Подъ тѣмъ или другимъ видомъ она преслѣдуетъ всюду...»

Боткинъ внушалъ эти идеи Фету, который и воспользовался ими по своему. Извѣстно такое письмо къ Фету Тургенева: «Рекомендація ваша М. Н. Лонгинову (начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати), при его отъѣздѣ изъ Орла, возымѣла свое дѣйствіе: «Вѣстникъ Европы» получилъ второе предостереженіе. То-то вы порадуетесь, когда этотъ честный, умѣренный, монархическій органъ будетъ прекращенъ за революціонерство и радикализмъ. Извините эту немножко желчную выходку, но досада хоть кого возьметъ».

Замѣчательно, что на языкѣ гг. Фетовъ и прочихъ «эстетовъ» такого же рода это и называется «не вмѣшиваться въ политику»...

Къ статьѣ г. Пыпина мы, вѣроятно, еще вернемся.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Отмѣна закона Фаллу во Франціи. Французскій сенатъ произнесъ, наконецъ, смертный приговоръ клерикальному школьному закону Фаллу, продержавшемуся во Франціи цѣлыхъ тридцать три года. Постановленіями этого закона, какъ извѣстно, народное просвѣщеніе почти совершенно было отдано въ руки духовенства и, главнымъ образомъ, конгрегацій, и потому естественно, что отмѣна его, представляющая лишь логическое послѣдствіе закрытія конгрегацій, составляетъ далеко немаловажное

событіе во французской общественной жизни. Правда, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія законъ этотъ подвергся измѣненіямъ, по крайней мѣрѣ формально, но духъ его продолжалъ все-таки царить во французской народной школѣ, и воспитаніе юношества попрежнему находилось въ рукахъ конгрегацій. Любопытно, что именно третья республика еще усилила прежнія клерикальныя привилегіи и только спустя тридцать лѣтъ во Франціи спохватились, что благодаря такому закону клерикализмъ могъ укрѣпиться и господствовать въ странѣ. Путемъ искусной агитаціи во французскомъ обществѣ поддерживалось мнѣніе, что преподаваніе въ духовныхъ школахъ поставлено гораздо лучше, чѣмъ въ государственныхъ и коммунальныхъ, и, кромѣ того, буржуазному юношеству выставлялось на видъ, что въ этихъ школахъ могутъ быть завязаны сношенія со знатными аристократическими кружками, которые всегда поручаютъ духовнымъ лицамъ воспитаніе своихъ дѣтей. Считалось особенно изысканнымъ получить воспитаніе въ какой-нибудь монастырской гимназіи, и воспитанники этихъ гимназій преуспѣвали въ арміи, на государственной службѣ и въ особенности въ дипломатіи. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ свобода преподаванія превратилась въ настоящую монополію духовенства, и это лучше всего подтверждается статистикой, указывающей, что число учениковъ духовныхъ учебныхъ заведеній, въ моментъ отмѣны закона, составляло ни болѣе, ни менѣе, какъ 1.600.000! Французскому правительству предстоитъ теперь нелегкая задача пристроить всѣхъ этихъ учениковъ въ свѣтскія школы.

Французская республиканская печать, конечно, привѣтствуетъ отмѣну закона Фаллу и въ своихъ некрологахъ этому исчезающему учрежденію вспоминаетъ его исторію. Графъ Фаллу, творецъ этого закона, былъ первый клерикальный республиканецъ, нашедшій много подражателей впослѣдствіи, который задумалъ воспользоваться республикой для своихъ реакціонерныхъ цѣлей. Потомъ эта политика сдѣлалась политикою Ватикана при Рамполлѣ и папѣ Львѣ XIII. Истинными же послѣдователями графа Фаллу во Франціи были, такъ называемые «присоединившіеся» (les raillés), прогрессисты и націоналисты. Оказалось, что французскую республику еще легче было подчинить клерикализму, нежели монархію, и такъ какъ Фаллу хотѣлъ только господства католической церкви и равнодушно относился къ вопросу о формѣ правленія, то онъ и возбудилъ противъ себя всѣ монархическія партіи, которыя считали его измѣнникомъ. Замѣчательно, что въ средѣ католическаго духовенства также не сразу оцѣнили его какъ слѣдуетъ, и епископъ Френнель даже отлучилъ его отъ церкви въ 1876 году. Только папа Левъ XIII понялъ его, одобрилъ его республиканскую политику, которой католическая церковь и клерикальная партія во Франціи были обязаны всѣми своими успѣхами.

Министръ президентъ Комбъ въ своей рѣчи, произнесенной въ сенатѣ, также опирался на принципъ свободы преподаванія, но только доказывалъ, что воспитаніе юношества не можетъ быть довѣрено лицамъ, которыя, уже вслѣдствіе даннаго ими обѣта, не могутъ имѣть никакого понятія о семейной жизни и поэтому лишены возможности вникать въ душу и умъ ребенка. Итакъ, признавая свободу въ дѣлѣ преподаванія, Комбъ все-таки совершенно отвергаетъ

способность духовныхъ лицъ быть воспитателями и преподавателями юношества. Однимъ словомъ, Комбъ желаетъ навсегда покончить съ клерикализмомъ, который въ монархіи пользуется для своихъ цѣлей тиранніей, а въ республикѣ злоупотребляетъ свободой, заставляя ее служить своимъ цѣлямъ, но его прямолинейная политика, направленная къ отмѣнѣ конкордата и отдѣленію церкви отъ государства, встрѣчаетъ все-таки могущественныхъ противниковъ въ лицѣ Вальдека Руссо въ сенатѣ и Этьенна въ палатѣ депутатовъ. Весь вопросъ теперь заключается въ томъ, удержится ли Комбъ у власти достаточно времени, чтобы довести до конца свою антиклерикальную политику. Если кабинетъ Комба сойдетъ со сцены раньше, то, вѣроятно, произойдетъ нѣкоторая остановка освободительнаго движенія, но врядъ ли клерикаламъ удастся вернуть свою прежнюю силу и вліяніе въ странѣ.

Французскія газеты съ большимъ жаромъ обсуждаютъ ссору врачей, которая произошла въ пастёровскомъ институтѣ. Въ бактеріологическомъ отдѣленіи этого института уже въ теченіе многихъ лѣтъ работаетъ вѣнскій врачъ, д-ръ Марморекъ. Этотъ докторъ открылъ новую антитуберкулёзную сыворотку и еще въ сентябрѣ хотѣлъ сдѣлать о своемъ открытіи докладъ на гигіеническомъ конгрессѣ въ Брюсселѣ. Директоръ пастёровскаго института, д-ръ Ру, однако, воспротивился опубликованію этого открытія. Вслѣдствіе научныхъ разногласій, происшедшихъ по этому вопросу между нимъ и дирекціей пастёровскаго института, Марморекъ вышелъ изъ института, заявляя, что онъ желаетъ одинъ нести на себѣ отвѣтственность за свое открытіе и его опубликованіе. Разумѣется, въ газетахъ тотчасъ же возникла полемика. Однѣ изъ нихъ становятся на сторону д-ра Ру, напечатавшаго въ «Matin», что сыворотка д-ра Марморека была испробована только экспериментально на животныхъ, и клиническія наблюденія, которыя могли бы оправдать опубликованіе этого открытія, еще не сдѣланы, на этомъ основаніи д-ръ Ру считаетъ опубликованіе этого открытія преждевременнымъ. Другіе защищаютъ д-ра Марморека и утверждаютъ, что его сыворотка уже испробована во многихъ госпиталяхъ, и между прочимъ, въ бреславльской клиникѣ хирурга Микулича. Но вопросъ, дѣйствительно ли новая сыворотка можетъ служить антитуберкулёзнымъ средствомъ, такъ и остается открытымъ.

Чэмберленовская кампанія въ Англіи. Выборы, какъ указатель общественнаго настроенія. Чэмберленъ продолжаетъ вести свою протекціонистскую кампанію съ прежнею страстью, неутомимою энергіею и съ такою неослабѣвающею силою пропаганды, что въ данный моментъ около его личности и возбужденныхъ имъ вопросовъ сосредоточивается весь интересъ политическаго міра Англіи. Его программа, его рѣчи, составляютъ центръ тяжести всеобщаго вниманія, и другія политическія рѣчи, которыхъ, какъ всегда въ Англіи осенью, было произнесено не мало разными политическими дѣятелями и министрами, вызываютъ интересъ лишь постольку, поскольку онѣ относятся къ чэмберленовской кампаніи и могутъ такъ или иначе повліять на ея исходъ.

Съ Чэмберленомъ уже произошла полная эволюція, и въ послѣднихъ своихъ рѣчахъ онъ стоитъ уже на почвѣ чистѣйшаго протекціонизма. Даже имперіализмъ его выражается уже не такъ ярко, какъ прежде, тѣмъ болѣе, что въ колоніяхъ къ его проекту относятся далеко не съ тѣмъ сочувствіемъ, на которое онъ разсчитывалъ. Въ Канадѣ, раздраженной рѣшеніемъ трибунала по вопро́су о разграниченіи Аляски, уже возникаетъ вопросъ, не было ли бы выгоднѣе войти въ непосредственное соглашеніе съ великою сосѣднею республикой, нежели служить пѣшкой въ рукахъ метрополіи, преслѣдующей свои цѣли и выгоды. Въ Австраліи, гдѣ протекціонисты находятся у власти, Чэмберленъ совершенно не можетъ надѣяться на успѣхъ своихъ плановъ. Австралія предлагаетъ только нѣкоторое повышеніе пошлинъ на иностранные товары, но британскій ввозъ ничего не выигрываетъ отъ этого. Въ южной же Африкѣ экономическій вопросъ совершенно заслоняется въ данную минуту политическимъ и соціальнымъ вопросомъ. Такое положеніе вещей въ колоніи, конечно, не можетъ доставить Чэмберлену тѣхъ аргументовъ, которые ему нужны, и поэтому онъ пользуется другими средствами, чтобы вліять на толпу, и его противникамъ, порядочно-таки достается отъ него, такъ какъ онъ не останавливается ни передъ чѣмъ и ловко пользуется предразсудками и настроеніемъ толпы, взводя на своихъ оппонентовъ различныя обвиненія. Эта система въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣетъ успѣхъ и между прочимъ въ Бирмингэмѣ, гдѣ противъ лорда Гюга Сесиля и Уинстона Чёрчилля, явившихся въ качествѣ противниковъ чэмберленовской политики, была устроена враждебная демонстрація, напоминавшая ту, которая состоялась въ этомъ городѣ три года тому назадъ, когда Ллойдъ Джорджъ рѣшился, съ опасностью жизни, выступить защитникомъ попраннаго южно-африканскою войною чувства справедливости и правъ человѣка. Вопреки поговоркѣ, что «никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ», Чэмберленъ остается «пророкомъ» въ Бирмингэмѣ; бирмингэмцы продолжаютъ называть его «нашъ Джо». Когда онъ пріѣхалъ въ Бирмингэмъ, чтобы произнести свою рѣчь, то самая большая зала въ городѣ не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ и за нумерованныя мѣста платили по 4 и по 5 фунтовъ стерлинговъ. Личный престижъ Чэмберлена и искусство его діалектики дѣлаютъ изъ него весьма могущественнаго противника. Въ Бирмингэмѣ даже въ рабочихъ кружкахъ идеи Чэмберлена имѣютъ успѣхъ. Одинъ англійскій журналистъ разсказываетъ, что онъ вступилъ въ разговоръ съ двумя плотниками, которые строили галлереи для публики въ залѣ, гдѣ долженъ былъ говорить Чэмберленъ. Эти двое рабочихъ оказались его сторонниками. «Что вы думаете?—сказалъ одинъ изъ нихъ. — Вотъ тутъ, для постройки этой галлереи было израсходовано тридцать центнеровъ гвоздей, и всѣ эти гвозди привезены сюда изъ Америки! Ну, а видите ли вы плотника, вонъ тамъ? Онъ самъ изъ Норвегіи, а пила, которая у него въ рукахъ, сдѣлана въ Филадельфіи!» Очевидно, слова Чэмберлена, что заработокъ британскаго рабочаго долженъ будетъ увеличиться съ введеніемъ его таможенной политики, производятъ впечатлѣніе на британскихъ рабочихъ, для которыхъ вопросъ о заработкѣ и о возможности всегда имѣть занятіе имѣетъ гораздо

большее значеніе, нежели даже низкія цѣны на хлѣбъ. Эти и многіе другіе признаки указываютъ, что Чэмберленъ все-таки можетъ одержать побѣду, несмотря на упорную борьбу, которую ведутъ съ ними его противники, къ числу которыхъ принадлежитъ и лордъ Розберри. Либеральная печать высказываетъ серьезное опасеніе, что Англія готовится сдѣлать «прыжокъ въ темноту», и вообще въ разсужденіяхъ о политическомъ положеніи проявляется нѣкоторый пессимизмъ, еще усилившійся въ послѣднее время вслѣдствіе результата выборовъ въ Ланкаширѣ. -Въ этомъ центрѣ ткацкой и угольной промышленности еще продолжаетъ господствовать программа политическаго консерватизма, соціальныхъ реформъ и аграрнаго протекціонизма, и только одни углекопы, представляющіе однородную и организованную группу рабочихъ, отказались отъ этой традиціонной политики подъ вліяніемъ агитаціи лидеровъ рабочей партіи и угрозы, что хлѣбъ вздорожаетъ. Эти группы рабочихъ поддерживали кандидата радикальной партіи Лауренса, который, казалось, имѣлъ всѣ шансы на успѣхъ. Мэръ, пользующійся большою популярностью и поддерживаемый всѣми рабочими организаціями, Лауренсъ открыто выступилъ защитникомъ фритрёдерства. Въ своихъ рѣчахъ онъ ярко и убѣдительно доказывалъ преимущество свободы торговли и тѣ выгоды, которыя доставила англійскимъ рудокопамъ коммерческая свобода. Самъ Лауренсъ вышелъ изъ рабочихъ и съ гордостью вспомнилъ о томъ, что онъ «съ девятилѣтняго возраста работалъ въ копяхъ и до того момента, когда онъ ихъ покинулъ, чтобы вступить въ парламентъ», онъ зарабатывалъ свой насущный хлѣбъ, какъ рабочій.

Счастливымъ конкуррентомъ Лауренса на выборахъ былъ лордъ Балкарресъ, сынъ разбогатѣвшаго промышленника, попавшаго въ ряды аристократіи. Балкарреса поддерживали землевладѣльцы и духовенство не только англиканской, но и католической церкви, которыхъ кабинетъ Бальфура привлекъ на свою сторону своимъ школьнымъ закономъ. Въ противоположность Лауренсу, лордъ Балкарресъ выставилъ очень умѣренную программу и воздержался отъ предложеній какихъ-либо радикальныхъ мѣропріятій. Лауренсъ, не признавая никакихъ компромиссовъ, настаивалъ на сохраненіи принциповъ свободы торговли, и его противникъ, не отказываясь совершенно отъ этихъ принциповъ, предлагалъ все-таки отвѣтить на иностранные тарифы обложеніемъ ввоза и т. д. Вообще лордъ Балкарресъ на всѣ упреки своего противника отвѣчалъ, что онъ исключительно руководствуется мнѣніемъ большинства избирателей, и если они высказываются за какой-нибудь вопросъ, то онъ вноситъ его въ свою программу. Борьба между двумя кандидатами была настолько жаркая, что въ теченіе нѣкотораго времени приковывала вниманіе англійской печати, слѣдившей за всѣми ея перепетіями. Однако, несмотря на всю популярность Лауренса, консервативный кандидатъ, лордъ Балкарресъ, все-таки одержалъ побѣду и въ этой побѣдѣ уже видятъ предзнаменованіе той, которую должна одержать консервативная партія на общихъ выборахъ.

Лондонскія газеты описываютъ состоявшійся на-дняхъ ежегодный банкетъ лондонскаго клуба печати. Солидарность англійскихъ журналистовъ создала

имъ довольно завидное положеніе въ странѣ, и быть журналистомъ въ Англіи—значитъ имѣть входъ повсюду, во всѣ круги. Журналисты имѣютъ доступъ въ лучшіе дома и профессія ихъ считается почетной; представители же самаго привилегированнаго англійскаго общества всегда чувствуютъ себя польщенными, если получаютъ приглашеніе на банкетъ печати, тѣмъ болѣе, что приглашенія эти разсылаются съ большимъ выборомъ, причемъ, главнымъ образомъ, принимается во вниманіе вовсе не богатство и титулъ, а умъ, заслуги общественная дѣятельности и т. п., такъ что на банкетѣ печати встрѣчаются выдающіеся люди разныхъ профессій и разнаго соціальнаго положенія.

На послѣднемъ банкетѣ героемъ дня былъ молодой 29-ти-лѣтній депутатъ Уинстонъ Чёрчилль, сынъ лорда Рандольфа Чёрчилля. Молодой Чёрчилль былъ военнымъ корреспондентомъ въ южной Африкѣ, а теперь намѣренъ самъ сражаться въ парламентѣ. Ему пришлось отвѣчать на тостъ въ честь парламента и въ очень остроумной рѣчи онъ высказалъ свои политическіе взгляды. Его тонкія и ѣдкія нападки на Чэмберлена вызвали всеобщій восторгъ, но еще большее восхищеніе вызвали его слова, въ которыхъ онъ выразилъ свой взглядъ на кабинетъ Бальфура. Говоря объ отношеніяхъ печати и парламента, Чёрчилль сказалъ, что онъ не думаетъ, чтобы печать могла «погубить способнаго человѣка въ парламентѣ и создать репутацію великаго человѣка неспособному». Печать имѣетъ вліяніе только на категорію людей, находящихся по срединѣ, т.-е. на посредственностей, которыхъ она можетъ выдвигать или губить. «На этомъ основаніи я полагаю,—сказалъ Чёрчилль, что нынѣшнему англійскому правительству слѣдовало бы поддерживать самыя лучшія отношенія съ печатью!» Эта выходка по адресу кабинета Бальфура вызвала бурные аплодисменты, а изъ остальныхъ рѣчей на банкетѣ также выяснилось, что огромное большинство англійскихъ журналистовъ не принадлежитъ къ числу сторонниковъ кабинета Бальфура и чэмберленовской политики.

Новая республика. Въ прошломъ мѣсяцѣ, а именно 3-го ноября н. ст., въ шесть часовъ вечера число американскихъ республикъ увеличилось еще одной и въ картѣ центральной Америки произошла важная перемѣна: отъ Колумбіи была отрѣзана безкровнымъ путемъ ея лучшая провинція, истмійскій департаментъ, объявившій себя независимою республикою. Спустя трое сутокъ послѣ этого американскій консулъ въ Панамѣ уже имѣлъ въ рукахъ сообщеніе, что Соединенные Штаты признаютъ и новое правительство, и новую республику. Въ Вашингтонѣ считаютъ это появленіе на свѣтъ новой республики уже свершившимся фактомъ и даже имѣется въ виду возобновленіе переговоровъ относительно панамскаго канала.

Хотя этотъ важный переворотъ и совершился со свойственною американцамъ быстротою, но подготовленъ онъ былъ съ величайшею предусмотрительностью, также составляющею выдающуюся черту американскаго характера. Ничто не было упущено и предусмотрѣны всѣ случайности. Колумбійское правительство прислало ультиматумъ, и панамскимъ революціонерамъ было дано три часа срока, чтобы вернуть городъ его законнымъ властямъ. Колумбійская

канонирка «Bogota» начала бомбардировать городъ, но единственнымъ результатомъ этой бомбардировки была только смерть одиннадцати китайцевъ и протестъ американскаго консула противъ бомбардировки города, сопровождаемый угрозой, что, въ случаѣ, если она не будетъ прекращена, то американскій крейсеръ «Boston» по просту захватитъ канонирку. Колумбійскому генералу Торовару ничего больше не оставалось какъ посадить колумбійскій отрядъ въ 463 человѣка на судно и удалиться въ Кармогену, оставивъ истмійскій департаментъ въ рукахъ партіи независимости. Въ сущности колумбійцы, въ данномъ случаѣ, пожали только то, что посѣяли. Образованіе новой истмійской республики получаетъ особенно важное значеніе въ виду связаннаго съ нею вопроса о постройкѣ межъокеанскаго канала. Конгрессъ въ Боготѣ отвергъ договоръ, заключенный съ Соединенными Штатами насчетъ постройки этого канала. Такимъ образомъ проведеніе этого въ высшей степени важнаго для міровой торговли пути оказалось, по словамъ одного американскаго государственнаго дѣятеля, въ зависимости отъ настроенія духа и вымогательства заправилъ «обезъяньей и попугаичьей республики», какъ онъ назвалъ Колумбію. Какъ бы то ни было, но поведеніе Колумбійскаго правительства раздражало не только Соединенные Штаты, но и панамскую провинцію, экономическое благосостояніе которой въ значительной степени зависѣло отъ постройки канала Революціонное движеніе въ Панамѣ явилось вполнѣ естественнымъ результатомъ такого положенія вещей и благодаря тому, что оно было подготовлено всеобщимъ настроеніемъ, рожденіе на свѣтъ новой республики произошло безъ всякихъ потрясеній, великая сѣвероамериканская республика видимо покровительствовала этому перевороту. Теперь переговоры о постройкѣ межъокеанскаго канала пойдутъ вѣроятно успѣшнѣе, такъ какъ ихъ надо будетъ вести уже не съ неповоротливою Колумбіей, а съ миніатюрною истмійскою республикой, которая, конечно, окажется сговорчивѣе.

Литературно-военный процессъ въ Германіи.—Смерть Моммзена. Огромную сенсацію въ Германіи произвелъ разбиравшійся недавно въ военномъ судѣ процессъ поручика Бильзе, автора романа «Aus einer kleinen Garnison». Романъ былъ подписанъ другимъ именемъ, но настоящій его авторъ скоро былъ открытъ, также какъ и всѣ лица, выведенныя въ романѣ. Поручикъ Бильзе подалъ въ отставку и уже находился въ отпуску когда его арестовали. Въ Германіи романъ возбудилъ всеобщее вниманіе и вызвалъ ожесточенную полемику. Одни называли романъ злостнымъ памфлетомъ, плохо замаскированнымъ актомъ личнаго мщенія и т. д. и т. д., но, съ другой стороны, нашлось не мало лицъ, и притомъ изъ бывшихъ военныхъ, которые находили, что авторъ, несмотря даже на тенденціозное сгущеніе красокъ, все-таки руководствовался, вѣроятно, похвальнымъ желаніемъ обратить вниманіе на дѣйствительные непорядки и зло гарнизонной жизни и помочь ихъ устраненію. Тѣмъ не менѣе, всѣ сходились въ одномъ, что романъ заключаетъ въ себѣ злую каррикатуру и массу преувеличеній. Такъ отнеслись литературные критики и общество къ книгѣ Бильзе и такъ взглянули на нее судебныя военныя

власти на предварительномъ слѣдствіи, ограничившсь лишь самыми необходимыми справками. Назначена была врачебная экспертиза для выясненія состоянія умственныхъ способностей Бильзе, но врачи признали его вполнѣ нормальнымъ. Однако, во время разбирательства дѣла не только публика и литературные критики, но даже сами судебныя власти были поражены открытіемъ, что все, описанное Бильзе, характеры лицъ и черты гарнизонной жизни—все это составляетъ голую, неприкрашенную дѣйствительность. На судѣ происходили довольно комичныя сцены, когда, при публичномъ чтеніи произведенія Бильзе, сличали изображенныхъ имъ лицъ съ дѣйствительными лицами, вызванными въ качествѣ свидѣтелей. Бильзе энергично протестовалъ противъ обвиненія, что онъ желалъ выставить въ непривлекательномъ видѣ своихъ начальниковъ. Онъ увѣрялъ, что его герои просто вымышленныя лица, но на это одинъ изъ свидѣтелей, аптекарь въ томъ гарнизонномъ городкѣ, который описалъ Бильзе, сказалъ, обращаясь къ предсѣдателю:

— Потрудитесь прочесть ту страницу романа, гдѣ описывается наружность маіора Кронау, подъ видомъ котораго Бильзе, изобразилъ своего ближайшаго начальника, маіора Фукса.

Предсѣдатель прочелъ: «Смѣшная наружность; большое тѣло на кривыхъ ногахъ. Ничто въ этомъ человѣкѣ не отвѣчаетъ тому представленію, которое каждый составляетъ себѣ о командирѣ... Въ его глазу блеститъ постоянная слеза, которую онъ смахиваетъ судорожными движеніями головы»...

— Приведите маіора Фукса,—сказалъ предсѣдатель.

Маіоръ показался въ дверяхъ. Всѣ взоры вперились въ него.

«Это онъ!» прошептали въ залѣ.

— Да, это я; это онъ меня изобразилъ!—вскричалъ толстый маіоръ. Онъ началъ съ чувствомъ говорить о страшномъ вредѣ, который принесъ романъ своими разоблаченіями, о дуэляхъ, возникшихъ по этому случаю, отставкахъ, перемѣщеніяхъ и т. д. Пока онъ говоритъ, въ глазу у него появляется слеза, которая все увеличивается; онъ дѣлаетъ движеніе головой и смахиваетъ ее. Вотъ она улика! Предсѣдатель смотритъ на обвиняемаго, и на всѣхъ лицахъ въ залѣ появляется улыбка.

— Тутъ не можетъ быть сомнѣнія, вы имѣли въ виду маіора Фукса, говоритъ предсѣдатель.—Въ напечатанномъ текстѣ вы его называете полковникъ Кронау. Между тѣмъ, въ манускриптѣ, который былъ конфискованъ, онъ называется у васъ Ренаръ. По-французски это значитъ лисица, т.-е. Фуксъ...

Для того, чтобы выяснить всѣ инкриминированныя мѣста книги, предсѣдатель предложилъ прочесть ее на судѣ и всѣ 209 страницъ книги, съ первой страницы до послѣдней, были прочтены, и публика ихъ выслушала со вниманіемъ.

Судъ отвергъ обвиненіе въ клеветѣ, такъ какъ описанные поручикомъ Бильзе факты и жизнь въ гарнизонѣ оказались дѣйствительнымн. Но тѣмъ не менѣе онъ все-таки былъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьму на полгода, а книга его конфискована. Это рѣшеніе суда вызываетъ усиленные толки въ газетахъ, противопоставляющихъ его другому приговору, который былъ про-

изнесенъ по дѣлу поручика Гюссенера, обвиняемаго въ убійствѣ солдата. Гюссенеръ отдѣлался только заключеніемъ въ крѣпости, а Бильзе посаженъ въ тюрьму за то, что осмѣлился разоблачить злоупотребленія. Однако, даже консервативныя газеты и такія, которыя распространены въ военныхъ кружкахъ, требуютъ, чтобы назначено было тщательное разслѣдованіе тѣхъ условій, которыя существуютъ въ гарнизонахъ. Цѣль все-таки достигнута, и общество будетъ обязано смѣлому молодому поручику, что онъ вывелъ на свѣжую воду то, что творится въ маленькихъ, удаленныхъ отъ центра гарнизонахъ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ Германія понесла чувствительную потерю въ лицѣ знаменитаго исторіографа Теодора Моммзена, умершаго на 86 году жизни. Это былъ послѣдній изъ той знаменитой плеяды историковъ, которыхъ подарилъ Германіи XIX вѣкъ. Ранке, Зибель, Дройзенъ сошли уже въ могилу, и теперь за ними послѣдовалъ Моммзенъ, до послѣдняго момента отзывавшійся на всѣ явленія общественной жизни Германіи. Германскія газеты посвятили умершему ученому пространныя сочувственныя статьи, въ которыхъ обсуждалась также и его политическая дѣятельность, рядомъ съ ученой, и, разумѣется, консервативная и аграрная печать въ своей оцѣнкѣ Моммзена, какъ политика, пренебрежительно отзывается о немъ, какъ политическомъ дѣятелѣ. Моммзенъ былъ либераломъ и убѣжденнымъ противникомъ Бисмарка. Они буквально не выносили другъ друга, и въ 1887 году между ними произошло серьезное столкновеніе. Моммзенъ принадлежалъ тогда къ партіи свободомыслящихъ и былъ членомъ рейхстага. Въ одной изъ своихъ рѣчей въ Шарлоттенбургѣ онъ назвалъ экономическую политику Бисмарка «политикой надувательства» (Schwindelpolitik). Бисмаркъ обидѣлся и притянулъ Моммзена къ суду за оскорбленіе, но Моммзенъ былъ оправданъ, и теперь германскія газеты, вспоминая этотъ историческій фактъ, поздравляютъ страну съ тѣмъ, что судъ не засадилъ тогда въ тюрьму ея величайшаго историка.

Какъ и всѣ либералы, Моммзенъ держался въ сторонѣ отъ соціалъ-демократическаго движенія въ Германіи и даже боролся съ нимъ. Но въ прошломъ году, послѣ знаменитыхъ тарифныхъ сраженій въ рейхстагѣ и посягательствъ на парламентскій уставъ, престарѣлый Моммзенъ, возмущенный до глубины души, напечаталъ воззваніе, въ которомъ приглашалъ всѣ либеральные элементы соединиться вмѣстѣ для защиты права и свободы. Вообще Моммзенъ былъ врагомъ всякаго реакціоннаго движенія. Въ 1880 году между нимъ и Трейчке возникла ожесточенная полемика, вслѣдствіе того, что Трейчке открыто склонился въ сторону антисемитизма, который тогда распространился въ высшихъ кругахъ берлинскаго общества. Такъ же горячо возставалъ Моммзенъ и противъ извѣстнаго школьнаго законопроекта Цейдлица и закона Гейнце. Во всѣхъ такихъ случаяхъ Моммзенъ принималъ дѣятельное участіе въ политической агитаціи, и когда, года два-три тому назадъ, вслѣдствіе вліянія могущественнаго католическаго центра, на каѳедру исторіи въ Страсбургѣ былъ назначенъ совершенно неизвѣстный молодой историкъ, Моммзенъ тотчасъ же поднялъ знамя «независимости науки», и это вмѣшательство престарѣлаго ученаго очень разсердило тогда многихъ и причинило молодому протеже центра

не мало непріятныхъ минутъ. Но и во внѣшней политикѣ Моммзенъ не оставался безучастнымъ. Всѣмъ памятна его полемика съ Максомъ Мюллеромъ по поводу англо-бурской войны. Послѣдняя статья почтеннаго ученаго появилась въ новомъ англійскомъ журналѣ «Independent Review», и въ ней Моммзенъ со свойственнымъ ему жаромъ возставалъ противъ шовинистическихъ тенденцій въ Германіи и въ Англіи, противъ чэмберленовскаго джингоизма и «всенѣмецкаго безумія». Такимъ образомъ, послѣднія его строки были посвящены дѣлу мира народовъ.

Одинъ французскій журналистъ, посѣтившій Моммзена за мѣсяцъ до его смерти, разсказываетъ, что старикъ ученый часто грустилъ въ послѣдне время, хотя и не переставалъ работать. Но покончивъ какую-нибудь работу, онъ первое время чувствовалъ себя словно выбитымъ изъ колеи и не зналъ, что съ собою дѣлать. Одному посѣтителю, который явился къ нему какъ разъ въ такое время и началъ усиленно извиняться въ томъ, что онъ ему помѣшалъ, Моммзенъ сказалъ: «Увы, милостивый государь! Я просто старичокъ, которому нечего больше дѣлать!» Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, которыя слѣдовали за выходомъ его книги и пока онъ не приступилъ къ новой работѣ, Моммзенъ находился обыкновенно въ состояніи какой-то странной апатіи и унынія. Ему не хотѣлось никого видѣть и ни съ кѣмъ говорить. Онъ никого не принималъ въ это время. Но это не была усталость, потому что онъ никогда не чувствовалъ себя усталымъ, а состояніе неувѣренности въ себѣ. Во время такого перерыва своихъ занятій онъ оставался какъ бы лицомъ къ лицу со своею старостью и это сознаніе бремени годовъ угнетало его. Онъ много говорилъ о своей старости и она огорчала его. Онъ чувствовалъ себя въ силахъ сдѣлать еще такъ много, а годовъ уже оставалось мало. Но, какъ только онъ принимался за новую работу, онъ словно возрождался, настроеніе его измѣнялось и даже наружность. Семья у него была большая—кажется онъ имѣлъ шестнадцать человѣкъ дѣтей, и онъ съ гордостью говорилъ: «Въ теченіе двадцати лѣтъ моею программою было: ежегодно по одной книгѣ и по одному ребенку». Его многочисленное потомство также способствовало его популярности въ глазахъ плодовитой Германіи. Изъ 16-ти дѣтей Моммзена въ живыхъ находится двѣнадцать, и старшій его сынъ состоитъ депутатомъ рейхстага. Моммзенъ только одной недѣли не дожилъ до своего шестидесятилѣтняго докторскаго юбилея.

Въ воспоминаніяхъ о Моммзенѣ разсказывается много анекдотовъ о его разсѣянности. Эта разсѣянность вошла даже въ поговорку. Онъ постоянно забывалъ имена своихъ дѣтей, и когда мать посылала къ нему въ кабинетъ съ порученіемъ котораго-нибудь изъ дѣтей, то онъ непремѣнно удивленно взглядывалъ на ребенка и затѣмъ спрашивалъ, какъ его зовутъ.

Незадолго до смерти Моммзена посѣтилъ одинъ изъ его старыхъ товарищей, англійскій профессоръ. Они вспоминали школьные годы, прежнихъ товарищей, и англичанинъ замѣтилъ съ грустью: «Почти всѣ уже умерли».—«Или должны были уже умереть», прибавилъ Моммзенъ.

Преміи Нобеля. Предстоящая въ скоромъ времени третья выдача пяти нобелевскихъ премій снова вызываетъ въ иностранной печати разговоръ о предстоящихъ кандидатахъ. Увѣряютъ, будто литературная премія будетъ раздѣлена между Ибсеномъ и Бьёрнсономъ, если Бьёрнсонъ не будетъ упорствовать въ своемъ нежеланіи выступить кандидатомъ. Кандитатомъ на полученіе преміи физики называютъ Маркони, изобрѣтателя безпроволочнаго телеграфа. Стокгольмскій профессоръ Эмиль Свёгренъ уже высказался въ печати по этому вопросу и заявилъ, что на этотъ разъ премія по праву принадлежитъ итальянскому ученому. Медицинская премія, какъ говорятъ, будетъ выдана профессору Нильсу Финзену въ Копенгагенѣ, изобрѣтателю метода леченія свѣтомъ. Впрочемъ, эта премія по всей вѣроятности, будетъ раздѣлена между двумя, но второй кандидатъ еще не намѣченъ. Относительно назначенія преміи мира еще ничего неизвѣстно, хотя нѣкоторыя газеты называютъ кандидаткой Берту Зуттнеръ. Въ скоромъ времени соберется въ Христіаніи нобелевскій комитетъ, къ которому принадлежитъ также и Бьёрнсонъ, для обсужденія этого вопроса.

Нѣмецкая печать подчеркиваетъ то, что на этотъ разъ кандидатами на полученіе премій являются все лица скандинавскаго происхожденія, за исключеніемъ Маркони. Конечно, съ достовѣрностью еще ничего неизвѣстно и могутъ быть, въ концѣ концовъ, избраны лица другой національности. Газеты говорятъ, что Альфредъ Нобель не былъ юристомъ, и поэтому его завѣщаніе должно на практикѣ волей-неволей подвергнуться нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ. Прежде всего шведскія научныя учрежденія, на которыя возложено было распредѣленіе премій за научныя и литературныя заслуги, пришли къ заключенію, что невозможно ограничиваться, при выборѣ кандидатовъ, только изобрѣтеніями и открытіями послѣдняго времени. Затѣмъ оказалось нужнымъ для оцѣнки трудовъ различныхъ конкурирующихъ кандидатовъ организовать особенныя коммиссіи, въ составъ которыхъ должны входить спеціалисты ученые по разнымъ областямъ. Кромѣ того, было сдѣлано еще одно добавочное постановленіе, что въ случаѣ если не найдется ни одного вполнѣ достойнаго кандидата на полученіе премій, то премія удерживается или же распредѣляется между нѣсколькими лицами. Конечно, всѣ эти поправки нисколько не измѣняютъ духа завѣщанія и поэтому душеприказчики Нобеля считали себя въ правѣ ихъ сдѣлать для облегченія практическаго примѣненія его воли, высказанной въ завѣщаніи.

Нобелевскій фондъ равнялся въ 1900 году 31.225.000 кронъ. Весь доходъ перваго года былъ употребленъ на устройство различныхъ институтовъ, указанныхъ завѣщаніемъ. Но, изъ пяти такихъ учрежденій, только одно уже вполнѣ закончено: это нобелевскій институтъ шведской академіи; другія откроются, вѣроятно, не ранѣе, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ.

Распредѣленіе литературныхъ премій возложено на шведскую академію, которая нашла необходимымъ устроить особенную нобелевскую библіотеку, спеціально предназначенную для изученія литературныхъ произведеній, такъ какъ безъ такого собранія лучшихъ произведеній міровой литературы невозможно было бы сдѣлать выборъ между ними. На устройство такой библіотеки было первоначально израсходовано 100.000 кронъ и затѣмъ на содержаніе и

расширеніе ея ассигнуется четвертая часть дохода съ 200.000 кронъ, такъ что на выдачу годовой преміи остается 150.000.

Задача нобелевской библіотеки очень трудная и сложная, такъ какъ она должна доставлять матеріалъ для назначенія преміи и поэтому, по своему богатству, нобелевская библіотека является единственною въ цѣломъ мірѣ. Нигдѣ не существуетъ такой обширной спеціальной библіотеки, въ которой собраны были бы всѣ лучшія произведенія современной беллетристики, и даже въ британскомъ музеѣ нельзя найти столь обширнаго собранія спеціально беллетристическихъ произведеній. Кромѣ этого, въ нобелевской библіотекѣ собраны всѣ литературныя, біографическія, энциклопедическія и библіографическія справочныя книги, такъ что не приходится никуда отправляться за какими-либо литературными справками, и все тутъ есть подъ рукой. Затѣмъ въ библіотекѣ находится самое полное собраніе всевозможныхъ произведеній по исторіи литературы и критики, монографій и литературныхъ очерковъ всѣхъ странъ, а также очень обширное собраніе литературныхъ журналовъ за текущій и прошлый годъ. Очень богатъ также отдѣлъ, заключающій въ себѣ сочиненія по исторіи, философіи, исторіи искусства и другихъ гуманистическихъ наукъ, по классической литературѣ и т. д. Конечно, нобелевская библіотека не открыта для публики, но каждый ученый изслѣдователь и писатель, даже иностранный, легко получаетъ въ нее доступъ. Она открыта даже для учащихся, и только одно имѣется въ виду при этомъ,—чтобы занятія постороннихъ не мѣшали занятіямъ членовъ нобелевскаго учрежденія. Современемъ, конечно, придется расширить помѣщеніе библіотеки, такъ какъ ежегодно прибываетъ такое количество книгъ, что скоро ихъ некуда будетъ дѣвать. Библіотекаремъ выбранъ профессоръ Карлъ Варбургъ.

Въ Норвегіи хотятъ устроить подобное же учрежденіе, посвященное пропагандѣ мира, которое бы содѣйствовала распространенію этой идеи по всему цивилизованному міру. Такое учрежденіе несомнѣнно отвѣчало бы желаніямъ и мысли завѣщателя. Изобрѣтатель динамита, Нобель, нажившій колоссальное состояніе благодаря этому изобрѣтенію, много говоритъ въ своемъ завѣщаніи о «братствѣ народовъ», «отмѣнѣ или ограниченіи постояннаго войска» и конгрессахъ мира. Незадолго до своей смерти Нобель сказалъ одному своему пріятелю: «Я бы не сталъ завѣщать что-нибудь такъ называемому «homme d'action», потому что это могло бы побудить его бросить работу. Но мнѣ бы хотѣлось помочь мечтателямъ, которымъ вообще трудно бываетъ пробиться въ въ жизни». Къ такимъ именно мечтателямъ и причислялъ Нобель всѣхъ борцовъ за идею мира.

Южно-африканская проблема. Въ Лондонъ пріѣхалъ нѣкто мистеръ Уильямъ Матеръ главный редакторъ «Іоганнесбургской газеты» Iohannesburg Tribune», чтобы начать кампанію противъ «желтой опасности», которая по его мнѣнію, угрожаетъ южной Африкѣ. Матеръ—интересная личность. Въ молодые годы онъ былъ рудокопомъ въ Кумберлендѣ. но его предпріимчивый нравъ и жажда знанія заставили его покинуть свое старое отечество, гдѣ ему стало тѣсно, и отправиться рыскать по свѣту. Онъ побывалъ въ

Америкѣ, въ Индіи и наконецъ поселился въ южной Африкѣ. Въ настоящее время онъ считается однимъ изъ самыхъ проницательныхъ и опытныхъ политиковъ и знатокомъ горнозаводскаго дѣла. Большинство существующихъ въ Капѣ промышленныхъ рабочихъ союзовъ обязаны ему своимъ учрежденіемъ и во всѣхъ разногласіяхъ, возникающихъ съ рабочими, обыкновенно къ нему обращаются за совѣтомъ. Теперь, когда на первый планъ въ южной Африкѣ выдвигается новая проблема, Матеръ естественно не могъ оставаться къ ней безучастнымъ. Недостатокъ рабочихъ рукъ парализуетъ дальнѣйшее развитіе южно-африканскихъ владѣній Англіи и хотя въ теоріи вопросъ этотъ разрѣшался легко, но на практикѣ онъ наталкивается на весьма серьезныя затрудненія. До войны въ 77 рудникахъ южной Африки работали 97,000 туземцевъ и 13,000 опытныхъ европейцевъ, но уже тогда директоры рудниковъ жаловались на недостатокъ рабочихъ рукъ. По окончаніи войны, по приблизительному разсчету требовалось 141,000 рабочихъ для Ранда и еще 100.000 для новыхъ округовъ, рабочихъ требуютъ со всѣхъ сторонъ. Между тѣмъ вмѣсто 97,000 туземцевъ въ копяхъ работаютъ теперь только 50,000. Потребность въ рабочихъ все возрастаетъ и такъ какъ мѣстное населеніе не можетъ удовлетворить ей, то явился проектъ ввоза китайскихъ рабочихъ въ южную Африку; но этотъ проектъ встрѣчаетъ сильную оппозицію въ самой странѣ. Представителемъ этой оппозиціи является Маетеръ. Въ своей рѣчи на очень многолюдномъ митингѣ онъ сказалъ, между прочимъ. «Если китайцы найдутъ дорогу въ Капъ, то ничто уже въ мірѣ не удержитъ ихъ потока. Десятками тысячъ они будутъ направляться туда. Китаецъ хитеръ и коваренъ и обладаетъ рѣзко выраженнымъ торговымъ инстинктомъ. Онъ можетъ жить дешевле чѣмъ кто бы то ни было и поэтому онъ владѣетъ рынками, открытыми для него. Но еще большею опасностью грозитъ наплывъ китайцевъ для кафровъ. Китайцы занесутъ съ собою всѣ пороки востока и распространятъ ихъ между кафрами, которые, чтобы ни говорили про нихъ, до сихъ поръ отличались чистотою нравовъ и лойяльностью. Одного этого было бы довольно, чтобы высказаться противъ ввоза азіатской расы въ страну, которая и безъ того уже выстрадала достаточно».

Далѣе Матеръ распространился о хаосѣ, который господствуетъ въ странѣ и прибавилъ, что такъ будетъ до тѣхъ поръ пока во главѣ правительства останется лордъ Мильнеръ. Вообще лордъ Мильнеръ не пользуется ни любовью, ни популярностью даже среди англійскаго населенія, не говоря уже о бурахъ. Разоренная страна не можетъ оправиться и застой въ дѣлахъ и плохой урожай еще усиливаютъ бѣдствія и поддерживаютъ вражду между побѣдителями и побѣжденными. Въ капской колоніи хотя и раздаются по временамъ рѣчи о примиреніи и забвеніи, но трудно ожидать примиренія, когда во главѣ англійской партіи стоитъ докторъ Джемсонъ, котораго считаютъ прежде всего отвѣтственнымъ за пролитую кровь и слезы въ несчастной странѣ. Англійская партія называется прогрессивною, но въ нее входятъ все тѣже элементы, которые находились прежде въ «южноафриканскомъ союзѣ», вызвавшемъ кризисъ въ прежнихъ республикахъ и сдѣлавшемъ войну неизбѣжной. Прогрессисты

относятся недружелюбно къ союзу африкандеровъ и несмотря на то, что послѣдніе заявляютъ себя лойяльными британскими подданными, англійская партія считаетъ ихъ измѣнниками и чужестранцами, не понимающими интересовъ колоніи. Крупные коммерсанты колоніи принадлежатъ, главнымъ образомъ къ прогрессивной партіи и такъ какъ они преслѣдуютъ преимущественно интересы торговой имперской политики, то между ними и колонистами мѣстнаго происхожденія, т. е, понимающими родину въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, не существуетъ особенно много точекъ соприкосновенія. Соглашеніе между обѣими партіями врядъ ли возможно и поэтому многіе свѣдущіе люди предсказываютъ что рано или поздно, долженъ произойти между ними серьезный конфликтъ. Такъ думаютъ даже нѣкоторые англійскіе политики и журналисты, одинъ изъ нихъ, напр. говоритъ, что центръ тяжести будущаго политическаго развитія южной Африки переносится теперь въ капскую колонію, тамъ, во всѣхъ классахъ населенія замѣчается недовольство, раздраженіе и разочарованіе, и всѣ признаки указываютъ на то, что предстоятъ тяжелые соціальные конфликты и назрѣваетъ соціальный вопросъ, который, до войны, не былъ извѣстенъ въ южной Африкѣ, знатоки южной Африки предсказывали, что послѣдствіемъ бурской войны будетъ великая война чернокожихъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, говоритъ англійскій журналистъ—что среди американскаго цвѣтного населенія существуетъ броженіе, которое распространяется все шире и захватываетъ все большія области. Пропаганда ислама, идущая изъ Судана, съ замѣчательною послѣдовательностью подвигается къ центральной и южной Африкѣ и въ связи съ анархіей, господствующей въ Трансваалѣ и возбужденіемъ, которое замѣчается среди зулусовъ и базутасовъ, представляетъ тревожный признакъ, заставляющій опасаться взрыва который надолго можетъ уничтожить культурную работу бѣлыхъ во многихъ африканскихъ земляхъ. Этого то именно и опасаются многіе дальновидные политики, предвидѣвшіе, что южноафриканская война выдвинетъ на сцену новыя и трудноразрѣшимыя проблемы, благодаря внесеннымъ ею перемѣнамъ, непримиримой ненависти и измѣненію отношеній между цвѣтною и бѣлою расой.

Парламентъ и женское движеніе въ Швеціи. Въ этомъ году, въ Швеціи на первый планъ выдвигается вопросъ о реформѣ избирательнаго права. Извѣстно, что въ противоположность Даніи и Норвегіи, гдѣ всеобщая подача голосовъ введена уже давно, въ Швеціи право голоса очень ограничено. Лишь очень небольшое меньшинство шведскаго населенія удовлетворяетъ требованіямъ избирательнаго ценза, и такъ какъ, за исключеніемъ только ультрареакціонеровъ, всѣ въ Швеціи согласны, что такое положеніе вещей не можетъ продолжаться, то борьба за расширеніе избирательнаго права сдѣлалась центральнымъ пунктомъ, вокругъ котораго вращается вся внутренняя политика страны въ настоящее время. По всей вѣроятности, въ предстоящей парламентской сессіи вопросъ этотъ возбудитъ жаркія пренія, такъ какъ во взглядахъ на эту реформу существуютъ большія разногласія. Въ шведскій парламентъ уже внесено предложеніе относительно распространенія всеобщаго

избирательнаго права и на женщинъ. Къ удивленію, это предложеніе было встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ не только съ либеральной, но и съ консервативной стороны. Среди шведскихъ женщинъ вопросъ этотъ, конечно, вызвалъ сильное движеніе, которое выразилось въ образованіи множества «женскихъ союзовъ избирательнаго права», распространившихся по всей странѣ. Въ началѣ этого года существовало только пять такихъ союзовъ съ 1.500 членами, изъ которыхъ 800 находились въ стокгольмскомъ союзѣ. Но въ первые же мѣсяцы этого года число членовъ въ этихъ союзахъ стало быстро возрастать, и въ апрѣлѣ число союзовъ возросло до четырнадцати, которые соединились вмѣстѣ въ одну общую организацію. Женщины пользуются въ Швеціи правами голоса на общинныхъ выборахъ уже съ очень давнихъ временъ, но такъ какъ это право поставлено въ зависимость отъ извѣстной суммы платимаго налога и такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, женщины сами налоговъ не платятъ, то ничего нѣтъ удивительнаго, что лишь очень небольшое число женщинъ могло участвовать въ выборахъ. На основаніи этого правила, женщины составляютъ лишь одну десятую всѣхъ избирателей въ Стокгольмѣ, напр., въ 1901 году изъ 78.808 избирателей только 6.893 были женскаго пола. Притомъ же и доходы женщинъ, платящихъ налоги, большею частью бываютъ невелики и слѣдовательно, вліяніе женщины также было незначительно, такъ какъ онѣ не могли воспользоваться полностью своими правами. Теперь же женскіе избирательные союзы организовали очень большую агитацію среди женщинъ, съ цѣлью пробужденія у нихъ политическихъ интересовъ. На успѣхъ этой агитаціи указываетъ то, что женщины теперь интересуются политикой и принимаютъ гораздо болѣе дѣятельное участіе въ выборахъ, чѣмъ прежде. Въ 1800 году женщины составляли всего лишь 0,2 процента всѣхъ избирателей, въ 1900 году—уже 1,8 процент., а въ 1903—10 процентовъ. Это заставляетъ предполагать, что, въ случаѣ распространенія на нихъ политическихъ правъ, шведскія женщины будутъ очень дѣятельными избирательницами.

Американскій милліонеръ въ роли пророка и проповѣдника. Милліардеръ Карнеджи, щедро раздающій свои милліоны, какъ будто задался цѣлью, на склонѣ дней своихъ, стяжать славу проповѣдника и пророка. Занятый въ теченіе всей своей жизни лишь умноженіемъ своихъ богатствъ и пользующійся репутаціей замѣчательнаго дѣльца, Карнеджи раньше не высказывалъ своихъ взглядовъ, ни нравственныхъ, ни политическихъ. Быть можетъ, прежде у него не было даже времени размышлять о тѣхъ вопросахъ, которые теперь онъ выдвигаетъ на сцену. Онъ не упускаетъ ни одного случая, когда онъ можетъ выказать передъ публикой свое краснорѣчіе, и очень часто говоритъ на митингахъ. Его рѣчи всегда вызываютъ разные толки, и нѣмецкія и французскія газеты считаютъ нужнымъ цитировать ихъ. Особенное вниманіе съ политической точки зрѣнія возбудила его рѣчь на годовомъ митингѣ желѣзодѣлательной и стальной промышленности. Карнеджи высказалъ твердую надежду, что океанъ, раздѣляющій Англію и Америку, послужитъ те-

перь къ сближенію двухъ, нѣкогда близкихъ другъ къ другу, націй. «Придетъ время, — сказалъ онъ, когда маленькіе британскіе острова, остающіеся чуждыми европейскому континенту, несмотря на свою близость къ нему, снова примкнутъ къ Соединеннымъ Штатамъ и Канадѣ, для которыхъ они служатъ родиной. Тогда только британскій и ирландскій народъ сдѣлаются преобладающими въ мірѣ».

Это пророчество американскаго богача очень понравилось аудиторіи, передъ которою онъ говорилъ, и Карнеджи была устроена восторженная овація. Въ Англіи прислушиваются къ его словамъ, и вообще онъ пользуется гораздо большею популярностью, нежели въ Америкѣ. Но Карнеджи не ограничивается только устными предсказаніями и совѣтами, онъ излагаетъ ихъ печатно и въ недавно изданной имъ книгѣ, называемой «Empire of business», Карнеджи преподаетъ благіе совѣты англо-саксонской молодежи. Выйдя самъ изъ бѣдности, Карнеджи превозноситъ бѣдность, которую считаетъ лучшимъ двигателемъ труда. «Ничто такъ не подготовляетъ и не образуетъ молодыхъ людей,—говоритъ онъ,—какъ то, если они, въ свои юные годы, должны были держать въ рукахъ метлу!» Карнеджи, какъ «Self made man», не долюбливаетъ людей, родившихся съ готовымъ положеніемъ, такъ называемыхъ «папенькиныхъ сынковъ», и не довѣряетъ имъ. Поэтому онъ не къ нимъ и обращаетъ свою рѣчь, а къ тѣмъ, которые должны выбиваться сами. «Будьте честолюбивы и мѣтьте высоко. Будьте королями въ своихъ мечтахъ!» прибавляетъ онъ. Далѣе онъ проповѣдуетъ упорный трудъ и бережливость, которые составляютъ основу всѣхъ великихъ богатствъ. Онъ возстаетъ противъ пьянства и игры, противъ спекуляцій, противъ легкомысленнаго отношенія къ деньгамъ и труду и т. д. Его книга произвела впечатлѣніе въ Англіи, и англійскія газеты называютъ ее «катехизисомъ милліардера», совѣтуя молодежи глубже вникнуть въ идею этой книги и усвоить себѣ правила, преподаваемыя въ ней.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Воспоминанія о Ренанѣ.—Въ Балканскомъ аду.—Жизнь въ Новой Зеландіи.—Въ странѣ золота.—Умственный пролетаріатъ во Франціи и въ Германіи.

Филиппъ Берже изъ французскаго института, помогавшій Ренану въ его научныхъ трудахъ, печатаетъ въ «La Revue» свои воспоминанія о послѣднихъ годахъ жизни знаменитаго ученаго. Эти послѣдніе годы Ренанъ провелъ въ Бретани, въ Розмапамонѣ, гдѣ онъ арендовалъ небольшой загородный домикъ, вполнѣ отвѣчавшій его вкусамъ. Его влекло на родину, въ Бретань и, устроившись въ Розмапамонѣ, онъ проводилъ тамъ лѣтніе мѣсяцы. Окружающая обстановка напоминала ему годы его дѣтства и хотя, по словамъ врачей, воздухъ Бретани былъ слишкомъ свѣжъ для него, но Ренанъ находилъ его живительнымъ. Это былъ воздухъ его родины, и Ренанъ ждалъ, что онъ излѣчитъ его отъ всѣхъ болѣзней, лучше чѣмъ всякія другія средства врачебныхъ знаменитостей и курорты. Когда въ 1870 году республика вернула Ренану его

каѳедру въ Collège de France, Ренанъ проводилъ сначала лѣто въ окрестностяхъ Парижа, въ Фонтенебло, Севри и т. д. Но потомъ у него явилась страсть къ путешествіямъ. Его поѣздка въ Сицилію была настоящимъ тріумфомъ. Всѣ величайшіе ученые Италіи стремились привѣтствовать его, и населеніе чествовало его во всѣхъ итальянскихъ городахъ. Филиппъ Берже говоритъ, что энтузіазмъ итальянцевъ заходилъ такъ далеко, что они даже перехватывали письма Ренана, которыя онъ самъ сдавалъ на почту. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ ежегодно проводилъ нѣсколько недѣль на Неаполитанскомъ заливѣ и купался въ Искіи, но когда окончательно поселился въ Бретани, то уже не ѣздилъ никуда. Его оптимизмъ заставлялъ его видѣть хорошія стороны во всемъ, говоритъ Берже, и малѣйшій лучъ солнца, малѣйшее улучшеніе его болѣзни, облегченіе болей, вызывало у него радужныя надежды. Впрочемъ, онъ былъ очень терпѣливъ и съ покорностью переносилъ свои страданія. Въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ Берже, написанномъ изъ Бретани 21-го августа 1892 года, Ренанъ говоритъ: «Мнѣ нисколько не лучше. Эта невралгія, въ самомъ дѣлѣ, неискоренимая, она разстраиваетъ всѣ функціи моего организма, она меня утомляетъ и ослабляетъ. Я могу все-таки въ извѣстной мѣрѣ работать надъ четвертымъ томомъ моей исторіи израиля, но сколько потерянnаго времени. Пожалѣйте меня; какія грустныя вакаціи. Мнѣ такъ плохо, что я даже не смѣю возобновлять своего приглашенія пріѣхать къ намъ, вмѣстѣ съ вашею женой. Мнѣ нечего говорить вамъ, какъ бы я былъ счастливъ видѣть васъ, но я не въ такомъ состояніи, чтобы приглашать васъ. Бываютъ дни, когда я даже не могу выговорить ни слова. Съ того времени, какъ я нахожусь здѣсь, я еще не сдѣлалъ ни одного шага изъ дома и могу только выѣзжать въ каретѣ, но вы такой милый, что, конечно, не обратили бы вниманія на это, но я не могу до такой степени игнорировать своими обязанностями хозяина дома, чтобы приглашать васъ въ такую грустную обстановку. Но роковой дурной глазъ (Le fatal mauvais oeil), который держитъ меня прикованнымъ къ одру болѣзни, можетъ вѣдь исчезнуть съ минуты на минуты, и тогда мы будемъ въ восторгѣ видѣть васъ. Я напишу вамъ тотчасъ же, какъ только это случится, и я немножко надѣюсь, что этотъ моментъ наступитъ. Всѣ эти господа даютъ мнѣ только одно утѣшеніе, что никто не умираетъ отъ невралгіи. Сохраните же для меня хорошее мѣстечко на случай моего выздоровленія, и если въ одно прекрасное утро вы получите письмо, извѣщающее васъ, что мой ужасный мучитель меня покинулъ, то скорѣе пріѣзжайте оба». Въ концѣ онъ пишетъ: «Будемъ работать, пока молоды. Старость! О, мой дорогой г. Берже! Не старѣйтесь, не старѣйтесь...»

Но приглашенія Берже не получилъ и больше не видалъ Ренана.

Берже разсказываетъ, что монастырь Трегье съ его колокольней неудержимо привлекалъ къ себѣ Ренана. Въ своихъ прогулкахъ онъ всегда возвращался къ этому мѣсту, откуда могъ видѣть Трегье. «Мы пойдемъ туда вмѣстѣ,— говорилъ онъ Берже,—я хочу показать вамъ Трегье и поведу васъ всюду». Однако, прогулка эта такъ и не состоялась никогда.

Другая любимая прогулка Ренана была въ глубину долины, куда вела ма-

ленькая живописная тропинка. Въ одномъ мѣстѣ эту тропинку преграждала изгородь, достаточно густая, черезъ которую Ренанъ страдавшій ревматизмомъ ногъ, не могъ перешагнуть. Приходилось ее обходить, что было непріятно старику и вотъ однажды Бертело, проводившій у него лѣто, придумалъ продѣлать въ этой изгороди отверстіе при помощи своего карманнаго ножа. Каждое утро онъ отправлялся на работу и наконецъ, когда отверстіе стало достаточно большимъ, онъ съ торжествомъ объявилъ объ этомъ Ренану, который безъ затрудненія пролѣзъ въ него. Ренанъ очень любилъ разсказывать объ этомъ своимъ друзьямъ.

Ренанъ работалъ преимущественно по ночамъ, и когда всѣ отправлялись спать, онъ уходилъ въ свой кабинетъ, чтобы работать. Онъ самъ говорилъ про себя, что утромъ его умъ дремлетъ. «Онъ пробуждается совершенно только въ теченіе дня,—говорилъ онъ,—а вечеромъ я уже вполнѣ владѣю имъ». Дѣйствительно, онъ вставалъ поздно, и утромъ его никто не видѣлъ. Въ полдень вся семья собиралась къ завтраку по звону колокола, но иногда Ренанъ приходилъ раньше и тогда онъ садился на скамейкѣ въ аллеѣ грабовъ, тянувшейся вдоль лужайки, и ждалъ, когда сойдутся домашніе. Обѣдъ служилъ моментомъ перерыва въ работѣ и насильственнаго отдыха. Онъ любилъ проводить это время въ бесѣдѣ съ друзьями, пріѣзжавшими навѣстить его. Онъ былъ очень гостепріименъ, любилъ угощать и особенно бывалъ доволенъ, если встрѣчалъ людей, которые раздѣляли его вкусъ и хвалили сидръ, который онъ пилъ съ прибавленіемъ бордосскаго вина. Ренанъ былъ очень умѣренный человѣкъ, никогда не пилъ много, но могъ пить и хвастался тѣмъ, что голова у него очень крѣпкая. Онъ говорилъ, что это расовая черта всѣхъ бретонцевъ. Разсказываютъ, напр., такой фактъ: послѣ банкета въ честь столѣтней годовщины Спинозы, на который собрались знаменитости всего міра, вечеръ, по обычаю германскихъ странъ, окончили въ пивной, и тамъ Ренанъ одержалъ побѣду надъ всѣми учеными, нѣмецкими, голландскими, русскими и англійскими, и сохранилъ до конца совершенно свѣжую голову, несмотря на неимовѣрное количество выпитыхъ напитковъ, что и доказалъ тѣмъ, что произнесъ въ заключеніе рѣчь по-латыни, которая привела въ восторгъ всю аудиторію.

Берже говоритъ, что онъ никогда не слышалъ, чтобы Ренанъ о комъ-нибудь дурно отозвался, «Я только одинъ разъ видѣлъ его сильно разгнѣваннымъ, разсказываетъ Берже.—Это было въ его кабинетѣ, въ Collège de France, Ему доложили о приходѣ редактора одного листка, который, подъ прикрытіемъ біографическихъ и библіографическихъ изысканій, занимался настоящимъ шантажемъ и печаталъ такія вещи, которыя могли бы бросить тѣнь на самыхъ почтенныхъ людей. Ренанъ, по всей вѣроятности, не разслышалъ его имени и велѣлъ его ввести. Но едва тотъ назвалъ себя, какъ Ренанъ вскочилъ и опершись одною рукою на столъ, другою показалъ ему на дверь и сказалъ: «Милостивый государь, я не понимаю, кто вамъ далъ право являться сюда. Ступайте вонъ».

Ренанъ очень рѣдко въ разговорѣ касался философскихъ вопросовъ, зани-

мавшихъ его умъ; онъ сохранялъ ихъ для тиши своего кабинета. Онъ не любилъ выставлять на показъ свои взгляды или хвастаться ими и не выносилъ педантизма ни въ чемъ. Само собой разумѣется, что такой человѣкъ какъ Ренанъ принесшій столько жертвъ своимъ убѣжденіямъ, не имѣлъ надобности кричать о нихъ по всякому поводу. Онъ любилъ слушать другихъ, думая въ это время свою собственную думу. Его собственная мысль всегда поглощала его и онъ преслѣдовалъ ее до конца съ непоколебимою энергіей. Но и ему были знакомы сомнѣнія. Однажды, говоря о Гюго, онъ сказалъ: «Гюго очень счастливъ; у него есть непоколебимая вѣра въ Бога и въ безсмертіе. Напримѣръ, когда онъ попадетъ въ рай, то если тамъ будетъ лишь одно кресло, то онъ непремѣнно сядетъ въ него, не спрашивая себя, кому оно принадлежитъ, хотя бы самому Богу».

Ренанъ продолжалъ работать почти до послѣднихъ минутъ своей жизни и не переставалъ интересоваться наукой. Когда боли успокаивались, къ нему снова возвращалась надежда и мысль его снова возвращалась къ его неоконченному труду.

Е. Диллонъ посвящаетъ въ «Comtemporary Review» всю свою иностранную хронику македонскимъ дѣламъ. Онъ провелъ довольно продолжительное время въ Болгаріи и на македонской границѣ и все, что онъ видалъ и наблюдалъ, только усилило его негодованіе противъ европейскихъ державъ, которыя, какъ онъ говоритъ, посылаютъ свои эскадры, чтобы вынудить къ уплатѣ нѣсколькихъ тысячъ фунтовъ, но отказываются что-нибудь сдѣлать, чтобы прекратить кровавыя сатурналіи, противъ которыхъ всѣ христіанскія націи должны были бы возстать какъ одинъ человѣкъ. Единственными активными факторами въ македонской проблемѣ являются Турція, Болгарія, Россія и Австрія и если ничто не измѣнится, то македонскіе христіане совершенно исчезнутъ съ лица земли. Диллонъ считаетъ схему реформъ насмѣшкою надъ бѣдственнымъ положеніемъ несчастной Македоніи. Онъ описываетъ тѣ ужасы, которые совершаются въ Македоніи. «Невозможно безъ содроганія смотрѣть на толпу несчастныхъ, измученныхъ и голодающихъ бѣглецовъ, наполняющихъ болгарскую границу, говоритъ онъ, которые ищутъ спасенія отъ турецкаго произвола въ лѣсахъ и въ горахъ своей родины и выносятъ самыя страшныя лишенія. Это сильный и энергичный народъ, умный,—но очень мало развитый и подавленный своимъ тяжелымъ положеніемъ. Ни одинъ западно-европеецъ не могъ бы вынести того, что приходится выносить молодымъ дѣвушкамъ, дѣтямъ и старымъ людямъ во время своихъ скитаній по лѣсамъ и горамъ Македоніи особенно зимой, когда стужа достигаетъ значительной степени. Я видѣлъ толпу бѣглецовъ, среди которой находились маленькія дѣти, въ ломмотьяхъ и босыя, со впалыми щеками и измученными личиками, сохранявшими однако свою миловидность и привлекательность. Тутъ были старухи, съ печатью неимовѣрныхъ страданій на лицѣ, несущія на спинѣ свой убогій скарбъ, завязанный въ узелъ; молодыя дѣвушки, очень красивыя, на лицахъ которыхъ словно застыло выраженіе ужаса; молодыя матери, напрягавшія свои послѣднія силы,

чтобы спасти своихъ голодающихъ малютокъ, которыя лежали въ корзинкахъ или мѣшкахъ, привязанныхъ къ плечамъ матерей. Новое и старое поколѣніе смѣшалось тутъ и все это были бездомные изгнанники, скитальцы и нищіе. Тутъ были люди, лишившіеся всего своего имущества, потерявшіе своихъ близкихъ, молодыя женщины и дѣвушки, перенесшія страшныя поруганія злодѣевъ, юноши, искалѣченные пытками въ мрачныхъ турецкихъ тюрьмахъ,— однимъ словомъ, это была такая картина людского горя и страданій, которая никогда не изгладится изъ памяти того, кто разъ ее видѣлъ!».

Диллонъ очень осуждаетъ германское правительство за ту поддержку, которую оно оказываетъ турецкому правительству. Онъ говоритъ, что и среди македонцевъ распространено такое убѣжденіе и они считаютъ нѣмцевъ до нѣкоторой степени отвѣтственными за тѣ избіенія, которыя происходятъ въ Македоніи. Диллонъ отрицаетъ, чтобы между македонскими славянами существовали какія-либо разногласія. Онъ увѣряетъ, что греки, сербы и валахи всѣ согласны съ болгарами въ македонскомъ вопросѣ, такъ какъ всѣ одинаково страдаютъ отъ турецкой неурядицы и злоупотребленій. Онъ рисуетъ страшную картину разрушенія въ Крушево. «Всѣмъ извѣстно—говоритъ онъ, что на Крушево было произведено нападеніе и оно было разграблено и разрушено, единственно только съ тою цѣлью, чтобы баши бузуки могли воспользоваться богатою добычей и женщинами. И когда жестокое дѣло было совершено, то тѣла замученныхъ и убитыхъ были брошены на мѣстѣ, подъ палящими лучами солнца. Прошло три недѣли, но тѣла продолжали лежать тамъ, или вѣрнѣе то, что еще осталось отъ нихъ, не расклеванное птицами, и среди этихъ остатковъ лежали умирающіе раненые, женщины и дѣти, испытывавшіе невыразимыя страданія, и не было дружеской руки, которая помогла бы имъ или положила бы конецъ ихъ мученіямъ...»

Въ англійскомъ журналѣ «Empire Review» напечатана интересная статья о жизни въ Новой Зеландіи, авторъ которой возмущается тѣмъ, какъ мало имѣетъ представленія англійское общество объ этой колоніи. Попадаются даже люди, которые смѣшиваютъ Новую Зеландію съ Австраліей и резидентамъ въ Новой Зеландій даютъ рекомендательныя письма въ Квинсленд къ тамошнимъ эмигрантамъ, полагая, что они находятся по сосѣдству. Очень немногіе, по словамъ автора, помнятъ изъ уроковъ географіи, что маори живутъ на сѣверномъ островѣ и что климатъ Новой Зеландіи чрезвычайно разнообразенъ, и сообразно съ этимъ колеблется температура отъ субтропической до ледяной, напр., на горѣ Кука. Но самое главное, по словамъ автора, то, что большая часть Новой Зеландіи представляетъ дѣвственные лѣса.

Новозеландскимъ колонистамъ и колонисткамъ, въ большинствѣ случаевъ приходится все дѣлать самимъ и многія особенности новозеландской жизни объясняются этимъ. Колоніальныя женщины болѣе представительны, имѣютъ лучшія манеры и лучше одѣваются, нежели англичанки соотвѣтствующаго класса, гдѣ скорѣе замѣчается противоположное. Что же касается мужчинъ, то наоборотъ, они обладаютъ худшими манерами и хуже одѣваются, чѣмъ

англичане того же круга. Несмотря на свои широкія права, новозеландскія женщины въ большинствѣ случаевъ не выказываютъ особеннаго стремленія переступать кругъ своихъ семейныхъ обязанностей и не менѣе любой нѣмецкой Hausfrau бываютъ поглощены своимъ домомъ и дѣтьми, и весь разговоръ ихъ вращается около этихъ предметовъ. По той или другой причинѣ онѣ быстро старѣются, теряютъ свою свѣжесть и часто свое здоровье.

Новая Зеландія представляетъ настоящее царство демократіи, которая воплощается въ настоящее время въ лицѣ новозеландскаго премьера Седдона. Всѣ государственныя учрежденія Новой Зеландіи проникнуты насквозь демократическимъ духомъ и на все демократія наложила свой отпечатокъ, на школы, парламентъ, на всѣ отрасли труда и даже на общественную жизнь, развлеченія и одежду. Англичанину, и вообще европейцу, трудно, по словамъ автора, свыкнуться съ условіями новозеландской жизни. Демократическій строй этой жизни и необыкновенное благосостояніе колоніи служитъ причиной, что жители ея очень неохотно идутъ въ услуженіе. Найти прислугу въ Новой Зеландіи необычайно трудно и если найдутъ таковую, то надо соблюдать принципъ равенства въ обращеніи съ нею. Европейскимъ резидентамъ въ Новой Зеландіи приходится волей-неволей измѣнять свои взгляды и отвыкать отъ многихъ привычекъ. Вообще, по мнѣнію автора, Новая Зеландія является раемъ только для рабочихъ, изслѣдователей и предпріимчивыхъ искателей приключеній. Привыкшій же къ извѣстному строю и удобствамъ, европеецъ будетъ чувствовать себя выбитымъ изъ колеи.

Англійскій журналистъ Стюартъ восхваляетъ въ своей статьѣ въ «Worlds' Work» Аляску. Проѣзжая по Юкону, одной изъ величайшихъ рѣкъ міра, путешественникъ можетъ наслаждаться въ теченіечетырехъ мѣсяцевъ въ году видомъ прекрасныхъ луговъ, покрытыхъ густоютравою, достигающею человѣку до плеча. О снѣгѣ нѣтъ и помину въ это время года, и въ Клондайкѣ скотъ всегда можетъ найти себѣ пропитаніе. Открытіе золота въ Клондайкѣ, конечно, послужило могущественнымъ толчкомъ къ развитію страны и за послѣдніе пять лѣтъ она совершенно преобразилась. Десять тысячъ миль желѣзной дороги уже строятся, и въ совершенно пустынной до этого странѣ возникли города съ нрекрасными отелями, магазинами, электрическимъ освѣщеніемъ и т. п. По Юкону ходятъ теперь прекрасные пароходы, и столица Клондайка Доусонъ-Сити можетъ поспорить своимъ благоустройствомъ съ любымъ такимъ же большимъ городомъ на свѣтѣ. Въ Доусонѣ есть прекрасный водопроводъ, телефонъ, соединяющій городъ съ отдаленными копями и телеграфное сообщеніе со всѣмъ остальнымъ міромъ. Улицы, конечно, освѣщены электричествомъ. Въ городѣ есть хорошія школы, церкви всѣхъ вѣроисповѣданій, большое зданіе муниципалитета и федеральнаго совѣта, нѣсколько театровъ, больница и т. д. Конечно, въ городѣ издаются газеты и вообще жизнь въ Доусонъ-Сити ничѣмъ не отличается отъ жизни всякаго другого большого американскаго города. Что касается климата, то онъ вовсе не такъ суровъ, какъ это принято думать. Въ одной изъ долинъ Юкона пшеница

растетъ на пространствѣ въ 50 милліоновъ акровъ. Даже внутри арктическаго круга, у форта Юконъ, поля теперь регулярно засѣваются рожью, овсомъ и ячменемъ. Строевой лѣсъ имѣется также въ большомъ количествѣ, воды изобилуютъ рыбой и вообще Аляска представляетъ настоящее золотое дно, не только въ прямомъ, но и въ переносномъ смыслѣ, и предпріимчивые люди могутъ найти поле дѣятельности въ Аляскѣ, помимо золотыхъ пріисковъ.

Анри Беранже недавно въ одномъ изъ французскихъ журналовъ изобразилъ положеніе ученаго французскаго пролетаріата во Франціи. Напр., мировые судьи во Франціи, почти всѣ доктора правъ, получаютъ отъ 1.800 до 3.600 фр. въ годъ и такъ какъ большинство изъ нихъ не имѣютъ состоянія, то они и должны жить на эти средства. Академически образованные учителя въ коллегіяхъ получаютъ отъ 2.000 до 3.000 фр. въ лицеяхъ отъ 3.500 до 5.000, и они также въ большинствѣ случаевъ люди несостоятельные. Изъ 180.000 учителей и учительницъ французскихъ народныхъ школъ больше половины получаютъ такое ничтожное содержаніе, что едва могутъ существовать, и тѣмъ не менѣе въ Парижѣ на 150 вакантныхъ мѣстъ бываетъ ежегодно до 15.000 кандидатовъ и кондидатокъ, ожидающихъ назначенія. Всѣ городскія учрежденія, промышленныя общества и желѣзныя дороги буквально осаждаются толпою молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ высшихъ механическихъ школахъ и всѣми средствами добивающихся мѣстъ съ годовымъ содержаніемъ отъ 1.500 до 4.000 фр. Высшія механическія школы Франціи выпускаютъ ежегодно отъ 800 до 900 дипломированныхъ инженеровъ, изъ которыхъ только самая маленькая часть находитъ мѣста, но съ такимъ содержаніемъ, на которое бы не согласился ни одинъ хорошій опытный мастеръ или первый рабочій. Беранже приходитъ къ заключенію, что избытокъ получившихъ высшее образованіе и не имѣющихъ возможности приложить свои знанія представляетъ соціальную опасность. «Deutsche Rundschau» цитируя эти данныя, которыя приводитъ Беранже въ своей статьѣ, не касается его выводовъ, но прибавляетъ, что ученый пролетаріатъ въ Германіи ничуть не меньше, нежели во Франціи, только, къ сожалѣнію, нѣтъ точной статистики, доказывающей это. Въ германскихъ университетахъ въ этомъ году записалось на лѣтніе семестры не менѣе, какъ 37.813 дѣйствительныхъ студентовъ и слушателей, почти на 1.000 человѣкъ больше, чѣмъ въ теченіе зимняго семестра. Конечно, огромное большинство, какъ говоритъ авторъ статьи, стремится въ университетъ не ради науки, а ради того, чтобы какъ можно скорѣе пріобрѣсти знанія, необходимыя для полученія соотвѣтственнаго своему званію годового содержанія. Но и въ Германіи положеніе не лучше, чѣмъ во Франціи теперь. Много писали и пишутъ о безработицѣ, но люди съ высокимъ образованіемъ находятся очень часто въ положеніи нисколько не лучшемъ, чѣмъ простой рабочій, не имѣющій работы, тѣмъ болѣе, что понимаемое чувство чести и собственнаго достоинства заставляетъ человѣка съ высшимъ образованіемъ скорѣе переносить нужду и голодъ, нежели посвятить себя такому труду, который не занимаетъ почетнаго мѣста въ обществѣ. На это

обстоятельство особенно указываетъ профессоръ Каммферъ, ректоръ высшей технической школы въ Шарлоттенбургѣ, который въ своей вступительной рѣчи выразилъ сожалѣніе, что высшія учебныя школы не внушаютъ учащимся уваженія къ физическому труду. Это пренебреженіе, въ которомъ находится физическій трудъ, заставляетъ стремиться къ высшимъ профессіямъ, откуда и является переполненіе этихъ профессій, между тѣмъ какъ считающіяся низкими отрасли ремесленнаго и промышленнаго труда страдаютъ скорѣе недостаткомъ, нежели избыткомъ знающихъ и способныхъ людей. За послѣдніе годы особенно много говорилось въ Германіи о переполненіи врачебной профессіи. Достаточно привести слѣдующій фактъ; когда пресловутый шарлатанъ Норденкёттеръ, отсиживающій теперь въ тюрьмѣ свой срокъ наказанія, искалъ врача съ дипломомъ, подъ прикрытіемъ котораго онъ могъ бы обдѣлывать свои дѣлишки, то къ нему явилось 70 желающихъ и какъ замѣтилъ одинъ берлинскій адвокатъ во время разбирательства процесса, — это число служитъ вопіющимъ указаніемъ на бѣдственное положеніе медицинскаго пролетаріата, забывающаго, подъ вліяніемъ голода, о чести корпораціи. Согласно даннымъ соціально-статистическаго изслѣдованія, сдѣланнаго послѣ этого врачами, оказалось, что въ Берлинѣ 30,9 процентовъ врачей имѣютъ годовой доходъ въ 3.000 марокъ и то этотъ доходъ только наполовину доставляетъ имъ практика, остальное же составляютъ проценты съ капитала. Такъ 900 марокъ въ годъ зарабатываютъ практикой 5,2 процента врачей, отъ 900 до 1.050 марокъ—2,9 процента отъ 1.050 до 2.100 марокъ—16,8 проц. Это такой заработокъ, которымъ не удовольствуется хорошій мастеровой, и въ Берлинѣ есть не мало фабричныхъ мастеровыхъ и каменьщиковъ, которые получаютъ гораздо больше. Такія же условія существуютъ и въ другихъ ученыхъ профессіяхъ и еще худшія въ художественной профессіи. Вообще, умственный пролетаріатъ въ Германіи находится въ очень тяжеломъ положеніи и только съ великимъ трудомъ образованнымъ пролетаріямъ удается выбиться изъ него и достигнуть болѣе или менѣе обезпеченнаго положенія.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

I.

Научная метеорологія и игра въ орлянку.

Наводненіе 12-го ноября, причинившее столько бѣдъ Петербургу, дало поводъ нѣкоторымъ газетнымъ публицистамъ сдѣлать вылазки противъ метеорологовъ.

«И какъ не досмотрѣлъ и какъ ты не дослышалъ!»

«Къ чему же наука, разъ она не можетъ предсказать и предвидѣть!»

Какъ вѣроятно извѣстно нашимъ читателямъ, долголѣтнюю войну съ учеными представителями метеорологіи ведетъ знаменитый во многихъ отношеніяхъ г. Демчинскій. Мы сознательно не знакомили нашихъ читателей ни съ лунной гипотезой г. Демчинскаго, ни съ его «предсказаніями» погоды, ни съ его полемическими красотами, хотя его научные подвиги совершались съ большимъ шумомъ, производили большое смятеніе въ умахъ «большой публики» и даже были награждены правительственной субсидіей.

Мы были увѣрены, что нашъ читатель не станетъ сочувствовать походу противъ науки, хотя бы и субсидированному правительствомъ, и не повѣритъ ни самому г. Демчинскому, ни «Новому Времени», ни спеціально основанному для этого похода журналу «Климатъ» въ ихъ «метеорологическихъ изысканіяхъ. Мы были увѣрены, что основа этихъ изысканій—доминирующее вліяніе луны на климатъ земли—столь неосновательна, что не требуетъ опроверженія передъ нашими читателями, детальное же разсмотрѣніе запутанныхъ и противорѣчивыхъ таблицъ, кривыхъ, узловъ и календарей г. Демчинскаго мы считали внѣ нашей компетенціи, мы ждали полной, безпристрастной научной критики ихъ со стороны метеорологовъ спеціалистовъ. Такая критика только что появилась-это: «Разборъ способа предсказаній погоды Н. А. Демчинскаго», сдѣланный извѣстнымъ нашимъ метеорологомъ, заслуженнымъ профессоромъ новороссійскаго университета *А. Клоссовскимъ*. Мы считаемъ необходимымъ познакомить читателя «Міра Божьяго» съ этимъ сочиненіемъ, какъ образцомъ строго научной критики совершенно ненаучныхъ гипотезъ.

Прежде всего почтенный ученый указываетъ, что «люди, мало посвященные въ науку, не знаютъ или не хотятъ знать того, что въ ученіи о жизни

нашей атмосферы мы имѣетъ дѣло съ организмомъ весьма сложнымъ, приближающимся, по своей сложности, почти къ живому организму. Забываютъ, что на этотъ сложный организмъ воздѣйствуютъ многочисленные факторы, какъ присущіе самой землѣ, такъ и исходящіе изъ космоса...» Очень можетъ быть, что въ настоящее время мы не знаемъ даже всѣхъ этихъ факторовъ. Разобраться въ этой сложности, дать схему общей жизни этого организма — задача нелегкая. Только тогда, когда будетъ рѣшена эта задача, хотя бы въ общихъ чертахъ, возможны будутъ предсказанія въ области метеорологіи, такъ какъ возможно будетъ «предвычисленіе явленій по формуламъ». Но все же и въ настоящее время синоптическія карты, отмѣчающія одновременное метеорологическое состояніе нижнихъ слоевъ атмосферы на значительномъ протяженіи земли, -открыли существованіе въ нашей атмосферѣ громадныхъ вихрей, вращающихся и въ то же время двигающихся поступательно,— такъ называемые циклоны и антициклоны. «Зная вѣроятные пути и метеорологическія условія, господствующія внутри такого циклона, можно предвидѣть общій характеръ погоды для мѣстъ, лежащихъ на вѣроятномъ пути этихъ вихрей». Но это не предсказанія, а только «*предостереженія* о томъ, что опасность обрушилась въ полѣ зрѣнія нашихъ наблюдательныхъ пунктовъ, что врагъ, такъ сказать, ante portas. Предостереженія эти только вѣроятны и годность ихъ примѣненія во времени не превышаетъ 48 часовъ».

Г. Демчинскій не разъ обвинялъ метеорологовъ, что они въ своей погонѣ за «средними числами» и синоптическими картами до сихъ поръ не знаютъ, что къ изслѣдованію атмосферныхъ явленій, какъ явленій закономѣрныхъ можно и должно приложить экспериментальный методъ и математическій анализъ. Проф. Клоссовскій, возражая на эти нападки метеорологическаго Герострата во-первыхъ указываетъ, что благодаря методу среднихъ чиселъ метеорологія, еще на зарѣ своей жизни, смогла выяснить «климатическій режимъ земного шара *въ его первомъ приближеніи*», что въ современной наукѣ, этотъ методъ далеко не единственный, что г. Демчинскій, самъ того не сознавая, примѣняетъ его въ своихъ «изслѣдованіяхъ» на каждомъ шагу,—во вторыхъ, почтенный профессоръ выясняетъ г. Демчинскому, что синоптическій методъ еще далеко не исчерпанъ, что и самыя предсказанія погоды станутъ возможными только тогда, когда метеорологическія станціи будутъ разсѣяны по всему земному шару и одновременныя изслѣдованія будутъ вестись во всѣхъ слояхъ нашей атмосферы. Утвержденіе суроваго судьи современной метеорологіи, что послѣдняя не пользуется экспериментомъ и математическимъ анализомъ, также невѣрно. Такія изслѣдованія начались еще съ половины XVIII-го столѣтія, и проф. Клоссовскій указываетъ на работы объ атмосферномъ электричествѣ Далибара, Франклина, Беккаріа, Вольта, Эрмана, Дельмана, Пальміери, Вильяма Томсона, Экснера, Эльстера и Гейтеля, на аналитическія изслѣдованія Фурье и Пуассона о движеніи тепла въ земной корѣ, на работы Томсона и Рудскаго по вопросу о вѣковомъ изложеніи земного шара. Мало этого. «Феррель, Обербенъ, Сименсъ, Монъ и Гульдбергъ создаютъ стройную теорію общей циркуляціи атмосферы; Цеприцъ аналитически устанавливаетъ окончательно въ наукѣ теорію морскихъ теченій;

Бецольдъ создаетъ термодинамику атмосферы; Эри—полную теорію радуги; метеорологическая оптика есть нечто иное, какъ отдѣлъ теоретической физики. Теорія голубого цвѣта неба дается Релеемъ; создается ученіе о земномъ магнитизмѣ и атмосферномъ электричествѣ, какъ простое примѣненіе теоріи потенціала; предлагается теорія восходящихъ и нисходящихъ токовъ, какъ примѣненіе уравненій механической теоріи тепла; изслѣдуются часто аналитическіе законы круговорота воды; является, какъ нѣчто законченное, современная актинометрія и т. д. и т. д.» Мало этого, опытнымъ путемъ возсоздаютъ аналогіи явленій, совершающихся въ нашей атмосферѣ, напр. шаровую молнію, полярныя сіянія, а путемъ математическаго анализа Гельмгольцъ предсказываетъ существованіе въ атмосферѣ, на границѣ двухъ слоевъ воздуха различной температуры и различной плотности, воздушныхъ волнъ, скользящихъ одна вдоль другой; такія волны, дѣйствительно, открыты—это такъ называемыя волнистыя облака.

Въ послѣднее время появляются удачныя попытки найти эмпирическимъ путемъ такія явленія, которыя могутъ дать признаки будущей погоды за болѣе длинный срокъ (за недѣли и мѣсяцы впередъ); затѣмъ пытались изслѣдовать *законы послѣдовательности* въ измѣненіяхъ погоды во времени; такъ былъ установленъ слѣдующій законъ метеорологической инерціи: значительное положительное или отрицательное отклоненіе, замѣченное въ извѣстный день, не ограничивается однимъ днемъ, а распространяется на болѣе или менѣе значительный рядъ дней. Иначе говоря, въ нашей атмосферѣ имѣется какъ бы стремленіе удержать разъ установившійся характеръ погоды. Исходя изъ этого закона, проф. Войковъ предсказалъ теплую весну 1903 года, на основаніи теплаго февраля того же года. Наконецъ, напомнимъ нашимъ читателямъ, что намъ не разъ въ нашихъ научныхъ хроникахъ и фельетонахъ приходилось говорить о связи земныхъ атмосферныхъ явленій съ солнечными пятнами etc.

Переходя къ вліянію луны на нашу атмосферу, проф. Клоссовскій прежде всего задаетъ вопросъ, чѣмъ можетъ быть вызвано это вліяніе. Только лучеиспусканіемъ ея и силами тяготѣнія. Лучеиспусканіе луны слишкомъ ничтожно, чтобы его можно было принимать во вниманіе при учетѣ теплового состоянія земной поверхности. Но и сила тяготѣнія луны тоже не велика: такъ называемая приливная сила луны, т.-е. разность, которую обнаруживаетъ притяженіе луны на единицу массы, находящейся на поверхности земли, и на единицу массы, находящейся въ ея центрѣ, составляетъ лишь $\frac{1}{9.000.000}$ всего напряженія земной тяжести. Какъ мы знаемъ, этой силы все же достаточно, чтобы вызвать въ океанахъ явленія прилива и отлива. Несомнѣнно, что и на нашу воздушную оболочку луна оказываетъ такое же вліяніе, и въ этой оболочкѣ должны существовать приливы и отливы. По аналогіи съ морскими приливами предполагали, что явленія погоды должны тоже зависѣть отъ взаимнаго положенія луны и солнца, и отсюда явился «рядъ изысканій о вліяніи различныхъ фазъ и положеній луны на элементы погоды. Результаты оказались въ высшей степени разнорѣчивы. Напримѣръ, по изслѣдованіямъ однихъ, новолуніе разсѣи-

вастъ облака и дожди и влечетъ за собою хорошую и ясную погоду; по изысканіямъ другихъ, имѣетъ мѣсто совершенно обратное явленіе. Да иначе и быть не можетъ. Если бы, напримѣръ, повсемѣстно получилось, что новолуніе влечетъ за собою ясную погоду, то это былъ бы явный nonsens. Вѣдь новолуніе бываетъ одновременно для всего земного шара: слѣдовательно, на основаніи подобнаго результата, пришлось бы допустить, что на всемъ земномъ шарѣ, въ день новолунія, отсутствуютъ облака, что невозможно, такъ какъ опредѣленныя условія погоды являются лишь результатомъ перераспредѣленія на земномъ шарѣ извѣстнаго запаса тепла, извѣстнаго количества влаги и т. п.». Если вообще луна имѣетъ вліяніе на нашу атмосферу, то это вліяніе должно выразиться въ измѣненіи путей и напряженности циклоновъ, но такія измѣненія «могутъ въ одномъ мѣстѣ вызвать штормъ, въ другомъ—ясную погоду, въ третьемъ—осадки. Слѣдовательно, вопросъ о вліяніи луны наблюдательнымъ путемъ можетъ быть рѣшенъ только тогда, когда у насъ будетъ реставрирована полная картина жизнедѣятельности атмосферы во всей ея совокупности. Изслѣдованія же вліянія луны, произведенныя для отдѣльныхъ мѣстъ, не могутъ имѣть общаго характера и не могутъ повести къ открытію общихъ законовъ».

Что же предлагаетъ г. Демчинскій?

Г. Демчинскій соглашается, что главный факторъ погоды въ ея *общемъ* теченіи есть солнце, обусловливающее правильное чередованіе временъ года, «но эта правильность въ отдѣльныхъ періодахъ постоянно нарушается или имѣетъ совершенно разнохарактерныя зимы или осени. Такое нарушеніе правильности или, скажемъ иначе: возмущеніе солнечнаго воздѣйствія, очевидно, нужно искать въ какой-либо иной общей причинѣ. Оглядываясь кругомъ себя, мы рѣшительно не можемъ указать на что-либо иное, кромѣ близости къ намъ луны».

Но, спрашиваетъ проф. Клоссовскій, какія изслѣдованія позволили г. Демчинскому свести къ нулю всѣ остальные, кромѣ луны, факторы, вызывающіе нарушеніе солнечнаго воздѣйствія на нашу атмосферу. «Другими словами,—говоритъ проф. Клоссовскій,—лозунгъ журнала «Климатъ» былъ таковъ: наука несовершенна; законы явленій неизвѣстны; станемъ поэтому сразу *предсказывать* явленія, т.-е. начнемъ съ того, что обыкновенно вѣнчаетъ зданіе науки». Остается предположить, что редактору журнала «Климатъ» «удалось собственными единичными усиліями раскрыть всѣ тѣ тайны, которыя были скрыты отъ глазъ ученыхъ въ теченіе многихъ вѣковъ, и рѣшить конечный, завѣтный вопросъ метеорологіи».

Къ сожалѣнію, эти «тайны» для читателей произведеній г. Демчинскаго и редактируемаго имъ журнала такъ и остались тайнами, и проф. Клоссовскому пришлось взять на себя большой трудъ, затратить много усилій, чтобы сдернуть покровъ съ столь стыдливо укрывающейся «истины».

Какія же положенія лежатъ въ основѣ предсказаній г. Демчинскаго?

Нанесемъ на оси абсцисъ (горизонтальной) равныя величины, соотвѣтственно днямъ года, а по оси ординатъ (вертикальной) отложимъ величины среднихъ темпе-

ратуръ, соотвѣтствующія даннымъ днямъ даннаго года; эти величины будутъ представлены, слѣдовательно, перпендикулярными (различной длины) къ горизонтальной линій; если мы соединимъ вершины этихъ перпендикуляровъ линіей, то получимъ непрерывную кривую линію, которая и представитъ намъ годовой ходъ средней дневной температуры. Если на той же таблицѣ нанести соотвѣтственныя кривыя другихъ годовъ (конечно, для той же мѣстности), то въ этой сѣти перепутанныхъ, пересѣкающихся кривыхъ нельзя замѣтить никакой закономѣрности. Но если такія кривыя наносить по лунному счету, т.-е. за начало каждаго года принимать день перваго октябрьскаго полнолунія (по старому стилю), то, по утвержденію г. Демчинскаго, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, которые онъ называетъ *узлами*, всѣ термическія кривыя, а также и барометрическія, пересѣкаются; какъ бы разнообразно ни шли эти кривыя, но подходя къ опредѣленному мѣсту, всѣ онѣ собираются какъ бы въ пучокъ, проходя который, снова расходятся. Такимъ образомъ вліяніе луны не только можетъ повышать или понижать температуру, но даже выравниваетъ ее, «приводя ее въ извѣстные дни луннаго счета къ извѣстной, навсегда предопредѣленной, нормѣ. Это выравниваніе происходитъ нѣсколько разъ въ году и имѣетъ мѣсто въ зависимости отъ фазъ луны». Если на годовой кривой будетъ найдено нѣсколько такихъ узловъ, то они явятся намъ какъ бы вѣхами, по которымъ можно распланировать погоду на много лѣтъ впередъ. Чѣмъ больше узловъ, тѣмъ такое предсказаніе будетъ точнѣе. Это—*первый* «законъ», установленный г. Демчинскимъ.

Подвергая анализу этотъ «законъ», проф. Клоссовскій прежде всего указываетъ, что врядъ ли такія кривыя, вычерченныя по лунному времени, могутъ обнаружить вліяніе луны на температуру нижнихъ слоевъ нашей атмосферы, такъ какъ это вліяніе будетъ замаскировано несравненно болѣе могучимъ вліяніемъ солнца въ совокупности съ вліяніемъ мелкихъ факторовъ, которыми г. Демчинскій сознательно пренебрегаетъ. «Съ другой стороны, непонятенъ даже самый процессъ преобразованія силъ луннаго тяготѣнія въ тепловую энергію, тѣмъ болѣе, что о непосредственной тепловой радіаціи не можетъ быть и рѣчи». Затѣмъ почтенный метеорологъ приступаетъ къ повѣркѣ самаго факта существованія «узловъ» г. Демчинскаго, такъ какъ оказывается, что «къ сожалѣнію, послѣдній не обнародовалъ списка этихъ узловъ для различныхъ станцій, предоставляя всякому интересующемуся дѣломъ, продѣлывать вновь всю эту утомительную работу». Проф. Клоссовскій не побоялся такой работы и плодомъ ея явилась реферируемая нами книга, снабженная массой вычисленій, таблицъ и графиковъ.

Авторъ началъ свою «утомительную работу» съ повѣрки точности опредѣленія апрѣльскихъ и майскихъ узловъ для Одессы (19-ое и 28-ое апрѣля и 14-ое мая), которые были ему доставлены (для 1903 г.) въ частномъ письмѣ самимъ г. Демчинскимъ. Были составлены таблицы за 14 лѣтъ (съ 1880 по 1903) температуръ, давленія, осадковъ, направленія вѣтра для этихъ трехъ дней, а также для двухъ предшествующихъ и двухъ послѣдующихъ.

Эти таблицы приложены къ книгѣ и изъ нихъ видно, что всѣ эти ме-

теорологическіе элементы колебались для «узловыхъ» дней различныхъ годовъ въ необыкновенно широкихъ размѣрахъ, разница доходила, напримѣръ, для температуры до—18° Ц.

Слѣдовательно, три указанныхъ для Одессы г. Демчинскимъ дня не являются узловыми. «Оставалось,—говоритъ проф. Клоссовскій,—провѣрить самую гипотезу узловъ на наблюденіяхъ нѣсколькихъ пунктовъ. Прежде всего я обратился къ наблюденіямъ, произведеннымъ въ Одессѣ. Съ этой цѣлью были вычерчены кривыя, взятыя по лунному времени для температуры и давленія на основаніи наблюденій, произведенныхъ въ Одессѣ. Оказалось, эти кривыя не обнаружили вовсе узловъ ни для температуры, ни для давленія» (таблица приложена). Кривыя, вычерченныя на основаніи наблюденій кіевской и московской обсерваторій, дали тоже отрицательный результатъ: «узловъ» не существуетъ. Нотерпѣніе почтеннаго ученаго неисчерпаемо. Можетъ быть, дѣлаетъ онъ предположеніе, «вліяніе солнца замаскировываетъ вліяніе луны; необходимо, поэтому, исключить изъ общаго хода, годовой ходъ, зависящій отъ видимаго годового движенія солнца; съ этою цѣлью были вычислены числа, выражающія вліяніе годового движенія солнца, а остатки вычерчены по лунному времени». Опять-нѣтъ узловъ, опять большія колебанія для различныхъ годовъ.

Затѣмъ проф. Клоссовскій переходитъ къ анализу понятій о *подобныхъ* годахъ. Подобными годами г. Демчинскій называетъ такіе, въ которые луна имѣла одинаковое положеніе по отношенію къ солнцу, напримѣръ, годы, въ которые прохожденіе луны черезъ экваторъ на пути изъ сѣвернаго полушарія въ южное (нисходящій узелъ) или наибольшее южное склоненіе луны происходило на одинаковомъ приблизительно разстояніи отъ времени весенняго равнодѣйствія. Г. Демчинскій утверждалъ, что при накладываніи кривыхъ такихъ подобныхъ годовъ получается гораздо больше узловъ (не 2 или 3), чѣмъ у обыкновенныхъ годовъ, и что, напр., въ Варшавѣ для подобныхъ годовъ температуры въ день взятаго имъ нисходящаго узла, а также въ день наибольшаго южнаго склоненія луны—величины постоянныя и равны соотвѣтственно—6° Ц. и 4,1° Ц. Неутомимый профессоръ разбираетъ данныя (таблицы), на которыхъ г. Демчинскій построилъ этотъ выводъ, и читателю становится ясно, что эти два числа (6° и 4,1) представляютъ собою простыя среднія ариѳметическія всѣхъ наблюденныхъ чиселъ (градусовъ), которыя колеблются въ очень широкихъ предѣлахъ; слѣдовательно, о постоянствѣ этихъ чиселъ не можетъ быть и рѣчи. Еще большія колебанія этихъ чиселъ дали Кіевъ и Одесса.

Для разысканія столь обильныхъ, по увѣренію г. Демчинскаго, узловъ *подобныхъ* годовъ почтеннымъ метеорологомъ были вычерчены соотвѣтственныя для Одессы среднія дневныя температуры, составлены таблицы и графики давленія, осадковъ и облачности. Узловъ опять не обнаружено. Мало этого, проф. Клоссовскій построилъ среднія мѣсячныя температуры и давленія Одессы, а также отклоненія температуры отъ общей средней начиная съ 1870 г. (за 30 лѣтъ). Многочисленныя кривыя не обнаружили «ни сходства, ни стремленій къ періодичности и повторяемости». Наконецъ, былъ вычерченъ, день за день,

ходъ температуры двухъ наиболѣе подобныхъ годовъ, 1882 и 1900, въ которые повторялись послѣдовательно серіи совершенно одинаковыхъ положеній солнца и луны; двѣ соотвѣтствующія этимъ двумъ кривыя совершенно различны.

«Въ виду всего сказаннаго, годы подобные едва ли,—деликатно говоритъ проф. Клоссовскій,—могутъ дать опорную точку для составленія не только детальныхъ предсказаній, но даже общихъ характеристикъ погоды за годъ и мѣсяцъ впередъ».

Узловъ не найдено и, слѣдовательно, можно былобы оставить все, что на нихъ построено, въ сторонѣ, но проф. Клоссовскій хочетъ быть до конца обтоятельнымъ и... неумолимымъ. У г. Демчинскаго есть еще *идеальная линія*, соединяющая узлы между собою, и выражающая, по мнѣнію ея творца, «характеристику движенія температуры или барометра, или, иначе говоря, термическую или барометрическую волну даннаго мѣста и даннаго времени года». Эта идеальная линія «можетъ служить масштабомъ при предположеніяхъ на будущее время».

Проф. Клоссовскій задаетъ риторическій вопросъ, не есть ли эта идеальная линія просто кривая средняго годового хода температуры по лунному времени, найденная путемъ графическихъ построеній?!

Узловъ не обнаружено, но предположимъ, что они существуетъ; идеальная кривая, какъ средняя ариѳметическая—только грубое приближеніе; какъ же предсказывать погоду въ промежуточные между узлами дни? Здѣсь появляется на сцену *второй законъ* г. Демчинскаго, навѣянный, по предположенію проф. Клоссовскаго, народной примѣтой: «зима строитъ лѣто». «Сравнивая кривыя зимы,—говоритъ редакторъ «Климата»,—съ кривыми лѣта, я обнаружилъ повторяемость. Разстояніе въ дняхъ такой повторяемости долго не удавалось найти, но кажется, что оно есть шесть лунныхъ тропическихъ мѣсяцевъ, или 163 дня съ дробью. Сущность этой повторяемости заключается въ томъ, что термометрическая кривая теплой половины года,въ главныхъ своихъ изгибахъ(въмаксимумахъ и минимумахъ), опредѣляется комбинаціей кривыхъ—термометрической и барометрической въ теченіе холодной половины года, причемъ: за нормальное отношеніе термометра и барометра зимы слѣдуетъ признать то, при которомъ поднятіе барометра соотвѣтствуетъ пониженію температуры и обратно. При такомъ нормальномъ положеніи, барометрическіе максимумы холодной половины года дадутъ черезъ опредѣленный промежутокъ времени термометрическіе максимумы весны, лѣта и осени. Уклоненія отъ нормальнаго порядка могутъ быть слѣдующія: а) барометръ и температура одновременно понижаются или одновременно повышаются. Въ случаяхъ такихъ рѣзкихъ уклоненій отъ нормальнаго порядка и температурная кривая лѣта измѣняетъ свой нормальный ходъ, а именно: въ обоихъ случаяхъ температурная кривая теплой половины года, по прошествіи опредѣленнаго числа дней, становится какъ бы обернутой температурной кривой холодной половины года, т.-е. въ первомъ случаѣ даетъ рѣзкій максимумъ, во второмъ рѣзкій минимумъ. б.) Барометръ какъ бы остается неподвиженъ въ теченіе нѣкотораго промежутка времени, а темпера-

тура сильно колеблется; въ такомъ случаѣ термометрическая кривая теплой половины года какъ бы слѣдить за термометрической кривой холодной половины года».

Снова проф. Клоссовскій самоотверженно отдается «утомительной работѣ»; снова ряды таблицъ, чертежей, подсчетовъ и т. д. и снова результатъ: шансы предсказаній, построенныхъ и на этомъ второмъ законѣ г. Демчинскаго равны «выходу рѣшетки или орла въ игрѣ въ орлянку». Тотъ же блистательный результатъ можно получить взявъ совершенно произвольный періодъ—не 163 дня, какъ беретъ г. Демчинскій, а 150,180 дней—вѣроятность предсказанія таже—50%.

Разборъ этой части ученія г. Демчинскаго проф. Клоссовскій снова заканчиваетъ риторическимъ вопросомъ: «Можетъ ли быть послѣ этого рѣчь о приложимости и реальности второго закона Н. А. Демчинскаго?»

«Въ началѣ 1902 г. предсказанія вступаютъ въ новый фазисъ. Узлы, идеальныя линія, второй законъ г. Демчинскаго, даже годы *подобные* отступаютъ какъ будто на второй планъ. Утвержденіе, что въ явленіяхъ природы должна существовать періодичность, замѣняется новымъ утвержденіемъ, что таковой періодичности не существуетъ... Понятіе о годахъ *подобныхъ* вытѣсняется понятіемъ о годахъ *равныхъ*... Оказывается, что луна не только вноситъ извѣстныя модификаціи въ ходъ атмосферическихъ явленій, но даже на много лѣтъ впередъ предопредѣляетъ совершенно точно температуру для каждаго дня года и каждаго пункта земного шара. Теперь мы можемъ «вычислить съ большою точностью число градусовъ любого дня въ году на какое угодно время впередъ. «Все это произошло благодаря появленію въ журналѣ «Климатъ» статьи Типенгауэра «Къ теоріи вліянія луны на погоду».

Эта статья начинается слѣдующими словами: «Если человѣкъ всходитъ на гору, то онъ ясно ощущаетъ усилія, которыя онъ долженъ совершить, или, какъ говорятъ, онъ напрягаетъ свои силы. Съ физической точки зрѣнія это явленіе объясняется тѣмъ, что означенная масса (человѣка) движется, преодолѣвая сопротивленія силовыхъ волнъ, производимыхъ притяженіемъ земли. Находящіяся внѣ земли массы производятъ такія силовыя волны, въ полѣ дѣйствія которыхъ и движется наша атмосфера. Почему же при такихъ условіяхъ послѣдняя не должна равнымъ образомъ «напрягаться»! Разсмотримъ первый случай снова. Человѣкъ долженъ сдѣлать тоже усиліе, если онъ останется неподвижнымъ въ пространствѣ, а земля будетъ уходить изъ-подъ его ногъ. Результатъ получится физически одинъ и тотъ же, будетъ ли масса двигаться въ силовыхъ волнахъ или же будутъ двигаться силовыя волны, т. е. производящій ихъ источникъ, а масса останется въ покоѣ. Въ обоихъ случаяхъ масса производитъ одну и ту же работу. Луна является такимъ источникомъ силъ, который движется относительно атмосферы, или, что то же, атмосфера движется въ сферѣ дѣйствія силъ луннаго притяженія со скоростью относительно силовыхъ волнъ. Атмосфера «производитъ работу» и должна нѣкоторымъ образомъ дѣлать напряженія, проявленіе которыхъ требуетъ затраты

теплоты и обусловливаетъ эффекты, которые должны быть измѣряемы температурой земной поверхности».

На основаніи этихъ разсужденій Типенгауэръ выводитъ формулу, по которой и можно вычислить колебанія температуры даннаго мѣста въ зависимости отъ того или иного положенія луны. Въ виду спеціальности этихъ вычисленій мы не станемъ знакомить читателя ни съ выводомъ этой формулы, ни съ разрушительной критикой ея проф. Клоссовскимъ. Скажемъ только, что приговоръ послѣдняго объ этой формулѣ является для насъ вполнѣ справедливымъ: формула Типенгауэра, говоритъ Клоссовскій, и всѣ ея примѣненія, сдѣланныя г. Демчинскимъ, являются цѣлою цѣпью крупныхъ недоразумѣній, а утвержденіе, что равнымъ работамъ соотвѣтствуютъ равныя температуры, противорѣчитъ всѣмъ основамъ современной науки.

Но предположимъ, говоритъ почтенный ученый, что всѣ наши теоретическія соображенія ошибочны и что г. Демчинскій дѣйствительно находится на вѣрномъ пути. Останемся чистыми эмпириками и посмотримъ попросту, насколько предсказанія г. Демчинскаго совпадаютъ съ дѣйствительнымъ ходомъ явленій. Для того, чтобы не обезкуражить окончательно предсказателя, проф. Клоссовскій сравниваетъ лишь общій ходъ кривыхъ предсказанныхъ и дѣйствительныхъ. Читатель можетъ продѣлать эту работу самъ, такъ какъ къ книгѣ приложены подробныя таблицы; изъ нихъ можно видѣть, что разности между предсказаніями и дѣйствительными явленіями достигаютъ иногда 20^0 температуры и 30 миллим. давленія. «Будемъ считать предсказаніе оправдавшимся и ставить знакъ + во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ кривая, предсказанная и дѣйствительная, одновременно повышается или понижается, независимо отъ абсолютной величины; если же повышеніе одной соотвѣтствуетъ пониженію другой или обратно, будемъ ставить знакъ—. Исключимъ, кромѣ того, всѣ тѣ случаи, въ которыхъ одна кривая остается параллельной оси абсциссъ, а другая повышается или понижается». Если затѣмъ сдѣлаемъ подсчетъ удачныхъ и неудачныхъ предсказаній, то все же придемъ къ слѣдующему выводу: вѣроятность удачнаго предсказанія такова, какова вѣроятность выхода орла или рѣшетки при игрѣ въ орлянку. Но, быть можетъ, полная неудача предсказаній г. Демчинскаго по отдѣльнымъ днямъ искупается сходствомъ предсказаній по періодамъ? Опять неутомимый профессоръ обращается къ таблицамъ и кривымъ метеорологическихъ элементовъ для Одессы, Кіева и Москвы, опять читатель можетъ провѣрить всю эту работу и придти къ прежнему выводу, что несоотвѣтствіе между предсказаннымъ и дѣйствительнымъ метеорологическимъ характеромъ отдѣльныхъ періодовъ и мѣсяцевъ въ этихъ городахъ совершенно достаточно для того, чтобы назвать предсказанія г. Демчинскаго игрою въ орлянку.

Интересно, между прочимъ, сравнить характеристику весны 1903 года данную Демчинскимъ и дѣйствительную. 9-го сентября 1902 года предсказатель писалъ въ газетѣ «Новое Время» слѣдующее: «Настоящая весна повсюду запоздаетъ на двѣ-три недѣли, а слѣдовательно и весеннія работы». Между тѣмъ, изъ напечатанныхъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» свѣдѣ-

ній о состояніи полевой растительности въ Россіи къ 1-му іюня 1903 г. видно, что: «...*Ранняя*, повсюду умѣренная, съ частыми обильными дождями весна благопріятствовала росту озимыхъ хлѣбовъ и производству работъ по весеннему обсѣмененію полей». Проф. Клоссовскій дѣлаетъ еще массу различныхъ сопоставленій и приходитъ къ выводу, что климатическія предсказанія г. Демчинскаго не могутъ имѣть практическаго значенія ни для отдѣльныхъ дней, ни для цѣлыхъ періодовъ.

Такимъ образомъ, изслѣдованія проф. Клоссовскаго, предпринятыя имъ для Одессы, Кіева и Москвы и состоявшія въ изученіи кривыхъ температуры, давленія, облачности и осадковъ, показали, что въ дѣйствительности не существуетъ ни узловыхъ дней, ни идеальныхъ линій и что указываемая г. Демчинскимъ зависимость между давленіемъ и температурой зимы и слѣдующаго за ней лѣта оправдывается въ 50 случаяхъ на сто. Кромѣ того, остается совершенно неизвѣстнымъ способъ, какимъ предсказываются осадки, грозы, ливни и направленія вѣтра, а также и температурныя и барометрическія данныя, соотвѣтствующія междуузліямъ. Близость метеорологическихъ элементовъ для *подобныхъ* годовъ отсутствуетъ. Вообще, по мнѣнію автора реферируемой нами книги, «всѣ предсказанія г. Демчинскаго, обнародованныя до настоящаго времени, имѣютъ вѣроятность такую, какъ выходъ орла или рѣшетки при игрѣ въ орлянку, а вся система Демчинскаго не внесла ни одной новой мысли; всѣ выводы дѣлаются на основаніи метода среднихъ чиселъ, къ которому столь иронически относится самъ предсказатель».

Свой разборъ предсказаній погоды Н. А. Демчинскаго проф. Клоссовскій кончаетъ слѣдующимъ предположеніемъ: «Если Н. А. Демчинскій не убѣдился приведенными мною доводами въ своей ошибкѣ, то я предлагаю слѣдующій выходъ. Въ виду того, что работы Н. А. Демчинскаго поглощаютъ значительныя матеріальныя средства, а газетныя статьи его сѣютъ недоумѣніе среди многочисленныхъ добровольныхъ наблюдателей русской метеорологической сѣти, а также среди лицъ, незнакомыхъ съ современнымъ состояніемъ науки, я бы предложилъ г. Демчинскому передать дѣло особой компетентной комиссіи для новой детальной и всесторонней провѣрки новаго способа предсказаній. Обсужденіе этого вопроса въ общей ежедневной прессѣ не соотвѣтствуетъ важности и сложности задачи. Съ своей стороны, я считаю невозможнымъ принять участіе въ какой-либо газетной полемикѣ по этому вопросу, если бы таковая возникла на столбцахъ ежедневной общей прессы. Для устраненія возможныхъ указаній на пристрастіе русскихъ метеорологовъ, было бы цѣлесообразно передать этотъ вопросъ на обсужденіе *международной метеорологической коммиссіи*, ассигновавъ въ ея распоряженіе нѣкоторую сумму денегъ, необходимую для провѣрки подсчетовъ, составленія графиковъ и т. д. Въ эту же коммиссію я передамъ также настоящій докладъ мой и всѣ разработанные мною матеріалы.

«Не сомнѣваюсь, что Н. А. Демчинскій, какъ человѣкъ искренно преданный исканію истины, безъ всякихъ колебаній, присоединится къ моему предложенію о международной метеорологической коммиссіи, а пока, для пользы дѣла, впредь до пересмотра всѣхъ матеріаловъ, прекратитъ дѣятельность свою

по предсказанію погоды, какъ въ журналѣ «Климатъ», такъ и въ общей прессѣ. Въ дѣлѣ исканія истины не можетъ быть мѣста личнымъ самолюбіямъ!»

Намъ кажется, что почтенный ученый нѣсколько идеализировалъ дѣйствительность, вычеркнувъ самолюбіе изъ процесса исканія истины; можно, пожалуй, утверждать противное и сказать, что въ исканіи истины часто личное самолюбіе играетъ слишкомъ нервенствующую роль. Но вѣдь въ данномъ случаѣ дѣло даже не въ самолюбіи, а въ самой элементарной порядочности: разъ человѣку доказываютъ, что его дѣятельность приноситъ не пользу, какъ онъ полагаетъ, а практическій, осязательный вредъ, то этотъ человѣкъ долженъ, конечно, либо прекратить свою дѣятельность, либо оправдаться и доказать противное передъ компетентными судьями.

Къ сожалѣнію, смута, посѣянная г. Демчинскимъ, малокультурность нашего общества, а, можетъ быть, отчасти и излишняя нервность выступавшихъ противъ него до проф. Клоссовскаго метеорологовъ, сдѣлали то, что компетентными для большой публики судьями въ данномъ случаѣ могутъ явиться иностранные метеорологи, но мы увѣрены, что читатели «Міра Божьяго» составятъ свое мнѣніе о предсказаніяхъ г. Демчинскаго раньше, чѣмъ появится приговоръ международной коммиссіи. Желающихъ же ближе ознакомиться съ этимъ вопросомъ отсылаемъ къ книгѣ проф. Клоссовскаго.

II.

О вліяніи высокихъ давленій на микроорганизмы.

Недавно опубликованы результаты совмѣстной работы профессоровъ дерптскаго университета—химика *Г. Таммана* *) и гигіениста *Г. Хлопина*, касающейся вопроса о вліяніи высокихъ давленій на микроорганизмы.

Этотъ вопросъ былъ впервые выдвинутъ океанографическими экспедиціями, когда корабли «Travailleur» и «Talisman» драгированіемъ добыли съ глубины въ 3.705 и 5.100 метровъ (что соотвѣтствуетъ давленію въ 370 и 510 атмосферъ) илъ, въ которомъ изслѣдованіями Цертеса (Certes) были обнаружены жизнеспособныя бактеріи. Этотъ же ученый поставилъ затѣмъ опыты надъ дѣйствіемъ высокихъ давленій на явленія гніенія и жизнеспособность простѣйшихъ организмовъ прѣсной и морской воды; онъ работалъ, главнымъ образомъ, съ давленіями въ 350—500 атмосферъ и пришелъ къ выводу, что при этихъ условіяхъ гніеніе подъ вліяніемъ жизнедѣятельныхъ бактерій животныхъ и растительныхъ настоевъ происходитъ медленнѣе, чѣмъ при обыкновенномъ давленіи; впрочемъ, при продолжительномъ опытѣ (42 дня) и характеръ самого гніенія нѣсколько измѣнялся. Только палочка сибирской язвы послѣ 27 - часового воздѣйствія на нихъ давленія въ 600 атмосферъ сохранила вполнѣ свою ядовитость. Затѣмъ появились работы Цертеса, Кохина (Cohin) и Ренара (Regnard) о вліяніи высокихъ давленій на дрожжи.

---

*) Нынѣ профессора Геттингенскаго университета.

Опыты Ренара показали, что тогда какъ въ контрольномъ аппаратѣ (при нормальномъ давленіи) броженіе начиналось черезъ 10 минутъ и оканчивалось черезъ часъ, въ аппаратѣ съ давленіемъ въ 600 атмосферъ броженіе не начиналось, жидкость осталась прозрачной и количество сахара въ растворѣ не измѣнилось. Дрожжи же, подвергавшіяся давленію въ 1.000 атмосферъ даже спустя часъ послѣ того, какъ были вынуты изъ аппарата, не были способны производить броженіе, эта способность возвращалась имъ значительно позже. Тотъ же Ренаръ произвелъ слѣдующіе опыты надъ процессомъ гніенія. Молоко съ прибавкой стараго сыра подъ давленіемъ 700 атмосферъ не загнивало въ теченіе 12 дней, осталось прозрачнымъ и не скисало; контрольное же молоко (подъ обыкновеннымъ давленіемъ) свернулось и даже загнило. Моча, въ которой была прибавлена загнившая моча, была продержана подъ давленіемъ въ 650 атмосферъ 21 день и осталась прозрачной, безъ запаха, нѣсколько кислой, въ микроскопъ въ ней видны были микробы, но они были *неподвижны*; контрольная же моча кишѣла микробами, пріобрѣла щелочную реакцію и издавала отвратительный запахъ.

Куриное яйцо подъ давленіемъ въ 700 атм. въ теченіе 18 дней оставалось свѣжимъ, а контрольное издавало рѣзкій гнилостный запахъ; мясо подъ давленіемъ 700 атмосферъ оставалось свѣжимъ въ теченіе 40 дней при температурѣ въ 18° Ц. Ясно, слѣдовательно, что жизнедѣятельность и гнилостныхъ бактерій ослабляется подъ вліяніемъ высокихъ давленій.

Интересные опыты были поставлены Цертесомъ и Ренаромъ надъ вліяніемъ давленія на живые организмы, а также и на мертвыя животныя ткани. Одноклѣточные организмы кольподы, парамеціи, вортицеаллы, подъ вліяніемъ давленія въ 400—600 атмосферъ въ теченіе 10 минутъ дѣлаются неподвижными, разбухаютъ; способность двигаться возвращается къ нимъ черезъ часъ. Актинія подъ давленіемъ 1.000 атмосферъ въ теченіе часа увеличилась въ объемѣ почти вдвое, но не умерла, то же наблюдалось и у альціонъ, астерій, асцидій, аннелидъ, молюсковъ. Многія ракообразныя подъ вліяніемъ 600 атмосферъ всего въ теченіе 5 минутъ засыпали, но уже черезъ нѣсколько минутъ просыпались вновь, гораздо быстрѣе, чѣмъ животныя безъ панцырей. Рыба чебакъ засыпаетъ уже при давленіи въ 200 атм., при 300 атм. она уже умираетъ, при 400 атм. умираетъ, разбухаетъ и дѣлается твердой какъ дерево. Отпрепарированныя ножныя мышцы лягушки при 600 атм. прибыли въ вѣсѣ съ 15 до 18 граммъ и сдѣлались тоже совершенно твердыми, между тѣмъ какъ отпрепарированная ножка лягушки въ каучуковомъ чехлѣ въ вѣсѣ не прибыла. Ренаръ объясняетъ всѣ эти явленія сжатіемъ протоплазмы подъ вліяніемъ высокаго давленія и усиленнымъ притокомъ, благодаря эндосмозу, воды въ пустоты образовавшіяся между оболочками клѣтокъ и ихъ протоплазмой. На опытахъ Д'Арсонваля (D'Arsonval) и Шарэна (Charrin) мы останавливаться не станемъ, такъ въ ихъ опытахъ вліянія высокаго давленія замаскировывалось воздѣйствіемъ газовъ—углекислоты и кислорода.

Перейдемъ теперь къ работѣ нашихъ авторовъ—Таммана и Хлопина. Опыты этихъ изслѣдователей выгодно отличаются отъ предшествовавшихъ тѣмъ, что,

во-первыхъ, они работали съ чистыми культурами какъ патогенныхъ, такъ и сапрофитныхъ бактерій, дрожжей и плѣсени, во-вторыхъ, тѣмъ, что аппаратъ, построенный Таммановъ для физико-химическихъ изслѣдованій, позволялъ повышать давленіе до 2.000 и 3.000 килограммъ на 1 квадр. сант., что соотвѣтствуетъ давленіямъ въ 1,936 и 2,904 атмосферы. «Кромѣ теоретическаго интереса въ области біологическихъ изслѣдованій,—пишутъ авторы данной работы,—поставленная нами задача имѣетъ также извѣстное прикладное значеніе, такъ какъ даетъ отвѣтъ на интересующій ученыхъ вопросъ, возможна ли жизнь на днѣ самыхъ глубокихъ морей, гдѣ давленіе на глубинѣ 10.000 метровъ досигаетъ до 1.000 атм.».

Наиболѣе важнымъ выводомъ изъ этихъ изслѣдованій нужно считать слѣдующій. Даже такія сильныя давленія, какъ 3.000 килогр. на кв.сант., соотвѣтствующее давленію почти въ 3.000 атм., не убиваютъ бактерій, плѣсеней и дрожжевыхъ грибковъ. Вліяніе такихъ давленій (въ 2.000 3.000 кил. на 1 кв. сант.) сказывается только въ угнетающемъ дѣйствіи на нѣкоторыя жизненныя свойства этихъ микроорганизмовъ. Это угнетаніе жизненныхъ свойствъ выражается во-первыхъ ослабленіемъ самопроизвольныхъ движеній, во-вторыхъ, въ замедленіи, а иногда даже въ полной утратѣ способности расти и размножаться на искусственныхъ средахъ (агаръ, коховская желатина). Кромѣ того, иногда утрачиваются нѣкоторыя типичныя для даннаго вида свойства, напр., способность вызывать броженіе, присущая кишечной палочкѣ (B. Coli Communis) и пивнымъ дрожжамъ, или способность образовать пигментъ, присущая напр. чудесной палочкѣ (B. prodigiosus) и розовой сарцинѣ (Sarcina rosa). Или наконецъ, ослабляется вирулентность (ядовитость) даннаго микроорганизма напр., у бациллы сибирской язвы (B. anthracis, спороносная форма), у бациллъ мышинаго тифа (B. typhi murium). Изъ опытовъ этихъ ученыхъ выяснилось также, что быстрое поднятіе давленія даже до 3.000 килогр. и опусканіе до нормальнаго оказываетъ на микроорганизмъ чрезвычайно незначительное вліяніе, для достиженія болѣе сильнаго и опредѣленнаго эффекта, болѣе рѣзкаго угнетающаго дѣйствія на ихъ жизненныя свойства необходимо или: 1) повторное поднятіе давленія до 3000 кило на квадр. сантим. и опусканіе до нормальнаго, или 2) длительное давленіе въ 2000 или 3000 кило, продолжающееся нѣсколько часовъ или дней.

При прочихъ равныхъ условіяхъ, высокія давленія дѣйствуютъ на микроорганизмъ не съ одинаковой силой, здѣсь наблюдаются рѣзкія *видовыя* различія и авторы дѣлятъ въ этомъ отношеніи изученные ими организмы на три группы: а) микроорганизмы, очень чувствительные къ дѣйствію высокихъ давленій: бацилла синяго гноя (B. pyocyaneus), холерный вибріонъ (V. Cholerae Koch.), вибріонъ Финклера (V. Finkleri), бактерія воспаленія легкихъ Фридлендера (B. pneumoniae Fridländeri); б) микроорганизмы средней чувствительности: кишечная палочка (B. coli communis), палочка брюшного тифа Эберта (B. typhi abdominalis Eberthi), подвижный микрококъ (Micrococcus agilis), золотистый гроздекокъ (Staphylococcus aureus), туберкулезная палочка (B. tuberculosis hominis), псевдотуберкулезная бацилла Рабиновичъ (B. pseudotuber-

culosis Rabinow), розовая сарцина (Sarcina rosea), бацилла мышиннаго тифа (B. typhi murium) и чудесная палочка (B. prodigiosus), и в) чрезвычайно выносливые микроорганизмы: наибольшею выносливостью отличается ложнодифтеритная палочка (B. pseudodiphteritis), за нимъ идутъ бациллы сибирской язвы (B. anthracis), нѣкоторые микробы изъ настоя соломы, плѣсени, ондіумъ лактисъ (Oidium lactis) и пивныя дрожжи.

Эти опыты съ несомнѣнностью установили, что подъ вліяніемъ высокихъ давленій большинство изслѣдованныхъ микроорганизмовъ «впадаютъ въ состояніе временнаго ослабленія жизненныхъ силъ, какъ бы засыпаютъ, и вновь приходятъ въ нормальное состояніе, спустя нѣкоторое время».

Мы говорили уже, какъ объяснялъ Ренаръ вліяніе высокихъ давленій на организмъ. Наши русскіе изслѣдователи не наблюдали разбуханія микроорганизмовъ подъ вліяніемъ давленія, за исключеніемъ, впрочемъ, одного опыта, въ которомъ холерный вибріонъ послѣ пребыванія въ теченіе 4 сутокъ подъ давленіемъ въ 2000 атм. казался при изслѣдованіи въ висячей каплѣ нѣсколько толще контрольныхъ

Для окончательнаго рѣшенія вопроса наши изслѣдователи поставили опытъ съ дѣйствіемъ высокихъ давленій на ходъ разбуханія желатины. Оказалось, что повышеніе давленія оказываетъ на набуханіе желатины задерживающее вліяніе и это вліяніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дальше данная желатина отстоитъ отъ предѣла своего набуханія. Можно предполагать, что въ бульонныхъ культурахъ клѣточное вещество микроорганизмовъ близко къ предѣльному набуханію; тогда, допуская объясненіе Ренара, пришлось бы предположить, что высокое давленіе не должно оказывать на микроорганизмы значительнаго вліянія, опыты же нашихъ авторовъ говорятъ совершенно противоположное. «Далѣе. Слѣдуя предоположенію Ренара, нужно было бы ожидать, что при простомъ строеніи микроорганизмовъ и отношеніе ихъ къ давленію будетъ одинаково, иными словами, слѣдовало ожидать, что степень ихъ набуханія будетъ болѣе или менѣе одинакова», слѣдовательно и отношеніе ихъ къ высокимъ давленіямъ будетъ также одинаково, что, какъ мы видѣли, противорѣчитъ даннымъ опыта. Итакъ, чтобы объяснить описанные выше опыты теоріей набуханія, пришлось бы допустить, или что вещество различныхъ микроорганизмовъ находится въ различной степени набуханія, или что эти микроорганизмы построены изъ веществъ, различныхъ и въ химическомъ, и въ физическомъ отношеніи. Наконецъ, не объяснимъ теоріей набуханія и тотъ фактъ, установленный изслѣдованіями Таммана и Хлопина, что вирулентность бациллы сибирской язвы при прочихъ равныхъ условіяхъ ослабляется дѣйствіемъ высокихъ давленій сильнѣе при температурѣ въ 36°—37,5° ц, чѣмъ при 0° или при 20° ц. «По всей вѣроятности, высказываютъ предположеніи наши авторы, способъ дѣйствія высокихъ давленій на микроорганизмы, а вѣроятно, и на болѣе высшіе организмы, значительно сложнѣе, и не можетъ быть сведенъ только къ простой имбибиціи клѣтокъ водой».

Нельзя не сознаться съ дерптскими учеными, что, помимо большого біологическаго значенія ихъ работъ, эти изслѣдованія даютъ «новый принципъ для

полученія ослабленныхъ культуръ патогенныхъ микроорганизмовъ», что въ наше время различныхъ прививокъ можетъ имѣть, кромѣ теоретическаго, еще и большое практическое значеніе.

В. Агафоновъ.

---

† ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДОКУЧАЕВЪ.

(Некрологъ).

5-го ноября 56 лѣтъ отъ роду скончался бывшій профессоръ петербургскаго университета и бывшій директоръ, преобразователь ново-александрійскаго сельскохозяйственнаго института, *Василій Васильевичъ Докучаевъ*.

Нѣсколько выдающихся представителей науки на отпѣваніи, кучка студентовъ при выносѣ, сто-двѣсти человѣкъ за печальной колесницей, двѣ-три краткія блѣдныя, ex officio, сказанныя рѣчи у открытой могилы—вотъ все, чѣмъ почтили русское общество, университетъ и русская наука виднаго представителя ея, Василія Васильевича Докучаева. Нѣтъ у насъ въ Россіи общественной памяти и не цѣнимъ мы нашихъ большихъ людей. Нужно, чтобы заслуги покойнаго были ясны самой широкой публикѣ, чтобъ сочиненія его украшали библіотечныя полки людей самыхъ разнообразныхъ классовъ и и профессій, чтобъ наше общество почтило своимъ вниманіемъ кончину своего выдающагося дѣятеля... или... или нуженъ общественный постъ, положеніе, принадлежность къ извѣстной корпораціи, когда nolens volens члены этой корпораціи также ex officio идутъ за гробомъ своего коллеги. Не то въ Западной Европѣ и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ: тамъ общество знаетъ и цѣнитъ своихъ большихъ людей, такъ какъ чувствуетъ и осязаетъ общественную связь между представителями различныхъ профессій, и за гробомъ общественнаго или научнаго дѣятеля тамъ идутъ сотни и тысячи; эти тысячи не могутъ, конечно, оцѣнить значеніе покойнаго въ его спеціальной области, но они твердо вѣрятъ въ общность интересовъ науки, литературы и честной общественной дѣятельности и не только вѣрятъ, но и въ жизни осуществляютъ, доказываютъ эту общность.

Русское общество въ другихъ условіяхъ... и оно безсознательно мститъ за свое безправіе своимъ невниманіемъ къ своимъ большимъ людямъ. У насъ нѣтъ отвѣтственныхъ министровъ, но зато нѣтъ и отвѣтственныхъ передъ обществомъ профессоровъ и людей науки. Если бы Василій Васильевичъ Докучаевъ былъ бы не *бывшимъ*, а настоящимъ профессоромъ, то и картина его похоронъ была бы другая: были бы и сотни студентовъ и профессоровъ.

В. В. Докучаевъ вышелъ изъ среды духовенства и среднее образованіе получилъ въ смоленской семинаріи. Тогда еще не было исключительныхъ законовъ и онъ могъ попасть въ университетъ, куда неудержимо стремится и нынѣ наиболѣе энергичная и способная часть семинаристовъ. Но времена измѣнились и въ настоящее время семинаристы не могутъ уже попасть въ петербургскій университетъ. Василій Васильевичъ попалъ и въ концѣ 60-хъ го-

довъ окончилъ физико-математическій факультетъ по естественному отдѣленію. Уже студентомъ онъ заинтересовался геологіей, въ особенности же вопросомъ о происхожденіи такъ называемыхъ новѣйшихъ образованій,—рѣчныхъ и ледниковыхъ наносовъ, почвъ. Но въ силу историческихъ пережитковъ, которые въ наукѣ такъ же сильны, какъ и въ общественной жизни, Василію Васильевичу пришлось занять каѳедру минералогіи, каѳедру, къ которой отнесены всѣ вопросы, по историческому недоразумѣнію не вошедшіе въ область изслѣдованія физиковъ, химиковъ и математиковъ. Василій Васильевичъ былъ здѣсь не въ своей области: онъ не былъ ни физикомъ, ни химикомъ, ни минералогомъ, но кто можетъ быть и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ сразу? Не смотря на это, мы ученики В. В. Докучаева, помнимъ, какъ онъ справился съ своей эклектической задачей—лекціи его всегда были ясны, просты и давали довольно полное представленій о тѣхъ разнообразныхъ вопросахъ, которые входятъ въ ту научную область, которая зовется минералогіей. Кромѣ петербургскаго университета, Василій Васильевичъ преподавалъ минералогію и въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ.

Въ теченіе 6 лѣтъ съ 1871—1877, молодой ученый совершилъ цѣлый рядъ экскурсій по Россіи и Финляндіи съ цѣлью изученія геологическаго строенія, способа и времени образованія рѣчныхъ долинъ и дѣятельности рѣкъ. Результатомъ этихъ изслѣдованій явилась магистерская диссертація: «Способы образованія рѣчныхъ долинъ Европейской Россіи». Здѣсь авторъ высказываетъ смѣлую гипотезу, по которой происхожденіе рѣчныхъ долинъ связывается, главнымъ образомъ, съ дѣятельностью овраговъ и балокъ.

Эта работа и собранный во время этихъ изслѣдованій опытный матеріалъ натолкнули Василія Васильевича на цѣлый рядъ вопросовъ, которые увлекли молодого ученаго въ совершенно новую область: онъ приступилъ къ созданію *геологическаго почвовѣдѣнія*.

Что такое почва—столь употребительное и въ общежитіи, и въ популяризаціи слово?

Обыкновенно считали и считаютъ почвой поверхностный, *пахотный* слой земли. Но въ такое опредѣленіе входятъ элементы не только научные, но и экономическіе, можно сказать даже общѣ—соціальные: глубина пахоты, даже самая возможность ея обусливается тѣмъ или инымъ характеромъ, той или иной высотой культуры даннаго общества—элементы, въ сравненіи съ естественно-историческими, вторичные.

В. В. Докучаевъ назвалъ почвой поверхностный слой земли, подвергшійся обрабатывающему вліянію атмосферныхъ вліяній—воды, воздуха, а также и вліянію біологическихъ факторовъ—растеній и животныхъ, ихъ механической разрыхляющей дѣятельности, а также воздѣйствію химическихъ продуктовъ, выдѣляющихся при процессахъ гніенія (различные газы, кислоты и т. д.). Такой поверхностный слой связанъ постепенными переходами съ материнской породой, изъ которой онъ образовался, и эта постепенность обнаруживается, какъ химическимъ составомъ различныхъ слоевъ, такъ и ихъ физическимъ строеніемъ. Исходя изъ такого опредѣленія почвы, какъ опредѣленнаго есте-

ственно-историческаго тѣла, происхожденіе котораго стоитъ въ зависимости отъ геологическаго строенія данной мѣстности, отъ ея атмосферныхъ условій, отъ ея флоры и фауны, В. В. Докучаевъ могъ установить многія законности какъ въ географическомъ распредѣленіи такихъ естественныхъ тѣлъ, особенно въ Россіи, гдѣ почвы являются менѣе измѣненными культурой, такъ и въ ихъ вертикальномъ расположеніи, въ ихъ генезисѣ. Первой большой работой въ этой оригинальной, имъ созданной области естествознанія явилась докторская диссертація В. В. Докучаева «Русскій черноземъ», въ которой имъ были разсмотрѣны:—область распространенія, способъ происхожденія, химическій составъ чернозема и установлены принципы классификаціи этой почвы. За эту работу В. В. получилъ особую благодарность отъ вольно-экономическаго общества, а отъ академіи наукъ полную макарьевскую премію. Эта работа выяснила и самому автору, и многимъ заинтересованнымъ этимъ вопросомъ лицамъ, что почвенно-геологическія изслѣдованія могутъ имѣть не только научно-теоретическое, но и практическое значеніе, что научная характеристика данной почвы не только можетъ, но и должна лечь въ основу экономической правоспособности ея.

В. В. Докучаеву принадлежитъ заслуга и выработка принциповъ и проведеніе въ жизнь такой связи геологической науки съ запросами жизни, честь созданія научнаго *геологическаго почвовѣдѣнія*. Въ 1882 году Докучаевъ принимаетъ предложеніе нижегородскаго губернскаго земства произвести, въ цѣляхъ болѣе правильной расцѣнки земель, полное изслѣдованіе губерніи въ геологическомъ, почвенномъ и вообще естественно-историческомъ отношеніи. Такое изслѣдованіе должно было лечь въ основу слѣдующихъ за нимъ чисто экономическихъ изслѣдованій и отъ соединенія этихъ двухъ элементовъ—почвенной и экономической правоспособности почвы—должны были быть выработаны основы для правильной оцѣнки земель. Подъ руководствомъ Василія Васильевича многочисленными его учениками эта работа была окончена въ 6 лѣтъ, и результатомъ ея явилось 14 томовъ «Матеріаловъ по оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи».

Въ этой работѣ не только были выполнены запросы, предъявленные экономическими требованіями земства, но и выработана новая оригинальная естественно-историческая классификація почвъ, а такъ же собрана масса матеріаловъ по вопросу о нашихъ ледниковыхъ образованіяхъ. Такая же громадная работа была произведена проф. Докучаевымъ съ его учениками и для Полтавской губерніи и въ 1890—1892 году появились 16 томовъ «Матеріаловъ къ оцѣнкѣ земель Полтавской губ.». Слѣдуя своему завѣту—связи научныхъ изслѣдованій съ запросами русской хозяйственной жизни, неутомимый изслѣдователь принимаетъ въ 1892 г. постъ начальника особой экспедиціи лѣсного департамента, завѣдывавшей геологическими и почвенными изысканіями на мѣстныхъ степныхъ участкахъ южной Россіи, основываетъ почвенную комиссію при вольно-экономическомъ о-вѣ (дѣйствующую и нынѣ), естественно-историческіе музеи въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ Полтавѣ, организуетъ комиссію по всестороннему научному изслѣдованію С.-Петербурга и его окрестностей (съ болѣзнью и смертью Вас. Васильевича прекратившую свою дѣятельность). Та же завѣтная идея

заставляетъ его принять въ высшей степени отвѣтственный и многими шипами усѣянный постъ преобразователя и директора Ново-Александрійскаго сельскохозяйственнаго института. При самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ Василію Васильевичу удалось создать изъ этого учебнаго заведенія строго научный и въ то же время практическій институтъ съ оригинальной, цѣликомъ имъ выработанной программой.

Эти разнообразные научно-общественные и научно-педагогическіе труды не могли все же поглотить всей колоссальной энергіи Василія Васильевича, и онъ находитъ еще время разрабатывать чисто-научные вопросы почвовѣдѣнія и геологіи; плодомъ этихъ изслѣдованій являются, между прочимъ, слѣдующія его работы: «Методы изслѣдованія вопроса: были ли лѣса въ южной степной Россіи?» (1888). «Къ вопросу о соотношеніяхъ между возрастомъ и высотой мѣстности, съ одной стороны, характеромъ и распредѣленіемъ черноземовъ, лѣсныхъ земель и сохонцовъ съ другой» (1891), «Наши степи прежде и теперь» (1892). «О происхожденіи русскаго лёсса» (1892) и многія другія.

Такая интенсивная научная и общественная работа по плечу только немногимъ избраннымъ, сильнымъ личностямъ. При своихъ громадныхъ силахъ Василій Васильевичъ перенесъ бы ее легко, еслибъ былъ уравновѣшенной натурой и не относился къ любимому дѣлу подъ часъ съ болѣзненной страстностью, но въ Россіи рѣдко встрѣчаются такія натуры, обыкновенно наши талантливые люди жгутъ свою жизнь съ двухъ концовъ: имъ нечего терять, кромѣ самого себя, всякое общественное дѣло слишкомъ не стойко, слишкомъ подвержено внѣшнимъ, непостояннымъ, но могучимъ вліяніямъ. И талантливые люди сходятъ со сцены, далеко не исчерпавъ всей своей энергіи, всѣхъ своихъ силъ...

В. Агафоновъ.

О „МУДРОСТИ КРОТКИХЪ".

(По поводу „Писемъ къ ближнимъ" и другихъ писаній г. Меньшикова).

„Не выношу всѣхъ этихъ лицемѣровъ—
Проныръ, святошей, изувѣровъ
И благочестія постыдныхъ торгашей.
У нихъ-то именно нѣтъ ничего святого"

(Изъ „Тартюфа" Мольера, пер. Лихачева).

„21-го іюля 1901 г., утро.

«Лежу въ гамакѣ, подвѣшенномъ между двумя старыми соснами, слушаю чудный шумъ лѣса, пью сладкій послѣ вчерашней бури воздухъ и пишу карандашомъ вотъ эти строки. Солнце изъ-за тучъ нѣтъ-нѣтъ и выглянетъ и весь лѣсъ вспыхнетъ теплымъ свѣтомъ, точно засмѣется отъ счастья. Хорошо, очень хорошо.

«Кругомъ меня подымаются стройныя, какъ колонны, высокія сосны» и т. д.

«Самыя тонкія наслажденія даетъ здоровье. Я слышалъ отъ одного великаго человѣка, только что пережившаго тяжкую болѣзнь, что страдать пріятно, что болѣзнь доставляетъ радость. Какую? Я не понялъ. Допускаю, что у мудрецовъ высокой природы даже болѣзнь доставляетъ извѣстнаго рода счастье, счастье ли борьбы съ нею, или ощущенія близости иного міра. Но мудрость сверхъестества—она не примѣръ тѣмъ, кто искренно сознаетъ себя слабыми смертными. Для этихъ что за блаженство хоть изрѣдка чувствовать себя здоровыми!..

«Я только что купался въ морѣ, пилъ кофе, и вышелъ сюда, въ тишину и свѣжесть утра. Хорошо, не сглазить бы себя. Очень хорошо»...

«Мнѣ часто казалось: «о, если бы кто-нибудь сильный пошелъ по слѣдамъ пророковъ, если бы онъ съумѣлъ поднять лежащую на дорогѣ затоптанную толпой мечту! Если бы онъ съумѣлъ, стряхнувъ пыль съ нея, показать, что это драгоцѣнный камень! Онъ понесъ бы, какъ благовѣстіе, мысль, что счастье, если вы примете его—уже дано, что всѣ мы уже счастливы, что ничего достигать не надо, что нужно только немножко довѣрія къ Богу и благодарности къ нему»...

„22-го іюля, вечеръ.

«Сейчасъ подошелъ ко мнѣ мальчикъ въ кумачной рубашкѣ, лѣтъ 12, съ тяжелымъ лоткомъ на головѣ.

«— Купите грушъ!

«Онъ уже продавалъ мнѣ много разъ и я постоянно говорю ему, зачѣмъ онъ носитъ такую тяжесть, страшную тяжесть около пуда, на головѣ.

«— Что-жъ дѣлать? хозяинъ заставляетъ,—говоритъ мальчикъ грустно.— Купите, баринъ, грушъ!

«Милое, хорошее, круглое личико, крѣпышъ-богатырь, и вотъ его будущность—трясущіяся ноги, трясущаяся больная голова.

«— Болитъ голова?

«— Болитъ.

«И мальчикъ, едва поднявъ на голову лотокъ, бодро шагаетъ дальше. Утро, рай въ природѣ, солнечный день, тихій вечерній закатъ—и этотъ ребенокъ долженъ съ утра до ночи ходить взадъ и впередъ по дюнамъ, чтобы освободиться отъ насѣвшей на него тяжести».

«Изъ-за мальчика, изъ-за Николки, возникъ однажды споръ. Мы сидѣли на ступеняхъ одной изъ множества купальныхъ будокъ, на дюнѣ, ждали солнечнаго заката. Николка опять пришелъ, и чтобы хоть немножко облегчить его лотокъ, пришлось купить нѣсколько грушъ, годныхъ на кормъ свиньямъ. Я опять сказалъ, какъ опасно носить такую тяжесть на головѣ. Непремѣнно кончится тѣмъ, что и ноги и голова будутъ дрожать и выйдетъ изъ тебя калѣка.

«— Зачѣмъ вы ему это говорите?—нервно накинулась на меня одна дама.— Развѣ ему отъ этого лучше будетъ? Хотите спасти—спасите, возьмите къ себѣ. А то только и умѣете, что напугать, отравить существованіе.

«— Не вѣрь, мальчикъ,—крикнула она Николкѣ.—Все, что баринъ говорилъ—неправда.

«— Какъ неправда?—изумился я.

«Мальчикъ ушелъ, а мы, старые люди, на закатѣ солнца спорили, и чуть было не поссорились изъ-за вопроса: нужно ли скрывать правду отъ несчастныхъ, или нѣтъ. Объ этомъ, видите ли, еще возможенъ споръ.

«Хорошо, конечно, если бы каждый изъ насъ былъ настолько добръ, чтобы спасти хоть одного Николку. Но это мечта несбыточная»...

Читателю, вѣроятно, интересно узнать, почему такъ несбыточна эта мечта. Ахъ, очень просто, хотя и страшно пространно:

«Взять мальчика или не взять? Если взять—что же другіе сто, тысяча, милліонъ мальчиковъ, такъ и останутся со своей наковальней на головѣ? Говорю наковальней, такъ какъ при каждомъ шагѣ ребенка точно кто-то бьетъ молотомъ по головѣ.

«Люби ближняго какъ самого себя»,—доносится мнѣ фраза проходящей парочки и серебристый смѣхъ барышни. Да, думаю я: если бы я любилъ Николку, какъ самого себя, то у мальчика уже не болѣла бы голова, онъ не шагалъ бы по лѣсу съ пудовою тяжестью...

«Люби ближняго, какъ самого себя». Заповѣдь глубины безконечной. Но отчего она такъ трудна? Какъ законъ Христа, какъ откровеніе, эта заповѣдь должна бы быть легкой, ибо бремя Его легко. Все великое естественно и не трудно. Почему же намъ недоступно любить ближнихъ, какъ самихъ себя?

«Мнѣ кажется, что это потому только, что «самихъ себя» мы любимъ слишкомъ тяжелою, уродливою любовью. Такъ называемый эгоизмъ—онъ едва выносимъ даже въ отношеніи себя: желаніе богатства, славы, преимуществъ даже для себя измучиваетъ. Въ примѣненіи къ ближнему этотъ эгоизмъ прямо нелѣпъ, т.-е. его нелѣпость тутъ совершенно очевидна. Не могу я искренно желать ближнему всего того ненужнаго, чего себѣ желаю по страсти, по

извращенному себялюбію. Зачѣмъ тебѣ, говорю я ближнему, огромные дома, когда достаточно небольшой квартиры? Зачѣмъ тебѣ лишнія деньги? Къ чему титулы и т. д.? Все это нарушало бы равенство твое со всѣми нами и тебя влекло бы къ надменности, насъ—къ зависти. Чего я могу искренно пожелать тебѣ, это—чтобы ты не голодалъ, жилъ въ теплѣ, жилъ трудовой и скромной жизнью. И если бы я научился себя любить, какъ тебя, т.-е. желать себѣ только необходимаго, то заповѣдь Христа оказалась бы совсѣмъ легкой.

«Почему я не взялъ Николки? Потому, что очень трудно воспитать его какъ сына, какъ самого себя. Развѣ легко дать образованіе мальчику среднихъ способностей? Для этого нужно года три приготовлять дома, да держать восемь лѣтъ въ гимназіи, да четыре-пять лѣтъ въ высшемъ учебномъ заведеніи. Пятнадцать или шестнадцать лѣтъ непрерывной тревоги, заботъ, расходовъ, да еще лѣтъ можетъ быть десять ожиданія, пока окончившій всѣ курсы юноша дѣйствительно станетъ на ноги».

«А что если бы въ концѣ-концовъ, достигнувъ званія столоначальника, уже подъ старость, онъ помянулъ бы меня такимъ словомъ:—дуракъ былъ мой пріемный отецъ; только сбилъ меня съ дороги. Теперь я несчастный чиновникъ, нищій, а былъ бы можетъ быть уже купцомъ первой гильдіи, катался бы á la Daumont, какъ Ванька Гвоздь или Ѳомка Межуевъ. Дуракъ былъ покойный!»

«Вотъ почему трудно полюбить ближняго какъ самого себя. Полюбить не искренно, на словахъ—ничего не стоитъ, но чтобы чистосердечно и на самомъ дѣлѣ—это подвигъ, не только крайне трудный, но часто и глупый, и даже подлый. Вѣдь если для себя безчестно желать обогащенія, выгодъ, привилегій, то безчестно желать того же и для ближнихъ. Но какъ все это было бы легко и просто, если бы мы умѣли благородно любить самихъ себя! Я сказалъ бы Николкѣ: «Милый мальчикъ, у меня ровно ничего нѣтъ лишняго, потому что все лишнее я раздаю тѣмъ, у кого нѣтъ необходимаго. Я могу дать тебѣ только кусокъ хлѣба да ковшъ воды, потому что и для себя ничего больше не желаю въ жизни. Хочешь, прими это и пойми, что этого довольно для счастія».

«Мы всѣ такъ испорчены съ ранняго дѣтства, что Николка навѣрное не согласился бы дѣлить кусокъ хлѣба съ нищимъ. Онъ предпочелъ бы носить кислыя груши до одеревенѣнія головы, лишь бы въ восемнадцать лѣтъ выйти въ «молодцы». а потомъ въ «хозяева». Но это его дѣло. Я во всякомъ случаѣ выполнилъ бы заповѣдь Христа, т.-е. «возлюбилъ бы ближняго какъ самого себя», и мнѣ это было бы пріятно, легко и просто. Теперь же, когда я не умѣю любить себя какъ слѣдуетъ, благой законъ Христа для меня не то что труденъ, а прямо не выполнимъ. Сколько бы я тысячъ разъ ни повторялъ его себѣ, сколько бы ни слушалъ въ храмѣ, онъ остается мертвой фразой, ничуть не мѣняющей ни моихъ жестокихъ отношеній къ ближнимъ, ни ихъ ко мнѣ. Совершенно праздны мои восторги, мои молитвы, мои увѣренія, что я живу философской жизнью, качаясь въ доступномъ всякому рабочему гамакѣ. Чего-то недостаетъ въ моей жизни, какъ и всѣхъ насъ, централь-

наго, безъ чего всѣ хорошія слова—«кимвалъ бряцающій». Не любви къ ближнему недостаетъ, а благородной къ себѣ. О, что касается любви неблагородной, жадной, завистливой, жестокой—ея сколько угодно, и къ себѣ, и къ ближнимъ, и въ этой дьявольской любви вся наша гибель. Еще разъ невольно вспоминаешь загадочный для многихъ душевный процесъ подвижничества. Какъ много въ немъ глубокаго прозрѣнія въ суть вещей! Что значитъ твое служеніе людямъ, если ты не приготовленъ для него, если мѣра твоихъ отношеній—твоя личность—не опредѣлена, если ты къ самому себѣ относишься безумно и недостойно? Слабый, мечтательный, пристрастный ты вносишь всю эту дурь твою въ служеніе ближнимъ. Нѣтъ! Прежде этого служенія—очистись. Велика заповѣдь: «Возлюби ближняго», но еще выше ея другая: «Возлюби Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, всею крѣпостію твоею, всѣмъ помышленіемъ твоимъ»... Вотъ для чего уходили въ пустыню люди высокаго духа, въ родѣ св. Серафима Саровскаго. Они уходили учиться любить себя. Безъ этого простой случай—облегчить тяжесть на головѣ ребенка, но какъ онъ развертывается сложно и неразрѣшимо.

«Издалека слышу пансіонскій звонокъ. Зовутъ обѣдать. Прощайте, милыя сосны! Меня провожаетъ нескончаемый грохотъ моря».

Да проститъ намъ читатель эту томительно-огромную цитату. Но это такой шедевръ, такой законченный автопортретъ, что трудно было сколько нибудь значительно сократить ее: во всякомъ истинно художественномъ произведеніи важна и дорога каждая деталь, ибо она органически связана съ цѣлымъ и цѣлое безъ нея не мыслимо. Эта самохарактеристика сдѣлана г. Меньшиковымъ въ одномъ изъ его «Писемъ къ ближнимъ», въ фельетонѣ «Новаго Времени». Она настолько исчерпываетъ всѣ «восторги, молитвы», всю «философскую жизнь», которыми живетъ этотъ мыслитель, что пожалуй, можно было бы ограничиться приведенной выпиской, не добавляя къ ней ничего... «Но, ради Бога, спроситъ насъ читатель, съ какой стати вздумали вы заниматься этимъ господиномъ? Что такое г. Меньшиковъ? Мы даже не слыхали этого имени, совершенно не знакомы съ продуктами его философской жизни; а такъ какъ онъ, по вашему заявленію, пишетъ въ «Новомъ Времени», то... чего ради заставляете вы насъ тратить время на подобное чтеніе?

Я очень завидую такому читателю: не знать ни «Новаго Времени», ни г. Меньшикова—великое счастье и пожалуй, даже легко исполнимая «заповѣдь», какъ выражается г. Меньшиковъ. Но да позволено намъ будетъ вывести и такого читателя изъ блаженства его невѣдѣнія. Да позволено намъ будетъ доставить ему нѣсколько поистинѣ мучительныхъ минутъ. Оправданіе наше то, что и «Новое Время», и г. Меньшиковъ, состоящій нынѣ его лейбъ-философомъ, суть явленія историческія: исторія же есть матерь всякаго пониманія. А кромѣ того самъ г. Меньшиковъ представляетъ изъ себя такое типическое, такое мастерское произведеніе природы, что уже въ качествѣ такового имѣетъ всѣ права на вниманіе. Къ тому же, на ряду со счастливымъ читателемъ, соблюдающимъ по отношенію къ г. Меньшикову легкую «заповѣдь», есть и другой читатель, который, можетъ быть, по старой памяти, ради былыхъ симпатій къ «Недѣлѣ» (въ

ней началъ свое поприще нынѣшній «Нововременецъ»), читаетъ, если и не чтитъ, г. Меньшикова. Я слышалъ о дамахъ, которыя находятъ, что въ немъ «что-то есть»... Случайно пришлось узнать, что въ библіотекѣ морского клуба творенія г. Меньшикова одни изъ наиболѣе читаемыхъ. Въ послѣднемъ случаѣ дѣло объясняется, можетъ быть, прежней принадлежностью автора къ «морской семьѣ» или существованіемъ учебника «Чтеніе морскихъ картъ», принадлежащаго его перу и, какъ говорятъ, очень удачнаго. Но главное объясненіе—это именно слова дамы: «въ немъ что-то есть», и притомъ что-то весьма удобное и нужное для многихъ дамъ и для многихъ и многихъ кавалеровъ. Повторяемъ, г. Меньшиковъ явленіе историческое, а все историческое непремѣнно кому нибудь нужно.

Въ огромной цитатѣ, съ которой мы начали, бросается въ глаза, съ перваго взгляда, характернѣйшій для г. Меньшикова пріемъ. Вопросъ съ самаго начала поставленъ ясно, опредѣленно, съ почти циническою откровенностью, отъ которой даже жутко становится... Трудно себѣ и представить болѣе яркую антитезу. Съ одной стороны, этотъ мыслитель, комфортабельно растянувшійся въ своемъ гамакѣ, послѣ недавняго «купанія въ морѣ и душистаго кофе», среди «тишины и свѣжести» прелестнаго утра, и предающійся своимъ «молитвамъ, восторгамъ и философской жизни»; съ другой—этотъ несчастный парнишка «съ наковальней на головѣ», питающійся однимъ ситникомъ, цѣлый день проводящій въ работѣ, которая превратитъ его въ калѣку. Всѣ соціальныя противорѣчія современности, вся дикая неправда нашей жизни—вскрыты воочію съ рѣдкою откровенностью. Это всегда такъ у г. Меньшикова; онъ всегда начинаетъ съ такой откровенной, до цинизма, безстрашной постановки вопроса. Въ этомъ тоже есть «что-то», какъ говорила дама, и такое «что-то», которое многимъ можетъ нравиться. Этотъ цинизмъ, «красивый цинизмъ», какъ выразился неудачно о Горькомъ тотъ же г. Меньшиковъ, заключаетъ въ себѣ нѣчто для многихъ весьма привлекательное: въ немъ есть какая-то моральная пряность, нравственное щекотаніе, какое-то почти чувственное раздраженіе совѣсти, и мнѣ не разъ приходилось наблюдать, что есть много любителей щекотать именно свою соціальную совѣсть, какъ дѣлаетъ въ данномъ случаѣ, да и постоянно г. Меньшиковъ. Право, почти сладострастіе какое-то приходилось иногда наблюдать въ этой области... Вопросъ поставленъ, дикое противорѣчіе жизни вскрыто. Что же дальше? Всякій честный писатель на мѣстѣ г. Меньшикова искалъ бы путей къ разрѣшенію вопроса. Филантропъ взялъ бы мальчика къ себѣ или занялся бы пропагандой общественной благотворительности, защиты дѣтей, какого-нибудь урегулированія путемъ закона положенія дѣтей-тружениковъ; человѣкъ съ соціологическимъ складомъ мышленія направилъ бы всѣ силы своего писательскаго таланта на то, чтобы найти исходъ вскрытому противорѣчію именно въ соціальной работѣ, въ измѣненіи тѣхъ общихъ условій, которыми опредѣляется поразившее его частное явленіе; и тотъ, и другой, правильно или нѣтъ, въ самой писательской работѣ своей видѣли бы нѣкоторый личный для себя моральный выходъ, ибо для писателя, вѣрящаго въ свое призваніе, его слово есть дѣло. Но какъ же поступаетъ г. Меньшиковъ? Онъ

преподноситъ вамъ заповѣдь Христа (о конечно: двухъ строкъ онъ не напишетъ, чтобы не помянуть всуе Его имя!). Затѣмъ преспокойно, съ методичностью и смѣлостью заправскаго фальсификатора, кощунственно выворачиваетъ эту заповѣдь на изнанку: «Какъ законъ Христа, какъ откровеніе, эта заповѣдь должна быть легкой, ибо бремя Его легко»... Позвольте: кто это и гдѣ сказалъ, что заповѣди Христа легки, легкоисполнимы? А «любите ненавидящихъ васъ», а «если кто ударитъ тебя въ правую щеку, подставь ему лѣвую»? Христіанство именно постояннаго подвига, т.-е. трудностей отъ человѣка и требуетъ; только привычка превозмогать эти трудности, извѣстный закалъ въ дѣйственномъ подвижничествѣ, дѣлаетъ это бремя «легкимъ»... Но что за печаль? Такъ *удобно* построить на эту тему рогатый силлогизмъ: «Бремя его легко», это сказано въ Евангеліи; спасать Николку трудно, значитъ и не надо его спасать, ибо будь такая задача согласна съ ученіемъ Христа, она казалось бы намъ легкой. Ну, а отсюда уже прямой выводъ: спасать Николокъ незачѣмъ; чтобы возлюбить ближняго, какъ самого себя, надо поучиться прежде любить самого себя, а стало быть, прежде всего «очистись», уйди «въ пустыню, куда уходили люди высокаго духа въ родѣ св. Серафима Саровскаго», или, еще лучше, оставайся въ своемъ гамакѣ, пока не услышишь «пансіонскій звонокъ», возвѣщающій объ обѣдѣ, о «душистомъ кофе» или «сверкающей бѣлизной и свѣжестью простоквашѣ». О мудрость кроткихъ! О мудро-кроткій г. Меньшиковъ, что вамъ взывать и скорбѣть о «сильныхъ, идущихъ по стопамъ пророковъ»?—Вы именно одинъ изъ этихъ «сильныхъ», одинъ изъ тѣхъ «пророковъ», «которые поднимаютъ лежащую на дорогѣ затоптанную толпой мечту», вы именно «несете, какъ благовѣстіе, мысль, что счастье уже дано, что ничего достигать не надо, что нужно только немножко довѣрія къ Богу и благодарности къ нему»! А если иного впечатлительнаго читателя стошнитъ отъ вашего цинично-лицемѣрнаго приспособленія всего,что есть лучшаго у человѣчества, къ удобствамъ вашей межеумочной, плоской и нищенской моральной гигіены,—что-жъ дѣлать? «Не вси вмѣщаютъ словесе сего, но имъ же дано есть». Вы неоднократно поучали: «Наука говоритъ, что жизнь есть внутреннее приспособленіе къ внѣшнимъ условіямъ». Приспособляйтесь-же, людіе, взирая на доблестный примѣръ нововременскаго проповѣдника!

Кстати: да не подумаетъ читатель, что мы сами изобрѣли для г. Меншикова столь прикладывающійся къ нему эпитетъ «*мудро-кроткаго*». Это слово принадлежитъ ему же, какъ, впрочемъ можно, было догадаться уже по одному стилю, такъ сказать. Въ этюдѣ о М. Горькомъ «Вожди народные», напечатанномъ еще въ «Недѣлѣ», г. Меньшиковъ пространнѣйшимъ образомъ разбиваетъ навязанную имъ же М. Горькому теорію о спасеніи міра босяками; въ возвышеннѣйшихъ терминахъ славословитъ не босяка, конечно, а *странника*, который имѣетъ много общаго съ босякомъ, но отличается отъ него, изволите-ли видѣть, творческимъ, положительнымъ характеромъ своей дѣятельности: «Народъ знаетъ своихъ пророковъ и вѣритъ имъ, и спасается ими, и можетъ быть, *только* ими. Чему научаемъ народъ мы, люди книжные—это вопросъ еще крайне сложный, хотя безспорно, что беремъ за «свою науку» не кусокъ

только хлѣба. А народные пророки, не имѣющіе, гдѣ главу преклонить, даютъ народу нѣчто безмѣрное, они поддерживаютъ вѣру въ «святая святыхъ», стремленіе къ божескому совершенству, вѣчное стремленіе къ свободѣ духа... Міръ не вполнѣ мертвый слушаетъ ихъ, какъ посланниковъ нездѣшней власти, и *сколько можетъ* (курсивъ г. Меньшикова)—слѣдуетъ имъ, и этимъ лишь держится... Отшельники, странники, старцы, просто добрые и тихіе люди въ обществѣ, среди міра живущіе въ пустынѣ, безкорыстно и ясно,—люди не сокрушимые соблазномъ—вотъ кѣмъ держится общество во всѣ времена и въ нашъ вѣкъ «борьбы» и «партій». Не «безумство храбрыхъ» спасаетъ міръ,—его спасаетъ *мудрость кроткихъ*».

Эта статья написана въ 1900 году. Г. Меньшиковъ тогда еще не былъ нововременцемъ, а велъ умѣренно-народническій органъ «Недѣлю». Но вы видите, что основные элементы міросозерцанія остались у него тѣ-же. Тѣ же лживо-покаянныя поты, тѣ же глубокомысленныя сомнѣнія насчетъ современной культуры и учености, тотъ же вкусъ къ «внутренному приспособленію» (это чудесное «*сколько можетъ!*» курсивомъ) тотъ же возвышенный народный, но полнѣ платонически исповѣдуемый, идеалъ отшельника, о которомъ такъ пріятно размышлять, лежа въ гамакѣ...

Въ существѣ своихъ «восторговъ и молитвъ» г. Меньшиковъ остается вѣренъ себѣ на всемъ протяженіи своей многословной дѣятельности. Переходъ въ «Новое время», разумѣется, сопровождался кое-какимъ «внутреннимъ приспособленіемъ къ внѣшнимъ условіямъ» (объ этомъ мы еще упомянемъ ниже); но фундаментъ остался тотъ же: «боящаяся себя сглазить» моральная гигіена, мудрая кротость на словахъ, гамакъ—на дѣлѣ. А такъ какъ le style c'est l'homme, то и стиль остался тотъ же:—необычайно пространный, хотя и съ напряженно-короткими фразами, дѣланно-простой, съ массой курсивныхъ словечекъ, которыя г. Меньшиковъ какъ бы выдавливаетъ изъ себя, мучительно тужась, а выдавивши—съ видимымъ огромнымъ наслажденіемъ подчеркиваетъ и повторяетъ неисчислимое количество разъ. Настоящій стиль ханжи.

Мы не будемъ вдаваться въ разборъ всей многотомной серіи трудовъ этого мыслителя. Это не входитъ въ наши задачи; а если бы и входило, то оказалось бы не подъ силу. Мы пытались просматривать его сборники. Прочтешь одну, двѣ, десятокъ страницъ—и отказываешся, въ полномъ изнеможеніи, отъ этого поистинѣ не легкаго труда! Очевидно, это чтеніе противно «заповѣдямъ Христа»... Руки опускаются, книжка вываливаетея изъ рукъ, въ головѣ онѣмѣніе, а на душѣ и злоба, и вмѣстѣ—ощущеніе какого то удручающаго безсилія. Поистинѣ ужасенъ этотъ мудрокроткій г. Меньшиковъ... Это какое то всепоглащающее ничто, какой то пунктъ интерфференціи, говоря языкомъ физики.

Извольте спорить съ такимъ господиномъ, извольте опровергать его. Да вѣдь въ немъ все есть, онъ все въ себя вмѣстилъ, все предусмотрѣлъ, все объялъ и все претворилъ въ собственную свою эссенцію. Въ 2-хъ «Письмахъ къ ближнимъ», трактующихъ объ убійцѣ ребенка Прозоровѣ и босякѣ Журловѣ, который ударилъ по лицу поручика Кублицкаго-Піоттуха, послѣ чего этотъ не-

счастный юноша покончилъ съ собой, изложены слѣдующія, опять «христіанскія», мысли:

«Босякъ объяснилъ прекрасно мотивъ преступленія: «Я голоденъ, а вы—сыты». Но вѣдь это формула гражданскаго междоусобія, мятежа. Что мятежъ поднятъ лишь въ одномъ лицѣ, что это случай спорадическій, это не мѣняетъ его природы.

«Мы живемъ въ такое время, когда народныя массы дѣлаются политическими—и у насъ, какъ во всемъ свѣтѣ. Вмѣстѣ съ положительными сторонами этого явленія—водвореніемъ идей гражданственныхъ—неизбѣжны отрицательныя»...

«Если мы воистину хотимъ быть гуманными, то нужно прежде всего пожалѣть жертвы злодѣйства»...

«Милость къ падшимъ»—чувство великое, но будемъ же немножко уважать это великое чувство. Обращенное на холодныхъ злодѣевъ, это прекрасное чувство изъ «милости» превращается въ «глупость», нравственная цѣна которой грошъ. Позвольте, развѣ Христосъ оказалъ милость къ другому, не покаявшемуся разбойнику? Онъ предоставилъ озлобленнаго негодяя его судьбѣ»...

«Я, согласно съ наукой, не вѣрю въ исправленіе закоренѣлыхъ злодѣевъ. Если бы нравственныя болѣзни лечились столь же успѣшно, сколько физическія, мы что-нибудь знали бы о чудесахъ этого рода. Христосъ исцѣлилъ множество хромыхъ, слѣпыхъ и т. п., но не исцѣлилъ ни одного фарисея и лицемѣра. Преступники случайные—о нихъ нѣтъ рѣчи, но типическіе злодѣи неисправимы, они должны быть совершенно отдѣлены отъ міра, какъ прокаженные. Но прежде всего и строже всего злодѣи должны быть изгнаны. Развѣ не въ этомъ состоитъ христіанская идея объ адѣ? Негодное, гнойное, мертвое должно быть отдѣлено отъ живого»...

«Я настаиваю на возможной строгости къ убійцамъ».

Можно-ли какъ нибудь иначе назвать эту чудесную аргументацію, какъ «прокурорскою»? Но въ данномъ случаѣ, прокуратура оказалась менѣе «христіанской», чѣмъ г. Меньшиковъ: она требовала для Журлова двухъ лѣтъ тюрьмы и добилась ихъ; а г. Меньшиковъ именно на это и негодуетъ и во имя Христа требуетъ, чтобы босяковъ «наказывали» построже... Да, поистинѣ цинически-безстрашны въ его устахъ слова о фарисеяхъ, «которыхъ даже Христосъ не въ силахъ былъ исцѣлить!»... «Положительныя стороны» въ томъ, что «массы становятся политическими», и христіанскія высоты, и полицейская предусмотрительность, и наука, и милость къ падшимъ, и «отдѣленіе отъ міра прокаженныхъ» — попробуйте-ка, читатель, вмѣстить все это? А г. Меньшиковъ вмѣстилъ въ одномъ, въ двухъ фельетонахъ, въ десяткѣ, другомъ—строкъ... И все это вмѣстѣ составляетъ его *мудрую кротость*.

О чемъ только ни размышлялъ г. Меньшиковъ и о чемъ только ни писалъ за долгіе годы своей мудрой и кроткой дѣятельности... У него есть трактаты «О любви», «О дружбѣ», «О писательствѣ»; есть томъ «Народные заступники» и другіе «нравственно-бытовые очерки», есть два тома «Критическихъ очерковъ», есть «Думы о счастьѣ» и, наконецъ, цѣлыхъ два года «Писемъ къ

ближнимъ», перепечатанныхъ въ видѣ ежемѣсячныхъ сборниковъ изъ фельетоновъ «Новаго Времени». Всюду, разумѣется, трактуются прежде всего моральные вопросы; вездѣ проповѣдуется прежде всего правда и «ясная» искренность и простота (есть даже особый трактатъ «Нужна ли правда?»). И, разумѣется, во всемъ этомъ именно правды-то и нѣтъ, какъ нѣтъ и простоты.

Возьмите хотя бы его первый этюдъ о М. Горькомъ, претенціозное заглавіе котораго мы уже приводили—«Красивый цинизмъ». Это одна изъ немногихъ статей г. Меньшикова, которую намъ удалось осилить до конца. Успѣхъ Горькаго, поучаетъ г. Меньшиковъ, объясняется прежде всего интересомъ толпы къ его личности, къ необычной его біографіи. Читатель падокъ на такія вещи. Доказательство—Гаршинъ (!): стоило молодому офицеру пролежать раненымъ четыре дня на полѣ сраженія и описать это, чтобы сразу стать знаменитымъ писателемъ... Это Гаршинъ-то, глубокій, чуткій художникъ, съ его мастерствомъ формы, съ его необычайно привлекательнымъ нравственнымъ обликомъ, прославился лишь благодаря сенсаціонному случаю! (Помимо лживости по существу, г. Меньшиковъ неправъ тутъ и фактически: Гаршинъ, какъ извѣстно, вовсе не свои впечатлѣнія описывалъ, а записалъ лишь разсказъ раненнаго товарища). Но что за печаль для господина Меньшикова?—Въ той же статьѣ марксистамъ, народникамъ и даже «Гражданину» навязывается такое отношеніе къ Горькому, какого они никогда не высказывали и не имѣли, но которое въ нихъ очень «понятно» для г. Меньшикова; а самого Горькаго почтенный критикъ заставляетъ видѣть «сверхчеловѣка»... въ томъ мерзавцѣ-унтерѣ, который соблазняетъ дѣвушку въ очеркѣ «Двадцать шесть и одна»!..

Въ одной изъ своихъ статей г. Меньшиковъ жалуется на горькую судьбу писателя: послѣдній-де обреченъ *проституировать* самыя дорогія свои мысли, самыя интимныя свои чувствованія. «Такъ замолчите же, о мудро-кроткій, и ищите иного занятія!»—хочется намъ сказать этому кающемуся и жаждущему правды. Но не тутъ-то было, конечно. Страница за страницей, томъ за томомъ продолжается «проституированіе», если не интимныхъ мыслей г. Меньшикова, то всего чистаго и честнаго, что только есть и было у человѣчества.

Порою, и весьма нерѣдко, г. Меньшиковъ съ обычнымъ важнымъ видомъ изрекаетъ просто глупости. Въ трактатѣ «О дружбѣ» онъ на протяженіи 4-хъ печатныхъ листовъ доказываетъ, что дружба очень хорошая вещь, особенно съ хорошимъ человѣкомъ, а еще особеннѣе—съ геніальнымъ человѣкомъ. «Вы скажете, что геніальные люди рѣдкость,—возражаетъ онъ самъ себѣ. Это невѣрно. Сколько геніевъ не проявляетъ себя по винѣ обстоятельствъ; живутъ въ глуши не узнанные, не признанные. Вотъ съ ними то и слѣдуетъ дружиться», и т. д. и т. д. На каждой страницѣ авторъ торжественно ломится въ отверзтыя двери, выжимаетъ изъ себя «мысль» за «мыслью» и курсивитъ, курсивитъ безъ конца. Въ трактатѣ «О любви», раздѣляющемуся на четыре главы: «О любовной страсти», «Суевѣрія и правда любви», «Любовь супружеская» и «Любовь святая», г. Меньшиковъ показываетъ... Но нѣтъ! именно этотъ трактатъ и вывалился у насъ изъ рукъ, какъ только мы принялись за его чтеніе, именно онъ и вызвалъ въ насъ описанное выше состояніе ума и сердца. Мы пощадимъ

читателя и умолчимъ о «любви» г. Меньшикова. Умолчимъ мы и объ остальныхъ трактатахъ. Вездѣ и всюду въ нихъ одно и тоже. Либо дешевые трюизмы и торжественное отверзаніе уже отверзтыхъ дверей, либо платоническое «странничество» и ясность кроткаго духа и даже «непротивленіе злу» *), а въ итогѣ мѣщанскій квіетизмъ и межеумство и всѣ прочія прелести, уже отмѣченныя нами по поводу его фельетоновъ о «гамакѣ» и о босякѣ Журловѣ. Мы уже достаточно истерзали читателя этими цитатами, чтобы избавить и читателя, и себя отъ дальнѣйшихъ цитатъ, отъ дальнѣйшихъ терзаній. Повторяемъ, онъ все въ себя вмѣстилъ: и народническій либерализмъ (его собственная характеристика «Недѣли»: «либерализмъ ея отличался гуманностью и широтой, какъ истинно народный либерализмъ»), и христіанство, и прокурорскіе апетиты, и и пошлѣйшій мѣщанскій квіэтизмъ, и Л. Толстого... Онъ изъ всего съумѣлъ изгнать живой духъ, во всемъ обтесалъ углы и крайности и всему придалъ характеръ «мудрой», мѣщанской *удобоисполнимости* и *приспособленности*. Онъ съумѣлъ «все потопить», какъ приказываетъ чорту пушкинскій Фаустъ,—все потопить въ своемъ моральномъ ничтожествѣ.

Всѣ его разсужденія неизмѣнно построены по такой схемѣ. Сначала *тезисъ* — рѣзкая до цинизма постановка вопроса и всѣмъ понятное его освѣщеніе; затѣмъ *антитезисъ* — столь же рѣзкія и вѣскія возраженія на это освѣщеніе вопроса; и, наконецъ, третій членъ, *синтезисъ*—полное, погашеніе обѣихъ крайностей, сведеніе ихъ къ нулю, т.-е. полное торжество собственной точки зрѣнія г. Меньшикова, «пунктъ интерференціи», пошлость.

Для успѣшнаго выполненія этой блистательной задачи ему понадобились, разумѣется, философическія средства. Эти средства у него чрезвычайно скудны, чрезвычайно однообразны. Немного спенсеріанства въ видѣ ссылокъ на органическую теорію общества и постоянныхъ метафоръ по части организма, съ которымъ отожествляется то народъ, то отдѣльная человѣческая личность, то душа человѣческая.... Эти метафорическія уподобленія органамъ и функціямъ организма пестрятъ страницы г. Меньшикова и представляются ему какой-то высшей инстанціей, неопровержимо доказывающей всѣ его идеи. Мы уже цитировали его опредѣленіе жизни, какъ «внутренняго приспособленія къ внѣшнимъ условіямъ». Онъ, ничто же сумняся, переноситъ это опредѣленіе изъ области біологіи въ мораль и, какъ мы видѣли, широко пользуется этой метафорой на практикѣ,—для личнаго употребленія. Въ одномъ мѣстѣ онъ глубокомысленно и съ полнымъ серьёзомъ изрекаетъ, что для мыслителя необходимо уединеніе, ибо «мышленіе есть процессъ столь же внутренній, какъ пищевареніе».... Въ дополненіе къ такому «спенсеріанству»—двѣ-три цитаты изъ Аристотеля, Лаодзэ, Сенеки, Шопенгауера, Л. Толстого—вотъ и вся философическая амуниція г. Меньшикова. Все прочее берется имъ отъ «нутра», чѣмъ и обусловлено качество этого прочаго. Основные элементы этого нутра, до тошноты вульгарное мышленіе,

*) О немъ прежде не разъ разглагольствовалъ г. Меньшиковъ; но представьте себѣ, что онъ съумѣлъ вмѣстить его даже въ томъ прокурорскомъ фельетонѣ, который мы недавно цитировали!

цинизмъ и—неисчерпаемый запасъ лицемѣрія. Лицемѣріе у него какое-то специфическое. Это не наивное, грубое притворство Тартюфа, имѣющее своею цѣлью прежде всего стяжаніе или удовлетвореніе вожделѣющей плоти; это не сознательное и въ тоже время время безудержно-стихійное, злостное и безпокойное лицемѣріе Іудушки Головлева. Въ лицемѣріи г. Меньшикова именно отсутствуютъ и злостность, и сознательность, и безпокойство, не по видимости только, а по существу, дѣйствительно отсутствуютъ. Это какое-то безсознательное лицемѣріе, лицемѣріе въ чистомъ видѣ, не прикрывающее отъ постороннихъ взоровъ что-нибудь не благоуханное, а существующее an und für sich и имѣющее своимъ источникомъ какую-то моральную анемію, какое-то прирожденное растлѣніе сердца. Это, разумѣется, не дѣлаетъ его болѣе привлекательнымъ,—напротивъ. Вотъ въ чемъ секретъ его полнѣйшаго спокойствія, его вѣры въ себя, его неизрѣченнаго самодовольства, сквозящаго въ каждой фразѣ, въ каждомъ курсивѣ, даже въ мѣстахъ исполненныхъ самоотрицанія и покаянія, и, пожалуй, даже особенно въ этихъ мѣстахъ: отрицается культура наша, культурные люди вообще, кается и самоотрицается лишь «книжный человѣкъ», а «мудро-кроткій» искатель правды, разумѣется, остается—къ вящшему его и читателя удовольствію...

Художественной авто-портретъ г. Меньшикова, съ котораго мы начали нашу замѣтку есть не только вѣрное, но и символически глубокое изображеніе подлинника. Представьте себѣ такую картину. Два древа, вросшія въ землю. Одно изъ нихъ есть древо цинизма, другое—лицемѣрія. Къ нимъ маленькій, «кроткій» человѣкъ крѣпко-накрѣпко привязалъ свой гамакъ и возлежитъ на немъ. А гамакъ этотъ сплетенъ изъ особенныхъ веревокъ: одна выдернута изъ Евангелья, а другая изъ Толстого, третья изъ «широкаго, народнаго либерализма» «Недѣли», четвертая изъ Спенсера и. т. д. Все вмѣстѣ—необычайно комфортабельный, хорошо «приспособленный» къ внѣшнимъ условіямъ пріютъ отдохновенія. И вотъ, мудро-кроткій человѣчекъ отдыхаетъ въ своемъ гамакѣ. «Какъ хорошо, какъ хорошо, только бы не сглазить себя!» Мимо него идутъ всѣ ужасы бытія, словно шествіе королей, вызванныхъ вѣдьмами въ «Макбетѣ»: «мальчики съ наковальнями на головѣ», убійцы «копающіеся пальцами въ мозгахъ ребенка», македонцы, избиваемые турками, кишиневскіе евреи, избиваемые христіанами... А «кротко—мудрый» на все это глядитъ, все это видитъ, все это записываетъ въ свои замѣтки, заключаетъ въ кавычки, отмѣчаетъ курсивомъ—и не шелохнется въ своемъ гамакѣ, даже не подниметъ головы, не измѣнитъ ни однимъ движеніемъ удобной своей позы. Чудный гамакъ, великолѣпное успокоеніе, драгоцѣнная философія! О да! въ ней безусловно «что то» и даже многое есть для многихъ дамъ и кавалеровъ...

Простите читатель, намъ необходима еще цитата. Мы выпустили одно мѣсто изъ фельетона-автопортрета и вотъ приходится опять возвращаться къ нему: мы наказаны, за наше продерзостное отношеніе къ такому шедевру искусства. Вы помните, какой переворотъ произвело въ міросозерцаніи Вольтера извѣстіе о лиссабонскомъ землетрясеніи? У него, бѣдняги, не имѣлось гамака г. Меньшикова! Послѣдній, т.-е. не гамакъ, а г. Меньшиковъ, хотя тутъ разницы мало, слѣдующимъ образомъ реагируетъ на аналогичныя впечатлѣнія:

«Въ рыбацкой деревушкѣ, что прячется между дюнами, недавно былъ такой случай. Выѣхали въ море 28 рыбаковъ, заревѣла буря, и всѣ погибли. Старикъ, отецъ одного парня, оставшійся дома, вышелъ на берегъ посмотрѣть на море. Шквалomъ сорвало опрокинутую лодку на берегу и убило старика. Всю весну вылавливали трупы. На-дняхъ послѣдній трупъ прибило къ берегу; остался одинъ скелетъ, одѣтый въ рыбацкое платье. Тѣло оказалось съѣденнымъ. Таково это тихое, какъ шелковый шлейфъ, шелестящееся сейчасъ у берега море. Такова эта молодая природа, сіяющая «красою вѣчной».

«Припоминаю такой случай. Деревенскія дѣвочки пасли въ полѣ гусей. Нашла гроза. Онѣ прижались другъ къ другу, всѣ семеро. Ударило молніей и всѣхъ убило. За что?

«Молодой офицеръ хотѣлъ соскочить изъ вагона, когда поѣздъ тронулся. Дверью прищемило его пальто и его начало втягивать подъ колеса. Тщетно товарищи пытались высвободить несчастнаго: черезъ минуту, когда поѣздъ остановили, это была груда костей и мяса въ окровавленномъ тряпьѣ. За что?

«Гибнутъ лучшія жизни, поколѣнія, народы, цѣлые міры. Идетъ безпрерывное, вѣчное крушеніе».

Вотъ вамъ первая часть схемы—тезисъ, *цинизмъ*; за нимъ слѣдуетъ антитезисъ, *лицемѣріе*:

«Однако, въ хаосѣ его чувствуется Кто-то торжествующій, создающій безъ конца и мѣры. Вооруживъ атомъ упругостью, а тѣло живое обсерваторіей чувствъ, предостерегающихъ и ведущихъ, не выразила ли природа своего состраданія къ бытію? Живите,—говоритъ она,—будьте блаженны, остерегайтесь гибели»!

Наконецъ, третья часть—пунктъ интерференціи, мудрость и кротость:

«Но если вы безсильны, безчувственны, неразумны, если не умѣете сохранить себя—идите въ ломъ, матеріалъ для новой постройки».

Македонянъ рѣжутъ турки. Г. Меньшиковъ задаетъ вопросомъ: «Отчего мы холодны», отчего не возмущаютъ насъ эти ужасы, не побуждаютъ къ активному вмѣшательству? О! очень просто: Россія теперь занята Японіей и Финляндіей, ей не до какихъ-то братушекъ, которые притомъ дерзаютъ безпокоить ее своими нуждами въ столь неудобный моментъ; намъ «неудобно» волноваться изъ-за македонцевъ, вотъ почему мы и холодны, и при этомъ совершенно довольны—и собой, и своимъ «гамакомъ». Разыгрывается чудовищный кишиневскій погромъ. Знаете, что пишетъ по этому случаю г. Меньшиковъ?—Статью «О Шейлокѣ и Джессикѣ». Навязавъ Шекспиру, у котораго Шейлокъ трактованъ съ геніальной справедливостью, свое или нововременское юдофобство, г. Меньшиковъ доказываетъ, что евреямъ надо послѣдовать примѣру Джессики: бѣжать изъ дома отца, бросить свои преданія и креститься, чтобы пріобщиться къ новой, христіанской культурѣ, какъ сдѣлала будтобы Джессика, выйдя замужъ за шелопая-венеціанца. Вотъ вамъ и исходъ. И опять мы спокойны, довольны, исходъ найденъ, можно не шелыхаться въ нашемъ гамакѣ... Мы уже видѣли, какое успокоеніе «христіанскаго» характера нашелъ для себя г. Мень-

шиковъ, обезпокоенный босячествомъ Журлова и «неисправимою преступностью» Прозорова: тутъ, правда, гамакъ потребовалъ нѣкоторой заплаты отъ участка, но вѣдь въ результатѣ—заплата есть и гамакъ цѣлъ, и г. Меньшиковъ не измѣнилъ своей позы. Чего же вамъ еще нужно?

И такъ вездѣ, всегда и во всемъ, съ отзывчивостью истиннаго поэта:

„Реветъ ли звѣрь, въ лѣсу глухомъ
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ-ли дѣва за холмомъ—
На всякій звукъ"

Онъ откликъ въ гамакѣ своемъ «родитъ»...

Кому же нуженъ г. Меньшиковъ съ гамакомъ его мудрой кротости? Кому нуженъ и тотъ органъ, гдѣ онъ расположился теперь со своимъ гамакомъ? Всѣмъ, кому страшна мысль и честное, нелицепріятное заглядыванье въ глаза современной дѣйствительности. Всѣмъ, кто желаетъ освободиться отъ безпокойства, которое порождаетъ такая мысль и такое отношеніе къ дѣйствительности. Г. Меньшиковъ сидитъ въ своемъ гамакѣ и взываетъ къ нимъ: «пріидите ко мнѣ всѣ боящіяся безпокойства и обремененія, и азъ упокою вы».

Перекочевавъ по смерти «Недѣли» въ «Новое Время», г. Меньшиковъ сразу «приспособился» къ тону и идеямъ новой своей обстановки. Мы отмѣчали только что его юдофобство. Въ «Недѣлѣ» онъ, помнится, этой «веревки» своего гамака еще не обнаруживалъ. Это новая веревка—выдернутая изъ философіи гг. Суворинныхъ и Буренинныхъ. Послѣднія «Письма къ ближнимъ» уже трактуютъ не однѣ моральныя темы. Съ прежнею серьезностью, съ прежнею развязностью и прежними метафорами г. Меньшиковъ разсуждаетъ въ успокоительномъ тонѣ о нашихъ финансахъ, «о хлѣбѣ, какъ силѣ», «объ оскудѣніи центра»; появляются у него трактаты и «о бюрократіи», гдѣ на вопросъ, «нужна-ли бюрократія?», отвѣтъ слѣдуетъ такой: да нужна, но непремѣнно хорошая и «*непремѣнно дорогая*» (!). По поводу назначенія г. Витте предсѣдателемъ комитета министровъ пишется «Письмо къ ближнимъ», которому, по примѣру средневѣковыхъ посвященій, дается символическое заглавіе «Большое плаваніе». Въ «письмѣ» о курортѣ на лифляндскомъ берегу «ближніе» получаютъ совѣтъ спѣшить съ обрусѣніемъ этого края, на который устремлены завистливые взоры тевтоновъ: «это дѣло не терпитъ, надо съ этимъ спѣшить». Этихъ «веревокъ» мы въ «Недѣлѣ» тоже не припоминаемъ.....

«Недѣля» была скучно-благомыслящій органъ, занявшій серединную позицію между двумя крайними флангами народническаго теченія—«Отечественными Записками», съ одной стороны, и лагеремъ Достоевскаго и Толстого—съ другой.

Каждая историческая эпоха, въ извѣстномъ отношеніи, напоминаетъ заводъ съ химическимъ производствомъ: въ производствѣ соціальной жизни, въ гигантской лабораторіи историческаго процесса дѣло такъ же не обходится безъ *отбросовъ*, какъ и въ любомъ производствѣ. Лабораторія 60-хъ и 70-хъ годовъ на ряду со своими продуктами высочайшей пробы, на ряду съ чистѣйшей воды кристаллами, каковыми являлись Л. Толстой, съ одной стороны, и Щедрины и

Успенскіе—съ другой, выдѣляла и свои отбросы въ видѣ мутной струи «Недѣли». Все вялое сердцемъ, все слабое духомъ, все межеумочное находило себѣ пріютъ въ этомъ органѣ. «Недѣля»—это была отводная труба для историческихъ отбросовъ эпохи. Даже фактически, не только по общественному содержанію своихъ аспираціи и думъ, а біографически, такъ сказать, это все были именно «отбросы», люди, побывавшіе въ иныхъ мѣстахъ, пробовавшіе пристать къ инымъ теченіямъ, которыя оказались имъ не по плечу. Отсюда—ихъ межепартійное, эклектически-сборное направленіе, все *до извѣстной степени* въ себя вмѣщавшее, все примирявшее, лавировавшее между Сциллой и Харибдой обѣихъ крайностей и спасавшееся отъ благородной послѣдовательности честной и широкой мысли въ лоно половинчатости, недоговоренности, межеумочности, конкретныхъ малыхъ дѣлъ и тусклаго практицизма.

Все въ Недѣлѣ было крайне межеумочно, тускло, не разъ вызывала она на свою голову ироническіе громы Н. К. Михайловскаго, Шелгунова и др. Но при всемъ томъ это былъ органъ по своему честный, по крайнему разумѣнію осуществлявшій свое призваніе. Я думаю даже, что одно время, въ эпоху наибольшаго своего успѣха, въ серединѣ 80-хъ годовъ, «Недѣля» сыграла даже очень значительную и положительную роль. Надо вспомнить эти годы унынія и полнаго разочарованія въ недавнихъ надеждахъ, чтобы оцѣнить значеніе проповѣди «малыхъ дѣлъ и отрадныхъ явленій», которую вела «Недѣля» особенно въ средѣ деревенской интеллигенціи, учителей, врачей. Именно такой читатель и поддерживалъ «Недѣлю». Именно такому читателю особенно нужно было въ ту эпоху признаніе важности его сѣрой работы, его маленькаго, будничнаго подвига. Публицистика болѣе крайнихъ направленій нетерпимо относилась къ этимъ будничнымъ дѣламъ. Она, конечно, была права въ своихъ цѣляхъ, но что она могла дать въ тѣ годы деревенскому интеллигенту?—Одно отрицаніе, одно отчаяніе. «Недѣля» съ грѣхомъ пополамъ отстаивала его роль въ жизни, единственную роль, которую предоставляли ему условія дѣйствительности. И въ этомъ и положительное значеніе «Недѣли» для того времени, и причина ея успѣха. Жизнь сложная вещь: пригодились и «отбросы»... Но къ серединѣ 90-хъ годовъ положеніе вещей начало измѣняться. Отрицаніемъ культурной работы уже никто не занимался, и въ то же время все большее и большее число поборниковъ конкретныхъ «малыхъ дѣлъ» задумывалось надъ вопросами болѣе общими, болѣе крупными. «Недѣля» должна была умереть, даже не случись никакихъ фактическихъ смертей, какъ П. Гайдебурова, главнаго ея вдохновителя въ теченіе чуть ли не 30 лѣтъ ея существованія. Эпоха разочарованія, создавшая толстовство, съ одной стороны, «героизмъ отчаянія» поэта Рамшева—съ другой, съ преуспѣвающей «Недѣлей» въ серединѣ между ними, эта эпоха окончательно ликвидировала свои дѣла. Наступило новое, творческое время.

Огромное безпокойство охватило всю мыслящую Россію; ряды мыслящихъ русскихъ людей пополнялись съ каждымъ годомъ новыми элементами; народился совершенно новый читатель, требующій не ободренія и оправданія своихъ малыхъ дѣлъ, а лишь свѣта знанія да руководящихъ указаній для

того, чтобы выйти изъ овладѣвшаго имъ безпокойства... Эта новая полоса, все расширяясь, продолжается и до нашихъ дней. «Недѣлѣ», съ ея мудростью кроткихъ «отбросовъ», съ ея философами, проповѣдывавшими эту мудрость, нечего стало дѣлать. Это промежуточное направленіе, пригодившееся въ переходный моментъ, когда волна жизни, отхлынувъ назадъ, обнаружила плоскую песчаную мель, изжило свой короткій вѣкъ, и, не умри редакція, все равно умерло бы направленіе, оставшись безъ аудиторіи, безъ почвы подъ ногами. «Недѣля» должна была волею рока превратиться въ «Новое Время». Въ ней было слишкомъ много элементовъ «кротости», чтобы поступить иначе. Лабораторія общественной жизни работаетъ теперь интенсивнѣе, чѣмъ 40, 30 лѣтъ тому назадъ, все уже лучше дифференцируется, и отбросы пріобрѣли болѣе густой и острый вкусъ и запахъ. Широкій либерализмъ «Недѣли»—«народный либерализмъ», какъ его окрестилъ г. Меньшиковъ, вѣдь эту кличку съ радостью признаетъ своею г. Суворинъ. «Новое Время»—это именно народный либерализмъ, все вмѣщающій въ свои столбцы. Либерализмъ истинный только одинъ—общечеловѣческій, европейскій. Народный либерализмъ—фальсификація болѣе или менѣе злокачественнаго свойства. Эволюція г. Меньшикова есть такимъ образомъ историческая эволюція этого направленія «широкаго народнаго либерализма».

Да поглотитъ же окончательно «мудро-кроткаго» г. Меньшикова новая компанія его пріютившая, да завершитъ онъ свое «внутреннее приспособленіе» окончательной ассимиляціей съ гг. Бурениными и Суворинымъ, а русская интеллигенція да забудетъ, окончательно и безповоротно, о мудрости кроткой «Недѣли».

Заговорить о г. Меньшиковѣ насъ побудило одно изъ его «Писемъ къ ближнимъ», въ которомъ онъ поминаетъ недавно умершаго беллетриста П. Е. Накрохина. Поминаетъ его г. Меньшиковъ въ обычномъ своемъ родѣ. Но тутъ, надъ свѣжей могилой человѣка, дѣйствительно чистаго и почтеннаго, этотъ лживый родъ особенно оскорбителенъ.

Накрохинъ долго работалъ въ «Недѣлѣ» рядомъ съ г. Меньшиковымъ. Могъ ли онъ поэтому не оказаться явленіемъ совершенно исключительнымъ среди нашихъ писателей? «Что народъ нашъ богатъ чернью — замѣтить было не трудно. Но что онъ постоянно выдѣляетъ изъ себя среди той же черни типы мягкіе, ласковые, великодушные» — «истинную аристократію, органическую, рождаемую самимъ народомъ»,—«это могли подмѣтить только писатели вотъ такого склада, какъ Накрохинъ»... Господинъ Меньшиковъ увлекается своимъ похвальнымъ словомъ даже до самозабвенія, до самоуничиженія:

«Работая съ нимъ долгіе годы, я всегда чувствовалъ его превосходство. Всѣ мы, думалось,—обыкновенные люди, а вотъ въ той темной комнатѣ сидитъ существо необыкновенное, какъ картина великаго художника въ буржуазной гостинной. Все, что мы пишемъ и читаемъ, можетъ быть, не болѣе какъ вздоръ, о которомъ завтра никто не вспомнитъ, а вотъ эта красота

души вѣчна, и маленькіе разсказы, собравшіе въ себѣ немножко сіянія этой души, останутся навсегда»...

«Онъ всякую мысль умѣлъ поддержать сочувствіемъ, дать воздуха подъ ея крылья. Спорить съ нимъ, а онъ имѣлъ свои мнѣнія, доставляло счастье. Изъ самого ожесточеннаго спора съ нимъ бывало выходишь, какъ изъ ванны, освѣженный и любящій».

«Я называю Накрохина однимъ изъ немногихъ аристократовъ, какихъ встрѣчалъ въ жизни, хотя онъ»—(можете себѣ представить читатель?) «былъ сынъ купца, отставной учитель, не больше. Но какъ золото рождается среди самыхъ темныхъ пластовъ—онъ былъ человѣкъ высокой породы, и это сразу было очевидно».

Все это ничего. Привирать и преувеличивать въ похвальныхъ словахъ, и особенно въ похвальныхъ словахъ умершимъ, у насъ принято. Если кому нибудь почувствуется въ этихъ преувеличеніяхъ нѣкоторое неуваженіе къ самому умершему, какъ бы боязнь, что искренняя и правдивая его оцѣнка окажется черезчуръ мизерной, то все же большого грѣха тутъ нѣтъ, да и очень ужъ обычный это грѣхъ... Но зачѣмъ вотъ понадобилось устроить изъ покойнаго Накрохина какое-то орудіе для полемики съ ненавистными г. Меньшикову «партіями»—это было бы непонятно, если бы впрочемъ не исходило изъ кроткихъ устъ мудро-кроткаго философа. Вчитайтесь въ эти злобныя, какимъ то ущемленнымъ самолюбіемъ отзывающія строки:

«Въ то время какъ другіе господа писатели, особенно самоновѣйшаго, хулиганскаго покроя, прутъ въ толпѣ съ гиканьемъ и свистомъ, не гонялись за тычкомъ и раздавая затрещины,—Накрохинъ, какъ истинный аристократъ, сторонился толпы. Онъ безотчетно, какъ бы боясь запачкаться, пробирался себѣ сторонкой. При его положеніи въ редакціи, при его талантѣ ему ничего бы не стоило выдвинуться, «прогремѣть», но для этого нужно было многое, на что Накрохинъ былъ неспособенъ. Чтобы сдѣлать себѣ «карьеру» въ печати, нынче нужно окунуться съ головою въ лужу журнализма, примкнуть къ крайней партіи, записаться въ «союзы», бывать на митингахъ нашихъ и обѣдахъ, ухаживать за либеральными дамами и «вождями». Все это скучно и глупо, и Накрохинъ былъ слишкомъ порядоченъ для всего этого. Исключительно по этой причинѣ, единственно по этой онъ не пріобрѣлъ всероссійской извѣстности такихъ геніевъ, какъ гг. Леонидъ Андреевъ, Чириковъ, Вересаевъ и т. п Сказать правду, и вся «Недѣля» этимъ же проигрывала. Она была слишкомъ литературна, она никакъ не могла (и не хотѣла) примкнуть къ чисто-политическому лагерю, къ партійной жизни, гдѣ столько лжи и грязи. Это былъ органъ народническій. Либерализмъ его отличался гуманностью и широтою, какъ истинно народный либерализмъ. Согласитесь, что на рынкѣ такой журналъ долженъ былъ казаться старомоднымъ и шумнаго успѣха имѣть не могъ. Мы были (и до сихъ поръ остаемся) вѣрными началамъ цивилизаціи, гуманности, культуры, добра, мы стояли за человѣческое достоинство, за права простого народа, какъ права самой націи. Но, какъ и многимъ старымъ либераламъ, намъ казалось, что хорошія цѣли требуютъ хорошихъ средствъ,

и радикалы не могли намъ простить этого. Мы, сотрудники «Недѣли», отвергали грубое насиліе, мы не клеветали на врага, не лебезили передъ молодежью, не скрывали правды—и этимъ не подошли къ толпѣ».

Вы понимаете читатель? Дифирамбы аристократизму покойника превратились незамѣтно въ дифирамбы аристократизму «Недѣли» и самого г. Меньшикова. Онъ вѣдь тоже не бываетъ на «нашихъ» «союзныхъ митингахъ и обѣдахъ», не ухаживаетъ за «либеральными дамами». За союзы, митинги и обѣды я вполнѣ ручаюсь: онъ тамъ не бываетъ. Это онъ изъ какой-то не совсѣмъ понятной иронiи называетъ ихъ «нашими». Онъ тоже «исключительно по этой причинѣ, единственно по этой», не пріобрѣлъ всероссійской извѣстности. Извѣстность дается толпой, а г. Меньшиковъ тоже «всегда инстинктивно «сторонился толпы». «Исключительно по этой причинѣ», «единственно по этой» онъ и перебрался со своимъ «гамакомъ» въ такой органъ «аристократовъ духа», какъ «Новое Время».

Г. Меньшиковъ не упоминаетъ, къ сожалѣнію, что и самъ онъ, и его новые друзья, «аристократы» «Новаго Времени», не разъ заманивали въ свой органъ покойнаго Накрохина. Но, увы, всѣ попытки ихъ остались тщетными по той простой причинѣ, что покойникъ былъ дѣйствительно честный писатель и опрятный человѣкъ. Онъ предпочелъ жить въ нуждѣ, въ невозможной для его тяжелой болѣзни обстановкѣ и умереть почти нищимъ. Г. Меньшиковъ отдѣлывается отъ этого факта съ обычною легкостью. Самъ онъ и изъ «Недѣли» ушелъ не бѣднякомъ, а теперь если и ощущаетъ въ чемъ недостатокъ, то отнюдь не въ средствахъ къ существованію. Кстати: увлекшись дифирамбами и покойнику, и «Недѣлѣ», онъ противополагаетъ въ томъ же «Письмѣ къ ближнимъ» «пуритански-строгую» редакцію «Недѣли» какимъ-то инымъ редакціямъ, представляющимъ, по его словамъ, «не болѣе, какъ antichambre къ загородному кабаку или тотализатору». Кого онъ тутъ имѣетъ въ виду, въ чей огородъ бросаетъ камень? Ужъ не намекъ ли это на новыхъ друзей, «аристократовъ духа»?.. Судьба Накрохина подсказываетъ ему слѣдующее философическое мѣсто: «Поступилъ этотъ золотой работникъ что-то на жалованье въ сорокъ рублей и много лѣтъ сидѣлъ на 50, на 75. Это платятъ писарю, а Накрохинъ былъ прирожденный художникъ... Какъ это быть фактическимъ редакторомъ въ старомъ и богатомъ журналѣ и не имѣть права на здоровый, хотя бы мужицкій обѣдъ? Это одна изъ тайнъ нашего чуднаго времени». Тайна, содержащая весьма мало таинственнаго: г. Гайдебуровъ эксплуатировалъ скромнаго Накрохина — только и всего. Это, разумѣется, не помѣшало г. Меньшикову воспѣть его редакторскіе подвиги въ некрологѣ, помѣщенномъ въ «Недѣлѣ» въ 1900 году. Когда вѣсть о болѣзни и нуждѣ Накрохина дошла до литературнаго фонда, т.-е. до одного изъ «союзовъ», отъ которыхъ будто бы сторонился Накрохинъ, фондъ поспѣшилъ помочь ему денежно и прислалъ своего врача. Послѣдній засталъ больного въ такой убогой обстановкѣ, что немедленно распорядился перевезти его въ больницу Николая Чудотворца, гдѣ П. Е. черезъ два дня и умеръ. А г. Меньшиковъ, такъ любившій покойнаго, такъ цѣнившій это «необыкновенное, какъ

картина великаго художника, существо», только и сдѣлалъ, что пролилъ чернильную слезу въ фельетонѣ, да порадовался, что «рядомъ съ гробомъ Накрохина въ церкви стояли два чьи-то дѣтскіе крохотные гробика—розовый и бѣлый»: «до чего это вышло трогательно и сказать нельзя!..»

Накрохинъ, конечно, вовсе не былъ «исключительнымъ явленіемъ», какъ беллетристъ. Похвалы Меньшикова—преувеличенныя похвалы, даже лживыя. Никакой «истинной аристократіи, органической, созданной самимъ народомъ», онъ не изобразилъ, да, вѣроятно, и далекъ былъ отъ столь возвышенныхъ замысловъ. Но что онъ былъ искренній и подлинный художникъ, хотя и далеко не перворазрядный — это несомнѣнно. Тихою грустью и какимъ-то робкимъ, застѣнчивымъ юморомъ проникнуты всѣ разсказы его небольшого сборника. Милыя, кроткія, жалкія, сѣренькія фигуры слѣдуютъ одна за другой, очерченныя не совсѣмъ ярко, не совсѣмъ твердыми контурами, но съ неизмѣнною любовностью и правдивостью, съ истиннымъ психологическимъ чутьемъ, съ то и дѣло мелькающими черточками истинно-художественной наблюдательности. И все это изображено такими мягкими и нѣжными штрихами, что такъ и кажется, будто у автора въ рукахъ было не стальное перо, а непремѣнно гусиное. Манера Накрохина въ этомъ отношеніи напоминаетъ Крестовскую-Хвощинскую. Главный недостатокъ его — это нѣсколько искусственная интрига, небольшая доза неудачной «выдумки». Повѣсти его носятъ несомнѣнный характеръ записей съ натуры. Но почему-то онъ считалъ нужнымъ связывать отдѣльныя картины извѣстной фабулой, а послѣдняя выходила у него часто наивной и именно искусственной. Таковы эпизоды съ веревкой отъ повѣсѣвшагося въ очеркѣ «Талисманъ», или встрѣча съ невѣстой и смерть бухгалтера, героя въ очеркѣ «Толпа-именинница», или романическій эпизодъ съ босякомъ въ «Стихіи». Эта «выдумка», за отсутствіе которой Тургеневъ корилъ Гаршина, представляется намъ совершенно лишней для писателей, не обладающихъ готовымъ синтезомъ жизни, не имѣющихъ законченнаго міросозерцанія, а ищущихъ его и въ поискахъ за нимъ вглядывающихся въ дѣйствительность. Таковы были Гаршинъ, Успенскій. Къ этому же типу принадлежалъ и Накрохинъ. Этому типу свойственно болѣть не только переживаемыми впечатлѣніями, но и невозможностью умѣстить ихъ въ сколько-нибудь стройный жизненный итогъ. Отсюда—постоянныя попытки высказаться не только въ художественныхъ образахъ, которые должны быть выношены, вырощены въ душѣ писателя, а тутъ же, сейчасъ же—въ видѣ прямого разсужденія на тему о жизни, публицистически. Есть это у Гаршина (въ разговорахъ его героевъ), полонъ этимъ Успенскій; не мало такихъ мѣстъ и у Накрохина. Но здѣсь сказалось все печальное вліяніе «Недѣли», съ ея философами и публицистами, въ родѣ г. Меньшикова и П. А. Гайдебурова. Накрохинъ и здѣсь вполнѣ искренень и симпатиченъ, но какое-то жалкое, робкое, боящееся полета и широты мысли міросозерцаніе проглядываетъ у него въ этихъ мѣстахъ. А впрочемъ, можетъ быть, именно тутъ ходилъ особенно усердно редакторскій карандашъ г. Гайдебурова; недаромъ г. Меньшиковъ въ некрологѣ о немъ прославляетъ его редактор-

скія «исправленія» беллетристическихъ вещей, попадавшихъ въ «Недѣлю»... Но, какъ бы то ни было, всякій съ истиннымъ удовольствіемъ прочтетъ такія очерки, какъ «Странникъ», «Воръ», «Стихія», «Греза», «Чиновникъ», «Входящій и исходящій». Два послѣдніе содержатъ въ себѣ не мало и довольно злого юмора. Особенно первый: этотъ совѣтникъ губернскаго правленія, Евлампій Родіоновичъ Андрусъ, проектирующій новый предметъ въ гимназіяхъ «жизневѣдѣніе» (опрятность, бережливость, повиновеніе родителямъ и начальникамъ—въ младшихъ классахъ; роды дѣятельности человѣка—въ среднихъ и философія брака—въ старшихъ) и воспитывающій бѣдную родственницу—дѣвочку, дабы впослѣдствіи сдѣлать ее своею женою, пожалуй, предвосхищаетъ, частью по крайней мѣрѣ, чеховскаго «человѣка въ футлярѣ»; онъ не дошелъ до того состоянія машины-шпіона, какую представляетъ собою чеховскій герой, но его «жизневѣдѣніе» включаетъ въ себя и ложные доносы и всякія каверзы. Онъ только не такъ систематиченъ, какъ «человѣкъ въ футлярѣ», и потому терпитъ всестороннее фіаско. Въ очеркѣ «Входящій и исходящій» Накрохинъ точно символически предрекаетъ и собственную свою злосчастную долю, и блестящую будущность г. Меньшикова, «вошедшаго» въ «Новое Время»...

Послѣ разговора о г. Меньшиковѣ какъ-то пріятно было вспомнить и сказать эти нѣсколько словъ о покойномъ Накрохинѣ. Точно очищеніе какое-то совершилось, точно омылась душа послѣ долгаго пребыванія въ сферѣ «восторговъ и молитвъ» мудро-кроткаго философа... Накрохинъ, можетъ статься, не былъ мудръ, зато былъ дѣйствительно кроткій, слишкомъ кроткій человѣкъ и кристально чистый, правдивый писатель.

М. Невѣдомскій

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Декабрь. 1903 г.

Содержаніе:—Публицистика.—Исторія русская.—Соціологія и политическая экономія.—Философія.—Естествознаніе.—Медицина и гигіена.—Народныя изданія.—Содержаніе библіографическаго отдѣла за 1903 г.—Новыя книги поступившія для отзыва въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Ив. Озеровъ. „Америка идетъ на Европу“. *Andrew Karnegie.* „Kaufmanns Herrschgewalt“.

Проф. Ив. Озеровъ. Америка идетъ на Европу. 2 публичныя лекціи, читанныя въ историч. музеѣ въ Москвѣ въ 1903 г. Спб. 1903 г. Стр. 93 Ц. 50 к. Для русскихъ ученыхъ и публицистовъ нѣтъ болѣе благодарной задачи, какъ постоянно напоминать объ успѣхахъ передовыхъ странъ Запада, объ нашей отсталости и о необходимости для насъ учиться, догонять и подражать, отбросивъ ложное самолюбіе и ложный консерватизмъ. Поразительные факты, приводимые въ брошюрѣ проф. Озерова относительно невиданной раньше быстроты развитія производительныхъ силъ Америки, относительно неистощимой энергіи американцевъ, ихъ вѣры въ просвѣщеніе, ихъ свободы отъ предразсудковъ, способны пристыдить даже самоувѣренныхъ англичанъ и нѣмцевъ и, подстегнувъ ихъ національное самолюбіе, заставить ихъ еще удвоить свою энергію и работоспособность. Тѣмъ нужнѣе подобныя напоминанія у насъ въ Россіи, гдѣ всѣ и каждый жалуются на общую вялость, распущенность и невѣжество.

Но именно потому, что русскимъ людямъ придется много и долго учиться у американцевъ, совершенно нежелательнымъ является тотъ тонъ, въ которомъ написаны лекціи проф. Озерова объ американской опасности. Намъ приходилось уже говорить по поводу другой брошюры проф. Озерова («Итоги экономическаго развитія XIX-го вѣка» см. «Міръ Божій», 1902, № 12) о его суевѣрномъ страхѣ передъ стихійной силой экономическаго прогресса и въ особенности передъ прогрессомъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ новыхъ двухъ лекціяхъ проф. Озерова еще опредѣленнѣе и рѣзче проводится мысль, что успѣхи Соединенныхъ Штатовъ—несчастье для Европы. Этотъ страхъ передъ чужими достоинствами, эта злоба на чужое счастье нигдѣ не могутъ быть такъ неумѣстны и такъ вредны, какъ именно въ Россіи. Вся исторія русской культуры есть исторія ученичества, исторія переработки западнаго просвѣщенія, и въ будущемъ надолго еще суждено намъ оставаться учениками того же Запада. Но первое условіе успѣшнаго ученія—отсутствіе страха передъ учителемъ. Нельзя учиться изъ-подъ палки. Нельзя учиться съ чувствомъ злобы и зависти къ учителю. Чтобы догнать американцевъ, русскимъ людямъ нужна бодрость и вѣра въ себя и въ свои силы. Имъ нужно подавить въ себѣ горькія завистливыя мысли о чужихъ преимуществахъ, которыя имъ недоступны. Имъ нужно вспомнить про свои собственныя преимущества, которыя недоступны

другимъ: у всѣхъ учениковъ есть преимущества передъ учителями. Вѣчное нытье про нашу горькую долю только еще сильнѣе угнетаетъ русскаго обывателя, и безъ того забитаго и замученнаго всякими страхами...

Проф. Озеровъ изображаетъ нашихъ американскихъ учителей страшными и безпощадными. Тогда ужъ логичнѣе всего было бы отгородиться отъ нихъ китайскою стѣною, а не бороться съ ними ихъ собственными средствами, какъ этого требуетъ проф. Озеровъ. Должно быть, китайскіе педагоги въ китайскихъ школахъ изображаютъ европейскую культуру именно такою же страшною и опасною, какою проф. Озеровъ изображаетъ американскую культуру. «Подъ вліяніемъ конкуренціи, пророчитъ проф. Озеровъ,—крупная собственность въ Европѣ будетъ обращаться въ мелкую, уровень жизни будетъ понижаться, будутъ распространяться голодовки, такъ какъ люди не будутъ имѣть средствъ, чтобы бороться съ истощеніемъ почвы... Сельскохозяйственные рабочіе, тщетно ища мѣста, бандами будутъ ходить по Европѣ. Промышленная кункуренція новыхъ странъ понизитъ заработную плату рабочихъ, и усилится иммиграція хорошихъ рабочихъ изъ Европы въ Америку, Австралію, что и теперь имѣетъ мѣсто, но въ малыхъ размѣрахъ... Среди недовольныхъ рабочихъ начнутся волненія, и капиталъ въ поискахъ лучшаго обезпеченія поплыветъ за океанъ еще болѣе усиливая конкурентовъ. Европа будетъ медленно умирать въ агоніи... За обѣднѣніемъ капиталами она будетъ продавать свои драгоцѣнности, картины, памятники искусства въ Америку...» (76). Чтобы избѣжать такой судьбы, европейскіе народы, по мнѣнію проф. Озерова, должны напрячь всѣ силы въ рѣшительной общей борьбѣ съ американскимъ нашествіемъ.

Въ подтвержденіе своихъ угрозъ и страховъ проф. Озеровъ можетъ сослаться на то, что онъ лишь повторяетъ слова западно-европейскихъ публицистовъ. Но, во-первыхъ, на Западѣ много пишутъ и противъ этихъ тревожныхъ криковъ объ американской опасности. Во-вторыхъ, западнымъ публицистамъ, особенно англійскимъ и нѣмецкимъ, гораздо простительнѣе преувеличивать американскую опасность: англичане тревожатся объ утратѣ своего первенства на международномъ рынкѣ; *первое* мѣсто имѣется, конечно, только въ единственномъ числѣ и первенство американцевъ исключаетъ первенство англичанъ и нѣмцевъ; но намъ-то, никогда не имѣвшимъ претензіи на первенство въ торговлѣ и промышленности, какая стать повторять чужіе вопли объ утратѣ чужого первенства? Наконецъ, въ-третьихъ,—и это самое важное—ни въ какихъ теоріяхъ и ни въ какой политикѣ нельзя ограничиваться простымъ списываніемъ съ чужихъ образцовъ. Жалокъ тотъ ученикъ, который ни въ чемъ не проявляетъ своей оригинальности и только рабски, механически повторяетъ слова учителя. И мы, вѣчные ученики Запада, должны бы это знать лучше, чѣмъ кто-либо. Ужъ если намъ суждено вѣчно учиться у другихъ, то, по крайней мѣрѣ, хоть въ ученичествѣ намъ слѣдовало бы сохранить самостоятельность и оригинальность. У русской интеллигенціи есть такой опытъ ученичества. какого нѣтъ у культурныхъ народовъ Запада, и ея обязанность—воспользоваться этимъ опытомъ, и хоть въ этомъ поучить другихъ,—поучить, какъ нужно цѣнить чужія достоинства, какъ нужно быть терпимымъ къ чужимъ преимуществамъ. Раздуванье международной вражды, которому не мало способствуютъ крики европейскихъ публицистовъ объ американской опасности, вездѣ и всегда заслуживаетъ названія антинаціональнаго дѣла. Но въ Россіи шовинизмъ еще болѣе антинаціоналенъ, чѣмъ въ другихъ странахъ. Если русскіе люди могутъ въ чемъ-нибудь учить другихъ, то это именно въ дѣлѣ терпимости и международной солидарности. Вносить доброжелательство въ международныя отношенія — прямая *національная* обязанность русскихъ ученыхъ и публицистовъ,—не потому, конечно, что русскіе люди болѣе миролюбивы и терпимы по природѣ своей, но просто потому, что Россія имѣетъ

за собой долгій опытъ тяжелаго ученичества и тяжелаго милитаризма. Россія завоевала себѣ положеніе великой державы почти исключительно силой военнаго оружія; оборотная сторона этихъ воинскихъ успѣховъ должна быть хорошо знакома русской интеллигенціи, и ей поэтоиу гораздо менѣе простительно увлекаться воинственнымъ имперіализмомъ, чѣмъ, напр., интеллигенціи американской. Въ числѣ причинъ американскихъ промышленныхъ успѣховъ проф. Озеровъ указываетъ, между прочимъ, на отсутствіе тяжелыхъ вліяній милитаризма. Но за послѣдніе годы милитаризмъ сильно растетъ въ Соединеныхъ Штатахъ, и если русскіе ученые и публицисты будутъ только списывать все, что говорится въ въ западной публицистикѣ, то и въ Россіи слѣдуетъ ожидать роста общественныхъ симпатій къ милитаризму: дурное легче перенимается, чѣмъ хорошее. Только самостоятельная критика и вниманіе къ собственнымъ національнымъ задачамъ можетъ сдѣлать русскихъ людей хорошими учениками западныхъ учителей,—и нѣмцевъ, и французовъ, и англичанъ, и американцевъ, и, если нужно, японцевъ. Передъ хорошими, самостоятельно работающими учениками этихъ хорошихъ учителей открываются впереди не тяжкія опасности запоздалаго участія въ звѣриной борьбѣ за существованіе, но безконечная перспектива радостнаго труда и новыхъ, невиданныхъ раньше, культурныхъ успѣховъ.

И конечно, и въ Америкѣ, и въ Западной Европѣ есть много отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ литературныхъ и политическихъ направленій, у которыхъ и русскіе читатели могутъ учиться терпимости и миролюбію. «Въ наше время жестокой партійности и сектантства особенно важно, чтобы всюду возникали союзы благоразумныхъ людей, превыше всего ставящихъ миръ и благоденствіе своей страны; людей, которые обращаютъ свои взоры ко всѣмъ народамъ и ко всѣмъ странамъ въ твердомъ убѣжденіи, что всѣ люди—братья и поэтому всѣ болѣе или менѣе зависятъ другъ отъ друга въ своемъ благополучіи, людей, которые въ благополучіи другихъ народовъ видятъ не противорѣчіе, но счастливое дополненіе къ благополучію собственнаго народа. Такіе люди презираютъ мелочные взгляды вульгарнаго политика, который войну съ другими считаетъ благодѣяніемъ для своего народа»... Эти слова принадлежатъ американцу и притомъ одному изъ тѣхъ королей американской промышленности, которые будто бы намѣрены «сдавить Европѣ горло». Мы выписали ихъ изъ книги, которую усердно рекомендуемъ вниманію читателей, интересующихся вопросомъ объ «американской опасности»; это сборникъ рѣчей и статей извѣстнаго милліонера Карнеги, озаглавленный по-англійски: «Empire of Business» («Царство дѣла» или «Царство дѣловыхъ людей») и вышедшій недавно въ нѣмецкомъ переводѣ подъ заглавіемъ:

Andrew Carnegie. Kaufmanns Herrschgewalt. Autorisierte Uebersetzung von Dr. E. E. Lehmann. Mit einem Bildniss in Photogravüre. Berlin. C. A. Schwetschke und Sohn. 1903. Ss. XXIII + 320. Послѣ мрачныхъ пророчествъ русскаго профессора пріятно и полезно перенестись въ свѣтлый міръ надеждъ и упованій американскаго милліонера, родившагося неимущимъ пролетаріемъ и теперь, на склонѣ лѣтъ, живущаго заботами о томъ, какъ наилучшимъ образомъ израсходовать свои милліоны на дѣло народнаго просвѣщенія. Статьи названнаго сборника трактуютъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ. Особенно интересны наставленія Карнеги о наилучшихъ путяхъ къ обогащенію и вообще къ успѣху въ жизни и наставленія объ обязанностяхъ богатыхъ передъ бѣдными. Карнеги искренно убѣжденъ, что большого добьется только тотъ, кто способенъ радоваться чужимъ успѣхамъ. Искренностью этого убѣжденія въ значительной степени искупается поверхностность его благодушнаго оптимизма, порою граничащаго съ наивностью. Оптимизмъ — отличительная черта всей книги, въ немъ—ея достоинства и недостатки. Что касается недостатковъ, то

въ нихъ не трудно будетъ разобраться всякому, имѣющему самыя элементарныя понятія по политической экономіи. Карнеги вѣритъ въ возможность для каждаго молодого человѣка честно завоевать себѣ не только довольство, но и богатство, онъ вѣритъ въ единство интересовъ труда и капитала, вѣритъ въ конечное торжество свободной конкурренціи, которая разрушитъ, въ концѣ концовъ, всѣ эгоистическія поползновенія монополистовъ. Но онъ—отнюдь не слѣпой приверженецъ стараго манчестерства. Наоборотъ, онъ признаетъ, что манчестерцы жестоко ошиблись въ своихъ розовыхъ мечтаніяхъ о легкой побѣдѣ принципа свободы торговли; однако, дѣйствительность, по мнѣнію Карнеги, разрушивъ розовыя мечты манчестерства, оказалась не хуже, а лучше, чѣмъ ее считали. Манчестерская школа воображала, что только англичане будутъ исполнять для всего свѣта наиболѣе выгодныя функціи по усовершенствованію и обработкѣ сырого матеріала; на самомъ же дѣлѣ оказалось, что и другіе народы способны самостоятельно исполнять эти высшія и наиболѣе выгодныя функціи (ss. 294—298). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оптимистическіе взгляды Карнеги очень полезно дополнить сопоставленіемъ съ мрачными картинами изъ брошюры проф. Озерова. Напр., интересно сравнить идиллическую картинку отношеній между хозяевами и служащими американскихъ желѣзныхъ дорогъ въ изображеніи Карнеги (ss. 274 ff.) и факты, приводимые проф. Озеровымъ относительно безстыдной борьбы желѣзнодорожныхъ компаній противъ рабочихъ союзовъ («Америка идетъ противъ Европы», стр. 30 сл.). Не нужно бояться этихъ противорѣчій при выборѣ матеріала для чтенія и самообразованія. Наоборотъ, нужно искать ихъ, потому что противорѣчія эти существуютъ въ жизни. Что же касается настроенія и общаго міросозерцанія, то книга Карнеги, намъ кажется, способна принести гораздо больше пользы читателямъ, чѣмъ алармистскія статьи объ ужасахъ мнимаго американскаго нашествія на Европу. Въ общемъ, въ оптимизмѣ американскаго милліонера больше гуманности и благородной вѣры въ человѣка, чѣмъ въ пессимизмѣ г. Ив. Озерова.

А. Рыкачевъ.

ИСТОРІЯ РУССКАЯ.

Д. Самоквасовъ. „Древнее русское право“.

Проф. Д. Я. Самоквасовъ. Древнее русское право. Лекціи 1902—1903 года. М. 1904. in 8-го. Стр. X+378+56+1 родословная таблица рода Рюриковичей. Мы, конечно, не стали бы говорить о такомъ изданіи, какъ «Древнее русское право» г. Самоквасова, если бы не видѣли въ немъ печальнаго отголоска ненормальнаго положенія, въ какое очень часто попадаетъ каѳедральная наука въ нашихъ университетахъ. Курсъ г, Самоквасова начинается такой фразой: «Спеціальныя средства познанія системы права русскихъ славянъ языческой эпохи составляютъ четыре договора руссовъ съ греками X вѣка», далѣе идетъ пересказъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ о договорахъ; авторъ доказываетъ подлинность всѣхъ договоровъ, но способы его доказательства таковы, что читатель ни на минуту не сомнѣвается въ непониманіи г. Самоквасовымъ существа самаго спора о подложности договоровъ, какъ не сомнѣвается онъ въ несостоятельности формулировки у нашего автора такъ называемаго норманнскаго вопроса. Г. Самоквасовъ не понимаетъ смысла самаго вопроса о варягахъ и говоритъ о немъ языкомъ XVIII вѣка. Заключеніе автора таково, что «на основаніи содержанія договоровъ съ греками X вѣка въ наше время вполнѣ возможно научное построеніе начальнаго періода исторіи русскаго права,—фактическое познаніе условій происхожденія и со-

держанія основныхъ институтовъ системы права русскихъ славянъ языческой эпохи». Далѣе опять продолжается пересказъ начальной лѣтописи съ разными дополненіями о царѣ Траянѣ, о римскихъ монетахъ и пр., при чемъ курсивомъ печатается основное положеніе автора, что «предки наши выселялись изъ дунайской прародины отдѣльными партіями въ царствованіе разныхъ императоровъ». На сколько можно понимать темный языкъ и удивительную безпорядочность изложенія г. Самоквасова, описанное имъ великое событіе относится къ I—III вв. по Р. Х. Далѣе авторъ немножко описываетъ бытъ древнихъ славянъ, выставляя и здѣсь капитальнѣйшій тезисъ въ наукѣ: уже тогда (по правдѣ сказать, я не знаю, когда) была поземельная община,—и вотъ, пишетъ нашъ почтенный ученый, «правовая жизнь русской поземельной общины, по отношенію къ ея хозяйству, съ глубокой древности (т. е. I—III в.в. по Р. Х. до 1903 года?!) и по настоящее время опредѣлялась и опредѣляется договорными соглашеніями, принятыми въ собраніяхъ лицъ, составляющихъ общины, ихъ взаимною волею». Никому, конечно, и въ голову придти не можетъ, что нынѣшняя поземельная община приравнена здѣсь къ южнорусскому вѣчу. Оговорившись затѣмъ, что «въ дунайской славянской прародинѣ система права четовъ развивалась при посредствѣ воли боговъ», авторъ находитъ, что и на восточно-европейской равнинѣ «система правилъ общежитія, основанныхъ на волѣ боговъ, признанной народомъ, составляла законъ, вѣру, религію народа, систему его религіозныхъ догмъ», вотъ почему и «языческая система русскаго права, подобно религіознымъ системамъ всѣхъ древнихъ народовъ, была столько же обязательная и консервативная, какъ система религіозныхъ догмъ».

Мы прошли съ читателями первыя семь главъ «древняго русскаго права» г. Самоквасова (стр. 1—82) подъ общимъ заголовкомъ «*памятники русскаго права языческой эпохи*», позвольте вступить теперь въ серію слѣдующихъ двѣнадцати главъ, озаглавленныхъ «*содержаніе системы русскаго права языческой эпохи*» (стр. 83—196). Изложеніе начинается съ общихъ соображеній, подкрѣпленныхъ цитатой на историка Робертсона. Бѣда въ томъ, что цитата взята откуда то г. Самоквасовымъ на французскомъ языкѣ и можетъ подкрѣплять совсѣмъ не то, что пишетъ нашъ авторъ. Онъ обѣщаетъ намъ дать описаніе, «экономическихъ учрежденій», и, поговоривъ о томъ, о семъ, а равно накидавъ для учености съ десятокъ сомнительныхъ цитатъ, пишетъ: «Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что славянорусы эпохи договоровъ съ греками были народомъ осѣдлымъ, земледѣльческимъ и производившимъ отдаленныя торговыя, военныя и служебныя (sic!) сношенія, обогащавшія Русь всѣми предметами цивилизаціи Европы и Азіи IX и X столѣтій, по экономическому богатству Русь IX и X столѣтій стояла не ниже Руси первыхъ столѣтій христіанскаго времени, а можетъ быть была богаче». Мнѣ очень нравится это сравненіе народнаго богатства языческой Руси съ народнымъ богатствомъ христіанской Руси. Возражать я не берусь, ибо соображеніе автора, очевидно, основано на какихъ то источникахъ, «свыше» исходящихъ и до простыхъ критиковъ никогда не достигающихъ. Отъ учрежденій экономическихъ авторъ переходитъ къ учрежденіямъ религіознымъ: «для историка-юриста имѣютъ важность, говоритъ ученый профессоръ, не не боги, сохранившіеся въ народныхъ суевѣріяхъ отъ глубокой древности и общіе народной черни всѣхъ временъ и націй, а тѣ боги, которымъ поклонялись представители государственной власти». Когда авторъ переходитъ затѣмъ къ опредѣленію «государственной религіи» славянъ IX и X в.в., то источники «свыше» исходящіе продолжаютъ играть у него выдающуюся роль. Понадергавъ опять рядъ неидущихъ къ дѣлу цитатъ и выписокъ, соединенныхъ между собою совершенно механически, онъ утверждаетъ, что «подобно другимъ язы-

ческимъ народамъ арійскаго происхожденія, русскіе славяне поклонялись стихійнымъ богамъ посредствомъ кровныхъ жертвъ, сопровождавшихся молитвословіями», и что «основаніемъ обожанія предковъ служила вѣра въ будущую загробную жизнь человѣка». То была «государственная» религія, а простонародье вѣрило иначе. Мнѣ, напр., гораздо интереснѣе было бы познакомиться съ вѣрою простонародья, ибо, не обладая колоссальной эрудиціей г. Самоквасова, я какъ то не могу себѣ представить существованія «государственной» религіи въ такое время, когда государства еще не было. Оказывается, что подъ религіей простонародья (ей только десять строкъ на 105-й стр. посвящено г. Самоквасовымъ) авторъ разумѣетъ вѣру въ домового, лѣшаго и вѣдьму, говоритъ, что «эта религія черни... частію живетъ и въ настоящее время», но что «это суевѣріе народной черни не имѣло значенія государственной религіи у русскихъ славянъ IX и X столѣтій». Однако, теорія г. Самоквасова гораздо шире: по его мнѣнію въ IX и X столѣтіяхъ одновременно съ религіей «государственной» и простонародной существовала еще христіанская, которая въ самомъ концѣ X вѣка была превращена въ государственную. Когда же появилось христіанство на Руси? Авторъ на этотъ вопросъ отвѣчаетъ категорически: въ I вѣкѣ по Р. Х. Чтобы меня не попрекнули голословностью, приведу подлинныя слова почтеннаго профессора исторіи русскаго права въ Московскомъ университѣ: «Христіанская религія, говоритъ г. Самоквасовъ,—была преподана славянамъ вообще и славяноруссамъ въ частности уже въ первомъ столѣтіи, первыми апостолами христіанской религіи». Можно ли идти дальше? Можно. Прочитайте 108—110 стр. «Древняго русскаго права» г. Самоквасова, и вы убѣдитесь, что это—классическія страницы въ міровой литературѣ по исторіи права. Крещеніе Руси произошло мирно, а это «доказываетъ широкое распространеніе христіанской религіи въ Россіи послѣднихъ столѣтій язычества: самовольно (sic!) перемѣнить языческую религію на христіанскую могъ только народъ, издавна подготовленный къ воспріятію христіанскихъ понятій о единомъ Богѣ». «Слѣдовательно, языческая и христіанская религія славяноруссовъ эпохи договоровъ съ греками являются равноправными, одинаково признанными государствомъ: десятое столѣтіе можно отнести къ эпохѣ славянорусскаго язычества только потому, что языческимъ богамъ поклонялись кіевскіе князья; по отношенію же къ кіевскому народу это время столько же языческое, сколько христіанское. Равенство предъ русскимъ государствомъ X в. языческой и христіанской религіи объясняется тѣмъ, что въ эпоху договоровъ съ греками понятіе языческой троицѣ государственныхъ боговъ,—Богѣ, Перунѣ и Волосѣ, не отличалось уже рѣзко отъ понятія о святой Троицѣ христіанской религіи». Жаль, что за недостаткомъ мѣста я не могу продолжить приведенной цитаты, дальше читается много любопытнаго на 109 страницѣ «Древняго русскаго права».

Нами пройдено 110 стр. книги, а исторія русскаго права все еще не открывается взору читателя. Но вотъ начинаемъ читать о «государствѣ, какъ автократной формѣ общежитія»,—о томъ, какое количество городовъ было у славянъ,—о «доктринѣ автократической договорно-территоріальной общины» и проч., это означаетъ у нашего автора переходъ къ историко-юридическимъ построеніямъ въ родѣ слѣдующаго: «Поземельное владѣніе каждой общины (въ IX вѣкѣ), начинаясь въ центрѣ общественнаго населенія, опредѣлялось въ своемъ протяженіи мѣрою фактическаго владѣнія». Изображая затѣмъ нормы гражданскаго права у славянъ IX вѣка, авторъ сообщаетъ, что «женщина соединяется съ мужчиною съ цѣлью рожденія», что «изъ соединеній мужа съ женою и господина съ рабомъ образуется семейство», что «по природному закону супружескій союзъ у людей бываетъ пожизненнымъ, а у разныхъ породъ животныхъ семойный союзъ бываетъ тѣмъ продолжительнѣе и прочнѣе,

чѣмъ долѣе длится періодъ дѣтскаго возраста». Это—общія теоретическія положенія въ курсѣ г. Самоквасова, который въ слѣдующей послѣ того главѣ приводитъ конкретные примѣры. «Русское право языческой эпохи дозволяло многоженство», пишетъ авторъ. Чтобы не быть голословнымъ, г. Самоквасовъ даетъ тотчасъ же и точныя свѣдѣнія, у какого князя сколько было настоящихъ женъ и сколько наложницъ, даже въ какомъ городѣ та или другая категорія женъ содержалась и т. д. Но довольно, цитатами изъ классическаго курса г. Самоквасова можно было бы заполнить весь мѣсячный библіографическій отдѣлъ нашего журнала, и потому ограничиваемся послѣдней: «Передача супружескаго союза въ вѣдомство церкви имѣла своимъ слѣдствіемъ превращеніе женъ древней Руси въ полурабынь своихъ мужей; а прекращеніе права свободнаго развода повело къ насильственному постриженію нелюбимыхъ женъ въ монахини и другимъ преступленіямъ въ семействѣ высшихъ классовъ русскаго общества». Послѣдняя страница курса г. Самоквасова еще не написана, такъ какъ онъ много лѣтъ не можетъ, въ сущности, вырваться изъ заколдованнаго круга языческой системы древнерусскаго права.

Василій Сторожевъ.

СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

«Die Grossstadt. Vorträge und Aufsätze»—«Indische Statistik».

Die Grossstadt Vorträge und Aufsätze von K. Bücher, F. Ratzel G. Mayr, N. Waentig, G. Simmel, Th. Petermann, D. Schäfer. Dresden. 1903. 282 стр. Ц. 4 марки. Расцвѣтъ большихъ городовъ—одно изъ самыхъ яркихъ и характерныхъ явленій переживаемой нами стадіи культурнаго развитія. Въ большихъ городскихъ центрахъ точно въ фокусѣ сконцентрировались всѣ крупнѣйшія теченія мысли и дѣятельности современнаго цивилизованнаго человѣчества. Развитіе техники и философіи, искусства и хозяйства мы можемъ понять только въ неразрывной связи съ уясненіемъ роли, играемой теперь большими городскими центрами, этими соціальными лабораторіями, въ которыхъ безпрерывно производятъ смѣлые опыты надъ новыми комбинаціями общественныхъ элементовъ.

Бывшая въ истекающемъ году въ Дрезденѣ «выставка городовъ» превосходно показала блестящее развитіе городской жизни и ея благоустройства въ современныхъ государствахъ Западной Европы. Этотъ-то внѣшній поводъ и внушилъ цѣлому ряду нѣмецкихъ ученыхъ счастливую идею разсмотрѣть въ коллективномъ трудѣ, заглавіе котораго мы выше выписали, экономическую, политическую, культурную, эстетическую и т. д. роль, играемую въ современной жизни крупными городскими центрами. Книга, къ слову сказать, очень изящно изданная, открывается очень содержательной статьей извѣстнаго нѣмецкаго экономиста Карла Бюхера «большіе города въ прошломъ и настоящемъ».

Оглядываясь на одинъ вѣкъ назадъ, Бюхеръ отмѣчаетъ, что тогда въ Германіи существовалъ всего на всего одинъ городъ, населеніе котораго превышало 100 тысячъ (Берлинъ). Полвѣка спустя такихъ городовъ, уже было 5, въ 1870 г. число это поднялося до 8 и затѣмъ начинаетъ необычайно быстро расти, достигнувъ въ 1880 г. 15, 1890 г.—26, а въ 1900 г.—уже 33! Иными словами, въ 1850 г. изъ каждыхъ 38 нѣмцевъ одинъ былъ жителемъ большого города (т.-е. города съ населеніемъ, превышающимъ 100 тыс.), въ 1870 соотвѣтствующее число развилось уже въ 20, 1880—13, въ 1890—8 и въ 1900—6! Въ Англіи гдѣ процессъ роста крупныхъ городовъ принялъ особенно

грандіозные размѣры, въ настоящее время внѣ городовъ живетъ лишь 28% всего населенія.

Выяснивъ съ цифрами въ рукахъ необычайную тягу въ города, Бюхеръ затѣмъ даетъ очень интересный и содержательный историческій очеркъ развитія большихъ городовъ, начиная съ древности и кончая живою современностью. Авторъ заканчиваетъ статью характеристикой того центральнаго, руководящаго положенія, которое занялъ большой городъ въ современной культурной жизни. Въ слѣдующей статьѣ извѣстный географъ и антропологъ Фридрихъ Ратцель даетъ детальное изслѣдованіе, очень живо написанное, «Географическаго положенія большихъ городовъ». Извѣстный статистикъ Георгъ фонъ-Майеръ посвящаетъ свою статью «Населенію большихъ городовъ», давая мастерски сдѣланное изслѣдованіе, съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, состава населенія большихъ городовъ,—изслѣдованіе, въ изобиліи снабженное свѣжими и вполнѣ достовѣрными статистическими данными. Проф. Вентигъ выясняетъ «Экономическое значеніе большихъ городовъ». Т. Петерманъ изслѣдуетъ «Духовное значеніе большихъ городовъ», показывая, какъ въ большихъ городахъ сосредоточилась та пружина, которая движетъ и направляетъ всю духовную жизнь страны. Проф. Шеферъ останавливается на вопросѣ о «Политическомъ и военномъ значеніи большихъ городовъ». Но самою оригинальною статьею сборника слѣдуетъ безспорно признать очень тяжело написанную, но чрезвычайно глубокую по содержанію статейку талантливаго нѣмецкаго философа Георга Зиммеля «Большіе города и психическая жизнь». Въ этой статьѣ авторъ очень тонко разбирается въ своемъ излюбленномъ вопросѣ о вліяніи развитія культуры и цивилизаціи, очагами которыхъ являются большіе города, на развитіе индивидуальности. Авторъ отмѣчаетъ прежде всего, что самою бьющею въ глаза чертою вліянія большихъ городовъ является повышеніе и напряженіе жизни нервами, вызываемое быстрой и рѣзкой смѣной необычайно пестрыхъ по содержанію и формѣ впечатлѣній. Но, какъ старается доказать Зиммель, испытывая всѣ эти быстро смѣняющіяся и глубоко его не задѣвающія впечатлѣнія, житель большого города научается реагировать на нихъ не всѣмъ своимъ существомъ, а лишь разсудкомъ. Житель деревни или маленькаго городка, гдѣ все совершается тихо, монотонно, не измѣняясь изъ года въ годъ, весь отдается надвинувшимся новымъ впечатлѣніямъ, которыми судьба его не балуетъ. Наоборотъ, коренной житель большихъ городовъ отличается притупленною впечатлительностью и способностью холодно, не волнуясь, разсудочно относится къ кипящей кругомъ жизни. Разсматривая большой городъ, какъ самый яркій символъ современнаго экономическаго строя, авторъ прослѣживаетъ вліяніе денежнаго хозяйства на психику горожанина, пріучающагося сводить всѣ качественныя различія къ количественнымъ. Не закрывая глаза на многія отрицательныя стороны вліянія большихъ городовъ, указывая на вырастающія подъ этимъ вліяніемъ сухую разсудочность, черствость и разсчетливость, Зиммель вмѣстѣ съ тѣмъ превосходно изображаетъ и противоположный процессъ, процессъ богатаго развитія индивидуальностей, находящихъ себѣ точку приложенія силъ и признаніе только въ большихъ центрахъ, съ ихъ чуткою оцѣнкою талантовъ и необычайно развѣтвленнымъ и разнообразнымъ спросомъ на индивидуальные способности и таланты людей. Зиммель мастерски показываетъ, что богатое развитіе индивидуальности возможно только въ чрезвычайно разнородной средѣ, каковую и даютъ человѣку большіе городскіе центры. Кто знакомъ съ замѣчательнымъ трудомъ Зиммеля «Соціальныя дифференціаціи», для того не нова только что отмѣченная идея, ново только ея приложеніе къ вопросу о духовной роли большихъ городскихъ центровъ.

Мы могли, конечно, изложить только сухой остовъ основной идеи Зиммеля, развиваемой имъ съ присущимъ ему діалектическимъ талантомъ.

Изъ сдѣланнаго бѣглаго пересказа книги «Большіе города» читатель можетъ судить о живомъ интересѣ, представляемымъ этимъ коллективнымъ трудомъ нѣмецкихъ профессоровъ. Нельзя только не пожалѣть о большихъ пробѣлахъ этого труда—въ немъ совсѣмъ не затронута широкая и плодотворная муниципальная дѣятельность большихъ городовъ, не затронуто и то любопытное теченіе въ сторону сліянія города съ деревней, съ которымъ уже познакомилъ читателей «Міра Божьяго» г. Лозинскій. *П. Б—инъ*

Еврейская статистика (Judische Statistik. Herausgegeben vom «Verein für judisehe Statistik» unter der Redaktion von Dr. A. Nossik. Berlin 1903. A. 352, Preis M. 7). Въ послѣднее время, благодаря вліянію широко разлившагося сіонистскаго движенія, стремленіе къ возможно полнымъ и точнымъ статистическимъ изслѣдованіямъ еврейства значительно усилилось, что выразилось, между прочимъ, въ основаніи въ Германіи еврейскаго общества, спеціально посвященнаго «еврейской статистикѣ». Основанное въ маѣ 1902 года общество поставило себѣ цѣлью «содѣйствовать ознакомленію съ положеніемъ различныхъ группъ еврейскаго народа посредствомъ постояннаго развитія систематически обработанной статистики». Имѣя секціи въ различныхъ странахъ, обществу удалось собрать довольно разнообразный и интересный матеріалъ, часть котораго оно выпустило теперь подъ выписаннымъ выше заглавіемъ. Довольно солидный томъ въ 452 страницы, распадаясь на четыре части, открывается интереснымъ введеніемъ редактора, г. Альфреда Носсига, о значеніи, исторіи, задачахъ и организаціи еврейской статистики. Введеніе очень недурно обрисовываетъ значеніе и необходимость «еврейской статистики» какъ для евреевъ, такъ и для неевреевъ. Для первыхъ она является необходимой, какъ единственный точный отвѣтъ на болѣзненные для гонимаго и разсѣяннаго израиля вопросы: что представляютъ теперь собою евреи, сколько ихъ на земномъ шарѣ, какъ они выглядятъ, чѣмъ заняты, чего имъ ожидать въ будущемъ, такъ ли они плохи, какъ о томъ говорятъ антисемиты и т. д., и т. д. Вторымъ она нужна, какъ вѣрное средство для полной и справедливой оцѣнки евреевъ, какъ соціальнаго элемента, и какъ незамѣнимый базисъ для успѣшныхъ мѣропріятій въ области еврейскаго вопроса.

Слѣдующія за введеніемъ 117 страницъ перваго отдѣла заняты богатой библіографіей еврейской статистики, касающейся антропологіи, экономической. соціальной, религіозной, нравственной, политической и другихъ сторонъ жизни евреевъ. Всякій, интересующійся еврейскимъ вопросомъ, будетъ благодаренъ обществу за эту трудолюбиво собранную библіографію, дающую возможность легко обозрѣть, что уже сдѣлано въ области еврейской статистики и что еще остается въ этой области сдѣлать. Во второмъ отдѣлѣ (100 стр.) помѣщены статистическія работы различныхъ еврейскихъ организацій; самого общества, еврейскаго «колонизаціоннаго общества», американскаго ордена «Бней-Бритъ» и другихъ. Въ третьемъ помѣщены 11 статистическихъ работъ о евреяхъ въ Россіи, Австріи, Болгаріи, Англіи, Соединенныхъ Штатахъ Америки, Франціи и Палестинѣ и, наконецъ, въ четвертомъ собраны статистическія данныя, касающіяся евреевъ всего міра въ цѣломъ.

Нѣтъ никакой возможности въ краткой рецензіи изложить хотя бы главнѣйшія данныя разбираемаго сборника, а потому мы ограничимся лишь тѣми, которыя касаются нашей родины. Относительно послѣдней въ сборникѣ имѣются нѣсколько работъ, изъ которыхъ одна представляетъ сводку данныхъ интересной анкеты, предпринятой по иниціативѣ «Еврейскаго колонизаціоннаго Общества» въ 1898 г. Анкета была произведена при помощи тысячной арміи (1100 чел.) корреспондентовъ и счетчиковъ, доставившихъ матеріалъ для 1302 населенныхъ пунктовъ, что составляетъ 93% всѣхъ городскихъ цент-

ровъ черты осѣдлости. Въ сборникѣ помѣщены лишь главнѣйшіе выводы этого огромнаго статистическаго труда; весь же собранный посредствомъ этой анкеты матеріалъ будетъ отпечатанъ на русскомъ языкѣ въ ближайшемъ будущемъ въ двухъ толстыхъ томахъ въ 1.000 стр. каждый. Слѣдующія ниже цифры заимствованы нами главнымъ образомъ изъ этой работы и отчасти изъ помѣщенной въ томъ же сборникѣ статьи г. Б. Гольдберга, основанной на данныхъ всероссійской переписи 1897 г.

Количество населяющихъ Россію евреевъ исчисляется по этимъ даннымъ въ 5.189.401 душъ, что составляетъ 4,13% всего населенія Россіи. Наибольшая часть русскихъ евреевъ (4.874.636 чел. или 93,93%) живетъ какъ извѣстно, въ «чертѣ осѣдлости» и лишь небольшая часть ихъ (всего 314.765 чел. или 6,07%) внѣ ея. Занимаясь различными профессіями, а не одной только торговлей, какъ утверждаютъ гг. антисемиты, евреи насчитываютъ въ своихъ рядахъ и значительное число фабрично-заводскихъ рабочихъ. По даннымъ 1898 г., послѣднихъ въ чертѣ осѣдлости, не считая привислянскихъ и Херсонской губерній, находилось 33.933 чел. Какъ ни мала абсолютно эта цифра пролетаріата, однако относительно она представляется довольно высокой. Если причислить сюда недостающихъ привислянскихъ и херсонскихъ рабочихъ, то отношеніе числа еврейскихъ рабочихъ къ числу всего еврейскаго населенія будетъ ничуть не менѣе отношенія числа нееврейскихъ рабочихъ ко всему нееврейскому населенію Россіи. Ремесленниковъ среди евреевъ значительно болѣе, нежели рабочихъ. Всего ремесленниковъ евреевъ въ чертѣ осѣдлости въ 1898 г. насчитывалось 500.986 чел. (внѣ черты находится всего 1.935 чел.); изъ нихъ мастеровъ 259.396, подмастерьевъ 140.528 и учениковъ 101.062 чел. Сумма подмастерьевъ и учениковъ меньше числа самостоятельныхъ мастеровъ, откуда можно заключить о сравнительно мелкихъ размѣрахъ еврейскихъ ремесленныхъ предпріятій. Большинство ремесленниковъ - евреевъ работаетъ въ одиночку или при помощи одного-двухъ учениковъ.

Непрофессіональныхъ рабочихъ — извозчиковъ, водовозовъ, дровосѣковъ, землекоповъ и т. д.—въ томъ же году насчитывалось 97.900 чел.

Очень незначительныя цифры содержитъ въ себѣ таблица о евреяхъ, занимающихся земледѣліемъ. Въ 13 губерніяхъ черты осѣдлости (Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Каменецъ-Подольской, Черниговской, Бессарабской, Херсонской и Екатеринославской) находится всего 301 еврейская земледѣльческая колонія съ 10.721 семействами, составляющими вмѣстѣ 68.959 душъ. На всѣ колоніи вмѣстѣ приходится всего 100.107 десятинъ земли, что составляетъ въ среднемъ, всего 1,4 десятины на душу. Такое количество земли, конечно, очень недостаточно для прокормленія всего еврейскаго земледѣльческаго населенія, а потому многіе колонисты силою вещей принуждены переходить къ другимъ профессіямъ. Это является тѣмъ болѣе необходимымъ, что, какъ извѣстно, дѣйствующее законодательство воспрещаетъ лицамъ іудейскаго вѣроисповѣданія пріобрѣтать въ деревняхъ и селахъ земельныя имущества.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ читатель видитъ, какой интересный и цѣнный матеріалъ собранъ въ разбираемомъ сборникѣ. Къ сожалѣнію, обработанъ онъ не съ желательною степенью тщательности.—Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются досадныя небрежности, могущія ввести неосвѣдомленнаго читателя въ грубыя заблужденія. Такъ, наприм., таблица о фабрично-заводскихъ рабочихъ носитъ общее заглавіе: «Фабричные и горнозаводскіе еврейскіе рабочіе въ *чертѣ осѣдлости*» въ то время какъ въ ней, въ таблицѣ, отсутствуютъ всѣ привислянскія и одна южная губернія, входящія однако въ

помянутую черту. Нужно надѣяться, что слѣдующіе обѣщанные обществомъ выпуски будутъ обработаны съ большимъ вниманіемъ, за что всѣ интересующіеся еврейской статистикой будутъ ему искренно благодарны.

Р. Ольгинъ.

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

Н. Лосскій „Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма".

Н. Лосскій. Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к. Н. Лосскій является представителемъ сравнительно новаго въ психологіи направленія волюнтаризма. «Волюнтаризмъ, какъ показываетъ и самое слово, есть такое направленіе въ психологіи, которое утверждаетъ, что всѣ явленія душевной жизни, относимыя индивидуальнымъ сознаніемъ на основаніи непосредственнаго чувства къ «я», протекаютъ по образцу волевыхъ актовъ» *). Иными словами, наша душевная жизнь не есть что-то пассивное, она—активна, она обладаетъ творческимъ характеромъ и представляетъ собою не что иное, какъ осуществленіе нашихъ стремленій, что психологически находитъ свое выраженіе въ особомъ основномъ состояніи сознанія, въ чувствованіи активности, и результатомъ чего являются различныя перемѣны, которыя мы сознаемъ, какъ продуктъ своей дѣятельности. Если способность осуществлять стремленія назвать волею, то воля становится въ тѣсное соотношеніе съ сознаніемъ, она есть его активность. Н. Лосскій, беря понятіе причины въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно употребляется въ эмпирической наукѣ, подводитъ это соотношеніе подъ категорію причинности: воля—причинность сознанія. При подобномъ пониманіи волюнтаризма, а именно такъ его развиваетъ авторъ разбираемой нами книги, это направленіе, конечно, не можетъ быть поставлено въ одинъ разрядъ съ такими односторонними направленіями въ психологіи, какъ, напримѣръ, интеллектуализмъ или ассоціаціонизмъ, и безусловно заслуживаетъ болѣе глубокаго вниманія, чѣмъ они: волюнтаризмъ отнюдь не стремится вывести и понять всю душевную жизнь человѣка изъ одного элемента, волевого; онъ, считая волю свойствомъ индивидуальнаго сознанія, только подчеркиваетъ творческій характеръ нашего внутренняго бытія.

Оправданіе основного положенія волюнтаризма, конечно, не можетъ быть дано внутри психологіи: вопросъ о пониманіи душевной жизни человѣка есть кардинальный философскій вопросъ, съ чѣмъ согласенъ и г. Лосскій. Однако, оставляя за собою обязанность дать впослѣдствіи гносеологическое обоснованіе волюнтаризма, онъ въ разсматриваемомъ нами изслѣдованіи ставитъ себѣ другую задачу: какъ показываетъ и заглавіе книги, онъ стремится развить здѣсь рядъ ученій по основнымъ психологическимъ вопросамъ съ точки зрѣнія волюнтаризма, онъ стремится, такъ сказать, расчистить дорогу для этого направленія, устранить недоумѣнія, возбуждаемыя имъ, и выдвинуть, не переступая при этомъ границъ психологическаго, чисто эмпирическаго изслѣдованія, тѣ выводы и проблемы, къ которымъ оно неизбѣжно приводитъ.

Въ результатѣ его изслѣдованія получается довольно стройная система психологіи, однако еще совершенно необоснованная и неоправданная; съ послѣднимъ г. Лосскій, конечно, вполнѣ не согласится, такъ какъ онъ, въ общемъ, признаетъ свою работу и обоснованіемъ волюнтаризма, хотя и психологическимъ. Съ его точки зрѣнія такой взглядъ вполнѣ понятенъ, такъ какъ онъ считаетъ методъ непосредственнаго самонаблюденія, которымъ большею частью

*) Введеніе, стр. 1.

пользуется въ данномъ изслѣдованіи, при помощи котораго онъ, напримѣръ, доказываетъ, что любой «мой» сознательный процессъ заключаетъ въ себѣ всѣ элементы волевого акта: мое стремленіе, чувствованіе активности и перемѣну, сознаваемую, какъ результатъ моей дѣятельности,—вѣрнѣйшимъ научнымъ орудіемъ не только въ области психологіи, но и естествознанія. Исходя изъ своей гипотезы о «данныхъ мнѣ» состояніяхъ, образующихъ въ совокупности объективный міръ, и изъ вытекающаго отсюда ученія объ интуиціи, т.-е. способности «я» непосредственно сознавать внѣшній міръ, онъ на стр. 204, напримѣръ, прямо высказываетъ ту мысль, что естествознаніе пока относится къ разряду наукъ условныхъ и перейдетъ въ разрядъ дѣйствительныхъ только тогда, когда психологія выработаетъ болѣе высокое понятіе о субстанціи и тѣмъ предоставитъ ему возможность въ своихъ изслѣдованіяхъ исключительно опираться на непосредственный опытъ. Правда, раньше на стр. 49 онъ соглашается, что способъ познанія, опирающійся на непосредственный опытъ, не застрахованъ абсолютно отъ ошибокъ; въ доказательство этого онъ указываетъ на заблужденіе, долгое время тяготѣвшее надъ человѣчествомъ и исключительно обязанное непосредственному воспріятію, заблужденіе, будто солнце вращается вокругъ земли. «Однако, пишетъ онъ дальше, безъ сомнѣнія onus probandi лежитъ на сторонѣ тѣхъ, кто признаетъ то или другое воспріятіе иллюзіею: пока астрономія не представила убѣдительныхъ доводовъ въ пользу теоріи, противорѣчащей этому воспріятію, естественно и необходимо было опираться на него». А эти доводы, спросимъ мы, изъ какого источника почерпаются? Уже, конечно, не изъ непосредственнаго опыта, а значитъ, критерій истины падаетъ не на него, и въ такомъ случаѣ совершенно непонятно, почему г. Лосскій ставитъ переходъ естествознанія изъ разряда наукъ условныхъ въ разрядъ дѣйствительныхъ въ зависимости отъ того, будетъ ли оно опираться на непосредственный опытъ или нѣтъ. Вообще, вопреки его мнѣнію, методъ наблюденія, а въ частности и самонаблюденія, не можетъ ничего доказывать, не можетъ ничего опровергать; онъ обоюдоострое орудіе: поскольку изслѣдователь наблюдаетъ факты, данные ему хотя бы и въ непосредственномъ воспріятіи, онъ неизбѣжно подводитъ ихъ подъ понятія, отъ характера которыхъ и зависитъ тотъ или другой выводъ изъ нихъ. Какая масса психологовъ занимается наблюденіемъ надъ своею душевной жизнью, и къ какимъ различнымъ результатамъ приходятъ они! Этимъ замѣчаніемъ мы не хотимъ, конечно, уничтожить всякое значеніе за методомъ наблюденія и въ частности самонаблюденія, мы утверждаемъ только, что наблюденіе фактовъ и ихъ описаніе есть приложеніе общей теоріи, а не обоснованіе ея; въ этомъ смыслѣ и разбираемая нами книга представляетъ собою только примѣненіе началъ волюнтаризма къ рѣшенію психологическихъ вопросовъ, а не оправданіе его, причемъ правильность ихъ рѣшенія зависитъ отъ правильности началъ, а не наоборотъ. Между тѣмъ, вѣра г. Лосскаго въ непреложную истинность показаній непосредственнаго воспріятія настолько сильна, что онъ пользуется имъ и при опредѣленіи объекта психологіи съ точки зрѣнія своего ученія. Объектомъ психологіи онъ считаетъ данныя опыта, взятыя съ субъективной стороны, причемъ характеръ субъективности онъ усматриваетъ въ чувствованіяхъ, окрашивающихъ опытъ, слѣдовательно, разграниченіе субъективнаго и объективнаго у него основывается на качественно-непосредственно воспринимаемомъ различіи. Отсюда, съ точки зрѣнія г. Лосскаго, въ область психологіи должны подпадать всѣ тѣ душевные процессы, которые я непосредственно сознаю, какъ «мои»; однако, принимая во вниманіе, во—хъ, шаткость и трудность разграниченія на основаніи непосредственнаго чувства «моихъ» процессовъ отъ состояній, «данныхъ мнѣ», во-2-хъ гипотезу г. Лосскаго о послѣднихъ, сглаживающую рѣзкое различіе между тѣми и другими, и, наконецъ, въ-3-хъ его собственное заявленіе, что психологія не можетъ и не должна со-

вершенно исключить изъ своей области состоянія сознанія, «данныя мнѣ», приходится признать, что объектъ психологіи въ разбираемой нами книгѣ остается, строго говоря, невыясненнымъ и неотграниченнымъ рѣзко отъ объекта естествознанія.

Оставляя пока въ сторонѣ философское обоснованіе волюнтаризма и основныя ученія, вытекающія изъ него (о сознаніи, о личности, объ интуиціи), ибо эти вопросы умѣстнѣе разобрать тогда, когда появится обѣщанный трудъ г. Лосскаго, мы здѣсь еще скажемъ нѣсколько словъ о практическомъ значеніи выдвигаемаго имъ направленія, а слѣдовательно, въ частности и о практическомъ значеніи появленія его труда. Какъ извѣстно, система воспитанія у насъ въ Россіи до сихъ поръ покоится, въ общемъ, на чистоинтеллектуальныхъ началахъ: она всецѣло направлена на развитіе интеллектуальныхъ способностей. И если за послѣдніе годы обратилъ у насъ на себя вниманіе вопросъ о необходимости физическаго и даже эстетическаго воспитанія, зато вопросъ о воспитаніи воли остается до сихъ поръ въ полнѣйшемъ пренебреженіи. Между тѣмъ, достаточно бросить самый бѣглый взглядъ на наше юношество, на литературные типы, изображаемые современной русской беллетристикой, чтобы убѣдиться, насколько тяжелы и печальны послѣдствія такого полнаго игнорированія при воспитаніи одной изъ основныхъ человѣческихъ способностей. Безволіе, или, точнѣе, глубокій разладъ между волей и разумомъ, неумѣнье подчинять первую послѣднему, неспособность къ строгому и послѣдовательному проведенію своихъ взглядовъ—такова, къ сожалѣнію, одна изъ характерныхъ чертъ, присущая нашему поколѣнію en masse; и если выработкѣ ея не мало способствуетъ и неправильная постановка чистоинтеллектуальнаго образованія, то, во всякомъ случаѣ, здѣсь несомнѣнно также сказывается вліяніе полнѣйшаго отсутствія воспитанія воли. Волюнтаризмъ, подчеркивая волевой характеръ душевной жизни человѣка, безъ сомнѣнія, обратитъ вниманіе нашего общества на этотъ крайне важный во всѣхъ отношеніяхъ вопросъ и внесетъ новую свѣжую струю въ область современной педагогики. *N. N.*

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

А. Флеровъ. „Луговыя травы“.—*А. Никольскій.* „Гады и рыбы“.

А. Флеровъ. Луговыя травы средней Россіи. Иллюстрированный опредѣлитель луговыхъ растеній, дикорастущихъ въ средней Россіи. Москва. 1903 г. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. Цѣна 50 коп. Средняя Россія въ особенности счастлива на опредѣлители растеній. Кромѣ большихъ флоръ, какъ «Флора средней Россіи» Маевскаго, «Московская флора» Кауфмана, мы имѣемъ нѣсколько маленькихъ опредѣлителей, служащихъ пособіемъ для опредѣленія извѣстной группы растеній—весеннихъ, осеннихъ, водяныхъ. Передъ нами новая книжка, относящаяся именно къ типу «маленькихъ» опредѣлителей, но представляющая едва ли не большее значеніе, чѣмъ другіе маленькіе опредѣлители. Значеніе маленькихъ опредѣлителей двоякое—во-первыхъ, они облегчаютъ начинающимъ трудное дѣло знакомства съ окружающими растеніями, служатъ какъ бы приготовительной школой для работы съ «большимъ» опредѣлителемъ. Въ этомъ отношеніи «Луговыя растенія» представляютъ очень большое значеніе для преподавателей, ведущихъ весной или лѣтомъ учениковъ на экскурсію, такъ какъ естественно больше всего цвѣтущихъ растеній можно разсчитывать встрѣтить въ это время года именно на лугахъ. И вотъ съ помощью книжки г. Флерова ученики могутъ легко ознакомиться съ всей этой разнообразной флорой. Не бѣда, если того или другого

растенія, захваченнаго на экскурсіи, случайно попавшаго на лугъ, нельзя будетъ найти въ «Луговыхъ травахъ». Такихъ растеній будетъ, конечно, очень немного.

Другая сторона вопроса—это то облегченіе, которое даютъ подобные маленькіе опредѣлители лицамъ, которымъ нужно скоро и легко познакомиться именно съ тѣми растеніями, которыя описаны въ данной книжкѣ. Есть много лицъ, сельскихъ хозяевъ въ особенности, для которыхъ крайне важно получить возможность скоро и легко узнать названія и свойства тѣхъ травъ, которыя растутъ на лугахъ и даютъ главную массу сѣна. По «Луговымъ травамъ» подобное опредѣленіе ботаническаго состава луговъ представляется весьма доступнымъ всякому, знакомому лишь съ основами ботанической терминологіи.

По внѣшнему виду книжка г. Флерова мало отличается отъ «Осенней флоры», «Весенней флоры» и др. книжекъ тѣхъ же издателей.

Въ краткомъ введеніи авторъ говоритъ о лугахъ и ихъ растительности вообще, утверждая, что естественныхъ дѣвственныхъ луговъ въ Средней Россіи не удавалось наблюдать. Заброшенныя поляны и лужайки быстро обростаютъ ивнякомъ и покрываются молодою порослью древесныхъ породъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что луговая растительность средней Россіи связана съ культурною дѣятельностью человѣка.

Далѣе слѣдуетъ краткая программа для наблюденій надъ лугами, затѣмъ таблицы для опредѣленія семействъ, родовъ и видовъ луговыхъ травъ, по обычной системѣ Бентама и Гукера. Послѣднія страницы заняты указателями—систематическимъ по Энглеру и алфавитными. Книжка иллюстрирована 38 рисунками.

Цѣну нельзя назвать высокой. Желательна была бы большая тщательность типографской корректуры (напр., на первой же страницѣ Введенія опечаткой совершенно искажается смыслъ). *Б. Федченко.*

А. М. Никольскій. Гады и рыбы. По Брэму и др. источникамъ. «Библіотека Естествознанія». Изд. Брокгауза-Ефрона. Спб. 1902. Ц. 7 р. 50 к. Руководствами къ познанію русской природы наша литература очень небогата и въ частности по фаунѣ Россіи, развѣ лишь фауна птицъ еще сколько-нибудь доступна натуралисту-любителю, благодаря книгѣ проф. Мензбира, да по насѣкомымъ имѣются 2—3 недурныхъ руководства, тогда какъ изученіе всего остального царства животныхъ въ предѣлахъ нашего обширнаго отечества крайне затруднительно не только для любителя, но даже и для спеціалиста, по полному отсутствію справочныхъ изданій и сводокъ. Литература по фаунѣ Россіи чрезвычайно разбросана, нерѣдко—трудно доступна и мало извѣстна, такъ какъ ни кѣмъ не собрана, разобраться въ безчисленномъ множествѣ отдѣльныхъ видовъ русской фауны, описанныхъ русскими и иностранными учеными, не легко и возможно только при наличности хорошей библіотеки. Низшія позвоночныя Россіи—гады и рыбы—не составляютъ исключенія; еще по рыбамъ имѣлось уже сильно устарѣвшее сочиненіе Сабанѣева («Рыбы Россіи») и опредѣлитель прѣсноводныхъ рыбъ средней Россіи Варпаховскаго, но русскимъ пресмыкающимся же и земноводнымъ не было руководствъ вовсе. Вотъ почему должно особенно горячо привѣтствовать такое произведеніе, какъ книга проф. А. М. Никольскаго.

По существу книга эта не можетъ претендовать и не претендуетъ на значеніе «фауны Россіи» по даннымъ классамъ животнаго царства—по рыбамъ въ ней приводятся далеко не всѣ виды русской фауны; кромѣ того, нѣтъ опредѣлительныхъ таблицъ и синонимики, діагнозы очень кратки, также какъ и указанія на распространеніе. Однако, число видовъ все же очень значительно—изъ гадовъ въ нее вошли всѣ извѣстные въ Россіи; изъ рыбъ приводится 550 русскихъ видовъ—при томъ всѣ важнѣйшія въ промысловомъ отношеніи

и наиболѣе интересныя въ научномъ. Діагнозы достаточны для опредѣленія, не претендующаго на полную научную точность, а многочисленные рисунки восполняютъ до нѣкоторой степени недостатокъ синоптическихъ таблицъ. Во всякомъ случаѣ, книга проф. Никольскаго позволяетъ любителямъ оріентироваться нѣсколько въ фаунѣ Россіи и хотя бы приблизительно, а во многихъ случаяхъ и вполнѣ точно, опредѣлять виды, которые имъ могутъ встрѣтиться. Довольно много данныхъ сообщается и по біологіи описываемыхъ видовъ, хотя должно замѣтить, что, къ сожалѣнію, эта сторона и въ спеціальной литературѣ плохо разработана.

Книга является, разумѣется, вполнѣ компилятивнымъ произведеніемъ и не заключаетъ ничего новаго, но къ числу ея достоинствъ должно отнести, что въ нее вошли самыя свѣжія данныя, можно сказать, вышедшія только что изъ-подъ печатнаго станка. По способу составленія обѣ половины книги сильно между собою разнятся: тогда какъ часть, посвященная гадамъ, представляетъ изъ себя лишь переработку соотвѣтствующей части «Жизни животныхъ» Брэма, съ дополненіями относительно русской фауны, «Рыбы» являются почти вполнѣ самостоятельной сводкой *преимущественно* по фаунѣ русскихъ водъ. Совершенной новинкой въ русской литературѣ являются многочисленныя рыбы восточныхъ морей, приводимыя и изображаемыя въ книгѣ.

Къ недостаткамъ книги должно отнести прежде всего одинъ очень крупный и уменьшающій въ значительной степени значеніе ея какъ руководства для начинающихъ и любителей—именно, полное отсутствіе списка литературы, хотя бы только важнѣйшей. Если это объясняется лишь экономіей, то должно замѣтить, что такая экономія совершенно неразумная—при 55 печатныхъ листахъ текста, одинъ листъ вполнѣ можно было бы удѣлить литературѣ, хотя бы даже съэкономивъ на остальномъ текстѣ. Между тѣмъ именно у насъ въ Россіи, при почти полномъ отсутствіи справочныхъ библіографическихъ изданій, каждый, хотя бы не претендующій на полноту, списокъ литературы имѣетъ огромную цѣнность: нерѣдко начинающіе и любители не знаютъ сочиненій, которыя легко бы могли достать, только потому, что имъ негдѣ найти указанія на эти сочиненія. Облегчить имъ эту задачу—прямая обязанность каждаго составителя подобнаго руководства.

Можно найти въ книгѣ, конечно, при желаніи и мелкіе промахи въ описаніяхъ и синонимикѣ видовъ, въ особенности въ тѣхъ отдѣлахъ, въ которыхъ автору не приходилось работать самому, но они не существенны и мы на нихъ не будемъ останавливаться. Зато очень нежелательны такіе мелкіе, но досадные недосмотры, какъ на стр. 689, гдѣ густера 3 раза подрядъ названа Blicca вмѣстѣ Blicca. Совершенно непонятенъ также промахъ во внѣшности книги, именно, полное отсутствіе во второй части нумераціи таблицъ и фигуръ на нихъ—это сильно затрудняетъ отыскиваніе изображеній.

Очень многочисленные рисунки (440 политипажей и 70 таблицъ), заимствованные изъ спеціальныхъ, частью трудно доступныхъ сочиненій, за немногими исключеніями, выполнены вполнѣ отчетливо и удовлетворительно передаютъ внѣшній видъ животныхъ. Внѣшность книги вообще хороша, хотя должно поставить издателю въ упрекъ убійственно мелкій и плотный шрифтъ, сильно утомляющій глаза при чтеніи. *П. Ю. Шмидтъ.*

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

„Городская медицина въ Европейской Россіи".—*С. Корженевскій.* „Земская медицина въ Тверской губ.".—*Э. Дюкло.* „Соціальная гигіена».—*Э. Бернадскій.* «Медицина, врачи и публика».—*М. Покровская.* «Какъ я была городскимъ врачомъ".

Городская медицина въ Европейской Россіи. Сборникъ свѣдѣній объ устройствѣ врачебно-санитарной части въ городахъ. Обработано для печати А. А. Чертовымъ. Москва. 1903 г. Ц 1 р. 50 коп. Къ сожалѣнію, широко задуманный обществомъ русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова трудъ далъ, не по винѣ общества, сравнительно незначительные результаты, которые, въ концѣ концовъ, пришлось опубликовать почти въ совершенно сыромъ видѣ.

Неудовлетворительная постановка медицинскаго дѣла въ городахъ давно обращала на себя вниманіе пироговскихъ съѣздовъ, которымъ по этому вопросу въ разное время были представлены доклады д-рами М. И. Гошкевичемъ, Н. Н. Дворяшинымъ, П. П. Бѣлоусовымъ и Д. Н. Жбанковымъ. Послѣднимъ на V-омъ съѣздѣ былъ сдѣланъ докладъ подъ заглавіемъ «Объ организаціи городами врачебной помощи для городского населенія», причемъ тогда же рѣшено было выработать опредѣленную программу для собиранія свѣдѣній объ организаціи въ настоящее время врачебной и санитарной части въ городахъ земской Россіи. Когда программа была выработана, она была разослана, въ количествѣ 526 экземпляровъ, въ разные города Россіи. Тутъ-то и начались неудачи. Отвѣты поступали очень медленно, приходилось возобновлять обращенія, и, въ концѣ концовъ, начиная съ 1898 года по 1900 г., получено было всего 258 отвѣтовъ. Но, къ сожалѣнію, полученные отвѣты и въ качественномъ отношеніи, какъ говоритъ въ предисловіи къ сборнику правленіе общества, оставляли желать весьма многаго: отвѣты часто были неясны или недостаточно полны и точны, а иногда и вовсе отсутствовали по наиболѣе капитальнымъ пунктамъ программы.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, свидѣтельствующихъ, къ прискорбію, объ отсутствіи извѣстнаго общественнаго интереса даже среди врачей, пришлось, дабы доставленныя свѣдѣнія окончательно не потеряли интереса современности, отказаться отъ попытки систематезировать и обработать столь разрозненный и неполный матеріалъ, и выпустить сборникъ въ настоящемъ сыромъ видѣ.

Но и собранный недостаточный матеріалъ, къ сожалѣнію, вполнѣ подтверждаетъ печальные выводы о положеніи городской медицины, къ которымъ пришелъ въ своемъ докладѣ д-ръ Д. Н. Жбанковъ на V-омъ съѣздѣ и д-ръ А. А. Чертовъ на VIII-омъ (см. отчетъ объ этомъ съѣздѣ въ февральской книжкѣ «Міра Божьяго» за 1902 годъ), а именно: громадное большинство губернскихъ и уѣздныхъ городовъ ничего не дѣлаютъ или ассигнуютъ ничтожныя суммы для организаціи врачебной помощи и санитарной части въ городахъ и только благодаря земству населеніе большинства городовъ не остается безъ медицинской помощи.

Когда просматриваешь сборникъ, начинаешь отчетливо понимать значеніе словъ «богоспасаемый городъ». Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти Малоархангельски, Верхніе и Нижніе Ломовы, Шишкѣевы, Чебоксары, Троицки, Ромны, Переяславы и т. д. собственной медицины не имѣютъ, о благотворительныхъ учрежденіяхъ не слыхали, по части водоснабженія и удаленія нечистотъ находятся въ первобытномъ состояніи.

На грустныя размышленія наводитъ даже поверхностное ознакомленіе со сборникомъ... Врачъ *В. И. Б—ъ.*

*

С. Н. Корженевскій. Земская медицина въ Тверской губерніи. I медицинское дѣло въ уѣздахъ. Тверь. 1903 г. Цѣна не обозначена. Изданіе санитарнаго отдѣла Тверской губернской управы. Несмотря на, повидимому, спеціальный характеръ названной книги, мы позволяемъ себѣ сказать о ней нѣсколько словъ въ общемъ журналѣ, въ увѣренности, что всякій, кто дастъ себѣ трудъ прочесть ее, не будетъ считать потраченное на чтеніе время потеряннымъ.

Безъ громкихъ фразъ, съ цифровымъ матеріаломъ въ рукахъ, авторъ наглядно показываетъ по отдѣльнымъ уѣздамъ, что представляла собой медицинская часть въ этихъ мѣстахъ до введенія земскихъ учрежденій и что дало въ этомъ смыслѣ населенію земство.

Получивъ въ наслѣдство отъ дореформеннаго времени какую-то пародію на медицину съ больницами, въ которыхъ не было ни чайника, ни стакана, въ которыхъ для больныхъ не было другого платья, кромѣ лѣтнихъ халатовъ, и т. д., земство за 40 лѣтъ создало цѣлую сѣть лѣчебныхъ заведеній, правильно организованныхъ пунктовъ, родильныхъ пріютовъ, поставило на высоту дѣло оспопрививанія, приблизило къ населенію врачебную помощь настолько, что теперь врядъ ли есть въ губерніи пунктъ, гдѣ можно было бы остаться безъ надлежащаго пособія.

Если вспомнить, что въ дореформенное время помощь въ губерніи оказывалась преимущественно ротными фельдшерами, цирульниками и костоправами, въ концѣ 90-хъ годовъ мы видимъ цѣлый рядъ больницъ, гдѣ совершенно удобно и съ результатами, не отличающимися отъ результатовъ, получаемыхъ въ наилучше поставленныхъ больницахъ, дѣлаются операціи всякаго рода, въ томъ числѣ весьма сложныя и требующія, кромѣ искусства, надлежащей обстановки если вспомнить, что успѣхи эти достигнуты, несмотря на препятствія, ставящіяся земству на каждомъ шагу, то станетъ понятно негодованіе, какое вызываютъ у всѣхъ честныхъ людей лживыя, наглыя, лицемѣрныя выкрикиванія извѣстнаго сорта печати по поводу неудовлетворительной будто бы постановки медицинскаго дѣла въ земствахъ.

Кромѣ фактической, матеріальной пользы, земская медицина сыграла еще большую, пожалуй, роль въ смыслѣ культурномъ, но эта дѣятельность не поддается, къ сожалѣнію, никакому учету. Во всякомъ случаѣ, земскій врачъ всегда былъ и остается до сихъ поръ—увы! чуть ли не единственнымъ представителемъ культуры въ такихъ углахъ, гдѣ, какъ говоритъ г. Корженевскій, никогда не ступала нога культурнаго человѣка (если не считать таковымъ станового).

«Подавая медицинскіе и гигіеническіе совѣты,—говоритъ далѣе д-ръ Корженевскій,—врачъ, если онъ хотѣлъ стоять на высотѣ своего положенія, не могъ не входить во всякіе, иногда даже мелочные вопросы повседневной жизни своихъ паціентовъ. Каждый отдѣльный амбулаторный совѣтъ, каждый отдѣльный разговоръ съ амбулаторнымъ посѣтителемъ, конечно, представляетъ изъ себя нѣчто несвязное, обрывочное, случайно брошенную мысль; но если мы скажемъ, что въ теченіе 30 послѣднихъ лѣтъ земскіе врачи Тверской губерніи побесѣдовали въ своихъ амбулаторіяхъ съ 10-ю милліонами посѣтителей, то это будетъ уже нѣчто такое, что не могло исчезнуть, не оставивъ никакихъ слѣдовъ, ничѣмъ не отразившись въ міропониманіи «сельскаго населенія».

Врачъ *В. И. Б—ъ*.

Э. Дюкло. Соціальная гигіена. Перевелъ съ французскаго Е. А. Предтеченскій. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 коп. Подъ громкимъ и заманчивымъ названіемъ «Соціальная гигіена» авторъ, говоря его же словами, разсматриваетъ болѣзни не съ медицинской, а съ соціальной точки зрѣнія, т. е. со стороны того, какъ онѣ отражаются на обществѣ, и того, какъ это общество

съ большими или меньшими усиліями могло бы съ ними бороться и предохранять себя отъ нихъ. Въ группу этихъ болѣзней авторъ включаетъ оспу, «тифозную горячку» (?), болѣзнь рудокоповъ, чахотку, алкоголизмъ и сифилисъ. Конечно, число этихъ болѣзней можетъ быть значительно больше, если напр. хотя въ отдѣлѣ «тифозная горячка» разсматривать не одинъ брюшной тифъ, какъ это дѣлаетъ авторъ, а и два другихъ тифа—сыпной и возвратный, въ борьбѣ съ которыми общество тоже можетъ очень много сдѣлать.

Какъ истинный французъ, авторъ разсматриваетъ всѣ эти болѣзни почти исключительно съ точки зрѣнія французскихъ дѣлъ, что могло бы быть само по себѣ интересно, но что, во всякомъ случаѣ, умаляетъ общее значеніе книжки.

Недовольный постановкой оспопрививанія на своей родинѣ, авторъ очень много и безъ особой надобности разсуждаетъ о префектахъ, о другихъ чиновникахъ, объ общественномъ мнѣніи и т. д.

Въ главѣ о «тифозной горячкѣ» читатель сразу наталкивается на слѣдующее противорѣчіе, которое мы готовы скорѣе приписать винѣ переводчика, чѣмъ автора. Въ самомъ началѣ этой главы (стр. 31 и 32) говорится: «перенесши разъ тифозную горячку, нельзя считать себя невоспріимчивымъ къ ней. Сколько бы разъ вы ее ни переносили, вы все-таки должны остерегаться ея и принимать предохранительныя мѣры»—и это совершенно невѣрно, такъ какъ извѣстно, что тифъ крайне рѣдко наблюдается даже дважды у одного и того же субъекта, а на стр. 34 высказывается уже правильная мысль, что «тифозная горячка» принадлежитъ къ числу болѣзней, почти не повторяющихся два раза, такъ какъ она сообщаетъ перенесшему ее разъ болѣе или менѣе значительную невоспріимчивость...

Въ главѣ о сифилисѣ авторъ является противникомъ аболюціонистовъ и, надо правду сказать, мало основательнымъ, а, говоря объ алкоголизмѣ, Дюкло высказываетъ, между прочимъ, тотъ взглядъ, что вредъ небольшихъ дозъ алкоголя никѣмъ не доказанъ. Возраженія же его на вопросъ рѣшительныхъ противниковъ алкоголя, гдѣ и какъ найти границу между совсѣмъ малыми и болѣе значительными дозами алкоголя, какъ предупредить столь частый и почти неизбѣжный и потому опасный переходъ отъ потребленія небольшихъ количествъ этого яда къ огромнымъ порціямъ, крайне слабы и незначительны. Затѣмъ, опять-таки какъ французъ, авторъ, несмотря на свой большой научный авторитетъ, очень болтливъ, часто прибѣгаетъ къ совершенно ненужнымъ сравненіямъ, то отъ имени читателя, то отъ имени общества, то отъ имени какой-нибудь воображаемой дочери произноситъ длинныя рѣчи, которыя въ большомъ количествѣ производятъ непріятное впечатлѣніе пустой болтовни. Такъ, отъ имени общества авторъ обращается къ мнимой цвѣточницѣ (торгующей собой) со слѣдующими словами: «я могу не обращать вниманія на непредвидѣнныя послѣдствія какой-нибудь частной торговли; но я на это уже и имѣю права съ той минуты, когда эта торговля, какъ въ вашемъ дѣлѣ, становится публичной. Съ этой минуты вы, особенно вы, сударыня, становитесь опасной» и т. д. почти на двухъ страницахъ!

Или дочь обращается къ родителямъ: «отецъ, мать! Я полагалась на васъ вполнѣ въ дѣлѣ моего воспитанія. Когда вы мнѣ представляли мужа и когда я его выбирала, я изучала его съ разныхъ точекъ зрѣнія, подсказанныхъ мнѣ этимъ моимъ воспитаніемъ. А вотъ я теперь больна, потому что вы мнѣ ничего не говорили» и т. д.

Впрочемъ, надо быть справедливымъ: многіе недостатки изложенія надо отнести на счетъ переводчика, который не совсѣмъ удачно справился со своей, надо думать, не легкой задачей. Кромѣ того, приходится думать, что переводчикъ не врачъ, такъ какъ онъ употребляетъ термины, во врачебной литературы не принятые: «бактеріологистъ»—вмѣсто бактеріологъ, «тифные заро-

дыши» — вмѣсто «тифозные», «сифиліографы»— уже не знаемъ вмѣсто чего: есть ли это сифилидологъ, или писатель о сифилисѣ и т. д.

Врачъ *В. И. Б*—ъ.

Д-ръ Э. Бернадскій. Медицина, врачи и публика. Переводъ съ польскаго д-ра С. К. Лешкевича. Москва. 1903 г. Ц. 80 коп. Книга д-ра Э. Бернадскаго, скромно называемая авторомъ брошюрой, заслуживаетъ самаго живого вниманія какъ по разнообразію затронутыхъ въ ней вопросовъ, такъ и по способу трактованія послѣднихъ.

Обладая солидными спеціальными знаніями, широкимъ и глубокимъ общимъ образованіемъ, авторъ въ 7-ми главахъ своей книги съ рѣдкимъ умѣньемъ излагаетъ исторію всей медицины, даетъ картину современнаго состоянія этой науки со всѣми ея неразрѣшенными проблемами, устанавливаетъ предѣлы искусства врачеванія, выясняетъ причины ненормальныхъ отношеній между врачами и публикой.

Философское отношеніе къ трактуемому предмету даетъ возможность автору совершенно объективно излагать свои мысли, что является особенно цѣннымъ въ виду жгучести многихъ разбираемыхъ вопросовъ.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги авторъ, между прочимъ, указываетъ на историческую связь между медициной и религіей и эту связь въ новѣйшее время онъ усматриваетъ въ возникновеніи медицинскихъ сектъ.

Разсужденіе автора по этому поводу мы позволимъ себѣ привести, надѣясь, что читатели не посѣтуютъ на насъ за нѣсколько длинную цитату.

«Въ исторіи мы часто видимъ близкое сосѣдство медицины и религіи: то врачеваніе составляло спеціальность жрецовъ и производилось въ храмахъ, то опять, какъ въ средніе вѣка, въ религіозныхъ обрядахъ, въ молитвѣ видѣли исключительное врачебное средство, помогающее противъ всѣхъ болѣзней. Цѣль и содержаніе религіи составляютъ сферы, находящіяся за предѣлами человѣческаго познанія. Въ новѣйшія времена, когда медицина и религія значительно отдѣлились одна отъ другой, мы все-таки видимъ одинъ фактъ, который снова доказываетъ, какъ много общаго между собою имѣютъ эти двѣ сферы человѣческаго творчества: медицина является, пожалуй, единственной наукой, въ которой существуютъ, совершенно какъ въ религіи, секты. Одна медицина и одна религія не могли удовлетворить человѣчество. И вотъ замѣчается любопытное явленіе, указывающее на то, какъ трудно въ области медицинскихъ понятій искоренить изъ человѣческаго духа мистицизмъ. Медицинскія секты начали возникать именно тогда, когда медицина стала быстро вступать на научные пути и исключила, какъ предметъ изслѣдованія, все сверхъестественное. Въ средніе вѣка и позднѣе, когда черти и колдуны составляли причину и сущность болѣзней, когда Парацельзъ изобрѣталъ лекарства противъ болѣзни при посредствѣ звѣздъ... мы ничего не слышимъ о медицинскихъ сектахъ. Существовали только одни врачи, одна наука, которая всему вѣрила, все принимала въ свои объятія, и общество знало однородную группу только врачей. Но какъ только начала возникать настоящая наука, и—что самое главное—какъ только было доказано существованіе самоисцѣленія и научный критическій анализъ уничтожилъ массу врачебныхъ вѣрованій, а знаніе высказалось о цѣломъ рядѣ болѣзней: «я здѣсь рѣшительно ничего не могу сдѣлать, на излеченіе не имѣю никакого вліянія»,—тогда-то немедленно и появились различныя ученія, которыя находили противъ всѣхъ страданій, противъ всѣхъ проявленій болѣзни «несомнѣнныя» средства. Человѣчество не могло удовольствоваться выводами трезвой науки, какъ никогда не удовольствуется ею въ области религіозныхъ вѣрованій».

Мы позволяемъ себѣ рекомендовать книгу д-ра Бернадскаго не только вообще образованной публикѣ, которая почерпнетъ въ ней много прямо полез-

ныхъ свѣдѣній, но и врачамъ, которые—нечего этого скрывать—въ огромномъ большинствѣ не грѣшатъ особеннымъ знакомствомъ съ исторіей своей науки.

Врачъ *В. И. Б—ъ.*

Женщина-врачъ М. И. Покровская. Какъ я была городскимъ врачомъ для бѣдныхъ. (Изъ воспоминаній женщины-врача. Спб. 1903 г. Ц. 40 коп.). Когда, по прочтеніи какой-либо книжки, у читателя возникаетъ вопросъ, зачѣмъ собственно такая книжка написана, то обыкновенно это не говоритъ въ пользу даннаго произведенія.

Къ сожалѣнію, новая книжка г-жи Покровской принадлежитъ къ разряду именно тѣхъ, которыя вызываютъ читательское недоумѣніе.

На 68 страницахъ г-жа Покровская разсказываетъ, какъ какая-то женщина-врачъ начинала свою медицинскую карьеру въ губернскомъ городѣ Х., какъ былъ нехорошъ мужской медицинскій персоналъ, и высшій и низшій, и какъ этотъ врачъ могъ служить при хорошемъ городскомъ головѣ и долженъ былъ уйти при дурномъ головѣ.

Если бы все это еще было разсказано увлекательно, то, пожалуй, можно было бы почитать, а вялый, монотонный разсказъ поневолѣ вызываетъ вопросъ: зачѣмъ это все говорится? Нѣтъ, г-жѣ Покровской надо отказаться отъ беллетристики.

Врачъ *В. И. Б—ъ.*

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Изданія т-ва «Донская Рѣчь», въ Ростовѣ-на-Дону. Нельзя не привѣтствовать это новое книгоиздательство, за короткое время выпустившее въ свѣтъ цѣлый рядъ небольшихъ, удачно выбранныхъ художественныхъ разсказовъ старыхъ и молодыхъ русскихъ беллетристовъ, давъ такимъ образомъ возможность ознакомиться съ ними самому широкому кругу читателей. Просматривая серію вышедшихъ уже разсказовъ, вы встрѣтите тамъ имена В. Короленки («Пріемышъ», «Ночью»), Л. Андреева («Бергамотъ и Гараська», «Гостинецъ», «Петька на дачѣ», «Въ Собуровѣ»), Л. Мельшина («Икорка», «Чортовъ яръ»), Н. Златовратскаго («Мечтатели»), Е. Чирикова («Свинья», «Маленькій грѣшникъ»), А. Куприна («Ночная смѣна»), В. Вересаева («Въ сухомъ туманѣ»), Н. Тимковскаго («Среди людей»), И. Бѣлоконскаго («Страховка»), Станюковича, Баранцевича, Серафимовича, Дмитріевой и др. Изящно и заботливо изданныя, всѣ эти разсказы напечатаны на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ и замѣчательно дешевы: отъ 1 коп. за книжку въ 8 стр. до 5 коп. за книжку въ 48 стр.

Помимо беллетристическихъ произведеній, въ эту серію дешевыхъ книжекъ входитъ лишь одинъ біографическій очеркъ С. Русовой: «Біографія *Гарибальди*» (съ портр.), 4 к., 39 стр. Въ этомъ небольшомъ, горячо написанномъ очеркѣ ярко обрисовывается сильная личность великаго борца за свободу Италіи, его задачи, стремленіе и то народное движеніе, которое охватило Италію, жаждавшую освободиться отъ чужеземнаго гнета, тяготѣвшаго надъ страной. Въ очеркѣ, посвященномъ преимущественно личности и дѣятельности Гарибальди, читатель тѣмъ не менѣе ознакомится, хотя и поверхностно и лишь постольку, поскольку это необходимо для выясненія дѣятельности Гарибальди, съ внутреннимъ состояніемъ Италіи и тѣми международными отношеніями, которыя опредѣляли положеніе Италіи въ Европѣ въ эту эпоху. Освободительное движеніе 48 г., охватившее всю Европу и нашедшее себѣ благопріятную почву и въ Италіи, къ сожалѣнію, недостаточно освѣщено авторомъ, несмотря на то значеніе, которое имѣло оно для дѣятельности Гари-

бальди. По изложенію очеркъ доступенъ самому широкому кругу читателей. Необходимо отмѣтить и другую серію популярно-научныхъ изданій т-ва, заслуживающихъ самаго широкаго распространенія. Б. С. «Трудъ и капиталъ». Первоначальныя свѣдѣнія по политической экономіи. Переводъ съ польскаго В. Туганской, 20 к., 59 стр. Въ этой небольшой популярно изложенной книгѣ даются основныя понятія политической экономіи: понятіе о товарѣ, цѣнности товаровъ, о трудѣ и его раздѣленіи, понятіе о капиталѣ, о различныхъ видахъ капитала, о ростѣ капитала. Излагая одну изъ установившихся въ наукѣ теорій политической экономіи по этимъ основнымъ вопросамъ, авторъ не затрагиваетъ совершенно другихъ теорій, отчего книга выигрываетъ въ доступности изложенія, хотя и теряетъ нѣсколько въ научномъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе нельзя не рекомендовать ее, какъ удачный опытъ популяризаціи.

В. Строевъ. Очеркъ государства московскаго передъ реформами. 79 стр. 20 коп. Передъ читателемъ развертывается полная историческая картина московскаго государства передъ реформами Петра. Авторъ начинаетъ съ верховъ и кончаетъ низами русскаго общества того времени. Останавливаясь въ первой части книги на политическомъ и сословномъ строѣ московскаго государства, его центральномъ, мѣстномъ управленіи и судопроизводствѣ, во второй части книги авторъ даетъ описаніе быта и образа жизни всѣхъ слоевъ русскаго общества и народа, раскрывая передъ читателемъ всю грубость нравовъ того времени, когда слабый свѣтъ просвѣщенія проникалъ лишь въ ограниченный кругъ высшихъ класовъ населенія и полный мракъ невѣжества царилъ во всемъ остальномъ обществѣ и въ народныхъ массахъ. Первая часть книги написана нѣсколько сухо, однако и она прочтется съ интересомъ болѣе или менѣе подготовленнымъ читателемъ, знакомымъ съ исторіей. Вторая часть читается легче; интересна и хорошо написана послѣдняя глава о стрѣлецкихъ бунтахъ, выясняющая ихъ причину и значеніе въ исторіи московскаго государства.

«Библіотека народнаго Блага». И. Е. Ермиловъ. Жизнь и сердце поэта. (Памяти Н. А. Некрасова) 24 стр. 10 коп. Этотъ недурно написанный біографическій очеркъ Некрасова, къ сожалѣнію, ограничивается лишь его жизнеописаніемъ. Живо очерчены впечатлѣнія дѣтства, тяжелые годы ученья поэта, его борьба за существованіе въ этотъ періодъ, но дается лишь самая короткая характеристика поэзіи Некрасова и ея значенія въ русской литературѣ. Обстановка и условія общественной русской жизни, среди которыхъ жилъ и работалъ Некрасовъ, совершенно не освѣщены авторомъ; въ очеркѣ нѣтъ образцовъ поэзіи Некрасова.

В. Е. Ермиловъ. Завѣты Бѣлинскаго молодому поколѣнію (публичная рѣчь). Стр. 32. Ц. 15 к. Горячая, хорошо написанная рѣчь В. Е. Ермилова можетъ произвести впечатлѣніе и возбудить интересъ къ идеямъ и произведеніямъ Бѣлинскаго, но только не въ широкихъ кругахъ массоваго читателя, которому трудно будетъ разобраться въ этомъ хвалебномъ гимнѣ идеалисту 40-хъ годовъ. Конкретнаго представленія о личности Бѣлинскаго и о его общественномъ значеніи не вынесетъ этотъ читатель изъ отвлеченнаго изложенія его идей г. Ермиловымъ. По внѣшности эта книжечка, какъ и другія изданія «Библіотеки народнаго блага», напр. разсказъ Андреева «Баргамотъ и Гараська», не производятъ такого хорошаго впечатлѣнія, какъ изданія т-ва «Донская Рѣчь», хотя послѣднія много дешевле.

Изданія магазина «Книжное Дѣло». Для школъ и домашняго чтенія, Очерки Быковой Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты Ц. 50 и Икономова Древній Египетъ. Ц. 35 к, выпущенные въ свѣтъ магазиномъ «Книжное Дѣло» вторымъ изданіемъ, по содержанію извѣстны читающей публикѣ, и

можно лишь порадоваться появленію ихъ второго изданія. Книги эти переизданы безъ перемѣнъ и дополненій, но съ внѣшней стороны новое ихъ изданіе производитъ лучшее впечатлѣніе: улучшены рисунки, печать, бумага, хотя цѣна не повышена. При переизданіи очерковъ Быковой желательно было бы видѣть дополненіе ихъ свѣдѣніями и фактами о событіяхъ послѣднихъ лѣтъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, что придало бы книгѣ большій интересъ.

Изъ мелкихъ разсказовъ, переизданныхъ «Книжнымъ дѣломъ» отмѣтимъ разсказъ Л. Толстого **«Три смерти»** ц. 5 к., разсказы Тимковскаго **«Вьюга», «Авось и Небось»** ц. 20 к. и **Сборникъ разсказовъ «Самоотверженные», 234 стр. ц. 50 к.** въ который вошли разсказы о самоотверженныхъ людяхъ и о подвигахъ самоотверженія подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ мотивовъ и поводовъ, часто въ условіяхъ и обстановкѣ, мало имъ благопріятствующихъ. Лучшими изъ разсказовъ этого сборника являются разсказы Гаршина «Сигналъ», Станюковича «Человѣкъ за бортомъ», Конопницкой «Мендель Гданскій». Менѣе удачны другіе, переизданные «Книжнымъ дѣломъ» разсказы: **Старая сказка про Кандида Простодума» въ пересказѣ Свѣтниковой. Ц. 10 к** слишкомъ упрощенная и потому потерявшая свой интересъ, и разсказъ **Н. Н. Блинова «На нивѣ народной» Ц. 10 к.** нехудожественный и тенденціозно написанный. Со внѣшней стороны всѣ эти изданія производятъ хорошее впечатлѣніе.

Всеобщая библіотека Г. Ѳ. Львовича. Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ, предпринятое «Всеобщей библіотекой» изданіе отдѣльныхъ очерковъ Г. И. Успенскаго. До сихъ поръ вышли въ свѣтъ слѣдующіе очерки: 1)« Пришло на память», 2) «Идилія», «Обстановочка», «Невидимка Авдотья», 3) «Слѣпой пѣвецъ», «Чуткое сердце», 4) «Богъ грѣхамъ терпитъ» и 5) «Отцы и дѣти», въ слѣдующихъ книжкахъ «Всеобщей библіотеки» обѣщаны дальнѣйшіе очерки и разсказы Г. И. Успенскаго. Цѣна каждой книжки 10 к., не очень дешевая, но все же общедоступная. Широкое ознакомленіе читающей публики съ очерками Г. И. Успенскаго тѣмъ болѣе желательно, что произведенія его почти неизвѣстны народу, а между тѣмъ въ нихъ такъ полно и всесторонне отразились жизнь и настроеніе той эпохи, чуткимъ наблюдателемъ которой былъ этотъ великій писатель. Можно пожелать лишь скорѣйшаго появленія его очерковъ изъ деревенской жизни.

«Школьная библіотека». Новое изданіе для дѣтей школьнаго возраста подъ ред. Вл. Львова. Вышедшія въ свѣтъ 5 книжекъ «Школьной библіотеки» можно рекомендовать для школьнаго и домашняго чтенія дѣтей подростковъ. Особенно хороши два разсказа: **В. Н. Харузиной. Оцзи и Олесъ. Изъ жизни лопарей 47 стр. Ц. 15 к. и К. Д. Носилова. Юдикъ. Изъ жизни самоѣдовъ на Новой Землѣ, 56 стр. Ц. 15.** Оба эти разсказа написаны занимательно, мѣстами художественно и знакомятъ маленькихъ читателей не только съ природой, окружающей лопарей и самоѣдовъ, но съ ихъ занятіями, бытомъ, религіей, суевѣріями и обычаями.

Очерки Вас. Львова. Медвѣдь и медвѣжій промыселъ въ Россіи. 42 стр. Ц. 15 к. и Бѣлка и бѣличій промыселъ 32 стр. Ц. 15 к. въ живомъ вполнѣ доступномъ для дѣтей изложеніи знакомятъ читателей съ этими животными, водящимися въ лѣсахъ Россіи, ихъ жизнью и нравами, а также съ условіями жизни и различными пріемами и способами охоты промышленниковъ, доставляющихъ ежегодно массы ихъ шкуръ на мѣховые рынки.

Наконецъ очеркъ **Влад. Львова. Каменный уголь, какъ его добываютъ и какъ онъ образовался. 60 стр. Ц. 20 к.**, даетъ описаніе каменноугольныхъ залежей, ихъ образованія, значенія каменнаго угля въ современной промышленной жизни, разработки угля и вмѣстѣ съ тѣмъ мрачную картину тяжелыхъ условій работы рудокоповъ въ каменноугольныхъ шахтахъ и угрожаю-

шихъ имъ постоянно опасностей. Всѣ книжки эти изданы на хорошей бумагѣ и снабжены недурными рисунками.

Народная литература. Сборникъ отзывовъ библіотечной комиссіи Кіевскаго Общества Грамотности о книгахъ для народнаго чтенія, 242 стр., Ц. 75 к. Книга эта—коллективный трудъ комиссіи Кіевскаго Общества Грамотности—является цѣннымъ вкладомъ въ библіографію народной литературы. Читатель найдетъ въ ней отзывы о 642 книжкахъ по пяти отдѣламъ литературы: беллетристики, исторіи, географіи, естествознанію и медицинѣ. Въ предисловіи указаны задачи, которыя имѣла въ виду комиссія и тѣ критеріи, которыми руководилась она при оцѣнкѣ народныхъ изданій и ихъ классификаціи. Цѣль комиссіи—придти на помощь въ практической работѣ лицамъ и учрежденіямъ, занятымъ составленіемъ библіотекъ. При составленіи отзывовъ каждая книга прочитывалась и обсуждалась въ группѣ, состоящей не менѣе чѣмъ изъ 3 человѣкъ, а нѣкоторые отзывы прочитывались и обсуждались въ общихъ собраніяхъ комиссіи. Въ каждомъ отзывѣ дается не только выводъ комиссіи о большей или меньшей пригодности или непригодности книги для народныхъ библіотекъ, но и краткое изложеніе содержанія книги, что особенно цѣнно для лицъ, составляющихъ библіотеки, тѣмъ болѣе, что по этому изложенію можно до нѣкоторой степени критически отнестись и къ выводу комиссіи.

Въ сборникѣ даются отзывы о дешевыхъ народныхъ изданіяхъ, вышедшихъ въ свѣтъ преимущественно за послѣдніе 5—6 лѣтъ до осени 1903 г. при чемъ особыми знаками отмѣчены книги, допущенныя министерствомъ народнаго просвѣщенія до мая 1903 г. въ школьныя библіотеки и безплатныя народныя библіотеки-читальни. Если этотъ сборникъ нельзя назвать исчерпывающимъ (нѣкоторые отдѣлы литературы совершенно еще не затронуты), то во всякомъ случаѣ, можно признать его сравнительно полнымъ и безпристрастнымъ. Это только 1-й выпускъ и встрѣчающіеся пробѣлы могутъ быть пополнены въ дальнѣйшихъ выпускахъ, появленіе которыхъ очень желательно.

Л. К—ва.

Содержаніе библіографическаго отдѣла за 1903 г.

Беллетристика.

Боденштедтъ. «Пѣсни Мирзы-Шаффи». *Ю. Верховскій.* (Окт.)
Вересаевъ. «Разсказы», т. III. *А. Б.* (Май).
Всев. Гаршинъ. «Разсказы». *С. А.* (Окт.).
Гауптманъ. «Собр. сочиненій». *Е. Дегенъ.* (Апр.).
Головинъ. (Орловскій). «Полное собраніе сочиненій». *М. Пр.* (Янв.).
Гриневская. «Бабъ». Драм. поэма. *П. Вейнбергъ.* (Окт.).
Дорошевичъ. «Сахалинъ». *А. М.* (Апр.).
Измайловъ. «Въ бурсѣ». *А. К—инъ.* (Іюль).
Р. Киплингъ. «Разсказы-сказки». *С. Ольденбургъ.* (Апр.)
— «Смѣлые мореплаватели». *А. К—инъ.* (Іюнь).
Вл. Короленко. «Безъ языка». *Ѳ. Батюшковъ.* (Февр.).
Сельма Лагерлефъ. «Чудеса антихриста». Романъ. *А. Б.* (Янв.).
Ф. Лангманъ. «Драмы и новеллы». *А. Б.* (Авг.).
Лонгфелло. «Пѣснь о Гайаватѣ». *Е. Дегенъ.* (Май).
Луговой. «Грани жизни». *А. Б.* (Май).
Луве де-Куврэ. «Любовныя похожденія кавалера Фоблаза». *Е. Дегенъ.* (Май).

Д. Маліева. «Нетронутый уголокъ». *А. Б.* (Ноябрь).
Марко Вовчокъ. «Народни оповидання». *М. Славинскій.* (Іюль).
Подъячевъ. «Мытарства». *А. Э.* (Окт).
И. Потапенко. «Полное собраніе сочиненій», т. I и II. *А. Б.* (Ноябрь).
А. С. Пушкинъ. «Труды и дни». *Б. С.* (Окт.).
Пушкинъ. «Сочиненія». Изд. Суворина. *Б. Савинковъ.* (Февр.).
Ст. Пшибышевскій. «Homo sapiens». Ром. *А. Вергежскій.* (Ноябрь).
Н. Сѣверова. «Эта». Повѣсть. *Ѳ. Батюшковъ.* (Февр.).
Циммерманъ. «Разсказы». *А. Б.* (Авг.).
Шевченко. Перев. Дремцова, вып. I. *М. Славинскій.* (Январь).
Шекспиръ. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. *Е. А.* (Іюнь).
Ар. Шнитцлеръ. «Часы жизни». *Ю. Верховскій.* (Май).

Критика и исторія литературы и искусства.

Андреевскій. «Литературные очерки». *Б. Савинковъ.* (Іюнь).
Баженовъ. «Психіатрическія бесѣды на литер. и общ. темы». *В. И. Б-ъ.* (Авг.).
Барсуковъ. «Жизнь и труды Погодина». *С. А.* (Авг.).
Бобровъ. «Литература и просвѣщеніе въ Россіи въ XIX в.». *Б. Савинковъ.* (Мартъ).
Брагинскій. «Библіографическій указатель переводной беллетристики въ рус. журналахъ 1897—1901 г.». *С. О.* (Февр.).
Г. Брандесъ. «Скандинавская литература». *Е. Дегенъ.* (Мартъ).
Бѣлинскій. «Полное собраніе сочиненій». *С. Ашевскій.* (Мартъ).
А. Веселовскій. «Жуковскій» *С. Ашевскій.* (Февр.)
Волжскій. «Очерки о Чеховѣ». *Ѳ Бат—овъ.* (Іюль).
Труды Грота, т. V. *С. А.* (Іюль).
А. С. «Ел. Дм. Полѣнова». *Е. Дегенъ.* (Янв.).
А. И. Кирпичниковъ. «Очерки по исторіи новой рус. литературы». *С. А.* (Іюнь).
«Литературный архивъ», изд. Архиповымъ. *Б. Савинковъ.* (Май).
Мезьеръ. «Указатель истор. романовъ оригин. и перевод. по странамъ и эпохамъ». *С. О.* (Февр.).
Новицкій. «Исторія русскаго искусства», вып. VI—XII. *Е. Дегенъ.* (Іюль).
«Письма. И. С. Тургенева къ Л. Н. и Л. Я. Стечкинымъ». *С. А.* (Окт.).
«Письма Пушкина къ Пушкину». Ред. и прим. В. Брюсова. *Б. С.* (Окт.).
Пономаревъ. «Жуковскій, какъ поэтъ-романтикъ и въ отнош. къ Царю Освоб.». *С. Ашевскій.* (Февр.).
М. Протопоповъ. «Критическія статьи». *Ник. Іорданскій.* (Янв.).
Дж. Рёскинъ. «Радость навѣки». *А. Рыкачевъ.* (Февр.).
А. Скабичевскій. «Исторія новѣйшей русской литературы». *С. Ашевскій.* (Ноябрь).
Е. Соловьевъ (Андреевичъ). «Очерки изъ исторіи рус. литер. XIX в.» *С. Ашевскій.* (Іюнь).
М. Чайковскій. «Жизнь П. И. Чайковскаго». *В. Вальтеръ.* (Май).
Евг. Цабель. «Гр. Левъ Ник. Толстой». *С. Ашевскій.* (Окт.).
Шляпкинъ. «Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. *С. Ашевскій.* (Окт.).
Wilhelm Feldman. «Wspólczesna literatura polska». *Ев. Аничковъ.* (Сент.).
Н. Энгельгардтъ. «Исторія русской литературы XIX столѣтія». *С. Ашевскій.* (Сент.).

Публицистика.

А. Воскресенскій. «Общинное землевладѣніе и крестьян. малоземелье. *Н. 1.* (Октябрь).

Гиляровъ-Платоновъ. «Университетскій вопросъ». *Б. Савинковъ.* (Май).

П. Голубевъ. «Вятское земство среди другихъ земствъ Россіи». *Н. Іорданскій.* (Мартъ).

Karnegie. «Kaufmanns Herrschgewalt». *Рыкачевъ.* (Дек.).

Ю. Н. Лавриновичъ. «Очеркъ французск. общественности». *Н. Іорданскій.* (Октябрь).

Озеровъ. «Америка идетъ на Европу». *Рыкачевъ.* (Дек.).

Сборникъ. «Мелкая земская единица». *Ник. Іорданскій.* (Янв.).

Г. Уэльсъ. «Предвидѣнія». *Славинскій.* (Мартъ).

Исторія всеобщая и русская.

С. Г. Алексѣевъ. «Мѣстное самоуправленіе русск. крестьянъ XVIII и XIX вв». *Б. Савинковъ.* (Янв.).

Арсеньевъ. «Законодательство о печати». *Н. Іорданскій.* (Окт.).

Бантышъ-Каменскій. «Исторія Мал. Россіи». *М Славинскій.* (Май).

Боборыкинъ. «Вѣчный городъ». *Х. У. Z.* (Май).

Богословскій. «Областная реформа Петра В.». *В. Сторожевъ.* (Іюль).

Бузескулъ. «Введеніе въ исторію Греціи». *А. Дживелеговъ.* (Окт.).

«Великія реформы шестидесят. годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ». Подъ ред. Гессена и Каминка. *Н. Іорданскій.* (Окт.).

Випперъ. «Учебникъ исторіи среднихъ вѣковъ». *А. У.* (Авг.).

Ю. Гессенъ. «Евреи въ массонствѣ». *Т.* (Окт.).

Ферд. Грегоровіусъ. «Исторія города Рима въ средніе вѣка». *Е. Тарле.* (Мартъ).

Джаксонъ. «Жизнь Зороастра». *Д. Кудрявскій.* (Сент.).

В. Ключевскій. «Боярская дума древней Руси». Изд. 3. *В. Сторожевъ.* (Янв.).

Костинскій. «Желѣзнодорожная политика». *Н. Рожковъ.* (Іюнь).

Лихачевъ. «Дѣло о пріѣздѣ въ Москву Ан. Поссевина». *В. Сторожевъ* (Окт.).

Мижуевъ. «Исторія колоніальной имперіи и колоніальной политики Англіи». *Е. Тарле.* (Янв.).

Анри Мишель. «Идея государства». *Е. Тарле.* (Апр.).

Оглоблинъ. «Красноярскій бунтъ». *В. Сторожевъ.* (Іюнь).

Платоновъ. «Статьи по русской исторіи». *В. Сторожевъ.* (Сент.).

Погодинъ. «Религія Зороастра». *Д. Кудрявскій.* (Сент.).

Помяловскій. «Очерки русской исторіи». *Т. Щеголевъ.* (Окт.).

В. Пузицкій. «Отечеств. исторія въ разсказахъ для младш. клас. сред. уч. зав.». *В. Николаевъ.* (Февр.).

Раевскій «Законодательство Наполеона III о печати». *А. Дживелеговъ.* (Окт.).

Рагозина. 1. «Древнѣйшая исторія востока. Халдея».

— 2. «Древнѣйшая исторія востока. Ассирія». *Д. Кудрявскій.* (Іюнь).

Э. Ренанъ. «Собраніе сочиненій», т. VI. *Д. Кудрявскій.* (Мартъ).

Самокасовъ. «Древнерусское право». *В. Сторожевъ.* (Дек.).

Эразмъ Роттердамскій. «Похвала глупости». *А. Рыкачевъ.* (Мартъ).

Семевскій. «Крестьяне въ царств. императр. Екат. II». *В. Сторожевъ.* (Май).

Соколовъ. «Старина русск. земли». *В. Сторожевъ.* (Апр.).

Тарасовъ и Моравскій «Культурно-историческія картины изъ жизни Зап. Евр. IV—XVIII в». *Е. Т.* (Іюль).

М. Туллій Цицеронъ. «Полное собраніе рѣчей». *М. Ростовцевъ.* (Февр.).

Шильдеръ. «Императоръ Николай I». *П. Щ—евъ.* (Авг.).

Шумахеръ. «Императоръ Александръ II». *Т.* (Сент.).

Юридическія науки.

Таганцевъ. «Русское уголовное право». *Н. Іорданскій.* (Іюль).

Соціологія и политическая экономія.

А. Бансель. «Кооперативизмъ». *А. Рыкачевъ.* (Апр.).

Фанъ-деръ-Боргтъ. «Торговля и торговая политика». *А. Рыкачевъ.* (Янв.).

«Большіе города». *П. Б—нъ.* (Дек.).

Веберъ. «Ростъ городовъ въ XIX в.». *Ев. Т.* (Сент.).

С. Гальперинъ. «Современная соціологія». *А. Рыкачевъ.* (Ноябрь).

Ганзель. «Новый видъ мѣстныхъ налоговъ». *А. Рыкачевъ.* (Май).

Дж. Гобсонъ. «Экономика и распредѣленіе». *А. Рыкачевъ.* (Ноябрь).

Евреиновъ. «Крестьянскій вопросъ въ его современной постановкѣ». *А. Рыкачевъ.* (Авг.).

«Еврейская статистика». *Ольгинъ.* (Дек.).

П. Жидъ. «Гражданское положеніе женщины съ древнѣйш. временъ». *Н. Іорданскій.* (Февр.).

Катаевъ. «Къ вопросу о теоріи соціальнаго развитія». *А. Рыкачевъ.* (Іюнь).

Кеннингемъ. «Западн. цивилизація съ эконом. точки зрѣнія». *А. Рыкачевъ.* (Іюль).

Коллонтай. «Жизнь финляндскихъ рабочихъ». *А. Рыкачевъ.* (Іюнь).

David Koigen. «Die Kulturanschauung des Socialismus». *П. Б.* (Сент.).

Кулеманъ. «Профессіональное движеніе». *П. Лекинъ.* (Сент.).

Коншинъ. «Земледѣліе, фабр.-зав. и кустар. промышл. *А. Рыкачевъ.* (Май).

Литвиновъ-Фалинскій. «Организація и практика страхованія рабочихъ въ Германіи и условія возмож. обезпеч. рабочихъ въ Россіи». *Н. Іорданскій.* (Апр.).

П. Лохтинъ. «Къ вопросу о реформѣ сельскаго быта крестьянъ. *А. Рыкачевъ.* (Авг.).

Мигулинъ. «Наша новѣйшая желѣзнодорожная политика и займы. *А. Рыкачевъ.* (Сент.).

Масловъ. «Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи. *Н. Іорданскій.* (Сент.).

Густавъ Шмоллеръ. «Народное хозяйство, наука о народ. хозяйствѣ и ея методы *С. Франкъ.* (Янв.).

Философія и психологія.

Балдвинъ. «Введеніе въ психологію». *А. Ш.* (Мартъ).

Гартманъ. «Современная психологія». *N. N.* (Апр.).

Липпсъ. «Основы логики». *N. N.* (Мартъ).

Лосскій. «Основныя ученія психологіи». N. N. (Дек.).

С. Зенгеръ. «Дж.-Ст. Милль, его жизнь и произведенія». *А. Рыкачевъ.* (Сент.).

А. Прессъ. «Общедоступная философія». *Е. Т.* (Іюль).

Роджерсъ. «Краткое введеніе въ исторію новой философіи». *N. N.* (Іюль).

Д. Юмъ. «Изслѣдованіе человѣческаго разума». *Г. Шпеттъ.* (Ноябрь).

Естествознаніе.

«Австралія». Иллюстр. сборн. *Б. Федченко.* (Февр.).

Богдановичъ. «Геологія». *В. Аг.* (Сент.).

Бюхнеръ. «Психическая жизнь животныхъ. *Дм. Мо—ній.* (Іюнь).

Гантшъ. «Краткое руководство къ стереохиміи». *Г. Б.* (Май).

Гизель. «О радіоактивныхъ веществахъ и ихъ лучахъ». *Г. Б—шъ.* (Іюль).
Гофманъ. «Радій и его лучи». *Г. Б—шъ.* (Іюль).
Гофманъ. «Русскіе методики, учебники и хрестоматіи по естествознанію». *Д. Монастырскій.* (Іюль).
Е. Жамэннъ. «Общепонятныя чтенія объ электричествѣ и свѣтѣ». *С. У.* (Ноябрь).
Конъ. «Растеніе». *Б. Федченко.* (Май).
В. Круксъ. «О происхожденіи химическихъ элементовъ». *Г. Б—шъ.* (Сент.).
Кузнецовъ. Бушъ. Ѳоминъ. «Матеріалы для флоры Кавказа». *Б. Федченко.* (Іюнь).
Лаппаранъ. «Общедоступная геологія». *К. Богдановичъ.* (Ноябрь).
Лесгафтъ «Краткій курсъ физической географіи». *Дм. Мон-ій.*
Нелюбовъ. «Природа растеній». *Б. Федченко.* (Февр.).
Никольскій. «Рыбы и гады». *П. Шмидтъ.* (Дек.).
Реформатскій. «Неорганическая химія». *Г. Б.* (Май).
Розенталь. «Общая физіологія». *Б. Федченко.* (Май).
Федченко и Флеровъ. «Руководство къ собир. растеній. *Г. Т.* (Февр.).
— Пособіе къ изученію растительн. сообществъ средней Россіи *Г. Ш.* (Февр.).
Флеровъ. «Луговыя травы». *Федченко.* (Дек.).
Vant Hoff. «Химическое равновѣсіе». *В. А.* (Іюнь).
Ж. Фино. «Философія долговѣчности». *В. Агафоновъ.* (Сент.).

Антропологія. Этнографія. Географія.

Ф. Дафнеръ. «Ростъ человѣка». *Р. Вейнбергъ.* (Нояб.).
Г. Ивановъ. «Начальный курсъ географіи». *П. Г—въ.* (Ноябрь).
Максимовъ. «Что сдѣлано по исторіи семьи?» *Б. В.* (Іюль).
К. Мальцеръ. «Учебникъ географіи». *П. Г—въ.* (Ноябрь).
«Начальный курсъ географіи», составл. гг. Круберомъ, Григорьевымъ, Борковымъ. Чефрановымъ. *П. Г—въ.* (Ноябрь).
Новомбергскій, Н. «Островъ Сахалинъ». *П. Г—въ.* (Ноябрь).
Н. Харузинъ. «Этнографія», выпускъ II. *Д. Кудрявскій.* (Ноябрь).
Элькиндъ. «Евреи». *Р. Вейнбергъ.* (Авг.).

Медицина и гигіена.

Бернадскій. «Медицина, врачи и публика». *В. Б—къ.* (Дек.).
Блюменталь. «Объ амбулаторіяхъ для легочныхъ больныхъ въ Германіи, Франціи и Бельгіи». Врачъ *В. И. Б—ъ.*
Булатовъ и Фрейбергъ. «Краткій учебникъ по гигіенѣ». Врачъ *В. Б—къ.* (Ноябрь).
Волкова. «Бесѣды о здоровьи женщинъ». Врачъ *В. Х—овъ.* (Янв.).
Н. Ф. Гамалѣй. «Чума и крысы». Врачъ *В. И. Б—ъ.* (Мартъ).
«Городская медицина въ Россіи». *В. Б—къ.* (Дек.).
Гейнъ. «Половая жизнь». Врачъ *В. Б—къ.* (Ноябрь).
Дюкло. «Соціальная гигіена». *В. Б—къ.* (Дек.).
Д-ръ І. Литинскій. «Петербургскія болѣзни». Врачъ *В. И. Б—ъ.* (Апр.).
Корженевскій. «Земская медицина въ Тверской губ.». *В. Б—къ.* (Дек.).
Л. Мороховецъ. «Исторія и соотношеніе медицинскихъ знаній». Врачъ *В. Х—овъ.* (Мартъ).
Л. Мороховецъ. «Записки врача Вересаева въ свѣтѣ профессіон. критики. Врачъ *В. И. Б—ъ.* (Апр.).

Покровская. «Какъ я была врачемъ для бѣдныхъ». *В. Б—къ.* (Дек.).

Поповъ. «Русская народно-бытовая медицина». Врачъ *Х—овъ.* (Авг.).

Скребицкій. «Воспитаніе и образованіе слѣпыхъ. *Н. Іорданскій.* (Мартъ).

Сегенъ. «Воспитаніе, гигіена и нравст. лѣченіе умств.-ненормальн. дѣтей». Врачъ *В. И. Б—ъ.* (Сент.).

Тезяковъ. «Рынки найма с.-х. рабочихъ на югѣ Россіи». Врачъ *Х—овъ.* (Апр.).

Хлопинъ. «Гигіена городовъ». Врачъ *В. И. Б—ъ.* (Сент.).

В. Фавръ. «Опытъ изученія малярій въ Россіи». Врачъ. *В. Б-къ.* (Ноябрь).

Фельдшерскій сборникъ. Врачъ *В. И. Б—ъ.* (Сент.).

А. Цыновскій. «Аболюціонизмъ и борьба съ сифилисомъ». Врачъ *В. Б—къ.* (Ноябрь).

Народное просвѣщеніе и народныя изданія.

А. П. «Изъ исторіи государства афинскаго». *Л. К—ва.* (Апр.).

Бокинъ. «Подвижныя игры». *К. Д.* (Янв.).

Д. Брайсъ. «Вильямъ Гладстонъ». *Л. К—ва.* (Янв.).

Зибольдъ. «Эпоха великихъ реформъ въ Японіи». *А. К—ва.* (Янв.).

Изданія. «Благотворительнаго общества изд. общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ». *М. Славинскій.* (Апр.).

Изданія Вятскаго губерн. земства. *Л. К—ва.* (Авг.).

Князьковъ. «Какъ начался расколъ русской церкви». *Л К—ва.* (Янв.).

Колокольникова. «Индо-Китай». *Л. К—ва.* (Авг.).

Котляръ. «Срединное царство». *Л. К—ва.* (Апр.).

Лавриновичъ. «Народное обр. въ Петерб.». *К. Диксонъ.* (Янв.)

Лебедевъ. «Дѣтская и народная литература». *К. Диксонъ.* (Янв.).

В. Лукьянская. «3.000 л. тому назадъ». *Л. К—ва.* (Янв.).

В. Львовъ. «Самоѣды». *Л. К—ва.* (Авг.).

Платонъ Лебедевъ. «Будда, его жизнь и ученіе». *Л. К-ва.* (Авг.).

Мезіеръ. «Черный Спартакъ». *Л. К—ва.* (Апр.).

Мельгунова. 1. «Страна пирамидъ».

2. «Въ римскомъ циркѣ». *Л. К—ва.* (Авг.).

Е. Некрасова. «Народныя книги для чтенія въ ихъ 25-лѣт. борьбѣ съ лубоч. изданіями». *Н. Іорданскій.* (Мартъ).

Овсянико-Куликовскій. «Синтаксисъ русск. языка». *М. Славинскій.* (Янв.).

Пановъ. «Домашнія библіотеки». *Л. К—ва.* (Апр.).

Разныя народныя изданія. *Л. К—ва.* (Дек.).

Рубакинъ. 1. «На плавающихъ льдинахъ по Ледов. океану».

— 2. «Разсказы о жаркой странѣ».

— 3. «Д-ръ. Гассанъ». *Л. К—ва.* (Янв.).

— 4. «Среди мусульманъ». *Л. К—ва.* (Апр.).

Тихомировъ. «Н. А. Некрасовъ». Чтеніе для школъ и нар. *М. Б.* (Февр.).

Хавкина. «Н. А. Некрасовъ». Деш. изд. Сытина. *М. Б.* (Февр.).

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

отъ 15-го октября по 15-е ноября.

Н. Пружанскій. Безъ прикрасъ. Повѣсти, разсказы и драма. Т. IV (изъ серіи 1902—1903 гг.). Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

А. С. Пушкинъ. Сочиненія и письма. Т. III. Спб. Изд. «Просвѣщеніе». 1903.

Н. Львовъ. Повѣсти и разсказы. Спб. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

С. Н. Сыромятниковъ (Сигма). Изъ жизни современнаго сердца. Спб. Изд. А. С. Суворина. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Андрей Бѣлый. Сѣверная симфонія. Москва. 1904. Ц. 75 к.

И. Каневскій. Поздніе цвѣты (силуэты). Одесса. 1903. Ц. 75 к.

Е. Гославскій. Вешнія грозы. Москва. 1903. Ц. 60 к.

Артуръ Шнитцлеръ. Покрывало Беатриче. Пер. М. Свободинъ. Изд. «Жизнь». Москва. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Пьесы. Перев. съ нѣм. М. О. Попов й. Изд. Поповой. Спб. 1903. Ц. 2 р.

Н. Ивинскій. Разсказы. Москва. 1903. Ц. 1 р.

Н. Покровскій. Культурное болото. Повѣсть-трилогія Спб. 1904. Ц. 1 р.

М. Метерлинкъ. Жуазель. Драма въ 5-ти дѣйст. Пер. А. Калусовскаго. Изд. «Книговѣдъ». Спб. 1904. Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 25 к.

И. Раковичъ. Любовь побѣдила. Ром. въ 2-хъ част. Изд. «Трудъ». Спб. 1904. Ц. 75 к.

В. Буренинъ. Театръ. Т. I. Спб. 1904. Ц. 1 р.

«Къ правдѣ». Литературно-публицистическій сборникъ. Изд. «Книжное Дѣло». Москва. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

М. Сервантесъ. Безподобный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Т. I—IV. Пер. Марка Басанина. Спб. Изд. А. С. Суворина. 1903. Цѣна каждаго тома 60 к.

Я. Я. Полферовъ. Среди инородцевъ. Спб. Ц. 75 к.

Ф. Нансенъ. На крайнемъ сѣверѣ. Жизнь эскимосовъ. Сокр. пер. Поповой. Изд. Поповой. Спб. 1903. Ц. 30 к.

Ж. Араго. Путешествіе вокругъ свѣта. Съ портр. авт. и рис. Пер. съ 5-го изд. П. Канчаловскаго. Вып. I. Москва. 1903. Ц. I-го выпуска 80 к. Подп. цѣна 4 р. 50 к., съ пер. 5 р. 50 к.

Д. Мережковскій. Собраніе стиховъ. Изд. «Скорпіонъ». Москва. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Ѳ. Сологубъ. Собраніе стиховъ. Изд. «Скорпіонъ». Москва. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

И. Бѣлоусовъ. Искреннія пѣсни. Стихотворенія. Москва. 1903. Ц. 30 к.

Tasso de Viola. Настроенія. Кіевъ. 1903. Ц. 40 к.

В. Саводникъ. Новыя стихотворенія. 1898—1903. Москва. 1903.

А. Галуновъ. Ad lucem. Стих. въ прозѣ. Москва. 1904. Ц. 40 к.

С. Кошкаровъ. Басни и стихотворенія. Изд. 2-е. Угличъ. 1903.

Б. Гринченко. Пысання. Т. I. Кіевъ. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Позняковъ. Чадо. (Фотографія). Москва. 1903. Ц. 7 к.

Его же. Въ чемъ сила. (Разсказъ). Москва. 1903. Ц. 7 к.

Его же. Росянка. Москва. 1903. Ц. 7 к.

Іонасъ Ли. Двѣ сказки для дѣтей. Изд. Сытина. Москва. 1903. Ц. 15 к.

В. Михеевъ. Вечеръ въ школьной «ночлежной». Москва. 1903. Ц. 25 к.

Н. Позняковъ. Первое горе. (Разсказъ). Съ илл. Москва. 1903. Ц. 25 к.

Ив. Бѣлоусовъ. Крылатые друзья. Сборникъ стихотвореній русскихъ писателей. Съ иллюс. Москва. 1903. Ц. 25 к.

В. Лункевичъ. Сокровища горъ. Съ 44 рис. въ текстѣ. Изд. Павленкова. «Научно-популяр. библ. для народа» № 36. Спб. Ц. 26 к.

В. Лункевичъ. Нефть и соль. Съ 35 рис. Изд. Павленкова. «Научно-популяр. библ. для народа». Спб. 1903. Ц. 20 к.

Альфредъ Уоллесъ. Научныя и соціальныя изслѣдованія. Т. I. Пер. съ англ. Л. Лакіера. Спб. 1903. Ц. 1 р. 75 к.

Ф. В. Хеттонъ. Чтенія объ эволюціи. Пер. съ англ. М. Александровича. Изд. Поповой «Образоват. библіотека». Спб. 1903. Ц. 40 к.

П. Неждановъ. Экономическіе очерки. Пер.

съ польскаго. Изд. В. Раппъ и Потаповъ. Харьковъ. 1903. Ц. 10 к.

А. Максимовъ. Московскій Меркурій 1803 г. Ист.-библіогр. изслѣдованіе. Спб. 1903. Ц. 35 к.

Томасъ Альва Эдиссонъ, его жизнь и изобрѣтенія. Сост. по Ф. Палью, Э. Кеньону и др. «Библ. Юнаго Читателя». Спб. 1902. Ц. 25 к.

В. П. Вахтеровъ. Небесныя свѣтила. «Библ. Юнаго Читателя». Спб. 1903.

Э. Пименова. «Страна тысячи острововъ». (Очерки Японіи). «Библ. Юнаго Читателя». Спб. 1902. Ц. 25 к.

Л. Черевкова. Очерки современной Японіи. Съ 12-ю грав. Спб. Изд. Карбасникова. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

К. Носиловъ. На Новой Землѣ. Очерки и наброски. Съ рис. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1903. Ц. 1 р. 75 к.

К. Храневичъ. Очерки новѣйшей польской литературы. «Изд. Литер. и Наука». Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

А. Скабичевскій. Исторія новѣйшей русской литературы. 1848 — 1903 гг. 5-е изд. Павленкова. Спб. 1903. Ц. 2 р.

А. Скабичевскій. Сочиненія. Въ 2-хъ том. 3-е изд. Павленкова. Спб. 1903. Ц. 3 р.

В. Врадій. Краски у Горькаго. Спб. 1903. Ц. 20 к.

П. Ивановъ. Врагамъ Леонида Андреева! Психолог. этюдъ. Москва. 1904. Ц. 30 к.

К. Мелиранъ. Психологія лжи. Пер. съ франц. Н. Н. М. Изд. Сомова. Москва. 1903. Ц. 25 к.

А. Кизеветтеръ. Посадская община въ Россіи XVIII. ст. Москва. 1903. Ц. 5 р.

И. Неклепаевъ. Повѣрья и обычаи Сургутскаго края. Омскъ. 1903.

К. Каутскій. Національность нашего времени. Пер. Г. Львовича. Спб. 1903. Ц. 10 к.

К. Верманъ. Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. Пер. съ нѣм. подъ ред. А. Сомова. Т. I., вып. 13—16. Спб. Изд. «Просвѣщеніе». 1903. Ц. 60 вып. по 40 к. Ц. I-го т.—1 р. 60 к.

Іеромонахъ Іосифъ. Исторія Іудейскаго народа по археологіи Іосифа Флавія (Опытъ крит. разбора и обработки). Сергіевъ посадъ. 1903. Ц. 2 р. 50 к.

Д. Сили. Расширеніе Англіи. Пер. съ англ. В. Герда. Изд. Поповой. Спб. 1903. Ц. 2 р.

Р. С. Болль. Происхожденіе земли. Изд. Лавровой и Н. Попова. Спб. 1903.

С. Князьковъ. Изъ прошлаго русской зем Изд. Лавровой и Н. Попова. Спб. 1903.

Г. и А. де-Мортилье. Доисторическая жизнь. Происхожденіе и древность человѣка. Пер. съ 3-го франц. изд. подъ ред. Л. Штернберга. Изд. «XX-й вѣкъ». Спб. 1903. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Токвиль. Старый порядокъ и революція. Пер. подъ ред. П. Г. Виноградова. Москва. 1903. Ц. 50 к.

З. А. Рагозина. Краткая всемірная исторія. Вып. I. Древнѣйшіе народы. Вып. II. Древнѣйшій Египетъ. Изд. Маркса. Спб. 1903. Ц. каж. вып. 60 к. съ пер. 75 к.

Н. Зинченко. Женское образованіе въ Россіи. Историч. очеркъ. Спб. 1903. Ц. 30 к.

Его же. Театръ при Петрѣ Великомъ. Очеркъ. Спб. 1904. Ц. 15 к.

Н. Соколовъ. Святые земли русской. Спб. 1903. Ц. 30 к.

А. Пругавинъ. Старообрядческіе архіереи въ Суздальской крѣпости. Очеркъ изъ исторіи раскола по архив. даннымъ. Спб. 1903. Ц. 25 к.

Л. Блюменталь. Еврейскій вопросъ, мечты о Ватиканѣ, «Венеціанскій купецъ»; г. Меньшиковъ и публицистическое скоморошество. Спб. 1903.

Л. Турыгина. П. И. Чайковскій. (Къ 10-лѣтію кончины). Спб. 1903. Ц. 20 к.

Н. Кажановъ. Психика жизни. (Логическое изслѣдованіе). Спб. 1903. Ц. 40 к.

В. Ефременковъ. По поводу обзора русской исторіи печат. въ журн. «Міръ Божій».

Э. Дюкло. Соціальная гигіена. Пер. съ фр. Е. Предтеченской. Спб. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

В. И. Биншток. Наставленіе для дезинфекторовъ (въ вопросахъ и отвѣтахъ). 2-е испр. и дополн. изд. Спб. 1904. Ц. 30 к.

М. Маргулѣесъ. Регламентація и свободная проституція. Спб. 1903.

К. Фишеръ-Дюкельманъ. Женщина—домашній врачъ. Пер. съ нѣм. подъ ред. Лихинскаго. Изд. Маркса. 1903. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

А. Розенквистъ. Современное состояніе вопроса о борьбѣ съ сифилисомъ въ Россіи. Москва. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Нечаевъ. О разграниченіи обязанностей по охраненію народн. здравія между губер. и уѣзд. земствами и городами. Спб. 1903.

М. Черниховъ. Гнойная язва на обществ. тѣлѣ. Картина изъ современ. жизни. Одесса. 1903. Ц. 30 к.

А. Гергардъ и Е. Симонъ. Материнство и умственный трудъ. Пер. съ нѣм. М. Кучинскій. Спб. 1903. Ц. 1 р. 40 к.

П. Первовъ. О школьной балловой системѣ. Харьковъ. 1903.

И. Андреевскій. Научныя основы педагогики. Кіевъ. 1903. Ц. 60 к.

Ѳ. Р. Прогрессъ школы. Статья 2-я. Нижній-Новгородъ. 1903.

Л. Спиридоновъ. Учебникъ всеобщей географіи. Европа. Курсъ средн. учеб. заведеній. Спб. 1903. Ц. 50 к.

Шохоръ-Троцкій. Ариѳметическій задачникъ. Вып. II. Изд. 3-е. Спб. 1903. Ц. 50 к.

Д. Кайгородовъ. Изъ родной природы Хрестом. для чтенія въ школѣ и семьѣ Ч. II. Изд. Суворина. Спб. 1903. Ц. 1 р.

К. Каутскій. Торговые договоры и торговая политика. Пер. съ нѣм. подъ ред. А. Залшупина. Изд. газ. «Промышл. міръ». Спб. 1904. Ц. 1 р.

К. Айзенштейнъ. Что долженъ знать каждый по страхованію жизни. Спб. 1904. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Уго Раббено. Аграрный вопросъ въ австралійскихъ колоніяхъ. Пер. съ итальян. А. Ульяновой. Изд. Поповой. Спб. 1903. Ц. 2 р.

Г. Демченко. Судъ и законъ въ уголовномъ правѣ. Варшава. 1903.

А. Сааковъ. О необходимости введенія земскихъ учрежденій въ Закавказьѣ. Тифлисъ. 1903.

Л. Личковъ. Новыя теченія въ сервитутномъ вопросѣ. Кіевъ. 1903.

С. Турутинъ. О значеніи и дѣятельности крестьянскихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ и о томъ, какъ ихъ устроить. Курганъ. 1903. Ц. 20 к.

А. Пругавинъ. Законы и справочныя свѣдѣнія по нач. народ. образованію. 2 ое дополн. изд.

А. Меньшиковъ. Для чего устраиваются праздники древонасажденія въ школахъ. Вятка. 1903. Ц. 20 к.

Его же. Какъ устраивать праздники древонасажденія въ школахъ сельскихъ и городскихъ. Вятка. 1903. Ц. 30 к.

О. Шмейль. Очерки изъ жизни растеній. Пер. съ нѣм. С. Григорьева, Л. Синицкаго, С. Чефранова.

— Яблоня. Краткое руководство къ правильной ея посадкѣ и надлежащему за ней уходу для достиженія ежегоднаго плодоношенія. Москва. 1903. Ц. 35 к.

А. Клоссовскій. Разборъ способа предсказаній погоды Н. А. Демчинскаго. Одесса. 1903.

А. Бернштейнъ. Задачи и средства психіатрической діагностики. Спб. 1903. Ц. 30 к.

Г. Риманъ. Музыкальный словарь. Вып. XIV. Пер. съ нѣм. Б. Юргенсона. Москва. 1903. Ц. по подп. 1 р.

М. Боцяновская. Библіотека указателей. Вып. I. Спб. 1903. Ц. 50 к.

— По Екатерининской жел. дорогѣ. Вып. I. 1903. Екатеринославъ.

Какъ намъ до 100 лѣтъ дожить и здоровье сохранить. Катехизисъ долговѣчности. Спб. 1903. Ц. 15 к.

— Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей. Императорскаго Юрьевскаго Университета за 100 лѣтъ его существованія (1802—1901). Т. II. Подъ ред. Левицкаго. Юрьевъ. 1903.

Отчетъ орловскаго сельско-хозяйственнаго общества за 1902 г. Вятка. 1903.

Отчетъ общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ Акмолин. обл. за 1903 г. Омскъ. 1903.

Хозяйственно - статистическій обзоръ Уфимской губ. за 1902 г.

Матеріалы по текущей статистикѣ Уфимской губ. Годъ VII. Изд. Уфим. Губ. Зем. Управы. Уфа. 1903. Ц. 3 р.

Журналы засѣданій Тверскаго очередного губерн. земск. собранія, сессія 1902 г. 20-го ноября—15-го декабря. Тверь. 1903.

Сельско-хозяйственный обзоръ Псковской губ. за 1903 г. Псковъ. 1903.

Ф. И. Карповъ. Послѣднія узаконенія и распоряженія по надзору фабричной инспекціи. (1901—1903 гг.).

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

С.-Петербургскіе Высшіе Женскіе Курсы за 25 лѣтъ.

Очерки и матеріалы. Изданіе Общества доставленія средствъ В. Ж. Курсамъ. Со многими рисунк. и таблицами. Ц. 2 р. Выписывающіе книгу изъ склада (СПБ. Вас. Остр., 10-я линія, 33, Канцелярія Комитета Общества на Курсахъ) за пересылку не платятъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Labour and Protection» A series of Studies. Edited by H. W. Massingham (*T. Fisher Unwin*) (*Трудъ и протекціонизмъ*) *6 s.* Въ этомъ вполнѣ безпристрастномъ и основанномъ лишь на строгомъ сопоставленіи фактовъ, прошлаго и настоящаго, изслѣдованіи заключается протестъ труда противъ тѣхъ, кто ищетъ упроченія благосостоянія труда въ возвращеніи къ протекціонизму. Аргументы, которые приводятся въ этой книгѣ, болѣе глубоки, чѣмъ тѣ, которые обыкновенно выставляютъ на видъ ораторы, говорящіе противъ протекціонизма. Книга представляетъ сборникъ статей различныхъ авторовъ, обсуждающихъ современную жгучую проблему. Джонъ Бёрнсъ говоритъ о «политическихъ опасностяхъ протекціонизма»; Гобсонъ обсуждаетъ вопросъ объ отношеніи протекціонизма къ заработной платѣ, а Голіокъ разсказываетъ о томъ, «какъ жили рабочіе въ протекціонистскія времена» и т. д.

(Daily News).

«People of the Abyss» by Iock London (*Labister and C°*) *6 s.* (*Народъ изъ бездны*). Глубоко захватывающее и правдивое описаніе жизни въ бѣднѣйшихъ кварталахъ англійской столицы, въ ея трущобахъ. Авторъ—американецъ, отправился въ лондонскія трущобы съ цѣлью изучить ихъ жизнь на собственномъ опытѣ и говоритъ только о томъ, что видѣлъ собственными глазами, слышалъ и испыталъ самъ среди страшной нищеты и людского паденія, на днѣ глубокой бездны. Онъ развертываетъ передъ читателемъ потрясающую картину трущобной жизни. «Въ прошедшемъ году, вчера, сегодня и въ этотъ самый моментъ, — говоритъ авторъ, — 450,000 существъ гибнутъ на днѣ соціальнаго колодца, именуемаго Лондономъ»— и разсказываетъ грустную повѣсть объ умирающихъ съ голоду людяхъ, мужчинахъ, женщинахъ и дѣтяхъ. Выводы, къ которымъ онъ приходитъ, и его предсказанія весьма неутѣшительны для англичанъ, живущихъ въ роскошныхъ дворцахъ Вестъ-Энда и не знающихъ того, что происходитъ на противоположномъ концѣ Лондона, въ Истъ-Эндѣ.

(Morning Post).

«Portraits of the Sixties» by Justin Mc Carthy (*T. Fisher Unwin*) (*Портреты шестидесятыхъ годовъ*). Авторъ посвящаетъ свою книгу дѣятелямъ шестидесятыхъ годовъ. Будучи сначала репортеромъ, а затѣмъ главнымъ редакторомъ газеты «Morning Star» авторъ вступалъ въ сношеніе со многими изъ этихъ дѣятелей, въ особенности съ тѣми, которые принадлежали къ радикальной партіи Джона Брайта, такъ какъ газета, издаваемая авторомъ, была органомъ этой партіи. Авторъ не ограничивается, однако, только сферою политики. Онъ рисуетъ эпоху и передъ глазами читателей проходитъ рядъ портретовъ: Диккенсъ, Теккерей, Карлейль, Теннисонъ, Ньюманнъ, Кобденъ и Брайтъ, Рескинъ и прерафаэлиты, Маццини и друзья Италіи и независимые мыслители въ родѣ Роджерса, Гольдвина Смита и др.—вотъ тѣ личности, о которыхъ авторъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, полныхъ самаго захватывающаго интереса и характеризующихъ періодъ шестидесятыхъ годовъ.

(Daily News).

«La lutte pour l'existense et l'évolution des Sociétés» par De Lanessan (*Alcan*) (*Борьба за существованіе и эволюція обществъ*). Взгляды, которые авторъ развиваетъ въ своей книгѣ, онъ основываетъ на чисто біологическихъ выводахъ. Онъ говоритъ объ антагонизмѣ семейныхъ и соціальныхъ интересовъ, объ ассоціаціи индивидовъ какъ о средствѣ сохраненія рода и т. д.

(Journal des Débats).

«Economie de la loi Sociale» par Follin (*Экономія соціальнаго закона*) (*guillaumin*). Нравственность и науки ничего не могутъ сдѣлать, — говоритъ авторъ,— если только не придутъ къ заключенію объ абсолютной необходимости конкурренціи. Въ экономическомъ мірѣ, въ этомъ печальномъ мірѣ, гдѣ больше проливается слезъ горя, нежели радости, нравственность и науки должны искать опоры своими выводами и наставленіями. Такова точка зрѣнія автора, которую онъ развиваетъ въ своей книгѣ, доказывая, что между экономическою наукою, ученіемъ

*

нравственности и соціальнымъ закономъ существуетъ тѣсная связь.

(Journal des Débats).

«*Die Medizin im Neuen Testament und im Talmud*» *von D-r Wilhelm Ebstein* (*Verlag Ferdinand Enke*) *Stuttgart* (*Медицина въ Новомъ Завѣтѣ и въ Талмудѣ*). Чрезвычайно интересное историко-физическое изслѣдованіе, въ которомъ авторъ, вооружившись факеломъ современнаго знанія, проникаетъ въ отдаленныя темныя времена медицинской исторіи и подвергаетъ тщательному критическому анализу старинныя легенды, стараясь выдѣлить изъ нихъ зерно истины, которое можетъ уцѣлѣть и не бояться свѣта современной науки. Особенно заслуживаетъ вниманія та часть книги, которая посвящена талмудической медицинѣ и санитарнымъ мѣропріятіямъ древнихъ временъ. Относительно діэтетики и другихъ жизненныхъ правилъ въ Талмудѣ заключается многое, что признается и современною медицинскою наукой, и кромѣ того тамъ можно найти очень тонкія замѣчанія относительно нѣкоторыхъ чисто медицинскихъ вопросовъ. Но эти перлы исчезаютъ въ кучѣ всевозможныхъ суевѣрій, которыми особенно богата терапевтическая часть Талмуда.

(Berliner Tag.).

«*Hygiene der Nerven und des Geistes*» *von Professor D-r Forel* (*Verlage Ernest Heinrich Moritz*) *Stuttgart* (*Гигіена нервовъ и ума*). Въ этой очень живо и популярно написанной книгѣ заключается много прекрасныхъ здравыхъ мыслей и полезныхъ совѣтовъ. Въ высшей степени остроумный въ своихъ выводахъ авторъ, оставаясь серьезнымъ ученымъ, умѣетъ въ то же время такъ изложить свой предметъ, что завлекаетъ читателя и заставляетъ его раздѣлять свои взгляды и научныя убѣжденія.

(Berliner Tag.).

«*Le Peuple du XX-e siècle*». *Cinq mois aux Stats-Unis, par Urbain Gohier* (*Eugène Fasquelle*) (*Народъ XX-го вѣка*). Авторъ проникнутъ глубокимъ восхищеніемъ къ необыкновенной, ни съ чѣмъ не сравнимой дѣятельности американскаго народа который существуетъ такъ недавно, но уже успѣлъ выказать столько индивидуальной иниціативы и созидательной энергіи. Онъ думаетъ, что именно этому молодому народу принадлежитъ будущее, но тѣмъ не менѣе его пугаютъ нѣкоторыя явленія современной американской жизни, напр. имперіалистскія манифестаціи и т. д.

(Temps).

«*The Development of Europeen Polity*» *by Henry Sidgwick* (*Macmillan and C°*) *10 s.* (*Развитіе европейскихъ конституцій*). Новый трудъ автора капитальныхъ сочиненій: «Methods of Ethics», «The Principles of Political Economy» и «The Elements of Polities» заслуживаетъ полнаго вниманія читателей интересующихся исторіей развитія европейскихъ государственныхъ учрежденій.

(Daily News).

«*Humanism*» *Pphilosophical Essays. by S. Schiller* (*Macmillan and C°*) *8 s. 6 d.* (*Гуманизмъ*). Блестяще написанные философскіе очерки, въ которыхъ изложена исторія гуманистическаго движенія, его возникновеніе и эволюція.

(Daily News).

«*Reminiscences of an Astronomer*» *by Simon Newcomb* (*Harper and Brothes*) *10 s. 6 d.* (*Воспоминанія астронома*). Новая книга профессора Ньюкомба въ высшей степени интересна во многихъ отношеніяхъ. Это простой и блестящій разсказъ, мѣстами преисполненный юмора о томъ, что видѣлъ и испыталъ авторъ и съ какими людьми ему приходилось сталкиваться въ теченіе своей продолжительной ученой карьеры. Въ одной изъ главъ авторъ резюмируетъ всю свою научную дѣятельность.

(Daily News).

«*Hypnotism: its History, Practice and theory*» *by I. Milne Bramwell* (*Grant Richards*) (*Гипнотизмъ*). Эта книга должна занять мѣсто въ ряду серьезныхъ научныхъ изслѣдованій о гипнотизмѣ. Авторъ изучаетъ исторію гипнотизма, его теорію и практическое примѣненіе и критически разбираетъ различныя ученія о гипнотизмѣ.

(Athaeneum).

«*Cities*» *by Arthur Simons* (*Dent and C°*) *7 s. 6 d.* (*Города*). Въ этихъ очеркахъ авторъ изучаетъ характеръ, темпераментъ и изслѣдуетъ душу городовъ, которые произвели на него наиболѣе сильное впечатлѣніе во время его странствованій по Европѣ. Города эти: Римъ, Венеція, Неаполь, Севилья, Прага, Москва, Буда-Пештъ, Бѣлградъ, Софія и Константинополь.

(Athaeneum).

«*L'Ennui*» *étuae psychologique, par Emile Tardieu* (*Alcan*) *5 fr.* (*Скука*). Несмотря на то, что авторъ очень тщательно изслѣдуетъ въ своемъ психологическомъ очеркѣ различныя формы скуки, его книга нисколько не скучна. Передъ читателемъ проходитъ рядъ картинъ скучающихъ людей, но скука ихъ неодинакова и читатель научается распознавать различные виды скуки: скука вслѣдствіе истощенія силъ, вслѣдствіе отсутствія разнообразія, пресыщенія и т. п. и узнаетъ психологическія основанія скуки и ея вліяніе на весь организмъ.

(Journal des Débats).

«*A New Theory of organic Evolution*» *by James W. Borday* (*William Blackwood and Sons*) *3 s. 6 d.* (*Новая теорія органической эволюціи*). Авторъ этой книги

дѣлаетъ попытку провѣрить посредствомъ «здраваго смысла» и на основаніи вполнѣ удостовѣренныхъ фактовъ дарвиновскую теорію естественнаго подбора. Въ связи съ этимъ авторъ предлагаетъ новую теорію для объясненія нѣкоторыхъ фактовъ, которые какъ бы противорѣчатъ ученію Дарвина.

«*Le Mensonge, étude de psycho-sociologie pathologique et normale*» *par L. Duprat* (*Alcan*) *2 fr. 50.* (*Ложь*). Очень интересное изслѣдованіе лжи, какъ нормальной, такъ и патологической, съ точки зрѣнія психологіи и соціологіи. Взгляды автора проникнуты оптимизмомъ, онъ говоритъ, что культъ правды уже не требуетъ больше мучениковъ и что мало-по-малу должно произойти мирное искорененіе лжи въ жизни народовъ, которые все болѣе и болѣе проникаются жаждою правды. Распространеніе свѣта науки поможетъ этой побѣдѣ правды надъ ложью.

(Mercure de France).

«*Histoire des femmes médecins depuis l'antiquité jusqu'à nos jours*» *par Mélanie Lipinska, docteur en médicine* (*Исторія женщинъ врачей съ древнихъ временъ до нашихъ дней*). Авторъ этого обширнаго и цѣннаго историческаго изслѣдованія отыскиваетъ въ очень древней эпохѣ доказательства дѣятельности женщинъ въ области медицины. Суевѣріе, которое вообще зачастую бывало источникомъ многихъ культурныхъ успѣховъ, содѣйствовало тому, что женщины могли выступать въ качествѣ лѣкарей и выйти за предѣлы того круга обязанностей, въ который онѣ были заключены. Авторъ изучаетъ роль женщинъ въ первобытной медицинѣ и у дикихъ народовъ, въ легендарныхъ временахъ греческой культуры и въ позднѣйшія времена, когда произошло наконецъ отдѣленіе медицины отъ религіи. Затѣмъ наступили преслѣдованія, но медицинская наука оказывала попрежнему притягательное дѣйствіе на женщинъ. Въ XVIII вѣкѣ женщины лучшаго общества во Франціи, Англіи и Германіи читали медицинскія книги и изучали анатомію. Начавъ съ древнихъ временъ, авторъ доходитъ до современной эпохи и знакомитъ читателя во всѣхъ подробностяхъ съ исторіей медицинскаго образованія женщины.

(Journal des Débats).

«*Histoire des Littératures comparées*» *par Frédéric Lolliée* (*Delagrave*) (*Исторія сравнительной литературы*). Авторъ поставилъ себѣ трудную задачу представить въ сжатомъ очеркѣ исторію всѣхъ литературъ, начиная отъ самыхъ древнихъ временъ до нашихъ дней. Больше трехъ тысячъ лѣтъ работы человѣческой мысли и письменности изслѣдуются авторомъ и онъ съ необычайною легкостью переходитъ отъ Китая, Индіи и Египта къ древней Греціи и къ современной Европѣ. Оставляя въ сторонѣ детали, авторъ принимаетъ во вниманіе только главные факты и явленія литературы и такимъ образомъ, въ одномъ томѣ, даетъ читателямъ прекрасную и вполнѣ доступную пониманію исторію интеллектуальной работы всего человѣчества.

(Journal des Débats).

«*Les Religions d'autorité et la Religions de l'Esprit*» *par August Sabatier. Paris.* (*Fischbacher*) (*Религія власти и религія духа*). Этотъ посмертный трудъ французскаго философа одновременно вышелъ въ Парижѣ, Лондонѣ и Нью-Іоркѣ и переводится на нѣмецкій, датскій и венгерскій языки. Въ своемъ прежнемъ сочиненіи «Очерки философіи религіи» авторъ уже указывалъ на перемѣну теологическихъ методовъ и въ своей посмертной книгѣ онъ изслѣдуетъ естественное происхожденіе и соціальную функцію власти, какъ въ религіи, такъ и въ другихъ сферахъ человѣческой жизни.

(Journal de Débats).

«*Essai d'une philosophie de Solidarité*» *Conférences et Discussions, présidées par M. Leon Bourgeois et Alfred Croisset* (*Bibliothéque générale des sciences Sociales*) *Paris* (*Felix Alcan*) (*Опытъ философіи солидарности*). Книга заключаетъ въ себѣ рядъ лекцій, читанныхъ въ «Ecole des Hautes Etudes Sociales» и изложеніе преній, вызванныхъ вопросами, возбужденными на этихъ лекціяхъ, темою для которыхъ служила соціальная философія солидарности и современное политическое движеніе во Франціи.

(Journal des Débats).

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

ВОКРУГЪ СВѢТА.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ и ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

И. И. Аксеновъ, Н. П. Бочаровъ, кн. М. Н. Волконскій, В. А. Гиляровскій, А. Ф. Гретманъ, кн. А. В. Звенигородскій, М. Дандебиль, Диль-Тальхъ, П. П. Инфантьевъ, акад. Н. Н. Каразинъ, акад. М. А. Касаткинъ, К. В. Кутуковъ, академикъ К. В. Лебедевъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Н. Г. Себастицкій и др.

Всѣ подписавшіеся на **1904** годъ получатъ:

50 №№ художественно-литературнаго журнала.

Путешествія.—Этнографія.—Романы и повѣсти, изображающіе разныя приключенія на сушѣ и морѣ.—Очерки.—Разсказы.—Стихотворенія.—Спортъ.—Картины, иллюстраціи, портреты.—**1.200** столбцовъ текста.

ПОЛЕЗНЫЯ СВѢДѢНІЯ. Статьи по общедоступной медицинѣ и гигіенѣ.—Статьи по общедоступной техникѣ.—Статьи по вопросамъ домашняго хозяйства.—Статьи по вопросамъ садоводства, цвѣтоводства и огородничества.—Игры и забавы дома и на воздухѣ.

50 ВЫПУСКОВЪ. 400 столбцовъ текста. Иллюстраціи.

12 ВЫПУСКОВЪ **МОДНАГО ЖУРНАЛА,** преимущественно ДѢТСКІЯ моды.

12 ЛИСТОВЪ ДЛЯ **ВЫШИВОКЪ и ВЫПИЛИВАНІЙ** по иностраннымъ и русскимъ образцамъ.

16 КНИГЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ **ВАЛЬТЕРА СКОТТА.**

Въ это собраніе войдутъ слѣдующіе **историческіе** романы: Айвенго.—Уэверлей.—Квентинъ.—Дорвардъ.—Ламермурская невѣста.—Замокъ Вудстокъ.—Пертская красавица.

8 КНИГЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ ИЗВѢСТНАГО СОВРЕМЕННАГО АНГЛІЙСКАГО ПИСАТЕЛЯ **КОНАНЪ-ДОЙЛЯ.**

БОЛЬШОЙ ТОМЪ ВЪ 320 СТРАНИЦЪ

БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ИСТОРІИ ЦАРСТВОВАНІЯ

Императора Александра II,

со множествомъ портретовъ сподвижниковъ **Царя-Освободителя** и рисунками извѣстныхъ художниковъ, изображающими главнѣйшія событія славнаго царствованія.

Пріемъ подписки: Москва, Петровка, домъ Грачева, № 21, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна на годъ 4 РУБ. съ пересылкой и доставкой.

РАЗСРОЧКА: при подпискѣ **2** руб. къ 1 апрѣля **1** р. къ 1 іюля **1** р.

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ

Картина академика К. В. ЛЕБЕДЕВА.

Роскошно исполненная въ 39 красокъ, размѣромъ 17 × 24 вершка, вполнѣ передаетъ оригиналъ.

При доплатѣ одного рубля.

Цѣна на г. съ художественно-исполненной картиной 5 РУБ.

Москва. Книгоиздательство Т-ва И. Д. Сытина. Москва.

ВОКРУГЪ СВѢТА. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ВОКРУГЪ СВѢТА. 50 №№ ЖУРНАЛА, 50 ЦѢННЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ.

Содержаніе журнала за 1903 г.

Альбовъ, В. «Два момента въ развитіи творчества Антона Павловича Чехова». (Критич. очеркъ). (Янв.).

Альбовъ, Мих. «Глафирина тайна», повѣсть. (Янв., февр., мартъ).

Allegro. «Бѣлая сирень». стих. (Янв.).

Аничковъ, Евг. «Эмиль Зола». (Критич. очеркъ). (Май).

— «Поль Верлэнъ». (Критич. очеркъ). (Октябрь).

Ао. Александръ. «Одиночество». стих. (Іюль).

Арцыбашевъ, М. «Сумасшедшій». Разсказъ. (Ноябрь).

Асмусъ. «Проблемы химіи въ области питательныхъ веществъ». (Ноябрь).

Базэнъ, Ренэ. «Донатьенна». Романъ. Пер. З. Журавской. (Іюль августъ, сентябрь).

Бархинъ, К. «Росы». стих. (Изъ Красинскаго). (Февр.).

Башкинъ, В. I. «Шопотъ ночи». II. «Въ грустный день». стих. (Сентябрь).

Белау, Елена. «Полуживотное». Романъ. Пер. съ нѣм. М. Н. Даниловской. (Октябрь, ноябрь, декабрь).

Бердяевъ, Н. «Критика историческаго матеріализма». (Октябрь).

Богдановичъ, К. (проф.) «Геологическіе климаты». (Іюль).

Богдановичъ, Т. «Изъ мемуаровъ Крюгера». (Янв.).

— «Женское движеніе за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ». (Второй международный женскій конгрессъ). (Сентябрь).

Бородинъ, И. П. академикъ, «Очерки по вопросамъ оплодотворенія въ растительномъ царствѣ». (Апрѣлъ, ноябрь, декабрь).

Боргманъ, И. (проф.) «Основы электронной теоріи». (Августъ).

Богучарскій, В. «Изъ исторіи нашей журналистики дореформенной эпохи». (Къ двухсотлѣтію русской печати). (Янв.).

Бунинъ, Ив. Стихотвореніе. (Ноябрь).

Вальтеръ, В. «Петръ Ильичъ Чайковскій». (Съ портретомъ и факсимиле). (Ноябрь).

Василевскій, Л. М. «Въ деревнѣ». стих. (Іюль).

Вассерманъ, Яковъ. «Молохъ». Романъ. Пер. съ нѣм. Л. Горбуновой (Январь, февраль, мартъ, апрѣль, май, іюнь, іюль, августъ, сентябрь).

Вересаевъ, В. «Честнымъ путемъ». Повѣсть. (Дек.).

Випперъ, Роб. (проф.). «О нѣкоторыхъ направленіяхъ въ соціологіи», (Ноябрь).

Де-Виттъ, Авг. «Ненависть». Разск. Пер. съ голланд. Полтарацкой.

— «Мать». Разск. Пер. съ голланд. Полтарацкой. (Ноябрь).

Волжскій. «Вл. Г. Короленко». (Критическій очеркъ). (Іюль).

Вѣтринскій, Ч. «Народныя картины» (Декабрь).

Галина, Г. Стихотворенія: «Подъ новый годъ». (Янв.). «Подъ соснами». (Іюнь). «Письмо». «Бриллианты». (Сентябрь).

Гинцбургъ, И. «М. М. Антокольскій. Его жизнь и его творенія». (Августъ).

Грэнхагенъ, К. «Рабочіе институты въ Швеціи». (Апрѣль).

Даниловскій, Г. «Два воззванія». Съ польск. яз. Разск. Перев. автора. (Дек.)

Дегенъ, Евг. «Интеллигенція и демократія во Франціи». (Февр).

Догель, А. С. (проф). «Современное состояніе вопроса о невронахъ». (Октябрь, декабрь).

Елпатьевскій, С. «Чужая красота», разсказъ (Февр.).

Запперъ, Карлъ. «Земная кора». Перев. съ нѣм., подъ ред. В. Агафонова, отд. Ш. (Январь, февраль, мартъ, апрѣль, май, іюнь, іюль).

Инсаровъ, Х. Г. «Изъ воспоминаній идеалистки». (Май).

К., Н. Р. Стихотвореніе «Звѣзды». (На мотивъ изъ Гейне). (Янв.).

Каганъ, А. «Выкрестка изъ Чего-чега». Разсказъ. Пер. съ англ. Анны Бронштейнъ. (Октябрь).

Кир., Ник. Стихотвореніе «При звѣздномъ сіяніи». (На мотивъ изъ Лонгфело). (Августъ).

Корниловъ, А. «Николай Ивановичъ Тургеневъ». (Истор. очеркъ). (Іюнь, іюль, августъ).

Котляревскій, Н. «Поэма Гоголя «Мертвыя души» и современная ей русская повѣсть». (Февр., мартъ).

Крестовская, М. «Изъ эпохи 60-хъ годовъ». (Неизданныя письма изъ женской жизни). Повѣсть. (Февраль, мартъ, апрѣль).

К.—А., «Огненная вода», очеркъ (Декабрь).

Кюльпе, Освальдъ. «Современная философія въ Германіи». Пер. съ нѣм. Н. Андреева, отд. Ш. (Августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь).

Ладыженскій, Вл. Стихотвореніе: «Зарницы». (Іюнь).

Левинъ, Кирикъ. «Что читаетъ и чѣмъ интересуется учащаяся молодежь». (Ноябрь, декабрь).

Лемке, Мих. «Изъ жизни школьной учительницы перваго призыва». (Мартъ).

— «Изъ исторіи русской сатирической жирналистики (1857—1864 г.)». (Іюнь, іюль, августъ).

Лещенко, Дм. «Земледѣліе и его теоретическія основы». (Іюнь).

Линденъ, С. «Операція». Очеркъ. (Августъ).

Лозинскій, Евг. «Университетскій вопросъ на западѣ». (Февр.).

— «Сліяніе города съ деревней на западѣ». (Сентябрь).

Лукьяновъ, А. Стихотворенія: «Въ лѣсу». (Апрѣль). «Весенніе мотивы». (Май).

Маковскій, С. «Сонетъ». (Февр.). «Сонетъ, Schwansee». (Апрѣль). «Чайки» (Май). «Искія», «Городъ». (Октябрь).

Марей. «Органы и ихъ отправленіе». (Рѣчь члена париж. института). Перев. съ фр. Л. А. (Мартъ).

Маркеловъ, Г. «Философія Нитше, какъ культурная проблема». (Октябрь, ноябрь).

Михаловскій, Д. Стихотворенія «Наканунѣ весны». (Мартъ—дек.).

М-вичъ, М. С. Стихотвореніе. (Іюль).

Мельницкій, Ник. «По-американски». Разсказъ. (Іюнь).

Моро-овъ, Ев. Стихотвореніе «Антокольскій». (Августъ).

Мультатули. «Въ игорной залѣ». Разсказъ. Пер. съ нѣм. Т. Богдановичъ. (Октябрь).

Нелидова, Л. «Послѣднее путешествіе». Памяти А. А. Давыдовой. (Замѣтки и наблюденія). (Мартъ).

Невѣдомскій, М. «О современномъ художествѣ». (Леонидъ Андреевъ). Критич. очеркъ (Апрѣль).

Норрисъ, Франкъ. «Омутъ». Романъ. Пер. съ англ. А. В. Гольстейнъ. (Августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь). Отд. III.

П-ва. Стихотворенія I и II. (Май).

Покровскій, К. «Кометы въ русскихъ лѣтописяхъ». (Апрѣль).

— «Анжело Секки». (Сентябрь).

П., Э. «Отецъ современнаго имперіализма». (Лордъ Биконсфильдъ-Дизраэли). (Сентябрь).

Поленцъ. «Колокола». Разсказъ, съ нѣм. (Декабрь).

Потапенко, И. «Мать и дочь». Романъ. (Май, іюнь, іюль, августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь).

Рафаловичъ, С. Стихотворенія изъ Верлэна «Жизнь моя смежила вѣжды». «Моя обычная мечта». (Октябрь).

Раймонтъ, Вл. «Однажды». Разсказъ. Пер. съ польск. Ст. Ан-вичъ. (Январь).

Рожковъ, Н. «Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія» (Кіевская Русь, съ VI до конца XII в.). (Февраль, мартъ, апрѣль, май, іюнь, іюнь, августъ).

Рыкачевъ, А. «Джонъ Рёскинъ и политическая экономія». (Октябрь, ноябрь, декабрь.

Рунова, О. «Павлюкъ». Разсказъ. (Іюль).

Сѣрошевскій, В. «Обратный путь». Разсказъ. (Апрѣль, май).

Танъ. «Восемь племенъ». Романъ изъ древней жизни крайняго сѣверо-востока. (Май, іюнь, іюль, августъ).

*

— «Ожилъ». (Очеркъ изъ хроники г. Пропадинска). (Сентябрь).

Тарле, Ев «Лордъ Арчибальдъ Розбери и современное состояніе либеральной партіи въ Англіи. (Январь, февраль).

— «Политика и религіозная мысль на Западѣ». (Истор. очеркъ). (Сентябрь, октябрь).

Твердохлѣбовъ, В. «Задачи финансовой науки. (Наука и политика). (Іюль).

Тхоржевскій, Ив. Стихотворенія изъ Верлэна: «Art poétique» и другія (Октябрь).

Фаминцынъ, А. (акад.) «Наканунѣ университетской реформы». (Янв.).

Френсенъ, Густавъ. «Іёрнъ Уль». Романъ. Перев. съ нѣм. Л. Гуревичъ. (Январь, февраль, мартъ, апрѣль, май, іюнь, іюль, августъ).

Чернобаевъ, Е. Стихотвореніе изъ М. Конопницкой: «Журавли».

Чириковъ, Ев. «Испортилась». Очеркъ. (Апрѣль).

Чюмина, О. Стихотворенія: «Старыя сказки. Лѣсная царевна». (Мартъ). Стихотворенія изъ Елизаветы Броунингъ: I «Даль». II. «Горецъ и поэтъ». (Іюнь). Стихотворенія: I. «Голосъ съ моря». II. «На закатѣ». (Августъ).

Ѳедоровъ, А. Стихотворенія. (Мартъ, май). «Въ лунномъ свѣтѣ» (Іюль).

Шейнисъ, Л. «Біологическіе и соціальные факторы преступности». (Апрѣль, май).

Шнитцлеръ, Артуръ. «Георгъ Мерклинъ». Этюдъ. Пер. съ рукописи А. Даманской. (Іюль).

Хейсинъ, М. «Достоевскій и Нитше». (Іюнь).

Хинъ, Р. М. «Феноменъ». Разсказъ. (Январь).

Юшкевичъ, С. «Человѣкъ». Повѣсть. (Сентябрь, окт., ноябрь, дек.).

Яблоновскій, А. «Въ консультаціи». Очеркъ. (Май).

Яроцкій, А. (д-ръ.) «О жизни въ почвѣ». (Январь).

Яснопольскій, М. «Развитіе дворянскаго землевладѣнія». (Декабрь).

Уордъ, Гемпфри. «Дочь леди Розы». Романъ. Пер. съ англ. З. Журавской. (Февраль, мартъ, апрѣль, май, іюнь).

ТЕКУЩІЕ ОТДѢЛЫ.

Критическія замѣтки.

Январь. Бѣглый взглядъ на литературу за истекшій годъ.—Бѣдность ея и отсутствіе жизни. — Послѣднія литературныя новости. — «Въ туманѣ», разсказъ г. Андреева. — «Одна изъ многихъ». — Невѣрное и наивное рѣшеніе вопроса въ очеркѣ «Ver'ы». — Художественная красота разсказа г. Андреева,—Его общественное значеніе.

Февраль. «Проблемы идеализма» сборникъ статей.—Исходный пунктъ современнаго стремленія къ идеализму.—Выступленіе на сцену новыхъ общественныхъ наслоеній и то новое, что они несутъ съ собой. —

Статьи гг. Булгакова, Бердяева, Кистяковскаго, Франка и др.—Отличительная черта современнаго идеализма—его активность.

Мартъ. «Очерки и разсказы» Вл. Короленки, т. III.—Общее настроеніе третьей книги разсказовъ—вѣра въ жизнь и людей.—«Огоньки» и «Сказаніе о Флорѣ».—«Парадоксъ» и другіе резсказы.

Апрѣль. Беллетристическіе сборники гг. Серафимовича, Телешова, Куприна, Юшкевича.—«Трусъ». г. Куприна.—Изъ текущей беллетристики.—«Нестрашное», г. Короленки.—Истинно-русскія рѣчи гг. Сигмы, Меньшикова, Энгельгардта и др.—Иллюстрація «добрыхъ газетныхъ нравовъ» въ дѣлѣ Чермана, Рамма и Ѳ. Булгакова.—Милые бранятся—только тѣшатся.

Май. «Студенты въ Москвѣ», г. П. Иванова.—Интересныя данныя о матеріальномъ положеніи студенчества.—Долгъ общества по отношенію къ молодежи.—«Интеллигенція и народъ». г. Смирягина.—Пессимизмъ г. Смирягина и безсиліе реакціонной мысли.—«Думы журналиста», г. Лемке.—Его проектъ договорныхъ отношеній редакціи и издателей.

Августъ. Изъ лѣтнихъ впечатлѣній.—Жизнь на Западѣ.—Что поражаетъ новичка въ этой жизни?—Свободная борьба силъ.—Закономѣрность ея—Изъ выборной борьбы въ Германіи.—Народная толпа, ея самостоятельность и дисциплинированность.—Отсутствіе опеки.—Жалобы германца на стѣсненія и опеку личности.—Свободный британецъ въ «Очеркахъ Англіи» г. Діонео.—Содержательность этой книги, ея полнота и безпристрастіе.—Къ 50-лѣтнему юбилею дня рожденія Вл. Гал. Короленки.

Сентябрь. «Въ университетѣ», г. Бориса Гегидзе.—Двойственность настроенія автора.—«Картина изъ жизни» сытаго студенчества.—Юношеская путаница мыслей г. Гегидзе.—Двадцатилѣтіе смерти Тургенева.—Значеніе Тургенева въ наше время.—75-лѣтіе Льва Николаевича Толстого.

Ноябрь. Защита классицизма: «Античный міръ и мы», проф. Зѣлинскаго.—Односторонности и увлеченія г. Зѣлинскаго.—Классическая школа отжила свой вѣкъ.—Сорокалѣтіе смерти Помяловскаго.—Памяти М. А. Плотникова.

Критическія статьи II-го отдѣла.

Ѳ. Батюшковъ, «На художественныхъ выставкахъ» (замѣтки и впечатлѣнія) (мартъ).

— «О добровольномъ рабствѣ.» (По поводу: Ек. Лѣтковой «Рабъ») (апрѣль).

— Французскій романъ на тему «Воскресенія» Толстого» (іюль).

— Новые побѣги русской поэзіи (октябрь).

М. Невѣдомскій. «О мудрости кроткихъ» (по поводу писаній г. Меньшикова) (декабрь).

Театральныя замѣтки.

Январь. «На днѣ» М. Горькаго въ Московскомъ художественномъ театрѣ», *Ѳ. Батюшкова.*

Апрѣль «На днѣ» М. Горькаго въ Берлинскомъ театрѣ», *Э. П.*

Іюль. Еще нѣсколько словъ по поводу «На днѣ» Горькаго, *Ѳ. Батюшкова.*

На родинѣ.

Январь. Сорокалѣтіе «Ясной Поляны». — Восточный институтъ. — Астраханское упорство. — На Хитровомъ рынкѣ. — Личный составъ Сибирской желѣзной дороги.—Забытыя могилы.—За мѣсяцъ.

Февраль. Съѣздъ представителей учительскихъ обществъ взаимопомощи.—Похороны А. И. Герцена. — Крѣпостное рабство въ Дагестанѣ. — Конфликтъ земства съ печатью. — Крестьяне о своихъ нуждахъ. - За мѣсяцъ.—Некрологъ И. Салова.

Мартъ. Максимъ Горькій въ Тифлисѣ. — Евреи - горнорабочіе. — Тайна почтовой корреспонденціи. — Чествованіе памяти А. Н. Островскаго. — Учебныя руководства для народа—Катастрофа въ шахтѣ близъ Юзовки.—Открытіе «Народнаго дома» въ Харьковѣ. Врачъ - подвижникъ.—Литературный юбилей.—Вопросъ о дворянскихъ кассахъ въ собраніи тамбовскихъ дворянъ. — Собраніе рабочихъ. — За мѣсяцъ. — Некрологъ М. Песковскаго.

Апрѣль. Постановленія новгородскаго губернскаго комитета.—Земскія учрежденія въ степномъ краѣ.—Алкогольная статистика.—Бюджетъ крестьянина Саратовской губ.—Положеніе рабочихъ на рыбныхъ промыслахъ.—Сухумская санаторія.—За мѣсяцъ.—Некрологи.

Май. Антиеврейскіе безпорядки въ Кишиневѣ.—Крючники и рабочіе на р. Волгѣ.—Чтенія для заключенныхъ.—Своеобразные просвѣтители.—Исторія одной газеты.—Владимірскіе офени.—За мѣсяцъ.

Іюнь. «Желѣзный» съѣздъ. — Законодательство о сектантахъ. — Заводскій врачъ. — Рабочіе - торфяники. — Какъ узнать писателя. — Оригинальный процессъ. — Первый провинціальный журналъ.—Отчетъ московской консультаціи.—Акробатъ въ деревнѣ. — За мѣсяцъ. — Некрологи.

Іюль. Вопросъ о земскомъ избирательномъ цензѣ въ Саратовѣ. — О средствахъ Герцена.—Интересное дѣло.—На заводѣ въ Сормовѣ.— О школьныхъ сберегательныхъ кассахъ. — О положеніи почтовыхъ служащихъ. —Письмо Л. Н. Толстого.—Къ біографіи К. М. Станюковича.—За мѣсяцъ.—Некрологъ.

Августъ. Исторія одного адреса. — Судьба земскихъ ходатайствъ.— Санитарныя условія русской деревни.— Эксплоатація дѣтскаго труда.— «Божьи люди».—Карьера г. Крушевана.—Къ юбилею Вл. Г. Короленки.— За мѣсяцъ.—Некрологъ.— Опроверженіе.

Сентябрь. Къ біографіи В. Г. Короленки.—Характерный документъ.—Взаимопомощь среди рабочихъ.—Библіотека въ Балаханахъ.—Шляпный промыселъ.—За мѣсяцъ.

Октябрь. Юбилей Л. Н. Толстого.—Л. Н. Толстой на судѣ.—40-лѣтіе «Русскихъ Вѣдомостей».—Открытіе памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.—Культурный уголокъ.—Описаніе тюрьмы.—«Случай съ г. Меньщиковымъ».—Любопытная статистика.—За мѣсяцъ.

Ноябрь. Воспоминанія объ И. С. Тургеневѣ.—Нѣсколько словъ по поводу замѣтки «Открытіе памятника И. П. Котляревскому».—Открытіе высшихъ женскихъ курсовъ въ Одессѣ.—Женщины—волостные писаря.—Въ собраніи Тверскихъ учителей.—Отголоски гомельскихъ безпорядковъ.—Въ родныхъ палестинахъ.—Студенческое общество.—Ходатайство приказчиковъ и кондукторовъ.—За мѣсяцъ.

Декабрь. Дѣло В. М. Дорошевича.—Послѣдній кошевой Запорожья.—Къ вопросу о борьбѣ съ пьянствомъ.—Сибирскій день.—Новая городская партія.—Фабричный поселокъ.—Картинки земской жизни.—Земцы въ комиссіи о центрѣ.—За мѣсяцъ.

Изъ русскихъ журналовъ.

Январь. «Вѣстникъ Европы»—ноябрь—декабрь; «Русская Мысль» ноябрь; «Русское Богатство»—ноябрь.

Февраль. «Русская Старина»—январь; «Вопросы Философіи и Психологіи»—сентябрь—декабрь; «Русская Мысль»—декабрь.

Мартъ. «Русская Мысль»—январь; «Журналъ для всѣхъ»—мартъ; «Русская Старина»—февраль.

Апрѣль. «Русское Богатство»—февраль; «Вѣстникъ Воспитанія»—январь; «Вѣстникъ Европы»—мартъ; «Образованіе»—мартъ.

Май. «Русское Богатство»—мартъ; «Русская Мысль»—мартъ; «Русская Старина»—апрѣль.

Іюнь. «Вѣстникъ Знанія», №№ 1 и 2; «Историческій Вѣстникъ», № 1; «Вѣстникъ Европы» № 5.

Іюль. «Русская Старина»—май; «Русское Богатство»—апрѣль; «Русская Мысль»—апрѣль.

Августъ. Русская Старина»—іюнь; «Вѣстникъ Европы»—іюль; «Русское Богатство»—май.

Сентябрь. «Образованіе»—апрѣль—іюль; «Вѣстникъ Европы»—іюль; «Русская Мысль»—іюль.

Октябрь. «Историческій Вѣстникъ»—сентябрь; «Вѣстникъ Европы»—сентябрь; «Русская Мысль»—августъ.

Ноябрь. «Вѣстникъ Европы»—октябрь; «Русское Богатство»—августъ—сентябрь; «Русская Старина»—октябрь.

Декабрь. «Образованіе» іюль—октябрь; «Русское Богатство»—октябрь; «Вѣстникъ Европы»—ноябрь.

За границей.

Январь. Въ Скандинавскихъ странахъ.—Университеты и національности въ Австріи.—Дома для рабочихъ.—Американскій парламентъ.—Соціальный музей.—Судъ для дѣтей.—Хлѣбный вопросъ въ германскомъ рейхстагѣ.—Рѣчи императора Вильгельма.—Среди бездомныхъ милліоннаго города.

Февраль. Кризисъ германскаго либерализма.—Германскія женщины и законъ объ ассоціаціяхъ.—Общественная и политическая жизнь въ Англіи.—Конгрессъ ученыхъ въ Родезіи.—Американскіе промышленные синдикаты (трѣсты).—Академія Гонкура.—Памятникъ Ренану.—Таинственная болѣзнь.

Мартъ. Германская общественная и политическая жизнь.—Рабочій вопросъ въ Южной Африкѣ.—Передѣлка романа гр. Толстого «Воскресеніе» на англійской сценѣ.—Промышленные короли въ Америкѣ.—Новое учрежденіе Карнеджи.—Ярмарка дѣвушекъ въ Венгріи.—Монастырскіе порядки.

Апрѣль. Положеніе консервативной партіи въ Англіи.—Упадокъ земледѣльческой Англіи.—Протестъ противъ театральной цензуры.—Профессоръ Гарнакъ и императоръ Вильгельмъ.—Изъ области женскаго движенія.—Школа совмѣстнаго воспитанія мальчиковъ и дѣвочекъ въ Швеціи.

Май. Негры въ Соединенныхъ Штатахъ.—Будущее американской расы.—Въ Англіи.—Коммиссія Мозелли.—Албанцы и ихъ литература.—Германскія женщины и выборы въ рейхстагъ.—Броженіе въ южно-американскихъ республикахъ.—Рѣдкое явленіе.

Іюнь. Германскіе дѣла: закрытіе рейхстага и начало избирательнаго періода.—Театральная цензура.—Ирландскій билль.—Рѣчь Карнеджи о проблемахъ промышленности.—Лондонскія картинки.—Новое примѣненіе доктрины Монроё.—Демократія въ американскихъ университетахъ.

Іюль. Государственный переворотъ въ Бѣлградѣ.—Администрація и порядки въ Турціи.—Среди безработныхъ въ Берлинѣ.—Слѣдственная коммиссія въ Соединенныхъ Штатахъ.

Августъ. Выборы въ германскій рейхстагъ.—Общественная жизнь Германіи.—Негритянская проблема въ Соединенныхъ Штатахъ и президентъ Рузвельтъ.—Смерть папы Льва XIII.—Организація международнаго обмѣна дѣтей.—Народные образовательные курсы въ Вѣнѣ и союзъ австрійскихъ женщинъ.—Самая сѣверная желѣзная дорога.

Сентябрь. Балканская смута.—Въ Англіи.—Чэмберленъ и его проектъ.—Мѣры противъ иммиграціи иностранцевъ.—Смерть лорда Салисбюри.—Въ берлинской народной школѣ.—Новыя общины.—Европа и китайскіе журналисты.

Октябрь. На Балканахъ. — Македонскій герой. — Отставка Чэмберлена.—Англійскіе статистическіе отчеты. — Дѣловой духъ въ англійскомъ обществѣ.—Парламентъ ученыхъ.—Общественные и политическіе вопросы въ Германіи: борьба партій, конгрессы.—Австрійскіе выборы.—Народные университеты въ Швеціи.

Ноябрь. Темныя точки на европейскомъ горизонтѣ.—Венгерскій кризисъ.—Культуркампфъ во Франціи. — Феминизмъ въ политико-экономическомъ обществѣ.—Въ Германіи.—Боснійскій Мазаніелло.—Феминизмъ въ Германіи и др. мѣстахъ.

Декабрь. Отмѣна закона Фаллу во Франціи.—Чэмберленовская кампанія въ Англіи.—Выборъ какъ указатель общественнаго настроенія.—Новая республика.—Литературно-военный процессъ въ Германіи.—Смерть Моммзена.—Премія Нобеля —Южно-африканская проблема.—Парламентъ и женское движеніе въ Швеціи.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Январь. Бѣгство изъ прусскаго плѣна. — Первая защитница правъ женщины. — Международная лига противъ дуэли. — Турція и будущее ислама.

Февраль Европейское мнѣніе о французской печати.—Критика англійскаго общества.—Религія убійства.

Мартъ. Женскій трудъ и феминизмъ. — Польза и вредъ алкоголя; его противники и защитники среди ученыхъ. — Уцѣлѣетъ ли Австрія въ своемъ теперешнемъ видѣ?—Американскія работницы.

Апрѣль. Фламандская литература.— Погребенный городъ въ пескахъ пустыни и покинутый городъ въ Индіи.—Императоръ Вильгельмъ съ психологической точки зрѣнія. — Турецкій султанъ и его докладчикъ.

Май. Душа хирурга. — Реакція противъ имперіализма въ Англіи.—Взаимныя отношенія балканскихъ народностей.

Іюнь. Шекспиръ на японской сценѣ. — Положеніе артистическаго пролетаріата въ Германіи.—Англійская герцогиня въ Уайтъ-Чэпелѣ.—Жилищный вопросъ въ Европѣ.

Іюль. Французскій критикъ о русскомъ художникѣ Шмельковѣ. — Физическое воспитаніе въ университетахъ.—Усиленіе дѣтской преступности во Франціи и борьба съ нею. — Изслѣдованія американскаго бюро воспитанія.—Статья Пикара о дѣлѣ Дрейфуса.

Августъ. Въ защиту сербскаго народа.—Ибсенъ на званомъ обѣдѣ.—Ирландскій вопросъ и британскій имперіализмъ.

Сентябрь. Бюро даровыхъ юридическихъ консультацій для женщинъ.—Негритянская проблема.—Президентъ Рузвельтъ.

Октябрь. Болѣзни народовъ.—Таинственныя исчезновенія людей въ Лондонѣ.—Англійскіе журналы о македонскомъ вопросѣ.

Ноябрь. Дѣло Дрейфуса и французская литература.—Кризисъ на

французскомъ книжномъ рынкѣ.—Взглядъ геолога на войну.—Женское избирательное право въ Новой Зеландіи.

Декабрь. Воспоминанія о Ренанѣ.—Въ Балканскомъ аду.—Жизнь въ новой Зеландіи.—Въ странѣ золота.—Умственный пролетаріатъ во Франціи и въ Германіи.

Научный фельетонъ.

Январь. Энергетическая натуръ-философія *В. Агафонова.*

Февраль. Радіоактивность матеріи, *В. Агафонова.*

Мартъ. Дѣйствіе различныхъ лучей на организмы,—Измѣняемость видовыхъ признаковъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ воздѣйствій. Неорганическая искусственная протоплазма, *В. Агафонова.*

Апрѣль. I. Вселенная—организмъ и «новые лучи». Золото и фарфоръ въ метеоритахъ. II. Успѣхи техники: безпроволочное телеграфированіе черезъ океанъ; кататипія, *В. Агафонова.*

Май. Пыльный дождь 21—22 февраля (нов. ст); роль пыли въ жизни земли и человѣка, *В. Агафонова.*

Іюнь. О природѣ человѣка и о «сущности» жизни, *В. Агафонова.*

Іюль. О природѣ человѣка и о «сущности» жизни (продолженіе), *В. Агафонова.*

Августъ. О «сущности» жизни (окончаніе), *В. Агафонова.*

Сентябрь. Славяне и ихъ физическая эволюція пр.-доцента *Р. Вейнберга.*

Октябрь. О вліяніи нѣкоторыхъ астрономическихъ факторовъ на метереологическія явленія.—О круговоротѣ атмосферы и объ обмѣнѣ теплоты на земномъ шарѣ.—О вращеніи.—О температурѣ звѣздъ и о размѣрахъ вселенной.—О твердомъ фторѣ, *В. Агафонова.*

Ноябрь. Новое о радіоактивности, *В. Агафонова.*

Декабрь. I. Научная метеорологія и игра въ орлянку. II. О вліяніи высокихъ давленій на микроорганизмы. В. Докучаевъ (некрологъ). *В. Агафонова.*

Корреспонденціи и текущія замѣтки.

Февраль. Столѣтіе дерптскаго университета (1802—1902). (Докладъ, читанный въ кіевскомъ санитарномъ обществѣ 17-го дек. 1902 г.), д-ра мед. *В. О. Демича.*

— Малорусскій университетъ во Львовѣ, *М. Славинскаго.*

Мартъ. Письмо Георга Брандеса (по поводу статьи д-ра Жбанкова), сообщ. *В. Спасская.*

Май. Отмѣна круговой поруки, *Ник. Іорданскаго.*

— Въ старомъ Пекинѣ (письмо первое), *В. В. Корсакова.*

Іюнь. Туманности, *К. Покровскаго.*

Іюль. Къ пятидесятилѣтію дѣятельности А. Н. Пыпина (1853—1903 г.) *П. Щеголева.*

Августъ. Объ организаціи лекцій въ провинціальныхъ городахъ, *Н. Граціанова.*

— Въ старомъ Пекинѣ (письмо второе), *В. В. Корсакова.*

Сентябрь. Постоянная выставка по охранѣ здоровья и жизни рабочихъ въ Берлинѣ (Ständige Ausstellung für Arbeiterwohlfahrt). *П. Ш—ва.*

— Письмо въ редакцію *С. Степанова.*

Октябрь. Второй бальнеологическій съѣздъ въ Пятигорскѣ, врача *В. И. Бинштока.*

— «Изъ быта деревни». *Н. Іорданскаго.*

— «Палата труда» въ Миланѣ *С. К.*

Ноябрь. Письмо изъ Китая, *В. Корсакова.*

— Общество вспомоществованія приказчиковъ въ Москвѣ.

Декабрь. «Женскій свободный университетъ». *Ѳ. Батюшкова.*

— Земскій учитель въ Лохвицкомъ уѣздѣ. (Письмо изъ Лохвицы). *М. Туганъ-Барановскій.*

— «Добрый починъ». *Е. Е.—ва.*

☞ **При каждомъ № „НИВЫ“**, независимо отъ другихъ приложеній, **подписчики получатъ по одной книгѣ.** ☜

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1904 ГОДЪ
(35-й годъ изданія)
на еженедѣльн. иллюстрирован.
ЖУРНАЛЪ
со многими приложеніями

НИВА

Гг. подписчики „НИВЫ“ получатъ въ теченіе **1904** года:

52 **№№** художественно-литературнаго журнала „НИВА“, заключающаго въ себѣ въ теченіе года до 2000 столбцовъ текста и 1100 гравюръ, рисунковъ и художественныхъ снимковъ.

40 **КНИГЪ** „Сборника Нивы“ (каждая отъ 10—15 листовъ, а въ общемъ около 9.000 страницъ), отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ, на хорошо глазированной бумагѣ и содержащихъ:

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
ПЕРВЫЯ
20 КНИГЪ А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА
(Цѣна въ отдѣльной продажѣ съ перес. **27 руб.**)
Подъ редакціей и со вступительною статьею **А. М. Скабичевскаго.**

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ
16 КНИГАХЪ ГЕНРИХА ГЕЙНЕ
(Цѣна въ отдѣльной продажѣ съ перес. **15 руб.**).
Подъ редакціей и съ біографическимъ очеркомъ **П. И. Вейнберга.**

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ
4 КНИГАХЪ И. Ф. ГОРБУНОВА
(Цѣна въ отдѣльной продажѣ съ перес. **4 р. 50 к.**).
Подъ редакціей и съ обширнымъ вступительнымъ очеркомъ **А. Ф. Кони.**

12 книгъ **„Ежемѣсячныхъ литературныхъ и популярно-научныхъ Приложеній“**, содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ и отдѣлы библіографіи, музыки, смѣси, шахматовъ и шашекъ, спорта и разн. игръ. До 2000 столбц. текста съ иллюстр.

12 **№№** „Парижскихъ Модъ“. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на разнообразные вопросы подписчиковъ.

12 **ЛИСТОВЪ** рисунковъ (около 300) для рукодѣльныхъ, выпильныхъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

1 „ОТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на **1904** годъ, отпечатанный въ 9 красокъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями на годъ:

въ С.-Петербургѣ { безъ доставки — **6 р. 50 к.** / съ доставкой — **7 р. 50 к.**
Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской — 7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образованіе“ — 7 р. 50 к.

Съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи . . . . 8 р.
За границу — **12 р.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА ВЪ 2, 3 и 4 СРОКА.
Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается безплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, Контора журн. „НИВА“ (А. Ф. Марксу), ул. Гоголя, № 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ БИБЛІОТЕКУ НИВЫ“ НА 1904-Й Г.,

ВЪ СОСТАВЪ КОТОРОЙ ВОЙДЕТЪ:

БОЛЬШОЙ ВСЕМІРНЫЙ НАСТОЛЬНЫЙ АТЛАСЪ МАРКСА

подъ ред. **проф. Э. Ю. ПЕТРИ и Ю. М. ШОКАЛЬСКАГО.**

62 главныхъ и 148 дополнительныхъ картъ на 53 большихъ двойныхъ таблицахъ in folio (подъ №№ 1—60).

Выходитъ 12-ю ежемѣс. выпусками, съ приложеніемъ пояснительнаго текста къ 8 картамъ по климатологіи, составленнаго профессорами В. Бебберомъ и В. Кеппеномъ, и при послѣднемъ 12 выпускѣ— полнаго алфавитнаго указателя, содержащаго около 250.000 географич. названій, помѣщенныхъ въ атласѣ, съ обозначеніемъ мѣста нахожденія каждаго названія.

„Безъ географіи человѣкъ подобенъ кроту“. Географическія познанія особенно необходимы теперь, когда политическія и экономическія связи между государствами и народами скрѣпляются все тѣснѣе, когда изобрѣтательный умъ человѣка сближаетъ самыя отдаленныя разстоянія. Каждый интеллигентный человѣкъ, желающій сознательно участвовать въ общей культурной жизни всего міра и проявляющій интересъ къ ней хотя бы чтеніемъ газетъ,—долженъ, чтобы ориентироваться среди совершающихся вокругъ него событій, — имѣть къ тому подспорье въ видѣ полнаго географическаго атласа.

Въ Западной Европѣ давно имѣются большіе настольные географическіе атласы, выдающіеся богатствомъ, полнотой и точностью свѣдѣній; у насъ же, въ Россіи, до сихъ поръ нѣтъ ни одного подобнаго атласа, что и подвигнуло насъ предпринять изданіе БОЛЬШОГО ВСЕМІРНАГО НАСТОЛЬНАГО АТЛАСА. Это оказалось очень труднымъ дѣломъ. Потребовалось много лѣтъ неустанныхъ трудовъ и заботъ, пришлось затратить огромныя средства, прежде чѣмъ мы увидѣли результаты своихъ трудовъ.

Особенно важно каждому русскому человѣку имѣть возможность подробно, до мелочей, ознакомиться съ географическимъ положеніемъ своей родины. И вотъ, надъ чѣмъ особенно пришлось поработать и чѣмъ мы можемъ по справедливости гордиться, это—картой Европейской Россіи, составленной изъ 16 громадныхъ листовъ; благодаря ея огромнымъ размѣрамъ оказалось возможнымъ обозначить на ней самые мелкіе мѣста и пункты, какъ напримѣръ: мѣстечки, слободы, села, деревни, форты, сторожевые посты, колодцы, водопады, болота, пороги, подводные камни, соляныя и прѣсноводныя озера, минеральные источники и курорты, каналы, маяки, курганы, рудники и золотые пріиски, таможни, ярмарки, монастыри, церкви, мечети, желѣзныя, почтовыя, шоссейныя и проселочныя дороги, перевалы, гавани и пароходныя пристани, почтовыя и телеграфныя станціи, пароходныя линіи, телеграфныя и телефонныя линіи и т. д. Все это обозначено въ высшей степени ясно и разборчиво.

Въ нашемъ „ВСЕМІРНОМЪ НАСТОЛЬНОМЪ АТЛАСѢ“, помимо соблюденія строжайшей точности, добытой цѣною большихъ усилій и тщательныхъ изысканій, среди разбросанныхъ у насъ географическихъ матеріаловъ, мы озаботились какъ можно болѣе облегчить отысканіе на картахъ нужныхъ названій посредствомъ обозначенныхъ въ рамкѣ каждой карты цифръ и буквъ, точно указанныхъ при каждомъ названіи въ спеціально составленномъ алфавитномъ указателѣ, содержащемъ около 250.000 названій и представляющемъ собою цѣлый географическій словарь. Благодаря этому, найти любое географическое названіе въ атласѣ—дѣло одной минуты.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на все изданіе въ 12-ти выпускахъ, по одному въ мѣсяцъ:

Безъ доставки: 1) **въ С.-Петербургѣ** — 12 руб., 2) **въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Н. Печковской** (Петровскія линіи) и 3) **въ Одессѣ, въ книжн. магазинѣ «Образованіе»** (Ришельевская, № 12) — 13 руб.

Съ дост. въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи — **14 р.**

Съ пересылкою за границу — 16 руб.

Разсрочка платежа въ 2, 3, 4 и 6 сроковъ.

Для лицъ, не подписавшихся, цѣна атласа въ отдѣльной продажѣ будетъ значительно повышена.

Для ознакомленія съ изданіемъ, **ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ ПРОДАЕТСЯ ОТДѢЛЬНО и высылается иногороднымъ за ОДИНЪ РУБЛЬ** (можно **ПОЧТОВЫМИ МАРКАМИ въ заказномъ письмѣ**), который засчитывается при подпискѣ на все изданіе.

Требованія и деньги адресовать: **въ Контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.**

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

(41-й годъ изданія).

ПОДПИСКА на 1904 г.

Въ Москвѣ		На города		За границу	
съ доставкой:		съ пересылкой:		съ пересылкой:	
на 12 мѣсяцевъ	10 р. —к.	на 12 мѣсяцевъ	11 р. —к.	на 12 мѣсяцевъ	18 р. —к.
» 6 »	5 » 50 »	» 6 »	6 » — »	» 6 »	9 » — »
» 3 »	3 » — »	» 3 »	3 » 50 »	» 3 »	4 » 80 »
» 1 »	1 » — »	» 1 »	1 » 20 »	» 1 »	1 » 90 »

«Русскія Вѣдомости» выходятъ ежедневно листами большого формата съ приложеніемъ по мѣрѣ надобности добавочныхъ листовъ.

Для гг. подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка, при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины:

Для иногородныхъ: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му іюня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 руб., къ 1-му марта 3 руб. и къ 1-му августа 3 руб.; в) при подпискѣ 3 руб., къ 1-му марта 3 р., къ 1-му іюня 3 р., къ 1-му сентября 2 р.

Для городскихъ: при подпискѣ 3 р., къ 1-му марта 3 р., къ 1-му іюля 2 р., къ 1-му октября 2 р. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ, дальнѣйшая высылка газеты пріостанавливается.

Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, сельскихъ священниковъ, учителей и учительницъ городскихъ и сельскихъ школъ въ Москвѣ съ доставкой на 1 мѣс. 85 коп., въ другіе города съ пересылкой на 1 мѣс. 1 руб., при условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты.

Гг. служащіе въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ при подпискѣ на годъ, черезъ посредство и за поручительствомъ казначеевъ, потребительныхъ обществъ или земскихъ книжныхъ складовъ, могутъ вносить подписную плату помѣсячно не менѣе рубля въ мѣсяцъ впередъ.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ **въ Москву**, въ контору «Русскихъ Вѣдомостей»—Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Подписной годъ начинается 6 декабря 1903 г.

Открыта подписка на 1904 годъ (II-й годъ изданія)

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ.

ПРИРОДА И ЖИЗНЬ.

въ годъ за 12 книгъ **1 р.** съ пересылкой.

въ годъ **3 р.** за 12 книгъ и 52 №№ журнала съ перес. РАЗСРОЧКА по 1 р.

Журналъ художественно-литературный, общественно-исторический и популярно-научный.

Въ **ЛИТЕРАТУРНОМЪ ОТДѢЛѢ** принимаютъ участіе: М. Н. Альбовъ, К. С. Баранцевичъ, П. В. Быковъ, А. Н. Будищевъ, А. А. Измайловъ, В. С. Лихачовъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Д. Л. Мордовцевъ, Н. И. Позняковъ, И. Н. Потапенко, и мн. др.

Въ **НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМЪ ОТДѢЛѢ** сотрудничаютъ: проф. С. П. Глазенапъ (астрономія),

прив.-доц. Н. П. Адамовъ (сельское хозяйство), прив.-доц. докторъ-зоологіи В. А. Вагнеръ, проф. П. А. Земятченскій (минералогія), прив.-доц. В. М. Грибовскій (исторія права), Г. Е. Грумъ-Гржимайло (географія и собств. путешествія), прив.-доц. А. Г. Генкель (ботаника), проф. Н. Д. Кашкинъ, прив.-доц. Д. А. Коропчевскій (антропологія и народовѣдѣніе), проф. А. А. Кулябко (біологія), проф. П. Ф. Лесгафтъ (анатомія и физіологія), прив.-доц. д-ръ медицины В. А. Левашевъ (гигіена), М. Н. Михайловскій (собств. путешествія), проф. Г. А. Надсонъ (ботаника), проф. А. М. Никольскій (зоологія), прив.-доц. Г. Г. фонъ-Петцъ (геологія), проф. Н. В. Покровскій (археологія), прив.-доц. К. Д. Покровскій (астрономія), прив.-доц. В. К. Полѣновъ, (геологія), проф. Л. А. Саккети (эстетика и исторія музыки), проф. В. В. Сапожниковъ (ботаника и собств. путешествія), проф. С. М. Середонинъ (исторія), проф. В. В. Скобельцынъ (физика), прив.-доц. Г. И. Танфильевъ (ботаника), проф. В. М. Шимкевичъ (зоологія), П. Ю. Шмидтъ (собств. путешествія), Ю. М. Шокальскій (географія и физич. географія), Г. Г. Якобсонъ (энтомологія) и мн. др.

Въ ближайшихъ №№ БУДУТЪ НАПЕЧАТАНЫ: повѣсти и разсказы—К. С. Баранцевича, А. Н. Будищева («Пикаръ и Эльза»), Д. Н. Мамина-Сибиряка («Макарка» и др.), Н. И. Познякова («Обида», «Мать и дочь» и др.), И. Н. Потапенко и м. др.; путешествія и путевые очерки,—Н. Березина. Нд. Каракашъ, В. Селаври и др.), В. Соловьева и мн. др. Изъ области искусства—статьи проф. Н. Д. Кашкина. проф. Л. А. Саккетти и др. Критика исторія литературы—статьи П. В. Быкова. С. П. Григорьева, А. Налимова и др. Изъ внутренней жизни—статьи Сергѣя Соломина, И. С. Соколова и др. Заграничная жизнь—П. Борисова и мн. др. Изъ области естествознанія и гуманитарныхъ наукъ—очерки и статьи указанныхъ выше профессоровъ и приватъ-доцентовъ.

Естественно-научный отдѣлъ выходитъ подъ редакціей проф. А. М. Никольскаго.

12 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ КНИГЪ ВЪ ГОДЪ И **52** №№ ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА.

Не появлявшіяся въ печати литературныя произведенія русскихъ писателей. Историческая беллетристика. Стихотворенія. Очерки изъ исторіи и исторіи литературы—русской и всеобщей. Критическіе очерки. Искусство, театръ и музыка. Всестороннее ознакомленіе съ Россіей, ея жизнью, нравами и обычаями, ея настоящимъ и прошлымъ. Этнографическіе очерки. Записки и воспоминанія. Художественная промышленность. Ознакомленіе со всей природой, съ жизнью земли, ея обитателями и произведеніями, съ окружающими ее небесными мірами. Научныя новости. Изъ сельско-хозяйственной области. Библіографія. Политическое обозрѣніе. Внутреннее обозрѣніе.

Отдѣлъ отвѣтовъ на юридическіе вопросы подписчиковъ—подъ редакціей прис. пов. М. К. Адамова и В. Н. Новикова.

Вопросы САМООБРАЗОВАНІЯ

Правда научная и правда жизненная, любовь къ природѣ, родинѣ, человѣку и всякому живому существу—основы журнала.

Изложеніе — вполнѣ доступное для всѣхъ; художественныя иллюстраціи и рисунки.

Цѣна на годъ съ пересылкой: **ОДИНЪ р.** за 12 книгъ. **ТРИ р.** за 12 книгъ и 52 №№ журнала. Разсрочка по 1 р.. а) при подпискѣ, б) къ 1-му февраля и в) къ 1-му апрѣля

Редакція и контора журнала «ПРИРОДА и ЖИЗНЬ»: С.-Петербургъ, Преображенская ул., д. 42 (1-й подъѣздъ отъ Кирочной ул.)

Редакторъ-издатель Н. П. Дучинскій.

Книгоиздательство П. П. ГЕРШУНИНА и Ко.

С.-Петербургъ, Николаевская, 8.

ОТКРЫВАЕТСЯ ПОДПИСКА НА РЯДЪ НИЖЕСЛѢДУЮЩИХЪ КНИГЪ

подъ общимъ названіемъ

Великія реформы 60 гг. въ ихъ прошломъ и настоящемъ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

І. В. Гессена. и пр.-доц. А. И. Каминка.

Великія реформы 60-хъ годовъ коренным образомъ измѣнили весь строй нашей общественной жизни и, пріобщивъ Россію къ западно-европейской культурѣ, властно и навсегда опредѣлили путь гражданственности, по которому должно совершаться ея дальнѣйшее развитіе. До сихъ поръ реформы эти являются для однихъ предметомъ восторженнаго поклоненія, для другихъ объектомъ самыхъ рѣзкихъ нападокъ. Это обстоятельство существенно мѣшало заняться анализомъ общественныхъ условій, среди которыхъ реформы созидались и осуществлялись, выяснить, насколько онѣ соотвѣтствовали общественному сознанію и ожиданіямъ, и чѣмъ вызывались существенныя измѣненія, которымъ всѣ эти реформы подвергались впослѣдствіи. Пополнить этотъ пробѣлъ, вотъ что составляетъ задачу настоящаго изданія и задача эта выходитъ далеко за предѣлъ историческаго интереса: въ настоящее время, когда мы стоимъ наканунѣ возвѣщеннаго правительствомъ обновленія различныхъ сторонъ нашей государственной жизни, является необходимость дать отчетъ въ томъ, что осталось намъ отъ прогрессивной эпохи, собрать уцѣлѣвшіе обломки и опредѣлить, какіе изъ нихъ должны быть положены въ фундаментъ предстоящей постройки. Съ этою цѣлью мы намѣрены дать рядъ отдѣльныхъ выпусковъ (въ 10—15 лл. каждый), посвященныхъ наиболѣе крупнымъ реформамъ царствованія Александра II.

Сюда войдутъ:

1) В. А. Мякотинъ. Общее введеніе.
2) И. М. Страховскій. Крестьянскія реформы.
3) Н. И. Іорданскій. Земское положеніе.
4) Н. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Отмѣна тѣлеснаго наказанія.
5) К. К. Арсеньевъ. Законодательство о печати.
6) П. Н. Милюковъ. Университетскія реформы.
7) Н. Ф. Анненскій. Финансовыя реформы.
8) Г. И. Шрейдеръ. Городскія реформы.
9) І. В. Гессенъ. Судебныя реформы.

На всѣ эти книги открыта подписка. Цѣна по подпискѣ на все изданіе 6 руб. безъ пересылки, съ пересылкой 7 руб. 50 к. По отпечатаніи каждый выпускъ, составляющій отдѣльное цѣлое, поступитъ въ продажу отдѣльно по цѣнѣ отъ 75 коп. до 1 руб. 25 коп. за каждый.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПО СОГЛАШЕНІЮ.

Подписка принимается въ юридическомъ книжномъ магазинѣ «ПРАВО», Спб., Загородный пр., 2.

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ:

К. К. Арсеньевъ. „Законодательство о печати". Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

THIS BOOK IS DUE ON THE LAST DATE
STAMPED BELOW

ICLF (N)

MAR 12 1925

APR 3 1925

MAR 25 1930

FEB 21 1987

AUTO. DISC. JAN 27 '87

30m-1,'15

YD 13006
GENERAL LIBRARY - U.C. BERKELEY
B000884203